

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

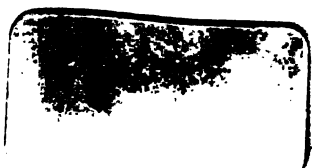
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855849 5

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩЕГОСЯ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 1-я.

ЯНВАРЬ. 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 1-я. — ЯНУАРИЙ, 1872.

- I. — ВЕШНЯЯ ВОДА. — Повѣсть. — **Ив. С. Тургенева**.
- II. — ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИИ. — I-II. — **К. М. Левашина**.
- III. — ЧТО СЪ НЕЙ? — Стих. **Я. П. Полонскаго**.
- IV. — МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ МАСОНСКИХЪ ЛОЖЪ. — I. Розенкрейцеры. — II. Афинское Обществѣ «Новаго Израиля». — **А. П. Пыпина**.
- V. — ОБЪ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ОБУЧЕНІЯ ВЪ РОССИИ. — Бар. **П. А. Корфа**.
- VI. — ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ЭКОНОМИИ. — **Ю. Г. Жуковскаго**.
- VII. — ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ. — 1861-1871. — Статья девятая. — Законъ о печати и провинціальная печать. — **Г.**
- VIII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Московская печать о судебной реформѣ. — Вторая сессія финляндскаго сейма и предстоящіе ей труды. — Новость въ дѣлѣ начального образованія. — Льготная отмінна адресныхъ билетовъ. — Новая постановленія о почтѣ. — Новое училище рабочихъ и ихъ дѣтей. — Женское первоначальное училище **Н. И. Захаровой** и его учебный планъ.
- IX. — ЗАМѢТКА по поводу новой Инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ. — **Т.**
- X. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Возобновленіе сессіи во Франціи. — Посланіе президента. — Орлеанскіе принцы. — Законъ объ арміи. — Законъ объ ученіи. — Бюджетъ. — Закрытіе германскаго и открытіе прусскаго сеймовъ. — Уменьшеніе налоговъ. — Циркуляръ графа Андраши. — Выборы въ Австрію. — Открытіе австрійскаго рейхсрата. — Первая сессія итальянскаго парламента въ Римѣ. — Бюджетъ министра Селли. — Новое министерство въ Испаніи. — Открытіе сессіи сѣверо-американскаго конгресса.
- XI. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ. — Итальянскіе реакціонеры и клерикалы. — **D. G.**
- XII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Тьерсъ и Національное собраніе. — **Н.**
- XIII. — НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Литература мемуаровъ. — Деятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый **П. Бартевскимъ**. Книга первая.
- XIV. — НОВЫЯ КНИГИ. — Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ, въ переводахъ русскихъ писателей, **В. Н. Гербеля**. — Библіотека современныхъ писателей: Глѣбъ Успенскій — Разоренье; Нравы Растеряевой улицы; Очерки и Разказы. — **Ал.** — Русскій Календарь на 1872 годъ, **А. Суворина**. — Техническій Календарь на 1872 г., **Н. М. Вихеле**. — **Д-б-ъ**.
- XV. — ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. — Податная сила Новгородской губерніи. — **М. Прокофьева**.
- XVI. — ОБЪЯСНЕНІЕ. — По требованію министерства народн. просвѣщенія. — **Сообщено**.
- XVII. — КОРОТКІЙ ОТВѢТЪ «Московскимъ Вѣдомостямъ». — **А.**
- XVIII. — ИЗВѢСТІЯ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: Засѣданія Комитета 11, 25 октября и 7 ноября, и Общее собраніе членовъ Общества 7 ноября.
- XIX. — ОТЪ РЕДАКЦИИ. — Поправка къ Некрологу **Н. И. Тургенева**.
- XX. — БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I-VIII стр.

ОВЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1872-мъ году.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, будетъ, въ слѣдующемъ 1872-мъ году, издаваться въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

1) БЕЗЪ ДОСТАВКИ.

15 рублѣй—въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

Р. 50 к.—въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адресѣ, покорно просить подавать въ упомянутыя мѣста свой адресъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и номеръ дома и квартиры.

3) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

16 р. 50 к.—высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію «Вѣстника Европы»—въ С.-Петербургъ, Галерная, 20—* для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА-ГРАНИЦУ.

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. Ѳ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ Германію и Австрію—18 руб.; въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія княжества—19 руб.; во Францію и Данію—20 руб.; Англію, Швецію, Испанію,

Португалію, Турцію и Грецію—21 руб.; въ Швейцарію—22 руб.; въ Италію—23 рубля.

Примѣчаніе. Заграничные адреса доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ *Финляндіи* слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырѣзанный изъ книгъ редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его нумера, редакция отпечатаетъ безусловно за свою Контору.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

1. Редакція покорно проситъ, при доставленіи адреса, если подписчикъ живетъ не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, прежде всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, въ которой *допускается раздача журналовъ и газетъ*, съ указаніемъ, какой она губерніи и уѣзда, и за тѣмъ свое мѣстожителство.

2. Переимѣна адреса должна отправляться въ редакцію, смотря по разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не позже какъ наканунѣ выхода книги (т. е. наканунѣ всякаго перваго числа мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣстить редакцію заблаговременно, просить сообщать предъ выѣздомъ свой новый адресъ, для ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ тоже время извѣстить редакцію о переимѣнѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просить, на основаніи нижепомѣщенного распоряженія Почтоваго Департамента, сообщать въ редакцію жалобу, засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой Конторѣ, *никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала*. Въ такомъ случаѣ редакція высылаетъ вторично экземпляръ съ первою почтою, не ожидая конца слѣдствія о потерѣ перваго экземпляра.

4. Желающіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе журнала прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп.

ОТЪ ПОЧТОВАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

Для предоставленія Почтовому Вѣдомству возможности *удовлетворять жалобы* подписчиковъ на русскія періодическія изданія о неполученіи какого-либо нумера сихъ изданій, Почтовый Департаментъ проситъ редакціи довести до свѣдѣнія своихъ подписчиковъ, чрезъ напечатаніе въ издаваемыхъ ими газетахъ и журналахъ, что заявленія о неполученіи подписчиками какого-либо нумера періодическаго изданія должны дѣлаться своевременно, т. е. *не позже какъ по полученіи слѣдующаго нумера*, подобно тому, какъ это установлено для заявленій о неполученіи газетъ и журналовъ иностранныхъ.

С.-Петербургъ. 1 января 1872 г.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ТРЕДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

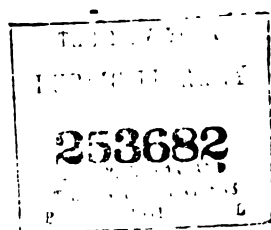
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

ВЕШНЯЯ ВОДА

П О В Ъ С Т Ъ

«Веселые годы,
«Счастливые дни—
«Какъ вешняя вода
«Прочтались они!»

(Изъ стариннаго романа.)

.....Часу во второмъ ночи онъ вернулся въ свой кабинетъ. Онъ выслалъ слугу, зажегшаго свѣчки — и, бросившись въ кресло около камина, закрылъ лицо обѣими руками.

Никогда еще онъ не чувствовалъ такой усталости — тѣлесной и душевной. Цѣлый вечеръ онъ провелъ съ пріятными дамами, съ образованными мужчинами; нѣкоторые изъ дамъ были красивы, почти всѣ мужчины отличались умомъ и талантами — самъ онъ бесѣдовалъ весьма успѣшно и даже блистательно... и совсѣмъ тѣмъ никогда еще то «*taedium vitae*», о которомъ говорили уже римляне, то «отвращеніе къ жизни» — съ такой неотразимой силой не овладѣвало имъ, не душило его. Будь онъ нѣсколько помоложе — онъ заплакалъ бы отъ тоски, отъ скуки, отъ раздраженія: горечь ѣдкая и жгучая, какъ горечь полыни, наполняла всю его душу. Что-то неотвѣзчиво-постылое, противно-тяжкое, со всѣхъ сторонъ обступило его, какъ осенняя, темная ночь; — и онъ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ этой темноты, отъ этой горечи. На сонъ нечего было разсчитывать: онъ зналъ, что онъ не заснетъ.

Онъ принялся размышлять... медленно, вяло и злобно.

Онъ размышлялъ о суетѣ, ненужности, о пошлой фальши всего человѣческаго. Всѣ возрасты постепенно проходили передъ его мысленнымъ взоромъ — (ему самому недавно минулъ 52-й годъ) — и ни одинъ не находилъ пощады передъ нимъ. Вездѣ все то же вѣчное переливаніе изъ пустого въ порожнее, то же толченіе воды, то же, на половину добросовѣстное, на половину сознательное самообольщеніе, — чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало — а тамъ вдругъ, ужъ точно какъ снѣгъ на голову, нагрянетъ старость — и вмѣстѣ съ нею тотъ постоянно-возрастающій, все развѣдающій и подтачивающій страхъ смерти.... и бухъ въ бездну! Хорошо еще, если такъ разыграется жизнь! — А то, пожалуй, передъ концомъ, пойдутъ, какъ ржа по желѣзу, немощи, страданія... Не бурными волнами покрытымъ, какъ описываютъ поэты, представлялось ему жизненное море: нѣтъ; — онъ воображалъ себѣ это море невозмутимо-гладкимъ, неподвижнымъ и прозрачнымъ до самаго темнаго дна; самъ онъ сидитъ въ маленькой, валекѣ лодкѣ — а тамъ, на этомъ темномъ, илистомъ днѣ, на подобіе громадныхъ рыбъ, едва виднѣются безобразныя чудища: всѣ житейскіе недуги, болѣзни, горести, безуміе, бѣдность, слѣпота... Онъ смотритъ: и вотъ одно изъ чудищъ выдѣляется изъ мрака, поднимается выше и выше, становится все явственнѣе, все отвратительно-явственнѣе... Еще минута — и перевернется подпертая имъ лодка! Но вотъ оно опять какъ будто тускнѣетъ, оно удаляется, опускается на дно — и лежитъ оно тамъ, чуть-чуть шевеля плёсомъ... Но день урочный придетъ — и повернетъ оно лодку.

Онъ тряхнулъ головою, вскочилъ съ кресла, раза два прошелся по комнатѣ, присѣлъ къ письменному столу и, выдвигая одинъ ящикъ за другимъ, сталъ рыться въ своихъ бумагахъ, въ старыхъ, большею частью женскихъ, письмахъ. Онъ самъ не зналъ, для чего онъ это дѣлалъ, онъ ничего не искалъ — онъ просто хотѣлъ какимъ-нибудь внѣшнимъ занятіемъ отдѣлаться отъ мыслей, его томившихъ. Развернувъ на удачу нѣсколько писемъ — (въ одномъ изъ нихъ оказался засохшій цвѣтокъ, перевязанный полинявшей ленточкой) — онъ только плечами пожалъ, и, глянувъ на каминъ, отбросилъ ихъ въ сторону, вѣроятно собираясь сжечь весь этотъ ненужный хламъ. Торопливо засовывая руки то въ одинъ, то въ другой ящикъ, онъ вдругъ широко раскрылъ глаза, и медленно вытащивъ наружу небольшую осьмиугольную коробку стариннаго покроя, медленно приподнявъ ея крышу. Въ коробкѣ, подъ двойнымъ слоемъ пожелтѣвшей хлопчатой бумаги, находился маленькій гранатовый крестикъ.

Нѣсколько мгновений съ недоумѣніемъ разсматривалъ онъ этотъ крестикъ—и вдругъ слабо вскрикнулъ... Не то сожалѣніе, не то радость изобразили его черты. Подобное выраженіе являетъ лицо человѣка, когда ему приходится внезапно встрѣтиться съ другимъ человѣкомъ, котораго онъ давно потерялъ изъ виду, котораго нѣжно любилъ когда-то, и который неожиданно возникаетъ теперь передъ его взоромъ, все тотъ же—и весь измѣненный годами.

Онъ всталъ—и, возвратясь къ камину, сѣлъ опять въ кресло—и опять закрылъ руками лицо... «Почему сегодня? именно сегодня?» думалось ему — и вспомнилъ онъ многое, давнопрощедшее.

Вотъ что вспомнилъ онъ...

Но нужно сперва сказать его имя, отчество и фамилію. Его звали Санинымъ, Дмитріемъ Павловичемъ.

Вотъ что онъ вспомнилъ:

I.

Дѣло было лѣтомъ 1840-го года. Санину минулъ 22-й годъ и онъ находился во Франкфуртѣ, на возвратномъ пути изъ Италіи въ Россію. Человѣкъ онъ былъ съ небольшимъ состояніемъ, но независимый, почти безсемейный. У него, по смерти отдаленнаго родственника, оказалось нѣсколько тысячъ рублей — и онъ рѣшился прожить ихъ за-границею, передъ поступленіемъ на службу, передъ окончательнымъ возложеніемъ на себя того казеннаго хомута, безъ котораго обезпеченное существованіе стало для него невысказаннымъ. Санинъ въ точности исполнилъ свое намѣреніе, и такъ искусно распорядился, что въ день прибытія во Франкфуртъ у него оказалось ровно столько денегъ, сколько нужно было для того, чтобы добраться до Петербурга. Въ 1840-мъ году желѣзныхъ дорогъ существовала самая малость; г-да туристы разѣзжались въ дилижансахъ. Санинъ взялъ мѣсто въ «бейвагенѣ», но дилижансъ отходилъ только въ 11-мъ часу вечера. Времени оставалось много. Къ счастью, погода стояла прекрасная — и Санинъ, пообедавъ въ знаменитой тогдашней гостинницѣ «Бѣлаго-Лебеда», отправился бродить по городу. Зашелъ посмотрѣть Даннекерову Аріадну, которая ему понравилась мало; посѣтилъ домъ Гёте, изъ сочиненій котораго онъ, впрочемъ, прочелъ одного Вертера—и то во французскомъ переводѣ; — погулялъ по берегу Майна, посмучалъ, какъ слѣдуетъ добропорядочному путешественнику; наконецъ, въ ше-

стомъ часу вечера, усталый, съ запыленными ногами, очутился въ одной изъ самыхъ незначительныхъ улицъ Франкфурта. Эту улицу онъ долго потомъ забыть не могъ. На одномъ изъ немногочисленныхъ ея домовъ онъ увидѣлъ вывѣску: «Итальянская кондитерская Джіованни Розелли» заявляла о себѣ прохожимъ. Санинъ зашелъ въ нее, чтобы выпить стаканъ лимонаду, но въ первой комнатѣ, гдѣ, за скромнымъ прилавкомъ, на полкахъ крашеннаго шкафа, напоминая аптеку, стояло нѣсколько бутылокъ съ золотыми ярлыками и столько же стеклянныхъ банокъ съ сухарями, шоколадными лепешками и леденцами — въ этой комнатѣ не было ни души; только сѣрый котъ жмурился и мурлыкалъ, перебирая лапками на высокомъ плетеномъ стулѣ возлѣ огня, — и ярко рдѣя въ косомъ лучѣ вечерняго солнца, большой клубокъ красной шерсти лежалъ на полу, рядомъ съ опрокинутой корзинкой изъ рѣзнаго дерева. Смутный шумъ слышался въ сосѣдней комнатѣ. Санинъ постоялъ — и давъ колокольчику на дверяхъ прозвонить до конца, произнесъ, возвысивъ голосъ: «Нивого здѣсь нѣтъ?» Въ то же мгновеніе дверь изъ сосѣдней комнаты растворилась — и Санину по-неволѣ пришлось изумиться.

II.

Въ кондитерскую, съ рассыпанными по обнаженнымъ плечамъ темными кудрями, съ протянутыми впередъ обнаженными руками, порывисто вбѣжала дѣвушка лѣтъ девятнадцати и увидѣвъ Санина, тотчасъ бросилась къ нему, схватила его за руку и повлекла за собою, приговаривая задыхавшимся голосомъ: «скорѣй, скорѣй, сюда, спасите!» Не изъ нежеланія повиноваться, а просто отъ избытка изумленія Санинъ не тотчасъ послѣдовалъ за дѣвушкой — и какъ бы уперся на мѣстѣ: онъ въ жизни не видывалъ подобной красавицы. Она обернулась къ нему — и съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ, во взглядѣ, въ движеніи сжатой руки, судорожно поднесенной къ блѣдной щекѣ, произнесла: «да идите же, идите!» — что онъ тотчасъ ринулся за нею въ раскрытую дверь.

Въ комнатѣ, куда онъ вбѣжалъ вслѣдъ за дѣвушкой, на старомодномъ диванѣ изъ конскаго волоса лежалъ весь бѣлый — бѣлый съ желтоватыми отливами какъ воскъ или какъ древній мраморъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, поразительно похожій на дѣвушку, очевидно ея братъ. Глаза его были закрыты, тѣнь отъ черныхъ густыхъ волосъ падала пятномъ на словно ока-

менѣйшій лобъ, на недвижныя тонкія брови; изъ-подъ посинѣвшихъ губъ виднѣлись стиснутые зубы. Казалось, онъ не дышалъ; — одна рука опустилась на полъ, другую онъ закинулъ за голову. Мальчикъ былъ одѣтъ и застегнутъ; тѣсный галстукъ сжималъ его шею.

Дѣвушка съ воплемъ бросилась къ нему. «Онъ умеръ, онъ умеръ! вскричала она; сейчасъ онъ тутъ сидѣлъ, говорилъ со мною — и вдругъ упалъ и сдѣлался недвижимъ... Боже мой! неужели нельзя помочь? И мамы нѣтъ! Панталеоне, Панталеоне, что же докторъ?» прибавила она вдругъ по-итальянски: — «Ты ходилъ за докторомъ?»

— Синьора, я не ходилъ, я послалъ Луизу, раздался хриплый голосъ за дверью — и въ комнату, ковыляя на кривыхъ ножкахъ, вошелъ маленькій старичокъ въ лиловомъ фракѣ съ черными пуговицами, высокомъ бѣломъ галстукѣ, нанковыхъ короткихъ панталонахъ и синихъ шерстяныхъ чулкахъ. Его крошечное личико совершенно исчезало подъ цѣлой громадой сѣдыхъ, желѣзнаго цвѣта волосъ. Со всѣхъ сторонъ круто вздымаясь къ верху и падая обратно растрепанными косицами, они придавали фигурѣ старичка сходство съ хохлатой курицей — сходство тѣмъ болѣе поразительное, что подъ ихъ темно-сѣрой массой только и можно было разобрать чѣ заостренный носъ да круглые желтые глаза.

— Луиза скорѣе сбѣгаетъ, а я не могу бѣгать, продолжалъ старичокъ по-итальянски, поочередно приподнимая плоскія, подагрическія ноги, обутыя въ высокіе башмаки съ бантиками, — а я вотъ воды принесъ.

Своими сухими, корявыми пальцами онъ стискивалъ длинное горлышко бутылки.

— Но Эмиль пока умереть! воскликнула дѣвушка и протянула руки къ Санину. — О мой господинъ, о mein Herr! — Неужели вы не можете помочь?

— Надо ему кровь пустить — это ударъ, замѣтилъ старичокъ, носившій имя Панталеоне.

Хотя Санинъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о медицинѣ, однако одно онъ зналъ достовѣрно: съ четырнадцатилѣтними мальчиками ударовъ не случается.

— Это обморокъ, а не ударъ, проговорилъ онъ, обратясь къ Панталеоне. — Есть у васъ щетки?

Старичокъ приподнял свое личико. — Что?

— Щетки, щетки, повторилъ Санинъ по-нѣмцеи и по-французски. — Щетки, прибавилъ онъ, показывая видъ, что чистить себѣ платье.

Старичокъ наконецъ его понялъ.

— А, щетки! Sprazzette! какъ не быть щетокъ!

— Давайте ихъ сюда; мы снимемъ съ него сюртукъ — и станемъ растирать его.

— Хорошо... Benone! А воду на голову не надо вылить?

— Нѣтъ... послѣ; ступайте теперь поскорѣй за щетками.

Панталеоне поставилъ бутылку на полъ, выбѣжалъ вонъ и тотчасъ вернулся съ двумя щетками, одной головной и одной платяной. Курчавый пудель сопровождалъ его и, усиленно вертя хвостомъ, съ любопытствомъ оглядывалъ старика, дѣвушку и даже Санина — какъ бы желая знать, что значила вся эта тревога?

Санинъ проворно снялъ сюртукъ съ лежавшаго мальчика, растегнулъ воротъ, засучилъ рукава его рубашки — и, вооружившись щеткой, началъ изо всѣхъ силъ тереть ему грудь и руки. Панталеоне такъ же усердно теръ другой — головной щеткой — по его сапогамъ и панталонамъ. Дѣвушка бросилась на колѣни возлѣ дивана и, схвативъ обѣими руками голову, не мигая ни одной вѣкою, такъ и впиалась въ лицо своему брату.

Санинъ самъ теръ, — а самъ искоса поглядывалъ на нее. Боже мой! какая же это была красавица!

III.

Носъ у ней былъ нѣсколько великъ, но красиваго, орлиного ладу, верхнюю губу чуть-чуть оттягивалъ пушокъ; за то цвѣтъ лица, ровный и матовый, ни дать ни взять слоновая кость или молочный янтарь; волнистый лоскъ волосъ, какъ у Аллоріевой Юдиенъ въ Палаццо-Питти — и особенно глаза, темно-сѣрые, съ черной каемкой вокругъ зеницъ, великолѣпные, торжествующіе глаза, — даже теперь, когда испугъ и горе омрачали ихъ блескъ..... Санину невольно вспомнился чудесный край, откуда онъ возвращался... Да онъ и въ Италіи не встрѣчалъ ничего подобнаго! Дѣвушка дышала рѣдко и неровно; казалось, она всякій разъ ждала, не начнетъ ли братъ ее дышать?

Санинъ продолжалъ растирать его; но онъ глядѣлъ не на одну дѣвушку. Оригинальная фигура Панталеоне также привлекала его вниманіе. Старикъ совсѣмъ ослабѣлъ и запыхался; при каждомъ ударѣ щеткой подпрыгивалъ и визгливо врихтѣлъ, а огромныя космы волосъ, смоченныя потомъ, грузно раскочи-

вались изъ стороны въ сторону, словно корни крупнаго растенія, подмытые водою.

— Снимите, по крайней мѣрѣ, съ него сапоги — хотѣлъ было сказать ему Санинъ...

Пудель, вѣроятно возбужденный необычайностью всего происходившаго, вдругъ припалъ на переднія лапы — и принялся лаять.

— Tartaglia—canaglia! зашипѣлъ на него старикъ...

Но въ это мгновеніе лицо дѣвушки преобразилось. Ея брови приподнялись, глаза стали еще больше и засіяли радостью...

Санинъ оглянулся... По лицу молодого человѣка выступила красва; вѣки шевельнулись.... ноздри дрогнули. Онъ потянулъ воздухъ съвозъ все еще стиснутые зубы, вздохнулъ...

— Эмиль! крикнула дѣвушка... Эмиліо міо!

Медленно раскрылись большіе черные глаза. Они глядѣли еще тупо, но уже улыбались—слабо; та же слабая улыбка спустилась на блѣдныя губы. Потомъ онъ двинулъ повислой рукою—и съ размаху положилъ ее себѣ на грудь.

— Эмиліо! повторила дѣвушка и приподнялась. Выраженіе ея лица было такъ сильно и ярко, что, казалось, вотъ сейчасъ либо слезы у нея брызнутъ, либо вырвется хохотъ.

— Эмиль! Что такое? Эмиль! послышалось за дверью—и въ комнату проворными шагами вошла опрятно-одѣтая дама съ серебристо-сѣдыми волосами и смуглымъ лицомъ. Мужчина пожилыхъ лѣтъ выступалъ за нею слѣдомъ; голова служанки мелькнула у него за плечами.

Дѣвушка побѣжала къ нимъ на встрѣчу.

— Онъ спасенъ, мама, онъ живъ! воскликнула она, судорожно обнимая вошедшую даму.

— Да что такое? повторила она. Я возвращаюсь... и вдругъ встрѣчаю г-на доктора и Луизу...

Дѣвушка принялась рассказывать, что случилось, а докторъ подошелъ къ больному, который все болѣе и болѣе приходилъ въ себя — и все продолжалъ улыбаться: онъ словно начиналъ стыдиться надѣланной имъ тревоги.

— Вы, я вижу, его растирали щетками, обратился докторъ къ Санину и Панталеоне, — и прекрасно сдѣлали... Очень хорошая мысль... а вотъ мы теперь посмотримъ, какія еще средства...

Онъ пощупалъ у молодого человѣка пульсъ. — Гмъ! Покажите-ка языкъ!

Дама заботливо наклонилась къ нему. Онъ еще откровеннѣе улыбнулся, взвелъ на нее глаза — и покраснѣлъ...

Санину пришло на мысль, что онъ становится лишнимъ; онъ вышелъ въ кондитерскую. Но не успѣлъ онъ еще взяться за ручку уличной двери, какъ дѣвушка опять появилась передъ нимъ и остановила его.

— Вы уходите, начала она, ласково заглядывая ему въ лицо; я васъ не удерживаю, но вы должны непременно придти къ намъ сегодня вечеромъ, мы вамъ такъ обязаны—вы, можете быть, спасли брата — мы хотимъ благодарить васъ — мама хочетъ. Вы должны сказать намъ, кто вы, вы должны порадоваться вмѣстѣ съ нами...

— Но я уѣзжаю сегодня въ Берлинъ, заѣхнулъ — было Санинъ.

— Вы еще успѣете, съ живостью возразила дѣвушка. — Придите къ намъ черезъ часъ на чашку шоколаду. Вы общаетесь? А мнѣ нужно опять къ нему! Вы придете?

Что оставалось дѣлать Санину?

— Приду, отвѣчалъ онъ.

Красавица быстро пожала ему руку, выпорхнула вонъ — и онъ очутился на улицѣ.

IV.

Когда Санинъ, часа полтора спустя, вернулся въ кондитерскую Розелли, его тамъ приняли какъ родного. Эмилио сидѣлъ на томъ же самомъ диванѣ, на которомъ его растирали; докторъ прописалъ ему лекарство и рекомендовалъ «большую осторожность въ испытаніи ощущеній» — такъ какъ субъектъ темперамента нервическаго и съ склонностью къ болѣзнямъ сердца. Онъ и прежде подвергался обморокамъ; но никогда припадокъ не былъ такъ продолжителенъ и силенъ. Впрочемъ докторъ объявилъ, что всякая опасность миновалась. Эмиль одѣтъ былъ, какъ приличествуетъ выздоравливающему, въ просторный плафрокъ; мать намотала ему голубую шерстяную косынку вокругъ шеи; но видъ онъ имѣлъ веселый, почти праздничный; да и все кругомъ имѣло праздничный видъ. Передъ диваномъ на кругломъ столѣ, покрытомъ чистой скатертью, возвышался, наполненный душистымъ шоколадомъ, окруженный чашками, графинами съ сиропомъ, бисквитами и булками, даже цвѣтами — огромный фарфоровый кофейникъ; шесть тонкихъ восковыхъ свѣчей горѣло въ двухъ старинныхъ серебряныхъ шандалахъ; съ одной сто-

рони дивана, вольтеровское кресло раскрывало свои мягкія объятія—и Санина посадили именно въ это кресло. Всѣ обитатели кондитерской, съ которыми ему пришлось познакомиться въ тотъ день, находились на лицо, неисключая пуделя Тарталья и кота; всѣ казались несказанно счастливыми: пудель даже чихалъ отъ удовольствія; одинъ котъ, по прежнему, все жеманился и жмурился. Санина заставили объяснить, кто онъ родомъ и откуда и какъ его зовутъ; когда онъ сказалъ, что онъ русскій — обѣ дамы немного удивились и даже ахнули—и тутъ же, въ одинъ голосъ, объявили, что онъ отлично выговариваетъ по-нѣмецки; но что если ему удобнѣе выражаться по-французски, то онъ можетъ употреблять и этотъ языкъ—такъ какъ онѣ обѣ хорошо его понимаютъ и выражаются на немъ. Санинъ немедленно воспользовался этимъ предложеніемъ. «Санинъ! Санинъ!» Дамы никакъ не ожидали, что русская фамилія можетъ быть такъ легко произносима. Имя его: «Димитрій» также весьма понравилось. Старшая дама замѣтила, что она въ молодости слышала прекрасную оперу: «Demetrio e Polibio» — но что «Dimitri» гораздо лучше чѣмъ «Demetrio». Такимъ манеромъ Санинъ бесѣдовалъ около часу. Съ своей стороны, дамы посвятили его во всѣ подробности собственной жизни. Говорила больше мать, дама съ сѣдыми волосами. Санинъ узналъ отъ нея, что имя ея—Леонора Розелли; что она осталась вдовою послѣ мужа своего, Джіованни Баттиста Розелли, который двадцать-пять лѣтъ тому назадъ поселился во Франкфуртѣ въ качествѣ кондитера; что Джіованни Баттистъ былъ родомъ изъ Виченцы и очень хорошій, хотя немного вспыльчивый и заносчивый человекъ и къ тому республиканецъ! При этихъ словахъ г-жа Розелли указала на его портретъ, писанный масляными красками и висѣвшій надъ диваномъ. Должно полагать, что живописецъ—«тоже республиканецъ!» какъ со вздохомъ замѣтила г-жа Розелли — не выполнѣ умѣлъ уловить сходство — ибо на портретѣ покойный Джіованни Баттиста является какимъ-то сумрачнымъ и суровымъ бригантомъ — въ родѣ Ринальдо Ринальдини! Сама г-жа Розелли была уроженка «стариннаго и прекраснаго города Падуи, гдѣ находится такой чудный куполь, росписанный безсмертнымъ Корреджіо!» Но отъ давняго пребыванія въ Германіи она почти совсѣмъ онѣмчилась. Потомъ она прибавила, грустно покачавъ головою, что у ней только и осталось, что вотъ *эта* дочь, да вотъ *этотъ* сынъ (она указала на нихъ поочередно пальцемъ);—что дочь зовутъ—Джеммой, а сына—Эмилиемъ; что оба они очень хорошіе и послушные дѣти—особенно Эмилио.... («Я не послушна?» вернула тутъ дочь; — «охъ, ты

тоже республиканка!» отвѣтила мать;)— что дѣла конечно идутъ теперь хуже чѣмъ при мужѣ, который по кондитерской части былъ великій мастеръ... (Un grand'uomo! съ суровымъ видомъ подхватилъ Панталеоне); но что все-таки, слава Богу, жить еще можно!

V.

Джемма слушала мать—и то посмѣивалась, то вздыхала, то гладила ее по плечу, то грозила ей пальцемъ, то посматривала на Санина; наконецъ она встала, обняла и поцѣловала мать въ шею—въ «душку», отчего та много смѣялась и даже пищала. Панталеоне былъ также представленъ Санину. Оказалось, что онъ былъ когда-то опернымъ пѣвцомъ, для баритонныхъ партій, но уже давно прекратилъ свои театральныя занятія и состоитъ въ семействѣ Розелли чѣмъ-то среднимъ между другомъ дома и слугою. Несмотря на весьма долгое пребываніе въ Германіи, онъ нѣмецкому языку выучился плохо, и только умѣлъ браниться на немъ, немилосердно коверкая даже и бранныя слова. «Феррофлукто спиччебуббіо!» обзывалъ онъ чуть не каждого нѣмца. Итальянскій же языкъ выговаривалъ въ совершенствѣ—ибо былъ родомъ изъ Синигали, гдѣ слышится «lingua toscana in bocca romana!» Эмилио видимо нѣжился и предавался пріятнымъ ощущеніямъ человѣка, который только-что избѣгнулъ опасности или выздоравливаетъ; да и кромѣ того, по всему можно было замѣтить, что домашніе его баловали. Онъ застѣнчиво поблагодарилъ Санина, а впрочемъ больше налегалъ на сиропъ и на конфеты. Санинъ принужденъ былъ выпить двѣ большія чашки превосходнаго шоколаду и сѣбѣ замѣчательное количество бисквитовъ: онъ только-что проглотить одинъ, а Джемма уже подноситъ ему другой—и отказаться нѣтъ возможности! Онъ скоро почувствовалъ себя какъ дома: время летѣло съ невѣроятной быстротой. Ему пришлось много разсказывать—о Россіи вообще, о русскомъ климатѣ, о русскомъ обществѣ, о русскомъ мужикѣ—и особенно о казакахъ; о войнѣ двѣнадцатаго года, о Петрѣ Великомъ, о Кремлѣ и о русскихъ пѣсняхъ и о колоколахъ. Обѣ дамы имѣли весьма слабое понятіе о нашей пространной и отдаленной родинѣ; г-жа Розелли или, какъ ее чаще звали, фрау Леноре даже повергла Санина въ изумленіе вопросомъ: существуетъ ли еще знаменитый, построенный въ прошломъ столѣтіи, ледяной домъ въ Петербургѣ, о которомъ она недавно прочла

такую любопытную статью въ одной изъ книгъ ея покойнаго мужа: *Bellezze delle arti*? — А въ отвѣтъ на восклицаніе Санина: «неужели же вы полагаете, что въ Россіи никогда не бываетъ лѣта?!» фрау Леноре возразила, что она до сихъ поръ такъ себѣ представляла Россію: вѣчный снѣгъ, всѣ ходятъ въ шубахъ и всѣ военные—но гостепріимство чрезвычайное и всѣ крестьяне очень послушны! Санинъ постарался сообщить ей и ея дочери свѣдѣнія болѣе точныя. Когда рѣчь коснулась русской музыки, его тотчасъ попросили спѣть какую-нибудь русскую арію и указали на стоявшее въ комнатѣ крошечное фортепиано, съ черными клавишами вмѣсто бѣлыхъ и бѣлыми вмѣсто черныхъ. Онъ повиновался безъ дальнихъ околичностей и, аккомпанируя себѣ двумя пальцами правой и тремя (большимъ, среднимъ и мизинцемъ) лѣвой—спѣлъ тоненькимъ носовымъ теноромъ сперва: «Сарафанъ» — потомъ: «По улицѣ мостовой». Дамы похвалили его голосъ и музыку, но болѣе восхищались мягкостью и звучностью русскаго языка и потребовали перевода текста. Санинъ исполнилъ ихъ желаніе — но такъ какъ слова «Сарафана» и особенно: «По улицѣ мостовой» (*sur une rue* равѣе *une jeune fille allait à l'eau* — онъ такъ передалъ смыслъ оригинала) — не могли внушить его слушательницамъ высокое понятіе о русской поэзій, то онъ сперва продекламировалъ, потомъ спѣлъ Пушкинское: «Я помню чудное мгновеніе», положенное на музыку Глинкой, минорные куплеты котораго онъ слегка перевралъ. Тутъ дамы пришли въ восторгъ — фрау Леноре даже открыла въ русскомъ языкѣ удивительное сходство съ итальянскимъ. «Мгновеніе» — «o *cièpi*» — «со мной» — «*siam poi*» — и т. п. Даже имена: Пушкинъ (она выговаривала: Пуссекинъ) — и Глинка звучали ей чѣмъ-то роднымъ. Санинъ, въ свою очередь, попросилъ дамъ что-нибудь спѣть: онѣ также не стали чиниться. Фрау Леноре сѣла за фортепиано и вмѣстѣ съ Джеммой спѣла нѣсколько дуэтировокъ и «сторнелло». У матери былъ когда-то хорошій контральтъ; голосъ дочери былъ нѣсколько слабъ, но пріятенъ.

VI.

Но не голосомъ Джеммы — ею самою любовался Санинъ. Онъ сидѣлъ нѣсколько позади и сбоку, и думалъ про себя, что никакая пальма — даже въ стихахъ Бенедиктова, тогдашняго моднаго поэта — не въ состояніи соперничать съ изящной стройностью ея стана. Когда же она, на чувствительныхъ нот-

кахъ, возводила къ верху глаза—ему казалось, что нѣтъ такого неба, которое не разверзлось бы передъ такимъ взоромъ. Даже старикъ Панталеоне, который, прислонясь плечомъ къ притолкѣ двери и уткнувъ подбородокъ и ротъ въ просторный галстухъ, слушалъ важно, съ видомъ знатока — даже тотъ любовался лицомъ прекрасной дѣвушки и дивился ему — а, кажется, долженъ былъ онъ къ нему привыкнуть! Окончивъ свои дуэтики съ дочерью, фрау Леноре замѣтила, что у Эмилио голосъ отличный, настоящее серебро—но что онъ теперь вступилъ въ тотъ возрастъ, когда голосъ мѣняется—(онъ, дѣйствительно, говорилъ какимъ-то безпрестанно ломавшимся басомъ)—и что по этой причинѣ ему запрещено пѣть; а что вотъ Панталеоне могъ бы, въ честь гостя, тряхнуть стариной! Панталеоне тотчасъ принялъ недовольный видъ, нахмурился, взъерошилъ волосы и объявилъ, что онъ уже давно все это бросилъ, хотя дѣйствительно могъ въ молодости постоять за себя — да и вообще принадлежалъ къ той великой эпохѣ, когда существовали настоящіе, классическіе пѣвцы — не чета теперешнимъ пискунамъ! и настоящая школа пѣнія; что ему, Панталеоне Чиппатола изъ Варезе поднесли однажды въ Моденѣ лавровый вѣнокъ и даже по этому случаю выпустили въ театрѣ нѣсколько бѣлыхъ голубей; что между прочимъ одинъ русскій князь Тарбускій — «il principe Tarbusski» — съ которымъ онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, постоянно за ужиномъ звалъ его въ Россію, обѣщалъ ему горы золота, горы!.. но что онъ не хотѣлъ разстаться съ Италіей, съ страной Данта—il paese del Dante!—Потомъ, конечно, произошли... несчастныя обстоятельства, онъ самъ былъ неостороженъ... Тутъ старикъ перервалъ самого себя, вздохнулъ глубоко раза два, потупился — и снова заговорилъ о классической эпохѣ пѣнія, о знаменитомъ тенорѣ Гарсіа, къ которому питалъ благоговѣйное, безграничное уваженіе. «Вотъ былъ человѣкъ!» воскликнулъ онъ. Никогда великій Гарсіа — «il gran Garcia» — не унижался до того, чтобы пѣть, какъ теперешніе теноришки — *tenoracci* — фальцетомъ: всё грудью, грудью, *voce di petto, sì!* Старикъ вѣрѣеко постукалъ маленькимъ засохшимъ вулачкомъ по собственному жабо! И какой актеръ! Вулканъ, *signori miei*, вулканъ, *un Vesuvio!* Я имѣлъ честь и счастье пѣть вмѣстѣ съ нимъ въ оперѣ dell'illustrissimo maestro Россини—въ Отелло! Гарсіа былъ Отелло—я былъ Яго—и когда онъ произносилъ эту фразу...

Тутъ Панталеоне сталъ въ позытуру и запѣлъ дрожащимъ и сирымъ, но все еще патетическимъ голосомъ:

L'i... ra daver... so daver... so il fato
Io piu no... no... no... non temerò!

— «Театръ трепеталъ, signori miei! но и я не отставалъ;
и я тоже за нимъ:

L'i... ra daver... so daver... so il fato
Temèr piu non dovìo!

— «И вдругъ онъ—какъ молнія, какъ тигръ:

Morrol.. ma vendicato...

— «Или вотъ еще, когда онъ пѣлъ... когда онъ пѣлъ эту знаменитую арію изъ *Matrimonio segreto*: *Pria che spunti...* Тутъ онъ, *il gran Garcia*, послѣ словъ: *I cavalli di galoppo*—дѣлалъ на словахъ: *Senza rosa sassiegà*—послушайте, какъ то изумительно, *com'è stupendo!* Тутъ онъ дѣлалъ.....» Старикъ началъ было какую-то необыкновенную фіоритуру—и на десятой нотѣ запнулся, закашлялся и, махнувъ рукою, отвернулся и пробормоталъ:—Зачѣмъ вы меня мучите? Джемма, тотчасъ же вскочила со стула, и громко хлопая въ ладоши, съ крикомъ: *браво!.. браво!* подбѣжала къ бѣдному отставному Яго и обѣими руками ласково потрепала его по плечамъ. Одинъ Эмиль безжалостно смѣялся. *Cet age est sans pitié*—этотъ возрастъ не знаетъ жалости, — сказалъ уже Лафонтенъ.

Санинъ попытался утѣшить престарѣлаго пѣвца и заговорилъ съ нимъ на итальянскомъ языкѣ—(онъ слегка его нахватался во время своего послѣдняго путешествія) — заговорилъ о «*paese del Dante, dove il si suona*». Эта фраза, вмѣстѣ съ «*Lasciate ogni speranza*»—составляла весь поэтический итальянскій багажъ молодого туриста; но Панталеоне не поддавался на его заискиванія. Глубже чѣмъ когда-либо утѣнувъ подбородокъ въ галстухъ и угрюмо пуча глаза, онъ снова уподобился птицѣ, да еще сердитой—вдрону что-ли, или коршуну. Тогда Эмиль, мгновенно и легко краснѣя, какъ это обыкновенно случается съ балованными дѣтьми, — обратился къ сестрѣ и сказалъ ей, что если она желаетъ занять гостя, то ничего она не можетъ придумать лучшаго, какъ прочесть ему одну изъ комедіекъ Мальца, которыя она такъ хорошо читаетъ. Джемма засмѣялась, ударила брата по рукѣ, воскликнула, что онъ «всегда такое придумаетъ»! Однако, тотчасъ пошла въ свою комнату и вернувшись оттуда съ небольшой книжкой въ рукѣ, усѣлась за столомъ передъ лампой, оглянувшись, подняла палецъ — «молчать-дескать»! — чисто итальянскій жестъ — и принялась читать.

VII.

Мальцъ былъ франкфуртскій литераторъ 30-хъ годовъ, который въ своихъ коротенькихъ и легко набросанныхъ комедійкахъ, писанныхъ на мѣстномъ нарѣчїи, выводилъ, съ забавнымъ и бойкимъ, хотя и не глубокимъ юморомъ — мѣстные франкфуртскіе типы. Оказалось, что Джемма читала точно превосходно — совсѣмъ по-актерски. Она отгѣняла каждое лицо и отлично выдерживала его характеръ, пускала въ ходъ всю мимику, унаследованную ею вмѣстѣ съ итальянскою кровью; не щадя ни своего нѣжнаго голоса, ни своего прекраснаго лица, она, когда нужно было представить либо выжившую изъ ума старуху, либо глупаго бургомистра — корчила самыя уморительныя гримасы, ёжила глаза, морщила носъ, картавила, пищала... Сама, во время чтенія, она не смѣялась; но когда слушатели (за исключеніемъ, правда, Панталеоне: онъ тотчасъ съ негодованіемъ удалился, какъ только зашла рѣчь о *quel ferroflucto Tedesco*) — какъ слушатели прерывали ее взрывомъ дружнаго хохота — она, опустивъ книгу на колѣни, звонко хохотала сама, закинувъ голову назадъ — и черныя ея кудри прыгали мягкими вольцами по шеѣ и по сотрясеннымъ плечамъ. Хохотъ прекращался — она тотчасъ поднимала книгу, и снова придавъ чертамъ своимъ надлежащій складъ, серьезно принималась за чтеніе. Санинъ не могъ довольно надивиться ей; его особенно поражало то: какимъ чудомъ такое идеально-прекрасное лицо принимало вдругъ такое комическое, иногда почти тривіальное выраженіе? Менѣе удовлетворительно читала Джемма роли молодыхъ дѣвицъ — такъ-называемыхъ *«jeunes premières»*; особенно любовныя сцены не удавались ей; она сама это чувствовала и потому придавала имъ легкій оттѣнокъ насмѣшливости — словно она не вѣрила всѣмъ этимъ восторженнымъ клятвамъ и возвышеннымъ рѣчамъ, отъ которыхъ, впрочемъ, самъ авторъ воздерживался — по мѣрѣ возможности.

Санинъ не замѣтилъ, какъ пролетѣлъ вечеръ — и только тогда вспомнилъ о предстоящемъ путешествіи, когда часы пробили десять часовъ. Онъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный.

— Что съ вами? спросила фрау Леноре.

— Да я долженъ былъ сегодня уѣхать въ Берлинъ — и уже мѣсто взялъ въ дилижансѣ!

— А когда отходить дилижансѣ?

— Въ половинѣ одиннадцатаго!

— Ну, такъ вы уже не успѣете, замѣтила Джемма; оставайтесь... я еще почитаю.

— Вы всѣ деньги заплатили или только задатовъ дали? полюбопытствовала фрау Леноре.

— Всѣ! съ печальной ужимкой возопилъ Санинъ.

Джемма посмотрѣла на него, прищуривъ глаза—и разсмѣялась, а мать ее побранила.— Молодой человѣкъ по-пусту деньги затратилъ—а ты смѣешься!

— Ничего, отвѣчала Джемма;—это его не разорить, а мы стараемся его утѣшить. Хотите лимонаду?

Санинъ выпилъ стаканъ лимонаду, Джемма снова принялась за Мальца—и все опять пошло какъ по маслу.

Часы пробили двѣнадцать. Санинъ сталъ прощаться.

— Вы теперь нѣсколько дней должны остаться во Франкфуртѣ, сказала ему Джемма; куда вамъ спѣшить? Веселѣй въ другомъ городѣ не будетъ. Она помолчала. Право не будетъ, прибавила она и улыбнулась. Санинъ ничего не отвѣчалъ и подумалъ, что въ силу пустоты своего кошелька, ему по неволѣ придется остаться во Франкфуртѣ, пока не придетъ отвѣтъ отъ одного берлинскаго пріятеля, къ которому онъ собирался обратиться за деньгами.

— Оставайтесь, оставайтесь, промолвила и фрау Леноре. Мы познакоимъ васъ съ женихомъ Джеммы, г-мъ Карломъ Клюбеномъ. Онъ сегодня не могъ придти, потому что онъ очень занятъ у себя въ магазинѣ—вы навѣрное видѣли на Цейлѣ самый большой магазинъ суконъ и шелковыхъ матерій. Ну, такъ онъ тамъ главнымъ. Но онъ очень будетъ радъ вамъ отрекомендоваться.

Санина это извѣстіе—Богъ вѣдаетъ почему—слегка огоршило. «Счастливицѣ этотъ женихъ»! мелькнуло у него въ умѣ. Онъ посмотрѣлъ на Джемму—и ему показалось, что онъ подмѣтилъ насмѣшливое выраженіе въ ея глазахъ. Онъ началъ раскланиваться.

— До завтра? Неправда ли, до завтра? спросила фрау Леноре.

— До завтра! произнесла Джемма не вопросительнымъ, а утвердительнымъ тономъ, какъ будто это иначе и быть не могло.

— До завтра! отозвался Санинъ.

Эмиль, Панталеоне и пудель Тарталья, проводили его до угла улицы. Панталеоне не утерпѣлъ, чтобы не выразить своего недовольства по поводу Джеммина чтенія.

— Какъ ей не стыдно! Кривляется, пищитъ—una caricatura! Ей бы Меропу представлять или Клитемнестру—нѣчто

великое, трагическое, а она передразниваетъ какую-то северную нѣмку! Этакъ и я могу... Мерцъ, мерцъ, смерцъ, прибавилъ онъ хриплымъ голосомъ, утенувъ лицо впередъ и растопыря пальцы. Тарталья залааялъ на него, а Эмиль расхохотался. Старикъ круто повернулъ назадъ.

Санинъ возвратился въ гостиницу «Бѣлаго-Лебедя» — (онъ оставилъ тамъ свои вещи въ общей залѣ) — въ довольно смутномъ настроеніи духа. Всѣ эти нѣмцеко-французско-итальянскіе разговоры такъ и звенѣли у него въ ушахъ.

— Невѣста! шепталъ онъ, уже лежа въ постели, въ отвѣденномъ ему скромномъ номерѣ. Да и красавица же! Но въ чему я остался?

Однако на слѣдующій день онъ послалъ письмо къ берлинскому пріятелю.

VIII.

Онъ не успѣлъ еще одѣться, какъ кельнеръ доложилъ ему о приходѣ двухъ господъ. Одинъ изъ нихъ оказался Эмилемъ; другой, видный и рослый молодой мужчина, съ благообразнѣйшимъ лицомъ, былъ герръ Карлъ Клюбержъ, женихъ прекрасной Джеммы.

Должно полагать, что въ то время, въ цѣломъ Франкфуртѣ, ни въ одномъ магазинѣ не существовало такого вѣжливаго, приличнаго, важнаго, любезнаго главнаго комми, каковымъ являлся г-нъ Клюбержъ. Безукоризненность его туалета стояла на одной высотѣ съ достоинствомъ его осанки, съ изящностью — немного, правда, чопорной и сдержанной, на англійскій ладъ (онъ провелъ два года въ Англіи) — но все-таки плѣнительной изящностью его манеръ. Съ перваго взгляда становилось явно, что этотъ красивый, нѣсколько строгій, отлично воспитанный и превосходно вымытый молодой человекъ привыкъ повиноваться высшимъ и повелѣвать низшимъ, и что за прилавкомъ своего магазина онъ неизбѣжно долженъ былъ внушать уваженіе своимъ покупателямъ! Въ сверхъестественной его честности не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія: стоило только взглянуть на его туго-накрахмаленные воротнички! И голосъ у него оказался такой, какого слѣдовало ожидать: густой и самоуверенно-сочный, но не слишкомъ громкій, съ нѣкоторой даже ласковостью въ тембрѣ. Такимъ голосомъ особенно удобно отдавать приказанія подчиненнымъ комми: «покажите-мнѣ ту штуку пунсоваго ліонскаго бархата!»—или: «подайте стулъ этой дамѣ»!

Г-нъ Клюбержъ началъ съ того, что отрекомендовался, причемъ такъ благородно наклонилъ станъ, такъ пріятно сдвинулъ ноги и такъ учтиво тронулъ каблукѣмъ о каблукъ, что всякій непременно долженъ былъ почувствовать: «у этого человѣка и бѣлыя и душевныя качества—перваго сорта»! Отдѣлка обнаженной правой руки—(въ лѣвой, облеченной въ шведскую перчатку, онъ держалъ до зеркальности выложенную шляпу, на днѣ которой лежала другая перчатка)—отдѣлка этой правой руки, которую онъ скромно, но съ твердостью протянулъ Санину—превосходила всякое вѣроятіе: каждый ноготь былъ въ своемъ родѣ совершенство! Потомъ онъ сообщилъ, на отборнѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ, что желалъ заявить свое почтеніе и свою признательность г-ну иностранцу, который оказалъ такую важную услугу будущему его родственнику, брату его невѣсты; при этомъ онъ повелъ лѣвой рукой, державшей шляпу, въ направленіи Эмиля, который словно застыдился и, отвернувшись къ окну, положилъ палецъ въ ротъ. Г-нъ Клюбержъ прибавилъ, что почтетъ себя счастливымъ, если съ своей стороны будетъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь пріятное г-ну иностранцу. Санинъ отвѣчалъ, не безъ нѣкотораго труда, тоже по-нѣмецки, что онъ очень радъ... что услуга его была маловажная... и попросилъ своихъ гостей присѣсть. Герръ Клюбержъ поблагодарилъ—и, мгновенно раскинувъ фалды фрака, опустился на стулъ—но опустился такъ легко и держался на немъ такъ непрочно, что нельзя было не понять: «человѣкъ этотъ сѣлъ изъ вѣжливости—и сейчасъ опять вспорхнетъ»! И дѣйствительно, онъ немедленно вспорхнулъ, и стыдливо переступивъ раза два ногами, словно танцуя, объявилъ, что къ сожалѣнію не можетъ долѣе остаться, ибо спѣшитъ въ свой магазинъ—дѣла прежде всего!—но такъ какъ завтра воскресенье—то онъ, съ согласія фрау Леноре и фрѣйлейнъ Джеммы, устроилъ увеселительную прогулку въ Соденъ, на которую честь имѣетъ пригласить г-на иностранца—и питаетъ надежду, что онъ не откажется украсить ее своимъ присутствіемъ. Санинъ не отказался ее украсить—и герръ Клюбержъ отрекомендовался вторично и ушолъ, пріятно мелькая панталонами нѣжнѣйшаго гороховаго цвѣта и столь же пріятно поскрипывая подошвами наиновѣйшихъ сапоговъ.

IX.

Эмиль, который продолжалъ стоять лицомъ къ окну, даже послѣ приглашенія Саннина: «присѣсть» — сдѣлалъ на лѣво кругомъ, какъ только будущій его родственникъ вышелъ — и, ужимаясь по-ребячески и краснѣя, спросилъ Саннина, можетъ ли онъ еще немного у него остаться? «Мнѣ сегодня гораздо лучше, прибавилъ онъ, — но докторъ запретилъ мнѣ работать».

— Оставайтесь! Вы мнѣ нисколько не мѣшаете, воскликнулъ немедленно Саннинъ, который, какъ всякій истинный русскій, радъ былъ ухватиться за первый попавшійся предлогъ, лишь бы не быть самому поставлену въ необходимость что-нибудь дѣлать.

Эмиль поблагодарилъ его — и въ самое короткое время совершенно освоился и съ нимъ и съ его квартирой; разсматривалъ его вещи, спрашивалъ чуть не о каждой изъ нихъ: гдѣ онъ ее купилъ и какое ея достоинство? Помогъ ему выбриться, причемъ замѣтилъ, что онъ напрасно не отпускаетъ себѣ усовъ; — сообщилъ ему наконецъ множество подробностей о своей матери, о сестрѣ, о Панталеоне, даже о пуделѣ Тартальѣ, обо всемъ ихъ житьѣ-бытьѣ. Всякое подобіе робости исчезло въ Эмиль; онъ вдругъ почувствовалъ чрезвычайное влеченіе къ Саннину — и вовсе не потому, что тотъ наванунѣ спасъ его жизнь, а потому, что человекъ онъ былъ таковой симпатическій! Онъ не замедлилъ довѣрить Саннину всѣ свои тайны. Съ особеннымъ жаромъ настаивалъ онъ на томъ, что мама его непременно хочетъ сдѣлать изъ него купца — а онъ *знаетъ*, знаетъ навѣрное, что рожденъ художникомъ, музыкантомъ, пѣвцомъ; что театр — его настоящее призваніе; что даже Панталеоне его поощряетъ, но что г-нъ Клюбержъ поддерживаетъ маму, на которую имѣетъ большое вліяніе; что самая мысль сдѣлать изъ него торговаша принадлежитъ собственно г-ну Клуберу, по понятіямъ котораго ничего въ мірѣ не можетъ сравниться съ званіемъ купца! Продавать сукно и бархатъ — и надувать публику, брать съ нея «Narren — oder Russen-Preise» — (дурацкія — или русскія цѣны) вотъ его идеаль¹⁾!

— Ну что-жъ! теперь надо идти къ намъ! воскликнулъ онъ, какъ только Саннинъ окончилъ свой туалетъ и написалъ письмо въ Берлинъ.

¹⁾ Въ прежнія времена — да, пожалуй, и теперь это не перевелось — когда, начиная съ мая мѣсяца, множество русскихъ появлялось во Франкфуртѣ — во всѣхъ магазинахъ цѣны увеличивались и получали названіе: «Russen — или, увы! — Narren-Preise».

— Теперь еще рано, замѣтилъ Санинъ.

— Это ничего не значитъ, промолвилъ Эмиль, ласкаясь къ нему. Пойдемте! Мы завернемъ на почту — а оттуда къ намъ. Джемма вамъ такъ рада будетъ! Вы у насъ позавтракаете... Вы можете сказать что-нибудь мамѣ обо мнѣ, о моей карьерѣ...

— Ну пойдемте, сказали Санинъ — и они отправились.

Х.

Джемма ему дѣйствительно обрадовалась, и фрау Леноре его очень дружелюбно привѣтствовала: видно было, что онъ наканунѣ произвелъ на обѣихъ впечатлѣніе хорошее. Эмиль побѣждалъ распоряжаться насчетъ завтрака, предварительно шепнувъ Санину на ухо: «не забудьте!»

— Не забуду, отвѣчалъ Санинъ.

Фрау Ленорѣ не совсѣмъ здоровилось: она страдала мигренью — и, полулежа въ креслѣ, старалась не шевелиться. На Джеммѣ была широкая желтая блуза, перехваченная чернымъ кожанымъ поясомъ; она тоже казалась утомленной и слегка поблѣднѣла; темноватые круги отбѣляли ей глаза, но блескъ ихъ не уменьшился отъ того, а блѣдность придавала что-то таинственное и милое классически-строгимъ чертамъ ея лица. Санина въ тотъ день особенно поразила изящная красота ея рукъ; когда она поправляла и поддерживала ими свои темныя, лоснистыя вудри — взоръ его не могъ оторваться отъ ея пальцевъ, гибкихъ и длинныхъ и отдѣленныхъ дружка отъ дружки, какъ у рафаэлевой Форнарины.

На дворѣ было очень жарко; послѣ завтрака Санинъ хотѣлъ было удалиться, но ему замѣтили, что въ такой день лучше всего не двигаться съ мѣста — и онъ согласился; онъ остался. Въ задней комнатѣ, въ которой онъ сидѣлъ съ своими хозяйками, царствовала прохлада; окна выходили въ небольшой садикъ, заросшій акаціями. Множество пчелъ, осъ и шмелей дружно и жадно гудѣло въ ихъ густыхъ вѣткахъ, осыпанныхъ золотыми цвѣтами; сквозь полу-закрытыя ставни и опущенныя шторы проникалъ въ комнату этотъ немолчный звукъ: онъ говорилъ о зноѣ, разлитомъ во внѣшнемъ воздухѣ — и тѣмъ слаще становилась прохлада закрытаго и уютнаго жилья.

Санинъ разговаривалъ много, по вчерашнему, но не о Россіи и не о русской жизни. Желая угодить своему молодому другу, котораго тотчасъ послѣ завтрака послали къ г-ну Клюбери — практиковаться въ бухгалтерію — онъ навелъ рѣчь на сравни-

тельные выгоды и невыгоды художества и коммерціи. Онъ не удивился тому, что фрау Леноре держала сторону коммерціи — онъ это ожидалъ; но и Джемма раздѣляла ея мнѣніе.

— Коли ты художникъ — и особенно пѣвецъ, утверждала она, энергически двигая рукою сверху внизъ — будь непремѣнно на первомъ мѣстѣ! Второе уже никуда не годится; а кто знаетъ, можешь ли ты достигнуть перваго мѣста? Панталеоне, который также участвовалъ въ разговорѣ — (ему, какъ давнишнему слугѣ и старому человѣку, дозволялось даже сидѣть на стулѣ въ присутствіи хозяевъ; итальянцы вообще не строги насчетъ этикета) — Панталеоне, разумѣется, стоялъ горой за художество. Правду сказать, доводы его были довольно слабы: онъ больше все толковалъ о томъ, что нужно прежде всего обладать *d'un certo estro d'ispirazione* — нѣкимъ порывомъ вдохновенія! Фрау Леноре замѣтила ему, что и онъ, конечно, обладалъ этимъ *estro* — а между тѣмъ... — Я имѣлъ враговъ, сумрачно замѣтилъ Панталеоне. — Да почему же ты знаешь — (итальянцы, какъ извѣстно, легко «тыкаются») — что у Эмиля враговъ не будетъ, если даже и откроется въ немъ это *estro*? — Ну такъ дѣлайте изъ него торгаша, съ досадой промолвилъ Панталеоне — а Джіованъ Баттиста такъ бы не поступилъ, хотя самъ былъ кондитеромъ! — Джіованъ Баттиста, мужъ мой, былъ человѣкъ благоразумный — и если онъ въ молодости увлекался... Но уже старикъ ничего слышать не хотѣлъ — и удалился, еще разъ проговоривъ съ укоризной: А! Джіованъ Баттиста!... Джемма воскликнула, что еслибъ Эмиль чувствовалъ себя патриотомъ и желалъ посвятить всѣ силы свои освобожденію Италіи — то, конечно, для такого высокаго и священнаго дѣла можно пожертвовать обезпеченной будущностью — но не для театра! Тутъ фрау Леноре пришла въ волненіе и начала умолять свою дочь, не сбивать съ толку, по крайней мѣрѣ, брата — и удовольствоваться тѣмъ, что она сама такая отчаянная республиканка! Произнесши эти слова, фрау Леноре захохала и стала жаловаться на голову, которая у нея была «готова лопнуть». (Фрау Леноре, изъ уваженія къ гостю, говорила съ дочерью по-французски.)

Джемма тотчасъ принялась ухаживать за нею, тихонько дула ей на лобъ, намочивъ его сперва одеколономъ, тихонько цѣловала ея щеки, укладывала ей голову въ подушки, запрещала ей говорить — и опять ее цѣловала. Потомъ, обратившись къ Саннину, она начала рассказывать ему, полу-шутливымъ, полу-трогнутымъ тономъ — какая у ней отличная мать и какая она была красавица! «Что я говорю: была! она и теперь — прелесть. Посмотрите, посмотрите, какіе у ней глаза!»

Джемма мгновенно достала изъ кармана бѣлый платокъ, закрыла имъ лицо матери — и медленно опуская кайму сверху внизъ — обнажила постепенно лобъ, брови и глаза фрау Леноры; подождала и попросила открыть ихъ. Та повиновалась, Джемма вскрикнула отъ восхищенія (глаза у фрау Леноры были дѣйствительно очень красивы) — и быстро скользнувъ платкомъ по нижней, менѣе правильной части лица своей матери, снова бросилась ее цѣловать. Фрау Леноре смѣялась и слегка отворачивалась, и съ притворнымъ усиліемъ отстраняла свою дочь. Та тоже притворялась, что борется съ матерью, и ласкалась къ ней — но не по-кошачьи, не на французскій манеръ, а съ той итальянской граціей, въ которой всегда чувствуется присутствіе силы.

Наконецъ, фрау Леноре объявила, что устала... Тогда Джемма тотчасъ присовѣтовала ей заснуть немножко, тутъ же на вреслѣ — а мы съ господиномъ русскимъ — «avec le monsieur russe» — будемъ такъ тихи, такъ тихи... какъ маленькія мыши... «comme des petites souris». — Фрау Леноре улыбнулась ей въ отвѣтъ, закрыла глаза и, повздыхавъ немного, задремала. Джемма проворно опустила на свамейку возлѣ нея, и уже не шевелулась болѣе, только изрѣдка подносила палецъ одной руки къ губамъ — другою она поддерживала подушку за головою матери — и чуть-чуть шивкала, искоса поглядывая на Санина, когда тотъ позволялъ себѣ малѣйшее движеніе. Кончилось тѣмъ, что и онъ словно замеръ — и сидѣлъ неподвижно, какъ очарованный и всѣми силами души своей любовался картиной, которую представляли ему и эта полу-темная комната, гдѣ, тамъ и сямъ, яркими точками рдѣли, вставленные въ зеленые, старинные стаканы, свѣжія, пышныя розы — и эта заснувшая женщина съ скромно-подобранными руками и добрымъ усталымъ лицомъ, окаймленнымъ снѣжной бѣлизной подушки, и это молодое, чутко-настороженное и тоже доброе, умное, чистое и несказанно-прекрасное существо съ такими черными, глубокими, залитыми тѣнью и все-таки свѣтившимися глазами... Что это? Сонъ? Сказка?... И какимъ образомъ онъ тутъ?

XI.

Колокольчикъ звякнулъ надъ наружной дверью. Молодой крестьянскій паренъ въ мѣховой шапкѣ и красномъ жилетѣ вошелъ съ улицы въ кондитерскую. Съ самаго утра ни одинъ покупатель не заглядывалъ въ нее... — Вотъ такъ-то мы торгуемъ! замѣтила со вздохомъ, во время завтрака, фрау Леноре Санину.

Она продолжала дремать; Джемма боялась принять руку отъ подушки и шепнула Санину: «Ступайте, поторгуйте вы за меня! Санинъ тотчасъ же на цыпочкахъ вышелъ въ кондитерскую. Парню требовалось четверть фунта мятныхъ лепешекъ. — Сколько съ него? шопотомъ спросилъ Санинъ черезъ дверь у Джеммы. — Шесть крейцеровъ! такимъ же шопотомъ отвѣчала она. Санинъ отвѣсилъ четверть фунта, отыскалъ бумажку, сдѣлалъ изъ нея рожокъ, завернулъ лепешки, просыпалъ ихъ, завернулъ опять, опять просыпалъ, отдалъ ихъ наконецъ, получилъ деньги... Парень глядѣлъ на него съ изумленіемъ, переминая свою шапку на желудкѣ, а въ сосѣдней комнатѣ Джемма, зажавъ ротъ, помирала со смѣху. Не успѣлъ этотъ покупатель удалиться, какъ явился другой, потомъ третій... «А видно рука у меня легкая!» подумалъ Санинъ. Второй потребовалъ стаканъ оршаду, третій — полфунта конфетъ. Санинъ удовлетворилъ ихъ, съ азартомъ стуча ложечками, передвигая блюдечки и лихо запуская пальцы въ ящики и банки. При расчетѣ оказалось, что оршада онъ продешевилъ, а за конфеты взялъ два крейцера лишнихъ. Джемма не переставала смѣяться въ тихомолку, да и самъ Санинъ ощущалъ веселость необычайную, какое-то особенно-счастливое настроеніе духа. Казалось, вѣкъ стоялъ бы онъ такъ за прилавкомъ, да торговалъ бы конфетами и оршадомъ, между тѣмъ какъ то милое существо смотритъ на него изъ-за двери дружелюбно-насмѣшливыми глазами, а лѣтнее солнце, пробиваясь сквозь мощную листву растущихъ передъ окнами каштановъ, наполняетъ всю комнату зеленоватымъ золотомъ полуденныхъ лучей, полуденныхъ тѣней, и сердце нѣжится сладкой истомой лѣтня, безпечности и молодости — молодости первоначальной!

Четвертый посѣтитель потребовалъ чашку кофе: пришлось обратиться къ Панталеоне (Эмилъ все еще не возвращался изъ магазина г-на Клюбера.) Санинъ снова подѣлъ къ Джеммѣ. Фрау Леноре продолжала дремать, къ великому удовольствію ея дочери. — У мамы во время сна мигрень проходитъ — замѣтила она. Санинъ заговорилъ конечно, по прежнему, шопотомъ, о своей «торговлѣ»; пресерьезно освѣдомлялся о цѣнѣ разныхъ «кондитерскихъ» товаровъ; Джемма такъ же серьезно называла ему эти цѣны, и между тѣмъ оба внутренно и дружно смѣялись, какъ бы сознавая, что разыгрываютъ презабавную комедію. Вдругъ, на улицѣ, шарманка заиграла арію изъ «Фрейшюца»: «Durch die Felder, durch die Auen»... Плаксивые звуки заныли, дрожа и посвистывая, въ неподвижномъ воздухѣ. Джемма вздрогнула.... «Онъ разбудитъ маму!» Санинъ немедленно выскочилъ на улицу, сунулъ шарманщику нѣсколько крейцеровъ въ руку —

и заставилъ его замолчать и удалиться. Когда онъ возвратился, Джемма поблагодарила его легкимъ кивкомъ головы, и, задумчиво улыбнувшись, сама принялась чуть слышно напѣвать красивую веберовскую мелодію, которою Максъ выражаетъ всѣ недоумѣнія первой любви. Потомъ она спросила Санина, знаетъ ли онъ «Фрейшюца», любить ли Вебера и прибавила, что хотя она сама итальянка, но *такую* музыку любить больше всего. Съ Вебера разговоръ соскользнулъ на поэзію и романтизмъ, на Гофманна, котораго тогда еще всѣ читали....

А фрау Леноре все дремала и даже похрапывала чуть-чуть, да лучи солнца, узкими полосками прорывавшіеся сквозь ставни, незамѣтно, но постоянно передвигались и путешествовали по полу, по мебели, по платью Джеммы, по листьямъ и лепесткамъ цвѣтовъ.

ХІІ.

Оказалось, что Джемма не слишкомъ жаловала Гофманна и даже находила его.... скучнымъ! Фантастически-туманный, сѣверный элементъ его рассказовъ былъ мало доступенъ ея южной, свѣтлой натурѣ. «Это все сказки, все это для дѣтей писано!» увѣрала она, не безъ пренебреженія. Отсутствіе поэзіи въ Гофманнѣ тоже смутно чувствовалось ею. Но была одна у него повѣсть, заглавіе которой она впрочемъ позабыла и которая ей очень нравилась; собственно говоря, ей нравилось только начало этой повѣсти: конецъ она или не прочла, или тоже позабыла. Дѣло шло объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который гдѣ-то, чуть ли не въ кондитерской, встрѣчаетъ дѣвушку поразительной красоты, гречанку; ее сопровождаетъ таинственный и странный, злой старикъ. Молодой человѣкъ съ перваго взгляда влюбляется въ дѣвушку; она смотритъ на него такъ жалобно, словно умоляетъ его освободить ее.... Онъ удаляется на мгновенье — и, возвратившись въ кондитерскую, уже не находитъ ни дѣвушки, ни старика; бросается ее отыскивать, безпрестанно натывается на самые свѣжіе ихъ слѣды, гоняется за ними — и никонимъ образомъ, нигдѣ, никогда не можетъ ихъ достигнуть. Красавица на вѣки вѣковъ исчезаетъ для него — и не въ силахъ онъ забыть ея умоляющій взглядъ, и терзается онъ мыслью, что, быть можетъ, все счастье его жизни ускользнуло изъ его рукъ....

Гофманнъ едва ли такимъ образомъ оканчиваетъ свою повѣсть; но такую она сложилась, такую осталась въ памяти Джеммы.

— Мнѣ кажется, промолвила она, подобныя свиданія и подобныя разлуки случаются на свѣтѣ чаще, чѣмъ мы думаемъ.

Санинъ промолчалъ.... и немного спустя, заговорилъ.... о г-нѣ Клюберѣ. Онъ въ первый разъ упомянулъ о немъ; онъ ни разу не вспомнилъ о немъ до того мгновенія.

Джемма промолчала въ свою очередь и задумалась, слегка кусая ноготь указательнаго пальца и устремивъ глаза въ сторону. Потомъ она похвалила своего жениха, упомянула объ устроенной имъ на завтрашній день прогулкѣ, и быстро глянувъ на Санина, замолчала опять.

Санинъ не зналъ, о чемъ завести рѣчь.

Эмиль шумно вбѣжалъ и разбудилъ фрау Леноре.... Санинъ обрадовался его появленію.

Фрау Леноре встала съ кресла. Явился Панталеоне и объявилъ, что обѣдъ готовъ. Домашній другъ, эксъ-пѣвецъ и слуга исправлялъ такъ же должность повара.

XIII.

Санинъ остался и послѣ обѣда. Его не отпускали все подтѣмъ же предлогомъ ужаснаго зноя — а когда зной свалилъ, ему предложили отправиться въ садъ пить кофе въ тѣни акацій. Санинъ согласился. Ему было очень хорошо. Въ однообразности и плавномъ теченіи жизни таятся великія прелести — и онъ предавался имъ съ наслажденіемъ, не требуя ничего особеннаго отъ настоящаго дня, но и не думая о завтрашнемъ, не вспоминая о вчерашнемъ. Чего стоила одна близость такой дѣвушки, какова была Джемма? Онъ скоро разстанется съ нею, и вѣроятно навсегда; но пока одинъ и тотъ-же челнокъ, какъ въ улановомъ романсѣ, несетъ ихъ по жизненнымъ укрощеннымъ струямъ — радуйся, наслаждайся, путешественникъ! И все казалось пріятнымъ и милымъ счастливому путешественнику. Фрау Леноре предложила ему сразиться съ нею и съ Панталеоне въ «тресетте», выучила его этой несложной итальянской карточной игрѣ — обыграла его на нѣсколько крейцеровъ — и онъ былъ очень доволенъ; Панталеоне, по просьбѣ Эмиля, заставилъ пуделя Тарталью продѣлать всѣ свои шутки — и Тарталья прыгалъ черезъ палку, «говорилъ», т.-е. лаялъ, чихалъ, запиралъ дверь носомъ, притащилъ стоптанную туфлю своего хозяина — и наконецъ, съ старымъ киверомъ на головѣ, представлялъ маршала Бернадотта, подвергающагося жестокимъ упрекамъ императора Наполеона за измѣну. Наполеона представ-

лягъ, разумѣется, Панталеоне — и представлялъ очень вѣрно: скрестилъ руки на груди, нахлобучилъ трехъ-уголку на глаза — и говорилъ грубо и рѣзко, на французскомъ, но Боже! на *кажомъ* французскомъ языкѣ! Тарталья сидѣлъ передъ своимъ владыкой, весь скорчившись, поджавши хвостъ и смущенно моргая и щурясь подъ козырькомъ косо-надвинутаго кивера; отъ времени до времени, когда Наполеонъ возвышалъ голосъ, Бернадоттъ поднимался на заднія лапы. «Fuori, traditore!» закричалъ наконецъ Наполеонъ, позабывъ, въ избытѣ раздраженія, что ему слѣдовало до конца выдержать своей французскій характеръ — и Бернадоттъ опрометью бросился подъ диванъ, но тотчасъ же выскочилъ оттуда съ радостнымъ лаемъ, какъ бы давая тѣмъ знать, что представленіе кончено. Всѣ зрители много смѣялись — и Санинъ больше всѣхъ.

У Джеммы былъ особенно-милый, непрестанный, тихій смѣхъ съ маленькими презабавными взвизгиваньями.... Санина такъ и разбирало отъ этого смѣха — расцѣловалъ бы онъ ее за эти взвизгиванья!

Ночь наступила наконецъ. Надо-жъ было и честь знать! Простившись нѣсколько разъ со всѣми, сказавши всѣмъ по нѣсколько разъ: до завтра! (съ Эмилемъ онъ даже облобызался) Санинъ отправился домой и понесъ съ собою образъ молодой дѣвушки, то смѣющейся, то задумчивой, то спокойной и даже равнодушной — но постоянно привлекательной! Ея глаза, то широко-раскрытые и свѣтлые и радостные какъ день, то полузастланные рѣсницами и темные и глубокіе какъ ночь, такъ и стояли передъ его глазами, странно и сладко проникая всѣ другіе образы и представленія.

О г-нѣ Клюберѣ, о причинахъ, побудившихъ его остаться во Франкфуртѣ — словомъ о всемъ томъ, что волновало его накануне — онъ не подумалъ ни разу.

XIV.

Надо-жъ однако сказать нѣсколько словъ о самомъ Санинѣ.

Во-первыхъ: онъ былъ очень и очень недуренъ собою. Статный, стройный ростъ, пріятныя, немного расплывчатыя черты, ласковые голубоватые глазки, золотистые волосы, бѣлизна и румянецъ кожи — а главное: то простодушно-веселое, довѣрчивое, откровенное, на первыхъ порахъ нѣсколько глуповатое выраженіе, по которому въ прежнія времена тотчасъ можно было признать дѣтей степенныхъ дворянскихъ семей, «отецкихъ» сыновей,

хорошихъ баричей, родившихся и утучнённыхъ въ нашихъ привольныхъ полустепныхъ краяхъ; — походочка съ запинкой, голосъ съ пришепѣткой, улыбка какъ у ребенка, чуть только взглянешь на него... наконецъ свѣжесть, здоровье — и мягкость, мягкость, мягкость — вотъ вамъ весь Санинъ. А во-вторыхъ, онъ и глушь не былъ и понабрался кое-чего. Свѣжимъ онъ остался, несмотря на заграничную поѣздку: тревожныя чувства, обуревавшія лучшую часть тогдашней молодежи, были ему мало извѣстны.

Въ послѣднее время, въ нашей литературѣ, послѣ тщетнаго исканія «новыхъ людей», начали выводить юношей, рѣшившихся, во что бы то ни стало, быть свѣжими.... свѣжими, какъ фленсбургскія устрицы, привозимыя въ С.-Петербургъ.... Санинъ не походилъ на нихъ. Ужъ коли пошло дѣло на сравненія, онъ скорѣе напоминалъ молодую, кудрявую, недавно привитую яблоню въ нашихъ черноземныхъ садахъ — или еще лучше: выхолощенного, гладкаго, толстоногогаго, нѣжнаго трехлѣтня бывшихъ «господскихъ» конскихъ заводовъ, котораго только-что начали подгивать на кордѣ.... Тѣ, которые сталкивались съ Санинымъ въ послѣдствіи, когда жизнь порядкомъ его поломала и молодой, наигранный жарокъ давно съ него соскочилъ — видѣли въ немъ уже совсѣмъ иного человѣка.

На слѣдующій день, Санинъ лежалъ еще въ постели, какъ уже Эмиль, въ праздничномъ платьѣ, съ тросточкой въ рукѣ и сильно намаженный, ворвался къ нему въ комнату и объявилъ, что герръ Клюбержъ сейчасъ прибудетъ съ каретой, что погода обѣщаетъ быть удивительной, что у нихъ уже все готово, но что мама не поѣдетъ, потому, что у нея опять разболѣлась голова. Онъ сталъ торопить Санина, увѣряя его, что нельзя терять минуты.... И дѣйствительно: г. Клюбержъ засталъ Санина еще за туалетомъ. Постучался въ дверь, вошелъ, поклонился, изогнулъ станъ, выразилъ готовность ждать, сколько угодно — и сѣлъ, изящно опираясь шляпой о колѣно. Благообразный комми разфрантился и раздушился на пропалу: каждое движеніе его сопровождалось усиленнымъ наплывомъ тончайшаго аромата. Онъ прибылъ въ просторной, открытой каретѣ, такъ-называемомъ ландо, запряженномъ двумя сильными и рослыми, хотъ и некрасивыми лошадьми. Четверть часа спустя, Санинъ, Клюбержъ и Эмиль въ этой самой каретѣ торжественно подъехали къ крыльцу кондитерской. Г-жа Розелли рѣшительно отказалась участвовать въ прогулѣ; Джемма хотѣла остаться съ матерью, но та ее, какъ говорится, прогнала.

— Мнѣ никого не нужно, увѣрала она; я буду спать. Я бы и Панталеоне съ вами отправила — да некому будетъ торговать.

— Можно взять Тарталью? спросилъ Эмиль.

— Конечно, можно.

Тарталья немедленно, съ радостными усиліями, вскарабкался на козлы и сѣлъ, облизываясь: видно, дѣло ему было привычное. Джемма надѣла большую соломенную шляпу съ коричневыми лентами; шляпа эта спереди пригибалась къ низу, заслоняя почти все лицо отъ солнца. Черта тѣни останавливалась надъ самыми губами: онѣ рдѣли дѣвственно и нѣжно, какъ лепестки столиственной розы, и зубы блистали укладкой — тоже невинно, какъ у дѣтей. Джемма сѣла на заднемъ мѣстѣ рядомъ съ Саниннымъ; Клюберъ и Эмиль сѣли напротивъ. Блѣдная фигура фрау Леноре показалась у окна, Джемма махнула ей платкомъ — и лошади тронулись.

XV.

Соденъ — небольшой городокъ въ полу-часовомъ разстояніи отъ Франкфурта. Онъ лежитъ въ красивой мѣстности, на отрогахъ Таунуса и извѣстенъ у насъ въ Россіи своими водами, будто бы полезными для людей съ слабой грудью. Франкфуртцы ѣздятъ туда больше для развлечения, такъ какъ Соденъ обладаетъ прекраснымъ паркомъ и разными «виртшафтами», гдѣ можно пить пиво и кофе въ тѣни высокихъ липъ и кленовъ. Дорога отъ Франкфурта до Содена идетъ по правому берегу Майна и вся обсажена фруктовыми деревьями. Пока карета тихонько катилась по отличному шоссе, Санинъ укладкой наблюдалъ за тѣмъ, какъ Джемма обращалась со своимъ женихомъ: онъ въ первый разъ видѣлъ ихъ обоихъ вмѣстѣ. Она держалась спокойно и просто — но нѣсколько сдержаннѣе и серьезнѣе обыкновеннаго; она смотрѣла снисходительнымъ наставникомъ, разрѣшившимъ и самому себѣ и своимъ подчиненнымъ скромное и вѣжливое удовольствіе. Особенныхъ ухаживаній за Джеммой, того, что французы называютъ «empressement», Санинъ въ немъ не замѣтилъ. Видно было, что г. Клюберъ считалъ это дѣло повенченнымъ, а потому и не имѣлъ причины хлопотать или волноваться. Но снисходительность не повидала его ни на одинъ мигъ! Даже во время большой передобѣденной прогулки по лѣсистымъ горамъ и долинамъ за Соденомъ, даже наслаждаясь красотою природы, онъ относился къ ней, къ этой самой при-

родѣ все съ тою же снисходительностью, съвою которую изрѣдка прорывалась обычная начальническая строгость. Такъ, напримеръ, онъ замѣтилъ про одинъ ручей, что онъ слишкомъ прямо протекаетъ по ложбинѣ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать нѣсколько живописныхъ изгибовъ; не одобрялъ также поведеніе одной птицы — зяблика — которая не довольно разнообразила свои колѣна! Джемма не скучала и даже повидимому ощущала удовольствіе, но прежней Джеммы — Санинъ въ ней не узнавалъ: не то, чтобы тѣнь на нее набѣжала — никогда ея красота не была лучезарнѣй — но душа ея ушла въ себя, внутрь. Распустивъ зонтикъ и не разстегнувъ перчатокъ, она гуляла степенно, не спѣша — какъ гуляютъ образованныя дѣвицы — и говорила мало. Эмиль тоже чувствовалъ стѣсненіе, а Санинъ и подавно. Его, между прочимъ, нѣсколько конфузило то обстоятельство, что разговоръ постоянно шелъ на нѣмецкомъ языкѣ. Одинъ Тарталья не унывалъ! Съ бѣшеннымъ лаемъ мчался онъ за попадавшимися ему дроздами, перепрыгивалъ рывины, пни, коворы, бросался съ размаху въ воду и торопливо лакалъ ее, отряхался, взвизгивалъ — и снова летѣлъ стрѣлою, закинувъ красный языкъ на самое плечо! г-нъ Клюберъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что полагалъ нужнымъ для увеселенія компаніи; попросилъ ее усѣсться въ тѣни развѣсистаго дуба — и, доставъ изъ бокового кармана небольшую книжечку подъ заглавіемъ: «Knallerbsen—oder du sollst und wirst lachen!» (Петарды — или ты долженъ и будешь смѣяться!) принялся читать разбирательные анекдоты, которыми эта книжечка была наполнена. Прочелъ ихъ штукъ двѣнадцать; одною веселости возбудилъ мало: одинъ Санинъ изъ приличія скалилъ зубы да самъ онъ, г. Клюберъ, послѣ каждаго анекдота, производилъ короткій, дѣловой — и все-таки снисходительный смѣхъ. Къ двѣнадцати часамъ вся компанія вернулась въ Соденъ, въ лучший тамошній трактиръ.

Предстояло распорядиться объ обѣдѣ.

Г. Клюберъ предложилъ было совершить этотъ обѣдъ въ закрытой со всѣхъ сторонъ бесѣдѣ — «im Gartensalon»; но тутъ Джемма вдругъ взбунтовалась и объявила, что не будетъ иначе обѣдать, какъ на воздухѣ, въ саду, за однимъ изъ маленькихъ столовъ, поставленныхъ передъ трактиромъ; что ей наскучило быть все съ одними и тѣми же лицами, и что она хочетъ видѣть другія. За нѣкоторыми изъ столиковъ уже сидѣли группы новоприбывшихъ гостей.

Пока г. Клюберъ, снисходительно покорившись «капризу своей невѣсты», ходилъ совѣтываться съ оберъ-вельнеромъ, Джемма стояла неподвижно, опустивъ глаза и стиснувъ губы; она чувство-

вала, что Санинъ неотступно и какъ бы вопросительно глядѣлъ на нее — это, казалось, ее сердило. Наконецъ, г. Клюбержъ вернулся, объявилъ, что черезъ полчаса обѣдъ будетъ готовъ и предложилъ до тѣхъ поръ поиграть въ кегли, прибавивъ, что это очень хорошо для аппетита, хе, хе, хе! Въ кегли онъ игралъ мастерски; бросая шаръ, принималъ удивительно-молодцоватыя позы, щегольски игралъ мускулами, щегольски взмахивалъ и потрясалъ ногою. Въ своемъ родѣ онъ былъ атлетъ — и сложенъ превосходно! И руки у него были такія бѣлыя и красныя, и утиралъ онъ ихъ такимъ богатѣйшимъ, золотисто-пестрымъ, индѣйскимъ фуляромъ!

Наступилъ моментъ обѣда — и все общество усадилось за столы.

XVI.

Кому не извѣстно, что такое нѣмецкій обѣдъ? Водянистый супъ съ шинковатыми клѣцками и корицей, разварная говядина, сухая какъ пробка съ приросшимъ бѣлымъ жиромъ, ослизлымъ картофелемъ, пухлой свеклой и жеванымъ хрѣномъ, посинѣлый угорь съ капорцами и уксусомъ, жареное съ вареньемъ и неизбежная «Mehlspeise» нѣчто въ родѣ пуддинга, съ кисловатой красной подливкой; за то вино и пиво хоть куда! Точно такимъ обѣдомъ поподчивалъ Соденскій трактирщикъ своихъ гостей. Впрочемъ самый обѣдъ прошелъ благополучно. Особеннаго оживленія, правда, не замѣчалось: оно не появилось даже тогда, когда г. Клюбержъ провозгласилъ тостъ за «то, что мы любимъ!» (Was wir lieben!) Ужъ очень все было пристойно и прилично. Послѣ обѣда подали кофе, жидкій, рыжеватый, прямо нѣмецкій кофе. Г. Клюбержъ, какъ истый кавалеръ, попросилъ у Джеммы позволенія закурить сигарку.... Но тутъ вдругъ случилось нѣчто непредвидѣнное, и ужъ точно непріятное — и даже неприличное!

За однимъ изъ сосѣднихъ столиковъ помѣстилось нѣсколько офицеровъ майнцскаго гарнизона. По ихъ взглядамъ и перешептываньямъ можно было легко догадаться, что красота Джеммы поразила ихъ; одинъ изъ нихъ, вѣроятно уже успѣвшій побывать во Франкфуртѣ, то и дѣло поглядывалъ на нее, какъ на фигуру, ему хорошо знакомую: онъ очевидно зналъ, кто она такая. Онъ вдругъ поднялся и со стаканомъ въ рукѣ — гг. офицеры сильно подпили и вся скатерть передъ ними была установлена бутылками — приблизился къ тому столу, за которымъ сидѣла

Джемма. Это былъ очень молодой, бѣлобрысый человѣкъ, съ довольно пріятными и даже симпатическими чертами лица; но выпитое имъ вино исказило ихъ: его щеки подергивало, воспаленные глаза блуждали и принимали выраженіе дерзостное. Товарищи сначала пытались удержать его, но потомъ пустили: была не была—что молъ изъ этого выйдетъ?

Слегка покачиваясь на ногахъ, офицеръ остановился передъ Джеммой и насильственно крикливымъ голосомъ, въ которомъ, мимо его воли, все-таки высказывалась борьба съ самимъ собою, произнесъ: «Пью за здоровье прекраснѣйшей кофейницы въ цѣломъ Франкфуртѣ, въ цѣломъ мірѣ — (онъ разомъ «хлопнулъ» стаканъ) и въ возмездіе беру этотъ цвѣтокъ, сорванный ея божественными пальчиками!» Онъ взялъ со стола розу, лежавшую передъ приборомъ Джеммы. Сначала она изумилась, испугалась и поблѣднѣла страшно... потомъ испугъ въ ней смѣнился негодованіемъ, она вдругъ покраснѣла вся, до самыхъ волосъ — и ея глаза, прямо устремленные на оскорбителя, въ одно и тоже время потемнѣли и вспыхнули, наполнились мракомъ, загорѣлись огнемъ неудержимаго гнѣва. Офицера, должно быть, смутилъ этотъ взглядъ; онъ пробормоталъ что-то невнятное, поклонился — и пошелъ назадъ къ своимъ. Они встрѣтили его смѣхомъ и легкимъ рукоплесканьемъ.

Г. Клюберъ внезапно поднялся со стула, и вытянувшись во весь свой ростъ и надѣвъ шляпу, съ достоинствомъ, но не слишкомъ громко произнесъ: «Это неслыханно! Неслыханная дерзость! (*«Unerhört! Unerhörte Frechheit!»*) и тотчасъ же, строгимъ голосомъ подовавъ къ себѣ кельнера, потребовалъ немедленнаго расчета... мало того: приказалъ заложить карету, при чемъ прибавилъ, что къ нимъ порядочнымъ людямъ ѣздить нельзя, ибо они подвергаются оскорбленіямъ! При этихъ словахъ, Джемма, которая продолжала сидѣть на своемъ мѣстѣ, не шевелясь—ея грудь рѣзко и высоко поднималась — Джемма перевела глаза свои на г. Клубера.... и такъ же пристально, такимъ же точно взоромъ посмотрѣла на него, какъ и на офицера. Эмиль просто дрожалъ отъ бѣшенства.

— Встаньте, мейнъ фрейлейнъ, промолвилъ всё съ той же строгостью г-нъ Клуберъ; здѣсь вамъ не прилично оставаться. Мы расположимся тамъ, въ трактирѣ!

Джемма поднялась молча; онъ подставилъ ей руку калачиномъ, она подала ему свою — и онъ направился къ трактиру величественной походкой, которая, такъ же какъ и осанка его, становилась все величественнѣй и надменнѣй, чѣмъ болѣе онъ

удалился от мѣста, гдѣ происходилъ обѣдъ. Бѣдный Эмиль пошелъ вслѣдъ за ними.

Но пока г. Клюберъ разсчитывался съ кельнеромъ, которому онъ въ видѣ штрафа не далъ на водеу ни одного крѣйцера, Санинъ быстрыми шагами подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли офицеры—и, обратившись къ оскорбителю Джемину (онъ въ это мгновеніе давалъ своимъ товарищамъ поочередно нюхать ея розу)—произнесъ отчетливо, по-французски:—
«То, что вы сейчасъ сдѣлали, милостивый государь, недостойно честнаго человѣка, недостойно мундира, который вы носите — и я пришелъ вамъ сказать, что вы дурно-воспитанный нахалъ!—Молодой человѣкъ вскочилъ на ноги, но другой офицеръ, постарше, остановилъ его движеніемъ руки, заставилъ сѣсть — и, повернувшись къ Санину, спросилъ его, тоже по-французски: «Что, онъ родственникъ, братъ или женихъ той дѣвицы?»

— Я ей совсѣмъ чужой человѣкъ, воскликнулъ Санинъ, я русскій—но я не могу равнодушно видѣть такую дерзость; впрочемъ, вотъ моя карточка и мой адресъ: г. офицеръ можетъ отыскать меня.

Сказавъ эти слова, Санинъ бросилъ на столъ свою визитную карточку и въ то же время проворно схватилъ Джемину розу, которую одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ офицеровъ уронилъ къ себѣ на тарелку. Молодой человѣкъ снова хотѣлъ было вскочить со стула, но товарищъ снова остановилъ его, промолвивъ: «Дѳнгѳфъ, тише! (Dönhof, sei still). Потомъ самъ приподнялся — и приложась къ козырьку рукою, не безъ нѣкотораго оттѣнка почтительности въ голосѣ и манерахъ, сказалъ Санину, что завтра утромъ одинъ офицеръ ихъ полка будетъ имѣть честь явиться къ нему на квартиру. Санинъ отвѣчалъ короткимъ поклономъ — и поспѣшно вернулся къ своимъ пріятелямъ.

Г. Клюберъ притворился, что вовсе не замѣтилъ ни отсутствія Санина, ни его объясненія съ гг-ми офицерами; онъ понукалъ вучера, запрягавшаго лошадей и сильно гнѣвался на его медлительность. Джемма тоже ничего не сказала Санину, даже не взглянула на него: по сдвинутымъ ея бровямъ, по губамъ, поблѣднѣвшимъ и сжатымъ, по самой ея неподвижности можно было понять, что у ней нехорошо на душѣ. Одинъ Эмиль явно желалъ заговорить съ Санинимъ, желалъ разспросить его: онъ видѣлъ, какъ Санинъ подошелъ къ офицерамъ, видѣлъ

какъ онъ подалъ имъ что-то бѣлое, — ключекъ бумажки, записку, карточку... Сердце билось у бѣднаго юноши, щеки пылали, онъ готовъ былъ броситься на шею къ Санину, готовъ былъ заплакать или идти тотчасъ вмѣстѣ съ нимъ расколотить въ пухъ и прахъ всѣхъ этихъ противныхъ офицеровъ! Однако онъ удержался и удовольствовался тѣмъ, что внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего благороднаго русскаго друга!

Кучеръ наконецъ заложилъ лошадей; все общество сѣло въ карету. Эмиль, вслѣдъ за Тартальей, взобрался на козлы; ему тамъ было привольнѣе, да и Клюберъ, котораго онъ видѣть не могъ равнодушно, не торчалъ передъ нимъ.

Во всю дорогу герръ Клюберъ разглагольствовалъ... и разглагольствовалъ одинъ; никто, никто не возражалъ ему, да никто и не соглашался съ нимъ. Онъ особенно настаивалъ на томъ, какъ напрасно не послушались его, когда онъ предлагалъ обѣдать въ закрытой бесѣдѣ. Никакихъ неурядицъ бы не произошло! Потомъ онъ высказалъ нѣсколько рѣзкихъ и даже либеральныхъ сужденій насчетъ того, какъ правительство непростительно потакаетъ офицерамъ, не наблюдаетъ за ихъ дисциплиной и недовольно уважаетъ гражданскій элементъ общества — (*das bürgerliche Element in der Societät*)! — и какъ отъ этого со временемъ возраждаются неудовольствія, отъ которыхъ уже не далеко до революціи, чему печальнымъ примѣромъ (тутъ онъ вздохнулъ сочувственно, но строго) — печальнымъ примѣромъ служить Франція! Однако тутъ же присовокупилъ, что лично благоговѣетъ передъ властью и никогда... никогда!.. революціонеромъ не будетъ — но не можетъ не выразить своего... неодобренія при видѣ такой распущенности! Потомъ прибавилъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній о нравственности и безнравственности, о приличіи и чувствѣ достоинства!

Въ теченіи всѣхъ этихъ «разглагольствованій», Джемма, которая уже во время дообѣденной прогулки не совсѣмъ казалась довольной г-мъ Клюберомъ — оттого она и держалась въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Санина и какъ бы смущалась его присутствіемъ — Джемма явно стала стыдиться своего жениха! Подъ конецъ поѣздки она положительно страдала, и хотя по прежнему не заговаривала съ Санинимъ, но вдругъ бросила на него умоляющій взоръ... Съ своей стороны онъ ощущалъ гораздо болѣе жалости къ ней, чѣмъ негодованія противъ г-на Клюбера; онъ даже втайнѣ, полусознательно радовался всему,

что случилось въ продолженіи того дня, хотя и могъ ожидать вызова на слѣдующее утро.

Мучительная эта *partie de plaisir* прекратилась наконецъ. Высаживая передъ кондитерской Джемму изъ кареты, Санинъ, ни слова не говоря, положилъ ей въ руку возвращенную имъ розу. Она вся вспыхнула, стиснула его руку и мгновенно спрята-ла розу. Онъ не хотѣлъ войти въ домъ, хотя вечеръ только-что начинался. Она сама его не пригласила. Притомъ, появив-шійся на крыльцѣ Панталеоне объявилъ, что фрау Леноре по-чивается. Эмилію застѣнчиво простился съ Санинымъ; онъ словно дичился его: ужъ очень онъ ему удивлялся. Клюберъ отвезъ Са-нина на его квартиру и чопорно раскланялся съ нимъ. Пра-вильно устроенному вѣмцу, при всей его самоувѣренности, было неловко. Да и всѣмъ было неловко.

Впрочемъ въ Санинѣ это чувство—чувство неловкости — скоро разсѣялось. Оно замѣнилось неопредѣленнымъ, но пріят-нымъ, даже восторженнымъ настроеніемъ. Онъ расхаживалъ по комнатѣ, ни о чемъ не хотѣлъ думать, посвистывалъ—и былъ очень доволенъ собою.

XVII.

«Буду ждать г-на офицера для объясненія до 10-ти часовъ утра», размышлялъ онъ на слѣдующее утро, совершая свой ту-алетъ, «а тамъ пусть онъ меня отыскиваетъ!» Но нѣмецкіе люди встаютъ рано: девять часовъ еще не пробило, какъ уже кельнеръ доложилъ Санину, что г. подпоручикъ (*der Herr Seconde Lieutenant*) фонъ-Рихтеръ желаетъ его видѣть. Санинъ проворно накинулъ скюртукъ и приказалъ «просить». Г. Рих-теръ оказался, противъ ожиданія Санина, весьма молодымъ чело-вѣкомъ, почти мальчикомъ. Онъ старался придать важности выра-женію своего безбородаго лица,—но это ему не удавалось вовсе: онъ даже не могъ скрыть свое смущеніе—и, сядя на стулъ, чуть не упалъ, зацѣпившись за саблю. Запинаясь и заикаясь, онъ объявилъ Санину, на дурномъ французскомъ языкѣ, что пріѣ-халъ съ порученіемъ отъ своего пріятеля, барона фонъ-Дѣнгофа; что порученіе это состояло въ истребованіи отъ г-на фонъ-За-нинъ извиненія въ употребленныхъ имъ наканунѣ оскорбитель-ныхъ выраженіяхъ; и что въ случаѣ отказа со стороны г-на фонъ-Занинъ — баронъ фонъ-Дѣнгофъ желаетъ сатисфакціи. Санинъ отвѣчалъ, что извиняться онъ не намѣренъ, а сатисфакцію дать готовъ. Тогда г. фонъ-Рихтеръ, все такъ же запинаясь, спро-

силъ, съ кѣмъ, въ которомъ часу и въ которомъ мѣстѣ придется ему вести нужные переговоры? Санинъ отвѣчалъ, что онъ можетъ придти къ нему часа черезъ два и что до тѣхъ поръ онъ, Санинъ, постарается сыскать секунданта. («Кого я къ чорту возьму въ секунданты?» думалъ онъ между тѣмъ про себя.) Г. фонъ-Рихтеръ всталъ и началъ раскланиваться... но на порогѣ двери остановился, какъ-бы почувствовавъ угрызеніе совѣсти,—и, повернувшись къ Санину, промолвилъ, что его пріятель, баронъ фонъ-Дѣнгофъ, не скрываетъ отъ самого себя... нѣкоторой степени... собственной вины во вчерашнемъ происшествіи—и потому удовлетворился бы легкими извиненіями—«des exghizes léchèges». На это Санинъ отвѣчалъ, что никакихъ извиненій, ни тяжелыхъ, ни легкихъ, онъ давать не намѣренъ, такъ какъ онъ виноватымъ себя не почитаетъ.—«Въ такомъ случаѣ, возразилъ г. фонъ-Рихтеръ, и покраснѣлъ еще болѣе:—надо будетъ помѣняться дружескими выстрѣлами—des coups de bisdolet à l'amiaple!»

— Этого я уже совершенно не понимаю, замѣтилъ Санинъ, на воздухъ намъ стрѣлять, что-ли?

— О, не то, не такъ, залепеталъ окончательно сконфузившійся подпоручикъ—но я полагалъ, что такъ какъ дѣло происходитъ между порядочными людьми... Я поговорю съ вашимъ секундantomъ, перебилъ онъ самого себя—и удалился.

Санинъ опустился на стулъ, какъ только тотъ вышелъ, и усталъ на полъ.—«Что-молъ это такое? Какъ это вдругъ такъ завертѣлась жизнь? Все прошедшее, все будущее вдругъ ступало, пропало—и осталось только то, что я во Франефуртѣ съ кѣмъ-то за что-то дерусь». Вспомнилось ему одна его сумасшедшая тѣтушка, которая, бывало, все подплясывала и напѣвала:

«Подпоручикъ!
Мой огурчикъ!
Мой амурчикъ!
Пропляши со мной, голубчикъ!»

И онъ захохоталъ и пропѣлъ, какъ она: «Подпоручикъ! пропляши со мной, голубчикъ!»—Однако, надо дѣйствовать, не терять времени, воскликнулъ онъ громко—вскочилъ и увидаль передъ собой Панталеоне, съ записочкой въ рукѣ.

— Я нѣсколько разъ стучался, но вы не отвѣчали; я подумалъ, что васъ дома нѣтъ, промолвилъ старикъ и подаль ему записку.—Отъ синьорины Джеммы.

Санинъ взялъ записку—какъ говорится, машинально—распечаталъ и прочелъ ее. Джемма писала ему, что она весьма без-

покоится по поводу известнаго ему дѣла, и желала бы свидѣться съ нимъ тотчасъ.

— Синьорина безпокоится, началъ Панталеоне, которому очевидно было известно содержаніе записки; она велѣла мнѣ посмотреть, чтѣ вы дѣлаете, и привести васъ къ ней.

Санинъ взглянулъ на стараго итальянца — и задумался. Внезапная мысль свернула въ его головѣ. Въ первый мигъ она показалась ему странной до невозможности...

«Однако... почему же нѣтъ?» спросилъ онъ самого себя.

— Г. Панталеоне! произнесъ онъ громко.

Старикъ встрепенулся, уткнулъ подбородокъ въ галстухъ и уставился на Санина.

— Вы знаете, продолжалъ Санинъ — чтѣ произошло вчера?

Панталеоне пожевалъ губами и трихнулъ своимъ огромнымъ хохломъ. — Знаю.

(Эмилъ, только-что вернулся, рассказалъ ему все.)

— А! знаете! — Ну, такъ вотъ что. Сейчасъ отъ меня вышелъ офицеръ. Тотъ нахалъ вызываетъ меня на поединокъ. — Я принялъ его вызовъ. — Но у меня нѣтъ секунданта. Хотите *вы* быть моимъ секундантомъ?

Панталеоне дрогнулъ и такъ высоко поднялъ брови, что онѣ скрылись у него подъ нависшими волосами.

— Вы непременно должны драться? проговорилъ онъ наконецъ, по-итальянски; до того мгновенія онъ изъяснялся по французски.

— Непременно. Иначе поступить — значило бы опозорить себя навсегда.

— Гмъ. — Если я не соглашусь пойти къ вамъ въ секунданты — то вы будете искать другого?

— Буду... непременно.

Панталеоне потупился. — Но позвольте васъ спросить, синьор де-Цанини, не броситъ ли вашъ поединокъ нѣкоторую неблагоприятную тѣнь на репутацію одной персоны?

— Не полагаю; но какъ бы то ни было — дѣлать нечего!

— Гмъ. — Панталеоне совсѣмъ ушелъ въ свой галстухъ. — Ну а тотъ феррофлуэто Клуберіо, — что же онъ? воскликнулъ онъ вдругъ и вскинулъ лицо къ верху.

— Онъ? Ничего.

— Къ! (Che!) *) Панталеоне презрительно пожалъ плечами. — Я долженъ, во всякомъ случаѣ, благодарить васъ, произнесъ онъ наконецъ невѣрнымъ голосомъ — что вы и въ теперешнемъ моемъ

*) Непереводимое итальянское восклицаніе, въ родѣ нашего: Ну!

уничженіи умѣли признать во мнѣ порядочнаго человека—un galant'uomo! — Поступая такимъ образомъ, вы сами выказали себя настоящимъ galant'uomo. Но я долженъ обдумать ваше предложеніе.

— Время не терпитъ, любезный г. Чи... чиппа...

— Тогда, подсказалъ старикъ. — Я прошу всего одинъ часъ на размышленіе. — Тутъ замѣшана дочь моихъ благодѣтелей... И потому я долженъ, я обязанъ — подумать!!... Черезъ часъ... черезъ три-четверти часа—вы узнаете мое рѣшеніе.

— Хорошо; я подожду.

— А теперь... какой же я дамъ отвѣтъ синьоринѣ Джеммѣ?

Санинъ взялъ листокъ бумаги, написалъ на немъ: «Будьте покойны, моя дорогая пріятельница, часа черезъ три я приду къ вамъ — и все объяснится. Душевно васъ благодарю за участіе» — и вручилъ этотъ листикъ Панталеоне.

Тотъ бережно положилъ его въ боковой карманъ — и еще разъ повторивъ: черезъ часъ! — направился-было къ дверямъ; но круто повернулъ назадъ, подбѣжалъ къ Санину, схватилъ его руку — и, притиснувъ ее къ своему жабо, поднявъ глаза къ небу, воскликнулъ: «Благородный юноша! Великое сердце (Nobil giovanotto! Gran cuore!) — позвольте слабому старцу (a un vecchiotto) пожать вашу мужественную десницу! (la vostra valorosa destra!) Потомъ отскочилъ немного назадъ, взмахнулъ обѣими руками — и удалился.

Санинъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ... взялъ газету и принялся читать. Но глаза его напрасно бѣгали по строкамъ: онъ не понималъ ничего.

XVIII.

Часъ спустя, кельнеръ снова вошелъ къ Санину и подаль ему старую, запачканную визитную карточку, на которой стояли слѣдующія слова: Панталеоне Чиппатола изъ Варезе, придворный пѣвецъ (cantante di camera) его королевскаго высочества герцога Моденскаго; — а вслѣдъ за кельнеромъ явился и самъ Панталеоне. Онъ переодѣлся съ ногъ до головы. На немъ былъ порывѣлый черный фракъ и бѣлый пивеневый жилетъ, по которому затѣйливо извивалась томпаковая цѣпочка; тяжелая сердоликовая печатка спускалась низко на узкіе черные панталоны съ гульфикомъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ черную шляпу изъ заячьяго пуха, въ лѣвой двѣ толстыя, замшевыя перчатки; галстухъ онъ повязалъ еще шире и выше обыкновеннаго — и

въ накрахмаленное жабо воткнулъ булавку съ камнемъ, называемымъ «кошачьимъ глазомъ» (oeil de chat). На указательномъ пальцѣ правой руки красовался перстень, изображавшій двѣ сложенные длани, а между ними пылающее сердце. Залегалымъ запахомъ, запахомъ камфоры и мускуса несло отъ всей особы старика, озабоченная торжественность его осанки поразила бы самого равнодушнаго зрителя! Санинъ всталъ ему на встрѣчу.

— Я вашъ секундантъ, промолвилъ Панталеоне по-французски — и наклонился всѣмъ корпусомъ впередъ, причемъ носки поставилъ врозь, какъ это дѣлаютъ тапцоры. Я пришелъ за инструкціями. Желаете вы драться безъ пощады?

— Зачѣмъ же безъ пощады, дорогой мой г. Чиппатблэ! Я ни за что въ мірѣ не возьму моихъ вчерашнихъ словъ назадъ — но я не кровопійца!... Да вотъ, постойте, сейчасъ придетъ секундантъ моего противника. Я уйду въ сосѣднюю комнату — а вы съ нимъ и условитесь. Повѣрьте, я вѣкъ не забуду вашей услуги и благодарю васъ отъ души.

— Честь прежде всего! отвѣчалъ Панталеоне и опустился въ кресла, не дожидаясь, чтобы Санинъ попросилъ его сѣсть. Если этотъ феррофлукто спичебуббіо, заговорилъ онъ, мѣшая французскій языкъ съ итальянскимъ, если этотъ торгашъ Клуберіо не умѣлъ понять свою прямую обязанность или струсилъ, тѣмъ хуже для него!... Грошѣвая душа — и баста!... Что же касается до условій поединка — я вашъ секундантъ, и ваши интересы для меня священны!... Когда я жилъ въ Падуѣ, тамъ стоялъ полкъ бѣлыхъ драгуновъ — и я со многими офицерами былъ очень близокъ!... Весь ихъ кодексъ мнѣ очень хорошо извѣстенъ. Ну и съ вашимъ принципе Тарбуски я часто бесѣдовалъ объ этихъ вопросахъ... Тотъ секундантъ скоро долженъ придти?

— Я жду его каждую минуту — да вотъ онъ самъ и идетъ, прибавилъ Санинъ, глянувъ на улицу.

Панталеоне всталъ, посмотрѣлъ на часы, поправилъ свой кофъ и поспѣшно засунулъ въ башмакъ болтавшуюся изъ-подъ панталонъ тесемку. Молодой подпоручикъ вошелъ, все такой же красный и смущенный.

Санинъ представилъ секундантовъ другъ другу. M-r Richter, Souslieutenant! — M-r Zippatola, artiste! Подпоручикъ слегка изумился при видѣ старика... О, что бы онъ сказалъ, еслибы кто шепнулъ ему въ это мгновеніе, что представленный ему «артистъ» занимается также и повареннымъ искусствомъ!... Но Панталеоне принялъ такой видъ, какъ будто участвовать въ устройствѣ поединковъ было для него самымъ обычнымъ дѣломъ:

вѣроятно ему въ этомъ случаѣ помогали воспоминанія его театральной карьеры—и онъ разыгрывалъ роль секунданта, именно какъ роль. И онъ, и подпоручикъ, оба помолчали немного.

— Что-жъ? Приступимъ! первый промолвилъ Панталеоне, играя сердоликовой печаткой.

— Приступимъ, отвѣтилъ подпоручикъ, — но... присутствіе одного изъ противниковъ...

— Я васъ немедленно оставляю, господа, воскликнулъ Санинъ, поклонился, вышелъ въ спальню—и заперъ за собою дверь.

Онъ бросился на кровать—и принялся думать о Джеммѣ... но разговоръ секундантовъ проникалъ къ нему сквозь закрытую дверь. Онъ происходилъ на французскомъ языкѣ; оба коверкали его нещадно, каждый на свой ладъ. Панталеоне опять упомянулъ о драгунахъ въ Падуѣ, о принципе Тарбуска — подпоручикъ объ «exghizes léchères» и о «gours à l'amiaple». Но старикъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ exghizes! Къ ужасу Санина онъ вдругъ пустился толковать своему собесѣднику о нѣкоторой юной невинной дѣвицѣ, одинъ мизинецъ которой стòитъ больше чѣмъ всѣ офицеры міра... (oune zeune damigella innocenta, qu'a ella sola dans soun péti doa vale piu que toutt le zouffissié del mondo!) и нѣсколько разъ съ жаромъ повторилъ: Это стыдъ! это стыдъ! (E ouna onta, ouna onta!) Поручикъ сперва не возражалъ ему, но потомъ въ голосъ молодого человѣка послышалась гнѣвная дрожь, и онъ замѣтилъ, что пришелъ не затѣмъ, чтобы выслушивать моральныя сентенціи...

— Въ нашемъ возрастѣ всегда полезно выслушивать справедливыя рѣчи! воскликнулъ Панталеоне.

Преніе между г-ми секундантами нѣсколько разъ становилось бурнымъ; оно продолжалось болѣе часу, и завершилось наконецъ слѣдующими условіями: «стрѣлаться барону фонъ-Дѣнгофу и господину де-Санину на завтрашній день, въ 10 часовъ утра, въ небольшомъ лѣсу около Ганау на разстояніи двадцати шаговъ; каждый имѣетъ право стрѣлать два раза по знаку, данному секундантами. Пистолеты безъ шнеллера и не нарѣзные». Г. фонъ-Рихтеръ удалился, а Панталеоне торжественно открылъ дверь спальни, и сообщивъ результатъ совѣщанія, снова воскликнулъ: «Bravo Russo! Bravo giovanotto! Ты будешь побѣдителемъ!»

Нѣсколько минутъ спустя они оба отправились въ кондитерскую Розелли. Санинъ предварительно взялъ съ Панталеоне слово держать дѣло о дуэли въ глубочайшей тайнѣ. Въ отвѣтъ старикъ только палецъ кверху поднялъ, и прищуривъ глазъ, прошепталъ два раза сряду: Segredezza! (тайнственности!) Онъ ви-

дино помолодѣлъ и даже выступалъ свободнѣе. Всѣ эти необычайныя, хотя и непріятныя событія живо переносили его въ ту эпоху, когда онъ самъ и принималъ и дѣлалъ вызовы—правда, на сценѣ. Баритоны, какъ извѣстно, очень пѣтушатся въ своихъ роляхъ.

XIX.

Эмиль выбѣжалъ на встрѣчу Санину—онъ болѣе часу караулилъ его приходъ — и, торопливо шепнувъ ему на ухо, что мать ничего не знаетъ о вчерашней непріятности, и что даже намекать на нее не слѣдуетъ, а что его опять посылаютъ въ магазинъ!!... но что онъ туда не пойдетъ, а спрячется гдѣ-нибудь—сообщивъ все это въ теченіи нѣсколькихъ секундъ, онъ внезапно припалъ къ плечу Санина, порывисто поцѣловалъ его и бросился внизъ по улицѣ. Въ кондитерской Джемма встрѣтила Санина; хотѣла что-то сказать—и не могла. Ея губы слегка дрожали, а глаза шурились и бѣгали по сторонамъ. Онъ поспѣшилъ успокоить ее увѣреніемъ, что все дѣло кончилось... сущими пустяками.

— У васъ никого не было сегодня? спросила она.

— Было у меня одно лицо — мы съ нимъ объяснились — и мы... мы пришли къ самому удовлетворительному результату.

Джемма вернулась за прилавкомъ.

«Не повѣрила она мнѣ!» подумалъ онъ... однако отправился въ сосѣднюю комнату и засталъ тамъ фразу Ленору.

У ней мигрень прошла, но она находилась въ настроеніи меланхолическомъ. Она радушно улыбнулась ему, но въ то же время предупредила его, что ему будетъ сегодня съ нею скучно, такъ какъ она не въ состояніи его занять. Онъ подсѣлъ къ ней и замѣтилъ, что ея вѣки покраснѣли и опухли.

— Что съ вами, фрау Леноре? Неужели вы плакали?

— Тсссс... прошептала она и указала головою на комнату, гдѣ находилась ея дочь. Не говорите этого... громко.

— Но о чемъ же вы плакали?

— Ахъ, мосѣ Санинъ, сама не знаю о чемъ!

— Васъ никто не огорчилъ?

— О нѣтъ!... Мнѣ очень скучно вдругъ сдѣлалось. Вспомнила я Джіован'Баттиста... свою молодость... Потомъ, какъ это все скоро прошло. Стара я становлюсь, другъ мой—и не могу я никакъ съ этимъ помириться. Кажется, сама я все та же, что прежде... а старость—вотъ она... вотъ она! — На глазахъ фразу

Леноры показались слезинки. Вы, я вижу, смотрите на меня да удивляетесь... Но вы тоже постарѣете, другъ мой, и узнаете, какъ это горько!

Санинъ принялся утѣшать ее, упомянулъ объ ея дѣтахъ, въ которыхъ воскресала ея собственная молодость, попытался даже подтрунить надъ нею, увѣряя, что она напрашивается на комплименты... но она, не шутя, попросила его «перестать», и онъ тутъ въ первый разъ могъ убѣдиться, что подобную унылость, унылость сознанный старости ничѣмъ утѣшить и разсѣять нельзя; надо подождать, пока она пройдетъ сама собою. Онъ предложилъ ей сыграть съ нимъ въ тресетте — и ничего лучшаго онъ не могъ придумать. Она тотчасъ согласилась — и какъ будто повеселѣла.

Санинъ игралъ съ ней до обѣда и послѣ обѣда. Панталеоне также принималъ участіе въ игрѣ. Никогда его хохолъ не падалъ такъ низко на лобъ, никогда подбородокъ не уходилъ такъ глубоко въ галстухъ! Каждое движеніе его дышало такой сосредоточенной важностью, что, глядя на него, невольно рождалась мысль: «Какую это тайну съ такою твердостью хранить этотъ человѣкъ?»

Но — *segredezza! segredezza!*

Онъ, въ теченіе всего того дня, всячески старался оказывать глубочайшее почтеніе Санину; за столомъ, торжественно и рѣшительно, минуя дамъ, подавалъ блюда ему первому; во время карточной игры уступалъ ему прикупку, не дерзалъ его ремизить; объявлялъ, ни въ селу, ни въ городѣ, что русскіе — самый великодушный, храбрый и рѣшительный народъ въ мірѣ!

«Ахъ ты старый лицедей!» думалъ про себя Санинъ.

И не столько дивился онъ неожиданному настроенію духа въ г-жѣ Розелли, сколько тому, какъ ея дочь съ нимъ обращалась. Она не то, чтобы избѣгала его... напротивъ; она постоянно садилась въ небольшомъ отъ него разстояніи, прислушивалась къ его рѣчамъ, глядѣла на него; но она рѣшительно не хотѣла вступать съ нимъ въ бесѣду, и какъ только онъ заговаривалъ съ нею — тихонько поднималась съ мѣста и тихонько удалялась на нѣсколько мгновеній. Потомъ она появлялась опять, и опять усаживалась гдѣ-нибудь въ уголку — и сидѣла неподвижно, словно размышляя и недоумѣвая... недоумѣвая пуще всего. Сама фрау Леноре замѣтила наконецъ необычайность ея поведенія и раза два спросила, чтб съ ней?

— Ничего, отвѣтила Джемма: ты знаешь, я бываю иногда такая.

— Это точно, соглашалась съ нею мать.

Такъ прошелъ весь этотъ длинный день, ни оживленно, ни вяло — ни весело, ни скучно. Держи себя Джемма иначе — Санинъ... какъ знать? не совладалъ бы съ искушеніемъ немного порисоваться — или просто поддался бы чувству грусти передъ возможной, быть можетъ, вѣчной разлукой... Но такъ какъ ему ни разу не пришлось даже поговорить съ Джеммой, то онъ долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что въ теченіи четверти часа, передъ вечернимъ кофе, бралъ минорные аккорды на фортепіано.

Эмиль вернулся поздно, и во избѣжаніе разспросовъ о г-нѣ Клюбержъ, отретировался весьма скоро. Пришла очередь удалиться и Санину.

Онъ сталъ прощаться съ Джеммой. Вспомнилось ему почему-то разставаніе Ленскаго съ Ольгой въ «Онѣгинѣ». Онъ вѣрно стиснулъ ей руку — и попытался заглянуть ей въ лицо — но она слегка отворотилась и высвободила свои пальцы.

XX.

Уже совсѣмъ «вызвѣздило», когда онъ вышелъ на крыльцо. И сколько-жъ ихъ высыпало этихъ звѣздъ, большихъ, малыхъ, желтыхъ, красныхъ, синихъ, бѣлыхъ! Всѣ онѣ такъ и рдѣли, такъ и ронились, наперерывъ играя лучами. Луны не было на небѣ, но и безъ нея каждый предметъ четко виднѣлся въ полусвѣтломъ, безтѣнномъ сумракѣ. Санинъ прошелъ улицу до конца.... Не хотѣлось ему тотчасъ возвратиться домой; онъ чувствовалъ потребность побродить на чистомъ воздухѣ. Онъ вернулся назадъ — и не успѣлъ еще поровняться съ домомъ, въ которомъ помѣщалась кондитерская Розелли, какъ одно изъ оконъ, выходившихъ на улицу, внезапно стукнуло и отворилось — на черномъ его четырехугольникѣ (въ комнатѣ не было огня) появилась женская фигура — и онъ услышалъ что его зовутъ:

— «Monsieur Dimitri!»

Онъ тотчасъ бросился къ окну.. Джемма!

Она облокотилась о подоконникъ и наклонилась впередъ.

— Monsieur Dimitri, начала она осторожнымъ голосомъ — я въ теченіи цѣлаго нынѣшняго дня хотѣла вамъ дать одну вещь... но не рѣшалась; и вотъ теперь, неожиданно увидя васъ снова, подумала, что видно такъ суждено...

Джемма невольно остановилась на этомъ словѣ. Она не могла продолжать: нѣчто необыкновенное произошло въ это самое мгновеніе.

Внезапно, среди глубокой тишины, при совершенно-безоблач-

номъ небѣ, налетѣлъ такой порывъ вѣтра, что сама земля, казалась, затрепетала подъ ногами, тонкій звѣздный свѣтъ задрожалъ и заструился, самый воздухъ завертѣлся клубомъ. Вихорь, не холодный, а теплый, почти знойный, ударилъ по деревьямъ, по крышѣ дома, по его стѣнамъ, по улицѣ; онъ мгновенно сорвалъ шляпу съ головы Санина, взвилъ и разметалъ черные кудри Джеммы. Голова Санина приходилась въ уровень съ подоковникомъ; онъ невольно прильнулъ къ нему—и Джемма ухватилась обѣими руками за его плечи, припала грудью къ его головѣ. Шумъ, звонъ и грохотъ длились около минуты... Какъстая громадныхъ птицъ помчался прочь взывавшій вихорь... Настала вновь глубокая тишина.

Санинъ приподнялся и увидалъ надъ собою такое чудное, испуганное, возбужденное лицо, такіе огромные, страшные, великолѣпные глаза—такую красавицу увидалъ онъ, что сердце въ немъ замерло, онъ приникъ губами къ тонкой пряди волосъ, упавшей ему на грудь—и только могъ проговорить: О Джемма!

— Что это было такое? Молнія? спросила она, широко поводя глазами и не принимая съ его плечъ своихъ обнаженныхъ рукъ.

— Джемма! повторилъ Санинъ.

Она вздрогнула, оглянулась назадъ въ комнату—и быстрымъ движеніемъ доставъ изъ-за вѣрсажа уже увядшую розу, бросила ее Санину.

— Я хотѣла дать вамъ этотъ цвѣтокъ...

Онъ узналъ розу, которую онъ отвоевалъ наканунѣ...

Но уже окошко захлопнулось, и за темнымъ стекломъ ничего не видѣлось и не бѣлѣло.

Санинъ пришелъ домой безъ шляпы... Онъ и не замѣтилъ, что онъ ее потерялъ.

XXI.

Онъ заснулъ подъ самое утро. И не мудрено! Подъ ударомъ того лѣтнаго, мгновеннаго вихря, онъ почти также мгновенно почувствовалъ—не то, что Джемма красавица, не то, что она ему нравилась—это онъ зналъ и прежде... а то, что онъ едва ли... не полюбилъ ея! Мгновенно, какъ тотъ вихрь, налетѣла на него любовь. А тутъ эта глупая дуэль! Скорбныя предчувствія начали его мучить. Ну, положимъ, не убьютъ его... Что же можетъ выдти изъ его любви къ этой дѣвушкѣ, къ невѣстѣ другого? Положимъ даже, что этотъ «другой» ему не опасенъ,

что сама Джемма полюбитъ или уже полюбила его... Что же изъ этого? Какъ это? Такая красавица...

Онъ ходилъ по комнатѣ, садился за столъ, бралъ листъ бумаги, чертилъ на немъ нѣсколько строкъ — и тотчасъ ихъ вымарывалъ... Вспоминалъ удивительную фигуру Джеммы, въ темномъ окнѣ, подъ лучами звѣздъ, всю развѣянную теплымъ вихремъ; вспоминалъ ея мраморныя руки, подобныя рукамъ олимпійскихъ богинь, чувствовалъ ихъ живую тяжесть на плечахъ своихъ... Потомъ онъ бралъ брошенную ему розу—и казалось ему, что отъ ея полу-завядшихъ лепестковъ вѣяло другимъ, еще болѣе тонкимъ запахомъ, чѣмъ обычный запахъ розъ...

— И вдругъ его убьютъ, или изувѣчатъ?

Онъ не ложился въ постель—и заснулъ, одѣтый, на диванѣ.

Кто-то потрепалъ его по плечу...

Онъ открылъ глаза—и увидѣлъ Панталеоне.

— Спать, какъ Александръ Македонскій наканунѣ вавилонскаго сраженія! воскликнулъ старикъ.

— Да который часъ? спросилъ Санинъ.

— Семь часовъ безъ четверти; до Ганау — два часа ѣзды, а мы должны быть первые на мѣстѣ. Русскіе всегда предупреждаютъ враговъ! Я взялъ лучшую карету во Франкфуртѣ!

Санинъ началъ умываться.—А пистолеты гдѣ?

— Пистолеты привезетъ тотъ феррофлуко Тедеско. И доктора онъ же привезетъ.

Панталеоне видимо бодрился, по вчерашнему; но когда онъ сѣлъ въ карету съ Санинимъ, когда кучеръ защелкалъ бичомъ и лошади съ мѣста пустились вскачь, — съ бывшимъ пѣвцомъ и пріятелемъ падуійскихъ драгуновъ произошла внезапная перемѣна. Онъ смутился, даже струхнулъ. Въ немъ словно что-то обрушилось, какъ плохо выведенная стѣнка.

— Однако, что это мы дѣлаемъ, Боже мой, Santissima Madonna! воскликнулъ онъ неожиданно-пискливимъ голосомъ и схватилъ себя за волосы. Что я дѣлаю, я старый дуракъ, сумасшедшій, frenetico?

Санинъ удивился и засмѣялся, и слегка обнявъ Панталеоне за талью, напомнилъ ему французскую поговорку: «Le vin est tiré—il faut le boire» — (по-русски: «взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ»).

— Да, да, отвѣчалъ старикъ: — эту чашу мы разопьемъ съ вами,—а все же я безумецъ! Я—безумецъ! Все было такъ тихо, хорошо... и вдругъ: та-та-та, тра-та-та!

— Словно tutti въ оркестрѣ, замѣтилъ Санинъ съ натакнутой улыбкой. Но виноваты не вы.

— Я знаю, что не я! Еще бы! Все же это... необузданный такой поступокъ. Diavolo! Diavolo! повторялъ Панталеоне, потрясая хохломъ и вздыхая.

А карета все катилась, да катилась.

Утро было прелестное. Улицы Франкфурта, едва начинавшія оживать, казались такими чистыми и уютными; окна домовъ блестѣли переливчато, какъ фольга; а лишь только карета выѣхала да заставу—сверху, съ голубого, еще не яркаго неба такъ и посыпались голосистые раскаты жаворонковъ. Вдругъ, на поворотѣ шоссе, изъ-за высокаго тополя показалась знакомая фигура, ступила нѣсколько шаговъ и остановилась. Санинъ приглядылся... Боже мой! Эмиль!

— Да развѣ она знаетъ что-нибудь? обратился онъ къ Панталеоне.

— Я же вамъ говорю, что я безумецъ,—отчаянно, чуть не съ крикомъ возопилъ блѣдный итальянецъ; — этотъ злополучный мальчикъ всю ночь мнѣ не далъ покоя — и я ему сегодня утромъ, наконецъ, все открылъ!

(«Вотъ тебѣ и segredezza»! подумалъ Санинъ)

Карета поровнялась съ Эмилемъ; Санинъ велѣлъ вучеру остановить лошадей и подозвалъ къ себѣ «злополучнаго мальчика». Нерѣшительными шагами приблизился Эмиль, блѣдный, блѣдный, какъ въ день своего припадеа. Онъ едва держался на ногахъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? строго спросилъ его Санинъ:—зачѣмъ вы не дома?

— Позвольте... позвольте мнѣ ѣхать съ вами, пролепеталъ Эмиль трепетнымъ голосомъ — и сложилъ руки. Зубы у него стучали какъ въ лихорадкѣ. Я вамъ не помѣшаю — только возьмите, возьмите меня!

— Если вы чувствуете хоть на волосъ привязанности или уваженія ко мнѣ—промолвилъ Санинъ:—вы сейчасъ вернетесь домой или въ магазинъ къ г-ну Клюбелю, и никому не скажете ни единого слова и будете ждать моего возвращенія!

— Вашего возвращенія, простоналъ Эмиль — а голосъ его зазвенѣлъ и оборвался—но если васъ...

— Эмиль! перебилъ его Санинъ—и указалъ глазами на вучера—опомнитесь! Эмиль, пожалуйста, ступайте домой! Послу-

пайтесь меня, другъ мой! Вы увѣраете, что любите меня. Ну, я васъ прошу!

Онъ протянулъ ему руку. Эмиль покачнулся впередъ, вскрикнувъ, прижалъ ее къ своимъ губамъ — и, соскочивъ съ дороги, побѣжалъ назадъ къ Франкфурту, черезъ поле.

— Тоже благородное сердце — пробормоталъ Панталеоне; но Санинъ угрюмо взглянулъ на него... Старикъ уткнулся въ уголъ кареты. Онъ сознавалъ свою вину; да сверхъ того онъ съ каждымъ мгновеньемъ все болѣе изумлялся: неужели это онъ взаправду сдѣлался секундantomъ, и лошадей онъ досталъ, и всѣмъ распорядился и мирное свое обиталище покинулъ въ шесть часовъ утра? Къ тому же ноги его разболѣлись и за-
нели.

Санинъ почелъ за нужное ободрить его — и попалъ въ жилеу, нашелъ настоящее слово.

— Гдѣ же вашъ прежній духъ, почтенный синьоръ Чиппатолла? Гдѣ — *il antico valor*? Синьоръ Чиппатолла выпрямился и нахмурился.

— *Il antico valor*? провозгласилъ онъ басомъ. *Non è ancora spento* — (онъ еще не весь утраченъ) *il antico valor*!

Онъ пріосанился, заговорилъ о своей карьерѣ, объ оперѣ, о великомъ тенорѣ Гарсія — и пріѣхалъ въ Ганау — молодцомъ. Какъ подумаешь: нѣтъ ничего на свѣтѣ сильнѣе... и безсильнѣе слова.

XXII.

Лѣсокъ, въ которомъ долженствовало происходить побоище, находился въ четверти мили отъ Ганау. Санинъ съ Панталеоне пріѣхали первые, какъ онъ предсказывалъ; велѣли каретѣ остаться на опушкѣ лѣса и углубились въ тѣнь довольно густыхъ и частыхъ деревьевъ. Имъ пришлось ждать около часу.

Ожиданіе не показалось особенно тягостнымъ Санину; онъ рассказывалъ взадъ и впередъ по дорожкѣ, прислушивался, какъ пѣли птицы, слѣдилъ за пролетавшими «кормыслами», и какъ большая часть русскихъ людей въ подобныхъ случаяхъ, старался не думать. Разъ только на него нашло раздумье: онъ наткнулся на молодую липу, сломанную, по всѣмъ вѣроятіямъ, вчерашнимъ шваломъ. Она положительно умирала.. всѣ листья на ней умирали. «Что это? предзнаменованіе?» мелькнуло у него въ головѣ; но онъ тотчасъ же засвисталъ, перескочилъ черезъ ту самую липу, зашагалъ по дорожкѣ. Панталеоне — тотъ ворчалъ, бранилъ нѣмцевъ, вряхтѣлъ, потиралъ то спину,

то колѣна. Онъ даже зѣвалъ отъ волненія, что придавало пре-
забавное выраженіе его маленькому, съѣженному личику. Санинъ
чуть не расхохотался, глядя на него.

Послышалось наконецъ рокотаніе колесъ по мягкой дорогѣ.
— Они! промолвилъ Панталеоне, и насторожился и выпрямился, не
безъ мгновенной нервической дрожи, которую однако поспѣ-
шилъ замаскировать восклицаніемъ: Брррръ! и замѣчаніемъ, что
сегодняшнее утро довольно свѣжее. Обильная роса затопляла
травы и листья, но зной проникалъ уже въ самый лѣсъ.

Оба офицера скоро показались подъ его сводами; ихъ со-
провождалъ небольшой плотненькій человѣчекъ съ флегматиче-
скимъ, почти заспаннымъ лицомъ—военный докторъ. Онъ несъ
въ одной рукѣ глиняный кувшинъ съ водою—на всякій случай;
сумка съ хирургическими инструментами и бинтами болталась
на его лѣвомъ плечѣ. Видно было, что онъ къ подобнымъ экс-
курсіямъ привыкъ дѣлать; онѣ составляли одинъ изъ источ-
никовъ его доходовъ: каждая дуэль приносила ему восемь чер-
вонцевъ—по четыре съ каждой изъ воюющихъ сторонъ. Г.
фонъ-Рихтеръ несъ ящикъ съ пистолетами, г. фонъ-Дѡнгофъ
вертелъ въ рукѣ—вѣроятно для «шику», небольшой хлыстикъ.

— Панталеоне! шепнулъ Санинъ старику; если... если меня
убьютъ—все можетъ случиться—достаньте изъ моего бокового
кармана бумажку—въ ней завернуть цвѣтокъ—и отдайте эту
бумажку синьоринѣ Джеммѣ. Слышите? Вы общаетесь?

Старикъ уныло взглянулъ на него—и качнулъ утвердительно
головою... Но Богъ вѣдаетъ, понялъ ли онъ, о чемъ просилъ
его Санинъ.

Противники и секунданты обмѣнялись, какъ водится, покло-
нами; одинъ докторъ даже бровью не повелъ—и присѣлъ, зѣ-
вая, на траву: «Мнѣ молъ не до изъявленій рыцарской вѣжли-
вости». Г. фонъ-Рихтеръ предложилъ г-ну «Тшибадола» вы-
брать мѣсто; г. «Тшибадола» отвѣчалъ, тупо ворочая язы-
комъ—(«стѣнка» въ немъ опять обрушилась)—что: «Дѣйствуйте-
молъ, вы, милостивый государь; я буду наблюдать»...

И г. фонъ-Рихтеръ началъ дѣйствовать. Отыскалъ, тутъ
же въ лѣсу, прехорошенькую, всю испещренную цвѣтами, по-
ляну; отмѣрилъ шаги, обозначилъ два крайнихъ пункта остроу-
ганными наскоро палочками, досталъ изъ ящика пистолеты, и,
присѣвъ на корточки, заколотилъ пули; словомъ, трудился и
хлопоталъ изо всѣхъ силъ, безпрестанно утирая свое вспотѣв-
шее лицо бѣлымъ платочкомъ. Сопровождавшій его Панталеоне
походилъ болѣе на озябшаго человѣка. Въ теченіи всѣхъ этихъ
приготовленій, оба противника стояли поодаль, напоминая со-

бою двухъ наказанныхъ школьниковъ, которые дуются на своихъ гувернеровъ.

Настало рѣшительное мгновеніе.....

«Каждый взялъ свой пистолетъ»...

Но тутъ г. фонъ-Рихтеръ замѣтилъ Панталеоне, что ему, какъ старшему секунданту, слѣдуетъ, по правиламъ дуэли, прежде чѣмъ провозгласить роковое: «разъ! два! три!» обратиться къ противникамъ съ послѣднимъ совѣтомъ и предложеніемъ: помириться; что хотя это предложеніе не имѣетъ никогда никакихъ послѣдствій и вообще не что иное, какъ пустая формальность, однако исполненіемъ этой формальности г. Чиппатоло отклоняетъ отъ себя нѣкоторую долю отвѣтственности; что, правда, подобная аллюція составляетъ прямую обязанность такъ-называемаго «безпристрастнаго свидѣтеля» — (*unpartheiischer Zeuge*)—но такъ какъ у нихъ такового не имѣется — то онъ, г. фонъ-Рихтеръ, охотно уступаетъ эту привилегію своему почтенному собрату. Панталеоне, который успѣлъ уже затуманиться за вустъ такъ, чтобы не видѣть вовсе офицера-обидчика, сперва ничего не понималъ изъ всей рѣчи г-на фонъ-Рихтера — тѣмъ болѣе, что она была произнесена въ носъ; — но вдругъ встрепенулся, проворно выступилъ впередъ, и судорожно стуча руками въ грудь, хриплымъ голосомъ возопилъ на своемъ смѣшанномъ нарѣчьи: «A la la la... Che bestialità! Deux zeun' hommes comme ça qué si battono—perché? Che diavolo? Andate a casa!

— Я не согласенъ на примиреніе, поспѣшно проговорилъ Санинъ.

— И я тоже не согласенъ, повторилъ за нимъ его противникъ.

— Ну такъ кричите: разъ, два, три! обратился фонъ-Рихтеръ къ растерявшемуся Панталеоне.

Тотъ немедленно опять нырнулъ въ вустъ — и уже оттуда прокричалъ, весь скорчившись, зажмуривъ глаза и отвернувъ голову, но во все горло: Una... due... e tre!

Первый выстрѣлилъ Санинъ—и не попалъ. Пуля его звякнула о дерево. Баронъ Дѣнгофъ выстрѣлилъ тотчасъ вслѣдъ за нимъ—предназначенно въ сторону, на воздухъ.

Наступило напряженное молчаніе... Никто не трогался съ мѣста. Панталеоне слабо охнулъ.

— Прикажете продолжать? проговорилъ Дѣнгофъ.

— Зачѣмъ вы выстрѣлили на воздухъ? спросилъ Санинъ.

— Это не ваше дѣло.

— Вы и во второй разъ будете стрѣлять на воздухъ? спросилъ опять Санинъ.

— Можетъ быть; не знаю.

— Позвольте, позвольте, господа... началъ фонъ-Рихтеръ;— дуэлянты не имѣютъ права говорить между собою. Это совсѣмъ не въ порядкѣ.

— Я отказываюсь отъ своего выстрѣла, промолвилъ Санинъ и бросилъ пистолетъ на землю.

— И я тоже не намѣренъ продолжать дуэль, воскликнулъ Дѳнгофъ и тоже бросилъ свой пистолетъ. Да сверхъ того я теперь готовъ сознаться, что я былъ не правъ—третьяго дня.

Онъ помялся на мѣстѣ — и нерѣшительно протянулъ руку впередъ. Санинъ быстро приблизился къ нему — и пожалъ ее. Оба молодыхъ человека съ улыбкой поглядѣли другъ на друга — и лица у обоихъ покрылись краской.

— Bravi! bravi! внезапно, какъ сумасшедшій, загорланилъ Панталеоне — и, хлопая въ ладоши, турманомъ выбѣжалъ изъ куста; а докторъ, усѣвшійся въ сторонѣ на срубленномъ деревѣ, немедленно всталъ, вылилъ воду изъ кувшина — и попомъ, лѣниво переваливаясь, къ опушкѣ лѣса.

— Честь удовлетворена — и дуэль кончена! провозгласилъ фонъ-Рихтеръ.

— Fuori! (форa!), по старой памяти, еще разъ гаркнулъ Панталеоне.

Размѣнявшись поклонами съ г-ми офицерами и сядя въ карету, Санинъ, правда, ощущалъ во всемъ существѣ своемъ, если не удовольствіе, то нѣкоторую легкость, какъ послѣ выдержанной операціи; но и другое чувство зашевелилось въ немъ, чувство, похожее на стыдъ... Фальшью, заранѣе условленной казенщиной, обыкновенной офицерской, студенческой штукой показался ему поединокъ, въ которомъ онъ только-что разыгралъ свою роль. Вспомнилъ онъ флегматическаго доктора, вспомнилъ, какъ онъ улыбнулся — то-есть, сморщилъ носъ, когда увидѣлъ его выходившаго изъ лѣсу чуть не подъ руку съ барономъ Дѳнгофомъ. А потомъ, когда Панталеоне выплачивалъ тому же доктору слѣдующее ему четыре червонца... Эхъ! нехорошо что-то!

Да; Санину было немножко совѣстно и стыдно... хотя, съ другой стороны, что же ему было сдѣлать? Не оставлять же безъ наказанія дерзости молодого офицера, не уподобиться же г-ну Клюбери? Онъ заступился за Джемму, онъ защитилъ ее...

Оно такъ; а все-таки у него скребло на душѣ и было ему совѣстно и даже стыдно.

За то Панталеоне — просто торжествовалъ! Имъ внезапно обуряла гордость. Побѣдоносный генералъ, возвращающійся съ поля выигранной имъ битвы, не озирался бы съ большимъ самодовольствіемъ. Поведеніе Санина во время поединка наполняло его восторгомъ. Онъ величалъ его героемъ—и слышать не хотѣлъ его увѣщаній и даже просьбъ. Онъ сравнивалъ его съ монументомъ изъ мрамора или бронзы—со статуей командора въ Д. Жуанъ! Про самого себя онъ сознавался, что почувствовалъ нѣкоторое смятеніе; — «но вѣдь я артистъ, замѣтилъ онъ — у меня натура нервозная, а вы — сынъ снѣговъ и скалъ гранитныхъ».

Санинъ рѣшительно не зналъ, какъ ему унять расхажившагося артиста.

Почти на томъ же самомъ мѣстѣ дороги, гдѣ часа два тому назадъ они настигли Эмиля — онъ снова высочилъ изъ-за дерева и съ радостнымъ крикомъ на губахъ, помахивая картузомъ надъ головою и подпрыгивая, бросился прямо къ каретѣ, чуть-чуть не попалъ подъ колесо, и не дожидаясь, чтобы лошади остановились, вскарабкался черезъ закрытыя дверцы—и такъ и впился въ Санина.

— Вы живы, вы не ранены! твердилъ онъ. Простите меня, я не послушался васъ, я не вернулся во Франкфуртъ... Я не могъ! Я ждалъ васъ здѣсь... Расскажите мнѣ, какъ это было! — Вы... убили его?

Санинъ съ трудомъ успокоилъ и усадилъ Эмиля.

Многоглаголиво, съ видимымъ удовольствіемъ сообщилъ ему Панталеоне всѣ подробности поединка, и ужъ конечно не преминулъ снова упомянуть о монументѣ изъ бронзы, о статуѣ командора! Онъ даже всталъ съ своего мѣста, и растопыривъ ноги для удержанія равновѣсія, скрестивъ на груди руки и презрительно скосясь черезъ плечо — вочію представлялъ командора-Санина! Эмиль слушалъ съ благоговѣніемъ, изрѣдка прерывая рассказъ восклицаніемъ или быстро приподнимаясь и столь же быстро цѣлуя своего героическаго друга.

Колеса кареты застучали о мостовую Франкфурта—и остановились наконецъ передъ гостинницей, въ которой жилъ Санинъ.

Въ сопровожденіи своихъ двухъ спутниковъ, взбирался онъ по лѣстницѣ во второй этажъ — какъ вдругъ изъ темнаго кор-

ридорчика проворными шагами вышла женщина: лицо ея было покрыто вуалью; она остановилась передъ Санинимъ, слегка пошатнулась, вздохнула трепетно, тотчасъ же побѣжала внизъ на улицу—и скрылась, къ великому изумленію кельнера, который объявилъ, что «эта дама болѣе часа ожидала возвращенія господина иностранца.» Какъ ни мгновенно было ея появленіе, Санинъ успѣлъ узнать въ ней Джемму. Онъ узналъ ея глаза подъ плотнымъ шелкомъ коричневоу вуали.

— Развѣ фрейлейнъ Джеммъ было извѣстно.... протянуль онъ недовольнымъ голосомъ, по-нѣмецки, обратившись къ Эмилю и Панталеоне, которые шли за нимъ по пятамъ.

Эмиль покраснѣлъ и смѣшался.

— Я принужденъ былъ ей все сказать, пролепеталъ онъ, — она догадывалась — и я никакъ не могъ.... Но вѣдь теперь это ничего не значить, подхватилъ онъ съ живостью — все такъ прекрасно кончилось и она васъ видѣла здоровымъ и невредимымъ!

Санинъ отвернулся.

— Какіе вы однако болтуны оба! промолвилъ онъ съ досадою, вошелъ къ себѣ въ комнату и сѣлъ на стулъ.

— Не сердитесь, пожалуйста, взмолился Эмиль.

— Хорошо, я не буду сердиться, — (Санинъ дѣйствительно не сердился — да и, наконецъ, едва ли бы могъ онъ желать, чтобы Джемма *ничего* не узнала). Хорошо.... полноте обниматься. Ступайте теперь. Я хочу остаться наединѣ. Я лягу спать. Я усталъ.

— Превосходная мысль! воскликнулъ Панталеоне. Вамъ нужно отдохновеніе! Вы его вполнѣ заслужили, благородный синьоре! Пойдемъ, Эмилио! На цыпочкахъ! На цыпочкахъ! Шшшш!

Сказавши, что онъ хочетъ спать, Санинъ желалъ только отдѣлаться отъ своихъ товарищей; но оставшись одинъ, онъ вѣзправду почувствовалъ значительную усталость во всѣхъ членахъ: всю предшествовавшую ночь онъ почти не смыкалъ глазъ и, бросившись на постель, немедленно заснулъ глубокимъ сномъ.

XXIII.

Нѣсколько часовъ сряду онъ спалъ безпробудно. Потомъ ему стало грезиться, что онъ опять дерется на дуэли, что въ качествѣ противника стоитъ передъ нимъ г. Клюбержъ, а на ѣлѣ сидитъ попугай и этотъ попугай Панталеоне, и твердить онъ, щелкая носомъ: разъ-разъ-разъ! разъ-разъ-разъ!

«Разъ.... разъ.... разъ!!» слышалось ему уже слишкомъ

явственно: онъ открылъ глаза, приподнял голову.... кто-то стучался къ нему въ дверь.

— Войдите! крикнулъ Санинъ.

Появился кельнеръ и доложилъ, что одной дамѣ очень нужно его видѣть.

«Джемма!» мелькнуло у него въ головѣ.... но дама оказалась ея матерью—фрау Леноре.

Она, какъ только вошла, тотчасъ опустилась на стулъ и начала плакать.

— Что съ вами, моя добрая, милая г-жа Розелли? началъ Санинъ, подсѣвъ къ ней и съ тихой лаской касаясь ея руки. Что случилось? успокойтесь, прошу васъ.

— Ахъ, Herr Dimitri, я очень.... очень несчастна!

— Вы несчастны?

— Ахъ, очень! И могла ли я ожидать? Вдругъ, какъ громъ изъ яснаго неба....

Она съ трудомъ переводила дыханіе.

— Но что такое? Объяснитесь! Хотите стаканъ воды?

— Нѣтъ благодарствуйте. Фрау Леноре утерла платкомъ глаза и съ новой силой заплакала. Вѣдь я все знаю! Все!

— То-есть какъ же: все?

— Все, что произошло сегодня! И причина.... мнѣ тоже извѣстна! Вы поступили какъ благородный человѣкъ; но какое несчастное стеченіе обстоятельствъ! Не даромъ мнѣ не нравилась эта поѣздка въ Соденъ.... не даромъ! (фрау Леноре ничего подобнаго не говорила въ самый день поѣздки, но теперь ей казалось, что уже тогда она «все» предчувствовала).—Я и пришла къ вамъ, какъ къ благородному человѣку, какъ къ другу, хотя я увидала васъ въ первый разъ пять дней тому назадъ.... Но вѣдь я вдова! одинокая.... Моя дочь....

Слезы заглушили голосъ фрау Леноре. Санинъ не зналъ что подумать.—Ваша дочь? повторилъ онъ.

— Моя дочь, Джемма—вырвалось почти со стономъ у фрау Леноре изъ-подъ смоченнаго слезами платка, объявила мнѣ сегодня, что не хочетъ выдти замужъ за г-на Клюбера и что я должна отказать ему!

Санинъ даже отодвинулся слегка: онъ этого не ожидалъ.

— Я уже не говорю о томъ, продолжала фрау Леноре, что это позоръ, что этого никогда на свѣтѣ не бывало, чтобы не-вѣста отказала жениху; но вѣдь это для насъ разореніе, Herr Dimitri! Фрау Леноре старательно и туго свернула платокъ въ маленькій, маленькій клубочекъ, точно она хотѣла заключить въ него все свое горе. Жить доходами съ нашего магазина мы

больше не можемъ, Herr Dimitri! а г. Клюбержъ очень богатъ и будетъ еще богаче. И за что же ему отказать? За то, что онъ не вступился за свою невѣсту? Положимъ, это не совсѣмъ хорошо съ его стороны, но вѣдь онъ статскій человѣкъ, въ университетѣ не воспитывался и какъ солидный торговецъ, долженъ былъ презрѣть легкомысленную шалость неизвѣстнаго офицерчика. И какая же это обида, Herr Dimitri?

— Позвольте, фрау Леноре, вы словно осуждаете меня....

— Нисколько я васъ не осуждаю, нисколько! Вы совсѣмъ другое дѣло; вы, какъ всѣ русскіе, военный....

— Позвольте, я вовсе не....

— Вы иностранецъ, пробѣзжій, я вамъ благодарна, продолжала фрау Леноре, не слушая Санина. Она задыхалась, разводила руками, снова развѣтывала платокъ и сморкалась. По одному тому, какъ выражалось ея горе, можно было видѣть, что она родилась не подъ сѣвернымъ небомъ.

— И какъ же будетъ г. Клюбержъ торговать въ магазинѣ, если онъ будетъ драться съ покупателями? Это совсѣмъ не сообразно! И теперь я должна ему отказать? Но чѣмъ мы будемъ жить? Прежде мы одни дѣлали дѣвичью кожу и нуга съ фисташками—и къ намъ ходили покупатели, а теперь всѣ дѣлаютъ дѣвичью кожу!! Вы подумайте: ужъ безъ того въ городѣ будутъ говорить о вашей дуэли.... развѣ это можно утаить? И вдругъ свадьба разстраивается! Вѣдь это скандалъ, скандалъ! Джемма—прекрасная дѣвушка; она очень любитъ меня, но она упрямая республиканка, бравируетъ мнѣніемъ другихъ. Вы одни можете ее уговорить!

Санинъ изумился еще пуще прежняго.—Я, фрау Леноре?

— Да, вы одни.... Вы одни. Я затѣмъ и пришла къ вамъ; я ничего другого придумать не умѣла! Вы такой ученый, такой хорошій человѣкъ! Вы же за нее заступились. Вамъ она повѣрить! Она *должна* вамъ повѣрить—вы вѣдь жизнью своей рисковали! Вы ей докажете—а я уже больше ничего не могу! Вы ей докажете, что она и себя и всѣхъ насъ погубить. Вы спасли моего сына—спасите и дочь! Васъ самъ Богъ послалъ сюда.... Я готова на колѣняхъ просить васъ....

И фрау Леноре на половину приподнялась со стула, какъ бы собираясь упасть Санину въ ноги.... Онъ удержалъ ее.

— Фрау Леноре! Ради Бога! Что вы это?

Она судорожно схватила его за руки.—Вы общаетесь?

— Фрау Леноре, подумайте, съ какой стати я....

— Вы общаетесь? Вы не хотите, чтобы я тутъ же, сейчасъ, умерла передъ вами?

Санинъ потерялся. Ему въ первый разъ въ жизни пришлось имѣть дѣло съ загорѣвшейся итальянскою кровью.

— Я сдѣлаю все, что будетъ вамъ угодно! воскликнулъ онъ. Я поговорю съ фрейлейнъ Джеммой....

Фрау Леноре вскрикнула отъ радости.

— Только я, право, не знаю, какой можетъ быть результатъ....

— Ахъ, не отказывайтесь, не отказывайтесь! промолвила фрау Леноре умоляющимъ голосомъ: вы уже согласились! Результатъ навѣрное выйдетъ отличный. Во всякомъ случаѣ я уже больше ничего не могу! *Меня* она не послушается!

— Она такъ рѣшительно объявила вамъ свое нежеланіе выйти за г-на Клюбера? спросилъ Санинъ, послѣ небольшого молчанія.

— Какъ ножомъ отрѣзала! Она вся въ отца, въ Джіованъ Баттиста! Бѣдовая!

— Бѣдовая? она?... протяжно повторилъ Санинъ.

— Да... да.... но она тоже ангелъ. Она васъ послушается. Вы придете, придете скоро? О мой милый, русскій другъ! Фрау Леноре порывисто встала со стула и такъ же порывисто обхватила голову сидѣвшаго передъ ней Санина. Примите благословеніе матери — и дайте мнѣ воды!

Санинъ принесъ г-жѣ Розелли стаканъ воды, далъ ей честное слово, что придетъ немедленно, проводилъ ее по лѣстницѣ до улицы — и, вернувшись въ свою комнату, даже руками всплеснулъ и глаза вытаращилъ.

«Вотъ, подумалъ онъ — вотъ *теперь* завертѣлась жизнь! Да и такъ завертѣлась, что голова кругомъ пошла». Онъ и не попытался взглянуть внутрь себя, понять что тамъ происходитъ: сумятица — и баста! «Выдался денекъ! невольно шептали его губы: бѣдовая.... говорить ей мать.... И я долженъ ей совѣтовать — ей? И что совѣтовать?!»

Голова дѣйствительно кружилась у Санина — и надъ всѣмъ этимъ вихремъ разнообразныхъ ощущеній, впечатлѣній, недосказанныхъ мыслей постоянно носился образъ Джеммы, тотъ образъ, который такъ неизгладимо врѣзался въ его память въ ту теплую, электрически-потрясенную ночь, въ томъ темномъ окнѣ, подъ лучами роившихся звѣздъ!

XXIV.

Нерѣшительными шагами подходилъ Санинъ къ дому г-жи Розелли. Сердце его сильно билось; онъ явственно чувствовалъ и даже слышалъ, какъ оно толкалось въ ребра. Чтѣ онъ скажетъ Джеммѣ, какъ заговорить съ нею? Онъ вошелъ въ домъ не черезъ кондитерскую, но по заднему крыльцу. Въ небольшой передней комнатѣ онъ встрѣтилъ фразу Леноре. Она и обрадовалась ему и испугалась.

— Я ждала, ждала васъ, проговорила она шопотомъ, попеременно, обѣими руками стискивая его руку. Ступайте въ садъ; она тамъ. Смотрите же: я на васъ надѣюсь!

Санинъ отправился въ садъ.

Джемма сидѣла на скамейкѣ, близъ дорожки, и изъ большой корзины, наполненной вишнями, отбирала самыя спѣлыя на тарелку. Солнце стояло низко—былъ уже седьмой часъ вечера—и въ широкихъ косыхъ лучахъ, которыми оно затопляло весь маленькій садикъ г-жи Розелли, было больше багрянца, чѣмъ золота. Изрѣдка, чуть слышно и словно не спѣша, перешептывались листья да отрывисто жужжали, перелетывая съ цвѣтка на сосѣдній цвѣтокъ, запоздалыя пчелы, да гдѣ-то ворковала горlinka—однообразно и неумоимо.

На Джеммѣ была та же круглая шляпа, въ которой она ѣздила въ Соденъ. Она глянула на Санина изъ-подъ ея выгнутого края и снова наклонилась къ корзинѣ.

Санинъ приблизился къ Джеммѣ, невольно укорачивая каждый шагъ, и.... и.... И ничего другого не нашелся сказать ей, какъ только спросить: зачѣмъ это она отбираетъ вишни?

Джемма не торопясь отвѣчала ему.

— Эти — поспѣлыѣ, промолвила она наконецъ — пойдутъ на варенье, а тѣ на начинку пироговъ. Знаете, мы продаемъ такіе круглые пироги съ сахаромъ?

Сказавъ эти слова, Джемма еще ниже наклонила голову, и правая ея рука, съ двумя вишнями въ пальцахъ, остановилась на воздухѣ между корзиной и тарелкой.

— Можно подѣлать къ вамъ? спросилъ Санинъ.

— Можно. Джемма слегка подвинулась на скамейкѣ. Санинъ помѣстился возлѣ нея. «Какъ пачать?» думалось ему. Но Джемма вывела его изъ затрудненія.

— Вы дрались сегодня на дуэли, заговорила она съ живостью и обернулась къ нему всѣмъ своимъ прекраснымъ, стыдливо вспыхнувшимъ лицомъ—а какой глубокой благодарностью свѣти-

лись ея глаза! И вы такъ спокойны? Стало быть, для васъ не существуетъ опасности?

— Помилюте! Я никакой опасности не подвергался. Все обошлось очень благополучно и безобидно.

Джемма повела пальцемъ направо и налѣво передъ глазами.... Тоже итальянскій жестъ.—Нѣтъ! нѣтъ! не говорите этого! Вы меня не обманете! Мнѣ Панталеоне все сказалъ!

— Нашли кому вѣрить! Сравнивалъ онъ меня съ статуей Коммандора?

— Выраженія его могутъ быть смѣшны, но ни чувство его не смѣшно, ни то, что вы сдѣлали сегодня. И все это изъ-за меня.... для меня.... Я этого никогда не забуду.

— Увѣрю васъ, фрейлейнъ Джемма....

— Я этого не забуду, съ разстановкой повторила она, еще разъ пристально посмотрѣла на него — и отвернулась.

Онъ могъ теперь видѣть ея тонкій, чистый профиль, и ему казалось, что онъ никогда не видывалъ ничего подобнаго — и не испытывалъ ничего подобнаго тому, что онъ чувствовалъ въ этотъ мигъ. Душа его разгоралась.

«А мое обѣщаніе!» мелькнуло у него въ мысляхъ.

— Фрейлейнъ Джемма.... началъ онъ послѣ мгновеннаго колебанья.

— Что?

Она не повернулась къ нему, она продолжала разбирать вишни, осторожно бралась концами пальцевъ за ихъ хвостики, заботливо приподнимала листочки.... Но какой довърчивой лаской прозвучало это одно слово: «что!»

— Вамъ ваша матушка ничего не сообщала.... насчетъ....

— Насчетъ?

— На мой счетъ?

Джемма вдругъ отбросила назадъ въ корзину взятая ею вишни.

— Она говорила съ вами? спросила она въ свою очередь.

— Да.

— Что же она вамъ такое сказала?

— Она сказала мнѣ, что вы.... что вы внезапно рѣшились перемѣнить.... свои прежнія намѣренія.

Голова Джеммы опять наклонилась. Она вся исчезла подъ шляпой; виднѣлась только шея, гибкая и нѣжная, какъ стебель крупнаго цвѣтка.

— Какія намѣренія?

— Ваши намѣренія.... касательно.... будущаго устройства вашей жизни.

— То-есть.... Вы это говорите.... о г-нѣ Клюберѣ?

— Да.

— Вамъ мама сказала, что я не желаю быть женою г-на Клюбера?

— Да.

Джемма подвинулась на скамейкѣ. Корзина накренилась, упала.... нѣсколько вишенъ покатилося на дорожку. Прошла минута.... другая....

— Зачѣмъ она вамъ это сказала? слышался ея голосъ. Санинъ по прежнему видѣлъ одну шею Джеммы. Грудь ея поднималась и опускалась быстрее прежняго.

— Зачѣмъ? Ваша матушка подумала, что такъ какъ мы съ вами въ короткое время, можно сказать, подружились и вы возымѣли нѣкоторое довѣріе ко мнѣ, то я въ состояніи подать вамъ полезный совѣтъ—и вы меня слушаетесь.

Руки Джеммы тихонько соскользнули на колѣни.... Она принялась перебирать складки своего платья.

— Какой же вы мнѣ совѣтъ дадите, monsieur Dimitri? спросила она, погода немного.

Санинъ увидалъ, что пальцы Джеммы дрожали на ея колѣняхъ.... Она и складки платья перебирала только для того, чтобы скрыть эту дрожь. Онъ тихонько положилъ свою руку на эти блѣдныя, трепетныя пальцы.

— Джемма, промолвилъ онъ — отчего вы не смотрите на меня?

Она мгновенно отбросила назадъ черезъ плечо свою шляпу—и устремила на него глаза, довѣрчивыя и благодарныя по прежнему. Она ждала, что онъ заговорить.... Но видъ ея лица смутилъ и словно ослѣпилъ его. Теплый блескъ вечерняго солнца озарялъ ея молодую голову — и выраженіе этой головы было свѣтлѣе и ярче самого этого блеска.

— Я васъ слушаюсь, monsieur Dimitri, начала она, чуть-чуть улыбаясь и чуть-чуть приподнимая брови; но какой же совѣтъ дадите вы мнѣ?

— Какой совѣтъ? повторилъ Санинъ. Вотъ видите ли, ваша матушка полагаетъ, что отказать г-ну Клуберу только потому, что онъ третьяго дня не выказалъ особенной храбрости....

— Только потому? проговорила Джемма, нагнулась, подняла корзину и поставила ее возлѣ себя на скамейку.

— Что.... вообще.... отказать ему, съ вашей стороны — неблагоприятно; что это—такой шагъ, всѣ послѣдствія котораго нужно хорошенько взвѣсить; что, наконецъ, самое положеніе

вашихъ дѣлъ налагаетъ извѣстныя обязанности на каждаго члена вашего семейства....

— Это все — мнѣніе мамы, перебила Джемма; это — ея слова. Это я знаю; но ваше какое мнѣніе?

— Мое? — Санинъ помолчалъ. Онъ чувствовалъ, что-то подступило къ нему подъ горло и захватывало дыханіе. — Я тоже полагаю, началъ онъ съ усиліемъ....

Джемма выпрямилась. — Тоже? Вы — тоже?

— Да.... то-есть.... Санинъ не могъ, рѣшительно не могъ прибавить ни единого слова.

— Хорошо, сказала Джемма. Если вы, какъ другъ, совѣтуете мнѣ измѣнить мое рѣшеніе.... то-есть, не мѣнять моего прежняго рѣшенія — я подумаю. Она, сама не замѣчая, что дѣлаетъ, начала перекладывать вишни обратно изъ тарелки въ корзину.... Мама надѣется, что я васъ слушаюсь.... Что-жъ? Я, быть можетъ, точно слушаюсь васъ.

— Но позвольте, фрейлейнъ Джемма, я сперва желалъ бы узнать, какія причины побудили васъ....

— Я васъ слушаюсь, повторила Джемма — а у самой брови все надвигались, щеки блѣднѣли; она покусывала нижнюю губу. — Вы такъ много для меня сдѣлали, что и я обязана сдѣлать, что вы хотите; обязана исполнить ваше желаніе. Я скажу мамѣ.... я подумаю. Вотъ она, кстати, идетъ сюда.

Дѣйствительно: фрау Леноре показалась на порогѣ двери, ведущей изъ дома въ садъ. Нетерпѣніе ее разбирало: она не могла усидѣть на мѣстѣ. По ея разсчету, Санинъ давнымъ-давно долженъ былъ окончить свое объясненіе съ Джеммой, хотя его бесѣда съ нею не продолжалась и четверти часа.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не говорите ей, пока, ничего — торопливо, почти съ испугомъ произнесъ Санинъ. Подождите.... я вамъ скажу, я вамъ напишу.... а вы до тѣхъ поръ не рѣшайтесь ни на чтб.... подождите!

Онъ стиснулъ руку Джеммы, вскочилъ со скамейки, — и къ великому изумленію фрау Леноры, прошмыгнулъ мимо ея, приподнявъ шляпу, пробурчалъ что-то невнятное — и скрылся.

Она подошла къ дочери.

— Скажи мнѣ пожалуйста, Джемма....

Та вдругъ поднялась и обняла ее.... Милая мама, можете вы подождать немножко, крошечку.... до завтрашняго дня? Можете? И съ тѣмъ, чтобы ужъ до завтра ни слова?... Ахъ!

Она залилась внезапными, свѣтлыми, для нея самой неожиданными слезами. Это тѣмъ болѣе удивило фрау Леноре, что

выраженіе Джеммина лица было далеко не печальное, скорѣе радостное.

— Что съ тобой? спросила она. Ты у меня никогда не плачешь—и вдругъ....

— Ничего, мама, ничего! только вы подождите. Намъ обѣимъ надо подождать. Не спрашивайте ничего до завтра—и давайте разбирать вишни, пока солнце не сѣло.

— Но ты будешь благоразумна?

— О, я очень благоразумна!—Джемма значительно покачала головою. Она начала связывать небольшіе пучки вишенъ, держа ихъ высоко передъ краснѣющимъ лицомъ. Слезъ своихъ она не утирала: онѣ высохли сами.

XXV.

Чуть не бѣгомъ возвратился Санинъ въ свою квартиру. Онъ чувствовалъ, онъ сознавалъ, что только тамъ, только наединѣ съ самимъ собою, ему выяснится наконецъ, что съ нимъ, что съ нимъ такое? И дѣйствительно: не успѣлъ онъ войти въ свою комнату, не успѣлъ сѣсть передъ письменнымъ столомъ, какъ, облокотясь объ этотъ самый столъ обѣими руками и прижавъ обѣ ладони къ лицу — онъ горестно и глухо воскликнулъ: «Я ее люблю, люблю безумно»!—и весь внутренно зардѣлся, какъ уголь, съ котораго внезапно сдули выросшій слой мертвого пепла. Мгновеніе.... и уже онъ не въ силахъ былъ понять, какъ онъ могъ сидѣть рядомъ съ нею.... съ нею! — и разговаривать съ нею, и не чувствовать, что онъ обожаетъ самый край ея одежды, что онъ готовъ, какъ выражаются молодые люди — «умереть у ея ногъ». Последнее свиданіе въ саду все рѣшило. Теперь, когда онъ думалъ о ней — она уже не представлялась ему съ развѣянными кудрями, въ сіяньи звѣздъ: — онъ видѣлъ ее сидящей на скамейкѣ, видѣлъ, какъ она разомъ сбрасываетъ съ себя шляпу—и глядитъ на него такъ довѣрчиво.... и трепетъ и жажда любви перебѣгали по всѣмъ его жиламъ. Онъ вспомнилъ о розѣ, которую вотъ уже третій день носилъ у себя въ карманѣ: онъ выхватилъ ее—и съ такой лихорадочной силой прижалъ ее къ своимъ губамъ, что невольно поморщился отъ боли. Теперь уже онъ ни о чемъ не разсуждалъ, ничего не соображалъ, не разсчитывалъ и не предвидѣлъ; онъ отдѣлился отъ всего прошлаго, онъ прыгнулъ впередъ: съ унылаго берега своей одинокой, холостой жизни бухнулся онъ въ тотъ веселый, кипучій, могучій потокъ — и горя ему мало, и знать онъ не

хочетъ, куда онъ его вынесетъ, и не разобьетъ ли онъ его о скалу! Это уже не тѣ тихія струи улановскаго романса, которыя недавно его баюкали.... Это сильныя, неудержимыя волны! Онъ летать и скачутъ впередъ—и онъ летитъ съ ними!

Онъ взялъ листъ бумаги — и безъ помарки, почти однимъ измахомъ пера, написалъ слѣдующее:

«Милая Джемма!

«Вы знаете, какой совѣтъ я взялъ на себя преподавать вамъ, вы знаете, чего желаетъ ваша матушка и о чемъ она меня просила — но что вы не знаете, и что я обязанъ вамъ теперь сказать — это то, что я люблю васъ, люблю со всею страстью сердца, полюбившаго въ первый разъ! Этотъ огонь вспыхнулъ во мнѣ внезапно, но съ такой силой, что я не нахожу словъ!! Когда ваша матушка пришла ко мнѣ и просила меня—онъ еще только тлѣлъ во мнѣ — а то я, какъ честный человѣкъ, на-вѣрное бы отказался исполнить ея порученіе.... Самое признаніе, которое я вамъ теперь дѣлаю, есть признаніе честнаго человѣка. Вы должны знать, съ кѣмъ имѣете дѣло — между нами не должно существовать недоразумѣній. Вы видите, что я не могу давать вамъ никакихъ совѣтовъ.... Я васъ люблю, люблю, люблю — и больше нѣтъ у меня ничего — ни въ умѣ, ни въ сердцѣ!!»

«Дм. Санинъ».

Сложивъ и запечатавъ эту записку, Санинъ хотѣлъ—было позвонить кельнера и послать ее съ нимъ.... Нѣтъ! такъ неловко... Черезъ Эмиля? Но отправиться въ магазинъ, отыскивать его тамъ между другими комми — неловко тоже. Притомъ уже ночь на дворѣ — и онъ, пожалуй, уже ушелъ изъ магазина. Размышляя такимъ образомъ, Санинъ одною надѣлою шляпу и вышелъ на улицу; повернулъ за уголъ, за другой — и къ неописанной своей радости, увидалъ передъ собой Эмиля. Съ сумкой подъ мышкой, со сверткомъ бумаги въ рукѣ, молодой энтузіастъ спѣшилъ домой.

«Не даромъ говорятъ, что у влюбленныхъ есть звѣзды!» подумалъ Санинъ и позвалъ Эмиля.

Тотъ обернулся и тотчасъ бросился къ нему.

Санинъ не далъ ему восторгаться, вручилъ ему записку, объяснилъ ему, кому и какъ ее передать... Эмиль слушалъ внимательно.

— Чтобы никто не видѣлъ? спросилъ онъ, придавъ своему лицу выраженіе знаменательное и таинственное: — мы, дескать, понимаемъ, въ чемъ вся суть!

— Да, мой дружокъ, проговорилъ Санинъ и немножко скон-

фузился, однако потрепалъ Эмиля по щекѣ.... И если отвѣтъ будетъ.... Вы мнѣ принесете отвѣтъ, неправда ли? Я буду сидѣть дома.

— Ужъ объ этомъ не беспокойтесь! весело шепнула Эмиль, побѣждалъ прочь—и на бѣгу еще разъ бивнулъ ему.

Санинъ вернулся домой—и, не зажигая свѣчи, бросился на диванъ, занесъ руки за голову и предался тѣмъ ощущеніямъ только-что сознанный любви, которыя и описывать нечего: кто ихъ испыталъ, тотъ знаетъ ихъ томленіе и сладость; кто ихъ не испыталъ—тому ихъ не растолкуешь.

Дверь растворилась—и показалась голова Эмиля.

— Припесь, сказалъ онъ шопотомъ;—вотъ онъ, отвѣтъ-то!

Онъ показалъ и поднялъ надъ головою свернутую бумажку.

Санинъ вскочилъ съ дивана и выхватилъ ее изъ рукъ Эмиля. Страсть въ немъ слишкомъ сильно разыгралась: не до скрытности было ему теперь, не до соблюденія приличія—даже передъ этимъ мальчикомъ, ея братомъ. Онъ бы посовѣстился его, онъ бы принудилъ себя—еслибъ могъ!

Онъ подошелъ къ окну—и при свѣтѣ уличнаго фонаря, стоявшаго передъ самымъ домомъ—прочелъ слѣдующія строки:

«Я васъ прошу, я умоляю васъ — *цѣлый завтрашній день не приходитъ къ намъ, не показываться*. Мнѣ это нужно, непременно нужно—а тамъ все будетъ рѣшено. Я знаю, вы мнѣ не откажете, потому что....»

«Джемма».

Санинъ два раза прочелъ это записку. О, какъ трогательно-милъ и красивъ показался ему ея почеркъ!—подумалъ немного, и, обратившись къ Эмилю, который, желая дать понять, какой онъ скромный молодой человекъ, стоялъ лицомъ къ стѣнѣ—и колупалъ въ ней ногтемъ—громко назвалъ его по имени.

Эмиль тотчасъ побѣждалъ къ Санину.—Что прикажете?

— Послушайте, дружокъ....

— М-гъ Дмитрій, перебилъ его Эмиль жалобнымъ голосомъ—отчего вы не говорите мнѣ: ты?

Санинъ засмѣялся.—Ну хорошо. Послушай, дружокъ—(Эмиль слегка подпрыгнулъ отъ удовольствія)—послушай: *тамъ*, ты понимаешь, *тамъ* ты скажешь, что все будетъ исполнено въ точности—(Эмиль сжалъ губы и важно качнулъ головою)—а самъ.... Что ты дѣлаешь завтра?

— Я? Что я дѣлаю? Что вы хотите, что бы я дѣлалъ?

— Если тебѣ можно, приходи ко мнѣ поутру пораньше—и мы, до вечера, будемъ гулять по окрестностямъ Франкфурта.... Хочешь?

Эмиль опять подпрыгнулъ.—Помилюйте, что можетъ быть на свѣтѣ лучше? Гулять съ вами—да это просто чудо! Приду непременно!

— А если тебя не отпустятъ?

— Отпустятъ!

— Слушай.... Не сказывай *тамъ*, что я тебя звалъ на цѣлый день.

— Зачѣмъ сказывать? Да я такъ уйду! Что за бѣда!

Эмиль крѣпко поцѣловалъ Санина и убѣжалъ.

А Санинъ долго ходилъ по комнатѣ—и поздно легъ спать. Онъ предавался тѣмъ же жуткимъ и сладкимъ ощущеніямъ, тому же радостному замиранію передъ новой жизнью. Санинъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что возымѣлъ мысль пригласить на завтрашній день Эмиля; онъ походилъ лицомъ на сестру. «Будетъ напоминать ее», думалось Санину.

Но больше всего удивлялся онъ тому: какъ могъ онъ вчера быть иначе, чѣмъ сегодня? Ему казалось, что онъ «вѣчно» любилъ Джемму — и именно такъ точно ее любилъ, какъ онъ любилъ ее сегодня.

XXVI.

На другой день, въ восемь часовъ утра, Эмиль, съ Тарталей на сворей, отправился къ Санину. Происходи онъ отъ германскихъ родителей, онъ бы не могъ выказать бѣольшую аккуратность. Дома онъ солгалъ: сказалъ, что погуляетъ съ Санинымъ до завтрака, а потомъ отправится въ магазинъ. Пока Санинъ одѣвался, Эмиль заговорилъ—было съ нимъ, правда, довольно нерѣшительно, о Джеммѣ, объ ея размолвкѣ съ г-мъ Клюберомъ; но Санинъ сурово промолчалъ ему въ отвѣтъ, а Эмиль, показавъ видъ, что понимаетъ, почему не слѣдуетъ слегка касаться этого важнаго пункта, уже не возвращался къ нему—и только изрѣдка принималъ сосредоточенное и даже строгое выраженіе!

Напившись кофею, оба пріятеля отправились — пѣшкомъ, разумѣется, — въ Гаузенъ, небольшую деревеньку, лежащую въ недалекомъ разстояніи отъ Франкфурта и окруженную лѣсами. Вся цѣпь горъ Таунуса видна оттуда какъ на ладони. Погода была прекрасная; солнце сіяло и грѣло, но не пекло; свѣжій вѣтеръ бойко шумѣлъ въ зеленыхъ листьяхъ; по землѣ небольшими пятнами плавно и быстро скользили тѣни высокихъ круглыхъ облачковъ. Молодые люди скоро выбрались изъ города

и бодро и весело запагали по гладко-выметенной дорогѣ. Зашли въ лѣсъ — и долго тамъ проплутали; потомъ очень плотно позавтракали въ деревенскомъ трактирѣ; потомъ лазили на горы, любовались видами, пускали съ верху камни, и хлопали въ ладоши, глядя, какъ эти камни забавно и странно сигаютъ на подобіе кроликовъ, пока проходившій внизу, невидимый для нихъ человекъ не выбранилъ ихъ звонкимъ и сильнымъ голосомъ; потомъ лежали раскинувшись на короткомъ сухомъ мохѣ желто-фіолетоваго цвѣта; потомъ пили пиво въ другомъ трактирѣ, потомъ бѣгали въ запуски, прыгали на пари: кто дальше? Открыли эхо и бесѣдовали съ нимъ, пѣли, аюкались, боролись, ломали сучья, украшали свои шляпы вѣтками папоротника — и даже танцовали. Тарталья, насколько могъ и умѣлъ, участвовалъ во всѣхъ этихъ занятіяхъ: камней онъ, правда, не бросалъ, но самъ кубаремъ катился за ними, поддывалъ, когда молодые люди пѣли — и даже пиво пилъ, хотя съ видимымъ отвращеніемъ: этому искусству его выучилъ студентъ, которому онъ нѣкогда принадлежалъ. Впрочемъ Эмиля онъ слушался плохо — не то, что своего хозяина Панталеоне, и когда Эмиль приказывалъ ему <говорить> или <чихать> — только хвостикомъ повиливалъ и высовывалъ языкъ трубочкой.

Молодые люди также бесѣдовали между собою. Въ началѣ прогулки, Санинъ, какъ старшій и потому болѣе разсудительный, завелъ-было рѣчь о томъ, что такое фатумъ или предопредѣленіе судьбы и что значитъ, и въ чемъ состоитъ призваніе человека; но разговоръ въ скорости принялъ направленіе менѣе серьезное. Эмиль сталъ спрашивать своего друга и патрона о Россіи, о томъ, какъ тамъ дерутся на дуэли, и красивы ли тамъ женщины, и скоро ли можно выучиться русскому языку, и что онъ почувствовалъ, когда офицеръ пѣлился въ него? А Санинъ въ свою очередь спрашивалъ Эмиля объ его отцѣ, о матери, вообще объ ихъ семейныхъ дѣлахъ, всячески стараясь не упоминать имени Джеммы — и думая только о ней. Собственно говоря, онъ даже о ней не думалъ — а о завтрашнемъ днѣ, о томъ таинственномъ завтрашнемъ днѣ, который принесетъ ему невѣдомое, небывалое счастье! Точно завѣса, тонкая, легкая завѣса виситъ, слабо колыхаясь, передъ его умственнымъ взоромъ — и за этой завѣсой онъ чувствуетъ.... чувствуетъ присутствіе молодого, неподвижнаго, божественнаго лица съ ласковой улыбкой на устахъ и строго, притворно-строго опущенными рѣсницами. И этотъ ликъ — не лицо Джеммы, это лицо самого счастья! И вотъ, насталъ наконецъ *его* часъ, завѣса взвилась, открываются уста, рѣсницы поднимаются — увидало его божество — и тутъ уже свѣтъ какъ отъ солнца, и радость, и восторгъ не-

скончаемый!! Онъ думаетъ объ этомъ завтрашнемъ днѣ—и душа его опять радостно замираетъ въ млѣющей тоскѣ безпрестанно возрождающагося ожиданія!

И ничему не мѣшаетъ это ожиданіе, эта тоска. Она сопровождаетъ каждое его движеніе — и ничему не мѣшаетъ. Не мѣшаетъ она ему отлично пообѣдать въ третьемъ трактирѣ съ Эмилемъ — и только изрѣдка, какъ короткая молнія, вспыхиваетъ въ немъ мысль, что — еслибъ кто-нибудь на свѣтѣ зналъ??!! Не мѣшаетъ ему эта тоска играть послѣ обѣда съ Эмилемъ въ чехарду. На привольномъ зеленомъ лужку происходитъ эта игра.... и каково изумленіе, каковъ конфузъ Саннина, когда, подъ ярый лай Тартальи, ловко растопыривъ ноги и перелетая птицей черезъ прикорнувшаго Эмиля—онъ внезапно видитъ передъ собою, на самой каймѣ зеленого лужка—двухъ офицеровъ, въ которыхъ онъ немедленно узнаетъ своего вчерашняго противника и его секунданта, гг. фонъ - Дюнгюфа и фонъ-Рихтера! Каждый изъ нихъ вставилъ по стеклышку въ глазъ, и глядитъ на него и ухмыляется.... Саннинъ падаетъ на ноги, отворачивается, поспѣшно надѣваетъ сброшенное пальто, говоритъ отрывистое слово Эмилю, тотъ тоже надѣваетъ куртку—и оба немедленно удаляются.

Поздно вернулись они во Франкфуртъ.—Будутъ меня бранить, говорилъ Саннину Эмиль, прощаясь съ нимъ—ну да все-равно! За то я такой чудный, чудный день провелъ!

Вернувшись съ себѣ въ гостинницу, Саннинъ нашелъ записку отъ Джеммы. Она назначала ему свиданіе—на слѣдующій день въ семь часовъ утра въ одномъ изъ публичныхъ садовъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ Франкфуртъ.

Какъ дрогнуло его сердце! Какъ радъ онъ былъ тому, что такъ безпрекословно ей повиновался! И Боже мой, что судилъ... чего не судилъ этотъ небывалый, единственный, невозможный—и несомнѣнный завтрашній день!

Онъ впился глазами въ записку Джеммы. Длинный, изящный хвостикъ буквы: G, первой буквы ея имени, стоявшей на концѣ листа — напомнилъ ему ея красивые пальцы, ея руку.... Онъ подумалъ, что ни разу не прикоснулся къ этой рукѣ губами.... «Итальянки,—думалъ онъ,—вопреки молвѣ о нихъ, стыдливы и строги.... А ужъ Джемма и подавно! Царица.... богиня.... мраморъ дѣвственный и чистый»....

«Но придетъ время—и оно недалеко»....

Былъ въ ту ночь во Франкфуртѣ одинъ счастливый человѣкъ... Онъ спалъ; но онъ могъ сказать про себя словами поэта:

«Я сплю.... но сердце чуткое не спитъ»....

Оно и билось такъ легко, какъ бьетъ крылами мотылекъ, приковшій въ цвѣту и облитый лѣтнимъ солнцемъ.

XXVII.

Въ пять часовъ Санинъ проснулся, въ шесть уже былъ одѣтъ, въ половинѣ седьмого расхаживалъ по публичному саду, въ виду небольшой бесѣдки, о которой Джемма упомянула въ своей запискѣ.

Утро было тихое, теплое, сѣрое. Иногда казалось, что вот-вотъ пойдетъ дождь; но протянутая рука ничего не ощущала и только глядя на рукавъ платья, можно было замѣтить слѣды крохотныхъ, какъ мельчайшій бисеръ, капель; но и тѣ скоро прекратились. Вѣтра — точно на свѣтѣ никогда не бывало. Каждый звукъ не летѣлъ, а разливался кругомъ; въ отдаленіи чуть сгущался бѣловатый паръ, въ воздухѣ пахло резедой и цвѣтами бѣлыхъ акацій.

На улицахъ еще не открывались лавки, но уже показались пѣшеходы; изрѣдка стучала одинокая карета.... въ саду гулявшихъ не было. Садовникъ скоблилъ, не торопясь, дорожку лопатой, да дряхлая старушонка въ черномъ суконномъ плащѣ проковыляла черезъ аллею. Ни на одно мгновеніе не могъ Санинъ принять это убогое существо за Джемму — и однакоже сердце въ немъ ёкнуло, и онъ внимательно слѣдилъ глазами за удалявшимся чернымъ пятномъ.

Семь! прогудѣли часы на башнѣ.

Санинъ остановился. — Неужели она не придетъ? Трепетъ холода внезапно пробѣжалъ по его членамъ. Тотъ же трепетъ повторился въ немъ мгновенно спустя — но уже отъ другой причины. Санинъ услышалъ за собою легкіе шаги, легкій шумъ женской одежды.... Онъ обернулся: она!

Джемма шла сзади его по дорожкѣ. На ней была сѣренькая мантилья и небольшая темная шляпа. Она глянула на Санина, повернула голову въ сторону — и поровнявшись съ нимъ, быстро прошла мимо.

— Джемма, проговорилъ онъ едва слышно.

Она слегка кивнула ему — и продолжала идти впередъ. Онъ послѣдовалъ за нею.

Онъ дышалъ прерывисто. Ноги плохо его слушались.

Джемма миновала бесѣдку, взяла направо, миновала не-

большой плоскій бассейнъ, въ которомъ хлопотливо плескался воробей — и зайдя за клумбу высокихъ сиреней, опустилась на скамью. Мѣсто было уютное и закрытое. Санинъ сѣлъ возлѣ нея.

Прошла минута — и ни онъ, ни она — слова не промолвили; она даже не глядѣла на него — и онъ глядѣлъ ей не въ лицо, а на сложенные руки, въ которыхъ она держала маленькій зонтикъ. Что было говорить? Что было сказать такого, что по значенію своему могло бы равняться одному ихъ присутствію здѣсь, вмѣстѣ, наединѣ, такъ рано, такъ близко другъ отъ друга?

— Вы... на меня не сердитесь? произнесъ наконецъ Санинъ.

Трудно было Санину сказать что-нибудь глупѣе этихъ словъ... онъ самъ это сознавалъ.... Но по крайней мѣрѣ молчаніе было нарушено.

— Я? отвѣчала она. За что? Нѣтъ.

— И вы вѣрите мнѣ? продолжалъ онъ.

— Тому, что вы написали?

— Да.

Джемма опустила голову и ничего не промолвила. Зонтикъ выскользнулъ изъ ея рукъ. Она поспѣшно поймала его, прежде чѣмъ онъ упалъ на дорожку.

— Ахъ вѣрьте мнѣ, вѣрьте тому, что я писалъ вамъ, воскликнулъ Санинъ; вся робость его вдругъ исчезла — онъ заговорилъ съ жаромъ: — если есть на землѣ правда, святыня, несомнѣнная правда — такъ это то, что я люблю васъ, люблю васъ страстно, Джемма!

Она бросила на него косвенный, мгновенный взглядъ — и опять чуть не уронила зонтика.

— Вѣрьте мнѣ, вѣрьте мнѣ, твердилъ онъ. Онъ умолялъ ее, протягивалъ къ ней руки — и не смѣлъ коснуться ея. Что вы хотите, чтобы я сдѣлалъ.... чтобы убѣдить васъ?

Она опять глянула на него.

— Скажите, monsieur Dimitri, начала она: — третьяго дня, когда вы пришли меня уговаривать — вы, стало-быть, еще не знали.... не чувствовали....

— Я чувствовалъ, подхватилъ Санинъ — но не зналъ. Я полюбилъ васъ съ самаго того мгновенья, какъ я васъ увидѣлъ — но не тотчасъ понималъ, чѣмъ вы стали для меня! Къ тому же я слышалъ, что вы обрученная невѣста.... Что же касается до порученія вашей матушки — то, во-первыхъ: какъ бы я могъ отказаться? а во-вторыхъ — я, кажется, такъ передалъ вамъ это порученіе, что вы могли догадаться....

Послышались тяжелые шаги, и довольно-плотный господинъ, съ савояжемъ черезъ плечо, очевидно иностранецъ, выдвинулся изъ-за клумбы—и, съ безцеремонностью заѣзжаго путешественника окинувъ взоромъ сидѣвшую на скамейкѣ парочку, громко кашлянулъ—и прошелъ далѣе.

— Ваша матушка, заговорилъ Санинъ, какъ только стукъ тяжелыхъ ногъ затихъ — сказала мнѣ, что вашъ отказъ произведетъ скандалъ (Джемма чуть-чуть нахмурилась); что я отчасти самъ подаль поводъ къ неблаговиднымъ толкамъ, и что.... слѣдовательно.... на мнѣ—до нѣкоторой степени—лежала обязанность уговорить васъ не отказывать вашему жениху, г-ну Клюбери....

— Monsieur Dimitri, промолвила Джемма и провела рукой по волосамъ со стороны, обращенной къ Санину—не называйте, пожалуйста, г-на Клюбера моимъ женихомъ. Я не буду его женой никогда. Я ему отказала.

— Вы ему отказали? Когда?

— Вчера.

— Ему самому?

— Ему самому. У насъ въ домѣ. Онъ приходилъ къ намъ.

— Джемма! Стало-быть, вы любите меня?

Она обернулась къ нему.

— Иначе.... развѣ бы я пришла сюда? шепнула она—и обѣ ея руки упали на скамью.

Санинъ схватилъ эти безсильныя, ладонями кверху лежавшія руки—и прижалъ ихъ къ своимъ глазамъ, къ своимъ губамъ.... Вотъ когда взвилась та завѣса, которая мерещилась ему наканунѣ! Вотъ оно, счастье, вотъ его лучезарный ликъ!

Онъ приподнялъ голову—и посмотрѣлъ на Джемму—прямо, смѣло. Она тоже смотрѣла на него—нѣсколько сверху внизъ. Взоръ ея полузакрытыхъ глазъ едва мерцалъ, залитый легкими блаженными слезами. А лицо не улыбалось.... нѣтъ! оно смѣялось, тоже блаженнымъ, хотя беззвучнымъ смѣхомъ.

Онъ хотѣлъ привлечь ее къ себѣ на грудь, но она отклонилась и не переставая смѣяться тѣмъ же беззвучнымъ смѣхомъ, отрицательно покачала головою. «Подожди», казалось, говорили ея счастливые глаза.

— О Джемма! воскликнулъ Санинъ:—могъ ли я думать, что ты—(сердце въ немъ затрепетало какъ струна, когда его губы въ первый разъ произнесли это: ты)—что ты меня полюбишь!

— Я сама не ожидала этого, тихо проговорила Джемма.

— Могъ ли я думать, продолжалъ Санинъ, могъ ли я думать,

подъѣзжая къ Франкфурту, гдѣ я полагалъ остаться всего нѣсколько часовъ, что я здѣсь найду счастье всей моей жизни!

— Всей жизни? Точно? спросила Джемма.

— Всей жизни, навѣкъ и навсегда! воскликнула Санинъ съ новымъ порывомъ.

Лопата садовника внезапно заскребла въ двухъ шагахъ отъ скамейки, на которой они сидѣли.

— Пойдемъ домой, шепнула Джемма;—пойдемъ вмѣстѣ—хочешь?

Еслибъ она сказала ему въ это мгновеніе: «Бросься въ море—*хочешь?*» Она не договорила бы послѣдняго слова, какъ ужъ онъ бы летѣлъ стремглавъ въ бездну.

Они вмѣстѣ вышли изъ саду и направились къ дому, не городскими улицами, а предмѣстьемъ.

XXVIII.

Санинъ шелъ, то рядомъ съ Джеммой, то нѣсколько позади ея, не спускалъ съ нея глазъ и не переставалъ улыбаться. А она какъ будто спѣшила.... какъ будто останавливалась. Правду сказать, оба они, онъ весь блѣдный, она вся розовая отъ волненія, подвигались впередъ, какъ отуманенные. То, что они сдѣлали вдвоемъ, нѣсколько мгновеній тому назадъ—это отданіе своей души другой душѣ—было такъ сильно и ново и жутко; такъ внезапно все въ ихъ жизни переставилось и перемѣнилось, что они оба не могли опомниться и только сознавали подхватившій ихъ вихорь, подобный тому ночному вихрю, который чуть-чуть не бросилъ ихъ въ объятія другъ другу. Санинъ шелъ—и чувствовалъ, что онъ даже иначе глядитъ на Джемму: онъ мгновенно замѣтилъ нѣсколько особенностей въ ея походкѣ, въ ея движеніяхъ,—и Боже мой! какъ онъ были ему бесконечно дороги и милы! И она чувствовала, что онъ *такъ* на нее глядитъ.

Санинъ и она—полюбили въ первый разъ; всѣ чудеса первой любви совершались надъ ними. Первая любовь—та же революція: однообразно—правильный строй сложившейся жизни разбить и разрушенъ въ одно мгновеніе, молодость стоитъ на баррикадѣ, высоко вьется ея яркое знамя—и что бы тамъ впереди ея ни ждало—смерть или новая жизнь—всему она шлетъ свой восторженный привѣтъ.

— Что? это никакъ нашъ старикъ? промолвилъ Санинъ, указывая пальцемъ на закутанную фигуру, которая поспѣшно

пробиралась сторонкой, какъ-бы стараясь остаться незамѣченной. Среди избытка блаженства онъ ощущалъ потребность говорить съ Джеммой не о любви—то было дѣло рѣшеное, святое,—а о чемъ-нибудь другомъ.

— Да, это Панталеоне, весело и счастливо отвѣчала Джемма. Онъ навѣрное вышелъ изъ дому по моимъ пятамъ; онъ уже вчера цѣлый день слѣдилъ за каждымъ моимъ шагомъ.... Онъ догадывается!

— Онъ догадывается! съ восхищеніемъ повторилъ Санинъ. Что бы такое могла сказать Джемма, отъ чего онъ не пришелъ бы въ восхищеніе?

Потомъ онъ попросилъ ее рассказать подробно все, что именно произошло наканунѣ.

И она немедленно начала рассказывать, спѣша, путаясь, улыбаясь, вздыхая короткими вздохами и мѣняясь съ Санинимъ короткими свѣтлыми взглядами. Она рассказала ему, какъ послѣ третьягодняшняго разговора, мама все хотѣла добиться отъ нея, Джеммы, чего-нибудь положительнаго; какъ она отдѣлалась отъ фрау Леноры обѣщаніемъ сообщить свое рѣшеніе въ теченіи сутокъ; какъ она выпросила себѣ этотъ срокъ—и какъ это было трудно; какъ совершенно неожиданно явился г. Клюберъ, болѣе чопорный и накрахмаленный чѣмъ когда-либо; какъ онъ изъяснилъ свое негодованіе по поводу мальчишески-непростительной и для него, Клюбера, глубоко-оскорбительной (такъ именно онъ выразился) выходки русскаго незнакомца—онъ разумѣлъ твою дуэль, и какъ онъ потребовалъ, чтобы *тебѣ* немедленно отказали отъ дому. «Потому», прибавилъ онъ—и тутъ Джемма слегка передразнила его голосъ и манеру—«это бросаетъ тѣнь на мою, какъ будто я не счумѣлъ бы заступиться за свою невѣсту, еслибъ нашелъ это необходимымъ или полезнымъ! Весь Франкфуртъ завтра узнаетъ, что чужой дрался съ офицеромъ за мою невѣсту—на что это похоже? Это мараетъ мою честь!» Мама съ нимъ соглашалась—представь!—но тутъ я ему вдругъ объявила, что онъ напрасно беспокоится о своей чести и о своей персонѣ, напрасно оскорбляется толками о своей *невѣстѣ*—потому что я больше ему не невѣста и никогда его женой не буду! Признаться, я хотѣла-было сперва поговорить съ вами.... съ тобою, прежде чѣмъ отказать ему окончательно; но онъ пришелъ.... и я не могла удержаться. Мама даже закричала отъ испуга, а я вышла въ другую комнату и принесла ему его кольцо—ты не замѣтилъ, я уже два дня тому назадъ сняла это кольцо—и отдала ему. Онъ ужасно обидѣлся; но такъ какъ онъ ужасно самолюбивъ и чванливъ, то онъ не сталъ

много разговаривать — и ушелъ. Разумѣется, мнѣ пришлось много вытерпѣть отъ мамы, и очень мнѣ было больно видѣть, какъ она огорчалась — и думала я, что я немножко поторопилась; но вѣдь у меня была твоя записка — и я безъ того уже знала....

— Что я тебя люблю, подхватилъ Санинъ.

— Да.... что ты полюбилъ меня.

Такъ говорила Джемма, путаясь и улыбаясь, и понижая всякій разъ голосъ, или вовсе умолкая, когда кто-нибудь шелъ ей на встрѣчу или проходилъ мимо. А Санинъ слушалъ восторженно, наслаждаясь самымъ звукомъ ея голоса, какъ наканунѣ онъ любовался ея почеркомъ.

— Мама чрезвычайно огорчена, начала снова Джемма — и слова ея быстро-быстро бѣжали одно за другимъ; — она никакъ не хотѣла взять въ соображеніе то, что г. Клюберъ могъ мнѣ опротивѣть, что я и выходила-то за него не по любви — а вслѣдствіе ея усиленныхъ просьбъ.... Она подозрѣваетъ.... васъ.... тебя; то-есть, прямо говоря, она увѣрена, что я тебя полюбила — и это ей тѣмъ больнѣе, что еще третьяго дня ей ничего подобнаго въ голову не приходило, и она даже поручала тебѣ меня уговаривать.... А странное это было порученіе — неправда ли? Теперь она тебя.... васъ величаетъ хитрецомъ, лукавымъ человекомъ, говорить, что вы обманули ея довѣріе и предсказываетъ мнѣ, что меня вы обманете....

— Но Джемма, воскликнулъ Санинъ, развѣ ты ей не сказала...

— Я ничего не сказала! Какое я имѣла право, не переговоривши съ вами.

Санинъ всплеснулъ руками. — Джемма, я надѣюсь, что теперь, по крайней мѣрѣ, ты во всемъ ей сознаешься, ты приведешь меня къ ней... Я хочу доказать твоей матушѣ, что я не обманщикъ!

Грудь Санина такъ и вздымалась отъ прилива великодушныхъ и пламенныхъ чувствъ!

Джемма глянула на него во всѣ глаза. — Вы точно, хотите идти теперь къ мамѣ со мною? Къ мамѣ, которая увѣряетъ, что... что все это между нами невозможно — и никогда сбыться не можетъ? Было одно слово, которое Джемма не рѣшалась говорить... Оно жгло ей губы; но тѣмъ охотнѣе произнесъ его Санинъ.

— Вступить съ тобою въ бракъ, Джемма, быть твоимъ мужемъ — я выше блаженства не знаю!

Ни любви своей, ни своему великодушію, ни рѣшимости своей онъ уже не зналъ никакихъ предѣловъ.

Услышавъ эти слова, Джемма, которая остановилась—было на мгновеніе, пошла еще скорѣе... Она какъ-будто хотѣла убѣжать отъ этого, слишкомъ великаго и неожиданнаго счастья!

Но вдругъ у ней ноги подкосились. Изъ-за угла переулка, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, въ новой шляпѣ и новой бешкетѣ, прямой какъ стрѣла, завитый какъ пудель, появился г-нъ Клюберъ. Онъ увидалъ Джемму, увидалъ Санина — и какъ-то внутренно фыркнувъ и перегнувъ назадъ свой гибкій станъ, щегольски пошелъ имъ на встрѣчу. Санина покорило; но взглянувъ на Клюберовское лицо, которому владѣлецъ его, насколько въ немъ хватало умѣнья, тщился придать выраженіе презрительнаго изумленія и даже соболѣзнованія — взглянувъ на это румяное, пошлое лицо, онъ внезапно почувствовалъ приливъ гнѣва—и шагнулъ впередъ.

Джемма схватила его руку, и съ спокойной рѣшительностью подавъ ему свою посмотрѣла прямо въ лицо своему бывшему жениху... Тотъ прищурился, съѣжился, вильнулъ въ сторону—и пробормотавъ сквозь зубы: «Обычный конецъ пѣсенки!»—(Das alte Ende vom Liedel) — удалился той же щегольской, слегка подпрыгивавшей походкой.

— Что онъ сказалъ, негодяй! спросилъ Санинъ и хотѣлъ было броситься вслѣдъ за Клюберомъ; но Джемма его удержала и пошла съ нимъ дальше, уже не принимая руки, продѣтой въ его руку.

Кондитерская Розелли показалась впереди. Джемма еще разъ остановилась.

Dimitri, Monsieur Dimitri, сказала она; мы еще не вошли туда, мы еще не видѣли мамы... Если вы хотите еще подумать, если... Вы еще свободны, Димитрій.

Въ отвѣтъ ей Санинъ крѣпко-крѣпко притиснулъ ея руку къ своей груди—и повлекъ ее впередъ.

— Мама, сказала Джемма, входя съ Санинымъ въ комнату, гдѣ сидѣла Фрау-Леноре—я привела настоящаго!

XXIX.

Если бы Джемма объявила, что привела съ собою холеру или самую смерть, фрау Леноре, должно полагать, не могла бы съ большимъ отчаяніемъ принять это извѣстіе. Она немедленно сѣла въ уголъ, лицомъ къ стѣнѣ — и залилась слезами, почти заголосила, ни дать ни взять русская крестьянка надъ гробомъ мужа или сына. На первыхъ порахъ Джемма до того смутилась,

что даже не подошла къ матери—и остановилась, какъ статуя посреди комнаты; а Санинъ совсѣмъ потерялся—хоть самому удариться въ слезы! Цѣлый часъ продолжался этотъ безутѣшный плачь: цѣлый часъ! Панталеоне почелъ за лучшее запереть наружную дверь кондитерской, какъ бы кто чужой не вошелъ—благо пора стояла ранняя. Старикъ самъ чувствовалъ недоумѣніе—и во всякомъ случаѣ не одобрялъ поспѣшности, съ которою поступили и Джемма и Санинъ, а впрочемъ осуждать ихъ не рѣшался и готовъ былъ оказать имъ покровительство—въ случаѣ нужды: ужъ очень не любилъ онъ Клюбера! Эмиль считалъ себя посредникомъ между своимъ другомъ и сестрой—и чуть не гордился тѣмъ, что какъ это все превосходно удалось! Онъ никакъ не въ состояніи былъ понять, чего фрау Леноре такъ убивается, и въ сердцѣ своемъ онъ тутъ же рѣшилъ, что женщины, даже самыя лучшія, страдаютъ отсутствіемъ сообразительной способности! Санину приходилось хуже всѣхъ. Фрау Леноре поднимала вопль и отмахивалась руками, какъ только онъ приближался къ ней—и напрасно онъ попытался, стоя въ отдаленіи, нѣсколько разъ громко воскликнуть: «Прошу руки вашей дочери!» Фрау Леноре особенно досадовала на себя за то, что: «какъ могла она быть до того слѣпою—и ничего не видѣть!» «Былъ бы мой Джіованъ Баттиста живъ», твердила она севозъ слезы—«ничего бы этого не случилось!»—«Господи, что же это такое? думалъ Санинъ—вѣдь это глупо, наконецъ!» Ни самъ онъ не смѣлъ взглянуть на Джемму, ни она не рѣшалась поднять на него глаза. Она ограничивалась тѣмъ, что терпѣливо ухаживала за матерью, которая сначала и ее отталкивала...

Наконецъ, мало по малу, буря утихла. Фрау Леноре перестала плакать, дозволила Джеммѣ вывести ее изъ угла, куда она забилась, усадить ее въ кресло возлѣ окна и дать ей напиться воды съ флёръ-д'оранжемъ; дозволила Санину—не приближаться... о нѣтъ!—но по крайней мѣрѣ остаться въ комнатѣ—(прежде она все требовала, чтобы онъ удалился)—и не перебивала его, когда онъ говорилъ. Санинъ немедленно воспользовался наступившимъ штилемъ—и выказалъ краснорѣчіе изумительное: едва ли бы сумѣлъ онъ съ такимъ жаромъ и съ такою убѣдительною изложить свои намѣренія и свои чувства передъ самой Джеммой. Эти чувства были самыя искреннія, эти намѣренія—самыя чистыя, какъ у Альмавивы въ «Севильскомъ Цирюльникѣ».—Онъ не скрывалъ ни отъ фрау Леноры, ни отъ самого себя невыгодной стороны этихъ намѣреній; но эти невыгоды были только кажущіяся! Правда: онъ чужестранецъ, съ

нимъ недавно познакомились, не знаютъ ничего положительнаго ни объ его личности, ни объ его средствахъ; но онъ готовъ привести всѣ нужныя доказательства того, что онъ человѣкъ порядочный и не бѣдный; онъ сошлется на самыя несомнѣныя свидѣтельства своихъ соотчичей!—Онъ надѣется, что Джемма будетъ счастлива съ нимъ, и что онъ сѣмѣетъ усладить ей разлуку съ родными!.. Упомяновеніе разлуки — одно это слово: «разлука» — чуть-было не испортило всего дѣла. Фрау Леноре такъ и затрепетала вся и заметалась... Санинъ поспѣшилъ замѣтить, что разлука будетъ только временная — и что, наконецъ, быть можетъ — ея не будетъ вовсе!

Краснорѣчіе Санина не пропало даромъ. Фрау Леноре начала взглядывать на него, хотя все еще горестью и упрекомъ, но уже не съ прежнимъ отвращеніемъ и гнѣвомъ; потомъ она позволила ему подойти и даже сѣсть возлѣ нея (Джемма сидѣла по другую сторону); потомъ она стала упрекать его — не одними взорами, но словами, что уже означало нѣкоторое смягченіе ея сердца; она стала жаловаться, а жалобы ея становились все тише и мягче; онѣ чередовались вопросами, обращенными то къ дочери, то къ Санину; потомъ она позволила ему взять ее за руку, а не тотчасъ отняла ее... потомъ она заплакала опять — но уже совсѣмъ другими слезами... Потомъ она грустно улыбнулась и пожалѣла объ отсутствіи Джіован' Баттиста, но уже въ другомъ смыслѣ, чѣмъ прежде... Прошло еще мгновенье — и оба преступника — Санинъ и Джемма уже лежали на колѣняхъ у ногъ ея, и она клала имъ поочередно свои руки на головы; — прошло другое мгновенье — и они уже обнимали и цѣловали ее, и Эмиль, съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ, вбѣжалъ въ комнату и тоже бросился къ тѣсно-сплоченной группѣ.

Панталеоне глянулъ въ комнату, ухмыльнулся и нахмурился въ одно и то же время — и, отправившись въ кондитерскую, перѣ наружную дверь.

XXX.

Переходъ отъ отчаянія къ грусти, а отъ нея къ «тихой резиныяціи» совершился довольно скоро въ фрау Леноре; — но и эта тихая резиныяція не замедлила превратиться въ тайное довольство, которое однако всячески скрывалось и сдерживалось ради приличія. Санинъ съ перваго дня знакомства пришелъ понутру фрау Леноре; свѣшлись съ мыслию, что онъ будетъ ея зятемъ, она уже не находила въ ней ничего особенно не-

пріятнаго, хотя и считала долгомъ сохранять на лицѣ своемъ нѣсколько обиженное... скорѣй озабоченное выраженіе. Къ тому же все, чтò произошло въ послѣдніе дни, было такъ необычайно... Одно къ одному! Какъ женщина практическая и какъ мать, фрау Леноре почла также своимъ долгомъ подвергнуть Санина разнообразнымъ вопросамъ: и Санинъ, который, отправляясь утромъ на свиданіе съ Джеммой, и въ помыслахъ не имѣлъ, что онъ женится на ней—правда, онъ ни о чемъ тогда не думалъ, а только отдавался влеченію своей страсти—Санинъ съ полной готовностью и, можно сказать, съ азартомъ вошелъ въ свою роль, роль жениха, и на всѣ разпросы отвѣчалъ обстоятельно, подробно, охотно. Удостоверившись, что онъ настоящій, природный дворянинъ, и даже нѣсколько удивившись тому, что онъ не князь, фрау Леноре приняла серьезный видъ и — «предупредила его заранѣе» — что будетъ съ нимъ совершенно, безцеремонно откровенна, потому что къ этому принуждаетъ ее священная обязанность матери! — на чтò Санинъ отвѣчалъ, что онъ отъ нея много не ожидалъ и самъ ее убѣдительно просить — не шадить его!

Тогда фрау Леноре замѣтила ему, что г. Клюберъ (пронесши это имя, она слегка вздохнула и сжала губы и запнулась) — г. Клюберъ, *бывшій* Джемминъ женихъ, уже теперь обладаетъ восемью тысячами гульденовъ дохода — и съ каждымъ годомъ эта сумма будетъ быстро увеличиваться — а его, г-на Санина, каковъ доходъ?

— Восемь тысячъ гульденовъ, повторилъ протяжно Санинъ... Это на наши деньги — около пятнадцати тысячъ рублей ассигнаціями... Мой доходъ гораздо меньше. У меня есть небольшое имѣніе въ Тульской губерніи... При хорошо устроенномъ хозяйствѣ, оно можетъ дать — и даже непременно должно дать тысячу пять или шесть... Да если я поступлю на службу — я легко могу получить тысячи двѣ жалованья.

— На службу въ Россію? воскликнула фрау Леноре. Я, стало быть, должна разстаться съ Джеммой!

— Можно будетъ опредѣлиться по дипломатической части, подхватилъ Санинъ; у меня есть нѣкоторыя связи... Тогда служба происходитъ за границей. А то вотъ еще чтò можно будетъ сдѣлать — и это гораздо лучше всего: продать имѣніе и употребить вырученный капиталъ на какое-нибудь выгодное предпріятіе, напр., на усовершенствованіе вашей кондитерской. Санинъ и чувствовалъ, что говорить нѣчто несообразное, но имъ овладѣла непонятная отвага. Онъ глянетъ на Джемму, которая съ тѣхъ поръ, какъ начался «практическій» разговоръ, то и дѣло

вставала, ходила по комнатѣ, садилась опять — глядеть онъ на нее — и нѣтъ для него препятствій, и готовъ онъ устроить все, сейчасъ, самымъ лучшимъ образомъ — лишь бы она не тревожилась!

— Г. Клюберъ тоже хотѣлъ дать мнѣ небольшую сумму на поправку кондитерской, промолвила, послѣ небольшого колебанія, фрау Леноре.

— Матушка! ради Бога! матушка! воскликнула Джемма итальянски.

— Объ этихъ вещахъ надо говорить заблаговременно, дочь моя, отвѣчала ей фрау Леноре на томъ же языкѣ.

Она снова обратилась къ Санину и стала его разспрашивать о томъ, какіе законы существуютъ въ Россіи насчетъ браковъ, и нѣтъ ли препятствій для вступленія въ супружество съ католичками — какъ въ Пруссіи? — (Въ то время, въ сороковомъ году, вся Германія еще помнила ссору прусскаго правительства съ Кёльнскимъ архіепископомъ изъ-за смѣшанныхъ браковъ). Когда же фрау Леноре услышала, что выйдя замужъ за русскаго дворянина, ея дочь сама станетъ дворянкой — она выказала нѣкоторое удовольствіе. Но вѣдь вы должны сперва отправиться въ Россію?

— Зачѣмъ?

— А какъ же? Получить позволеніе отъ вашего государя?

Санинъ объяснилъ ей, что это вовсе не нужно... но что, быть можетъ, ему точно придется передъ свадьбой съѣздить на самое короткое время въ Россію — (онъ сказалъ эти слова — и сердце въ немъ болѣзненно сжалось, глядящая на него Джемма поняла, что оно сжалось — и покраснѣла и задумалась) — и что онъ постарается воспользоваться своимъ пребываніемъ на родинѣ, чтобы продать имѣніе... во всякомъ случаѣ онъ вывезетъ отсюда нужныя деньги.

— Я бы также попросила васъ привезти мнѣ отсюда астраханскія хорошія мерлушки на мантилью — проговорила фрау Леноре. Онѣ тамъ, по слухамъ, удивительно хороши, и удивительно дешевы!

— Непремѣнно, съ величайшимъ удовольствіемъ привезу и вамъ — и Джеммѣ! воскликнулъ Санинъ.

— А мнѣ вышитую серебромъ сафьянную шапочку, вмѣшался Эмиль, выставивъ голову изъ сосѣдней комнаты.

— Хорошо — привезу и тебѣ... и Панталеоне туфли.

— Ну къ чему это? въ чему? замѣтила фрау Леноре. Мы говоримъ теперь о серьезныхъ вещахъ. Но вотъ еще что, прибавила прагматическая дама. Вы говорите: продать имѣніе. Но

какъ же вы это сдѣлаете? Вы, стало быть, и крестьянъ тоже продадите!

Санина точно что въ бокъ кольнуло. Онъ вспомнилъ, что, разговаривая съ г-жей Розелли и ея дочерью — о крѣпостномъ правѣ, которое, по его словамъ, возбуждало въ немъ глубокое негодованіе, онъ неоднократно завѣрялъ ихъ, что никогда и ни за что своихъ крестьянъ продавать не станетъ, ибо считаетъ подобную продажу безнравственнымъ дѣломъ.

— Я постараюсь продать мое имѣніе человѣку, котораго я буду знать съ хорошей стороны, произнесъ онъ не безъ запытки — или, быть можетъ, сами крестьяне захотятъ откупиться.

— Это лучше всего, согласилась и фрау Леноре. А то, продавать живыхъ людей... — *Barbari!* проворчалъ Панталеоне, который, вслѣдъ за Эмилемъ, показался-было у дверей, тряхнувшись — и скрылся.

«Скверно!» подумалъ про себя Санинъ — и утѣшкой поглядѣлъ на Джемму. Она, казалось, не слышала его послѣднихъ словъ. «Ну-ничего!» подумалъ онъ опять.

Такимъ манеромъ продолжался практическій разговоръ почти вплоть до самаго обѣда. Фрау Леноре совсѣмъ укротилась подъ конецъ — и называла уже Санина — Димитріемъ, ласково грозила ему пальцемъ и обѣщалась отомстить за его коварство. Много и подробно спрашивала она объ его роднѣ, потому что — «это тоже очень важно»; потребовала также, чтобы онъ описалъ ей церемонію брака, какъ онъ совершается по обряду русской церкви — и заранѣе восхищалась Джеммой въ бѣломъ платьѣ, съ золотой короной на головѣ.

— Вѣдь она у меня красива, какъ королева, промолвила она съ материнской гордостью; да и королевѣ такихъ на свѣтѣ нѣтъ!

— Другой Джеммы на свѣтѣ нѣтъ! подхватилъ Санинъ.

— Да; оттого-то она и — Джемма! (Извѣстно, что на итальянскомъ языкѣ Джемма значитъ: драгоценный камень.)

Джемма бросилась цѣловать свою мать... Казалось, только теперь она вздохнула свободно — и удручавшая ее тяжесть спала съ ея души.

А Санинъ вдругъ почувствовалъ себя до того счастливымъ, такую дѣтскою веселостью наполнилось его сердце при мысли, что вотъ сбылись же, сбылись тѣ грезы, которымъ онъ недавно предавался въ тѣхъ же самыхъ комнатахъ; все существо его до того выиграло, что онъ немедленно отправился въ кондитерскую; онъ пожелалъ непременно, во что бы то ни стало, поторговать за прилавкомъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ... «Я-молъ имѣю полное теперь на это право! Я вѣдь теперь домашній человѣкъ!»

И онъ дѣйствительно сталъ за прилавокъ, и дѣйствительно поторговалъ, т.-е. продалъ двумъ зашедшимъ дѣвочкамъ фунтъ конфетъ, вмѣсто котораго онъ имъ отпустилъ цѣлыхъ два, взявши съ нихъ только полцѣны.

За обѣдомъ онъ официально, какъ женихъ, сидѣлъ рядомъ съ Джеммой. Фрау Леноре продолжала свои практическія соображенія. Эмиль то-и-дѣло смѣялся и приставалъ къ Санину, чтобы тотъ его взялъ съ собой въ Россію. Было рѣшено, что Санинъ уѣдетъ черезъ двѣ недѣли. Одинъ Панталеоне являлъ нѣсколько угрюмый видъ, такъ что даже фрау Леноре ему попеняла. «А еще секундантомъ былъ!» — Панталеоне взглянулъ изъ подлѣбья.

Джемма молчала почти все время, но никогда ея лицо не было прекраснѣй и свѣтлѣе. Послѣ обѣда она отозвала Санина на минуту въ садъ, и остановившись около той самой скамейки, гдѣ она третьяго дня отбирала вишни, сказала ему:—Димитрій, не сердись на меня; но я еще разъ хочу напомнить тебѣ, что ты не долженъ почитать себѣ связаннымъ...

Онъ не далъ ей договорить...

Джемма отклонила свое лицо. — А насчетъ того, что мама упомянула — помнишь? — о различіи нашей вѣры, то вотъ!..

Она схватила гранатовый крестикъ, висѣвшій у ней на шеѣ на тонкомъ шнуркѣ, сильно дернула и оборвала шнурокъ — и подала ему крестикъ.

— Если я твоя, такъ и вѣра твоя — моя вѣра!

Глаза Санина были еще влажны, когда онъ вмѣстѣ съ Джеммой вернулся въ домъ.

Къ вечеру все пришло въ обычную колею. Даже въ тресетте поиграли.

XXXI.

Санинъ проснулся очень рано на слѣдующій день. Онъ находился на высшей степени человѣческаго благополучія; но не это мѣшало ему спать; вопросъ, жизненный роковой вопросъ: какимъ образомъ онъ продастъ свое имѣніе какъ можно скорѣе и какъ можно выгоднѣе — тревожилъ его покой. Въ головѣ его скрещивались различнѣйшіе планы, но ничего пока еще не выяснилось. Онъ вышелъ изъ дому, чтобы провѣтриться, освѣжиться. Съ готовымъ проектомъ — не иначе — хотѣлъ онъ предстать передъ Джеммой.

Что это за фигура, достаточно грузная и толстоногая, впрочемъ прилично одѣтая, идетъ передъ нимъ, слегка переваливаясь и ковыляя? Гдѣ видѣлъ онъ этотъ затылокъ, поросшій бѣлобрысыми вихрами, эту голову, какъ-бы насаженную прямо на плечи, эту мягкую, жирную спину, эти пухлыя, отвислыя руки? Неужели это—Полозовъ, его старинный пансіонскій товарищъ, котораго онъ уже вотъ пять лѣтъ, какъ потерялъ изъ виду? Санинъ обогналъ шедшую передъ нимъ фигуру, обернулся.. Широкое, желтоватое лицо, маленькіе свинные глазки съ бѣлыми рѣсницами и бровями, короткій, плоскій носъ, крупныя, словно склеенныя губы, круглый, безволосый подбородокъ — и это выраженіе всего лица, кислое, лѣнивое и недовѣрчивое— да точно: это онъ, это Ипполитъ Полозовъ!

«Ужъ не опять ли моя звѣзда дѣйствуетъ?» мельнуло въ мысляхъ Санина.

— Полозовъ! Ипполитъ Сидорычъ! Это ты?

Фигура остановилась, подняла свои крохотные глаза, подождала немного — и расклеивъ наконецъ свои губы, проговорила сиповатой фистулой:

— Дмитрій Санинъ?

— Онъ самый и есть! воскликнулъ Санинъ, и пожалъ одну изъ рукъ Полозова; облеченныя въ тѣсныя лайковыя перчатки сѣро-пепельнаго цвѣта, онѣ по прежнему безжизненно висѣли вдоль его выпуклыхъ ляжекъ.—Давно ли ты здѣсь? Откуда пріѣхалъ? Гдѣ остановился?

— Я пріѣхалъ вчера изъ Висбадена, отвѣчалъ не спѣша Полозовъ, за покупками для жены—и сегодня же возвращаюсь въ Висбаденъ.

— Ахъ да! Вѣдь ты женатъ—и, говорятъ, на такой красавицѣ!

Полозовъ повелъ въ сторону глазами.—Да, говорятъ.

Санинъ засмѣялся.—Я вижу, ты все такой же... флегматикъ, какимъ ты былъ въ пансіонѣ.

— На что я буду мѣняться?

— И говорятъ, прибавилъ Санинъ, съ особымъ удареніемъ на слово: «говорятъ»—что твоя жена очень богата.

— Говорятъ и это.

— А тебѣ самому, Ипполитъ Сидорычъ, развѣ это неизвѣстно?

— Я, братъ Дмитрій... Павловичъ?—да Павловичъ! въ женинны дѣла не мѣшаюсь.

— Не мѣшаешься? Ни въ какія дѣла?

Полозовъ опять повелъ глазами.—Ни въ какія, братъ. Она—сама по себѣ... ну и я, самъ по себѣ.

— Куда же ты теперь идешь? спросилъ Санинъ.

— Теперь я никуда не иду; стою на улицѣ — и съ тобой бесѣдую; а вотъ какъ мы съ тобой покончимъ, отправлюсь къ себѣ въ гостинницу—и буду завтракать.

— Меня въ товарищи—хочешь?

— То-есть—это ты насчетъ завтрака?

— Да.

— Сдѣлай одолженіе, ѣсть вдвоемъ гораздо веселѣе. Ты вѣдь не говоришь?

— Не думаю.

— Ну и ладно.

Полозовъ двинулся впередъ, Санинъ отправился съ нимъ рядомъ. И думалось Санину—губы Полозова опять склеились, онъ сопѣлъ и переваливался молча — думалось Санину: какимъ образомъ удалось этому чурбану подцѣпить красивую и богатую жену? Самъ онъ ни богатъ, ни знатенъ, ни уменъ; въ пансіонѣ слылъ за вялаго и тупого мальчика, за соню и обжору—и прозвище носилъ «слюня». Чудеса!

«Но если жена его очень богата — сказываютъ, она дочь какого-то откупщика—то не купить ли она мое имѣніе? Хотя онъ и говоритъ, что ни въ какія женнины дѣла не входитъ, но вѣдь этому вѣры дать нельзя! Притомъ же и цѣну я назначу сходную, выгодную цѣну! Отчего не попытаться? Быть можетъ, это все моя звѣзда дѣйствуетъ... Рѣшено! попытаюсь!»

Полозовъ привелъ Санина въ одну изъ лучшихъ гостинницъ Франкфурта, въ которой занималъ уже конечно лучшій номеръ. На столахъ и стульяхъ громоздились картонны, ящики, свертки... «Все, братъ, покупки для Марьи Николаевны!» (такъ звали жену Ипполита Сидорыча). Полозовъ опустился въ кресло, простоналъ: «Эка жара!» и развязалъ галстукъ. Потомъ позвонилъ оберъ-кельнера и тщательно заказалъ ему обильнѣйшій завтракъ. «А въ часъ чтобы карета была готова! Слышите, ровно въ часъ!»

Оберъ-кельнеръ подобострастно наклонился — и рабски исчезъ.

Полозовъ разстегнулъ жилетъ. По одному тому, какъ онъ приподнималъ брови, отдувался и морщилъ носъ можно было видѣть, что говорить будетъ для него большою тягостью, и что онъ не безъ нѣкоторой тревоги ожидалъ, заставить ли его Санинъ ворочать языкомъ, или самъ возьметъ на себя трудъ вести бесѣду?

Санинъ понялъ настроеніе своего пріятеля, и потому не сталъ обременять его вопросами; ограничился лишь самымъ необходимымъ; узналъ, что онъ два года состоялъ на службѣ — (въ уланахъ! то-то, чай, хорошъ былъ въ короткомъ-то мундирчикѣ!), три года тому назадъ женился — и вотъ уже второй годъ находится за границей съ женой, «которая теперь отъ чего-то лечится въ Висбаденѣ» — а тамъ отправляется въ Парижъ. Съ своей стороны Санинъ также мало распространялся о своей прошедшей жизни, о своихъ планахъ; онъ прямо приступилъ въ главному — т.-е. заговорилъ о своемъ намѣреніи продать имѣніе.

Полозовъ слушалъ его молча, лишь изрѣдка взглядывая на дверь, откуда долженъ былъ явиться завтракъ. Завтракъ явился наконецъ. Оберъ-вельнеръ, въ сопровожденіи двухъ другихъ слугъ, принесъ нѣсколько блюдъ подъ серебряными волпаками.

— Это въ Тульской губерніи имѣніе? промолвилъ Полозовъ, садясь за столъ и затыкая салфетку за воротъ рубашки.

— Въ Тульской.

— Ефремовскаго уѣзда... Знаю.

— Ты мою Алексѣевку знаешь? спросилъ Санинъ, тоже садясь за столъ.

— Знаю, какъ же. Полозовъ записалъ себѣ въ ротъ кусокъ яичницы съ трюфелями. — У Марьи Николаевны — жены моей — по сосѣдству есть имѣніе.... Откупорьте эту бутылку, кельнеръ! Земля порядочная — только мужики у тебя лѣсъ вырубili. Ты зачѣмъ же продаешь?

— Деньги нужны, братъ. Я бы дешево продалъ. Вотъ бы тебѣ купить... Кстати.

Полозовъ проглотилъ стаканъ вина, утерся салфеткой и опять принялся жевать — медленно и шумно.

— Н... да, проговорилъ онъ наконецъ... Я имѣній не покупаю: капиталовъ нѣтъ. Пододвинь-ка масло. Развѣ вотъ жена купить. Ты съ ней поговори. Коли дорого не запросишь — она этимъ не брезгаетъ... Экіе однако эти нѣмцы — ослы! Не умѣютъ рыбу сварить. Чего, кажется, проще? А еще толкуютъ: фатерландъ-моль объединить слѣдуетъ. Кельнеръ, примите эту мерзость!

— Неужели же твоя жена сама распоряжается... по хозяйству? спросилъ Санинъ.

— Сама. Вотъ котлеты — хороши. Рекомендую. Я сказалъ тебѣ, Дмитрій Павловичъ, что ни въ какія женнины дѣла я не вхожу — и теперь тебѣ тоже повторяю.

Полозовъ продолжалъ жевать.

— Гмъ... Но какъ я съ ней переговорить могу, Ипполитъ-Сидорычъ?

— А очень просто, Дмитрій Павловичъ. Отправляйся въ Висбаденъ. Отсюда недалеко. Кельнеръ, нѣтъ ли у васъ англійской горчицы? Нѣтъ? Скоты! Только времени не теряй. Мы послѣ-завтра уѣзжаемъ. Позволь, я тебѣ налью рюмку: съ бутеломъ вино—не кислятина.

Лицо Полозова оживилось и покраснѣло; оно и оживлялось только тогда, когда онъ ѣлъ... или пилъ.

— Право-же... я не знаю, какъ это сдѣлать? пробормоталъ Санинъ.

— Да что тебѣ такъ вдругъ приспичило?

— То-то и есть, что приспичило, братъ.

— И большая сумма нужна?

— Большая. Я... какъ бы это тебѣ сказать? я затѣялъ... жениться.

Полозовъ поставилъ на столъ рюмку, которую поднесъ-было къ губамъ.

— Жениться! промолвилъ онъ хриплымъ, отъ изумленья хриплымъ голосомъ, и сложилъ свои пухлые руки на желудѣ.—Такъ скоропостижно?

— Да... скоро.

— Невѣста—въ Россіи, разумѣется?

— Нѣтъ, не въ Россіи.

— Гдѣ же?

— Здѣсь, во Франкфуртѣ.

— И кто она?

— Нѣмка; то-есть, нѣтъ—итальянка. Здѣшняя жительница.

— Съ капиталомъ?

— Безъ капитала.

— Стало-быть, любовь ужъ очень сильная?

— Какой ты смѣшной! Да, сильная.

— И для этого тебѣ деньги нужны?

— Ну да... да, да.

Полозовъ проглотилъ вино, выполоскалъ себѣ ротъ и руки вымылъ, старательно вытеръ ихъ о салфетку, досталъ и закурилъ сигару. Санинъ молча глядѣлъ на него.

— Одно средство, промышлялъ наконецъ Полозовъ, закидывая назадъ голову и выпуская дымъ тонкой струйкой. — Ступай къ женѣ. Она, воли захочетъ, всю бѣду твою руками разведетъ.

— Да какъ я ее увижу, жену твою? Ты говоришь, вы послѣ-завтра уѣзжаете? Полозовъ закрылъ глаза.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, проговорилъ онъ, вертя гу-

бами сигару и вздыхая. Ступай-ка домой, снаряжись попроворнѣе—да приходи сюда. Въ часъ я выѣзжаю, карета у меня просторная—я тебя съ собой возьму. Этакъ всего лучше. А теперь я посплю. Я, братъ, какъ поѣмъ, непременно поспать долженъ. Натура требуетъ—и я не противлюсь. И ты не мѣшай мнѣ.

Санинъ подумалъ, подумалъ—и внезапно поднялъ голову: онъ рѣшился!

— Ну хорошо, согласенъ—и благодарю тебя. Въ половинѣ перваго я здѣсь—и мы отправимся вмѣстѣ въ Висбаденъ. Я надеюсь, жена твоя не разсердится...

Но Полозовъ уже сопѣлъ. Пролепеталъ: не мѣшай! поболталъ ногами и заснулъ, какъ младенецъ.

Санинъ еще разъ окинулъ взоромъ его грузную фигуру, его голову, шею, его высоко поднятый, круглый какъ яблоко подбородокъ—и, выйдя изъ гостиницы, проворными шагами направился въ кондитерской Розелли. Надо было предварить Джемму.

XXXII.

Онъ засталъ ее въ кондитерской комнатѣ вмѣстѣ съ матерью. Фрау Леноре, перегнувши спину, измѣряла небольшимъ складнымъ футомъ промежутки между окнами. Увидя Санина, она выпрямилась и весело привѣтствовала его, не безъ маленькаго замѣшательства однако.

— У меня, съ вашихъ вчерашнихъ словъ, начала она, все въ головѣ вертятся мысли, какъ бы намъ улучшить нашъ магазинъ. Вотъ тутъ, я полагаю, два шкапчика съ зеркальными полочками поставить. Теперь, знаете, это въ модѣ. И потомъ еще...

— Прекрасно, прекрасно, перебилъ ее Санинъ—это все надо будетъ сообразить... Но подите-ка сюда, а вамъ что сообщу. Онъ взялъ фрау Леноре и Джемму подъ руки и повелъ ихъ въ другую комнату. Фрау Леноре встревожилась и мѣрку изъ рукъ выронила. Джемма встревожилась—было тоже, но глянула попристальнѣе на Санина и успокоилась. Лицо его, правда озабоченное, выражало въ то же время оживленную бодрость и рѣшимость.

Онъ попросилъ обѣихъ женщинъ сѣсть, а самъ сталъ передъ ними—и размахивая руками, да ероша волосы, сообщилъ имъ все: встрѣчу съ Полозовымъ, предполагаемую побѣду въ

Висбаденъ, возможность продажи имѣнія.—Вообразите мое счастье, воскликнулъ онъ наконецъ: дѣло приняло такой оборотъ, что мнѣ даже, быть можетъ, не зачѣмъ будетъ ѣхать въ Россію! И свадьбу мы можемъ сыграть гораздо скорѣе, чѣмъ я предполагалъ!

— Когда вы должны ѣхать? спросила Джемма.

— Сегодня же—черезъ часъ; мой пріятель нанялъ карету— онъ меня довезетъ.

— Вы намъ напишете?

— Немедленно! какъ только переговорю съ этой дамой — такъ тотчасъ и напишу.

— Эта дама, вы говорите—очень богата? спросила практическая фрау Леноре.

— Чрезвычайно! ея отецъ былъ милліонеромъ — и все ей оставилъ.

— Все — ей одной? Ну — это ваше счастье. Только, смотрите, не продешевите вашего имѣнія! Будьте благоразумны и тверды. Не увлекайтесь! Я понимаю ваше желаніе быть какъ можно скорѣе мужемъ Джеммы... но осторожность прежде всего! Не забудьте: чѣмъ вы дороже продадите имѣніе, тѣмъ больше останется вамъ обоимъ—и вашимъ дѣтямъ.

Джемма отвернулася и Санинъ опять замахалъ руками.— Въ моей осторожности вы можете быть увѣрены, фрау Леноре! Да я и торговаться не стану. Скажу ей настоящую цѣну: дать хорошо; не дать—Богъ съ ней!

— Вы съ ней знакомы... съ этой дамой? спросила Джемма.

— Я ее никогда въ лицо не видалъ.

— И когда же вы вернетесь?

— Если ничѣмъ не кончится наше дѣло — послѣ завтра; если же оно пойдетъ на ладъ—можетъ быть, придется пробыть лишній день или два. Во всякомъ случаѣ — минуты не промѣшкаю. Вѣдь я душу свою оставляю здѣсь! Однако съ вами заговорился, а мнѣ нужно передъ отъѣздомъ еще домой сбѣгать... Дайте мнѣ руку на счастье, фрау Леноре — у насъ въ Россіи всегда такъ дѣлается.

— Правую, или лѣвую?

— Лѣвую—ближе къ сердцу. Явлюсь послѣ завтра—со щитомъ или на щитѣ! Мнѣ что-то говорить: я вернусь побѣдителемъ! Прощайте, мои добрыя, мои милыя...

Онъ обнялъ и поцѣловалъ фрау Леноре, а Джемму попросилъ пойти съ нимъ въ ея комнату — на минутку — такъ какъ ему нужно сообщить ей — что-то очень важное... Ему просто хотѣлось проститься съ ней наединѣ. Фрау Леноре это поняла

—и не полюбопытствовала узнать, какая это была такая важная вещь...

Санинъ никогда еще не бывалъ въ комнатѣ Джеммы. Все обаяніе любви, весь ея огонь, и восторгъ и сладкій ужасъ—такъ и вспыхнули въ немъ, такъ и ворвались въ его душу, какъ только онъ переступилъ завѣтный порогъ... Онъ кинулъ вокругъ умиленный взоръ, палъ къ ногамъ милой дѣвушки и прижалъ лицо свое къ ея стану...

— Ты мой? шепнула она; — ты вернешься скоро?

— Я твой... я вернусь, твердилъ онъ, задыхаясь.

— Я буду ждать тебя, мой милый!

Нѣсколько мгновеній спустя, Санинъ уже бѣжалъ по улицѣ къ себѣ на квартиру. Онъ и не замѣтилъ того, что вслѣдъ за нимъ, изъ двери кондитерской, весь растрепанный, выскочилъ Панталеоне — и что-то кричалъ ему и потрясалъ, и какъ будто грозилъ высоко-поднятой рукою.

Ровно въ три-четверти перваго Санинъ отъѣхалъ къ Полозову. У воротъ его гостиницы уже стояла карета, запряженная четырьмя лошадьми. Увидавъ Сапина, Полозовъ только промолвилъ: «А! рѣшился?» и надѣвъ шляпу, шинель и калоши, заткнувъ себѣ хлопчатой бумагой уши, хотя дѣло было лѣтомъ, вышелъ на крыльцо. Кельнеры, по его указанію, расположили во внутренности кареты всѣ многочисленныя его покупки, обложили мѣсто его сидѣнья шелковыми подушечками, сумочками, узелками, поставили въ ноги коробъ съ провизіей, привязали къ козламъ чемоданъ. Полозовъ расплатился щедрой рукою — и, хотя сзади, но почтительно поддерживаемый услужливымъ привратникомъ, полѣзъ, кряхтя, въ карету, усѣлся, обмялъ хорошенько все вокругъ себя, выбралъ и закурилъ сигару — и тогда только кивнулъ пальцемъ Санину: «полѣзай, моль, и ты!» Санинъ помѣстился съ нимъ рядомъ, Полозовъ приказалъ черезъ привратника почтальону ѣхать исправно — если желаетъ получить на водку; подножки загремѣли, дверцы хлопнули, карета покати-лась.

XXXIII.

Отъ Франкфурта до Висбадена теперь по желѣзной дорогѣ менѣе часа ѣзды; въ то время экстра-почта поспѣвала часа въ три. Лошадей мѣняли разъ пять. Полозовъ не то дремалъ, не то такъ покачивался, держа сигару въ зубахъ, и говорилъ очень мало; въ окошко не взглянулъ ни разу: живописными видами онъ не интересовался и даже объявилъ, что—«природа—смерть его»! Санинъ тоже молчалъ и тоже не любовался видами: ему было не до того. Онъ весь отдался размышленіямъ, воспоминаніямъ. На станціяхъ Полозовъ аккуратно расплачивался, замѣчалъ время по часамъ и награждалъ почтальоновъ—мало или много, смотря по ихъ усердію. На полдорогѣ онъ досталъ изъ короба съ съѣстными припасами два апельсина, и выбравъ лучшій, предложилъ Санину другой. Санинъ пристально поглядѣлъ на своего спутника—и вдругъ разсмѣялся.

— Чему ты? спросилъ тотъ, старательно отдирая своими короткими бѣлыми ногтями кожу съ апельсина.

— Чему? повторилъ Санинъ. Да нашему съ тобой путешествію.

— А что? переспросилъ Полозовъ, пропуская въ ротъ одинъ изъ тѣхъ продольныхъ ломтиковъ, на которые распадается мясо апельсина.

— Очень оно уже странно. Вчера я, признаться, такъ же мало думалъ о тебѣ, какъ о китайскомъ императорѣ,—а сегодня я ѣду съ тобой продавать мое имѣніе твоей женѣ, о которой тоже не имѣю малѣйшаго понятія.

— Всяко бываетъ, отвѣчалъ Полозовъ. Ты только поживи подольше—всего насмотришься. Напримѣръ, можешь ты себя представить меня подъѣзжающимъ на ординарцы? А я подъѣзжалъ; а великій князь Михаилъ Павловичъ scomандовалъ: «рысью, рысью этого толстаго корнета! Прибавь рыси!»

Санинъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Скажи мнѣ пожалуйста, Ипполитъ Сидорычъ, какова твоя жена? Нравъ у ней каковъ? Мнѣ вѣдь это нужно знать.

— Ему хорошо командовать: рысью! съ внезапной запальчивостью подхватилъ Полозовъ, а мнѣ-то... мнѣ-то каково? Я и подумалъ: возьмите вы себѣ ваши чины да эполеты—ну ихъ съ Богомъ! Да... ты о женѣ спрашивалъ? Чтѣ—жена? Человѣкъ какъ всѣ. Пальца ей въ ротъ не клади—она этого не любитъ. Главное—говори побольше... чтобы посмѣяться было надъ

чѣмъ. Про любовь свою расскажи, что ли... да позабавишь, знаешь.

— Какъ позабавишь?

— Да также. Вѣдь ты мнѣ сказывалъ, что влюбленъ, жениться хочешь. Ну вотъ ты это и опиши.

Санинъ обидѣлся. — Что же въ этомъ ты находишь смѣшного?

Полозовъ только глазами повелъ. Союзъ отъ апельсина текъ по его подбородку.

— Это твоя жена тебя во Франкфуртъ за покупками посылала? спросилъ Санинъ, спустя немного времени.

— Она самая.

— Какія же это покупки?

— Извѣстно: игрушки.

— Игрушки? развѣ у тебя есть дѣти?

Полозовъ даже посторонился отъ Санина. — Вона! Съ какой стати у меня будутъ дѣти? Женскіе колифишэ... Уборы. По части туалета.

— Ты развѣ въ этомъ толкъ знаешь?

— Знаю.

— Какъ же ты мнѣ говорилъ, что ни во что женнино не входишь?

— Въ другое не вхожу. А это... ничего. Отъ скуки — можно. Да и жена вкусу моему вѣрить. Я-жъ и торговаться лихъ.

Полозовъ начиналъ говорить отрывисто: онъ уже усталъ.

— И очень жена твоя богата?

— Богата-то, богата. Только больше для себя.

— Однако, кажется, и ты пожаловаться не можешь?

— На то я мужъ. Еще бы мнѣ не пользоваться! И полезный же я ей человѣкъ! Ей со мной — лафа! Я — удобный!

Полозовъ утеръ лицо фуляромъ и тяжело фукнулъ: «пощади дескать; не заставляй еще произносить слова. Видишь, какъ оно мнѣ трудно».

Санинъ оставилъ его въ покоѣ — и снова погрузился въ размышленія.

Гостинница въ Висбаденѣ, передъ которой остановилась карета — уже прямо смахивала на дворецъ. Колокольчики немедленно зазвонили въ ея нѣдрахъ, поднялась суетня и бѣготня; благообразные люди въ черныхъ фракахъ запрыгали у главнаго входа; залитый золотомъ швейцаръ съ размаху отворилъ дверцы кареты.

Какъ нѣкій триумфаторъ высадился Полозовъ и началъ под-

ниматься по устланной коврами и благовоной лѣстницѣ. Къ нему подлетѣлъ человѣкъ, тоже отлично одѣтый, но съ русскимъ лицомъ—его камердинеръ. Полозовъ замѣтилъ ему, что впредь будетъ всегда брать его съ собою—ибо, наканунѣ, во Франкфуртѣ его, Полозова, оставили на ночь безъ теплой воды! Камердинеръ изобразилъ ужасъ на лицѣ—и, проворно наклонясь, снялъ съ барина калоши.

— Марья Николаевна дома? спросилъ Полозовъ.

— Дома-съ. Изволятъ одѣваться. У графини Ласунской изволятъ обѣдать.

— А! у этой!.. Стой! Тамъ вещи въ каретѣ, все вынь самъ и внеси. А ты, Дмитрій Павловичъ, прибавилъ Полозовъ—возьми себѣ комнату, да черезъ три четверти часа и приходи. Пообѣдаемъ вмѣстѣ.

Полозовъ поплылъ дальше, а Санинъ спросилъ себѣ номеръ попроще—и, приведя туалетъ свой въ порядокъ, да отдохнувъ немножко—отправился въ громадный апартаментъ, занимаемый его свѣтлостью (Durchlaucht) княземъ фонъ-Полозовъ.

Онъ засталъ этого «князя» воссѣдающимъ на роскошнѣйшемъ бархатномъ креслѣ посреди великолѣпнѣйшаго салона. Флегматическій пріятель Санина успѣлъ уже ванну взять и облачиться въ богатѣйшій атласный плафроекъ; на голову онъ надѣлъ малиновую феску. Санинъ приблизился къ нему и нѣкоторое время разсматривалъ его. Полозовъ сидѣлъ неподвижно, какъ идолъ; даже лица въ его сторону не повернулъ, даже бровью не повелъ, звука не издалъ. Зрѣлище было, по истинѣ, величественное! Полюбовавшись имъ минуты съ двѣ, Санинъ хотѣлъ—было заговорить, нарушить эту священную тишину—какъ вдругъ дверь изъ сосѣдней комнаты растворилась, и на порогѣ появилась молодая, красивая дама въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, съ черными кружевами, въ брилліантахъ на рукахъ и на шеѣ—сама Марья Николаевна Полозова. Ея густые, русые волосы падали съ обѣихъ сторонъ головы—заплетенными, но не подобранными косами.

XXXIV.

— Ахъ, извините! проговорила она съ полу-смущенной, полу-насмѣшливой улыбкой, мгновенно прихвативъ рукою копецъ одной косы и вперивъ на Санина свои большіе, сѣрые, свѣтлые глаза. — Я не думала, что вы уже пришли.

— Санинъ, Дмитрій Павловичъ, пріятель мой съ дѣтства,

промогивъ Полозовъ, по прежнему не обращиваясь къ нему и не вставая, но указывая на него пальцемъ.

— Да... знаю... Ты мнѣ уже сказывалъ. Очень рада познакомиться. Но я хотѣла-было попросить тебя, Ипполитъ Сидоричъ... Моя горничная сегодня какая-то безтолковая...

— Волосы тебѣ убрать?

— Да, да, пожалуйста. Извините, повторила Марья Николаевна съ прежней улыбкой, кивнула головою Санину и быстро повернувшись, скрылась за дверь, оставивъ за собою мимолетное, но стройное впечатлѣніе прелестной шеи, удивительныхъ плечъ, удивительнаго стана.

Полозовъ всталъ—и тяжело переваливаясь, ушелъ въ ту же дверь.

Санинъ ни одной секунды не сомнѣвался въ томъ, что присутствіе его въ салонѣ «князя Полозова» было какъ нельзя лучше извѣстно самой хозяйкѣ; весь форсъ состоялъ въ томъ, чтобы показать свои волосы, которые были точно хороши. Санинъ внутренно даже порадовался этой выходкѣ г-жи Полозовой: коли, молъ, захотѣли меня поразить, блеснуть передо мною — можетъ быть, какъ знать? и насчетъ цѣны на имѣніе окажутъ податливость. Его душа до того была наполнена Джеммой, что всѣ другія женщины уже не имѣли для него никакого значенія: онъ едва замѣчалъ ихъ; и на этотъ разъ онъ ограничился только тѣмъ, что подумалъ: «да, правду говорили мнѣ: эта барыня хоть куда»!

А будь онъ не въ такомъ исключительномъ душевномъ состояніи, онъ бы вѣроятно иначе выразился: Марія Николаевна Полозова, урожденная Колышкина, была очень замѣчательная особа. И не то, чтобы она была отъявленная красавица: въ ней даже довольно явственно сказывались слѣды ея плебейскаго происхожденія. Лобъ у ней былъ низкій, носъ нѣсколько мясистый и вздернутый; ни тонкостью кожи, ни изяществомъ рукъ и ногъ она похвалиться не могла—но что все это значило? Не передъ «святыней красоты», говоря словами Пушкина, остановился бы всякій, кто бы встрѣтился съ нею, но передъ обаяніемъ мощнаго, не то русскаго, не то цыганскаго, цвѣтущаго женскаго тѣла... и не невольно остановился бы онъ!

Но образъ Джеммы охранялъ Санина, какъ та тройная броня, о которой поютъ стихотворцы.

Минутъ десять спустя, Марья Николаевна появилась опять, въ сопровожденіи своего супруга. Она подошла къ Санину... а походка у ней была такая, что иные чудаки въ тѣ, увы! уже далекія времена—отъ одной этой походки съ ума сходили. «Эта женщина, когда идетъ къ тебѣ, точно все счастье твоей жизни

тебѣ на встрѣчу несетъ», говаривалъ одинъ изъ нихъ. Она по-дошла къ Санину—и, протянувъ ему руку, промолвила своимъ ласковымъ и какъ-бы сдержаннымъ голосомъ по-русски: «Вы меня дождетесь, неправда? Я вернусь скоро».

Санинъ наклонился почтительно, а Марья Николаевна уже исчезала за портьерой выходной двери—и, исчезая, опять повернула голову назадъ черезъ плечо—и опять улыбнулась, и опять оставила за собою прежнее, стройное впечатлѣніе.

Когда она улыбалась—не одна и не двѣ, а цѣлыхъ три ямочки обозначались на каждой щекѣ—и ея глаза улыбались больше чѣмъ губы, чѣмъ ея алыя, длинныя, вкусныя губы, съ двумя крошечными родинками на лѣвой ихъ сторонѣ.

Полозовъ ввалился въ комнату—и опять помѣстился на креслѣ. Безмолвствовалъ онъ попрежнему; но странная ўсмѣшка отъ времени до времени пучила его безцвѣтныя и уже сморщенные щеки.

Онъ былъ старообразенъ, хотя всего тремя годами старше Санина.

Обѣдъ, которымъ онъ поподчивалъ своего гостя, конечно, удовлетворилъ бы самаго взыскательнаго гастронома, но Санину онъ показался безконечнымъ, несноснымъ! Полозовъ ѣлъ медленно, «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой», внимательно наклоняясь надъ тарелкой, нюхая чуть не каждый кусокъ; сперва пополощетъ себѣ ротъ виномъ, потомъ уже проглотитъ и губами пошлепаеть... А за жаркимъ онъ вдругъ разговорился—но о чемъ? О мериносахъ, которыхъ намѣревался выписать цѣлое стадо, да такъ подробно, съ такой нѣжностью, употребляя все уменьшительныя имена. Выпивъ чашку горячаго, какъ кипятокъ, кофе—(онъ нѣсколько разъ, слезливо-раздраженнымъ голосомъ, напомнилъ кельнеру, что наканунѣ ему подали кофе—холодный, холодный какъ ледъ!) и прикусивъ гаванскую сигару своими желтыми, кривыми зубами—онъ, по обычаю своему, задремалъ, къ великой радости Санина, который началъ ходить взадъ и впередъ неслышными шагами по мягкому ковру—и мечтать о томъ, какъ онъ будетъ жить съ Джеммой, и съ какимъ извѣстіемъ вернется къ ней? Однако Полозовъ проснулся, по собственному замѣчанію, раньше обыкновеннаго,—онъ поспалъ всего полтора часика, и выпивъ стаканъ зельтерской воды со льдомъ, да проглотивъ ложечъ съ восемь варенья, русскаго варенья, которое принесъ ему камердинеръ въ темно-зеленой, настоящей «кѣвской» банкетѣ, и безъ котораго онъ, по его словамъ, жить не могъ—онъ уставился припухшими глазами на Санина и спросилъ его, не хочетъ ли онъ поиграть съ

нимъ въ дурачки? Санинъ охотно согласился; онъ боялся, какъ бы Полозовъ опять не заговорилъ о барашкахъ да о ярочкахъ да о курдючкахъ съ жиркомъ. Хозяинъ и гость — оба перешли въ гостинную, вельнеръ принесъ карты — и началась игра, разумеется, не на деньги.

За этимъ невиннымъ занятіемъ застала ихъ Марья Николаевна, вернувшись отъ графини Ласунской.

Она громко размѣялась, какъ только вошла въ комнату и увидала карты и раскрытый ломберный столъ. Санинъ вскочилъ съ мѣста, но она воскликнула: «Сидите, играйте. — Я сейчасъ переодѣнусь и къ вамъ вернусь» — и опять исчезла, прошумѣвъ платьемъ и сдерживая перчатки на ходу.

Она точно вернулась очень скоро. Свое нарядное платье она замѣнила широкой шелковой блузой лиловаго цвѣта съ открытыми висячими рукавами: толстый крученный шнурокъ перехватывалъ ее талью. Она подсѣла къ мужу — и дождавшись, что онъ остался въ дуракахъ, сказала ему: «Ну, пышка, довольно! (при словѣ: «пышка» Санинъ съ изумленіемъ глянулъ на нее — а она весело улыбнулась, отвѣчая взглядомъ на его взглядъ — и выказывая всѣ свои ямочки на щекахъ) — довольно; я вижу, ты спать хочешь; цѣлуй ручку и отправляйся; а мы съ г-мъ Саннинымъ побесѣдуемъ вдвоемъ.

— Спать я не хочу, промолвилъ Полозовъ, грузно поднимаясь съ кресла, а отправиться — отправлюсь, и ручку поцѣлую. Она подставила ему свою ладонь, не переставая улыбаться и глядѣть на Санина.

Полозовъ тоже глянулъ на него — и ушелъ, не простившись.

— Ну рассказывайте, рассказывайте, съ живостью проговорила Марья Николаевна, разомъ ставя оба обнаженные локтя на столъ и нетерпѣливо постукивая ногтями одной руки о ногти другой. Правда, вы, говорятъ, женитесь.

Сказавъ эти слова, Марья Николаевна даже голову немножко на бокъ нагнула, чтобы пристальнѣе и пронзительнѣе заглянуть Санину въ глаза.

XXXV.

Развязное обхожденіе г-жи Полозовой вѣроятно на первыхъ порахъ смутило бы Санина — хотя онъ новичкомъ не былъ и уже потерся между людьми — еслибы въ самой это развязности и фамильярности онъ опять-таки не увидѣлъ хорошаго предзнаменованія для своего предпріятія. «Будемъ потакать капризамъ этой богатой барыни», рѣшилъ онъ про себя — и также непри-

нужденно, какъ она его спрашивала, отвѣтитъ ей:— Да, я женою.

— На комъ? На иностранцѣ?

— Да.

— Вы недавно съ ней познакомились? Во Франкфуртѣ?

— Точно такъ.

— И кто она такая? Можно узнать?

— Можно. Она дочь кондитора.

Марья Николаевна широко раскрыла глаза и подняла брови.

— Да вѣдь это прелесть, проговорила она медлительнымъ голосомъ—это чудо! Я уже полагала, что такихъ молодыхъ людей, какъ вы, на свѣтѣ больше не встрѣчается. Дочь кондитора!

— Васъ это, я вижу, удивляетъ, замѣтилъ, не безъ достоинства, Санинъ; но, во-первыхъ, у меня вовсе нѣтъ тѣхъ предразсудковъ...

— Во-первыхъ, это меня нисколько не удивляетъ, перебила Марья Николаевна—предразсудковъ и у меня нѣтъ. Я сама дочь мужа. А? Чтò взяли? Меня удивляетъ и радуетъ то, что вотъ человѣкъ не боится любить. Вѣдь вы ее любите?

— Да.

— Она очень хороша собою?

Санина слегка покорило отъ этого послѣдняго вопроса... Однако отступать уже не приходилось.

— Вы знаете, Марья Николаевна, началъ онъ—всякому человѣку лицо его возлюбленной кажется лучше всѣхъ другихъ; но моя невѣста—дѣйствительно красавица.

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ какомъ родѣ? итальянскомъ? античномъ?

— Да; у ней очень правильныя черты.

— Съ вами нѣтъ ея портрета?

— Нѣтъ. (Въ то время о фотографіяхъ еще помину не было. Дагерротипы едва начинали распространяться.)

— Какъ ее зовутъ?

— Ея имя — Джемма.

— А ваше — какъ?

— Димитрій.

— По отчеству?

— Павловичъ.

— Знаете чтò, проговорила Марья Николаевна, все тѣмъ же медлительнымъ голосомъ—вы мнѣ очень нравитесь, Димитрій Павловичъ. Вы, должно быть, хорошій человѣкъ. Дайте-ка мнѣ вашу руку. Будемте пріятелями.

Она крѣпко пожала его руку своими красивыми, бѣлыми,

сильными пальцами. Ея рука была не многимъ меньше его руки — но гораздо теплѣй и глаже, и мягче и жизненнѣй.

— Только знаете, что мнѣ приходится въ голову?

— Что?

— Вы не разсердитесь? Нѣтъ? Она, вы говорите, ваша не-
вѣста. Но развѣ... развѣ это непременно было нужно?

Санинъ нахмурился. — Я васъ не понимаю, Марья Николаевна.

Марья Николаевна засмѣялась тихохонько — и, встряхнувъ головою, откинула назадъ падавшіе ей на щеки волосы. — Рѣшительно — онъ прелесть, промолвила она не то задумчиво, не то разсѣянно. Рыцарь! Подите, вѣрьте послѣ этого людямъ, которые утверждаютъ, что идеалисты всѣ перевелись!

Марья Николаевна все время говорила по-русски удивительно-чистымъ, прямо московскимъ языкомъ — народнаго, не дворянскаго пошиба.

— Вы навѣрное дома воспитывались, въ старозавѣтномъ, богобоязненномъ семействѣ? спросила она. Вы какой губерніи?

— Тульской.

— Ну такъ мы однокорытники. Мой отецъ... Вѣдь вамъ извѣстно, кто былъ мой отецъ?

— Да, извѣстно.

— Онъ въ Тулѣ родился... Тулякъ былъ. Ну хорошо... (Это «хорошо» Марья Николаевна уже съ намѣреніемъ выговорила совсѣмъ по-мѣщанскому — вотъ такъ: хершдо). Ну давайте же теперь за дѣло примемся.

— То-есть... какъ же это такъ за дѣло приняться? Что вамъ угодно этимъ сказать?

Марья Николаевна прищурилась. — Да вы зачѣмъ сюда пріѣхали? (Когда она щурила глаза, выраженіе ихъ становилось очень ласковымъ и немного насмѣшливымъ; когда же она раскрывала ихъ во всю величину — въ ихъ свѣтломъ, почти холодномъ блескѣ проступало что-то недоброе... что-то угрожающее. Особенную красоту придавали ея глазамъ — ея брови, густыя, немного надвинутыя, настоящія соболиныя.) Вы хотите, чтобы я у васъ купила имѣніе? Вамъ нужны деньги для вашего бракосочетанія? Не такъ ли?

— Да, нужны.

— И много вамъ ихъ требуется?

— На первый случай, я бы удовольствовался нѣсколькими тысячами франковъ. Вашему супругу мое имѣніе извѣстно. Вы можете посоветываться съ нимъ — а я бы взялъ цѣну недорогою.

Марья Николаевна повела головою на право и налѣво. — *Вопервышъ*, начала она, съ разстановкой, ударяя концами паль-

девъ по обшлагоу Санинскаго сюртука — я не имѣю привычки совѣтываться съ мужемъ, развѣ вотъ насчетъ туалета — онъ на это у меня молодецъ; а во-вторыхъ, зачѣмъ вы говорите, что вы цѣну назначите недорогую? Я не хочу воспользоваться тѣмъ, что вы теперь очень влюблены и готовы на всякія жертвы... Я никакихъ жертвъ отъ васъ не приму. Какъ? Вмѣсто того, чтобы поощрять въ васъ... ну, какъ бы это сказать получше? благородныя чувства, что-ли? я васъ стану обдирать какъ липку? Это не въ моихъ привычкахъ. Когда случится, я людей не щажу — только не такимъ манеромъ.

Санинъ никакъ не могъ понять, что она — смѣется ли надъ нимъ или говорить серьезно? а только думалъ про себя: «о, да съ тобой держи ухо востро»!

Слуга вошелъ съ русскимъ самоваромъ, чайнымъ приборомъ, сливками, сухарями и т. п. на большомъ подносѣ, разставилъ всю эту благодать на столѣ между Санинимъ и г-жею Полозовой — и удалился.

Она налила ему чашку чаю. — Вы не брезгаете? спросила она, наглядывая ему сахаръ въ чашку пальцами... а щипчики лежали тутъ же.

— Помилуйте!.. Отъ такой прекрасной руки...

Онъ не закончилъ фразы и чуть не поперхнулся глоткомъ чаю, а она внимательно и ясно глядѣла на него.

— Я потому упомянулъ о недорогой цѣнѣ моего имѣнія, продолжалъ онъ, что такъ какъ вы теперь находитесь за-границей, то я не могу предполагать у васъ много свободныхъ денегъ, и наконецъ, я самъ чувствую, что продажа... или покупка имѣнія, при подобныхъ условіяхъ — есть нѣчто ненормальное, и я долженъ взять это въ соображеніе.

Санинъ путался и сбивался, а Марья Николаевна тихонько отклонилась на спинку кресла, скрестила руки и глядѣла на него тѣмъ же внимательнымъ и яснымъ взглядомъ. Онъ наконецъ умолъ.

— Ничего, говорите, говорите, промолвила она, какъ-бы приходя ему на помощь; я васъ слушаю — мнѣ пріятно васъ слушать; говорите.

Санинъ принялся описывать свое имѣніе, сколько въ немъ десятинъ, и гдѣ оно находится и каковы въ немъ хозяйственныя угодья, и какія можно извлечь изъ него выгоды... упомянулъ даже о живописномъ мѣстоположеніи усадьбы; а Марья Николаевна все глядѣла да глядѣла на него — все свѣтлѣе и пристальнѣе, и губы ея чуть-чуть двигались безъ улыбки: она по-

кусывала ихъ. Ему стало неловко наконецъ; онъ замолчалъ вторично.

— Дмитрій Павловичъ, начала Марья Николаевна—и задумалась... Дмитрій Павловичъ, повторила она... Знаете что: я увѣрена, что покупка вашего имѣнія—очень выгодная для меня аффера и что мы сойдемся; но вы должны мнѣ дать... два дня—да, два дня сроку. Вѣдь вы въ состояніи на два дня разстаться съ вашей невѣстой? Дольше я васъ не продержу, противъ вашей воли—даю вамъ честное слово. Но если вамъ нужны теперь же пять, шесть тысячъ франковъ, я съ великимъ удовольствіемъ готова предложить вамъ ихъ займы — а тамъ мы сочтемся.

Санинъ поднялся.—Я долженъ благодарить васъ, Марья Николаевна, за вашу радушную и любезную готовность услужить человѣку, почти совсѣмъ вамъ незнакомому... Но если уже вамъ непремѣнно такъ угодно, то я предпочту дождаться вашего рѣшенія насчетъ моего имѣнія — останусь здѣсь два дня.

— Да; мнѣ такъ угодно, Дмитрій Павловичъ. А вамъ будетъ очень тяжело? Очень? Скажите.

— Я люблю свою невѣсту, Марья Николаевна — и разлука съ ней мнѣ не легка.

— Ахъ, вы золотой человѣкъ! со вздохомъ промолвила Марья Николаевна. Общаюсь не слишкомъ томить васъ. Вы уходите?

— Уже поздно, замѣтилъ Санинъ.

— А вамъ надо отдохнуть отъ дороги—и отъ игры въ дурачки съ моимъ мужемъ. Скажите—вы Ипполиту Сидорычу, моему мужу, большой пріятель?

— Мы воспитывались въ одномъ пансіонѣ.

— И онъ уже тогда былъ такой?

— Какой «такой»? спросилъ Санинъ.

Марья Николаевна вдругъ засмѣялась, засмѣялась до красноты всего лица, поднесла платокъ къ губамъ, встала съ кресла — и покачиваясь, какъ усталая, подошла къ Санину и протянула ему руку.

Онъ раскланялся—и направился къ двери.

— Извольте завтра пораньше явиться — слышите? крикнула она ему въ слѣдъ. Онъ глянулъ назадъ, уходя изъ комнаты—и увидѣлъ, что она опять опустилась въ кресло и закинула обѣ руки за голову. Широкіе рукава блузы скатились почти до самыхъ плечъ — и нельзя было не сознаться, что поза этихъ рукъ, что вся эта фигура была обаятельно-прекрасна.

XXXVI.

Далеко за полночь горѣла лампа въ комнатѣ Санина. Онъ сидѣлъ за столомъ и писалъ «своей Джеммѣ». Разказалъ ей все; описалъ ей Полозовыхъ—мужа и жену—впрочемъ больше распространялся насчетъ собственныхъ чувствъ — и кончилъ тѣмъ, что назначалъ ей свиданіе черезъ три дня!!! (съ тремя восклицательными знаками). Утромъ рано онъ отнесъ это письмо на почту и пошелъ прогуляться по саду Кургауза, гдѣ уже играла музыка. Народу было еще мало; онъ постоялъ передъ бесѣдкой, въ которой помѣщался оркестръ, прослушалъ попури изъ «Роберта-Дьявола» — и, напившись кофе, отправился въ боковую, уединенную аллею, присѣлъ на лавочку — и задумался.

Ручка зонтика проворно — и довольно крѣпко — постучала по его плечу. Онъ встрепенулся... Передъ нимъ, въ легкомъ, сѣро-зеленомъ баржевомъ платьѣ, въ бѣлой тюлевой шляпкѣ, въ шведскихъ перчаткахъ, свѣжая и розовая какъ лѣтнее утро, но съ исчезнувшей еще нѣгой безмятежнаго сна въ движеніяхъ и во взорахъ, стояла Марья Николаевна.

— Здравствуйте, промолвила она. Я сегодня послала за вами, да вы уже ушли. Я только-что отпила свой второй стаканъ—меня, вы знаете, заставляютъ здѣсь воду пить—Богъ вѣдаетъ, зачѣмъ... ужъ я ли не здорова? И вотъ я должна гулять цѣлый часъ. Хотите вы быть моимъ спутникомъ? А тамъ мы кофе напьемся.

— Я уже пилъ, промолвилъ Санинъ, вставая; но я очень радъ гулять съ вами.

— Ну такъ дайте же мнѣ вашу руку... Не бойтесь: вашей невѣсты здѣсь нѣтъ — она васъ не увидитъ.

Санинъ принужденно улыбнулся. Онъ испытывалъ ощущение непріятное всякій разъ, когда Марья Николаевна упоминала о Джеммѣ. Однако, онъ поспѣшно и послушно наклонился... Рука Марьи Николаевны медленно и мягко опустилась на его руку — и скользнула по ней, и какъ-бы прильнула къ ней.

— Пойдемте—вотъ сюда, сказала она ему, закинувъ раскрытый зонтикъ за плечо. Я въ здѣшнемъ паркѣ какъ дома: поведу васъ по хорошимъ мѣстамъ. И знаете что: (она часто употребляла эти два слова) — мы съ вами не будемъ говорить теперь объ этой покупке; мы о ней послѣ завтрака хорошенько потолкуемъ; а вы должны мнѣ теперь разсказать о себѣ... чтобы я знала, съ кѣмъ я имѣю дѣло. А послѣ, если хотите, я вамъ о себѣ поразкажу. Согласны?

— Но, Марья Николаевна, что можетъ быть для васъ интереснаго...

— Пойдите, пойдите. Вы не такъ меня поняли. Я съ вами не кокетничать хочу. Марья Николаевна пожала плечами. — У него невеста, какъ древняя статуя, а я буду съ нимъ кокетничать?! Но у васъ товаръ — а я купецъ. Я и хочу знать, каковъ у васъ товаръ. Ну-ка, показывайте — каковъ онъ? Я хочу знать не только, что я покупаю, но и у кого я покупаю. Это было правило моего батюшки. Ну, начинайте... Ну хоть не съ дѣтства — ну вотъ — давно ли вы за-границей? И гдѣ вы были до сихъ поръ? Только идите тише — намъ некуда спѣшить.

— Я сюда прибылъ изъ Италіи, гдѣ я пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ.

— А у васъ, видно, особое влеченіе ко всему итальянскому? Странно, что вы не тамъ нашли свой предметъ. Вы любите искусства? Картины? или больше — музыку?

— Я люблю искусство... Я все прекрасное люблю.

— И музыку?

— И музыку тоже.

— А я ея совсѣмъ не люблю. Нравятся мнѣ однѣ русскія пѣсни — и то въ деревнѣ, и то весной — съ пляской, знаете... Красные кумачи, подпизи, на выгонѣ молоденькая травка, дымкомъ пахиваетъ... чудесно! Но не обо мнѣ рѣчь. Говорите же, рассказывайте.

Марья Николаевна сама пла, а сама то и дѣло взглядывала на Санина. Она была высокаго роста — ея лицо приходилось почти въ уровень съ его лицомъ.

Онъ принялся рассказывать — сначала неохотно, неумѣло — а потомъ разговорился, разболтался даже. Марья Николаевна очень умно слушала; да къ тому же она сама казалась до того откровенной, что невольно и другихъ вызывала на откровенность. Она обладала тѣмъ великимъ даромъ «обиходности» — *le terrible don de la familiarité*, о которомъ упоминаетъ кардиналъ Ретцъ. Санинъ говорилъ о своихъ путешествіяхъ, о житіи въ Петербургѣ, о своей молодости... Будь Марья Николаевна свѣтской дамой, съ утонченными манерами — онъ никогда бы такъ не распустился; но она сама называла себя добрымъ малымъ, нетерпящимъ никакихъ церемоній; она именно такъ отрекомендовала себя Санину. И въ то же время этотъ «добрый малый» шелъ рядомъ съ нимъ кошащей походкой, слегка прислоняясь въ нему и заглядывалъ ему въ лицо; — и шелъ онъ въ образѣ молодого женскаго существа, отъ котораго такъ и вѣяло тѣмъ разбирающимъ и томящимъ, тихимъ и жгучимъ соблаз-

номъ, какимъ способны донимать нашего брата — грѣшника, слабого мужчину однѣ—и то нѣкоторыя, и то не чистыя, а съ надлежащей помѣсью — славянскія натуры!

Прогулка Санина съ Марьей Николаевной, бесѣда Санина съ Марьей Николаевной продолжалась часъ слишкомъ. И ни разу они не останавливались — все шли да шли по безконечнымъ аллеямъ парка, то поднимаясь въ гору и на ходу любясь видомъ, то спускаясь въ долину и укрываясь въ непроницаемую тѣнь — и все рука съ рукой. Временами Санину даже досадно становилось: онъ съ Джеммой, съ своей милой Джеммой никогда такъ долго не гулялъ... а тутъ эта барыня завладѣла имъ—и баста!—Не устали ли вы? спрашивалъ онъ ее не однажды.—Я никогда не устаю, отвѣчала она. Изрѣдка имъ попадались гуляющіе; почти всѣ ей кланялись—иные почтительно, другіе даже подобострастно. Одному изъ нихъ, весьма красивому, щегольски одѣтому брюнету она крикнула издали, съ самымъ лучшимъ парижскимъ акцентомъ: *«Comte, vous savez, il ne faut pas venir me voir—ni aujourd'hui, ni demain»*. Тотъ снялъ, молча, шляпу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Кто это? спросилъ Санинъ, по дурной привычѣ—«любопытствовать», свойственной всѣмъ русскимъ.

— Это? Одинъ французикъ — ихъ здѣсь много вертится.... За мной ухаживаетъ—тоже. Однако пора кофе пить. Пойдемте домой; вы, чай, успѣли проголодаться. Мой благовѣрный, должно быть, теперь глаза продралъ.

«Благовѣрный! Глаза продралъ!!» повторилъ про себя Санинъ.... «И говорить такъ отлично по-французски.... Что за чудачка!»

Марья Николаевна не ошиблась. Когда она вмѣстѣ съ Санинимъ вернулась въ гостинницу—«благовѣрный» или «пышка» сидѣлъ уже, съ неизмѣнной феской на головѣ, передъ накрытымъ столомъ.

— А я тебя прождался! воскликнулъ онъ, скорчивъ кислую мину. Хотѣлъ уже кофе безъ тебя пить.

— Ничего, ничего, весело возразила Марья Николаевна. — Ты сердился? Это тебѣ здорово; а то ты совсѣмъ застынешь. Я вотъ гостя привела. Звони скорѣе! Давайте пить кофе, кофе — самый лучший кофе — въ саксонскихъ чашкахъ, на бѣлоснѣжной скатерти!

Она скинула шляпу, перчатки—и захлопала въ ладоши.

Полозовъ глянулъ на нее изъ подлѣбья.

— Что это вы сегодня такъ разсказались, Марья Николаевна? проговорилъ онъ въ полголоса:

— А не ваше дѣло, Ипполитъ Сидорычъ! Звони! Дмитрій Павловичъ, садитесь—и пейте кофе во второй разъ! Ахъ, какъ весело приказывать! Другого удовольствія на свѣтѣ нѣтъ!

— Когда слушаются, проворчалъ опять супругъ.

— Именно, когда слушаются! Оттого-то мнѣ и весело. Особенно съ тобою. Неправда ли, пышка? А вотъ и кофе.

На громадномъ подносѣ, съ которымъ появился кельнеръ, находилась также и театральная афишка. Марья Николаевна тотчасъ ухватила за нее.

— Драма! произнесла она съ негодованіемъ; — нѣмецкая драма. Все равно: лучше чѣмъ нѣмецкая комедія. Велите мнѣ взять ложу—бенуаръ—или нѣтъ... лучше Fremden-Loge, обратилась она къ кельнеру. Слышите ли: непременно Fremden-Loge!

— Но если Fremden-Loge уже взята его превосходительствомъ, директоромъ города—(seine Excellenz der Herr Stadt-Director)—осмѣлился доложить кельнеръ.

— Дайте его превосходительству десять талеровъ—а чтобъ ложа у меня была! Слышите!

Кельнеръ поворно и печально наклонилъ голову.

— Дмитрій Павловичъ, вы поѣдете со мной въ театръ? нѣмецкіе актеры ужасны — но вы поѣдете.... Да? Да! Какой вы любезный! Пышка, а ты не пойдешь?

— Какъ прикажешь, проговорилъ Полозовъ въ чашку, которую поднесъ ко рту.

— Знаешь чтб: останься. Ты въ театрѣ все спишь — да и по-нѣмецки ты понимаешь плохо. Ты лучше вотъ что сдѣлай: напиши отвѣтъ управляющему—помнишь, насчетъ нашей мельницы... насчетъ крестьянскаго помолу. Скажи ему, что я не хочу, не хочу и не хочу! Вотъ тебѣ и занятіе на цѣлый вечеръ...

— Слушаю, отвѣтилъ Полозовъ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Ты у меня умница. А теперь, господа, благо мы заговорили объ управляющемъ, будемте толковать о главномъ нашемъ дѣлѣ. Вотъ какъ только кельнеръ уберетъ со стола, вы намъ все разскажете, Дмитрій Павловичъ, о своемъ имѣніи — какъ, что, за какую цѣну продаете, сколько хотите задатку впередъ — словомъ все! (Наконцъ-то, подумалъ Саня, — слава Богу!). Вы ужъ мнѣ кое-что сообщили, садъ свой, помнится, чудесно описали—да «пышки» при этомъ не было.... Пусть онъ послушаетъ—все что-нибудь пробуренетъ! Мнѣ

очень пріятно думать, что я могу помочь вамъ жениться—да я же общала вамъ, что послѣ завтрака займусь вами; а я всегда держу свои общанія;—неправда ли, Ипполитъ Сидорычъ?

Полозовъ потеръ себѣ лицо ладонью.—Что правда, то правда, вы никого не обманываете.

— Никогда! и никогда никого не обману. Ну, Дмитрій Павловичъ,—излагайте дѣло, какъ мы выражаемся въ сенатѣ.

XXXVII.

Санинъ принялся «излагать дѣло» — т.-е. опять, во второй разъ, описывать свое имѣніе, но уже не касаясь красоты природы — и отъ времени до времени ссылаясь на Полозова, для подтвержденія приводимыхъ «фактовъ и цифръ». Но Полозовъ только хмыкалъ и головой показывалъ—одобрительно ли—или неодобрительно—этого, кажется, самъ чортъ бы не разобралъ. Впрочемъ Марья Николаевна и не нуждалась въ его участіи. Она выказала такія коммерческія и административныя способности, что оставалось только изумляться! Вся подноготная хозяйства была ей отлично извѣстна; она обо всемъ аккуратно разспрашивала, во все входила; каждое ея слово попадало въ цѣль, ставило точку прямо на і. Санинъ не ожидалъ подобнаго экзамена: онъ не приготовился. И продолжался этотъ экзаменъ цѣлыхъ полтора часа. Санинъ испытывалъ всѣ ощущенія подсудимаго, сидящаго на узенькой скамеечкѣ передъ строгимъ и пронизательнымъ судьей. «Да это допросъ!» тоскливо шепталъ онъ про себя. Марья Николаевна все время посмѣивалась, словно шутила: но отъ этого Санину не было легче; а когда въ теченіи «допроса» оказалось, что онъ не совсѣмъ ясно понималъ значеніе словъ: «передѣлъ» и «запашка» — такъ его даже потъ прошибъ...

— Ну, хорошо! рѣшила наконецъ Марья Николаевна. Ваше имѣніе я теперь знаю... не хуже васъ. Какую же цѣну вы положите за душу? (Въ то время цѣны имѣніямъ, какъ извѣстно, опредѣлялись по душамъ.)

— Да... я полагаю... меньше пятисотъ рублей взять нельзя—съ трудомъ проговорилъ Санинъ. (О Панталеоне, Панталеоне, гдѣ ты? Вотъ бы когда тебѣ пришлось снова воскликнуть: Vagabari!)

Марья Николаевна взвела глаза къ небу, какъ-бы сообщая.

— Что-жъ? промолвила она наконецъ. Эта цѣна мнѣ кажется

безобидной. Но я выговорила себѣ два дня сроку — и вы должны подождать до завтра. Я полагаю, что мы сойдемся — и тогда вы скажете, сколько вамъ потребуется задатку. А теперь basta cosi! подхватила она, замѣтивъ, что Санинъ хотѣлъ что-то возразить. Довольно мы занимались презрѣннымъ металломъ... à demain les affaires! Знаете что: я теперь отпускаю васъ.... (она глянула на эмалевые часики, затенутые у ней за поясомъ)... до трехъ часовъ... Надо-жъ дать вамъ отдохнуть. Ступайте, поиграйте въ рулетку.

— Я никогда въ азартныя игры не играю, замѣтилъ Санинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да вы совершенство. Впрочемъ, и я не играю. Глупо бросать деньги на вѣтеръ — навѣрняка. Но подите въ игорную залу, посмотрите на фizioномiи. Попадаютъ презабавныя. Старуха есть тамъ одна, съ фероньеркой и съ усами — чудо! Нашъ князь тамъ одинъ — тоже хорошъ. Фигура величественная, носъ какъ у орла, а поставилъ талеръ — и крестится украдкой подъ жилеткой. Читайте журналы, гуляйте, словомъ, дѣлайте что хотите..... А въ три часа я васъ ожидаю... de pied ferme. Надо будетъ пораньше пообѣдать. Театръ у этихъ смѣльныхъ нѣмцевъ начинается въ половинѣ седьмого. Она протянула руку. Sans gancune, n'est-ce pas?

— Помилуйте, Марья Николаевна, за что я буду на васъ досадовать?

— А за то, что я васъ мучила. Погодите, я васъ еще не такъ — прибавила она, прищуривъ глаза — и всѣ ея ямочки разомъ выступили на заалѣвшихся щекахъ. До свиданiя!

Санинъ поклонился и вышелъ. Веселый смѣхъ раздался вслѣдъ за нимъ — и въ зеркалѣ, мимо котораго онъ проходилъ въ это мгновенiе, отразилась слѣдующая сцена: Марья Николаевна надвинула своему супругу его феску на глаза, а онъ безсильно барахтался обѣими руками.

XXXVIII.

О, какъ глубоко и радостно вздохнулось Санину, какъ только онъ очутился у себя въ комнатѣ! Точно: Марья Николаевна правду сказала — ему слѣдовало отдохнуть, отдохнуть отъ всѣхъ этихъ новыхъ знакомствъ, столкновенiй, разговоровъ, отъ этого чада, который забрался ему въ голову, въ душу — отъ этого негаданнаго, непрощеннаго сближенiя съ женщиной, столь чуждой ему! И когда же все это совершается? Чуть не на другой день

послѣ того, какъ онъ узналъ, что Джемма его любить, какъ онъ сталъ ея женихомъ! Да вѣдь это святотатство! Тысячу разъ просилъ онъ мысленно прощенья у своей чистой, непорочной голубицы — хотя онъ собственно ни въ чемъ обвинить себя не могъ; тысячу разъ цѣловалъ данный ею крестикъ. Не имѣй онъ надежды скоро и благополучно окончить дѣло, за которымъ пріѣхалъ въ Висбаденъ — опрометью бросился бы онъ оттуда, назадъ — въ милый Франкфуртъ, въ тотъ дорогой, теперь уже родственныи ему домъ, къ ней, къ возлюбленнымъ ея ногамъ... Но дѣлать нечего! Надо испытъ фіаль до дна, надо одѣться, идти обѣдать — а оттуда въ театръ... Хоть бы завтра она его поскорѣй отпустила!

Еще одно его смущало, его сердило: онъ съ любовью, съ умиленіемъ, съ благодарнымъ восторгомъ думалъ о Джеммѣ, о жизни съ нею вдвоемъ, о счастья, которое его ожидало въ будущемъ — и между тѣмъ эта странная женщина, эта госпожа Полозова неотступно носилась... нѣтъ! не носилась — торчала.... такъ именно, съ особымъ злорадствомъ выразился Санинъ — *торчала* передъ его глазами — и не могъ онъ отдѣлаться отъ ея образа, не могъ не слышать ея голоса, не вспоминать ея рѣчей — не могъ не ощущать даже того особеннаго запаха, тонкаго, свѣжаго и пронзительнаго, какъ запахъ желтыхъ лилій, которымъ вѣяло отъ ея одеждъ. Эта барыня явно дурачить его, и такъ и сажъ къ нему подбѣзжаетъ..... Зачѣмъ это? Что ей надо? Неужели же это одна прихоть избалованной, богатой — и едва ли не безнравственной женщины? И этотъ мужъ?! Что это за существо? Какія его отношенія къ ней? И къ чему лѣзутъ эти вопросы въ голову ему, Санину, которому собственно нѣтъ никакого дѣла ни до г-на Полозова, ни до его супруги? Почему не можетъ онъ прогнать этотъ неотвязный образъ, даже тогда, когда обращается всей душою къ другому, свѣтлому и ясному, какъ Божій день? Какъ смѣютъ — сквозъ тѣ, почти-божественныя черты — севозить *эти*? И онѣ не только севозятъ — онѣ ухмыляются дерзостно. Эти сѣрые, хищные глаза, эти ямочки на щекахъ, эти змѣевидныя косы — да неужели же это все словно прилипло къ нему и онъ страхнуть, отбросить прочь все это не въ силахъ, не можетъ?

Вздоръ! вздоръ! завтра же это все исчезнетъ безъ слѣда.... Но отпустить ли она его завтра?

Да... Всѣ эти вопросы онъ себѣ ставилъ — а стало время пододвигаться къ тремъ часамъ — и надѣлъ онъ черныи фракъ да, погулявши немного по парку, отправился къ Полозовымъ.

Онъ засталъ у нихъ въ гостинной секретаря посольства изъ нѣмцевъ, длиннаго, длиннаго, бѣлокурого, съ лошадинымъ профилемъ и пробормомъ сзади—(тогда это было еще въ-новѣ)—и... о чудо! кого еще? Фонъ-Дѣнгофа, того самого офицера, съ которымъ дрался нѣсколько дней тому назадъ! Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить его именно тутъ—и невольно смутился, однако размялся съ нимъ.

— Вы знакомы? спросила Марья Николаевна, отъ которой не ускользнуло смущеніе Санина.

— Да... я имѣлъ уже честь, промолвилъ Дѣнгофъ—и, наклонившись слегка въ сторону Марьи Николаевны, прибавилъ въ полголоса, съ улыбкой: Тотъ самый... Вашъ соотечественникъ... русскій...

— Не можетъ быть! воскликнула она также въ полголоса, погрозила ему пальцемъ—и тотчасъ же стала прощаться—и съ нимъ и съ длиннымъ секретаремъ, который, по всѣмъ признакамъ, былъ смертельно въ нее влюбленъ—ибо даже ротъ раскрывалъ всякій разъ, когда на нее взглядывалъ. Дѣнгофъ удалился немедленно, съ любезной покорностью, какъ другъ дома, который съ полу-слова понимаетъ, чего отъ него требуютъ; секретарь заартачился-было, но Марья Николаевна выпроводила его безъ всякихъ церемоній.

— Ступайте къ вашей владѣтельной особѣ, сказала она ему (тогда въ Висбаденѣ проживала нѣкая принципесса ди Монако, изумительно смахивавшая на плохую лоретку)—что вамъ сидѣть у такой плебейки, какъ я?

— Помилуйте, сударыня, увѣрялъ злополучный секретарь—всѣ принципессы въ мірѣ...

Но Марья Николаевна была безжалостна—и секретарь ушелъ выѣстъ со своимъ пробормомъ.

Марья Николаевна въ тотъ день принарядилась очень къ своему «авантажу», какъ говаривали наши бабушки. На ней было шелковое розовое платьѣ глянсэ, съ рукавами à la Fontanges—и по крупному брилліанту въ каждомъ ухѣ. Глаза ея блистали не хуже тѣхъ брилліантовъ: она казалась въ духѣ и въ ударѣ.

Она усадила Санина возлѣ себя и начала говорить ему о Парижѣ, куда собиралась ѣхать черезъ нѣсколько дней, о томъ, что нѣмцы ей надоѣли, что они глупы когда умничаютъ, и некстати умны, когда глупятъ;—да вдругъ, какъ говорится, въ упоръ—à brule pourpoint—спросила его, правда ли, что онъ вотъ съ этимъ самымъ офицеромъ, который сейчасъ тутъ сидѣлъ, надняхъ дрался изъ-за одной дамы?

— Вамъ это почему извѣстно? пробормоталъ изумленный Санинъ.

— Слухомъ земля полнится, Дмитрій Павловичъ; но, впрочемъ, я знаю, что вы были правы, тысячу разъ правы—и вели себя какъ рыцарь. Скажите—эта дама—была ваша невеста?

Саннинъ слегка наморщилъ брови...

— Ну, не буду, не буду, поспѣшно проговорила Марья Николаевна. Вамъ это неприятно, простите меня, не буду! не сердитесь! Полозовъ появился изъ сосѣдней комнаты съ листомъ газеты въ рукахъ. — Что ты? или обѣдъ готовъ!

— Обѣдъ сейчасъ подають, а ты посмотри-ка, что я въ «Сѣверной Пчелѣ» вычиталъ... Князь Громобой умеръ.

Марья Николаевна подняла голову.

— А! царство ему небесное! Онъ мнѣ каждый годъ, обратилась она къ Санину, въ февралѣ, ко дню моего рожденія, всѣ комнаты убиралъ камеліями. Но для этого еще не стоить жить въ Петербургѣ зимой. Что ему, пожалуй, за семьдесятъ лѣтъ было? спросила она мужа.

— Было. Похороны его въ газетѣ описываютъ. Весь дворъ присутствовалъ. Вотъ и стихи князя Коврижкина по этому случаю.

— Ну и чудесно.

— Хочешь, прочту? Князь его называетъ мужемъ совѣта.

— Нѣтъ, не хочу. Какой онъ былъ мужъ совѣта! Онъ просто былъ мужъ Татьяны Юрьевны. Пойдемте обѣдать. Живой живое думаетъ. Дмитрій Павловичъ, вашу руку.

Обѣдъ былъ, по вчерашнему, удивительный и прошелъ весьма оживленно. Марья Николаевна умѣла рассказывать... рѣдкій даръ въ женщинѣ, да еще въ русской! Она не стѣснялась въ выраженіяхъ; особенно доставалось отъ нея соотечественникамъ. Санину не разъ пришлось расхохотаться отъ много бойкаго и мѣткаго словца. Пуще всего Марья Николаевна не терпѣла ханжества, фразы и лжи... Она находила ее почти повсюду. Она словно щеголяла и хвасталась той низменной средою, въ которой началась ея жизнь; сообщала довольно странные анекдоты о своихъ родныхъ, изъ времени своего дѣтства; называла себя лапотницей, не хуже Натальи Кириловны Нарышкиной. Санину стало очевиднымъ, что она испытала на своемъ вѣку гораздо больше, чѣмъ многое множество ея сверстницъ.

А Полозовъ кушалъ обдуманно, пилъ внимательно и только изрѣдка вскидывалъ, то на жену, то на Санина, свои бѣлесо-

ватые, съ виду слѣпые, въ сущности очень зрячіе глаза. — Какой ты у меня умница! воскликнула Марья Николаевна, обратившись къ нему; какъ ты всѣ мои комиссіи во Франкфуртѣ исполнилъ! Поцѣловала бы я тебя въ лобикъ — да ты у меня за этимъ не гоняешься.

— Не гоняюсь, отвѣчалъ Полозовъ и взрѣзалъ ананасъ серебрянымъ ножомъ.

Марья Николаевна посмотрѣла на него и постучала пальцами по столу.

— Такъ идетъ наше пари? промолвила она значительно.

— Идетъ.

— Ладно. Ты проиграешь.

Полозовъ выставилъ подбородокъ впередъ. — Ну, на этотъ разъ, какъ ты на себя ни надѣйся, Марья Николаевна, а я полагаю, что проиграешь-то ты.

— О чемъ пари? Можно узнать? спросилъ Санинъ.

— Нѣтъ... нельзя, теперь, отвѣтила Марья Николаевна — и засмѣялась.

Прошло семь часовъ. Кельнеръ доложилъ, что карета готова. Полозовъ проводилъ жену и тотчасъ же пошелъ назадъ къ своему креслу.

— Смотри же! Не забудь письма къ управляющему! крикнула ему Марья Николаевна изъ передней.

— Напишу, не беспокойся. Я человѣкъ аккуратный.

XXXIX.

Въ 1840-мъ году театръ въ Висбаденѣ былъ и по наружности плохъ, а труппа его, по фразистой и мизерной посредственности, по старательной и пошлой рутинѣ ни на волосъ не возвышалась надъ тѣмъ уровнемъ, который до сихъ поръ можно считать нормальнымъ для всѣхъ германскихъ театровъ и совершенство котораго въ послѣднее время представляла труппа въ Карлсруэ, подъ «знаменитымъ» управленіемъ г-на Девріента. Позади ложи, взятой для «Ея свѣтлости г-жи фонъ-Полоздфъ» (Богъ вѣдаетъ, какъ умудрился кельнеръ ее достать—не подекупилъ же онъ штатъ-директора въ самомъ дѣлѣ!) позади этой ложи находилась небольшая комнатка, обставленная диванчиками; прежде чѣмъ войти въ нее, Марья Николаевна попросила Санина поднять ширмочки, отдѣлявшія ложу отъ театра.

— Я не хочу, чтобы меня видѣли, сказала она: а то вѣдь

сейчасъ полѣзуть. Она и его посадила возлѣ себя, спиною къ залѣ, такъ чтобы ложа казалась пустою.

Оркестръ проигралъ увертюру изъ «Свадьбы Фигаро»... Занавѣсъ поднялся: пьеса началась.

То было одно изъ многочисленныхъ доморощенныхъ произведеній, въ которыхъ начитанные, но бездарные авторы отборнымъ, но мертвеннымъ языкомъ, прилежно, но неуклюже проводили какую-нибудь «глубокую» или «животрепещущую» идею, представляли такъ-называемый трагическій конфликтъ и наводили скуку... азіатскую, какъ бываетъ азіатская холера. Марья Николаевна терпѣливо выслушала половину акта, но когда первый любовникъ, узнавъ объ измѣнѣ своей возлюбленной (одѣтъ онъ былъ въ коричневый сюртукъ съ «буфами» и плисовымъ воротникомъ, полосатый жилетъ съ перламутровыми пуговицами, зеленые панталоны со штрипками изъ лакированной кожи и бѣлые замшевыя перчатки), когда этотъ любовникъ, уперевъ оба кулака въ грудь и оттопыривъ локти впередъ, подъ острымъ угломъ, завылъ уже прямо по-собачьи — Марья Николаевна не выдержала.

— Послѣдній французскій актеръ, въ послѣднемъ провинціальномъ городишкѣ, естественнѣе и лучше играетъ чѣмъ первая нѣмецкая знаменитость, съ негодованіемъ воскликнула она — и пересѣла въ заднюю комнату. Подите сюда, сказала она Санину, постукивая рукою возлѣ себя по дивану. Будемте болтать.

Санинъ повиновался.

Марья Николаевна глянула на него. — А вы, я вижу, шелковый! Вашей женѣ будетъ съ вами легко. Этотъ шутъ, продолжала она, указывая концомъ вѣера на завывавшаго актера (онъ исполнялъ роль домашняго учителя) напомнилъ мнѣ мою молодость: я тоже была влюблена въ учителя. Это была моя первая... нѣтъ, моя вторая пассія. Въ первый разъ я влюбилась въ служеу Донского монастыря. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ. Я видала его только по воскресеньямъ. Онъ носилъ бархатный подрясникъ, душился оделаваномъ, пробираясь въ толпѣ съ кадиломъ, говорилъ дамамъ по-французски: «пardonъ экзюзэ» — и никогда не поднималъ глазъ, а рѣсницы у него были — вотъ какія! Марья Николаевна отдѣлила ногтемъ большого пальца цѣлую половину своего мизинца и показала Санину. Учителя моего звали — monsieur Gaston! Надо вамъ сказать, что онъ былъ ужасно-ученый и престрогій человѣкъ, изъ швейцарцевъ — и съ такимъ энергическимъ лицомъ! Бакенбарды черныя какъ смоль, греческій профиль — и губы какъ изъ желѣза вылитыя! Я его боялась! Я во всей моей жизни только одного

этого человека и боялась. Онъ былъ гувернеромъ моего брата, который потомъ умеръ.... утонулъ. Одна цыганка и мнѣ предсказала насильственную смерть — но это вздоръ. Я этому не вѣрю. Представьте вы себѣ Ипполита Сидорыча съ кинжаломъ?!...

— Можно умереть и не отъ кинжала, замѣтилъ Санинъ.

— Все это вздоръ! Вы суевѣрны? Я — нисколько. А чему быть, того не миновать. Monsieur Gaston жилъ у насъ въ домѣ, надъ моей головой. Бывало, я проснусь ночью и слышу его шаги — онъ очень поздно ложился — и сердце замираетъ отъ благоговѣнія.... или отъ другого чувства. Мой отецъ самъ едва разумѣлъ грамоту, но воспитаніе намъ далъ хорошее. Знаете ли, что я по-латыни понимаю?

— Вы? по-латыни?

— Да — я. Меня monsieur Gaston выучилъ. Я съ нимъ Энеиду прочла. Скучная вещь — но есть мѣста хорошія. Помните, когда Дидона съ Энеемъ въ лѣсу....

— Да, да, помню, торопливо промолвилъ Санинъ. Самъ онъ давнымъ давно всю свою латынь забылъ, и объ Энеидѣ понятіе имѣлъ слабое.

Марья Николаевна глянула на него, по своей привычкѣ, нѣсколько въ бокъ и изъ поднizu. — Вы не думайте однако, что я очень учена. Ахъ, Боже мой, нѣтъ — я не учена и никакихъ талантовъ у меня нѣтъ. Писать едва умѣю.... право; читать громко не могу: ни на фортепьяно, ни рисовать, ни шить — ничего! Вотъ я какая — вся тутъ!

Она разстала руки. — Я вамъ все это рассказываю, продолжала она — во-первыхъ для того, чтобы не слушать этихъ дураковъ (она указала на сцену, гдѣ въ это мгновеніе, вмѣсто актера, подвывала актриса, тоже выставивъ локти впередъ), а во-вторыхъ для того, что я передъ вами въ долгу: вы вчера мнѣ про себя рассказывали.

— Вамъ угодно было спросить меня, замѣтилъ Санинъ.

Марья Николаевна внезапно повернулась къ нему. — А вамъ не угодно знать, что собственно я за женщина? Впрочемъ я не удивляюсь, прибавила она, снова прислоняясь къ подушкамъ дивана. Человекъ собирается жениться, да еще по любви, да послѣ дуэли.... Гдѣ ему помышлять о чемъ-нибудь другомъ?

Марья Николаевна задумалась и начала кусать ручку вѣера своими крупными, но ровными и какъ молоко бѣлыми зубами.

А Санину казалось, что ему въ голову опять сталъ подниматься тотъ чадъ, отъ котораго онъ не могъ отдѣлаться — вотъ уже второй день.

Разговоръ между имъ и Марьей Николаевной происходилъ

въ полголоса, почти шопотомъ—и это еще болѣе его раздражало и волновало его....

Когда же это все кончится?

Слабые люди никогда сами не кончаютъ—все ждутъ конца.

На сценѣ кто-то чихалъ;—чиханіе это было введено авторомъ въ свою пьесу, какъ «комическій моментъ или элементъ»; другого комическаго элемента въ ней уже, конечно, не было: и зрители удовлетворялись этимъ моментомъ, смѣлялись.

Этотъ смѣхъ также раздражалъ Санина.

Были минуты, когда онъ рѣшительно не зналъ: что онъ—злится или радуется, скучаетъ или веселится? О, еслибъ Джемма его видѣла!

— Право, это странно, заговорила вдругъ Марья Николаевна. Человѣкъ объявляетъ вамъ, и такимъ спокойнымъ голосомъ: «Я, молъ, намѣренъ жениться»; а никто вамъ не скажетъ спокойно: «Я намѣренъ въ воду броситься». И между тѣмъ—какая разнища? Странно, право.

Досада взяла Санина.—Разнища большая, Марья Николаевна! Иному броситься въ воду вовсе не страшно: онъ плавать умѣетъ; а сверхъ того.... что касается до странности браковъ.... ужъ коли на то пошло....

Онъ вдругъ смолкъ и прикусилъ языкъ.

Марья Николаевна ударила себя вѣромъ по ладони.

— Договаривайте, Димитрій Павловичъ, договаривайте—я знаю, что вы хотѣли сказать. «Ужъ коли на то пошло, милостивая государыня, Марья Николаевна Полозова» хотѣли вы сказать, «страннѣе *вашего* брака ничего нельзя себѣ представить... вѣдь я *вашего* супруга знаю хорошо, съ дѣтства!» Вотъ что вы хотѣли сказать, вы, умѣющій плавать!

— Позвольте, началъ-было Санинъ....

— Развѣ это не правда? Развѣ не правда? настойчиво произнесла Марья Николаевна. Ну посмотрите мнѣ въ лицо и скажите, что я не правду сказала!

Санинъ не зналъ, куда дѣть свои глаза.—Ну, извольте; правда, коли вы ужъ этого непременно требуете, проговорилъ онъ наконецъ.

Марья Николаевна покачала головою.—Такъ... такъ. Ну—и не спрашиваете вы себя, вы, умѣющій плавать, какая можетъ быть причина такого страннаго.... поступка со стороны женщины, которая не бѣдна.... и не глупа.... и не дурна? Васъ это не интересуесть, можетъ быть; но все равно. Я вамъ скажу причину

не теперь, а вотъ какъ только кончится антрактъ. Я все безпокоюсь, какъ бы кто-нибудь не зашелъ...

Не успѣла Марья Николаевна выговорить это послѣднее слово, какъ наружная дверь дѣйствительно растворилась на половину—и въ ложу всунулась голова красная, маслянисто-потная, еще молодая, но уже беззубая, съ плоскими длинными волосами, отвислымъ носомъ, огромными ушами какъ у летучей мыши, съ золотыми очками на любопытныхъ и тупыхъ глазенкахъ, и съ *pinse-nez* на очкахъ. Голова осмотрѣлась, увидала Марью Николаевну, дряпно осклабилась, закивала.... Жилистая шея вытянулась вслѣдъ за нею....

Марья Николаевна замахала на нее платкомъ.—Меня дома нѣтъ! *Ich bin nicht zu Hause, Herr P...! Ich bin nicht zu Hause....* Кшшшш, Кшшшш!

Голова изумилась, принужденно засмѣялась, проговорила словно всхлипывая, въ подражаніе Листу, у ногъ котораго когда-то пресмыкалась: *Sehr gut! sehr gut!* и исчезла.

— Это что за субъектъ? спросилъ Санинъ.

— Это? Критикъ Висбаденскій. «Литтератъ» или лонъ-лакей, какъ угодно. Онъ нанятъ здѣшнимъ откупщикомъ, и потому обязанъ все хвалить и всѣмъ восторгаться, а самъ весь налитъ гаденькой желчью, которую даже выпускать не смѣетъ. Я боюсь: онъ сплетникъ ужасный: сейчасъ побѣжитъ рассказывать, что я въ театрѣ. Ну все равно.

Оркестръ проигралъ вальсъ, занавѣсъ взвился опять.... Поднялось опять на сценѣ кривлянье да хныканье.

— Ну-съ, начала Марья Николаевна, снова опускаясь на диванъ—такъ какъ вы попались и должны сидѣть со мною, вмѣсто того, чтобы наслаждаться близостью вашей невесты.... не вращайте глазами и не гнѣвайтесь—я васъ понимаю и уже общалась вамъ, что отпущу васъ на всѣ четыре стороны—а теперь слушайте мою исповѣдь. Хотите знать, что я больше всего люблю?

— Свободу, подсказалъ Санинъ.

Марья Николаевна положила руку на его руку.

— Да, Димитрій Павловичъ, промолвила она—и голосъ ея прозвучалъ чѣмъ-то особеннымъ, какой-то несомнѣнной искренностью и важностью—свободу, больше всего и прежде всего. И не думайте, чтобы я этимъ хвасталась—въ этомъ нѣтъ ничего похвальнаго—только оно *такъ*, и всегда было и будетъ *такъ* для меня, до самой смерти моей. Я въ дѣтствѣ, должно быть, ужъ очень много насмотрѣлась рабства и натерпѣлась отъ него. Ну и *monsieur Gaston*, мой учитель, глаза мнѣ от-

крылъ. Теперь вы, можете быть, понимаете, почему я вышла за Ипполита Сидорыча; съ нимъ я свободна, совершенно свободна, какъ воздухъ, какъ вѣтеръ.... И это я знала передъ свадьбой, я знала, что съ нимъ я буду вольный казакъ!

Марья Николаевна помолчала—и бросила вѣеръ въ сторону.

— Скажу вамъ еще одно: я не прочь размышлять.... оно весело, да и на то умъ намъ данъ; но о послѣдствіяхъ того, что я сама дѣлаю—я никогда не размышляю, и когда придется, не жалѣю себя—ни на *этакую*:—не стѣдить. У меня есть поговорка: *«cela ne tire pas à conséquence»*—не знаю, какъ это сказать по-русски. Да и точно: что *tire à conséquence*?—Вѣдь отъ меня отчета не потребуютъ *здесь*—на сей землѣ; а тамъ—(она подняла палецъ къверху) ну тамъ—пусть распоряжаются, какъ знаютъ. Когда меня будутъ *тамъ* судить, *то я* не я буду! Вы слушаете меня? Вамъ не скучно?

Санинъ сидѣлъ наклонившись. Онъ поднялъ голову.—Мнѣ вовсе не скучно, Марья Николаевна, и слушаю я васъ съ любопытствомъ. Только я.... признаюсь..., я спрашиваю себя, зачѣмъ вы это все говорите мнѣ?

Марья Николаевна слегка подвинулась на диванѣ.—Вы себя спрашиваете... Вы такой недогадливый? Или такой скромный?

Санинъ поднялъ голову еще выше.

— Я вамъ все это говорю, продолжала Марья Николаевна спокойнымъ тономъ, который однако не совсѣмъ соответствовалъ выраженію ея лица—потому что вы мнѣ очень нравитесь; да, не удивляйтесь, я не шучу; потому, что послѣ встрѣчи съ вами мнѣ было бы непріятно думать, что вы сохраните обо мнѣ воспоминаніе нехорошее... или даже не нехорошее, это мнѣ все равно, а невѣрное. Отъ того-то я и залучила васъ сюда и остаюсь съ вами наединѣ и говорю съ вами такъ откровенно... Да, да, откровенно. Я не лгу. И замѣьте, Дмитрій Павловичъ, я знаю, что вы влюблены въ другую, что вы собираетесь жениться на ней... Отдайте же справедливость моему безкорыстію! А впрочемъ, вотъ вамъ случай сказать, въ свою очередь: *Cela ne tire pas à conséquence!*

Она засмѣялась, но смѣхъ ея внезапно оборвался—и она осталась неподвижной, какъ будто ея собственныя слова ее самое поразили, а въ глазахъ ея, въ обычное время столь веселыхъ и смѣлыхъ, мелькнуло что-то похожее на робость, похожее даже на грусть.

«Змѣя! ахъ, она змѣя! думалъ, между тѣмъ, Санинъ; но какая красивая змѣя!»

— Дайте мнѣ мою лорнетку, проговорила вдругъ Марья

Николаевна. Мнѣ хочется посмотрѣть, неужели эта жеппе греппеге въ самомъ дѣлѣ такъ дурна собою? Право, можно подумать, что ее опредѣлило правительство съ нравственной цѣлью, чтобы молодые люди не слишкомъ увлекались.

Санинъ подалъ ей лорнетку, а она, принимая ее отъ него, быстро, но чуть слышно, охватила обѣими руками его руку.

— Не извольте серьёзничать, шепнула она съ улыбкой. — Знаете что: на меня цѣпей наложить нельзя, но вѣдь и я не накладываю цѣпей. — Я люблю свободу и не признаю обязанностей — не для себя одной. А теперь посторонитесь немножко и давайте послушаемте пьесу.

Марья Николаевна навела лорнетку на сцену — и Санинъ принялся глядѣть туда же, сидя съ нею рядомъ, въ полутьмѣ ложи, и вдыхая, невольно вдыхая теплоту и благовоніе ея роскошнаго тѣла и столь же невольно переворачивая въ головѣ своей все, что она ему сказала въ теченіи вечера — особенно въ теченіи послѣднихъ минутъ.

XL.

Пьеса длилась еще часъ слишкомъ, но Марья Николаевна и Санинъ скоро перестали смотрѣть на сцену. У нихъ снова завязался разговоръ и пробирался онъ, разговоръ этотъ, по той же дорожкѣ какъ и прежде; только на этотъ разъ Санинъ меньше молчалъ. Внутренно онъ и на себя сердился, и на Марью Николаевну; онъ старался доказать ей всю неосновательность ея «теоріи», какъ будто ее занимали теоріи! Онъ сталъ съ ней спорить, чему она втайнѣ очень порадовалась: коли спорить, значить — уступаетъ или уступить. На прикормку пошелъ, подается, дичится пересталъ! Она возражала, смѣялась, соглашалась, задумывалась, нападала... а между тѣмъ его лицо и ея лицо сближались, его глаза уже не отворачивались отъ ея глазъ... Эти глаза словно блуждали, словно кружили по его чертамъ, и онъ улыбался ей въ отвѣтъ — учтиво, но улыбался. Ей на руку было уже и то, что онъ пускался въ отвлеченности, рассуждалъ о честности взаимныхъ отношеній, о долгѣ, о святости любви и брака... Извѣстное дѣло: эти отвлеченности очень и очень годятся какъ начало... какъ исходная точка...

Люди, хорошо знавшіе Марью Николаевну, увѣрили, что когда во всемъ ея сильномъ и крѣпкомъ существѣ внезапно проступало нѣчто нѣжное и скромное, что-то почти дѣвичье...

стыдливое — хотя, подумаешь откуда оно бралось?... тогда... да, тогда дѣло принимало оборотъ опасный.

Оно, повидимому, принимало этотъ оборотъ и для Санина... Презрѣніе онъ бы почувствовалъ въ себѣ, еслибъ ему удалось хотя на мигъ сосредоточиться; но онъ не успѣвалъ ни сосредоточиться, ни презирать себя.

А она не теряла времени. И все это происходило отъ того, что онъ былъ очень недуренъ собою!... По неволѣ придется сказать: «какъ знать, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь?»

Пьеса кончилась. Марья Николаевна попросила Санина накинуть на нее шаль и не шевелилась, пока онъ окутывалъ мягкой тканью ея по истинѣ царственные плечи. Потомъ она взяла его подъ руку, вышла въ корридоръ — и чуть не вскрикнула: у самой двери ложи, какъ нѣкое привидѣніе, торчалъ Дѣнгофъ; а изъ-за его спины выглядывала паскудная фигура Висбаденскаго критика. Маслянистое лицо «литтерата» такъ и сіяло злорадствомъ.

— Не прикажете ли, сударыня, я вамъ отыщу вашу карету? обратился къ Марьѣ Николаевнѣ молодой офицеръ, съ трепетомъ худо-сдержаннаго бѣшенства въ голосѣ.

— Нѣтъ, благодарствуйте, отвѣтила она... мой лавей ее найдеть. Останьтесь! прибавила она повелительнымъ шопотомъ — и быстро удалилась, увлекая за собою Санина.

— Ступайте къ чорту! Чтò вы ко мнѣ пристали? гаркнулъ вдругъ Дѣнгофъ на литтерата. Надо было ему на комъ-нибудь сорвать свое сердце!

— Sehr gut! Sehr gut! пробормоталъ литтератъ — и ступевался.

Лакей Марьи Николаевны, ожидавшій ее въ сѣняхъ, въ мгновение ока отыскалъ ея карету — она проворно сѣла въ нее, за нею вскочилъ Санинъ. Дверцы захлопнулись — и Марья Николаевна разразилась смѣхомъ.

— Чему вы смѣетесь? полюбопытствовалъ Санинъ.

— Ахъ, извините меня пожалуйста,... но мнѣ пришло въ голову, что если Дѣнгофъ съ вами опять будетъ стрѣляться... изъ-за меня... Не чудеса ли это?

— А вы съ нимъ очень коротко знакомы? спросилъ Санинъ.

— Съ нимъ? Съ этимъ мальчикомъ? Онъ у меня на побѣгушкахъ. Вы не безпокойтесь!

— Да я и не безпокоюсь вовсе.

Марья Николаевна вздохнула. — Ахъ, я знаю, что вы не

Безпоконтесь. Но слушайте—знаете что: вы таковой милый, вы не должны отказать мнѣ въ одной послѣдней просьбѣ. Не забудьте: черезъ три дня я уѣзжаю въ Парижъ, а вы возвращаетесь во Франефуртъ... Когда мы встрѣтимся!

— Какая это просьба?

— Вы верхомъ, конечно, умѣете ѣздить?

— Умѣю.

— Ну вотъ что. Завтра поутру я васъ возьму съ собою — и мы поѣдемъ вмѣстѣ за городъ. У насъ будутъ отличныя лошади. Потомъ мы вернемся, дѣло покончимъ — и аминь! Не удивляйтесь, не говорите мнѣ, что это вапризь, что я сума-сшедшая — все это можетъ быть — но скажите только: я согласенъ!

Марья Николаевна обернула къ нему свое лицо. Въ каретѣ было темно, но глаза ея сверкнули въ самой этой темнотѣ.

— Извольте, я согласенъ, промолвилъ Санинъ со вздохомъ.

— Ахъ! Вы вздохнули! передразнила его Марья Николаевна. Вотъ что значитъ: взялся за гузъ — не говори, что не дожъ. Но нѣтъ, нѣтъ... Вы — прелесть, вы хорошій — а обѣщаніе я свое сдержу. Вотъ вамъ моя рука, безъ перчатки, правая, дѣловая. Возьмите ее—и вѣрьте ей пожатію. Что я за женщина, я не знаю; но человѣкъ я честный — и дѣла имѣть со мною можно.

Санинъ, самъ хорошенько не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, поднесъ эту руку къ своимъ губамъ. Марья Николаевна тихонько ее приняла — и вдругъ умолила — и молчала, пока карета не остановилась.

Она стала выходить... Что это? показалось ли Санину, или онъ точно почувствовалъ на щекѣ своей какое-то быстрое и жгучее прикосновеніе?

«До завтра!» шепнула Марья Николаевна ему на лѣстницѣ, вся освѣщенная четырьмя свѣчами канделабра, ухваченнаго при ея появленіи золотообрѣзнымъ привратникомъ. Она держала глаза опущенными. — «До завтра!»

Вернувшись къ себѣ въ комнату, Санинъ нашелъ на столѣ письмо отъ Джеммы. Онъ мгновенно... испугался — и тотчасъ же обрадовался, чтобы поскорѣй замаскировать свой испугъ. — Оно состояло изъ нѣсколькихъ строкъ. — Она радовалась благополучному «началу дѣла», совѣтовала ему быть терпѣливымъ и прибавляла, что всѣ въ домѣ здоровы и заранѣе радуются его возвращенію. Санинъ нашелъ это письмо довольно сухимъ — однако взять перо, бумагу... и все бросилъ. — «Что писать!? Завтра самъ вернусь... пора, пора!»

Онъ немедленно легъ въ постель и постарался какъ можно скорѣе заснуть. Оставшись на ногахъ и бодрствуя, онъ навѣрное сталъ бы думать о Джеммѣ—а ему было почему-то... стыдно думать о ней. Совѣсть шевелилась въ немъ. Но онъ успокоивалъ себя тѣмъ, что завтра все будетъ навсегда кончено и онъ навсегда разстанется съ этой взыбалмошной барыней — и забудетъ всю эту чепуху!...

Слабые люди, говоря съ самими собою, охотно употребляютъ энергическія выраженія.

Et puis... cela ne tire pas à conséquence!

XLI.

Вотъ что думалъ Санинъ, ложась спать; но что онъ подумалъ на слѣдующій день, когда Марья Николаевна нетерпѣливо постучала коралловой ручкой хлыстика въ его дверь, когда онъ увидѣлъ ее на порогѣ своей комнаты—съ шлейфомъ темносиней амазонки на рукѣ, съ маленькой мужской шляпой на крупно-заплетенныхъ кудряхъ, съ откинутымъ на плечо вуалемъ, съ вызывающей улыбкой на губахъ, въ глазахъ, на всемъ лицѣ—что онъ подумалъ тогда — объ этомъ молчить исторія.

— Ну? готовы? прозвучалъ веселый голосъ.

Санинъ застегнулъ скюртку и молча взялъ шляпу. Марья Николаевна бросила на него свѣтлый взглядъ, кивнула головою и быстро побѣжала внизъ по лѣстницѣ. И онъ побѣжалъ вслѣдъ за нею.

Лошади стояли уже на улицѣ передъ крыльцомъ. Ихъ было три: золотисто-рыжая, чисто-кровная кобыла, съ сухой оскалистой мордой, черными глазами на выкатѣ, съ оленьими ногами, немного поджарая, но красивая и горячая какъ огонь — для Марьи Николаевны; —могучій, широкій, нѣсколько тяжелый конь, вороной безъ отиѣтъ—для Санина; третья лошадь назначалась груму. Марья Николаевна ловко вскочила на свою кобылу... Та затопала ногами и завертѣлась, отдѣляя хвостъ и поджимая крупъ, но Марья Николаевна (отличная наѣздница!) удержала ее на мѣстѣ: нужно было проститься съ Полозовымъ, который, въ неизмѣнной своей фесѣ и въ плафрокѣ на распахку, появился на балконѣ и махалъ оттуда батистовымъ платочкомъ, нисколько, впрочемъ не улыбаясь, а скорѣе хмурясь. Взобрался и Санинъ на своего коня; Марья Николаевна отсалютовала г-ну Полозову хлыстикомъ, потомъ ударила имъ свою лошадь по выгнутой и плоской шеѣ: та взвилась на дыбы, прыгнула впередъ

и пошла шепотомъ, укрощеннымъ шагомъ, вздрагивая всѣми жилками, собираясь на мундштукъ, кусая воздухъ и порывисто фыркая. Санинъ ѣхалъ сзади и глядѣлъ на Марью Николаевну: самоувѣренно, ловко и стройно покачивался ея тонкій и гибкій станъ, тѣсно и вольно охваченный корсетомъ. Она обернула голову назадъ и подозвала его одними глазами. Онъ поровнялся съ нею.

— Ну вотъ видите, какъ хорошо, сказала она. Я вамъ говорю, на послѣдяхъ, передъ разлукой: вы прелесть — и раскаться не будете.

Выговоривъ эти послѣднія слова, она нѣсколько разъ повела головою сверху внизъ, какъ-бы желая подтвердить ихъ и дать ему почувствовать ихъ значеніе.

Она казалась до того счастливой, что Санинъ просто удивлялся; у нея на лицѣ появилось даже то степенное выраженіе, какое бываетъ у дѣтей, когда они очень... очень довольны.

Шагомъ доѣхали они до недалекой заставы, а тамъ пустились крупной рысью по шоссе. Погода была славная, прямо лѣтняя; вѣтеръ струился имъ на встрѣчу и пріятно шумѣлъ и свисталъ въ ихъ ушахъ. Имъ было хорошо: сознаніе молодой, здоровой жизни, свободнаго, стремительнаго движенія впередъ, охватывало ихъ обоихъ; оно росло съ каждымъ мигомъ.

Марья Николаевна осадилъ свою лошадь и опять поѣхала шагомъ; Санинъ послѣдовалъ ея примѣру.

— Вотъ, начала она съ глубокимъ, блаженнымъ вздохомъ; вотъ для этого только и стоить жить. Удалось тебѣ сдѣлать, чего тебѣ хотѣлось, что казалось невозможнымъ — ну и пользуйся, душа, по самый край! Она провела рукой себѣ по горлу поперекъ. — И какимъ добрымъ человѣкъ тогда себя чувствуетъ! Вотъ теперь я... какая добрая! Кажется, весь свѣтъ бы обняла. То-есть, нѣтъ, не весь свѣтъ!... Вотъ этого я бы не обняла. — Она указала хлыстикомъ на пробирававшегося сторонкой, нищенски-одѣтаго старика. — Но осчастливить его я готова. На-те, возьмите, крикнула она громко, по-нѣмецки — и бросила къ его ногамъ кошелекъ. Увѣсистый мѣшочекъ (тогда еще портъ-монэ въ помину не было) ступнулъ ъ дорогу. Прохожій изумился, остановился, а Марья Николаевна захохотала и пустила лошадь вскачь.

— Вамъ такъ весело верхомъ ѣздить? спросилъ Санинъ, догнавъ ее.

Марья Николаевна опять разомъ осадилъ свою лошадь: она иначе ее не останавливала. — Я хотѣла только уѣхать отъ благодарности. Кто меня благодаритъ — удовольствіе мое портить.

Вѣдь я не для него это сдѣлала, а для себя. Какъ же онъ смѣетъ меня благодарить? Я не разспышала, о чемъ вы меня спрашивали.

— Я спрашивалъ... я хотѣлъ знать, отчего вы сегодня такъ веселы?

— Знаете чтò, промолвила Марья Николаевна: она либо опять не разспышала Санина, либо не почла за нужное отвѣчать на его вопросъ.—Мнѣ ужасно надоѣлъ этотъ грумъ, который торчитъ за нами, и который, должно быть, только и думаетъ о томъ, когда, молъ, господа домой пойдутъ? Какъ бы отъ него отдѣлаться?—Она проворно достала изъ кармана записную книжечку.—Послать его съ письмомъ въ городъ? Нѣтъ... негодится. А! вотъ какъ! Это чтò тамъ такое впереди? Трактиръ?

Санинъ глянулъ, куда она указывала. — Да, кажется, трактиръ.

— Ну и прекрасно. Я прикажу ему остаться въ этомъ трактирѣ—и пить пиво, пока мы вернемся.

— Да чтò онъ подумаетъ?

— А намъ что за дѣло! Да онъ и думать не будетъ; будетъ пить пиво—и только. Ну, Санинъ (она въ первый разъ назвала его по одной фамиліи)—впередъ, рысью!

Поравнявшись съ трактиромъ, Марья Николаевна подозвала грума и сообщила ему, чтò она отъ него требовала. Грумъ, человѣкъ англійскаго происхожденія и англійскаго темперамента, молча поднесъ руку къ козырьку своей фуражки, соскочилъ съ лошади и взялъ ее подъ устцы.

— Ну теперь мы—вольныя птицы! воскликнула Марья Николаевна.—Куда намъ ѣхать—на сѣверъ, на югъ, на востокъ, на западъ? Смотрите—я какъ венгерскій король на коронаціи (она указала концомъ хлыста на всѣ четыре стороны свѣта). Все наше! Нѣтъ, знаете чтò: видите, какія тамъ славныя горы—и какой лѣсъ! Поѣдемте туда, въ горы, въ горы!

In die Berge, wo die Freiheit thron!

Она свернула съ шоссе и поскакала по узкой, неторной дорожкѣ, которая дѣйствительно какъ будто направлялась въ горы. Санинъ поскакалъ за нею.

XII.

Дорожка эта скоро превратилась въ тропинку, и наконецъ совсѣмъ исчезла, пересѣченная канавой. Санинъ посоветовалъ вернуться, но Марья Николаевна сказала: «Нѣтъ! я хочу въ горы! Поѣдемъ прямо, какъ летаютъ птицы» — и заставила свою лошадь перескочить канаву. Санинъ тоже перескочилъ. За канавой начинался лугъ, сперва сухой, потомъ влажный, потомъ уже совсѣмъ болотистый: вода просачивалась вездѣ, стояла лужицами. Марья Николаевна пускала лошадь нарочно по этимъ лужицамъ, хохотала и твердила: «Давайте шеольничать!»

— Вы знаете, спросила она Санина, что значить: охотиться по брызгамъ?

— Знаю, отвѣчалъ Санинъ.

— У меня дядя былъ псовый охотникъ, продолжала она. Я съ нимъ ѣздила — весною. Чудо! Вотъ и мы теперь съ вами — по брызгамъ. А только я вижу: вы русскій человѣкъ, а хотите жениться на итальянкѣ. Ну да это — ваша печаль. Это что? Опять канавы? Гопъ!

Лошадь перескочила — но шляпа упала съ головы Марьи Николаевны и вудри ея разсыпались по плечамъ. Санинъ хотѣлъ-было слѣзть съ коня и поднять шляпу, но она крикнула ему: «Не трогайте, я сама достану», нагнулась низко съ сѣдла, зацѣпила ручкой хлыста за вуаль и точно: достала шляпу, надыла ее на голову, но волосъ не подобрала и опять помчалась, даже гикнула. Санинъ мчался съ нею рядомъ, рядомъ съ нею перепрыгивалъ рвы, ограды, ручейки, проваливался и выкарабкивался, несясь подъ гору, несясь въ гору и все глядѣлъ ей въ лицо. Что за лицо! Все оно словно раскрыто: раскрыты глаза, алчные, свѣтлые, дикіе; губы, ноздри раскрыты тоже и дышутъ жадно; глядитъ она прямо, въ упоръ передъ собою и, кажется, всѣмъ, что она видитъ, землею, небомъ, солнцемъ и самымъ воздухомъ хотѣтъ завладѣть эта душа и объ одномъ только она и жалѣетъ: опасностей мало — всѣ бы ихъ одолѣла! «Санинъ!» кричитъ она, «вѣдь это какъ въ бюргеровой Ленорѣ! Только вы не мертвый — а? Не мертвый?... Я живая!» Разыгрались удалыя силы. Это ужъ не амазонка пускаетъ коня въ галопъ — это скачетъ молодой женскій кентавръ — полу-звѣрь и полу-богъ — и изумляется степенный и благовоспитанный край, попираемый ея буйнымъ разгуломъ!

Марья Николаевна остановила наконецъ свою вспѣнную,

забрызганную лошадь: она шаталась подъ нею, а у могучаго, но тяжкаго санинскаго жеребца прерывалось дыханіе.

— Что? любо? спросила Марья Николаевна кажимъ-то чуднымъ шопотомъ.

— Любо! восторженно отозвался Санинъ. И въ немъ кровь разгорѣлась.

— Пойдите, то ли еще будетъ! Она протянула руку. Перчатка на ней была разорвана.

— Я сказала, что приведу васъ къ лѣсу, къ горамъ... Вотъ онѣ, горы! Точно: покрытыя выеокимъ лѣсомъ, зачинались горы шагахъ въ двухстахъ отъ того мѣста, куда вылетѣли лихіе всадники.—Смотрите: вотъ и дорога. Оправимтесь — и впередъ. Только шагомъ. Надо дать лошадямъ вздохнуть.

Они поѣхали. Однимъ сильнымъ взмахомъ руки Марья Николаевна отбросила назадъ свои волосы. Посмотрѣла потомъ на свои перчатки — и сняла ихъ. — Руки будутъ кожей пахнуть, сказала она, да вѣдь это вамъ ничего? А?... Марья Николаевна улыбалась и Санинъ улыбался тоже. Эта бѣшеная скачка ихъ какъ будто окончательно сблизила и подружила.

— Сколько вамъ лѣтъ? спросила она вдругъ.

— Двадцать два.

— Не можетъ быть? Мнѣ двадцать два то же. Годы хорошіе. Сложи ихъ вмѣстѣ и то до старости далеко. Однако жарко. Что, я раскраснѣлась?

— Какъ маковъ цвѣтъ!

Марья Николаевна утерла лицо платкомъ. — Только бы до лѣсу добраться, а тамъ будетъ прохладно. Этакой старый лѣсъ — точно старый другъ. Есть у васъ друзья?

Санинъ подумалъ немного. — Есть... только мало. Настоящихъ нѣтъ.

— А у меня есть, настоящіе — только не старые. Вотъ то же другъ — лошадь. Какъ она тебя бережно несетъ! Ахъ, да здѣсь отлично! Неужто я послѣзавтра въ Парижъ ѣду?

— Да... неужто? подхватилъ Санинъ.

— А вы во Франкфуртъ?

— Я непременно во Франкфуртъ.

— Ну, что-жъ — съ Богомъ! За то сегодняшній день нашъ... нашъ... нашъ!

Лошади добрались до опушки и вошли въ нее. Тѣнь лѣса накрыла ихъ широко и мягко и со всѣхъ сторонъ.

— О, да тутъ рай! воскликнула Марья Николаевна. Глубже, дальше въ эту тѣнь, Санинъ!

Лошади тихо двигались, «глубже въ тѣнь», слегка покачиваясь и похрапывая. Дорожка, по которой онѣ выступали, внезапно повернула въ сторону и вдалась въ довольно тѣсное ущелье. Запахъ вереска, папоротника, смолы сосновой, промзгой, прошлогодней листвы, такъ и сперся въ немъ — густо и дремотно. Изъ разсѣлинъ бурыхъ крупныхъ камней било крѣпкой свѣжестью. По обѣимъ сторонамъ дорожки высились круглые бугры, поросшіе зеленымъ мохомъ.

— Стойте! воскликнула Марья Николаевна. Я хочу присѣсть и отдохнуть на этомъ бархатѣ. Помогите мнѣ сойти.

Санинъ соскочилъ съ коня и подбѣжалъ къ ней. Она оперлась объ его плечи, мгновенно спрыгнула на землю и сѣла на одномъ изъ моховыхъ бугровъ. Онъ сталъ передъ нею, держа въ рукахъ поводья обѣихъ лошадей.

Она подняла на него глаза.... Санинъ, вы умѣете забывать?

Санину вспомнилось вчерашнее.... въ каретѣ:—Что это—вопросъ.... или упрекъ?

— Я отроду никого и ни въ чемъ не упрекала. А въ присуху вы вѣрите?

— Какъ?

— Въ присуху—знаете, о чемъ у насъ въ пѣсняхъ поется. Въ престопадныхъ русскихъ пѣсняхъ?

— А! Вы вотъ о чемъ говорите.... протянулъ Санинъ.

— Да, объ этомъ. Я вѣрю.... и вы повѣрите.

— Присуха.... колдовство.... повторилъ Санинъ. Все на свѣтѣ возможно. Прежде я не вѣрилъ—а теперь вѣрю. Я себя не узнаю.

Марья Николаевна подумала, и оглянулась.—А мнѣ сдается, мѣсто это мнѣ какъ будто знакомое. Посмотрите-ка, Санинъ, за тѣмъ широкимъ дубомъ—стоитъ деревянный, красный крестъ? аль нѣтъ?

Санинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону.—Стоить.

Марья Николаевна ухмыльнулась.—А, хорошо! Я знаю, гдѣ мы. Пока еще не потерялись. Это что стучить? Дровосѣкъ?

Санинъ поглядѣлъ въ чащу.—Да.... тамъ какой-то человѣкъ, сухія сучья рубить.

— Надо волосы въ порядокъ привести, проговорила Марья Николаевна. А тѣ, увидить—осудить. Она сняла шляпу и начала заплетать свои длинныя косы—молча и важно. Санинъ стоялъ передъ нею.... Ея стройные члены явственно рисовались

подъ темными складками суена, съ кое-гдѣ приставшими волоками моху.

Одна изъ лошадей внезапно встряхнулась за спиною Санина: онъ самъ затрепеталъ невольно, съ ногъ до головы. Все въ немъ было перепутано — нервы натянулись какъ струны. Не даромъ онъ сказалъ, что самъ себя не узнаетъ.... Онъ, дѣйствительно, былъ околдованъ. Все существо его было полно однимъ.... однимъ помысломъ, однимъ желаньемъ. Марья Николаевна бросила на него пронизательный взглядъ.

— Ну вотъ теперь все какъ слѣдуетъ, промолвила она, надѣвая шляпу. Вы не садитесь? Вотъ тутъ? Нѣтъ погодите.... не садитесь. Чтѣ это такое?

По верхушкамъ деревьевъ, по воздуху лѣсному, прокатилось глухое сотрясеніе.

— Неужели это громъ?

— Кажется, точно, громъ, отвѣтилъ Санинъ.

— Ахъ, да это праздникъ! просто праздникъ! Только этого не доставало. Глухой гулъ раздался вторично, поднялся — и упалъ раскатомъ.—Браво! Bis! Помните, я вамъ говорила вчера объ Энейдѣ? Вѣдь *илл* тоже въ лѣсу застала гроза. Однако надо убираться. Она быстро поднялась на ноги.—Подведите мнѣ лошадь... Подставьте мнѣ руку. Вотъ такъ. Я не тяжела.

Она птицей взвилась на сѣдло. Санинъ тоже сѣлъ на коня.

— Вы—домой? спросилъ онъ невѣрнымъ голосомъ.

— Домой?? отвѣчала она съ разстановкой и подобрала поводья. Ступайте за мной — приказала она почти грубо.

Она выѣхала на дорогу, и, минуя красный крестъ, опустилась въ лошину, добралась до перекрестка, повернула направо, опять въ гору.... Она очевидно знала, куда держала путь — и шолъ этотъ путь все въ глубь, да въ глубь лѣса. Она ничего не говорила, не оглядывалась; она повелительно двигалась впередъ — и онъ послушно и покорно слѣдовалъ за нею, безъ искры воли въ замправшемъ сердцѣ. Дождикъ началъ накрапывать. Она ускорила ходъ своей лошади — и онъ не отставалъ отъ нея. Наконецъ, сквозь темную зелень еловыхъ кустовъ, изъ-подъ навѣса сѣрой скалы глянула на него убогая караулка, съ низкой дверью въ плетеной стѣнѣ.... Марья Николаевна заставила лошадь подраться сквозь кусты, прыгнула съ нея — и, очутившись вдругъ у входа караулки, обернулась къ Санину — и шепнула: Эней?

Четыре часа спустя, Марья Николаевна и Санинъ, въ сопровожденіи дремавшего на сѣдлѣ грума, возвратились въ Висба-

день, въ гостинницу. Г. Полозовъ встрѣтилъ свою супругу, держа въ рукахъ письмо къ управляющему. Вглядѣвшись въ нее попристальнѣе, онъ однако выразилъ на лицѣ своемъ нѣкоторое неудовольствіе — и даже пробормоталъ: — Неужто проигралъ пари?

Марья Николаевна только плечами пожала.

А въ тотъ же день, два часа спустя, Санинъ, въ своей комнатѣ, стоялъ передъ нею, какъ потерянный, какъ погибшій...

— Куда же ты ѣдешь? спрашивала она его. Въ Парижъ — или во Франкфуртъ?

— Я ѣду туда, гдѣ будешь ты — и буду съ тобой, пока ты меня не прогонишь — отвѣчалъ онъ съ отчаяніемъ, и припалъ къ рукамъ своей властительницы. Она высвободила ихъ, положила ихъ ему на голову — и всѣми десятью пальцами схватила его волосы. Она медленно перебирала и крутила эти безотвѣтные волосы, сама вся выпрямилась, на губахъ змѣнилось торжество — а глаза, широкіе и свѣтлые до бѣлизны, выражали одну безжалостную тупость и сытость побѣды. У ястреба, который когтитъ пойманную птицу, такіе бываютъ глаза.

XLIII.

Вотъ что припомнилъ Дмитрій Санинъ, когда въ тишинѣ кабинета, разбирая свои старыя бумаги, онъ нашелъ между ними гранатовый крестикъ. Разсказанныя нами событія ясно и послѣдовательно возникали передъ его мыслепнымъ взоромъ.... Но дойдя до той минуты, когда онъ съ такимъ униженнымъ моленіемъ обратился къ г-жѣ Полозовой, когда онъ отдался ей подъ ноги, когда началось его рабство — онъ отвернулся отъ вызванныхъ имъ образовъ, онъ не захотѣлъ болѣе вспоминать. И не то, чтобы память измѣнила ему — о нѣтъ! онъ зналъ, онъ слишкомъ хорошо зналъ, что послѣдовало за той минутой, но стыдъ душилъ его — даже и теперь, столько лѣтъ спустя; онъ страшился того чувства неодолимаго презрѣнія къ самому себѣ, которое, онъ въ этомъ не могъ сомнѣваться, непременно нахлынетъ на него и затопитъ, какъ волною, всѣ другія ощущенія, какъ только онъ не велитъ памяти своей замолчать. Но какъ онъ ни отворачивался отъ возникающихъ воспоминаній, вполнѣ

заглушить онъ ихъ не могъ. Онъ вспомнилъ дрянное, слезливое, лживое, жалкое письмо, посланное имъ Джеммѣ, письмо оставшееся безъ отвѣта.... Явиться къ ней, вернуться къ ней—послѣ такого обмана, такой измѣны—нѣтъ! нѣтъ! настолько совѣсти и честности осталось еще въ немъ. Къ тому же онъ всякое довѣріе потерялъ въ себѣ, всякое уваженіе: онъ уже ни за что не смѣлъ ручаться. Санинъ вспомнилъ также, какъ онъ потомъ—о позоръ! отправилъ полововскаго лакея за своими вещами во Франкфуртъ, какъ онъ трусилъ, какъ онъ думалъ лишь объ одномъ: поскорѣй уѣхать въ Парижъ, въ Парижъ; какъ онъ, по приказанію Марьи Николаевны, подлаживался и поддѣлывался къ Ипполиту Сидорычу—и любезничалъ съ Донгофомъ, на пальцѣ котораго онъ замѣтилъ точно такое же желѣзное кольцо, какое дала ему Марья Николаевна!!! Потомъ пошли воспоминанія еще хуже, еще позорнѣе.... Кельнеръ подаетъ ему визитную карточку—и стоитъ на ней имя Панталеоне Чиппатоло, придворнаго пѣвца е. к. в. герцога Моденскаго! Онъ прячется отъ старика, но не можетъ избѣгнуть встрѣчи съ нимъ въ корридорѣ—и встаетъ передъ нимъ раздраженное лицо подъ взвившимся вверхъ сѣдымъ хохломъ; горять, какъ уголья, старческіе глаза—и слышатся грозныя восклицанія и проклятія: *Maledizione!* слышатся даже страшныя слова: *Codardo! Infame traditore!* Санинъ жмуритъ глаза, встряхиваетъ головою, отворачивается вновь и вновь—и все-таки видитъ себя сидящимъ въ дорожномъ дормезѣ на узкомъ переднемъ мѣстѣ.... На заднихъ покойныхъ мѣстахъ сидятъ Марья Николаевна (и Ипполитъ Сидорычъ—четверня лошадей несется дружной рысью по мостовой Висбадена—въ Парижъ! въ Парижъ! Ипполитъ Сидорычъ кушаетъ грушу, которую онъ, Санинъ, ему очистилъ, а Марья Николаевна глядитъ на него—и усмѣхается тою, ему, закрѣпощенному человѣку, уже знакомой усмѣшкой—усмѣшкой собственника, владыки....

Но Боже мой! вонъ тамъ, на углу улицы, недалеко отъ выѣзда изъ города—не Панталеоне ли стоитъ опять—и кто съ нимъ? Неужели Эмилио? Да, это онъ, тотъ восторженный, преданный мальчикъ! Давно ли его юное сердце благоговѣло передъ своимъ героемъ, идеаломъ—а теперь его блѣдное, красивое—до того красивое лицо, что Марья Николаевна его замѣтила и высунулась въ окошко кареты—это благородное лицо пышетъ злобой и презрѣніемъ; глаза, столь похожія на *тѣ* глаза!—впиваются въ Санина, и губы сжимаются.... и раскрываются вдругъ для обиды....

А Панталеоне протягивает руку и указывает на Санина— кому? стоявшему возлѣ Тартальѣ, и Тартальѣ лаетъ на Санина— и самый лай честнаго пса звучитъ невыносимымъ оскорбленіемъ... Безобразно!

А тамъ—жизнь въ Парижѣ—и всѣ униженія, всѣ гадкія муки раба, которому не позволено ни ревновать, ни жаловаться и котораго бросаютъ, наконецъ, какъ изношенную одежду....

Потомъ—возвращеніе на родину, отравленная, опустошенная жизнь, мелкая возня, мелкія хлопоты, раскаяніе горькое и бесплодное—и столь же бесплодное и горькое забвеніе—наказаніе не явное, но ежеминутное и постоянное, какъ незначительная, но неизлечимая боль, уплата по копейкѣ долга, котораго и сосчитать нельзя....

Чаша переполнилась — довольно!

Какимъ образомъ уцѣлѣлъ крестикъ, данный Санину Джеммой, почему не возвратилъ онъ его, какъ случилось, что до того дня онъ ни разу на него не натывался? Долго, долго сидѣлъ онъ въ раздумьи—и уже наученный опытомъ, черезъ столько лѣтъ—все не въ силахъ былъ понять, какъ могъ онъ покинуть Джемму, столь нѣжно и страстно имъ любимую—для женщины, которую онъ и не любилъ вовсе?... На слѣдующій день онъ удивилъ всѣхъ своихъ пріятелей и знакомыхъ: онъ объявилъ имъ, что уѣзжаетъ за границу. Недоумѣніе распространилось въ обществѣ. Санинъ повидалъ Петербургъ, среди бѣлой зимы, только—что нанявши и обмѣлировавши отличную квартиру, даже абонировавшись на представленія итальянской оперы, въ которой участвовала сама г-жа Патти—сама, сама, сама г-жа Патти! Пріятели и знакомые недоумѣвали; но людямъ вообще не свойственно долго заниматься чужими дѣлами, и когда Санинъ отправился за границу—его на станцію желѣзной дороги пріѣхалъ провожать одинъ французъ портной—и то въ надеждѣ получить недоплаченный счетецъ—*«pour un saute-en-barque en velours noir, tout à fait chic»*.

XLIV.

Санинъ сказалъ своимъ друзьямъ, что уѣзжаетъ за границу — но не сказалъ, куда именно: читатели легко догадаются, что онъ покатилъ прямо во Франкфуртъ. Благодаря повсемѣстно-распространеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, онъ на четвертый день послѣ выѣзда изъ Петербурга былъ уже тамъ. Онъ не носѣщалъ его съ самаго 1840-го года. Гостинница «Бѣлаго Лебедя» стояла на прежнемъ мѣстѣ и процвѣтала, хотя уже не считалась первоклассной; Цейль, главная улица Франкфурта, мало измѣнилась, но не только отъ дома г-жи Розелли — отъ самой улицы, гдѣ находилась ея кондитерская — не осталось ни слѣда. Санинъ бродилъ, какъ ошалѣлый, по мѣстамъ, когда-то столь знакомымъ — и ничего не узнавалъ: прежнія постройки исчезли; ихъ замѣнили новыя улицы, уставленные громадными, сплошными домами, изящными виллами; даже публичный садъ, гдѣ происходило его послѣднее объясненіе съ Джеммой — разросся и перемѣнился до того, что Санинъ себя спрашивалъ — полно тотъ ли это садъ? Что было ему дѣлать? Какъ и гдѣ наводить справки? Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ... Легкое ли дѣло! Къ кому онъ ни обращался — никто даже имени Розелли не слыхивалъ; хозяинъ гостинницы совѣтовалъ ему справиться въ публичной библіотекѣ: тамъ онъ-дескать найдетъ всѣ старыя газеты, но какую онъ изъ этого извлечетъ пользу — хозяинъ самъ объяснить не умѣлъ. Санинъ, съ отчаянья, освѣдомился о г-нѣ Клюбербѣ. Это имя было хорошо извѣстно хозяину — но и тутъ вышла неудача. Изящный комми, прогремѣвъ и возвысившись до званія капиталиста — проторговался, обанерутился — и умеръ въ тюрьмѣ... Это извѣстіе не причинило впрочемъ Санину ни малѣйшаго огорченія. Онъ начиналъ уже находить свое путешествіе нѣсколько необдуманнѣе... Но вотъ однажды, перелистывая франкфуртскій адрессъ-календарь, онъ наткнулся на имя фонъ-Дѣнгофа, маіора въ отставкѣ (Major a. D.). Онъ немедленно взялъ карету и поѣхалъ къ нему — хотя почему *этотъ* Дѣнгофъ долженъ былъ непременно быть *тѣмъ* Дѣнгофомъ, и почему даже *тотъ* Дѣнгофъ могъ сообщить ему какія-либо свѣдѣнія о семействѣ Розелли? Все равно: утопающій за соломинку хватается.

Санинъ засталъ отставного маіора фонъ-Дѣнгофа дома — и въ принявшемъ его, посѣдѣломъ господинѣ — немедленно узналъ своего бывшего противника. И тотъ его узналъ и даже обрадо-

бался его появленію: оно напомнило ему молодость—и молодыя проказы. Санинъ услышалъ отъ него, что семейство Розелли давнымъ-давно переселилось въ Америку, въ Нью-Йоркъ; что Джемма вышла замужъ за негоціанта; что впрочемъ у него, Дѣнгофа, есть знакомый, тоже негоціантъ, которому вѣроятно извѣстенъ адресъ ея мужа, такъ какъ у него много дѣлъ съ Америкой. Санинъ упросилъ Дѣнгофа сходить къ этому знакомому—и—о радость!—Дѣнгофъ принесъ ему адресъ Джеммина мужа, г-на Іереміи Словома—М-г J. Slocum, New-York, Broadway № 501.—Только адресъ этотъ относился къ 1863-му году.

—Будемъ надѣяться, воскликнулъ Дѣнгофъ, что наша бывшая франкфуртская красавица еще жива и не покинула Нью-Йорка! Кстати, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, а что та русская дама, что, помните, гостила тогда въ Висбаденѣ—г-жа фонъ-Бо... фонъ-Бозолѣфъ—еще жива?

—Нѣтъ, отвѣчалъ Санинъ; она давно умерла.

Дѣнгофъ поднялъ глаза—но, замѣтивъ, что Санинъ отвернулся и нахмурился—не прибавилъ ни слова—и удалился.

Въ тотъ же день Санинъ послалъ письмо къ г-жѣ Джеммѣ Словома въ Нью-Йоркъ. Въ этомъ письмѣ онъ говорилъ ей, что пишетъ къ ней изъ Франкфурта, куда пріѣхалъ единственно для того, чтобы отыскать ея слѣды; что онъ очень хорошо сознаетъ, до какой степени онъ лишенъ малѣйшаго права на то, чтобы она ему отозвалась; что онъ ничѣмъ не заслужилъ ея прощенія—и надѣется только на то, что она, среди счастливой обстановки, въ которой находится, давно позабыла о самомъ его существованіи. Онъ прибавлялъ, что рѣшился напомнить ей о себѣ, вслѣдствіе случайнаго обстоятельства, которое слишкомъ живо возбудило въ немъ образы прошедшаго; рассказалъ ей свою жизнь одинокую, безсемейную, безрадостную; заклиналъ ее понять причины, побудившія его обратиться къ ней, не дать ему унести въ могилу горестное сознаніе своей вины—давно выстраданной, но не прощенной—и порадовать его хотя самой краткой вѣсточкой о томъ, какъ ей живется въ этомъ новомъ мірѣ, куда она удалась. «Написавъ мнѣ хоть одно слово,—такъ кончалъ Санинъ свое письмо,—вы сдѣлаете доброе дѣло, достойное вашей прекрасной души—и я буду благодарить васъ до послѣдняго моего дыханія. Я остановился здѣсь въ гостиницѣ *Блано Лебеда* (эти слова онъ подчеркнулъ) и буду ждать, ждать до весны—вашего отвѣта».

Онъ отправилъ это письмо — и принялся ждать. Цѣлыхъ шесть недѣль прожилъ онъ въ гостинницѣ, почти не выходя изъ комнаты — и рѣшительно никого не видя. Никто не могъ написать къ нему ни изъ Россіи, ни откуда; и это было ему по сердцу; приди на его имя письмо—онъ уже знаетъ, что оно то, котораго онъ ждетъ. Онъ читалъ съ утра до вечера—и не журналы, а серьезныя книги, историческія сочиненія. Эти продолжительныя чтенія, это безмолвіе, это улиткообразное, скрытое житіе—все это пришлось какъ разъ подъ ладъ его душевнаго строя: ужъ за это за одно спасибо Джеммъ! Но жива ли она? Отвѣтитъ ли она?

Наконецъ пришло письмо—съ американской почтовой маркой—изъ Нью-Йорка на его имя. Почеркъ адреса на оберткѣ былъ англійскій... Онъ не узналъ его — и сердце въ немъ сжалось. Не разомъ рѣшился онъ надломить пакетъ. Онъ глянулъ на подпись: Джемма! Слезы такъ и брызнули изъ его глазъ: одно то, что она подписалась своимъ именемъ, безъ фамиліи—служило ему залогомъ примиренія, прощенія! Онъ развернулъ тонкій листъ синей почтовой бумаги—фотографія выскользнула оттуда. Онъ поспѣшно ее поднялъ—и такъ и обомлѣлъ: Джемма, живая Джемма, молодая, какою онъ ее зналъ, тридцать лѣтъ тому назадъ! Тѣ же глаза, тѣ же губы, тотъ же типъ всего лица! На обратной сторонѣ фотографіи стояло: «дочь моя, Маріанна». Все письмо было очень ласково и просто. Джемма благодарила Санина за то, что онъ не усомнился обратиться къ ней, что онъ имѣлъ къ ней довѣріе; не скрывала отъ него и того, что она точно, послѣ его бѣгства, пережила тяжелыя мгновенія, но тутъ же прибавляла, что все-таки считаетъ—и всегда считала — свою встрѣчу съ нимъ за счастье — такъ какъ эта встрѣча помѣшала ей сдѣлаться женою г-на Клюбера — и такимъ образомъ, хотя косвенно, но была причиной ея брака съ теперешнимъ ея мужемъ, съ которымъ она живетъ вотъ уже двадцать-восьмой годъ совершенно счастливо, въ довольствѣ и изобиліи: домъ ихъ извѣстенъ всему Нью-Йорку. Джемма извѣщала Санина, что у ней пять человѣкъ дѣтей—четыре сына и одна, восемнадцатилѣтняя дочь, невѣста, фотографію которой она ему посылаетъ—такъ какъ она, по общему сужденію, весьма похожа на свою мать. Печальныя вѣсти Джемма приберегла къ концу письма. Фрау Леноре скончалась въ Нью-Йоркѣ, куда она послѣдовала за дочерью и затемъ—однако успѣла порадоваться счастью своихъ дѣтей, помянуть внучатъ; Панталеоне тоже собирался въ Америку, но умеръ передъ самымъ отъѣздомъ изъ Франкфурта. «А Эмилию, нашъ милый, несравненный Эмилию—

погибъ славной смертью за свободу родины въ Сициліи, куда онъ отправился въ числѣ тѣхъ «Тысячи», которыми предводительствовалъ великій Гарибальди; мы всѣ горячо оплакали кончину нашего безцѣннаго брата—но и проливая слезы, мы гордились имъ—и вѣчно будемъ имъ гордиться и свято чтить его память! Его высокая, безкорыстная душа была достойна мученическаго вѣнца!» Потомъ Джемма изъясняла свое сожалѣніе о томъ, что жизнь Санина, повидимому—такъ дурно сложилась, желала ему прежде всего успокоенія и душевной тишины, и говорила, что была бы рада свидѣться съ нимъ—хотя и сознаетъ, какъ мало вѣроятно подобное свиданье...

Не беремся описывать чувства, испытанныя Санинимъ при чтеніи этого письма. Подобнымъ чувствамъ нѣтъ удовлетворительнаго выраженія: онѣ глубже и сильнѣе—и неопредѣленнѣе всякаго слова. Музыка одна могла бы ихъ передать.

Санинъ отвѣчалъ тотчасъ—и въ подарокъ невѣстѣ, послалъ «Маріаннѣ Слокомъ отъ неизвѣстнаго друга»—гранатовый крестикъ, обдѣланный въ великолѣпное, жемчужное ожерелье. Подарокъ этотъ, хотя весьма цѣнный, не разорилъ его: въ теченіи тридцати лѣтъ, протевшихъ со времени его перваго пребыванія во Франкфуртѣ, онъ успѣлъ нажить значительное состояніе. Въ первыхъ числахъ мая онъ вернулся въ Петербургъ—но едва ли на долго. Слышно, что онъ продаетъ всѣ свои имѣнія—и собирается въ Америку.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

Баденъ-Баденъ.
1871.

ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГІИ

Посвящается памяти Т. Н. Грановскаго.

I.

Практическое направленіе нашего времени не удовлетворяетъ людей.—Упадокъ индивидуальнаго начала и нравственной личности.—Эти явленія ошибочно приписываются естественнымъ наукамъ.—Необходимость изслѣдовать психическія явленія при помощи положительнаго метода.

Уже давно всѣми повторяется, что наше время есть по преимуществу положительное и критическое. Каждый спѣшитъ, какъ можно скорѣе, распротиться съ идеальными стремленіями и требованіями и приспособиться къ какому-нибудь практическому дѣлу. Новѣйшія поколѣнія едва знакомы съ идеализмомъ, да и то больше по одному имени.

То же самое видимъ и въ наукѣ. И ей наскучило витать въ идеалахъ, уходить въ отвлеченности. Почва реальныхъ фактовъ кажется ей надежнѣй; на этой почвѣ труднѣй сбиться съ пути, легче найтись; на ней удобнѣе достигаются результаты труда и исканій; къ тому же они ближе къ дѣлу, осязательнѣй, полнѣй и примѣнимѣй. Не зарываясь въ глубь, въ поискахъ за общими началами, къ которымъ сводится разнообразіе реальныхъ явленій, наука отдалась всецѣло изученію положительныхъ данныхъ, и блистательные результаты, полученные вслѣдствіе того по всѣмъ отраслямъ знанія, съ очевидностью доказали, какъ вѣрно избранъ путь и сколько предстояло на немъ дѣла. Факты,

переработанные и рассмотрѣнные со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, получили новый видъ; реальная почва науки, узнанная полнѣе, точнѣе и лучше, переродилась на нашей памяти; съ тѣмъ вмѣстѣ расширился и просвѣтлѣлъ кругозоръ науки. Сколько отъ этого выиграли полезныя, прикладныя знанія, а чрезъ нихъ практическая, ежедневная жизнь, — объ этомъ и говорить нечего: безчисленные тому доказательства у каждаго передъ глазами. Очень повѣстно, почему современные люди самодовольно, свысока смотрятъ на доброе старое время, когда ихъ недавнїе предки жили идеалами, вращались въ отвлеченностяхъ и на нихъ преимущественно сосредоточивали свои умственные силы и нравственные интересы. Между прежними, скромными зачатками знанія и тѣми неистощимыми научными средствами, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, разница громадная! Едва вѣрится, что между тогдашними людьми и теперешними прошли не вѣка, а одно-два поколѣнія.

А между тѣмъ, несмотря на эти успѣхи и на кипучую практическую дѣятельность, какой-то червь точитъ душу современнаго человѣка. При умственномъ богатствѣ, онъ чувствуетъ нравственную пустоту, ему не по себѣ. Теперешнее недовольство человѣка собою и окружающимъ — не прежнее, сознательное, дѣятельное и энергическое, которое отчетливо формулировало зло и средства какъ его исправить. Современный человѣкъ исполненъ сомнѣнія и раздумья; онъ скучаетъ, самъ хорошенько не зная отъ чего; не вѣря въ возможность выхода изъ такого состоянія, онъ старается развлечься и забыться. Утонченная испорченность, отсутствіе идеаловъ, равнодушіе къ добру и злу и нравственнымъ благамъ, предпочтеніе внѣшнихъ мотивовъ внутреннимъ, безразборчивый реализмъ, — всѣ эти черты давно уже служатъ характеристикой теперешняго общества и составляютъ обычную тему различныхъ нападокъ на современность.

Откуда это тоскливое, бесплодное недовольство, гдѣ источники усиливающагося нравственнаго растлѣнія? Въ двухъ словахъ не разрѣшить этихъ вопросовъ; но съ перваго же взгляда бросается въ глаза, что личная, индивидуальная жизнь какъ-то поблекла, что лицо утратило свое нравственное достоинство и безотносительную цѣну, что оно стало какой-то безразличной единицей въ общемъ итогѣ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ силъ, на которомъ теперь сосредоточено все вниманіе и весь интересъ. Весь интересъ мысли перенесенъ въ наше время съ индивидуальности на общество; лицо отодвинуто съ перваго плана на послѣдній, не вѣрять въ себя, само смотреть на себя только какъ на зависимую часть цѣлаго, мѣрять

себя только тою мѣркою, какую даетъ общественная жизнь и дѣятельность. Человѣкъ въ собственныхъ глазахъ ничего, самъ по себѣ, не стоитъ; для его внутренней жизни и дѣятельности нѣтъ самостоятельнаго критерія, потому что эта жизнь и эта дѣятельность, независимо отъ общественной среды, ни во что не цѣнятся. И какъ безсодержательна, блѣдна, неинтересна внутренняя жизнь современнаго человѣка! Въ ней нѣтъ больше сюжета ни для трагедіи, ни для драмы; скоро, вѣроятно, не будетъ — даже и для водевиля!

Приниженіе, уменіе нравственнаго характера лица, его возрастающее ничтожество идутъ рука объ руку съ современными воззрѣніями, и нѣтъ сомнѣній, что между тѣмъ и другимъ существуетъ тѣсная связь и взаимодѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно замѣтить, что характеръ и направленіе современныхъ воззрѣній не только выражаютъ ничтожество лица, но и возводятъ его въ принципъ, въ теорію. Уважемъ въ подтвержденіе этой мысли на нѣкоторые, наиболѣе выдающіеся факты.

Нравственный характеръ и достоинство лица немислимы безъ твердыхъ, непреложныхъ нравственныхъ правилъ или началъ; безъ нихъ человѣкъ дѣлается игрушкой обстоятельствъ и случайностей и перестаетъ что-нибудь значить въ смыслѣ нравственной личности. Но такія начала или правила даетъ, кромѣ религіи, только философія, каково бы ни было ея направленіе и ея выводы. Предпосылка всякой философской системы есть безусловная истина, а живой, глубокий интересъ всякаго философскаго ученія состоитъ въ опредѣленіи какъ человѣкъ къ ней относится.

Что же мы видимъ въ наше время? Философія въ полномъ упадкѣ. Ею пренебрегаютъ, надъ ней глумятся. Она рѣшительно никому не нужна. Нѣкоторые утѣшаютъ себя тѣмъ, что это направленіе умовъ пройдетъ, что философія снова войдетъ въ честь, когда положительныя науки вполне выработаются. Трудно предсказывать будущее, но судя по признакамъ, мало на это надежды. Всего хуже то, что мы теперь видимъ не борьбу противъ той или другой философской доктрины, а совершенное равнодушіе къ самой философіи. Недостаточность положительнаго знанія никогда не мѣшала живому интересу къ философскимъ вопросамъ. Когда же люди знали столько, сколько теперь? однако философія процвѣтала и въ древнемъ и въ новомъ мірѣ; теперь же никто не даетъ себѣ даже труда ее опровергать или доказывать несостоятельность и вообще невозможность философской точки зрѣнія вообще. Философія до сихъ поръ не опровергнута въ своихъ началахъ, а просто отброшена, какъ не-

нужная вещь. Упадокъ ея не есть научный выводъ, а признакъ глубокой переменъ въ направленіи и строѣ мыслей.

Въ такой же опалѣ, какъ философія, находится и единственное ея орудіе, — умозрѣніе. Мы систематически пренебрегаемъ умозрѣніемъ, питаемъ въ нему полное недоверіе. Умозрѣніе въ наши дни чуть-чуть не бранное слово. Чтобы лишить какой-нибудь выводъ всякаго доверія, возбудить противъ него всевозможныя предубѣжденія, стоитъ только назвать его умозрительнымъ, — и дѣло сдѣлано, цѣль достигнута.

Отчего же это? Казалось бы, что-жъ такого подозрительнаго въ умозрѣніи? Оно — одинъ изъ способовъ узнавать неизвѣстное, когда положительное изслѣдованіе фактовъ становится невозможнымъ, потому ли что ихъ недостаетъ, или потому, что они недоступны для изслѣдованія. Всякой выводъ и заключеніе, всякая гипотеза и наведеніе (индукція) есть умозрѣніе. Даже дважды два четыре есть умозрѣніе, потому что мы выдаемъ этотъ выводъ за аксіому, не провѣривъ результатовъ всѣхъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ случаевъ помноженія двухъ на два. По той же причинѣ умозрительными надо признать и положеніе, что человѣкъ смертенъ, и теоріи свѣта, и гипотезы образованія земли, и Дарвинову теорію происхожденія видовъ. Безъ умозрѣнія шагу нельзя ступить, даже въ естественныхъ наукахъ; но оно, разумѣется, можетъ быть правильно, или ошибочно и ложно, смотря по тому, противурѣчить ли фактамъ, которые должно объяснить, или согласно съ ними и на нихъ основано. Вообще, всякая теорія по существу своему умозрительна, ибо опредѣляетъ начала, причины цѣлаго ряда явленій, подлежащія внѣшнимъ чувствамъ, а слѣд., и фактическому изслѣдованію. Вся сила въ томъ, соответствуетъ ли умозрѣніе фактамъ или нѣтъ, и потому слѣдовало бы отвергать только такое или другое примѣненіе умозрѣнія, а не само умозрѣніе, въ принципѣ. Мы же поступаемъ иначе. Въ области наукъ естественныхъ и такъ-называемыхъ положительныхъ мы допускаемъ самое широкое примѣненіе умозрѣнія; но какъ только дѣло коснется нравственныхъ условій и двигателей индивидуальной, личной жизни и дѣятельности, мы безусловно отвергаемъ умозрѣніе. Почему бы, казалось, не допустить полной равноправности фактовъ психическихъ съ реальными, и одинаковое примѣненіе къ тѣмъ и другимъ одинаковыхъ научныхъ приѣмовъ? Отвѣтъ заключается въ цѣломъ строѣ современной мысли. Отвергая умозрѣніе, мы, большею частью безсознательно, отрицаемъ собственно не его, а цѣлый рядъ психическихъ фактовъ, на которыхъ держится индивидуальная жизнь. Предубѣжденія наши, съ виду направлен-

ныя противъ пустыхъ фантазій и злоупотребленій отвлеченной мысли, противурѣчащей фактамъ, на самомъ дѣлѣ относятся не къ нимъ, а къ психической жизни. Нечего удивляться, что мы съ неподражаемымъ искусствомъ, съ удивительною тонкостью изслѣдуемъ не одну природу, но и произведенія умственной и нравственной жизни и дѣятельности человѣка, — вѣрованія и культы, художественныя созданія, языкъ, политическую и гражданскую жизнь, развитіе науки и философіи, — въ прошедшемъ и настоящемъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ; а то, что произвело эти явленія и факты, именно сама психическая жизнь человѣка, остается въ тѣни, или объясняется исключительно одними матеріальными фактами. Въ видѣ опроверженія намъ укажутъ на тысячи изслѣдованій, посвященныхъ изслѣдованію психическихъ явленій. Но эти превосходные, образцовые въ своемъ родѣ труды, не опровергаютъ, а напротивъ подтверждаютъ нашу мысль. Всѣ психологическія изслѣдованія нашего времени, имѣющія научное достоинство, ограничиваются разъясненіемъ фізіологическихъ условій психической жизни. Устройство и отправленія органовъ внѣшнихъ чувствъ, фізическія ощущенія тѣла, доходящія до сознанія помимо органовъ внѣшнихъ чувствъ, устройство и отправленія нервной и мозговой системъ, — вотъ что въ наше время исключительно занимаетъ изслѣдователей. Ученныя заслуги ихъ бесспорны. Они готовятъ богатый матеріалъ для психологіи, но назвать ихъ изслѣдователями психической жизни нельзя. Мозгъ и нервы составляютъ только ея фізическое условіе; внѣшнія впечатлѣнія и внутреннія ощущенія тѣла только возбуждаютъ психическую дѣятельность; но въ чемъ состоитъ эта жизнь, какіе законы этой дѣятельности — вотъ чѣмъ современная наука мало интересуется, тогда какъ для психологіи имѣетъ величайшую важность не фізіологическая сторона психическихъ отправленій, сама по себѣ, а соотвѣтствіе между фізіологическими и психическими явленіями. Такое соотвѣтствіе несомнѣнно существуетъ, и современемъ наука конечно его откроетъ и объяснитъ. Но для этого необходимо изученіе не однихъ фізіологическихъ, а также и психическихъ фактовъ; къ сожалѣнію, на послѣдніе теперь мало обращаютъ вниманія. Какъ мы уже замѣтили, обыкновенная тема и предположеніе всѣхъ психологическихъ работъ нашего времени состоитъ въ объясненіи психическихъ явленій изъ дѣятельности нервовъ и мозга. Такое направленіе отрицаетъ психологію въ принципѣ. Будь однажды выяснено и доказано, что всѣ умственные и нравственные явленія не что иное, какъ необходимыя, произвольныя послѣдствія фізіологической жизни и дѣятельности,

психологія становится невозможною, потому что психическая жизнь окажется простымъ послѣдствіемъ фізіологическихъ условій; а если психическія явленія лишь произведеніе, результатъ фізіологической дѣятельности, то они, очевидно, не имѣютъ и не могутъ имѣть самостоятельнаго значенія, и фізіологія должна вытѣснить психологію. Таковой взглядъ уже не одинъ разъ высказывался и показываетъ, что психологія, несмотря на множество превосходныхъ критическихъ работъ, находится въ полномъ разложеніи и упадкѣ.

Такъ, современныя воззрѣнія и требованія нравственной личности расходятся и взаимно исключаютъ другъ друга. Мы это мало замѣчаемъ потому только, что не отдаемъ себѣ яснаго отчета какъ противоположны между собою задачи, стремленія, цѣли, начала и предпосылки тѣхъ и другихъ.

Нравственный характеръ, нравственное развитіе лица невозможно, немислимы безъ свободы воли, т.-е. безъ возможности, по усмотрѣнію и произволу, выбрать тотъ или другой путь, склониться на то или другое дѣйствіе, дать своей дѣятельности то или другое направленіе. Внѣшнія обстоятельства могутъ способствовать или мѣшать исполненію тѣхъ или другихъ нашихъ рѣшеній; отсюда борьба, какъ постоянный законъ нравственной личности. Мы боремся съ окружающею природою, вообще съ обстановкою, съ самими собою, чтобъ достигнуть своихъ цѣлей, исполнить свои намѣренія, задачи, создать въ себѣ и вокругъ себя среду, соответствующую нашимъ желаніямъ и помысламъ. Вотъ почва, на которой вырастаетъ и развивается нравственная личность. Отнимите у нея убѣжденіе въ томъ, что она вольна думать и поступать такъ или иначе, лишите ее увѣренности въ томъ, что есть неизбѣжныя начала и истины, добро и зло, правда и неправда, изъ которыхъ одни должны служить ей руководствомъ и правиломъ, а отъ другихъ она должна воздерживаться и отвращаться, — и нравственный характеръ личности будетъ подрѣзанъ въ самомъ корнѣ. Если нѣтъ непреложныхъ началъ, то слѣдуетъ примѣняться къ обстоятельствамъ, не думая ни о какихъ руководящихъ нравственныхъ принципахъ, плыть по теченію, не обременяя себя безполезной, ни къ чему не ведущей борьбой. Если нѣтъ свободной воли, то и подавно нечего думать о борьбѣ. Ее и представить себѣ нельзя, разъ что нѣтъ выбора, и каждое наше дѣйствіе и помыселъ роковымъ образомъ опредѣляются данными обстоятельствами и условіями.

Еслибъ можно было, хоть на одну минуту, представить себѣ человѣка безъ убѣжденій и воли, то образцомъ и идеаломъ его

должны бы сдѣлаться предметы неорганической природы, которыхъ жизнь и дѣятельность обнаруживается лишь въ произвольной и бессознательной реакціи противъ дѣйствія на нихъ окружающаго міра. Всѣ органическія существа, не исключая и растений, были бы уже сравнительно выше. Но ходячія современныя философскія воззрѣнія возводятъ отсутствіе руководящихъ началъ и свободной воли въ теорію. Они оставляютъ въ сторонѣ вопросы объ истинѣ и вращаются исключительно въ кругѣ фактовъ относительныхъ, обусловленныхъ извѣстными обстоятельствами. Дѣятельность человѣка обсуждается ими не съ точки зрѣнія добра или зла, правды или неправды, а исключительно только со стороны ея цѣлесообразности; наконецъ, они не оставляютъ мѣста для свободы воли, въ каждомъ психическомъ явленіи видятъ роковое, неизбежное произведеніе обстоятельствъ, которыя такъ сложились, что данное психическое явленіе стало неминуемымъ и не могло не совершиться. Съ виду, такой взглядъ есть строго-научный; но вглядываясь ближе, нельзя не замѣтить, что онъ цѣликомъ переноситъ на психическую жизнь выводы и приемы реальныхъ наукъ и силится пригнать ее по этому готовому лекалу. Вращаясь въ кругѣ реальныхъ явленій и совершившихся внѣшнихъ фактовъ, такъ-называемыя положительныя науки имѣютъ задачею, во-первыхъ, установить эти явленія и факты въ ихъ реальной дѣйствительности или правдѣ, каковы они въ самомъ дѣлѣ есть или были, а за тѣмъ открыть ихъ законъ, т.-е. опредѣлить всѣ обстоятельства и условія, которыя сдѣлали эти явленія и факты необходимыми, неизбежными. Когда эти двѣ операціи совершены, дѣло науки кончается; явленіе, фактъ объяснены научнымъ образомъ. Имѣя такую задачу, реальныя науки, разумѣется, и не думаютъ задаваться безотносительнымъ мѣриломъ; онѣ имѣютъ дѣло только съ относительными истинами и въ безотносительномъ вовсе не нуждаются. Точно также и свобода воли не можетъ быть принята ими въ соображеніе, потому что свобода выбора отвергаетъ въ принципѣ необходимость явленія. Если по усмотрѣнію того, кто дѣйствуетъ, фактъ можетъ совершиться такъ или иначе, и даже вовсе не совершиться, то ясно, что опредѣлить его законанѣтъ возможности; реальныя же науки, какъ мы сказали, имѣютъ задачею опредѣлить законы явленій.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе ошибочнаго примѣненія выводовъ реальныхъ наукъ къ психической жизни, личность и условія ея нравственнаго характера и дѣятельности выпадаютъ изъ господствующихъ современныхъ воззрѣній. Они не могутъ оттого справиться съ лицомъ, съ индивидуальностью и отбрасы-

ваютъ ее. Чѣмъ живетъ индивидуальность, то имъ чуждо. Личность приурочиваетъ все къ себѣ, дѣлаетъ себя центромъ окружающаго міра; реальныя науки, напротивъ, видятъ въ лицахъ лишь единицы, изъ которыхъ слагается итогъ, подлежащій ихъ разсмотрѣнію и объясненію. Итогъ этотъ есть явленіе необходимое, возникающее по опредѣленнымъ законамъ; стало быть, онъ не зависитъ отъ личной дѣятельности, и потому нѣтъ никакой нужды принимать ее въ расчетъ.

Послѣднее заключеніе изъ этой посылки неумолимо выводится фактами и ходомъ вещей въ современной жизни. Личность, какъ нравственный дѣятель, сходить, если уже не сошла, со сцены. Живое чувство истины и лжи, правды и неправды, добра и зла, меркнетъ въ сердцахъ и совѣсти людей, не находя себѣ пищи въ господствующихъ воззрѣніяхъ. Реальная наука и не можетъ дать этого чувства; оно лежитъ внѣ ея задачи. И такъ, личностямъ предстоитъ обратиться постепенно въ безличныя человѣческія единицы, лишеныя въ своемъ нравственномъ существованіи всякой точки опоры и потому легко замѣнимыя однѣ другими. Достоинство и нравственный характеръ лица долженъ опредѣляться одною внѣшнею его жизнью и дѣятельностью, въ качествѣ члена государства, общества или какого-нибудь частнаго союза: ученой или промышленной корпораціи, сословія и т. п.; при оцѣнкѣ человѣка не внутренніе мотивы, а степень выработки для общегита, должны выдвинуться на первый планъ; стало быть, не нравственное настроеніе, а внѣшнія привычки должны сдѣлаться его мѣркою. Словомъ, въ человѣкѣ незамѣтно ступеневывается именно то, что дѣлаетъ его человѣкомъ. Мы больше и больше привыкаемъ смотрѣть на его дѣятельность только съ одной внѣшней стороны, какъ будто бы всѣ его дѣйствія опредѣлялись исключительно одною внѣшнею его обстановкой. Развивая послѣдовательно наши взгляды, мы должны смотрѣть на воспитаніе какъ на дрессировку, опредѣлять наказанія не условіями нравственной природы человѣка, а по однимъ соображеніямъ общественной пользы. Искусства и даже знаніе должны, при такомъ взглядѣ, потерять, сами по себѣ, всякую цѣну и измѣряться только степенью ихъ полезности или безполезности для общества, и т. д.

Каждому не разъ случалось выслушивать подобные взгляды. Пока условія индивидуальной жизни, нравственные элементы личности, будутъ оставаться въ теперешнемъ пренебреженіи, до тѣхъ поръ эти взгляды будутъ все глубже проникать въ большинство образованныхъ людей. Результаты уже у насъ передъ глазами. Въ цѣлой исторіи нельзя указать эпохи, когда бы больше

дѣлалось для удовлетворенія разнообразѣйшихъ потребностей человѣка, какъ въ наше время, а онъ какъ будто все менѣе и менѣе становится способенъ пользоваться этими благами. Дерево цвѣтетъ, а корни его какъ будто подсыхаютъ; того и гляди, начнетъ сохнуть и самое дерево. Мы уже больше не боимся вторженія дикихъ ордъ; но варварство подкрадывается къ намъ въ нашемъ нравственномъ растлѣннѣ, за которымъ по пятамъ идетъ умственная немощь. Люди обратились бы въ злѣйшихъ изъ хищныхъ звѣрей, еслибъ современные взгляды, какъ думаютъ многіе, дѣйствительно выражали собою послѣднее слово науки, а не были, какъ мы убѣждены, ошибочнымъ, неумѣлымъ ея примѣненіемъ къ психической жизни.

Тѣ, которые не даютъ себѣ труда поглубже обсудить дѣло, взваливаютъ всю вину такихъ выводовъ на естественныя науки и въ нихъ однихъ видятъ корень зла. Но ужъ если науки въ этомъ виноваты, то почему же именно одни естественныя? Методъ положительнаго знанія одинъ; только примѣненія его, смотря по предмету изслѣдованія, могутъ и должны быть различны. Слѣдовательно, если винить науку, то ужъ винить всю вообще, а не какую-нибудь одну ея отрасль. Болѣе послѣдовательные такъ и дѣлаютъ, смѣло бросая перчатку знанію вообще и приписывая ему всѣ тѣ прискорбныя явленія, которыя вытекаютъ изъ разслабленія и скудости нравственной жизни. Но здѣсь геркулесовы столбы, за которыми идти больше некуда, и немногіе ихъ достигаютъ.

При совершенной невозможности принять современные взгляды со всѣми ихъ послѣдствіями, или отвергнуть науку, остается искать какого-нибудь другого выхода. Онъ представится самъ собою, если мы припомнимъ, что теперешняя положительная наука, трезвая, строгая, осторожная въ своихъ выводахъ, богатая добытыми результатами и умудренная ошибками, которыя сама же и разоблачила, — что такая наука не можетъ имѣть и дѣйствительно не имѣетъ ничего общаго съ нашими обиходными взглядами. Послѣдніе — запоздалый отголосокъ великой борьбы за свободу мысли и знанія противъ окаменѣлаго преданія и мертвой схоластики, лежавшихъ невыносимымъ бременемъ на совѣсти людей, но выдававшихъ себя за поборниковъ духовнаго міра и вѣчныхъ идеальныхъ истинъ; эти взгляды, — непродуманный наборъ кое-какихъ выводовъ современной науки, сшитыхъ на живую нитку по давно изношенной апріорной методѣ. Положительная наука еще не принималась за объясненіе психическихъ явленій; когда же она ими займется, ея спокойствіе, безпристрастіе, уваженіе къ фактамъ вытѣснить тѣ произволь-

ные приемы и натяжки, то безцеремонное искажение, перетолкование и, смотря по надобности, самое отрицание психических явлений и данных, которое на каждом шагу позволяют себѣ господствующія воззрѣнія. Точное научное изслѣдованіе психической жизни, примѣненіе положительнаго метода къ психическимъ фактамъ разсѣять мракъ, который мѣшаетъ намъ видѣть, и возвратитъ утраченныя въ нашемъ сознаніи права нравственной личности, приниженіе которой такъ тяжело отзывается на современномъ бытѣ и нравахъ.

Такое изслѣдованіе стоитъ на очереди. Имъ пополнится важный пробѣлъ въ наукѣ, которая имъ же и будетъ оправдана отъ взводимыхъ на нее обвиненій; а у ея враговъ отнимется послѣднее оружіе. Наступила давно пора свести заключительный итогъ старымъ счетамъ, незаконченнымъ отъ среднихъ вѣковъ и сдать ихъ въ архивъ.

Эпохи, подобныя теперешней, не разъ уже бывали въ исторіи и каждый разъ обращали мысль на внутренній, психическій міръ. Оно и понятно. Изъ этого міра вытекаютъ, расходясь въ разныя стороны, и положительное знаніе съ его методомъ, и неотразимыя требованія индивидуальнаго начала и нравственной личности. Безъ психической жизни нѣтъ науки, нѣтъ и личности. Знаніе возникаетъ изъ человѣка, въ немъ и для него существуетъ. Внѣшній міръ и его явленія, пройдя чрезъ психическую среду, получаютъ для насъ другой видъ, и только въ этомъ видѣ дѣлаются нашимъ достояніемъ. Итакъ, если изъ насъ выходятъ два различныя направленія, то въ насъ же должна заключаться и причина ихъ различія, которая можетъ быть разъяснена только изученіемъ насъ самихъ, нашей психической жизни. Оттого что мы ее плохо знаемъ и представляемъ себѣ иначе, чѣмъ она есть въ дѣйствительности, разошлись такъ далеко современные воззрѣнія съ требованіями и условіями нравственной личности.

Уже Сократъ искалъ истины въ духѣ, въ самосознаніи. Позднѣе стойки видѣли въ духѣ точку опоры противъ печальнѣйшей дѣйствительности. Они какъ будто предчувствовали искупленіе и обновленіе міра, которое совершилось ученіемъ о тѣхъ сокровищахъ тѣнныхъ и вѣчности духовныхъ сокровищъ сердца. Въ XVII-мъ вѣкѣ, когда выжившая изъ ума схоластика завела умъ въ омутъ нелѣпостей, выходъ былъ найденъ психологическими изслѣдованіями Локка. Въ XVIII-мъ вѣкѣ видимъ то же самое: критическими изслѣдованіями психическихъ процессовъ, Кантъ вывелъ на новую дорогу мысль, запутавшуюся въ философской догматикѣ. Такъ, сбившись съ пути и потерявъ

руководящую нить, человекъ всегда обращался къ самому себѣ и въ изученіи психической жизни искалъ разгадки задачъ, по-видимому неразрѣшимыхъ, которыя тревожили его умъ и совѣсть и дѣлали дальнѣйшее развитіе невозможнымъ. Теперь, когда мысль снова попала въ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго какъ будто нѣтъ выхода, вывести изъ него на свѣтъ божій можетъ опять-таки только психологія.

Мы постараемся показать, въ общихъ и главныхъ чертахъ, въ чемъ можетъ состоять приложеніе пріемовъ строгаго научнаго изслѣдованія къ психическимъ фактамъ.

II.

Предметъ психологіи. — Трудность разграничить психическія явленія отъ матеріальныхъ. — Глубокія внутреннія противурѣчія въ человекѣ. — Изъ нихъ происходитъ монизмъ и дуализмъ. — Идеализмъ и матеріализмъ представляютъ попытки объяснить всѣ явленія изъ одного начала. — Безуспѣшность этихъ попытокъ. — Оба направленія — запоздалые остатки схоластики. — Взгляды и доводы матеріализма не выдерживаютъ критики. — Необходимость признать существованіе особаго самостоятельнаго и самодѣтельнаго психическаго начала.

Каждая положительная наука имѣетъ свой, точно опредѣленный кругъ изслѣдованія. Для психологіи это предстоитъ еще сдѣлать.

По названію, психологія есть наука о душѣ, ея свойствахъ и проявленіяхъ. Но душа тѣсно связана съ тѣломъ и разграничить факты психическіе отъ матеріальныхъ чрезвычайно трудно. Оттого, въ психологіи смѣшиваются разнородныя явленія и она колеблется между философіей и фізіологіей, примыкая то къ той, то къ другой, смотря по эпохѣ и господствующимъ воззрѣніямъ.

Общее сознаніе относитъ къ числу физическихъ, матеріальныхъ предметовъ и явленій тѣ, которые существуютъ или совершаются внѣ насъ и подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ. Такъ какъ человекъ отличаетъ себя отъ своего тѣла, то и оно, со всѣми его явленіями, относится къ тому же разряду внѣшнихъ фактовъ; наоборотъ, явленія и предметы, которые недоступны внѣшнимъ чувствамъ, но совершаются или существуютъ въ нашей душѣ и представляются только нашему сознанію, приписываются душѣ и считаются внутренними, духовными. Таковы наши мысли, убѣжденія, чувства, страсти, желанія, намѣренія, цѣли, вообще всѣ наши, доступныя одному сознанію, внутреннія состоянія и движенія. Они-то и должны быть изслѣдованы въ психологіи.

Но разграничить внѣшніе факты отъ внутреннихъ также трудно, какъ духовные отъ матеріальныхъ.

Во-первыхъ, безчисленныя наблюденія, извѣстныя всѣмъ и каждому, отчасти по собственному опыту, показываютъ, что нашимъ внѣшнимъ чувствамъ представляются, порой очень отчетливо и живо, внѣшніе, реальные предметы и явленія, когда однако, въ дѣйствительности, ихъ на лицо нѣтъ. Таковы видѣнія и галлюцинаціи. И наоборотъ: предметы нравственные, духовные, которые мы считаемъ доступными только для нашего сознанія, какъ будто способны выступать наружу, переходить на внѣшніе предметы, получать какъ-бы внѣшнее существованіе. Въ этомъ видѣ они точно будто подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ. Такъ, наружный видъ человѣка, его движенія, мимика, голосъ и манера говорить, — все это обнаруживаетъ его внутреннія состоянія. Точно также они обнаруживаются и въ созданіяхъ человѣка. Не только письма и условные знаки, не только произведенія искусствъ, науки, но вообще все, что создаетъ человѣкъ, начиная отъ обуви и приготовленной пищи и оканчивая желѣзными дорогами и телеграфами, служить какъ-бы матеріальнымъ воплощеніемъ его чувствъ, мыслей и воли.

Далѣе: въ какому разряду отнести множество разнообразѣйшихъ физическихъ ощущеній? Они не подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ, доступны одному сознанію и потому ихъ надо бы причислить въ разряду внутреннихъ, духовныхъ, нравственныхъ; но это невозможно, потому что они идутъ отъ нашего тѣла, которое мы отличаемъ отъ себя какъ нѣчто внѣшнее и которое подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ.

Наконецъ, когда мы что-нибудь видимъ или слышимъ, вообще когда мы получаемъ впечатлѣніе отъ внѣшнихъ предметовъ и явленій, чрезъ такъ-называемые органы внѣшнихъ чувствъ — зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе или осязаніе — намъ кажется будто мы только принимаемъ въ себя нѣчто, привходящее къ намъ извнѣ, какъ кладемъ въ ротъ пищу; на самомъ же дѣлѣ, это происходитъ совсѣмъ иначе: мы не переносимъ въ себя предмета или явленія, которые видимъ или осязаемъ, въ насъ остается отъ него только впечатлѣніе; а впечатлѣніе зависитъ не отъ одного предмета или явленія, которое его производитъ, но столько же и отъ среды, на которую предметъ или явленіе дѣйствуетъ, которая получаетъ впечатлѣніе. Подойдите къ деревянному дому: на немъ вы себя не увидите, а въ зеркалѣ увидите; взгляните въ воду: она или отчетливо отразитъ ваше лицо, если совершенно спокойна, или отразитъ, но въ искаженномъ видѣ, если колеблется; а если сильно взволнована, то

неотразить вовсе. Каждое впечатлѣніе есть сложный продуктъ двухъ факторовъ: предмета или явленія, производящихъ впечатлѣніе, и среды, которая его принимаетъ, и мы ошибаемся, думая, будто получаемъ чистое, безпримѣсное отраженіе самаго предмета въ нашей душѣ, каковъ онъ есть въ реальной дѣйствительности, самъ по себѣ. Но отсюда слѣдуетъ, что мы имѣемъ дѣло собственно не съ внѣшними предметами и явленіями, а съ впечатлѣніями, которыя они въ насъ производятъ, не съ реальнымъ, внѣшнимъ физическимъ міромъ, а съ внутренними, психическими фактами, которые сознаемъ и которые внѣшнимъ чувствамъ недоступны. Впечатлѣнія какъ-бы стоятъ между нами и внѣшнимъ міромъ и раздѣляютъ его отъ насъ непроницаемой стѣной. Изъ этого нельзя выводить, что внѣшняго міра вовсе не существуетъ, или что наше знаніе о немъ есть мечта и призракъ; ниже мы рассмотримъ такіе выводы и покажемъ, почему они ошибочны; но во всякомъ случаѣ, то чтó намъ кажется внѣшнимъ, на самомъ дѣлѣ оказывается внутреннимъ и не подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ.

Чтó же такое, послѣ сказаннаго, тѣ воплощенія мыслей, чувствъ, внутреннихъ движеній человѣка во внѣшнихъ предметахъ, о которыхъ упомянуто выше? Они столько же, какъ и всякая другая вещь, производятъ въ насъ впечатлѣнія, а мы уже видѣли, что впечатлѣнія — явленія внутреннія, психическія. Созданія человѣка во внѣшнемъ мірѣ суть или символы, условные знаки психическихъ предметовъ и явленій (письмена, ноты, телеграфическіе знаки и т. д.), или такіа сочетанія матеріальныхъ предметовъ и явленій, которыя производятъ въ насъ желаемое внѣшнее впечатлѣніе (картины, статуи, рисунки и т. д.), или, наконецъ, они производятъ во внѣшнемъ, физическомъ мірѣ желаемыя явленія (машины, постройки и т. д.) Выраженіе: воплощеніе мыслей, чувствъ во внѣшнемъ мірѣ — оказывается на повѣрчу очень неточнымъ, метафорическимъ, и только даетъ намъ ошибочное представленіе. Мысль, чувство, желанія не переходятъ вовсе во внѣшній міръ и остаются при насъ, только внѣшніе предметы и явленія располагаются такъ, что удовлетворяютъ потребности человѣка возбудить мысль, чувство или произвести во внѣшнемъ мірѣ явленіе, почему-либо нужное для одного или многихъ лицъ.

Слѣдовательно, мы имѣемъ непосредственно дѣло только съ предметами и явленіями психическаго свойства, внутренними, доступными одному сознанію. Душа въ дѣйствительности гораздо болѣе сосредоточена въ себѣ и отдѣлена отъ внѣшняго міра, чѣмъ мы думаемъ; она не имѣетъ къ окружающему прямого,

непосредственного отношенія, а сносится съ нимъ чрезъ посредство тѣхъ впечатлѣній, которыя отъ него получаетъ, насколько способна ихъ получать, и такими впечатлѣніями возбуждается къ собственной дѣятельности. Этимъ объясняется множество явленій, между прочимъ то, почему человѣкъ съ такимъ неимовернымъ трудомъ и усиліями доходитъ до положительнаго знанія окружающаго міра и безпрестанно, самъ того не сознавая, приписываетъ ему свои понятія, мысли, чувства, намѣренія и цѣли.

Вотъ поправка, которую необходимо сдѣлать въ обыденныхъ представленіяхъ людей объ отношеніи души къ физическому міру, — фактовъ психическихъ, внутреннихъ, къ фактамъ матеріальнымъ, внѣшнимъ. Внѣшнія впечатлѣнія и физическія ощущенія составляютъ границу между психическимъ и внѣшнимъ міромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣляютъ ясно обозначеннымъ рубежомъ психологію отъ всѣхъ прочихъ отраслей знанія. Служа единственными представителями внѣшняго міра, по которымъ люди составляютъ себѣ о немъ представленія и понятія, впечатлѣнія и ощущенія обозначаютъ и предѣлъ, за которымъ начинается индивидуальная психическая жизнь. Поэтому они для насъ, въ одно и то же время, и внѣшняя объективная дѣйствительность и необходимая составная часть психическаго міра. Психическая индивидуальная жизнь и дѣятельность, ея явленія и законы, а вмѣстѣ и впечатлѣнія и физическія ощущенія, насколько они въ нее входятъ, изслѣдуются въ психологій; но какъ внѣшняя, объективная дѣйствительность, они составляютъ предметъ изученія прочихъ отраслей положительнаго знанія и науки.

Впечатлѣнія и физическія ощущенія, по этому своему двойственному характеру, вносятъ глубокое противурѣчіе въ психическую жизнь. Человѣкъ различаетъ ихъ въ самомъ себѣ отъ другихъ психическихъ явленій и фактовъ. Послѣдніе кажутся ему принадлежностью его духовной природы, тогда какъ впечатлѣнія и физическія ощущенія, извнѣ входящія въ душу или возбуждаемыя въ ней, представляются ему чѣмъ-то внѣшнимъ и чуждымъ. Изъ этого внутреннего противурѣчія онъ никакъ не можетъ выбраться, и носитъ его съ собой постоянно и всюду. Онъ считаетъ себя единымъ, цѣльнымъ и въ то же время отличаетъ себя отъ своего тѣла. Внѣшнія впечатлѣнія и прочія психическія явленія дѣйствуютъ на него одинаково, а между тѣмъ они противоположны между собою и потому тянутъ его въ разныя стороны. Онъ имѣетъ власть надъ собой, надъ своими мыслями, чувствами, дѣйствіями и надъ тѣмъ, что кажется ему внѣшнимъ міромъ, въ томъ числѣ и надъ своимъ тѣломъ; но въ

то же время онъ сознаетъ, что они дѣйствуютъ непреложно, роковымъ образомъ, независимо отъ него, и что онъ, напротивъ, кругомъ въ зависимости отъ нихъ.

Люди давно уже замѣтили въ себѣ эти противурѣчія и съ тѣхъ поръ, что родъ человѣческій себя помнитъ, стараются разрѣшить и объяснить ихъ. Исторія вѣрованій и философскихъ воззрѣній представляетъ рядъ послѣдовательныхъ попытокъ такого рода. Ихъ неудовлетворительность или недостаточность были всегдашнимъ, неизсякаемымъ источникомъ новой дѣятельности, новыхъ исканій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ двигателемъ постепенныхъ успѣховъ положительнаго знанія.

Наше время особенно благоприятно для строго-научной разработки вопросовъ и задачъ, представляемыхъ психическою жизнью. Матеріаль, накопленный наблюденіями и опытами, громаденъ; критическіе приемы и методъ изслѣдованій доведены до невиданнаго совершенства; насущныя потребности эпохи, какъ мы видѣли, снова ставятъ психологію на первый планъ. Но несмотря на все это, положительное изслѣдованіе психической жизни и ея явленій медленно и туго подвигается впередъ. Психологія и теперь еще есть сборное мѣсто самыхъ невѣроятныхъ гипотезъ, самыхъ произвольныхъ построеній. Изгнанныя изъ прочихъ отраслей знанія, они пріютились здѣсь, подъ покровомъ приемовъ и методовъ, отъ которыхъ положительная наука давно отказалась, за ихъ совершенную негодность. Можно сказать безъ преувеличенія, что психологія теперь изъ всѣхъ отраслей знанія самая темная и заброшенная. Она завалена соромъ и хламомъ, выметенными изъ другихъ наукъ. Чтобы она могла стать положительной наукой, надо сперва высвободить психическіе факты изъ-подъ толстой напыльной коры, которая мѣшаетъ ихъ разглядѣть какъ слѣдуетъ.

Мы видѣли, что человѣкъ есть живое, воплощенное противурѣчіе. Онъ, въ одно и то же время, сознаетъ и чувствуетъ и свое различіе съ своимъ тѣломъ и окружающей средой, и свое единство съ ними; господство свое надъ своимъ тѣломъ и внѣшней природой и свою зависимость отъ нихъ; свою свободу и власть надъ собою роковой необходимости. Колеблемый сомнѣніями, мучимый противурѣчіями, человѣкъ то признаетъ въ себѣ двойственную природу, то, уступая непобѣдимому требованію единства, которое въ немъ также сильно, какъ и сознаніе двойственности, старается объяснить и согласить противуположность духовнаго и физическаго міра, которую носить въ себѣ, гипотезами, будто внѣшній міръ произошелъ изъ духовнаго или наоборотъ, будто духовный міръ есть видоизмѣненіе матеріальной при-

роды. Какъ же примирить это противурѣчiе? Справедливо можетъ быть одно изъ двухъ: или человѣкъ двойственъ, въ немъ двѣ природы, или природа у него одна. Какая же именно? Дуализмъ, спиритуализмъ и материализмъ составляютъ, въ безчисленныхъ видоизмѣненiяхъ, главное содержанiе и преобладающiй интересъ вѣрованiй и философскихъ ученiй во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, а эти вѣрованiя и ученiя всегда, рано или поздно, разрѣшаются въ болѣе и болѣе тщательное, положительное изученiе человѣческой природы, въ которой лежитъ ключъ ко всѣмъ мировоззрѣнiямъ, несмотря на ихъ разнообразiе.

Не забираясь далеко назадъ, посмотримъ на то, что происходитъ въ наше время. Мы живемъ посреди развалинъ двухъ противоположныхъ философскихъ взглядовъ, выведенныхъ изъ психологическихъ изслѣдованiй Локка и Канта. Ни тотъ, ни другой не были основателями философскихъ системъ, но подали своими трудами поводъ къ образованiю новыхъ философскихъ ученiй, основанныхъ на психическихъ данныхъ. Кантъ объяснилъ, что мы не знаемъ и не можемъ знать сущности материальныхъ предметовъ, что они доступны человѣку только въ своихъ явленiяхъ, такъ сказать только съ внѣшней своей стороны. На этомъ наблюденiи былъ построенъ современный идеализмъ, который думалъ открыть начало единства въ психической природѣ и изъ нея старался вывести и объяснить внѣшнiй, материальный мiръ. Локкъ пришелъ въ своихъ изслѣдованiяхъ къ результату, что врожденныхъ идей въ человѣческой душѣ нѣтъ, что она, сама по себѣ—безразличная среда, которую наполняютъ внѣшнiя и внутреннiя впечатлѣнiя. Изъ этого вывели, что души вовсе нѣтъ, что вся сила и вся суть въ физической сторонѣ человѣка, во внѣшней, материальной природѣ. Идеализмъ, перетолковавшiй и исказившiй глубокiя наблюденiя Канта, быстро развился и быстро утасъ, договорившись, въ ученiи Гегеля, до несообразностей и нелѣпостей, которыя наконецъ открыли всѣмъ глаза на ложность основнаго начала идеалистическихъ воззрѣнiй. Материализмъ, въ свою очередь ошибочно истолковавшiй гениальныя изслѣдованiя Локка, оказался живучѣй. Сначала онъ явился во Францiи въ видѣ философской доктрины, во всеоружii идеализма, но потомъ отбросилъ его формы и въ настоящее время старается примкнуть къ положительному знанiю и естественнымъ наукамъ. Въ этомъ измѣненномъ видѣ, материализмъ лежитъ въ основѣ современныхъ воззрѣнiй на человѣка и человѣческую природу. Его господство объясняется отчасти положительнымъ направленiемъ вѣка и огромнымъ развитiемъ естествознанiя, но еще больше грубыми ошибками идеализма, который потерялъ всякое

довѣріе; большинство же, вездѣ и всегда, судить о взглядахъ не по началамъ, на которыхъ они основаны, а по ихъ дѣйствительнымъ или кажущимся выводамъ.

Оставимъ въ сторонѣ идеализмъ, который теперь брошенъ и забытъ, и займемся современнымъ матеріализмомъ.

Въ самой наивной своей формѣ матеріализмъ просто отвергаетъ психическіе факты, потому что они не имѣютъ никакой реальности. На томъ же основаніи не признается имъ и душа—центръ и источникъ психическихъ явленій.

Ошибочность и странность такого взгляда такъ очевидна, что едва ли стоить его опровергать. Реальнымъ называется то, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ. Очевидно, что психическія явленія не принадлежатъ въ числу реальныхъ. Но развѣ вслѣдствіе того они перестаютъ быть дѣйствительными фактами? Бредъ больного, галлюцинаціи изступленнаго, сонныя видѣнія,—все это несомнѣнные факты. Въ средніе вѣка номиналисты и реалисты спорили о значеніи общихъ понятій; Кантъ различалъ талеръ въ рукѣ отъ понятія (т.-е. представленія) о талерѣ; но ни номиналистамъ, ни Канту въ голову не приходило отвергать дѣйствительность психическихъ явленій. Такой странный взглядъ осязательно опредѣляетъ исходную точку матеріализма. Для него дѣйствительно существуетъ только реальное. Задавшись этою предвзятою мыслью, онъ отвергаетъ все не-реальное. Такой приемъ очень далекъ отъ приемовъ положительныхъ наукъ и точнаго метода, подъ знамя которыхъ матеріализмъ становится, и отзывается схоластикой, противъ которой онъ ратуетъ.

Несостоятельность приведеннаго довода очевидна. Матеріализмъ прибѣгаетъ къ другому. Положимъ, говорятъ матеріалисты, что психическія явленія дѣйствительно существуютъ, но что же изъ этого? Они не имѣютъ никакого значенія, никакого вліянія въ реальномъ мірѣ. Они—царство тѣней, внутреннія, безплотныя, но за то и безсильныя отраженія въ человѣкѣ окружающей дѣйствительности.

Спрашивается: справедливо ли, что психическій міръ остается • безучастнымъ посреди реальныхъ явленій? Многіе психическіе факты дѣйствительно не имѣютъ непосредственнаго значенія въ реальномъ мірѣ, не имѣютъ даже никакого прямого къ нему отношенія; но за то многіе другіе оказываютъ на то, что окружаетъ человѣка и на его тѣло самое очевидное и рѣшительное дѣйствіе.

Мы говорили выше о реальныхъ предметахъ и явленіяхъ, въ которыхъ выражаются, или къ которымъ приурочены мысли, чувства, дѣятельность людей. Эти предметы представляютъ нѣчто

новое, небывалое посреди физической природы, потому что она, сама собою, помимо человека, не творить ничего подобного, или если и творить, то изрѣдка, случайно, вовсе безъ намѣренія придать то значеніе или смыслъ, какой имъ придаетъ человекъ. Почти все, что его окружаетъ, представляетъ внѣшнюю природу не въ ея естественномъ видѣ, а передѣланную, переиначенную, приспособленную къ потребностямъ людей, въ неизвѣстныхъ ей сочетаніяхъ, носящихъ на себѣ живой слѣдъ человеческой дѣятельности. Наша одежда и приготовленная пища, наши дома, дворцы, храмы, наши поля, сады, парки, фабрики и заводы, произведенія наукъ, литературы, искусствъ, художествъ, ремеселъ и промышленности, наши пути сообщенія, суда, крѣпости и оружія, наши прирученныя и акклиматизированныя растенія и животныя, — словомъ, все вокругъ насъ представляетъ комбинаціи физическихъ явленій, неизвѣстныхъ природѣ, пока она свободна отъ вліянія человека. Откуда же это дѣйствіе его на окружающій міръ? Оно — психическаго свойства. Человекъ преслѣдуя свои цѣли, измѣняетъ естественную группировку физическихъ явленій и данныхъ и вводитъ другую, какая ему нужна; онъ заставляетъ внѣшнюю природу производить то, и такимъ образомъ, какъ ему лучше, и достигаетъ этой цѣли, внося въ физическій міръ тѣ перегруппировки естественныхъ условій, которыя сложились въ его мысли, въ наукѣ, вслѣдствіе пристального изученія внѣшняго міра. Человекъ создаетъ при помощи тѣхъ же природныхъ условій, только придавая имъ другой видъ, приводя въ другія сочетанія, которыхъ природа сама собою не даетъ; ихъ указываетъ лишь человеческая мысль, т.-е. именно то, что иные считаютъ неимѣющимъ, во внѣшнемъ мірѣ, никакого значенія.

Далѣе: наше тѣло есть тоже предметъ внѣшней природы, а оно проникнуто психическими вліяніями, ежеминутно представляетъ неопровержимыя доказательства реальной дѣятельности души и ея явленій. Подобно внѣшней природѣ, человекъ выдѣлываетъ и дрессируетъ свое тѣло и каждый изъ своихъ органовъ къ извѣстной работѣ или приему. Пальцы музыканта, ухо аускультатора, руки хирурга, вкусъ гастронома, глазъ архитектора, живописца и т. д. достигаютъ виртуозности, о которой люди и не мечтали, пока настойчивыя, постоянныя, глубоко обдуманная и рассчитанная упражненія не дали наглядныхъ, блистательныхъ результатовъ. Во внѣшнемъ видѣ, привычкахъ, особенно же въ лицѣ выражаются психическія движенія, настроенія и характеръ человека. Слѣдовательно, какъ бы психическая жизнь ни сложилась, но она есть и оказываетъ вліяніе и дѣйствіе на физическій организмъ. Взглядъ и вообще выраженіе глазъ, складъ

губъ, смѣхъ, манера говорить, извѣстныя сокращенія мышцъ, выражающіяся въ складкахъ кожи и морщинахъ на лицѣ, — все это носитъ на себѣ несомнѣнную печать психическихъ движеній, состояній и привычекъ, такъ что по первымъ мы узнаемъ послѣднія.

Потомъ: всякій знаетъ, какъ сильно психическія движенія дѣйствуютъ на наше тѣло. Глубокія огорченія и несчастія производятъ болѣзни, помѣшательство и внезапную или медленную смерть. Удаленіе психическихъ вліяній, вредно дѣйствующихъ на человѣка, рекомендуется врачами, какъ гигиеническая мѣра. На это замѣчаютъ, что психическія движенія и состоянія производятся непосредственными, физическими же ощущеніями, какъ-то угрозами, испугомъ, страхомъ, возбужденіемъ страстей и т. п., которыя физически дѣйствуютъ на нашу мозговую и нервную системы, а чрезъ нихъ уже на весь организмъ. Но не всѣ психическія явленія и состоянія вызываюся одними внѣшними способами, да и самыя эти способы далеко не всегда реальнаго свойства. Грозить можно не только побоями или смертью; страсти возбуждаются не одними физическими желаніями или крѣпкими напитками; испугъ и страхъ могутъ происходить отъ причинъ, неимѣющихъ ничего общаго съ внѣшними, матеріальными впечатлѣніями. На душу, кромѣ физическихъ, дѣйствуютъ и особенныя, ей одной исключительно доступныя психическія вліянія, вовсе непохожія на непосредственныя впечатлѣнія и тѣлесныя ощущенія. Письмо, разговоръ, телеграмма, слухъ, могутъ привести насъ въ отчаяніе или восторгъ, свести въ могилу, съума, или заставить рѣшиться на поступокъ, о которомъ мы за минуту передъ тѣмъ и не думали. Чтѣ же тутъ дѣйствуетъ? Очевидно не процессъ чтенія, не очертанія или вообще наружный видъ буквъ, не удареніе звуковой волны въ слуховую перепонку, а то, чтѣ ими выражается, тотъ психическій фактъ, который еъ нимъ приуроченъ и который, по поводу ихъ, въ насъ возбуждается. На каждомъ шагѣ испытываемъ мы таковыя психическія дѣйствія и вліянія, вызывающія въ насъ извѣстныя психическія состоянія или явленія, которыя выражаются на нашемъ тѣлѣ, или заставляютъ насъ предпринять то или другое дѣйствіе. Кромѣ того, множество психическихъ явленій и настроеній, вызывающихъ насъ на внѣшнюю дѣятельность, возбуждаются совершенно независимо даже отъ такихъ нереальныхъ впечатлѣній, одними произвольными, внутренними движеніями души, — представленіями, мыслями, чувствами, которыя возникаютъ сами или возбуждаются въ насъ нами самими преднамѣренно и направляются такъ или иначе. Я хочу встать—и

встаю; раздумалъ, — и сажусь опять. Мы подавляемъ въ самихъ себѣ, силою воли, естественныя, физическія движенія, глотаемъ слезы, сдерживаемъ смѣхъ, съ полнымъ вниманіемъ занимаемся дѣломъ, когда чувствуемъ крайнее расслабленіе отъ недостатка сна, отъ голода, жажды, или сильныхъ страданій. Люди подавляютъ въ себѣ страхъ смерти или опасности изъ самыхъ разнородныхъ психическихъ побужденій. Храбрость, прирожденное свойство у однихъ, другими пріобрѣтается долгою работою надъ собою. Умѣнье сохранять наружное спокойствіе при внутреннемъ волненіи, не обнаружить ни малѣйшимъ вѣдшимъ признакомъ внутренняго психическаго состоянія, или по произволу носить въ совершенствѣ ту или другую маску, чтобъ скрыть настоящія мысли и чувства, — все это показываетъ власть души надъ естественными ощущеніями и побужденіями.

Противъ этого обыкновенно возражаютъ, что подавленіе физическихъ ощущеній психическимъ дѣйствіемъ есть только кажущееся; на самомъ же дѣлѣ, не психическое состояніе господствуетъ надъ вѣдшимъ ощущеніемъ, а болѣе сильное вѣдшее ощущеніе надъ менѣе сильнымъ. Но съ этимъ объясненіемъ никакъ нельзя согласиться. Есть, безъ сомнѣнія, множество случаевъ, когда дѣйствительно различныя физическія ощущенія борются въ насъ между собою; перевѣсъ очевидно долженъ, въ такихъ случаяхъ, остаться за тѣмъ, которое сильнѣе. Но мы и не говоримъ о такихъ случаяхъ, а имѣемъ въ виду исключительно только тѣ, когда не вѣдшее ощущеніе, а именно психическое состояніе подавляетъ дѣйствіе вѣдшихъ впечатлѣній. Страхъ смерти можетъ заставить вынести, не поморщась, жестокия мучы и въ этомъ, положимъ, нѣтъ даже особенной доблести; но когда глубокое убѣжденіе, вѣра, чувство достоинства; или даже и менѣе почтенныя побужденія, даютъ силу спокойно встрѣтить смерть и страданія, то какъ же объяснить ихъ иначе, какъ не психическимъ вліяніемъ на физическія ощущенія? Говорятъ: здѣсь опять-таки дѣйствуетъ сочетаніе различныхъ физическихъ побужденій и ощущеній, которыя въ насъ преобразуются и получаютъ видъ психическихъ состояній. Но еслибъ это и было такъ, — что же такое, спрашивается, это несуществующее и невозможное нигдѣ, кромѣ психической среды, сочетаніе непосредственныхъ впечатлѣній и ощущеній и переработка ихъ въ новый видъ, какъ не психическій продуктъ, психическое состояніе или явленіе?

Наконецъ, каждую минуту у насъ передъ глазами примѣры измѣненія реальныхъ фактовъ психическими; мы только или не замѣчаемъ ихъ, или не хотимъ замѣчать. Сожительство людей,

семья и устроенное общежитіе представляютъ обширное поле для такихъ наблюдений. Законъ воспроизведенія расы обуславливаетъ, и у людей и у животныхъ, взаимное влеченіе половъ и заботы о дѣтяхъ; но у людей, кромѣ половыхъ влеченій, есть любовь и бракъ. Послѣднія отодвигаютъ, первыя на второй планъ и переживаютъ ихъ. Инстинктъ воспитанія дѣтей есть и у большинства животныхъ; но у людей между родителями и дѣтьми существуютъ постоянныя и правильныя отношенія, которыя продолжаются, когда попеченія родителей дѣлаются уже вовсе ненужными. То же самое представляетъ и общій у человѣка, съ нѣкоторыми породами животныхъ, инстинктъ общежитія. Безчисленныя отношенія людей между собою и къ цѣлому обществу опредѣляются постояннымъ и правильнымъ образомъ, и реальныя факты подчиняются общимъ законамъ, или заключаемымъ договорамъ. Я нанимаю землю на пять лѣтъ, и съ окончаніемъ этого срока отдаю ее обратно хозяину. Реальный фактъ владѣнія — за мной. Что же опредѣляетъ обратную передачу земли хозяину? Право собственности, фактъ не реальный, а психическаго свойства. Точно также, не самовольная расправа полагаетъ конецъ столкновеніямъ между людьми, а судъ. Такъ и во множествѣ другихъ случаевъ, матеріальныя факты уступаютъ психическимъ.

Такимъ образомъ, тысячи данныхъ показываютъ, что психическія явленія не остаются безъ глубокаго дѣйствія и вліянія не только на наше тѣло, но и на окружающій человѣка міръ. Отсюда слѣдуетъ, что душа, которой приписываются психическія явленія, есть одинъ изъ дѣятелей и въ реальномъ мірѣ. Опираясь на положительныя факты, доступныя внѣшнимъ чувствамъ, можно доказать, что физическая природа преобразуется и получаетъ другой видъ вездѣ, гдѣ является человѣкъ, и что эти преобразованія совершаются при участіи и подъ вліяніемъ психическихъ элементовъ.

Но, замѣчаютъ многіе, какимъ образомъ опредѣлить свойство, степень и способы вліянія психическихъ фактовъ на реальный міръ, когда эти факты, а тѣмъ болѣе душа, не имѣя реальности, не могутъ быть предметомъ положительнаго изученія? Психологія, какъ положительная, точная наука, невозможна!

Эту мысль раздѣляетъ огромное большинство образованныхъ людей, даже не принадлежащихъ, по своимъ взглядамъ, къ числу матеріалистовъ. Психическія явленія, думаютъ они, не имѣя реального характера, доступны только для самонаблюденія. Что происходитъ въ нашей душѣ, закрыто для внѣшнихъ чувствъ и

отрывается только нашему сознанию, внутреннему, психическому зрѣнію.

Еслибъ это было такъ, еслибъ одно только сознание устанавливало и опредѣляло психическіе факты, то нечего было бы и думать о положительномъ, точномъ ихъ изслѣдованіи. Каждый производитъ внутреннія наблюденія надъ собою по-своему; допустивъ, что для повѣрки ихъ нѣтъ всеобщаго, объективнаго мѣрила, надо согласиться, что психологія, какъ наука, дѣйствительно невозможна. Но такой взглядъ вдвойнѣ ошибоченъ. Психическія и реальныя явленія стоятъ на одной почвѣ, и не трудно доказать, что первыя также доступны для внѣшнихъ чувствъ, какъ послѣднія, а послѣднія столько же зависятъ отъ самонаблюденія, сколько и первыя.

На чемъ основано наше непоколебимое довѣріе къ реальному знанію, которое мы только и признаемъ за положительное, точное? Мы знаемъ только впечатлѣнія, получаемыя отъ внѣшняго міра, а эти впечатлѣнія, какъ мы видѣли, вполне психическаго свойства, т.-е. доступны только для внутренняго наблюденія. Было время, когда люди, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ мы теперь считаемъ невозможнымъ положительное изученіе психическихъ явленій, отрицали возможность положительнаго изслѣдованія реальныхъ фактовъ и усомнились въ самомъ существованіи внѣшняго міра. Однако на этомъ человѣкъ не остановился. Много труда и усилій положилъ онъ на то, чтобы провѣрить впечатлѣнія, усилить и усовершенствовать дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ, устранить ихъ ошибки, вычестъ изъ общаго итога наблюденій разнообразіе, происходящее отъ личныхъ свойствъ, условій и недостатковъ лицъ, получающихъ впечатлѣнія. Благодаря этимъ усиліямъ и трудамъ, впечатлѣнія, — основа положительнаго знанія, — выработаны до того высокаго совершенства, которое дало возможность построить на нихъ несокрушимо-прочное зданіе современной положительной науки.

Мы не знаемъ внѣшняго міра помимо впечатлѣній, которыя онъ производитъ въ насъ чрезъ внѣшнія наши чувства; но эти впечатлѣнія, упорнымъ трудомъ поколѣній, очищены отъ постороннихъ примѣсей и получили ту степень объективности, какая составляетъ непремѣнное условіе и основаніе положительнаго знанія. Кто думаетъ, что мы изучаемъ и изслѣдуемъ реальный, внѣшній міръ, каковъ онъ самъ по себѣ, тотъ очень ошибается. Наше знаніе этого міра есть точное знаніе получаемыхъ отъ него впечатлѣній. Такое знаніе не есть мечта и призракъ, потому только, что одинъ и тотъ же предметъ или явленіе по-

стоянно производить въ насъ одни и тѣ же впечатлѣнія. Конечно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ убѣдиться, что это дѣйствительно такъ, но заключаемъ изъ того, что выводы изъ однихъ впечатлѣній, сдѣланныя съ должною точностью, осмотрительностью и повѣркой, оправдываются и подтверждаются другими впечатлѣніями. Еслибъ впечатлѣнія, производимыя въ насъ внѣшними предметами и явленіями не находились съ послѣдними въ извѣстномъ постоянномъ и правильномъ соотвѣтствіи, то не только астрономы не могли бы безошибочно и точно предсказывать солнечныя и лунныя затмѣнія, архитекторы строить дома, инженеры—мосты, врачи—лечить и т. д., но не было бы вообще никакой науки и люди не узнавали бы другъ друга.

Стало быть, положительное изученіе такъ-называемыхъ реальныхъ предметовъ и явленій улетучивается, при ближайшей повѣркѣ, въ психическія дѣйствія надъ психическими фактами.

Обратимся теперь къ послѣднимъ. Мы видѣли, что они не только совершаются въ душѣ, но принимаютъ также дѣятельное участіе въ реальныхъ предметахъ и явленіяхъ, выражаются въ нихъ, приурочиваются къ нимъ, приводятъ ихъ въ тысячи новыхъ сочетаній. Это болѣе или менѣе замѣтно на всѣхъ созданіяхъ человѣческихъ рукъ,—этой второй природѣ, воздвигаемой человѣкомъ надъ той, которая живетъ помимо его дѣйствія и внимательства, а также и на тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергается человѣческое тѣло подъ вліяніемъ психической жизни. Въ обоихъ случаяхъ мысль, чувства, дѣятельность человѣка обнаруживаются и становятся доступными для внѣшнихъ чувствъ. Только благодаря такому обнаруженію психической жизни во внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ становится возможнымъ, на ряду съ знаніемъ природы, и положительное знаніе духовной стороны человѣка. Только на основаніи внѣшнихъ проявленій психической жизни мы можемъ говорить о правѣ, объ искусствѣ, о философіи, о наукѣ, о религіи, о политикѣ, объ исторіи и т. д. Будь мы ограничены однимъ самонаблюденіемъ, мы бы ничего не знали о психическомъ мірѣ, кромѣ тѣхъ его явленій, которыя происходятъ въ нашей душѣ и открываются нашему сознанію; но человѣкъ рано сталъ замѣчать обнаруженіе души, внѣшніе слѣды ея жизни и дѣятельности; надъ ними ему пришлось точно также упорно и долго работать, прежде чѣмъ они могли послужить прочнымъ основаніемъ науки. Подобно внѣшнимъ впечатлѣніямъ матеріальнаго міра, и ихъ пришлось сперва установить и опредѣлить точнымъ образомъ въ ихъ объективной дѣйствительности, очистить отъ постороннихъ примѣсей, отъ произвольныхъ толкованій, отъ ис-

важеній времени, отъ умышленныхъ и неумышленныхъ ошибокъ тѣхъ, которые ихъ передавали или толковали. Какъ въ наукахъ о природѣ большое и видное мѣсто занимаютъ способы точнаго наблюденія предметовъ и явленій, также и въ наукахъ о человѣкѣ критика источниковъ, т.-е. психическихъ слѣдовъ во внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ играетъ перво-степенную роль и составляетъ основаніе, безъ котораго наука о духовной сторонѣ человѣка невозможна.

Изъ сказаннаго видно, что психическіе факты совсѣмъ не такъ шатки и недоступны для положительнаго изученія, какъ многіе думаютъ, и что такъ-называемыя положительныя, точныя науки не имѣютъ, въ этомъ отношеніи, никакого преимущества передъ науками о психической сторонѣ человѣка. Какъ тѣ, такъ и другія основываютъ свои выводы на критически обработанныхъ впечатлѣніяхъ; разница только въ томъ, что первыя имѣютъ дѣло съ впечатлѣніями, непосредственно получаемыми отъ физическаго міра, послѣднія—съ впечатлѣніями, получаемыми отъ внѣшнихъ слѣдовъ психической жизни и дѣятельности. Благодаря объективной опредѣленности этихъ слѣдовъ стала возможна даже исторія вѣрованій, языка, политическихъ ученій и учреждений, искусствъ, наукъ, философій, культуры. Сравнивая однородныя явленія у разныхъ народовъ и у одного и того же народа въ различныхъ эпохи его исторической жизни, мы узнаемъ, какъ эти явленія измѣнялись, и подмѣчаемъ законы такихъ измѣненій, которыя, въ свою очередь, служатъ матеріаломъ для изслѣдованія законовъ психической жизни и дѣятельности. Всѣ науки готовятъ такимъ образомъ матеріалъ для психологіи и отъ степени совершенства его выработки зависитъ большая или меньшая положительность психологическихъ изслѣдованій.

До сихъ поръ мы отвѣчали матеріализму разговорному, салонному, обиходному. Матеріализмъ, предъявляющій притязанія на научное значеніе, не останавливается на приведенныхъ нами возраженіяхъ, а смотритъ на дѣло глубже. Онъ признаетъ психическія явленія, ихъ значеніе и вліяніе; не споритъ и противъ того, что ихъ можно изучать какъ и реальныя факты; но видитъ въ этихъ явленіяхъ не болѣе, какъ непроизвольныя, необходимыя послѣдствія фізіологической организаціи и жизни человѣка, и слѣд. въ ней предполагаетъ источникъ, коренную причину и условіе психической жизни. По этому взгляду, психическія явленія не болѣе какъ отправленія физическаго организма человѣка, подобно тому какъ пищевареніе есть отправленіе желудка; слѣд., нѣтъ никакого основанія, да и никакой на-

добности, предполагать особый психическій міръ и душу, какъ самостоятельный центръ и источникъ психической жизни. Всѣ психическія явленія объясняются или могутъ быть объяснены фізіологическою дѣятельностью или патологическимъ состояніемъ тѣхъ органовъ, въ которыхъ сосредоточивается таѣ-называемая психическая жизнь. Анатомія и фізіологія доказали, что впечатлѣнія и фізическія ощущенія приводятся въ головномъ мозгу нервами чувствъ; отъ ихъ устройства и состоянія и отъ внѣшнихъ аппаратовъ, чрезъ которые они приходятъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ міромъ, зависятъ всѣ наши впечатлѣнія и ощущенія, изъ которыхъ слагаются психическія явленія; дѣйствія наши точно также находятся въ полной зависимости отъ нервовъ движенія. Психическая жизнь, со всѣми ея явленіями, заключена въ головномъ и спинномъ мозгу; если мозгъ правильно устроенъ и находится въ нормальномъ состояніи, то и психическая жизнь совершается нормально; при малѣйшемъ же его разстройствѣ, обнаруживаются ненормальныя психическія явленія, которыя вполнѣ зависятъ отъ рода и степени патологическаго состоянія мозга. Человѣку приписывается свободная воля, возможность произвольныхъ движеній; а фізіологія открыла, что вслѣдствіе многообразныхъ соединеній нервовъ чувствъ съ нервами движеній, впечатлѣнія и фізическія ощущенія сами собою, безъ всякаго участія не только воли, но и сознанія, сообщаются отъ первыхъ къ послѣднимъ, и производятъ разнообразныя, произвольныя движенія, которыя потому и называются рефлексами. Мы воображаемъ, что силою воли подавляемъ въ себѣ движенія; но они подавляются, помимо нашей воли и нерѣдко сознанія, такими же рефлексами, при помощи особыхъ задерживающихъ аппаратовъ. Такимъ образомъ, множество движеній и дѣйствій, которыя считаются результатомъ дѣятельности свободной воли, оказываются на повѣрку произвольными, машинальными. Судя по этому, можно съ полнымъ основаніемъ предположить, что и всѣ прочія дѣйствія, которыя, за необъясненіемъ ихъ механизма, мы продолжаемъ считать произвольными и приписываемъ волѣ и душѣ, на самомъ дѣлѣ окажутся, съ дальнѣйшими успѣхами анатоміи и фізіологіи, такими же произвольными и рефлексивными. Стало быть, мысль о душѣ и производимыхъ ею какихъ-то особыхъ явленіяхъ, различныхъ отъ явленій реального міра, оказывается гипотезой совершенно излишней и ненужной. Психическая жизнь совершается на фізіологической подкладкѣ и въ полной зависимости отъ фізіологическихъ условій; психическія явленія пропитаны вліяніями внѣшняго міра; взаимодѣйствіе фізическаго и духовнаго элементовъ таѣ по-

стоянно и очевидно, что однородность ихъ едва ли можетъ подлежать какому-нибудь сомнѣнію. Все это убѣждаетъ, что душа и приписываемыя ей явленія не что иное, какъ продолженіе тѣлеснаго организма, а духовная жизнь человѣка, — дальнѣйшее развитіе физическаго существованія. Слѣд., если психологія и затѣмъ еще нужна и возможна, то приличное ей мѣсто отыщется развѣ только въ концѣ физиологіи, въ видѣ описанія мозговыхъ и нервныхъ отправленій. Относимъ же мы всѣхъ животныхъ къ внѣшней природѣ и не признаемъ за ними духовной жизни и особой психической дѣятельности; а между ними многія, по своей интеллигенціи, чувствамъ и кажущимся произвольнымъ дѣйствіямъ чрезвычайно напоминаютъ человѣка, и чѣмъ ближе мы изучаемъ организацію, нравы и образъ жизни животныхъ, тѣмъ близость ихъ къ человѣку, въ этомъ отношеніи, высказывается ярче и разительнѣе.

Этотъ взглядъ очень распространенъ между образованными людьми, потому что опирается на положительные и бесспорные факты. Что психическая жизнь и дѣятельность обусловлены физическими, матеріальными фактами; что нормальная психическая дѣятельность и правильность психическихъ отправленій находятся въ тѣсной зависимости отъ состоянія тѣлеснаго организма, — объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть спора. Признавая всякое дѣйствіе человѣка роковымъ, необходимымъ послѣдствіемъ внѣшнихъ, физическихъ условій, матеріалисты вводятъ всякое дѣйствіе человѣка и вообще всякое психическое явленіе въ кругъ реальныхъ фактовъ. Матеріалистическій взглядъ принимаетъ за точку отправленія ту, совершенно правильную и вѣрную мысль, что если психическія явленія могутъ оказывать дѣйствіе на реальный міръ, и наоборотъ, если реальные предметы имѣютъ вліяніе на психическій міръ, то оба должны быть однородны; иначе они не могли бы находиться въ такой тѣсной между собою связи и взаимодѣйствіи. Въ чемъ же заключается ихъ однородность? Въ психическомъ началѣ? Но всѣ попытки вывести и объяснить реальный міръ изъ психическаго оказались безуспѣшными; итакъ, думаютъ матеріалисты, остается предположить, что психическія явленія объясняются физиологическими условіями, реальной природой. На возможность такого объясненія есть много указаній. Множество представленій несомнѣнно образуются въ насъ изъ внѣшнихъ впечатлѣній и физическихъ ощущеній; очень вѣроятно, думаютъ матеріалисты, что и всѣ остальные наши понятія и чувства произошли изъ того же источника. Всего убѣдительнѣе говорятъ въ пользу такого предположенія аналогическія съ человѣкомъ явленія въ органи-

ческой природѣ и въ особенности въ царствѣ животныхъ. Последнія имѣютъ, въ низшихъ породахъ, нервныя узлы, а въ высшихъ, подобно человѣку, мозговую и нервную системы; чѣмъ эти органы развитѣй и совершеннѣй, тѣмъ ближе животныя подходятъ къ человѣку по своимъ психическимъ отправленіямъ. Если мы не признаемъ самостоятельной, самодѣятельной психической жизни въ животныхъ и ищемъ ея объясненія въ физиологическихъ условіяхъ и устройствѣ, то на какомъ основаніи будемъ мы приписывать самостоятельное психическое начало человѣку? Что онъ представляетъ высшую ступень въ сравненіи съ животными, не даетъ еще намъ права дѣлать для него изыатія изъ общаго правила и объяснять его большую развитость причинами, которыхъ мы не признаемъ въ примѣненіи къ остальному міру.

Несмотря на всю кажущуюся убѣдительность этихъ доводовъ, матеріализмъ не разрѣшаетъ задачи, потому что выводы его основаны на недоказанныхъ гипотезахъ и на ошибочныхъ заключеніяхъ изъ бесспорныхъ фактовъ.

Начнемъ съ того, что тѣсная связь психической и матеріальной жизни конечно указываетъ на то, что ихъ источникъ одинъ. Но неудачные опыты идеализма открыть этотъ источникъ въ психической жизни не только не уполномочиваютъ искать въ реальномъ мірѣ разрѣшенія загадки, но, какъ мы думаемъ, совсѣмъ напротивъ, должны бы заранѣе отнять всякую надежду достигнуть этой цѣли путемъ изученія внѣшней природы. Для непредубѣжденнаго ума, психическія и реальныя явленія суть факты двухъ различныхъ порядковъ. Ихъ единство—искомое науки, неизвѣстное X , и не можетъ быть объяснено однимъ изъ нихъ, а развѣ обоими вмѣстѣ. Почему же, спрашивается, вѣроятнѣе возможность объяснить психическую жизнь физиологическими условіями, чѣмъ реальныя явленія психическими? О цѣломъ заключать можно только по совокупности частей, а не по одной какой-нибудь его части. Когда рѣчь идетъ о неорганическихъ предметахъ, можно еще, до нѣкоторой степени, заключать о цѣломъ по какой-нибудь части его, но и въ такомъ случаѣ заключеніе легко можетъ не оправдаться; въ примѣненіи же къ явленіямъ органическимъ оно просто невозможно. Прибавимъ, что реальный міръ мы знаемъ по однимъ впечатлѣніямъ и физическимъ ощущеніямъ, т.-е. какъ психическое явленіе. Чтѣ такое матеріальный міръ, чтѣ такое матерія, мы не знаемъ, какъ не знаемъ, чтѣ такое психическій міръ и душа. Признаки того и другого міра мы опредѣляемъ только сравнивая ихъ между собою и противопоставляя одинъ другому; безъ

того, мы бы не знали даже и этих признаковъ. Ясно, что пытаться объяснять, а тѣмъ болѣе выводить психическую жизнь изъ физической и наоборотъ, значитъ попасть въ заколдованный кругъ, или вертѣться въ бѣлищемъ колесѣ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Не болѣе убѣдителенъ и тотъ выводъ, будто зависимость психической жизни отъ физиологическихъ условій есть аргументъ противъ ея самостоятельности и самодѣтельности. Не подлежитъ сомнѣнiю, что психическая жизнь возможна только при извѣстномъ состоянiи мозга и нервовъ, что съ ненормальнымъ ихъ состоянiемъ или разрушенiемъ и оно выражается въ ненормальныхъ явленiяхъ или совсѣмъ прекращается. Но почему изъ этого должно слѣдовать, что психическая среда не можетъ имѣть самодѣтельности, — этого никакъ нельзя понять. Каждый организмъ, растение или животное, имѣетъ свою долю самобытности и самодѣтельности; но и тотъ и другой, кругомъ, вполнѣ, зависятъ отъ окружающей среды и не находя въ ней необходимыхъ условій для существованiя или нормальной жизни, искажаются, чахнутъ и умираютъ. Не говоримъ мы однако, видя этотъ фактъ, что растительные или животные организмы не что иное, какъ отравленiе среды, въ которой живутъ. На какомъ же основанiи станемъ мы дѣлать такое заключенiе о психической жизни и дѣятельности? Съ точки зрѣнiя положительной науки и по правиламъ точной индукцiи мы, кажется, не имѣемъ къ тому никакого повода.

Кромѣ этихъ отрицательныхъ доводовъ противъ материализма, есть и положительные. Очевидные и бесспорные факты показываютъ, что въ душѣ нашей происходятъ своего рода процессы, вырабатываются своеобразныя явленiя, которыхъ нельзя объяснить иначе, какъ самодѣтельностью души.

Наши представленiя о внѣшнихъ предметахъ или тѣлесныхъ впечатлѣнiяхъ не простые, непосредственные оттиски впечатлѣнiй внѣшняго міра, а, какъ мы увидимъ ниже, результатъ сложной психической работы. Ссылаемся на очень любопытныя изслѣдованiя Вундта, котораго нѣкто не заподозритъ въ анти-материалистическихъ предразсудкахъ. Будь психическія явленiя въ непосредственной зависимости отъ условій и законовъ внѣшней природы, представленiя были бы фотографическими оттисками впечатлѣнiй внѣшняго міра. Если же они результатъ психической работы, то изъ этого слѣдуетъ, что по принятiи впечатлѣнiй въ насъ совершается какой-то процессъ своего рода, при помощи котораго впечатлѣнiе передѣлывается въ представленiе. Стало быть, есть особая психическая среда и особая психиче-

ская жизнь, которая отъ сопрیکосновенія съ вѣншнимъ міромъ только возбуждается къ своеобразной дѣятельности.

Но въ душѣ человѣка существуютъ не одни представленія. Рядомъ съ ними есть множество другихъ психическихъ явленій и фактовъ, которые имѣютъ болѣе или менѣе далекое отношеніе къ непосредственнымъ впечатлѣніямъ и ощущеніямъ, а другіе, повидимому, не имѣютъ съ ними никакой связи. Матеріалисты едва ли согласятся признать ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми психологами, за прирожденные, непосредственныя данныя нашей психической природы. Что же они такое? Продукты? Но тогда надо признать, что въ душѣ совершаются свои, ей свойственные процессы, которые приводятъ въ новыя сочетанія поступающій въ душу матеріалъ, а это прямо указываетъ на самостоятельную психическую дѣятельность. Статуи, бюсты, картины, рисунки, иногда дѣйствительно передаютъ до нѣкоторой степени, хотя и условно, тѣ впечатлѣнія, которыя производятъ на наше зрѣніе вѣншніе предметы и явленія; но за то множество другихъ представляютъ небывалыя въ мірѣ сочетанія впечатлѣній. Не говоря объ идеальныхъ изображеніяхъ, возьмемъ изваянія и картины, представляющія голову медузы, минотавра, крылатыхъ быковъ, химеру, драконовъ, сиренъ, сатировъ, фавновъ и т. п.: развѣ они не живыя, осязательныя довазательства того, что между психическимъ творчествомъ и реальными, непосредственными впечатлѣніями лежитъ цѣлая бездна? Но если даже вѣншіе образы, создаваемые нами и впечатлѣнія реальныхъ, физическихъ предметовъ могутъ такъ существенно разниться между собою, то что сказать о мысляхъ, взглядахъ, движеніяхъ души, страстяхъ, которые мы то же выражаемъ во вѣншнихъ предметахъ?

Самое простое наблюденіе надъ нашею ежедневною жизнью приводитъ къ тому же результату. Безъ всякаго вѣншняго повода мы иногда припоминаемъ давно забытое. Это значитъ, что оно изъ нашего психическаго резервуара или хранилища подымается на поверхность и представляется нашему внутреннему зрѣнію. То же происходитъ въ насъ, когда мы узнаемъ уже знакомый намъ вѣншний предметъ или явленіе. Впечатлѣніе его на наши чувства вызываетъ изъ того же резервуара или хранилища представленіе наше о томъ предметѣ или явленіи; сравнивая полученное впечатлѣніе съ сложившимся уже представленіемъ, мы признаемъ ихъ совершенное сходство и это называется узнать знакомый уже предметъ или явленіе. Такой же процессъ происходитъ въ насъ, когда мы встрѣчаемъ предметъ или явленіе, которыхъ до того времени совсѣмъ не знали, или забы-

ли; мы сравниваемъ тогда полученное новое впечатлѣніе съ однородными и сходными представленіями, которыя находятся въ нашей душѣ и затѣмъ опредѣляемъ, что оно такое, куда его отнести, какіе его отличительные признаки и какіе общіе съ другими, т.-е. узнаемъ его, но какъ нѣчто новое, чего мы прежде не знали. Всѣ эти и подобные имъ психическіе процессы доказываютъ самостоятельную, хотя въ большинствѣ случаевъ и бессознательную дѣятельность души.

Далѣе. Мы уже замѣтили выше, что психическая жизнь и дѣятельность имѣютъ свои особенные, имъ исключительно свойственные способы выраженія и что душа можетъ особеннымъ образомъ принимать впечатлѣнія и возбуждаться къ дѣятельности. Письмена и ноты конечно внѣшніе, матеріальные предметы, но они служатъ условными знаками, символами, которые совсѣмъ не то значатъ для психической жизни, что представляютъ въ качествѣ матеріальныхъ предметовъ. Это значеніе ихъ очень удачно выражается въ средневѣковыхъ сказаніяхъ о кабалистическихъ словахъ и формулахъ, которыми вызываются духи. Письмо, книга, ноты, какъ матеріальный предметъ, совсѣмъ не то, что въ нихъ открываетъ душа, потому что ими условно выражаются самыя тайныя движенія психической жизни, передаются самыя животрепещущіе ея мотивы; оттого-то они психическимъ, а не матеріальнымъ своимъ смысломъ, такъ глубоко насъ затрогиваютъ, часто имѣютъ на насъ потрясающее дѣйствіе. Психическія вліянія, сообщенія, сношенія, происходятъ при посредствѣ внѣшняго міра и физическихъ предметовъ, какъ психическая жизнь совершается въ матеріальныхъ органахъ; но эти сообщенія нельзя считать тождественными съ внѣшними предметами и явленіями.

То же самое подтверждаетъ безчисленная, разнообразная масса психическихъ явленій и вытекающихъ изъ нихъ внѣшнихъ дѣйствій челоуѣка, которыя происходятъ безъ всякихъ непосредственныхъ внѣшнихъ вліяній и побужденій, подъ однимъ лишь вліяніемъ психическихъ мотивовъ. Каждый челоуѣкъ преслѣдуетъ какую-нибудь цѣль; но самая матеріальная и внѣшняя цѣль, возникшая вслѣдствіе такихъ же матеріальныхъ и внѣшнихъ побужденій, является уже психическимъ дѣятелемъ, и ея достиженіе, присканіе и выборъ для того средствъ можетъ происходить въ насъ совершенно независимо отъ внѣшнихъ вліяній и побужденій, даже наперекоръ имъ. Эта способность къ самостоятельной дѣятельности, эта возможность инициативы по внутреннимъ побужденіямъ доказываетъ, что психическая жизнь можетъ возбуждаться къ дѣятельности и изъ самой себя, при помощи дан-

ныхъ и фактовъ, которые въ ней самой содержатся. Когда мы говоримъ, что человѣкъ погруженъ въ самого себя, въ свои мысли, мы предполагаемъ въ немъ способность обращаться къ фактамъ и явленіямъ своей психической жизни. Справедливо или нѣтъ, что весь психическій матеріалъ заимствуется нами изъ внѣшняго міра,—это другой вопросъ, который мы рассмотримъ въ своемъ мѣстѣ; но еслибъ это и было дѣйствительно такъ, то психическая самостоятельность и самодѣтельность этимъ нисколько не опровергаются; растенія берутъ же свой матеріалъ изъ царства ископаемыхъ и воздуха, животныя — изъ ископаемаго и растительнаго царствъ; однако и въ тѣхъ и въ другихъ признается самостоятельная дѣятельность и жизнь, несмотря на то, что они питаются извнѣ. Что мы признаемъ за растеніями, животными и человѣкомъ, въ матеріальномъ отношеніи, то должны мы признать и за психическою жизнью, которая тоже представляетъ органическое цѣлое, самостоятельное и самодѣтельное, хотя и вырастаетъ на почвѣ физическаго міра и заимствуетъ изъ него первоначальный свой матеріалъ.

Матеріализмъ не отрицаетъ всѣхъ этихъ фактовъ, но объясняетъ ихъ по-своему. То, что мы называемъ психическимъ процессомъ, то въ его глазахъ нервный или головной рефлексъ, который не предполагаетъ ни особой психической среды, ни участія воли и совершается механически, вслѣдствіе внѣшнихъ впечатлѣній или физическихъ ощущеній. Это предположеніе какъ будто поддѣрпывается тѣмъ, что множество психическихъ процессовъ совершаются не только безъ всякаго участія воли, но даже совершенно безсознательно.

Открытіе рефлексовъ и аппаратовъ, задерживающихъ рефлексъ, пролило свѣтъ на совсѣмъ до тѣхъ поръ темную и непонятную область произвольныхъ движеній и объяснило ихъ механизмъ; но мы не думаемъ, чтобъ это великое открытіе объясняло всѣ психическія явленія.

Что произвольныя движенія существуютъ, что они совершаются механически,—это было извѣстно задолго до научныхъ наблюденій надъ психическими явленіями. Открытіе рефлексовъ и задерживающихъ аппаратовъ, какъ сказано, только объяснило ихъ механизмъ, ихъ причины, и доказало, что извѣстныя движенія, которыхъ значенія мы не понимали въ другихъ (о своихъ движеніяхъ мы всегда точно знаемъ, произвольны они или нѣтъ), могутъ быть произвольными, хотя и кажутся произвольными. Кругъ нашихъ положительныхъ знаній чрезъ это расширился. Но можно ли, не отступая отъ точнаго метода изслѣдованія, заключить отсюда, что произвольныхъ движеній вовсе

нѣтъ, что всѣ движенія человѣка, безъ изъятія, произвольны? Во-первыхъ, мы знаемъ изъ ежедневнаго опыта, что множество произвольныхъ движеній могутъ быть и произвольными. Часто, въ бреду и во снѣ, мы говоримъ бевсознательно, слѣдовательно произвольно, то, что говоримъ съ полнымъ сознаниемъ и преднамѣренно, когда не спимъ и совершенно здоровы; во-вторыхъ, изъ того же опыта мы знаемъ, что движеніе можетъ быть произвольнымъ, хотя мы его и вполнѣ сознаемъ; такова зѣвота, таковы конвульсивныя движенія; наконецъ, изъ опыта же мы знаемъ, что множество сознательныхъ и произвольныхъ движеній, послѣ частыхъ повтореній, могутъ, мало по малу, обратиться въ произвольныя и бевсознательныя, а это показываетъ, что законъ и формула рефлексовъ еще недостаточно выяснены. Что они имѣютъ фізіологическое основаніе,—это, послѣ сдѣланныхъ точныхъ научныхъ наблюденій и опытовъ, совершенно безспорно; но загадкою остается, какіе именно рефлексъ даны самою природою и какіе выработаны привычкою, которой, какъ сказано, предшествуетъ множество сознательныхъ и произвольныхъ движеній. То же слѣдуетъ сказать и о дѣятельности задерживающихъ аппаратовъ; толчкомъ для ихъ дѣятельности могутъ служить и рефлексъ и сознательный актъ воли, въ чемъ не трудно убѣдиться каждому, кто дастъ себѣ трудъ наблюдать за своими собственными движеніями.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что оба открытія, при всей своей важности для науки, не даютъ никакого права отвергать произвольныя движенія, другими словами, отвергать самодѣятельность души, какъ источникъ дѣйствій.

Наконецъ, матеріализмъ указываетъ на животныхъ какъ на доказательство, что нѣтъ ни основанія, ни возможности, ни надобности, предполагать въ человѣкѣ особое психическое начало и психическую самодѣятельность.

Приравненіе человѣка къ животнымъ стало, въ наше время, одною изъ любимѣйшихъ тѣмъ. Она повторяется на всевозможные лады и вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь взглядовъ и убѣжденій значительнѣйшаго большинства современнаго образованнаго общества. Всѣ такъ ею проникнуты, что мы теперь едва уже сознаемъ, чѣмъ собственно разнится человѣкъ отъ остальнаго міра. Между тѣмъ, именно сравненіе человѣка съ животнымъ есть доводъ не въ пользу, а скорѣе противъ матеріалистическихъ воззрѣній.

Прежде думали, что человѣка отличаетъ отъ остальной внѣшней природы даръ слова; но этотъ признакъ нельзя считать характеристическимъ для человѣческаго рода, потому что мы не

знаемъ, ведутъ ли животныя между собою разговоръ, или нѣтъ. Многія данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что животныя, особливо одной породы, понимаютъ другъ друга и умѣютъ взаимно сообщать не одни половыя влеченія, но и разныя доступныя имъ ощущенія и впечатлѣнія. Значить у нихъ, повидимому, есть свой языкъ, намъ непонятный, какъ нашъ непонятенъ имъ, и слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, человѣкъ могъ бы отличаться отъ животныхъ только бѣльшимъ совершенствомъ, бѣльшимъ развитіемъ своихъ способностей.

Говорили также, что человѣкъ мыслить, а животныя не мыслятъ. Но выраженіе «мыслить» слишкомъ неопредѣленно и не точно. Если подъ мышленіемъ разумѣть соображеніе, то тысячи наблюденій доказываютъ, что животныя то же мыслятъ. Ихъ соображенія часто поражаютъ своею сложностью и тонкостью. Стало быть, и въ этомъ отношеніи, за человѣкомъ остается только преимущество бѣльшей степени развитости. Впрочемъ, кому не приходило въ голову, глядя на инюго извощика и его лошада, на инюго пастуха и его собаку, что животное бываетъ иногда умнѣе и способнѣе человѣка.

Специфическаго различія человѣческой породы отъ животныхъ искали также и въ другихъ признакахъ, напримѣръ, въ способности человѣка жить семьей и обществомъ, въ развитіи въ немъ чувства, въ умѣнии приспособлять внѣшнюю природу къ своимъ нуждамъ и потребностямъ; но бѣжайшее знакомство съ нравами и привычками животныхъ показало, что этими же свойствами, качествами и способностями одарены и различныя породы животныхъ, такъ что вся разниа состоитъ опять только въ формахъ выраженія и бѣльшей или менѣй степени развитія, причеиъ, какъ сказано, нерѣдко преимущество остается на сторонѣ животныхъ, а не человѣка.

Единственное, чѣиъ человѣкъ дѣйствительно, кореннымъ образомъ, отличается отъ всего остальнаго міра, — это способность его выражать, во внѣшнихъ предметахъ, психическія свои состоянія и движенія, передавать въ образахъ и знакахъ совершающіяся въ немъ психическія явленія, подлежащія внѣшнимъ чувствамъ. Ни одно, даже самое развитое и совершенное животное не можетъ изваять статуи, нарисовать картины, начертать планъ или фасадъ, положить звуки на ноты, написать письмо или книгу. Въ этого рода дѣятельности человѣкъ не находитъ даже подражателей между животными.

Разсмотримъ ближе эту замѣчательную особенность.

Когда скульпторъ или живописецъ съ оригинала лѣпитъ статую или рисуеъ портретъ, намъ кажется, будто онъ воспроиз-

водить, одинъ за другими, черты предмета, который находится передъ его глазами; на самомъ же дѣлѣ онъ воспроизводитъ только то представленіе, которое въ немъ образовалось изъ впечатлѣній, произведенныхъ въ немъ оригиналомъ, и притомъ воспроизводитъ очень недостаточно и односторонне. Статуя, картина, только въ извѣстномъ отношеніи, съ извѣстной точки зрѣнія, есть подобіе, вдобавокъ очень несовершенное, дѣйствительнаго предмета, какъ онъ намъ представляется, такъ что простой человѣкъ и не замѣчаетъ сходства статуи или картины съ оригиналомъ, какъ бы оно, для привычнаго глаза, ни было поразительно. Лучшимъ доказательствомъ, что не предметъ, а представленіе о предметѣ воспроизводится въ статуѣ или картинѣ, служитъ то, что статуи дѣлаются, картины пишутся и безъ оригинала. Имѣя его передъ глазами, художникъ только освѣжаетъ, оживляетъ свое представленіе, которое онъ хочетъ выразить, закрѣпить во внѣшнемъ предметѣ.

Возьмемъ далѣе ноты. Онѣ не представляютъ даже и подобія того впечатлѣнія, которое ими выражается, какъ статуя или картина. Мы уже замѣтили, что нѣтъ ничего общаго между звукомъ и тою точкою, крѣпкою и т. д., по которымъ знающій читать ноты узнаетъ его съ перваго взгляда и можетъ воспроизвести. Между впечатлѣніями звуковъ и нотами, которыя ихъ представляютъ, существуетъ только условное соотвѣтствіе. Чтобы распознать сходство портрета или бюста съ оригиналомъ нужна только нѣкоторая привычка глаза, т.-е. нужно освоиться съ тѣми перемѣнами, которыя происходятъ въ непосредственномъ впечатлѣніи предмета, при передачѣ его въ мраморъ, деревъ, на полотнѣ или бумагѣ. Но чтобы написать или разбирать ноты, одного такого навыка недостаточно; нужно знать условное значеніе каждаго знака, потому что самъ по себѣ онъ не изображаетъ впечатлѣнія звука.

Письмена идутъ еще далѣе. Они не только изображаютъ впечатлѣнія, доступныя чувствамъ, подобно статуѣ или картинѣ, но даже психическіе факты и явленія, вовсе неимѣющія непосредственнаго характера. Подобно нотамъ, письма — условные знаки, неимѣющіе, сами по себѣ, ничего общаго съ выражаемыми предметами; но въ нотахъ знаки представляютъ непосредственныя впечатлѣнія звуковъ и ничего больше; а буквы, хотя то же выражаютъ звуки, но такіе, которые сами по себѣ ничего не значатъ, а представляютъ, иногда по одиначѣ, большею же частью въ извѣстныхъ сочетаніяхъ, какой-нибудь предметъ, явленіе, дѣйствіе, ощущеніе и т. п.; звуки являются тутъ посредниками, безъ которыхъ легко и обойтись: не прибѣгая вовсе къ голосу,

мы при помощи однихъ письменъ можемъ сноситься между собою и узнаемъ дѣла и мысли давно умершихъ людей.

Такимъ образомъ, статуи, картины, ноты, письмена,—факты осязательные, реальные, доступные внѣшнимъ чувствамъ,—свидѣтельствуя несомнѣннымъ образомъ о томъ, что сверхъ дѣятельности общей съ животными, человекъ имѣетъ еще свою особенную, характеристическую, ему одному исключительно свойственную воспроизводить представленія во внѣшнемъ образѣ, приурочивать психическія состоянія, чувства, мысли, словомъ, психическіе факты и событія къ извѣстнымъ внѣшнимъ условнымъ знакамъ, по которымъ они могутъ быть узнаны и воспроизведены. Такая дѣятельность человека показываетъ, во-первыхъ, что онъ одаренъ какимъ-то психическимъ зрѣніемъ: не имѣй онъ способности видѣть находящихся или происходящихъ въ немъ психическихъ фактовъ, онъ не былъ бы въ состояніи выражать ихъ въ образѣ или условномъ знакѣ, они вовсе бы для него не существовали и онъ не имѣлъ бы объ нихъ ни малѣйшаго понятія. Что психическіе факты выражаются въ образахъ и условныхъ знакахъ, показываетъ, во-вторыхъ, что психическія явленія имѣютъ въ нашей душѣ дѣйствительное существованіе и свою точную опредѣленность и объективность. Безъ этого нельзя было бы говорить о болѣе или менѣе точномъ и совершенномъ выраженіи ихъ во внѣшнемъ образѣ или знакѣ и былъ бы невозможенъ споръ о томъ, соответствуетъ или не соответствуетъ образъ или знакъ тому или другому психическому факту, или какое настоящее значеніе этихъ образовъ и знаковъ. Сравнивая между собою художественныя или литературныя произведенія, мы отдаемъ предпочтеніе однимъ передъ другими, потому что одни глубже, лучше, точнѣе, чѣмъ другія передаютъ психическую дѣйствительность, которую изображаютъ; должна же эта дѣйствительность имѣть свою, точно обозначенную, опредѣленную и очерченную форму, свою объективность, иначе какъ бы мы могли сравнивать между собою ея изображенія и повѣрять, схожи ли они съ оригиналомъ и въ какой мѣрѣ?

Мы рассмотрѣли теперь всѣ основанія матеріализма и видѣли, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть принятъ положительнымъ знаніемъ, потому что они выведены несогласно съ правилами индуктивнаго метода, на авторитетъ котораго матеріалисты обыкновенно ссылаются. Но этого мало: самое поставленіе задачи и исходная точка матеріализма крайне сбивчивы и шатки. Матеріализмъ отрицаетъ свободную волю, находя, что она несовмѣстима съ закономъ необходимости; но не странно ли, что онъ ссылается при этомъ на естественныя науки и законы фи-

зической природы, тогда какъ необходимость естественныхъ явленій какъ нельзя лучше уживается рядомъ съ психическою свободою воли и между тою и другою нѣтъ собственно никакого противорѣчія? Мы видѣли, что вся дѣятельность человѣка во внѣшнемъ мірѣ ограничивается одною перестановкою физическихъ условій, другою ихъ комбинаціей; ни прибавить что-нибудь въ физической природѣ, ни убавить, ни перемѣнить естественныхъ законовъ онъ не властенъ. Природу онъ заставляетъ служить себѣ только приводя ея условія и данныя въ такія сочетанія, что они сами собою, дѣйствуя по естественнымъ законамъ, производятъ то, что человѣку нужно. Стало быть, свободною и произвольною дѣятельностью человѣка законъ необходимости никогда не нарушается и не можетъ быть нарушенъ. Самая энергическая воля не можетъ ничего произвести во внѣшнемъ мірѣ иначе, какъ въ условіяхъ этого міра и сообразуясь со всѣми его законами. Коверъ-самолетъ существуетъ только въ сказкахъ, а въ дѣйствительности есть паровозы и желѣзныя дороги; Икаръ, говорятъ, леталъ высоко, однако упалъ, потому что солнце растопило его восковыя крылья. Естественныя науки не знаютъ свободы воли, а знаютъ только законъ необходимости, потому что во внѣшней природѣ все необходимо, все есть роковое, неизбежное послѣдствіе данныхъ условій, управляемыхъ неизмѣнными законами. Поэтому, съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ, нельзя и догадаться, что существуютъ произвольныя движенія или свобода воли; каждое такое движеніе, каждый актъ воли, производитъ во внѣшнемъ мірѣ только тѣ перемѣны, которыя допускаются естественными условіями и законами. Теперь я хочу писать и пишу; черезъ часъ намѣренъ отправиться къ знакомому, а затѣмъ пойду гулять; каждое изъ этихъ намѣреній зависитъ отъ моей доброй воли и я могу, если захочу, измѣнить этотъ планъ; но вотъ я его исполнилъ и мои дѣйствія, уже выполненныя, представляются необходимыми, т.-е. согласными съ внѣшними условіями и законами природы, иначе они не могли бы состояться; такъ, еслибъ я упалъ, напримѣръ, въ обморокъ, то не могъ бы продолжать писать; еслибъ мой знакомый выѣхалъ изъ Петербурга, то я не могъ бы съ нимъ видѣться; переломи я ногу, не состоялась бы прогулка. Повторяемъ: съ точки зрѣнія естественныхъ, природныхъ условій нельзя подойти къ свободѣ воли и произвольнымъ движеніямъ, и не зная мы о нихъ другимъ путемъ, мы не имѣли бы о нихъ никакого понятія. Но за то естественныя науки и не поднимаютъ вопроса объ этомъ предметѣ; онъ лежитъ внѣ круга ихъ изслѣдованій; поэтому онъ не утверждаетъ и не отрицаетъ свободы

воли и произвольныхъ движеній, а просто обходить ихъ, не имѣя до нихъ никакого дѣла.

Изъ неосторожнаго противопоставленія необходимости свободѣ въ матеріалистическихъ воззрѣніяхъ мы вправе заключить, что понятія матеріалистовъ не только о свободѣ, но и о самой необходимости очень неопредѣленны и смутны. Въ самомъ дѣлѣ что такое необходимость? Съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ, на которую желаетъ стать матеріализмъ, необходимость выражается въ постоянствѣ, неизбѣжности результата или послѣдствій совокупнаго дѣйствія однихъ и тѣхъ же естественныхъ условій. Когда такія-то условія всѣ на лицо, такой-то результатъ ихъ неизбѣженъ; когда они измѣняются, и результатъ непременно долженъ выйти другой. Примѣняя этотъ законъ къ взаимнымъ отношеніямъ реального и психическаго міра, мы найдемъ, что онъ несомнѣнно управляетъ получаемыми нами впечатлѣніями и физическими ощущеніями. Происхожденіе ихъ изъ физическихъ условій, строгое и постоянное соотвѣтствіе послѣднимъ можетъ быть опредѣлено точными наблюденіями. Но уже образованіе представленій изъ впечатлѣній и физическихъ ощущеній вызываетъ недоумѣніе, и мы никакъ не можемъ, опираясь на реальные данныя, повѣрить, составляютъ ли представленія строго необходимый результатъ наличныхъ впечатлѣній и ощущеній. Такъ какъ въ образованіи представленій уже участвуютъ психическіе процессы, то мы имѣемъ даже поводъ сомнѣваться, чтобы между впечатлѣніями и ощущеніями съ одной стороны и представленіями съ другой, существовала непосредственная, необходимая, естественно-историческая связь. Это подтверждается необыкновеннымъ разнообразіемъ представленій объ однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ предметахъ и ощущеніяхъ, вслѣдствіе чего наука безпрестанно приходится ихъ исправлять и повѣрять. То же самое, и еще съ болѣе правомъ, должно сказать о происхожденіи чувствъ, мыслей, движеній воли. Противъ этого возражаютъ, что мысли чувства и проч. суть необходимыя, механически слагающіяся комбинаціи представленій. Отчасти это, безъ сомнѣнія, такъ, но отчасти, какъ мы увидимъ ниже, не такъ; во всякомъ случаѣ, эти комбинаціи или сочетанія совершаются въ средѣ, неподлежащей внѣшнимъ чувствамъ; слѣдовательно, они—не предметъ естествознанія, и необходимость, насколько она примѣняется къ психическимъ условіямъ и результатамъ, не есть физическая, реальная, а психическая. Наконецъ, необходимость, какъ ее понимаютъ естественныя науки, совсѣмъ не имѣетъ того безусловнаго характера, какой придаетъ ей матеріализмъ, и это обстоятельство служить лучшимъ доказательствомъ тому, какъ

непрочна и призрачна его близость съ естественными и вообще съ положительными науками. Последнія нигдѣ и никогда не предрѣшаютъ необходимости, не ставятъ ее принципомъ, который, во что бы то ни стало, долженъ опредѣлять взаимныя отношенія двухъ данныхъ явленій, а выводить изъ наблюденій и опытовъ; гдѣ ее видятъ, тамъ и признають, а гдѣ не находятъ, тамъ и не говорятъ о ней. Такъ ли поступаютъ матеріалисты? Психическая свобода составляетъ глубочайшее вѣрованіе человѣческаго рода и вдобавокъ, какъ мы видѣли, не противорѣчитъ необходимости въ реальномъ мірѣ. Но матеріализмъ, несмотря ни на что, отвергаетъ ее, слѣдовательно беретъ свои аргументы не изъ положительнаго знанія, и говоритъ о необходимости не какъ о результатѣ индукціи, а какъ о философскомъ принципѣ, по которому строить и выкраиваетъ міръ явленій а priori, по образцу столько имъ презираемаго идеализма.

Еще одно замѣчаніе. Прежде наивно воображали, что всякое явленіе есть результатъ дѣйствія съ одной стороны и страдательнаго, пассивнаго воспріятія этого дѣйствія съ другой. Матерія—одна изъ отвлеченностей, несуществующихъ въ реальномъ мірѣ—считалась вполнѣ страдательной, пассивной. Повидимому, такъ представляетъ себѣ матеріализмъ дѣйствіе внѣшнихъ впечатлѣній и физическихъ ощущеній на душу, потому что она выходитъ у него чѣмъ-то бездѣятельнымъ, только воспринимающимъ, страдательнымъ, листомъ бѣлой бумаги, на которомъ можно написать что угодно. Изъ такого представленія родился въ головѣ Кондильяка образъ вуклы, которая подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній и физическихъ ощущеній превращается мало по малу въ чувствующаго и мыслящаго человѣка. Но такой взглядъ, какъ нигде непригодный, давно брошенъ и естественными науками, и философіей. Положительная наука потому совершенно отказалась отъ такихъ средневѣковыхъ, схоластическихъ представленій, что не только въ органическомъ, но и въ неорганическомъ мірѣ нѣтъ предмета, который бы, тѣмъ или другимъ образомъ, не обнаруживалъ реакціи противъ вліяній и дѣйствій окружающей среды и, слѣдовательно, не имѣлъ своего рода самобытности. Камень—и тотъ имѣетъ упругость и въ немъ частицы вѣрно держатся вмѣстѣ. Объ органическихъ существахъ и говорить нечего: въ нихъ происходятъ своеобразные внутренніе процессы, которыми вырабатываются продукты особаго рода. Неоживленной, безусловно-пассивной матеріи нѣтъ въ мірѣ. А если реакція противъ дѣйствія и вліянія есть во всемъ существующемъ, то она должна быть и въ психической средѣ. Выражаясь точнѣе, мы скажемъ, что каждое дѣйствіе и вліяніе

не переходить механически на другой предметъ, а только вызываетъ въ немъ самостоятельность, которая и обнаруживается въ замѣчаемыхъ въ немъ переѣнахъ вслѣдствіе постороннихъ на него дѣйствій и вліяній. Если матеріализмъ не приходитъ къ тому же взгляду относительно психическихъ явленій, то мы въ правѣ заключить, что онъ остается при прежнихъ взглядахъ на необходимость и ближе къ средневѣковой наукѣ, чѣмъ къ современному, положительному естествознанію. По какому же странному недоразумѣнію мы клеветаемъ на естественныя науки? Ихъ точный методъ, примѣненный прямо и просто къ психическимъ явленіямъ, долженъ привести насъ къ результатамъ очень близкимъ къ тому, на чемъ такъ упорно настаиваетъ общее сознаніе.

Непоследовательность матеріализма, его отсталые приемы, его привычка принимать гипотезы за доказанныя научныя истины обличаютъ его происхожденіе и почву, на которой онъ выросъ. Онъ — запоздалый, одряхлѣвшій, непомнящій родства потомокъ схоластики. Идеализмъ, одинъ изъ терминовъ безусловнаго средневѣковаго дуализма, исчезъ съ лица земли на нашей памяти; другой, уже потерявшій всякій смыслъ, продолжаетъ еще владѣть существованіемъ; но и его дни сочтены. Положительныя науки подкопали, мало по малу, всѣ основанія, на которыхъ матеріализмъ еще кой-какъ держался, и непрочный, обманчивый союзъ его съ естествознаніемъ только ускорить его паденіе. Поле для научнаго, фактическаго изслѣдованія психической жизни и ея явленій съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе очищается. Теперь наука, кажется, можетъ уже, не смущаясь никакими предвзятыми взглядами, начать серьезно свое дѣло, съ всегдашнимъ своимъ нелицепріятіемъ.

Вотъ результаты, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе господствующихъ въ наше время воззрѣній на психическую жизнь и ея явленія. Существованіемъ, рядомъ съ физическимъ, реальнымъ міромъ, особой психической жизни и свободы въ человѣкѣ единство мірозданія нисколько не нарушается. Неудачныя попытки выводить внѣшнюю природу изъ психическихъ началъ и психическую жизнь изъ фізіологическихъ данныхъ объясняются обстоятельствами, условіями и состояніемъ наукъ въ средніе вѣка; въ наше же время они являются анахронизмомъ и должны уступить мѣсто положительнымъ, точнымъ изслѣдованіямъ психическихъ явленій и фактовъ, при помощи точнаго индуктивнаго метода. Старыя воззрѣнія, продолжающія безконечныя и неразрѣшимые споры, должны быть отложены и забыты. Изъ прежнихъ споровъ наука, на первый разъ, извлечетъ только вопросы,

подлежащія разработкѣ и критически обслѣдованные факты. Гдѣ фактовъ нѣтъ, тамъ и будетъ предѣлъ науки; гдѣ изъ фактовъ нельзя сдѣлать никакого вывода, тамъ она просто сознается въ своемъ незнаніи, не дополняя его фантазіями. Только такимъ образомъ можетъ быть, наконецъ, мало по малу, распутанъ чудовищный клубокъ правды и лжи, свитый изъ старыхъ и новыхъ споровъ и недоразумѣній такъ крѣпко, что мы, думая надъ ними, почти потеряли здравый смыслъ. Величайшіе умственные и нравственные интересы страдаютъ отъ такой путаницы.

Постараемся, путемъ осторожныхъ наблюденій, опредѣлить строеніе души, насколько оно выражается въ фактахъ, а также условія и законы психической жизни, оставляя совершенно въ сторонѣ заносчивый вопросъ о томъ, что такое душа и откуда она. Будемъ въ этомъ слѣдовать примѣру естественныхъ наукъ, которыя, отдавшись исключительно изслѣдованію явленій, не задаются вопросомъ, что такое природа и откуда она. Онѣ вполне правы: кромѣ догадокъ, которыхъ доказать нельзя научнымъ путемъ, невозможно ничего придумать въ разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ.

Е. Кавелинъ.

ЧТО СЪ НЕЙ?

I.

Когда изъ пелёнъ порывалась она,
Молилась и жарко мечтала,
Растлѣнная жизнь, зла и грязи полна,
Ей раны свои обнажала.

* * *

И въ лучшіе дни, какъ цвѣла красота,
Мечты ея вяли и вяли;
Ни ласковыхъ словъ не шептали уста,
Ни дѣтскихъ молитвъ не шептали.

* * *

Пытливымъ огнемъ изъ-подъ темныхъ рѣсницъ
Мерца, въ ней мысль загоралась.
Въ тѣ дни, много-много запретныхъ страницъ
Въ безсонныя ночи читалось...

* * *

Ее жажда правды томила до слезъ;
На Западѣ бури шумѣли,
И къ намъ проникалъ за вопросомъ вопросъ,
Какъ вѣтеръ свиста въ наши щели...

* * *

Отъ этого вольнаго вѣтра спасти
 Нельзя лицемѣрной морали,
 Когда люди свято велятъ намъ блюсти
 Все то, что они попирали...

II.

И духъ отрицанья её посятилъ,
 Онъ понялъ, какая въ ней сила;
 Онъ юную душу настолько плѣнилъ,
 Насколько душа та—изныла;

* * *

Науку, семью, государство, права,
 Религію, геній, искусство,
 Все, все превратилъ онъ въ пустыя слова,
 Насилуя разумъ и чувство.

* * *

«Иди, говорилъ онъ, иди вслѣдъ за мной,
 И будетъ твой путь—путь свободный,
 И скоро, среди мастерскихъ мы съ тобой
 Сойдемся на тризні народной.

* * *

«На каждой верстѣ—будетъ общій дворецъ;
 За трудъ—будетъ плата любовью;
 И—будетъ тогда отрицанью конецъ—
 Созрѣетъ—политое кровью».

* * *

И эти туманныя рѣчи она
 При насъ горячо повторяла;
 Ея слабый голосъ дрожалъ какъ струна,
 Въ немъ гордая вѣра звучала.

III.

А время все шло—шло—и много надеждъ,
Имъ грубо задѣтыхъ, сломалось,
Чадясь, погасали восторги невѣждъ—
И мысль на вѣтрѣ колебалась.

* * *

Поблекло лицо ея—въ темныхъ глазахъ
Мысль робкимъ огнемъ чуть мелькала,
И ужъ не улыбка на блѣдныхъ устахъ —
Тѣнь прежней улыбки блуждала.

* * *

Ея предреканьямъ послушный кружокъ
Давно позабылъ ея грёзы;
У каждаго путь свой—и свой уголокъ
Нашелся для грёзъ и для прозы.

* * *

И тотъ, кто взялъ дань съ ея сердца, и тотъ
Пошелъ ужъ другою дорогой,
Ей бросивши на руки много заботъ,
И грудь познакомивъ съ тревогой...

* * *

И вотъ, чтобъ друзей не осталось слѣда,
Нужда въ ея дверь постучалась.
И билась она,—и искала труда —
И гдѣ теперь? Что съ нею сталося?

IV.

Ушла ли на Западъ она, въ край чужой,
Гдѣ жатва давно ужъ созрѣла,
И все, что не смято въ ней братской враждой,
Для новой вражды уцѣлѣло?

* * *

Ушла ли она въ наши степи, туда,
Гдѣ нѣтъ ни конца, ни начала,
Гдѣ требуетъ время иного труда,
И вѣры иного закала?

* * *

Или, изможенная страшной борьбой,
Въ чаду, въ тѣснотѣ еле дышетъ,
И чуткая, слышитъ бредъ жизни хмѣльной
И—Боже!—неужели слышитъ,—

* * *

Какъ духъ отрицанья глумится надъ ней,
И даже её отрицаетъ,
Ее,—кто ему въ жертву несъ радость дней
И ради его погибаетъ!

* * *

Ожесточенная—врядъ ли пойметъ,
Что въ безднѣ людскихъ заблужденій,
Лишь только поэтъ искры сердца найдетъ,
А искры ума—только геній.

Я. П. Полонскій.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРИИ МАСОНСКИХЪ ЛОЖЪ

Исторія нашихъ масонскихъ ложъ только недавно обратила на себя первое вниманіе. Нѣсколько изслѣдованій, появившихся въ послѣдніе годы, указали главныя внѣшнія черты этой исторіи и отчасти ея внутренній характеръ; но до сихъ поръ въ ней остается много неяснаго, событія все еще представляются отрывочно, разныя масонскія направленія остаются довольно смутными. Между тѣмъ масонское движеніе любопытно, какъ одно изъ первыхъ самостоятельныхъ проявленій нашего общества въ смыслѣ извѣстной нравственной тенденціи; оно обнимало весьма значительную часть общества, упорно держалось въ теченіи нѣсколькихъ десятиковъ лѣтъ, выказало большую дѣятельность въ своихъ практическихъ предпріятіяхъ.

Нельзя сказать, чтобы для этой исторіи не было матеріаловъ. Многое изъ ея документовъ безъ сомнѣнія погибло безвозвратно; масонскія логи и масоны не одинъ разъ подвергались преслѣдованіямъ, начиная со временъ Елизаветы Петровны и до 1826-го года, — при этомъ было конечно истреблено или растеряно много документовъ, личныя воспоминанія исчезали даже для самихъ адептовъ. При всемъ томъ осталось и до сихъ поръ не мало разнаго рода письменнаго и печатнаго матеріала въ нашихъ бібліотекахъ, матеріала еще далеко не разработаннаго; многое вѣроятно еще сбереглось и въ частныхъ рукахъ, у потомковъ людей, принадлежавшихъ къ масонскому обществу и сохранившихъ отъ истребленія свои документы. Желательно

было бы, чтобы лица, владѣющіе подобнымъ матеріаломъ, сберегли его, передавая въ общественныя библіотеки или сообщая тѣмъ, кто занимается этой исторіей.

Въ настоящемъ случаѣ мы хотѣли указать нѣкоторые матеріалы, которыми мало, или совсѣмъ еще не пользовались историки масонскихъ ложъ. Большія собранія масонскихъ рукописей находятся въ Публичной Библіотекѣ, въ Петербургѣ, и въ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеѣ, въ Москвѣ, — оба принадлежавшія обширной масонской библіотекѣ и архиву. Въ Публичной Библіотекѣ, кромѣ большого числа рукописей, надобно указать еще цѣлую библіотеку масонскихъ и мистическихъ печатныхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, которая принадлежала нѣкогда извѣстному въ свое время масону, графу М. Ю. Вѣльгорскому, и гдѣ находится много рѣдкихъ и замѣчательныхъ изданій. Рукописное собраніе Публ. Библіотеки въ послѣднее время умножилось другой масонской коллекціей, принадлежавшей извѣстному Ѳ. И. Прянишникову, въ свое время также масону. Обѣ рукописныя коллекціи Публ. Библіотеки состоятъ главнымъ образомъ изъ рукописной масонской литературы, конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія: сочиненій масонскихъ или отнесенныхъ къ масонству, трактатовъ объ орденахъ, твореній по мистической философіи и морали, по алхиміи, кабалистикѣ и магіи. Собственно историческаго и документальнаго здѣсь немного. Таковы, въ коллекціи Прянишникова, протоколы различныхъ степеней ложи «Умирающаго Сфинкса», — *работы ложъ*, — нѣсколько уставовъ и ритуаловъ, — отдѣльныя историческія замѣтки ¹⁾. Несравненно богаче и разнообразнѣе московское собраніе, доставшееся Публичному Музею отъ покойнаго профессора Ешевскаго. Это — большой масонскій архивъ, принадлежавшій нѣкогда великому мастеру одного отдѣла русскихъ ложъ, временъ императора Александра, С. С. Ланскому. Въ нѣсколькихъ стахъ нумеровъ, коллекція московскаго Музея заключаетъ въ себѣ разнообразныя документы. Это былъ официальный архивъ, и значительную долю его составляютъ протоколы и дѣла ложъ, союза Великой Провинціальной Ложи, — съ возстановленія ложъ при Александрѣ и до закрытія ихъ въ 1822-мъ году. Длинный рядъ фоліантовъ наполненъ официальными дѣлами, документами и перепиской, по которымъ можно съ подробностью ознакомиться съ дѣятельностью ложъ этой системы. Другой отдѣлъ архива составляетъ обширное собраніе уставовъ и ритуаловъ, представ-

¹⁾ Библиографическое описаніе масонскихъ рукописей собранія Прянишникова находится въ Отчетѣ Публ. Библіотеки за 1869-й годъ.

ляющихъ богатый матеріалъ для изученія масонскихъ обычаевъ и обрядовъ. Далѣе, какъ въ Публ. Библіотекѣ, находится здѣсь большая коллекція масонской литературы по различнымъ разрядамъ мистическихъ ученій. Далѣе, одинъ изъ важнѣйшихъ, въ историческомъ отношеніи, отдѣловъ этой коллекціи — до сихъ поръ единственный въ своемъ родѣ по богатству матеріала — есть собраніе частной переписки масоновъ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Наконецъ, — большое собраніе грамотъ, дипломовъ и разныхъ вещественныхъ принадлежностей масонства — масонскія эмблемы, востюмы, картины, принадлежности ложи и т. д. ¹⁾.

Наконецъ, можно упомянуть еще третью, менѣе, кажется, значительную коллекцію масонскихъ матеріаловъ, находящуюся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и для публики недоступную ²⁾.

Несмотря на богатство московской коллекціи, она осталась до сихъ поръ нетронутой изслѣдователями. Единственный разъ воспользовался ею Ешевскій, когда она еще находилась у него, и притомъ воспользовался одной небольшою ея долей. Мы имѣли, въ сожалѣнію, только короткое время въ своемъ распоряженіи, чтобы ознакомиться съ этой коллекціей, которая могла бы доставить матеріалъ для пѣлаго обширнаго изслѣдованія.

Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ иной цѣли, кромѣ общаго указанія на интересъ тѣхъ матеріаловъ, которые остаются еще неразработанными въ рукописяхъ Публ. Библіотеки и московскаго Музея. Мы упомянемъ, кромѣ того, еще объ одномъ небольшомъ собраніи масонскихъ бумагъ, за сообщеніе котораго обязаны Е. И. Ламанскому.

Занятія въ московскомъ Музеѣ были намъ чрезвычайно облегчены внимательностью его хранителей, и мы считаемъ обязанностью выразить свою благодарность А. Е. Викторову и Е. Ѳ. Коршу.

¹⁾ Краткое перечисленіе главнѣйшихъ предметовъ этой коллекціи находится въ «Отчетѣ по Московскому Публичному Музею отъ времени основанія его до 1-го января 1864-го года». Спб. 1864, стр. 32—39, и въ Отчетѣ за 1865 г., стр. 1—9; въ новѣйшихъ отчетахъ Музея упомянуто еще нѣсколько приобрѣтеній Музея по этому отдѣлу.

²⁾ Изъ этой коллекціи сдѣланы г. Пикарскимъ извлеченія, составившія «Дополненія къ ист. мас. въ Россіи XVIII столѣтія». Спб. 1869.

I. РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ.

Возникновеніе розенкрейцерской системы масонства въ Москвѣ было разсказано Ешевскимъ и г. Лонгиновымъ; мы указывали, въ другомъ мѣстѣ, общій характеръ этой системы, въ которой въ обыкновенному масонскому мистицизму примѣшалось особенное пристрастіе къ тайнымъ наукамъ, алхиміи и магіи. Розенкрейцерство введено было у насъ московскимъ профессоромъ Шварцемъ, который, во время поѣздки въ Германію по случаю Вильгельмсбадскаго конвента (1782), познакомился въ Берлинѣ съ представителями этой новой системы. Шварцу показалось, и его товарищамъ въ Москвѣ также, что они нашли наконецъ давно отыскиваемые таинства, которыхъ тщетно искали въ разныхъ другихъ системахъ масонства. На Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Россія признана и объявлена была VIII-й особой провинціей ордена, подчиненной только одному гросмейстеру ордена; но это пріобрѣтеніе, заслуга котораго принадлежала московскимъ масонамъ, не столько ихъ радовала, сколько розенкрейцерство, которое они случайно при этомъ отыскивали.

Въ изслѣдованіяхъ Ешевскаго изложено содержаніе переписки московскихъ масоновъ, изъ которой открываются обстоятельства возникновенія розенкрейцерства. Но матеріалъ еще не былъ имъ исчерпанъ, и въ немъ найдется еще многое для подробной исторіи розенкрейцерства. Такъ въ рукописяхъ Музея остались различные уставы, наставленія, такъ-называемые катихизисы розенкрейцерства, книги, которыя рекомендовалось читать, переписка и т. п.

Упомянемъ сначала рукопись, заключающую общія положенія розенкрейцерскаго ордена. Въ 1-мъ номерѣ музейной коллекціи, состоящемъ изъ отдѣльныхъ тетрадей документовъ, находится слѣдующій документъ:

«Верховно-братскимъ избраніемъ, силою и властію утвержденное вступленіе въ первый классъ Достохвальнѣйшаго Ордена Златаго Розоваго Креста, по послѣдней главной реформаціонной конвенціи составленное для благаго употребленія всѣхъ достойныхъ братьевъ, имѣющихъ право вводить и принимать другихъ мастеровъ Сіянія Свѣта и Потеряннаго Слова. Съ братскаго согласія издано въ лѣто Господне 1777» (18 листовъ, писанныхъ рукой С. С. Ланского).

Здѣсь же, въ Муз. № 1, находится другой, болѣе старый переводъ этого сочиненія («Отъ верховнѣйше братской избраніи-мощи и силы утвержденный входъ въ первый классъ» и проч.), которое имѣло также другое заглавіе: «Сильныя увѣщанія,

извлеченныя изъ истинныхъ писаній высокоосвященнаго ордена Злато-Розоваго Креста» и проч.¹⁾. Нѣмекій оригиналъ называется: «Von Obristbrüderlicher Wahl, Macht und Gewalt bestätigter Eingang zur ersten Classe des preiswürdigsten Ordens vom Goldenen Rosenkreuze и пр., или: Starke Erweise aus den eigenen Schriften des hochheiligen Ordens der Gold- und Rosenkreuzer» и проч.²⁾.

Далѣе, помѣщены здѣсь два перевода другихъ постановленій розенкрейцерства:

«Извлеченіе поучительныхъ орденскихъ постановленій З. Р. К. древней системы, которые учреждены при послѣдней главной преобразовательной генеральной конвенціи лѣта Господня 1777-го по братскому согласію и введены во всѣхъ *округахъ* ³⁾ для соблюденія братскаго порядка и для точнѣйшаго исполненія всѣми къ нимъ принадлежащими орденскими сродственниками» (писано рукой Ланского, 15 листовъ, заключающихъ только двѣ главы). Здѣсь же и старый переводъ этихъ постановленій: «Перечень наставительныхъ ордена положеній З. Р. К. древней системы» и проч. (75 стр. f^o; пять главъ) ⁴⁾.

Затѣмъ слѣдуетъ тамъ же:

«Таблица, какимъ образомъ катихизировать при принятіяхъ или иныхъ большихъ и малыхъ обыкновенныхъ конвенціяхъ, также предъ столомъ и послѣ онаго» (11 листовъ);—

«Комментарій о разныхъ орденскихъ истинахъ для употребленія достойныхъ братьевъ — — ⁵⁾ директоровъ Офиронской оберъ-гауптъ-директоріи 1781-го». Этотъ комментарий находится въ числѣ масонскихъ рукописей, указанныхъ г. Пекарскимъ (Дополн., стр. 67—69).

Въ этомъ же сборникѣ помѣщены документы, которые были приведены Ешевскимъ въ разсказъ о Вильгельмсбадскомъ конвентѣ 1782, — пригласительные циркуляры Фердинанда Брауншвейгскаго, нисъмо къ нему московскихъ масоновъ при посылѣ Шварца, постановленіе берлинской ложи «Трехъ Глобусовъ» 1783-го года, и друг.

Другая любопытная рукопись, въ которой собраны были

¹⁾ Ср. Ешевскаго, Сочиненія, М. 1870, т. III, стр. 559.

²⁾ Kloss, Bibliographie № 2,672. Chrysophirons Reden etc. Herausgegeben ohne Erlaubniß der Obern. München, 1792, стр. IX, прим.

³⁾ Въмѣсто этого слова въ рукописи находятся два кружка, которые, кажется, служили у розенкрейцеровъ для обозначенія этого слова.

⁴⁾ Ешевскій, тамъ же, стр. 552.

⁵⁾ Въмѣсто поставленныхъ нами черточекъ, въ рукописи находится кружокъ съ точкой посрединѣ, — что въ обыкновенныхъ случаяхъ означаетъ «орденъ».

С. С. Ланскимъ разные розенкрейцерскіе документы, между прочимъ письма Коловіона, указанныя Ешевскимъ¹⁾, въ музейномъ каталогѣ значится подъ № 95-мъ.

Коловіонъ было розенкрейцерское имя, или одно изъ именъ, Н. И. Новикова, и письма его къ «начальнику»,—какъ видно изъ писемъ, розенкрейцерскому,—очень любопытны въ историческомъ смыслѣ. Они, правда, еще не отрываютъ всей сущности отношеній, существовавшихъ въ нашемъ розенкрейцерскомъ обществѣ, но во всякомъ случаѣ характеризуютъ ихъ. Кто былъ *начальникъ*, на это въ письмахъ нѣтъ прямыхъ указаній. Но это былъ начальникъ московскій, такъ какъ Новиковъ говоритъ о «словесныхъ объясненіяхъ» съ нимъ (въ первомъ письмѣ пунктъ 8-й, во второмъ п. 6-й). Судя по обстоятельствамъ, это былъ вѣроятно извѣстный агентъ берлинскихъ розенкрейцеровъ, баронъ Шрёдеръ, который, по смерти Шварца, сталъ управляющимъ московскими розенкрейцерами и посредникомъ въ сношеніяхъ съ берлинскими властями ордена²⁾. Письма были писаны, повидному, въ 1784-мъ году, и по смерти Шварца, который упоминается какъ «въ Богѣ почивающій»; но страннымъ образомъ, въ первомъ же изъ этихъ писемъ, говорится о Шварцѣ, какъ о живомъ человѣкѣ: Коловіонъ объясняетъ начальнику, что не можетъ передать Шварцу нѣкоторыхъ дѣлъ (какъ начальникъ того желалъ), такъ какъ Шварцъ очень обремененъ. Чѣмъ объясняется это противорѣчіе, мы не понимаемъ. Могла произойти путаница при переписываньи этихъ документовъ.

Письма Коловіона, какъ увидитъ читатель, очень похожи на настоящую исповѣдь, гдѣ не только сообщается общее душевное состояніе, но и отдѣльные случаи, гдѣ человѣкъ самымъ откровеннымъ образомъ высказываетъ свои желанія, сомнѣнія, или раскаяніе. Дѣйствительно, розенкрейцерскіе порядки требовали подобной исповѣди. Наставленія ордена постоянно говорили о необходимости полнѣйшаго повиновенія начальникамъ,

¹⁾ Сочин. III, стр. 553—556, 564. Рукопись, о которой мы говоримъ, писана весьма старательно, и Ешевскій прибавилъ къ ней оглавленіе: «Матеріалы для исторіи масонства. 1) Три письма Коловіона къ начальнику; 2) Форма переписки; 3) Рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ брр. З. и Р. К. въ Россіи; 4) Письма Коловіона къ Роггесту; 5) Отрывки, доставшіеся брату М. В. П. послѣ покойнаго обер-директора Коловіона, большаю частію писанныя его К. рукою. — Писано рукою гр. С. Ст. Д.....го, послѣдняго великаго мастера.—С. Е.». Всего въ рукописи 122 листа, 8°. Другой сборникъ того же рода, гдѣ заключаются и упомянуты выше статьи, находится въ папкѣ, по муз. каталогу № 2. Текстъ приводимыхъ далѣе писемъ Коловіона въ обѣихъ рукописяхъ одинаковъ.

²⁾ Лонгиновъ, стр. 215.

безусловнаго довѣрія къ нимъ, ненарушимой скромности, молчанія и т. д. Объ этомъ пространно и настоятельно говорили поученія Хризостирона (Вѣльнера), которыя переведены были тогда на русскій языкъ: тема эта повторяется безпрестанно и въ тѣхъ письменныхъ упражненіяхъ, надъ которыми трудились и у насъ адепты «теоретическаго градуса» и которыхъ довольно много осталось въ рукописяхъ. Въ одной изъ рѣчей Хризостирона упоминается, что младшіе должны доставлять начальникамъ каждую четверть года подобные отчеты о себѣ, по которымъ начальники и сообщаютъ имъ потомъ свои ободренія и увѣщанія, наказываютъ или награждаютъ ихъ. Противники розенкрейцеровъ въ Германіи не упустили указать въ этомъ новую примѣту скрытно-католическихъ тенденцій, и удивлялись, что розенкрейцеры, эти мнимые протестанты, требуютъ исповѣди четыре раза въ годъ, тогда какъ самъ святой отецъ довольствуется только одной¹⁾. Письма Коловіона едва ли не были такими отчетами за четверть года.

Ешевскій заимствовалъ изъ этихъ писемъ только отдѣльныя фактическія указанія; но письма еще не были ни разу напечатаны въ полномъ составѣ, и мы нашли не лишнимъ привести ихъ въ извѣстность. Относительно формы писемъ должно замѣтить, что по правиламъ розенкрейцерской переписки — «сверху получаемое писаніе называется отпускъ, а снизу вверхъ — увѣдомленіе. Писать должно по пунктамъ: 1, 2, 3, и такъ далѣе. Если отвѣтствуется, то не должно ничего упоминать что содержится въ пунктѣ, но просто отвѣтствовать, напримѣръ, на 1-й (то-то и то-то), на 2-й, на 3-й и т. д.»²⁾. Такимъ образомъ пункты, выставленные въ письмѣ Новикова, предполагаютъ соотвѣственные вопросы со стороны начальника. Наконецъ, въ письмахъ встрѣчаются отдѣльныя слова (имена), писанныя шифромъ, намъ неизвѣстнымъ; въ подписи передъ именемъ «Colovion» стоятъ также повидимому два слова (имени), написанныя двумя различными шифрами.

¹⁾ Chrysostirons Reden, стр. 67.

²⁾ Ешевскій, тамъ же, стр. 552.

Три письма Коловіона къ Начальнику.

О. С. D. А. N. S. E.

Высокопочтеннѣйшій!

Высокодостойный начальникъ!

Съ радостнымъ сердцемъ получилъ я, в. д. Н., отпускъ вашъ подъ № 1-мъ и возсылая недостойное мое благодареніе ко Всемогущему, Все-праведному и Всемилосердому, Тріединому Богу за безчисленныя щедроты, которыя отъ божественной десницы милосердіе Его толь щедро, изобильно и преобгато и въ толико краткое время, чрезъ высокославныхъ начальниковъ нашихъ изліялъ Онъ и изливаетъ на отечество наше: да будетъ препрославленъ во вѣки вѣковъ милосердный Богъ и Отецъ всякаго милосердія и всякаго утѣшенія, и съ истинною покорностію моею сіе первое увѣдомленіе пишу.

1) Благодарю и прославляю всемогущую десницу Всемилосердаго Спасителя нашего, что даровалъ Онъ и даруетъ по милосердію своему и мнѣ недостойнѣйшему и худшему отчасти уразумѣвать, какъ существо святой работы Христова о—на ¹⁾, такъ и высокія наставленія въ Богъ почившаго отца моего Гаргануса ²⁾, чрезъ ваши, в. д. Н., словесныя наставленія и поученія, такъ и сей первый вашъ отпускъ.

2) Повелѣніе ваше, в. д. Н., относительно къ сочиненію описи, въ какомъ положеніи дѣла типографическія находятся, со всѣми подробностями, къ тому необходимо нужными, начато мною и в. п. бр. Шварцемъ исполненіемъ и приготовленіемъ всего къ тому нужнаго; я спѣшить буду привести сіе къ концу, какъ только скоро возможность будетъ и при увѣдомленіи моемъ къ вамъ съ покорностію представлю. Свидѣтельствуюсь совѣстью, что сіе бремя удручаетъ меня, и я съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю того, чтобы я при семъ дѣлѣ былъ только повѣренный и исполнялъ бы повелѣнія, что по дѣйствительному учрежденію компаніи исполниться можетъ. Наяискреннѣйше признаюсь, в. д. Н., что сіе страданіе, какъ наказаніе, я дѣйствительно заслужилъ, ибо при началѣ заведенія сихъ дѣлъ, я многое дѣлалъ по умственности и тѣмъ самымъ распространялось сіе дѣло весьма обширно; частію же и непредвидѣнныя происшествія столь увеличили оныя, что силы одного человѣка не могутъ объять его. Но какъ ни тяжело бремя сіе, однако повелѣнія ваши и волю высшихъ нашихъ высокославныхъ начальниковъ съ истинною покорностію исполнять во всю жизнь мою буду и молю Спасителя моего,

¹⁾ Въ рукописи кружокъ съ точкою посреднѣй.

²⁾ Розенкрейцеровское имя Шварца. Дальше говорится о Шварцѣ, какъ еще о живомъ и дѣйствующемъ лицѣ. Надо предположить или ошибку при переписываніи документовъ или позднѣйшую переправку, которая вошла въ копію.

да даруетъ Онъ мнѣ силы, по божественнымъ словамъ у св. Павла, благодарить Бога и Отца о всякой скорби нашей и вѣрить, что Онъ по милосердію своему все на пользу нашу строить.

3) Касательно до порученія дѣлъ в. п. бр. Шварцу, я тотчасъ исполнилъ и поручилъ ему весь магазинъ книжный, контору, лавку и всѣ счета, какъ новые, такъ и старые; въ исполненіе чего онъ уже и вступилъ. Но какъ повелѣніе ваше, в. п. Н., было, чтобы поручить ему и типографическія дѣла, то на сіе съ покорностію моею представляю:

а) Если поручить ему же дѣла типографическія, то онъ столь обременится, что невозможно ему будетъ всего исполнить, ибо и порученныя ему теперь дѣла столь обширны, что едвали не все займутъ его время, хотя это часть только; къ тому же, кажется мнѣ, что по тихости его нрава и нѣжной чувствительности, не можетъ онъ съ пользою исправить и сіе дѣло; да кажется мнѣ также, что и въ самомъ порядкѣ дѣлъ сихъ гораздо полезнѣе поручить сіе другому.

б) Для сего кажется весьма способнымъ мнѣ бр. Іоанновскій мастеръ Алексѣевъ, съ которымъ я о семъ говорилъ и который охотно беретъ на себя сію должность и хочетъ для сего взять увольненіе отъ службы. Въ смотрѣніи за типографическими дѣлами главнѣйшее и безпоконѣйшее есть то, что безпрестанно имѣть смотрѣніе за рабочими людьми, чтобы они приходили на работу, чтобы исправно работали и чтобы не было кражи и напраснаго медленія и остановки въ дѣлѣ; также и разбирать безпрестанно ихъ ссоры и проч., ибо вамъ, в. д. Н., частію извѣстно, что большая часть рабочихъ людей, по прежнему за ними несмотрѣнію, избалованы и пьяницы, то и смотрѣніе за ними должно имѣть строгое, и сіе съ покорностію моею представляю на благоизволеніе ваше. Вообще же о будущемъ производствѣ дѣлъ типографическихъ со всѣми частями оныхъ, по сочиненіи генеральной описи состоянію всѣхъ дѣлъ, будемъ мы обще съ в. п. бр. Шварцемъ трудиться сдѣлать планъ, который при увѣдомленіи моемъ представляю разсмотрѣнію вашему.

4) Искренно и чистосердечно признаюсь предъ вами, в. д. Н., что драгоценные столбы, на коихъ св. о — нѣ основывается, т. е. любовь къ Богу и ближнему, не разумѣлъ я, или лучше сказать: худо и неправильно разумѣлъ оныя и думалъ, что человекъ самъ собою можетъ любить Бога и ближняго; даже и былъ въ заблужденіи, что я исполнялъ оныя, то благодаря съ пролитіемъ слезъ моего Спасителя, что далъ Онъ мнѣ восчувствовать и познать слѣпоту мою; далъ Онъ мнѣ уразумѣть и ощутить, что любовь есть даръ Божій, который ощущать и наслаждаться онымъ даруетъ Онъ святымъ своимъ, сего сладчайшаго наслажденія и бѣдныхъ грѣшниковъ; бываютъ минуты, въ кои ощущаютъ они любовь къ ближнимъ своимъ и имѣютъ сладчайшее упованіе и любятъ Бога. Но минуты сіи скоротечны. Ежедневно, вставая и ложась, приношу я къ Отцу свѣтовъ, во имя Сына, Спасителя нашего, недостойную молитву мою о да-

рованіи сего сладчайшаго ощущенія любви и благодарю милосердаго Спасителя моего за то, что не рѣдко даруетъ Онъ мнѣ, по милосердію своему, сильное хотѣніе любить ближняго и Бога. Спаситель нашъ въ божественномъ словѣ своемъ изъясняетъ намъ, что больше сей любви нѣтъ, да кто положить душу свою за други своя, и сію святую и божественную истину запечатлѣлъ Онъ положеніемъ души своей за други свои, за всѣхъ грѣшниковъ. Но коль чуждъ еще я сей божественной любви! Часто еще, весьма часто и рано встать и поздно лечь и въ слякоть пойти для друга своего не хочется. Съ пролитіемъ слезъ пишу я сіи строки; благодарю Спасителя моего и вѣчно благодарить и прославлять буду милосердіе Его, что въ извѣстной вамъ, в. д. Н., болѣзни моей и послѣ оной даровалъ Онъ мнѣ такіа ощущенія и чувства, коняхъ я чуждъ былъ. Сколь сладостно, радостно и восхитительно и мгновенное ощущеніе смиренія, за которымъ слѣдуетъ любовь.

Такія ощущенія, кои часто гордость, часто слѣпое упрямство, часто своенравіе отъ меня закрывали. Увѣренъ я, в. д. Н., что чистая и непорочная молитва милосердыхъ и мудрыхъ отцевъ нашихъ и высоко-славныхъ начальниковъ ходатайствуетъ за насъ и привлекаетъ на отечество наше милосердіе и благословеніе Всемогушаго, — молитва сихъ истинныхъ священниковъ единой истинной и невидимой церкви Христа Спасителя нашего, которымъ общалъ Онъ по милосердію своему пребыть съ ними до скончанія міра, которымъ далъ Онъ ключи и вязать и рѣшать.

5) Искренно исповѣдую, в. ц. Н., что въ полученномъ мною отъ васъ отпускѣ, касательно до сего пункта многое мнѣ отрывалось въ разсужденіи минувшихъ дѣлъ и также точно и въ разсужденіи домашнихъ моихъ и показало мнѣ, что всякая умственная осторожность, тщаніе и попечительность суть суетны и часто бываютъ поводомъ къ тому самому, отъ чего предостерегаемся, ибо я точно для предупрежденія только таковыхъ безпорядковъ домашнихъ, всѣхъ постороннихъ, имѣющихъ до меня дѣло, во всякое время къ себѣ пускалъ и пускаю, и деньги самъ платилъ, и весьма часто подтверждалъ, чтобы ни одному человѣку не отказывали, но тотчасъ бы пускали ко мнѣ или сказывали, когда я въ кабинетѣ; но со всѣмъ тѣмъ открылъ я нѣсколько такихъ случаевъ. Я сдѣлалъ нынѣ еще наипостыжайшее подтвержденіе о самъ и буду употреблять всю возможность для прекращенія сихъ, часто терзающихъ меня безпорядковъ.

6) Относительно же къ братьямъ, а именно къ брр. Филусу и Вивансу я неоднократно бесѣдовалъ съ каждымъ изъ нихъ, въ разсужденія насмѣшекъ ихъ о бр. Татищевѣ. Сильный Богъ даровалъ мнѣ на то время и силу и, кажется мнѣ, что въ бр. Филусѣ открылъ предубѣжденіе противъ бр. Татищева; но онъ столь былъ тронутъ симъ, что съ того времени ни одного раза не примѣтилъ я въ немъ сего проступка. Что же

принадлежить до бр. Виванса, признался онъ чистосердечно, что онъ проступался въ семь по неосторожности и неосмотрительности, приста-
вая только къ рѣчамъ другихъ, или лучше сказать, отъ пустой болтливости; но благодаря Спасителя нашего, что и онъ живо ощутилъ мерзость сего порока, и не примѣтилъ я, чтобъ онъ въ разсужденіи бр. Тат. послѣ сего когда-нибудь проступился. Вообще же оба они съ того времени весьма примѣтно стараются оказывать противное прежнему ихъ поступку.

7) Относительно къ 7-му пункту вашего, в. д. Н., отпуска, т.-е. о распространеніи любви въ сердцахъ моихъ, къ искорененію грубости и ласковой пріемности ко всякому человѣку, съ искреннимъ и чистосердечнымъ признаніемъ доношу, что я всѣ силы, даруемыя мнѣ по милосердію Спасителя употребляю къ сему, чувствую однако, что еще часто и нынѣ проступаюсь въ разсужденіи грубости и ласковости; но благодаря милосердаго моего Спасителя, что въ ту же минуту и чувствую сіи проступки, раскаиваюсь, страдаю внутренно о семъ и прошу и молю милосердія Его, да подтвердитъ оно меня въ семъ искренномъ и истинномъ хотѣніи моемъ быть со всякимъ ласкову, ни съ кѣмъ грубу и стараться отпущать отъ себя всякаго довольнымъ. Неоднократно ощущалъ я, высокодостойный начальникъ, сладость чувства сего, чтобы хотѣть всякаго любить, хотѣть всякаго довольнымъ отпустить, хотѣть быть ласкову со всякимъ. Хотѣніе сіе часто производило возможность исполнить: исполненіе же самое давало новыя силы и новое къ сему стремленіе; но и сіе самое хотѣніе почиталъ я милосердіемъ Спасителя. Вообще, в. д. Н., съ извѣстной вамъ болѣзни моей, я ощущаю въ себѣ, по милосердію Спасителя, великую переменъ. Съ сего времени я почитаю новую эпоху въ жизни моей; въ сіе время и съ сего времени столь живо ощутилъ я милосердную десницу Спасителя, изторгшаго меня изъ челюстей ада и изъ когтей сатаны, такъ что, несмотря на то, что когда я разсматривалъ должности мои и каковымъ быть я долженъ, то гнушаюсь и мерзую собою; но когда взгляну на то, что я былъ прежде, то слезы раскаянія и благодарности проливаются. И теперь омываю уже донесеніе мое слезами. Буди вѣчно хвалимъ, прославляемъ и превозносимъ милосердый Спаситель грѣшниковъ, св. о—нъ Его и наши мудрые и милосердые отцы и высокочлавленные начальники. Вѣрю я и увѣренъ, что ихъ чистыми и непорочными молитвами, въ которыхъ они истинно подражаютъ образу ихъ милосердаго Спасителя, и что они, по божественнымъ словамъ у св. Павла, яко крѣпкіе носятъ немощи безсильныхъ, ощущаю толикія милосердія Божіа.

8) Касательно до изъясненія вашего, в. д. Н., мнѣ, что каждый Р. С. долженъ быть рабъ своего слова и что обѣщанное имъ должно быть непремѣнно, есть для меня весьма сильный урокъ, ибо, какъ я неоднократно словесно вамъ, в. д. Н., признавался, что сіе напряженіе дер-

заять свое слово, худо мною выразумѣнное, было источникомъ многихъ моихъ дѣйствій, о коихъ я теперь наискреннѣйше раскаяюсь, ибо, какъ вамъ извѣстно, что непрерывное помѣшательство въ дѣлахъ типографическихъ и сильныя разстройства по сямъ дѣламъ, со стороны университета происшедшія, такъ запутали всѣ сія дѣла, что не могъ уже я ихъ обозрѣть, ни удержать въ рукахъ своихъ и по неосторожности, болѣе же по умственности, желая поправить оныя, часто умножалъ только ихъ; а къ тому же, что не имѣлъ я, да еще и нынѣ едва иногда имѣю твердость отказать въ несправедливыхъ требованіяхъ, но старался въ то же время ихъ удовлетворять, часто принужденъ былъ не исполнить своего общанія и въ справедливыхъ требованіяхъ. Сверхъ того, какъ по извѣстнымъ вамъ бывшимъ обстоятельствамъ, не могъ я дѣлать свободныхъ оборотовъ въ денежныхъ дѣлахъ, то отъ всего сего произошло, что я боялся дать слово и отказывалъ въ такихъ дѣлахъ изъ страха только, что можетъ быть не сдержу слова, которыя послѣ съ удобностію исполнялъ. Я смѣю увѣрить васъ, в. д. Н., что я всѣ, дарованныя мнѣ отъ Бога силы начинаю употреблять къ тому, чтобы сіе предписаніе ваше могъ всегда исполнять въ точности. Богъ да благословитъ и, по милосердію своему, да поможетъ мнѣ исполнить оное.

9) Буди препрославленный, милосердный Спаситель нашъ, за толикое милосердіе его къ отечеству нашему, которое явилъ Онъ чрезъ милосердныхъ отцевъ и высокославныхъ начальниковъ нашихъ, дозволеніемъ печатать мистическія книги. Что касается до цѣны, по которой ихъ продавать, такъ и о расположеніи и заведеніи особой типографіи въ институтномъ домѣ для печатанія такихъ книгъ для братьевъ, то я должною моею ощущаю о всемъ ономъ дѣлать словесное увѣдомленіе, ибо нашъ весьма часто будутъ нужны скорыя рѣшенія, то и невозможно кажется мнѣ, обо всемъ ономъ дѣлать письменныхъ донесеній. На сіе ожидаю я вашего повелѣнія.

10) Касательно же до предписанія вашего, в. д. Н., о скрытности начальниковъ, смѣю увѣрить васъ, что я и самъ исполняю и всѣмъ брр., мнѣ вѣреннымъ, вкореняю и подтверждаю сіе весьма часто и, благодаря за сіе Спасителя, кажется, что всѣ мы строго сіе исполняемъ.

11) Предписаніе ваше, в. д. Н., въ 11-мъ пунктѣ вашего отпуска, чтобы остерегаться не говорить предъ неизготовленными еще и не стремящимися жажущимъ сердцемъ о тѣхъ истинахъ, кои каждый Р. С. почерпаетъ въ сердцѣ своемъ, чрезъ дѣйствіе духа св. о — на, я по силамъ моимъ всѣмъ брр. давно вкоренилъ и нынѣ то же дѣлаю; но относительно къ себѣ исповѣдаю чистосердечно, что сія св. истина, сильно мною почувствованная и худо выразумѣнная еще при жизни блаженного, въ Богѣ почивающаго отца моего Гаргануса, который неоднократно оную проповѣдывалъ, была такъ сказать причиною, или праведнѣе сказать: на сей истинѣ я палъ въ заблужденіе, что и было уже причиною ко мно-

гнѣ заблужденіямъ, такъ что я весьма мало уже говорилъ даже и съ брр. о—на и, такъ сказать, сдѣлался-было нѣмъ; но, благодаря моего Спасителя, и сіе во мнѣ примѣтно истребляется. При семъ также было и то причиною, что я истинно ощущалъ и нынѣ живо ощущаю недо-стоинство и себестоимость мою, и что всѣ брр. много разъ достойнѣе и лучше меня и что всѣ они искуснѣе въ познаніяхъ, и больше книгъ читали, и съ лучшимъ успѣхомъ, и проч., и проч., а отъ сего самаго и не смѣлъ я говорить съ ними, а еще менѣе наставлять ихъ. Но слова божественныя у св. ап. Павла: „буяя міра, немошная міра и худорожденная міра и уничиженная міра избра Богъ“, пролили въ разсужденіи сего свѣтъ въ душѣ моей и я ощутилъ, что сіе, по наружности казавшееся мнѣ доброе чувство, происходило изъ весьма нечистаго источника, т.-е. что я думалъ дѣлать сіе своими силами и также иногда отъ скрытной зависти. Вотъ какія мерзкія порожденія дьявола смѣютъ ¹⁾ принимать на себя видъ смиренія или уничиженія ²⁾. Часто и весьма часто по милосердію Спасителя дознавалъ я, какъ хитро можетъ сатана преображаться въ ангела свѣтла; но сіе отъ того, что глаза наши уже были омрачены и не могутъ видѣть уже: „аже суть Духа Божія и аже духа лестча“. Ощутилъ я по милосердію Спасителя, что мы долженствуемъ только не знать что говорить и не умѣть какъ говорить и признать недостойнство свое и ничтожность и сдѣлаться, такъ сказать, ничѣмъ, т.-е. придти въ основаніе истиннаго смиренія и вздохнуть изъ глубины сокрушеннаго сердца къ божественному Учителю ничтожныхъ, неученныхъ, простыхъ младенцевъ, то скоро учинимся мы, по благодати Его, трубою, въ которую Онъ будетъ учить и просвѣщать (не могу я выразить словами, в. д. Н., что я при семъ чувствую); но сколь часто послѣ сего падаемъ мы, приписывая изъ сего себѣ хотя нѣчто. Милосердный Спаситель да сохранитъ насъ отъ искушенія сатанинскаго и да избавитъ насъ отъ лукаваго.

12) Послѣдній пунктъ отпуска вашего, в. д. Н., приѣмлю я спасительнымъ для меня наставленіемъ, какъ въ разсужденіи себя самого, такъ и брр., вѣранныхъ мнѣ, и исповѣдаю искренно, что пролилъ онъ свѣтъ на многія мои недоумѣнія и сомнѣнія. Содержащееся въ немъ частію хотя и весьма слабо исполнилъ я въ разсужденіи себя и въ разсужденіи брр. моихъ. Вѣрую истинамъ, въ немъ содержащимся и прошу, именемъ милосердаго Спасителя моего, да даруетъ онъ силу брр., мнѣ вѣраннымъ, успѣвать болѣе и болѣе постигать и ощущать сіи св. истины и дѣлательно послѣдовать Спасителю, который есть путь, истина и животъ, и св. Его орудіямъ столько, сколько благоволитъ Онъ, по милосердію своему, даровать намъ силъ къ исполненію званія нашего,

¹⁾ Въ рук. «имѣютъ».

²⁾ Въ рук. «уничтоженія».

св. должностей и всѣхъ пунктовъ пресв. присяги, учиненной нами Ему и крестоносному и св. Его о—ну на всю жизнь нашу.

Симъ конча, заключаю да Б. и Е. с. б. с. п. препоручаю себя и брр., мнѣ вѣранныхъ, вашихъ, в. д. Н., молюсь и съ истинною покорностію и преданностію остаюсь вѣрно послушнѣйшій о—на сродственниковъ яко истинный *Frater Roseae et Aureae Crucis*.

— — — — — Colovion ¹⁾.

О. С. D. A. N. S. E.

Высокопочтеннѣйшій начальникъ!

Верховно-братскій отпускъ вашъ подъ № 2 я получилъ и съ покорностію моею на оный отвѣствую.

1) Медленность и долгое молчаніе на первый вашъ, в. п. Н., отпускъ всеискренно признаю я и самъ неизвиняемыми по уясненіи сего обстоятельства. Подлинно, я долженъ былъ все оставить, хотя бы и всѣ дѣла отъ того разстроиться должны были, но исполнить какъ возможно скорѣе повелѣніе моего начальника; но я уповаю и надѣюсь, что вы, в. п. Н., отпустите мнѣ сію²⁾, не отъ нехотѣнія, но отъ худаго выразумѣнія происшедшую погрѣшность. Еслибъ я сначала исполнилъ то, что дѣлалъ послѣ, т.-е. донесъ бы о невозможности скоро сдѣлать сей описи, то не заслужилъ бы сего праведнаго выговора, и я при семъ самомъ случаѣ ощущаю, что наказаніе дѣлаемъ мы сами себѣ, а не начальники наши. Я прошу и молю ежедневно милосердаго Спасителя моего, да даруетъ Онъ мнѣ, по милосердію своему, силы исполнять въ точности всѣ должности званія моего и буду впредь всѣ дарованныя мнѣ отъ Бога силы употреблять къ точнѣйшему и строжайшему исполненію всѣхъ вашихъ повелѣній. Милосердный Богъ и Отецъ Господа нашего Спасителя Іисуса Христа, по милосердію своему, да поможетъ мнѣ исполнять сіе мое всеискреннѣйшее желаніе.

2) Требуванную вами, в. п. Н., опись мы кончили, которую при семъ подъ лит. А. на російскомъ и нѣмецкомъ языкѣ прилагаю. Мы старались съ возможною точностію оную сдѣлать, но совсѣмъ тѣмъ не сомнѣваюсь я, чтобы не нашлись въ ней ошибки. Весьма вѣроятно однако то, что сіи ошибки будутъ не къ ущербу, но къ пользѣ компаніи.

3) Повелѣніе ваше, высокопочтенный начальникъ, въ разсужденіи

¹⁾ Передъ этой подписью поставлены повидимому два слова (или имени) двумя разными шифрами.

²⁾ Въ рукоп. «сіе».

брата — — — ¹⁾ я исполнилъ; говорить съ нимъ обстоятельно, назначилъ ему — — — ²⁾ (250) руб. годового жалованья, комнату и столъ, чѣмъ онъ совершенно доволенъ. Онъ обѣщалъ порученную ему должность съ наивозможнѣйшею ревностью и прилежаніемъ исполнять. Сегодня подать онъ прошеніе о увольненіи его и какъ скоро опростается назначенная ему комната, то переѣдетъ онъ и вступить въ отправленіе должности. Я весьма надѣюсь на прилежаніе, усердіе и дарованія сего молодого человѣка.

4) Касательно до § 4 вашего, в. п. Н., отпуска, въ которомъ вы распространили еще объясненіе на соблюденіе слова своего, приѣмлю за нужное мнѣ наставленіе и всекрайнѣйше буду стараться, сколько милосердый Спаситель поможетъ, исполнить сіе самымъ дѣломъ, ибо не довольно того, чтобы мы признавали только, но должны исполнять самимъ дѣломъ, по словамъ божественнымъ: „не слышатели только, но творцы закона, сіи оправдятся“.

5) Типографія для печатанія мистическихъ книгъ совсѣмъ уже учреждена и вступила дѣйствительно въ работу, и теперь печатаются двѣ книги: 1) W. Простосердечное о молитвѣ наставленіе. 2) Гучинсона, Духъ Каменьщикества. Впрочемъ о подробностяхъ въ сихъ дѣлахъ, по случающимся нуждамъ, по дозволенію вашему, в. п. Н., буду я изъясняться съ повелѣніи ³⁾.

6) На § 8 вашего, в. п. Н., отпуска, я испрашиваю позволенія отвѣтствовать особымъ увѣдомленіемъ, тѣмъ паче, что о истинахъ, въ немъ содержащихся, обѣщали вы, в. п. Н., подробнѣе объяснить въ словесной бесѣдѣ. Симъ конча, заключаю да В. и Е. С. б. с. н. препоручаю себя и брр., мнѣ вѣрренныхъ, вашимъ, в. п. Н., молитвамъ и съ истинною покорностью остаюсь вѣрнопослухнѣйшій о—на сродственникъ, яко истинный Frater Roseae et Aureae Crucis.

— — — — — Colovion ⁴⁾.

О. С. D. А. N. S. Е.

В. С. В. И. Н. Б. Н.

Высокопочтеннѣйшій начальникъ!

1) Возсылая недостойныя моленія мои ко Всевысочайшему Отцу небесному, что благоволилъ Онъ, по неизмѣримому милосердію своему

¹⁾ Имя написано шифромъ; повидимому рѣчь идетъ о томъ же Алексѣевѣ, о которомъ говорится въ предыдущемъ письмѣ.

²⁾ Цифра написана шифромъ.

³⁾ Вѣроятно ошибка, вм. «словесно».

⁴⁾ Въ подписи шифръ какъ въ предыдущемъ письмѣ.

допустить насъ еще праздновать квартальную конвенцію, которую мы, во имя Всемилосердаго Спасителя, удостоились праздновать, вмѣстѣ со всѣми истинными сынами мудрости, къ чести и прославленію св. Его имени.

2) Какъ еще первыя теперь препровождаю къ вамъ, в. п. Н., калькуляціонныя таблицы¹⁾, то признаваясь искренно, какъ въ собственномъ моемъ невѣжествѣ, такъ и въ ошибкахъ, которыя въ оныхъ находятся, испрашиваю верховнаго братскаго вашего извиненія, увѣряя притомъ, что дѣлалъ ихъ по лучшему моему разумѣнію. При сочиненіи оныхъ живо ощущалъ и недостойнство свое и сколь мало еще знаю я и себя самого и брр., мнѣ вѣрренныхъ.

3) Прилагаю при семъ, в. п. Н., петиты²⁾ подъ шестью номерами: подъ № 1 и 6, взятые мною; подъ № 2, 4 и 5, взятые бр. Филусомъ и подъ № 3, взятый бр. Еліомасомъ, испрашивая дальнѣйшаго препровожденія оныхъ къ высокославнымъ начальникамъ нашимъ.

4) Прилагаю также, по повелѣнію вашему, в. п. Н., росписи: 1) книгамъ, которыя есть у меня; 2) актамъ, кѣмъ; которые переведены и переводятся кѣмъ именно; 4) книгамъ, которыя въ публичной типографіи напечатаны, на отечественномъ и на иностранныхъ языкахъ; 5) книгамъ, которыя въ тайной типографіи напечатаны и печатаются³⁾.

Симъ конча заключаю и да Б. и Е. п. с. н. б. препоручаю себя и брр., мнѣ вѣрренныхъ, вашимъ, в. п. Н., молитвамъ и съ истинною покорностью и преданностью остаюсь вѣрнопослушнѣйшій о—на сродственникъ, яко истинный *Frater Roseae et Aureae Crucis*.

— — —

Colovion 4).

П е т и т ы :

№ 1. Alexius Lodijensky. Авг. 18, 1784.

— 2. Peter Lopuchin. 4 іюля 1784.

— 3. Andreas Werewkin. 17 сентября 1784.

— 4. Basilius Kolokolnikow. 21 сентября 1784.

— 5. Maximus Newzorow. 22 сентября 1784.

— 6. Basilius Bajenow. 26 сентября 1784.

¹⁾ Ср. «Calculatur-Listen» въ дневникѣ розенкрейцера, у Пекарскаго, Дополн. стр. 83.

²⁾ Такъ назывались кажется просьбы отъ желающихъ вступить въ орденъ. Ср. Ешевскаго, тамъ же, стр. 529.

³⁾ Третій пунктъ пропущенъ въ самой рукописи; быть можетъ, здѣсь просто слуганы цифры въ копіи.

⁴⁾ Передъ этой подписью только одинъ изъ прежнихъ шифровъ.

Мы рассказывали въ другомъ мѣстѣ, какимъ образомъ берлинское розенкрейцерство, уже вскорѣ послѣ своего появленія, обратило на себя вниманіе своими тенденціями, которыя по разнымъ основаніямъ казались подозрительны людямъ просвѣщеннымъ и разсудительнымъ. Розенкрейцеры рекомендовали и распространяли нелѣпую алхимическую и магическую литературу, и вмѣстѣ крайній піэтизмъ и вражду къ существующей наукѣ. Они представляли собой партію ретроградовъ и обскурантовъ, отъ которой тѣмъ больше можно было опасаться вреда, что дѣятели ея имѣли значеніе при прусскомъ дворѣ и могли имѣть — а потомъ, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, и дѣйствительно имѣли — вліяніе на государственныя дѣла. Нѣмецкіе «просвѣтители» не могли не возстать противъ розенкрейцерской алхиміи, подозрительно смотрѣли на тѣхъ «неизвѣстныхъ начальниковъ», на которыхъ ссылались розенкрейцеры, и вѣроятно серьезно опасались, что за всѣмъ этимъ скрывается хитрая политическая интрига. «Просвѣтители» полагали, что розенкрейцерство есть скрытная пропаганда католичества или даже, что въ розенкрейцерахъ скрываются іезуиты. Исторія гофъ-предигера Штарка и изобрѣтеннаго имъ «клериката» подтверждала подобныя опасенія, и такъ какъ «орденскія» дѣла творились вообще въ большомъ секретѣ, то противникамъ розенкрейцеровъ приходилось съ большимъ усиліемъ отыскивать ихъ дѣянія и тенденціи, чтобы вывести ихъ на свѣтъ: естественно, что воображеніе ихъ могло преувеличивать размѣры дѣла, — но они вовсе не ошибались въ сущности розенкрейцерскаго обскурантизма, потому что «орденскія дѣла» оказывались дѣйствительно вреднымъ обскурантизмомъ всякій разъ, какъ только они приобрѣтали практическое значеніе.

Такими противниками розенкрейцеровъ были извѣстный книгопродавецъ и писатель Николай, Боде, издатели журнала *Berlinische Monatsschrift* Гедике и Бистеръ, и т. д., которые ставили себѣ особенной задачей разоблаченіе этого шарлатанства. Одни старались сдѣлать это въ литературѣ, разъясняя должнымъ образомъ розенкрейцерскія писанія; другіе слѣдили за розенкрейцерами въ масонскихъ ложахъ, и т. д. Такъ, напримѣръ, сдѣлано было упомянутое нами изданіе Рѣчей Хризофирона «безъ позволенія начальниковъ», гдѣ къ этимъ Рѣчамъ присоединены были обличительные комментаріи; такъ, Боде напечаталъ «Сильныя увѣщанія» (около 1787—88 г.), т.-е. раскрылъ для публики розенкрейцерскія тайны.

Много этихъ враговъ розенкрейцерства вступило въ орденъ иллюминатовъ, основанный около того же времени въ Мюнхенѣ,

съ спеціальной цѣлью противоодѣйствовать помраченію умовъ вслѣдствіе распространенія множества мистическихъ севтъ, шарлатанства и предполагаемаго іезуитства. Вейсгауптъ, чтобы придать болѣе силы своей борьбѣ, принялъ для своего ордена обычныя масонскія формы, но вложилъ въ нихъ то содержаніе, какое давала либеральная и просвѣтительная философія конца XVIII-го вѣка. Это движеніе вскорѣ оказало дѣйствіе на ложи, и потому мистическіе масоны старой школы и особенно розенкрейцеры возопили противъ зловредныхъ людей и ученій, противникшихъ въ самый орденъ и извращающихъ самыя его основы. Иллюминаты стали для нихъ въ особенности предметомъ благочестиваго ужаса; розенкрейцеры дѣйствительно боялись ихъ, называли ихъ исчадіями ада и даже буквально говорили, что они дѣйствуютъ на гибель ордену по наущеніямъ дьявола. Они стали усиленно предостерегать своихъ учениковъ и адептовъ противъ иллюминатства, и достигли того, что, напр., московскіе розенкрейцеры говорили о немъ съ настоящимъ ужасомъ. Разоблаченія, устроенныя противниками розенкрейцеровъ, доводили послѣднихъ до того, что они находили нужнымъ превращать на время свои работы, перемѣнять свои «лозунги» и т. п. Очевидно, эти разоблаченія производили между ними переполохъ.

Берлинскіе розенкрейцеры старательно остерегали отъ иллюминатовъ и своихъ московскихъ учениковъ: они сдѣлали это при первомъ введеніи своей системы въ Москвѣ, и затѣмъ еще разъ повторили свои предостереженія впослѣдствіи. Сюда именно относятся слѣдующіе два документа, которые мы беремъ изъ той же музейной рукописи (№ 95), гдѣ Ланской повидимому собиралъ важнѣйшія преданія стараго розенкрейцерства. Въ этой рукописи циркуляръ противъ иллюминатовъ отнесенъ ко времени около 1787-го года. По словамъ Новикова въ его слѣдственныхъ показаніяхъ, предостереженіе сдѣлано было въ концѣ 1786-го года, черезъ Шредера, и съ началомъ 1787-го года возвыщено было такъ-называемое «молчаніе» или «бездѣйствіе» ордена (*silanum*) — «по причинѣ великаго распространенія пронырствъ иллюминатовъ»¹⁾.

¹⁾ Г. Лонгиновъ (стр. 248—249) относитъ циркуляръ противъ иллюминатовъ ко времени около 1785 года и упоминаетъ, что у него есть «рукописный переводъ этого циркуляра». Любопытно, тотъ ли это циркуляръ, какой слѣдуетъ ниже, или другой. О взглядѣ г. Лонгинова на самое дѣло мы говорили въ свое время, при разборѣ его книги. Показаніе Новикова, у Лонг., въ прилож., стр. 088.

Выписка изъ писанія (отпуска) В.... П.... къ Д...00.

I. Иллюминаты, во многихъ странахъ Европы разсѣявшіеся, суть весьма вредоносная секта, враждующая на царство Іисусово и на истинный о — нѣ ¹⁾, долженствующій особенно пособствовать къ распространенію Божественнаго Царства сего, для чего и стараются они всевозможными образами уловлять души и отвлекать отъ истинной чистой христіанской религіи, стремясь къ разрушенію всѣхъ связей, нужныхъ къ содержанію богоугоднаго порядка въ обществахъ, требующаго любви и повиновенія къ государямъ и властямъ, отъ нихъ учрежденнымъ; стараются они внушать злое стремленіе къ необузданной независимости отъ свѣтской и духовной власти. Къ исполненію всѣхъ оныхъ пагубныхъ своихъ намѣреній тѣются они достигать размноженіемъ заразительнаго ихъ сообщества проповѣданіемъ и книгами, наполненными нечистымъ свѣтомъ ихъ ложныхъ просвѣтителей. Внемлите же, принадлежащіе къ Богу посвященному собратству истинныхъ Р. К. и къ кровавому знамени Агнца. Внемлите, именующіе имя Іисуса и любящіе Господа и Мастера своего; внемлите, братья! Каждый изъ насъ, кто сіе читаетъ, или слышитъ, воспріими нынѣ предъ лицемъ Всевѣдца вновь твердое намѣреніе навсѣгда въ — — гѣ ²⁾ своемъ, во всѣхъ своихъ профанскихъ отношеніяхъ, рачительно защищать дѣло Божіе и о — ское ³⁾).

Станемъ на проломъ и не пропустимъ ни малѣйшаго случая противустать врагу. Премудрость и благодать Божія сами подадутъ намъ сіи случаи и всѣ полезныя средства доставятъ и напоследокъ вѣрно увѣнчаетъ Богъ наше искреннее стараніе благословеніемъ своимъ. На Него возложимъ упованіе наше и крѣпкая вѣра да воспалитъ непрестанно молитву нашу, дабы Милосердый помиловалъ родъ человѣческій, толь драгоценно искупленный Сыномъ Его, и дабы не удалось душеубійцѣ владычествовать на землѣ Божіей.

II. Подтверждается вѣщее стараніе о успѣваніи въ о — ской морали, которой теорія состоитъ въ истинномъ познаніи какъ совлекаться ветхаго Адама для облеченія въ новаго; практика же въ дѣятельности сего. Ученіе и образъ Спасителя и Мастера нашего Іисуса Христа, который есть путь, истина и животъ, содержитъ въ себѣ всѣ правила и исполненіе оной великой науки крестной, въ коей назидаетъ классическое ученіе о — ское. Изъ сего ученія должны братья знать, что основаніе его есть мораль оная и существенный успѣхъ въ теоріи и практикѣ ея долженъ предшествовать ясному и безкровному откровенію въ о — нѣ

¹⁾ Здѣсь, и дальше, вмѣсто слова «орденъ» изображается опять кружокъ съ точкой посрединѣ.

²⁾ Поставимъ кружокъ, и приведенное окончаніе.

³⁾ Кружокъ съ точкой посрединѣ.

великихъ таинъ природы, кои суть стяжаніе очищенныхъ и вѣрныхъ орудій въ божественной экономіи о—ской.

(Сей циркуляръ полученъ около 1787-го года).

Эта послѣдняя замѣтка, если сдѣлана Ланскимъ, то конечно по разсказамъ старыхъ масоновъ. Затѣмъ слѣдуетъ другая статья, — о которой мы не знаемъ, составляетъ ли она продолженіе предыдущаго, или особый документъ:

Копія съ повелѣнія

силою котораго всѣ управляющіе начальники — — и — — надзиратели, доколѣ отъ высокихъ н. о. (начальниковъ ордена) что другое повелѣно будетъ, должны ¹⁾:

1) Поелику бывшія доселѣ тайныя братскія письма или шифры 1-го, 2-го и 3-го класса, также какъ лозунги и проходныя слова Юніората ²⁾ нынѣ текущаго десятилѣтія сектъ иллюминатовъ преданы были и какъ сіе къ различнымъ обманамъ многихъ добрыхъ братьевъ и къ дальнѣйшему попользованію на нѣкоторые о—скія таинства послужить и во зло употреблено быть можетъ, то всѣмъ брр. яко о—мъ запрещенные и *proscribiret* ³⁾ запретить и отнять; притомъ

2) Отнынѣ всѣхъ тѣхъ, кои впредь такыя употреблять будутъ, за присоединенныхъ къ иллюминатамъ признавать и изъ всякаго братскаго союза исключить и отдалить, а напротивъ того:

3) Нанимъ братьямъ первыхъ юніоратскихъ градусовъ, какъ-то: юніорамъ, теоретикамъ и практикамъ, какъ однимъ, такъ и другимъ, прежде бывшіе шифры философовъ, которые мы нынѣ употребляемъ и которые отнынѣ тайнымъ юніоратскимъ писаніемъ для всѣхъ брр. рѣченныхъ 3-хъ первыхъ градусовъ суть, для законнаго употребленія поручить и предписать. Въ то же время, для юніоратовъ, донынѣ бывший лозунгъ Решъ въ новый лозунгъ переимѣняется — — ⁴⁾. Впрочемъ должны всѣ брр. вообще и особенно быть спокойными; иллюми-

¹⁾ Гдѣ у насъ поставлены черты, въ рукописи кружки (вѣроятно «округи»); на мѣстѣ буквы о кругъ съ точкой. Это повелѣніе упомянуто въ «Дополненіяхъ» Пекарскаго, стр. 72. Въ музейной рукописи недостаетъ означенныхъ въ Доп. именъ исключенныхъ братьевъ.

²⁾ Юніоратъ — первая степень розенкрейцерства; дальше упоминается вторая степень — теоретикъ, и третья — практикъ.

³⁾ Отъ латинско-нѣмецкаго *proscribere*, — изгнанные.

⁴⁾ Слово, написанное шифромъ. Въ нашей копіи «Мистическаго Таблицы» (гдѣ обозначены различныя принадлежности розенкрейцеровскихъ степеней), снятой съ эстампа Музея Московскаго Музея, недостаетъ этихъ лозунговъ. Въ *Encycl. der Freem.* лозунгъ первой степени обозначенъ Aesch (III, 96).

натамъ никакого явнаго препятствія не дѣлать, ниже уличать, но добрыя души, въ силу перваго и втораго пункта присяги, только съ великою осторожностію и мудростію, отъ такихъ злыхъ когтей сохранить тщиться; и притомъ должны служить они для своего собственнаго путеводства въ-дѣть, что всѣ иллюминаты для избранія во вступленію въ истинный орд. неспособными признаны, и потому тѣ, которые однако къ намъ введены были и по исполненіи ресепціи сей толико вредной секты далѣе придерживались, самымъ тѣмъ (*ipso facto*) полному исключенію подвержены суть.

Въ томъ рукописномъ матеріалѣ, который находится въ собраніяхъ Публичной Библіотеки и Московскаго Музея, есть обильное количество данныхъ для знакомства съ тою литературою, которая служила пищею нашимъ масонскимъ мистикамъ и розенкрейцерамъ. Но, къ сожалѣнію, отъ конца XVIII-го столѣтія осталось немного свѣдѣній о внутренней, интимной жизни розенкрейцерскаго кружка. Свѣдѣнія, которые находятся въ слѣдственныхъ показаніяхъ Новикова и его товарищей, страдаютъ обыкновенною неполнотою, неискренностью, даже прямою скрытностью, какія свойственны вообще подобнымъ показаніямъ и были особенно естественны въ этомъ случаѣ, гдѣ Новикову и его товарищамъ приходилось выдавать драгоцѣнные имъ «орденскіе» секреты передъ людьми, которые были имъ не только совершенно враждебны, но должны были казаться и грубо-невѣжественными въ глубочайшихъ истинахъ ихъ ученія. Въ рукописномъ матеріалѣ только изрѣдка встрѣчаются историческія указанія о дѣятельности розенкрейцерскихъ кружковъ.

Такъ было упомянуто Ешевскимъ свѣдѣніе о кружкѣ теоретическаго градуса «на востокѣ Вологды». Протоколы засѣданій этого градуса находятся въ томъ же сборникѣ (Муз. № 1-й), на который мы уже указывали. Протоколы (безъ заглавія) начинаются съ 12-го апрѣля 1791-го и продолжаются до 21-го мая 1792-го; всего здѣсь семь протоколовъ ¹⁾.

Въ рукописяхъ Публичной Библіотеки сохранились работы другой провинціальной ложи того же теоретическаго градуса, именно Орловской ложи, основанной въ 1784-мъ или 1785-мъ году, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ тогдашній орловскій вице-губернаторъ и ревностный масонъ, Захаръ Яв. Карнѣевъ, умершій въ 1810-мъ членомъ государственнаго совѣта ²⁾.

¹⁾ Ср. объ этой ложѣ Лонг: стр. 216. Ешевск., т. III, стр. 548.

²⁾ Объ этой ложѣ упоминаютъ показанія Новикова, кн. Трубецкаго и особенно: Лопухина. Лонг., прилож., стр. Q133.

Работы этой ложи находятся въ двухъ сборникахъ Публичной Библиотеки (F. III, № 47, 160 листовъ и № 48, 177 листовъ): эти сборники не имѣютъ никакого заглавія и сплетены изъ отдѣльныхъ тетрадей, и только на корешкѣ отпечатааны заглавія— «Разсужденія 1789-го года» и «Разсужденія 1791-го года».

Въ началѣ перваго изъ этихъ сборниковъ находится «Выписка» изъ наставленія для теоретическихъ братьевъ: «о Богѣ», «о натурѣ», «о хаосѣ», «о стихіяхъ вообще» и т. д. Затѣмъ, въ отдѣльныхъ тетрадяхъ слѣдуютъ рѣчи, читавшіяся въ собраніяхъ теоретическаго градуса. Рѣчи обращаются къ «достопочтеннымъ и любезнымъ братьямъ» и трактуютъ о различныхъ предметахъ христіанской и спеціально розенкрейцерской морали, о тѣхъ обязательствахъ, какія лежатъ на людяхъ, «введенныхъ во внутреннѣйшій храмъ соломонскихъ наукъ», о требованіяхъ данной ими присяги, о различныхъ вопросахъ «орденскаго» ученія, — разсужденія на различные тексты писанія, по случаю празднованія дня св. Іоанна Крестителя. Въ рѣчахъ нерѣдки выписки изъ «богомудрыхъ мужей», въ особенности изъ Якова Бѣма.

Всего, въ обоихъ сборникахъ, помѣщено почти до сорока подобныхъ рѣчей, большая часть которыхъ подписана Захаромъ Карнѣевымъ; нѣсколько рѣчей принадлежатъ Григорію Нелѣдинскому, говорившему, «чтобы исполнить волю дост. почт. главнаго надзирателя».

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣчаются среди рѣчей замѣтки: «тутъ читали теорет. брр. разсужденія свои», — такъ что сборники эти почти имѣютъ видъ протоколовъ орловской ложи. Григорій Нелѣдинскій былъ повидимому братъ ревностный, — его рукой написанъ цѣлый рядъ масонскихъ рукописей въ коллекціи Публичной Библиотеки¹⁾.

Въ сборникѣ 1791-го года, мы находимъ, между прочимъ, рѣчь Карнѣева въ память одного масона, который пользовался большимъ уваженіемъ въ розенкрейцерскомъ кругу, нѣкоего Краевича. «Вина собранія нашего, дост. почт. и люб. брр. — говорилъ Карнѣевъ, — есть смерть почетнаго нашего члена, достойнаго теор. брата Ни. Але. Краевича, представльшагося отъ земли въ вѣчную жизнь въ 24 день сего (?) мѣсяца въ 6-мъ часу по полудни, сирѣчь въ самое то время, когда милосердствующій о спасеніи нашемъ Господь и Спаситель нашъ благоволилъ недостойнымъ намъ собравшимся здѣсь едиными усты и единымъ сердцемъ молить, благодарить и хвалить Его, яко единого Бога» и проч. (листъ 53—54).

¹⁾ Напримѣръ, F. III, № 24, 27, 30, 32 — 36, 42; Q. III, № 53, 54.

Объ этомъ Краевичъ упоминаетъ, между прочимъ, Лопухинъ въ той любопытной перепискѣ со Сперанскимъ (1804—1806 года), гдѣ онъ знакомилъ его съ своею мистическою мудростью, посылая ему для его назиданія разныя «предрагоцѣнныя» книжки. Въ томъ числѣ была книжка *Révélations*, о которой Лопухинъ говоритъ: «*Révélations etc.*—переводъ съ русскаго манускрипта нѣкотораго Краевича, который подлинно имѣлъ Вѣдмическое просвѣщеніе, но больше ничего не написалъ. Вспоминается мнѣ въ сей моментъ, что есть у васъ эта книжка и русской оригиналь отъ Ѳеодора Петровича» (Лубяновскаго)....¹⁾

Чтобы оцѣнить похвалу просвѣщенію Краевича, надо вспомнить, что Яковъ Бѣмъ, котораго въ то время усердно переводилъ Гамалѣя и другіе, пользовался у розенкрейцеровъ величайшимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Это французское изданіе «*Révélations*» очень рѣдко и извѣстно намъ только по каталогу бібліотеки гр. Уварова. Этотъ великолѣпный каталогъ (*Bibliothèque Ouvroff. Catalogue Spécimen. Sciences secrètes. M. 1870. 4°*), напечатанный только въ 75-ти экземплярахъ и не находящійся въ продажѣ, представляетъ вообще множество важныхъ бібліографическихъ указаній въ описаніи рѣдкаго собранія гр. Уварова, и мы пользуемся случаемъ выразить искреннюю признательность гр. Уварову за сообщеніе этого замѣчательнаго изданія. Въ этомъ каталогѣ мы находимъ (№ 155—156) два изданія книжки: «*Les Fruits de la Grâce, ou les Opuscules spirituels des deux F. M. (francs-maçons) du vrai Système etc. 1790, или по другому изданію... «Opuscules spirituels de deux amateurs de la Sagesse», съ текстомъ изъ Іоан. III, 3. 7. Два масона, бывшіе авторами этихъ «Плодовъ Благодати», были Лопухинъ и кн. Н. В. Репнинъ. На стр. 67—90 этой книжки помѣщены «*Révélations faites au Fr. C.....*», тѣ самыя, о которыхъ Лопухинъ писалъ Сперанскому, т.-е. откровенія Краевича.*

Эти сочиненія Лопухина, кн. Репнина и Краевича находятся, на русскомъ языкѣ, въ рукописи Публичной Библіотеки III. Q. № 67. Это есть сборникъ масонско-мистическихъ статей, составленный въ 1790-хъ годахъ и названный на корешкѣ: «Разныя духовныя сочиненія». Не имѣя подъ руками французскаго изданія, для сличенія статей, мы ограничимся бібліографическими указаніями. Здѣсь, на л. 33-мъ, помѣщены «Плоды Благодати или духовныя мысли двухъ любителей премудрости», съ текстомъ изъ Ев. Іоанна III, 3; статья кончается на оборотѣ 65 листа («конецъ запискамъ»). Далѣе, л. 66-й: «Прибавленія» (съ тек-

¹⁾ Р. Архивъ. 1870, стр. 618.

стомъ изъ Ев. Іоанна VIII, 36) — «Нѣкоторые историческія свѣдѣнія о св. к.», т.-е. свободныхъ каменщицахъ. Листъ 69-й: «Выписка изъ Пастырскаго Посланія къ истиннымъ с. к. древней системы 5785». На оборотѣ л. 72-го: «Что есть быть христіаниномъ и принадлежать къ церкви или къ невѣстѣ Агнца», въ вопросахъ и отвѣтахъ. На оборотѣ л. 75-го: «Примѣчаніе бр. К. касательно № 1 отдѣленія мыслей его, которыя не могли быть напечатаны прежде» (?). Въ этой послѣдней статьѣ разсказывается, какъ авторъ желалъ испытать: «не могу ли разными моими духовными движеніями и направленіемъ ихъ въ вѣрѣ къ невидимымъ предметамъ внутреннихъ міровъ, истинно увидѣть тѣ вещи, кои я видѣлъ тамъ и тамъ въ описаніяхъ перомъ нѣкоего писателя». Для этого авторъ, «находясь въ глубочайшемъ суботномъ положеніи», началъ дѣлать «конвульсивныя движенія», и наконецъ добился своего, т.-е. пришелъ въ экстатическое состояніе. Онъ описываетъ свои ощущенія и оканчиваетъ такъ: «здѣсь рѣчь моя должна прерваться, ибо невозможно описать, въ какомъ стройномъ и можно сказать безсмертномъ состояніи моего тѣла я находился».

Затѣмъ помѣщены «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви и проч. 5792-го года», Лопухина, и рядъ другихъ статей мистическаго содержанія, наконецъ на л. 189-мъ слѣдуютъ опять: «Писанія и откровенія просвѣщеннаго б. К.» («1789 году, апрѣля 2-го дня внутренно открылось б. Н. К.» и проч.). Здѣсь повторены нѣкоторыя изъ статей, помѣщенныхъ выше на листѣ 33-мъ и слѣд., но въ другомъ вариантѣ чтенія, — между прочимъ, и разсказъ объ экстатическомъ опытѣ. На листѣ 196-мъ написано карандашомъ заглавіе: «Лучъ Благодати» и слѣдуютъ одиннадцать писемъ мистическаго содержанія; подъ однимъ изъ нихъ подписано Н. К., и карандашомъ добавлено: «Краевичъ»; при первомъ письмѣ (какъ здѣсь говорится) была послана одна изъ предыдущихъ статей, 1789-го года, 2-го апрѣля¹⁾.

Наконецъ, на л. 205—213, находятся «Бесѣды, кратко записанныя братомъ Д., котораго оный просвѣщенный б. былъ нѣсколько времени водителемъ» — девять бесѣдъ мистическо-орденскаго характера: подъ «онимъ просвѣщеннымъ братомъ» разумѣется, вѣроятно, опять Краевичъ²⁾.

¹⁾ Мистическій піетизмъ автора таковъ, что по поводу Сведенборга и Пордеча онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «отъ чего заврался Шведенборгъ, да и другой авторъ, коего я не смѣю сказать? отъ чего сочиненія (ихъ) на многихъ мѣстахъ человѣчиною пахнутъ?» и пр. (!!) Въ каталогѣ Уварова замѣчено также неблагоклонное отношеніе авторовъ книжки къ Сведенборгу.

²⁾ Сравни. рукописи Московскаго Музея № 254 и № 268.

Въ масонскихъ бумагахъ Моск. Музея встрѣчаются также отдѣльныя указанія о старыхъ временахъ нашего розенкрейцерства. Розенкрейцерскія преданія вѣрно сохранялись адептами этой школы и отчасти переходили въ наслѣдство къ новымъ масонамъ. Старые розенкрейцеры вообще были упорными мистиками. Въ царствованіе Александра они почти не участвовали въ новыхъ ложахъ, къ которымъ, по крайней мѣрѣ сколько извѣстно до сихъ поръ, не приступали ни Новиковъ, ни Гамалѣя, ни Лопухинъ, ни Поздѣвъ, ни Карпѣвъ и проч.; но они сохранили великій авторитетъ у новѣйшихъ мистическихъ масоновъ, и имѣли большое косвенное вліяніе на новыя ложи. Такъ глубокое почтеніе питали къ старымъ розенкрейцерамъ С. С. Ланской и гр. Мих. Ю. Віельгорскій, которые главнымъ образомъ руководили Великой Провинціальной Ложей. Великимъ авторитетомъ ихъ былъ О. А. Поздѣвъ, собраніе писемъ котораго, находящееся въ Московскомъ Музеѣ, представляетъ любопытный матеріалъ для исторіи масонства и для исторіи общества Александровскихъ временъ. Въ рукахъ Ланского собрались остатки розенкрейцерскаго архива, и онъ самъ старательно списывалъ многіе его документы.

Въ перепискѣ С. С. Ланского есть указанія на его сношенія и съ другими старыми масонами, послѣдними почитателями и друзьями Новикова и Шварца. Такъ, въ письмѣ одного неизвѣстнаго его корреспондента есть упоминанія о Новиковѣ и Шварцѣ (сборникъ писемъ къ С. С. Ланскому, 1815—1822 г., Муз. № 112):... «Благодарю васъ, — пишетъ онъ, ... за книгу: Отверзтыя врата Рецеля, по благодати Господней въ манускриптѣ давно мнѣ уже извѣстную, и которую и покойный блаженной памяти благодѣтель мой Н. Ив. весьма уважалъ» ¹⁾. Далѣе, онъ упоминаетъ книгу «L'amour glorifié», — «посланную нѣкогда истинными брр. въ Англію, и съ благодарностію и тамъ принятую; а послѣ и здѣсь, но недостаточно и съ пропусками (видно отъ тогдашней цензуры) по-русски напечатанную» и «ко благу братства и въ благочестіи

---

¹⁾ Такой манускриптъ есть (въ двухъ экземплярахъ) въ Публичной Библіотекѣ, III. Q. № 35 и № 36: «Отверзтыя врата тайной натуры и дѣйствующихъ свойствъ ея въ добръ и во злѣ, изъ коихъ весьма удобно познать можно, изъ чего здравіе и богѣзнь, также врачующее лекарство и зѣдъ производится. Также что есть эссенція вещей, и давно желанная всѣми химиками къ свѣдѣнію первая матерія философскаго универсальнаго лекарства въ пользу нищимъ истинныхъ слагирическихъ и медицинскихъ знаній.—Описано Д. Георгіемъ Фридрихомъ Рецель, высоко-княж.-брауншв.-линеб. горнымъ совѣтникомъ и корол. профес. прусс. соціетета наукъ со-членомъ» (въ 12 главахъ; 97 л.).

упражняющихся весьма важную»¹⁾. Въ томъ же письмѣ о семействѣ Шварца: «по вѣрной любви къ покойному блаженной памяти благодѣтельному орудію для отечества нашего Ив. Ег. Шварцу и заботясь о бѣдномъ (а паче по кончинѣ Вѣры Николаевны) состояніи вдовствующей супруги его, прибѣгаю къ вамъ съ напоминовеніемъ о предложеніи ей и на сей годъ благодѣтельной помощи вашей и посредствомъ вашимъ». Вѣра Николаевна есть вѣроятно дочь Новикова.

Въ собраніи Московскаго Музея находятся, между прочимъ, записныя книжки Ланскаго и Віельгорскаго²⁾, куда они вносили собственно масонскія достопримѣчательности, а въ особенности замѣтки о бесѣдахъ съ О. А. Поздѣвымъ. Здѣсь — выписки изъ его писемъ, изъ рѣдкихъ масонскихъ писаній, имъ указанныхъ и сообщенныхъ, замѣтки о прежнихъ временахъ и т. п. Въ послѣдніе годы своей жизни (онъ умеръ въ 1820-мъ г.) Поздѣвъ жилъ въ Вологодской губерніи, кажется на своемъ стеклянномъ заводѣ, и тамъ, въ 1813—1815-мъ г., посѣщали его преданные ученики и поучались.

Поздѣвъ въ своихъ бесѣдахъ сообщалъ имъ чисто розенкрейцерскія «познанія» и наставленія. Для примѣра приводимъ нѣсколько указаній. Въ одномъ мѣстѣ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о розенкрейцерской литературѣ. Мы рассказывали въ другомъ мѣстѣ, какъ розенкрейцерство имѣло свой источникъ въ сочиненіяхъ Валентина Андреа, въ началѣ XVII-го столѣтія, — сочиненіяхъ, которыя говорили о таинственномъ орднѣ этого имени, и которыя по мнѣнію однихъ были мистической фантазіей Андреа, а по другому мнѣнію — имѣющему за себя весьма большія основанія — имѣли только сатирическую цѣль, осмѣяніе мистической алхиміи и магіи. Но фантазія Андреа именно понравилась людямъ, надъ которыми онъ хотѣлъ смѣяться, и розенкрейцеры имѣли огромный успѣхъ. Тема Андреа была разработана этими людьми, и уже вскорѣ составила изъ розенкрейцерства новая особая школа алхимиковъ и магіковъ, которая отъ начала XVII столѣтія сохранилась въ разныхъ формахъ до конца XVIII вѣка. Берлинскіе розенкрейцеры составляли одну изъ такихъ новѣйшихъ отраслей этой школы: чтобы выдѣлиться въ нѣчто высшее и самостоятельное и поддержать традицію мнимой старины своего ордена, они представляли его какъ учрежденіе, основанное при послѣдней глав-

¹⁾ Въ каталогѣ Смирдина № 718: «Прославленная любовь, или разсужденіе о лествицной премудрости», и проч. М. 1818.

²⁾ По каталогу масонскихъ рукописей, онъ значится подъ двойными номерами: № 851—855 и 226—230.

ной преобразовательной конвенціи (Haupt-und Reformatiоns-Conventiоn). Розенкрейцеры почувствовали однако неудобство для ихъ цѣлей въ сочиненіяхъ Андреа, или увидѣли это неудобство изъ чужихъ указаній, и теперь они старательно отклоняли отъ себя связь съ этими сочиненіями. Это было очень естественно.

Въ записной книжкѣ Ланского (Муз. № 855 — 230, л. 16) мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о розенкрейцерской литературѣ, записанныя безъ сомнѣнія со словъ Поздѣва:

«Подъ именемъ Ф. Рзнерц. напечатанныя книги: Fama Fraternitatis; Chymische Hochzeit; General Reformatiоn der ganzen Welt; Confessio Fratrum (все это — книги Андреа) и пр. суть отчасти совсѣмъ *подложныя*, частію же весьма *испорченны*. Они о—ми брр. (орденскими братьями) непризнаны.

«А. В. С. der Weisen есть раздробленное безъ связи извлечение изъ сочиненій истинныхъ мудрыхъ, однакожъ и писатель и издатель онаго не есть о—й бр.

«Изъ о—на вышедшія книги суть: Basilii Valentini, Arnold de Villanova, Raimund Lullii, Paracels., Rogerus Baco, Isaac Holland, Sendivogius, Graf ¹⁾ Bernhard, Helmont, Monte Snyder, Hermetischer Triumph, и многихъ другихъ писателей тайныхъ наукъ временъ прошедшихъ, или Plumenek's Eröff. unter Einfluss etc., Compass der Weisen, Freimaurerische Versamlungsreden des G. u. R. C., и Annulus Platonis».

Здѣсь собраны главнѣйшія сочиненія по тайнымъ наукамъ, имѣвшія авторитетъ у розенкрейцеровъ; нечего говорить о томъ, насколько достовѣрна историческая ссылка, что указанныя книги «вышли изъ ордена»: довольно того, что сюда зачисленъ Рожеръ Бакоуъ.

Рядомъ съ приведенными замѣтками о книгахъ, Ланской записываетъ: «И. А. привезены изъ В.—Ш. въ 1783-мъ году. Работы по нимъ продолжались оный и послѣдующіе годы до 1789, когда открылось гоненіе». Рѣчь конечно идетъ о ка-кихъ-то *актахъ*, — вѣроятно первыхъ степеняхъ розенкрейцерства, вывезенныхъ Шварцемъ. Извѣстіе о продолженіи работъ вплоть до 1789-го г. не сходится съ показаніями розенкрейцеровъ на слѣдствіи, когда они говорили, что работы почти или совсѣмъ прекратились еще ранѣе этого времени.

Въ записной книжкѣ Вельгорскаго (Муз. № 853—228),

¹⁾ Въ рук. неясно. Вообще мы вписываемъ эти имена и заглавія съ буквальной точностью и съ тѣми ошибками, которыя произошли отъ диктовки или записыванія со словъ.

отмѣчено, изъ разговоровъ съ Поздѣвымъ, свѣдѣніе объ управленіи розенкрейцерствомъ въ Петербургѣ. Свѣдѣніе относится конечно къ восьмидесятымъ и девяностымъ годамъ прошлаго столѣтія: «....Послѣ доктора Звѣраки начальникомъ былъ брр. въ П. — Алек. Андр. Р.—, а потомъ уже Лен....». Первый начальникъ петербургскихъ братьевъ есть конечно тотъ Зверяга, имя котораго упоминается въ напечатанной Ешевскимъ перепискѣ московскихъ масоновъ съ петербургскими¹⁾; второй есть извѣстный петербургскій масонъ того времени, Алексѣй Андр. Ржевскій, извѣстный изъ той же переписки; третій (начальные буквы его имени написаны очень неясно) есть вѣроятно Лѣнивцевъ, крайній мистикъ, который впоследствии былъ членомъ комитета библейскаго общества. Мы съ нимъ еще встрѣтимся дальше.

Въ другой книжкѣ Ланского (Муз. № 854—229) мы находимъ выписку изъ письма І. А. (т.-е. того же Іосифа Ал. Поздѣва) къ П. С. отъ января 1813 года. Здѣсь говорится между прочимъ: «Что вы по службѣ и по московскимъ обстоятельствамъ принуждены сдѣлаться петербургскимъ жителемъ, то видно уже такъ надобно, тѣмъ паче, что и домъ вашъ отнять. Что дѣлать? Власть на то Господня, а между тѣмъ Богъ уготовалъ вамъ знакомыхъ, кои вамъ полезны по вѣчности и по времени, то видно и назначается вамъ мѣсто тутъ. Сердечной мнѣ Бел.... пошолъ на выгодное мѣсто изъ Петербурга, и тамъ очень прилѣжалъ ко временной экономіи, но Богъ не того требуетъ; взять преждевременно, кажется, по лѣтамъ въ вѣчность, ибо не здѣсь наше гнѣздо»... Къ обозначенному здѣсь имени сдѣлано такое примѣчаніе: «Бел..... былъ нѣкогда назначаемъ путеводителемъ для петербургскихъ брр. и можетъ быть (есть ли бы оставался въ семъ городѣ) не допустилъ бы А. А. Лѣнивца. съ послѣдователями передаться Грабянкѣ, опаснѣйшему проповѣднику Авиньонцевъ, кои столь глубоко пустили корень, что и теперь многихъ стараются дѣлать послѣдователей, и въ семъ намѣреніи успѣвають». Кому принадлежитъ это примѣчаніе, не знаемъ; можетъ быть, самому Ланскому. Кто Бел....., также неизвѣстно; о Грабянкѣ сообщимъ дальше особо.

Въ записныхъ книжкахъ находятся наконецъ и нѣкоторыя подробности розенкрейцерскаго ученія, которыя Поздѣвъ передавалъ своимъ ученикамъ. Посѣщая его, они дѣлали выписки изъ

¹⁾ Это самое имя должно вѣроятно читать въ напечатанныхъ у Пек. отрывкахъ дневника розенкрейцера, вм. «Иверакъ», какъ прочиталъ г. Пекарскій («Дополн.», стр. 79).

его розенкрейцерскихъ рѣдкостей, записывали его изреченія, иногда весьма курьезныя и характеристичныя. Такъ, здѣсь находятся выписки изъ Теофраста Парацельза, «Пимандра» Меркурія Трисмегиста, изъ книги «о явленіяхъ духовъ по смерти» и т. п., или дѣлаются выписки «изъ бесѣдъ», т.-е. бесѣдъ съ Поздѣвнымъ.

Такъ, въ декабрѣ 1813 года Ланской записываетъ розенкрейцерскія толкованія о ртути, сѣрѣ и соли, или духѣ, душѣ, тѣлѣ, — о томъ, что «въ X степени открывается значеніе именъ божіихъ по разнымъ свойствамъ его: *Адонай* (значить) сотворилъ міръ; *Елоимъ* — свойство правосудія, коимъ и нынѣ міръ правится; неизрѣкаемое же имя содержитъ въ себѣ всѣ свойства и означаетъ то состояніе, когда все будетъ во всемъ», — о томъ, что «когда священникъ или дьяконъ во время отправленія литургіи вадитъ, то обходя жертвенникъ и выходя изъ олтаря чрезъ царскія врата, описываетъ сію фигуру ☿» (т.-е. алхимическую фигуру меркурія).

Слѣдуютъ мистическія толкованія о человѣкѣ. «Адамъ изъ перваго совершенства своего, или изъ образа и подобія Божія, палъ 3-мя степенями, изъ духовнаго (человѣка) въ зидерическаго, а изъ зидерическаго въ грубо плотскаго». «Въ мастерской степени принимаемый повергается во гробъ тремя же ударами, а возстаетъ посредствомъ 5-ти мастерскихъ пунктовъ — пяти язвъ всевысочайшаго Мастера». «Въ каждомъ человѣкѣ находятся духовный человѣкъ, зидерическій и плотской. Въ духовномъ человѣкѣ, зидерическомъ и плотскомъ суть три начала: духъ, душа и тѣло. Адамъ палъ въ духовномъ, зидерическомъ и плотскомъ состояніи, и увлекъ въ паденіи своемъ все потомство свое. Возстаніе должно произойти по тремъ началамъ, какъ духовнаго, такъ по тремъ началамъ зидерическаго и плотскаго человѣка. Вотъ почему предписываютъ намъ созидать духовный храмъ Соломоновъ чрезъ 3 раза 3».

Къ этимъ толкованіямъ о паденіи Адама можно прибавить еще замѣчаніе, записанное Вильгорскимъ, — «о пѣломудренномъ лобзаніи, въ которомъ человѣкъ сообщаетъ магически тинктуру¹⁾ для зачатія человѣка — такъ, какъ Адамъ нѣкогда. Теперь же тинктура сообщается чрезъ грубый каналъ и проч.»

Въ замѣткахъ Ланского помѣщено особое небольшое разсужденіе «о достиженіи въ сверхъ-натуральному состоянію», т.-е. тому, котораго успѣшно достигалъ Краевичъ. «Въ семъ со-

¹⁾ Алхимическій терминъ.

стояніи — говорится здѣсь — являетъ имъ (людямъ, его достигшимъ) Богъ великую милость и чрезвычайныя дарованія, и не можно сказать, великая любовь и истеченія благодати проистекають имъ отъ Бога. Они часто чувствуютъ соединеніе со Христомъ, присутствіе святаго Духа и самихъ святыхъ ангеловъ; они вкушаютъ Бога и благодать Его, и потому часто столько освобождаются отъ тварей, что забываютъ все позади ихъ существующее, и почти и себя самихъ уже не ощущаютъ, понеже они превращены во Христа и суть одинъ духъ съ нимъ, и блаженно въ Богѣ погрузились и погубились. Гражданское ихъ хожденіе потомъ уже не на земли и не въ землѣ, но въ небѣ и къ небу»...

При этомъ сообщаются мистическія средства и рецепты для достиженія этого состоянія (Муз. № 854—229).

Наконецъ, рѣчь заходила и о практическихъ вопросахъ. Изъ переписки Поздѣева, находящейся въ Моск. Музеѣ, видно, что и Ланской, и Віельгорскій въ своемъ управленіи Провинціальной Ложей, постоянно обращались къ нему въ важныхъ вопросахъ, и масонскія дѣла безпрестанно обсуждаются между ними. Здѣсь мы ограничимся одной замѣткой въ книжкѣ Віельгорскаго (Муз. № 853—228), кажется въ мартѣ 1814-го года: «Если случится говорить съ государемъ¹⁾, — совѣтовалъ Поздѣевъ, — то должно бы такъ говорить съ нимъ, н. п. М — (т.-е. масонство) приготавливаетъ ему людей вѣрныхъ, знающихъ, безкорыстныхъ, боящихся Бога и приверженныхъ ему, и О... (т.-е. орденъ) мысли даже не позволить войти, могущей противной быть вѣрности»... Далѣе: «Съ герцогомъ дѣйствовать какъ?» Разумѣется здѣсь конечно герцогъ Александръ Виртембергскій, который принималъ участіе въ тогдашнихъ масонскихъ дѣлахъ. Отвѣтъ Поздѣева: «NB. Наединѣ ему говорить наравнѣ о М.» (т.-е. масонствѣ). «Отклоняться отъ такой должности, которая можетъ быть вредною бр. занятіямъ».

II. Авиньонское общество «Новаго Израіля».

Около восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія образовалось въ Авиньонѣ мистическое общество, принявшее имя «Новаго Израіля» или «Народа Божія», и соединившее въ себѣ всевозможные виды мистическаго фантазерства: участники его за-

¹⁾ Это слово потомъ зачеркнуто.

нимались алхиміей, кабалистивой, магіей, вызывали духовъ, имѣли видѣнія, сообщались съ небомъ, пророчествовали. Г. Лонгиновъ разсказалъ исторію главнаго представителя этой мистической секты, польскаго старосты или графа Грабянки ¹⁾, который въ семидесятыхъ годахъ сошелся въ Берлинѣ съ одной сектой алхимиковъ и теософовъ, и отчасти подъ ея вліяніемъ, отчасти вѣроятно по собственнымъ мистическимъ наклонностямъ предался магіи и дѣланію золота, потерялъ на этомъ свое состояніе и наконецъ, вмѣстѣ съ своими сотоварищами, основалъ въ Авиньонѣ упомянутое общество. Какъ мы сказали, здѣсь были всевозможные образчики мистики и шарлатанства, и въ концѣ концовъ общество изобрѣло цѣлую фантастическую религію, съ своими догматами и обрядами, своимъ первосвященникомъ, пророками и т. д. Грабянка былъ царемъ «Новаго Израйля» и главнымъ посредникомъ для сношеній съ небомъ. Однимъ изъ основныхъ положеній этой религіи было ожиданіе близкаго наступленія тысячелѣтняго царства — тотъ хиліазмъ, который вообще былъ тогда очень распространенъ у мистивовъ; но кромѣ того, какъ говорятъ, у Грабянки была мечта и о царствѣ болѣе матеріальномъ, — онъ мечталъ сдѣлаться польскимъ королемъ; говорятъ, однако, что онъ остерегался высказывать эту надежду своимъ русскимъ послѣдователямъ.

Грабянка въ теченіи многихъ лѣтъ дѣйствовалъ въ Авиньонѣ съ различнымъ успѣхомъ. Секта его находила много приверженцевъ, получала отъ нихъ значительныя средства, падала, возникала вновь. Съ восьмидесятыхъ годовъ она продолжалась до владычества Наполеона: въ храмѣ, который Грабянка устроилъ для своей религіи, совершались обряды, пророчества, толкованія сновъ. Но кредитъ Грабянки, наконецъ, сталъ упадать: ему переставали вѣрить и его религіозные послѣдователи, и люди, у которыхъ онъ занималъ деньги. Новая религія наконецъ обанкротилась. Тогда Грабянка придумалъ отправиться въ Россію, — въ надеждѣ поправить свои дѣла. Онъ нашелъ нѣкоторые денежные средства въ Польшѣ, и около 1805-го года прибылъ въ Петербургъ, гдѣ и поселился.

Расчетъ былъ не совсѣмъ безъ основаній. Еще въ Авиньонѣ Грабянка имѣлъ русскихъ послѣдователей. Такъ, въ 1788

¹⁾ Въ статьѣ «Одинъ изъ магиковъ XVIII вѣка», въ «Р. Вѣстн.» 1860, августъ, кн. 2, стр. 579 — 603. См. также дополненія къ этимъ свѣдѣніямъ, г. Муромцова, «Р. Вѣстн.» 1860, ноябрь, кн. 1, «Совр. Лѣт.», стр. 19—21, и 1861, «Соврем. Лѣтоп.», № 2.

году присоединился къ его сектѣ адмиралъ Сергѣй Ив. Плещеевъ (ум. 1802), князь Н. В. Репнинъ (ум. 1801) и П. И. Озеровъ-Дерабинъ, хотя первые двое черезъ нѣсколько времени вышли изъ общества, вѣроятно прослышавъ о нѣкоторыхъ его шарлатанствахъ, превышавшихъ мѣру. Грабянка надѣялся найти новыхъ послѣдователей. Въ Петербургѣ еще раньше его явились баронъ Лефортъ, бывшій въ Авиньонѣ канцлеромъ братства, и г-жа Доттиньи, которая еще раньше бывала въ Россіи, въ Авиньонѣ играла «великую матерѣ» или первосвященницу Новаго Израиля, и теперь выписана была вновь въ Россію вдовой Плещеева, въ качествѣ гувернантки или компаньонки. Лефортъ еще до пріѣзда Грабянки въ Петербургъ успѣлъ сблизиться съ Плещеевой и поселиться у нея. Вообще, когда Грабянка явился въ Петербургъ, около него составилъ значительный кружокъ послѣдователей, въ которомъ онъ и повелъ свою проповѣдь. Г. Лонгиновъ говоритъ, что Грабянка нашелъ Плещееву «предубѣжденной» противъ него; но по рассказамъ очевидцевъ, послѣдователи его оказались прежде всего въ кругу знакомыхъ этой самой Плещеевой; у нея самой происходили собранія секты; у нея проживалъ Лефортъ. Вѣроятно, она только держалась нѣсколько осторожнѣе чѣмъ другіе. Упомянутый очевидецъ, г. Муромцовъ, называетъ въ числѣ послѣдователей Грабянки М. И. Донаурова, П. И. Озерова-Дерабина, М. А. Лѣнивцева, А. Ѳ. Лабзина. Дерабинъ былъ изъ прежнихъ учениковъ Грабянки, между прочимъ имѣвшій связи съ розенкрейцерами и игравшій нѣкоторую роль въ новомъ масонствѣ. Лѣнивцевъ ¹⁾ былъ извѣстный розенкрейцеръ, о которомъ выше было упомянуто, что онъ былъ послѣ Зверяги и Ржевскаго начальникомъ петербургскихъ розенкрейцеровъ, — а нѣсколько позднѣе является членомъ комитета библейскаго общества. Лабзинъ — извѣстный мистикъ, начавшій въ это время (1806) изданіе своего «Сіонскаго Вѣстника», вскорѣ остановленное, и возобновленное имъ потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ.

Исторія секты Грабянки до сихъ поръ очень темна; рассказъ г. Лонгинова, почерпнутый повидимому изъ масонскаго источника (онъ не указанъ авторомъ), мало объясняетъ обстоятельства происхожденія секты и дѣйствовавшія при этомъ личности, потому что предположеніе одной эксплуатаціи Грабянки алхими-

¹⁾ Не знаетъ, ошибкою ли называется, въ воспоминаніяхъ Муромцова, этотъ Лѣнивцевъ М. А., — тогда какъ извѣстный масонъ этого имени назывался А. А., или это два разные человѣка.

стами не объясняетъ всего дѣла. Пернетти и Брюмеръ (какъ называется г. Лонгиновъ; вѣрнѣе, кажется, Брюморъ), главнѣйшіе сотоварищи Грабянки въ Берлинѣ, и потомъ въ Авиньонѣ, могли эксплуатировать его, но далеко не въ этомъ одномъ было дѣло. Пернетти (род. 1716, ум. 1801 г.) игралъ роль въ масонскомъ мірѣ и независимо отъ своихъ связей съ Грабянкой. Бенедиктинскій монахъ, домъ-Пернетти былъ издавна мистикомъ и алхимистомъ, авторомъ нѣсколькихъ сочиненій мистико-герметическаго содержанія (напр. *Les Fables Egyptiennes et grecques dévoilées etc.*, 2 v. Paris, Berlin 1758 и друг. изд.; *Dictionnaire Mytho-Hermétique etc.* Paris, Berlin 1758 г. и друг.), много путешествовалъ, между прочимъ съ извѣстнымъ Бугенвилемъ (онъ оставилъ описаніе этого путешествія: *Histoire d'un voyage aux îles Malouines*), былъ бібліотекаремъ въ Берлинѣ, гдѣ, говорятъ, произошло первое его знакомство съ Грабянкой. Кажется, еще задолго до этого знакомства, въ 1766 г. Пернетти основалъ особую герметическую секту, которая извѣстна была въ особенности подъ именами *Illuminés d'Avignon*, и *Académie des Vrais Maçons*, гдѣ была своя особая система степеней (1, *Vrai maçon*. 2, *Vrai maçon dans la voie droite*. 3, *Chevalier de la Clef d'Or*. 4, *Chevalier de l'Iris*. 5, *Chevalier des Argonautes*. 6, *Chevalier de la Toison d'Or*). По словамъ одного масонскаго историка, эта академія впоследствии, — повидимому послѣ своего упадка въ Авиньонѣ, — приняла названіе *Académie russo-suédoise*, изъ чего предполагали, что она соединилась съ «алхимическими капитулами», которые существовали тогда въ этихъ государствахъ ¹⁾. Это извѣстіе относится конечно къ тѣмъ связямъ, которыя были сдѣланы Грабянкой съ нашими масонами. При основаніи «Новаго Израиля» Пернетти былъ уже древній старикъ. Исторія «авиньонскихъ иллюминатовъ», относительно второй мы не имѣемъ теперь подъ руками ближай-

---

¹⁾ *Encyclop. der Freem.* II, стр. 550; *Ragon, Orthodoxie Maçonnique*, стр. 150—152; *Kloss, Bibl. der Freem.* № 8911—8913. По словамъ одного масонскаго писателя, нѣмецкаго романиста Рау, въ бібліотекѣ Клосса (который былъ гротмейстеромъ такъ-называемаго «Эклектическаго Масонскаго Союза») находилась «въ высшей степени любопытная рукопись о мало извѣстной, интересной сектѣ авиньонскихъ иллюминатовъ, рукопись, которая состоитъ отчасти изъ важныхъ подлинныхъ писемъ и объясняетъ эту секту». Рау приводитъ, между прочимъ, изъ этой рукописи отрывокъ письма Грабянки къ принцессѣ вюртембергской, изъ Авиньона, 1798. (*Mysterien eines Freimaurers. Von Br. Heribert Rau. Manuscript für Freimaurer. Stuttg. 1844, II, стр. 269—278*). Библіотека Клосса была продана его наследниками принцу Фридриху надерландскому и должна находиться въ Гагѣ.

шихъ данныхъ, въ разсказѣ г. Лонгинова представляетъ много неяснаго, между прочимъ и со стороны ихъ отношеній къ инквизиціи, къ Риму и т. д. Наконецъ еще не вполне ясны и дѣйствія Грабянки въ кругу русскихъ мистиковъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи къ нѣкоторому разъясненію дѣла можетъ служить статья, встрѣченная нами въ одномъ сборникѣ Московскаго Музея (№ 852—227). Это сборникъ масонскихъ замѣтокъ Виельгорскаго, одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ мы говорили выше. Поставленная въ этихъ сборникахъ рядомъ съ различными наставленіями, изреченіями, письмами Поздѣева, выписками изъ его книгъ и рукописей, эта статья — «Краткое извѣстіе о новооткрывшемся обществѣ» — по всѣмъ вѣроятностямъ была сообщена Виельгорскому Поздѣевымъ, въ числѣ тѣхъ вещей, которыя этотъ послѣдній сообщалъ своимъ ученикамъ для увеличенія ихъ масонскихъ знаній и опытности.

Въ «Краткомъ Извѣстіи» повторяется (съ нѣсколькими неважными вариантами) та самая «прокламація», которая приведена въ разсказѣ г. Лонгинова, и которая давала предварительныя свѣдѣнія объ обществѣ для тѣхъ, кого желали въ него привлечь, но въ музейной рукописи къ этой прокламаціи присоединены «замѣчанія» или опроверженія по пунктамъ. Изъ содержанія этихъ замѣчаній не трудно видѣть, что онѣ вышли изъ лагеря розенкрейцеровъ. Общество Грабянки являлось имъ прямой конкуренціей и не могло быть имъ пріятно; оно уже издавна завлекало русскихъ мистиковъ, какъ Плещеевъ, Дерябинъ, кн. Репнинъ, теперь оно переманило къ себѣ Лѣнинцева, розенкрейцера, на котораго возлагались надежды, Лабзина, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ мистиковъ. Розенкрейцеры сочли нужнымъ вооружиться противъ Грабянки, потому что «неутвержденные знакомые ихъ колебались и не вѣдали куда пристать». Имъ досадно было съ другой стороны, что Грабянка хотѣлъ «создать на чужомъ основаніи», т.-е. обращать въ свою пользу людей, ими самими воспитанныхъ. Любопытно наконецъ, что въ своихъ возраженіяхъ они не оспариваютъ хилиазма, — они сами ждутъ близкаго прішествія Антихриста и тысячелѣтняго царства; въ сверхъ-естественныхъ дѣявіяхъ авиньонскаго братства они видятъ не простое шарлатанство и обманъ, а «какомагію», т.-е. черномысліе и содѣйствіе злыхъ духовъ.

*Краткое извѣстіе о новооткрывшемся обществѣ.*Замѣчаніе на оное ¹⁾).

1. Общество сіе носитъ имя *Народа Божія или Новаго Израиля*.

На 1-й пунктъ.

Новый Израиль, всякій христіанинъ, исполняющій заповѣди и кающійся въ слабостяхъ своихъ и тѣмъ порождающій въ себѣ новаго благоговѣющаго къ Богу чловѣка.

2. Учредилось оно въ 1778 году, сперва въ Берлинѣ, а потомъ въ Авиньонѣ.

На 2-й пунктъ.¹⁾

Въ оное время были тамъ Богомъ просвѣщенные мужи, кои бы намъ, еслибы это было праведно, возвѣстили бы о семъ учрежденіи и отъ нихъ сіе не могло укрыться ²⁾).

3. Цѣль его возвѣстить по повелѣнію Божию второе и близкое пришествіе Господа Иисуса Христа и славнаго Его царствія на земли.

На 3-й пунктъ.

Близкое пришествіе Господа давно уже возвѣщено и намъ весьма извѣстно, что шестая тысяча лѣтъ въ концѣ ея ³⁾).

4. Наименованіе сіе приняло оно отъ самаго учрежденія своего ибо оно учреждено не чловѣками, а самимъ Богомъ, благоволившимъ открыть изволенія и планы свои о нынѣшнихъ послѣднихъ временахъ людямъ, наименѣе ожидавшимъ тѣхъ милостей и даровъ, коими безпредѣльное милосердіе Его облагодатствовало ихъ. Такимъ образомъ, бывъ избраны и учреждены самимъ небомъ, они не могутъ иначе почитать себя какъ его народомъ, Новымъ Израилемъ, и само небо всегда ихъ такъ называетъ.

На 4-й пунктъ.

Аще планы временныя, то мы предаеь въ волю Господню, на Него уповаемъ и въ политическія дѣла времени не входимъ, а вѣчныя пла-

¹⁾ Писано въ два столбца: въ первомъ ставятся обсуждаемые пункты; во второмъ замѣчанія: „на 1-й пунктъ“, „на 2-й пунктъ“ и т. д.

²⁾ Подразумѣваются именно берлинскіе розенкрейцеры, которые возвѣстили бы московскимъ.

³⁾ Въ этомъ пунктѣ разногласіе между розенкрейцерами и авиньонцами итѣ.

ни ¹⁾ къ спасенію всего міра давно уже по безконечному его милосердію открыты. Да открытіе сими господами пророками и о временныхъ плахахъ не сбывается слава Богу, такъ какъ они одному нашему знакомому, а именно покойному князю Репнину, открывали конецъ міра еще до знакомства его съ нами, т.-е. до 1802-го года ²⁾, который присоединясь къ о—ну, знакомство и переписку съ ними, такъ какъ и Плещеевъ, бросили.

5. Подъ словомъ *Небо* разумѣютъ они все царствіе небесное, всѣ посредствующія существа между человѣкомъ и Богомъ, ангеловъ, архангеловъ и святыхъ (кромя стихійныхъ и астральныхъ духовъ, кои сюда не входятъ), которые находятся въ сношеніи съ ними и сообщаютъ имъ опредѣленія небесныя.

На 5-й пунктъ.

Тѣ, кои вѣдаютъ о мастерскомъ словѣ, тѣмъ дана милость надѣяться имѣть великихъ князей неба своими въ возрожденіи ³⁾ помощниками. Въ томъ токмо познающимъ себя и нужда, а планы временныя, какъ повторяется, намъ нейдутъ, ибо въ правилахъ познанія себя самихъ властямъ предержащимъ слѣдуетъ повиноваться, кои всѣ суть отъ Бога.

6. Сіе сношеніе или сообщеніе называютъ они *корреспонденціею съ небомъ*, которая состоитъ въ словѣ или голосѣ ясномъ и внятномъ, какъ внутреннемъ, такъ и наружномъ, и въ видѣніяхъ и откровеніяхъ пророческихъ, причемъ не только ангелы и святые и отъ міра отшедшія блаженныя души, но и самъ Господь иногда является и говоритъ съ ними; въ чемъ объявляющій сіе увѣряетъ честію, вѣрою и совѣстію своею, яко самъ то испытавшій.

На 6-й пунктъ.

Совѣтовано тѣмъ, кои 30-лѣтнимъ опытомъ даже увѣрены въ своемъ пути остерегаться призывать видѣнія, кои могутъ быть весьма опасны. Слово же, голосъ называемый ясный и внятный, колыми паче съ небомъ, ясно показываетъ путь, на коемъ былъ Шведенборгъ, прикосновенный Еліасу Артисту, изъ коихъ первый былъ обманутъ видѣніемъ и словами, полученными имъ, до такой крайности, говоря самъ, что Спаситель оскверненъ былъ прародительскимъ грѣхомъ, то и мысль оная есть

¹⁾ Въ рукописи: «намъ».

²⁾ Здѣсь какая-то неточность, или ошибка въ копіи,—потому что Н. В. Репнинъ, знаменитый фельдмаршалъ, о которомъ идетъ рѣчь, умеръ въ май 1801, а знакомство съ розенкрейцерами было еще до гоненія.

³⁾ Вѣроятно такъ; въ рукописи: «вознагражденіи».

мерзость запустѣнія и начало ея изъ ада; а прочія заблужденія до того, что самъ дѣлая вопросъ, для чего бы Спаситель воплотился здѣсь на землѣ, а (не) въ другихъ планетахъ, отвѣчаетъ: для того, что здѣсь есть книгопечатаніе ¹⁾. А второй, т. е. Еліасъ, въ писаніяхъ своихъ утверждаетъ вездѣ въ натурѣ Спасителя и въ человѣкахъ даже, дабы выиграть ихъ довѣренность; а притомъ наводитъ сомнѣнія, и тѣмъ отвергаетъ пришествіе его во Іудею и смерть крестную, въ коей вся состоитъ сила и безъ нея не было бы величайшаго *Совершилася*.

А о Спасителѣ мы и не смѣемъ даже такъ дерзко говорить, а тѣмъ наче осмѣлиться въ видѣніяхъ его и разговорахъ съ нимъ выставять честь и совѣсть нашу во свидѣтельство, кои какъ они глубоки у господина Грабіанки, мы оставляемъ каждому самому судить, вѣдая изъ священнаго писанія, каково было видѣніе сносно Іоанну Богослову, который говорить (Апок. гл. I, ст. 17), когда увидѣлъ Спасителя: „Падохъ къ ногамъ его яко мертвъ“. То когда Іоанну Богослову было узрѣніе Спасителя таково, то кто повѣритъ поляку и проповѣдающему нынѣ изъ Франціи, что онъ видаеть Господа Іисуса небесъ и земли, и съ нимъ разговариваетъ. Это ему и его чистотѣ кажется такъ легко, какъ и проповѣднику Эккартгайзену помѣстить въ одинъ реестръ Іоанна Богослова и Пинетти. Это показываетъ, что они только высокопарными словами стараются сдѣлать больше прозелитовъ, а сами внутренно не имѣютъ страха, потому что такъ равняютъ съ собой высочайшую силу небесъ и земли.

7. Сія корреспонденція посредствомъ правилъ и наставленій, данныхъ о томъ самимъ небомъ, такъ для нихъ удобна, что они могутъ дѣлать вопросы и получать отвѣты о самыхъ маловажныхъ и видимому предметахъ, имѣя къ тому такъ-называемыя малыя и большія средства и ключи высшей науки.

На 7-й пунктъ.

Корреспонденція съ небомъ посредствомъ правилъ и наставленій, и малыхъ и большихъ средствъ, мы вѣдаемъ весьма опасною, кольми паче съ небомъ; а въ ключахъ вышней науки, хотя мы ихъ знаемъ, не имѣя отсюда нужды спрашивать о чемъ ²⁾; тѣмъ паче, что вѣра и преданность наша ко Спасителю обезпечиваетъ насъ, имѣя правила ясныя и ученіе удобнѣе коренительное, а цѣлью—возрожденіе ³⁾, на коемъ, когда Богу

¹⁾ Рядомъ поставлено: «типографія». Дальше текстъ не совсѣмъ ясенъ, вѣроятно отъ ошибокъ копій.

²⁾ Въ рук. «очень».

³⁾ Такъ вѣроятно должно читать; въ рукописи «вознагражденіе».

удно, по сообразности нашей въ чистотѣ нравовъ, сами вышніе жители придуть безъ призывныхъ ключей, а до тѣхъ поръ имѣемъ въ виду сдѣлывать себя лучшими, взирая на примѣръ, явленный намъ на Голгофѣ, о имени котораго всяко колѣно повинится; почему не имѣемъ нужды беспокоить жителей вышняго неба; а съ нижними сноситься, не получа власти, мы не смѣемъ и, имѣя вѣру въ акціи (?), не желаемъ.

8. Общество сіе, будучи не человѣческое изобрѣтеніе, и управляется не человѣками, но оною корреспонденціею. Ни одинъ членъ ни вступить въ оное, ни остаться въ немъ не можетъ, безъ явнаго на то соизволенія небесъ. Но безконечная благодѣтельность Господа, хотяще всѣмъ спастися, и учредившаго сей новый свой народъ для блага всего человѣческаго рода, не отказывается въ сей милости никому, приходящему съ чистымъ и прямымъ желаніемъ истины и твердою рѣшимостію служить Богу и ближнему, и придетъ время, что и всѣ добрыя сообщества и добрые люди присоединятся къ сему Новому Израилю, когда именно надобно будетъ рѣшаться изъ двухъ на одно: или стать подъ знаменемъ Іисуса или пристать къ сторонѣ его противниковъ.

На 8-й пунктъ.

Общество оное тѣмъ больше не человѣческое, тѣмъ паче опаснѣе; а корреспонденціи мы уже имѣемъ, а именно: св. писаніе и вѣру, даже понимаемую и тремя книгами утверждаемую, а именно: св. писаніе, природу и человѣка, гдѣ по одному къ намъ недостойнымъ милосердію, недоумѣнія въ пути нѣтъ. А кто будетъ подъ знаменемъ Спасителя, на тѣхъ есть крестъ и будетъ паче тогда при концѣ міра, то-есть гоненіе. А тѣ, кои не съ нимъ, тѣ съ Антихристомъ будутъ торжествовать, имѣя службу Богу приносить.

9. Но какъ всякій человѣкъ безъ вышней помощи подверженъ заблужденіямъ и обману и можетъ иногда ангела лжи принять за ангела истины, то милосердіе Божіе попеклось и о семъ, и дабы соблюсти ихъ отъ ошибокъ, оградилъ ихъ особенными способами къ испытанію духовъ и всякаго слова, видѣнія и откровенія, такъ что имъ вовсе невозможно погрѣшати въ семъ случаѣ, если не нарушены будутъ правила, данныя имъ на то самимъ небомъ, за строгимъ наблюденіемъ которыхъ, яко составляющихъ главнѣйшее преимущество общества, начальники общества бдѣтъ неуспѣшно.

На 9-й пунктъ.

О правилахъ даваемыхъ мы не безъизвѣстны; а что сами же говорятъ

въ этомъ пунктѣ: „если не нарушены будутъ эти правила“. А намъ является уже нарушеніе правилъ вѣры, зачиная оныя ихъ правила употреблять, о коихъ сами же говорятъ, что оныя правила и составляютъ главнѣйшее преимущество общества ихъ.

10. На сей конецъ учреждено у нихъ особое отдѣленіе или департаментъ, называемый *Соборъ Пророковъ*, состоящій изъ людей избранныхъ и утвержденныхъ самимъ небомъ, чрезъ который непременно должно пройти всякое слово, видѣніе и откровеніе и быть строго испытано и очищено отъ всякаго чуждаго примѣшенія темперамента или частнаго свойства объявляющаго оное члена. Сверхъ сего, рѣшеніе самаго Собора представляется еще на утвержденіе небу и по утвержденіи уже онаго небомъ, видѣніе, откровеніе или слово объявляется въ народъ Божию за справедливое и вѣрное.

На 10-й пунктъ.

Пророки бывали, есть и будутъ утверждаемы Богомъ, а не небомъ; чрезъ коихъ глаголы Божіи не шли ни подъ какую цензуру другихъ пророковъ, чего для, самъ Господь сказалъ: „Не прикасайтесь помазаннымъ моимъ и во пророцѣхъ моихъ не лукавьте“. То коли слово Божіе, то оно не идетъ подъ цензуру пророковъ же. И выдающій сіе краткое извѣстіе, если бы вѣдалъ, какъ глаголь былъ чрезъ пророковъ, то сего бы не написалъ. И кому цензуровать глаголь Всемогущаго, ибо истинное пророчество бываетъ Духомъ Святымъ, и сказано, что: „отъ Святаго Духа просвѣщаемы глаголаша святія Божіи челоуѣцы“. А когда рѣшеніе Собора самаго представляется на утвержденіе, да еще и небу, то видно эти господа пророки сами не увѣрены, что чрезъ нихъ говоритъ Духъ Божій, потому что должно рѣшенія ихъ еще небу утверждать, то-есть возмъ небеснымъ; и оныя же пророки сами дѣлаютъ опредѣленіе и сами справляются съ небомъ и сами о вѣрности того свидѣлствуютъ, то слѣдуетъ опасаться, чтобы ошибкою кто нибудь не сдѣлался Равалькомъ, мняще себе службу Богу приносить.

11. При сихъ предохранительныхъ средствахъ и при томъ вѣрномъ руководствѣ, общество сіе безъ всякой хвастливости или надменности можетъ сказать о себѣ, что оно обладаетъ вѣрнымъ путемъ къ достиженію истинъ, какъ въ разсужденіи духовнаго и нравственнаго, такъ и физическаго. Всѣ такія наивысочайшія (?), всѣ таинства наисокровеннѣйшія оному открыты и легко открыты быть могутъ; и оно есть дѣйствительнѣйшее орудіе въ рукахъ Провидѣнія къ уготовленію смиренныхъ и вѣрныхъ душъ для приближающагося Царствія Божія.

На 11-й пунктъ.

Наконецъ къ достиженію истины вѣренъ путь о — на и всякими многолѣтними опытами повѣренъ и явленъ. А что нѣтъ между русскими пророковъ, то дѣло не за путемъ, а за самими нами; то если въ самый Авиньонъ приѣдемъ, то пророками не сдѣлаемся, ибо туда себя же привеземъ. Тайнства же милостиво открываются и намъ, но мы знаемъ, что онѣ намъ настолько полезны, насколько успѣваемъ въ возрожденіи, безъ чего небо намъ не есть средство войти въ него; и оно же не далеко, а въ насъ самихъ.

12. Члены сего общества нынѣ разсѣяны по разнымъ землямъ по повелѣнію небесъ, для положенія основанія народу Божію вездѣ, гдѣ найдутся души возбужденныя благодатію. Объявляющій сіе получилъ повелѣніе ѣхать для сего въ Россію, а именно въ Петербургъ.

■ На 12-й пунктъ. ■

На чужомъ основаніи созидать не слѣдуетъ, яко и апостолъ Павелъ учить. И чѣмъ тамъ созидать, гдѣ возбуждены уже благодатію и основаніе уже положено, то лучше потрудиться тамъ, гдѣ о благодати не слыхивали, чѣмъ созидать основаніе на основаніи же: и въ дѣлахъ наружной войны есть безпорядокъ пресѣкать путь.

Сіи свѣдѣнія даются вамъ, яко любителю истины, ищущему ее съ чистымъ намѣреніемъ; дальнѣйшія подробности и поясненія принадлежать уже членамъ народа Божія, Новаго Израїля; тѣмъ, которые прямо и надлежащимъ образомъ присоединены къ оному будутъ, въ чемъ не должно сомнѣваться о всякомъ истинномъ почитателѣ Богочеловѣка Іисуса, которые всѣ, рано или поздно, непременно соединятся съ симъ народомъ, дабы составить одно стадо подъ однимъ пастыремъ.

Истина есть Христосъ, пришедшій во плоти и давшій намъ себя въ примѣръ и помощь, чего для не видимъ надобности сноситься объ немъ съ Авиньономъ и повѣрять св. писаніе на цензурѣ тамошнихъ, яко бы, пророковъ. Оно не далеко и оно же говоритъ: „Царство Божіе внутри васъ есть“; слова самого Спасителя. То куда идемъ, глаголы живота вѣчнаго имѣвши и поучаясь не только отъ часу болѣе и болѣе понимать его, но и съ утѣшеніемъ и съ услажденіемъ, коимъ и новыи рождаемый въ насъ человѣкъ доволяетъ и благодаритъ Господа своего Іисуса Христа, который отъ наружнаго его по воскресеніи видѣнія отвращался и апостоловъ, и какъ скоро его узнавали, дѣлался имъ невидимъ, обращающа ихъ тѣмъ внутрь ихъ. Что есть входъ къ нему? во внутрь всей твари, яко къ центру, въ коемъ открытъ отецъ всего видимаго и невидимаго.

Обществѣ оныхъ, кричащихъ нынѣ: се здѣсь Христосъ! или индѣ, много; и не утвержденныя знакомыя намъ въ своемъ пути колеблются и не вѣдаютъ куда пристать, и, Боже ихъ помилуй, попадутъ на какоматовъ ¹⁾ или на иллюминатовъ. Ибо это краткое извѣстіе изъ Авиньона, а облако надъ святилищемъ было изъ Мюнхена, въ коемъ не только сказано, что тайны всѣ у нихъ, да и что имъ дана власть управлять душами человѣческими, то чему вѣрить? тѣмъ или другимъ? а стыдно прельщаться словами, оставя опытъ. Въ послѣднія сіи времена много флаговъ будутъ выкидывать съ именемъ Іисуса Христа, но намъ священное писаніе говорить: „не имите вѣры, а явленіе Господа и Сына человѣческаго будетъ яко молнія отъ небесной въ день сей!“ Тогда гдѣ будетъ съ совѣстію своею сей графъ Грабіанка? И графъ Калиостро, пріѣхавъ въ Петербургъ, адресовался къ тѣмъ, кои любятъ учиться въ познаніи человѣка, вѣдая, что чрезъ нихъ больше можно сдѣлать прозелитовъ, при чемъ большая часть изъ нихъ обману его скоро открыли, а другіе, обманувшись, вѣрили въ него весьма; но что это было за чело-вѣкъ, послѣ всѣмъ открылось.

Въ новѣйшемъ періодѣ своего существованія, наше масонство обнаружило признаки жизни еще въ первые годы царствованія императора Александра І; еще оно не получило въ эти годы никакого офіціального разрѣшенія, но либеральная терпимость того времени заставляла предполагать, что правительство не будетъ препятствовать основанію ложъ. Къ этимъ ложамъ мы перейдемъ въ слѣдующей статьѣ.

А. Пыпинъ.

---

¹⁾ Такъ называли розенкрейцеры людей, занимавшихся магіей съ дурными земными цѣлями и съ помощью нечистыхъ духовъ (ихъ собственная магія была «божественная»). Такими какоматогами они считали Шрепфера и подобныхъ ему шарлатановъ: обманщиками они ихъ не считали, напротивъ признавали за ними знаніе магіи и осуждали ихъ только за связи съ нечистой силой, за дурное употребленіе своихъ магическихъ познаній.

О Б Ъ

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ОБУЧЕНІЯ

ВЪ РОССІИ.

Не разъ въ отечественной печати указывали на обязательность обученія, какъ на лучшее средство обезопасить существеннѣйшіе народныя интересы, но при этомъ рѣдко давали себѣ трудъ выяснить вопросъ всесторонне, въ примѣненіи его къ Россіи. Защитники обязательности обученія говорили намъ: «взгляните на западныхъ, болѣе насъ образованныхъ сосѣдей; они пришли къ заключенію, что безъ обязательности обученія нѣтъ спасенія; значитъ, и намъ слѣдуетъ воспользоваться ихъ опытомъ и пересадить на нашу почву учрежденіе, создавшее силу германской расы». «Помилуйте», возражали на это «западникамъ» люди, у которыхъ слово «почва» часто на устахъ: «возможно ли *русскому* народу, развившемуся при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ *нѣмцы*, заимствовать что-либо цѣликомъ у нѣмцевъ; одно то, что такіе-то народы признали за благо обязательность обученія, еще не доказываетъ того, что и у насъ это учрежденіе дало бы благіе результаты». Такихъ словопреній нельзя назвать, по нашему мнѣнію, серьезнымъ диспутомъ: обѣ стороны только подходятъ къ вопросу, не углубляясь въ самую суть его; сторонники обязательности обученія не выясняютъ, *почему* именно на Западѣ обязательность обученія признана правомѣрною и полезною, а антагонисты ихъ не указываютъ тѣхъ причинъ, по которымъ это учрежденіе не можетъ быть пересажено, безъ измѣненій, отъ нѣмцевъ на русскую

почву. Какъ всегда, и въ этомъ случаѣ, истина между двухъ мнѣній: правы и тѣ, которые не сводятъ глазъ съ Запада и у него желаютъ учиться; правы и тѣ, которые видятъ, что мы живемъ при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ нѣмцы. Въ предлагаемой статьѣ мы желали бы отвѣчать на вопросъ: *какъ примѣнить обязательность обученія къ Россіи?* Но прежде отвѣта на этотъ вопросъ, мы должны обсудить, составляетъ ли обязательность обученія такое учрежденіе, примѣненіе котораго къ нашему отечеству стоитъ желать.

Русскій человѣкъ привыкъ къ тому, чтобы вокругъ его раздавалось скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало приказаній; онъ привыкъ и къ тому, чтобы различныя мѣропріятія находили себѣ дурныхъ исполнителей, и благодаря этому, приносили лишь вредъ тому дѣлу, на пользу котораго они задуманы и облечены въ форму закона. Мудрено ли послѣ этого, что мы готовы отнестись съ недоувѣріемъ ко всякому предположенію о стѣсненіи личной свободы человѣка во имя общей пользы? Мудрено ли, что мы, въ виду отсутствія способныхъ исполнителей, съ опасеніемъ выслушиваемъ тѣхъ, которые, ратуя за обязательность обученія, посягаютъ тѣмъ самымъ на свободу родителей, до сихъ поръ вполнѣ безконтрольно распоряжающихся судьбою своихъ дѣтей, доводя ихъ и до острога отсутствіемъ воспитанія? Кромѣ того, мыслящій человѣкъ въ Россіи не можетъ не сознавать того, что крестьянинъ, главный плательщикъ государства, настолько бѣденъ, что лишеніе его, по закону, сына въ учебномъ возрастѣ и лишеніе его такимъ образомъ рабочей силы, падетъ новымъ *налогомъ* на крестьянина и безъ того обремененнаго повинностями всякаго рода. Если подобный доводъ противъ обязательности обученія раздается еще и на Западѣ, то съ тѣмъ большимъ напряженіемъ чувствуется вся сила его у насъ, гдѣ къ нему присоединяется, какъ мы уже говорили, недоувѣріе ко всякому предположенію, результатомъ котораго могло бы быть новое, несуществовавшее до сихъ поръ, преобладаніе государства надъ частнымъ лицомъ. Русскому человѣку слѣдуетъ поэтому болѣе, чѣмъ кому-нибудь, сознать настолько ясно и прочно всю пользу отъ обязательности обученія, отъ контроля государства надъ воспитательною дѣятельностію родителей, чтобы это убѣжденіе побороло вполнѣ естественное въ насъ предубѣжденіе противъ обязательности обученія; только поборовъ въ себѣ эту антипатію, мы получимъ возможность задуматься надъ вопросомъ: *какъ примѣнить обязательность обученія къ Россіи?*

Каждый человѣкъ, рожденный на свѣтъ, имѣетъ право на

всестороннее *физическое* и *психическое* развитіе, для котораго онъ и предназначенъ. Эта истина такъ проста и такъ неотразимо вѣрна, что ея не обходятъ даже и тѣ изъ положительныхъ законодательствъ, которыя не задаются вопросомъ объ обязательности *обученія*, составляющаго, какъ извѣстно, лишь часть воспитанія. Такъ нашъ законъ (ст. 172-я X т. ч. 1-ой) *обязываетъ* родителей «давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и *воспитаніе*, доброе и честное». Вслѣдъ за симъ (ст. 173) самъ законодатель поясняетъ, какъ слѣдуетъ понимать слово «воспитаніе», встрѣчающееся въ законѣ. Законодатель *требуетъ* отъ родителей, чтобы они обращали «все свое вниманіе на *нравственное образованіе* своихъ дѣтей», предоставляя имъ на волю воспитывать ихъ дома, или въ общественныхъ заведеніяхъ. Теперь ясно, что законъ, перечисляя «пропитаніе» и «одежду», доставляемую дѣтямъ, разумѣлъ *физическое* воспитаніе ихъ, и затѣмъ, переходя собственно къ «воспитанію», имѣлъ въ виду указать на развитіе родителями психической стороны дѣтей. Но мы видѣли, что законъ специально коснулся и «образованія» дѣтей, какъ насущной обязанности родителей; законъ упомянулъ о «нравственномъ образованіи», которое въ наши дни мы бы назвали «воспитывающимъ обученіемъ». Обученіе можетъ совершаться путемъ примѣра, путемъ слова, путемъ книги; оно можетъ совершаться дома и въ школѣ; законодатель предоставляетъ на волю родителямъ, *иди* обучать, въ предѣлахъ отечества, но настаиваетъ на томъ, что родители *обязаны* дать дѣтямъ «нравственное образованіе». Сходно съ нашимъ законодательствомъ высказывается и большинство иностранныхъ законодательствъ, изъ чего и вытекаетъ, что положительнымъ закономъ признано право каждаго ребенка на всестороннее развитіе и что это право гарантировано государственною властью тѣмъ, что на родителей возлагаются извѣстныя обязанности по отношенію къ воспитанію дѣтей.

Что же вводитъ новаго обязательность обученія, требующая отъ всѣхъ родителей въ государствѣ, безъ изыатія, чтобы дѣти, *по меньшей мѣрѣ*, воспользовались элементарнымъ образованіемъ и воспитательнымъ вліяніемъ элементарнаго курса? Право дѣтей на психическое развитіе уже признано; признаны и обозначены обязанности родителей, какъ воспитателей дѣтей. Законъ объ обязательности обученія предоставляетъ лишь новую гарантію дѣтямъ, для осуществленія ими своего естественнаго права, признаннаго со временъ Солона; законъ объ обязательности обученія не довольствуется общими указаніями родительскихъ обязанностей, но контролируетъ исполненіе ихъ и караетъ за не-

исполненіе; законъ беретъ подъ свою защиту малолѣтнихъ, для того чтобы могло осуществиться ихъ право на всестороннее развитіе. Усумнится въ правѣ государства ограничить власть родительскую извѣстными предѣлами развѣ тотъ, кто допуститъ возможность вполнѣ безконтрольной власти отца надъ жизнью и имуществомъ сына. Но извѣстно, что законъ и въ сынѣ признаетъ *человѣка* по отношенію къ отцу его, признаетъ и гражданина; если же законъ ограждаетъ тѣлесную неприкосновенность сына и его имущественные интересы, то не обязанъ ли онъ вооружиться и противъ нравственнаго душегубства, могущаго быть послѣдствіемъ безпечности, невѣжества или злой воли родителей, лишаящихъ дѣтей своихъ воспитывающаго обученія, воспитанія въ обширномъ смыслѣ слова. Не существуетъ такихъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ возможно было бы опредѣлить, въ данную минуту, какія правила нравственности вошли въ плоть и кровь юноши; поэтому, закону ничего болѣе не остается, какъ, вѣря въ воспитательную силу обученія, сдѣлать обязательно для всѣхъ извѣстную, наименьшую норму обученія, неразлучнаго съ воспитаніемъ и подвергнуть все подрастающее поколѣніе воспитательному вліанію обученія на извѣстный періодъ времени. Вотъ почему законъ, требуя обученія дѣтей, устанавливаетъ и тотъ возрастъ, который долженъ быть посвященъ обученію (въ большинствѣ случаевъ отъ 6-ти до 14-ти лѣтъ); онъ рассчитываетъ на то, что установленіемъ такой наименьшей нормы воспитанія, результаты котораго могутъ быть сколько-нибудь провѣрены успѣхами обученія, законъ хоть сколько-нибудь гарантируетъ то, чтобы ни одинъ изъ подрастающихъ членовъ общества не остался безъ элементарнаго воспитанія, отсутствіе котораго было бы равносильно обращенію человѣка въ животное, неидущее дальше физическаго развитія. Если же государство призвано защищать каждого изъ насъ, то не обязано ли оно защитить прежде всего беззащитныхъ дѣтей, защитить ихъ отъ случая, или злой воли, которые могутъ сдѣлать ихъ несчастными на всю жизнь?... Итакъ, обязательность обученія вполнѣ соотвѣтствуетъ правамъ государства на контроль надъ родительскою властью и обязанностямъ его по отношенію къ подрастающему поколѣнію.

Нетрудно доказать, что государство обязано гарантировать право на воспитаніе каждого изъ членовъ общества какъ власть, призванная обезпечить общую безопасность и воспрепятствовать одному изъ гражданъ наносить вредъ прочимъ согражданамъ своимъ. Одного указанія на то, что по статистикѣ число преступленій уменьшается съ возрастаніемъ образованія въ обще-

ствѣ, было бы достаточно для того, чтобы доказать, что лицо, лишенное образованія, болѣе образованнаго человѣка угрожаетъ общественной безопасности, если бы ежедневный опытъ не убѣждалъ въ томъ каждаго изъ насъ. На нашихъ глазахъ мечтатели, обманщики и злоумышленники всякаго рода спекулируютъ насчетъ невѣжества массы; а сколько изъ этой массы выходитъ преступниковъ, которые потому только и совершаютъ дѣйствія, преслѣдуемая общественною совѣстью, что неразвиты, что не выяснили себѣ отношеній къ собственности и личности своихъ согражданъ. Въ правѣ ли государство, заботящееся о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, не принять самаго радикальнаго изъ средствъ, ведущихъ къ этой цѣли? Въ правѣ ли государство не настаивать надъ исполненіемъ родителями обязанности воспитанія? Въ правѣ ли государство не обезопасить общественнаго спокойствія обязательностью обученія?

На это могутъ возразить, что только всестороннее и полное образованіе, а не скудные свѣдѣнія, выносимыя изъ элементарной школы, можетъ служить гарантіею въ пользу государственнаго блага. Но подобное возраженіе не шло бы къ дѣлу. Говоря объ обязательности обученія, мы еще не касались той учебной программы, которая могла бы быть признана обязательною по закону; слѣдовательно и оппонентамъ нашимъ рано говорить о «скудости свѣдѣній», сообщаемыхъ элементарною школою. Хотя съ перваго взгляда понятно, что начальная школа не можетъ сообщить питомцу своему всесторонняго образованія, въ обширномъ смыслѣ слова, но стоитъ вдуматься въ то, насколько *элементарная* школа, при сравнительно необширной учебной программѣ, можетъ содѣйствовать къ воспитанію човѣка, какъ полезнаго члена общественнаго и государственнаго союза. Если обязательность обученія вмѣняетъ въ обязанность всему подростающему поколѣнію пробить извѣстное число лѣтъ въ элементарной школѣ, то только потому, что среднія и высшія учебныя заведенія могутъ не быть доступны средствамъ большинства населенія; самая программа начальной школы развивается сообразно педагогическимъ силамъ страны и при непрерывномъ ростѣ все болѣе и болѣе подходитъ, по результатамъ обученія, къ понятію о всестороннемъ и полномъ образованіи. Такъ германская и швейцарская начальныя школы сообщаютъ гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ наши уѣздныя училища и немногимъ менѣе нашихъ гимназій, если исключить изъ программы послѣднихъ древніе языки; по новѣйшему закону о *начальныхъ* училищахъ въ Гамбургѣ, въ этихъ училищахъ *обязательно* проходятся иностранные языки. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что уста-

новить обязательность элементарнаго образованія вовсе не значить установить такую низкую норму развитія, достиженіе которой всѣми гражданами, безъ исключенія, нельзя считать результатомъ, производительнымъ въ государственномъ смыслѣ. Правда, что отсюда же слѣдуетъ и то, что закономъ объ обязательности обученія должны быть, хотя бы приблизительно, установлены: а) предѣлы учебной программы и б) періодъ времени, въ теченіе котораго подростающее поколѣніе должно подвергаться воспитательному вліянію школы; учебная программа можетъ быть рассчитана лишь сообразно педагогическимъ силамъ страны и продолжительности обученія, а послѣдняя должна быть рассчитана, съ обращеніемъ вниманія на экономическія условія народа и вѣроятность воспитательныхъ результатовъ отъ школы, для большинства населенія. *Высшій* предѣлъ учебной программы элементарной школы опредѣлить трудно и опредѣлять не слѣдуетъ, такъ какъ время будетъ непрестанно раздвигать рамки, въ которыя законъ задумалъ бы вставить учебную программу въ данную минуту; но закону необходимо опредѣлить *низшій* предѣлъ учебной программы, ниже котораго школа и по размѣрамъ, и по продолжительности преподаванія не должна допускаться, для того чтобы не утратить своего развивающаго, воспитывающаго значенія, своего значенія для государства. Въ государствѣ, подобномъ нашему, при отсутствіи подготовленныхъ учителей, приходится, на первое время, довольствоваться такою учебною программой въ элементарной школѣ, которая, воспитывая и развивая ученика, выводила бы его на путь *самообразованія* путемъ чтенія и письменныхъ сношеній; нигдѣ немыслима такая школа, которая не научала бы учащихся читать и понимать не-спеціальную книгу, выражать свою мысль устно и письменно, пользоваться умѣньемъ считать для житейскихъ надобностей и которая не сдѣлала бы учащихся сознательными членами церкви. Только при такомъ *наименьшемъ* уровнѣ знаній возможно ожидать отъ воспитывающагося юношества того «нравственнаго образованія», котораго требуетъ отъ насъ русскій законъ; результаты отъ подобной школы будутъ ниже результатовъ школы, сообщающей болѣе свѣдѣній, но и отъ такой начальной школы государство въ правѣ ожидать добрыхъ гражданъ, если только школа не порветъ связи съ обученными въ ней и поможетъ имъ восполнить чтеніемъ то, чего не могла имъ дать школа, такъ какъ некому было обучать.

Читатели вѣроятно замѣтили, что мы, до сихъ поръ, старались обойти вопросъ о пользѣ образованія вообще, касаясь лишь вопроса о пользѣ обязательности для всѣхъ *хотя бы элемен-*

тарнаго образованія. Мы и не позволимъ себѣ убѣждать своихъ читателей въ необходимости возможно большаго развитія и образованія для каждаго человѣка; мы желали лишь поднять въ ихъ глазахъ значеніе *начальной* школы, такъ какъ у насъ нерѣдко судятъ ошибочно объ этомъ предметѣ. Вопросъ однако очень простъ: начальная школа должна воспитать и сообщить тотъ наименьшій уровень знаній, безъ котораго немислимо дальнѣйшее самообразование; вотъ ея самостоятельное значеніе. Затѣмъ начальная школа составляетъ ту *неизбѣжную* ступень, на которую долженъ стать *всякій* гражданинъ государства и помимо которой никому не можетъ сдѣлаться доступнымъ среднее и высшее образованіе. *Элементарное* образованіе должно стать удѣломъ всякаго человѣка, какъ человѣка; этого обязано требовать государство, какъ союзъ людей, изъ уваженія къ личности ребенка и въ огражденіе ея, равно какъ изъ стремленія охранить личность и имущество каждаго изъ членовъ государственнаго союза.

Но государство есть организмъ, предназначенный, какъ всякій организмъ, ко *всестороннему* развитію; до сихъ поръ мы указывали лишь на то, насколько обязательность обученія, установленная государствомъ, соотвѣтствуетъ понятіямъ естественнаго права и общественной безопасности; намъ остается указать и на экономическую сторону дѣла. Если и правда, что лишеніе крестьянина рабочей силы равносильно налогу, то несправедливо ли и то, что обязательность обученія, привлекая подростящее поколѣніе въ школы, сохраняетъ физическія силы учащихся дѣтей, такъ часто погибающихъ, въ особенности въ фабричныхъ мѣстностяхъ, отъ изнуренія работами всякаго рода и дурныхъ гигиеническихъ вліяній? Такимъ образомъ, налогъ экономически вознаграждается увеличеніемъ производительности работы ученика, по окончаніи обученія его, не говоря о томъ нравственномъ капиталѣ, который онъ выноситъ изъ школы. Начальная школа ссхраняетъ и развиваетъ физическія силы, что доказало намъ прусское войско, поражавшее насъ не только нравственнымъ превосходствомъ надъ противникомъ, но и тѣмъ, какъ здоровье каждаго солдата боролось съ лишеніями всякаго рода. Правильность образа жизни и гимнастика закаливаютъ тѣло учениковъ элементарной школы.

Послѣ всего сказаннаго, читатели вѣроятно согласятся съ тѣмъ, что элементарная школа всесторонне развиваетъ: она развиваетъ и укрѣпляетъ физическую и духовную сторону человѣка. Но можетъ случиться, что нѣкоторые изъ нашихъ читателей зададутся вопросомъ, какимъ образомъ начальная школа посе-

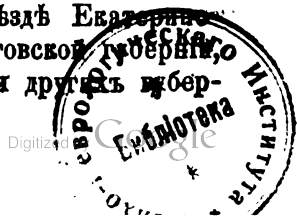
лаетъ въ ученикахъ правила нравственности? Вѣдь наставленія могутъ быть даны и внѣ школы, и безъ обученія? Мы допускаемъ возможность подобнаго вопроса, такъ какъ наше общество, говоря вообще, до сихъ поръ еще очень мало вдумывалось въ педагогическіе вопросы, и приглашаемъ читателей прежде всего подумать надъ вопросомъ: полезно ли въ дѣтствѣ прожить нѣсколько лѣтъ подъ вліяніемъ развитаго и нравственнаго человѣка, въ подчиненіи настойчиво проводимымъ правиламъ толковой школьной дисциплины? Не ясно ли само по себѣ, что въ силу одного пребыванія дитяти въ школѣ могутъ, подъ вліяніемъ постепенно совершающагося развитія учащагося и непрерывнаго наблюденія за нимъ учителя, водвориться въ ученикѣ уваженіе къ личности чужой и своей, уваженіе къ государству и закону, уваженіе къ праву собственности, бережливость и любовь къ труду и порядку и т. д.? Не ясно ли, что тотъ, кто приписываетъ воспитательное значеніе и *начальному* обученію, продолжающемуся нѣсколько лѣтъ, при извѣстныхъ условіяхъ, — не преувеличиваетъ значенія элементарнаго курса? Не очевидно ли, что такая элементарная школа, которая воспитываетъ и которая настолько образуетъ своего питомца, чтобы книга могла удержатъ въ немъ, по выходѣ изъ школы, тѣ начала, которыя поселены въ немъ школою — составляетъ настолько необходимое, для всѣхъ, учрежденіе, что государство *обязано* взять его подъ свою защиту, установить обязательное для всѣхъ пользование имъ?

Въ принципѣ трудно разойтись, отвѣчая на этотъ вопросъ. Въ принципѣ трудно не согласиться съ тѣмъ, что частное и государственное благо требуютъ обязательности обученія. Но затѣмъ остается неразрѣшеннымъ и представляется намъ, во всей силѣ, вопросъ, какъ примѣнить къ *Россіи* обязательность обученія?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что и задумываться не стоить надъ этимъ вопросомъ: теперь только кое-гдѣ начинаютъ возникать школы и у насъ едва хватаетъ на нихъ учителей и средствъ къ содержанію; мыслимо ли, послѣ этого, чтобы стало учителей на 200,000 школъ съ 10-ю милліонами учащихся, которые стеклись бы въ школы, еслибы законъ нашъ, подобно прусскому, завербовалъ въ школы изъ десятковъ милліоновъ жителей ту часть населенія, возрастомъ отъ 6-ти до 14-ти лѣтъ, которую законъ пожелалъ бы обязательно подвергнуть воспитательному вліянію школы? Не требуетъ также доказательствъ и то, что при нашей бѣдности намъ бы не откуда взять тѣхъ 40-ка милліоновъ руб., которые потребовались бы на вознагражденіе 200,000 учи-

телей, считая только по 200 р. въ годъ на cadaго. Наконецъ, гдѣ нашли бы мы деньги на устройство училищныхъ зданій, считая не по 50-ти учениковъ на школу, какъ принято нами выше, но и по 100 учениковъ на школу и учителя; полагая цѣнность постройки на 100 учащихся только въ 400 р., потребовалось бы на 100,000 школъ, вмѣщающихъ 10 миллионъ учениковъ, не менѣе 40 миллионъ р. единовременнаго расхода; а ремонтъ зданій, отопленіе ихъ и проч.... Но не вдаваясь въ обстоятельныя вычисленія, мы нерѣдко указываемъ на то, что сокращенія по всѣмъ статьямъ государственныхъ, земскихъ и сословныхъ расходовъ могли бы дать странѣ деньги, для удовлетворенія насущнѣйшаго изъ государственныхъ интересовъ, потребности въ народномъ образованіи. Поэтому допустимъ на время, что денежныя средства для примѣненія къ цѣлой Россіи прусской системы обязательности обученія у насъ найдутся; но выиграетъ ли отъ этого дѣло? Нисколько! Никакими денежными пожертвованіями не искупимъ мы теперь прежняго бездѣйствія своего, ни за какія деньги не достанемъ мы, для *цѣлой Россіи*, учителей, подготовленныхъ къ дѣлу и потому могущихъ приносить пользу; если же воспитаніе и обученіе, благодаря отсутствію учительскихъ силъ и specially свѣдущихъ руководителей въ достаточномъ числѣ, пойдутъ плохо, то и законъ объ обязательности обученія, не достигая своей непосредственной цѣли, ляжетъ тяжелымъ экономическимъ бременемъ на народъ. Таковъ, кажется намъ, единственный результатъ, къ которому возможно придти, обсуждая *прусскую* систему обязательности обученія въ примѣненіи къ *цѣлой Россіи*. Но возможно поставить вопросъ и иначе: не существуетъ ли такихъ *мѣстностей* въ нашемъ обширномъ отечествѣ, въ которыхъ могла бы примѣниться обязательность обученія, видоизмѣненная сообразно нашимъ педагогическимъ и экономическимъ силамъ?

Года четыре тому назадъ, всѣ мѣстности въ Россіи были болѣе или менѣе сходны между собою по положенію училищнаго дѣла: нигдѣ не было учительскихъ семинарій, нигдѣ не было дѣателей по народному образованію, нигдѣ сельскія общества и земства не находили денегъ на этотъ предметъ. Съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились: въ Новгородской, Рязанской и Тамбовской губерніяхъ возникли учительскія семинаріи на счетъ земства и частныхъ лицъ, а правительствомъ предположены къ открытію учительскія семинаріи, по одной на каждый учебный округъ; въ Александровскомъ уѣздѣ Елизаветинской губерніи, Борзенскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, въ Самарской губерніи, въ Вятской губерніи и другія губер-

ніяхъ и уѣздахъ нашли возможнымъ осуществить *толковыя* школы, соответствующія той *наименьшей* учебной программѣ, о которой мы говорили выше, и не ожидая того времени, пока учительскія семинаріи готовятъ специалистовъ по воспитанію и обученію. Каждая мѣстность дѣйствовала, при этомъ, *по-своему*, сообразно *мѣстнымъ* обстоятельствамъ, но каждая изъ этихъ мѣстностей достигла осуществленія *толковой* школы только благодаря тому, что нашлись люди преданные дѣлу и по меньшей мѣрѣ готовые изучить его. Во многихъ изъ названныхъ мѣстностей успѣхи обученія побудили земства и сельскія общества къ значительнымъ расходамъ на пользу начальныхъ школъ. Но рядомъ съ этими мѣстностями существуетъ множество иныхъ, въ которыхъ дѣло и съ мѣста не тронулось: школъ или вовсе не существуетъ, или онѣ существуютъ только на бумагѣ, или существуютъ лишь такія, которыя, въ интересѣ дѣла, было бы полезно закрыть. А почему? Кое-гдѣ потому, что ничего не хотятъ дѣлать; кое-гдѣ потому, что не умѣютъ вѣзаться за работу, а кое-гдѣ потому, что не на что работать. Виноваты ли въ томъ, однако, тѣ мѣстности, въ которыхъ народное образованіе, благодаря благопріятнымъ условіямъ, пускаетъ корни и въ которыхъ *потому именно* и можетъ чувствоваться потребность въ установленіи обязательности обученія по закону?

Что за странная исторія? Вѣдь въ названныхъ мѣстностяхъ дѣло шло до сихъ поръ *безъ приказаній* свыше, дѣло идетъ, а слѣдовательно держится исключительно сочувствіемъ массы, состоящей подъ вліяніемъ просвѣщенныхъ ревнителей дѣла и немногихъ союзниковъ ихъ между крестьянами. Это совершенно вѣрно; но въ то же время безошибочно и то, что именно въ такихъ мѣстностяхъ можетъ почувствоваться раньше или позже необходимость въ союзѣ государственной власти. Предположите, что вы задумали учреждать школы въ мѣстности, въ которой ихъ вовсе не было; если предположенные школы должны существовать насчетъ жертвователя, а не насчетъ самихъ крестьянъ, то и толковать нечего: жертвователь можетъ набрать такихъ сиротъ, которымъ дѣться некуда и которые, содержимые насчетъ жертвователя, будутъ весьма исправно посѣщать школу до самаго окончанія курса. Если же вы основываете школу насчетъ самихъ крестьянъ, то придется прежде всего убѣждать ихъ въ необходимости расходовать деньги на школу; но такъ или иначе, хотя бы въ видѣ опыта, вамъ это удастся. Школа открыта, а гдѣ учащіеся? Въ первое время немногіе изъ родителей рѣшаются пустить дѣтей своихъ въ школу, и притомъ какіе родители? Только изъ среды наиболѣе достаточной и наи-

богѣ прогрессивной; вѣдь и въ средѣ крестьянъ есть передовые люди, которыхъ сколько-нибудь вознудился духъ времени и которые скорѣе остальной массы рѣшатся на рациональную мѣру, пренебрегая даже тѣмъ, что они поступаютъ «не такъ, какъ люди», а по внушенію собственнаго разума. Школа ваша пошла хорошо, успѣхи блестящіе и привлекаютъ къ ней населеніе; число учащихся въ школѣ быстро возрастаетъ, но контингентомъ для нея все еще служатъ, въ большинствѣ случаевъ, тѣ семейства, которымъ легче другихъ обойтись безъ рабочей силы сына въ учебномъ возрастѣ и которыя сколько-нибудь склонны слѣдовать за передовыми людьми. Но такихъ семействъ оказывается въ селѣ немного, а большинство крестьянъ, хотя и не настолько бѣдно, чтобы противиться налогу въ пользу школы, но относится къ обученію дѣтей вполнѣ апатично, или даже враждебно. Наплывъ учащихся начинаетъ уменьшаться по мѣрѣ того, что наиболѣе достаточныя и развитыя семьи уже отдали дѣтей въ школу, или уже обучили ихъ; въ школу поступаетъ гораздо меньше учениковъ, чѣмъ бывало, и потому число учащихся, быстро возраставшее, начинаетъ уменьшаться, а дѣти болѣе *бѣдныхъ* родителей посѣщаютъ школу весьма неисправно. Результатомъ неисправности посѣщенія уроковъ являются крайне слабыя успѣхи учениковъ, а безуспѣшность обученія и на руку тѣмъ изъ крестьянъ, которые, какъ бездѣтные или коснѣющіе въ невѣжествѣ, въ которомъ они сами были воспитаны, уже давненько косо посматривали на школу, какъ источникъ новаго, небывшаго до учрежденія ея расхода. Безуспѣшность обученія отталкиваетъ отъ школы и тѣхъ немногихъ крестьянъ, которые заинтересованные успѣхами дѣтей, оказавшимися въ то время, когда ученики изъ наиболѣе достаточныхъ семействъ посѣщали школу исправно, были бы готовы пустить дѣтей своихъ въ школу. Такимъ образомъ, безуспѣшность обученія, происшедшая по причинамъ отъ учителя независѣвшимъ, лишаетъ школу послѣднихъ друзей и союзниковъ, предавая ее въ руки апатичнаго къ школѣ, но вовсе не апатичнаго къ карману большинства, которое рѣшаетъ, что въ школѣ такъ мало учащихся, а обученіе въ ней такъ плохо, что не стѣбитъ ее и имѣть. Школа закрыта! Закрыта школа, основанная на сочувствіи *меньшинства* населенія, существовавшая лишь усиліями немногихъ частныхъ лицъ, безъ союза государственной власти. Закрыта школа въ ущербъ мѣстному обществу и всему государству. Закрыта одна школа; но всякое дѣйствіе находитъ подражателей и въ мѣстности, въ которой когда-то росли школы: какъ грибы послѣ засухи, стали закрываться школы одна за другою. Ревнители дѣла, свою жизнь на

него положившіе, безуспѣшно борются, но въ отвѣтъ на воли ихъ о помощи все около нихъ хранитъ глубокое молчаніе, хотя всѣ вполне убѣждены въ томъ, что народное образованіе «весьма полезно» и «весьма желательно».

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, не обязано ли государство *повсемѣстно* установить обязательность обученія, сводится на то, не обязано ли государство силою закона утвердить на неизблемыхъ основаніяхъ дѣло тамъ, гдѣ оно нашло себѣ трудениковъ, проложившихъ ему дорогу, въ тѣхъ частяхъ государства, гдѣ дѣло существуетъ, гдѣ школы такъ поставлены, что есть шансы на успѣхъ ихъ и что стоить государству интересоваться существованіемъ ихъ? Трудно сомнѣваться въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, если только не терять изъ виду, что государство для того и существуетъ, чтобы общими силами государственнаго организма достигать цѣлей, недоступныхъ усиліямъ отдѣльныхъ лицъ и корпорацій. Справедливо ли, скажемъ для примѣра, лишать Новгородскую губернію, положимъ, долго работавшую надъ дѣломъ образованія и не мало на него потратившую, на 50 или 100 лѣтъ помощи закона объ обязательности обученія потому только, что этотъ законъ раньше указаннаго срока не оказался бы примѣнимымъ къ другой губерніи, въ которой не учредили ни учительскихъ семинарій, ни учительскихъ съѣздовъ и гдѣ найдутся лишь люди, готовые сами пользоваться, а не служить народнымъ интересамъ? Еще разъ спросимъ, виноваты ли Новгородская, Рязанская, Вятская, Самарская губерніи и другія въ томъ, что сосѣднія и болѣе отдаленныя губерніи, не понимая своей пользы или не умѣя достигнуть ея, ничего не сдѣлали и, быть можетъ, за пятьдесятъ лѣтъ ничего не сдѣлаютъ для народнаго образованія? Неужели намъ не поддерживать дѣла въ немногихъ пунктахъ и хоронить его тамъ, гдѣ оно способно жить, изъ-за того, что въ остальныхъ частяхъ Россіи дѣло еще въ зародышѣ или не скоро зародится?

Но гдѣ тѣ пути, посредствомъ которыхъ центральная власть узнаетъ, въ какихъ именно мѣстностяхъ обширнаго и разнохарактернаго государства и когда именно ввести обязательность обученія? На этотъ вопросъ могутъ отвѣчать удовлетворительно только *мѣстные* органы, т.-е. земскія учрежденія, которымъ лучше всѣхъ извѣстно положеніе своего края, экономическое и интеллектуальное. Пусть къ нимъ и обратится центральная власть, или лучше сказать пусть вопросъ объ обязательности обученія станетъ предметомъ вѣдомства мѣстнаго самоуправленія, подъ контролемъ центральной власти. Тогда на нравственной отвѣтственности земскихъ дѣателей останется успѣхъ дѣла; тогда зем-

скіе люди устранять возможность сѣтовать на бездѣйствіе администраціи, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать; тогда народное образованіе можетъ стать неизблемо прочно, хотя бы въ немногихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ и процвѣтутъ школы въ назиданіе другимъ мѣстностямъ, не переходящимъ отъ сочувствія народному образованію къ содѣйствію этому святому дѣлу. Въ прежнее время можно было бы обвинять чуть не въ желаніи отторгнуть часть русской территоріи того, кто дерзнулъ бы совѣтовать предлагаемую нами нынѣ децентрализацію въ дѣлѣ народного образованія; но теперь, послѣ того, что земскія учрежденія введены въ Россіи не одновременно и послѣ того, что нѣкоторое время канцелярская тайна жила въ Россіи рядомъ съ гласнымъ судомъ—мы уже успѣли освоиться съ тою простою мыслью, что за невозможностью предоставить какое-либо благо цѣлой Россіи одновременно, слѣдуетъ предоставить его хоть части Россіи. Лишена же у насъ провинція и понинѣ той слабой доли свободы печати, которою пользуются столицы. А почему? Потому, что для одной мѣстности—не говоря о томъ правильно или нѣтъ—признано удобнымъ то, что признано неудобнымъ для другой мѣстности. Такъ же точно и обязательность обученія можетъ оказаться умѣстною въ одномъ уѣздѣ и неумѣстною въ другомъ, а дѣло государства поддержать всякое доброе начинаніе санкціею закона.

Очевидно, что при подобной постановкѣ вопроса объ обязательности обученія, онъ значительно упрощается, и всѣ тѣ грозныя цифры, которыя свидѣтельствовали о неосуществимости дѣла по отношенію къ цѣлой Россіи, сами собою падаютъ. И въ настоящее время уже могутъ найтись уѣзды, въ которыхъ желателенъ и осуществимъ извѣстный видъ обязательности обученія; но пусть право высказаться объ этомъ принадлежитъ самимъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Пусть на государство падетъ обязанность поддержать силою закона такія земскія собранія, которыя сѣмѣютъ доказать центральной власти, что школьное дѣло въ уѣздѣ такъ организовано, что оно заслуживаетъ покровительства и помощи государства и что приняты мѣры къ упроченію его въ будущемъ. «Гадательно», скажутъ намъ, «что бы многія уѣздныя земства пожелали воспользоваться правомъ установить обязательность обученія, съ утвержденія высшаго правительства; въ такомъ случаѣ къ чему поведетъ обнародованіе въ настоящее время такого закона, изъ котораго могло бы вытекать означенное право уѣздныхъ земскихъ собраній?...» Допустивъ даже, что нѣкоторое время ни одинъ уѣздъ не установилъ бы у себя обязательности обученія, значеніе предполагаетъ

мага закона было бы неисчислимо: вопросъ былъ бы рѣшенъ *въ принципѣ*; законодатель высказался бы всенародно объ элементарномъ обученіи, какъ объ одной изъ существеннѣйшихъ государственныхъ потребностей; законъ, который предоставилъ бы уѣзднымъ земскимъ собраніямъ только *право* введенія въ уѣздѣ обязательности обученія, не устанавливая самой обязательности, тѣмъ самымъ указалъ бы земскимъ дѣятелямъ на истинный путь къ достиженію земскаго мира и благосостоянія; подобный законъ выразилъ бы мысль о томъ, что обязательность обученія, составляя ту конечную цѣль, достиженіе которой желательно, не вводится повсемѣстно лишь за отсутствіемъ средствъ къ осуществленію. Чуть не пятьдесятъ лѣтъ существуетъ у насъ законъ, *обязывающій* родителей обращать все свое вниманіе на «нравственное образованіе» дѣтей, не предоставляя беззащитнымъ дѣтямъ никакой гарантіи въ пользу осуществленія ихъ права на воспитательную дѣятельность родителей. За отсутствіемъ средствъ гарантировать это священное право тотчасъ же повсемѣстно, не лучше ли перейти отъ слова къ дѣлу, хотя бы въ немногихъ мѣстностяхъ Россіи, теперь же рѣшить вопросъ въ принципѣ и постепенно стремиться къ повсемѣстному осуществленію его.

Легко сказать отъ *слова* перейти къ *дѣлу*; вѣдь и «обязательность» обученія, устанавливаемая земствомъ, съ утвержденія высшаго правительства, можетъ не стать дѣломъ и остаться пустымъ звукомъ, получить не болѣе значеніе на практикѣ, какъ и нынѣ существующій законъ, *обязывающій* *отцы* родителей дать дѣтямъ «нравственное образованіе». Вотъ почему, кажется намъ, право земства на установленіе обязательности обученія и должно бы подлежать контролю правительства: государство, предоставляя законодательную санкцію распоряженію земства на пользу всеобщности элементарнаго образованія, должно быть гарантировано, болѣе или менѣе, въ томъ, что обязательность обученія не станетъ пустымъ звукомъ въ данной мѣстности. Для того, чтобы земскіе люди знали, къ чему имъ стремиться и чего ожидать отъ правительства, желательно было бы заблаговременно обнародовать тѣ условія, на основаніи которыхъ центральная власть утвердить постановленія земства объ обязательности обученія; только въ случаѣ несоблюденія земствомъ этихъ нормальныхъ условій должно бы принадлежать центральной администраціи право неутвержденія постановленія собранія; такъ въ настоящее время начальникъ губерніи ограниченъ предѣлами, указанными въ ст. 91-й полож. о земск. учр. въ замѣчаніяхъ своихъ на земскія смѣты и раскладки.

Попытаемся же, хотя бы приблизительно, начертать тѣ нор-

малыя условія, на которыхъ правительство могло бы предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ право установленія обязательности обученія.

1. Уѣзднымъ земскимъ собраніямъ предоставляются права требовать отъ всѣхъ жителей, входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ уѣзда, обязательнаго обученія дѣтей при соблюденіи ниже указанныхъ условій, съ утвержденія высшаго правительства.

Предполагается предоставить это право уѣзднымъ, а не губернскимъ земскимъ собраніямъ, по многимъ причинамъ: а) губернскія земскія собранія не могутъ считаться дѣйствительными представителями *всѣхъ* сословій губерніи до тѣхъ поръ, пока законъ воспрещаетъ назначеніе уѣздными собраніями точныхъ денегъ представителямъ своимъ въ губернскомъ собраніи и пока, благодаря этому, уѣздныя собранія вынуждены избирать губернскихъ гласныхъ исключительно изъ среды наиболее богатой. б) Въ одной и той же губерніи, какъ показываетъ практика, можетъ быть весьма различна постановка вопроса о народномъ образованіи въ разныхъ уѣздахъ. в) Только уѣздному земскому собранію, а не губернскому, могутъ быть настолько извѣстны экономическія и прочія условія уѣзда, чтобы рѣшить вопросъ о своевременности обязательности обученія. г) Уѣздному, а не губернскому земскому собранію въ настоящее время предоставлено право установленія натуральной, для всѣхъ обязательной, повинности истребленія вредныхъ животныхъ; обязательность обученія своею экономическою стороною соотвѣтствуетъ установленію налога, а потому и должна быть предоставлена уѣздному, а не губернскому земскому собранію. Правда, что повинность истребленія вредныхъ животныхъ, устанавливаемая уѣзднымъ собраніемъ, восходя на утвержденіе высшаго правительства, проходитъ, по закону, чрезъ губернское земское собраніе: но такой промежуточной инстанціи, совершенно излишней и только тормозящей дѣло, желательно было бы избѣжать для постановленія уѣзднаго земскаго собранія объ обязательности обученія.

2. Уѣздное земство обязано ассигновать тысячу рублей серебромъ на открытіе, при содѣйствіи правительства, трехлѣтняго педагогическаго курса при мѣстномъ уѣздномъ или реальномъ училищѣ, на 25 стипендіатовъ въ трехъ курсахъ; остальной расходъ по устройству педагогическаго курса принимается на счетъ государственной казны и педагогическій курсъ открывается немедленно по утвержденіи постановленія земства. Независимо отъ вышеуказанной ассигновки, уѣздное земство вноситъ ежегодно въ смѣту по 2,000 рублей серебромъ въ вознагражденіе дирек-

тору педагогическихъ курсовъ и 1,000 рублей серебромъ ежегодно на устройство, подъ руководствомъ его, учительскаго съѣзда и другія мѣры въ образованію учителей. На директора педагогическихъ курсовъ возлагается посѣщеніе начальныхъ училищъ, чему онъ посвящаетъ шесть недѣль осенью и шесть недѣль весною, посвящая остальное время преподаванію въ педагогическихъ курсахъ.

Такимъ образомъ, весь расходъ уѣзднаго земства по предмету образованія учителей составилъ бы 1,000 р. сер. на учительскій съѣздъ и 3,000 р. сер. директору и на прочіе расходы по педагогическому курсу, открываемому при содѣйствіи государственной казны. Директоръ педагогическихъ курсовъ могъ бы назначаться министерствомъ народнаго просвѣщенія, по представленію кандидатовъ на эту должность земствомъ, а земство могло бы избрать попечителя, для наблюденія за педагогическими курсами, на правахъ попечителя гимназій; уѣздъ, по обзорѣннѣ училищъ, могъ бы быть подраздѣленъ на училищныя участки, порученные лицамъ по выбору земства. Изъ этихъ наблюдателей и директора педагогическихъ курсовъ могъ бы состоять уѣздный училищный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ попечителя педагогическихъ курсовъ, или, за отсутствіемъ его, директора. Педагогическіе курсы, существовавшіе до сихъ поръ, не достигали цѣли, *а потому* они и упразднены. Едва ли основательна такая мѣра: слѣдовало, не уничтожая учрежденія, вдуматься въ хорошія и дурныя стороны его и позаботиться объ устраненіи недостатковъ. Въ педагогическихъ курсахъ дѣло не могло идти удовлетворительно, а) потому, что обученіе въ нихъ продолжалось всего два года, при относительно ничтожной подготовкѣ слушателей; б) потому, что во главѣ этихъ курсовъ не были поставлены специалисты съ достаточнымъ вознагражденіемъ; в) наконецъ потому, что эти курсы были исключительно въ рукахъ чиновниковъ, безъ всякаго воздѣйствія на нихъ со стороны общества. Названные недостатки устраняются предполагаемымъ нами устройствомъ педагогическихъ курсовъ, успѣхъ которыхъ становится тѣмъ вѣроятнѣе, что директоръ ихъ будетъ практически знакомъ съ элементарными школами уѣзда и будетъ вліять въ совѣтъ на всю организацію дѣла и въ особенности на бывшихъ воспитанниковъ своихъ, которые займутъ должности начальныхъ учителей. Педагогическіе курсы, организованные по рациональной программѣ, обойдутся дешевле учительскихъ семинарій, а потому осуществимы и скорѣе послѣднихъ снабжать училища подготовленными учителями. Вмѣстѣ съ открытіемъ педагогическихъ курсовъ привлекается, по нашему

предположенію, въ уѣздъ, желающій установить обязательность обученія, специально свѣдущее лицо въ качествѣ директора курсовъ. Въ то же время уже существуетъ и ассигновка земства на учительскіе сѣзды, и директоръ обязывается къ посѣщенію начальныхъ училищъ. Такимъ образомъ и раньше того времени, когда всѣ учительскія мѣста будутъ заняты педагогами, дѣло начального обученія можетъ пойти толково, такъ какъ во главѣ его будетъ специалистъ, который, какъ доказала практика, посредствомъ учительскихъ совѣщаній, лекцій на сѣздахъ, образцовыхъ уроковъ въ самихъ школахъ и внимательной провѣрки свѣдѣній учащихся, получить возможность постепенно обучить дѣлу учителей, обладающихъ нѣкоторымъ общимъ образованіемъ, но лишенныхъ специальной подготовки къ школьному дѣлу. Мы предположили не болѣе 25-ти учащихся въ трехъ курсахъ не только для того, чтобы уменьшить расходъ на стипендіи, но и потому, что отъ незначительности числа учащихся должны выиграть успѣхи воспитанія и обученія ихъ; а если бы, по истеченіи трехъ лѣтъ, курсы ежегодно снабжали уѣздъ лишь шестью учителями, то и такого числа нельзя не признать достаточнымъ на первое время. Извѣстный расходъ на образованіе учителей выставленъ нами первымъ изъ тѣхъ нормальныхъ условій, на основаніи которыхъ высшее правительство могло бы допустить постановленіе земства объ обязательности обученія, потому что отъ личныхъ свойствъ преподающихъ и зависитъ всего болѣе успѣхъ дѣла; государство же, какъ мы уже говорили, обязано озаботиться тѣмъ, чтобы обязательность обученія приносила существенную пользу, а не только красовалась на бумагѣ.

3. Уѣздному земскому собранію предоставляется, по совѣщаніи съ училищнымъ совѣтомъ, опредѣлить, въ какихъ именно селахъ уѣзда и когда именно должны быть открываемы училища, обязательно посѣщаемыя мѣстнымъ населеніемъ, какъ сказано будетъ ниже.

Недостатокъ въ учителяхъ такъ великъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ возможно будетъ открыть училища одновременно во всѣхъ наиболѣе многочисленныхъ селахъ уѣзда. Желательно, чтобы училища открывались только на рациональныхъ началахъ, а потому, чтобы открывались училища постепенно, по мѣрѣ того, что училищному совѣту удастся приискать благонадежныхъ преподавателей или преподавательницъ. Въ противномъ случаѣ обязательность обученія могла бы пасть напраснымъ, производительнымъ бременемъ на народъ.

4. Уѣздное земство участвуетъ въ расходѣ на каждое училище, обязательно посѣщаемое; главнѣйшій же расходъ по это-

му предмету падаетъ на общество того села, въ которомъ открывается училище, обязательно посѣщаемое. Единовременный расходъ на устройство училищнаго зданія производится по усмотрѣнiю земскаго собранiя — только въ тѣхъ случаяхъ, когда сельское общество не обладаетъ достаточнымъ и удобнымъ школьнымъ помѣщенiемъ. Устройство удобной школьной мебели и вентиляцiи въ классныхъ комнатахъ обязательно при самомъ открытiи школы. Смѣта единовременнаго расхода составляется мѣстнымъ сельскимъ обществомъ сообразно нормальному плану училищъ, который земская управа сообщаетъ волостнымъ правленiямъ; смѣта утверждается земскою управою, которая вноситъ 20 процентовъ единовременнаго денежнаго расхода по смѣтѣ въ земскую смѣту, а остальные затѣмъ 80% падаютъ на мѣстное общество. Единовременный денежный расходъ сельскаго общества на школу, во всякомъ случаѣ, не долженъ превосходить 40 к. сер. отъ ревизской души, если само общество не пожелаетъ издержать больше.

Уѣздное земство должно участвовать въ расходѣ на каждую школу не только потому, что все земство заинтересовано въ существованiи каждой школы, но и потому, что не представляется лучшей гарантiи въ пользу того, чтобы управа, утверждающая смѣту на единовременный школьный расходъ, экономно распорядилась денежными средствами сельскаго общества; по той же причинѣ доля участiя земства въ единовременномъ расходѣ сельскаго общества опредѣлена въ процентахъ по отношенiю къ издержкѣ сельскаго общества. Сооруженiе школьнаго зданія по нормальному плану и самое утвержденiе смѣты постройки управою необходимо, такъ какъ крестьяне, незнакомые съ потребностями училища, могли бы и за значительныя деньги не доставить школамъ необходимыхъ удобствъ. Въ огражденiе интересовъ крестьянъ отъ возможныхъ увлеченiй, предполагается, что *денежный* единовременный расходъ крестьянъ на сооруженiе зданiя и школьную мебель не долженъ превышать 40 коп. сер. отъ ревизской души. Такъ, въ селенiи въ 1,000 ревизскихъ душъ, крестьяне должны бы издержать единовременно 400 р. сер., а земство 80 р. сер.; за 480 руб. сер., при исполненiи многихъ работъ крестьянами натурой, бесплатно, возможно было бы соорудить постройку на 100 учащихся, хотя и весьма скромную. Постройка улучшится, если училищный совѣтъ съумѣетъ привлечь жертвователей, или земство найдетъ возможнымъ издержать болѣе 80% денежнаго расхода сельскаго общества, или само сельское общество пожелаетъ издержать болѣе положеннаго. Во многихъ селахъ не придется вовсе строить новыхъ

зданій и будетъ возможно довольствоваться существующими, или пристраивать къ существующимъ, при незначительныхъ расходахъ. Вентиляція имѣетъ такое значеніе для здоровья дѣтей, а устройство удобной школьной мебели—для здоровья и успѣховъ обученія, что признано необходимымъ обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе руководителей дѣла.

5. На школу, обязательно посѣщаемую, не можетъ быть ассигнуемо ежегодно менѣе 240 руб. сер., изъ коихъ 200 руб. сер. въ вознагражденіе учителю или учительницѣ. Такая ассигновка не вводится обязательно, но считается возможною лишь въ тѣхъ селахъ, въ которыхъ не болѣе 1,000 ревизскихъ душъ и потому не болѣе 100 учащихся. Затѣмъ во всѣхъ селахъ, съ числомъ ревизскихъ мужескаго пола душъ болѣе тысячи, крестьяне вносятъ обязательно въ пользу школы не болѣе 20 коп. сер. отъ души, а уѣздное земство доплачиваетъ 20 процентовъ суммы издерживаемой обществомъ. Дозволяется приступать во взиманію этого двадцатикопѣчнаго сбора и въ тѣхъ селахъ, въ которыхъ лишь чрезъ 5 лѣтъ предполагается ввести обязательность обученія. Этотъ сборъ идетъ на покрытіе расхода по сооруженію училища и долѣе 5 лѣтъ не производится. На каждые 100 учащихся приглашается одинъ учитель, но съ тѣмъ, чтобы каждый учитель получалъ жалованья въ годъ отъ 200 до 300 руб. сер. и никакъ не менѣе 200 р. сер. При наименьшей ассигновкѣ сельскаго общества на школу, какъ сказано выше, въ 200 р. сер., земство доплачиваетъ 40 руб. сер., что въ совокупности и образуетъ наименьшую норму стоимости училища, обязательно посѣщаемого учениками. Независимо отъ денежнаго ежегоднаго расхода сельскихъ обществъ на школу, общество того села, въ которомъ открывается училище, обязано поставить натурою топливо въ квартиру учителя, устроенную при школѣ и харчeveго хлѣба, въ размѣрѣ по пол-четверика отъ каждаго учащагося. Изъ школьной суммы расходуются ежегодно на учебныя пособія и читальни остатки училищной суммы, по усмотрѣнію мѣстнаго попечителя школы, подъ наблюденіемъ училищнаго совѣта. Могущіе затѣмъ образоваться остатки мѣстныхъ сборовъ образуютъ капиталъ, принадлежащій каждой школѣ особо и состоящій въ вѣдѣніи попечителя ея; остатки земскаго сбора поступаютъ въ распоряженіе училищнаго совѣта на награды лучшимъ учителямъ.

Норму единовременнаго и ежегоднаго расхода на школу, норму наименьшаго учительскаго оклада и наибольшаго налога на крестьянъ и земство въ пользу школы, равно какъ и норму наименьшей стоимости толковой школы невозможно было опре-

дѣлать иначе, какъ вывести все это изъ наблюдений надъ дѣйствительною жизнью; такъ мы и поступили, причемъ приняли въ расчетъ наблюденія наши въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринбургской губерніи, въ теченіе пяти лѣтъ. Такъ на нашихъ глазахъ единовременный расходъ крестьянъ на школу почти всегда *превышалъ* 40 к. сер. отъ ревизской души, почему мы и проектируемъ обязательный расходъ *не выше* этой нормы. За вознагражденіе отъ 200 до 300 р. сер. намъ удавалось и удастся привлечь лицъ способныхъ на должность учителя; практика высказалась въ пользу того, что немисливо вознагражденіе учителю менѣе 200 р. сер., при отопленной квартирѣ и провизіи; ограждая производительность *обязательности* обученія, мы считаемъ вреднымъ для дѣла осуществленія школы, обязательно посѣщаемой, со стоимостію менѣе 240 р. сер., полагая 40 руб. сер. на учебныя пособія. Наконецъ, проектируя норму наибольшаго налога на крестьянъ въ 20 коп. сер., мы также основываемся на опытѣ: въ нашемъ уѣздѣ, гдѣ дѣло держится исключительно вліяніемъ немногихъ лицъ на массу, а не требованіемъ закона, изъ 60-ти сельскихъ обществъ *два трети* уплачиваютъ ежегодно по 20 к. сер. и *болѣе* отъ ревизской души въ пользу школы. Для того, чтобы провѣрить, не обременили ли мы земскую кассу расходомъ на школу, представимъ себѣ уѣздъ съ сельскимъ населеніемъ въ 50 тысячъ душъ мужского пола. Предположимъ, что уѣздное земство признаетъ возможнымъ ввести обязательность обученія въ 50-ти селахъ, въ 1,000 ревизскихъ душъ каждое; въ такомъ случаѣ придется издержать крестьянамъ не болѣе 10,000 тысячъ руб. сер., а земству двадцать процентовъ этой суммы, т. - е. 2,000 руб. сер. и кромѣ того 4,000 руб. сер., какъ сказано выше, на учительскій сѣздъ и педагогическій курсъ, а всего слѣдовательно издержитъ земство 6,000 руб. сер. Едва ли возможно признать обременительнымъ такой расходъ земства, если сравнить его съ расходомъ нынѣ существующимъ тамъ, гдѣ уѣздное земство считаетъ расходъ на народное образованіе производительнымъ. Только при извѣстной значительности расхода уѣзднаго земства на ежегодное содержаніе начальныхъ школъ и мыслимо проектируемое нами право земства на установленіе обязательности обученія. Впрочемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что по нашему предположенію, усмотрѣнію уѣзднаго земства должно быть предоставлено рѣшеніе вопроса, когда и сколько открыть училищъ, обязательно посѣщаемыхъ; поэтому возможно представить себѣ, что уѣздъ, указанный выше, откроетъ на первый годъ лишь десять школъ и только постепенно, по мѣрѣ возрастанія средствъ плательщи-

ковъ, достигнеть означенной выше цифры расхода въ 6,000 р. сер. Единовременный расходъ мы потому и не можемъ принять въ расчетъ въ настоящее время, что отъ самого земства зависить увеличить, или уменьшить его, увеличивъ или уменьшивъ число одновременно открываемыхъ училищъ; допустивъ однако, что земство выстроить, изъ 50-ти училищъ, по 10-ти ежегодно, то земству пришлось бы, какъ объяснено выше, издерживать по 80-ти руб. сер. на каждое изъ 10-ти училищъ, т. - е. всего по 800 р. сер. въ годъ и продолжать этотъ расходъ пять лѣтъ. Крестьяне издерживали бы по 400 р. сер. на школу единовременно и охотно пожертвовали бы на нѣсколько дней работы; такъ строились училища въ нашемъ уѣздѣ и нерѣдко бывали примѣры, что *сами* крестьяне просили мирового посредника дозволить имъ произвести постройку на этихъ основаніяхъ. Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что обязательность обученія можетъ осуществиться въ селѣ, въ которомъ менѣе тысячи ревизскихъ душъ только въ томъ случаѣ, если общество пожелаетъ произвести единовременный расходъ и ежегодный *болѣе* установленныхъ для нихъ нормъ и уѣздное земство пожелаетъ произвести доплату пропорціонально *дѣйствительной*, а не нормальной ассигновкѣ общества. Какъ ни грустно, а съ этимъ явленіемъ приходится мириться въ виду бѣдности сельскаго населенія и земской кассы вообще.

6. Въ училищахъ, обязательно посѣщаемыхъ, преподаются по меньшей мѣрѣ: 1) Законъ Божій; 2) чтеніе русское и славянское, при достиженіи полного пониманія учащимися, при окончаніи обученія, любой юношеской книги и текста св. евангелія; 3) письмо, при умѣнни излагать свою мысль на бумагѣ; 4) четыре дѣйствія ариметики надъ цѣлыми числами письменнo, а умственно и надъ дробями; 5) знакомство съ окружающими явленіями природы, по книгѣ для чтенія; 6) пѣніе, гимнастика и рисованіе. Ближайшее наблюденіе за распредѣленіемъ занятій и успѣхами ихъ ввѣряется училищному совѣту.

Не находя удобнымъ подробное обсужденіе учебной программы начальной школы въ неспеціальному изданіи, мы можемъ указать здѣсь лишь на то, что по нашему предположенію законъ устанавливаетъ наименьшую учебную программу, такъ какъ если бы уровень образованія не достигалъ и этой низшей степени, то и государство не могло бы ожидать надлежащихъ результатовъ отъ обязательности обученія. Въ виду того, что нѣкоторые находятъ производительнымъ достиженіе одного процесса чтенія и письма, казалось необходимымъ указать въ законѣ на наименьшіе результаты отъ начальной школы.

7. Родители и замѣняющіе ихъ лица въ тѣхъ селахъ, въ которыхъ обязательность обученія будетъ признана своевременною уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и въ которыя будетъ рекомендованъ учитель училищнымъ совѣтомъ, обязаны посылать въ школу сыновей своихъ, возрастомъ отъ десяти до четырнадцати лѣтъ. Сельское общество въ правѣ увольнять отъ обязательнаго посѣщенія школы, съ утвержденія училищнаго совѣта, тѣхъ дѣтей, которыя составляютъ единственную рабочую силу больныхъ или престарѣлыхъ родителей и не могутъ быть замѣнены наймомъ. На первый разъ, при открытіи школы, поступаютъ въ нее всѣ десятилѣтніе мальчики села; затѣмъ ежегодно вновь поступаютъ въ школу мальчики, которымъ исполнится десять лѣтъ до 1-го октября текущаго года, т.-е. до начала учебнаго года. Въ школѣ дѣти 10-ти лѣтъ образуютъ первый классъ, дѣти 11-ти лѣтъ—второй классъ, дѣти 12-ти лѣтъ—третій классъ; за три года проходитъ вся учебная программа, а четвертый годъ посвящается повторенію пройденнаго съ учениками, отъ 13-ти до 14-ти лѣтъ, образующими параллельное отдѣленіе третьяго класса.

Четыре года — тотъ кратчайшій срокъ обученія, при которомъ достижимы воспитательные и образовательные результаты; удлиннить этотъ срокъ не представляется возможности по бѣдности родителей и отсутствію достаточнаго помѣщенія въ селѣ или средствъ къ устройству его для дѣтей, возрастомъ отъ 6-ти до 14-ти лѣтъ. По тѣмъ же причинамъ обязательность обученія устанавливается первоначально лишь для мальчиковъ. По статистическимъ вычисленіямъ въ Западной Европѣ, провереннымъ нами для Россіи, приблизительно шестая часть населенія находится въ возрастѣ отъ 6-ти до 14-ти лѣтъ; въ селѣ, въ которомъ 2,000 ревизскихъ душъ или 4,000 жителей обоего пола, пришлось бы привлечь въ школу до 700 учащихся, мальчиковъ и дѣвочекъ, что, очевидно, превысило бы наши педагогическія и матеріальныя средства, у насъ не стало бы средствъ и на обученіе 350-ти мальчиковъ въ такомъ селѣ. Статистическія вычисленія доказываютъ, что лица, возрастомъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, составляютъ, приблизительно, десятую часть населенія; по этому расчету, привлекая въ школу въ селѣ изъ 2,000 ревизскихъ душъ лишь мальчиковъ, отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, мы получили бы не больше 200 учениковъ, одновременно посѣщающихъ школу и не больше 50 учениковъ ежегодно поступающихъ въ школу неграмотными. Такое число учащихся оказалось бы по силамъ двумъ учителямъ; на школу такого села общество платило бы, какъ объяснено выше, 400 руб. сер. и земство 80

руб. сер.; отчислѣя изъ этой суммы 30 руб. сер. ежегодно на учебныя пособія, на жалованье каждому учителю осталось бы по 225 руб. сер., при отопленной квартирѣ и провизіи. Поступленіе учениковъ и распредѣленіе ихъ по классамъ приноровлено къ учебной программѣ, причѣмъ имѣлась въ виду *трехклассная* школа, поручаемая *одному* учителю; *болѣе* трехъ классовъ и одного параллельнаго отдѣленія невозможно поручить одному учителю тамъ, гдѣ въ короткое время должно быть много сдѣлано для развитія и воспитанія дѣтей. Желая облегчить дѣятельность учителя, увеличить успѣхи обученія и упрочить результаты воспитанія и обученія, мы приняли за начало учебнаго періода десятилѣтній, а не болѣе ранній возрастъ, въ виду неразвитости большинства крестьянскихъ мальчиковъ, невыносящихъ никакого воспитанія и развитія изъ собственной семьи. При всей благодѣтельности обязательности обученія, мы сочли нужнымъ не только ограничить ее тѣми селами, въ которыхъ она окажется умѣстною, по усмотрѣнію уѣзднаго земства, но и предположили предоставить тому сельскому обществу, къ которому она примѣнится, указать на тѣ исключительныя семьи въ средѣ этого общества, по отношенію къ которымъ она могла бы оказаться непримѣнною; это право общества ограничено контролемъ учрежденія, заинтересованнаго успѣхами обученія и возможно болѣе широкимъ распространеніемъ обязательности обученія.

8. Началомъ учебнаго года въ народныхъ училищахъ, обязательно посѣщаемыхъ, признается 2-е октября, а окончаніемъ наступленіе времени кошенія сѣна въ селѣ, въ которомъ существуетъ обязательно посѣщаемое училище. Мальчики, въ п. 7-мъ означенные, обязаны посѣщать училище ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, въ теченіе всего учебнаго года. Родители и лица ихъ замѣняющія штрафуются за всякій учебный день, пропущенный ученикомъ, уже поступившимъ въ школу, или еще не поступившимъ, но, согласно пункту 7-му, долженствовавшимъ поступить. Размѣръ штрафа опредѣляется уѣзднымъ земскимъ собраніемъ для каждаго изъ учебныхъ мѣсяцевъ особо, сообразно средней поденной платѣ на полуработниковъ въ данный мѣсяцъ, но съ тѣмъ, чтобы штрафъ за непосѣщеніе училища былъ на 50 процентовъ выше поденной платы. Въ случаѣ несостоятельности въ уплатѣ штрафа, виновные подвергаются аресту на сутки за каждый пропущенный ученикомъ учебный день. Штрафы не взимаются въ случаѣ законныхъ причинъ къ неявкѣ ученика, каковыми признаются: болѣзнь самого ученика, или тяжкая болѣзнь кого-либо изъ членовъ его семьи, удостовѣренная мѣстнымъ попечителемъ школы. Взысканія производятся волостнымъ

старшиною; по требованію попечителя школы или училищнаго совѣта, не позже сутокъ со времени послѣдовавшаго обвиненія, а недостающій ученикъ въ тотъ же срокъ доставляется мѣстнымъ старшиною въ школу. Попечитель школы вправѣ, съ вѣдома училищнаго совѣта, увольнять ученика на недѣлю отъ посѣщенія школы въ случаѣ особеннаго бѣдствія въ хозяйствѣ отца, или особенной крайности отца въ рабочей силѣ ученика; такое увольненіе не можетъ послѣдовать болѣе двухъ разъ, по отношенію въ одному ученику, въ теченіе учебнаго года.

Признавалось необходимымъ разъ навсегда установить начало учебнаго года, для того, чтобы крестьяне легче свыклись съ тѣмъ, въ какой именно день слѣдуетъ опредѣлять дѣтей въ школу и исполняли это исправно; такимъ днемъ избранъ день, слѣдующій за праздникомъ, совпадающимъ со временемъ окончанія полевыхъ работъ. Окончаніе учебнаго года поставлено въ зависимость отъ мѣстныхъ условій, для того, чтобы не лишитъ семейства рабочей силы дѣтей на горячее рабочее время, начинающееся сѣнокосеніемъ и оканчивающееся молотьбою. Необходимость взысканія за непосѣщеніе школы не требуетъ доказательствъ, такъ какъ отсутствіе подобной мѣры было бы равносильно отсутствію обь обязательности обученія. Въ Германіи законы, обязывающіе къ посѣщенію школы, но не карающіе за непосѣщеніе, на десятки лѣтъ предшествовали законамъ, штрафующимъ родителей, неисполняющихъ своихъ обязанностей по отношенію къ дѣтямъ; между тѣмъ первые оставались мертвой буквой, и только послѣднимъ удалось настоять на посѣщеніи школъ. При обязательности обученія важно не только то, чтобы дѣти извѣстнаго возраста поступали въ школу, но и то, чтобы поступившія *исправно* ее посѣщали; это условіе, обезпечивающее успѣхи обученія, и составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ выгодъ обязательности обученія. Размѣръ штрафа предоставленъ мѣстнымъ органамъ, которые обязываются установить его такимъ образомъ, чтобы самая уплата штрафа отцемъ, при работѣ учащагося сына дома, не могла обратиться въ выгодную спекуляцію. Въ виду бѣдности крестьянъ, попечителю предоставлено право временно увольнять дѣтей отъ посѣщенія школы въ случаѣ крайности; но и это право ограничено въ интересъ школы и въ предостереженіе возможныхъ злоупотребленій. Право взысканія предоставлено волостному старшинѣ, какъ *ближайшей* власти; еслибы предоставить это право власти, болѣе отдаленной отъ школы, то могло бы понадобиться такое время для производства взысканія, которое увеличило бы число прогульныхъ дней въ ущербъ успѣхамъ обученія; имуществу или

личной свободѣ виновныхъ родителей; правильность взысканія гарантирована тѣмъ, что обвинителемъ предъ старшиною является попечитель школы, лицо избранное и близкое къ дѣтямъ и родителямъ ихъ, или училищный совѣтъ, со стороны котораго также трудно допустить злоупотребленія въ этомъ отношеніи.

9. Обученіе въ училищахъ, обязательно посѣщаемыхъ, производится въ теченіе учебнаго года ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней; но въ начальныхъ училищахъ учащіеся увольняются отъ школы всякую субботу, въ обѣденную пору. Всякую субботу *послѣ обѣда* сходятся въ начальную школу лица, окончившіе курсъ въ начальной школѣ, возрастомъ отъ 14-ти до 18-ти лѣтъ, на три часа, для повторенія пройденнаго и дальнѣйшаго образованія. Пунктъ 8-й примѣняется и къ учащимся этой категоріи, съ соответствующими измѣненіями. Тѣ изъ окончившихъ курсъ, которые займутся работою по найму внѣ села, освобождаются отъ посѣщенія повторительной школы попечителемъ, съ вѣдома совѣта.

Желая обставить производительность обязательности обученія, какъ сопряженную съ немаловажными нравственными и матеріальными пожертвованіями, возможными гарантіями, мы начали съ цѣлаго ряда мѣръ, обеспечивающихъ качества преподавателя и педагогическаго контроля; по той же причинѣ мы считаемъ умѣстнымъ обязательное посѣщеніе школы *окончившими* курсъ на три часа въ недѣлю, въ теченіе учебнаго года, т.-е. наиболѣе свободнаго, для рабочаго человѣка, времени. Предполагивъ, что обученіе въ начальной школѣ будетъ производиться, какъ и бываетъ нынѣ, по четыре часа до обѣда и по два часа послѣ обѣда ежедневно, кромѣ послѣобѣденнаго времени въ субботу, возможно допустить, что утрата двухъ часовъ обученія въ недѣлю не составитъ чувствительной потери для начальной школы, при четвертомъ, повторительномъ годѣ обученія, исправности посѣщенія школы всѣми учениками и проектированной нами продолжительности учебнаго года: учебная программа, указанная въ составленной нами книгѣ «Русская начальная школа,» исполняется нынѣ въ три зимы при пяти мѣсяцахъ обученія въ каждую зиму. Въ свою очередь посѣщеніе школы окончившими курсъ, не обременяя родителей трехчасовымъ отсутствіемъ изъ дому учащихся, представляется вполне неизбѣжнымъ для успѣховъ воспитанія и обученія. Крестьянскій мальчикъ 14-ти лѣтъ, обученный въ школѣ, возвращается въ невѣжественную среду, которая легко можетъ заглушить въ немъ знанія и нравственныя начала, вынесенныя имъ изъ школы, если только окончившій курсъ порветъ связь со школою и своимъ воспитателемъ, вліявшимъ на него въ те-

ченіе четырехъ лѣтъ. Напротивъ, при посѣщеніи школы только на три часа въ недѣлю, окончившій курсъ удержитъ, до 18-ти лѣтъ, познанія и нравственныя начала, привитыя къ нему школою, упрочить ихъ и усовершенить посредствомъ чтенія, которое можетъ совершаться дома, отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ, подъ руководствомъ учителя школы, совѣтами и разъясненіями котораго онъ будетъ пользоваться. Еще существеннѣе непосредственно воспитательные результаты, которыхъ возможно ожидать отъ посѣщенія школы окончившими курсъ: они встрѣтятъ поддержку въ учителѣ и школѣ, укрѣпятъ связь между собою и перестанутъ обязательно посѣщать школу лишь въ такомъ возрастѣ, когда болѣе или менѣе окрѣпнуть для воздѣйствія на невѣжественную массу, при возможности устоять противъ ея вліянія. Такая мѣра тѣмъ болѣе примѣнима, что не требуетъ лишняго расхода отъ плательщиковъ и лишняго труда отъ учителя, оставляя свободными воскресные и праздничные дни, которые учитель можетъ посвятить отдыху и самообразованію. Обязательность обученія, простираясь въ извѣстныхъ предѣлахъ и на лицъ отъ 14-ти до 18-ти-лѣтняго возраста, гарантируется и по отношенію къ этимъ лицамъ соотвѣтствующими взысканіями, причемъ размѣръ штрафа за всякую субботу, пропущенную учащимся въ школѣ, долженъ бы соотвѣтствовать дѣйности рабочей платы, сообразно возрасту учащагося; попечитель школы былъ бы въ правѣ уволить ученика отъ посѣщенія *посторонней* школы не болѣе двухъ разъ въ теченіе учебнаго года, всякій разъ на одинъ день, за исключеніемъ законныхъ причинъ къ неявкѣ, перечисленныхъ въ пунктѣ 8-мъ; вотъ въ какомъ смыслѣ въ п. 9-мъ сказано, что и къ окончившимъ курсъ въ начальной школѣ долженъ бы примѣняться пунктъ 8-й, съ соотвѣтствующими измѣненіями.

Начавъ съ теоретическаго обсужденія вопроса объ обязательности обученія, мы пришли къ заключенію о томъ, что она въ принципѣ правомѣрна и полезна, но непримѣнима къ нашему отечеству въ цѣломъ составѣ, въ данную минуту, за отсутствіемъ средствъ къ осуществленію. Затѣмъ мы старались доказать, что за невозможностью гарантировать успѣхи воспитанія и обученія повсемѣстно, было бы неблагоприятно не принять къ тому мѣръ въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ окажутся люди и деньги, необходимыя для установленія обязательности обученія. Разрабатывая вопросъ о примѣненіи учрежденія, признаннаго нами благотѣльнымъ въ принципѣ, къ отдѣльнымъ уѣздамъ, мы были вынуждены

условіями нашего быта лишить обязанности обученія ея всеобщности и ограничить ее не только предѣлами одного уѣзда, но иногда и предѣлами отдѣльных селъ, предоставляя времени повсемѣстное ея распространеніе. Не считая нашихъ предположеній окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса, мы были бы уже очень счастливы, если бы намъ удалось въ предполагаемой статьѣ намѣтить хотя бы главнѣйшія обстоятельства, которыя слѣдуетъ принять во вниманіе, для того, чтобы не вполне обдуманно составленнымъ закономъ объ обязательности обученія или непризнаніемъ полезности ея въ самомъ принципѣ не повредить дѣлу. Каждымъ изъ насъ испытано, что исполняются только тѣ приказанія, которыя осуществимы и которыя находятъ добросовѣстныхъ исполнителей; каждымъ изъ насъ испытано, кроме того, что нерѣдко мы готовы дѣйствовать вопреки истиннымъ интересамъ нашимъ, увлекаясь кажущеюся, ближайшею выгодною и не обращая вниманія на нарушеніе нами интересовъ государства и нашихъ согражданъ. Эти точки зрѣнія слѣдуетъ имѣть въ виду при обсужденіи вопроса объ обязательности обученія; слѣдуетъ теперь же сдѣлать первый шагъ къ тому, чтобы, хотя со временемъ, дѣло элементарнаго воспитанія массы стало на незыблемыхъ основаніяхъ въ цѣломъ отечествѣ нашемъ, которое не сочтетъ себя въ правѣ отказать кому бы то ни было въ начальномъ образованіи, или не поддержитъ усилій частныхъ лицъ, на собственный страхъ и рискъ вышедшихъ, раньше административной власти, на развѣду дебрей невѣжества, и которыя, дѣйствуя разрозненно, могутъ разойтись въ разныя стороны и изнемоютъ подъ бременемъ не по силамъ поднятаго труда.

БАР. Н. КОРЪ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ

КАКЪ

ПРЕДМЕТЪ ЭКОНОМІИ.

I.

Большинство явленій, которыя приходится подвергать изученію, наблюденію и изслѣдованію, бываетъ результатомъ сложныхъ причинъ. Большинство вопросовъ, которые приходится рѣшать публицисту, экономисту и администратору, зависятъ отъ нѣсколькихъ перемѣнныхъ условій. Объять съ разу всѣ эти условія, и тѣмъ болѣе взвѣсить значеніе каждаго и опредѣлить вліяніе, которое оно имѣетъ на окончательное рѣшеніе или выводъ, рѣдко бываетъ возможно. Поэтому, вообще всякій сложный вопросъ, всякое сложное явленіе изучаютъ въ зависимости отъ каждаго перемѣннаго условія отдѣльно. Понятно, что при такомъ изученіи получаютъ только условныя рѣшенія вопроса, справедливыя въ томъ лишь предположеніи, что явленіе зависитъ исключительно отъ одной той причины, въ зависимости отъ которой оно изучается. Окончательное же рѣшеніе можетъ быть выведено только изъ совокупности всѣхъ отдѣльныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ вопросъ.

Точный изслѣдователь строго помнитъ эту простую теорему, и было бы величайшею ошибкою принимать или выдавать за окончательный выводъ одно изъ частныхъ рѣшеній вопроса, выведенное, можетъ быть, совершенно вѣрно, но подъ извѣстнымъ условіемъ и ограниченіемъ вопроса. Съ общественными изслѣ-

дователями, публицистами и критиками такая ошибка случается сплошь и рядомъ. Бездна недоразумѣній, противорѣчій, споровъ возникаетъ здѣсь, только благодаря такой ошибкѣ, и бездна фальшивыхъ, въ основѣ, мнѣній и рѣшеній пускается въ оборотъ и вращается въ обществѣ по разнымъ вопросамъ, благодаря такой именно ошибкѣ. Большей частью это дѣлается безсознательно для самихъ виновниковъ такихъ упущеній. Мыслители нравственнаго порядка не привыкли ставить во главѣ всякаго вопроса вопросъ о томъ, отъ какого числа и какихъ именно переменныхъ зависитъ рассматриваемое явленіе, или вопросъ, сколько онъ представляетъ отдѣльныхъ сторонъ, подлежащихъ изслѣдованію. Число сторонъ вопроса берется обыкновенно произвольно, безъ всякихъ предварительныхъ разсужденій, и большею частію ограничивается всего одной той, какая болѣе бьетъ въ глаза или попадаетъ подъ руку. Существуютъ цѣлыя школы, системы и ученія, ведущія между собою вѣковую и непримиримую вражду, споряція между собою; между тѣмъ, при внимательномъ разсмотрѣніи все противорѣчіе ихъ можетъ быть сведено къ тому, что одна сторона усмотрѣла въ вопросѣ одну причину, одну переменную, и выводитъ рѣшеніе въ виду ея, а другая — другую.

Я обращаю вниманіе на это обстоятельство потому именно, что вопросъ, который намъ предстоитъ 'рассматривать, принадлежитъ къ числу такихъ, въ которыхъ люди особенно легко впадаютъ въ означенную ошибку, и по которому въ нее впадали не только частные мыслители, но и правительства.

Въ вопросахъ, съ которыми приходится имѣть дѣло общественному мыслителю и администратору, безпрестанно встрѣчаются между собою два существенные интереса — интересъ частный и государственный. Эти два интереса составляютъ тѣ двѣ главные точки зрѣнія, съ которыхъ подлежитъ обсужденію всякое дѣйствіе лицъ въ обществѣ, всякое право — тѣ двѣ существенныя переменныя, которыми опредѣляется всякое рѣшеніе законодателя. Я хочу открыть извѣстный промыселъ, потому что онъ можетъ быть мнѣ выгоденъ; но вотъ является государство и рѣшаетъ, можно ли меня допустить къ этому; я хочу вступить въ бракъ или расторгнуть существующій, — опять является государство и рѣшаетъ вправѣ ли я это сдѣлать. Такъ на каждомъ шагу такое вмѣшательство государства въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ и обществахъ имѣло весьма различныя предѣлы, то-есть, рядъ частныхъ поступковъ, на которые государство считало нужнымъ простираť свое вмѣшательство, представлялся не всегда одинаковъ для взгляда законо-

дателя. Не существовало естественной однообразной мѣрки, по которой эти предѣлы вмѣшательства опредѣлялись бы сами собой, а эту мѣрку приходилось, на ряду со всякими другими вещами, вырабатывать человѣческому обществу путемъ опыта и ошибокъ, излишествъ съ одной стороны и недосмотровъ и упущеній съ другой — словомъ, эта мѣрка была болѣе или менѣе произвольна. Эти излишества давали себя знать, конечно, невыгодными результатами; а сознаніе и боязнь этихъ результатовъ, разъ прочувствованныя, приводили, какъ это бываетъ всегда въ дѣлахъ человѣческихъ, въ противоположной крайности, въ стремленію отрицать вмѣшательство даже тамъ, гдѣ оно могло быть на мѣстѣ. Но нигдѣ и никогда эти стремленія не могли, даже въ теоріи, дойти до совершеннаго устраненія вмѣшательства, и теорія свободы частныхъ дѣйствій, въ своемъ стремленіи стѣснить предѣлы государства, должна была постоянно встрѣчать свой предѣлъ и камень преткновенія въ такихъ фактахъ, гдѣ отрицать необходимость вмѣшательства было совершенно невозможно, въ силу самой очевидной его пользы и необходимости. Такимъ образомъ, вмѣшательство составляло всегда — и навсегда останется фактомъ неразрывно связаннымъ съ самой сущностью общежитія, и споръ относительно вмѣшательства можетъ ограничиваться — и всегда ограничивался въ сущности однимъ споромъ о предѣлахъ. Поэтому-то, когда говорили о невмѣшательствѣ, то это слѣдовало разумѣть только въ смыслѣ отрицанія вмѣшательства относительно извѣстнаго ряда предметовъ, но не безусловнаго отрицанія вмѣшательства.

Но въ этихъ-то предѣлахъ сущность вопроса и вся его трудность. Эта трудность тѣмъ значительнѣе, что, какъ мы замѣтили, ошибки здѣсь возможны и въ ту и въ другую сторону. Если законодательство съ одной стороны склонно было проводить вмѣшательство до напрасныхъ мелочей, то съ другой оно оставляло на долю частнаго произвола такія вещи, которыя, по удостовѣренію поздняго опыта, прямо подлежали его регламентации. И тѣ и другія ошибки, и въ ту, и въ другую сторону, связаны съ ущербомъ для общества, съ матеріальными и нравственными потерями, и пока эти потери существуютъ, до тѣхъ поръ искомая граница не опредѣлена достаточно вѣрно, до тѣхъ поръ законодательство не только не сказало своего послѣдняго слова, но не уяснило той точки зрѣнія, тѣхъ основаній, которыя должны привести его въ своему послѣднему выраженію по этому предмету. Выяснить теоретически эту черту, дать законодателью твердую мѣру для опредѣленія предѣловъ своей дѣятельности, есть очевидно прямая задача государственной науки.

Но первые шаги науки были робки на этомъ поприщѣ, какъ на всякомъ другомъ, и это заставило практическихъ дѣателей относиться къ ней недоувѣрчиво и продолжать разсчитывать въ своей дѣятельности болѣе на свои личныя нравственныя силы, чѣмъ на теоретическую научную помощь. Дѣйствительно, та точка зрѣнія, съ которой наука явилась въ первый разъ съ своей помощью и совѣтами, съ своимъ теоретическимъ матеріаломъ, тотъ запасъ силъ теоретическихъ, который она принесла на помощь и судъ практиковъ, были слишкомъ слабы; самая точка зрѣнія, на которую она стала, или точка опоры, которую выбрала для подъема падавшей на нее тягости, слишкомъ не стойка и податлива, для успѣшнаго результата. Съ отвлеченной высоты чистаго умозрѣнія, на которомъ прежде всего утвердилась наука, она предложила такое неопредѣленное объясненіе сущности государства и его назначенія, изъ котораго трудно было создать какое-либо практическое орудіе.

Съ этой точки зрѣнія она могла сказать только то, что само собою могло быть сказано и разумѣлось а priori: она могла опредѣлить задачу и сущность государства однимъ общимъ словомъ, — блюсти общіе интересы; а потому сказать только, что и государственное вмѣшательство вездѣ на мѣстѣ тамъ, гдѣ только затрогиваются эти интересы. Понятно, что такимъ опредѣленіемъ, хотя быть можетъ и вѣрнымъ въ философскомъ смыслѣ, въ практическомъ смыслѣ ничего ровно не сказано. Сказавъ, что сумма всѣхъ функцій государства опредѣляется общими интересами, мы очевидно еще ничего не сдѣлали для ближайшаго опредѣленія этихъ функцій.

Въ виду такого объясненія самъ собою рождается вопросъ о томъ, какія это функціи, насколько онѣ могутъ измѣняться въ зависимости отъ условій мѣста и времени, а вмѣстѣ съ ними и предѣлы вмѣшательства и пр. Въ виду такого требованія, критеріумъ или мѣрка общаго блага очевидно слишкомъ обща для того, чтобъ служить практическимъ орудіемъ; она допускаетъ столько сомнѣній и колебаній въ ту и другую сторону, что черезъ это самыя предѣлы вмѣшательства становятся неопредѣленными и произвольными. Съ этой общей точки зрѣнія всѣ поступки частныхъ лицъ могутъ быть подчинены государственному вмѣшательству, и въ принципѣ нельзя отрицать за государствомъ этого права. Но въ то же время нельзя отрицать, что на самомъ дѣлѣ не всѣ поступки частныхъ лицъ имѣютъ одинаковое отношеніе къ общимъ интересамъ общества для того, чтобъ быть предметомъ вмѣшательства. Между ними есть поступки совершенно безразличныя; такъ, напримѣръ, въ интересахъ

обществѣ можетъ быть совершенно безразлично одѣвается ли вы въ черное или зеленое сукно, строите ли вы вашъ домъ въ два или три этажа. Но если вы захотите выстроить домъ на серединѣ улицы, или выстроить его изъ гнилого матеріала, то такое ваше желаніе будетъ уже не безразлично для общества. Такимъ образомъ, въ ряду частныхъ явленій встрѣчаются такія, которыя имѣютъ болѣе близкое отношеніе къ общимъ интересамъ, или такія, отношеніе которыхъ къ общимъ слишкомъ значительно, чтобы они могли быть оставлены безъ вниманія. Очевидно, что вслѣдствіе этого и предѣлы вмѣшательства должны опредѣлиться въ данномъ случаѣ тѣмъ отношеніемъ, которое имѣетъ рассматриваемый предметъ къ общимъ интересамъ. Но самое отношеніе это не всегда ясно а priori.

Далѣе, кромѣ вмѣшательства и регламентаціи поступковъ и производствъ, инициатива которыхъ принадлежитъ частнымъ лицамъ, на практикѣ государства сами принимали на себя инициативу извѣстныхъ производствъ, въ виду той же общей пользы. Замѣчу, что для простоты разсужденія я буду разумѣть въ дальнѣйшемъ изложеніи подъ словомъ: производство, не только производства матеріальныя, но и нравственныя. Въ этомъ смыслѣ подъ терминъ производства подпадутъ всѣ функціи государства, не исключая суда, администраціи и пр. Но кромѣ этихъ нравственныхъ производствъ, государство нерѣдко принимало на себя инициативу матеріальныхъ производствъ, какъ, напримѣръ, содержаніе почтъ и пр.

Спрашивается, насколько такой порядокъ основателенъ и какъ далеко можетъ простирается вмѣшательство государства въ этомъ отношеніи. Рѣшить этотъ вопросъ а priori столь же трудно, какъ и первый. А потому пока государственная наука оставалась наукой умозрительной, она не могла имѣть въ этомъ отношеніи никакого практическаго руководящаго значенія. Опредѣленіе искомымъ отношеній могло быть только результатомъ изученія государства и вообще общежитія, какъ явленія естественно историческаго въ его ближайшихъ фактическихъ подробностяхъ, результатомъ точнаго изученія, а не умозрительнаго. Вслѣдствіе этого, рѣшеніе вопроса предоставлено было самой практикѣ вещей, опыту, и человѣчество должно было приближаться къ нему путемъ опыта и путемъ исторіи. Изъ этого опыта каждое время дѣлало свои выводы и обобщенія, ставило себѣ для руководства свои предположенія и гипотезы, которыя и провѣрялись жизнью. Въ каждое время и въ каждомъ мѣстѣ вопросъ о предѣлахъ вмѣшательства опредѣлялся своеобразно, въ связи съ тѣмъ ближайшимъ воззрѣніемъ, которое имѣло здѣсь

государство на свое назначеніе, съ тѣми цѣлями, которыя оно преслѣдовало по преимуществу, и потому получало на практикѣ разнообразный видъ. Если какая-нибудь изъ опредѣленныхъ функцій дѣлалась предметомъ особеннаго вниманія государства, то она сообщала и свой характеръ всему государственному строю, и въ этомъ отношеніи вмѣшательство государства становилось преобладающимъ, достигало наиболѣе крайнихъ предѣловъ. Понятно, что въ государствѣ, которое ставило своей главной задачей военное господство надъ сосѣдями, самое его вмѣшательство получало преимущественно одно направленіе; въ государствѣ, которое поставило своей задачей коммерческое господство, другое, — наконецъ, въ такомъ государствѣ, гдѣ главную цѣль составляло внутреннее благоустройство, или наконецъ умственное господство, вмѣшательство опять имѣло иное направленіе.

Поэтому мы встрѣчаемъ въ исторіи государства военные, коммерческія и пр. Само собою разумѣется при этомъ, что нигдѣ такая цѣль не могла стать исключительно господствующей, устранить всѣ остальные функціи, и была только главной въ неизбѣжномъ рядѣ разнообразныхъ функцій, которыя входили неминуемо въ кругъ государственной дѣятельности. Но отношеніе между ними въ каждомъ случаѣ опредѣлялось по своему. И въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что сколько было въ исторіи отдѣльныхъ государствъ, отмѣченныхъ своеобразнымъ характеромъ, столько было и отдѣльныхъ гипотезъ, практически испробованныхъ и положенныхъ въ основаніе исковой теоріи вмѣшательства. Думать, что какое-либо время, въ этомъ отношеніи, могло дѣйствовать зря, то-есть обходиться вовсе безъ всякихъ общихъ основаній, было бы совершенно неестественно. Напротивъ, всякое время должно было руководствоваться въ этомъ отношеніи извѣстными общими соображеніями, которыя дѣлались на основаніи прошлаго опыта.

Вмѣстѣ съ суммой такого опыта измѣнились и взгляды на отношеніе тѣхъ или другихъ поступковъ къ общимъ интересамъ. Но при этомъ, какъ я сказалъ уже, практика вещей совершала рядъ колебаній около неизвѣстной точки устоя. Стремленіе къ регламентаціи и вмѣшательству слишкомъ далеко проведенное, сопровождалось обращеніемъ въ другую сторону, къ противоположному направленію, выраженному извѣстной фразой: *«laissez faire, laissez passer»*.

Въ эти-то времена реакціи противъ вмѣшательства нѣтъ ничего легче, какъ впасть въ самыя серьезныя ошибки для государства, преслѣдуемаго опасеніями послѣдствій слишкомъ далеко проведенной регламентаціи и отодвинуть черту вмѣшательства слиш-

комъ далеко назадъ въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ это можетъ имѣть серьезное значеніе.

Послѣднія столѣтія и текущее по преимуществу, представляются по своему характеру именно временемъ такой реакціи противъ регламентаціи, слишкомъ далеко проведенной законодательствомъ прошлыхъ столѣтій. Эта реакція выразилась достаточно сильно въ отношеніи такихъ вещей какъ свобода труда, совѣсти, слова; но едва ли не всего сильнѣе и дальше она выразилась въ отношеніи чисто экономическихъ сторонъ жизни, свободы промысла и торговли, и нигдѣ это выраженіе не достигло такой крайней степени, какъ въ Англіи.

Съ той точки зрѣнія, на которую былъ поставленъ здѣсь вопросъ о вмѣшательствѣ, задача государства, въ смыслѣ вмѣшательства, должна была бы крайне упроститься, еслибы только эта точка зрѣнія могла быть безусловно выдержана, какъ думали ея сторонники. Весь выводъ изъ прошлаго опыта выраженъ былъ слѣдующимъ простымъ положеніемъ: «Государство не должно вмѣшиваться и заботиться объ устройствѣ хозяйственныхъ отношеній общества, потому что эти отношенія устриваются къ лучшему сами собой, путемъ совмѣстничества частныхъ интересовъ на основаніи частнаго *коммерческаго разсчета*, управляющаго дѣятельностью частныхъ лицъ». Оно не должно принимать на себя ни общаго направленія, въ ту или другую сторону, хозяйственной дѣятельности общества, ни, тѣмъ болѣе, какой-либо инициативы въ этомъ отношеніи. Но всеобщность подобнаго правила зависитъ, очевидно, отъ двухъ вещей: во-первыхъ, оттого, насколько частная инициатива сама по себѣ обнимаетъ всю сумму предметовъ производства, на которые должно быть обращено вниманіе въ несомнѣнныхъ интересахъ общества, и во-вторыхъ, насколько чистый коммерческій разсчетъ въ состояніи поставить безразлично всѣ производства въ условія, согласныя съ общимъ интересомъ.

Въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ могутъ быть признаны справедливыми два послѣднія положенія, остается справедливымъ первое—то-есть, основное положеніе защитниковъ невмѣшательства. Но дѣло въ томъ, что ни то, ни другое изъ послѣднихъ положеній не можетъ быть признано вѣрнымъ иначе, какъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Дѣло въ томъ, что частная инициатива, основанная на одномъ соображеніи частныхъ выгодъ, никогда не обнимала и не можетъ обнять всѣхъ тѣхъ предметовъ производства, дать мѣсто выполненію всѣхъ тѣхъ функцій, выполненіе которыхъ полезно и необходимо для общихъ интересовъ общества. Такая инициа-

тива, какъ мы сейчасъ увидимъ, сообразуется съ спросомъ частныхъ лицъ, а этотъ спросъ съ уровнемъ ихъ развитія. Развитие же это вовсе не стоитъ съ самаго начала въ уровень съ тѣми предметами производства, которыхъ требуютъ интересы общества.

Далѣе, хотя частная коммерческая выгода можетъ содѣйствовать производству предметовъ полезныхъ обществу, но частный коммерческій расчетъ не въ состояніи безусловно поставить всѣ производства на тотъ уровень развитія, который имъ долженъ принадлежать въ обществѣ, въ виду общихъ интересовъ. Я полагаю, что такая неспособность и безсиліе частнаго коммерческаго расчета обнять всѣ производства, необходимыя для государства и поставить каждое на соотвѣтствующую высоту, такая невозможность удовлетворить всѣмъ потребностямъ общества на чисто коммерческомъ основаніи и была настоящей причиной раздѣленія всѣхъ производствъ или функцій, встрѣчающихся въ обществѣ, на два ряда: одинъ, подлежащій правилу коммерческаго расчета или такихъ функцій, которыя въ состояніи устроиться на основаніи частнаго коммерческаго расчета — рядъ индустрій частныхъ; и другой — производствъ или функцій государственныхъ, и которыя не въ состояніи устроиться на коммерческомъ основаніи; такъ что общество, которое остановилось бы въ этомъ отношеніи на положеніи защитниковъ невмѣшательства, или осталось бы вовсе безъ ряда полезныхъ производствъ, или должно бы было отступить отъ этого положенія. Граница между тѣми и другими функціями можетъ измѣняться съ развитіемъ общества, въ томъ смыслѣ, что производства, которыя не въ состояніи содержаться въ извѣстномъ обществѣ и въ данное время на коммерческомъ основаніи, могутъ то въ другомъ обществѣ и въ другое время;—но вотъ что не измѣняется: въ наукѣ не можетъ существовать двухъ положеній одинаково справедливыхъ, изъ которыхъ одно противорѣчитъ другому. Слѣдовательно, въ наукѣ, въ которой существуетъ съ одной стороны такое положеніе, что цѣна вещей, а слѣдовательно коммерческая выгода предпринимателей, не зависитъ вовсе отъ полезности вещей производимыхъ,—не можетъ существовать рядомъ другое, по которому коммерческая выгода можетъ снабжать общество именно полезнѣйшими вещами и устроить всѣ виды производствъ сообразно принципу общей пользы. Это замѣчаніе я считаю крайне важнымъ не потому только, что оно вскрываетъ противорѣчіе, допускавшееся и незамѣченное цѣлымъ рядомъ экономическихъ писателей, но потому еще, что оно объясняетъ то основаніе, вслѣдствіе котораго въ обществѣ, гдѣ жизнь основывается на

начатѣ общей пользы, съ самаго начала производства должны быть раздѣлены на два ряда: на такія, которыя могутъ существовать на коммерческомъ основаніи, и такія, которыя не могутъ существовать на томъ же основаніи.

Еслибы, напротивъ, цѣна вещей или, что то же, цѣна труда не была независима отъ общей ихъ полезности, а была бы прямо пропорціональна ихъ полезности, то только въ такомъ случаѣ производства устраивались бы сообразно ихъ общей полезности сами собою, путемъ одной коммерческой выгоды, и тогда раздѣленіе вещей и производства на два означенные ряда было бы совершенно излишнее.

Какова бы ни была цѣль человѣческой жизни, но неоспоримо то, что осуществленіе этой цѣли бываетъ всегда возможно только въ обществѣ. Разъ остановившись на такомъ рѣшеніи, несомнѣнно, что осуществленіе этихъ цѣлей общественнымъ путемъ потребовало рѣшенія ряда такихъ частныхъ задачъ и затѣмъ отправленій, изъ которыхъ далеко не всѣ, и первоначально только самыя простыя, непосредственно были не только подъ силу, но и понятны частному человѣку или члену первоначальнаго общества. Онъ могъ понять, что онъ долженъ обработать поле, чтобы приготовить себѣ пищу, построить жилище, сдѣлать платье—и это могъ выполнить самъ.

Далѣе, онъ могъ понять, что для того, чтобы онъ могъ совершать все это безопасно, спокойно и съ большимъ успѣхомъ, нужно, чтобы кто-нибудь обезпечилъ его отъ внѣшнихъ насилій, устраивалъ его отношенія съ другими людьми. Это онъ могъ понять по своему опыту; но уже это онъ не всегда могъ выполнить самъ. Поэтому, внутри общества выдѣлилась особенная корпорація, принявшая на себя выполненіе этихъ первичныхъ функцій, оказавшихся не подъ силу самому обществу и тѣмъ не менѣе для него неизбѣжныхъ. Наконецъ, общество само по себѣ не могло не только выполнять, но и понять нужды для себя цѣлаго ряда другихъ функцій, слишкомъ неясныхъ для его младенческаго понятія. Оно не могло понять, что оно должно содержать школы, больницы, основывать ученые академіи и дороги, имѣть литературу и искусства, содержать обсерваторіи и пр. Оно едвали въ состояніи понять это и въ настоящее время, ибо его ученые, еслибы ихъ не содержало государство, должны были бы быть въ крайне затруднительномъ положеніи. Между тѣмъ эти функціи столь же необходимы для самого общества, какъ и обработка полей. И вотъ сумма этихъ-то задачъ или отправленій, которыхъ не въ состояніи выполнить само общество, и дала начало понятію о государственной задачѣ, опредѣлила собою кругъ

функций, выполнение которых надо на долю государства или выдѣлишагося изнутри самого общества—правительства.

Само собою разумѣется, что если люди соединялись въ общество для лучшаго удовлетворенія своихъ личныхъ нуждъ, то и задачи, которыя выпали на долю правительства, должны были имѣть своими предметами тѣ именно средства, при пособіи которыхъ общежитіе лучше всего обезпечено и которыя ведутъ къ большому довольству и къ большей цивилизаціи. Въ существованіи такихъ средствъ, какъ-то: благоустройство, обезпеченіе безопасности, судъ и знаніе—нельзя сомнѣваться.

Почему само общество не съ разу приходитъ къ ихъ сознанію; почему оно не только не можетъ принять на себя непосредственнаго выполненія государственныхъ задачъ, но даже понять ихъ значеніе для себя—на этотъ вопросъ мы отвѣтимъ однимъ словомъ, если переведемъ предварительно предыдущее на экономическіе терминъ. Существованіе государственныхъ функций для общества равносильно налогу. Осуществленіе высшихъ средствъ общежитія начинается съ вычета изъ его настоящаго достатка, оно противорѣчитъ на первый взглядъ личному насущному интересу. Польза, которою выкупаются текущія лишенія, часто достается на долю только будущихъ поколѣній, еще чаще не на долю каждаго поголовно въ равной мѣрѣ; а тамъ, гдѣ она дѣйствительно охватываетъ всѣ положенія, она или недостаточно непосредственна, или человѣкъ слишкомъ быстро къ ней привыкаетъ и часто не замѣчаетъ всего ея значенія.

Съ той точки зрѣнія, съ которой каждый привыкаетъ вести расчеты въ своей частной жизни, оцѣнивать выгоды и убытки съ тѣсно коммерческой точки, налогъ представляется убыткомъ во всѣхъ его видахъ, начиная съ воинской повинности. Повинность эта, съ точки зрѣнія будничнаго расчета, если мѣрять расходъ и приходъ рублями, есть потеря труда и потеря людей, потеря руля для производительности, ибо войско не производитъ никакихъ цѣнностей, обращающихся на экономическомъ рынкѣ. А между тѣмъ, въ сущности, оно окупаетъ съ выгодой свое содержаніе для общества. Охраненіе порядка и внѣшней безопасности, которыя дала военная сила обществу, должно было понизить $\frac{1}{2}$ смертности въ человѣческомъ обществѣ, несмотря на его непрестанныя войны. Оно дало возможность невоенной части общественныхъ силъ сосредоточиться съ большей исключительностью на трудѣ производительномъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и подняло производительность этого труда. Съ точки зрѣнія высшаго экономическаго расчета, оно дало и должно давать, слѣдовательно, чистый доходъ. Кто же когда измѣрялъ величину

этого дохода? Преданіе не сохранило о ней никакихъ данныхъ, и самая наука не думала о такомъ измѣреніи, несмотря на то, что дѣйствительность такой прибыли несомнѣнна. Тотъ же характеръ имѣютъ и всѣ остальные государственные расходы — расходъ на судъ и администрацію, на врачебную часть, на содержаніе школъ и знанія. Кто оцѣнить или измѣрить пользу или прибыль общества отъ тѣхъ затратъ, которыя оно несло и несетъ на эти предметы? Рядъ этихъ несомнѣнныхъ цѣнностей выходилъ и выходитъ до сихъ поръ изъ круга экономическихъ расчетовъ, наукой не выработано ни способовъ, ни данныхъ для такого измѣренія. Отъ этого все, что говоритъ обыкновенно въ пользу такихъ полезныхъ вещей, ускользаетъ отъ точной оцѣнки и ограничивается общими мѣстами. Но въ существованіи и пользѣ такихъ вещей нельзя сомнѣваться, а слѣдовательно нельзя сомнѣваться и въ томъ, что общество не въ состояніи само принять на себя инициативу и понять для себя пользу цѣлаго ряда производствъ, и тѣмъ болѣе содержать эти производства своимъ спросомъ, на коммерческомъ основаніи. Поэтому, если примѣнить къ этимъ производствамъ одну коммерческую точку зрѣнія, то мы должны будемъ отказаться отъ большинства несомнѣнно полезныхъ государственныхъ предпріятій, т.-е. рѣдкое изъ нихъ въ состояніи содержать себя на коммерческомъ основаніи. Приведу для примѣра одно изъ самыхъ прибыльныхъ, повидимому, предпріятій этого рода — содержаніе почтъ. Никто не станетъ отрицать пользы этого учрежденія, а между тѣмъ, до послѣдняго времени оно у насъ могло поддерживаться не иначе, какъ на счетъ государственнаго казначейства, и неизвѣстно, давно ли обратилось въ статью дохода на западѣ Европы. Все это доказываетъ, что даже самыя непосредственныя по своей пользѣ учрежденія требуютъ извѣстнаго времени, опыта и привычки для того, чтобы стать предметомъ потребности и спроса для общества, и подтверждаетъ ту истину, знакомую въ торговлѣ, что въ силу коснаго характера общества предложеніе должно въ немъ постоянно опережать спросъ, вызывать потребность, а не создаваться ею, и это ставить даже самыя коммерческія предпріятія на болѣе или менѣе долгое время въ разрядъ предпріятій убыточныхъ. Люди торговаго міра очень хорошо знаютъ это, и очень хорошо знаютъ, насколько развита эта косность въ обществѣ съ мало развитымъ кругомъ потребностей. Если же даже чисто коммерческія предпріятія поставлены въ необходимость отвоевывать свое право на существованіе, не иначе какъ путемъ первоначальныхъ потерь и убытка, то тѣмъ естественнѣе эта убыточность тамъ, гдѣ предложеніе бываетъ далеко отъ по-

ниманія малоразвитаго общества. Во всякомъ обществѣ есть немало людей, живящихъ болѣе состояніи и потому щедрѣе въ своихъ тратахъ; но вы мало встрѣтите такихъ людей, которые умѣли бы употребить съ пользою для общества нажитое.

Я полагаю, теперь для читателя достаточно выяснилось, что въ ряду учреждений и предпріятій, съ которыми приходится имѣть дѣло общественному мыслителю, существуетъ цѣлый рядъ изъ нихъ, къ которымъ непримѣнима мѣра тѣсно коммерческаго разсчета или которыя, по крайней мѣрѣ, не могутъ устроиваться съ чисто коммерческой точки зрѣнія. Я полагаю, что ихъ право на существованіе достаточно доказано, несмотря на ихъ видимую коммерческую убыточность, ихъ выгоду въ высшемъ смыслѣ и ихъ, въ высокой степени, цивилизирующее и государственное значеніе.

Замѣчаніе это я счелъ нужнымъ изложить прежде, чѣмъ обратиться къ настоящему предмету моего разсужденія, потому что къ числу такихъ-то вопросовъ высоко-государственного и цивилизующаго характера принадлежитъ и вопросъ о дорогахъ.

II.

Дорога не есть учрежденіе въ тѣсномъ смыслѣ коммерческое, хотя она несомнѣнно служить хозяйственнымъ цѣлямъ въ тѣсномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи она есть прежде всего то средство, при помощи котораго измѣняются къ выгодѣ общества естественныя условія его мѣстнаго производства. Въ матеріальномъ отношеніи каждое общество нуждается въ разнообразномъ числѣ продуктовъ. Производительность его труда, болѣе или меньшая дороговизна этихъ продуктовъ зависитъ прежде всего отъ мѣстнаго богатства силъ природы, служащихъ главнымъ источникомъ этихъ производствъ. Этими силами природы отдѣльныя мѣстности земной территоріи снабжены однако не въ одинаковой степени, и разнообразіе этого снабженія таково, что предѣлы его по мѣстности могутъ колебаться между нулемъ и безконечностью. Конечно, въ этомъ отношеніи есть продукты болѣе общіе, болѣе обыкновенныя и болѣе рѣдкія и исключительныя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, если мы возьмемъ даже самый распространенный продуктъ, какъ, напримѣръ, топливо, то и въ этомъ случаѣ мы встрѣтимъ мѣстности, которыя, будучи предоставлены собственнымъ средствамъ, должны бы были терпѣть въ немъ безусловную нужду. Дорога даетъ простое средство обратить этотъ безусловный недостатокъ производительныхъ средствъ въ относи-

тельный и вообще понизить этот недостаток тамъ, гдѣ онъ только относителенъ. При ея посредствѣ, вмѣсто того, чтобы производить продуктъ на мѣстѣ, мы можемъ привозить его; и въ этомъ случаѣ стоимость производства продукта для мѣстности, которая сама не можетъ производить его безусловно, понижается отъ безконечности до той стоимости, которой его производство равняется въ болѣе богатой имъ мѣстности, плюсъ стоимость провоза. При ея посредствѣ земледѣлецъ прежде всего перемѣщаетъ сырой матеріалъ или силы природы въ предѣлахъ своего участка; далѣе, при ея посредствѣ онъ везетъ свой продуктъ въ ближайшій рынокъ и на избытокъ этого продукта получаетъ на мѣстномъ рынкѣ продуктъ, который не можетъ производить его участокъ—соль, желѣзо и пр. Далѣе, при ея посредствѣ обмѣниваются точно также своими продуктами отдѣльныя мѣстности того же государства и наконецъ отдѣльныя государства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дорога сохраняетъ одну и ту же роль: она служитъ средствомъ уравнивающимъ неравномѣрность распределенія естественныхъ даровъ природы между отдѣльными мѣстами заселенной территоріи, демократизирующимъ, такъ сказать, силы природы.

Она стремится доставить каждой мѣстности каждый продуктъ по самой низкой цѣнѣ, какую только допускаетъ сумма и разнообразіе условій той территоріи, которую охватываютъ средства сообщенія. Понятно, что сумма этихъ благопріятныхъ условій возрастаетъ съ величиной округа, и потому въ крайнемъ своемъ развитіи, при предположеніи, что средства сообщенія охватили всѣ мѣстности земной территоріи, каждая мѣстность должна получать каждый продуктъ по низжайшей цѣнѣ, какая только для него абсолютно возможна. Въ этомъ дѣйствіи дорогъ заключается весь секретъ благотѣльнаго вліянія торговли.

Этимъ путемъ дорога удешевляетъ матеріальныя цѣнности; но такое ея дѣйствіе не ограничивается только этимъ разрядомъ цѣнностей, она въ то же время служитъ такимъ же средствомъ перемѣщенія людей и прежде всего перемѣщенія труда изъ мѣстностей, гдѣ онъ въ изобиліи, въ тѣ, гдѣ чувствуется недостатокъ рукъ. Только при полномъ отсутствіи дорогъ могутъ существовать жалобы на дороговизну труда въ однихъ мѣстностяхъ и его дешевизну въ другихъ; только при этомъ отсутствіи средствъ сообщенія можетъ существовать неравномѣрность рабочей платы въ двухъ не особенно удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, какая существуетъ въ настоящее время. Только благодаря отсутствію условій свободнаго перемѣщенія труда рабочая плата могла понизиться до такого стѣснитель-

наго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы уровня, который сталъ угрожать спокойному теченію дѣла. Средняя же рабочая плата для суммы населенныхъ странъ, къ которой должна была бы приблизиться дѣйствительность при готовыхъ средствахъ передвиженія рабочихъ, вовсе не такъ высока и низка. Правда, при этомъ подъ средствомъ сообщенія мы должны разумѣть не только дороги въ буквальномъ смыслѣ слова, но вообще устраненіе всѣхъ препятствій свободному перемѣщенію труда, всѣхъ стѣсненій, ограничивающихъ свободный переходъ работниковъ, въ родѣ существовавшаго прикрѣпленія къ землѣ, упорной привычки къ мѣсту своего поселенія и пр. Но нужно обратить вниманіе, что одно уже устройство дорогъ въ буквальномъ смыслѣ слова оказываетъ несомнѣнное разрѣшающее вліяніе на эти препятствія, и что они, въ виду готовыхъ путей сообщенія, ослабѣваютъ сами собою.

Между спросомъ на руки и рабочей платой должно существовать точное отношеніе, о которомъ можно разсуждать аргюігі слѣдующимъ образомъ. Работникъ, чтобы двинуться изъ мѣста своего жительства въ другое, гдѣ чувствуется недостатокъ рукъ, долженъ получить въ этой новой мѣстности, по крайней мѣрѣ, ту рабочую плату, которую онъ можетъ имѣть дома, + стоимость проѣзда и рабочую плату за время пребыванія въ дорогѣ. На этомъ основаніи работникъ, получающій дома въ лѣто, или 7 мѣсяцевъ, 45 рублей, включая сюда и харчи, перемѣстившись за 600 верстъ, если онъ идетъ пѣшкомъ и дѣлаетъ среднимъ счетомъ 20 верстъ въ сутки, пробудетъ въ дорогѣ $\frac{600}{20} = 30$ дней или одинъ мѣсяцъ, и долженъ получить $\frac{45,00}{7} = 6,43$ руб. за этотъ мѣсяцъ, а потому его рабочая плата въ лѣто будетъ, по меньшей мѣрѣ, $45 + 6,43 = 51,43$ к. за 7 мѣсяцевъ работы. Проѣхавъ по желѣзной дорогѣ, онъ останется въ дорогѣ 1 день и заплатитъ за проѣздъ 6 рублей, слѣдовательно его рабочая плата будетъ, по меньшей мѣрѣ, $45 + 6 = 51$ р. До сихъ поръ нѣтъ, повидимому, другой выгоды отъ скорости перемѣщенія, кромѣ сбереженія времени или количества труда, остающагося на полезную работу въ странѣ. Но такое сбереженіе само по себѣ уже весьма важно. Каждый работникъ сохраняетъ мѣсяцъ времени, который пройдетъ пѣшкомъ въ дорогѣ. И сбереженіе это въ суммѣ будетъ возрастать пропорціонально суммѣ перемѣстившихся рабочихъ, такъ что общій придатокъ полезнаго труда, который получить страна, будетъ значителенъ. Такой же придатокъ долженъ увеличить сумму народнаго труда, не увеличивая населе-

нія или стоимости этого труда, а слѣдовательно и увеличить сумму народнаго производства.

Но плата въ шесть рублей на провозъ взята нами произвольно и, очевидно, что какъ только мы понизимъ плату за провозъ противъ принятаго произвольнаго разчета, то слѣдѣемъ ее менѣе 6-ти рублей, положимъ въ 5 рублей, и рабочая плата работника станетъ за 7 мѣсяцевъ вмѣсто 51 р. 22 к.—50 р.; слѣдовательно, предприниматель сбережетъ на каждомъ работникѣ 1 р. 22 к., сверхъ того, что сбережется на общемъ придатѣѣ труда отъ экономіи во времени. Рабочая плата будетъ, конечно, для всѣхъ работниковъ одна и та же, несмотря на то, что не всѣ работники придутъ изъ дальнихъ мѣстъ.

Можно подумать, что эта послѣдняя выгода достанется, по видимому, только предпринимателю, и что работникъ только потеряетъ на пониженіи платы; но это несовсѣмъ такъ. Выгода эта можетъ достаться какъ предпринимателю, такъ и работнику, и даже въ извѣстномъ случаѣ можетъ достаться вполнѣ рабочему. Вслѣдствіе удешевленія перемѣщенія рабочихъ, дальній производитель получаетъ возможность имѣть рабочихъ по болѣе дешевой цѣнѣ только въ томъ предположеніи, что мѣстная рабочая плата тамъ, откуда идутъ рабочіе, остается та же. Но если усиленный сбытъ, являющійся вслѣдствіе лучшихъ дорогъ, усиливаетъ производство и спросъ настолько, что мѣстная рабочая плата возрастаетъ тамъ, откуда идутъ рабочіе, то, въ такомъ случаѣ, предприниматель уже не получитъ этой выгоды, и она достанется рабочему, или что то же, если въ той мѣстности, въ которую получаютъ возможность ѣхать рабочіе, спросъ на руки столь великъ, что онъ не покрывается пришлыми работниками. Такъ, напримѣръ, работникъ, пріѣхавшій въ Петербургъ изъ-за 600 верстъ, получить поденно до 1 р., между тѣмъ онъ заплатитъ за проѣздъ всего 6 р. Еслибы онъ шелъ пѣшкомъ, то потерялъ бы мѣсяць работы въ дорогѣ и, слѣдовательно, 30 руб. Такимъ образомъ, точный барышъ его отъ желѣзной дороги равняется 24-мъ руб. Вообще можно сказать, что матеріальная выгода отъ желѣзныхъ дорогъ достается, по крайней мѣрѣ, въ той же степени рабочему, какъ и предпринимателю. Но мы въ настоящее время не занимаемся вовсе ея распредѣленіемъ, а только указаніемъ на различныя формы, въ которыхъ она является вообще для страны. Въ этомъ смыслѣ и нашъ первый примѣрный разсчетъ указываетъ собственно на источникъ и способъ измѣренія этой выгоды, не входя въ разсмотрѣніе того, на какія лица и какъ она распредѣляется. Вообще же дорога, способствуя перемѣщенію лицъ, должна уравнивать распредѣленіе рабо-

чей силы и стоимость производства для различныхъ мѣстностей въ томъ же смыслѣ, какъ она уравниваетъ средства сбыта продукта, а, слѣдовательно, ставить производителей въ болѣе равномѣрное отношеніе къ рабочимъ рукамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ работникъ болѣе дальнихъ мѣстностей получаетъ возможность искать работы на сторонѣ и, слѣдовательно, самая рабочая плата достигаетъ большаго уравнинія, т.-е. большаго приближенія къ своей средней величинѣ, которая, очевидно, выше ея размѣра въ наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ.

Такое же сокращеніе времени является въ передвиженіи войскъ. Передвиженіе войскъ по желѣзнымъ дорогамъ совершается въ тридцать разъ быстрѣе, чѣмъ пѣшкомъ, а въ случаѣ нужды и того скорѣе.

Наконецъ, передвиженіе остальныхъ лицъ совершается также настолько быстрѣе, насколько ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ быстрѣе ѣзды на почтовыхъ, т.-е. отъ 4-хъ до 5-ти разъ.

Все это вмѣстѣ даетъ значительное сокращеніе времени, теряющагося на передвиженіе. Запасъ времени каждаго, а слѣдовательно и страны, вырастаетъ на все это сокращеніе, что, очевидно, равносильно увеличенію средней продолжительности сутокъ для каждаго или среднему продолженію жизни, или увеличенію мѣры труда, находящагося въ распоряженіи общества въ размѣрѣ, эквивалентномъ сокращенію времени. Очевидно, что работникъ, проѣзжающій 600 верстъ въ сутки, платя шесть рублей за это, не только перемѣщается за эти шесть рублей, но и приобретаетъ лишніе 30 дней работы. Страна приобретаетъ поэтому 30 дней работы, тратя или платя за каждый день по $\frac{600}{30} = 20$ коп.; между тѣмъ какъ работникъ продаетъ каждый изъ этихъ дней не менѣе, чѣмъ 30—40 и болѣе коп. Очевидно, что онъ въ выгодѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и страна, приобретающая за 20 коп. рабочій день, который, по его выработкѣ, оцѣнивается вдвое, а можетъ и болѣе.

По послѣднему отчету сѣзда британскаго королевскаго общества въ Англіи за 1870-й г., въ Ливерпуль по желѣзнымъ путямъ въ Англіи проѣхало, въ теченіе послѣдняго года, почти 280 милліоновъ лицъ. Поѣздами съ пассажирами совершенно не менѣе 63.302,374 миль, причемъ каждый пассажиръ 1-го класса совершилъ приблизительно 16 миль, второго—12, и третьяго—8 миль, и пассажиры съ постоянными билетами 20 миль; въ средней сложности каждый пассажиръ проѣхалъ $\frac{16 + 12 + 8 + 20}{4} = \frac{56}{4} = 14$ миль или 21 верстъ. Пассажировъ 1-го и 2-го классовъ было 107

милліоновъ, 3-го—173,1 милліонъ. При средней скорости, наименьшей, т.-е. не болѣе 25-ти верстъ въ часъ, каждый пассажиръ употребилъ на дорогу около часа времени. Еслибы пассажиры 3-го класса шли пѣшкомъ, то они истратили бы на эту дорогу все-таки сутки, что составить на 173 милл. пассажировъ $173.000,000 (1 - \frac{1}{24}) = 173.000.000,095 = 164.350,000$ раб. дней сбереженія.

Сверхъ того пассажиры первыхъ двухъ классовъ, проѣзжая по почтѣ, истратили бы по 5-ти часовъ и, слѣдовательно, доставили сбереженія $107.000,000 (\frac{5-1}{24}) = 17833333$ рабочихъ дней.

Итого круглымъ счетомъ 180 милл. раб. дней.

За все это заплачено пассажирскаго сбора почти 14 милліоновъ фунтовъ или 280 милл. шиллинг. слѣдовательно, за каждый день $\frac{280}{180} = 1,55$ шиллинг. Если допустить, что въ средней сложности выработка въ день пассажира равняется только 1,62 = 3,2, т.-е. не превышала 3,2 шиллинговъ, то въ экономіи остается $\frac{180000,000}{2} = 90.000,000$ дней или $\frac{90000,000}{360} = 250.000$ рабочихъ, которые бы упали съ неба и предложили странѣ свои услуги даромъ, на безсрочное время, что по 3,2 шиллинговъ рабочей платы должно составить расходъ въ 14,400.000 фунт. стерл. или болѣе 100 милліоновъ рублей.

Еслибы Англія обратила все это національное ежегодное сбереженіе въ налогъ, то и въ такомъ случаѣ населеніе Англіи не заплатило бы ни одного пенса лишняго налога противъ того, что оно платило до постройки желѣзныхъ дорогъ, а 100 милліоновъ рублей налога равняются почти четверти нашего денежнаго дохода казны. Теперь весь этотъ доходъ составляетъ чистую прибыль населенія. Таково громадное вліяніе дорогъ на возвышеніе національнаго дохода, ея производительныхъ средствъ и источниковъ налога; таковы настоящія средства къ улучшенію бюджетовъ. Еслибы Англія должна была уплачивать всю эту сумму ежегодно на покрытіе дефицитовъ по содержанію желѣзныхъ дорогъ, въ силу принятыхъ казной при ихъ постройкѣ на себя ручательствъ, то и въ такомъ случаѣ желѣзныя дороги не обходились бы ей въ убытокъ.

Но это только примѣрный расчетъ, въ которомъ предположена средняя выработка на человѣка по 3 шилл. въ день, а скорость движенія по 25-ти верстъ въ часъ, и притомъ расчетъ, касающійся одной только выгоды отъ сокращенія времени въ передвиженіи лицъ.

Третій родъ вліянія есть перемѣщеніе посредствомъ дорогъ цѣнностей нематеріальныхъ.

Человѣкъ, посѣщающій чужую мѣстность по торговымъ дѣламъ или для заработковъ, вывозитъ оттуда не одинъ товаръ или деньги; онъ возвращается оттуда съ большимъ или меньшимъ запасомъ новыхъ свѣдѣній, которыя составляютъ въ этомъ случаѣ чистый даровой придатокъ къ его торговому или трудовому доходу. Этотъ придатокъ можетъ быть болѣе или менѣе великъ, смотря по личному характеру, степени развитія путешественника и богатству посѣщаемой страны полезностями, незнакомыми въ его собственной мѣстности. Путешественникъ болѣе развитой и любознательный извлечетъ, конечно, сравнительно болѣе полезныхъ свѣдѣній изъ своего обращенія въ чужой странѣ, но за то богатство полезнаго матеріала, которое готово къ его услугамъ въ чужой странѣ, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше чужая страна превышаетъ его собственную степень развитія и цивилизаціи.

Во всякомъ случаѣ все это нравственное богатство достается ему или совершенно даромъ или даже, если онъ специально ѣздитъ для этихъ свѣдѣній, за такую трату, которая не превышаетъ стоимости его времени во время приобрѣтенія этихъ свѣдѣній и издержекъ пути. Оцѣнить на деньги стоимость этихъ приобрѣтеній очень трудно; тѣмъ не менѣе необходимо все-таки составить себѣ какое-либо понятіе объ ихъ величинѣ.

Представимъ себѣ, что въ страну, которая не имѣетъ понятія о компасѣ, путешественникъ привозитъ это свѣдѣніе. Оно даетъ возможность его отечеству расширить предѣлы своего мореплаванія въ значительное число разъ противъ прежняго, а это должно возвысить національный доходъ на извѣстную сумму, и возвышеніе это обязано своимъ происхожденіемъ собственно этому свѣдѣнію. Обыкновенно его относятъ не къ этому источнику, а рассматриваютъ какъ прибыль отъ матеріальнаго капитала, при посредствѣ котораго это свѣдѣніе приноситъ доходъ. Въ сущности все равно. Но такъ какъ матеріальный капиталъ самъ по себѣ ничего не можетъ сдѣлать безъ этого свѣдѣнія, а представляетъ только сумму издержекъ, которыя становятся производительными только благодаря этому свѣдѣнію, то въ логическомъ отношеніи все-таки вѣрнѣе сказать, что весь приростъ прибыли, которая получается отъ труда, обращаемого въ капиталъ, или вообще все полезное и дѣйствительная чистая прибыль отъ капитала принадлежитъ не матеріальному капиталу, а знанію.

Въ такомъ случаѣ польза знанія будетъ измѣряться матери-

альной мѣркой и именно всей величиной прибыли отъ капитала, а польза привозимаго извнѣ знанія—всей величиной прибыли отъ капитала вслѣдствіе знанія, получаемого извнѣ. Страна, которая сама вырабатываетъ это знаніе, должна выплатить изъ этой прибыли отъ капитала собственно все то, что стоить ей содержаніе людей, вырабатывающихъ такое знаніе. Ея знаніе достается ей вовсе не даромъ. Она тратитъ много труда и продукта на этотъ предметъ, долгое время совершенно даромъ и непроезводительно, потому что производство знанія не похоже на производство сапоговъ, гдѣ за каждой тратой неизбѣжно слѣдуетъ выработка. Въ наукѣ прибыль получается только въ средней сложности изъ ряда тратъ, значительная часть которыхъ не можетъ не дать никакого приращенія знанія.

Знаніе похоже въ этомъ отношеніи на почву, на которой изъ всего числа обрабатываемыхъ десятинъ получался бы урожай только на нѣсколькихъ, но такой урожай, который съ избыткомъ покрывалъ бы затрату на обработку всѣхъ. Траты эти могутъ быть значительны и продолжительны прежде, чѣмъ наступитъ желаемый урожай. Траты эти основываются только на томъ убѣжденіи, что этотъ урожай непременно наступаетъ рано или поздно и вознаграждаетъ ихъ сторицей. Но всѣ эти траты должны быть разложены на конечныя прибыли отъ знанія, когда оно наступаетъ.

Страна, напротивъ, которая сама не производитъ этого знанія, а получаетъ его готовымъ, получаетъ его даромъ и не несетъ этихъ тратъ вовсе. Для нея польза дороги въ этомъ отношеніи измѣряется всей суммой прибыли отъ капитала, полученной благодаря этому заимствованному знанію. Очевидно, что въ этомъ отношеніи страна, наименѣе тратившая на знаніе, наиболѣе выигрываетъ отъ сношенія съ другими болѣе цивилизованными. Для такой страны, которая много дѣлаетъ изобрѣтеній, прибыль эта обнимаетъ собой почти сумму всѣхъ прибылей отъ капитала. Поэтому такая страна можетъ, съ выгодой для себя, строить дороги по гораздо болѣе высокой цѣнѣ, чѣмъ другія. Очевидно, что дорога даетъ ей, между прочимъ, все то, что даетъ другой странѣ трата на знаніе; поэтому она можетъ, съ выгодой для себя, заплатить за дорогу ту сумму, которую платитъ другая страна за дорогу и знаніе вмѣстѣ. Еслибы мы могли сосчитать пользу, которую получила Россія отъ всѣхъ изобрѣтеній Европы, доставшихся ей даромъ, то, по всей вѣроятности, оказалось бы, что на этомъ одномъ основаніи она могла бы выстроить не одну желѣзную дорогу въ Европу.

Но знаніе не ограничивается только техническими полезностями. Изъ сношенія съ страной болѣе просвѣщенной выводится знакомство съ полезными учрежденіями юридическими и административными; вывозятся новыя понятія, вкусы и взгляды. Эти взгляды и вкусы, какъ болѣе зрѣлыя, даютъ болѣе разсудительное, разумное направленіе занятіямъ и тратамъ приобретающаго ихъ общества. Оно приучается къ разсчетливости и полезному направленію своихъ тратъ, располагается къ болѣе полезнымъ занятіямъ для наполненія своего времени, которыя были ему неизвѣстны, и его перестаютъ тѣшить тѣ удовольствія и времяпрепровожденія, которыми тѣшится обыкновенный дикій вкусъ. Многое, считавшееся предметомъ тщеславія и гордости, становится предметомъ стыда и неуваженія. Мало по малу нравственный уровень общества совершенно преобразуется къ лучшему, и болѣе производительное направленіе тратъ и времени даетъ чистый приходъ національному доходу, и эта выгода опять представляется незамѣтнымъ образомъ тою же дорогой.

Третье дѣйствіе дороги заключается въ увеличеніи количества сношеній, количества перемищающихся товаровъ и лицъ. Улучшенная дорога не только удешевляетъ провозъ прежняго числа товаровъ и лицъ и потому доставляетъ сбереженіе пропорціональное числу товаровъ, лицъ, обращающихся по существующимъ дорогамъ, но она вызываетъ обращеніе ббльшаго числа товара и лицъ. На этомъ основаніи пользу дороги нельзя разсчитывать величиной настоящаго обращенія. Какъ велико это приращеніе, мы можемъ судить по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются относительно статистики желѣзныхъ дорогъ.

Слѣдующая таблица показываетъ пространство желѣзныхъ дорогъ и количество сбора съ провоза пассажировъ и товаровъ съ 1849-го по 1867-й годъ въ Англіи. Она заимствована изъ только-что вышедшаго сочиненія Швабе: «Объ англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ» (Ueber das Englische Eisenbahnwesen. Berlin 1871).

	Пространств. дорогъ въ англійскихъ миляхъ.	Сборъ съ пасса- жировъ въ фунт. стер.	Сборъ съ товаровъ.
1849	6,032	67,8.2792	11.806,498
1850	6,621	6.827,761	13.204,669
1851	6,890	7.940,764	14.997,459
1852	7,336	7.763,992	15.710 554
1853	7,686	9.099,031	18.035,879
1854	8,053	10.244,954	20.215,724
1855	8,335	10.694,790	21.507,599

1856	8,710	11.376,337	23.165,493
1857	9,447	11.888,219	24.174,611
1858	9,542	11.697,906	23.956,751
1859	10,002	12.537,493	25.743,502
1860	10,433	13.085,756	27.766,622
1861	10,865	13.326,475	28.565,355
1862	11,551	13.911,985	29.128,558
1863	12,332	14.521,528	31.156,397
1864	12,789	15.684,040	34.015,564
1865	13,289	16.572,051	35.890,113
1866	13,853	17.395,925	38.164,354
1867	14,247	17.935,634	39.479,999

Пространство дорогъ увеличилось въ 2,3 раза, сборъ съ пассажировъ въ 3 раза, а сборъ съ товаровъ болѣе чѣмъ въ три раза. Такимъ образомъ, обращеніе возрастало быстрѣ постройки дорогъ одного и того же рода. То же замѣчается и на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, хотя существованіе ихъ столь недавнее, что положительный выводъ въ этомъ отношеніи еще пока невозможенъ. Какъ во всѣхъ случаяхъ, здѣсь предложеніе должно вызывать спросъ и увеличивать число перемѣщающихся лицъ и товаровъ.

Что касается товаровъ, то понятіе объ увеличеніи ихъ передвиженія можетъ быть рассчитано теоретически. Правда, мы не можемъ опредѣлить прямо увеличенія количества товаровъ, но мы можемъ судить объ этомъ увеличеніи до извѣстной степени по увеличенію площади снабженія, а эту площадь мы можемъ опредѣлить приблизительно для всякой дороги. Нѣтъ сомнѣнія, что если данные продукты, при простыхъ дорогахъ, могутъ привозиться на рынокъ изъ-за 25-ти верстъ; при дорогахъ, удешевляющихъ стоимость провоза въ 10 разъ, тѣ же могутъ привозиться изъ гораздо большаго разстоянія.

Разстояніе, изъ котораго продуктъ можетъ доставляться въ городъ, опредѣляется городской его цѣной, его стоимостью производства на мѣстѣ и стоимостью провоза. Продуктъ, который обходится производителю на мѣстѣ a рублей и городская цѣна котораго b , при стоимости провоза въ n рублей, можетъ доставляться въ городъ изъ разстоянія, которое опредѣлится изъ равенства

$$a + nx = b$$

то-есть изъ $\frac{x-b-a}{n}$ верстъ. Уменьшимъ n въ 10 разъ, очевидно, что дробь $\frac{b-a}{n}$, выражающая разстояніе x , изъ котораго про-

дуктъ можетъ доставляться въ городъ, станеть въ 10 разъ болѣе. Итакъ, устройство желѣзной дороги даетъ возможность доставлять продукты изъ мѣстностей, лежащихъ на дорогѣ, во столько разъ болѣе отдаленныхъ, во сколько дешевле провозъ по новой дорогѣ. Но желѣзная дорога не только доставляетъ эту возможность мѣстностямъ, лежащимъ по самой дорогѣ; она ее доставитъ точно также, въ болѣе или меньшей степени, мѣстностямъ, лежащимъ въ сторонѣ отъ этой дороги. Вообще эти боковыя мѣстности могутъ воспользоваться дорогой на томъ условіи, чтобы провозъ до желѣзной дороги не превышалъ стоимости провоза по тому отрѣзку желѣзной дороги, котораго не принуждены проѣзжать товары, идущіе изъ мѣстностей, расположенныхъ въ сторонѣ отъ большой дороги. Чѣмъ ближе къ городу будутъ лежать эти мѣстности, тѣмъ болѣе будутъ эти отрѣзки и потому тѣмъ болѣе дальняя боковыя мѣстности могутъ воспользоваться дорогой. Точное увеличеніе площади снабженія опредѣляется тригонометрическими формулами, которыя приводить здѣсь неудобно. Если для простоты предположить первоначальную площадь снабженія города въ видѣ площади круга, въ центрѣ котораго помѣщается городъ, то одна улучшенная дорога проведенная въ городъ, удешевляющая стоимость провоза въ 10 разъ, увеличиваетъ первоначальную площадь снабженія рынка товаромъ въ 3,68 или почти въ 4 раза, то-есть оказываетъ втрое болѣе услуги, чѣмъ всѣ первоначальныя дороги взятая вмѣстѣ, за исключеніемъ соединяющихъ села, лежащія около улучшенной дороги съ этой послѣдней. Иными словами, устройвъ николаевскую желѣзную дорогу, мы бы могли уничтожить всѣ остальные изъ Петербурга, и все-таки городъ Петербургъ былъ бы въ четыре раза болѣе обезпеченъ въ отношеніи продуктовъ, которые могли бы доставляться по этой дорогѣ въ 10 разъ дешевле, чѣмъ по прежнимъ дорогамъ.

Дѣйствіе нѣсколькихъ дорогъ, проведенныхъ подъ какимъ-либо угломъ другъ къ другу, выражается еще болѣе сложными формулами, чѣмъ дѣйствіе одной, и потому здѣсь нѣтъ возможности останавливаться надъ этими подробностями.

Понятно само собою, что дѣйствіе это должно быть еще значительнѣе, хотя оно и непропорціонально числу дорогъ. Въ результатъ такого дѣйствія должно оказаться или удешевленіе продукта, или увеличеніе массы потребленія насчетъ увеличившагося городского населенія, или увеличившагося городского достатка.

Такимъ образомъ, желѣзныя дороги должны дѣйствовать оживляющимъ образомъ на торговлю и сношенія странъ населенныхъ.

Существуетъ мнѣніе, что это оживляющее дѣйствіе и выражается преимущественно возвышеніемъ городского населенія. Но еслибы это даже было такъ, то въ этомъ одномъ фактѣ еще нельзя видѣть никакого дурного признака. Возвышеніе сбыта продукта въ городѣ влечетъ за собою неизбѣжно болѣе достатокъ села. Возвышеніе же городского населенія, само по себѣ, можетъ служить только признакомъ этого увеличившагося общаго достатка.

Отношеніе между населеніемъ города и села не есть случайное и произвольное — словомъ, такое отношеніе, которое не опредѣлилось бы своими естественными, экономическими условіями. Городское населеніе есть только таковой избытокъ рухъ, который село выдѣлило и можетъ выдѣлить для производствъ, которыя дешевле и выгоднѣе производствъ въ городѣ для самого села. Если этотъ избытокъ растетъ, то это только доказываетъ большую массу труда, упраздненнаго отъ производства сырья на городское производство. Но подъ городскимъ производствомъ нужно разумѣть преимущественно сумму такихъ производствъ и занятій, которыя главнѣйшимъ образомъ всегда служили и служатъ представителями и средою усовершенствованія человѣческой культуры. Здѣсь сосредоточиваются не только мануфактурные промыслы, искусства и знанія, — здѣсь придумываются новые улучшенные способы приложенія труда, здѣсь сосредоточены всѣ средства для этого и здѣсь существуетъ то сближеніе людей и удобство сношеній, которое дѣлаетъ всякій трудъ наиболѣе производительнымъ. Въ городѣ, словомъ, сосредоточиваются, по преимуществу, тѣ силы, которыя страна удѣляетъ на свою цивилизацію. Поэтому-то въ возможномъ увеличеніи городского населенія выражается только тотъ избытокъ силъ, которыя имѣетъ въ запасѣ страна для своего развитія.

Городъ и пути сообщенія — это были всегда тѣ два главныхъ передовыя укрѣпленія, которыми распространялась человѣческая цивилизація и, слѣдовательно, при посредствѣ которыхъ совершался и нравственный ростъ, такъ сказать, человѣка. Насчетъ этихъ орудій цивилизація эта растетъ какъ внѣшнимъ образомъ, такъ и внутреннимъ; она не только распространяется на большія пространства, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвышается самый уровень матеріальнаго богатства и удобствъ, уровень знанія и общественныя отношенія. Городъ былъ первымъ мѣстомъ появленія раздѣленія труда, а раздѣленіе труда — главнѣйшей опорой возвышенія его производительности и усовершенствованія отдѣльныхъ производствъ и развитіе спеціальностей. Въ этомъ смыслѣ городъ былъ и первымъ мѣстомъ развитія знанія и распространенія образованія;

онъ же былъ, наконецъ, мѣстомъ возникновенія всѣхъ общественныхъ улучшеній. Этотъ городъ, на который въ литературѣ не рѣдко обрушалось столько политическихъ упрековъ и даже проклятій, какъ на мѣсто деморализаціи и искаженія естественныхъ инстинктовъ человѣка, мѣсто развитія всякихъ пороковъ, невѣдомыхъ среди сельской простоты и пр., далъ намъ почти всѣ улучшенія и всѣ пріобрѣтенія, какими только можетъ гордиться человѣкъ; онъ далъ намъ наши удобства, нашу науку, наше образованіе; ему обязана Европа той долей свободы и совершенства учреждений, которыми она пользуется. Безъ городовъ нѣтъ цивилизаціи, нѣтъ развитія въ исторіи человѣчества.

Съ своей стороны процвѣтаніе города обуславливается присутствіемъ дорогъ. Городъ былъ первымъ крупнымъ рынкомъ, который послужилъ мѣстомъ сбыта сельскихъ произведеній съ одной стороны, и съ другой—мѣстомъ сбыта городскихъ произведеній всякаго рода, отъ ремесленныхъ продуктовъ до продуктовъ науки и распространенія ихъ въ села. Районъ этого рынка обуславливается естественно посредствомъ сообщенія съ селами и другими городами; чѣмъ больше эти средства, тѣмъ болѣе крупный рынокъ будетъ представлять изъ себя городъ; тѣмъ онъ не только богаче самъ, но тѣмъ шире сельскій округъ, на который распространяется его цивилизующее вліяніе; тѣмъ дешевле для города сырой продуктъ получаемый изъ села; тѣмъ больше запросъ на городскіе продукты, и слѣдовательно, тѣмъ возможное раздѣленіе труда и тѣмъ дешевле для самаго села городскіе продукты.

Процвѣтаніе дорогъ ведетъ, такимъ образомъ, къ процвѣтанію не только города, но и села. Способствуя процвѣтанію города, оно служитъ ускоренному ходу цивилизаціи; а сообщая городъ съ селомъ, служитъ разливу цивилизаціи въ село.

Наконецъ, желѣзная дорога служитъ средствомъ колонизаціи и распространенія человѣческихъ поселеній. Въ этомъ отношеніи она составляетъ первое орудіе, придуманное искусствомъ человѣка, которое должно уравнивать до значительной степени естественныя преимущества отдѣльныхъ странъ и мѣстностей, въ смыслѣ ихъ удобства для заселенія и дать доступъ культурѣ и цивилизаціи въ глубь материковъ.

Значеніе путей сообщенія для внѣшняго распространенія цивилизаціи и культуры давно сознавалось, но природа не дала человѣку непосредственныхъ средствъ сообщенія, по крайней мѣрѣ въ той степени, какая нужна для его цѣлей. Она дала ему только средства сознать ихъ и усовершенствовать, и притѣмъ едва ли не болѣе чѣмъ всякое другое изъ необходимыхъ ему

орудій. Тѣмъ не менѣе эти усовершенствованія совершенны были вовсе не быстро. Съ самаго начала человѣкъ встрѣтилъ два совершенно различныхъ способа сообщенія: сухопутное и водное. Простой опытъ убѣдилъ его, что послѣднее можетъ представлять значительныя преимущества передъ первымъ. Отсюда раннія стремленія древнихъ въ мореплаванію и преимущественное развитіе, какъ древнихъ, такъ и новыхъ цивилизацій на открытыхъ водяныхъ путяхъ. Моря и рѣки служили и служатъ, какъ для древнихъ, такъ и для новой Европы, до послѣдняго времени главнымъ средствомъ сообщенія. Что же касается до сухопутныхъ дорогъ, то онѣ еще въ концѣ прошлаго вѣка находились въ Европѣ въ ужасающемъ пренебреженіи.

При такихъ условіяхъ страна, лишенная значительнаго числа рѣкъ, глубоко вдающихся внутрь ея, сама собою обрекалась на запущеніе, и цивилизація съ трудомъ могла углубляться внутрь материковъ. Мы по справедливости можемъ назвать поэтому весь періодъ жизни человѣчества, предшествовавшій усовершенствованію сухопутныхъ средствъ сообщенія, періодомъ береговой цивилизаціи и потому самому—цивилизаций болѣе или менѣе разрозненныхъ и замкнутыхъ.

Понятно, что сношенія странъ, ограниченныхъ одними водяными сообщеніями, никогда не могли быть столь обширны, какъ еслибы удобства водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній были совершенно одинаковы. Вслѣдствіе этого отсутствіе сухопутныхъ сообщеній должно было неминуемо и въ значительной степени вліять задерживающимъ образомъ на самый ростъ и скорость какъ интенсивнаго, такъ и экстенсивнаго развитія цивилизаціи.

Въ теченіи нынѣшняго столѣтія, съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ было открыто средство не только сдѣлать сухопутныя сообщенія столь же удобными для торговыхъ сношеній, какъ и водяные пути, но сдѣлать изъ сухихъ путей средства сообщенія несравненно болѣе совершенныя, чѣмъ морскія. Такое открытіе само собою уничтожало то естественное различіе и преимущество, ту монополію, которая представляло географическое и топографическое положеніе отдѣльныхъ странъ въ смыслѣ экономическомъ и въ смыслѣ цивилизаціи. Если скорый и дешевый сухой путь могъ быть проложенъ на какое угодно пространство въ глубь страны и представлялъ еще болѣе удобное средство сообщенія, чѣмъ судоходная рѣка, которая была бы образована природою на его мѣстѣ, то этимъ самымъ всѣ мѣстности, связанныя желѣзными путями, какъ бы онѣ ни были удалены отъ морей, судоходныхъ рѣкъ и каналовъ, ставились въ совершенную независимость отъ естественныхъ вода-

ныхъ путей сообщенія и сами собой уничтожались преимуществъ береговой мѣстности въ сравненіи съ мѣстностью удаленной отъ водныхъ путей. Желѣзная дорога, проложенная въ глубину страны, становилась равносильной, въ прежнемъ смыслѣ, рѣчному пути, созданному по произволу на томъ же мѣстѣ и должна была дать возможность возникнуть и процвѣтать на всемъ ея протяженіи большимъ городамъ въ такихъ глубокихъ и удаленныхъ отъ прежнихъ рынковъ мѣстахъ, въ какихъ они прежде были немислимы. Она дѣлала доступными для цивилизаціи и заселенія огромныя пространства, дотолѣ часто не только устраненныя отъ средствъ просвѣщенія, но и даже недоступныя для заселенія. Оставленные втунѣ залежи, эти пространства представляли собою массу новыхъ производительныхъ природныхъ средствъ, рудниковъ, лѣсовъ и полей; включаясь въ общій итогъ средствъ производства, они увеличивали массу человѣческаго богатства, сумму средствъ его существованія на всю свою массу.

Приращеніе средствъ, которое должно явиться такимъ образомъ вслѣдствіе желѣзныхъ дорогъ въ странахъ малозаселенныхъ и обработанныхъ, вслѣдствіе своего удаленія отъ старыхъ торговыхъ центровъ, очевидно, громадно; оно тѣмъ громаднѣе, чѣмъ болѣе данная страна была лишена водныхъ средствъ сообщенія. Но почти нѣтъ страны, сколько бы она ни была заселена при прежнемъ несовершенствѣ сухопутныхъ сообщений, въ которой устройство желѣзныхъ дорогъ не сдѣлало бы доступнымъ для обработки новыхъ поземельныхъ пространствъ, остававшихся прежде втунѣ потому только, что дороговизна провоза не покрывалась цѣной продукта.

Въ теченіи всего періода исторіи, предшествовавшаго желѣзнымъ дорогамъ, въ наиболѣе невыгодное торговое положеніе были поставлены мѣста наиболѣе континентальныя. Въ такихъ мѣстахъ, если и могли образовываться поселенія и даже города, то поселенія эти не могли достигать значительнаго богатства, которое обусловливается обширными торговыми сношеніями. Ихъ города не могли быть значительными торговыми центрами; самое ихъ возникновеніе обусловливалось совершенно посторонними причинами, военными и административными и пр. Они должны были, поэтому, и до послѣдняго времени сохранять характеръ только военныхъ и административныхъ центровъ. Желѣзные пути должны неминуемо ввести ихъ въ кругъ новыхъ для нихъ торговыхъ сношеній, поднять ихъ богатство и такимъ образомъ измѣнить совершенно характеръ городовъ глубокихъ континентальныхъ мѣстностей.

Такимъ административнымъ характеромъ отмѣчена большая часть русскихъ городовъ вслѣдствіе отсутствія здѣсь удобныхъ средствъ сообщенія и устраненія этихъ городовъ, черезъ это, отъ торговыхъ сношеній.

Такимъ образомъ, съ желѣзными дорогами народъ получаетъ возможность утилизировать всю свою территорію, а цивилизація — средство болѣе равномернаго и повсемѣстнаго распространенія. Онѣ служатъ рѣшительнымъ средствомъ искусственнаго исправленія естественныхъ недостатковъ географическаго положенія отдѣльныхъ странъ, а въ теченіи времени должны вытѣснить самое понятіе о *захолустьяхъ*, столь еще намъ знакомыхъ въ наше время.

III.

Таковы разнообразныя и неисчислимыя выгоды, которыя приносятъ съ собою обществу улучшенный путь сообщенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ, по основной теоремѣ цѣнъ, опредѣляющихъ коммерческую выгоду предпріятія, плата потребителя вовсе не сообразуется съ пользой предпріятія, а только съ стоимостью производства, увеличиваясь или уменьшаясь еще при этомъ сообразно величинѣ спроса, и это правило справедливо для дорогъ, какъ для всякаго предпріятія. Иными словами, плата потребителя за пользованіе предметомъ или часть, удѣляемая потребителемъ производителю, не сообразуется вовсе съ той выгодой, которую онъ изъ него извлекаетъ, а только съ величиной спроса и стоимостью производства дороги. Отсюда само собой слѣдуетъ, что не всѣ дороги, приносящія несомнѣнную выгоду обществу и потребителю, должны приносить въ то же время выгоду предпринимателю на коммерческомъ основаніи. Понятно, что если вознагражденіе послѣдняго сообразуется не только съ стоимостью постройки дороги, но въ то же время съ величиной спроса или движенія, то вознагражденіе предпринимателя можетъ стать ниже стоимости дороги, и потому самое осуществленіе дороги на коммерческомъ основаніи невозможно. Между тѣмъ въ то же время выгода или барышъ, который получаетъ изъ предпріятія общество отъ данной дороги, можетъ превышать стоимость содержанія и постройки дороги такъ, что та же дорога, которая можетъ быть невыгодна ея коммерческому предпринимателю, можетъ быть тѣмъ не менѣе выгодна для общества. Замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы должны разумѣть невыгоду однихъ только прямыхъ потребителей дороги. Выгода послѣднихъ можетъ быть точно

также недостаточна еще для содержанія дороги. Но польза дороги не ограничивается пользой прямыхъ потребителей. Провозъ товаровъ на какой-либо незначительной вѣтви важенъ не только для мѣстныхъ производителей, а для всѣхъ мѣстностей, въ которыя слѣдуетъ этотъ товаръ далѣе. Улучшенная питательная вѣтвь не только даетъ возможность мѣстнымъ производителямъ увеличить сбытъ, но въ то же время удешевить продуктъ для потребителей всѣхъ отдаленныхъ мѣстностей, въ которыя пойдетъ этотъ товаръ. Вслѣдствіе этого самаго условія питательная вѣтвь увеличиваетъ движеніе на главныхъ путяхъ, то-есть, будетъ способствовать увеличенію доходности главныхъ путей, такъ что, собственно говоря, питательная вѣтвь, которая не можетъ содержаться насчетъ мѣстности, по которой она проходить, тѣмъ не менѣе можетъ съ выгодой содержаться всѣми мѣстностями, получающими отъ нея какую-либо прибыль.

Во всѣхъ подобныхъ-то случаяхъ, когда кругъ полезнаго дѣйствія предпріятія выходитъ изъ предѣловъ чисто мѣстной и частной пользы прямыхъ его потребителей, было бы конечно совершенно нераціонально опредѣлять выгодность или невыгодность предпріятія по коммерческой доходности или выгодности его для одной какой-либо частной группы лицъ, имъ пользующейся, и совершенно основательно измѣрять выгодность предпріятія общей суммой выгодъ имъ приносимыхъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ практика вещей давно признала нужнымъ держаться этой послѣдней точки зрѣнія и относить стоимость предпріятій на общій счетъ общества, рассматривая ихъ какъ особый разрядъ предпріятій государственныхъ или общественныхъ. Къ такого рода предпріятіямъ относятся очевидно и пути сообщенія.

Исторія постройки желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ представляетъ весьма поучительную попытку отступить отъ подобнаго взгляда на вещи, и потому-то я остановлюсь на этой исторіи ¹⁾. Исторія эта началась во время полнаго развитія реакціи противъ государственнаго вмѣшательства, началась въ странѣ, гдѣ эта реакція получила и наибольшее развитіе—въ Англіи. И здѣсь, подъ вліяніемъ моднаго направленія, всего естественнѣе было осуществиться попыткѣ подвести подобнаго рода предпріятія подъ одинъ разрядъ съ чисто коммерческими. Кромѣ того, Англія представляла еще одно условіе, одну особенность, которыя облегчали здѣсь эту попытку.

¹⁾ Большая часть фактическихъ данныхъ для этой исторіи заимствуется мною изъ разсужденія г. Цѣхановскаго: «Желѣзныя дороги и государство. Кіевъ. 1869».

Вслѣдствіе изложенныхъ причинъ, постройка желѣзныхъ дорогъ въ массѣ, по частной инициативѣ, на чисто коммерческихъ основаніяхъ, могла представиться несомнѣнно выгодною только въ такой странѣ, гдѣ передвиженіе было и безъ того достаточно значительно, чтобы гарантировать чистый доходъ на первое же время; гдѣ существовало достаточное количество другихъ хорошихъ сообщеній, которыя служили бы средствами соединенія боковыхъ мѣстностей съ желѣзнымъ трактомъ такъ, что желѣзная дорога сразу могла воспользоваться всей суммой движенія, какое только было возможно; гдѣ, вслѣдствіе составившейся уже привычки къ предпріятіямъ на коллективные капиталы и присутствія свободныхъ капиталовъ, громадная сумма издержекъ не служила препятствіемъ къ устройству предпріятія. Изъ всѣхъ странъ Европы, Англія болѣе всѣхъ обладала этими условіями; она первая обзавелась желѣзными дорогами. Но это случилось не особенно быстро. Уаттъ взялъ привилегію на движеніе воевъ по желѣзной дорогѣ паромъ въ 1784-мъ году. Дѣйствительное же устройство желѣзныхъ дорогъ начинается не ранѣе 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Причиною этого были не только несовершенства первыхъ локомотивовъ и новизна дѣла, но тѣ формальныя затрудненія, которыя встрѣтила въ этомъ случаѣ частная предпримчивость.

Англійскій парламентъ, какъ представитель правительства, оказался проникнутымъ той реакціей невмѣшательства, мѣстомъ развитія которой была преимущественно Англія. Онъ отнесся къ желѣзно-дорожному дѣлу, какъ къ дѣлу чисто частнаго интереса, какъ къ обыденному частному коммерческому предпріятію, относительно разрѣшенія котораго государству слѣдуетъ руководствоваться тѣми же основаніями, какія въ этомъ случаѣ примѣняются ко всѣмъ другимъ частнымъ коммерческимъ предпріятіямъ, то-есть, нужно изслѣдовать только, не нарушаютъ ли эти предпріятія чьихъ-либо частныхъ интересовъ и затѣмъ разрѣшить или неразрѣшить.

Послѣдствія такой политики дали себя знать довольно скоро и указали практическую невозможность подобнаго взгляда.

Такихъ частныхъ интересовъ было много. Это были интересы каналовъ, остальныхъ дорогъ, судовщиковъ, извозчиковъ. Собственно говоря, едвали одинъ изъ этихъ интересовъ, кромѣ развѣ въ извѣстной степени извозчиковъ, могъ дѣйствительно опасаться вредной для себя конкуренціи; но тѣмъ не менѣе такія опасенія со стороны этихъ лицъ представлялись довольно естественными. Къ этимъ опасеніямъ присоединились еще опасенія землевладѣльцевъ, которые почему-то также видѣли въ болѣе

быстрыхъ и удобныхъ путяхъ сообщенія вредную вещь для сбыта сельскихъ произведеній. Всѣ эти интересы давали себя знать въ парламентѣ и особенно сильно до парламентской реформы, и потому разрѣшенія на постройку дорогъ пріобрѣтались крайне туго. Правда, что эти затрудненія не могли все-таки предотвратить постройки желѣзныхъ дорогъ, но они все-таки замедляли ихъ развитіе — это во-первыхъ; а во-вторыхъ, увеличивали сумму издержекъ, въ которую обходилось ихъ сооруженіе. Дорога, отвергнутая по нѣскольку разъ парламентомъ, разрѣшалась наконецъ только послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ на различныхъ промежуткахъ времени. Разрѣшеніе требовало значительныхъ хлопотъ и покупалось значительными денежными пожертвованіями, такъ какъ предприниматели должны были входить въ стачку съ оппозиціонными интересами, закупать членовъ парламента, платить собственникамъ подъ видомъ вознагражденія за отходящія подъ дорогу мѣста, громадныя суммы. Они должны были платить адвокатамъ, бравшимъ на себя въ этомъ случаѣ посредничество. Все это значительно затрудняло осуществленіе предпріятій вполнѣ возможныхъ и полезныхъ и увеличивало ихъ стоимость.

Понятно, что разъ достигнувъ цѣли, разъ побѣдивъ эти препятствія, компаніи должны были вознаграждать свои потери высокими тарифами, ко вреду общества. Понятно также, что разъ была доказана на дѣлѣ вся выгодность и неизбежность желѣзныхъ дорогъ, и въ видахъ общей пользы, и какъ помѣщеніе капитала, и разрѣшенія стали получаться легче, масса людей набросилась на это дѣло какъ на легкое средство обогащенія. Появились дутыя компаніи. Предприниматели ловили на улицѣ бродягъ и покупали ихъ подписи на значительную сумму акцій. Съ этими подписями поддѣльныхъ акціонеровъ въ парламентъ шло прошеніе о разрѣшеніи новой линіи, и по полученіи этого разрѣшенія компанія продавала акціи уже дѣйствительнымъ акціонерамъ. Понятно, что основатели такихъ компаній будутъ уже въ выгодѣ, если подписка на акціи вернетъ имъ расходъ на предварительныя хлопоты съ избыткомъ, и что, затѣмъ, акціонеры подобныхъ предпріятій не видѣли ни барышей, ни дорогъ, ни своихъ денегъ.

Это были первые результаты попытки смотрѣть на дѣло дорогъ съ частной, коммерческой точки зрѣнія. Съ одной стороны, высокіе тарифы и подчиненіе публики произволу компаній, съ другой — обманъ частныхъ лицъ дутыми акціонерными предпріятіями.

Одно можно сказать, это, что при такой системѣ, дороги

стали расти быстро. Въ 1830-мъ году было выстроенныхъ 200 миль, въ 1840-мъ году—1200, а въ 1845-мъ году—2444. Общее число миль возрасло за это время болѣе чѣмъ въ 12 разъ.

Указанные недостатки такой политики почувствовались до 1844-го года, и парламентъ былъ приведенъ опытомъ къ признанію необходимости взглянуть на желѣзно-дорожный вопросъ съ болѣе общей точки зрѣнія и вслѣдствіе этого признать необходимость вмѣшательства правительства въ это дѣло.

Вслѣдствіе того, въ этомъ году парламентъ долженъ былъ нарядить комиссію для изслѣдованія состоянія желѣзныхъ дорогъ и выработки основаній желѣзно-дорожнаго законодательства. Главной цѣлью этой первой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Гладстона, была прежде всего выработка мѣры обезпеченія публики противъ монополіи компаній.

Въ этомъ отношеніи предстояло рассмотреть два средства: 1) поощреніе постройки соперничающихъ линій; 2) покупка дорогъ въ казну, и 3) просто постройка соперничающихъ линій самимъ правительствомъ. Что касается перваго средства, то оно само по себѣ оказалось бы совершенно недействительнымъ, и это хорошо понимали въ то время представители компанейскихъ фирмъ. Опытъ доказалъ уже тогда, что такое соперничество вело и должно было повести и на будущее время къ сліянію соперничающихъ компаній къ общей ихъ выгодѣ; а затѣмъ не могло быть рѣчи ни о пониженіи тарифовъ, ни о прекращеніи монополіи. Такого мнѣнія былъ относительно этой мѣры и Гладстонъ.

Два же остальныхъ средства были слишкомъ несогласны съ общимъ характеромъ англійской политики и привычками общества, для того, чтобы осуществиться въ томъ случаѣ, еслибы они даже и были предложены комиссіей. Въ этомъ отношеніи Пиль сдѣлалъ уже большой шагъ однимъ заявленіемъ, что правительство удерживаетъ за собою право выкупа желѣзныхъ дорогъ, когда оно это признаетъ за благо, не разсуждая серьезно объ этой мѣрѣ въ настоящее время.

Результаты такого перваго стремленія правительства къ вмѣшательству въ желѣзно-дорожное дѣло выразились слѣдующимъ закономъ 1844-го года, или вѣрнѣе, законодательнымъ компромиссомъ: правительство утверждало за собою право пересматривать и понижать тарифы въ томъ случаѣ, если по истеченіи 21 года послѣ утвержденія какой-либо линіи, доходъ ея превыситъ 10% въ годъ; тогда ея таксы пересматриваются и утверждаются новыя опять на 21 годъ. Существующія дороги изъемяются отъ права выкупа въ казну. Но на всѣ линіи, ко-

тория будутъ разрѣшены вновь, болѣе 5-ти миль длинной, правительство сохраняетъ право выкупа съ обязательствомъ, въ случаѣ требованія компаній, купить въ то же время и всѣ остальные ея линіи. Само собою разумѣется, что въ практическомъ смыслѣ такой законъ былъ совершенно равносильнъ признанію во всей неприкосновенности прежнихъ порядковъ соревнованія еще въ большей силѣ, и что право пересмотра тарифа никогда не осуществилось на дѣлѣ, а право выкупа и подавно. Такимъ образомъ, за правительствомъ оставалось на самомъ дѣлѣ одно средство противъ монополіи — это форсированіе конкуренціи или поощреніе постройки соперничающихъ линій, то-есть, такая мѣра, которая признавалась съ самаго начала недостигающей своей цѣли. Но еслибы конкуренція вообще могла достигнуть такой цѣли, то-есть ввести пониженіе тарифовъ, и доставила бы болѣе удобствъ публикѣ, то было бы даже излишне ее форсировать, потому что соперничающія линіи напрашивались сами собой, и одного признанія свободы соревнованія было бы достаточно для достиженія цѣли.

Разъ такая свобода соревнованія была признана теперь, по крайней мѣрѣ *de facto*, постройка линій стала возрастать быстро, и компаніи съ такой же дѣятельностью стали пользоваться своими средствами сліянія и аренды другихъ линій, для предупрежденія результатовъ соревнованія и удержанія монополіи. Завязалась отчаянная борьба не на животь, а на смерть между врачебнымъ средствомъ противъ монополіи и интересами компаній, желавшихъ сохранить монополію; борьба весьма плодovitая въ поучительномъ смыслѣ, но весьма гибельная для тѣхъ, кто въ этомъ случаѣ служилъ объектомъ опыта. Сліяніе компаній въ точномъ смыслѣ не всегда было удобно и возможно. Для избѣжанія конкуренціи, въ этихъ случаяхъ болѣе крупныя компаніи должны были или арендовать новыя линіи, или предупредить постройку новыхъ линій покупкой ихъ концессій. Вслѣдствіе этого сумма капиталовъ, вовлекавшихся въ желѣзнодорожное дѣло системой соревнованія, возрастала все болѣе и болѣе и возрастала не въ виду выгоды предпріятія, а форсированная искусственно правомъ конкуренціи, ставшимъ предметомъ эксплуатаціи или средствомъ срыванія отступного. Мало по малу эта сумма должна была достигнуть такой степени, далѣе которой она идти не могла.

Постройка и аренда новыхъ линій совершенно ненужныхъ, въ однихъ лишь видахъ избѣжать соревнованія, отягощая все болѣе и болѣе компаніи непроизводительными или малопродуктивными расходами и долгами, стала уменьшать ихъ доходъ

и наконецъ, въ результатъ, должна была запутать самыя дѣла компаній. Такъ именно и случилось. Около 1858-го года компаніи, по тогдашнему выраженію, желали покоя. Это означало, что дальнѣйшая плата отступныхъ или сліяніе становились невозможными для самихъ компаній, что принципъ конкуренціи и невмѣшательства, изъ котораго компаніи извлекали на первое время большія выгоды, сталъ обрушаться наконецъ противъ нихъ самихъ и долженъ былъ, въ концѣ концовъ, также погубить компаніи, какъ онъ ихъ создалъ. Компаніи желали остановиться и не идти далѣе, потому что дальнѣйшій путь былъ невозможенъ. Сверхъ обыкновенныхъ концессионеровъ, постройка желѣзныхъ дорогъ развила еще особенный классъ лицъ большихъ подрядчиковъ, окруженныхъ громаднымъ штатомъ инженеровъ, техниковъ и проч., которые требовали себѣ постоянныхъ занятій и выгодъ отъ своей профессіи. Эти подрядчики съ своимъ штатомъ явились самыми дѣятельными организаторами и поощрителями новыхъ компаній и постройки новыхъ линій.

Въ виду компанейскаго челнока не было ни одной твердой точки опоры, за которую можно было бы зацѣпить якорь. Такая точка опоры могла находиться только въ правительственномъ вмѣшательствѣ, но это вмѣшательство было устранено самими же компаніями. Свобода конкуренціи гнала его все дальше и дальше, въ пучину водоворота, безостановочно. Само собою разумѣется, что при такомъ ухудшающемся положеніи дѣлъ компаній не могло быть рѣчи о пониженіи тарифовъ даже въ такомъ случаѣ, еслибы компаніи пожелали этого, и что послѣднее, если оно было возможно сначала при регулированіи правительствомъ съ одной стороны тарифовъ, съ другой — при обезпеченіи компаній правительствомъ отъ соревнованія, стало теперь уже безусловно невозможно. Положеніе компаній было незавидное. Въ результатъ принципъ свободы принесъ сперва публику въ жертву компаніямъ и затѣмъ долженъ былъ погубить самыя компаніи. Такимъ образомъ, клинъ былъ бы выбитъ клиномъ, и въ концѣ концовъ на развалинахъ системы, которая, уничтоживъ сама себя на развалинахъ погибшихъ частныхъ компаній, правительство могло бы свободно начать новую систему.

Въ 1865-мъ году была назначена новая коммиссія для изслѣдованія положенія желѣзно-дорожнаго дѣла. Въ теченіи слишкомъ года ея работъ положеніе компаній пришло въ еще болѣе критическое состояніе и, подъ влияніемъ такихъ обстоятельствъ, въ 1867-мъ году былъ изданъ законъ Regulation of Railways Act, имѣвшій главною цѣлью обезпечить акціонеровъ отъ ра-

зоренія компаніями. Однако мѣры его были крайне недостаточны.

Онѣ заключались: 1) въ обязательствѣ компаніи обнародовывать свои отчеты за 7 дней до полугодичныхъ собраній. Но средства отчетовъ весьма широки. Напримѣръ, если подвижной составъ требуетъ ремонта, то можно не ремонтировать его извѣстное время, пока онѣ не придетъ совсѣмъ въ ветхость и затѣмъ покупать новый. Такимъ путемъ текущія издержки будутъ всегда по отчетамъ ниже дѣйствительныхъ и отчеты будутъ извѣстное время самыя утѣшительныя; но затѣмъ придется купить новый подвижной составъ и тогда окажется, что нужно пополнить займомъ издержки компаніи. Кромѣ того, отчетъ даетъ такой широкій просторъ произволу въ распредѣленіи статей, что по отчету весьма трудно судить о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ компаніи. Что касается бюджетовъ, то компаніи вовсе не обязаны держаться ихъ строго. 2) Въ правѣ акціонеровъ требовать назначенія правительственнаго изслѣдованія дѣлъ компаній. Но для этого нужно требованіе владѣльцевъ $\frac{2}{5}$ частей всѣхъ акцій и обезпеченія залогомъ издержекъ инспекціи на случай, если изслѣдованіе покажетъ, что акціонеры были неправы; и 3) въ правѣ чрезвычайныхъ собраній акціонеровъ назначать своихъ инспекторовъ, имѣющихъ такую же власть, какъ и инспекторъ правительства. Такимъ образомъ и этотъ законъ, въ сущности, мало прибавилъ къ старому и мало представлялъ серьезныхъ обезпеченій.

Въ суммѣ, *de facto*, англійское правительство осталось при той же системѣ невмѣшательства. Но исторія попытки такого вмѣшательства имѣетъ болѣе важное значеніе для насъ въ другомъ отношеніи. Она доказываетъ сознannую несостоятельность такой политики невмѣшательства въ принципѣ и принятое убѣжденіе въ томъ, какъ ошибочна была чисто коммерческая точка зрѣнія въ примѣненіи къ настоящему вопросу. Результатомъ этого сознанія было то, что въ Ирландіи правительство держалось другой системы, и при постройкѣ дорогъ здѣсь съ самаго начала предполагалось выстроить ихъ насчетъ правительства черезъ чиновниковъ, и хотя мысль эта была измѣнена, но дороги были выстроены компаніями при помощи правительства въ видѣ ссудъ, которыя достигли 2.364,300 фунт. стерл., изъ коихъ половина уже пополнена.

Если спросить теперь, въ силу какихъ соображеній, въ расчетѣ на какія выгоды англійское правительство старалось упорно держаться въ этомъ вопросѣ частной точки зрѣнія и системы невмѣшательства, то въ основаніи такой политики не

окажется никакого другого начала, кромѣ вѣры въ всемогущій и всеустранивающій къ лучшему принципъ конкуренціи.

Этотъ примѣръ Англіи, по настоящему вопросу, приводитъ къ поучительнымъ соображеніямъ относительно принципа конкуренціи. И здѣсь, я думаю, представляется удобный случай отдать ему должное, но вмѣстѣ съ тѣмъ назначить его границы. Принципъ этотъ, тамъ, гдѣ онъ можетъ приводить къ результатамъ, очевидно обходится весьма дорого. Это тотъ принципъ, котораго держится въ своемъ творчествѣ природа, — принципъ борьбы и соревнованія, при которомъ достиженіе всякой цѣли, всякое творчество и производство связано съ очевидными потерями силы на преодоленіе бесполезныхъ сопротивленій, на бесполезную работу. Нечего говорить о томъ, что производство всякой вещи потому только и составляетъ работу, что оно неизбежно связано съ тратой силъ на преодоленіе ряда сопротивленій, которыя неизбежны по самой сущности дѣла. Такъ производство желѣзной дороги представляетъ слѣдующія неизбежныя сопротивленія, вытекающія изъ самаго существа задачи: 1) Приобрѣтеніе земель подъ желѣз. дорогу; 2) изысканія и опредѣленіе линій; 3) устройство полотна и рельсоваго пути; 4) постройка станцій; 5) подвижного состава. Это тѣ сопротивленія, которыя въ механикѣ называются полезными. Но кромѣ этихъ сопротивленій, работа можетъ усложняться еще рядомъ постороннихъ сопротивленій, величина которыхъ не зависитъ отъ существа дѣла и остается совершенно неопредѣленной. Этого рода сопротивленія точно также сопровождаютъ неизбежно всякую работу, и даже составляютъ значительную часть всякой работы. Поэтому бесполезная работа должна, во всякомъ случаѣ, составить значительную часть той работы, которая тратится при постройкѣ дорогъ на производство неизбежныхъ статей, какъ-то полотна рельсовъ, и пр. Но кромѣ бесполезной работы, связанной съ сопротивленіями, которыя представляетъ самый матеріалъ, подлежащій обработкѣ, работа можетъ осложняться борьбой съ силами совершенно посторонними этому матеріалу, и въ этомъ отношеніи борьба съ рядомъ подобныхъ себѣ производителей составляетъ главный источникъ новыхъ потерь силъ на бесполезную работу. Понятно, что этого рода борьба и составляетъ то условіе, которое выражается терминомъ «конкуренція». Творчество природы совершается вполне подъ условіемъ такихъ бесполезныхъ сопротивленій: каждое существованіе прокладываетъ себѣ дорогу не иначе, какъ путемъ устраненія другихъ существованій; каждая форма бытія достигаетъ существованія не иначе, какъ путемъ

взаимнаго уничтоженія или войны съ другими формами, причемъ погибають не только эти другія формы, но терпятъ ея собственныя. Но такое явленіе остается для насъ совершенно безразлично только при совершенномъ безразличіи нашихъ отношеній къ отдѣльнымъ формамъ бытія. При отсутствіи всякой цѣли въ творествѣ и одномъ удовлетвореніи игрой силъ, оно можетъ быть совершенно безразлично для природы, для которой всѣ формы бытія представляются одинаково безразличны. Но разъ мы станемъ на точку зрѣнія какого-либо отдѣльнаго бытія, разъ мы свяжемъ вопросъ нашей работы опредѣленной цѣлью—интересомъ этого бытія, для насъ будетъ не все равно, какъ велика выйдетъ сумма тратъ, связанныхъ съ даннымъ производствомъ, составляющимъ нашу опредѣленную цѣль, или невольно должны будемъ желать, чтобы сумма нашихъ потерь при этомъ была наименьшей. Человѣкъ въ своемъ производствѣ, какъ всякая форма природы, былъ поставленъ въ зависимость не только отъ борьбы съ другими организмами, но и себѣ подобными. Понятно, что если я буду предпринимать какую-либо работу и безъ того трудную, напримѣръ, обработку земли, а другой мнѣ будетъ еще мѣшать, то я долженъ буду тратиться разъ на самое производство, и другой—на защиту своей работы отъ посторонняго вмѣшательства. Въ такой именно борьбѣ, однако, началось существованіе человѣка, и военная конкуренція была первой изъ формъ соревнованія съ другими существами, усложнявшими человѣческую работу. Этотъ видъ соревнованія вызвалъ естественное стремленіе понизить, елико возможно, связанныхъ съ нимъ потери, и такое пониженіе оказалось возможнымъ насчетъ уничтоженія здѣсь соревнованія и замѣненія его дисциплиной и закономъ. Теперь никто не можетъ выгонять другого съ его поля силой, и хотя это обезпеченіе стоить постояннаго содержанія извѣстной вооруженной силы въ государствѣ, но эта стоимость ниже той, въ которую обходилась въ прежнее время самозащита. Къ такому результату человечество пришло путемъ опыта и предварительной конкуренціи; но намъ важно, что результатъ этотъ заключался именно въ подавленіи конкуренціи, которая увеличивала бесполезныя траты, и подчиненіи тратъ силы опредѣленному порядку, въ организаціи, такъ сказать, этихъ тратъ, и важно то, что этотъ историческій результатъ совершенно совпадаетъ съ логическими разсужденіями надъ явленіями съ точки зрѣнія наименьшихъ экономическихъ потерь. Обыкновенная коммерческая конкуренція представляетъ рядъ такихъ же потерь и бесполезной траты силъ на борьбу съ прочими конкуррентами, хотя и менѣе чувствительныхъ потерь, но

тѣмъ не менѣе потерь безполезныхъ, совершенное устраненіе которыхъ невозможно, но уменьшенія которыхъ естественно желать въ интересахъ производства. Нѣтъ сомнѣнія, что эти излишнія траты могутъ имѣть основаніе существовать только до тѣхъ поръ, пока общество или не успѣетъ ихъ устранить, или устранить ихъ стоило бы ему дороже, чѣмъ ихъ сохраненіе. Поэтому естественно ожидать, что и здѣсь конкуренція не можетъ быть безгранична, а точно также можетъ подчиняться, въ томъ или другомъ случаѣ, съ выгодой легальному порядку, уступать мѣсто опредѣленному порядку, который опредѣлится или легальнымъ путемъ или выйдетъ самъ собою изъ той же конкуренціи. Я не спорю о томъ, что путь къ уясненію этого порядка, къ такому порядку, состоитъ въ той же конкуренціи: она служитъ тѣмъ опытомъ, который вырабатываетъ матеріалъ для легальнаго рѣшенія отношеній въ тѣхъ случаяхъ когда они не рѣшаются сами собою, путемъ того же соревнованія. Но я полагаю, что всякое соревнованіе должно стремиться въ окончательномъ счетѣ къ тому, чтобы прекратиться на извѣстномъ устойчивомъ порядкѣ наименьшихъ потерь.

На этомъ основаніи нельзя оправдывать вмѣшательство во всѣхъ случаяхъ и до тѣхъ поръ, пока въ виду его нѣтъ достаточныхъ и выработанныхъ основаній для регламентаціи того или другого вопроса, и нужно предпочесть полную свободу съ ея дороговизной и потерями регламентаціи близорукой. Нельзя считать соревнованія за принципъ, котораго слѣдовалъ бы придерживаться во чтобы то ни стало.

Коммерческая конкуренція имѣетъ цѣлью довести производство до наибольшаго совершенства, а цѣну на продуктъ до наименьшей возможной величины. Допустимъ, что она въ извѣстныхъ предѣлахъ выполняетъ это назначеніе. Но какъ совершенство продуктовъ, такъ и его дешевизна имѣютъ свои предѣлы. Когда то и другое доведено конкуренціей до этого предѣла, спрашивается, какимъ образомъ конкуренція дѣйствуетъ на производство? Опытъ показываетъ, что будучи просто средствомъ, она продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же на правленіи, то-есть стремится удешевить цѣну ниже возможной, а это возможно только насчетъ удешевленія качества продукта, его фальсификаціи или обмана. Желательная конкуренція должна, конечно, простирается лишь до тѣхъ поръ, пока возможно удешевленіе продукта не въ ущербъ производителю. Но дѣло въ томъ, что конкуренція не останавливается на такомъ предѣлѣ и затѣмъ начинается непосредственно другая, неестественная конкуренція, имѣющая цѣлью вредить существующимъ фир-

мамъ и получать наживу на ихъ счетъ. Слѣдовательно, если конкуренція продолжаетъ дѣйствовать за этими предѣлами, то она ведетъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые имѣются въ виду. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, конкуренція, какъ средство, имѣетъ смыслъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но въ самой конкуренціи не заключается никакихъ условій, которые бы ее удерживали въ этихъ предѣлахъ. Совершенство продукта останавливается и не можетъ идти далѣе, но конкуренція продолжаетъ дѣйствовать, и дѣйствуетъ уже теперь разрушительно. Самыя сильныя фирмы или должны понизить цѣну ниже возможной и заставить прекратить производство болѣе мелкія фирмы и понести временную потерю, или платить отступного этимъ фирмамъ, скупать ихъ заведенія и сливаться съ ними. Во всѣхъ этихъ случаяхъ выражается ясно, что конкуренція становится въ тягость рынку, и онъ, тѣмъ или другимъ способомъ, ищетъ ея прекращенія на этомъ предѣлѣ. Нѣтъ разумнаго конкуррента, который, при этихъ условіяхъ, не предпочелъ бы умѣреннаго, но вѣрнаго дохода такому натянутому положенію. Поэтому всякая конкуренція стремится къ извѣстному нормальному предѣлу производства и цѣнъ, которыя обнимаетъ при извѣстной степени свое развитіе. При этомъ всѣ фабрики и заведенія, которыя должны были закрыться, всѣ продукты, проданные въ убытокъ, составляютъ естественную потерю для народнаго капитала и плату за опытъ, который даетъ конкуренція. Но пока конкуренція не превратится въ искусственную, потери эти вознаграждаются до извѣстной степени усовершенствованіемъ и удешевленіемъ продукта; но разъ послѣднее становится невозможно, потери эти не только продолжаютъ возрастать, но вознаграждаются новыми убытками, ухудшеніемъ продукта, его фальсификаціею и обманомъ. При такихъ примѣненіяхъ конкуренціи къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, постройка ихъ должна была бы обходиться строителямъ все дороже и дороже, не вслѣдствіе существа дѣла, а вслѣдствіе побочныхъ тратъ, вытекающихъ изъ соревнованія. При этомъ все равно, скупали бы болѣе крупныя дороги болѣе мелкія, платя отступного, или предупреждали ихъ образованіе самостоятельной постройкой новыхъ линій. Вслѣдствіе такой дороговизны, эти крупныя фирмы должны были бы сами разориться или строить худыя и опасныя дороги. Спрашивается, могло ли бы въ этомъ случаѣ дѣло обойтись еще безъ внимательства и регламентаціи. Очевидно, что когда какое-либо производство бываетъ доведено конкуренціей до такого предѣла, то бываютъ достаточно выяснены и всѣ част-

ности даннаго производства, путемъ опыта, для разумной его регламентаціи.

Такимъ образомъ, принципъ конкуренціи не представляется такимъ безусловнымъ принципомъ, даже съ чисто коммерческой точки зрѣнія и потому не могъ быть безусловно примѣненъ при постройкѣ дорогъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы частная точка зрѣнія на вопросъ дороги могла быть оправдана. Безусловное преклоненіе передъ нимъ, какое мы встрѣчаемъ въ Англіи, можетъ быть, поэтому, оправдано развѣ на томъ основаніи, что Англія первая приступила къ постройкѣ дорогъ.

Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы регламентація и вмѣшательство уничтожали непременно и вовсе траты на бесполезныя сопротивленія, съ какими связана конкуренція.

Регламентація точно также ведетъ къ тратамъ этого рода. Какъ ни держалось англійское правительство системы соревнованія, но нельзя сказать, чтобы оно вовсе устранило себя отъ всякаго вмѣшательства, и такое вмѣшательство было здѣсь съ самаго начала. Устройство дороги не было правомъ, предоставленнымъ каждому. Право это давалось парламентомъ. Парламентъ разрѣшалъ или неразрѣшалъ. Это обстоятельство стоило своихъ тратъ.

Парламентскія издержки обошлись, помимо предварительныхъ тратъ на юристовъ, инженеровъ и покупку земли, не даромъ. Вотъ стоимость предварительныхъ расходовъ для нѣкоторыхъ дорогъ.

	Парламен. издержки ф. с.	На покупку земли.	На инже- неровъ и юристовъ.	Длина въ миляхъ.	Капиталъ.
Lon. and S. Western	650	4,000	90	605	18.784,551
Birmingham . . .	650	6,300	1,500		
Gr. Western. . .	1,000	6,300	2,500	1,358	55.165,364
Lon. and Brighton .	3,000	8,000	1,800	317	17.898,800

Всякое стѣсненіе свободы производства сопровождается своего рода тратой на бесполезное сопротивленіе, и эта трата можетъ быть болѣе или менѣе велика, смотря по роду и мѣрѣ стѣсненія, а всякое безусловное запрещеніе производства, всякая монополія или привилегія тѣмъ болѣе. Потери, которыя при этомъ терпитъ производство страны, могутъ превышать собой весьма легко тѣ потери, которыя она понесла бы отъ совершенной свободы соревнованія, и потому-то въ коммерческомъ отношеніи такъ страшно всякое неумѣстное вмѣшательство. Но и при совершенно разумномъ вмѣшательствѣ, оправдываемомъ яснымъ расчетомъ, послѣднее никогда, все-таки, не обходится да-

ромъ; оно стоить всегда содержанія извѣстнаго числа чиновниковъ судебныхъ и административныхъ и законодательныхъ, такъ что трата на бесполезное сопротивленіе никогда не можетъ быть исполнѣ устранена и составляетъ неизбѣжный элементъ производства. Въ экономическомъ отношеніи вопросъ заключается не въ томъ, чтобы эта трата была исключена вовсе, а въ томъ, чтобы эта трата была доведена до минимума. Поэтому въ экономическомъ отношеніи все основаніе борьбы, въ данномъ случаѣ, между вмѣшательствомъ и невмѣшательствомъ, заключается лишь въ разсчетѣ, что изъ двухъ должно принести меньшій убытокъ производству.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, уже въ исторіи Англіи съ ея желѣзными дорогами мы видимъ, несмотря на все стараніе правительства держаться частной точки зрѣнія на вопросъ дорогъ, все давленіе силы вещей, заставляющее обратиться въ другой точкѣ зрѣнія. Изъ изложенныхъ фактовъ я могъ бы теперь уже сдѣлать тотъ общій поучительный выводъ, въ виду котораго я воснудся исторической стороны дѣла; но я воздержусь отъ него до разсмотрѣнія внѣшняго хода желѣзно-дорожнаго дѣла въ другихъ мѣстахъ, и именно во Франціи, для того, чтобы потомъ разомъ указать общую замѣчательную, на мой взглядъ, сторону въ результатахъ политики въ той и другой странѣ.

IV.

Во Франціи желѣзно-дорожное дѣло съ самаго начала получило нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ Англіи. Правительство уступало дороги частнымъ компаніямъ или съ торговъ, или прямо путемъ концессій; но при этомъ всѣ сколько-нибудь значительныя линіи получали отъ него какую-либо помощь то въ видѣ ссуды, то въ видѣ субсидій, то въ видѣ гарантій минимума дохода, то, наконецъ, въ видѣ исполненія части работъ натурой. Концессіи давались срочныя, не долѣе 99-ти лѣтъ, право выкупа дорогъ государствомъ было во всякое время оговорено, а также право пересмотра тарифовъ, въ первый разъ черезъ 30 лѣтъ послѣ открытія дорогъ и затѣмъ каждые 15 лѣтъ. При дальнѣйшей разработкѣ вопроса желѣзныхъ дорогъ, правительство готово было даже остановиться на постройкѣ правительственнымъ путемъ и всѣми средствами старалось способствовать этому дѣлу; но развитіе его на практикѣ не отвѣчало этимъ стараніямъ, и главной задерживающей причиною были постоянныя пререканія пра-

вительства съ палатами, которыя относились отрицательно къ проектамъ законовъ, вносимыхъ по этому предмету правительствомъ.

Въ 1842-мъ году законъ опредѣлилъ, однако, направлѣніе главныхъ линій, которыя должны были служить базисомъ для сѣти французскихъ дорогъ. Такихъ линій опредѣлено было девять. Всѣ эти линіи совпадали съ главными торговыми путями. Около того же времени, въ 1846-мъ году, были изданы подробныя правила эксплуатаціи, отличающіяся вполне французскимъ характеромъ многорѣчливой регламентаціи.

Такимъ образомъ, Франція начала покрываться мало по малу желѣзными дорогами, при явномъ вліяніи системы правительственного вмѣшательства. Это вмѣшательство обезпечивало ей извѣстную систему въ направленіи главныхъ линій и избавляло отъ совершенной случайности и произвола въ этомъ отношеніи, которое имѣло мѣсто въ Англіи; оно облегчало компаніи самую тягость издержекъ по выполненію предпріятія, но за то удерживало надъ компаніями и болѣе правительственной опеки. До 1848-го года, однако, главнѣйшая тягость предпріятій выполнялась насчетъ капиталовъ, реализованныхъ самими компаніями. Эти капиталы несли именно не менѣе 77—76% всѣхъ издержекъ, изъ которыхъ остальная часть падала на государство.

Съ наполеоновскимъ правительствомъ начинается новая эра въ исторіи французскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ концѣ 1851-го года, Франція имѣла всего конченныя дорогъ 3,558 килом., а Англія 11,089 килом.; въ 1868-мъ году Франція имѣла дорогъ 15,750 килом. и 5,260 килом. строящихся, Англія 21,370, и Сѣверная Америка 52,000 килом.

Наполеоновское правительство, очевидно, быстро двинуло впередъ постройку желѣзныхъ дорогъ. Принять на себя этой постройки наполеоновское правительство не думало, но оно рѣшилось сдѣлать все, что отъ него зависѣло для того, чтобы дѣло было устроено частными компаніями съ наибольшей быстротой и наибольшими удобствами для правительства, если не съ наибольшей выгодой для страны. Очевидно, что дѣло это вѣрнѣе и быстрѣе и съ большимъ удобствомъ для правительства могло быть исполнено нѣсколькими привилегированными и опытными уже въ этомъ дѣлѣ компаніями; поэтому правительство оставило вовсе въ сторонѣ отдачу новыхъ линій съ торговъ, а передало ихъ прямо въ формѣ концессій старымъ фирмамъ, и въ то же время всячески старалось достигнуть сліянія образовавшихся уже прежде мелкихъ компаній въ одно. Для поддержанія кредита старыхъ компаній, оно остановилось, прежде всего, на весьма простой мѣрѣ:

приведеніи къ единству сроковъ концессіи, то-есть, просто увеличило сроки прежде данныхъ концессій на 35 и 40 лѣтъ до 99-ти лѣтъ.

Во-вторыхъ, изъ всѣхъ видовъ правительственной помощи, оно остановилось на одномъ исключительно, именно гарантіи 4% дохода, распространявшейся на облигаціи, которыя будутъ выпущены компаніями для постройки новыхъ дорогъ. Въ результатѣ такихъ мѣръ желѣзно-дорожное дѣло должно было быть монополизировано въ рукахъ нѣсколькихъ капиталнѣйшихъ компаній на вѣковую срокъ. Но эти компаніи обременены значительными долгами въ видѣ облигацій, заключенныхъ для постройки новыхъ линій. Дѣйствительно, въ то время, какъ до 1840-го года, въ общей суммѣ капитала, реализованнаго компаніями, акціонерный капиталъ занималъ 77%, а займы 11%; въ концѣ 1865-го года акціонерный капиталъ занималъ всего 25%, а облигаціонный 73%.

Въ общей сложности всѣ предложенныя дороги должны составить 21,600 килом. и стоить Франціи 9,188,517,268 фр., сумма, изъ которой должно пасть на государство 1.450,469,129 фр., а на компаніи 7.646,940,724 фр. Стоимость каждаго километра—436,064 фр., изъ коихъ 16% падаютъ на государство и 83% на компаніи. Изъ 7,650 мил., падающихъ на компаніи, 1,371 мил. заключаются въ акціяхъ и 5 милліардовъ 650 мил. въ облигаціяхъ. Такимъ образомъ, долги компаніи должны превышать ихъ собственность въ $\frac{5,65}{1,37} = 4,12$ разъ.

Англійскія дороги, долги которыхъ считаются всѣми весьма значительными, на 4,880 мил. фр. акціонернаго капитала, представляли въ 1862-мъ году только 4 миліарда 270 мил. фр. долга, или долги ихъ составляли всего 0,876 акціонернаго капитала.

При этомъ нужно замѣтить, что долги, заключенные французскими компаніями, заключены ими вовсе не на выгодныхъ условіяхъ. Правительство приняло на себя гарантіи только 4% по этимъ долгамъ, между тѣмъ компаніи, сплошь и рядомъ, принуждены были занимать по болѣе невыгодному курсу, такъ что часть этихъ долговъ падаетъ всей своей тяжестью на собственные средства компаній. Исправность компаній передъ кредиторами обезпечивается вновь выстроенными линіями и частью дохода отъ старыхъ, который привлекается въ случаѣ недостаточности дохода отъ новыхъ линій, въ размѣрѣ всего чистаго дохода отъ этихъ старыхъ линій, остающагося за вычетомъ 6,26% чистаго дохода на ихъ капиталъ. Состоятельность компаній, поэтому, должна въ значительной степени зависѣть отъ доход-

ности старыхъ и новыхъ линій и отъ стоимости постройки новыхъ линій.

Стоимость постройки новыхъ линій оказалась немного ниже старыхъ. Вообще же километръ всѣхъ дорогъ долженъ обойтись въ средней сложности не менѣе 374,652 фр. сумма, къ которой нужно прибавить часть расходовъ, которые несетъ государство, именно 68,638 фр. на километръ, такъ что стоимость километра равняется вообще 443,290 фр. Съ этой стороны, слѣдовательно, едвали можно ждать какого-либо облегченія положенія компаній. Остается одинъ расчетъ на чистый доходъ

Средній валовой доходъ старой сѣти простирается до 66,412 фр. на километръ. Средній валовой доходъ новой сѣти только до 21,687 фр. на километръ, то-есть составляетъ всего $\frac{1}{3}$ валового дохода съ километра старыхъ дорогъ. При этомъ нужно замѣтить, что возрастаніе дохода отъ старыхъ дорогъ, которое шло довольно правильно до открытія новой сѣти, стало уменьшаться вмѣстѣ съ послѣдней, вслѣдствіе ея вліянія. Такъ, на примѣръ, открытіе дороги париже-мюлтаузской должно было отнять у страсбургской дороги все движеніе въ Швейцарію и часть движенія на Эльзась.

Слѣдующій расчетъ представляетъ послѣднее общее положеніе дѣлъ компаній:

Уступленныхъ линій было	19,905	кил.
Открыто къ концу 1869-му г.	14,305	>
Старая сѣть	7,675	>
Новая >	5,630	>
Недостроено	5,600	>
Капиталъ, выпущенный къ этому времени, былъ	3,059	м.
Акцій на сумму	1,451	мл. 23%
Облигацій	4,754	> 77%
	6,205	м. фр.

Чистый доходъ на километръ отъ эксплуатаціи былъ отъ старой сѣти . . . . . 86,8 т. фр.
 новой > . . . . . 8,1 > >

Проценты и погашеніе на километръ для старой сѣти . . . . . 11,2 > >
 новой сѣти . . . . . 23 > >

Слѣдовательно, настоящій чистый доходъ съ километра отъ старой сѣти . . . . . 36,8 — 11,2 = 25,6 т. фр.
 новой > . . . . . 8,1 — 23 = — 14,9 > >

Слѣдовательно, всего средняго дохода на километръ:

$$\frac{25,6 \text{ т. } 7,675}{14,305} - \frac{14,9 \text{ т. } 5,630}{14,305} = \frac{112,602}{14,305} = 7,87 \text{ т.}$$

А раздача въ видѣ % и дивиденда по 11,5 т. на километр. Слѣдовательно по $11,5 - 7,87 = 3,63$ т. на километр излишка, который долженъ пасть на гарантіи правительства и займы.

Гарантіей правительства покрыто изъ этой суммы 2,2 т. на километр, остальные 1,4 т. на километр покрыты займами; 7,9 т. фр. дохода съ километра при 14,000 кил. и 3 т. акціяхъ доставляетъ $\frac{14.000.7900}{3.000.000} = \frac{1.106}{3} = 36,8$ ф. на акцію въ $\frac{1.451}{3} = 483$ франка, то-есть $0,076^{00}/_{00}$ или 7,6 процентовъ.

Этотъ доходъ еще вовсе не такъ малъ и могъ бы считаться вполне утѣшительнымъ для акціонеровъ, если въ будущемъ ему не грозило еще большее пониженіе вслѣдствіе остающихся недостроенными 5,630 килом., то-есть еще цѣлой половины новой сѣти. Если эта вторая половина новой сѣти доставитъ тотъ же убытокъ, какой доставила компаніи первая половина, то-есть приблизительно 15 тысячъ фр. на километр, то въ концѣ останется чистаго дохода на километр не 7,87 т. фр., а $7,87 - \frac{83.887}{14.906} = 5,86$ т. фр. И тогда получится $\frac{14.000.5860}{3.000.000} = 27,35$ фр. на акцію, т.-е. $\frac{27,35}{483} = 0,0566$ или 5,66 процентовъ. Такимъ образомъ, и тогда въ окончательномъ счетѣ помѣщеніе капитала все-таки не особенно убыточное.

V.

Теперь я могу обратить вниманіе читателя на ту сторону въ исторіи желѣзныхъ дорогъ Англіи и Франціи, которая по моему мнѣнію составляетъ самую интересную и поучительную ея часть. Приведенныя обстоятельства изъ желѣзно-дорожнаго дѣла въ Англіи и Франціи разъясняютъ какъ нельзя лучше ту сторону желѣзно-дорожнаго дѣла, которая съ самаго начала была наименѣе понятна и наименѣе понята въ дѣйствительности; онѣ сами собой указываютъ на ту великую разницу, которая должна существовать въ государственной политикѣ относительно такихъ предпріятій, которыя имѣютъ чисто частный коммерческій характеръ и такихъ, которыя имѣютъ, по существу своему, характеръ государственный и потому служатъ тѣмъ опытнымъ матеріаломъ, который съ неотразимой убѣдительностью доказываетъ и разъясняетъ высказанныя нами, въ самомъ началѣ, мысли о томъ, что желѣзно-дорожный вопросъ требуетъ

въ самой своей постановкѣ, совершенно отличной отъ прочихъ предпріятій, чисто государственной точки зрѣнія. Съ самаго начала было естественно и простиительно смѣшивать этотъ вопросъ заурядъ съ вопросами всякихъ другихъ компаній. Такое смѣшеніе и было сдѣлано не только въ Англіи, но и въ самой Франціи, несмотря на все внѣшнее отличіе желѣзно-дорожной политики тамъ и здѣсь. Это отличіе болѣе соотвѣтствуетъ общему регламентаторскому характеру французской политики во всякихъ вещахъ, чѣмъ основывается на особенномъ взглядѣ на существо дѣла въ этомъ вопросѣ. Оно выражается болѣе въ стремленіи къ мелочнымъ внимательствамъ въ подробности, въ полицейской регламентаціи самой эксплуатаціи; и съ этой стороны скорѣе доказываетъ чиновно-бюрократическій взглядъ на дѣло, чѣмъ взглядъ государственный. Существо дѣла, его дѣйствительная общая государственная сторона, остается въ принципѣ внѣ этого вліянія, настолько же во Франціи, какъ и въ Англіи. Но тамъ и здѣсь эта сторона, силою самихъ вещей, самымъ ходомъ событій выдвигается на первый планъ, и все дѣло помимо воли, сознанія, намѣреній государства, переставливается, въ концѣ концовъ, на практикѣ совершенно иначе, чѣмъ оно ставится самой правительственной политикой въ теоріи. Я говорю здѣсь теперь не о такихъ явленіяхъ, какъ опредѣленіе плана линій, признаніе за государствомъ права выкупа и пр. вещахъ, уяснившихся съ первыхъ шаговъ желѣзно-дорожной исторіи. Я разумѣю болѣе существенную, по моему, сторону дѣла, въ теоріи, въ принципѣ неуяснившуюся вовсе для правительственной политики, но тѣмъ не менѣе со всей очевидностью выразившеюся *de facto*.

Замѣчательно, что какъ въ Англіи, такъ и во Франціи едають извѣстныя линіи въ частныя руки или руки компаній на чисто частномъ правѣ; что тамъ и здѣсь компаніи ищутъ этихъ концессій на перерывъ, какъ предпріятій, обѣщающихъ значительныя выгоды, выгоды, превышающія уровень выгоды въ другихъ предпріятіяхъ; что компаніи ищутъ именно этихъ первыхъ, наиболѣе выгодныхъ концессій; и что тамъ и здѣсь, то-есть какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, тѣ же компаніи, силою вещей, вопреки чисто личному взгляду на дѣло, оказываются вынужденными принять на себя постройку послѣдующихъ, въ коммерческомъ смыслѣ не только менѣе, но вовсе невыгодныхъ линій, вслѣдствіе чего ихъ расчеты на громадныя дивиденды, которые въ состояніи дать первыя линіи, мало по малу разрушаются и доходъ компаніи не только понижается до общаго уровня, но

даже падаетъ ниже его. Тамъ и здѣсь компаніи ищутъ концесій, какъ выгоднаго коммерческаго дѣла; и тамъ и здѣсь вмѣстѣ съ этимъ дѣломъ на нихъ обрушается невидимымъ и негаданнымъ образомъ, *de facto*, государственная повинность выстроить за то, вмѣстѣ съ тѣмъ, и рядъ побочныхъ линій, вовсе недоходныхъ, которыя понижаютъ средній доходъ компаній и даже запутываютъ ихъ дѣла. Въ Англіи это дѣлалось силою конкуренціи, которая вынуждаетъ компаніи выбирать между покупкой новыхъ линій или паденіемъ своимъ доходовъ отъ линій параллельныхъ. Но во Франціи эта постройка побочныхъ линій навязывается имъ самимъ правительствомъ всякими средствами, въ концѣ которыхъ французскія компаніи оказываются въ томъ же положеніи, какъ и англійскія. Очевидно, что съ ходомъ событій частные расчеты компаній были нарушены.

Съ точки зрѣнія чисто частной, компаніи имѣли право жаловаться на такое пониженіе ихъ дохода развѣ только въ слѣчай пониженія его ниже общаго уровня. Между тѣмъ государство, навязавшее имъ постройку побочныхъ линій, было совершенно право, сдѣлавъ это въ предѣлахъ пониженія ихъ дохода до общаго уровня. Запутанность дѣлъ компаній могла произойти только оттого, что государственная точка зрѣнія на нихъ была, такъ сказать, вынуждена силой вещей подъ конецъ дѣла, а не была примѣнена съ самаго начала какъ результатъ сознанныго принципа; что государство явилось скорѣе орудіемъ въ рукахъ обстоятельствъ, чѣмъ руководило дѣломъ.

Какъ только мы станемъ въ принципѣ на государственную точку зрѣнія къ вопросу дорогъ и постараемся опредѣлить теоретически тѣ основанія, которыя вытекаютъ изъ такого взгляда для дорожной политики, то границы между частнымъ и государственнымъ интересомъ уяснятся сами собою. Компаніи, правда, теряютъ право рассчитывать на неслыханные барыши, но исчезаетъ и возможность разоренія и поводъ къ жалобамъ.

Сѣтъ путей, которую государство имѣетъ поводъ желать видѣть выстроенной, слагается изъ ряда линій, которыя сами по себѣ могутъ дать весьма различный доходъ отъ эксплуатаціи. Между линіями, въ Англіи есть линіи, которыя должны дать доходъ несомнѣнно высшій средняго уровня. Это линіи самыя выгодныя для компаній, если ихъ взять въ отдѣльности. Рядомъ съ ними идутъ линіи, которыя даютъ меньшій доходъ и понижающійся до общаго уровня дохода отъ капиталовъ, опредѣляющимся текущимъ процентомъ. Эти линіи точно также не въ ущербъ частнымъ компаніямъ, взятая въ отдѣльности. Наконецъ,

могутъ быть линіи, которыя должны дать чистый доходъ меньше текущаго $\%$, не дать вовсе дохода и даже стать въ убытокъ ихъ коммерческимъ эксплуататорамъ, но которыя могутъ быть выгодны съ точки зрѣнія государства, потому, во-первыхъ, что онѣ могутъ способствовать большей доходности другихъ линій; потому, во-вторыхъ,—и это самое главное,—что онѣ, не принося дохода въ кассу дороги, могутъ способствовать возвышенію національнаго дохода. Послѣ этого очевидно, что въ результатѣ должна выдти все-таки разни́ца, смотря по тому, какого взгляда и какой системы держаться при реализаціи этихъ линій.

Если смотрѣть на реализацію этихъ линій, какъ на чисто коммерческое предпріятіе реализаторовъ, то очевидно, что могутъ быть выстроены только тѣ линіи, которыя даютъ доходъ, соответствующій общему уровню $\%$, остальные выстроены быть не могутъ. Но если смотрѣть на реализацію этихъ линій какъ на коммерческое или доходное дѣло страны, представителемъ которой является въ этомъ случаѣ государство, то, въ то время какъ частныя компаніи или предприниматели получаютъ убытокъ отъ извѣстной линіи, страна можетъ оставаться отъ нихъ въ выгодѣ. Таковы, на примѣръ, характеръ всѣхъ чисто стратегическихъ линій. Сами по себѣ онѣ не могутъ доставлять дохода компаніямъ, но какъ въ мирное время, такъ особенно въ случаѣ войны, онѣ могутъ сократить національныя траты на сумму, превышающую убытокъ ихъ содержанія.

Очевидно однако, что содержаніе этого рода линій не можетъ быть обрушено на частныя компаніи, не получающія отъ нихъ дохода, и что реализація этихъ линій, составляющихъ общую доходную статью для страны вообще, должна естественно пасть на общіе доходы страны, какъ общая государственная повинность. При этомъ, конечно, все равно, въ какой ближайшей формѣ эксплуатируютъ эти линіи—само ли государство ихъ строить или компаніи. Такъ что если эти линіи реализуются частными компаніями, то за послѣдними естественно устанавливается право гарантіи, равной общему уровню $\%$, который падаетъ на счетъ общей государственной повинности и можетъ уплачиваться постоянно государствомъ безъ того, чтобы дорога, на этомъ одномъ основаніи, могла считаться убыточною для государства. Повторяю, постоянная уплата такой гарантіи и отсутствіе дивиденда изъ доходовъ отъ эксплуатаціи не служитъ еще доказательствомъ убыточности дороги.

Такимъ разсужденіемъ само собою проводится общая черта,

разграничивающая въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ интересы государства отъ интереса частныхъ компаній. За границу этой черты государство не вправе простираетъ своихъ требованій отъ частныхъ компаній, но очевидно, что въ предѣлахъ этой черты оно полный хозяинъ.

Эта черта, въ общемъ итогѣ предположенныхъ линій, отдѣлитъ линіи, которыя могутъ быть реализованы на коммерческихъ основаніяхъ, отъ линій, которыя должны составить повинность государства. Но эта-то черта можетъ помѣститься различно, и число линій, которое можетъ быть реализовано безъ убытка для компаній и убытка для государства, можетъ быть весьма различно, смотря по той системѣ, которую приметъ правительство при сдачѣ концессій. Въ этомъ отношеніи могутъ быть предположены два крайнихъ случая.

Случай первый: каждая линія сдается въ особую руку; и

Случай второй: всѣ линіи сдаются одной компаніи.

Между этими двумя предѣльными случаями можно предположить сколько угодно компаній отъ 1 до всякаго числа линій. Легко видѣть, что первый способъ сдачи есть самый нерасчетливый изъ всѣхъ и что всѣ послѣдующія тѣмъ менѣе выгодны для государства, чѣмъ они ближе стоятъ къ первому.

Дѣйствительно, если каждая линія сдается отдѣльной компаніи, то доходъ каждой компаніи опредѣляется доходностью ея линіи. То-есть, если мы распредѣлимъ весь рядъ нашихъ линій между отдѣльными компаніями, то однѣ компаніи будутъ получать болѣе доходъ, другія меньшій, третьи не будутъ получать вовсе дохода. Положимъ, что у насъ 10 линій, которыя должны приносить: 1-ая 10%, 2-ая 8%, 3-ая 6%, 4-ая 4%, 5-ая 2%, 6-ая 0, 7-ая—2% и т. д.; въ такомъ случаѣ, если текущій % въ другихъ предпріятіяхъ равенъ 6%, то на коммерческомъ основаніи могутъ быть реализованы всѣ первыя три линіи, остальные уже будутъ убыточны для компаній, и наша черта помѣстится между 3-й и 4-й компаніями. При этомъ первая компанія получитъ 10%, вторая 8% и только 3-я 6%—это будетъ—первый случай. Предположимъ теперь, что всѣ компаніи сольются въ одну или не раздѣлятся между собой; тогда доходъ такой сложной компаніи опредѣлится среднимъ уровнемъ изъ всѣхъ доходовъ отдѣльныхъ линій, и мы имѣемъ для опредѣленія нашей черты слѣдующія условія:

$$\frac{n \cdot 10 - n(n-1)}{n} = 10 + 1 - n = 6\%$$

гдѣ n число линій; отсюда $n = 11 - 6 = 5$.

Итакъ, въ этомъ случаѣ выстроится, вмѣсто 3-хъ дорогъ, пять дорогъ, не въ убытокъ предпринимателю, и государство избавляется отъ уплаты гарантій изъ пяти дорогъ по двумъ. Это второй случай.

Такая разница между двумя способами сдачи концессій получается очевидно потому, что при первомъ способѣ сдачи дорогъ доходъ первыхъ компаній значительно выше послѣдующихъ и выше общаго уровня доходовъ въ государствѣ. Между тѣмъ какъ при второмъ способѣ сдачи, доходъ этотъ уравнивается, и всѣ акціонеры получаютъ одинъ общій доходъ, равный общему доходу въ другихъ предпріятіяхъ. По первому способу, очевидно, нѣкоторыя компаніи пользуются исключительными выгодами, за которыя казна принуждена уплачивать гарантіи такимъ компаніямъ, которымъ бы она ихъ не платила при другомъ способѣ. Но кажется, что государство имѣетъ полное право не обременять себя такими гарантіями.

Всѣ права компаній, въ этомъ случаѣ, ограничиваются общимъ уровнемъ $\%$. Все, что компанія получить свыше этого процента, составляетъ излишекъ, уменьшающій число дорогъ, которыя могли быть выстроены беззубыточно на коммерческомъ основаніи и которыхъ страна или лишается безусловно, или выстроить и будетъ содержать ихъ, не иначе уже какъ на счетъ государственнаго дохода.

Изъ этихъ разсужденій мы получимъ слѣдующій общій выводъ или правило: тѣмъ болѣе разнородныхъ линій слито въ рукахъ отдѣльных компаній, тѣмъ болѣе доходъ каждой компаніи приближается къ его настоящему нормальному уровню, то-есть, текущему $\%$, тѣмъ большее пространство дорогъ можетъ быть выстроено въ странѣ на частные капиталы безъ убытка, на коммерческомъ основаніи, и тѣмъ менѣе отяготительны для страны такія постройки, потому что въ этомъ случаѣ гарантія, которую она уплачиваетъ, наименьшая. Съ этой стороны постройка всѣхъ линій самимъ государствомъ представляется наименѣе убыточной, потому что въ этомъ случаѣ вся операція и сосредоточивается какъ бы въ рукахъ одной компаніи. Но слитіе всей операціи въ однихъ рукахъ не составляетъ неперемѣнной формы, въ которой только и можетъ быть достигнута наименьшая уплата гарантій. Такое слитіе на практикѣ могло бы имѣть свои большія неудобства. Поэтому, когда дороги реализуются путемъ концессій, то та же, совершенно, цѣль можетъ быть достигнута распредѣленіемъ всѣхъ сѣтей между нѣсколькими компаніями, но не случайнымъ распредѣленіемъ, а такимъ, при ко-

торомъ на долю каждой приходилось бы одинаковое число верстъ различной доходности. Такого распредѣленія очевидно нельзя было достигнуть прямо при той системѣ раздачи, какой держались первоначально во Франціи и Англіи, то-есть, раздачи сѣти отдѣльными линіями. Но въ такому-то распредѣленію и стремилось французское правительство въ послѣднее время. Съ самаго же начала такого распредѣленія можно было достигнуть только, раздавъ въ тѣ же руки не иначе какъ цѣлую систему линій различной доходности; а для этого нужно было или опредѣлить самую сѣть до начала концессій во всей подробности, разбивши ее на отдѣльные участки, по числу главныхъ линій, и сдавать концессіи не иначе какъ такими участками въ цѣлости, или, если предварительно опредѣлить всю сѣть въ подробности было неудобно, сдавать главные линіи не иначе, какъ съ обязательствомъ принять на себя тѣ побочныя, которыя государство признаетъ нужнымъ осуществить въ свое время. Который изъ этихъ двухъ путей представлялъ менѣе неудобствъ, сказать трудно. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что и тотъ и другой на практикѣ долженъ представлять свои серьезныя трудности, и поэтому-то вѣроятно ни одинъ изъ нихъ не былъ, сколько извѣстно, гдѣ-либо испробованъ. На сколько возможно приблизиться къ тому или другому изъ нихъ, несмотря на эти трудности, объ этомъ судить дѣло практиковъ. Поэтому я и не знаю, насколько можетъ быть поставлено въ упрекъ Франціи, что она съ самаго начала не остановилась на одной изъ подобныхъ мѣръ. Дѣлать рациональные выводы изъ прошедшихъ фактовъ вообще гораздо легче, чѣмъ осуществить ихъ на дѣлѣ и тѣмъ болѣе осуществить ранѣе, чѣмъ указать на нихъ опытъ. Но если раздачей концессій должна руководить какая-либо система, то въ этой системѣ, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть оставлено вовсе безъ вниманія выработанное опытомъ условіе.

Въ этомъ отношеніи, я полагаю, уяснено достаточно, что сѣть подлежащихъ постройкѣ дорогъ представляетъ нѣчто цѣлое, и что сохраненіе этой цѣлости крайне важно и желательно для государства. Въ этомъ цѣломъ всегда есть дороги болѣе выгодныя въ коммерческомъ отношеніи, и есть вовсе невыгодныя въ коммерческомъ отношеніи. Когда при самой реализаціи сохраняется эта цѣлость, выгоды однихъ дорогъ компенсируютъ невыгоду другихъ; но какъ только эта цѣлость нарушается, нарушается и возможность подобной компенсаціи. Думать при этомъ, что такая цѣлость должна и можетъ быть сохранена вездѣ и всегда вполне, искать средствъ въ совершенному практическому выполне-

нію принципа, было бы совершенно неосновательно. Въ этомъ отношеніи всѣ рациональныя требованія сходны между собою, они составляютъ тотъ математическій отвлеченный предѣлъ, къ которому можетъ только болѣе или менѣе приближаться дѣйствительность. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ можно сказать только, что чѣмъ болѣе эта цѣлость съ самаго начала имѣлась бы въ виду въ Англіи и Франціи, тѣмъ меньшими потерями сопровождалось бы позднее рѣшительное обращеніе къ взгляду на дѣло, которому первоначально данъ иной ходъ.

Читателю невольно представляется вопросъ: почему, если принятіе на себя постройки позднихъ дорогъ столь невыгодно для компаній, французскія компаніи согласились принять на себя эту постройку? Здѣсь мы невольно должны войти въ такіа подробности дѣла, которыя относятся уже болѣе къ его закулисной сторонѣ, чѣмъ къ его сущности. Все дѣло заключается здѣсь вовсе не въ интересахъ компаній: подобный вопросъ былъ бы дѣйствительно умѣстенъ только въ томъ случаѣ, еслибы компаніи являлись дѣйствительными представителями своихъ интересовъ и лицами, имѣющими рѣшающій голосъ.

На дѣлѣ этого обыкновенно нѣтъ и не было во Франціи. Между компаніями и правительствомъ стоятъ правленія компаній, которымъ собственно и принадлежитъ распоряженіе интересами компаній, сами же компаніи стоятъ на заднемъ планѣ. Интересы же правленія вовсе не солидарны съ интересами компаній; участіе въ правленіи обезпечено, правда, обязательствомъ имѣть извѣстное число акцій въ предпріятіи, но что значать эти акціи въ виду тѣхъ выгодъ, которыя могутъ оказаться для правленій отъ пожертвованія интересами компаній. Французское правительство предложило компаніямъ принять на себя постройку послѣдующихъ дорогъ не даромъ, а за извѣстныя права и льготы. Въ числѣ послѣднихъ, на первомъ планѣ, оказывалось право реализаціи новыхъ капиталовъ на счетъ выпуска облигацій, гарантированныхъ правительствомъ. Въ сущности эти облигаціи были невыгодны для компаній даже при этой гарантіи, ибо заемъ совершался на условіяхъ болѣе тяжкихъ, чѣмъ тѣ, которыя обезпечивала гарантія; но совершенно иначе для правленій. Для нихъ возможность выпуска облигацій представляла такой фондъ готовыхъ капиталовъ, ради котораго они могли пожертвовать охотно всѣми своими акціями, а слѣдовательно и интересами компаній. Капиталы эти нужны были для самого дѣла, то-есть постройки дорогъ, но только постепенно. Между тѣмъ право выпуска облигацій давало возможность правленіямъ съ разу

реализировать, въ видѣ займовъ компаній, значительныя суммы, которыя до того времени, пока они понадобятся для дѣла, составляли готовый оборотный фондъ для биржевой игры и всякихъ личныхъ операцій въ рукахъ членовъ правленія. При посредствѣ этого фонда можно было наживать, въ незначительные сроки, цѣлыя состоянія. Что же значило въ виду такихъ выгодъ паденіе или даже вовсе потеря нѣсколькихъ обязательныхъ акцій, которыя должны были сохранить члены правленія. Этой одной приманки было совершенно достаточно, чтобы склонить правленія компаній въ пользу пріема постройки невыгодныхъ для компаній дорогъ. При ея главномъ посредствѣ, французское правительство и осуществило свой планъ, и она-то была причиною той неслыханной биржевой игры, которая совершалась на нашихъ глазахъ, нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, на французской биржѣ. Можно себѣ представить, сколько при этомъ совершалось напрасныхъ потерь; сколько составилось личныхъ состояній, но сколько и уничтожилось благосостояній. Еслибы, вмѣсто поздняго исправленія первоначальной ошибки, французское правительство предупредило ее болѣе обдуманномъ планомъ дѣйствія, оно тѣмъ самымъ предупредило бы и биржевую игру и разореніе. Первые выгоды компаній были бы не столь значительны, но за то послѣдующія ихъ потери не имѣли бы мѣста.

Соединеніе разнородныхъ линій въ рукахъ отдѣльныхъ компаній имѣетъ на своей сторонѣ еще то преимущество, что оно благотворно вліяетъ на тарифы. Когда невыгода однихъ дорогъ компенсируется выгодами другихъ, тогда компанія можетъ возить по среднему тарифу, соотвѣтствующему средней доходности всѣхъ путей, находящихся въ ея распоряженіи. При этомъ, какъ для боковыхъ, такъ и для главныхъ путей будетъ имѣть мѣсто одинъ средній тарифъ, способный вызвать и наиболѣе равномерное движеніе. Совершенно иначе будетъ, если дорога раздѣлена. Главные пути могутъ возить по болѣе низкимъ тарифамъ, но менѣе доходные пути могутъ существовать только при болѣе высокихъ тарифахъ, которые должны уменьшать движеніе побочныхъ путей и даже могутъ его сдѣлать вовсе невозможнымъ для тѣхъ или другихъ товаровъ. Все это въ ущербъ странѣ и даже главныхъ путей, которые при меньшемъ движеніи должны будутъ держать точно тѣ же высшіе тарифы. Независимо отъ этого, сосредоточеніе всей операціи въ рукахъ нѣсколькихъ компаній имѣетъ на своей сторонѣ еще нѣсколько преимуществъ, которыя здѣсь мѣсто указать. При этомъ траты на администрацію значительно сокращаются противъ того

размѣра, какой онѣ должны достигать въ случаѣ размноженія компаній; при этомъ самое дѣло, подлежащее администраціи, не имѣетъ той обширности и сложности, какую оно должно имѣть въ томъ случаѣ, когда администрація всей сѣти сосредоточивается въ однихъ рукахъ, какъ это должно быть въ томъ случаѣ, когда вся сѣть дорогъ эксплуатируется самимъ правительствомъ. Наконецъ, при опредѣленномъ не слишкомъ большомъ числѣ компаній облегчаются и для правительства всѣ сношенія его съ компаніями.

Я останавливался преимущественно на способѣ концессій, потому что этотъ способъ вездѣ имѣлъ преимущество на практикѣ передъ казенной постройкой и эксплуатаціей дорогъ. Дѣйствительно, постройка дорогъ самимъ правительствомъ осуществилась пока въ болѣе широкихъ размѣрахъ въ одной только Бельгіи, но при этомъ казной удержаны въ своихъ рукахъ самыя главныя доходныя линіи. Невыходя изъ системы концессионной, я долженъ указать еще на одинъ способъ уравнинія выгодъ компаній, который былъ примѣненъ на практикѣ. Переходя отъ одного законодательства къ другому, мы встрѣчаемъ, несмотря на вездѣ преобладающій концессионный характеръ реализаціи, все болѣе ясно заявляемый взглядъ на желѣзно-дорожное дѣло, какъ на дѣло государственное, и на самыя дороги, какъ на государственную собственность. Такъ, наконецъ, въ Пруссіи было высказано ясно законодательствомъ въ принципѣ, что доходъ компаній не долженъ превосходить общій текущій уровень $\%$.

Прусское законодательство отличается въ этомъ отношеніи значительной категоричностью. Въ 1867-мъ году Пруссія имѣла дорогъ 1,257 миль нѣмецкихъ, стоившихъ 645 милліоновъ талеровъ. Изъ этихъ дорогъ 405 миль принадлежатъ государству, 207 миль находятся въ казенномъ управленіи, а 645 миль въ рукахъ частныхъ компаній. Отношенія государства къ желѣзнодорожному дѣлу опредѣляются еще до сихъ поръ закономъ 1838-го года. На основаніи этого закона, всѣ желѣзныя дороги составляютъ государственное достояніе, которое только временно уступлено частному пользованію и завѣдыванію. Относительно этихъ послѣднихъ дорогъ, правительство сохраняетъ право выкупа (не ранѣе впрочемъ 30-ти лѣтъ со времени открытія дороги) за сумму, которая опредѣляется черезъ умноженіе на 25 средняго дивиденда за послѣдніе пять лѣтъ. Въ силу признанія въ принципѣ дороги государственною собственностью, компаніи платятъ казнѣ подать за потерю казной почтоваго дохода, ко-

торая поступаетъ въ фондъ, предназначенный для выкупа дорогъ. Далѣе, тамъ же выражается, что послѣ погашенія капитала доходъ компаніи не долженъ превосходить издержекъ содержанія дороги и содержанія ея управленія, и слѣдовательно тарифы не должны превосходить соотвѣтствующей этому условію величины.

Такой способъ остается безъ вліянія на размѣръ гарантіи уплачиваемой государствомъ, но имѣетъ во всякомъ случаѣ только то преимущество, что прямо вліяетъ на тарифы, и этимъ путемъ исключительныя выгоды болѣе доходныхъ линій, вмѣсто того, чтобы составить монополію компаній, распределяются на потребителей и достаются послѣднимъ.

Такова сущность желѣзно-дорожнаго вопроса и таковы результаты, выработанные относительно этого вопроса опытомъ. Какіе результаты могутъ быть извлечены изъ этого опыта для руководства въ мѣстахъ, гдѣ только-что начинается постройка дорогъ, и какія практическія мѣры, въ этомъ случаѣ, могутъ быть предложены на основаніи предыдущаго, это особый и слишкомъ сложный вопросъ для того, чтобы надъ нимъ здѣсь останавливаться.

Ю. Жуковскій.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ

1861—1871 гг.

СТАТЬЯ ДЕВЯТАЯ.

ЗАКОНЪ О ПЕЧАТИ И ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

I*).

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ скажешь невольно, при сравненіи положенія нашей печати лѣтъ 15 тому назадъ и въ настоящее время. Мы говоримъ такъ вовсе не потому, что считаемъ удовлетворительнымъ настоящее положеніе печати, но желаемъ указать лишь на то, въ которомъ она находилась прежде, — при дѣйствіи цензурнаго устава 1828-го года. Даже и та незначительная доля свободы, которою пользуется литература теперь, въ то время была немислима и, чтобъ доказать это, достаточно привести 12-ю статью цензурнаго устава, которая воспрещала пропускать въ печать „всякія разсужденія о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства и вообще о всѣхъ мѣрахъ, относящихся къ кругу дѣйствій правительства“. Таковъ былъ взглядъ на отношенія гражданъ къ государству, что правила, установлявшія ихъ взаимныя отношенія и управлявшія самыми важными и дорогими ихъ интересами, считались для нихъ совершенно чуждыми. Имъ не дозволялось не только относиться критически къ дѣйствіямъ правительственной власти, но даже высказывать мнѣнія о мѣрахъ къ „улучшенію“ какой-либо части государственнаго хозяйства. Въ настоящее время трудно понять даже тѣ мотивы, которые обуславливали подобный взглядъ на дѣло. Намъ кажется, что такая строгость цензурныхъ правилъ не могла проис-

---

*) См. выше: 1871 г., ноябр. 345 стр.

ходить вслѣдствіе вѣры въ непогрѣшимость правительственной власти, такъ какъ такая вѣра является слѣдствіемъ твердаго и глубокаго убѣжденія, которое не боится разумной критики. Мы скорѣе готовы допустить, что нетерпимость къ частнымъ мнѣніямъ происходитъ вслѣдствіе сознанія, что наши мнѣнія и дѣйствія несостоятельны и не выдержать критики. Съ этой точки зрѣнія становятся понятными всѣ прежнія крайности цензурныхъ постановленій. Впрочемъ, правительственная власть, прибѣгая къ подобнымъ крайностямъ, сама создаетъ для себя громадныя затрудненія въ будущемъ. Литература играетъ въ обществѣ двоякую роль: съ одной стороны, она выражаетъ общественное мнѣніе, — съ другой, она воспитываетъ общество, проводя въ него результаты, добытые наукой по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Стѣсненная въ своемъ кругѣ дѣятельности, она занимается мелкими обыденными интересами, на которыхъ и сосредоточивается все вниманіе общества. Вопросы общественной и государственной жизни, безъ посредства печати, гложутъ въ обществѣ, и оно становится къ нимъ совершенно равнодушно. Мелкіе эгоистическіе интересы выступаютъ на первый планъ, а интересы общественные и государственные не только остаются въ тѣни, но и самое понятіе объ нихъ искажается въ обществѣ до такой степени, что рациональныя начала гражданской жизни, выработанныя другими, болѣе развитыми народами, пугаютъ общественное мнѣніе, а слово „патріотизмъ“, хотя слышится часто, но является какимъ-то пустымъ звукомъ, безъ опредѣленнаго смысла и значенія. Извѣстное положеніе общественныхъ отношеній становится какимъ-то религіознымъ догматомъ, сущность котораго не подлежитъ критикѣ. Но, такъ какъ подобный застой среди цивилизованныхъ народовъ, при первомъ столкновеніи съ ними, обнаруживаетъ всю свою несостоятельность, то ясно, что долго онъ продолжаться не можетъ. Наступаетъ время, когда необходимость реформъ дѣлается очевидною. Въ такомъ положеніи нужны факты для сужденія о дѣйствительномъ положеніи страны, и нужны люди какъ для обсуждения необходимыхъ реформъ, такъ и для приведенія ихъ въ исполненіе. Но при отсутствіи свободнаго слова въ странѣ не оказывается ни фактовъ, ни людей. Факты искажены небрежностію, угодливостію и даже злонамѣренностію, а общественная среда, изъ которой власть черпаетъ свои силы, не привыкла обсуждать государственные вопросы и не въ состояніи представить нужный контингентъ людей, которые не убоились бы взглянуть на дѣло съ необходимой точки зрѣнія. Слѣдствіемъ такого положенія вещей являются полумѣры, касающіяся скорѣе формальной стороны дѣла, чѣмъ его сущности. Конечно, это послѣднее обстоятельство совпадаетъ съ видами тѣхъ низшихъ органовъ администраціи, интересы которыхъ могутъ быть затронуты совершающимися реформами, но мы не думаемъ, чтобъ такой порядокъ совпадалъ съ

интересами самого правительства. Положеніе дѣлъ при такомъ порядкѣ, если и улучшается, то далеко не въ той мѣрѣ, какъ ожидается того правительство, и не настолькоъ, чтобъ стать въ уровень съ современными требованіемъ жизни и конкурировать съ другими цивилизованными народами. Даже и тѣ немногія рacionales начала, которыми удастся проникнуть въ законодательство, остаются парализованными, вслѣдствіе искаженія ихъ на практикѣ. Всѣ высказанныя нами положенія подтверждаются нашимъ собственнымъ опытомъ, и мы, въ теченіи нашей бесѣды съ читателемъ, не мало представили, и надѣемся еще представить, доказательствъ справедливости сказаннаго. Необходимость и неотложность реформъ застала насъ, вслѣдствіе отсутствія свободы слова, вовсе неприготовленными, и мы приступили къ нимъ даже безъ обсужденія общихъ началъ, на которыхъ долженъ былъ создаваться новый порядокъ вещей. Существованіе общей органической связи всего государственнаго строя мы вовсе не сознавали, а въ этомъ-то и заключается весь недостатокъ нашихъ реформъ. Только при посредствѣ независимой печати могло выработаться въ обществѣ такое сознаніе, а ее-то и недоставало нашему обществу. Но если этого сознанія не было въ обществѣ, то оно могло слабо явиться и въ тѣхъ правительственныхъ сферахъ, въ которыхъ составлялись проекты новыхъ законовъ.

Этимъ еще не ограничивается весь вредъ отъ стѣсненія свободы слова. Поставить человѣческую мысль въ извѣстныя, опредѣленныя рамки, нѣтъ никакой возможности. Какія бы средства ни создавались для этого, она найдетъ возможность пробиться наружу и высказаться. Вмѣстѣ съ этимъ она ударится тѣмъ въ большую крайность, чѣмъ долѣе и строже ее сдерживали. Всякая крайность, по закону реакціи, несомнѣнно вызываетъ другую, ей противоположную.

Люди, полагающіе необходимымъ ограничивать свободу печатнаго слова, не замѣчаютъ, что они этимъ ограниченіемъ достигаютъ результатовъ прямо противоположныхъ тѣмъ, къ которымъ стремятся. Подвергая гоненію извѣстныя мнѣнія, они придаютъ имъ гораздо большее значеніе и интересъ, такъ какъ извѣстно, что запрещенный плодъ всего вкуснѣе. Съ другой стороны, ограничивая свободу слова, они тѣмъ самымъ уничтожаютъ возможность противодѣйствія крайнимъ мнѣніямъ въ средѣ самой литературы со стороны людей положительныхъ, не увлекающихся утопіями. Честный человѣкъ только тогда рѣшится на полемику съ крайними мнѣніями, когда, во-первыхъ, убѣжденъ, что эта полемика не навлечетъ на его противника никакихъ преслѣдованій; во-вторыхъ, когда онъ можетъ прямо и безъ оглядокъ высказывать свои понятія и убѣжденія, и такимъ образомъ имѣть твердую почву подъ своими ногами. Но онъ не можетъ вести добросовѣстный споръ, если знаетъ, что мнѣнія, имъ оспариваемыя, преслѣдуются

правительствомъ. Онъ знаетъ, что этотъ споръ потребуетъ такихъ разоблаченій, которыхъ не можетъ высказывать ни его противникъ, ни онъ самъ. Въ такихъ обстоятельствахъ споръ можетъ быть веденъ полусловами и намеками, что можетъ повести только къ инсинуаціямъ, а не къ разъясненію истины. На такую полемику не пойдетъ честный дѣятель, и поэтому крайнія мнѣнія, при отсутствіи свободы слова, остаются безъ возраженій и получаютъ особенное значеніе въ глазахъ мало опытныхъ людей, недостаточно знакомыхъ съ исторіей и практической жизнью. Люди, встающіе противъ свободы слова, повидимому, не уяснили себѣ истиннаго его значенія. Они относятся къ печатному слову какъ-то недоувѣрчиво, предполагая, что печать, во всякомъ случаѣ, будетъ становиться въ оппозицію къ правительству и будетъ возбуждать противъ него общественное мнѣніе. Но такой взглядъ на печать весьма ошибоченъ. Возможность систематической оппозиціи со стороны печати нельзя отрицать только тогда, когда она не пользуется полной свободой; при этомъ же условіи она является истиннымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. Притомъ, въ обществѣ консервативныя тенденціи распространены въ гораздо болѣе степени, нежели стремленія къ преобразованіямъ. Ходячія, установившіяся идеи принимаются просто на вѣру, безъ особеннаго критическаго анализа, между тѣмъ какъ всякая новая мысль прививается въ обществѣ весьма туго. Такимъ образомъ, при полной свободѣ слова, крайнія мнѣнія необходимо должны встрѣтить сильную оппозицію въ самой литературѣ. При такомъ условіи они дѣлаются не только не опасными, но, напротивъ, приносятъ, несомнѣнную пользу, возбуждая въ обществѣ дѣятельность мысли. Самыя радикальныя идеи, при полной свободѣ слова, имѣютъ значеніе лишь настолько, насколько они относятся критически къ ответственнымъ условіямъ общественной жизни, и такимъ образомъ предупреждаютъ только застой; что-жъ касается ихъ догматическихъ ученій, то исторія до сихъ поръ не представляетъ примѣра ихъ осуществленія въ томъ видѣ, какъ они создаются въ умахъ мыслителей. Жизнь отбрасываетъ изъ нихъ все ложное и принимаетъ только то, въ чемъ она дѣйствительно нуждается. Вообще, борьба возможна только съ равнымъ оружіемъ, и бороться съ мыслью можно только мыслью, а не уголовными карами и цензурными постановленіями, которыя оказываются слишкомъ слабыми въ этой борьбѣ. Правительство, принимающее на себя обязанность ограждать общество отъ такъ-называемыхъ вредныхъ идей, можетъ сильно ошибаться. Само общество, въ свободномъ словѣ, имѣетъ гораздо болѣе сильное оружіе противъ этихъ идей. Ограничивая свободу печати, правительство отнимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и у общества его оружіе противъ тѣхъ мнѣній, которыя считаются вредными. Опасаться свободнаго слова могутъ только тѣ, которые, или не дали себѣ полнаго отчета въ его

значеніи, или дѣйствуютъ во вредъ общества и притомъ сознательно. Поэтому мы понимаемъ вполне то недовѣріе, съ которымъ относилась къ печатному слову политика Наполеона III-го (эта политика была чисто эгоистическая), но мы думаемъ, что предубѣжденіе противъ печати, существующее у насъ, основано чисто на недоразумѣніяхъ. Всѣ наши партіи, имѣющія какое-нибудь значеніе, стремятся къ разъясненію дѣйствительныхъ потребностей народа и разнятся между собою только во взглядахъ на средства къ достиженію цѣли. Онѣ не имѣютъ никакого повода становиться въ систематическую оппозицію къ правительству. Ко всему этому надо прибавить, что по отношенію къ общей массѣ народа наша читающая публика такъ малочисленна и имѣетъ такъ мало вліянія на народныя массы, что будь эта публика вся насквозь проникнута самыми зажигательными идеями, то и тогда она не представляла бы никакой опасности для общественнаго спокойствія. Въ этомъ отношеніи опасны не крайнія литературныя мнѣнія, а темное невѣжество и суевѣріе массъ нашего народа, при которыхъ самыя безобразныя и негѣлые слухи способны произвести волненіе и безпорядки. Какой-нибудь фанатикъ или самозванецъ, вышедшій изъ этой темной массы, у насъ гораздо скорѣе можетъ увлечь народъ за собою, нежели какое бы то ни было мнѣніе, гласно и на виду у цѣлаго образованнаго общества высказанное въ литературѣ. Судя по тому, насколько намъ извѣстно положеніе дѣлъ и состояніе общественнаго мнѣнія въ Россіи, мы думаемъ, что организованное движеніе у насъ немислимо, но нельзя отрицать возможности бессознательнаго, стихійнаго движенія темныхъ массъ народа, въ особенности при тѣхъ порядкахъ, которые открыты, напр., сенаторской ревизіей въ Пермской губерніи. Но такія движенія не могутъ быть послѣдствіемъ мнѣній, высказываемыхъ литературой; напротивъ, свободное слово, выясняя причины неудовлетворительнаго положенія народныхъ массъ, можетъ служить только къ предупрежденію этихъ движеній.

Итакъ, съ которой бы стороны мы ни взглянули на дѣло, всегда окажется, что свобода слова, если и имѣетъ въ своихъ послѣдствіяхъ частныя неудобства, если она и можетъ быть орудіемъ отдѣльнаго проступка, то польза, приносимая имъ, несравненно значительнѣе того вреда, который оно можетъ вызвать, и люди, желающіе предупредить этотъ вредъ стѣсненіемъ свободы печати, наносятъ его гораздо болѣе, парализуя ту пользу, которую она приноситъ. Вѣдь и ножомъ можно зарѣзать человѣка, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ нужно было запретить употребленіе ножей. Говорятъ обыкновенно на это, что слово дѣйствуетъ сильнѣе ножа, а слѣдов., и вредъ злоупотребленія имъ опаснѣе; но за то и польза свободы слова безконечно важнѣе. Къ этому нужно прибавить, что неудобства, порождаемыя свободой печати, вполне могутъ быть исправлены той же

ничѣмъ; между тѣмъ какъ вредъ, приносимый устраненіемъ полезнаго дѣйствія свободы слова, не только не можетъ быть ничѣмъ вознагражденъ, но даже не можетъ быть исчисленъ.

Таково значеніе свободной печати. Но она приобретаетъ его только въ томъ случаѣ, если она вполне свободна выражать свои мнѣнія. Мы не хотимъ этимъ сказать, что печатному слову не слѣдуетъ излагать предѣловъ; напротивъ, законъ долженъ преслѣдовать не только клевету и обманъ, но и оскорбленіе, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, т.-е. оскорбленіе не только лицъ, но и принятыхъ въ данное время и въ данной мѣстности вѣрованій и приличій. Но если печать стѣснена въ выраженіи извѣстныхъ идей, если ограничивается ея свобода изслѣдованія въ какой бы то ни было отрасли знанія, то она становится безсильна противъ распространенія разрушительныхъ началъ. Чтобы возражать противъ нихъ съ успѣхомъ, необходимо не только самому чувствовать себя вполне свободнымъ, но убѣдить и тѣ лица, къ которымъ вы обращаетесь. Необходимо отсутствіе всякаго подозрѣнія, что вы говорите такъ потому только, что говорить иначе нельзя; необходимо, чтобы ваши слушатели или читатели были убѣждены въ вашей искренности, иначе слова ваши не будутъ имѣть того значенія. А это убѣжденіе является только при полной свободѣ слова.

Наконецъ, приведемъ еще одно обстоятельство въ пользу этой свободы. Мы считаемъ свободу печати однимъ изъ могущественнѣйшихъ предупредительныхъ средствъ противъ организаціи тайныхъ обществъ. Человѣкъ, имѣющій право гласно высказывать и защищать свои мнѣнія, никогда не вступитъ въ тайное общество, цѣль котораго и состоитъ исключительно въ распространеніи тѣхъ мыслей, которыми преслѣдуетъ законъ. Новѣйшая исторія указываетъ намъ положительно, что тамъ, гдѣ существуетъ свобода слова, никогда не бываетъ тайныхъ обществъ и чѣмъ болѣе расширяется эта свобода, тѣмъ менѣе возможности представляется для нихъ организація. Этого обстоятельства оспаривать нѣтъ не будетъ.

II.

Послѣ этихъ общихъ соображеній о пользѣ и необходимости свободы слова, взглянемъ на положеніе нашей печати. Намъ кажется, мы не вызовемъ спора, если скажемъ, что наша печать далеко не пользуется необходимой свободой; что ей предоставлены нѣкоторыя льготы, но только въ столицахъ, въ провинціи же она безусловно состоитъ въ распоряженіи администраціи; что, вслѣдствіе такого положенія, въ провинціи нѣтъ почти никакихъ органовъ гласности, если не считать официальныхъ или офиціозныхъ изданій. Обстоятельство

это весьма понятно на основаніи слѣдующихъ соображеній: во-первыхъ, получить разрѣшеніе на изданіе газеты въ провинціи очень затруднительно. Надо признаться, что органы министерства внутреннихъ дѣлъ въ этихъ случаяхъ, бываютъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ осторожны. Намъ извѣстны случаи отказовъ, гдѣ, повидимому, не представлялось ни малѣйшаго сомнѣнія, что разрѣшеніе будетъ дано. Конечно, органы министерства въ этомъ случаѣ въ своемъ правѣ: они могутъ отказать въ разрѣшеніи изданія, не только не указывая причинъ, но даже и вовсе безъ причинъ. Законъ не обусловливаетъ это право ихъ ничѣмъ, но мы не можемъ не замѣтить при этомъ случаѣ, что такое широкое и безусловное право, право судить о томъ, существуетъ ли потребность имѣть новое періодическое изданіе въ данной мѣстности, не соответствуетъ ни духу времени, ни положенію общественной жизни въ Россіи, ни положенію провинціальной печати. Наше время признаетъ печать однимъ изъ факторовъ развитія матеріальныхъ и духовныхъ силъ народа, и правительство не отрицаетъ этого, предоставивъ печати въ столицахъ извѣстную долю свободы. Положеніе общественной жизни въ Россіи измѣнилось по инициативѣ самого же правительства, вслѣдствіе введенія органовъ самоуправления и самостоятельнаго и гласнаго суда. Какой же можно ожидать пользы отъ первыхъ, если нѣтъ средствъ къ обмѣну мыслей между избирателями и ихъ уполномоченными, и не представляется ли парадоксомъ самый принципъ гласности въ судѣ, если нѣтъ органовъ печати, которые имѣли бы и средства и возможность печатать судебныя пренія и рѣшенія? отвѣтъ на этотъ вопросъ не заставитъ никого задуматься. Конечно, въ столицахъ судъ дѣйствительно гласный, но вѣдь столицы не составляютъ Россіи, и если гласность нужна въ нихъ, то она тѣмъ болѣе необходима въ провинціяхъ, гдѣ контроль правительства менѣе возможенъ. Наконецъ, цензура, существующая для провинціальныхъ журналовъ, могла бы, кажется, служить къ болѣе легкому полученію права на изданіе, но дѣло выходитъ наоборотъ: въ столицѣ легче получить право на безцензурное изданіе, чѣмъ въ провинціи на подлежащее цензурѣ. Такимъ образомъ, оказывается, что частныхъ изданій въ провинціи очень мало, и въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ почти всюду то же самое, какое было при дѣйствіи прежнихъ порядковъ. Но въ то время это было весьма понятно: такъ какъ въ силу тогдашнихъ взглядовъ частная инициатива въ дѣлахъ общественныхъ признавалась не только излишнею, но даже вредною. Въ настоящее же время, когда голосъ общества признается необходимымъ факторомъ въ государственной жизни, полагать препятствіе увеличенію числа изданій въ провинціи, несмотря на то, что они издаются подъ цензурою, по меньшей мѣрѣ непоследовательно. Законъ, давая безусловное право одному вѣдомству разрѣшать или не

разрѣшать изданія, тѣмъ самымъ, намъ кажется, предоставляетъ возможность парализовать дѣйствіе принципа, положеннаго въ основаніе общей государственной дѣятельности. Такъ, новые судебные уставы признають гарантіями правильности приговоровъ суда юридическое образованіе и самостоятельность судей съ одной стороны, публичность и гласность судебныхъ дѣйствій съ другой. Только при дѣйствіи всѣхъ этихъ условій, судъ можетъ осуществить собою цѣль законодателя. Отнимите одно изъ нихъ, и судъ потеряетъ то значеніе, котораго желалъ законодатель. Къ чему могутъ повести другія гарантіи, если судья не будетъ имѣть юридическаго образованія или необходимой для него самостоятельности? Въ томъ и другомъ случаѣ онъ будетъ руководиться не интересами правосудія, а станетъ въ зависимость отъ постороннихъ вліяній и соображеній, совершенно непричастныхъ къ дѣлу. Точно также, безъ публичности, всѣ дѣйствія, происходящія на судѣ, не могутъ получить той степени довѣрія, которая необходима въ этомъ случаѣ; безъ гласности же публичность теряетъ свое значеніе, а общество—возможность контроля надъ дѣйствіями судебной власти. Но возможна ли у насъ гласность судебныхъ дѣйствій въ провинціи, когда нѣтъ органовъ печати, которые слѣдили бы за этими дѣйствіями? При такомъ положеніи казалось бы, что задачей правительственной власти должно быть устраненіе, для частныхъ лицъ, тѣхъ препятствій, которыя встрѣчаются при возникновеніи новыхъ журналовъ, такъ какъ послѣдніе должны содѣйствовать осуществленію тѣхъ цѣлей, которыя имѣлъ законъ, устанавливая гласность судопроизводства; между тѣмъ мы не только этого не видимъ, но замѣчаемъ обратное.

Другое важное препятствіе къ развитію провинціальной печати: это цензура. Сравнивая настоящее положеніе провинціальной печати съ положеніемъ столичной въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, мы находимъ, что столичная печать, въ самыя тяжкія времена, никогда не испытывала той строгости, съ какою относится теперь цензура къ мѣстнымъ газетамъ во многихъ губернскихъ городахъ. Намъ извѣстны случаи, гдѣ цензоры не пропускали простыхъ перепечатокъ изъ „Правительственнаго Вѣстника“, изъ частныхъ же газетъ и очень часто. Къ этому необходимо прибавить, что провинціальныя цензоры, кромѣ общихъ правилъ, данныхъ въ руководство всему цензурному вѣдомству, принимаютъ въ соображеніе еще мнѣнія и взгляды мѣстной администраціи, а также интересы близко къ ней поставленныхъ лицъ. На этомъ основаніи ознакомиться съ правилами провинціальной цензуры весьма затруднительно, и выборъ предметовъ для обсужденія суживается до-нельзя. Конечно, есть средство обойти эти трудности: оно состоитъ въ томъ, чтобъ какъ можно менѣе говорить о мѣстныхъ интересахъ и вопросахъ, которые всего болѣе интересуютъ мѣстное

общество. Но тогда газета теряетъ характеръ мѣстнаго органа, а съ нами и всякій интересъ. Надо признаться, что болѣею частію такъ и поступаютъ провинціальныя газеты, сообщая своимъ читателямъ запоздалыя извѣстія столичныхъ газетъ и становясь, такимъ образомъ, не представителями общественнаго мнѣнія данной мѣстности, а какими-то сборниками отрывочныхъ извѣстій. За невозможностью сохранить характеръ, которымъ мѣстныя газеты должны бы были всего болѣе дорожить, онѣ теряютъ всякій интересъ для читателя, и слѣдовательно имѣютъ очень ограниченное число подписчиковъ. Въ прежнее время, когда печать находилась подъ цензурными правилами гораздо болѣе строгими, положеніе провинціальныхъ редакцій было менѣе затруднительно, нежели теперь. Въ то время цензура состояла въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и цензорами въ губернскихъ городахъ назначались обыкновенно директоры или инспекторы гимназій. Какъ люди болѣе или менѣе образованные и независимые отъ губернской администраціи, они не могли быть такъ строги, какъ нынѣшніе. Со времени же передачи цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, она выбирается изъ чиновниковъ канцеляріи губернатора, или губернскаго правленія, часто не получившихъ не только университетскаго, но даже и какаго бы то ни было образованія¹⁾. Итакъ, случается, что человѣку, неимѣющему никакого научнаго образованія и никогда нечитавшему ничего, крогѣ дѣловыхъ бумагъ, поручаютъ наблюдать за проявленіемъ мысли въ цѣлой губерніи и предоставляютъ право налагать свое veto на всякую мысль, которую онъ найдетъ неудобною. Намъ скажутъ, что, въ случаѣ стѣснительныхъ дѣйствій цензора, на него можно жаловаться. Но куда? Въ цензурный комитетъ? Да развѣ возможно въ журнальномъ дѣлѣ, которое все сосредоточивается на интересѣ минуты, прибѣгать къ жалобамъ, и притомъ за нѣсколько ютъ верстъ, откуда отвѣтъ получится черезъ мѣсяцъ. Да и къ чему послужитъ предписаніе цензурнаго комитета, когда цензоръ находится на службѣ въ мѣстномъ управленіи, по другимъ своимъ служебнымъ обязанностямъ исполнѣ зависить отъ мѣстной администраціи и поставленъ въ необходимость руководиться ея взглядами и мнѣніями. Между тѣмъ, прибѣгать съ жалобами къ этой администраціи будетъ совершенно напрасно, потому что вы получите въ отвѣтъ официальную фразу, что цензорскія обязанности чиновника подлежатъ вѣдѣнію цензурнаго

¹⁾ Не споримъ съ почтеннымъ авторомъ относительно провинціи, но для столичной печати перенесеніе цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ составляетъ положительную выгоду; по крайвей мѣрѣ, таково наше убѣжденіе въ настоящую минуту, и мы высказываемъ его самымъ искреннимъ образомъ, безъ всякихъ arrière pensées. — *Ред.*

комитета и что мѣстная администрація не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло.

При такихъ условіяхъ возможно ли ожидать, чтобъ человѣкъ самостоятельный и уважающій себя рѣшился посвятить свой трудъ на изданіе провинціальной газеты, причемъ онъ можетъ быть поставленъ въ необходимость ежедневно вести споръ, защищать истины подобныя той, что $2 \times 2 = 4$, и ежедневно становиться въ самое униженное положеніе. Весьма естественно, что это дѣло находится въ рукахъ лицъ, которыя смотрятъ на него чисто съ коммерческой точки зрѣнія, не придавая ему никакого нравственнаго значенія. А между тѣмъ развитіе печатнаго слова въ провинціи представляется безусловно необходимымъ. Если печать въ столицахъ признается однимъ изъ факторовъ къ развитію государственной жизни, если нѣкоторые вѣдомства заранѣе опубликовываютъ свои предположенія, чтобы пользоваться мнѣніями и голосомъ печати, то это условіе общественной жизни еще болѣе необходимо въ провинціи, гдѣ многіе вопросы отданы на рѣшеніе общества, и гдѣ уровень нравственныхъ силъ агентовъ центрального управленія значительно ниже столичнаго. Столичная пресса никогда не въ состояніи удовлетворить мѣстной потребности, такъ какъ ея задача болѣе общая. Часто встрѣчаются весьма существенные интересы данной мѣстности, которые съ точки зрѣнія общей государственной пользы теряютъ свое значеніе. Рассмотрѣніе этихъ интересовъ и разработка относящихся сюда вопросовъ, чтобъ принести дѣйствительную пользу, должна производиться систематически и постоянно; между тѣмъ столичныя газеты не могутъ посвятить себя разработкѣ вопросовъ одной какой-либо мѣстности, и потому всѣ свѣдѣнія, помѣщаемыя въ нихъ по вопросамъ мѣстнымъ, носятъ на себѣ характеръ отрывочности. Они могутъ служить только развѣ обличительнымъ средствомъ, но существенной пользы дѣлу развитія края они принести не могутъ. Даже и обличительныя статьи не приносятъ дѣйствительной пользы, потому что по отрывочности своей, не представляютъ возможности правильной оцѣнки общей системы управленія, что всего болѣе можетъ интересовать не только общество, но и правительство, которому всего нужнѣе знать, какъ дѣйствуютъ его агенты на мѣстахъ и въ особенности отдаленныхъ, и какъ велика разница между этими системами въ различное время и въ различныхъ мѣстностяхъ. А что системы эти бываютъ весьма разнообразны, несмотря на существующую у насъ централизацію, то въ этомъ, кажется, согласится съ нами всякій, кто по долгу живалъ въ провинціи. Нельзя не замѣтить, что это разнообразіе то же развивается вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ нашего отечества, и потому не мѣшало бы обратить вниманіе на то, чтобъ мѣстные администраторы руководились болѣе существующими правилами въ законахъ, чѣмъ своими личными взглядами.

Въ этомъ отношеніи самостоятельная печать въ провинціи могла бы оказать громадную услугу правительству, разъяснивъ, какая громадная разниа существуетъ между дѣйствительною жизнью и официальными отчетами. Не лишнимъ считаемъ прибавить, что она также необходима и для новаго суда, который, при своей самостоятельности и отсутствіи въ провинціи гласности, можетъ легко удалиться отъ своего назначенія. Это послѣднее замѣчаніе въ особенности можетъ относиться къ мировому институту, дѣятельность котораго, по незначительности производящихся въ немъ дѣлъ, менѣе доступна контролю общественнаго мнѣнія.

Странно поражаетъ наблюдателя эта разность принциповъ, дѣйствующихъ въ нашемъ законодательствѣ. Мы не разъ указывали на это обстоятельство нашимъ читателямъ и въ настоящемъ случаѣ намъ приходится снова указать на него. То, что считается полезнымъ для умственнаго развитія народа и правильныхъ отправленій государственнаго организма въ Москвѣ и Петербургѣ, то, напротивъ, считается не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ столицахъ признано необходимымъ освободить печать отъ предварительной цензуры; въ провинціи же не только не допускается этотъ порядокъ, но затруднительное положеніе печати усилилось, если принять въ соображеніе менѣе высокій уровень образованія и полнѣйшую зависимость отъ мѣстной администраціи тѣхъ лицъ, изъ которыхъ избираются провинціальныя цензоры со времени передачи цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Приходишь въ совершенное недоумѣніе, чѣмъ объяснить такую монополію свободы мысли, предоставленную столицамъ. Если монополія, даже въ области матеріальныхъ интересовъ, вредно дѣйствуетъ на развитіе общественнаго организма, то въ области мысли она еще вреднѣе, потому что производитъ централизацію умственныхъ силъ въ столицахъ, между тѣмъ какъ провинція, лишенная этихъ силъ, развивается, такъ сказать, только мускульною дѣятельностью въ ущербъ мозговой. Столичная же умственная дѣятельность при такомъ порядкѣ не имѣетъ подъ собою надежной почвы. Интересы общегосударственныя, которыми занимается преимущественно столичная печать, слагаются изъ интересовъ мѣстныхъ. При отсутствіи же органовъ печати для обсужденія послѣднихъ, столичная пресса лишена весьма многихъ твердыхъ основаній для обсужденія общегосударственныхъ вопросовъ. Слѣдствіемъ подобнаго порядка бываетъ то, что между провинціями и столицами происходитъ полный разладъ въ ихъ стремленіяхъ къ извѣстнымъ цѣлямъ и въ пониманіи взаимныхъ потребностей. Столицы уходятъ слишкомъ далеко впередъ, тогда какъ провинціи не въ состояніи за ними слѣдовать. Конечно, нѣкоторая централизація умственныхъ силъ въ столицахъ не-

избѣжна, но потому-то именно и не слѣдуетъ ее увеличивать искусственно, установляя различныя условія печати для тѣхъ и другихъ, такъ какъ печать всего болѣе дѣйствуетъ на развитіе пониманія въ массахъ. Примѣръ подобной централизаціи умственныхъ силъ представляетъ намъ нынѣшняя Франція. Парижъ слишкомъ долго притягивалъ къ себѣ всѣ умственныя силы Франціи, и теперь Франція не понимаетъ Парижа, а Парижъ Францію.

Многіе говорятъ, что при введеніи закона о печати 1865-го года вводились судебныя уставы только въ столичныхъ округахъ, что предоставить дѣло о печати прежнимъ судамъ считалось невозможнымъ, и что въ этомъ заключается причина, по которой цензура упразднена только въ столицахъ. Но это не вѣрно, потому что въ губернскихъ городахъ столичныхъ округовъ цензура была оставлена на прежнемъ основаніи и при введеніи судебной реформы въ другихъ округахъ на нихъ не было распространено дѣйствіе новаго закона о печати.

Случалось намъ слышать и такое мнѣніе, что если распространить законъ о печати 1865-го года на всѣ мѣстности, гдѣ введена судебная реформа, то главное управленіе по дѣламъ печати не будетъ въ состояніи наблюдать за исполненіемъ печатью всѣхъ установленныхъ правилъ и въ особенности за такими проступками печати, которые влекутъ за собой предостереженія. Что касается до насъ, то мы никакъ не думаемъ, чтобы такова была причина ограниченаго примѣненія закона, потому что это бы значило, что само правительство признаетъ несостоятельность тѣхъ правилъ, которыя оно вводитъ въ дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждой мѣстности, гдѣ вводится судебная реформа, есть и администрація, и прокурорскій надзоръ, и судъ, основанный на новыхъ началахъ, вполне способный обсуждать проступки и преступленія по дѣламъ печати. Нѣтъ никакой нужды главному управленію по дѣламъ печати слѣдить за всею печатью на всемъ пространствѣ Россіи. Обязанность эта можетъ быть передана мѣстной администраціи, точно также какъ и нынѣ передается она цензурнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ цензорамъ. Допустить вышеозначенную причину значить допустить опасеніе центрального управленія, что агенты его власти будутъ или слишкомъ строги или слишкомъ слабы къ произведеніямъ печати, и вообще не сѣмѣютъ дѣйствовать согласно видамъ центральной власти. Но это значило бы, во-первыхъ, что центральная власть не имѣетъ достаточнаго довѣрія къ своимъ представителямъ въ губерніяхъ, между тѣмъ какъ они облечены довольно значительною властью; во-вторыхъ, что центральная власть сама знаетъ всю неопредѣленность нашихъ законовъ о печати и что, поэтому, въ призывѣ къ суду, въ запрещеніи выпуска изданія и въ особенности въ предостереженіяхъ, даваемыхъ періодическимъ изданіямъ необходимо руководствоваться не правилами, а личнымъ

усмотрѣніемъ. Ни того, ни другого мы допустить не можемъ, такъ какъ недостатокъ довѣрія центральной власти къ мѣстнымъ ея представителямъ былъ бы явленіемъ весьма печальнымъ, еслибъ онъ существовалъ; при сознаніи же необходимости дѣйствовать по усмотрѣнію, справедливость бы требовала не подвергать писателей и издателей различнымъ административнымъ карамъ, такъ какъ имъ весьма трудно ознакомиться съ предѣлами своихъ правъ, отводимыхъ имъ на основаніи личнаго усмотрѣнія. На этомъ основаніи мы и думаемъ, что причинами къ ограниченію дѣйствія закона о печати не могъ быть недостатокъ довѣрія къ мѣстной административной власти и сознаніе неопредѣленности нашихъ законовъ, а какія-нибудь другія причины, намъ неизвѣстныя. Дѣлать объ этихъ причинахъ какія-либо загадки и предположенія мы считаемъ совершенно излишнимъ, а пожелаемъ только, чтобъ эти причины какъ можно скорѣе устранились, потому что до тѣхъ поръ мы не можемъ признать отправленія нашего общественнаго организма нормальнымъ, пока наша провинція не получитъ одинаковыхъ со столицами правъ на свободу слова. При настоящемъ развитіи цивилизаціи, свобода слова нужна какъ освѣжающій воздухъ, а государство живетъ не одной столичной жизнью, но и провинціальной, и слѣдовательно, въ собственномъ интересѣ должно позаботиться объ освѣженіи воздуха не въ однихъ столицахъ, но также и въ провинціи. Безъ этого условія всѣ реформы, какъ бы ни были онѣ рационально задуманы въ столицахъ, на практикѣ не принесутъ ожидаемой пользы вслѣдствіе индифферентизма и неразвитости провинціальнаго общества. Дѣйствительно, дѣло заключается не въ томъ, чтобъ ввести извѣстное рациональное правило въ писанное законодательство, а въ томъ, чтобъ правильно примѣнять его къ жизни, что достигается только содѣйствіемъ свободнаго слова, раздающагося на самыхъ мѣстахъ практической дѣятельности. Подтверженіемъ нашихъ словъ можетъ служить крестьянское положеніе въ западномъ краѣ, и мы думаемъ, что этой судьбы не миновала ни одна изъ нашихъ реформъ и не въ одномъ западномъ краѣ, хотя, быть можетъ, и не въ такой степени.

III.

Мы указали на невыгодное положеніе нашей провинціальной печати въ сравненіи съ столичной. Но чтобъ оцѣнить его вполне, необходимо принять въ соображеніе, что и послѣдняя находится далеко не въ удовлетворительномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить серьезно о правѣ на свободное слово при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена наша печать? Мы этого не думаемъ. Если наша печать въ настоящее время пользуется гораздо бѣльшимъ просторомъ въ срав-

ненія съ тѣми порядками, которые существовали прежде, то мы это относимъ только къ просвѣщеннымъ взглядамъ тѣхъ лицъ, которымъ поручено наблюдение за печатью; законодательство же наше вовсе не обезпечиваетъ за литературой извѣстныхъ и опредѣленныхъ нравъ, на основаніи которыхъ люди, посвятившіе себя этого рода дѣятельности, считали бы себя гарантированными настолько, насколько считаютъ себя таковыми люди, посвятившіе себя другимъ отраслямъ дѣятельности, т.-е. настолько, чтобы отвѣчать за свои дѣйствія передъ судомъ и пользоваться плодомъ своего труда безпрепятственно, какъ бы ни былъ незначителенъ этотъ трудъ. Литературная дѣятельность не пользуется этой гарантіей, и здѣсь все зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія и притомъ не только лицъ официальныхъ, которымъ ввѣрено наблюдение за печатью, но даже отъ усмотрѣнія частныхъ людей, какъ, напримѣръ, типографчиковъ, которые также признаются отвѣтственными лицами въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Но личный составъ учреждений, наблюдающихъ за печатью, можетъ измѣниться, и другія лица могутъ имѣть другіе взгляды, и литература будетъ въ другомъ положеніи. Намъ скажутъ, что законъ опредѣляетъ съ достаточною точностію, что дозволяется и не дозволяется въ печати, и что, поэтому, разность мнѣній должностныхъ лицъ не можетъ имѣть значенія для литературы. Но еслибы это было такъ, то почему же преслѣдованіе проступковъ по дѣламъ печати не ввѣрено общимъ судебнымъ мѣстамъ, а считается необходимымъ имѣть специальное учрежденіе для наблюденія за печатью, — учрежденіе, вооруженное правомъ административныхъ взысканій. Стало бытъ, законъ недостаточно точно опредѣляетъ право литературы, чтобы судъ могъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и притомъ на достаточныхъ основаніяхъ, опредѣлить виновность. Кромѣ этого, мы встрѣчаемъ очень часто весьма добросовѣстныхъ и по-своему честныхъ людей, которые порицаютъ и ту незначительную долю свободы, которая предоставлена печати; стало бытъ, есть различіе въ понятіяхъ о степени вреда литературныхъ мнѣній и, само собою разумѣется, что если отъ усмотрѣнія подобныхъ лицъ будетъ зависѣть примѣненіе административныхъ взысканій, то они воспользуются своимъ правомъ въ болѣе значительной степени, нежели это дѣлается теперь. Наконецъ, кому изъ читающей публики не случалось слышать, въ видѣ похвалы, выраженіе „смѣлая статья“, хотя смѣлость вовсе не должна составлять достоинства литературнаго труда, въ которомъ всего важнѣе вѣрность фактовъ и правильность выводовъ. Такое выраженіе ясно указываетъ, что въ обществѣ нѣтъ яснаго сознанія о томъ, на что литература имѣетъ право. Но если общество не имѣетъ этого сознанія, то стало бытъ законъ не даетъ его, а поэтому лица, наблюдающія за печатью, въ своихъ сужденіяхъ о правѣ высказывать то

или другое мнѣніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны, по необходимости, руководиться только личнымъ усмотрѣніемъ, сообразоваться съ которымъ для печати весьма затруднительно.

Что пользованіе плодами литературнаго труда не ограждено у насъ закономъ, подобно другимъ родамъ дѣятельности и зависитъ отъ усмотрѣнія многихъ лицъ, то въ доказательство этого представимъ слѣдующія соображенія:

1) Право безцензурнаго изданія дается объемистымъ сочиненіямъ. Если предметъ, избранный мною исчерпанъ менѣе чѣмъ на 10-ти печатныхъ листахъ, я не имѣю права печатать мое сочиненіе и напередъ долженъ получить одобреніе цензора, отъ усмотрѣнія котораго и будетъ зависѣть мое право на пользованіе своимъ трудомъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ нарушается равноправность передъ закономъ, такъ какъ, вслѣдствіе признака совершенно внѣшняго, независимо отъ содержанія самаго сочиненія, права мои будутъ ограничены и отданы на произволъ другого лица. Что это не пустая формальность, а дѣйствительное ограниченіе права, то это доказывается тѣмъ, что задержать выпускъ напечатаннаго сочиненія гораздо труднѣе, нежели отказать въ разрѣшеніи печатать. Въ первомъ случаѣ необходимо мотивировать рѣшеніе достаточными основаніями, которыя должны идти на разсмотрѣніе суда, тогда какъ не дать цензурнаго одобренія можно вовсе безъ причинъ. Къ какой цѣли ведетъ это постановленіе и почему 10, а не 15 или 5 листовъ даютъ право печатать сочиненіе безъ цензуры? этого понять нельзя, а потому мы и судить объ этомъ не будемъ. Замѣтимъ только, что законъ можетъ быть легко парализованъ, такъ какъ листъ бумаги бываетъ различныхъ размѣровъ, печать также можетъ быть разгонистая и сжатая, крупнаго и мелкаго шрифта, наконецъ, самый способъ изложенія то же можетъ увеличить объемъ сочиненія; чтожъ касается переводовъ, то можно соединить нѣсколько сочиненій одного автора или нѣсколько статей по одному предмету въ одну книгу. Всѣ эти обстоятельства даютъ средства обходить законъ и ведутъ лишь къ тому, что увеличиваютъ совершенно непроизводительно расходы на бумагу и оттискъ.

2) Каждая, вновь отпечатанная безъ цензуры, книга должна быть представлена въ главное управленіе по дѣламъ печати или въ цензурный комитетъ за три дня до ея выпуска, а періодическіе журналы за два дня, газеты же вмѣстѣ съ началомъ печатанія нумера. Совѣтъ главнаго управленія, по значительности вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противузаконнаго сочиненія, можетъ воспретить выпускъ изданія, возбудивъ противъ него судебное преслѣдованіе. Последнее можетъ быть возбуждено и безъ ареста книги, и срокъ, въ который можетъ быть начато преслѣдованіе, не точно опредѣленъ. За сочиненіе отвѣтствуетъ авторъ, въ случаѣ же неизвѣстности его или

отсутствія, издатель и даже типографіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Редакторъ періодическаго изданія во всякомъ случаѣ отвѣчаетъ вмѣстѣ съ авторомъ за напечатанную статью. Всѣ эти правила указываютъ, какъ много мѣста оставлено для произвола, въ особенности въ виду неопредѣленности нашихъ законовъ. При дѣйствіи этихъ правилъ, нельзя сказать, чтобы цензура была отмѣнена, — она только видоизмѣнена. Всякая книга можетъ выдти въ свѣтъ только съ согласія администраціи, но развѣ это не цензура, съ тою только разницею, что прежде требовалось формальное разрѣшеніе печатать, а теперь это разрѣшеніе дается на выпускъ книги, уже послѣ ея отпечатанія, отсутствіемъ воспрещенія выпуска. Но это разница не существенная. Правда, законъ разрѣшаетъ арестъ книги только въ виду значительности предусматриваемаго вреда отъ ея распространенія. Но что слѣдуетъ разумѣть подъ значительностью вреда — законъ не опредѣляетъ. Понятіе это до такой степени широко и эластично, что подъ него можно подвести все, что угодно, тѣмъ болѣе, что законъ прямо предоставляетъ усмотрѣнію администраціи рѣшеніе вопроса о такомъ фактѣ, который предполагается еще въ будущемъ. Но такъ какъ будущее навѣрно никому неизвѣстно, то ясно, что лица, на обязанности которыхъ лежитъ разрѣшеніе подобнаго вопроса, не могутъ нести никакой отвѣтственности за ошибочность своихъ сужденій, а потому вся гарантія свободы слова состоитъ только въ ихъ личномъ усмотрѣніи, не подлежащемъ никакому контролю. Между тѣмъ, разница во взглядахъ людей на вредъ и пользу свободнаго слова громадна. Есть люди, которые порицаютъ самое малѣйшее проявленіе этой свободы, между тѣмъ какъ намъ кажется, что полная свобода слова не можетъ произвести никакого вреда, и мы думаемъ, что самыя радикальныя мнѣнія, если они будутъ высказываться въ нашей литературѣ свободно, потеряютъ въ глазахъ неопытныхъ прелесть запрещеннаго плода, а въ глазахъ людей серьезныхъ не будутъ имѣть значенія, такъ какъ практика жизни снабдила ихъ достаточнымъ чуткомъ, чтобы отличить возможное отъ невозможнаго. Если такова разница во взглядахъ людей на вредъ, могущій произойти отъ злоупотребленія печатнымъ словомъ, то ясно, что съ перемѣною личнаго состава учреждений, наблюдающихъ за печатью, можетъ произойти значительная разница въ положеніи печати. Намъ могутъ возразить, что арестъ книги необходимо влечетъ за собою передачу вопроса о виновности, на разсмотрѣніе судебной власти, и что, такимъ образомъ, является контроль надъ дѣйствіями администраціи. Противъ этого мы можемъ замѣтить, во-первыхъ, что, устанавливая такое правило, законъ ничѣмъ не гарантируетъ его исполненіе, такъ какъ отвѣтственность въ этомъ случаѣ неопредѣлена, да и трудно предположить, чтобы при существующемъ у насъ порядкѣ какой-либо авторъ или издатель сталъ искать своихъ убытковъ отъ несоблюденія

правиль объ арестѣ книги; во-вторыхъ, такъ какъ арестъ книги не можетъ повлечь за собой никакой отвѣтственности для лицъ наблюдающихъ за печатью, между тѣмъ какъ выпускъ въ свѣтъ недозволенного закономъ можетъ имѣть для нихъ непріятныя послѣдствія въ служебномъ отношеніи, то обстоятельство это невольно располагаетъ ихъ быть гораздо строже къ печатному слову, въ особенности при неопредѣленности нашихъ законовъ о печати. На этихъ основаніяхъ правило о непремѣнной передачѣ дѣла судебному разбирательству не можетъ служить достаточной гарантіей для автора и издателя.

Выше мы сказали и, повидимому, представили доказательство, что цензура не отиѣнена, а только видоизмѣнена. Но этого мало. Существующія постановленія объ отвѣтственности редакторовъ, издателей и даже типографчиковъ заставляютъ этихъ лицъ принимать на себя чисто цензорскія обязанности. Не говоря уже о томъ, что редакторъ періодическаго изданія прямо есть отвѣтственное лицо вмѣстѣ съ авторомъ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда типографщикъ и издатель подлежатъ личной отвѣтственности вмѣстѣ съ авторомъ, мы укажемъ на то обстоятельство, что временный арестъ, даже отиѣненный по суду, влечетъ для издателя значительный матеріальный убытокъ, который по необходимости долженъ заставить его относиться къ сочиненію имъ издаваемому по-цензорски. Стало быть, кромѣ правительственной, является еще цензура частныхъ лицъ, которая будетъ тѣмъ строже, чѣмъ строже взгляды членовъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Привлеченіе къ судебной отвѣтственности не можетъ такъ стѣснительно дѣйствовать на свободу слова, какъ право администраціи воспрепятствовать выпуску сочиненія въ продажу. Воспрепятствованіе выпуска влечетъ прямой и непремѣнный денежный убытокъ, а потому усиливаетъ цензуру издателя до такой степени, что она становится иногда строже правительственной, такъ какъ издатели не всегда знакомы съ воззрѣніями, господствующими въ высшихъ административныхъ сферахъ. Судъ разсматриваетъ дѣло со всѣхъ сторонъ и принимаетъ въ соображеніе оправданіе обвиненнаго, тогда какъ административное распоряженіе объ арестованіи книги производится безъ всякихъ объясненій со стороны издателя, которому трудно рисковать капиталомъ безъ полной увѣренности, что книга не вызоветъ запрещенія хотя бы временнаго. На этомъ основаніи частное лицо, предпринимая изданіе, для огражденія своихъ интересовъ, по необходимости должно быть осторожно: авторъ можетъ оправдаться передъ судомъ, издатель же будетъ во всякомъ случаѣ наказанъ замедленіемъ продажи книги.

Наконецъ, мы должны указать на то обстоятельство, что срока для начатія судебного преслѣдованія выпущенной книги законъ точно не опредѣляетъ. Авторъ и издатель могутъ, по выпускѣ книги, выбѣть

за границу и въ этомъ случаѣ личная отвѣтственность падаетъ на типографщика; поэтому и онъ долженъ ограждать свою безопасность и не можетъ дозволить печатать въ своей типографіи то, что, по его мнѣнію, можетъ навлечь на него судебное преслѣдованіе. Слѣдовательно, авторъ поставленъ въ зависимость даже отъ мнѣній типографщика.

Такимъ образомъ, наше печатное слово зависить отъ усмотрѣнія не только правительственныхъ, но даже и частныхъ лицъ, а потому мы были въ полномъ правѣ сказать, что литературная дѣятельность у насъ не пользуется со стороны законодательства тѣми гарантіями, которыя предоставлены всѣмъ остальнымъ родамъ дѣятельности. Намъ кажется, что такое недоувѣріе къ обществу и ограниченіе его права на свободное выраженіе мыслей не имѣетъ достаточныхъ основаній, и во всякомъ случаѣ должно замедлять развитіе общественнаго мнѣнія и общественной дѣятельности, безъ содѣйствія которыхъ трудно удовлетворить потребностямъ настоящаго времени.

IV.

Но это еще не все. Если мы перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ законовъ, которыми руководствуется судебная власть при рѣшеніи дѣлъ о печати, то встрѣтимъ и здѣсь отсутствіе необходимой гарантіи, предоставленной обвиняемымъ по другимъ дѣламъ, а также неопредѣленность законоположеній, которыя предоставляютъ судьямъ весьма широкую и стѣснительную власть въ примѣненіи закона къ извѣстному данному случаю.

Отсутствіе необходимой для свободы слова гарантіи мы находимъ въ томъ, что рѣшеніе вопроса о виновности предоставлено короннымъ судьямъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Если законъ приходитъ къ заключенію, что даже въ обыкновенныхъ уголовныхъ преступленіяхъ психическіе мотивы преступленія играютъ такое значеніе, что сужденіе о виновности не считается возможнымъ предоставить юристамъ и необходимо для этого призвать общественную совѣсть въ лицѣ 12-ти гражданъ, то, въ силу логической послѣдовательности, казалось бы, что эта общественная совѣсть еще болѣе необходима при опредѣленіи преступности мысли, вредныя послѣдствія которой весьма гадательны и могутъ вовсе не произойти. Если содѣйствіе общественной совѣсти нужно въ такихъ вопросахъ, гдѣ злая воля проявилась во внѣшнемъ дѣйствіи, сопряженномъ съ видимымъ вредомъ для общества, то оно еще нужнѣе тамъ, гдѣ все дѣло не выходитъ изъ области мысли, внѣшнее проявленіе которой состоитъ только въ томъ, что она представлена на судъ общественнаго мнѣнія. Мысль не подлежитъ законной регламентаціи, она также безпредѣльна и безконечна, какъ пространство

и время, а потому регламентировать проявленіе ея законъ не въ состояніи съ достаточной точностью и опредѣленностью, чтобъ каждый человѣкъ могъ знать предѣлы свободы изслѣдованія. Такимъ образомъ, опредѣленіе преступности мысли, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не можетъ быть сдѣлано простымъ примѣненіемъ закона, тѣмъ болѣе, что мотивы, такъ-называемыхъ, преступныхъ мыслей могутъ происходить изъ лучшихъ человѣческихъ побужденій и являться въ печати не въ видѣ безусловныхъ, догматическихъ истинъ, а въ видѣ вопросовъ, клонящихся къ разъясненію недоразумѣній самого автора и подлежащихъ всестороннему обсужденію. На этихъ основаніяхъ мы убѣждены въ томъ, что участіе общественной совѣсти всего нужнѣе въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ рѣшаются болѣе затруднительные вопросы объ уклоненіи отъ прямого пути умственной дѣятельности человѣка: таково требованіе строгой справедливости и возможности движенія впередъ вслѣдъ за другими европейскими народами. Между тѣмъ, въ нашемъ законодательствѣ рѣшеніе этихъ вопросовъ предоставлено судьямъ, т.-е. тѣмъ лицамъ, которымъ не признается возможнымъ предоставить такое право въ дѣлахъ по обыкновеннымъ преступленіямъ, хотя въ этихъ дѣлахъ степень злого умысла гораздо яснѣе. Намъ могутъ сказать, что именно потому преступленія печати изъяты изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей, что опредѣленіе виновности въ этого рода дѣлахъ гораздо затруднительнѣе. Но на основаніи подобныхъ соображеній слѣдовало бы вовсе не допускать суда присяжныхъ, потому что, если коронные судьи въ состояніи произнести по совѣсти правильный приговоръ по дѣлу болѣе сложному и менѣе ясному, то нѣтъ никакого основанія предоставлять другимъ лицамъ рѣшеніе вопросовъ менѣе сложныхъ и болѣе ясныхъ. Мы согласны съ тѣмъ, что нынѣшній составъ присяжныхъ не можетъ быть призванъ къ разрѣшенію вопросовъ о виновности по дѣламъ печати; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что эти дѣла должны рѣшаться безъ присяжныхъ. Если признать пользу и необходимость суда присяжныхъ въ принципѣ, то слѣдовало бы придти къ заключенію о необходимости для этого рода дѣлъ другого состава присяжныхъ, съ цензомъ болѣе высокимъ по образованію; но отказывать обвиняемымъ по преступленіямъ печати въ такой гарантіи, которая предоставляется всѣмъ преступникамъ, по меньшей мѣрѣ не политично. Если намъ указать на Францію, какъ на примѣръ, гдѣ дѣла о печати судятся безъ присяжныхъ, то мы скажемъ, что вовсе не желали бы слѣдовать примѣру Франціи, такъ какъ она достигла своей политикой вовсе не блестящихъ результатовъ, и одною изъ причинъ такого положенія дѣлъ мы считаемъ французскіе законы о печати. Мы думаемъ, что отказывать литературѣ въ правѣ быть судимой присяжными, съ нѣкоторымъ основаніемъ могла отказывать во Франціи партія, захватившая въ свои руки правительственную власть и не имѣвшая на

своей сторонѣ большинства націи, сознательно его поддерживающаго. Намъ кажется, что въ этомъ выразилась неувѣренность въ собственныхъ силахъ. Поэтому, мы совершенно понимаемъ такое правило въ наполеоновской Франціи, понимаемъ его также при владычествѣ настоящаго національнаго собранія, но считаемъ его совершеннымъ недоразумѣніемъ въ нашихъ судебныхъ уставахъ, такъ какъ у кормила нашего правленія стоитъ не партія, а законное правительство. Еслибъ составители судебныхъ уставовъ приняли въ соображеніе, что подобное правило становится въ явное противорѣчіе съ самымъ принципомъ суда присяжныхъ и создаетъ неловкое положеніе для самой правительственной власти, то, конечно, наши судебные уставы имѣли бы однимъ недостаткомъ меньше. Въ столицѣ, гдѣ разрѣшаются безцензурныя изданія, между присяжными всегда найдется достаточное число образованныхъ людей, изъ которыхъ могъ бы составиться особый списокъ присяжныхъ, призываемыхъ для разрѣшенія дѣлъ о печати, такъ какъ всѣ лица, получившія образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, могли бы входить въ этотъ списокъ. Еслибъ право безцензурнаго изданія было распространено на губернскіе города, то и въ нихъ нашлось бы столько людей, соотвѣтствующихъ этимъ условіямъ, что исполненіе обязанности присяжнаго не было бы затруднительно: случаи литературныхъ процессовъ встрѣчаются рѣдко и въ столичной практикѣ. Если намъ возразятъ, что присяжные склонны будутъ произносить оправдательные приговоры по дѣламъ печати, то мы на это скажемъ, что предположеніе въ нашемъ обществѣ излишней слабости къ такимъ произведеніямъ печати, которыя отличались бы радикальнымъ направленіемъ, едвали основательно: въ виду спокойнаго и консервативнаго направленія громаднаго большинства нашего общества, можно скорѣе ожидать излишней строгости по отношенію къ нѣкоторымъ вопросамъ. Но, еслибъ и случилось, противъ нашего ожиданія, на оборотъ, то эта снисходительность присяжныхъ доказала бы еще разъ, что литературныя мнѣнія не представляютъ никакой опасности для общественнаго спокойствія. Лицамъ, занимающимъ высокое положеніе въ администраціи, нѣкоторые факты могутъ казаться важными, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они не имѣютъ почти никакого значенія, и это очень хорошо видятъ люди, стоящіе въ толпѣ или близкіе къ дѣлу. Какъ примѣръ подобныхъ взглядовъ, приведемъ блаженной памяти дѣла о крестьянскихъ бунтахъ. Высшая губернская администрація, въ большей части случаевъ, придавала имъ гораздо болѣе значенія, нежели они имѣли, и почти всегда отправлялась на мѣсто въ сопровожденіи военной команды, между тѣмъ какъ исправники, мировые посредники и предводители дворянства свободно и безъ всякихъ опасеній отправлялись въ такъ-называемыя взбунтовавшіеся

селенія, и мы не знаемъ ни одного случая, гдѣ бы лица эти подверглись серьезной опасности. Точно такое же недоразумѣніе существуетъ и по отношенію къ печати. Наше законодательство смотритъ на печать какъ-то недоувѣрчиво. Въ ней предполагаются какіе-то враждебные элементы, которые будто бы могутъ имѣть очень большое вліяніе на умы и которые, если только дозволить имъ, сейчасъ собьютъ съ толку все общество. На этомъ основаніи у насъ и администрація и судъ стоятъ во всеоружіи власти, чтобъ дать отпоръ печати при первой попыткѣ враждебнаго дѣйствія, между тѣмъ какъ послѣдняя желаетъ лишь спокойнаго и всесторонняго обсужденія вопросовъ, интересующихъ общество. Всѣ эти опасенія не болѣе какъ призраки, созданные недавнимъ прошлымъ, когда обществу не позволялось имѣть никакого мнѣнія и всякое критическое отношеніе къ законодательству считалось чуть не бунтомъ. Намъ, стоящимъ въ толпѣ, очень ясно видно, какое ничтожное вліяніе имѣетъ литература на настроеніе умовъ въ обществѣ. Еслибъ это было не такъ, то не приходилось бы литературѣ повторять одно и то же на тысячу ладовъ и убѣждать наше общество въ такихъ обиденныхъ истинахъ, въ которыхъ давнымъ давно убѣждены всѣ образованные люди. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы убѣждены въ томъ, что снисходительность нашихъ присяжныхъ въ литературныхъ процессахъ, еслибъ она и дѣйствительно вошла въ обыкновеніе, можетъ быть только слѣдствіемъ того убѣжденія, что не стоить гоняться за мухой съ обухомъ, а вовсе не въ силу сочувствія въ такъ-называемымъ вреднымъ идеямъ. Общество чутко въ своимъ интересамъ и, конечно, можетъ быть снисходительно только въ тому, что не вредитъ этимъ интересамъ; но оно будетъ неумолимо къ тѣмъ произведеніямъ печати, которыя вздумали бы неумѣренными требованіями подрывать существующій порядокъ, основы общественнаго быта и религіозныя вѣрованія. Для насъ, по крайней мѣрѣ, знакомыхъ съ настроеніемъ большинства, это не подлежитъ сомнѣнію. Если же это такъ, то казалось бы, что и для правительства не можетъ представляться вреднымъ или опаснымъ предоставить суду присяжныхъ опредѣленіе виновности по дѣламъ печати. Мы осмѣливаемся высказать такое мнѣніе, предполагая солидарность между интересами общества и правительства; съ тѣми же, кто въ этомъ не убѣжденъ, мы спорить не намѣрены.

Выше мы сказали, что въ дѣлахъ о печати не только нѣтъ той гарантіи, которая имѣется по другимъ дѣламъ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, но что исходу этихъ дѣлъ можетъ вредить и неопредѣленность нашихъ уголовныхъ законовъ. Сюда относятся нѣсколько статей уложенія о наказаніяхъ 1866-го года, которыя мы и позволимъ

себѣ разсмотрѣть. Такъ, ст. 1,035-я воспрещаетъ печатать оскорбительные и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о дѣйствующихъ въ имперіи законахъ или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій. Мы понимаемъ, въ чемъ можетъ состоять оскорбительный отзывъ, но не понимаемъ, въ чемъ можетъ состоять отзывъ, направленный къ колебанію общественнаго довѣрія. Намъ кажется, что довѣріе можно имѣть къ лицамъ, но не къ законамъ и постановленіямъ. Можно имѣть довѣріе также къ силѣ или дѣйствительности законовъ и постановленій, но и это потому только, что имѣешь довѣріе къ справедливости людей, которымъ ввѣрено примѣненіе закона. Принимая это выраженіе въ послѣднемъ смыслѣ, мы все-таки недоумѣваемъ, какъ можетъ отзывъ частнаго лица, отъ котораго вовсе не зависитъ примѣненіе закона, колебать довѣріе къ силѣ законовъ. Намъ кажется, что колебать общественное довѣріе къ силѣ законовъ могутъ только агенты правительственной власти, если будутъ дѣйствовать вопреки этихъ законовъ; другихъ же способовъ для этого мы не знаемъ, такъ какъ никакой отзывъ частнаго лица не можетъ помѣшать исполненію закона и, слѣдовательно, колебать довѣріе къ его силѣ. Но, если законъ изложенъ неясно, то различныя лица могутъ понимать его различно, и одни будутъ считать извѣстные отзывы дозволенными, другіе воспрещенными.

Затѣмъ, далѣе статья воспрещаетъ оспаривать обязательную силу законовъ, одобрять или оправдывать воспрещенныя ими дѣйствія, съ цѣлю возбудить къ нимъ неуваженіе. Мы понимаемъ вполнѣ воспрещеніе оспаривать обязательную силу законовъ, но не понимаемъ, почему одобреніе или оправданіе воспрещенныхъ закономъ дѣйствій считается преступленіемъ, тогда какъ, по примѣчанію къ этой статьѣ, обсужденіе отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства разрѣшается. Если мы, становясь подъ защиту этого примѣчанія, позволимъ себѣ обсужденіе извѣстнаго закона съ точки зрѣнія строгой справедливости и придемъ къ заключенію о несправедливости закона, то мы тѣмъ самымъ одобряемъ и оправдываемъ запрещенныя имъ дѣйствія. Какъ согласить такое противорѣчіе? На основаніи примѣчанія къ статьѣ, мы имѣемъ право обсуждать законъ со всѣхъ сторонъ, а на основаніи самой статьи, мы виновны въ одобреніи запрещенныхъ дѣйствій и насъ могутъ присудить къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ и четыре мѣсяца. Наконецъ, какъ слѣдуетъ понимать слова: *съ цѣлю возбудить къ нимъ неуваженіе*? Вслѣдствіе неопредѣленности этого выраженія, подобная цѣль можетъ быть всегда навязана всякому заключенію о несправедливости закона. Если мы скажемъ, напр., что законъ о лихвенныхъ процентахъ несправедливъ, то можетъ казаться,

что этимъ самымъ мы возбуждаемъ къ нему неуваженіе, и мы можемъ быть обвинены. Положимъ, что судъ оправдаетъ насъ, но въ такомъ случаѣ мы будемъ обязаны его просвѣщенному взгляду, а не праву, предоставленному намъ закономъ.

Статья 1,036-я подвергаетъ наказанію воззваніе, возбуждающее вражду въ одной части населенія противъ другой или въ одномъ сословіи противъ другого. Въ практическомъ примѣненіи этого закона можетъ возникать масса недоразумѣній. Что значитъ слово „воззваніе“? Разумѣетъ ли законъ подъ этимъ словомъ прокламаціи, обращенныя къ одной части населенія, или же здѣсь разумѣются и другія сочиненія, въ которыхъ разсматриваются отношенія различныхъ классовъ общества между собою? Если мы, напримѣръ, обсуждая положеніе остзейскаго края будемъ доказывать, что отношенія, въ которыхъ тамъ находятся безземельные работники, крестьяне-арендаторы и землевладѣльцы не только невыгодны въ экономическомъ отношеніи, но не соотвѣтствуютъ и строгой справедливости; если мы, проведя эту мысль, употребимъ сильныя доказательства и нарисуемъ картину тамошняго быта яркими красками, хотя бы и безъ всякихъ рѣзкихъ выраженій, то мы легко рискуемъ быть обвинены въ желаніи возбудить вражду въ безземельныхъ рабочихъ противъ ихъ привилегированныхъ собратовъ арендаторовъ и дворянства. Даже въ нашихъ скромныхъ сужденіяхъ о неудовлетворительности земскаго и городского положенія можно найти поводы къ преслѣдованію на основаніи этой статьи, если только считать необходимымъ буквальное и строгое ея примѣненіе. Такъ, мы указывали на большое вліяніе дворянства въ дѣлахъ земства, тогда какъ дѣла эти преимущественно касаются крестьянъ; такъ, представлялась не совсѣмъ лестная характеристика денежной аристократіи, — все это, пожалуй, можетъ быть сочтено возбужденіемъ одной части населенія противъ другой.

Статья 1,037-я воспрещаетъ оспариваніе или порицаніе началъ собственности и семейнаго союза. Опять вопросъ и недоразумѣніе. Въ понятіяхъ о собственности и семейномъ союзѣ необходимо различать три момента: во-первыхъ, самый принципъ этихъ понятій; во-вторыхъ, главныя основанія, опредѣляющія сущность вытекающихъ изъ нихъ правъ и обязанностей; наконецъ, условія второстепенныя, опредѣляющія формальную сторону дѣла. Законъ не опредѣляетъ, который изъ этихъ моментовъ онъ разумѣетъ въ этомъ случаѣ, между тѣмъ, какъ обстоятельство это имѣетъ весьма существенное практическое значеніе при каждомъ примѣненіи этого закона къ отдѣльному случаю. Оспаривать начала собственности или семейнаго союза въ ихъ принципѣ — немислимо. Въѣдь это все равно, что оспаривать дневной свѣтъ. Человѣкъ имѣетъ извѣстныя потребности, для удовлетворенія которыхъ

онъ, по необходимости, долженъ становиться въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ вещному міру. Вотъ эти-то отношенія и называются собственностью, следовательно оспаривать и порицать ихъ, въ самомъ принципѣ, нельзя. Точно также невозможно оспаривать и порицать семейнаго союза въ его принципѣ. Стремленіе къ размноженію есть естественная физиологическая потребность человѣка, а между тѣмъ человѣкъ является на свѣтъ совершенно въ безпомощномъ состояніи. Отсюда прямая и безусловная необходимость семейнаго союза. Чтожь касается до сущности правъ и обязанностей, вытекающихъ изъ того и другого рода отношеній, а также условій, опредѣляющихъ формальную сторону этихъ отношеній, то мы видимъ, что въ различное время и у различныхъ народовъ они были различны, и измѣнялись подъ условіемъ духа времени и образованія. Такъ, мы видимъ различные роды и виды собственности, болѣе или менѣе широкія права на пользованіе и распоряженіе имуществомъ какъ при жизни, такъ и по завѣщанію и т. д. То же самое замѣчается и въ семейномъ союзѣ. Мы видимъ, что прежнія грубыя и суровыя отношенія между членами семейнаго союза исчезаютъ и замѣняются болѣе мягкими и гуманными.

На этомъ основаніи сущность правъ и обязанностей, вытекающихъ изъ понятія о собственности и семейномъ союзѣ, есть предметъ законодательства, измѣняющагося подъ вліяніемъ мѣста, времени и образованія народа. Если же это можно сказать о сущности самыхъ правъ, то тѣмъ болѣе это относится къ формальной сторонѣ дѣла. Поэтому мы никакъ не думаемъ, чтобъ законъ воспрещалъ обсужденіе правъ, которыя вытекаютъ изъ понятія о собственности и тѣхъ условій, которыя необходимы для ея признанія со стороны общества. Еслибъ законъ имѣлъ въ виду воспретить подобныя сужденія, то гражданское право и политическая экономія была бы изъяты изъ области знанія. Точно также, еслибъ правила, управляющія семейнымъ союзомъ, не подвергались критикѣ и улучшенію, то прогрессъ общества былъ бы невозможенъ, такъ какъ основанія общественныхъ отношеній лежатъ въ союзѣ семейномъ. Изъ этого оказывается, что относить разбираемый нами законъ къ двумъ послѣднимъ моментамъ понятій о собственности и семейномъ союзѣ невозможно, такъ какъ они составляютъ предметъ законодательства, обсужденіе котораго не составляетъ преступленіе.

Но, такъ какъ отвергать самый принципъ собственности и семейнаго союза можно только въ состояніи невмѣняемости, то законъ 1,037-й ст. можетъ повести къ значительнымъ недоразумѣніямъ. Соединяя три момента данныхъ понятій подъ однимъ словомъ — *начало*, законъ представляется въ совершенно неопредѣленномъ значеніи.

Ст. 1,038-я воспрещаетъ печатаніе протоколовъ дворянскихъ зем-

скихъ и городскихъ собраній безъ разрѣшенія губернаторовъ. Цѣли этого закона мы рѣшительно не понимаемъ, тѣмъ болѣе, что онъ стѣсняетъ гласность въ такого рода дѣлахъ, гдѣ весь успѣхъ зависитъ отъ возможно большаго ея примѣненія. Общество не можетъ вести своихъ дѣлъ правильно, если оно не знаетъ, что дѣлаютъ его избранные. При этомъ недостаточно знать окончательное рѣшеніе, а необходимо имѣть въ виду самыя мотивы, по которымъ собраніе приходитъ къ тому или другому заключенію, слѣдовательно необходимо познакомиться съ подробностями происходившихъ преній. Намъ кажется, что подобная цензура можетъ быть выгодна только тѣмъ начальникамъ губерній, которые позволяютъ себѣ уклоненіе отъ точнаго исполненія закона, а потому она даже не въ интересахъ самого правительства.

Ст. 1,089-я не дозволяетъ оглашать въ печати обстоятельство, могущихъ повредить чести, достоинству или доброму имени частнаго или должностнаго лица. Странно, почему дурной поступокъ не можетъ быть оглашаемъ? Намъ скажутъ, что дурные люди могли бы воспользоваться свободой для распространенія клеветы на людей честныхъ и благородныхъ; но мы думаемъ, что для предупрежденія клеветы достаточно подвергать строгой отвѣтственности вмѣстѣ съ авторомъ и редакторомъ: тогда послѣдній дозволитъ себѣ оглашеніе только въ томъ случаѣ, когда убѣдится въ справедливости дурного поступка. Подобнаго рода гласность способна излечить наше общество отъ многихъ весьма непохвальныхъ качествъ, гораздо скорѣе, нежели всѣ другія мѣры. Судебная власть не можетъ преслѣдовать всѣ дурныя поступки, это доступно только суду общественнаго мнѣнія, и большинство людей опасается его болѣе, нежели преслѣдованія передъ судомъ. Впрочемъ, законъ дѣлаетъ исключеніе и освобождаетъ подсудимаго отъ наказанія, если онъ представитъ письменныя доказательства справедливости позорящаго обстоятельства, касающагося служебной дѣятельности должностнаго лица. Намъ кажется, что требованіе письменныхъ доказательствъ не вполне соотвѣтствуетъ той мысли, которая лежитъ въ основаніи этого исключенія. Дурныя поступки должностныхъ лицъ имѣютъ гораздо болѣе вредное значеніе какъ для общества, такъ и для правительства, а потому странно было бы наказывать человека, который, въ видахъ общественной пользы, оглашаетъ злонамѣренное и притомъ не подлежащее сомнѣнію дѣйствіе должностнаго лица. Но, исходя изъ этой мысли, слѣдовало бы довольствоваться всякими доказательствами, способными убѣдить судъ въ справедливости оглашеннаго. Требовать отъ обвиняемаго непремѣннаго представленія письменныхъ доказательствъ неслѣдовательно, и въ особенности потому, что во многихъ подобныхъ случаяхъ письменныя доказательства могутъ быть измѣнены или вовсе уничтожены.

Наконецъ, 1,040-я ст. угрожаетъ наказаніемъ за всякій оскорбительный отзывъ о лицахъ, обществахъ и установленіяхъ, заключающій въ себѣ злословіе или брань. Два послѣднія слова такъ неопредѣленны, что подъ нихъ можно подвести всякій отзывъ, который имѣетъ въ виду неудовлетворительное положеніе общественныхъ учреждений или неправильныя дѣйствія даже частныхъ обществъ. Если мы не встрѣчаемъ часто подобныхъ процессовъ, то это, конечно, зависитъ отъ того толкованія закона, которое придаютъ ему лица, наблюдающія за печатью, а вовсе не потому, что законъ не даетъ право преслѣдованія. Провести дѣйствительную границу, гдѣ оканчивается строгая, критическая оцѣнка, и гдѣ начинается злословіе, — весьма трудно, и здѣсь каждое отдѣльное лицо можетъ имѣть свою собственную точку зрѣнія.

Мы ограничиваемся разсмотрѣніемъ только этихъ статей уложенія, такъ какъ разсмотрѣніе законовъ, имѣющихъ въ виду наказаніе политическихъ преступленій печати, не входитъ въ нашу программу.

Изъ всего сказаннаго, кажется, ясно видно, какая неопредѣленность существуетъ въ нашихъ законахъ о печати, какъ много предоставлено личному усмотрѣнію администраціи и суда и въ какомъ затруднительномъ положеніи находится печать, обязанная руководиться во многихъ случаяхъ этимъ усмотрѣніемъ и разсчитывать болѣе на просвѣщенную снисходительность высшей администраціи, чѣмъ на свои права.

Намъ кажется, что законъ, не имѣя въ виду ограничить до извѣстной степени свободу изслѣдованія въ области законодательныхъ, социальныхъ и нравственныхъ вопросовъ, не можетъ ограничиться нѣсколькими статьями, не рискуя впасть въ полную неопредѣленность, что оставлять судьбу человѣческой мысли на произволъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя, даже при полной добросовѣстности, все-таки могутъ ошибаться. Но, съ другой стороны, врядъ ли и возможно достигнуть въ этомъ отношеніи точности и опредѣленности. Для этого слѣдовало бы дать въ руководство обществу цѣлые трактаты, примѣненіе которыхъ на практикѣ сдѣлается невозможнымъ. Въ виду этого двоякаго затрудненія остается одинъ путь: отнестись къ обществу съ большимъ довѣріемъ и предоставить ему, въ лицѣ его представителей, присяжныхъ засѣдателей, опредѣленіе виновности подсудимыхъ по дѣламъ печати. При этомъ, для устраненія возможности бесполезныхъ преслѣдованій, конечно, необходимо измѣнить редакцію выписанныхъ нами статей и согласить ихъ съ правомъ литературы на свободное обсужденіе какъ дѣйствующихъ законовъ, такъ и опубликованныхъ правительственныхъ распоряженій.

Повторимъ еще разъ мысль, высказанную нами въ началѣ статьи: мы желали бы такого положенія печати, при которомъ каждый честный и просвѣщенный дѣлатель могъ бы откровенно высказать свои убѣжденія, не подвергаясь преслѣдованію, и имѣть, такимъ образомъ, твер-

дую почву для борьбы какъ съ ретроградными идеями, такъ и съ мнѣніями несбыточными и утопическими. Подобное положеніе разомъ уничтожило бы ту ложь и лицемеріе, которыхъ далеко не чужда наша литература и которыя тѣмъ вреднѣе, что скрываютъ дѣйствительное настроеніе общественнаго мнѣнія.

V.

Намъ остается рассмотреть постановленія, относящіяся до изданій подлежащихъ духовной цензурѣ.

Въ указѣ 1865-го года апрѣля 6-го дня, давшемъ нѣкоторыя льготы нашей печати, сказано, что дѣйствіе этого указа не распространяется на сочиненія, переводы и изданія, а также на мѣста въ нихъ, подлежащія, по дѣйствующимъ постановленіямъ и распоряженіямъ, духовной цензурѣ. Постановленія и распоряженія сія остаются на прежнемъ основаніи. Такимъ образомъ, по отношенію къ этому рода изданіямъ дѣйствіе цензурнаго устава 1828-го года оставлено безъ перемѣны.

Обращаясь къ этому уставу, мы находимъ въ немъ слѣдующія узаконенія: ст. 37-я предписываетъ передавать на разсмотрѣніе духовной цензуры книги собственно духовнаго содержанія, то-есть заключающія въ себѣ изложеніе догматовъ вѣры, толкованія священнаго писанія, проповѣди и т. п. Затѣмъ, ст. 38-я говоритъ: „Если въ сочиненіи нравственномъ встрѣтятся мѣста совершенно духовнаго содержанія, относящіяся къ догматамъ вѣры или къ Священной Исторіи, то свѣтская цензура передаетъ оныя, отдѣльно отъ прочаго, на уваженіе духовной цензуры и поступаетъ сообразно ея заключенію“.

На основаніи этихъ двухъ статей, мы полагали, что духовной цензурѣ подлежатъ только книги догматическаго содержанія, книги же историческаго содержанія только тогда, когда они касаются священно-исторіи. Всѣ же остальные историческія книги, хотя бы они содержали въ себѣ изложеніе различныхъ религіозныхъ вѣрованій, мы считали подлежащими свѣтской цензурѣ, а послѣ указа 6-го апрѣля 1865-го года свободными отъ цензуры, такъ какъ въ нихъ различныя ученія могутъ излагаться только въ видѣ историческихъ фактовъ, безъ всякаго отношенія къ ихъ догматическому значенію. Подтвержденіе этого мы находимъ въ томъ соображеніи, что исторія не можетъ игнорировать движеніе человѣческой мысли, къ какимъ бы крайностямъ она ни приходила и въ какія бы заблужденія она ни вдавалась. Только этимъ путемъ и можно дойти до истиннаго пониманія историческихъ фактовъ, и только при такомъ освѣщеніи послѣднихъ можно вынести изъ исторіи полезныя уроки для будущаго. Если мы свободно излагаемъ вѣрованія и воззрѣнія римскихъ императоровъ, воздвиг-

гавшихъ гоненіи на христіанскихъ мучениковъ, если также свободно описывается поклоненіе богинѣ Разума при Робеспьерѣ, то мы полагаемъ, что и всякое изложеніе заблужденій другихъ мыслителей могло появиться въ печати безъ одобренія цензуры. Это казалось возможнымъ тѣмъ болѣе потому, что тѣ основанія, которыя приводили прежнихъ мыслителей къ ихъ выводамъ, въ наше время, при настоящемъ положеніи знанія, потеряли всякое значеніе. Ихъ мнѣнія не могутъ быть для насъ авторитетомъ на томъ основаніи, что у насъ есть другія данныя, которыхъ они не имѣли въ виду. Поэтому они могутъ имѣть для насъ интересъ только какъ историческіе факты, для объясненія данной эпохи, и отнюдь не могутъ представлять собою опасныхъ идей. Между тѣмъ оказывается, что мы ошибались, что идеи прежнихъ вѣковъ, хотя и устарѣли, но все еще могутъ представлять для нашего времени нѣкоторую опасность. Мы приходимъ къ этому заключенію на основаніи недавно рѣшеннаго процесса о переводѣ книги Лекки „Исторія раціонализма въ Европѣ;“ несмотря на то, что книга эта имѣетъ чисто историческое значеніе, судъ, въ первой инстанціи, призналъ ее подлежащей духовной цензурѣ и ея разсмотрѣнію. Онъ не принялъ во вниманіе всѣхъ высказанныхъ нами соображеній и того обстоятельства, что законъ признаетъ подлежащими духовной цензурѣ книги догматическаго свойства. Онъ понялъ законъ совершенно иначе, нежели мы его понимаемъ, и не призналъ за издателемъ права безцензурнаго изданія. Вотъ еще одинъ примѣръ того, что наши законы о печати могутъ быть различно понимаемы *).

Какая же судьба ожидала бы книгу, нами упомянутую, при вторичномъ ея разсмотрѣніи? Для рѣшенія этого вопроса, мы должны обратиться къ тѣмъ правиламъ, которыя даетъ цензурный уставъ для руководства цензурнымъ комитетамъ духовнаго вѣдомства. Такъ какъ эти правила извѣстны не всѣмъ нашимъ читателямъ, то мы выпишемъ нѣкоторые изъ нихъ:

Ст. 225. Достоинство сочиненій, предназначенныхъ для общественнаго употребленія, смотря по ихъ содержанію, состоитъ въ важности и истинѣ мыслей, сообразныхъ съ ученіемъ церкви, въ чистотѣ слога, ясности и правильности изложенія.

Ст. 228. Изъясненія священнаго писанія, состоящія въ обнаруженіи подлиннаго и чистаго смысла и духа писанія и особливо заключающія, кромѣ того, основательное и скромное показаніе погрѣшительныхъ или совсѣмъ ложныхъ изъясненій нѣкоторыхъ ложныхъ мѣстъ писа-

---

*) Къ этому присоединился теперь и другой примѣръ, а именно, приговоръ окружнаго суда по упомянутому дѣлу измѣненъ въ судебной палатѣ, которая нашла возможнымъ предоставить разсмотрѣнію духовной цензуры только отдѣльныя мѣста въ книгѣ Лекки, а не всю книгу. — *Ред.*

нія у писателей новѣйшаго времени, достойны всякаго одобренія. Изъясненія сія должны быть согласованы съ ученіемъ церкви и святыхъ отцовъ.

Затѣмъ, изложивъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, какія книги должны быть одобряемы, уставъ продолжаетъ:

Ст. 236. Но сочиненія большія и малыя, съ большими недостатками въ основательности мыслей, чистотѣ христіанскихъ чувствъ, добротѣ слога, ясности и правильности изложенія, противны образованному, бесполезны необразованнымъ и вредны образующимся, и потому не должны быть одобряемы.

Ст. 240. Переводы сочиненій отцовъ церкви, наипаче славныхъ своимъ просвѣщеніемъ и христіанскою жизнію, должны быть одобряемы къ напечатанію безъ перемѣны и опущенія текста.

Ст. 243. Можетъ также пропущенъ быть переводъ, въ которомъ изложена система какаго либо иного вѣроисповѣданія, если переводчикъ въ примѣчаніяхъ своихъ повсюду будетъ сопровождать такое ученіе здравою критикою, и въ предисловіи скажетъ, какаго исповѣданія былъ сочинитель издаваемого перевода.

Ст. 245. Переводы вообще не одобряются по важнымъ недостаткамъ изложенія, какъ-то: темнотѣ, нечистотѣ языка и безразсуднымъ опущеніямъ, нарушающимъ связь сочиненій.

Ст. 246. Новые переводы книгъ, уже изданныхъ, одобряются къ напечатанію только тѣ, которые или полнѣе, или въ самомъ переводѣ исправлѣе прежнихъ; въ противномъ случаѣ таковыя переводы отдавать обратно безъ одобренія къ напечатанію.

Ст. 248. Если рукопись, по мнѣнію члена, не можетъ быть напечатана, или онъ полагаетъ опустить нѣкоторыя мѣста, или сомнѣвается въ ея одобреніи: то, въ первомъ случаѣ, онъ долженъ въ своемъ мнѣніи представить причины невозможности, во второмъ, указать мѣста, которыя опустить полагаетъ, а въ третьемъ, причины его сомнѣнія.

Ст. 249. Комитетъ разсматриваетъ предложенную невозможность или мѣста, которыя назначаются къ опущенію, или сомнѣніе и, разрѣшая дѣло по общему согласію членовъ, рѣшеніе свое записываетъ въ журналъ.

Вотъ правила, которыми руководствуется духовный цензурный комитетъ... На основаніи одной 245-ой статьи книга Лекки можетъ быть не выпущена въ свѣтъ: стоить духовной цензурѣ найти въ переводѣ „темноту“, или „нечистоту языка“, или наконецъ „важные недостатки изложенія“,—и этого достаточно, чтобы вся книга была не одобрена цензурою. Послѣ этого, мы не беремся рѣшить вопроса, какаѣ вообще судьба можетъ ожидать упомянутую нами книгу, и предоставляемъ читателю вывести какое угодно заключеніе. Отъ себя же прибавимъ только, что выписанныя нами статьи цензурнаго устава не согласу-

ются съ общими правилами нашей цензуры, и въ особенности со ст. 15-й устава, которая безусловно запрещаетъ входить въ разсмотрѣніе полезности мнѣній писателя, а предписываетъ наблюдать, чтобы они были только безвредны, и въ особенности воспрещаетъ замѣчать ошибки въ литературномъ отношеніи.

Мы ни слова не сказали объ административной зависимости нашей печати, которая выражается въ различныхъ карательныхъ мѣрахъ, начиная отъ предостереженій; но мы считаемъ этотъ вопросъ вполне исчерпаннымъ въ литературѣ. Укажемъ развѣ на одно неудобство отъ такой зависимости литературы для самого правительства. Свободное и разностороннее преніе по дѣлу, которое вызвало предостереженіе, прекращается съ той минуты, когда предостереженіе дано; иногда противный органъ имѣлъ бы сильные доводы для обличенія, но онъ останавливается, такъ какъ всякая полемика съ его стороны принимаетъ тотъ видъ, будто онъ хочетъ воспользоваться безотвѣтнымъ положеніемъ стороны, получившей предостереженіе, и не знаетъ самаго простого правила морали, запрещающей „бить лежачаго“. Въ какой степени такое положеніе печати нежелательно въ видахъ общественной пользы,—это не требуетъ особаго объясненія.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го января 1872.

Московская печать о судебной реформѣ.—Вторая сессія финляндскаго сейма и предстоящіе ей труды.—Новость въ дѣлѣ начальнаго образованія.—Льготная отиѣна адресныхъ билетовъ.—Новыя постановленія о почтѣ.—Новое училище рабочихъ и ихъ дѣтей.—Женское перворазрядное училище Н. И. Захаровой и его учебный планъ.

Истекшій годъ, по всей вѣроятности, заключилъ собою переходное время перваго испытанія для нашей печати въ новомъ ея положеніи, которое было временно опредѣлено закономъ 6-го апрѣля 1865-го года; наступающій годъ, безъ сомнѣнія, послужитъ въ этомъ отношеніи новою эрою, съ которой начнется то или другое, но во всякомъ случаѣ опять новое положеніе для печатнаго слова. Нѣтъ надобности говорить, что печать, какъ все, чтó служитъ органомъ, не живетъ для себя и потому не можетъ имѣть никакихъ интересовъ, которые были бы ея интересами, а не интересомъ даннаго времени. Такимъ образомъ, вопросъ о распространеніи правъ печатнаго слова на болѣе свободную дѣятельность не есть собственно интересъ самой печати, а интересъ времени и жизни, которымъ она служитъ, и если мы постоянно говорили о пользѣ свободы печати, то, говоря такъ, мы не были ораторами pro domo sua. Въ обсужденіи характера нашей новорожденной печати за первыя шесть лѣтъ ея существованія при новыхъ условіяхъ, мы не станемъ увлекаться статистикою проступковъ печати, которая не можетъ намъ оказать тѣхъ услугъ, какія оказываетъ статистика вообще для опредѣленія уровня нравственныхъ отношеній той или другой эпохи. Положеніе печати, понимавшей свое назначеніе, въ эти шесть лѣтъ было не легкое и совершенно исключительное: она переживала эпоху реформъ, около которыхъ всегда и вездѣ собирается „злоба дня“; и вотъ, наша печать, или лучше сказать та часть печати, которая поняла свое назначеніе, обнаружила съ самаго начала охранительный, консервативный характеръ по отношенію къ реформамъ. Въ

обществѣ, быстро сдвинутомъ съ своего насиженнаго мѣста, реформы не могли придтись всѣмъ по нраву, и печати потому пришлось охранять ихъ отъ этого „права“. Понятно, что такая консервативность нашей печати не представляла однако тѣхъ выгодъ, какія обыкновенно представляетъ консервативный характеръ въ другихъ обстоятельствахъ. Вотъ почему мы и думаемъ, что судить о характерѣ нашей новорожденной печати по статистикѣ ея проступковъ было бы съ нашей стороны увлеченіемъ: такая статистика могла бы еще свидѣтельствовать о трудной роли печати въ переходное время вообще, — но вотъ и все. Справедливость нашихъ словъ подтверждается, между прочимъ, литературною полемикою, которая завязалась въ послѣднее время между различными органами печати по поводу нѣкоторыхъ реформъ и ихъ сущности. Собственно говоря, каждая реформа, потому именно, что она — реформа, то-есть дѣло новое, непременно должна встрѣтить въ жизни нѣсколько неблагоприятныхъ условий, нѣсколько препятствій, которыя ей предстоитъ преодолѣть, прежде чѣмъ она окончательно овладѣетъ общественной жизнью и сдѣлается сама однимъ изъ основныхъ условий, руководящихъ этой жизнью. Главныя изъ этихъ препятствій — остатки прежняго порядка, отмѣняемаго реформой: порожденные имъ нравы, уцѣлѣвшій еще духъ его, охранявшееся имъ невѣжество, обусловленное долгимъ его существованіемъ, неумѣнье исполнять сознательно общественный долгъ. Всѣ эти камни преткновенія для успѣховъ общественной жизни не только чужды реформы, но принадлежать всецѣло именно отмѣняемому ею порядку; желать въ угоду имъ искаженія реформъ все-равно, что снимать съ телеги колеса, потому только, что на дорогѣ есть камни: въ результатѣ будетъ то, что телега безъ колесъ вовсе не можетъ двигаться, а камни останутся лежать на своихъ завѣтныхъ мѣстахъ. Ясно, что только полное проведеніе реформы на дѣлѣ и можетъ излечить недуги, оставшіеся отъ прежняго времени и создать тѣ условия, тѣ нравы, понятія и привычки, при которыхъ дѣйствіе самой реформы установится наконецъ вполне правильнымъ образомъ.

Но литературные воздыхатели о старомъ, добромъ времени, намѣренно извращая понятія, сilyтся представить въ затрудненіяхъ встрѣчаемыхъ реформою не старыя, полусгнившіе корни, которые она одна можетъ вырвать или сгладить съ землею — а плоды, послѣдствія самой реформы; такъ, напр., народное пьянство выставляется какъ послѣдствіе освобожденія крестьянъ. Иногда такой приѣмъ оказывается неудобнымъ даже для этихъ господъ, несмотря на всю ихъ смѣлость въ умственной эквилибристикѣ. Напр., даже они не рѣшаются утверждать, что невѣжество народа, недостатокъ развитости и умственной самостоятельности въ самомъ среднемъ классѣ общества есть послѣд-

ствіе судебной реформы и введенія земскихъ учреждений. Но въ такихъ случаяхъ эти господа употребляютъ для своей цѣли другой подходъ: они начинаютъ доказывать, что *до тѣхъ поръ пока* существуютъ невѣжество, неразвитость и нетвердость въ общественной дѣятельности, не слѣдовало дѣлать такой реформы, которая основана на содѣйствіи общества; а если она уже дана — то слѣдуетъ ее передѣлать такъ, чтобы она была вмѣстѣ и реформа и не-реформа, такъ, чтобы она повидимому и предполагала общественное содѣйствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ не зависѣла отъ этого содѣйствія и усматриваемыхъ въ немъ недостатковъ.

Все это есть не чтó иное какъ обманъ, и злостный обманъ, потому что при этомъ не просто стараются обмануть общество насчетъ достоинствъ предлагаемаго ими товара, а напротивъ, чтобы скрыть свои цѣли, притворяются почитателями той самой реформы, которую тутъ же предлагаютъ исказить. Еслибы ужъ предлагали просто возвращеніе къ старому порядку, то это было бы не только менѣе недобросовѣстно, но и менѣе опасно, потому именно, что искаженіе реформъ было бы гораздо хуже простого возвращенія къ старому порядку; оно создало бы нѣчто призрачное, нѣчто основанное на ежедневной лжи предъ самимъ собою. Отнимите у земскихъ учреждений всеословность, у мирового института происхожденіе изъ земскихъ выборовъ, у судей институтъ присяжныхъ, у городского положеніе—охрану губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, и оставьте существовать все остальное!

Извѣстный московскій органъ печати не затрудняется рекомендовать Россіи именно такую будущность, вмѣняя всякій случай недосмотра, всякую отдѣльную неспособность, всякій недостатокъ, уцѣлѣвшій отъ прошлаго, въ вину не чему иному, какъ самой реформѣ, и затѣмъ призываетъ ея „исправленіе“, то-есть искаженіе съ сохраненіемъ нынѣшней формы, но со внесеніемъ духа стараго порядка. Мудрено ли, что при такихъ обстоятельствахъ люди искренно преданные всему, что уже сдѣлано для обновленія Россіи, опасаются не только указывать съ своей стороны на тѣ самые недостатки, которые эксплуатируются „Московскими Вѣдомостями“, но даже считаютъ какъ бы патриотическимъ долгомъ вовсе не признавать самого существованія такихъ недостатковъ. Помилуйте, слышишь отъ такихъ почтенныхъ, но опасливыхъ людей: и безъ того „Московскія Вѣдомости“ вопіютъ о „нахальствѣ“ адвокатовъ и „невѣжествѣ“ присяжныхъ, а вы хотите откровенно и безъ задней мысли разбирать судебный фактъ! Такимъ образомъ, нѣкоторое время у насъ отрицался самый фактъ, что пьянство усилилось, изъ опасенія какъ бы не напророчить чего-нибудь въ родѣ новой опеки надъ крестьянами. Такимъ же образомъ, сперва считалось неблагонамѣреннымъ даже указывать на какую-либо

ошибку мировыхъ судей, а въ настоящее время отрицается тотъ неподлежащій отрицанію фактъ, что и присяжные не всегда же и не вездѣ поймутъ свою обязанность совершенно вѣрно съ духомъ самого учрежденія; фактъ этотъ отрицается молчаніемъ о приговорѣ въ самомъ дѣлѣ какъ будто странномъ, или защитой его во что бы то ни стало, потому только, что онъ — приговоръ присяжныхъ.

А между тѣмъ изъ этой неоткровенности возникаютъ такіа послѣдствія: факты, умолченные или отрицаемые людьми порядочными, тѣмъ неменѣе остаются въ общественномъ сознаніи, какъ неизъясненные факты; а изъясняютъ ихъ со всѣмъ просторомъ только тѣ, которые эксплуатируютъ ихъ противъ самыхъ учреждений. Сильна только полная правда, и убѣдительна только искренность. Вотъ почему, намъ кажется, пора бы перестать притворяться, будто мы вѣримъ, что одного провозглашенія реформы, одного изданія новыхъ уставовъ достаточно было, чтобы устранить всякую возможность ошибокъ, всякіе тормозы для всегда правильнаго ихъ дѣйствія, тормозы унаслѣдованные нами отъ вѣкового закрѣпощенія, невѣжества, отсутствія сильнаго сознанія общественной солидарности, неумѣнья всегда понять свой долгъ и всегда имѣть мужество его исполнить. Что эти недостатки были обусловлены дореформеннымъ временемъ и проникали въ то время насквозь всю нашу общественную жизнь — этого никто не отрицаетъ. Итакъ, мыслимо ли, чтобы они уже теперь всѣ вдругъ и окончательно исчезли? Возможно ли было ожидать, чтобы не оказалось ни въ одномъ отдѣльномъ случаѣ злоупотребленіе волею, небреженіе или неумѣнье въ общественной дѣятельности? Да еслибы ничего этого не оказалось и слѣда, какъ только объявлены были реформы, то вѣдь мы, русскіе, были бы не люди, и Россія была бы сказочная страна, гдѣ все происходитъ въ полномъ совершенствѣ. Такія совершенно невозможныя въ переходное время ошибки, недоразумѣнія и уклоненія печать могла до времени оставлять безъ особеннаго вниманія потому именно, что явленія эти всѣми предвидѣлись и не могли не произойти при недостаткѣ навыка и той нравственной самосдержанности, которая можетъ воспитаться въ обществѣ иначе, какъ практикою свободы. Но съ тѣхъ поръ, какъ „Вѣсть“ стала пользоваться всѣми такими остатками отъ прошлаго въ ущербъ нашему настоящему, въ укоръ нашимъ реформамъ, добросовѣстная печать, по нашему мнѣнію, поступала ошибочно, продолжая съ своей стороны или игнорировать такіа явленія или даже отрицать ихъ. Дѣлалось это, повторяемъ, съ понятнымъ, честнымъ намѣреніемъ: не уступать извѣстнымъ кружкамъ поля фактовъ, изъ опасенія, что имъ удалось бы, еслибы эти факты были признаны всѣми, обратить ихъ въ пользу искаженія реформъ. Но умолчаніе не можетъ измѣнять сущности тѣхъ фактовъ, въ которыхъ недостатки нашего общества еще проявляются; а отри-

паніе такихъ фактовъ порядочною печатью приводитъ только къ тому, что противная сторона всецѣло овладѣваетъ ими, и возводя частные случаи въ факты всеобщіе, стремится доказать ими, что реформы наши не могутъ дѣйствовать долѣе въ томъ видѣ, какъ онѣ даны, но должны подвергнуться сами „реформѣ“.

Можно ли удивляться, напримѣръ, что въ странѣ, гдѣ доселѣ не было иного суда, какъ судъ приказный, канцелярскій, гдѣ обществу не приходилось доселѣ рѣшать ничего, не только участи людей, но даже самыхъ простыхъ общественныхъ дѣлъ, произойдутъ въ первое время по введеніи суда присяжныхъ нѣсколько такихъ фактовъ, въ которыхъ видно будетъ неполниѣ точное усвоеніе себѣ присяжными ихъ обязанности? Можно ли было ожидать, что вслѣдъ за указомъ о введеніи новыхъ судебныхъ учреждений, каждый купецъ, чиновникъ, крестьянинъ, помѣщикъ получить какимъ-то наитіемъ свойство съ математическою, такъ сказать, вѣрностью опредѣлять себѣ, гдѣ кончается дѣйствіе буквы факта и начинается дѣйствіе внутренняго убѣжденія о вѣроятности, и гдѣ голосъ сочувствія, голосъ самой совѣсти должны остановиться передъ буквою закона? И это послѣ того, какъ всѣ эти люди вѣка жили подъ правиломъ, нарочито отрицавшемъ право собственнаго сужденія, подъ страхомъ, что и „перевернешься быють, и недовернешься быють“. Ожидать, что наши присяжные сразу должны были сравниться съ англійскими — нелѣпо. За то тѣ, кто утверждаетъ, что нужно исказить нашъ институтъ присяжныхъ, потому именно, что наши присяжные еще не могли сравниться съ англійскими, не могутъ не сознавать абсурда въ самой своей постановкѣ вопроса, и если все-таки ставятъ его, то значить намѣрены умышленно обманывать общество.

Въ виду такого образа дѣйствій противниковъ, порядочная печать вмѣсто того, чтобы молчать о случаяхъ, гдѣ обнаружилия какіе-либо недостатки новаго суда, происходящіе ли отъ недостаточности развитія или отъ какого-либо пробѣла въ самомъ способѣ веденія дѣла, должна бы сама указывать на эти случаи и подвергать ихъ всестороннему обсужденію. Этими фактамъ будетъ, такимъ образомъ, отведено признанное всѣми мѣсто, въ категоріи исключеній. Теперь же, пользуясь опасеніемъ всей печати повредить дѣлу суда откровенною критикою такихъ фактовъ, ими овладѣваетъ одинъ органъ, который тщательно составляетъ изъ нихъ коллекцію, и уже отводитъ имъ совсѣмъ иное мѣсто и иное значеніе, а именно указываетъ на нихъ не какъ на исключенія, а какъ на признаки какъ бы преобладающаго въ дѣятельности нашихъ присяжныхъ „болѣзненнаго явленія“—„оправдательныхъ приговоровъ *сыплющихся безъ конца* и безъ видимой причины (Моск. Вѣд. № 254)“. Въ виду застѣнчиваго молчанія остальной печати, вотъ какое употребленіе дѣлаютъ изъ этихъ немногихъ

фактовъ: оправдательные-моль приговоры безъ видимой причины *сыплются безъ конца!* Что изъ этого слѣдуетъ — ясно: надо положить *концы* имъ,—искаженіемъ самого учрежденія присяжныхъ.

Что издатели „Московскихъ Вѣдомостей“ когда-нибудь должны были специально заняться заподозриваньемъ всего дѣйствія нашей судебной реформы, легко можно было предвидѣть. Но что они занялись этимъ дѣломъ *теперь*, это доказываетъ только, что по ихъ убѣжденію теперь наступило удобное время для того, чтобы подвергнуть искаженію нѣкоторыя изъ существующихъ началъ судебной реформы.

Онѣ, повидимому, считаютъ дѣло достаточно зрѣлымъ, чтобы поставить вопросъ о пересмотрѣ учрежденія суда присяжныхъ. „Совершенно ли правильно поставленъ у насъ институтъ присяжныхъ?“ вопрошаетъ эта газета и тутъ же прибавляетъ: „которымъ нельзя не дорожить“ (!!). Но до какой степени она дорожитъ имъ ясно изъ того, что непосредственно за такимъ опущеніемъ руки въ „соліло“ и ставитъ свой умышленный вопросъ: „Нѣтъ ли какой-нибудь ошибки *въ ея организаціи*?“ Затѣмъ, она уже утверждаетъ прямо: „мы несомнѣнно увѣрены, что такая ошибка есть“. И такимъ образомъ, общество, вѣсто того, чтобы услышать отъ всей печати, что въ практикѣ нашего суда присяжныхъ несомнѣнно есть ошибки, узнаетъ только отъ „Московскихъ Вѣдомостей“, что ошибка есть въ самой организаціи нашего суда присяжныхъ, и что въ этомъ „несомнѣнно увѣрены“ господа Леонтьевъ и Катковъ. Вмѣсто того, чтобы въ этомъ, какъ и во всякомъ иномъ дѣлѣ, по указаніямъ всей печати узнавать, и узнавать безъ удивленія, что примѣненіе реформы неизбежно сталкивается въ первое время съ нѣкоторыми недоразумѣніями, общество находитъ указанія на нихъ только въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ въ видѣ факта характеристическаго, стало быть болѣе или менѣе преобладающаго, указывается, что одинъ адвокатъ въ кипиневскомъ окружномъ судѣ говорилъ: „господа присяжные, я недавно защищалъ одного вора и вы его оправдали; потомъ я защищалъ другого вора, вы тоже оправдали его; теперь я защищаю третьяго вора и увѣренъ, что вы и его оправдаете“... Этотъ фактъ газета приводитъ въ концѣ цѣлой обвинительной рѣчи противъ „сыплющихся безъ конца“ оправдательныхъ приговоровъ нашихъ присяжныхъ и ставитъ за нелѣпой шуткою адвоката такое многозначительное правоученіе: „да, стоить призадуматься надъ этими фактами“.

Со злорадствомъ группируя нѣсколько судебныхъ рѣшеній въ преобладающую практику отступленія отъ буквы или духа закона, добросовѣстные публицисты „Московскихъ Вѣдомостей“ вдобавокъ и самую недостаточность закона относятъ къ виду суда. Такъ, въ извѣстномъ дѣлѣ Косача и компаніи, петербургскій окружной судъ не смотря на то, что самый фактъ приписанныхъ подсудимыхъ дѣйствій

быть признанъ присяжными, не нашелъ въ уложеніи о наказаніяхъ статьи, которая примѣнялась бы къ этимъ дѣйствіямъ. „Московск. Вѣдомостямъ“ должно быть очень хорошо извѣстно, что бываютъ дѣйствія въ нравственномъ смыслѣ возмутительныя до послѣдней степени, но которыя, однакожь, уложеніемъ о наказаніяхъ не предусматриваются, а потому и избѣгаютъ заслуженнаго возмездія. Представимъ себѣ—это вовсе не трудно—что кто-нибудь умышленно раздуриваетъ какія-либо ничтожныя уклоненія въ общественной жизни до той степени, чтобы придать имъ ужасающій размѣръ, стараясь такимъ образомъ поселить въ правительствѣ недоувѣріе къ обществу; играетъ самыми дурными страстями общества, вызываетъ къ самымъ вреднымъ его инстинктамъ, возводя ихъ въ неопредѣленный нравственный перлъ и представляя въ нихъ міровую заслугу; что кто-нибудь усвоилъ себѣ привычку на каждое заявленіе, несогласное съ его матеріальными выгодами или вообще личными расчетами и связями, выставлять своихъ противниковъ какъ враговъ государства и измѣнниковъ; предположимъ, что кто-нибудь сдѣлалъ себѣ литературное ремесло изъ систематическаго искаженія фактовъ съ цѣлью поселить въ обществѣ недоувѣріе къ его силамъ, а въ правительствѣ недоувѣріе къ успѣху лучшихъ его начинаній. Какова будетъ сущность всѣхъ этихъ дѣйствій? Не будетъ ли оно въ высшей степени возмутительно, не будетъ ли оно въ нравственномъ отношеніи ниже выманиванія товара изъ лавокъ, при сознаніи невозможности платить за эти товары, то-есть именно того, въ чемъ обвинялись Косачъ и компанія? А между тѣмъ весь этотъ недобросовѣстный образъ дѣйствій непредусматриванъ уложеніемъ о наказаніяхъ; совокупность этихъ искаженій и инсинуацій и этой лжи не квалифицированы въ уголовномъ кодексѣ, и потому избѣгнутъ вполне заслуженной кары. Ихъ постигнетъ общественное презрѣніе, это правда. Впрочемъ, есть люди, которые въ такихъ обстоятельствахъ только здоровѣютъ и процвѣтаютъ, и въ добавокъ ко всему оповѣщаютъ міръ чрезъ посредство своихъ литературныхъ друзей, что „насъ - молъ бояться“ ¹⁾. Но можно ли

¹⁾ На дняхъ «Русскій Міръ», № 108, напечаталъ разговоръ гг. Каткова и Леонтьева съ прусскимъ принцемъ, и тамъ влагаются въ уста принца слѣдующее его обращеніе къ г. Каткову: «Васъ уважаютъ (?), васъ и боятся (!); но васъ также и любятъ (!)». Принцъ не могъ высказать болѣе деликатно г-ну Каткову то, что ему высказывается въ нашей печати болѣе просто: извѣстно, какого сорта уваженіе питается къ тому, кто внушаетъ вмѣстѣ боязнь: принцъ не сказалъ: «одни васъ уважаютъ, другіе боятся»; правда, принцъ прибавилъ: «но васъ также и любятъ»; это совершенно справедливо, но кто любитъ?—и это принцъ оставилъ безъ отвѣта. Но г. Катковъ все это принялъ за чистую монету, и оставаясь въ полномъ убѣжденіи, что принцъ не читалъ передовыхъ статей «Москов. Вѣд.» во время войны нѣмцевъ съ французами, храбро отвѣтилъ: «Мы цѣнимъ высоту германской науки и нравственный строй германской жизни». При этомъ г. Катковъ съ похвалою отзывался о

будетъ тотъ фактъ, что прокурорскій надзоръ въ виду подобныхъ дѣйствій не возбудилъ преслѣдованія противъ его авторовъ, толковать въ такомъ смыслѣ, что стало быть по мнѣнію прокурорской власти всѣ подобныя дѣйствія не что иное, какъ „попросту обыкновенныя коммерческія спекуляціи?“ Между тѣмъ, къ такому именно выводу въ настоящемъ случаѣ приходятъ „Моск. Вѣдомости“. Фактъ, что судъ не нашелъ закона, примѣнимаго къ винѣ Косача и его товарищей, добросовѣстная газета толкуетъ такъ, что „по мнѣнію суда обманныя дѣйствія Косача и почтенной компаніи суть попросту обыкновенныя коммерческія спекуляціи“. Итакъ, отсутствіе подходящаго закона ставится въ вину суду, и толкуется въ томъ смыслѣ, будто судъ смотритъ на обманныя дѣйствія, какъ на обыкновенныя спекуляціи!

Обнаруживая всю нечистоту и нелѣпость подобныхъ заключеній отъ частнаго къ общему, отъ исключеній ко всему ходу нашего новаго, самостоятельнаго, гласнаго и общественнаго правосудія, печать порядочная должна становиться не на точку отрицанія всякихъ погрѣшностей новаго суда, въ видѣ исключеній, а напротивъ признавать ихъ и указывать на нихъ, но давая имъ истинный ихъ смыслъ, смыслъ исключеній, смыслъ ошибокъ неизбежныхъ при новостяхъ дѣла, признаковъ нетвердости въ разумѣніи, которая и можетъ устраниваться не чѣмъ инымъ, какъ только практикою новыхъ судебныхъ отправленій съ сохраненіемъ полной ихъ неприкосновенности. Напрасно отрицать, что могли быть ошибки, напрасно и умалчивать объ этихъ ошибкахъ. Мы только даемъ тѣмъ поводъ извѣстнымъ органамъ собирать всѣ отдѣльныя, неизбежныя ошибки вкупѣ со всѣми тѣми приговорами, которые совершенно правильно соотвѣтствуютъ буквѣ закона (какъ было въ дѣлѣ Косача и компаніи), но почему-либо кажутся этимъ органамъ «странными», и на основаніи такого преднамѣреннаго свода стараться навести читателей на мысль о неудовлетворительности общаго результата судебной реформы. Правда, словъ этихъ они старательно избѣгаютъ, но если на основаніи цитируемыхъ явленій доказывается ошибка въ самой организаціи учрежденія, и предлагается его ломка, то въ дѣлѣ явленіямъ этимъ очевидно присвоивается значеніе общее, значеніе явленій преобладающихъ, которыя, по здравому смыслу, одни только и могли бы дискредитировать самое учрежденіе. А это-то именно и есть самая недобросовѣстная ложь. *Въ общемъ результатъ* наша судебная практика оправдалась самымъ неожиданно-благоприятнымъ, можно сказать блистательнымъ образомъ.

нѣмецкомъ классицизмѣ, но не рѣшился обругать нѣмецкія реальныя школы... Итакъ, г-на Каткова уважаютъ и боятся! и объ этомъ смѣшанномъ чувствѣ оповѣщаютъ русскую публику его навязные друзья. «Все это было бы смѣшно...»

Въ той странѣ, гдѣ еще такъ недавно было ходячимъ мнѣніе, что трудно найти для общественной дѣятельности людей, которые бы не брали взятокъ, установилась вдругъ цѣлая многочисленная магистратура, которой не коснулась и тѣнь подозрѣнія. Въ той странѣ, гдѣ еще такъ недавно общество въ виду закона умѣло только молчать, это самое общество, въ лицѣ присяжныхъ, научилось сознательно исполнять законъ, „опѣная его намѣренія“. Чему слѣдуетъ удивляться, тому ли, что произошли неизбѣжныя въ отдѣльныхъ случаяхъ ошибки, или тому, что въ цѣломъ судебная реформа самой практикою сумѣла внушить такое уваженіе къ своимъ учрежденіямъ?

Собственно въ отношеніи къ суду присяжныхъ слѣдуетъ помнить, что если въ рѣшеніяхъ этого суда могутъ быть замѣчены какія-либо общія черты, то это будутъ черты самого общества. И если мы можемъ замѣтить въ присяжныхъ склонность къ большей или меньшей строгости въ опредѣленіи вины по такимъ или инымъ родамъ правонарушеній, то мы можемъ быть увѣрены, что эта именно склонность замѣчается въ самомъ обществѣ. Въ отдѣльныхъ же случаяхъ, присяжные являются представителями взглядовъ того сословія, какое преобладаетъ въ составѣ каждой смѣны. Такъ, напримѣръ, если въ составѣ присяжныхъ преобладаютъ купцы, мѣщане и крестьяне, то замѣчается менѣе вниманія къ обстоятельствамъ смягчающимъ вину во всѣхъ случаяхъ непочтительности дѣтей къ родителямъ, или неповиновеніе жены мужу; за то на такихъ присяжныхъ производитъ менѣе впечатлѣнія фактъ грубаго насилія, и жестокость обращенія, напримѣръ, не препятствуетъ имъ допускать смягчающія обстоятельства въ случаѣ, если она была вызвана именно непочтительностью, неповиновеніемъ, или невѣрностью. Присяжные, въ составѣ которыхъ преобладаютъ чиновники, строже относятся къ насилію, но легче допускаютъ мотивъ снисхожденія въ покушеніи на собственность, когда она вызвана крайностью и т. п. Все это явленія вполне естественныя, и судъ присяжныхъ не былъ бы судомъ общественнымъ, если бы въ немъ не отражались взгляды общественной среды. Усовершенствоваться онъ можетъ не ломкою самого учрежденія, а только умственнымъ и нравственнымъ совершенствованіемъ самого общества. Наши приговоры не могутъ быть лучше, чѣмъ мы сами; но все-таки навѣрно приговоры не станутъ лучше при возстановленіи суда канцелярскаго, или чего-либо въ его родѣ, потому именно, что неподкупность и независимость несравненно нужнѣе суду, чѣмъ высокое умственное развитіе.

Въ частности можно сдѣлать еще замѣчаніе, что степень умственнаго уровня присяжныхъ зависитъ въ значительной степени отъ самаго способа составленія списковъ лицъ, подлежащихъ несенію обязанности присяжныхъ.

По закону, въ общіе списки присяжныхъ вносятся между прочимъ всѣ лица, получающія доходъ отъ своего капитала, ремесла или промысла не менѣе 500 руб. (въ столицахъ), или 200 руб. (въ прочихъ мѣстахъ). Купцы, помѣщики, чиновники вносятся въ общіе списки исправно, но это все-таки не мѣшаетъ значительной массѣ образованныхъ людей, особенно въ столицахъ, не попадать въ общіе списки присяжныхъ. Можно кажется утверждать, что, за немногими исключеніями, всѣ образованные люди въ возрастѣ 25—70 лѣтъ получаютъ дохода не менѣе 500 р. въ столицахъ и 200 р. въ прочихъ мѣстахъ. Опредѣленіе такого минимума и доказываетъ, что законъ имѣлъ въ виду призвать къ исполненію обязанности присяжныхъ всю массу образованныхъ людей. Но достигается ли это въ дѣйствительности при нынѣшнемъ способѣ составленія списковъ присяжныхъ? Нѣтъ, едва ли не бѣльшая часть представителей всей массы движимаго капитала и представителей такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій не попадаютъ въ списки присяжныхъ. А вѣдь эти люди составляютъ весьма значительную часть всей интеллигенціи страны. Указывая на этотъ пробѣлъ, мы не будемъ теперь разсматривать средствъ къ его устраненію. Ограничимся замѣчаніемъ, что введеніе подоходнаго налога и установленіе разверстки его опѣчными земскими комиссіями, само по себѣ способствовало бы къ привлеченію въ списки присяжныхъ большаго числа образованныхъ людей, непопадающихъ въ нихъ нынѣ. Такъ одно улучшеніе въ смыслѣ равноправности передъ закономъ, естественно является въ союзѣ, въ облегченіе и въ дополненіе другому.

Въ то время, какъ намъ представляется необходимость защищать самостоятельность новаго суда и общественный въ немъ элементъ отъ нареканій собственныхъ нашихъ же толкователей, мы слышимъ изъ Финляндіи вѣсти, которыя весьма кстати напоминаютъ намъ, какое великое благо представляетъ замѣна канцелярскаго суда судомъ вполне самостоятельнымъ, и стало быть, какъ плачевно было бы искаженіе основной мысли нашего новаго судоустройства внесеніемъ въ него прежняго смѣшенія или вліянія чуждой ему среды бюрократической. Независимость суда не можетъ быть замѣнена никакою гарантіею, такъ что и тамъ, гдѣ самое законодательство устанавливается при содѣйствіи представителей общества, такой порядокъ существуетъ самъ по себѣ, и полное отдѣленіе власти судебной отъ власти административной требуется все-таки какъ нѣчто безусловно-необходимое само по себѣ. Въ числѣ главнѣйшихъ желаній общества въ Финляндіи, гельсингфорскій корреспондентъ „Голоса“ на первомъ мѣстѣ ставитъ „отдѣленіе власти судебной отъ административной, съ предоставленіемъ суду болѣе самостоятельности“, и въ заключеніе своего перечня такихъ желаній, прибавляетъ: „нельзя не замѣтить,

что конституціонная Финляндія, между прочимъ, добивается и такихъ реформъ, которыми остальное населеніе имперіи уже имѣетъ счастье пользоваться, какъ-то: самоуправленіемъ въ земскихъ вопросахъ и независимостью судебной власти“. Этими словами корреспондентъ, конечно, хотѣлъ сдѣлать не сравненіе между совокупностью тѣхъ и другихъ учреждений, а только именно тотъ вполне безспорный выводъ, что полная самостоятельность власти судебной необходима сама по себѣ, какъ бы широки ни были права, предоставленныя обществу въ иныхъ сферахъ дѣятельности.

О предстоящемъ втеченіи наступающаго мѣсяца открытіи второй, при нынѣшнемъ царствованіи, сессіи финляндскаго сейма мы уже упоминали въ прошлый разъ, сказавъ, что послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи (т.-е. послѣ 1809 года) сеймъ въ первый разъ былъ созванъ въ 1863-мъ году. Такъ какъ, несмотря на особность своихъ учреждений, законовъ и управленія, Финляндія всѣми отправлениями своей матеріальной жизни тѣсно связана съ Россією, то слѣдуетъ желать установленія между обществами русскимъ и финляндскимъ прочной нравственной связи, изъ которой и то и другое могутъ только извлечь пользу. Отсутствіе такой нравственной связи между обществами русскимъ и польскимъ было непосредственно причиною цѣлаго ряда печальныхъ явленій на нашей западной окраинѣ. Но съ Финляндією насъ въ нравственномъ отношеніи не разлучаетъ вѣковая вражда. Недостатокъ нравственной связи здѣсь объясняется просто недостаткомъ свѣдѣній въ русскомъ обществѣ о Финляндіи, особенностяхъ ея жизни и тѣхъ мысляхъ, тѣхъ желаніяхъ, которыя одушевляютъ умственную жизнь этой столь близкой намъ страны. Финляндцы знаютъ наше общество гораздо лучше, и если они не дѣлаютъ многого къ большому сближенію съ нами, то виною тому едва ли не тѣ пустые укоры, какіе они могли встрѣчать въ нашей печати относительно самой отдѣльности учреждений великаго княжества отъ учреждений имперіи. Естественно, никому не будетъ охоты тѣсно сближаться съ обществомъ, хотя бы онъ и долженъ былъ жить съ нимъ, если это общество само относится къ нему такимъ тономъ, въ которомъ проглядываетъ какое-то злорадство о возможности лишить сосѣда всего что онъ имѣетъ, или всего, чѣмъ онъ наиболѣе дорожитъ. Но пусть финляндскіе патріоты, которыхъ цѣли вовсе не расходятся съ цѣлью могущества Россіи, не преувеличиваютъ себѣ значеніе такихъ недоброжелательныхъ выходокъ, если онѣ и бывали. Въ преходящемъ самораздраженіи нашего ультра-націонализма было много напускного. Въ большинствѣ русскаго образованнаго и даже необразованнаго, но порядочнаго общества, заносчивость и насиліе не сдѣлались доселѣ и не сдѣлаются равнозначущи съ привязанностью къ своему и уваженіемъ къ себѣ. Эти качества служили только суррогатами патріо-

тизма тѣмъ, у кого никакого искренняго чувства, ни убѣжденія не было; взаимѣнъ ихъ, въ горячую пору, имъ нужно было выставить патріотизмъ показной; они и выставили напоказъ такіа примѣты псевдо-патріотизма, которыя способны наиболѣе бросаться въ глаза. Русское общество въ дѣйствительности гораздо серьезнѣе и умнѣе, чѣмъ тѣ *mangeurs de feu* и *avaleurs de sabres*, которые затѣвали у насъ шовинизмъ, съ его внутренней бесплодностью и его пѣтушиной страстью вѣчно взывать къ бою.

Русское общество безъ всякаго сомнѣнія готово сочувствовать дѣлу развитія Финляндіи потому именно, что оно само желаетъ полнаго развитія прибрѣтенныхъ имъ реформъ. Въ дѣлѣ человѣческаго развитія солидарны всѣ искренніе люди, и тѣмъ болѣе должны быть солидарны подданные одной державы, такъ какъ между ними оказывается множество точекъ соприкосновенія.

Возьмемъ въ примѣръ положеніе печати. Въ Финляндіи, какъ и внутри имперіи заявляется желаніе большаго для печати простора. Оказывается, что постановленія о періодической печати, дѣйствующія въ Финляндіи, стѣснительнѣе тѣхъ, которыя существуютъ въ имперіи; но неужели это обстоятельство должно послужить предметомъ нашего удовольствія? Между тѣмъ какъ наши постановленія предположено подвергнуть пересмотру, финляндскія постановленія о печати всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ изданы. Въ нихъ, въ числѣ причинъ, по которымъ цензура можетъ задержать и запретить номеръ журнала, помѣщено и простое разглашеніе невѣрныхъ слуховъ, неумѣстное порицаніе поступковъ административныхъ властей или ихъ намѣреній, неумѣстныя сужденія объ общественныхъ порядкахъ, существующихъ даже въ другихъ государствахъ. При такой обширности обязанности, а стало быть и отвѣтственности, возложенной на цензуру, представлялась бы при строгомъ исполненіи закона необходимость документально доказывать цензору безусловную вѣрность каждаго сообщаемаго газетою слуха, что уже само по себѣ трудно, такъ какъ факты для всѣхъ очевидны уже не могутъ быть сообщаемы газетами въ видѣ новостей. Но какъ доказать цензору „умѣстность“ какаго-нибудь отзыва о какомъ-либо общественномъ порядкѣ, существующемъ гдѣ-нибудь за границей? Если доказать ему, что въ той самой странѣ, о которой идетъ рѣчь, мѣстная печать отзывалась объ общественныхъ порядкахъ съ гораздо болѣею рѣзкостью, чѣмъ какая можетъ быть надобна финляндской газетѣ, то будетъ ли этого достаточно?

Повторяемъ, что общества, принадлежащія къ одному государству, имѣютъ всѣ причины къ ближайшему взаимному ознакомленію, и на этомъ основаніи занесемъ въ наше обозрѣніе важнѣйшіе вопросы, которые будутъ подлежать обсужденію въ предстоящей сессіи финляндскаго сейма. Въ числѣ правительственныхъ предложеній упомянемъ

новый планъ народныхъ училищъ, проектъ новаго городского муниципальнаго закона, проектъ отмины запрещенія браковъ между родственниками, и нѣсколько проектовъ измѣненій по гражданскому праву, а также гражданскому и уголовному судопроизводству. Вопросъ о воинской повинности, который имѣетъ особенное для Финляндіи значеніе, такъ какъ въ великомъ княжествѣ доселѣ воинской повинности вовсе не существовало, а призывались въ военную службу только волонтеры, не будетъ обсуждаемъ въ нынѣшнюю сессію, ибо предварительно ожидается рѣшеніе вопроса о преобразованіи системы воинской повинности во всей имперіи.

Впрочемъ, этими вопросами далеко еще не исчерпываются тѣ желанія реформъ, какія высказываются въ финляндскомъ обществѣ. Мы уже упомянули, со словъ корреспондента газеты „Голосъ“, что однимъ изъ главныхъ желаній общества въ Финляндіи представляется приданіе полной самостоятельности суду. О положеніи финляндской печати мы говорили, и само собою разумѣется, что отмины условій, слишкомъ ее стѣсняющихъ, желается въ Финляндіи не менѣе, какъ и независимость сула отъ администраціи. Тотъ же корреспондентъ свидѣтельствуетъ именно объ этомъ желаніи. По его же свидѣтельству, на первомъ планѣ желаній общества въ Финляндіи стоитъ какъ „предоставленіе представителямъ сейма права предлагать законы (права законодательной инициативы), такъ и предоставленія странѣ *религіозной свободы*, то-есть права слѣдовать въ дѣлахъ вѣры своему внутреннему убѣжденію, если оно не нарушаетъ общихъ законовъ страны“.

Мы не упомянули о нѣкоторыхъ правительственныхъ предложеніяхъ, относящихся къ промышленнымъ, финансовымъ и торговымъ вопросамъ, специальнымъ Финляндіи. Напомнимъ только, что втеченіи послѣдняго пятилѣтія Финляндія перенесла два столь тяжелыхъ по неурожаемъ года, что населеніе ея за это время съ 1 м. 843 т. душъ уменьшилось до 1 м. 698 т. душъ. И въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія и экономическихъ улучшеній, мы можемъ только желать дѣятельности сеймовой сессіи полного успѣха. Необычайная бережливость, съ какою финляндцы построили казенную желѣзную дорогу, соединяющую ихъ родину съ другими частями имперіи, представляется намъ весьма реальнымъ доказательствомъ истиннаго патріотизма ея гражданъ и умѣнья ихъ съ успѣхомъ вести свои общественныя дѣла.

Поговорка: „bis repetita placent“, сколько намъ извѣстно, не всегда оправдывается въ отношеніи самихъ классиковъ. Сѣтованія печати на недостатокъ гласности въ предначертаніяхъ министерства народнаго просвѣщенія могли прискутить и нашимъ классикамъ, да и намъ самимъ становится наконецъ, какъ-то неловко стучать въ дверь, которая рѣшительно не намѣрена „отверзаться“. Но какже не возвра-

тяться къ этой неблагоприятной темѣ, когда мы только путемъ слуховъ, сообщаемыхъ газетами, узнаемъ о такомъ предпріятіи, какъ предполагаемое будто бы министерствомъ учрежденіе цѣлыхъ 4,373 народныхъ сельскихъ школъ, съ отнесеніемъ расхода по этому предмету частью на средства государственнаго казначейства? Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ разъясненія этого дѣла, которому мы можемъ только радоваться. Когда, въ недавнее время, мы говорили о необходимости серьезнаго почина министерства въ дѣлѣ распространенія образованія въ массѣ народа, посредствомъ учрежденія учительскихъ семинарій и народныхъ школъ, намъ возражали, что на это нужны были бы милліоны. Мы не можемъ не радоваться видя, что министерствомъ теперь, какъ бы вопреки непризваннымъ его защитникамъ, уже рѣшено устройство учительскихъ семинарій для снабженія учителями школъ городскихъ, а затѣмъ предпринимается уже и прямое учрежденіе сельскихъ школъ въ тринадцати губерніяхъ, по одной школь на каждую тысячу душъ, а всего, по числу населенія тѣхъ губерній, какъ выше сказано, 4,373 народныхъ училищъ. При этомъ, если газетныя извѣстія о проектѣ вѣрны, расходъ по найму или самую постройку помѣщеній для школъ, а также отопленіе, освѣщеніе и наемъ прислуги имѣется въ виду возложить на сельскія общества, а на покрытіе училищныхъ расходовъ установить съ крестьянъ всѣхъ наименованій сборъ въ размѣрѣ сбора, установленнаго съ той же цѣлью съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ; ту же сумму, которой затѣмъ недоставало бы на покрытіе училищныхъ расходовъ, принять на счетъ государственнаго казначейства.

Устройство всѣхъ этихъ училищъ предполагается только въ 13-ти губерніяхъ, потому что министерство все еще держится того принципа, что дѣло учрежденія народныхъ школъ есть дѣло одного земства; исходя изъ этого воззрѣнія, оно и предполагаетъ само учреждать школы только въ тѣхъ губерніяхъ, которыя не имѣютъ земскихъ учрежденій. Миліонъ рублей на 13 губерній составляетъ до 77 т. руб. на губернію. Это очень хорошо; но спрашивается, почему же губерніи, имѣющія земскія учрежденія, не должны имѣть право на помощь отъ государства? Вѣдь въ губерніяхъ безъ земства расходъ все-таки обращается на крестьянъ, но затѣмъ дается еще воспособленіе отъ казны, такъ чтобы можно было содержать школы въ размѣрѣ одной на 1,000 душъ. Но мы знаемъ, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ есть земскія учрежденія земство находитъ возможнымъ издерживать на все дѣло образованія не болѣе 35 т. рублей, въ среднемъ размѣрѣ, на губернію. Изъ официальныхъ свѣдѣній за 1869-й годъ оказывается, что въ 21 губерніи, о которыхъ имѣлись данныя, расходъ земства на образованіе составлялъ 726 т. р., т.-е. именно менѣе 35 т. р. на губернію, и притомъ земство обращало эти средства не на однѣ сельскія школы,

а также на учительскія семинаріи, женскія гимназіи и т. д. Почему же, если необходимый для губерній безъ земства минимумъ на народныя школы признается въ 77 т. р. на губернію, то признается возможнымъ возлагать дѣло учрежденія такихъ школъ въ губерніяхъ, ~~имѣющихъ~~ земскія учрежденія, исключительно на земство, то-есть ограничивать здѣсь минимумъ цифрою, быть можетъ втрое меньшею чѣмъ въ тѣхъ губерніяхъ гдѣ земства нѣтъ? Представимъ себѣ, что на содержаніе сельскихъ школъ въ Уфимской губерніи будетъ собрано 39 тысячъ руб. съ крестьянъ, да 38 тысячъ рублей отпущено изъ государственнаго, казначейства. Почему же содержаніе сельскихъ школъ въ Петербургской губерніи можно оставлять на попеченіи одного земства, которое находитъ возможнымъ удѣлять на нихъ какія-нибудь тысячъ десять? Что ни говорите, а дѣло начальнаго образованія, т.-е. развитія массы народа у насъ не будетъ поставлено прочно до тѣхъ поръ, пока не найдено будетъ возможнымъ опредѣлить на него бюджетъ милліоновъ, по меньшей мѣрѣ, въ десять, на счетъ не только средствъ земства или однихъ крестьянъ, но въ значительной части на счетъ государственнаго казначейства.

Замѣчанія, не разъ высказанныя нами по дѣлу народныхъ школъ, встрѣчались въ нѣкоторыхъ кружкахъ съ неожиданной обидчивостью, какъ будто, указывая на упущенія въ этомъ дѣлѣ, можно повредить ему. Приятно видѣть, что такая раздражительность преобладаетъ не во всѣхъ сферахъ, имѣющихъ отношеніе къ училищному дѣлу. Въ доказательство сошлемся на появившееся недавно въ газетахъ письмо г. Безобразова, подъ главнымъ вѣдѣніемъ котораго находятся 73 сельскихъ школы воспитательнаго дома. Въ письмѣ этомъ сообщалось, что, прочтя газетное извѣстіе о дерзкомъ обращеніи учителя парголовской школы воспитательнаго дома съ учениками, г. Безобразовъ немедленно произвелъ дознаніе, и такъ какъ оно подтвердило часть фактовъ, сообщенныхъ въ статьѣ, то начальникъ и благодаритъ автора статьи, прося его и впредь продолжать, если возможно, свое наблюденіе за парголовскою школою. „Каждое замѣчаніе“, пишетъ почтенный г. Безобразовъ, „я всегда приму съ полною благодарностью, и чѣмъ болѣе общество будетъ принимать участія въ наблюденіи надъ школами, тѣмъ болѣе будетъ облегченъ трудъ тѣхъ лицъ, которыя ими завѣдываютъ“. Но не всѣ къ сожалѣнію такъ думаютъ, а встать находятъ и органы, которые во всякомъ частномъ указаніи по училищному дѣлу, если только указаніе это дѣлается не по официально-избранному шаблону, готовы представить доказательство солидарности Богъ-знаетъ съ кѣмъ и съ чѣмъ.

Въ прошлый разъ намъ случилось, по поводу проекта комиссіи о личномъ наймѣ, коснуться существующей, крайне тягостной для на-

рода паспортной системы. Съ удовольствіемъ заносимъ на этотъ разъ извѣстіе, что хоть одно изъ усложненій этой сложной и непрактичной системы близко къ уничтоженію. Изъ извѣстій здѣшней думы видно, что предполагается, наконецъ, отмѣнить такъ-называемые адресные билеты въ столицахъ, а съ ними и адресныя экспедиціи. Заявленія, сдѣланныя чинами петербургской и московской полиціи и III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, единогласно засвидѣтельствовали тотъ фактъ, что „стѣснительные для населенія адресные билеты представляются въ то же время совершенно бесполезными въ полицейскомъ отношеніи.“ Потребовалось немалое время, чтобы убѣдились въ этомъ: адресные билеты введены въ тотъ годъ, когда Финляндія была окончательно присоединена къ Россіи, а именно въ 1809-мъ году. Въ настоящее время паспортная коммиссія предположила войти съ представленіемъ въ законодательномъ порядкѣ объ отмѣнѣ этихъ билетовъ и упраздненіи экспедицій, которыхъ содержаніе поглощало значительную часть самого адреснаго сбора. Признавая самые билеты ненужными, паспортная коммиссія все-таки предполагаетъ сохранить получившіеся посредствомъ ихъ сборы. Такъ, въ свою очередь, коммиссія по устройству личнаго найма и податная коммиссія не касаются системы паспортовъ, между тѣмъ, какъ между всѣми этими предметами есть тѣсная связь.

Сборы, въ настоящее время производимые посредствомъ адресныхъ билетовъ, двоякіе: собственно адресный, то-есть гербовый, раздѣленный на пять разрядовъ, соотвѣтственно цѣнности заработковъ въ различныхъ промыслахъ, и больничный, установленный въ 1842-мъ году. Хотя первый представляется въ формѣ гербоваго, но оба эти сбора суть два вида налога на трудъ, и второй, т.-е. сборъ больничный взимается въ одномъ размѣрѣ и съ чернорабочаго, и съ метръ-д'отеля, именно по 60 коп. Какъ бы то ни было, рѣчь идетъ пока не объ отмѣнѣ этихъ сборовъ, а только о взиманіи ихъ инымъ способомъ, то-есть безъ адресныхъ билетовъ. Съ высочайшаго разрѣшенія, составленіе соображеній по этому предмету было поручено петербургской и московской городскимъ думамъ. Въ извѣстіяхъ петербургской думы теперь и помѣщены предложенія коммиссіи, назначенной ею съ этой цѣлью. Коммиссія предлагаетъ взимать адресные сборы при пропискѣ паспортовъ въ полицейскихъ участкахъ, посредствомъ наложенія на виды особыхъ штемпелей разныхъ цѣнностей, соотвѣтственно разрядамъ адреснаго сбора. При этомъ коммиссія думы признаетъ возможнымъ допускать марки двухъ сроковъ: годовыя и полугодовыя. Въ вознагражденіе полицейскихъ конторъ по взиманію адреснаго и больничнаго сбора, коммиссія думы предполагаетъ предоставить 5 в. съ рубля въ пользу участковыхъ приставовъ.

Нельзя не радоваться во всякомъ случаѣ, что такое значительное

и совершенно лишнее стѣсненіе рабочаго класса въ столицахъ, какъ адресные билеты, будетъ наконецъ отиѣнено. Но нельзя при этомъ не обратить вниманія и на недостатки обоихъ сборовъ, которые нинѣ предполагается оставить въ силѣ. Адресный сборъ есть налогъ на трудъ и притомъ не на всякій трудъ, а только на нѣсколько видовъ труда. Почему, напр., гувернеръ и учитель, несостоящій въ государственной службѣ, обязанъ платить адресный сборъ (перваго разряда, т.-е. 7 р. 15 к., гувернантки же 4 р. 20 к.), а врачъ, литераторъ, журналистъ не обязаны? Почему скульпторы прямо названы въ числѣ подлежащихъ адресному сбору, наравнѣ съ мастерами и ремесленниками, не принадлежащими къ цехамъ, а живописцы не названы, хотя есть живописцы не принадлежащіе къ цехамъ? Спрашивается, справедливо ли доходъ гувернантки, который обыкновенно бываетъ 200—300 р., подвергать налогу въ 4 р. 20 к. за то только, что онъ исполняется въ столицѣ, когда въ столицѣ не взимается налога съ собственного экипажа, содержаніе котораго предполагаетъ доходъ по меньшей мѣрѣ въ 8,000 рублей? Въ столицахъ нѣтъ налога ни на ливрей, ни на верховыхъ лошадей, ни на собакъ, а съ гувернантки взимается 4 р. 20 к., съ чернорабочаго (вмѣстѣ съ больничнымъ сборомъ) — 1 р. 46 к. Замѣтимъ, что въ Пруссіи теперь возбужденъ вопросъ объ отиѣнѣ низшей степени классной подати, которая составляетъ всего 15 зильбергрошей и представляетъ именно налогъ на ручной трудъ.

Введеніе подоходнаго налога одно можетъ дать рациональное рѣшеніе вопроса о налогѣ съ труда. Быть можетъ, подобный налогъ и былъ бы удержанъ, но тогда онъ подлежалъ бы уже регулированію въ смыслѣ всеобщности и равномѣрности. Относительно больничнаго сбора мы можемъ только сказать, что средства, доставляемые имъ больницамъ слишкомъ скудны, такъ что въ нѣкоторыхъ больницахъ все содержаніе въ день больного, вмѣстѣ съ лекарствами, стоитъ 8 коп. Извольте тутъ прописывать хининъ, когда унція хинной соли стѣбитъ 2—3 рубля. Вопросъ о преобразованіи больничнаго сбора составляетъ предметъ, подлежащій отдѣльно разсмотрѣнію здѣшней думы. Для насъ, по крайней мѣрѣ, очевидно, что петербургскія больницы можно было бы привести въ отличное состояніе только двумя путями: 1) уменьшеніемъ расходовъ города по содержанію полиціи, съ употребленіемъ сбереженій на больницы, и 2) обложеніемъ, въ пользу больницъ, значительнымъ налогомъ всѣхъ тѣхъ статей роскоши, которыя указаны выше.

Съ 1-го января наступающаго года вступаютъ у насъ въ силу новыя временныя постановленія по почтовой части, утвержденныя г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 12-го іюня 1871-го года. Ни одно

вѣдомство, какъ именно почтовое, не было устроено у насъ на столь патріархальныхъ началахъ, еще на нашей памяти, между тѣмъ какъ почтовое дѣло болѣе всякаго другого нуждается въ хорошей традиціи, въ укоренившихся привычкахъ и въ механическомъ навыкѣ. Но на бѣду почтовые наши традиціи и укоренившіяся привычки были именно таковы, что невозможно было производить на ихъ основаніи реформу почтоваго дѣла, и наоборотъ, приходилось еще съ ними бороться и ограничиваться на первый разъ поспѣшною замѣною „хорошихъ нравовъ“ — „хорошими законами,“ въ ожиданіи когда опять „bonae leges“ выработаютъ „bonos mores“, которые, какъ давно уже замѣчено, „стоятъ больше хорошихъ законовъ“.

Личный составъ, безъ сомнѣнія, играетъ большую роль въ управленіяхъ всякаго административнаго механизма, но въ почтовомъ механизмѣ отъ него зависитъ все. Если нѣмецкая почта является образцовою, то это объясняется вовсе не преимуществами ея постановленій предъ нашими, а именно высшимъ уровнемъ общественнаго образованія въ личномъ почтовомъ составѣ. Въ Пруссіи воспитанникамъ реальныхъ училищъ открыта государственная служба по различнымъ отраслямъ государственнаго хозяйства, а между прочимъ и по почтовому вѣдомству. Вотъ это обстоятельство дѣлаетъ огромное различіе между прусскими и всякими другими почтовыми порядками, и въ особенности нашими. Пусть противники реального образованія у насъ подумаютъ объ этомъ обстоятельствѣ и поднимутся съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ на точку зрѣнія интересовъ государственныхъ. Мы убѣждены, что дальнѣйшій успѣхъ нашего почтоваго дѣла въ данную минуту обуславливается уже не одними новыми его реформами: сдѣланнаго въ послѣдніе годы совершенно достаточно, чтобы служить хорошимъ основаніемъ для успѣшнаго дѣйствія почтоваго механизма въ будущемъ, и въ настоящее время мы уже живо чувствуемъ огромную переизбытокъ къ лучшему ¹⁾. Отъ стародавнаго принципа, а именно, что не почта служитъ обществу, а общество почтѣ, и что почтовое дѣло должно прежде всего разсматриваться,

---

¹⁾ Нашъ отзывъ основывается на нашей собственной статистикѣ жалобъ подписчиковъ на неполученіе книгъ журнала: въ прошедшемъ году мы отправили всего чрезъ газетную экспедицію: 63,048 экзempl., и по городской почтѣ: 10,584 экзempl. На 63,048, мы получили въ теченіи года 9 жалобъ, по которымъ оказались неисправными почтовые конторы, и ни одной, гдѣ оказалась бы неисправною здѣшняя газетная экспедиція. Всѣ другія жалобы относились къ небольшимъ почтовымъ станціямъ, гдѣ выдача журналовъ и газетъ подвергается до сихъ поръ всякимъ случайностямъ и не гарантируется ничѣмъ, или къ несвоевременному извѣщенію со стороны подписчиковъ о перемѣнѣ мѣста жительства. Процентъ жалобъ по городской почтѣ еще ничтоженъ и ограничивается почти исключительно однимъ такъ-называемымъ дачнымъ временемъ.

какъ регалія, какъ предметъ дохода, у насъ перешли теперь къ той здоровой точкѣ зрѣнія, что почта прежде всего есть одно изъ важныхъ условій для успѣха страны въ умственномъ и экономическомъ отношеніи, что только удовлетворивъ такому высокому назначенію, она можетъ разсматриваться, какъ предметъ дохода, или иначе, каждый принесенный почтою рубль будетъ стоить государству пѣлыя сотни рублей ущерба, положимъ, неосвязаемаго въ ту же минуту, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго. Новыя временныя постановленія по почтовой части имѣютъ въ виду сдѣлать почту во многихъ отношеніяхъ болѣе доступною публикѣ и болѣе гарантирующею ея драгоцѣнные матеріальныя и нравственныя интересы, довѣряемые почтѣ для передвиженія. Весьма также рационально было исполнено и самое приведеніе ихъ въ дѣйствіе: за цѣлыя полгода новыя правила были въ рукахъ и почтовыхъ дѣателей и публики, и такимъ образомъ одними могли быть изучены, другіе познакомились съ ними въ главныхъ чертахъ. Дешевизна почты, какъ и всякаго другого отправленія, составляетъ одно изъ главныхъ условій ея общественной пользы; хотя новыя правила оставляютъ для писемъ прежнюю извѣстную таксу (10 к. иногород., и 5 к. город.), но они вводятъ особый родъ корреспонденціи (ст. 16 и 17) подъ именемъ „открытаго“ письма на бланковой бумагѣ въ $\frac{1}{16}$ долю листа, съ значительно уменьшеною таксою (5 к. иногор., 3 к. городск.). Для переписки открытой, въ тысячѣ мелкихъ случаевъ, это большое удобство въ смыслѣ дешевизны: 4 бланки стоятъ 1 коп., слѣдовательно 4 открытыхъ иногородныхъ письма обойдутся въ 21 к. вмѣсто 40 к., которыя пришлось бы заплатить за отправленіе 4-хъ закрытыхъ писемъ, писанныхъ, притомъ, на своей бумагѣ. Намъ кажется только, что при этомъ составители новыхъ правилъ упустили изъ виду одно обстоятельство, а именно: въ ст. 17 сказано безъ оговорки, что за пересылку открытаго письма по городской почтѣ взимается вообще 3 коп. за письмо, между тѣмъ какъ по ст. 3 п. в. въ губернскихъ городахъ за закрытое письмо взимается также 3 коп.; такимъ образомъ, льгота открытаго письма распространена на одни столичные города, а въ провинціи открытое письмо даже дороже, такъ какъ нужно еще купить бланкъ для него. Соотвѣтственно заграничнымъ рекомендованнымъ письмамъ, съ 1872-го года вводятся и у насъ „заказныя“, но способъ ихъ задѣлки упрощенъ: не требуется нѣсколькихъ сургучныхъ печатей; оплачиваются они марками и могутъ быть опускаемы прямо въ ящикъ, если отправитель не желаетъ имѣть почтовой росписки; плата же за нихъ выше заграничныхъ: а именно, вмѣсто 7 коп., 10 коп. за заказъ. Въ иномъ смыслѣ обращаетъ на себя вниманіе измѣненіе платы за пересылку печатнаго слова — этого необходимаго условія для успѣховъ общества, нравственныхъ и интеллектуальныхъ. Периодическая печать нѣсколько облегчена, но ея изданія

все по прежнему несутъ на себѣ весь трудъ почтовой задѣлки и сортировки по трактамъ и мѣстамъ. Книжная же литература поставлена въ весьма невыгодное положеніе, которое для отдаленныхъ мѣстностей равносильно громадному налогу на книги. До сихъ поръ пересылка книгъ пользовалась весьма невысокою таксою, сравнительно съ пересылкой вещей, а именно платилось не болѣе 11 коп. для самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи. Теперь же книги приравнены вещамъ и оплачиваются 1 коп. съ фунта за каждыя 100 верстъ. По прежней таксѣ книга въ 1 фунтъ, цѣною, наприм., въ 50 коп., отправлялась въ Якутскъ изъ Петербурга съ уплатою 11 копѣекъ; съ нынѣшняго года такая книга обойдется жителю Якутска въ 86 коп. (8,563 вер. отъ Спб.) одной почтовой платы, которая значительно превышаетъ самую стоимость книги. До сихъ поръ даже отправленіе вещи по почтѣ въ Якутскъ стоило всего 30 коп. съ фунта. Конечно, при новыхъ правилахъ много выиграли ближайшія мѣстности къ столицѣ, такъ какъ низшій размѣръ вѣсового сбора для книгъ не опредѣленъ, какъ для вещей, въ 10 коп., а потому, напр., въ Псковѣ, въ Порковѣ (менѣе 300 в.) пересылка книги съ 1 фунта обойдется всего 3 коп. (прежде было 5 к.); но, очевидно, выгода немногихъ мѣстностей далеко не уравнивается съ колоссальными невыгодами весьма многихъ мѣстностей, начиная уже съ 600-верстнаго разстоянія отъ Петербурга и Москвы, центровъ книжной торговли. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ, книга, стоявшая еще въ декабрѣ прошедшаго года около 70 коп. вмѣстѣ съ доставкою, съ января обойдется почти въ 1 р. 50 коп.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ сдѣланъ новый шагъ, хотя и не въ большихъ размѣрахъ, но тѣмъ не менѣе почтенный, для распространенія общаго образованія въ классѣ рабочихъ и ихъ дѣтей — будущихъ рабочихъ. Въ Нарвской части, въ Кузнечномъ переулкѣ, было открыто „Училище для рабочихъ и ихъ дѣтей“, подъ управленіемъ профессора г. Андреева. Училище основано на пожертвованія со стороны мѣстныхъ той части фабрикантовъ; во главѣ всѣхъ стоитъ экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, которая въ одной себѣ заключаетъ огромное число рабочихъ; она пожертвовала 1,000 руб. Къ ней присоединились: паровая мельница г. Фейгина, російск.-америк. резиновая мануфактура, бумаго-прядильня гг. наслѣдн. Голенищева, пивовареннаго завода И. Дурдина, валинкинскаго пивовареннаго завода, російской бумагопрядильни и др., пожертвовавшія по нѣскольку сотъ рублей, такъ что составила сумма около 3,000 р. Въ училищѣ открыты ежедневно классы для дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, днемъ, а для взрослыхъ рабочихъ — по вечерамъ, кромѣ субботъ, и кромѣ того, урокъ по воскресеньямъ. Предметы преподаванія: законъ божій, чте-

ніе и письмо, начальная арифметика, пѣніе, а для дѣвочекъ осободомашнія руководѣля. Весьма основательно въ новомъ училищѣ принять принципъ платы за ученіе, исполнѣ, конечно, доступный средствамъ обучающихся: въ мѣсяцъ 30 коп. съ взрослыхъ рабочихъ, и 20 коп. съ малолѣтнихъ. Въ училище допускаются только рабочіе и ихъ дѣти съ заводовъ и фабрикъ, оказавшихъ содѣйствіе къ его основанію. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ капиталовъ, обращающихся на тѣхъ фабрикахъ, та маленькая частица, которая ими пожертвована теперь на училище, принесетъ съ теченіемъ времени наивысшій процентъ, и желательно бы, чтобы всѣ наши фабриканты увлекались какъ можно болѣе духомъ наживы въ этомъ смыслѣ и не упускали изъ вида того колоссальнаго, хотя и неосвязаемаго для матеріальной руки процента, какой приносятъ образованіе рабочаго класса.

Въ прошедшемъ году намъ случилось упомянуть объ основанномъ княгиней Оболенскою женскомъ учебномъ заведеніи перваго разряда. Вскорѣ послѣ того явилось новое такое же учебное заведеніе г. Захаровой, гдѣ принята въ основаніе научная программа мужской реальной гимназіи со включеніемъ англійскаго языка, черченія, стенографіи, хорового пѣнія, теоріи музыки, гимнастики и руководѣлій. Мы имѣли случай познакомиться съ программой самого обученія, и потому можемъ привести здѣсь главныя ея черты. Учебные предметы распределены въ заведеніи такъ, чтобы можно было, съ наибольшею экономіей времени и силъ, учащимся основательно пройти предназначенный курсъ. Въ младшемъ возрастѣ число учебныхъ предметовъ, по возможности, сокращено до немногаго числа тѣхъ простѣйшихъ предметовъ, которые лежатъ въ основаніи дальнѣйшаго прохожденія курса, а именно: въ 1-мъ классѣ — законъ Божій, русскій языкъ, математика (арифметика и элементарная геометрія), описательныя естественныя науки, французскій языкъ (*leçons de conversation* и теоретическія упражненія); — во 2-мъ классѣ — вводится элементарная географія; въ 3-мъ классѣ — нѣмецкій языкъ (*Sprachlehre* и теоретическія упражненія); геометрія переходитъ въ систематическій курсъ; арифметика систематизируется и, во 2-е полугодіе, замѣняется пропедевтикой алгебры; начинается систематическій курсъ географіи; описательныя естественныя науки заканчиваются; въ 4-мъ классѣ начинаются — физика, химія и исторія; въ 5-мъ классѣ — начертательная геометрія, англійскій языкъ; въ 6-мъ классѣ — анатомія и физиологія, тригонометрія, приложеніе алгебры къ геометріи, космографія; — въ 7-мъ классѣ — общее повтореніе и стенографія. Кромѣ семи общихъ классовъ предполагается открыть своевременно два спеціальныхъ класса для окончившихъ курсъ и приготовительный для неподготовленныхъ къ поступленію въ гимназію. Методъ преподаванія для cadaго предмета въ началѣ индуктивный.

Для изученія естественныхъ наукъ прибрѣтенъ систематическій кабинетъ по зоологiи, минералогiи и энтомологiи; для прочихъ предметовъ общается прибрѣтеніе соотвѣствующихъ пособій. Въ заведеніе принимаются пансіонерки, полу-пансіонерки и приходящія на полный курсъ, равно какъ и на отдѣльные предметы. Занятія начинаются въ 9½ час. утра. Уроки часовые. Промежутки между уроками отъ 10-ти до 15-ти минутъ. Послѣ 3-хъ часовъ умственныхъ занятій слѣдуетъ часовой отдыхъ, посвящаемый на прогулку. Слѣдуя указаніямъ медицины относительно вліянія шкoлы на здоровье дѣтей, учебное заведеніе поставило себѣ задачей устранить, по возможности, дурныя вліянія. Такъ, напр., относительно учебныхъ столовъ: на каждую ученицу полагается отдѣльный столикъ, раздвижной въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи, который и пригоняется къ росту каждого ребенка. Учебно-воспитательная часть ведется на общихъ конференціяхъ преподавателей и воспитательницъ. Мы встрѣтили въ правилахъ учебнаго заведенія г. Захаровой еще одну весьма почтенную особенность; не желая устраняться отъ общественнаго контроля, это учебное заведеніе само ищетъ его и потому допускаетъ какъ родственниковъ, такъ и вообще людей, интересующихся дѣломъ воспитанія и обученія, къ ознакомленію съ порядками заведенія и къ присутствію на урокахъ. Такое допущеніе можетъ только содѣйствовать успѣхамъ самого заведенія; оно ново у насъ однихъ, но въ другихъ странахъ практикуется давно и вездѣ служитъ источникомъ всего полезнаго и всего добраго.

З А М Ѣ Т К А

ПО ПОВОДУ НОВОЙ ИНСТРУКЦІИ ИНСПЕКТОРАМЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Въ ноябрьской книжкѣ Журнала Мин. Нар. Пр., вышедшей 3-го декабря, помѣщена *Инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ*. Мы прочитали и потомъ перечитали весьма внимательно этотъ важный документъ, являющій взглядъ министерства народнаго просвѣщенія на училища, существующія для образованія самой многочисленной части населенія Россіи, и при этомъ встрѣтились съ разными недоумѣніями и сомнѣніями, которыя казалось бы весьма полезнымъ разъяснить путемъ печати при участіи въ гласномъ ихъ обсужденіи такихъ лицъ, которыя близко знакомы съ дѣломъ народнаго образованія и уже успѣли ему оказать немаловажныя заслуги. Къ числу такихъ почтенныхъ дѣятелей мы относимъ: Дм. Вас. Дашкова по Рязанской губерніи, доклады котораго о народномъ образованіи зем-

скому губернскому собранію весьма замѣчательны; Эм. Дм. Нарын-кина, почтеннаго основателя въ Тамбовѣ института для приготовленія народныхъ учителей, заведенія, которому, судя по блестящему началу, предстоитъ большая и полезная дѣятельность въ будущемъ; барона Ник. Алекс. Корфа, труды котораго для народнаго образованія въ Екатеринославской губерніи и замѣчательныя сочиненія по этому предмету вызвали сочувствіе всего образованнаго общества; Алекс. Аким. Кочетова, гг. Золотова, Водовозова и многихъ другихъ писателей въ области народнаго образованія, также начальниковъ и преподавателей нашихъ учительскихъ семинарій, руководителей педагогическихъ курсовъ, издателей педагогическихъ журналовъ, и наконецъ — last but not least — Журнала Мин-ва Нар. Пр., котораго нынѣшній редакторъ составилъ себѣ почетное имя въ литературѣ своимъ историческимъ изслѣдованіемъ о дѣйствіяхъ Магницкаго въ учебномъ вѣдомствѣ. Желательно, чтобъ мысли, выраженный въ этомъ прекрасномъ историческомъ трудѣ, всегда руководили почтеннаго редактора и на другихъ поприщахъ дѣятельности.

Приступаемъ къ дѣлу.

Въ § 4-мъ Инструкціи сказано, что „инспекторы, по мѣрѣ возможности, обозрѣваютъ училища во вѣренной имъ мѣстности“. Дабы судить о дальнѣйшихъ статьяхъ инструкціи, опредѣляющихъ обязанности инспекторовъ, необходимо составить себѣ ясное понятіе, какъ велика упоминаемая здѣсь *возможность* осматривать народныя училища. Осмотръ училищъ можетъ быть полезенъ только въ то время, когда ученики въ сборѣ, когда происходитъ ученіе, т.-е. съ конца сентября и до конца апрѣля. Въ остальное время года училище почти пусто, ибо ученики, особенно старшихъ возрастовъ, заняты дома, помогая родителямъ въ сельскихъ работахъ. По мѣрѣ окончанія этихъ работъ осенью, училище начинаетъ наполняться, а весной, по мѣрѣ начала работы школы постепенно пустѣть. Такимъ образомъ, посѣщать школы инспектору приходится въ осеннюю и весеннюю распутицу по самымъ дурнымъ дорогамъ и зимой во время мятелей и вьюгъ, когда дни коротки и бываютъ сильные морозы. Ѣздить проселками онъ долженъ на плохихъ обывательскихъ лошадяхъ и останавливаться въ крестьянскихъ избахъ, или большею частью въ весьма неудобныхъ и часто холодныхъ училищныхъ домахъ. Во время этихъ разъѣздовъ должно довольствоваться самою скудною пищею или возить съ собою самое необходимое. Инспекторъ долженъ обладать желѣзнымъ здоровьемъ, чтобъ переносить эти путешествія и притомъ быть въ состояніи, съ свѣжей головой, веселымъ, добрымъ расположеніемъ духа заниматься осмотромъ каждаго училища. Если вспомнить, что на губернію полагается одинъ инспекторъ, что въ губерніи около 12-ти уѣздовъ и что училища разбросаны не по большимъ дорогамъ, но самымъ неправильнымъ образомъ въ селеніяхъ, находящихся часто въ глуши, вдали

отъ большихъ дорогъ, куда и добраться трудно, то становится очевиднымъ, что самому добросовѣстному, дѣятельному и усердному инспектору, обладающему притомъ крѣпкимъ здоровьемъ и посвящающему все свое время исполненію служебныхъ обязанностей, свободному отъ семейныхъ связей и нестѣсненному никакими частными дѣлами, предстоитъ выборъ: или осмотрѣть основательно весьма небольшое число училищъ, или посвятить каждому только нѣсколько часовъ времени. Въ первомъ случаѣ большее число училищъ останется вовсе не осмотрѣннымъ, во второмъ—училища будутъ осмотрѣны поверхностно и пользы отъ такого обозрѣнія ихъ будетъ, конечно, мало.

Слѣдующій расчетъ дастъ нѣкоторое понятіе о степени возможности, которую инспекторъ имѣетъ для дѣльнаго осмотра училищъ. Полагая на это дѣло семь мѣсяцевъ въ году (съ октября до мая) и вычитая 2 недѣли на святки, 1—на масланицу, 1—великаго поста на говѣнье, всю страстную и святую, итого 6 недѣль, останется 22 трудовыхъ недѣли, или, за вычетомъ воскресеній, 132 дня. Полагая, что на внимательный осмотръ училища, чтобъ проэкзаменовать всѣхъ учениковъ, присутствовать при нѣсколькихъ урокахъ, просмотрѣть учебныя тетради, осмотрѣть учебныя пособія, также для бесѣды съ учителями, нужно по меньшей мѣрѣ 2 дня и на проѣздъ до училища 1 день, окажется, что въ 132 дня инспекторъ осмотритъ 44 школы, или менѣе 3-хъ на уѣздъ. Чѣмъ болѣе онъ захочетъ обозрѣть училищъ, тѣмъ обзоръ будетъ менѣе основателенъ и менѣе полезенъ.

Изъ всего этого видно, что нельзя возлагать на инспектора многосложныя обязанности при осмотрѣ училищъ, но что слѣдуетъ ограничиться самымъ необходимымъ и дѣйствительно возможнымъ. Такъ ли поступаетъ разсматриваемая нами инструкция?

Въ § 7 сказано, что инспекторъ обращаетъ вниманіе на то: а) имѣютъ ли преподаватели законное право на преподаваніе; б) обладаютъ ли надлежащими нравственными качествами, способностями и познаніями, достаточными для преподаванія предметовъ, указанныхъ для начальныхъ училищъ; в) пользуются ли должнымъ уваженіемъ со стороны учащихся и общества. Инспекторъ легко можетъ исполнить первую обязанность, спросивъ у преподавателя свидѣтельство на право обученія. Онъ можетъ также, проэкзаменовавъ самъ учениковъ и присутствовавъ при нѣсколькихъ урокахъ, заключить о способностяхъ, познаніяхъ и усердіи учителя, хотя заключеніе это, при поверхностномъ двухдневномъ осмотрѣ училища, едва ли будетъ безошибочно; но какимъ образомъ въ это короткое время онъ можетъ заключить о *нравственныхъ качествахъ* учителя и объ уваженіи къ нему общества? Кого онъ будетъ разспрашивать объ этомъ, достанетъ ли на это время, можетъ ли вѣрить тому, что услышитъ, возможна ли повѣрка сказаннаго ему? Не слѣдуетъ ли имѣть въ виду, что сплетни, клеветы, наговоры, личности существуютъ и въ сельскомъ обществѣ,

какъ и въ городскомъ и въ столичномъ? Затѣмъ возлагать на инспектора несвойственную для него полицейскую обязанность и не позволительно ли ограничить его дѣятельность педагогическими обязанностями? Положимъ, что ему скажутъ, что учитель не всегда бываетъ трезвъ, что онъ рѣдко ходитъ въ церковь, не соблюдаетъ посты, имѣетъ связь съ какой-нибудь женщиной, играетъ въ карты и т. п. Является вопросъ—правда ли все это и въ какой мѣрѣ значительны эти грѣхи? Кто сказалъ это? заслуживаютъ ли сказавшіе довѣрія? Чтобы разрѣшить себѣ эти вопросы инспектору должно бы прожить близъ училища нѣсколько недѣль, что, очевидно, невозможно ¹⁾.

Въ § 10-мъ говорится: — „положительно *неблагонадежные* преподаватели временно устраняются инспекторомъ отъ исполненія обязанностей преподавателя или вообще наставника, съ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія подлежащаго вѣдомства или лица, отъ которыхъ зависятъ окончательное увольненіе такихъ учителей“.

Здѣсь дается инспектору огромное право, ибо временное устраненіе отъ должности учителя народной школы, гдѣ большею частью всего находится одинъ учитель, и при трудности у насъ пріисвать учителя, равносильно закрытію школы на продолжительное время и, конечно, не будетъ поощрять ни земство, ни общества, ни частныя лица къ учрежденію школъ. Должно также имѣть въ виду, что инспекторы народныхъ училищъ не будутъ составлять исключенія изъ правила: *erga humanum est*, а слѣдовательно могутъ и сами имѣть нѣкоторые недостатки, могутъ и сами ошибаться. Посему казалось бы необходимымъ точнѣе опредѣлить, въ какихъ случаяхъ они могутъ пользоваться своимъ огромнымъ правомъ и что именно слѣдуетъ принимать подъ словомъ *неблагонадежность*? Такъ, напр., если инспекторъ услышитъ отъ приходскаго священника, волостного старшины, помѣщика, прикащика, писаря и т. п., какъ уже выше было сказано, что учитель ведетъ жизнь нетрезвую, имѣетъ связи съ женщинами, не соблюдаетъ посты и не пользуется общимъ уваженіемъ — достаточно ли этого, чтобы отстранить его отъ должности и закрыть временно школу? Въ какой мѣрѣ существуютъ за учителемъ всѣ показанные грѣхи? Кто разберетъ и опредѣлитъ это? Можетъ ли инспекторъ во время двухдневнаго посѣщенія школы произнести безошибочный приговоръ надъ учителемъ?

§ 14.—„Инспекторъ обязанъ *тщательно слѣдить* какъ за объемомъ и содержаніемъ, такъ въ особенности за методомъ и характе-

¹⁾ По извѣстной поговоркѣ, для подобнаго ознакомленія человека съ человекомъ необходимо имъ съѣсть вѣстѣ кулъ соли, т.-е. время значительно продолжительное; а иначе, извѣстно, къ чему можетъ привести поспѣшное заключеніе о нравственныхъ качествахъ лица, добытое при помощи только органа слуха съ одной стороны, и усерднаго языка—съ другой. — Ред.

ромъ преподаванія каждаго изъ положенныхъ въ училищахъ учебныхъ предметовъ*.

Какая возможность исполнить это требованіе инспектору, который видитъ училище одинъ разъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, на нѣсколько часовъ?

Въ § 15-мъ инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ отъ 20-го октября 1871-го года сказано, что „инспекторъ прилагаетъ стараніе, чтобы, по мѣрѣ средствъ и возможности, были вводимы въ народные училища нѣкоторые *ремесла* или *мастерства*, наиболѣе пригодныя для той мѣстности, гдѣ находится училище“.

Весьма желательно, чтобы инспекторы правильно поняли возлагаемую на нихъ этимъ постановленіемъ обязанность.

Наши народные школы суть *начальныя общеобразовательныя училища*. Онѣ имѣютъ цѣлью развивать умственные способности своихъ учениковъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ, сообщая имъ начальныя свѣдѣнія нужныя какъ для земледѣльца, такъ и для мастерового, ремесленника, писаря, конторщика, садовника и пр. Посему въ нихъ обучаются начальнымъ основаніямъ закона Божія, умѣнью читать съ полнымъ пониманіемъ прочитаннаго, рассказывать прочитанное, писать четко и по возможности правильно, также начальнымъ основаніямъ счетоводства и пѣнію. Мысль ввести въ народную школу, сверхъ всѣхъ этихъ предметовъ, еще обученіе ремесламъ и мастерствамъ весьма заманчива, ибо чрезъ это какъ бы дается ученикамъ вѣрное средство зарабатывать себѣ существованіе и самое ученіе въ школѣ общаесть приносить немедленно практическую, осязательную пользу. Посему и въ Германіи и во Франціи вводили ремесла въ народные начальныя школы, но путемъ опыта, подтвержденнаго теоретическими соображеніями, пришли къ убѣжденію, что невозможно вести съ пользой одновременно и какъ бы параллельно общее начальное образованіе и специальное техническое обученіе какимъ-либо мастерствамъ. То и другое такъ сильно мѣшаетъ другъ другу, что польза всего ученія почти пропадаетъ. Вообще должно сказать, что мастерствамъ и ремесламъ всего менѣе научаются въ школѣ. Для достиженія истинной пользы необходимо, чтобы общее начальное образованіе предшествовало специальному техническому обученію, чтобы это послѣднее наступало въ то время, когда первое достаточно развило умственные способности ученика, а не раньше, и чтобы ни одно изъ нихъ не отнимало у другого времени, которое въ начальной школѣ тѣмъ дороже, что по самому возрасту учениковъ на ученіе въ народной школѣ нельзя употреблять больше 4-хъ часовъ въ сутки безъ отягощенія учениковъ, и что крестьянскія дѣти около полугода отвлекаются отъ ученія сельскими работами. Посему обученіе ремесламъ можетъ являться не иначе, какъ послѣ совершеннаго окончанія общеобразова-

тельнаго курса начальныхъ училищъ, и въ настоящее время въ Германіи и Швейцаріи учреждаютъ совершенно отдѣльно *народная начальныя общеобразовательныя школы* и *школы собственно ремесленныя* или т.-н. учебныя мастерскія, не допуская смѣшивать предметы обученія въ тѣхъ и другихъ.

Все это необходимо имѣть въ виду инспектору народныхъ училищъ при исполненіи вышеприведеннаго постановленія инструкціи, дабы введеніемъ ремеслъ слишкомъ рановременно не повредить общеобразовательному курсу народной школы.

§ 16.—„Инспекторъ наблюдаетъ за продолжительностью учебнаго періода и времени лѣтнихъ и зимнихъ вакацій“.

Что значитъ это *наблюденіе* у насъ, гдѣ нѣтъ обязанности посвященія школы и гдѣ крестьяне посылаютъ дѣтей своихъ, соображаясь съ своими домашними удобствами и сельскими работами?

На основаніи § 19-го, въ каждомъ училищѣ полагаются: 1) *библіотека учительская*, изъ книгъ, могущихъ служить къ дальнѣйшему самообразованію учителей; 2) *библіотека ученическая*—для употребленія въ классахъ, и 3) *складъ учебниковъ* для безмездной раздачи и продажи ученикамъ.

Въ § 20-мъ сказано: „Относительно *всѣхъ этихъ трехъ учебно- вспомо- гательныхъ учреждений*, инспекторъ наблюдаетъ, чтобы ни въ одно изъ нихъ не приобрѣтались учебныя пособія, которыя не были предварительно одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія или духовнымъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія, по принадлежности, согласно спискамъ ежегодно печатаемымъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, или отдѣльно рассылаемымъ по училищамъ“.

Если не ошибаемся, въ означенныхъ спискахъ не встрѣчаются и слѣдовательно *должны быть* инспекторомъ *устранены* изъ *учительскихъ* библіотекъ сочиненія Державина, Ломоносова, Карамзина, Батюшкова, Пушкина, Жуковского, Гоголя, Тургенева, Исторія Россіи Соловьева, Петра Великаго Устрялова, исторія знаменитыхъ войнъ Милютина, Богдановича, Михайловскаго-Данилевскаго, Чтенія общества исторіи и древностей, разныя изданія географическаго и историческаго обществъ, сочиненія нашихъ извѣстныхъ мореплавателей: Крузенштерна, Головнина (его Записки въ плѣну у японцевъ и Описаніе кораблекрушеній), Литке, Врангеля, поврежденные изданія, какъ, напр., Русскій Архивъ, Русская Старина, также Исторія Александра I—Богдановича и пр. Между тѣмъ должно замѣтить, что въ теченіи всего лѣта и части весны и осени учитель народной школы совершенно свободенъ и что чтеніе помянутыхъ книгъ принесло бы его умственному развитію величайшую пользу, и наполнивъ время, отвлекло бы отъ многого дурного.

Помянутое постановленіе напоминаетъ прусскіе регулятивы, кото-

рые запрещали народнымъ учителямъ чтеніе германскихъ классиковъ, Гёте, Шиллера и др.¹⁾

Въ § 68-мъ говорится: „Инспекторъ наблюдаетъ, чтобъ въ училищахъ, которыя содержатся на счетъ земства, городскихъ и сельскихъ обществъ или частныхъ лицъ, назначенныя для нихъ суммы поступали и расходовались въ надлежащей исправности, доводя о всѣхъ отступленіяхъ до свѣдѣнія подлежащихъ учреждений и лицъ“.

Едвали подобное вмѣшательство въ хозяйственныя дѣла обществъ и частныхъ лицъ можетъ быть полезно, особенно при нѣкоторыхъ качествахъ инспектора слишкомъ мелочного и требовательнаго.

Частное лицо, содержащее училище на свой счетъ, можетъ имѣть полное довѣріе къ избранному имъ учителю и вовсе не желать, чтобъ инспекторъ требовалъ отъ учителя свѣдѣнія, сколько ему дается денегъ на училище и сколько расходуется на ремонтъ, на отопленіе, освѣщеніе, учебныя пособія и пр. Производство расхода по нѣкоторымъ изъ этихъ предметовъ можетъ быть поручено помѣщикомъ своему управляющему, и контрольное вмѣшательство инспектора въ счеты вотчинной конторы будетъ крайне неумѣстно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно можетъ быть достаточно, чтобъ закрыть училище и прекратить всякія пожертвованія со стороны обществъ и частныхъ лицъ.

Вообще казалось бы, что инспекторъ отъ министерства нар. просв. долженъ являться въ училище не полицейскимъ агентомъ и не контролеромъ по денежной части, но другомъ, педагогомъ, лицомъ, которое старается помочь училищу въ его полезной дѣятельности, специалистомъ, который можетъ дать полезный совѣтъ, указаніе, своимъ вниманіемъ оживить, ободрить учителя, въ искренней, дружеской бесѣдѣ показать ему сочувствіе, войти съ нимъ потомъ въ откровенную переписку, узнать его труды, желанія и пр.

При осмотрѣ школы лучшее средство, чтобъ удостовѣриться въ короткое время, въ какой мѣрѣ она достигаетъ цѣли и чтобъ узнать способности, познанія и усердіе учителя, состоятъ въ томъ, чтобъ самому инспектору внимательно и подробно проэкзаменовать учениковъ, живые плоды школы, отмѣчая степенъ ихъ развитія и познаній, и чтобъ рассмотреть ихъ тетради. Объ этомъ именно средствѣ въ инструкціи ничего не сказано.

Т.

¹⁾ Съ русскими регулятивами наши читатели знакомы по спеціальной статьѣ К. К. Сентъ-Илера; см. 1871, дек. 797 стр. — *Ред.*

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го января, 1872.

Возобновленіе сессіи во Франціи.—Посланіе президента.—Орлеанскіе принцы.—Законъ объ арміи.—Законъ объ ученіи.—Бюджетъ.—Закрытіе германскаго и открытіе прусскаго сеймовъ.—Уменьшеніе налоговъ.—Циркуляръ графа Андраши.—Выборы въ Австріи.—Открытіе австрійскаго рейхсрата.—Первая сессія итальянскаго парламента въ Римѣ.—Бюджетъ министра Селлы.—Новое министерство въ Испаніи.—Открытіе сессіи сѣверо-американскаго конгресса.

Французское національное собраніе возобновило свои засѣданія въ тотъ самый день, до котораго они были отсрочены, именно 4-го декабря, и вновь избрало своимъ президентомъ умѣреннаго республиканца Греві. Впрочемъ избраніе это никакъ не имѣло смысла заявленія принципа; Греві избранъ вовсе не потому, что онъ республиканецъ, а просто потому, что онъ человѣкъ пользующійся общимъ уваженіемъ, и что консервативное большинство собранія, не рѣшившись еще вступить въ окончательную борьбу съ Тьеромъ, считало неудобнымъ избирать въ свои президенты кого-либо изъ рѣшительныхъ противниковъ Тьера. Но за то большинство дало просторъ своему недоброжелательству къ Тьеру при избраніи вице-президентовъ и секретарей собранія, а также президентовъ отдѣленій его и комиссій. Всѣ эти внутренніе выборы въ собраніи выпали въ смыслъ прямо враждебномъ и Тьеру, и республиканцамъ. Лѣвая сторона надѣялась провести въ вице-президенты хоть одного кандидата, и выборъ ея остановился на Маллевиллѣ, который очень близокъ къ Тьеру, но она, а вмѣстѣ съ нею косвенно и Тьеръ, потерпѣли пораженіе, такъ какъ Маллевилль избранъ не былъ. Консервативное большинство одержимо было желаніемъ показать республиканцамъ и Тьеру, что оно не намѣрено дѣлать болѣе никакихъ уступокъ, и вотъ, съ этой цѣлью, оно отступило даже отъ общаго парламентскаго обычая, не предоставивъ меньшинству даже ни одного вице-президента; все бюро избрано исключительно изъ людей консервативнаго большинства, за однимъ исключеніемъ самого

Гривъ. Изъ всего числа президентовъ комиссій на долю республиканцевъ досталось только одно избраніе, а именно полковника Дамфѣра, храбраго защитника бельфорской крѣпости; всѣ остальные — консерваторы. Мало того: такъ какъ Тьеръ не скрывалъ, что онъ былъ противъ казни Росселя и что онъ не считаетъ себя солидарнымъ съ комиссіею „помилованія“, то большинство, наперекоръ Тьеру, озабочилось обнаружить, что (за то оно — солидарно съ комиссіею помилованія. Разногласіе между Тьеромъ и комиссіею помилованія было всѣмъ извѣстно, такъ какъ его разъяснили печатные органы, держащіе сторону Тьера, а затѣмъ одинъ изъ членовъ комиссій помилованія, Шу, написалъ къ Тьеру письмо, въ которомъ упрекалъ его за такое оффиціозное осужденіе ея строгости. И вотъ, въ виду всего этого большинство нарочно избрало въ вице-президенты Мартеля, предсѣдателя комиссій помилованія, а сверхъ того избрало еще шестерыхъ членовъ этой комиссій президентами отдѣленій собранія.

Итакъ, первыя же дѣйствія собранія обнаружили возрастающую враждебность монархическаго большинства къ нынѣшнему главѣ французской республики. Консервативные депутаты возвратились изъ своихъ провинцій одушевленные новою энергіею. Они рѣшились воспользоваться наконецъ вполнѣ своей численною силою, и дать ходу дѣлу рѣшительный толчекъ въ смыслѣ монархической реставраціи. Какова же могла бы быть эта реставрація? Всего вѣроятнѣе — орлеанистская. Органъ Гамбетты „*République française*“ совершенно справедливо указываетъ, что главная опасность грозить республикѣ не со стороны бонапартистовъ, которые много шумятъ, а со стороны орлеанистовъ, которые ведутъ свои дѣла тихо и молчаливо и приближаются къ завладѣнію республикою не подъ маскою заговорщиковъ, а подъ личиною строгихъ друзей законности.

Положеніе дѣла теперь въ самомъ дѣлѣ таково, что оно можетъ самымъ неожиданнымъ образомъ привести къ восстановленію орлеанской династіи. Коль скоро нынѣшнее собраніе признаетъ за собой учредительную власть, и глава правительства съ этимъ повидимому согласенъ, то что же можетъ остановить орлеанистовъ? Большинство въ палатѣ принадлежитъ безспорно теперь имъ, чему оказала отчасти содѣйствіе самъ графъ Шамборъ. Его рѣшительный отказъ признать фактъ первой революціи со всѣми его послѣдствіями, его повторенный отзывъ, что принцевъ орлеанскаго дома онъ готовъ принять какъ родственниковъ, но не какъ претендентовъ, однимъ словомъ, та его твердость въ принципѣ, которая совершенно логична и которую совершенно напрасно называли „фанатизмомъ“ бѣлаго знамени, — произвела такое послѣдствіе, что, за исключеніемъ человѣкъ 60-ти, всѣ остальные легитимисты въ собраніи слились съ орлеанистами и составляютъ теперь вмѣстѣ съ ними группу монархистовъ въ 410 че-

ловѣе, готовыхъ подать голоса въ пользу орлеанской реставраціи. А такъ какъ всѣ прочія партіи, вмѣстѣ взятыя, то-есть радикалы, умѣренные республиканцы и консервативные приверженцы Тьера составляютъ всего 250 голосовъ, то что же можетъ помѣшать возстановленію орлеанской династіи посредствомъ простаго рѣшенія палаты? Страхъ новаго возстанія? но вѣдь для устраненія его возможности уже повсемѣстно разоружена національная гвардія.

И вотъ, мы видимъ, что дѣло мало по малу уже подвигается къ желанной цѣли: сперва орлеанскіе принцы приглашаются занять свои мѣста въ собраніи, какъ депутаты, а потомъ вносится проектъ закона о возвращеніи имъ орлеанскихъ имуществъ, конфискованныхъ декретомъ третьяго Наполеона. Это — несомнѣнные шаги впередъ. Послѣ того какъ принцы заняли свои мѣста въ собраніи, монархическое большинство можетъ сгруппироваться около нихъ; тогда созданъ будетъ таковой противовѣсъ авторитету Тьера, съ которымъ онъ окажется не въ силахъ бороться, еслибы и захотѣлъ это сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ сила Тьера заключалась въ его *ultima ratio* — въ угрозѣ сложить съ себя власть. Передъ этой угрозою большинство доселѣ отступало, потому что ему представлялась альтернатива: или Тьеръ уже правящій Франціею и признаваемый Германіею, или — анархія, и стало бытъ исчезновеніе всѣхъ соглашеній съ Германіею, а бытъ можетъ новое занятіе ея войсками нѣсколькихъ департаментовъ. Но когда среди большинства будутъ готовые парламентскіе вожди, они же и претенденты на „установленіе прочнаго окончательнаго порядка“, они же и лучшіе кандидаты въ протекѣ иностранныхъ державъ — то во что же обратится угроза Тьера подать въ отставку? Въ отвѣтъ на такую угрозу тогда уже можно будетъ обратить свои взоры не на генерала Шангарнѣ, который едва ходитъ — какъ-то было однажды лѣтомъ, когда Тьеръ вышелъ изъ собранія съ фразою: „я знаю что мнѣ остается сдѣлать“; — въ отвѣтъ на такую угрозу Тьера можно будетъ прямо *séance tenante* замѣнить его герцогомъ Омальскимъ, или, еще лучше — принять тутъ же рѣшеніе объ установленіи регентства и производствѣ новыхъ выборовъ.

Этихъ соображеній мы никакъ не выдаемъ за предсказаніе; мы не говоримъ, что орлеанская монархія непременно будетъ возстановлена, и именно описаннымъ образомъ. Но, приступая къ обзору посланія президента республики, мы хотѣли предварительно указать, каковы виды ея противниковъ, дабы тѣмъ самымъ опредѣлить, на какую точку долженъ бы былъ въ своемъ посланіи стать Тьеръ, еслибы онъ самъ былъ глубоко и искренно преданъ республикѣ и хотѣлъ бы серьезно охранить ее противъ тѣхъ интригъ, которыя только могутъ повести къ продленію революціонной эры въ исторіи Франціи. Еслибы Тьеръ былъ преданъ принципу республики и намѣренъ воспротивиться

не только уличнымъ и казарменнымъ заговорщикамъ, но и заговорщикамъ кабинетнымъ и парламентскимъ, то въ посланіи онъ прежде всего уклонился бы отъ всякаго признанія за нынѣшнимъ собраніемъ учредительной власти. Собраніе это было избрано, чтобы обсудить условія мира, оно рѣшило это дѣло, и полномочія его истекли—вотъ истина. Если оно присвоиваетъ себѣ власть учредительную, то побуждается къ тому не сознаниемъ права, а исключительно тѣмъ соображеніемъ, что въ этомъ собраніи численный перевѣсъ имѣютъ монархисты. Но въ силу этого же соображенія глава республики и долженъ бы былъ тѣмъ тщательнѣе избѣгать всего, что имѣло бы смыслъ поощренія собранія къ присвоенію учредительной власти. Затѣмъ, Тьеръ на этотъ разъ не имѣлъ уже никакой нужды ссылаться на такъ-называемый *pacte de Bordeaux*, и изъявлять готовность передать всю власть въ руки собранія въ томъ самомъ положеніи, какъ онъ получилъ ее въ Бордо. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ произошло значительное измѣненіе: собраніе продлило полномочіе Тьера на все то время, пока будетъ само хранить свои полномочія, и притомъ признало Тьера именно президентомъ республики, то-есть признало фактъ, что республика существуетъ. Стало быть, бордоскій пактъ въ дѣйствительности уже не существуетъ, и если Тьеръ возвратитъ свою власть въ руки собранія, то въ настоящее время это уже не будетъ означать, что уполномоченный для заключенія мира возвращаетъ это свое полномочіе, исполнивъ его, въ руки собранія избраннаго для заключенія мира. Совсѣмъ не то: теперь это уже будетъ значить, что *президентъ французской республики* слагаетъ съ себя власть, возвращая ее собранію *учредительному*, съ тою цѣлью, чтобы оно дало Франціи учрежденія по усмотрѣнію своего, монархическаго большинства.

Итакъ, еслибы Тьеръ былъ искренно преданъ республикѣ, еслибы онъ и тайнымъ помысломъ не участвовалъ самъ, хотя въ отдаленныхъ надеждахъ орлеанистовъ, то онъ нынѣ въ посланіи своемъ не приписывалъ бы собранію учредительной власти, не называлъ бы себя простымъ его повѣреннымъ, не напоминалъ бы о ненарушимости бордоскаго соглашенія, наконецъ, не общался бы немедленно „по малѣйшему знаку“ собранія сложить съ себя власть и возвратитъ ее собранію вполнѣ непривосновенною и непредрѣшенною, какъ она была въ то время, когда депутаты были посланы въ Бордо для заключенія мира. А такъ какъ въ своемъ нынѣшнемъ посланіи Тьеръ поступилъ *прямо наоборотъ* всѣмъ этимъ соображеніямъ, то критика политическаго смысла этого документа уже вытекаетъ сама собою изъ всего сказаннаго нами доселѣ, и приводитъ насъ къ тому заключенію, что Тьеръ не преданъ искренно республикѣ и не намѣренъ серьезно противодѣйствовать орлеанской интригѣ, лишь бы она не поступала слиш-

комъ торопливо и опрометчиво, лишь бы она не ставила его въ затруднительное положеніе, пока онъ хранитъ власть. Человѣкъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательный, при своей старости и томъ великомъ призваніи, которое выпало на его долю, Тьеръ, конечно, стоитъ неизмѣримо выше уровня „деревенскаго большинства“. Онъ не можетъ не питать болѣе истиннаго патріотизма, чѣмъ это большинство; онъ лучше его понимаетъ опасности, какими окружено дѣло всякой реставраціи, и ту опасность, какой реставрація нынѣ же можетъ подвергнуть Францію. Отсюда его желаніе отсрочить окончательное рѣшеніе вопроса, отсюда вражда къ нему горящаго нетерпѣніемъ и ослѣпленнаго духомъ партіи монархическаго большинства. Но онъ—не вѣруеть въ республику; вотъ почему онъ не преданъ ей искренно и не намѣренъ сдѣлать все, что возможно къ пораженію монархистовъ: вѣроятно, онъ самъ считаетъ возвращеніе къ монархіи все-таки неизбѣжнымъ; вся разница въ томъ, что Тьеръ при этомъ подразумѣваетъ будущее, а противники его, монархисты собранія, разумѣютъ настоящее.

Повторимъ, текстъ посланія не даетъ возможности смотрѣть на Тьера иначе, потому что въ этотъ документъ было включено все то, что искренній республиканецъ исключилъ бы изъ него, и наоборотъ было исключено все то, на чемъ республиканецъ по убѣжденію счелъ бы своимъ долгомъ настаивать. Посланіе самымъ торжественнымъ образомъ провозглашало всемогущество и полновластіе собранія, какъ бы поощряя его воспользоваться учредительной властью, объявляетъ съ особенной настойчивостью, что правительственная власть представляется простыми „повѣренными“: „вамъ стоить сдѣлать знакъ, одинъ знакъ“, говорилъ Тьеръ, „и я возвращусь къ роли вѣрнаго и покорнаго работника, возвративъ вамъ то дѣло, которое вы мнѣ ввѣрили, возвращу его въ лучшемъ положеніи, чѣмъ оно было, когда вы его мнѣ ввѣрили“. Относительно дѣлъ внѣшнихъ въ посланіи объяснялась торговая конвенція касательно Эльзаса и Лотарингіи, и изъяснялись миролюбивыя отношенія Франціи ко всѣмъ державамъ. О папѣ сказано было только, что Франція желаетъ сохраненія его независимости, а относительно Германіи Тьеръ въ посланіи пошелъ напередъ желаніямъ германской дипломатіи, высказавъ самое энергическое осужденіе примѣрамъ оправданія убійства нѣмецкихъ солдатъ во Франціи. Нѣмецкія правительственныя газеты съ особенной похвалою отзывались объ этомъ мѣстѣ Тьерова посланія, что впрочемъ не помѣшало канцлеру Бисмарку послать къ графу Арниму полную угрозу ноту по этому предмету. Нота эта подписана 7-го декабря, т.-е. въ тотъ самый день, когда Тьеръ читалъ свое посланіе въ собраніи. Сверхъ того, эта нота, спустя двѣ недѣли, была обнародована и произвела эффектъ какъ нѣчто совершенно-новое. Относительно перенесенія сессіи собранія въ Парижъ

и относительно положенія орлеанскихъ принцевъ, Тьеръ въ посланіи не сказалъ ничего.

За то въ послѣдствіи онъ высказался по одному предмету въ комиссіи парламентской инициативы, по другому—при свиданіи своемъ съ принцами. Въ комиссіи инициативы Тьеръ съ большимъ жаромъ защищалъ необходимость признать за Парижемъ права столицы и резиденціи правительства. Но рѣчь, произнесенная при этомъ случаѣ Тьеромъ, одна изъ тѣхъ его рѣчей, въ которыхъ выказывается почти непонятная въ такомъ умномъ человѣкѣ узость общихъ взглядовъ. Единственный полномѣсный аргументъ, который можетъ быть приведенъ въ пользу возвращенія собранія въ Парижъ тотъ, что по тому значенію, какое приобрѣлъ Парижъ во Франціи и во всемъ свѣтѣ, всякое французское правительство, которое бы было враждебно Парижу, или которому Парижъ былъ бы враждебенъ, никогда не приобрѣло бы ни во Франціи, ни въ Европѣ довѣрія къ своей прочности. Тьеръ коснулся этого аргумента, но весьма слабо, потому именно, что онъ же недавно бомбардировалъ Парижъ. За то онъ высказалъ съ наивной увѣренностью въ великой истинности своихъ словъ такой аргументъ, что если палата и правительство не будутъ въ Парижѣ, то Парижъ лишится своего блеска и перестанетъ быть отечествомъ моды. „Съ того дня, какъ Парижъ перестанетъ быть отечествомъ моды, Франція погибнетъ (*la France sera perdue du jour où Paris cessera d'être le pays de la mode*)“, прибавилъ этотъ горячій патріотъ, но мыслитель весьма филистерскаго свойства. На первый взглядъ эта фраза Тьера только смѣшна. Но въ ней таится смыслъ серьезный по отношенію къ личности Тьера: если величіе Франціи въ свѣтѣ существенно зависѣло отъ блеска, которымъ Парижъ прельщалъ Европу, какъ то думаетъ Тьеръ; если поэтому самое изобрѣтеніе и законодательство моды есть въ самомъ дѣлѣ нѣчто такое, безъ чего можетъ пасть значеніе Франціи въ свѣтѣ, то что же слѣдуетъ изъ этого? Во-первыхъ, что самая республика, какъ форма наименѣе способствующая блеску, по мнѣнію Тьера несоотвѣтствуетъ интересамъ Франціи; однимъ словомъ, что Тьеръ не вѣруетъ въ пользу и возможность республики во Франціи. Во-вторыхъ, изъ его же положенія слѣдуетъ, что въ апогеѣ своего величія Франція была при второй имперіи, такъ какъ никогда до нея Парижъ не имѣлъ того блеска, какой онъ имѣлъ при ней, никогда онъ не привлекалъ и не прельщалъ столько праздныхъ иностранцевъ, и наконецъ, никогда изобрѣтеніе и законодательство моды не было такъ несомнѣнно въ рукахъ Франціи и не велось съ такимъ искусствомъ и разнообразіемъ, какъ именно при второй имперіи, когда моды изобрѣтались такъ-сказать на самомъ престолѣ Франціи. Франція во всемъ своемъ величіи въ такомъ случаѣ была представлена личностью бывшей императрицы Ев-

геніи гораздо лучше, чѣмъ совокупностью всѣхъ своихъ геніевъ. Коммиссія большинствомъ 19 голосовъ противъ 9 высказалась противъ перемѣщенія сессіи въ Парижъ.

Въ разговорѣ съ орлеанскими принцами Тьеръ не согласился разрѣшить ихъ отъ обѣщанія не принимать участія въ засѣданіяхъ палаты. Но принцы Омальскій и Жуанвильскій обошлись безъ этого разрѣшенія. Обнародовавъ письма, которыя рѣшительно ничего не объясняли и состояли изъ набора фразъ, принцы заняли свои мѣста въ собраніи, именно въ правомъ центрѣ, который и группируется теперь около нихъ. Число такихъ монархистовъ въ собраніи, которые склонны предложить корону графу Парижскому, опредѣляется, какъ выше сказано, въ 410. Сюда входятъ не только такъ-называемые „либеральные консерваторы“, т.-е. орлеанисты, но и тѣ легитимисты, которые не считаютъ возможнымъ возстановленія графа Шамбора съ „бѣлымъ знаменемъ“, то-есть съ полнымъ непризнаніемъ первой революціи. Безусловные же легитимисты, которыхъ насчитываютъ 60 человѣкъ, образуютъ крайнюю правую сторону.

Изъ проектовъ законовъ, внесенныхъ правительствомъ въ собраніе, замѣчательны законъ о преобразованіи арміи и законъ о введеніи обязательности начальнаго обученія, наконецъ — бюджетъ. Первый изъ этихъ законовъ признаетъ принципъ всеобщей обязательности военной службы, но совершенно искажаетъ прусскую систему: срокъ пребыванія подъ знаменами опредѣляется въ 5 лѣтъ; вслѣдствіе продолжительности срока, ежегодный контингентъ естественно малъ; онъ опредѣляется въ мирное время всего въ 90 тыс. чел. Такимъ образомъ, втеченіи 5-ти лѣтъ всего 450 т. чел. пройдутъ чрезъ ряды регулярной арміи; остальные же 300—400 т. чел., которые при прусской системѣ въ это время также прошли бы чрезъ регулярную службу, останутся дома, и хотя будутъ обязаны явиться на службу въ случаѣ войны — но это будутъ не что иное какъ рекруты. Вотъ что называется „признаніемъ всеобщей обязательности службы, но только въ военное время“, какъ выражается въ своемъ проектѣ военный министръ. Въ сущности, основная мысль всеобщей обязательности изъ него такимъ образомъ устранена. Проектъ этотъ былъ встрѣченъ почти единогласнымъ неодобреніемъ со стороны печати, которая вообще склоняется въ пользу дѣйствительной всеобщей обязательности на прусскій манеръ, и надо замѣтить, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прусскій *Militärisches Wochenblatt* высказалъ убѣжденіе, что прусская система для Франціи не годится. Совѣты враговъ менѣе поучительны, чѣмъ ихъ примѣръ — вотъ какъ разсуждаетъ французская печать.

Въ проектѣ обязательности начальнаго обученія, внесенномъ Жюлемъ Симономъ, замѣчательны тѣ постановленія, въ силу которыхъ родители за повторенное удержаніе своихъ дѣтей отъ школы могутъ быть

приговариваемы къ штрафамъ до 100 франковъ и къ потерѣ гражданскихъ правъ до 3-хъ лѣтъ, съ возложеніемъ штрафа, въ случаѣ не-состоятельности—въ видѣ натуральныхъ повинностей; съ 1-го января 1880-го года, нѣкто достигающій 21-го-лѣтняго возраста не можетъ быть заносимъ въ избирательные списки, если не докажетъ своего умѣнья читать и писать. Это постановленіе имѣетъ огромную важность въ политическомъ отношеніи, и не мудрено, что высшее духовенство крайне взволновано проектомъ Жюля Симона. Мы еще обратимся къ обоимъ этимъ проектамъ законовъ, такъ какъ обсужденіе ихъ еще не началось въ то время, когда мы о нихъ пишемъ эти строки.

Бюджетъ на 1872-й годъ опредѣляетъ расходы въ 2,415 мил. фр., и доходы въ 2,429 милл., т.-е. представляетъ 14 милл. фр. излишка доходовъ. Равновѣсіе достигается предположеніемъ новыхъ налоговъ на 247 милл. фр., изъ которыхъ 90 милл. относятся на необработанные продукты, 65 милл. на ткани, 30 милл. на нѣкоторые виды движимаго капитала, 20 милл. на сахаръ, и 20 милл. на другіе обработанные продукты и судовыхъ пошлинъ. Германіи уплачено контрибуціи до сихъ поръ 1,510 слишкомъ милліоновъ фр., и въ 1872-мъ слѣдуетъ заплатить 500 милліоновъ въ счетъ капитала контрибуціи (третій полумилліардъ) и 150 милл. фр. процентовъ на остальные 3 милліарда. Членъ собранія, извѣстный экономистъ Воловскій предложилъ вмѣсто пошлинъ на сырые продукты установить налогъ на доходъ, по примѣру Англіи, Пруссіи и Америки. Но Тьеръ повторилъ всѣ свои пустые аргументы противъ этого налога, и собраніе отвергло предложеніе Воловскаго, тѣмъ самымъ явивъ еще разъ въ высшей степени вредное, особенно въ положеніи Франціи, свидѣтельство въ слѣбодѣ эгоизмъ достаточныхъ классовъ. Отклоненіе имъ предложенія Воловскаго и утвержденіе военнаго закона министра Сиссѣ—если оно состоится — будутъ неопровержимымъ доказательствомъ, что достаточные классы Франціи не хотятъ понять урока послѣдней войны и не намѣрены имъ воспользоваться.

Тостъ, провозглашенный нашимъ Государемъ на георгіевскомъ праздникѣ произвелъ въ Германіи живѣйшую радость, а во Франціи—разочарованіе въ слишкомъ смѣлыхъ расчетахъ нѣкоторыхъ публицистовъ въ силы Россіи для поправленія дѣлъ Франціи.

При составленіи нашего предыдущаго обозрѣнія, мы еще не имѣли передъ глазами подробныхъ отчетовъ о послѣднихъ дняхъ сессіи германскаго имперскаго сейма и о самомъ закрытіи его. Закрытіе это послѣдовало нѣсколько-внезапно 1-го декабря (н. ст.). Послѣдніе дни были посвящены сеймомъ принятію военнаго бюджета, и изъ преній по этому поводу должно быть и теперь упомянуто о рѣчи г. Дельбрюка,

въ которой сохраненіе нынѣшнихъ размѣровъ военнаго бюджета еще на три года оправдывалось главнымъ образомъ тѣмъ соображеніемъ, что чрезъ три года, когда Франція уже уплатитъ всю сумму контрибуціи, Германія должна быть готова, въ случаѣ нужды, къ новой войнѣ. Г. Дельбрюкъ провелъ при этомъ различіе между намѣреніями нынѣшняго французскаго правительства и стремленіями французской націи. Онъ высказалъ убѣжденіе, что нынѣшнее французское правительство твердо намѣрено исполнить всѣ обязательства по отношенію къ Германіи; но въ то же время онъ убѣжденъ, что французская нація жаждетъ мести, а такъ какъ во Франціи правительственныя власти слишкомъ непрочны, то германскій министръ и настаивалъ на необходимости, чтобы Германія была и чрезъ три года готова во всѣмъ случайностямъ. Слова г. Дельбрюка показались сейму убѣдительными, но за то во французской печати они вызвали протестъ. Одни органы французской печати заявили, что если Франція желаетъ войны черезъ три года, то непонятно, какимъ образомъ она начала бы войну не прежде, какъ уплативъ всю сумму вознагражденія; другіе протестовали противъ рѣшимости иностраннаго министра отдѣлять правительство сосѣдней страны отъ ея народа; третьи, наконецъ, поняли рѣчь г. Дельбрюка въ ея непосредственно-практическомъ смыслѣ, то-есть указывали въ ней приѣмъ не новый — преувеличивать опасенія, чтобы добиться согласія представительнаго собранія на мѣру, которая правительству желательна.

Надо замѣтить, что германское правительство вообще не заботится съ своей стороны выказывать какое-либо снисхожденіе къ французской націи, которое могло бы ослабить раздраженіе ея противъ Германіи, а стало быть и въ самыхъ нѣмцахъ ослабить опасенія насчетъ возможности новой войны. Такъ, князь Бисмаркъ въ имперскомъ сеймѣ называлъ „сволочью“ туркочовъ и зуавовъ. Такъ г. Дельбрюкъ отдѣлилъ французское правительство отъ французской націи. Такъ, при подписаніи 11 декабря во Франкфуртѣ окончательной конвенціи относительно сроковъ избранія подданства, уплаты пенсій и проч. въ присоединенныхъ къ Германіи провинціяхъ, германская дипломатія въ послѣднюю минуту зачеркнула ту статью, которая постановляла возвращеніе во Францію ея военнопленныхъ, осужденныхъ въ Германіи къ разнымъ наказаніямъ. При этомъ, мотивомъ были указаны случаи оправданія французскими присяжными убійцъ нѣмецкихъ солдатъ во Франціи. Но вѣдь за эти случаи уже постановлено было особое возмездіе: провозглашено осадное положеніе въ 6-ти департаментахъ еще занятыхъ нѣмцами. Такъ, наконецъ, князь Бисмаркъ въ нотѣ къ графу Арниму отъ 7-го декабря почти высказывалъ даже угрозу занятія нѣмцами вновь нѣкоторыхъ частей французской территоріи, все по поводу тѣхъ же событій въ Парижѣ и Меленѣ, то-есть оправ-

даніе убійцъ нѣмецкихъ солдатъ. Эта нота какъ бы намѣренно не была обнародована въ то время, а только спустя двѣ недѣли послѣ того какъ была отправлена, дабы она произвела новый эффектъ. И эта цѣль вполнѣ достигнута. Французскія газеты всѣ безъ исключенія встрѣтили ее изъясненіями, полными самаго безотраднaго чувства, именно гнѣва, соединеннаго съ сознаниемъ безсилія. Само собою разумѣется, что такіа заявленія со стороны французовъ въ свою очередь волнуютъ нѣмцевъ и не даютъ имъ успокоиться и принятъся за болѣе пристальный разборъ собственныхъ ихъ дѣлъ. Князь Бисмаркъ со своей точки зрѣнія конечно правъ; его цѣль — военное могущество Германіи. Затѣмъ дѣло германскаго общества выяснитъ, въ какой мѣрѣ достаточно достиженія этой одной цѣли, или въ какой мѣрѣ она должна преобладать надъ всѣми прочими.

Обратимся теперь къ внутреннимъ дѣламъ Германіи. Неожиданное закрытіе сессіи германскаго имперскаго сейма произвело въ Германіи нѣкоторое неудовольствіе. Органы національно-либеральной партіи, которые передъ тѣмъ только-что энергически протестовали противъ словъ Бебеля, будто вся имперская конституція не стоитъ той бумаги, на которой она написана, и будто нынѣшній парламентаризмъ въ Германіи безсильнъ, такъ какъ правительство слишкомъ переросло его, — были поставлены въ неловкое положеніе. Большинство депутатовъ громко смѣялось надъ Бебелемъ, и органы этого большинства протестовали противъ пессимистскаго взгляда Бебеля, а тутъ вдругъ имперское правительство какъ бы придало этому взгляду долю вѣротія. Въ концѣ сессіи правительство такъ торопило разсмотрѣніе важнѣйшихъ проектовъ, что всестороннее обсужденіе ихъ на сеймѣ становилось просто невозможностью. Такъ, законъ объ установленіи отвѣтственности духовныхъ лицъ за злоупотребленіе проповѣдью явился совершенно неожиданно, и уже черезъ 5 дней послѣ того, какъ самый проектъ сталъ извѣстенъ, должно было произойти второе чтеніе его на сеймѣ, то-есть утвержденіе его въ принципѣ. О томъ фактѣ, что нѣкоторые члены правительства возражали противъ этого закона, узнали только уже послѣ третьяго чтенія, то-есть когда онъ уже былъ окончательно принятъ сеймомъ. Но еще поразительнѣе была спѣшность, съ какою, по настоянію имперской канцеляріи, происходило утвержденіе закона о военномъ бюджетѣ. Вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы утвердить огульною суммою военный бюджетъ на цѣлыхъ три года; по тому поводу, что военное управленіе не успѣло еще свести счетовъ за 1871 годъ, предлагалось сейму утвердить бюджетъ на прежнемъ основаніи еще на 3 года, т.-е. на три года отказаться отъ введенія въ него парламентскимъ починомъ какихъ-либо измѣненій. И на принятіе такого-то полновѣснаго рѣшенія имперское правительство дало палатѣ всего три дня, притомъ три дня, слѣдо-

вавшие одинъ за другимъ, такъ что втеченіи трехъ дней должны были состояться всѣ три чтенія. Они и состоялись, причемъ съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали прямо-противоположные побудительные мотивы: правительство, требуя утвержденія бюджета огульною суммою, имѣло въ виду предотвратить этимъ возможность сокращеній; а сеймъ, утверждая бюджетъ огульною суммою, надѣялся главнымъ образомъ отклонить посредствомъ ея возможность новыхъ требованій, въ увеличенномъ размѣрѣ. Но такъ какъ у правительства, кромѣ суммъ обыкновеннаго бюджета, находятся въ рукахъ нынѣ еще обильные чрезвычайные ресурсы въ имперскомъ военномъ фондѣ, то очевидно, что опибется въ своемъ расчетѣ не оно, а сеймъ.

Итакъ, поспѣшное утвержденіе военнаго бюджета было прямо въ ущербъ парламентскому контролю, и хотя при этомъ законность была соблюдена, то-есть всѣ три чтенія состоялись, но ясно, что исполненіе этой процедуры втеченіи трехъ дней, непосредственно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, обращало ее въ простую формальность. National-Zeitung замѣтила по этому поводу, что если пациентъ, которому предписанъ курсъ леченія, состоящій въ принятіи 21-й ванны, приметъ всѣ эти ванны втеченіи одного дня, то рецептъ будетъ исполненъ, но его цѣль будетъ прямо устранена. Въ другой статьѣ National-Zeitung жаловалась, что самое закрытіе имперскаго сейма произошло слишкомъ внезапно (tumultuarisch) послѣ того, какъ имъ было исполнено все то, что было нужно правительству. Совершенно неожиданно, въ концѣ засѣданія, поднялся г. Дельбрюкъ и объявилъ о закрытіи сессіи, такъ что не были соблюдены даже обычныя формальности закрытія. National-Zeitung замѣтила, что это было nicht gerade fein, и прибавляла, что это произвело впечатлѣніе въ смыслѣ нѣкотораго разочарованія. Что подобное впечатлѣніе въ Берлинѣ было весьма ощутительно, лучше всего доказывается тѣмъ раздраженнымъ тономъ, съ какимъ отнеслась въ концѣ сессіи таже National-Zeitung, которую уже никакъ нельзя заподозрить въ радикализмъ и въ склонности въ бибелевскимъ преувеличеніямъ. „Правительство“,—говорила она,—„могло убѣдиться, что оно имѣетъ дѣло съ сеймомъ предупредительнымъ и легко удовлетворяющимся, который дѣлаетъ легкимъ и самое дѣло управленія, охотно подчиняя принципы и интересы партій патріотизму. Но правительство поступить благоразумно, въ общемъ интересѣ, если не усвоитъ себѣ окончательно той системы „подгонянія“ (Ueberrumpelungssystem), какой оно держалось въ первую и вторую сессіи. Обезпечить имперскому сейму положеніе достойное въ глазахъ народа, соответствуетъ интересамъ самого правительства, а сверхъ того, вѣдь и нѣмецкое терпѣніе имѣетъ же границы.“

Прусскій сеймъ былъ открытъ за три дня до закрытія имперскаго, а именно 27-го ноября (н. с.) Вслѣдъ затѣмъ открылись сессіи сей-

новъ и въ другихъ государствахъ Германіи, въ томъ числѣ въ Баваріи. Существенная часть занятій прусскаго сейма доселѣ была посвящена обсужденію бюджета на 1872-й годъ. Но палаты отсрочили свои засѣданія на праздники, не утвердивъ бюджета окончательно. Такимъ образомъ, 1872-й годъ опять начнется безъ утвержденного бюджета, и потомъ палатамъ придется особо утверждать сумму на покрытие расходовъ, произведенныхъ въ безбюджетное время (*Indemnität*). Эта неточность въ конституціонной формѣ вызываетъ также сожалѣнія: „положительно нехорошо“—замѣчаетъ на этотъ разъ „Кельнская газета“,—„что палата депутатовъ, вслѣдствіе частаго повторенія свывается съ такой неправильностью“.

Кромѣ бюджета, въ числѣ правительственныхъ предложеній прусскому сейму, замѣтенъ еще законъ фонъ-Мюлера о надзорѣ за школами. Законъ этотъ вѣроятно вызоветъ въ нижней палатѣ борьбу либераловъ съ министромъ народнаго просвѣщенія; впрочемъ обсужденіе его отложено на время послѣ праздниковъ. Въ бюджетѣ же примѣчательны слѣдующія особенности: благодаря обилію средствъ, доставленному войной съ Франціею, правительство предлагаетъ уменьшить налоги на 2½ милл. талеровъ. Излишекъ доходовъ опредѣленъ въ 8¼ милл. талеровъ; онъ-то и обращается на уменьшеніе налоговъ (въ числѣ ихъ предполагается отбѣнить послѣднюю степень *Klassensteuer*, составляющую 15 зильбергрошей съ души), на увеличеніе суммы на содержаніе двора (на 1½ милліона талер.) и возвышеніе жалованья чиновникамъ, профессорамъ и народнымъ учителямъ. Такъ какъ при этомъ не предполагается прибавки учителямъ гимназій, то нѣкоторые нападенія на фонъ-Мюлера были произведены уже во время обсужденія бюджета.

Австрійскія дѣла остаются пока въ томъ же фазисѣ, въ какомъ находились въ прошломъ мѣсяцѣ. Министерство не измѣнилось вновь, и рейхсратъ въ то время, когда статья эта сдается въ наборъ, только-что собрался. Тѣмъ не менѣе, и за этотъ мѣсяцъ мы были не безъ новостей изъ Австріи. Положеніе новаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Андраши, какъ будто прояснилось вслѣдствіе разосланнаго имъ циркуляра. По дѣламъ же внутреннимъ имѣется важная новость въ результатѣ выборовъ, произведенныхъ въ тѣхъ областяхъ, которыхъ сеймы были распущены. Циркуляръ Андраши успокоилъ дипломатію насчетъ приписанныхъ этому министру завоевательныхъ или, по крайней мѣрѣ, воинственныхъ плановъ. По всей вѣроятности, впрочемъ, дипломатія придала и циркуляру этому важность потому только, что придала сперва важность перемѣнѣ лица, занимающаго постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ Австріи. Въ самомъ дѣлѣ, въ циркулярѣ Андраши не было ничего, кромѣ весьма обыкновенныхъ увѣреній ми-

ролюбія, а между тѣмъ миролюбіе Австріи лучше всего удостовѣряется самымъ нынѣшнимъ положеніемъ этого государства, независимо отъ личности ея министра иностранныхъ дѣлъ. Пока Франція слаба, Австрія не можетъ слѣдовать иной политикѣ, какъ политикѣ подчиненности по отношенію къ Германіи. Личность министра не можетъ измѣнить этой необходимости и всѣхъ ея послѣдствій, между прочимъ и того, что Австрія будетъ осторожна и по отношенію къ Россіи въ восточномъ вопросѣ. Разница между Андраши и Бейстомъ можетъ заключаться нынѣ не столько въ цѣляхъ, сколько въ *modus procedendi*, какъ справедливо замѣчалъ одинъ корреспондентъ „Кельнской“ газеты. Но не всегда такъ было, и *Pesti Naplo*, органъ Деака, сообщилъ любопытное свѣдѣніе, будто въ августѣ 1870-го года, придворная партія въ Вѣнѣ въ принципѣ рѣшилась на войну въ защиту Франціи, но Андраши, бывший тогда венгерскимъ министромъ-президентомъ, призванный въ Вѣну, возсталъ противъ такого предпріятія во имя интересовъ Венгрии и даже подавалъ въ отставку. Если это вѣрно—а нѣтъ сомнѣнія, что эта война была бы совершенно противна интересамъ Венгрии, потому что она велась бы изъ-за возвращенія Австріи преобладанія въ Германіи,—то можно только спросить себя, на чемъ же могли быть основаны опасенія, выказанныя нынѣ при назначеніи Андраши? Разница же между Андраши и Бейстомъ въ приемахъ та, что Бейстъ любитъ дѣйствовать окольными путями, а Андраши идетъ къ своей цѣли прямо. Бейстъ едва ли даже не слишкомъ хитеръ. Такъ, назначенный недавно посланникомъ въ Лондонъ, онъ счелъ долгомъ заѣхать въ Версаль, что какъ бы имѣло видъ демонстраціи и вызвало сильное порицаніе въ германскихъ газетахъ. Замѣчено было также, что Бейстъ на своемъ пути сдѣлалъ и въ Германіи визиты въ такихъ сферахъ, гдѣ не замѣчается особеннаго ликованія по случаю объединенія Германіи подъ прусскимъ началомъ.

Андраши никогда не согласится на такую политику, которая бы вела къ восстановленію австрійскаго могущества въ Германіи; онъ будетъ искренно далекъ отъ всякаго противодѣйствія Бисмарку въ завершеніи его созданія. Стало быть, онъ—лучшій изъ возможныхъ для Австріи въ настоящее время министровъ иностранныхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что онъ — и именно онъ одинъ — можетъ на этомъ посту все-таки не превращаться въ простого подчиненнаго Бисмарку; Андраши все-таки сохранитъ нѣкоторую самостоятельность потому именно, что за нимъ—Венгрія. Вотъ этой-то самостоятельности новаго министра иностранныхъ дѣлъ Австріи и предстоитъ первое испытаніе въ вопросѣ галиційско-польскомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что прусская дипломатія встрѣтила бы съ неудовольствіемъ значительныя уступки въ пользу автономіи Галиціи, если бы онѣ были сдѣланы. А между тѣмъ, нѣкоторыя уступки австрійское правительство въ настоящее время

вынуждено имъ сдѣлать, какъ сейчасъ будетъ объяснено. Посмотримъ, какъ выйдетъ графъ Андраши изъ этой дилеммы; если ему удастся сдѣлать, удовлетворивъ отчасти поляковъ и въ тоже время не обезпокоивъ сосѣднія имперіи, то можно будетъ сказать, что положеніе его надолго упрочено.

Выборы были произведены въ Верхней Австріи, Краинѣ, Моравіи, Форарльбергѣ и Буковинѣ, которыхъ сеймы распущены съ созваніемъ новыхъ на 18-е декабря (н. с.) собственно для избранія депутатовъ въ рейхсратъ. Сверхъ того въ Чехіи произведены были прямые выборы въ рейхсратъ, такъ какъ чешскій сеймъ отказался отъ избранія депутатовъ въ это собраніе, представляющее собою декабрьскую конституцію 1867-го года, которой національная чешская партія не признаетъ. Результатъ всѣхъ этихъ выборовъ не совсѣмъ благоприятенъ для министерства князя Адольфа Ауэрсперга. Въ Богеміи національная партія одержала рѣшительную побѣду и на этихъ выборахъ, такъ что теперь правительство, относительно Чехіи, лишилось послѣдней конституціонной карты: ему уже нельзя будетъ страшать національную партію, что въ случаѣ упорства чешскаго сейма произведены будутъ прямые выборы въ рейхсратъ. Выборы эти въ настоящее время произведены и окончились полнымъ пораженіемъ правительства, несмотря на то, что они происходили на основаніи избирательнаго закона, составленнаго въ духѣ централистскомъ. Такой результатъ, безъ сомнѣнія, значительно укрѣпляетъ положеніе національной партіи въ Чехіи. По расчету органа ея, „Narodni Listy“, въ рейхсратъ явятся изъ Чехіи только 15 депутатовъ, избранныхъ нѣмцами, а изъ другихъ земель сторонниковъ правительства: Моравіи 18, изъ Нижней Австріи, Зальцбурга, Штирии, Каринтіи и Верхней Австріи вмѣстѣ 51, и изъ Буковины 5; всего 89 такъ-называемыхъ приверженцевъ конституціи (декабрьской), то-есть членовъ и союзниковъ нѣмецкой централистской партіи. Между тѣмъ, членовъ въ рейхсратѣ должно быть 203, и не менѣе 100 должны быть на лицо, иначе рѣшенія собранія не имѣютъ законной силы. Разсчитывали, что если министерству удастся привлечь въ рейхсратъ депутатовъ Галиціи, въ такомъ случаѣ законное число можетъ состояться, иначе—нѣтъ. И такъ, узелъ всего конституціоннаго кризиса теперь въ рукахъ поляковъ, а потому уступки имъ со стороны правительства, въ ихъ пользу, неизбежны. Спрашивается только, чего потребуютъ поляки и будетъ ли не только князь Адольфъ Ауэрсбергъ, но и графъ Андраши въ состояніи удовлетворить ихъ?

Открытіе рейхсрата, происходившее 28-го декабря (н. с.), рѣшило вопросъ относительно прибытія польскихъ депутатовъ: они явились. Въ тронной рѣчи сообщается, что правительство будетъ способствовать осуществленію желаній Галиціи въ предѣлахъ, совмѣстныхъ съ

единствомъ имперіи и притомъ путемъ конституціоннымъ, т.-е. посредствомъ рейхсрата. О состоявшемся соглашеніи ближе пока еще ничего неизвѣстно. Въ тронной рѣчи указывается еще на одинъ важный въ политическомъ отношеніи проектъ закона, а именно на установленіе прямыхъ выборовъ въ рейхсратъ, которые доселѣ допускались конституціею только въ случаѣ необходимости.

Когда, въ сентябрѣ 1870-го г., вслѣдъ за прусскими побѣдами во Франціи рушилась вторая имперія, то Италія воспользовалась этимъ обстоятельствомъ скорѣе и безспорнѣе, чѣмъ кто-либо другой за границами Франціи. Черезъ двѣ недѣли итальянскія войска уже были въ Римѣ, а 2-го октября происходилъ плебисцитъ, которымъ римляне рѣшили большинствомъ 40,835 голосовъ противъ 11 вопросъ о присоединеніи „вѣчнаго города“ къ итальянскому королевству. Вопросъ же о признаніи Рима столицею Италіи рѣшенъ былъ итальянскимъ парламентомъ уже давно, еще при Кавурѣ. Вскорѣ послѣ плебисцита, въ октябрѣ 1870-го года, произведены были новые выборы, въ которыхъ уже приняло участіе и римское населеніе. Но фактическое перенесеніе столицы въ Римъ замедлилось на цѣлый годъ; первая сессія новой палаты происходила еще во Флоренціи и окончилась 24-го іюня. Сессія эта и была посвящена, главнымъ образомъ, обсужденію закона о гарантіяхъ независимаго положенія для папы. Итакъ, когда черезъ годъ и мѣсяцъ послѣ плебисцита высшія государственныя власти Италіи перенесли въ Римъ, то онѣ явились туда съ соблюденіемъ полной учтивости относительно папы, держа въ рукахъ хартию, обеспечивающую его независимость.

Присоединеніе Рима случилось среди такихъ потрясающихъ событій въ центрѣ Европы, что прошло въ свое время почти незамѣтно для большинства европейскаго общества, и это обстоятельство придавало тѣмъ болѣе торжественность открытію сессіи итальянскаго парламента въ Римѣ, которое послѣдовало 27-го минувшаго ноября. Казалось, что только теперь въ дѣйствительности происходилъ вводъ Италіи во владѣніе Римомъ, и во всей Европѣ произвели сильное впечатлѣніе тѣ простыя слова, которыми король Викторъ-Эммануилъ началъ свою тронную рѣчь, въ залѣ палаты депутатовъ, въ Monte Citorio: „Совершилось—сказалъ король,—то дѣло, которому мы посвятили нашу жизнь; послѣ долгихъ испытаній искупленія, Италія возвращена самой себѣ и Риму. Здѣсь, гдѣ нашъ народъ, послѣ вѣкового разлученія, нынѣ впервые видитъ себя торжественно воссоединеннымъ, въ лицѣ своихъ представителей, здѣсь, гдѣ мы обрѣтаемъ отчизну нашихъ упованій, все говоритъ намъ о величинѣ и вмѣстѣ напоминаетъ о нашихъ обязанностяхъ“. О какихъ обязанностяхъ говорилъ король? „Теперь, когда Италія окончательно возстановлена“, объяснилъ онъ

даже въ своей рѣчи, „надо дать ей благосостояніе, возстановить ея финансы“. Затѣмъ, въ тронной рѣчи указано на проекты законовъ о самоуправленіи общинъ и областей, о децентрализаціи управленія, о новомъ, общемъ для всѣхъ частей Италіи, уголовномъ кодексѣ, о нѣкоторыхъ преобразованіяхъ въ судоустройствѣ и институтѣ присяжныхъ. Потомъ, указывая на проявившееся уже въ Италіи промышленное пробужденіе, „явившееся вслѣдъ за пробужденіемъ политическимъ“, на возникновеніе торговыхъ обществъ, выставки промышленныя и художественныя и ученые конгрессы, король Италіи замѣчалъ: „мы, то есть вы и я, обязаны содѣйствовать этому плодотворному движенію, сообщивъ болѣе простора и болѣе дѣйствительности преподаванію профессиональному и научному, и открывъ торговлѣ новые пути сообщенія и новые рынки для сбыта“. Указавъ на окончаніе тоннеля Мон-Сені, на предпринятую постройку тоннеля Сен-Готарда, намекнувъ на Суэзскій каналъ, при помощи котораго торговля Европы съ Индією направится теперь чрезъ Италію, переходя сквозъ Альпы по тремъ желѣзнымъ путямъ, король заключилъ свою рѣчь такъ: „Предъ нами открывается блестящая будущность. Отъ насъ зависитъ теперь оказаться достойными славныхъ именъ Италіи и Рима“.

До сихъ поръ итальянцы, какъ извѣстно, жаловались, что пока Римъ не приобрѣтенъ, невозможно было серьезно приняться за дѣло внутренняго развитія. Пока надъ соединенными городами Италіи не властвовали въ качествѣ столицы — Римъ, до тѣхъ поръ и самое единство казалось еще какъ бы неупроченнымъ, такъ какъ Неаполь неохотно подчинялся Турину, а Туринъ еще болѣе неохотно уступилъ свое первенство Флоренціи. Съ другой стороны, пока въ самомъ центрѣ Италіи Римъ оставался притономъ отъявленныхъ враговъ единства, разсчитывавшихъ на помощь извѣтъ и усердно ее призывавшихъ, все положеніе дѣлъ дѣйствительно могло подвергаться неожиданнѣйшимъ кризисамъ, какъ было въ 1862 и 1867 годахъ. Вотъ почему можно признать естественнымъ, что итальянское правительство и общество до сихъ поръ были заняты все еще почти исключительно одною, политической заботой. Теперь она снята съ нихъ, а вмѣстѣ съ этой заботой отнято у нихъ и оправданіе дальнѣйшаго бездѣйствія относительно поправленія финансовъ и распространенія образованія въ массахъ. Тронная рѣчь вѣрно опредѣлила смыслъ нынѣшняго положенія дѣлъ. Однако если и допустить, что Италія съ нынѣшней поры усердно займется дѣломъ внутренняго улучшенія, то нельзя не предвидѣть и тѣхъ важныхъ препятствій, какія она встрѣтитъ на этомъ пути. Первое препятствіе—это необходимость громадныхъ издержекъ на вооруженія. Италія—страна бѣдная въ сравненіи съ Франціей и Германією, а между тѣмъ должна тягаться съ ними въ во-

оружіяхъ. Прежде всего, Италія бѣдна механическимъ производствомъ, и чѣмъ сложнѣе будетъ дѣлаться техника вооруженія и защиты, чѣмъ большіе потребуются запасы, а стало быть и капиталъ; чѣмъ чаще будутъ являться въ артиллерійской и инженерной техники усовершенствованія, а стало быть и перемѣны въ готовыхъ уже запасахъ, тѣмъ труднѣе будетъ Италіи не отставать во всемъ этомъ отъ тѣхъ великихъ державъ, въ которыхъ техническое производство развито и капиталъ находится въ обиліи. Въ этомъ отношеніи, положеніе Италіи нѣсколько похоже на положеніе Россіи. Но разница та — въ ущербъ Италіи — что Россія, имѣя населеніе втрое многочисленнѣе, чѣмъ какое имѣетъ Италія, не имѣетъ нужды содержать армію *отрое* большую въ сравненіи съ итальянскою. Италія, лежа вблизи къ тому театру, на которомъ вновь могутъ встрѣтиться миллионныя арміи, должна содержать и сама армію не по средствамъ, если не хочетъ стать вассальною, все-равно, Франціи или Германіи. И въ самомъ дѣлѣ, тронная рѣчь, несмотря на мирныя надежды, указываетъ первую необходимостью устройство арміи и флота, перевооруженіе и сооруженіе укрѣпленій.

Другое препятствіе тому, чтобы Италія могла отнынѣ всецѣло обратиться къ дѣлу внутренняго развитія, это — самое пребываніе папы въ Римѣ, рядомъ съ національнымъ правительствомъ. Итальянское правительство само стремилось къ тому, чтобы удержать папу въ Римѣ. Все возможное было сдѣлано для этого, и, по слухамъ, окончательно убѣдило папу письмо отъ самого короля. Вслѣдствіе того, въ самой тронной рѣчи, въ послѣднюю минуту, тѣмъ словамъ, въ которыхъ упоминается о законѣ относительно духовныхъ корпорацій, дана была редакція столь неопредѣленная, что она неудовлетворила никого. Что касается дальнѣйшаго пребыванія папы въ Римѣ, то какъ видно изъ тронной рѣчи, итальянское правительство получило обѣщанія на этотъ счетъ. По крайней мѣрѣ король выразилъ въ ней не надежду, а именно убѣжденіе: „признать безусловную независимость духовной власти, мы можемъ быть убѣждены, что Римъ, столица Италіи, останется и резиденціею первосвятительства, окруженнаго спокойствіемъ и уваженіемъ“. Заявленія Тьера вполне подтверждаютъ увѣренность итальянскаго правительства. Поручая французскому посланнику въ Римѣ заявить папѣ, въ отвѣтъ на сдѣланный имъ вопросъ, что онъ во всякое время найдетъ во Франціи убѣжище, Тьеръ выразилъ самымъ опредѣленнымъ образомъ убѣжденіе свое, что папа останется въ Римѣ. По всему, что слышно съ разныхъ сторонъ, можно думать, что Пій IX лично вовсе не такъ огорченъ, видя завершеніе итальянскаго единства, какъ то слѣдовало бы заключить изъ официальныхъ его обличеній. Протестуя торжественно, онъ исполняетъ, по требованію своихъ совѣтниковъ, долгъ папы; но не надо за-

бывать, что Пій IX самъ все-таки итальянецъ, и даже былъ нѣкогда итальянскимъ патриотомъ. Тѣмъ не менѣе, пребываніе папы въ Римѣ, если не теперь, то впослѣдствіи все-таки можетъ подать поводъ къ столкновенію сперва между папою и Италіею (очень легко можетъ случиться, что преемникомъ Пія IX будетъ не итальянецъ), а затѣмъ между Италіею и какою-либо католическою державой.

Впечатлѣніе, произведенное тронною рѣчью на либеральное большинство палаты и печати, не было особенно благопріятно собственно потому, что въ ней оговорено было намѣреніе правительства уважать все, что необходимо папѣ для свободнаго отправленія его духовной власти, между прочимъ и тѣ религиозныя корпораціи, которыя признаны международными трактатами. Представленный, затѣмъ, парламенту законъ въ дѣйствительности не распространяетъ на Римъ буквально общее остальной Италіи постановленіе объ отмѣнѣ юридическаго существованія монашескихъ орденовъ и вообще духовныхъ корпорацій. Онъ ограничивается отмѣною принципа неприкосновенности ихъ владѣнія недвижимымъ имуществомъ, при чемъ предполагается не конфисковать эти имущества, какъ то сдѣлано въ остальной Италіи, а только ввести возможность продажи ихъ или арендованія ихъ въ частныя руки, чтобы извлечь мѣстное земледѣліе изъ того застоя, въ какомъ оно находилось при нынѣшней системѣ неприкосновеннаго и непосредственнаго владѣнія.

Парламентъ занимался доселѣ главнымъ образомъ обсужденіемъ проекта бюджета на 1872-й годъ и окончательнаго бюджета 1871-го года. Каково же нынѣшнее финансовое положеніе Италіи? На основаніи фактовъ общезвѣстныхъ можно только сказать, что оно—крайне плохо. Въ самомъ дѣлѣ, Италія имѣетъ почти на милліардъ франковъ бумажныхъ денегъ, а дефицитъ въ ея бюджетахъ явленіе совершенно нормальное и покамѣстъ неотвратимое. Она продала въ частныя руки свои желѣзныя дороги, продала и большую часть національныхъ (т.-е. бывшихъ духовныхъ) имуществъ, стало быть, какъ бы истощила всѣ свои средства. Но вотъ является министръ финансовъ Селла и увѣряетъ, что положеніе вовсе не такъ худо: правда, и въ будущемъ году онъ предвидитъ дефицитъ въ 200 милл. фр.; правда, бумажныхъ денегъ уже находится въ обращеніи *почти* на милліардъ фр., а г. Селла теперь предлагаетъ выпустить ихъ еще на 300 милл. фр., такъ чтобы бумажное обращеніе было *совсѣмъ* равно милліарду фр. Но за то, по увѣренію министра, на помощь финансамъ королевства являются два чрезвычайно важныя обстоятельства. Во-первыхъ, недоборъ въ податяхъ, который игралъ главную роль въ дефицитахъ, съ каждымъ годомъ замѣтно уменьшается; во-вторыхъ, поступленіе косвенныхъ налоговъ, вслѣдствіе несомнѣнныхъ успѣховъ производительности страны, съ каждымъ годомъ значительно возрастаетъ. Итакъ,

по словамъ министра, равновѣсіе доходовъ съ расходами въ будущемъ предвидится; остается только выждать это будущее и извернуться пока разными временными мѣрами, чтобы не уменьшать какъ расходовъ на армію, такъ и расходовъ на публичныя работы, предназначенныя именно на поднятіе производительныхъ силъ страны. Основная мысль г. Селлы такимъ образомъ та самая, какая принята въ основаніе нашей, русской, финансовой системы. Селла сообщилъ, что національныхъ имуществъ продано до сихъ поръ болѣе чѣмъ на 500 милл. фр., причемъ они продавались малыми участками и представляютъ нынѣ вдвое большую цѣнность, чѣмъ какую имѣли прежде. Общая сумма торговыхъ оборотовъ въ странѣ возвысилась въ послѣдніе годы съ 1,200 милл. до 2 миллиардовъ фр. Между тѣмъ заграничный долгъ мало по малу погашается: два года тому назадъ платилось по нему процентовъ 115 милл. фр., теперь только 92 милл. Все это очень хорошо, и можетъ современемъ поправить финансы Италіи, если только нынѣшніе министры не наложатъ на нее своими слишкомъ рискованными операціями такую тяжесть, которая отниметъ надежду на поправленіе и въ будущемъ. А таковъ именно г. Селла, и таковъ всегда бываетъ характеръ мѣръ, предлагаемыхъ этимъ министромъ. Свою исторію о томъ, какъ втеченіи 5-ти лѣтъ избавиться отъ дефицита, посредствомъ займа въ настоящую минуту — онъ рассказываетъ во второй разъ. Мы ее очень хорошо помнимъ, и рассказывалась она, если не ошибаемся, въ 1862-мъ году. Но вотъ прошло уже 9 лѣтъ, а дефициты не прекратились, хотя въ свое время съ этой цѣлью были сдѣланы заемъ въ 500 милл. Теперь пришлось рассказывать то же самое вновь. Впрочемъ, въ оправданіе свое г. Селла можетъ сказать, что послѣ того была война. Вотъ эти-то военные расходы, не по силамъ Италіи, и помѣшаютъ ей и впредь устроить свои финансы. Во всякомъ случаѣ, надо хвалить, что изъ несоразмѣрныхъ съ силами страны расходовъ удѣляется по крайней мѣрѣ на производительную цѣль, т.-е. на публичныя работы 60 милл. фр.

Министръ-президентъ Ланца, одержавъ недавно побѣду надъ оппозиціею, во главѣ которой стоитъ Раттацци, большинствомъ всего 15-ти голосовъ, воззвалъ къ министерской партіи о необходимости устранить на будущее время возможность такихъ случайностей, которыя могутъ производить министерскіе кризисы безъ всякой цѣли и пользы (какъ мы то видимъ въ Испаніи) и предложилъ всѣмъ фракціямъ большинства составить плотную консервативно-либеральную партію. Вслѣдствіе того 130 членовъ большинства составили такую партію, во главѣ которой становится Риказоли. А такъ какъ Риказоли, несмотря на отсутствіе въ немъ всякаго клерикализма, пользуется особымъ уваженіемъ папы, то этотъ государственный человѣкъ въ настоящее время пріобрѣтаетъ вновь весьма большое значеніе. Король

Викторъ-Эммануилъ послѣ новаго года возвратится въ Римъ и проведетъ тамъ зиму; итальянскій парламентъ отсрочилъ свои засѣданія до 15-го января (н. ст.).

У насъ только-что было упомянуто объ Испаніи, въ которой вся политическая жизнь состоитъ какъ бы изъ ряда случайностей. Въ отдѣльной статьѣ объ Испаніи¹⁾ была разсказана исторія распада прогрессистской партіи на сагастистовъ и соррильистовъ, и образованія кабинета адмирала Малькампо. Не возвращаясь къ разъясненію этихъ запутанныхъ дѣлъ, напомнимъ, что въ той статьѣ министерство Малькампо было представлено какъ состоящее изъ подставныхъ людей Сагасты, который самъ не хотѣлъ вступить въ кабинетъ, не предвидя достаточнаго большинства въ палатѣ и не желая быть калифомъ на одинъ часъ. Съ тѣхъ поръ разрывъ между сагастистами и соррильистами только ожесточился борьбою по поводу общинныхъ выборовъ, происходившихъ въ декабрѣ. На этихъ выборахъ партія Сагасты и министерства понесла сильное пораженіе. Изъ 700 сколько-нибудь значительныхъ городовъ, мѣстечекъ и большихъ селеній, приверженцы Сагасты и министерства, въ союзѣ съ консерваторами всѣхъ фракцій (за исключеніемъ карлистовъ), одержали верхъ только въ около 200. Между тѣмъ соррильисты одни выбраны въ 250-ти общинахъ, а въ 180-ти ихъ союзники республиканцы, въ 50-ти же—карлисты. При этомъ замѣчательно одно обстоятельство, а именно, что изъ главныхъ городовъ Испаніи 12 избрали радикаловъ, т.е. соррильистовъ, въ томъ числѣ Мадридъ, Бургосъ, Саламанка, Вальядолидъ; 11 главныхъ городовъ избрали республиканцевъ; въ томъ числѣ Барселона, Валенсія, Сарагосса; только 8—сагастистовъ, въ томъ числѣ Кадиксъ и Севилья. Такой результатъ удостовѣряетъ, что образованное большинство въ странѣ рѣшительно на сторонѣ радикаловъ, т.е. Соррильи; а это и служить залогомъ, что онъ будетъ вновь главою правительства, потому что онъ одинъ способенъ придать ему прочность. Приведенные числовые результаты тѣмъ важнѣе, чѣмъ министерство Малькампо, преданное Сагастѣ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ старалось вліять на происходившіе выборы; такъ, напр., въ Антекерѣ и Хативѣ были случаи, что мѣстныя власти захватывали подъ арестъ вліятельныхъ противниковъ. За то такой образъ дѣйствій возбудилъ негодованіе даже въ консерваторахъ—союзникахъ министерства. Вегасъ де-Армихо заявилъ, что явленія эти возмутительны; тѣмъ не менѣе, самъ онъ, какъ и прочіе главы уніонистовъ: Серрано, Топете, Риосъ-Росаръ, рѣшились всѣми силами поддерживать сагастистовъ, лишь бы не допустить перехода власти въ руки Соррильи. Результатъ общинныхъ выборовъ увеличилъ эту опа-

¹⁾ См. «Вѣстникъ Европы» ноябрь, 1871 г.

ность для консерваторовъ, и вотъ чѣмъ объясняется превращеніе кабинета Малькампо въ кабинетъ самого Сагасты, со включеніемъ въ министерство и Топете. Этотъ фактъ означаетъ, что въ виду побѣды сориллистовъ на общинныхъ выборахъ, сагастисты тѣснѣе сблизились со всѣми консервативными группами (даже и съ антидинастическою группою альфонсистовъ), и самъ Сагаста счелъ нужнымъ придать консервативному кабинету авторитетъ Топете и свой собственный. Кортесы вновь открыли свои засѣданія 27-го декабря (н. с.). Случайности въ кортесахъ при нынѣшнемъ ихъ составѣ неизбежны, и одною изъ нихъ по всей вѣроятности будетъ пораженіе и министерство—Сагасты. Тогда ему не останется иного средства какъ распустить нижнюю палату, то-есть произвести новые парламентскіе выборы, которые по всей вѣроятности и доставятъ окончательную побѣду не ему, а именно его сопернику—Сориллѣ, главѣ монархическихъ радикаловъ.

Пребываніе великаго князя Алексѣя Александровича въ Соединенныхъ-Штатахъ послужило для американскаго народа поводомъ къ многимъ заявленіямъ сочувствія къ русскому государю и русскому народу. Въ то время какъ мы пишемъ, великій князь Алексѣй находится въ Америкѣ уже почти полтора мѣсяца и американскія газеты свидѣтельствуютъ о радушномъ приѣмѣ, какой оказывается его высочеству во всѣхъ посѣщаемыхъ имъ городахъ далекаго Запада. Конгрессъ Соединенныхъ-Штатовъ былъ открытъ 4-го декабря (н. с.) посланіемъ президента Гранта, въ которомъ, между прочимъ, также свидѣлствуется о дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи. За улаженіемъ элѣбемскаго дѣла, внѣшняя политика Соединенныхъ-Штатовъ въ настоящее время обращаетъ особое вниманіе только на дѣла, происходящія на островѣ Кубѣ. Грантъ предполагалъ содѣйствовать миролюбивому окончанію тамошняго кризиса. Неизвѣстно впрочемъ, дѣлалъ ли онъ испанскому правительству предложенія о посредничествѣ между нимъ и возставшими креолами.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

ИТАЛЬЯНСКІЕ РЕАКЦІОНЕРЫ И КЛЕРИКАЛЫ.

14 (26) декабря, 1871 года.

Италія завладѣла Римомъ папъ! Громы небесныя, которыми ей грозили изъ Ватикана, не остановили *lo suo fatale andare*. Савойскій тайкунъ и синигальскій ¹⁾ *микадо*, въ настоящее время, живутъ и царствуютъ въ однихъ стѣнахъ, хотъ и не подъ одной крышей и не въ братскомъ согласіи. Говорятъ, что Викторъ Эммануиль недавно сдѣлалъ весьма удачное замѣчаніе: проходя мимо Ватикана, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, графомъ ди-Кастелленго, король Италіи сказалъ будто бы: *Qui abita in prigione, libero; al Quirinale, invece, un libero, prigioniero* (здѣсь живетъ плѣнникъ, но онъ свободенъ; за то въ Квириналѣ живетъ свободный человѣкъ, но онъ плѣнникъ). И дѣйствительно, папа только потому не выѣзжаетъ изъ Ватикана и изъ Рима, что не хочетъ; между тѣмъ какъ король Италіи можетъ выѣхать изъ Квиринала и изъ Рима только съ разрѣшенія своихъ министровъ. Италіи же въ Римѣ никогда не дышать свободно, пока она будетъ наслаждаться незавидной честью давать пріютъ великому мученику Ватикана. Ватиканъ давитъ правительство и парламентъ, какъ свинцовая скупья; Ватиканъ стѣсняетъ свободу ихъ дѣйствій. Политическіе дѣятели въ Римѣ постоянно заботятся о томъ впечатлѣніи, какое произведетъ каждое ихъ слово, каждый ихъ поступокъ въ Транстеверѣ. Умѣренная партія толкуетъ, что пребываніе итальянцевъ въ Римѣ, вмѣстѣ съ папой, послужитъ для нихъ великой школой умѣренности: крайности, скандалы будутъ невозможны; всѣ рѣчи, всѣ поступки будутъ согласоваться съ законами приличій; все будетъ пристойно, размѣрено, скромно. Если жизнь въ Италіи будетъ монотонна, если она не закипитъ ключомъ, до тѣхъ поръ, пока французы не сжалятся надъ нами и не пріютятъ святого человѣка, котораго, по ихъ мнѣнію, Италія неустанно преслѣдуетъ, и не спасутъ его, такимъ образомъ, отъ этого преслѣдованія, — за то міръ, за исключеніемъ, конечно, нашихъ вѣчно недовольныхъ французскихъ друзей, погладитъ насъ по головкѣ за наше благоразуміе. Мы вполне цѣнимъ такое великое отличіе, но, по правдѣ сказать, обошлись бы охотно и безъ него. Италія вступила въ Римъ вовсе не затѣмъ, чтобы нажить

¹⁾ Мѣсто рожденія Піа IX.

себѣ новаго опекуна, и ей нѣтъ дѣла до похвалъ и до порицаній, которыя синьоръ Тьеръ, подобно маленькому школьному учителю, обращающемуся къ своимъ ученикамъ, съ такой уморительной просопопеей расточаетъ маленькимъ королямъ земли. У насъ въ Римѣ два французскихъ посланника; на обязанности одного лежить во всемъ угождать папѣ, на обязанности другого — не навлекать на себя ни въ какомъ случаѣ его неудовольствія. Эрнестъ Пикарь, дружественно расположенный къ Италиі, желалъ, чтобы его назначили посланникомъ при дворѣ итальянскаго короля. Его назначеніе было бы очень пріятно какъ правительству, такъ и странѣ. И что же? папскій нунцій въ Парижѣ не успокоился до тѣхъ поръ, пока предупредительный Тьеръ не наградилъ насъ ничтожнымъ де-Гуляромъ, а Пикара отправилъ наблюдать за интернационаломъ въ Бельгіи. Королевская рѣчь, открывшая первую сессію парламента, робка и преисполнена сдержанности, между тѣмъ какъ, на этотъ разъ, желательно бы было энергическое, восторженное слово, которое возвѣстило бы міру, что Италия въ Римѣ *incipit vita nova*. Правительство вынуждено быть реакціоннымъ, не столько для удовлетворенія личныхъ вкусовъ, сколько изъ желанія выказать себѣ благоразумнымъ и благовоспитаннымъ въ глазахъ духовенства, которое отлично умѣетъ пользоваться нашими уступками, обзывая насъ въ то же самое время глупцами и говоря, что наши уступки или слишкомъ велики, или слишкомъ незначительны. Папа, получающій безъ зазрѣнія совѣсти отъ итальянскаго правительства милліоны, отпускаемые на его содержаніе, первый подаетъ примѣръ такого презрѣнія къ государственной власти. Мы добились не свободной церкви въ свободномъ государствѣ, какъ желалъ графъ Кавуръ, но свободнаго клерикальнаго государства въ несвободномъ гражданскомъ государствѣ. Мы очевидно выиграли немного. И хотя зло это чисто мѣстное, римское, но такъ какъ вниманіе всей Италиі приковано къ Риму, который долженъ до извѣстной степени давать тонъ національной жизни на всемъ полуостровѣ, то робость національнаго правительства и дерзость духовенства, которое интригуется въ Ватиканѣ, вредно отражается на всей странѣ. Регроградная партія оживляется и дѣлается смѣлѣе. Во Флоренціи, напримѣръ, съ отъѣздомъ короля, вся власть сосредоточилась въ ея рукахъ. Она дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію и сообразно съ своими выгодами. Синдикъ Флоренціи — ея властелинъ, а муниципія — ея крѣпость, и все сводится къ тому, чтобы превратить этотъ городъ въ удѣльное помѣстье господъ муниципаловъ, которые желаютъ распоряжаться дѣлами и личностями по своему личному благоусмотрѣнію. Въ муниципіи господствуетъ реакціонный духъ. Ея чиновники въ большинствѣ почти случаевъ — старые слуги великаго герцога и члены общества Сен-Венсента де-Поля (*San-Vincenzo de Paoli*). Они стремятся, въ настоящее

время, сдѣлать муниципальными всѣ правительственныя учрежденія, находящіяся во Флоренціи, потому что надѣются, въ послѣднемъ случаѣ, придать имъ тотъ клерикальный и реакціонный оттѣнокъ, который долженъ обезпечить партію прошлаго противъ всякихъ опасностей будущаго. Мнѣ помнится, я уже очертилъ, въ одной изъ моихъ предыдущихъ корреспонденцій, такъ-называемыхъ итальянскихъ *паолотти*. Пользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобы прибавить нѣсколько новыхъ штриховъ къ моему очерку. Паолотти, т.-е. члены общества Сен-Венсенъ де-Поля, это—язва латинскаго общества и служатъ тайнымъ орудіемъ для явныхъ и ненавистныхъ іезуитовъ. Они разсѣяны по всѣмъ классамъ общества, носятъ всевозможные костюмы, говорятъ на всѣхъ языкахъ, пристають ко всѣмъ партіямъ и помощью живой личности, принимаемой ими на себя, готовятъ свое торжество. Во Флоренціи, гдѣ они изучили принципы Маккиавелли и хорошо освоились съ политикой, разрѣшающей всѣ средства для достиженія хорошей цѣли,—они искусны, чѣмъ гдѣ-либо. Цѣль же ихъ заключается въ томъ, чтобы захватить власть и направить ее къ достиженію личныхъ выгодъ, то-есть выгодъ реакціи. Политика Паолотти самая подвижная и эластичная, а потому и самая опасная. Они допускаютъ, напримѣръ, что ничего не стоитъ, будучи главой паолотти и синдикомъ Флоренціи, выразить преданность отъѣзжающему королю Италіи, и можно публично въ парламентѣ или на какомъ-нибудь политическомъ банкетѣ произнести рѣчь, въ которой будетъ упомянуто, въ числѣ прочаго, и о прогрессѣ. Они допускаютъ, что можно безнаказанно позволять себѣ разныя либеральныя выходки; такъ, напр., нѣсколько дней тому назадъ, по случаю торжественнаго открытія на публичной флорентинской площади величественнаго монумента, — поставленнаго благодѣтелю бѣдныхъ, князю Николаю Демидову, и вышедшаго изъ-подъ рѣзца знаменитаго Бартолини, — наши реакціонеры нашли приличнымъ назвать Россію оплотомъ всякой тиранніи (благо русскій посланникъ находится теперь въ Римѣ, а русскіе живутъ далеко и не понимаютъ итальянской рѣчи синьора Перуцци). Все это считается не только возможнымъ, но благоразумнымъ и приличнымъ. Флорентинскіе Маккиавелли, изъ числа паолотти, очень хорошо знаютъ, что клерикальный депутатъ д'Ондесъ Реджіо не принесъ никакой пользы своей партіи, именно потому что всегда говоритъ то, что думаетъ. Онъ остался одинокимъ и безъ всякаго политическаго вліянія въ парламентѣ. Система у паолотти иная. Въ публикѣ необходимо высказывать такія идеи, которыя нравятся публикѣ; дѣйствіе такихъ рѣчей, говорятъ они своимъ прозелитамъ, всегда вѣрное, и газеты будутъ на вашей сторонѣ. Весьма важно, чтобы газеты дѣлали васъ популярными и симпатичными, чтобы онѣ распространялись насчетъ вашего ума, благородства, увлекательнаго краснорѣ-

ція, то-есть всего того, что можетъ увлечь легковѣрную толпу и усилить ваше вліяніе. Ни министры, ни даже самъ король не посмѣютъ ни въ чемъ отказать человѣку, который можетъ дать имъ понять, что за него стоитъ цѣлый городъ. Разумная же и толковая политика заключается въ томъ, чтобы умѣть пользоваться благопріятнымъ случаемъ и просить, просить, вѣчно просить, безъ конца просить. Такой политики строго держатся новые господа Флоренціи.

Я былъ въ Туринѣ, въ 1859-мъ году, когда пришла роковая вѣсть о виллафранкскомъ мирѣ. Негодованіе пьемонтцевъ не знало границъ; офицеры ломали свои шпаги, графъ Кавуръ возвратилъ королю свой портфель; народъ проклиналъ Наполеона III, главнаго виновника вѣроломнаго трактата. Когда Наполеонъ III прибылъ въ Туринъ, то нашелся вынужденнымъ скрываться отъ народа, такъ какъ могъ опасаться за свою жизнь; тогда для вѣзда въ Туринъ король взялъ его въ свою карету. На всемъ пути отъ станціи до королевскаго дворца раздавались непрерывно крики: *долой Наполеона! и да здравствуетъ нашъ король!* Вечеромъ народъ окружилъ королевскій дворецъ, и крики привѣтствія королю не умолкали. Король два раза пытался представить народу своего вѣнценоснаго кузена, императора Наполеона III, но туринцы упорно кричали: *не хотимъ Наполеона! да здравствуетъ король!* и императоръ долженъ былъ удалиться. Тогда восторженные крики, которыми привѣтствовалъ народъ Виктора-Эммануила, стали еще шумнѣе, а Наполеонъ, не въ силахъ будучи сдерживать долѣе свое бѣшенство, проговорился, что Туринъ дорого заплатитъ за эту демонстрацію. И день расплаты не замедлил наступить. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Пьемонтъ лишился Кавура. Чтобы показать, какое настроеніе приняли уже тогда умы относительно Франціи, я долженъ упомянуть, что молва сваливала вину въ этой неожиданной смерти на завистливаго властелина Франціи, которому мѣшала гений Кавура, осмѣливагося провозгласить Римъ столицей Италіи.

Фактъ тотъ, что не успѣлъ флорентинскій министръ Убальдино Перуцци вступить въ управленіе, вмѣстѣ съ своимъ болонскимъ собратомъ Марко-Мингетти, какъ составилъ заговоръ вмѣстѣ съ французскимъ императоромъ противъ короля и Пьемонта, чтобы съ помощью позорной конвенціи, равнозначущей съ отреченіемъ отъ Рима, перенести столицу изъ Турина во Флоренцію. Но прежде чѣмъ конвенція сдѣлалась извѣстна королю, синьора Перуцци написала своимъ тосканскимъ друзьямъ, чтобы они готовились услышать великую новость. Туринъ взволновался и произвелъ рядъ демонстрацій, стоившихъ ему нѣсколькихъ жертвъ; когда же впослѣдствіи правительство, слѣдуя совѣту благороднаго д'Азелію, потребовало отъ него счетовъ, Туринъ отвѣчалъ, что не можетъ представить никакихъ счетовъ и что молчанія его нельзя купить золотомъ. Съ трудомъ согласился Туринъ

уступить правительству тѣ долги, которые онъ необходимо долженъ былъ сдѣлать, въ качествѣ столицы.

Пришлось потратить много милліоновъ, для того, чтобы перенести столицу въ городъ, вовсе для этого неподготовленный. Но Маккиавелли выигралъ свою партію въ этой политической игрѣ, и этого ему было достаточно. Италію разорили въ пользу Тосканы, чтобы разоренные владѣльцы ея могли устроить свои дѣлишки, что въ сущности имъ и удалось. Когда затѣмъ начались ментанскіе переговоры, они встревожились и поспѣшили учинить всякія затрудненія кабинету Ратацци, чтобы помѣшать ему перенести столицу въ Римъ, на что онъ имѣлъ право по истеченіи срока конвенціи, которую въ 1864-мъ году въ Туринѣ они же выставляли временной. Съ паденіемъ Ратацци власть перешла въ руки тосканской котеріи, представителемъ которой былъ тогдашній синдикъ Флоренціи, Камбрэ Диньи.

Вступленіе Камбрэ Диньи въ управленіе финансами оставило вакантнымъ постъ синдика Флоренціи, который и былъ переданъ бывшему министру Убальдино Перуцци, творцу конвенціи съ Франціей. Дѣла устроились согласно желаніямъ флорентинской котеріи; о Римѣ перестали и помышлять, потому что въ него вернулись французскія войска; повидимому, Флоренціи предстояло остаться столицей навѣки. Убальдино Перуцци опочилъ на лаврахъ. Какъ внезапно разыгралась сѣданская катастрофа и потревожила его мирный сонъ! палъ бичъ Италіи, ее знаменитый союзникъ и тиранъ! Правительство, само собою разумѣется, немедленно порѣшило разорвать конвенцію и перебраться въ Римъ. Флорентинскій синдикъ лишился покоя; его газеты и газетинки затѣли на всѣ тоны *dies irae!* и принялись безъ умолку пугать правительство призраками державъ, которыя будто-бы вооружаются, чтобы воспрепятствовать его намѣренію; но вдругъ министръ финансовъ шепнулъ словечко на ухо флорентинскому синдикъ, рѣшившемуся послѣ этого разыграть роль умнаго человѣка. Флорентинская муниципія потребовала и получила отъ правительства приличную сумму, въ двадцать милліоновъ франковъ, въ уплату за гостепримство, оказанное въ качествѣ столицы государства въ теченіи пяти лѣтъ. Сумма эта кажется довольно кругленькой, тѣмъ болѣе, что большинство расходовъ, сдѣланныхъ флорентинской муниципіей, были бы неизбѣжны помимо содержанія столицы. Но такъ какъ флорентинское населеніе очень благоразумно отнеслось къ извѣщенію о перенесеніи столицы въ Римъ, то правительство видя, что отъ всякихъ беспорядковъ можно откупиться деньгами, заплатило щедрой рукой и безъ всякой прогвѣрки все, что потребовалось. Такимъ образомъ, Убальдино Перуцци за честь и славу, выпавшія на долю Флоренціи, послужить въ теченіи пяти лѣтъ государству столицей, выторговалъ столько, сколько нужно, чтобы барски прожить цѣлыхъ полвѣка. Казалось бы, что

этого достаточно; но не такъ думаютъ потомки торгашей, и сами торгаши, каковы всѣ эти флорентинскіе господа. Имъ пришло на мысль, что всякое правительство имѣетъ министерства, а въ каждомъ министерствѣ есть министръ, и что конечно они готовы будутъ ублажать синдика этой бѣдной, покинутой Флоренціи.

И вотъ синдикъ Флоренціи направляетъ всѣ усилія на то, чтобы помимо капитала, подареннаго городу, выпрашивать у всѣхъ министровъ, поочередно, милостей и привилегій и такимъ образомъ, наражаясь въ перья національнаго навалина, разыгрывать великаго и щедраго господина въ глазахъ своихъ восторженныхъ подданныхъ. Такъ, напримѣръ, онъ изъ всѣхъ силъ добывается отъ правительства чудовищной уступки; а именно, ни болѣе, ни менѣе, какъ того, чтобы королевскій институтъ высшихъ наукъ поступилъ въ вѣдѣніе муниципія, но чтобы при этомъ правительство приняло на свой счетъ двѣ трети расходовъ. Эта штука чисто въ духѣ папшотти, и имѣетъ въ виду подчинить все высшее образованіе реакціоннымъ идеямъ и стремленіямъ муниципія. Я надѣюсь, что эта затѣя останется безъ послѣдствій; изъ того, что я слышалъ нѣсколько дней тому назадъ въ Римѣ отъ многихъ вліятельныхъ депутатовъ, и даже изъ устъ самого министра народнаго просвѣщенія, я вывелъ заключеніе, что наглое требованіе флорентинскаго синдика встрѣтитъ сильныя препятствія, о которыхъ и разобьется. Но здѣсь встаетъ упомянуть, какъ о знаменіи времени, объ одномъ, по истинѣ, грустномъ и непріятномъ фактѣ. Прекрасная Флоренція, покинутая правительствомъ, грозитъ превратиться въ гнѣздо флорентинскихъ реакціонеровъ и въ госпиталь для больныхъ иностранцевъ. Самое прелестное мѣсто Италіи грозитъ обратиться въ самое печальное, благодаря могущественнымъ лицамъ, управляющимъ этимъ городомъ.

Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы и въ Римѣ дѣла принимали особенно веселый оборотъ. Если правительство не выкажетъ больше энергіи въ борьбѣ съ реакціонной бурей, которая угрожаетъ ему со всѣхъ сторонъ, то оно подготовитъ себѣ довольно опасную будущность. Въ послѣднюю, недавнюю поѣздку мою въ Римъ, я пожелалъ узнать какъ идутъ занятія въ тамошнемъ университетѣ. Весьма интересно было видѣть, какое направленіе приметъ высшее образованіе въ первомъ городѣ государства, служащаго вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденной резиденціей папства. Каѳедры въ былое время были заняты, въ большинствѣ случаевъ, профессорами, преклонявшимися передъ свѣтской властью папы, и если не вѣрующими, то дѣлавшими видъ, что вѣрятъ въ его непогрѣшимость, и упорными консерваторами, стоявшими за самыя древнія методы преподаванія по всѣмъ отраслямъ наукъ. Римскій университетъ до настоящаго года управлялся на основаніи папской буллы *Della sapienza*. Въ этомъ году правительство присту-

милу къ нѣкоторымъ частнымъ реформамъ и начало съ того, что сравняло нищенское содержаніе, получаемое до того времени профессорами римскаго университета, съ тѣмъ, даже еще недостаточнымъ, содержаніемъ, какое получаютъ профессора въ остальныхъ университетахъ государства. Но, вначалѣ, министр народнаго просвѣщенія удовольствовался назначеніемъ немногихъ профессоровъ, сдѣланнымъ съ большой осмотрительностью, чтобы не задѣть щекотливости Ватикана и не напугать его большими нововведеніями. Но невозможно было правительству терпѣть долѣе, чтобы въ римскомъ университетѣ проповѣдывали противогосударственныя идеи, въ защиту свѣтской власти папы. Чтобы оградить себя отъ такой опасности, правительство, совершенно основательно, нашло необходимымъ потребовать присяги отъ всѣхъ профессоровъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ: итальянскіе законы обявываютъ профессоровъ (хотя бы они были атеистами) приносить присягу, но надо замѣтить, что формула присяги довольно сжата, а потому недѣйствительна, такъ какъ, вслѣдствіе своей краткости, подаетъ поводъ къ двусмысленнымъ исключеніямъ. Около двадцати профессоровъ отказались дать присягу; остальные, болѣе сговорчивые, показали видъ, что признають новую власть, принесли присягу и сохранили свои мѣста. Профессора же, отказавшіеся присягать, вынуждены были отказаться отъ кафедръ и отправились искать убѣжища въ Ватиканѣ, гдѣ, тѣмъ временемъ, папа затѣялъ организовать свой собственный католическій университетъ. Клерикальная партія надѣялась одно время, что правительству не удастся открыть въ нынѣшнемъ году римскій университетъ, вслѣдствіе многочисленныхъ отставокъ профессоровъ, и радовалась этому обстоятельству въ своихъ органахъ. Правительство прибѣгло къ крайней мѣрѣ, вызванной необходимостью, и пригласило нѣсколькихъ профессоровъ изъ другихъ университетовъ государства. Тогда всѣ клерикальныя органы, которымъ немедленно принялись вторить флорентинскія газеты, возстали противъ министра, обвиняя его въ желаніи устроить римскій университетъ цѣной обѣднѣнія и даже распадація другихъ университетовъ. Это предательское и нелѣпо преувеличенное обвиненіе произвело, тѣмъ не менѣе, нѣкоторое волненіе въ провинціяхъ. Министръ, видя, что имѣетъ дѣло съ вѣроломной партіей, рѣшился отвѣчать на лукавство—лукавствомъ. Въ нашемъ парламентѣ насчитывается нѣсколько депутатовъ-профессоровъ, которые уже нѣсколько лѣтъ какъ получаютъ свое жалованье, но не читають лекцій, ссылаясь на то, что не могутъ одновременно засѣдать въ парламентѣ и ѣздить на лекціи въ свои отдаленные университеты. Министру удалось замѣстить, по крайней мѣрѣ на этотъ годъ, всѣ вакантныя кафедры въ римскомъ университетѣ: онъ пригласилъ читать лекціи нѣсколькихъ сенаторовъ и депутатовъ, находящихся въ Римѣ, людей

замѣчательнѣйшихъ по своимъ ученымъ трудамъ. Такъ, напримѣръ, сенаторъ Эрколе Рикотти, пьемонтецъ, самый лучший, безъ сомнѣнія, изъ нашихъ современныхъ историковъ, приглашенъ читать новѣйшую исторію; сенаторъ Теренціо Маміани, пезарецъ, самый извѣстный изъ нашихъ философовъ, приглашенъ читать философію исторіи; депутатъ Доменико Берти, пьемонтецъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, авторъ прекрасной книги о Джордано Бруно, призванъ читать исторію философіи; оба наши талантливые юрисконсульты депутаты Анжело Месседалья, венеціанецъ, и П. С. Манчини, неаполитанецъ, читаютъ право; сицилійскій депутатъ Грегорио Угдулена, переводчикъ библіи съ еврейскаго, принялъ кафедру еврейскаго языка, а сардинскій депутатъ Паскаль Умана взялся читать патологию. Такимъ образомъ, всѣ главныя кафедры римскаго университета были замѣщены въ самомъ непродолжительномъ времени. Я слышалъ отъ самого министра народнаго просвѣщенія, что онъ надѣется передать кафедру латинской филологіи въ римскомъ университетѣ знаменитому нѣмецкому филологу Корсену. Такимъ образомъ, надежды іезуитовъ не осуществились. Правда, что въ аудиторіяхъ римскаго университета въ настоящую минуту очень пусто.

Два профессора римскаго университета: сицилійскій медикъ Тодоро и пьемонтскій филологъ Линьяна, читающіе сравнительное языковѣдѣніе, имѣли неосторожность подписать адрессъ Дёллингеру отъ имени университета, а іезуиты воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы протрубить въ Римѣ, что новый университетъ будетъ разсадникомъ не только идей Дёллингера, но и отъявленнаго раціонализма. Отцы семействъ пришли въ ужасъ, и двѣсти юношей перешли изъ правительственнаго университета въ ватиканскій, католическій. Мы говорили въ Римѣ, что въ настоящую минуту студентовъ, правильно посѣщающихъ филологическіе курсы въ римскомъ университетѣ—всего только два. Поэтому профессора принуждены въ настоящее время читать лекціи *pour le grand public*, а слѣдовательно болѣе популярныя, нежели научныя. Но если зло и велико, за то не непоправимо. До сихъ поръ римскій университетъ былъ лишенъ необходимой поддержки, которую ему должны оказать хорошія приготовительныя училища. Когда эти послѣднія усовершенствуются и будутъ насчитывать много учениковъ, тогда и римскій университетъ будетъ процвѣтать. Но, повторяю, я не могу одобрить системы правительства вѣчно заботиться о томъ: что скажутъ объ его дѣйствіяхъ въ Ватиканѣ, между тѣмъ какъ въ самомъ Ватиканѣ очень мало интересуются мнѣніемъ правительства. Искусство хорошаго управленія заключается въ умѣньи дѣлать уступки, но уступки либеральнымъ идеямъ, которыя распространяются въ массахъ, а не требованіямъ набожнаго невѣжества, не уступки отжившему прошлому, которое не можетъ вернуться къ жизни. Правительству

слѣдуетъ держаться извѣстнаго *modus vivendi* относительно своего народа. Если Піо IX нравится разыгрывать роль жертвы и сидѣть взаперти, то такая мономанія не должна беспокоить правительство и ему слѣдуетъ лишь указать на нее итальянскимъ антропологамъ и патологамъ, какъ на интересное, для изученія, патологическое явленіе. Но нелѣпость заключается въ томъ, что оно смотритъ на Ватиканъ, какъ на свою полярную звѣзду. Эта звѣзда зловѣщая, эта звѣзда предвѣстница бурь въ итальянской политикѣ. Горе тому, кто безразсудно довѣряется ей! Матеріальныя неудобства, встрѣчающіяся въ Римѣ, могутъ быть устранены современемъ; чувствуется недостатокъ въ квартирахъ, но много мѣста, которое можетъ застроиться, какъ это было въ древнемъ Римѣ. Комфортъ образованной жизни отсутствуетъ, но сообщеніе съ образованнымъ міромъ легкое, и комфортъ легко создать. Воздухъ римской Кампаньи нездоровъ, но онъ всегда былъ таковъ. Когда примутся воздѣлывать запущенныя пространства земли, разводить на нихъ растительность и застраивать ихъ домами, тогда воздухъ сдѣлается здоровымъ. Но всѣ матеріальныя выгоды, которыя можно извлечь изъ Рима, останутся втунѣ, если ватиканскій вампиръ, если іезуиты и клерикалы будутъ продолжать высасывать всѣ соки умственной жизни. Римъ можетъ весьма хорошо расти въ матеріальномъ отношеніи, но лишь затѣмъ, чтобы легче сгнить, а вовсе не затѣмъ, чтобы воскреснуть къ новой жизни. Въ самихъ римлянахъ нѣтъ достаточно энергіи, чтобы можно было надѣяться на ихъ личныя усилія къ возрожденію; но у нихъ, какъ и у ихъ древнихъ предковъ, существуетъ удивительное качество, а именно: способность примѣненія, умѣнье сживаться со всѣми другими населеніями Италіи. Они легко ассимилируютъ все, что ихъ окружаетъ, и древній Римъ сталъ великъ лишь при содѣйствіи всѣхъ другихъ частей Италіи. Сама латинская литература не столько римская, сколько итальянская. Неаполитанцы: Циперонъ и Овидій, отличаются легкостью и непринужденностью краснорѣчія нинѣшнихъ неаполитанцевъ. Венеціанцы: Виргилій и Катуллъ, отличаются граціей и изяществомъ современныхъ венеціанцевъ. Древнія качества сохранились и усовершенствовались у современныхъ итальянцевъ, которыхъ привлекаетъ теперь Римъ, и надо надѣяться, что разнообразіе нравственныхъ, умственныхъ и матеріальныхъ средствъ создастъ нѣчто высокое, плодотворное и оригинальное. Но для этого необходимъ полный просторъ для дѣйствій; слѣдуетъ отбросить какъ изъ искусства и литературы, такъ и изъ жизни, привычки, внесенныя туда тлетворнымъ клерикализмомъ католической церкви. Послѣдній, обративъ насъ въ идолопоклонниковъ, употребляетъ всѣ старанія, чтобы исказить нашу натуру, убить въ насъ всякое стремленіе къ идеалу и обезличить насъ. И еслибы иностранная дипломатія, въ лицѣ своихъ пред-

ставителей въ Римѣ вмѣсто того, чтобы проповѣдывать нашему правительству умѣренность, сдержанность и всякія угожденія святому отцу и той кликѣ лицемѣровъ, которая его окружаетъ, признала въ насъ народъ способный къ самостоятельности, а не толпу безпокойныхъ и буйныхъ ребятишекъ, то оказала бы тѣмъ бѣольшую услугу цивилизаціи, чѣмъ она думаетъ. Для ннхъ противодействовать вліанію папы, значитъ проповѣдывать доктрину достойную интернаціонала и быть врагомъ отечества. Но клевета должна пасть сама собой, а истина восторжествовать. Справедливо то, что Италія избавилась отъ ига Наполеона III для того, чтобы подпасть подъ иго, не менѣе роковое, „намѣстника“ Христа. Какой толкъ изъ того, что у него нѣтъ больше солдатъ, если онъ продолжаетъ властвовать надъ душами? солдатамъ можно противопоставить другихъ солдатъ; но когда надъ цѣлой страной тяготѣетъ духовное иго, которое нельзя свергнуть, тогда души должны или возмутиться, или же поработиться. Многіе изъ насъ согласились бы скорѣе носить цѣпи на рукахъ, чѣмъ поработить душу свою и отказаться отъ всѣхъ здоровыхъ, свѣтлыхъ идей, которыя однѣ могутъ содѣйствовать цивилизаціи. Я не знаю, какъ переживетъ Италія опасный кризисъ, въ которомъ она находится, но надѣюсь, что счастье не покинетъ насъ и тутъ, и что какъ только образуется болѣе энергическое и рѣшительное министерство, чѣмъ настоящее, Господь Богъ направитъ стопы Пія IX и всей черной клики въ замокъ По. Пусть французы наслаждаются вслѣдствіе его присутствіемъ. Мы цѣлыхъ восемнадцать столѣтій пользовались этимъ счастьемъ; пора наградить имъ землю *dei Re Cristianissimi*. Мы же чувствуемъ потребность обновиться слегка „языческимъ“ духомъ, чтобы сблизиться съ природой, простой и живой языкъ которой былъ намъ чуждъ въ теченіи многихъ столѣтій. Пусть облачается въ траурныя лохмотья папизма тотъ, кто хочетъ умирать, мы же хотимъ жить, дышать полной грудью и трудиться на пользу всего міра.

D. G.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

24 (12) декабря, 1871.

Тьеръ и Национальное Собраніе.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ я не могъ вполне удовлетворительно очертить вамъ положеніе, въ какомъ находятся наши дѣла, и мнѣ кажется, что въ этотъ промежутокъ времени положеніе это мало измѣнилось. Нѣкоторые лица, надежды которыхъ мнѣ пріятно было раздѣлять, мечтали, что національное собраніе, сойдясь вновь, разсѣетъ политическія тучи и ободритъ умы. Но до сихъ поръ этого не замѣтно. Начать съ того, что самое посланіе Тьера произвело невыгодное впечатлѣніе. И хотя неудовольствіе, вызванное имъ, было конечно черезчуръ преувеличенное, и уже сгладилось въ настоящую минуту, но нельзя утверждать, чтобы этотъ документъ вполне соответствовалъ обстоятельствамъ. Смущенные, встревоженные умы ждали, что посланіе Тьера ободритъ, направитъ ихъ, — чего оно не сдѣлало. Единственный пунктъ, насчетъ котораго президентъ республики высказался ясно, таковъ именно, что возстановить противъ него рѣшительно всѣхъ и не привлечетъ на его сторону ни единого приверженца. Я говорю о всеобщей воинской повинности, которой единодушно желаетъ какъ сама армія, такъ и всѣ политическія партіи, и которой упорно противится Тьеръ. Съ другой стороны, посланіе умалчивало о разныхъ другихъ вопросахъ, относительно которыхъ желательно было, чтобы правительство высказалось. Все это въ связи съ вѣлымъ, неопредѣленнымъ и искусственно безпристрастнымъ тономъ посланія, въ которомъ замѣтно стремленіе угодить всѣмъ партіямъ, сильно не понравилось. Къ довершенію всего президентъ нашелъ нужнымъ лично прочесть свое посланіе, вмѣсто того, чтобы просто роздать его народнымъ представителямъ, какъ это дѣлается въ Соединенныхъ Штатахъ. Мысль эта была неудачна, и Тьеръ навлекалъ на себя замѣчанія со стороны правой и лѣвой и пытался возражать на эти замѣчанія. Словомъ, когда онъ сошелъ съ трибуны, то общее впечатлѣніе было таково, что онъ потерпѣлъ политическое поражение, и его друзья были въ отчаяніи. При чтеніи легче было отдать себѣ отчетъ въ томъ, что было дѣйствительно хорошаго въ посланіи, и пришлось бы сознаться, что усилія правительства, несмотря на встрѣчаемыя препятствія, не остались совершенно безплодными. Дѣйствительно, еслибы общественное мнѣніе во Франціи было спокойнѣе и безпристрастнѣе, а главное, еслибы различныя партіи и интриганы

не волновали его, то оно сознало бы, что положеніе дѣлъ значительно улучшилось въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, и что судя по тому, что уже сдѣлано, можно успокоиться за будущее.

Оккупация приведена къ *minimum*, налоги взимаются легче, чѣмъ можно было ожидать, и страна относительно легко выдерживаетъ обязательства, наложенныя на нее. Такими результатами Тьеръ по справедливости можетъ гордиться, потому что страна обязана ими главнымъ образомъ его усиліямъ. Это повидимому поняло и собраніе, и въ немъ проявилась въ теченіи одного или двухъ дней какъ бы реакція благодарности. Прибавьте къ этому, что правительство успѣло, тѣмъ временемъ, высказаться насчетъ двухъ пунктовъ, о которыхъ посланіе, къ величайшему изумленію, умалчивало; а именно насчетъ вопроса о перенесеніи собранія изъ Версаля въ Парижъ и реформы по дѣлу образованія. Относительно перваго, Тьеръ высказался положительно за переѣздъ въ Парижъ, и надо надѣяться, что его мнѣніе возьметъ верхъ. Относительно втораго, министръ народнаго просвѣщенія представилъ наконецъ проектъ закона о первоначальномъ и обязательномъ обученіи, и общее мнѣніе рѣшило, что этотъ проектъ соответствуетъ до извѣстной степени требованіямъ и условіямъ настоящаго времени. Я подробнѣе поговорю о немъ, когда очерчу политическое настроеніе умовъ.

Итакъ, публика нѣсколько примирилась съ посланіемъ президента, когда возникло дѣло объ орлеанскихъ принцахъ и дало новую пищу политическимъ страстямъ. Я уже упоминалъ вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ о роковой двусмысленности того положенія, въ какое поставлены орлеанскіе принцы. Они отнюдь не заговорщики и честные люди въ полномъ значеніи этого слова, но не могутъ помѣшать однимъ недоувѣрять имъ, какъ претендентамъ, другимъ возлагать на нихъ надежды и рассчитывать, что они свергнутъ республику или же упорчатъ ее. Тьеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, которые имъ не доувѣряютъ: вотъ почему онъ закрылъ имъ доступъ въ собраніе вмѣстѣ уничтоженія законовъ объ изгнаніи. Расчетъ его былъ невѣренъ: лучше бы было, разъ имъ давъ доступъ во Францію, не ставить ихъ въ исключительное положеніе, придающее имъ извѣстное значеніе. Между тѣмъ принцы нетерпѣливо выносили обязательство, принятое ими на себя. Я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ, что они желали освободиться отъ него до начала каникулъ собранія и утверждали совершенно, по моему, основательно, что предложеніе Ривѣ, по которому Тьеру предоставлено право быть несмѣщаемымъ президентомъ республики, въ теченіи извѣстнаго періода, лишаетъ всякаго смысла ихъ дальнѣйшее исключеніе изъ собранія, такъ какъ нельзя больше ихъ подозрѣвать въ желаніи захватить власть, которую собраніе вручило Тьеру.

Вотъ какъ они разсуждали три мѣсяца тому назадъ, и я потому упоминаю объ этомъ обстоятельстве, чтобы доказать, что попытка сдѣланная ими на дняхъ не есть результатъ внезапнаго рѣшенія и соображеній возникшихъ, и нисколько не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго Тьеру. Кромѣ того происки легитимистской партіи, желающей обратить ихъ въ орудіе реставраціи въ пользу графа Шамбора, могли внушить имъ желаніе положить конецъ этимъ интригамъ и закуснымъ преслѣдованіямъ и заставить ихъ настаивать на своемъ правѣ засѣдать въ собраніи. Чрезвычайно враждебное отношеніе правой къ ихъ дѣлу какъ будто подтверждаетъ это заключеніе. Неожиданная стачка крайней правой стороны съ лѣвой помѣшала принципамъ вступить въ собраніе при тѣхъ условіяхъ, которыя были для нихъ желательны. Имъ хотѣлось, чтобы собраніе освободило ихъ отъ даннаго ими обѣщанія, но собраніе отказало имъ въ этомъ. Оно объявило, что это дѣло его не касается, и принцы конечно могли занять свой постъ въ собраніи, но дали возможность при всякомъ удобномъ случаѣ упрекать ихъ въ нарушеніи даннаго слова, что сильно усложняетъ положеніе уже и безъ того довольно двусмысленное и измѣнить которое они не властны.

Какое дѣйствіе произведетъ вступленіе принцевъ въ собраніе? Это довольно трудно предвидѣть. Несомнѣнно, что съ нимъ связанъ нѣкоторый рискъ, котораго бы совсѣмъ не существовало или же въ весьма незначительной степени, еслибы принципамъ съ самаго начала позволили смѣшаться съ толпой депутатовъ. Они, какъ я уже сказалъ, честные люди и стараются быть добрыми гражданами, но у нихъ есть друзья, совѣтчики, люди, твердящіе имъ, что они призваны спасти Францію. Словомъ, возможно, что патріотизмъ ихъ постарается исказить, ослабить, увѣривъ, что Тьеръ губитъ Францію, вмѣсто того, чтобы спасти ее. Лично я убѣжденъ, напримѣръ, что герцога Омальскій могъ бы быть, еслибы пожелалъ, прекраснымъ президентомъ республики и повести дѣла, пожалуй, лучше Тьера, еслибы ему дали на то возможность; но въ томъ-то и суть, что возможности этой не можетъ быть, потому что вступленіе его въ управленіе дѣлами страны неминуемо повлекло бы за собою междоусобную войну. Вотъ чего не понимаютъ люди, стремящіеся къ низверженію Тьера.

Есть основаніе надѣяться, что герцога Омальскій окажется умнѣе, чѣмъ многіе изъ его друзей. Но невозможно ни за что поручиться, потому что во Франціи всегда существуютъ люди, убѣжденные, что страна нуждается въ спасеніи и что только они одни могутъ ее спасти.

Такимъ образомъ, при Луи-Филиппѣ, самъ Тьеръ подкапывался и низвергалъ не одно министерство изъ чистаго патріотизма и просто потому, что считалъ себя призваннымъ спасти общество. Можно, впрочемъ, усмотрѣть нѣкоторое ручательство во взаимномъ отношеніи пар-

тѣхъ въ настоящую минуту. Будь орлеанская партія настолько сильна, чтобы добиться допущенія принцевъ въ собраніе на тѣхъ условіяхъ, какія имъ были желательны, то-есть, чтобы собраніе освободило ихъ отъ даннаго слова, нельзя бы было ручаться за послѣдствія, такъ какъ такое вступленіе было бы побѣдоноснымъ. Но болѣе ловкая, чѣмъ поучительная стачка легитимистовъ съ республиканцами устранила опасность въ настоящую минуту, и она не возобновится, пока правая и лѣвая будутъ парализовать центръ. Но вы знаете, что такое собраніе вообще, а французское въ частности. Положеніе дѣлъ въ немъ вѣчно зависитъ отъ всякаго непредвидѣннаго случая.

Вотъ въ чемъ заключается главная опасность пребыванія собранія въ Версали. Тѣмъ депутатамъ, которые особенно настаиваютъ на пребываніи въ Версали, слѣдовало бы, по настоящему, особенно желать вернуться въ Парижъ. Дѣйствительно, противники Парижа являются вмѣстѣ съ тѣмъ противниками республики; предпочитая Версаль, они слѣдуютъ оборонительной системѣ. Они не желаютъ перебираться во враждебную имъ среду, но забываютъ, каковы были бы дѣйствія и значеніе этой среды при малѣйшемъ ихъ покушеніи противъ республики или противъ Тьера. Государственный переворотъ, или даже переворотъ, устроенный большинствомъ, съ поддержкой арміи, въ Парижѣ безъ сомнѣнія удался бы, потому что у инсurreкціи отнято оружіе. Но Парижъ, даже обезоруженный, оказался бы весьма сильнымъ по отношенію къ государственному перевороту, идущему извнѣ: ему стоило бы только запереть свои ворота, чтобы стать могущественнымъ. Вотъ почему на возвращеніе въ Парижъ должны были бы настаивать именно тѣ, которые возстаютъ противъ него, то-есть противники Тьера. Этого аргумента нельзя высказать въ печати, но онъ самый убѣдительный изъ всѣхъ. Пребываніе собранія въ Версаль постоянно грозитъ междоусобной войной.

Вступленіе орлеанскихъ принцевъ въ собраніе дало республиканцамъ поводъ сблизиться съ Тьеромъ. До того, они, по истинѣ, мало цѣнили все то, что онъ для нихъ дѣлаетъ, и органы ихъ преслѣдовали его не менѣе ожесточенно, чѣмъ органы легитимистовъ и бонапартистовъ. Въ этомъ отношеніи въ послѣднее время замѣчается чувствительная перемѣна.

Газеты, вдохновляемыя Гамбеттой, стали сираведливѣе къ президенту республики. Въ настоящую минуту на долю орлеанскихъ принцевъ выпала непріятная честь служить для нихъ мишенью. Объ этомъ нельзя не сожалѣть вдвойнѣ; во-первыхъ, потому что нападенія на принцевъ по большей части несправедливы, а во-вторыхъ, потому что самая несправедливость ихъ можетъ побудить принцевъ на какую-нибудь рѣзкую мѣру. Эти мнимые претенденты насчитываютъ въ настоящую минуту только одну газету, которая имъ предана, или двѣ

или три другихъ, которыя относятся къ нимъ довольно безпристрастно, не подозрѣваютъ ихъ безъ всякаго повода и понимаютъ, что нѣтъ причины ставить ихъ внѣ закона. Послѣ неудачной попытки сліянія, легистимистскія газеты обратились противъ нихъ; республиканскія никогда не переставали ихъ преслѣдовать, но самыя злостныя и неприличныя нападки идутъ со стороны бонапартистовъ. Нахальство этой партіи новѣеянно; вмѣсто того чтобы умолять подъ давленіемъ всеобщаго презрѣнія и негодованія, она кричитъ громче всѣхъ и я всего болѣе опасаясь этой партіи. Ея торжество гремитъ мнѣ какъ результатъ нашихъ раздоровъ и дурачествъ. О ней нельзя только разсуждать, какъ о другихъ партіяхъ, потому что ея шансы и ея приемы совсѣмъ особаго рода. Графъ Шамборъ не страшень болѣе со времени его манифеста о бѣломъ знамени. Герцогъ Омальскій можетъ достигъ власти лишь благодаря парламентскому движенію, и все еще можно сомнѣваться, чтобы онъ пошелъ на него. Бонапарти могутъ вернуться лишь помощью военнаго заговора. Этотъ заговоръ можетъ состояться и можетъ не состояться, можетъ удасться и можетъ не удасться, но здѣсь, во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ непредвидѣннымъ а оно-то всего болѣе ужасаетъ меня. Для успѣха достаточно было бы ровно столько военныхъ силъ, сколько нужно для того, чтобы захватить правительство. Остальное пришло бы само собой, а плебисцитъ освятилъ бы совершившійся фактъ. Съ этой точки зрѣнія просто безумство оставаться въ Версалѣ, потому что переворотъ подобнаго рода очень легко произвести въ Версалѣ и гораздо труднѣе въ Парижѣ.

Сегодня какъ разъ я попалъ въ одномъ изъ бонапартистскихъ органовъ на разговоръ, приписываемый Наполеону III-му и который свидѣтельствуемъ о макіавелевской ловкости этой партіи. Говорятъ, будто бы развѣнчанный императоръ, спрошенный насчетъ его плановъ и мнѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи, отвѣчалъ, что, на его взглядъ, еще не наступилъ моментъ для его возвращенія. Общественное мнѣніе все еще слишкомъ возстановлено противъ него; что онъ еще не успѣлъ возстановить своего добраго имени, но что необходимо принять мѣры, необходимо найти *спасителя*, такъ какъ Тьеръ съ намѣреніемъ или по неумѣлости губитъ Францію. При настоящемъ порядкѣ вещей, этимъ спасителемъ можетъ быть только герцогъ Омальскій. Этому принцу слѣдуетъ повторить то, что императоръ совершилъ 2-го декабря 1851-го г., и если онъ приступитъ къ этому, то императоръ обѣщаетъ ему свое содѣйствіе, то-есть содѣйствіе своей партіи. Если же онъ не рѣшится на это, то черезъ шесть мѣсяцевъ императоръ явится самъ и предложитъ себя Франціи.

Смыслъ этого маневра не трудно понять. Желаютъ въ одно и то же время компрометтировать и уронить герцога Омальскаго въ гла-

захъ честныхъ людей и показать глупцамъ и единомышленникамъ, что императоръ непрестанно печется о Франціи, готовъ уступить свои права другому, если этотъ другой захочетъ *пожертвовать* собой, и готовъ также, если нужно, снова взять на себя роль спасителя Франціи. Вы найдете, быть можетъ, этотъ приемъ весьма грубымъ, но могу васъ увѣрить, что онъ хорошо рассчитанъ для того дѣйствія, какое желаетъ произвести. Герцогу Омальскому слѣдовало бы воспользоваться случаемъ и ясно высказаться, отвергнувъ оскорбительное приглашеніе, и заявить, не ручаясь за будущее, что въ настоящую минуту обязанность всякаго честнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы поддерживать Тьера и настоящее французское правительство, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока территорія Франціи не будетъ вполне свободна отъ иностраннаго постоа. Но я сомнѣваюсь, чтобы онъ это сдѣлалъ. Не въ его натурѣ, кажется, принимать рѣшительныя мѣры.

Правительство доказало, довольно мелкимъ впрочемъ способомъ, что боится бонапартистской партіи. Въ собраніи не занято отъ двѣнадцати до пятнадцати мѣствъ, и выборы на нихъ назначены въ началѣ января, за исключеніемъ кандидатуры на депутата отъ Корсики, гдѣ почти несомнѣнно будетъ избранъ Руэрь. Это избраніе отсрочено насколько только возможно, то-есть до февраля мѣсяца. Правительство выигрываетъ мѣсяць благодаря такой стратегіи, которая, впрочемъ, вообще порицается его приверженцами. Люди, близко стоящіе къ Тьеру, увѣряютъ будто бы послѣдняго Руэрь пугаетъ не столько какъ политическій дѣятель, сколько какъ глава партіи, стоящей за свободу торговли. Поэтому его желаютъ не допускать въ собраніе, пока не рѣшится вопросъ о налогахъ и пошлинахъ. Это объясненіе довольно правдоподобно, но исключеніе Руэра, тѣмъ не менѣе, является ошибкой, потому что публика останется въ убѣжденіи, что Тьера пугаетъ бонапартистскій ораторъ. Къ тому же не надо заблуждаться: какъ политическій дѣятель, Руэрь окажется безсильнымъ въ собраніи, проникнутымъ почти единодушнымъ отвращеніемъ къ имперіи, но на публику рѣчи его могутъ оказывать большое вліяніе, если онъ станетъ напирать, — что почти несомнѣнно, — на послѣдовательные плебисциты, которые установили и закрѣпили имперію, и если поставитъ республику, или всякое другое правленіе въ необходимость подвергнуться такому же испытанію. На этомъ поприщѣ никто не въ состояніи соперничать съ бонапартистами; но для того, чтобы призвать на помощь всеобщую подачу голосовъ и обставить ее такъ, какъ они умѣютъ это дѣлать, надо сперва завладѣть положеніемъ. Вотъ почему возвращеніе бонапартовъ, во всякомъ случаѣ, является необходимо дѣломъ заговора.

Говорятъ, что еще одинъ бонапартистъ имѣетъ шансы быть выбраннымъ въ департаментъ Соммы. Что касается остальныхъ выборовъ, то результатъ ихъ неизвѣстенъ. Судя по послѣдней подачѣ го-

лосовъ, выборы будутъ преимущественно республиканскіе, съ той разницей, что значеніе ихъ ослабится вслѣдствіе того обстоятельства, что множество депутатовъ считаютъ, что ихъ слишкомъ часто безпокоили въ послѣдній годъ и намѣрены воздержаться отъ подачи голоса. Что касается парижскихъ республиканцевъ, то они могли бы оказать большую услугу какъ своей партіи, такъ и странѣ, еслибы согласились на такую кандидатуру, которая служила бы твердымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣреннымъ и разумнымъ выраженіемъ ихъ мнѣній. Въ такомъ случаѣ собраніе не могло бы долѣе отказываться отъ переѣзда въ Парижъ, и амнистія, которая желательна по многимъ причинамъ, но невозможна при настоящемъ напряженномъ состояніи умовъ, сдѣлалась бы возможной и даже легкой. Но я сомнѣваюсь, чтобы наши республиканцы поняли это. До сихъ поръ они какъ будто задались мыслью выставить во что бы то ни стало такое имя, которое служило бы пугаломъ для буржуазіи. Для начала, они послали депутацію къ своему прежнему вождю Ледрю Роллену, который вернулся въ Англію на жительство, и меньшій недостатокъ котораго заключается въ томъ, что ему совершенно чужды наши дѣла. Въ случаѣ, болѣе нежели вѣроятномъ, отказа со стороны Ледрю-Роллена, они обратятся къ Виктору Гюго. Нѣкоторые помышляютъ о Ранкѣ, бывшемъ членѣ коммуны, засѣдающемъ въ настоящее время въ муниципальномъ совѣтѣ Парижа и которому военный судъ оказалъ весьма загадочное снисхожденіе. Бурные запросы, сдѣланные недавно на его счетъ въ собраніи, нисколько не разъяснили его дѣла. Самое правдоподобное объясненіе заключается въ томъ, что Ранкѣ, будучи членомъ коммуны, находился въ сношеніяхъ съ Тьеромъ, о чемъ въ настоящее время не рѣшаются заявить. Благоразумнѣйшіе изъ республиканской партіи предлагаютъ Вотрена, президента муниципального совѣта въ Парижѣ, человека, политическія мнѣнія котораго не подлежатъ никакому сомнѣнію, но котораго всѣ уважаютъ и никто не опасается.

Если собраніе переберется въ Парижъ, если партіи дадутъ намъ вздохнуть свободно, если герцогъ Омальскій будетъ благоразуменъ, какъ я надѣюсь, а бонапартисты не затѣютъ заговора, то въ такомъ случаѣ настоящая сессія можетъ оказаться плодотворной и составить эпоху въ нашей исторіи. Она должна дать намъ тѣ два великихъ закона, отъ которыхъ всѣ ждутъ того, что называется нашимъ возрожденіемъ. Вы понимаете, что я говорю объ обязательной общей воинской повинности и объ обязательномъ первоначальномъ обученіи. Что касается военной реформы, то, какъ я уже говорилъ, здѣсь существуетъ расколъ между Тьеромъ и собраніемъ и еще болѣе между Тьеромъ и общественнымъ мнѣніемъ. Тьеръ можетъ все понять, но неспособенъ измѣнить убѣжденіямъ, которыя ему дороги. Онъ упорно

стоятъ за старую систему и желаютъ ограничиться тѣмъ, чтобы выжать изъ нея все, что она можетъ дать, то-есть самую сильную, но за то самую дорогую изъ армій. Благодарствителныя послѣдствія общей воинской повинности ускользаютъ отъ его ума, и военные, окружающіе его, напрасно пытаются убѣдить его. Но можно надѣяться, что это столѣновеніе не породитъ политическаго кризиса. Собраніе не уступитъ Тьеру, а Тьеръ не можетъ сдѣлать изъ подобнаго вопроса вопросъ кабинета! Онъ можетъ думать, что всѣ ошибаются, кромѣ него, но это не должно воспрепятствовать ему продолжать свою роль примирителя партій и наблюдать за выполненіемъ условій мира. Въ вопросахъ подобнаго рода, власть законодательная всегда должна, въ случаѣ разногласія, брать верхъ надъ властью исполнительной.

Противъ закона о первоначальномъ обученіи возстанутъ одни только клерикалы, хотя онъ предоставляетъ необходимый и законный просторъ религіознымъ интересамъ; но онъ лишаетъ членовъ духовныхъ корпорацій той привилегіи, которой они дорожили: права преподаванія, безъ предварительнаго публичнаго экзамена. Отнынѣ имъ нужны будутъ такіе же дипломы, какъ и для свѣтскихъ преподавателей. Принципъ обязательнаго обученія ясно выраженъ въ законѣ, но къ несчастію, въ примѣненіи на практикѣ, смягчится различными послабленіями, которыя казались необходимыми вслѣдствіе привычекъ, предразсудковъ, а также и по самой природѣ вещей. Такъ, наприимѣръ, сколько хочешь обязуй родителей давать дѣтямъ первоначальное образованіе, родители не въ состояніи будутъ этого выполнить, если не будетъ по близости школы. Между тѣмъ въ нашей странѣ, даромъ, что она претендуетъ стоять во главѣ цивилизаціи, во многихъ общинахъ нѣтъ школъ. Поэтому, проектъ закона долженъ былъ сдѣлать для настоящаго времени исключеніе въ пользу: „жителей тѣхъ общинъ, которыя, по мнѣнію компетентныхъ властей, не находятся въ условіяхъ, позволяющихъ примѣнить къ нимъ принципъ обязательности.“ Но это исключеніе должно распространиться лишь на одинъ годъ, и власти обязываются принять необходимыя мѣры, чтобы съ окончаніемъ этого срока открыты были школы въ тѣхъ общинахъ, въ которыхъ ихъ до того не было. Слѣдовательно, если законъ будетъ добросовѣстно приведенъ въ исполненіе, что всегда бываетъ сомнительно во Франціи, какъ и вездѣ — то прогрессъ можетъ быть очень быстръ и ощутителенъ. Къ несчастію, обязательство, налагаемое на родителей по отношенію къ ихъ дѣтямъ, нѣсколько призрачно, въ смыслѣ самой процедуры его примѣненія и той кары, которую навлекаетъ неисполненіе закона на виновныхъ. Процедура очень медленная, а карательныя мѣры первой и второй степени весьма ничтожны. Родители, у которыхъ не хватитъ настолько самолюбія, чтобы посылать своихъ дѣтей въ школу, должны отнестись весьма равнодушно къ

выговору школьнаго комитета и въ угрозы, что ихъ имена будутъ вывѣшены въ мэріи общины. Другія карательныя мѣры болѣе дѣйствительны: такъ, напримѣръ, лишеніе бѣдняковъ общественныхъ пособій, небольшіе штрафы, которые могутъ быть взимаемы въ видѣ работы въ пользу общины, запрещеніе поступать рабочими въ государственныя мастерскія. Но для того, чтобы подвергнуться всему этому, нужно многократно нарушить законъ. Рубрика увольненій отъ обязательства посѣщать школу, представляется мнѣ слишкомъ богатой. Превосходной же мѣрой является та, вслѣдствіе которой, начиная съ извѣстнаго періода—съ 1880 г. если не ошибаюсь—для того, чтобы быть избирателемъ, надо уметь читать и писать. Всеобщая подача голосовъ не станетъ отъ того болѣе просвѣщенной, но по крайней мѣрѣ перестанетъ быть посмѣшищемъ.

Въ настоящую минуту въ собраніи происходятъ весьма интересныя пренія по случаю предложенія министра финансовъ, по части бюджета. Предстоитъ еще вотировать около половины ресурсовъ, необходимыхъ для покрытія новыхъ обязательствъ, и собраніе колеблется между налогомъ на суровье, сырые продукты, входящемъ въ систему правительства, и подоходнымъ налогомъ. Другими словами, предстоитъ рѣшить, что выгоднѣе: обложить трудъ въ его первоначальной формѣ или же въ его послѣднихъ результатахъ. По всей вѣроятности, мнѣніе Тьера, который, надо полагать, самъ будетъ защищать свои взгляды и который питаетъ просто какой-то суевѣрный страхъ къ подоходному налогу, возьметъ верхъ, тѣмъ болѣе, что приверженцы income-tax расходятся во взглядахъ: они желаютъ обложить налогомъ лишь нѣкоторые доходы, другіе желаютъ обложить всѣ доходы безъ исключенія. Къ тому же вопросъ поставленъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ теоретически, слишкомъ абстрактно, какъ это всегда бываетъ во французскихъ собраніяхъ. Обѣ системы обсуждаются такъ, какъ будто бы дѣло происходило въ академіи. Мнѣ кажется, что приверженцы подоходнаго налога скорѣе добились бы побѣды, еслибы оставили въ сторонѣ ученую точку зрѣнія и ссылаясь только на обстоятельства, представили бы свою систему, какъ исключительный случай, обусловливаемый исключительными обстоятельствами. Такъ дѣйствуютъ англичане, и это не помѣшало income-tax выдѣрнуться въ ихъ бюджетъ и войти въ правы. Къ несчастію, во Франціи, мы привыкли дѣйствовать систематичнѣе и торжественнѣе.

Ничего не могу сообщить вамъ о нашихъ вѣдѣнныхъ дѣлахъ, по той простой причинѣ, что они находятся въ застоѣ въ настоящее время, и интересъ къ нимъ проснется у насъ лишь тогда, когда мы освободимся отъ оккупаци. Тьеръ вѣроятно можетъ увлекаться минутами, какъ я уже вамъ говорилъ, мечтами о возмездіи, но у него слишкомъ практическій умъ, чтобы долго на нихъ останавливаться.

Послѣдняя депеша Бисмарка по случаю казни французскихъ убійцъ нѣмецкихъ солдатъ произвела, само собою разумѣется, тяжелое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что это напоминаніе о сущности нашего положенія не было незаслуженнымъ. Такія убійства, какъ тѣ, которыя оправданы судомъ присяжныхъ, могли сопровождаться облегчающими обстоятельствами, но не допускали полного оправданія. Этого никто не посмѣлъ выразить въ печати, до того сильно еще враждебное настроеніе общественнаго мнѣнія противъ нѣмцевъ. Но, какъ бы то ни было, а Бисмаркъ могъ избавить отъ униженія и не печатать своей депеши, тѣмъ болѣе, что Тьеръ достаточно ясно высказалъ въ своемъ посланіи то, о чемъ не смѣла заявлять печать. Нѣмецкое правительство могло бы удовольствоваться этимъ и не заводить дипломатической, такъ сказать, полемики съ газетами. Не взирая на это обстоятельство, я полагаю, что отношенія между обоими правительствами настолько хороши, насколько это возможно при существующихъ обстоятельствахъ, и что переговоры объ очищеніи территоріи раньше истеченія послѣдняго срока будутъ возобновлены тотчасъ послѣ уплаты пятисотъ милліоновъ, которые составляютъ въ настоящее время обязательство правительства.

Нашъ послѣдній министръ иностранныхъ дѣлъ и вице-президентъ правительства національной обороны, Жюль Фавръ, подарилъ насъ, въ теченіи настоящаго мѣсяца, новой книгой, гораздо болѣе интересной, чѣмъ его предыдущее изданіе, касавшееся римскихъ дѣлъ. На этотъ разъ онъ излагаетъ исторію того самаго правительства, котораго онъ былъ членомъ, или, вѣрнѣе сказать, суть дѣла заключается въ апологін, хотя авторъ сообщаетъ намъ много неизвѣстныхъ подробностей, а поэтому трудъ его имѣетъ настоящій историческій интересъ. Члены правительства 4-го сентября подвергаются въ настоящую минуту такимъ сильнымъ нападкамъ, какъ я уже заявлялъ вамъ объ этомъ въ моемъ предыдущемъ письмѣ, что желаніе ихъ оправдаться вполне естественно. Главнымъ образомъ бонапартисты, побужденія которыхъ довольно ясны, ведутъ этотъ крестовый походъ. Но и другія партіи, и даже радикальная, примыкаютъ къ нему, высказывая такимъ образомъ глупость и ослѣпленіе изумительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбительныя. Результатомъ этой войны, ведомой одними съ такой ловкостью, и поддерживаемой другими съ такой безтактностью, является то, что громадныя ошибки имперіи мало-по-малу уходятъ на задній планъ въ глазахъ поверхностныхъ людей, а это бѣдное правительство національной обороны все болѣе и болѣе обвиняется во всѣхъ бѣдствіяхъ Франціи. Конечно, оно было не блистательно и сдѣлало много ошибокъ, оказалось во многомъ безсильно и безтактно, но кто же могъ бы восторжествовать при томъ положеніи дѣлъ, въ какомъ застало Францію паденіе имперіи? Со стороны людей, которые

4-го сентября, послѣ Седанской катастрофы, завладѣли властью, было бы неизвинительно, еслибы они злоумышляли, если бы они составили заговоръ для ниспроверженія правительства, еслибы они самовольно приняли на себя страшную отвѣтственность, которая само собою пала на нихъ и подавила. Въ этомъ ихъ обвиняютъ между прочимъ, но это обвиненіе лживо, лишено всякаго основанія, и Жюль Фавру не трудно это доказать, прослѣдивъ всѣ событія до самаго момента объявленія войны. Въ странѣ, какъ наша, которая видала уже столько династическихъ перемѣнъ, и гдѣ періодическія революціи сдѣлались въ нѣкоторомъ родѣ единственнымъ нормальнымъ порядкомъ,—сомнительно, чтобы какая-нибудь династія смогла такъ упрочиться, что бы выдержать безнаказанно напоръ великихъ народныхъ бѣдствій. Но для имперіи въ этомъ не могло быть даже и сомнѣнія. Всѣ безъ исключенія, и лучше всѣхъ самъ императоръ, знали, что имперія поставила такъ сказать на ва-банкъ. Вотъ почему императоръ, послѣ первыхъ пораженій, не посмѣлъ даже вернуться въ Парижъ: онъ могъ опасаться, что его разорвутъ на части, и зналъ это. Внутренній переворотъ, который должны были вызвать военные неудачи, предвидѣлся всѣми, и Жюль Фавръ резонно напоминаетъ, что въ теченіи всего августа мѣсяца 1870-го года, то-есть со времени Рейсхгофена и вплоть до самаго Седана, парламентская оппозиція не переставала убѣждать большинство принять во вниманіе случайности, могущія возникнуть изъ событій. Самой палатѣ слѣдовало бы взять въ свои руки управленіе дѣлами и тогда учрежденіе временнаго правительства могло бы совершиться правильно. Къ несчастію палата, хотя и не заблуждалась насчетъ судьбы имперіи, не сумѣла во-время распорядиться. Она дала разыгратъ возстанію, возстанію неизбежному и предвидѣнному, которое не могло встрѣтить препятствія, потому что то войско, которое оставалось въ Парижѣ, отказывалось драться съ населеніемъ вслѣдствіе отвращенія, внушаемаго ему имперіей. Такимъ образомъ, судьба палаты свершилась за одно съ судьбой династіи, но по винѣ самой палаты, и вмѣсто того, чтобы упрекать парижскихъ депутатовъ, которые въ эту критическую минуту воспользовались своимъ вліяніемъ и стали во главѣ управленія, слѣдуетъ благодарить ихъ за то, что они взяли инициативу. Я далекъ отъ того, чтобы возводить ихъ на пьедесталъ, и имъ придется за многое отвѣчать передъ исторіей, но нельзя упрекать ихъ въ захватѣ власти, потому что прежняя власть рушилась, и если бы они ея не воспользовались, то она могла попасть въ руки людей, гораздо менѣе способныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ менѣе достойныхъ. Быть можетъ миръ не былъ бы тяжелѣе отъ этого: онъ, къ несчастію, не могъ быть тяжеле, но пережитая нами катастрофа могла быть постыднѣе, еслибы къ ней примѣшалось безуміе и нечестность. Къ не-

счастію апологія Фавра, несмотря на всю свою доказательность, врядъ ли смоетъ съ правительства 4-го сентября обвиненіе въ захватѣ власти.

Съ точки зрѣнія историческаго интереса, я укажу въ его книгѣ главнымъ образомъ на дипломатическую переписку Тьера, по поводу его бесплоднаго путешествія по Европѣ, и на рассказъ весьма обстоятельный, весьма хорошо изложенный и по всей вѣроятности весьма точный о знаменитомъ свиданіи въ Феррьерѣ. Къ несчастію переписка Тьера относится только ко времени его пребыванія въ Лондонѣ и даетъ относительно очень мало подробностей, касательно бесѣды французскаго государственнаго человѣка съ вашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Вы помните, что эта бесѣда, не приведя ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, не осталась однако совершенно бесплодною, потому что первые переговоры о перемиріи, начавшіеся 31-го октября, обязаны своимъ происхожденіемъ вмѣшательству императора Александра II. Непредубѣжденнымъ умамъ стало тогда ясно, что это *tachituit* того, что можно было ожидать при данныхъ обстоятельствахъ отъ Россіи. Бонапартисты утверждаютъ, что вашъ императоръ оказалъ бы Франціи болѣе дѣйствительную поддержку, еслибы имперія не была низвергнута; но эти заявленія совершенно опровергаются достовѣрнымъ свидѣтелемъ, а именно: княземъ де-Латуръ д'Овернь, послѣднимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ имперіи. Этотъ дипломатъ былъ такъ обязателенъ, что на слѣдующій же день послѣ 4-го сентября, посвятилъ Жюль Фавра, своего преемника, во всѣ дѣла подвѣдомственнаго ему министерства и сообщилъ ему, между прочимъ, объ обязательствѣ (?), принятомъ Россіей относительно Пруссіи. Императорское правительство не могло слѣдовательно питать никакихъ иллюзій на этотъ счетъ. Однако можно заключить изъ разговора Тьера съ лордомъ Гренвилемъ, что возможно было бы вызвать коллективное вмѣшательство всѣхъ великихъ державъ, еслибы французское правительство могло признать въ принципѣ территориальную уступку. Лордъ Гренвиль, дѣйствительно, говорилъ Тьеру, что какое вмѣшательство невозможно, пока обѣ воюющія державы не согласятся относительно какого-нибудь общаго пункта для переговоровъ. Такимъ общимъ пунктомъ могла быть только территориальная уступка, на которой Пруссія упорно настаивала, но размѣры которой могли быть ограничены вмѣшательствомъ нейтральныхъ державъ. Къ несчастію Жюль Фавръ уже связалъ себя въ этомъ отношеніи своимъ знаменитымъ циркуляромъ, въ которомъ онъ объявлялъ, что Франція не уступитъ ни цѣли своей земли, ни камня своихъ крѣпостей. Да еслибы даже онъ и не связалъ себя, то настроеніе и иллюзіи общественнаго мнѣнія во Франціи были таковы, что никакіе переговоры въ противоположномъ смыслѣ не были возможны. Чтобы согласиться на

территориальную уступку, надо было, чтобы Франция окончательно истощила все свои ресурсы.

Когда читаешь внимательно рассказ о ферриерском свидании в том виде, в каком его передает в настоящее время Жюль Фавр, то приходишь к заключению, что в эту эпоху, даже без всякого вмешательства держав, возможно было заключить менше бѣдственный миръ, чѣмъ вполнѣ въсплѣтши; по всей вѣроятности, Бисмаркъ удовольствовался бы в то время Эльзасомъ и двумя миллиардами контрибуціи, и шесть недѣль спустя, 31-го октября, миръ еще казался возможнымъ на этихъ условіяхъ. Но, повторяю, ни одно французское правительство не было бы настолько сильно, чтобы заставить принять такіе условія, пока оставалась хотя малѣйшая возможность сопротивленія. Высказавъ это, надо признаться, что Жюль Фавр, на основаніи его собственнаго разсказа, игралъ весьма жалкую роль въ Ферриерѣ въ присутствіи всемогущаго прусскаго канцлера, къ которому онъ повидимому относится съ такимъ восторгомъ, который исторія быть можетъ и найдетъ законнымъ, но который нѣсколько странно со стороны челоука, долженствовавшаго, казалось бы, чувствовать нѣкоторую злобу къ своему сопернику. Члены правительства, національной обороны были, нельзя не сознаться — весьма жалкіе, хотя и честные люди.

Переходя отъ Жюля Фавра къ Эрнесту Ренану, мы имѣемъ дѣло съ умомъ высшаго разряда. Ренанъ въ послѣдніе годы довольно охотно переходилъ отъ философіи и эрудиціи къ политикѣ и только-что издалъ свое сочиненіе объ *умственной и нравственной реформѣ* Франціи. Къ несчастію это сочиненіе издано еще не вполнѣ, и одна половина его содержитъ статьи, уже появлявшіяся въ газетахъ, а другая носитъ слѣды импровизаціи. Авторы, спѣша подѣлиться съ публикой своими взглядами, недостаточно вырабатываютъ свои сочиненія, и Ренанъ несвободенъ отъ этого общаго недостатка. Отсюда является нѣкоторая неопредѣленность и даже противорѣчіе въ его взглядахъ, потому что идеи недостаточно продуманы и провѣрены. Но все-таки тѣмъ, несмотря на свои недостатки и на свои шероховатости, новое сочиненіе его тѣмъ не менѣе является самымъ справедливымъ и самымъ глубокомысленнымъ изъ всего, что написано въ послѣднее время на тему, нѣсколько избитую уже, о *національномъ возрожденіи*, которое занимаетъ все умы, хотя нельзя еще на фактахъ, то-есть на какомъ политическомъ и нравственномъ состояніи прослѣдить вліяніе столькихъ усилій и проповѣдей. Ренанъ очень тонко судить о многомъ, но главное въ немъ есть то, чего не достаетъ большинству французовъ — историческій смыслъ. Онъ признаетъ, что политика не можетъ быть чѣмъ-то отвлеченнымъ и что всякая система и всякая форма правительственная требуетъ вѣстныхъ данныхъ, безъ

которыхъ ей невозможно осуществиться въ дѣйствительности. Большинство французовъ воображаетъ, что можно переходить отъ монархій къ республикѣ и отъ республики къ монархіи, по волѣ большинства или даже въ силу возстанія, и вовсе не подозреваетъ, что та и другая форма, какъ и всѣ формы, вообще требуетъ прежде всего пригодной среды, гдѣ бы она могла привиться и развиться. Этотъ отвлеченный способъ задумывать и проводить въ жизнь политику является пагубнымъ наслѣдствомъ, завѣщаннымъ Руссо и *Contrat Social*. Ренанъ свободенъ отъ этого недостатка. Его идеи вполне конкретны. У него есть нѣсколько превосходныхъ страницъ о всеобщей подачѣ голосовъ и о роли аристократіи въ государствахъ.

Въ чемъ онъ, напримѣръ, сильно заблуждается, такъ это въ томъ, что у насъ будто бы возможно отвести нѣкоторую роль дворянству. Историческія силы, разъ онѣ внякли, не могутъ быть вызваны къ жизни. Но никто лучше и смѣлѣе Ренана не доказываетъ, что величайшее несчастіе Франціи и главная причина ея паденія заключается въ томъ, что она не сумѣла произвести религіозной реформы и въ время освободиться отъ ига католическаго воспитанія. Къ несчастію, Франція девятнадцатаго столѣтія также мало способна къ религіозному преобразованію, какъ и къ возстановленію аристократіи.

Идеаль Ренана заключается въ нѣкотораго рода конституціонной имперіи, опирающейся на аристократическомъ элементѣ, насколько возможно его воскресить во Франціи, и — странно повѣрить — по мнѣнію нашего автора конституціонной, императорской, либеральной династіей могла бы быть династія бонапартовъ. Пусть этотъ парадоксъ не очень удивляетъ васъ: онъ не даетъ права смѣшивать Ренана съ остальной шайкой бонапартистовъ. Этотъ замѣчательный умъ отличается вмѣстѣ съ тѣмъ женственными свойствами и доступенъ всякимъ обольщеніямъ и увлеченіямъ. Онъ знавалъ императора, который поручилъ ему миссію въ Сиріи и который охранялъ его, хотя и весьма вяло, отъ клерикаловъ; но онъ въ особенности друженъ съ принцемъ Наполеономъ, и послѣдній, несмотря на всю свою непопулярность, сумѣлъ подчинить своему вліянію этого замѣчательнаго человека.

Книга Ренана содержитъ въ себѣ также два письма, адресованныхъ знаменитому доктору Штраусу, и второе изъ нихъ составляетъ довольно характеристическій эпизодъ. Я предпочитаю переписать его для васъ частію, вмѣсто того, чтобы резюмировать. Вы выиграете отъ этого во всѣхъ отношеніяхъ. Итакъ, вотъ что пишетъ Ренанъ доктору Штраусу:

„Въ концѣ письма, адресованнаго вами мнѣ черезъ Аугсбургскую газету, 18-го августа 1871 г., вы приглашали меня изложить мой взглядъ на страшное положеніе, созданное послѣдними событіями. Я это исполнилъ; мой отвѣтъ на ваше письмо появился въ *Journal des*

Débats, 16-го сентября; наканунѣ въ той же газетѣ былъ напечатанъ переводъ вашего письма. Если вы хорошо обдумали состояніе, въ какомъ находился Парижъ въ эту эпоху, то должны признать, что со стороны названной газеты это былъ довольно мужественный поступокъ. На слѣдующій день была объявлена осада и сообщенія между Парижемъ и остальнымъ міромъ были приостановлены на пять мѣсяцевъ.

„Нѣсколько дней спустя, послѣ заключенія перемирія, въ февралѣ 1871-го года я узналъ новость, которая меня нѣсколько удивила, а именно: что 2-го октября 1870-го года вы напечатали въ Аугсбургской газетѣ отвѣтъ на мое письмо, отъ 16-го сентября. Вы конечно не ожидали, чтобы прусская блокада была такъ строга, какъ это было на самомъ дѣлѣ, потому что иначе врядъ ли бы вы адресовали мнѣ публичное письмо, которое я не могъ прочитать и на которое не могъ отвѣчать. Еще одно обстоятельство усиливаетъ мое сожалѣніе. Нѣсколько дней спустя послѣ того какъ я узналъ о существованіи вашего письма, отъ 2-го октября, до моего свѣдѣнія дошло, что газета не напечатала перевода моего письма, отъ 16-го сентября, такъ что газета, послѣ того, какъ сама же пригласила меня, черезъ ваше посредство, вступить въ пренія, и видѣла, что *Journal des Débats*, положеніе котораго было несравненно щекотливѣе въ виду народнаго возстанія, — напечатала ваши высокомѣрные страницы, — отказалась предложить побѣдоносной нѣмецкой публикѣ скромныя страницы, гдѣ я просилъ для моей побѣжденной отчизны немного великодушія и состраданія. Я знаю, что вы сожалѣли объ этомъ поступкѣ, но вотъ гдѣ меня поражаетъ вашъ крайній патріотизмъ: вмѣсто того, чтобы устранился отъ спора, въ которомъ вашему противнику было отказано въ словѣ, вы напечатали нѣсколько дней спустя, въ той же самой Аугсбургской газетѣ, отвѣтъ на письмо, которое вы вызвали съ моей стороны, но не имѣли силы заставить напечатать. Вотъ, милостивый государь, гдѣ для меня ощутительна разница между нашими взглядами на житейскія отношенія. Страсть, наполняющая васъ и кажущаяся вамъ святою, можетъ вынудить васъ къ тяжкому поступку. Мы же, французы старой школы, напротивъ того, имѣемъ слабость думать, что деликатность чувствъ въ образованномъ человѣкѣ стоитъ выше всѣхъ обязанностей, выше всѣхъ страстей, выше всѣхъ вѣрованій, выше родины, выше религіи. Это служить намъ во зло, потому что намъ не всегда платятъ тою же монетою и, благодаря своей деликатности, мы играемъ роль жертвъ среди людей, непонимающихъ насъ.

„Правда, что въ послѣдствіи сдѣлали мнѣ честь, которую я дѣлалъ какъ слѣдуетъ. Вы сами перевели мой отвѣтъ и напечатали его въ отдѣльной брошюрѣ, вмѣстѣ съ своими двумя письмами! Вы поже-

дали, чтобы эта брошюра продавалась въ пользу нѣмецкихъ инвалидовъ домовъ. Сохрани меня Богъ тягаться съ вами за право литературной собственности! Къ тому же, дѣло, къ которому вы приобщили меня, дѣло гуманное, и если моя жалкая проза можетъ доставить нѣсколько сигаръ тѣмъ, кто разграбилъ мой маленький домикъ въ Севрѣ, я благодарю васъ за то, что вы доставили мнѣ случай поступить сообразно тѣмъ наставленіямъ Христа, которыя я считаю самыми достовѣрными. Но замѣйте еще слѣдующую тонкость. Конечно, еслибы вы позволили мнѣ издать какое-нибудь изъ своихъ сочиненій, я никогда, никогда не подумалъ бы издать его въ пользу нашего инвалиднаго дома. Цѣль увлекаетъ васъ, страсть мѣшаетъ вамъ видѣть тѣ изысканныя черты, присущія людямъ пресыщеннымъ, которыя мы зовемъ вкусомъ и тактомъ“.

Урокъ очень милъ и высказанъ въ отличной формѣ. Сомнительно только, чтобы докторъ Штраусъ понялъ его. Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что нѣмцамъ положительно не достаетъ чувства деликатности и приличія. Но надо сказать также, что и между нашими публицистами далеко не всѣ отличаются тонкимъ пониманіемъ и тактомъ Ренана. Я кажется уже говорилъ вамъ въ моей предыдущей корреспонденціи о грубости и наглости, отличающей большинство нашихъ журналовъ. Они не умѣютъ съ чувствомъ собственного достоинства нести пораженіе, преисполнены самаго безтактнаго хвастовства, выказываютъ самое крайнее невѣжество. Трудно сказать, какъ пособить горю. Печать вліяетъ на публику, а публика въ свою очередь вліяетъ на печать той благосклонностью, съ которой она относится къ вульгарности, тривіальности и скандаламъ; и публика и печать рука объ руку, взаимно поощряя другъ друга, стремятся къ паденію, изъ котораго, я боюсь, трудно возстать.

Театръ, о которомъ я сообщалъ, какъ мнѣ помнится, довольно печальныя извѣстія, не можетъ особенно утѣшать насъ. Я уже не говорю о фарсахъ, пародіяхъ и шутовскихъ пьесахъ, которыя болѣе, чѣмъ когда-либо, и гораздо болѣе, чѣмъ до войны, царятъ на сценѣ. Но даже самые талантливые люди какъ будто поставили себѣ задачей приводить въ отчаяніе вкусъ, умъ, приличіе. Дюма-сынъ поставилъ въ *Gymnase* большую трехъ-актную пьесу, имѣющую претензію изображать свѣтскихъ людей, но въ которой дѣйствуетъ самое отвратительное общество. Дѣйствіе происходитъ будто бы въ Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстьѣ, но дѣйствующія лица и особенно женщины говорятъ языкомъ вертеповъ. Это происходитъ отчасти оттого, что свѣтъ и литература, въ былое время столь связанные между собою въ Парижѣ, все болѣе и болѣе разъединяются.

Новая пьеса Дюма-сына называется *La princesse Georges*, заглавіе, которое на первый взглядъ скорѣе напоминаетъ о Дунайскихъ кня-

жествахъ или о Сербіи, чѣмъ о парижскомъ свѣтѣ. Между тѣмъ, какъ я уже говорилъ, дѣйствіе происходитъ въ изыщѣйшемъ парижскомъ обществѣ, и нашъ оригинальный реформаторъ задумалъ драматизировать новую высокоправственную задачу. Онъ задумалъ создать изъ своей новой пьесы *pendant* къ одному изъ своихъ прежнихъ сочиненій *Diane de Lys*. Сюжетомъ этой послѣдней пьесы служила невѣрность жены; сюжетомъ новой — невѣрность мужа. Съ соціальной точки зрѣнія параллель между преступленіями далеко невѣрна, потому что преступленіе мужа только ослабляетъ семейные узы, между тѣмъ какъ преступленіе жены разрываетъ ихъ окончательно. Таковъ фактъ. Но съ точки зрѣнія театральной драмы дѣло стоитъ иначе; очевидно, что женщина, оскорбленная мужемъ, можетъ быть такимъ же драматическимъ лицомъ, какъ и мужъ, оскорбленный женой, и что желаніе мести можетъ увлечь ее до такихъ же крайностей. Поэтому понятно, что княгиня Жоржъ де-Биракъ, оскорбленная жена, навлекаетъ на своего мужа мечь г. де-Термондъ, мужа женщины, увлекшей г. де-Биракъ. Та же самая страсть, только вызванная иными мотивами, заставляетъ Герміону побудить Ореста на убійство Пирра въ *Андромахѣ*. Сцена, въ которой м-ше де-Биракъ, въ порывѣ страстной ревности, просвѣщаетъ г. де-Термондъ и доходитъ до того, что почти выдаетъ своего мужа, не называя его, одна изъ самыхъ прекрасныхъ во всей пьесѣ. Совсѣмъ тѣмъ авторъ отступилъ передъ развязкой, которую самъ же очевидно подготовилъ; онъ не рѣшился довести драматическое правосудіе до убійства невѣрнаго мужа. Не г. де-Биракъ, а другой поклонникъ м-ше де-Термондъ, появляющійся весьма кстати, попадаетъ подъ выстрѣлъ оскорбленнаго мужа и весьма невинно платится за г. де-Биракъ. Эта развязка представляется просто мороченіемъ и съ драматической точки зрѣнія составляетъ самую грубую ошибку въ новой пьесѣ. Въ самомъ дѣлѣ, она ничего не разрѣшаетъ, ничего не развязываетъ. Невѣрный мужъ ни наказанъ, ни исправленъ, и публика выходитъ изъ театра съ убѣжденіемъ, что въ семьѣ де-Биракъ дѣла пойдутъ по старому и что тѣ же приключенія повторятся съ завтрашняго же дня. Но Дюма-сынъ грѣшитъ не однимъ недостаткомъ наблюдательности, онъ грѣшитъ въ особенности извращеніемъ того, что можно назвать инстинктомъ или закономъ нравственности. Этотъ недостатокъ свойственъ не ему одному, но при его большомъ талантѣ, онъ чувствительнѣе у него, чѣмъ у другихъ, вотъ и все. За немногими исключеніями нашъ театръ, равно какъ и вся наша литература искажены невѣрными, грубо-материалистическими понятіями о вселенной и о человѣчествѣ. Съ такими понятіями нельзя морализировать и исправить нравы общества, а между тѣмъ Дюма-сынъ имѣетъ претензію морализировать и исправлять насъ. Онъ такъ наивенъ, что серьезно воображаетъ, что ему дана апостольская миссія и что онъ ей служить. Странное за-

блужденіе, зависящее не столько отъ него, сколько отъ той нравственной среды, которая его окружаетъ.

P. S.—*Théâtre Français* давалъ съ большимъ успѣхомъ, о которомъ стоить упомянуть, потому что онъ вполне заслуженный, пьесу *Christiane*, написанную г. Гудине, — произведеніе честное, трогательное и даже замѣчательное, но несоставляющее такое литературное событіе какъ самое неудачное даже произведеніе Дюма-сына. Замѣчательно, что даже въ этомъ произведеніи, чисто въ буржуазномъ стилѣ, супружеская невѣрность все-таки играетъ нѣкоторую роль. Дѣйствительно, героиня пьесы, Христіана, молодая дѣвушка поставлена въ необходимость выбирать между незаконнымъ отцомъ и отцемъ легальнымъ. Въ концѣ концовъ легальность торжествуетъ.

Н.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРА МЕМУАРОВЪ.

Деятнадцатый вѣкъ. Историческій Сборникъ, издаваемый *Петромъ Барте-невымъ*. Книга первая. Москва. 1872 г.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, едвали многіе подозрѣвали, что у насъ существуетъ обширная литература мемуаровъ, которая только ждетъ благопріятнаго случая для появленія своего на свѣтъ божій. И вотъ съ каждымъ годомъ число мемуаровъ увеличивается, и растетъ число изданій, специально посвященныхъ этому предмету. Конечно, большая часть являющихся мемуаровъ не имѣетъ большого достоинства, ни литературнаго, ни историческаго, но можно сказать безошибочно, что, съ другой стороны, нѣтъ такихъ мемуаровъ, въ которыхъ бы историкъ не нашелъ двухъ-трехъ фактовъ интересныхъ или нѣсколько чертъ, объясняющихъ или дополняющихъ 'характеристику извѣстнаго времени или лица. Старая традиція монаховъ-лѣтописателей продолжается непрерывно, и какъ бы ни было глухо время, въ какомъ бы неблагопріятномъ положеніи печать ни находилась, всегда найдется нѣсколько человекъ, которые усердно вносятъ дѣянія современниковъ въ свои тетради, то мудрствуя лукаво, то не мудрствуя. Александровская эпоха особенно богата мемуарами, и между ними не послѣднее мѣсто займутъ „Записки Николая Васильевича Басаргина“, помещенныя въ вышедшемъ на-дняхъ новомъ сборникѣ г. Бартенева „Деятнадцатый Вѣкъ“.

Н. В. Басаргинъ принадлежалъ къ числу весьма второстепенныхъ,

по своей дѣятельности, декабристовъ. Въ 1820-мъ году, молодымъ офицеромъ генеральнаго штаба, онъ отправился на службу въ южную Россію, въ мѣстечко Тульчинъ, гдѣ находилась въ то время главная квартира второй арміи. Главнокомандующимъ былъ графъ Витгенштейнъ, а начальникомъ главнаго штаба молодой генералъ Киселевъ, впоследствии министръ государственныхъ имуществъ и чрезвычайный посолъ при французскомъ дворѣ. Здѣсь между штабными офицерами существовало зерно Южнаго Общества, въ которое вскорѣ поступилъ и авторъ Записокъ. Внося въ свои тетради только то, что онъ самъ видѣлъ или передавая слышанные отъ другихъ рассказы, Басаргинъ мало сообщаетъ объ этомъ обществѣ. Члены его „часто собирались вмѣстѣ, разсуждали, спорили, толковали, передавали другъ другу свои душевные помыслы, желанія; соображали все что могло интересовать общее дѣло и натурально нерѣдко очень свободно, скажу болѣе, неумѣренно говорили о правительствѣ. Предложеніямъ, теоріямъ не было конца. Разумѣется, въ этихъ собраніяхъ первенствовалъ Пестель. Его свѣтлый логическій умъ управлять нашими преніями и нерѣдко соглашалъ разногласія. Даже и въ такихъ бесѣдахъ, гдѣ участвовали посторонніе, т.-е. не принадлежавшіе къ обществу, разговоръ болѣе всего обращенъ былъ на предметы серьезные, болѣе или менѣе относящіеся къ тому, что занимало насъ. Нерѣдко генералъ Киселевъ участвовалъ въ подобныхъ бесѣдахъ, и хотя былъ душою преданъ Государю, котораго считалъ своимъ благодѣтелемъ, но говорилъ всегда дѣльно, откровенно, соглашался въ томъ, что многое надобно измѣнить въ Россіи и съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нерѣдко рѣзкія сужденія Пестеля“. Причины образованія Союза Благоденствія и его цѣли, сначала ничего не имѣвшія преступнаго, Басаргинъ объясняетъ тогдашнимъ состояніемъ Европы и Россіи и преимущественно борьбой Европы съ Наполеономъ, когда сами государи обращались къ „инстинктамъ народнымъ“ и породили „въ массѣ надежды на будущія улучшенія въ ея общественномъ бытѣ“. Для характеристики политическихъ убѣжденій Басаргина и его единомышленниковъ не лишено интереса слѣдующее мѣсто: „Не нужно, кажется, доказывать, что при основаніи каждаго общественнаго или государственнаго измѣненія должно разсчитывать и быть готовыми на неизбѣжныя препятствія и затрудненія, какъ со стороны противниковъ этого измѣненія, такъ и со стороны горячихъ и малоопытныхъ его приверженцевъ. Геніальный и твердый въ своихъ убѣжденіяхъ преобразователь не смутится этими препятствіями и пойдетъ смѣло и прямо къ цѣли своей, несмотря на временныя безпорядки и затрудненія. Онъ уничтожитъ ихъ или добросовѣстною, искусною политикою или даже невещественною силою. Но геніи рѣдки. Большею частію правители и государственные люди, въ самыхъ благодѣтельныхъ и чистыхъ намѣреніяхъ своихъ, часто останавливаются

при малѣйшемъ затрудненіи и возвращаются къ старому порядку, не думая о жертвахъ, которыя должны погибнуть при реакціи и которыя вызваны были ихъ начинаніями“.

Съ половины 1821-го года, Басаргинъ и нѣкоторые изъ товарищей его, Ивашевъ, Вольфъ, Аврамовъ 1-й не принимали почти никакого участія въ обществѣ и не были ни на одномъ изъ его засѣданій. Басаргинъ занимался службою, охладѣлъ къ цѣлямъ общества, женился и ни мало не предвидѣлъ катастрофы 14-го декабря. Она застала его въ расплохъ, и онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими, дѣтельными членами Южнаго Общества, и отправленъ въ Петербургъ. Передъ арестомъ, генералъ Киселевъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— Вы принадлежите къ тайному обществу, отрицать этого вы не можете. Правительству все извѣстно, и совѣтую вамъ чистосердечно во всемъ признаться.

— Я бы желалъ знать, в. п., отвѣчалъ Басаргинъ, удивленный тономъ рѣчи генерала и въ, на которое онъ какъ будто нарочно ударялъ, я бы желалъ знать, какъ вы спрашиваете меня, какъ начальника штаба, официально, или просто какъ Павелъ Дмитриевичъ, съ которымъ я привыкъ быть откровеннымъ.

— Разумѣется, какъ начальникъ штаба.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Басаргинъ, не угодно ли будетъ в. п. сдѣлать мнѣ вопросы на бумагѣ — я буду отвѣчать на нихъ. На словахъ же мнѣ и больно и непріятно будетъ говорить съ вами, какъ съ судьей, и смотрѣть на васъ просто какъ на правительственное лицо.

Киселевъ задумался и потомъ сказалъ: „Хорошо, вы получите вопросы“. Басаргинъ поклонился и хотѣлъ уйти, но когда подходилъ онъ къ двери, Киселевъ вдругъ сказалъ, перемѣнивъ тонъ: „Приходи же обѣдать къ намъ, либералъ; мы съ тобой давно не видались“. Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ съ присягою отъ арміи, Киселевъ еще разъ призвалъ къ себѣ Басаргина и сказалъ: „Любезный другъ, не знаю, до какой степени ты замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ; помочь тебѣ я ничѣмъ не могу; не знаю даже, какъ я самъ буду принять въ Петербургѣ. Все, въ чемъ я могу увѣрить тебя, это въ моемъ къ тебѣ уваженіи, которое не измѣнится, что бы ни случилось съ тобою“. Они обнялись, и съ тѣхъ поръ Басаргинъ ужъ никогда болѣе не видалъ Киселева.

Эта и подобныя черты важны въ томъ отношеніи, что они рисуютъ настроеніе всего образованнаго тогдашняго общества, а не однихъ членовъ тайнаго общества; сокровенное сочувствіе послѣднимъ, очевидно питавшееся многими образованными людьми того времени, объясняетъ отчасти и причину, почему такъ свободно существовали тайныя общества и долгое время не были извѣстны правительству. Среди

офицеровъ полковъ завелось нѣчто въ родѣ практикн тайныхъ об-
ществъ. Такъ, по разсказу Басаргина, въ Одесскій полкъ назначенъ
былъ командиромъ Ярошевицкій, человѣкъ грубый, злой и необразо-
ванный. Офицеры рѣшаются отъ него избавиться и наканунѣ дивизион-
наго смотра бросаютъ между собою жребій, который выпадаетъ штабсъ-
капитану Рубановскому. Во время смотра Рубановскій съ намѣреніемъ
стоялъ на своемъ мѣстѣ слишкомъ свободно и даже разговаривалъ
Ярошевицкій, замѣтивъ это, подскакалъ къ нему и началъ его бра-
нить. Тогда Рубановскій вышелъ изъ рядовъ, бросилъ свою шпагу,
сталили его съ лошади и избилъ его такъ, что долгое время на лицѣ
Ярошевицкаго оставались красныя пятна. Басаргинъ разсказываетъ
дальше событія, послѣдовавшія за его арестомъ: приѣздъ въ Петер-
бургъ, заключеніе въ Петропавловской крѣпости, допросы, осужде-
ніе въ Сибирь, жизнь осужденныхъ въ Читѣ, Петровскомъ заводѣ и на
поселеніи. Все это разсказано имъ съ большими интересомъ и даже
съ талантомъ, несмотря на то, что онъ болѣе занимается внутрен-
нею жизнью, весьма бѣдною событіями, чѣмъ внѣшними фактами и
приключеніями. Принадлежа къ второстепеннымъ дѣятелямъ, онъ и не
испыталъ ничего особенно-выдающагося: его лишь два раза требовали
къ допросу въ слѣдственную комиссію, въ которой тогдѣ давалъ ге-
нералъ Чернышевъ, и потомъ оставили въ покоѣ, не заключая даже
въ кандалы, чему подверглись болѣе важные преступники. Заключен-
ные имѣли возможность бесѣдовать между собою, когда кончался по-
слѣдній обходъ, читали книги, абонируясь въ французскомъ мага-
зинѣ, переписывались съ родными. Обращеніе съ ними было самое
вѣжливое, начиная съ караульных и кончая комендантомъ, но по-
рмили ихъ плохо, хотя казна отпускала на содержаніе генерала по 5
руб. ас. въ сутки, штабъ-офицера—3 р. и оберъ-офицера—1 р. 50 к.
Естественно, что при добросовѣстномъ расходованіи этихъ денегъ,
арестованные могли бы пользоваться очень хорошимъ столомъ. Сосѣ-
домъ Басаргина по каземату былъ Бестужевъ-Рюминъ, осужденный
потомъ на смерть; Басаргинъ познакомился съ нимъ только въ крѣ-
пости, а до того времени совсѣмъ его не зналъ. „Бестужевъ-Рюминъ,
говоритъ онъ, былъ очень молодой человѣкъ съ самымъ пылкимъ во-
ображеніемъ; сердце у него было превосходное, но голова не состав-
ляла порядкъ. Иногда онъ былъ необыкновенно веселъ, а въ другое вре-
мя ужасно мраченъ. Преданный душою и тѣломъ Сергѣю Муравьеву-
Апостолу, онъ былъ однимъ изъ самымъ дѣятельныхъ и самыхъ не-
осторожныхъ членовъ общества. Онъ содержался въ кандалахъ, его
безпрестанно водили въ комитетъ и присылали каждый день новыя
вопросы“. Къ допросамъ водили арестованныхъ обыкновенно съ за-
вязанными глазами и снимали повязку только передъ комнатою, въ
которой засѣдала комиссія; для выслушанія сентенціи ихъ повели

съ открытыми глазами. „Отворивъ двери комнаты, говоритъ Басаргинъ, мы вдругъ очутились въ большой залѣ, передъ всѣми членами верховнаго уголовного суда, сидѣвшими на скамьяхъ въ два яруса около большого стола, покрытаго краснымъ сукномъ и уставленнаго покоемъ. Ихъ всѣхъ тутъ было человѣкъ сто. Посреди стояло зеркало, а противъ зеркала сидѣло духовенство: митрополиты и епископы (члены синода), потомъ члены государственнаго совѣта и сенаторы. Передъ столомъ, по эту сторону зеркала, стояло нѣчто въ родѣ наоя, за которымъ эзекуторъ или секретарь сената прочелъ громогласно сентенцію каждому изъ насъ. Мы рѣшительно ничего не слушали и смотрѣли только другъ на друга: такъ были обрадованы нашимъ свиданіемъ. Я замѣтилъ, что духовныя особы привстали, чтобъ посмотрѣть на насъ, потому что зеркало мѣшало имъ насъ видѣть... По прочтеніи сентенціи, Николай Бестужевъ хотѣлъ было что-то говорить, но многіе изъ присутствовавшихъ зашикали, и насъ постигли вывести въ противоположныя двери“.

О жизни декабристовъ въ Сибири такъ много нанечатано въ послѣднее время, что записки Басаргина мало прибавляютъ къ общеизвѣстнымъ фактамъ; но мы не можемъ не упомянуть о знакомствѣ автора съ княземъ Грабе-Горскимъ, который былъ случайно взятъ 14-го декабря на сенатской площади, вовсе не принадлежалъ къ тайнымъ обществамъ и однакожъ отправленъ на поселеніе въ Сибирь. Жилъ онъ тутъ роскошно, имѣя огромное состояніе, около 6 милліоновъ руб. ассигнаціями. Послѣ революціи 1830-го г., черезъ Тару, гдѣ жилъ Грабе-Горскій, проходили партіи сосланныхъ поляковъ, которыхъ Горскій, какъ соотечественникъ ихъ, угощалъ и снабжалъ каждымъ деньгами. Тарскіе чиновники, по словамъ Горскаго, желая воспользоваться его состояніемъ, составили на него доносъ въ томъ смыслѣ, что онъ хочетъ возмутить край съ помощію ссыльныхъ поляковъ. Горскаго арестовали, имущество его запечатали и вмѣстѣ съ нимъ отправили въ Тобольскъ. „Въ Тобольскѣ, рассказывалъ Грабе-Горскій, сдѣлана была ему (имуществу) подробная опись, и оно было у меня отобрано. Опись эта составлена въ двухъ экземплярахъ. Одинъ, за подписью плац-маіора и генераль-губернатора, отданъ былъ мнѣ; а другой, за моею подписью, плац-маіоръ взялъ съ собой вмѣстѣ съ имуществомъ. Опись, мнѣ выданная, хранится у меня и служитъ явнымъ доказательствомъ справедливости того, что я вамъ говорю. Дѣло продолжалось около 4-хъ лѣтъ. Какъ ни старались найти что-либо преступное въ моихъ дѣйствіяхъ, но ничего не могли отыскать. Меня оправдали совершенно и перевели на житье въ Омскъ. Чиновниковъ, сдѣлавшихъ доносъ, предали суду и рѣшили отставить отъ службы и впредъ никуда не опредѣлять. Послѣ этого, разумѣется, я сталъ требовать возвращенія моего достоянія. Обращался къ генераль-губернатору

князю Горчакову, писалъ шефу жандармовъ, князю Голицыну и т. д., но вездѣ встрѣчалъ одно молчаніе. На бумаги мои мнѣ не отвѣчали. При личномъ свиданіи моемъ съ Горчаковымъ, онъ покачалъ головою и совѣтовалъ мнѣ оставить это дѣло безъ дальнѣйшаго розыска. Словомъ, я видѣлъ ясно, что мнѣ не хотять возвратить его. Опись, у меня находящуюся, я не рѣшался представить, потому что могли ее уничтожить и лишить меня всякаго доказательства... Надо вамъ сказать, что въ это время мнѣ назначили отъ правительства 1,200 р. въ годъ, и утвердили въ княжескомъ достоинствѣ, какъ будто-бы хотѣли этимъ меня задобрить“. Басаргинъ видѣлъ самую опись, которая помѣщалась на 2½ листахъ, и въ концѣ подведенъ былъ итогъ, съ чѣмъ-то 6 милл. рублей. Опись была подписана плацъ-маіоромъ Мироновымъ и генералъ-губернаторомъ Зап. Сибири, генераломъ отъ инфантеріи Вельяминовымъ 1, который принялъ отъ Миронова билеты, документы и вещи, упомянутые въ описи. Басаргинъ зналъ руку Вельяминова и не могъ сомнѣваться въ подлинности подписи, онъ зналъ также Вельяминова какъ человѣка честнаго. Куда дѣвались деньги? вопросъ остался нерѣшеннымъ.

Кромѣ записокъ Басаргина, въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ“ помѣщено нѣсколько матеріаловъ для біографіи другого декабриста, Рылѣва. Извѣстно, что о немъ напечатано много въ послѣднее время, такъ что личность злополучнаго поэта, независимо отъ роли заговорщика, которую онъ, къ сожалѣнію, принялъ на себя, выяснена съ достаточною ясностью. Это былъ бесспорно одинъ изъ благороднѣйшихъ людей своего времени, но страстный, увлекавшійся мечтатель, не сильный въ познаніи людей; настоящее поприще его, къ которому онъ былъ призванъ отъ рожденія, была литература, и въ ней онъ могъ бы сдѣлаться не только замѣчательнымъ писателемъ самъ по себѣ, но писателемъ съ благотворнымъ вліяніемъ на своихъ собратьевъ. Достаточно прочесть его письма къ Пушкину, помѣщенные въ этомъ же изданіи, чтобъ судить, какъ здраво и вѣрно смотрѣлъ онъ на задачи искусства. Признавая, напр., за Жуковскимъ заслуги относительно обработки литературнаго языка, Рылѣвъ замѣчаетъ, что вліяніе его на духъ словесности „было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, рослили многихъ и много зла надѣлали“. Самого Пушкина Рылѣвъ воздерживалъ отъ подражанія Байрону: „Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ“, говорилъ онъ. Рылѣву посчастливилось въ послѣднее время и относительно его поэтической дѣятельности: почти всѣ стихотворенія его напечатаны въ 1870—71-мъ году въ „Русской Старинѣ“ и теперь въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ“, и притомъ гораздо исправнѣе напечатаны, чѣмъ въ

заграничномъ изданіи 1861-го года (Лейпцигъ, у Броегауза). Въ статьѣ „По поводу воспоминаній о К. Ф. Рылѣевѣ“, г. Е. Я. говоритъ, что „въ изданію произведеній Рылѣева, кажется, не можетъ быть никакихъ препятствій. Правда, Рылѣевъ былъ признанъ судомъ государственнымъ преступникомъ и понесъ наказаніе, но въ его непечатаемыхъ сочиненіяхъ нѣтъ ничего преступнаго. Стихотворенія его, проникутныя глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, были напечатаны подъ надзоромъ строгой цензуры; въ настоящее время они не могутъ, ни въ какомъ случаѣ, считаться ни опасными, ни вредными“. Позволимъ себѣ сказать больше: многія стихотворенія Рылѣева могли бы имѣть благотворное воспитательное значеніе для юношества, возбуждая въ немъ патріотическія чувства, любовь къ родинѣ и къ славнымъ дѣяніямъ предковъ. Ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ такъ удобно не ложится въ хрестоматіи, какъ Рылѣевъ, и еслибъ не имя его, то стихотворенія его учились бы наизусть всѣми подроставшими поколѣніями. Всѣ лучшіе люди нашего прошлаго, возвеличенные исторіей, Святославъ, Мстиславъ Удалой, Дмитрій Донской, Курбскій, Ермакъ, Матвѣевъ, Хмельницкій, Петръ Великій, Наталья Долгорукая, нашли въ Рылѣевѣ своего пѣвца, не всегда удачно справлявшагося съ своей задачей, но всегда благороднаго и крѣпкаго любовью къ своей родинѣ. Большая часть думъ его для публики взрослой не имѣютъ ни малѣйшаго значенія, но они долго еще останутся пригодны, какъ матеріалъ для заучиванія наизусть въ дѣтствѣ и юности, разумѣется, съ извѣстнымъ выборомъ.

Сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не упоминалось объ отношеніяхъ Пушкина къ Бѣлинскому: въ письмахъ П. В. Нащокина къ Пушкину мы нашли нѣсколько строкъ, восполняющихъ этотъ пробѣлъ: отъ 27-го мая 1836-го года Пушкинъ пишетъ, между прочимъ, къ Нащокину: „Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра Современника. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей), и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться“. Выраженіе: „тихонько отъ Наблюдателей“, т.-е. отъ сотрудниковъ журнала „Московский Наблюдатель“, напоминаетъ въ Пушкинѣ такую же нехорошую черту какая была и въ Лермонтовѣ: оба эти поэта признавали замѣчательный критическій талантъ въ Бѣлинскомъ и оба чуждались знакомства съ нимъ, какъ съ человекомъ не ихъ лагеря, не ихъ происхожденія. Для Пушкина, очевидно, въ особенности важно было, „что скажетъ княгиня Марья Алексѣвна“, и онъ не осмѣливался открыто послать Бѣлинскому своей книги!...

Между матеріалами напечатанными въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ“, упоминается еще о „О духовномъ союзѣ К. Ф. Татариновой“ и о „Запискѣ Магницкаго“. Последняя любопытна, не только какъ

„самооправданіе“ знаменитаго мракоборца, но и какъ едва ли не первое слово объ „обрусеніи науки“, чѣмъ въ послѣдствіи такъ усердно занимались славянофилы, не подозревая, что Магницкій оправдывалъ свои крутыя мѣры относительно просвѣщенія именно обрусеніемъ науки и противопоставлялъ одно другому.

Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ (?) поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Спб. 1871 г.

Эта роскошно-изданная книга гораздо больше обѣщаетъ, чѣмъ даетъ. Въ предисловіи составитель заявляетъ о незнакомствѣ нашемъ съ славянскими литературами, что совершенно вѣрно, и о томъ, что только предразсудокъ мѣшаетъ намъ признать великихъ поэтовъ у славянъ, которые будто бы „пробавляются лишь блѣдными копіями съ западныхъ образцовъ“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ г. Гербель насчиталъ два десятка именъ такихъ славянскихъ поэтовъ, „которые заняли бы каждый въ любой западно-европейской литературѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ“, и великое множество другихъ менѣе замѣчательныхъ. Последнее положеніе, конечно, требовалось доказать не однимъ наборомъ именъ, но и образцами. Къ сожалѣнію, тутъ или г. Гербель плохо выбиралъ, или славянскіе поэты, за исключеніемъ двухъ-трехъ, вовсе не такъ замѣчательны, какъ о томъ думаетъ издатель. Если народная поэзія славянъ дѣйствительно представляетъ прекрасные образцы, то индивидуальное творчество огромнаго большинства славянскихъ поэтовъ, собранныхъ г. Гербелемъ, отличается бѣдностью мысли, выраженія и даже фантазіи. Большинство этихъ поэтовъ напоминаетъ нашу поэзію до-пушкинскаго періода или представляетъ блѣдныя копіи съ поэтовъ европейскихъ и русскихъ періода послѣдующаго. Мы не отрицаемъ пользы знакомства русской публики съ славянскою поэзіей, но позволяемъ себѣ усомниться въ значеніи этой поэзіи, слишкомъ высоко поднимаемой г. Гербелемъ. Кромѣ того, мы не можемъ понять, зачѣмъ понадобилось издателю столько именъ славянскихъ поэтовъ, изъ которыхъ многіе и на родинѣ своей не имѣютъ никакого значенія, а въ русскомъ читателѣ могутъ вызвать только улыбку сожалѣнія. Кому, напр., приходило на умъ, что г. Асанасевъ-Чужбинскій — малорусскій поэтъ? Никому, кромѣ самого составителя сборника. Но если г. Асанасевъ-Чужбинскій, по мнѣнію г. Гербеля, малорусскій поэтъ, то почему же изъ него переведено только одно стихотвореніе, въ которомъ онъ спрашиваетъ Е. П. Гребенку, что ему дѣлать съ сердцемъ, „когда оно заболитъ?“ Неужели это кому-нибудь интересно. Кому приходило въ голову, что болгаръ г. Кара-веловъ, помѣстившій въ русскихъ журналахъ нѣсколько посредствен-

ныхъ повѣстей изъ болгарской жизни, — болгарскій поэтъ? Конечно никому, исключая издателя, который, впрочемъ, и самъ очевидно затруднялся въ выборѣ поэтического образца изъ произведеній этого писателя: посвятить болѣе ста строкъ на его биографію, г. Гербель перевелъ изъ него 16 строкъ плохихъ виршей, въ которыхъ г. Каравеловъ просить, чтобъ его похоронили не подъ сырою землею, а „завалили бы въ полѣ зеленой травой“ и въ головахъ поставили бы красную калину. И такихъ поэтовъ, какъ гг. Аванасьевъ-Чужбинскій и Каравеловъ, представленныхъ въ „Поэзіи Славянъ“ однимъ стихотвореньемъ, великое множество набрано г. Гербелемъ, причѣмъ биографіи этихъ мнимыхъ поэтовъ или, лучше сказать, ихъ безпрѣтные послужные списки занимаютъ гораздо больше мѣста въ „Поэзіи Славянъ“, чѣмъ ихъ произведенія о любви, о дѣвѣ, о грудяхъ подобныхъ „волнѣ океана“, и о прочихъ невинныхъ предметахъ. Вообще невозможно понять, чѣмъ руководился г. Гербель, представляя нашему читателю то или другое стихотвореньице, даже изъ поэтовъ, пользующихся у славянъ извѣстностью. Есть, напр., у сербо-хорватовъ поэтъ Банъ: „поэтическая дѣятельность Бана, говоритъ г. Гербель, главнымъ образомъ обнаружилась въ драмѣ: его трагедія „Мейрима“, „Урошъ V“ и „Царь Лазарь“ — считаются лучшими драматическими произведеніями сербовъ.“ Читатель естественно ждетъ отрывка изъ какой-нибудь драмы Бана, а г. Гербель переводитъ изъ него стихотвореніе въ 12 строкъ о бѣлой голубкѣ, которая спустилась съ неба и принесла письмо. И больше ничего; стихотвореніе о бѣлой голубкѣ одно изъ самыхъ ординарнѣйшихъ. Изъ современнаго сербскаго поэта Михайловича г. Гербель перевелъ слѣдующія вирши:

Что за жизнь безъ вѣры
Въ праведнаго Бога?
Безъ семьи любимой,
Радостей немного!
Нѣтъ отрады въ жизни
Безъ души родимой!
Нѣтъ на свѣтѣ счастья
Безъ любви взаимной!

Неужели это поэзія, а не наивный подборъ изъ прописей? Какое мнѣніе получите вы о Михайловичѣ по этимъ виршамъ? Но положимъ, Михайловичъ не принадлежитъ къ числу поэтовъ, изъ которыхъ „каждый занялъ бы въ любой западно-европейской литературѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ“; но вотъ Вукотиновичъ, который именно причисляется г. Гербелемъ къ числу такихъ поэтовъ. Чтѣ же мы находимъ изъ него въ „Поэзіи Славянъ“? Пять небольшихъ стихотвореній, изъ которыхъ одно, „Выдринская гора“, не лишено поэтической мысли, а четыре другіе характеризуются уже самымъ заглавіемъ: „Поцалуй

черноокой“, „Мольба къ черноокой“, „Черны очи“ и „Кличъ“ такого рода:

Гдѣ такая въ цѣломъ свѣтѣ
Есть дѣвица на примѣтѣ:
Что лицомъ—заря румяна,
Косы—будто крылья врана;
Зубки—перлы; очи черны—
Точно вишни, точно терны;
Груди—волны въ океанѣ, и проч.

Понятно, что не можетъ быть такой дѣвицы, у которой груди были бы подобны волнѣ океана, а потому и спрашивать, гдѣ обрѣтается такая дѣвица, непредстояло надобности. По всѣмъ этимъ пяти стихотвореніямъ, Вукотиновича можно причислить лишь къ весьма посредственнымъ поэтамъ, которыхъ даже въ русской поэзіи — непочатой уголь, не говоря уже о западно-европейской. Изъ С. Врза, который также причисляется къ упомянутымъ выше замѣчательнымъ поэтамъ, переведено всего одно стихотвореніе, нисколько не характерное и даже строго говоря совсѣмъ безцвѣтное. Г. Гербель сдѣлалъ бы несравненно лучше, еслибъ ограничился нѣсколькими славянскими поэтами, *дѣйствительно* поэтами, и представилъ бы ихъ въ яркихъ, характерныхъ образцахъ, чѣмъ гоняться за обиліемъ именъ, не имѣющихъ ровно никакого значенія въ поэзіи и принимать каждаго виршелета за поэта и переводить изъ него часто совершенно бессмысленныя или ученическія вещи. Такихъ примѣровъ мы могли бы насчитать множество. Мы должны сказать, однакожъ, что чешскіе и польскіе поэты представлены въ „Поэзіи Славянъ“ сравнительно лучше, быть можетъ по той простой причинѣ, что чешская и польская поэзія зрѣлѣе поэзіи другихъ славянскихъ отраслей. Не можемъ не замѣтить также, что г. Гербель чувствуетъ чрезвычайную слабость къ своимъ переводамъ, которые въ большинствѣ случаевъ отличаются тою мертвенною правильностію языка и стихосложенія, которая стираетъ поэтическую образность оригинала самымъ безжалостнымъ образомъ и представляетъ его въ безцвѣтномъ, прозаическомъ видѣ. Любовь къ своимъ переводамъ г. Гербель простеръ до того даже, что помѣстилъ въ началѣ „Поэзіи Славянъ“ свой переводъ „Слово о полку Игоревѣ“, тогда какъ въ русской литературѣ есть несравненно лучшіе, напр. переводъ г. Майкова. Въ заключеніе замѣтимъ, что г. Гербель исключилъ изъ „Поэзіи Славянъ“ цѣлую область, именно драматическую поэзію; этого исключенія мы не понимаемъ, какъ и многого такого, что есть непонятнаго и незрѣлаго въ этой „Поэзіи Славянъ“, которой, впрочемъ, мы желаемъ всякаго успѣха, хотя бы ради народныхъ пѣсенъ и нѣкоторыхъ чешскихъ и польскихъ поэтовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, новаго, въ первый разъ являющагося въ печати, весьма немного.

Библиотека современныхъ писателей. *Глѣбъ Успенскій*. Разореніе. Пруды Растеряевой улицы. Очерки и Рассказы. Слб. Изданіе А. Ѳ. Базунова. 1871. 3 тома.

Между молодыми беллетристами г. Глѣбъ Успенскій занимаетъ не послѣднее мѣсто. Литературную дѣятельность свою онъ началъ дѣть десяти тому назадъ, и явившіеся теперь три томике его рассказовъ составляютъ результатъ этой дѣятельности. Нельзя сказать, чтобы г. Глѣбъ Успенскій вносилъ что-нибудь новое въ литературу, что онъ проложилъ въ ней новый слѣдъ, но и нельзя отрицать въ его дѣятельности извѣстной доли оригинальности, того *своего*, что составляетъ принадлежность только его таланта, его мысли. Въ хорѣ молодыхъ беллетристовъ, выбравшихъ сюжетомъ своихъ произведеній народъ и представителей болѣе или менѣе низменныхъ слоевъ нашего общества, г. Глѣбъ Успенскій имѣетъ свое собственное соло, которое вытягиваетъ цорю очень хорошо, порою весьма небрежно и порою совсѣмъ оказывается безъ голоса или немилосердо фальшивить. Въ первое время своей литературной дѣятельности, г. Глѣбъ Успенскій мало чѣмъ отличался отъ своего однофамильца, г. Николая Успенскаго; читающая публика тѣмъ скорѣе смѣшивала ихъ имена, что оба они изображали представителей того же міра и съ той же отрицательной стороны, для чего не жалѣли они ни юмора, ни каррикатуры; но внимательно вглядываясь въ произведенія этихъ писателей, можно было различить нѣкоторыя черты, которыя давали каждому изъ нихъ свою фizioномію. У г. Николая Успенскаго болѣе объективности, или, пожалуй, непосредственности; ничѣмъ не задаваясь по большей части, онъ рисуетъ то, что ложится подъ его перо, рядъ наблюденій, преимущественно изъ простонародной жизни; г. Глѣбъ Успенскій почти всегда задается извѣстною мыслью, которая сквозитъ въ большей части его рассказовъ, и подвергаетъ изображенію тотъ слой населенія, который стоитъ немного выше мужика, который понюхалъ такъ или иначе цивилизацію. Во всякомъ случаѣ, это бѣдная, забитая, страдающая среда, представители которой очень походятъ другъ на друга; общая черта у всѣхъ у нихъ — бѣдность и неумѣнье выдти изъ своего положенія; они живутъ день за день, почти одною мысленною жизнью, для удовлетворенія которой напрягаютъ всѣ свои силы и изощряютъ всѣ свои способности; сила изображительности у г. Глѣба Успенскаго не такова, чтобы создать два-три типа, которые бы вполне выражали собою эту многочисленную среду; на это нуженъ талантъ большой; г. Успенскій довольствуется эскизами характеровъ, набросками, въ которыхъ фигуры недостаточно рельефно выражены; когда пристально смотришь на нихъ, т.-е. когда читаешь рассказы г. Глѣба Успенскаго, фигуры какъ бы получаютъ нѣкоторую фizioномію, но на извѣстномъ разстояніи, т.-е. когда оставишь книгу, всѣ они сливаются въ блѣдныя очертанія и не даютъ опредѣленнаго, надолго памятнаго впечатлѣнія, не даютъ образа,

который бы сложился съ вашей памятью и при первомъ желаніи ярно предсталъ передъ вами. Этотъ недостатокъ изобразительности, яркости художественнаго представленія, замѣчается у всѣхъ беллетристовъ, работающих въ одномъ направленіи съ г. Глѣбомъ Успенскимъ. Всѣ они ведутъ начало отъ Гоголя и Тургенева, каждый изъ нихъ вноситъ нѣчто свое въ общую картину бѣдной русской жизни, но типы создавали только Гоголь и Тургеневъ. „Записки охотника“ и до настоящаго времени все-таки остаются недостижимымъ прототипомъ для всѣхъ современныхъ писателей. Говорятъ, что современные беллетристы новаго періода русской словесности глубже взглянули на народную жизнь, чѣмъ Тургеневъ, что они не идеализировали ее, а представили такъ, какъ она есть. Это неправда. Новѣйшіе беллетристы ближе взглянули на эту жизнь, а не глубже; они ощущали, такъ сказать, лохмотья нищеты, они сложились съ ея языкомъ и манерами, они фотографировали ее, но не заключили въ картины и образы, имѣющія не умирающее, вѣчное значеніе, они не возвысились до типовъ, какъ гармоническихъ продуктовъ нравственной атмосферы и физическихъ условій. Недостатокъ художественнаго творчества, которое вовсе не есть пустой звукъ, недостатокъ отдѣлки и сосредоточенности, производить или эскизъ, иногда очень милый и забавный, иногда каррикатуру, впечатлѣніе отъ которой мимолетно. Въ залахъ нашей академіи художествъ вы постоянно встрѣтите картины, цѣлкомъ воспроизводящія „Записки охотника“ или ихъ напоминающіе, и никогда почти не встрѣтите ни одной картины, которая бы напоминала вамъ гг. Успенскихъ и проч. Живопись идетъ у насъ за литературою и постоянно отъ нея отстаетъ, отчасти завися въ этомъ отношеніи отъ самой, не совсѣмъ развитой среды художниковъ, отчасти и оттого, что современная литература, несмотря на обиліе своихъ произведеній, не даетъ художнику благовиднаго матеріала, не даетъ ему *лицъ* и драматическихъ положеній. „Записки охотника“ художникъ можетъ перенести на полотно цѣлкомъ, и картина явится осмысленною и выразительною; современныхъ беллетристовъ нельзя перенести цѣлкомъ на картину, потому что они только намекаютъ, только дѣлаютъ эскизы, разбѣиваютъ на мелкую монету, бросая на пол-дорогѣ Ивана и хватаясь за Петра, въ которомъ они въ сущности изображаютъ того же Ивана. Они могутъ навести художника на мысль, но не дадутъ ни готоваго лица, ни готовыхъ положеній.

Все это относится къ г. Успенскому какъ нельзя болѣе. У него нѣтъ почти ничего оконченнаго; самыя большія его вещи, какъ „Разоренье“, страдают тою же эскизностью и разбросанностью, хотя въ этой повѣсти есть довольно оригинальное лицо, Михаилъ Ивановичъ, нѣчто въ родѣ протестанта изъ нижняго слоя населенія. Въ извѣст-

ной степени лицо это удалось г. Глѣбу Успенскому, но онъ и его оставилъ на подорогѣ, и кромѣ того и въ немъ не избѣжалъ существеннаго недостатка своего — стремленія къ фотографіи, которая сплошь и рядомъ обращается въ каррикатуру и вредитъ цѣльности изображенія. Г. Глѣбъ Успенскій очень дорожитъ, очевидно, фотографической стороною своего таланта или, пожалуй, своей памяти, и думаетъ вѣроятно, что она-то и есть необходимый элементъ въ изображеніи дѣйствительности. Обладая несомнѣннымъ юморомъ, иногда живымъ и бойкимъ, г. Успенскій лишь изрѣдка проявляетъ его въ безупречномъ видѣ; по большей части онъ такъ перемѣшанъ съ каррикатурою и фотографіей, которая и сама въ сущности есть только каррикатура, потому что снимаетъ одну только внѣшность, не передавая внутренняго содержанія человѣка, что юморъ теряетъ свою силу, добродушіе обращается въ передразниванье, злость — въ тулостъ и недомысліе. Есть страницы очень хорошо написанныя, но нѣтъ почти ни одной вещи, даже изъ самыхъ маленькихъ, которая была бы выдержана отъ начала до конца. Разказы г. Глѣба Успенскаго напоминаютъ талантливаго пѣвца съ хорошимъ природнымъ голосомъ, но безъ всякой шеолы, безъ всякой обработки. Запоетъ онъ прекрасно, но вдругъ выкинетъ, какъ говорится, фортель, который вамъ рѣжетъ ухо, но который такъ понравится пѣвцу, что онъ повторитъ его нѣсколько разъ, неизвѣстно почему считая это верхомъ совершенства своего искусства. Такими штуками постоянно прерываются разказы г. Глѣба Успенскаго; весьма не мудрено, что для штукъ этихъ есть своя публика, которая ихъ одобряетъ и которой авторъ ищетъ угодить; но штуки остаются штуками, фальшь остается фальшью, обращаясь въ привычку, въ прискорбную особенность таланта, которая въ состояніи портить лучшія произведенія. Начинаетъ эти штуки г. Глѣбъ Успенскій каррикатурою языка и потомъ доходитъ до каррикатуры внутренняго человѣка, воображая, что онъ подчиняется юмористическому свойству своего таланта, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ подчиняется лишь охотѣ забавлять. „Чаво, ничаво, счавожъ, ззацца-ррапнуть, ящо, сдѣл... милость“ и масса такихъ особенностей языка, составляющихъ видовой и временной признакъ человѣка извѣстной среды, испещряютъ разказы г. Глѣба Успенскаго. Для чего это? Для фотографической вѣрности? Но въ такомъ случаѣ отчего же не фотографировать языкъ образованныхъ людей. Всѣ мы, русскіе, французы, нѣмцы, выговариваемъ слова не такъ какъ они пишутся и въ разговорѣ постоянно глотаемъ цѣлые слоги. Воспроизвести, слогъ за слогомъ, такой разговоръ, можетъ быть и будетъ смѣшно, но лишь немногимъ читателямъ. А г. Глѣбъ Успенскій гоняется за такими воспроизведеніями съ необычайною любовью, не подозревая, что онъ унижаетъ свой талантъ до фигляра-разскащика,

который составилъ себѣ сценическую славу звукоподражательными разсказами, до чревоущителя, который тѣшитъ народъ въ балаганѣ. Ужъ если фотографировать народный разговоръ, то отчего не идти до конца, отчего не пересыпать его извѣстными выраженіями? Надо думать, что этому мѣшаютъ литературные нравы, а то разсказы получили бы еще болѣе вѣрный снимокъ съ дѣйствительности. Рядомъ съ этою бессмысленною фотографіей языка идетъ бессмыслица цѣлыхъ фразъ, для которыхъ придумываются смѣшные обороты, и бессмыслица цѣлыхъ разговоровъ съ цѣлью вызвать на уста читателя усмѣшку. Читаешь эту галиматью, это вздорное чесанье языка, эту бессмысленную насмѣшку надъ народнымъ говоромъ и думаешь: да откуда же явились народныя пѣсни, блещущія перлами поэзіи и необычайной образностью выраженія? Откуда явились пословицы, поражающія своимъ глубокомысліемъ? Не «сочинителями» же народныхъ разсказовъ они выдуманы, а сочинены тѣмъ самымъ народомъ, котораго изображаютъ гг. Успенскіе въ бессмысленной карикатурѣ, и который точно созданъ на то, чтобъ давать матеріалъ для беззубаго смѣха легкомысленной толпѣ. Господамъ молодымъ беллетристамъ, работающимъ въ одномъ направленіи съ г. Глѣбомъ Успенскимъ, не мѣшаетъ объ этомъ подумать и даже не мѣшаетъ почитать образцы и учиться тамъ художественнымъ приемамъ. Образцы всегда имѣли огромное значеніе въ развитіи искусства, а «Записки охотника» будутъ еще долго служить образцомъ, что бы ни говорили господа критики, возвеличивающіе не въ мѣру молодую литературу и оказывающіе ей тѣмъ самымъ медвѣжью услугу.

Мы всего этого не сказали бы г. Глѣбу Успенскому, еслибы не видѣли, помимо этихъ недостатковъ, достоинствъ въ его разсказахъ, присутствіе истиннаго, хотя и умѣреннаго таланта. Ал.

Русскій Календарь на 1872 годъ. А. Суворина. Первый годъ. Спб. 1872. Стр. 432.

Техническій Календарь на 1872 годъ. Карманная, записная и справочная книжка для г. инженеровъ, архитекторовъ, строителей и механиковъ. Состав. Н. М. Бихеле. Спб. 1872.

Мы имѣемъ давно календари, но тѣмъ не менѣе календари у насъ дѣло совсѣмъ новое, не смотря на то, что въ послѣдніе годы начали издавать календари и самъ г. Катковъ, впрочемъ больше для собственнаго употребленія. Причина негодности существовавшихъ до сихъ поръ календарей какъ нельзя болѣе понятна. Назначеніе календаря состоитъ въ томъ, чтобъ быть *Vademecum*, постояннымъ спутникомъ человѣка, по возможности, во всѣхъ главныхъ сферахъ его жизни: потому—какова жизнь общества, таковъ долженъ быть и календарь. Наша современная жизнь весьма тронулась съ прежнихъ мѣстъ,

а наши календари до сихъ поръ, даже до начинающагося теперь 1872-го года, продолжаютъ слагаться по образу и подобию тѣхъ календарей, которые отвѣчали прежнимъ потребностямъ жизни; если они изъ новой жизни и позаимствовали что-нибудь, то развѣ однѣ росписанія поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, да сроки полученія по купонамъ и т. п.; впрочемъ, и самыя нововведенія появлялись въ нихъ не со всѣмъ быстро, вслѣдствіе системы простой перепечатки стараго текста, и бывали примѣры, что справившійся по иному календарю отправлялъ письмо по старой и высшей таксѣ и платилъ такимъ образомъ штрафъ за слишкомъ дешевый способъ изданія календаря. Конечно, подобные недостатки въ календарѣ еще маловажны, если сравнить ихъ съ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, который представляли старыя календари, сохраняя свою вѣками освещенную форму и содержаніе. Заслуга „Русскаго Календаря“ состоитъ именно въ томъ, что онъ впервые отступилъ отъ преданія, и потому явился календаремъ 1872-го года не по одной типографской надписи юда на книгѣ, но и по своей сущности. „При распространеніи въ нашемъ обществѣ, за послѣднія десять лѣтъ — говорить его предисловіе — интереса къ общественнымъ дѣламъ и къ ихъ обсужденію, мы поставили главною задачею „Русскаго Календаря“ быть не только справочною книгою, но и вмѣстѣ сборникомъ *содѣланный о Россіи* и данныхъ для ознакомленія съ ея физическими, экономическими и нравственно-политическими средствами въ наличномъ ихъ состояніи, и притомъ сравнительно съ такими же силами остальной Европы. Какъ бы ни было велико различіе взглядовъ и убѣжденій тѣхъ лицъ, которыя интересуются общественными дѣлами и ихъ движеніемъ, но сужденія о нихъ должны имѣть всегда одно общее основаніе, независимое отъ духа партій,—это, именно, точныя цифры, въ которыхъ выражается состояніе того или другого предмета общественной жизни“. Въ этихъ немногихъ словахъ заключается вся новизна программы и общественного назначенія „Русскаго Календаря“, а вмѣстѣ конечно и оправданіе для составителя въ томъ, въ чемъ онъ спѣшилъ и самъ сознаться, говоря, что „намъ удалось болѣе или менѣе достигнуть вышеуказанной цѣли не по всѣмъ отдѣламъ“. Такой трудъ могъ бы имѣть больше притязаній, если бы онъ былъ выполненъ не однимъ, не двумя и даже не тремя лицами, а цѣлою громадною комиссіею, но и въ этомъ случаѣ едва ли бы онъ оказался непогрѣшимымъ. Частному же лицу въ подобномъ трудѣ остается искать союза съ временемъ и воспользоваться собственными же ошибками и недосмотрами для исправленія ихъ въ ближайшемъ будущемъ. Въ настоящемъ выпускѣ „Русскій Календаръ“ коснулся почти всѣхъ новыхъ отправленій нашей жизни, которыя и практикуются и обсуждаются обществомъ ежедневно: члены земства, различные обществен-

ные дѣятели по народному образованію, физическому богатству и его разработкѣ, средствамъ къ защитѣ лица и имущества внутри—и самого государства извѣтъ, найдутъ для себя въ „Русскомъ Календарѣ“ всѣ необходимыя посылки, въ отдѣлахъ: „Населеніе Россіи“, „Государственная Роспись“ и „Государственные долги“, „Церковь“, „Школа“ и „Печать“, „Земство“ и „Судебныя учрежденія“, „Армія“ и „Флотъ“ и т. д. Быть можетъ, скажутъ, что всѣ эти отдѣлы группированы не всегда удачно, что календарю недостаетъ желаемой полноты, и есть опять отдѣлы, которые могли бы быть много сокращены; но серьезно упрекать въ этомъ, значило бы требовать отъ составителя, чтобы онъ началъ свой трудъ прямо со второй книги, а не съ первой. Заслуга „Русскаго Календаря“ состоитъ пока въ томъ, что онъ вѣрно понялъ назначеніе календаря въ наше время, и дальнѣйшій его успѣхъ зависитъ единственно отъ того, насколько составитель останется вѣрнымъ собственной же мысли, высказанной имъ въ предисловіи, а именно, что въ календарѣ общество нуждается только въ томъ смыслѣ, что оно должно при обсужденіи своихъ собственныхъ дѣлъ, имѣть всегда одно общее основаніе, независящее отъ духа партій“. Достать самыя свѣжія и вѣрныя цифры, группировать ихъ самымъ удобнымъ образомъ и яснымъ для пользованія, сохранить при этомъ объемъ, приличный для *vademecum*, а слѣдовательно, умѣть сортировать и отличать важное и неважное,—вотъ настоящая задача календаря, который хочетъ обращаться къ мыслящей и дѣйствующей части общества, и которую въ первый разъ не только поставилъ себѣ „Русскій Календаръ“, но и отчасти выполнилъ.

На календари специальные мы были гораздо счастливѣе, нежели на календари общественные. Въ послѣдніе годы начали у насъ являться въ большомъ количествѣ календари, предназначенные служить для техниковъ и вообще специалистовъ. Составленіе такихъ календарей легче уже потому, что за-границею существуютъ для нихъ многочисленныя образцы, а свойства тѣхъ физическихъ вездѣ одинаковы,—не то, что свойства тѣхъ общественныхъ и государственныхъ. Но все это не уменьшаетъ заслугу тѣхъ, которые вводятъ къ намъ по иностранному образцу специальные календари. Таковъ новый календарь, изданный извѣстнымъ книжнымъ магазиномъ Карла Риккера (6. Мюнха) и составленный г. Бихеле, подъ заглавіемъ: „Техническій Календарь на 1872 годъ“. „При составленіи предлагаемаго Техническаго Календаря, говоритъ предисловіе, имѣлось въ виду дать въ руки техниковъ такую справочную книжку, заключающую въ себѣ необходимѣйшія таблицы, свѣдѣнія и правила, которая, при небольшомъ карманномъ объемѣ, могла бы служить для справокъ, на мѣстѣ, въ минуту разсматриваемаго проекта и для повѣрки главнѣйшихъ его элементовъ“. Но мы находимъ, что Техническій Календарь К. Риккера

представляетъ массу интересныхъ свѣдѣній не для однихъ техниковъ и можетъ послужить къ распространенію здравыхъ понятій въ обществѣ, такъ какъ онъ касается вопросовъ ежедневной жизни. Возьмемъ, напр.,—о вентиляціи (стр. 146). Каждый изъ насъ знаетъ, что нуженъ вообще чистый воздухъ для здоровой жизни, но въ какомъ именно количествѣ онъ нуженъ при различныхъ условіяхъ, на это рѣдко кто отвѣтитъ такъ точно, какъ на другой, подобный же вопросъ: сколько нужно фунтовъ хлѣба на одного человѣка въ день. Въ Техническомъ Календарѣ, кромѣ специальныхъ, мы найдемъ и элементарныя свѣдѣнія по этому вопросу: оказывается, въ казармахъ необходимо отъ 2 до 3 куб. саж. въ часъ, а при морозахъ выше—25° достаточно 1 сажени; въ учебныхъ заведеніяхъ 3, въ лазаретахъ отъ 6 до 10, въ залахъ дворцовъ и танцевальныхъ собраній отъ 2 до 3, въ присутственныхъ мѣстахъ и театрахъ 2; въ церквяхъ 1; въ отхожихъ мѣстахъ отъ 6 до 10, а въ ватерклозетахъ отъ 2 до 3; на каждую стеариновую свѣчку (4 на ф.) необходимо доставлять свѣжаго воздуха въ часъ не менѣ одной кубической сажени—такую сильную конкуренцію дѣлаетъ свѣчка нашему дыханію. Мы приводимъ одинъ примѣръ изъ Техническаго Календаря, но въ его многочисленныхъ отдѣлахъ находится множество указаній, справокъ, объясненій изъ области механики, гидравлики, статистики и динамики газовъ, теплоты, образованія пара и всего, что касается желѣзныхъ дорогъ вообще и русскихъ въ особенности. На каждомъ шагу встрѣчаются таблицы, которыя доставляютъ возможность технику, не прибѣгая къ выкладкамъ, рѣшать на мѣстѣ и въ одну минуту различные практическіе вопросы, которые могутъ возникать на каждомъ шагу. Изданіе, по своему изяществу, не уступитъ ни въ чемъ заграничнымъ—подобнаго же рода.

Л-в-ъ.

ПОДАТНАЯ СИЛА НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Письмо въ Редакцію.

Въ прошломъ письмѣ ¹⁾ мы упомянули мимоходомъ, что земство наше какъ будто уклоняется отъ того, чтобы выяснитъ себѣ дѣйствительное положеніе вещей въ губерніи, но случай, наконецъ, заставилъ насъ столкнуться съ этою дѣйствительностью. Земству, какъ извѣстно, поручено было представить свои заключенія по по-

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», Ноябрь, 1871.

датному дѣлу. Мы знаемъ общій сводъ этихъ заключеній; впрочемъ, дѣло не въ этихъ заключеніяхъ. Земскія комиссіи собрали при этомъ весьма любопытныя данныя относительно того, сколько несетъ повинностей сельское населеніе и сколько оно получаетъ доходовъ. Мы беремъ теперь Новгородскую губернію. Сельское населеніе ея платитъ:

1. Оброчной подати съ временно-обязанныхъ крестьянъ	686,898 руб.
2. Выкупныхъ платежей съ бывшихъ временно-обязанныхъ	678,259 »
3. Оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ и пахатныхъ солдатъ	533,289 »
4. Подушной подати	640,581 »
5. Общественнаго сбора	47,395 »
6. Государственного земскаго сбора	66,839 »
7. Государственного земскаго сбора по переложениі на доходы съ земель	24,050 »
8. Губернскаго и уѣзднаго земскаго сбора	318,003 »
9. Мірскіе сборы и рекрутскія пошлины	282,870 »
<hr/>	
Всего	3.278,136 » ¹⁾

Такимъ образомъ, въ итогѣ сборъ этотъ, по вычисленію комиссіи, ложится:

на крестьянскій душевой надѣлъ	8 руб. 53 коп. . .
» крестьянина-работника	17 » 15 »
» крестьянскій домъ	16 » 10 »
» душу	7 » — »

Мы не можемъ оспаривать этихъ цифръ, и поэтому спросимъ только, какой доходъ нуженъ для того, чтобъ налогъ этотъ не ложился тяжкимъ бременемъ на плательщиковъ? Вѣроятно, всякій признаетъ, что четвертая часть произведеній земли, отдѣляемая въ прежнія времена въ пользу землевладѣльцевъ, была не слишкомъ малымъ налогомъ. Принимая его за норму, сельское населеніе Новгородской губерніи должно было бы имѣть доходовъ отъ земли, по крайней мѣрѣ, 13 милліоновъ рублей, если оно, какъ мы видѣли, платитъ около 3 мил. 300 тыс. ежегодно.

Но что же говорить докладъ новгородской комиссіи? Онъ говоритъ, что нормальный доходъ отъ земель сельскаго населенія Новгородской губерніи составляетъ всего на всего 2.679,972 руб., то-есть слишкомъ на 600,000 р. менѣе того, что оно платитъ за эти земли. Какъ этотъ дефицитъ, также равно и 3.000,000 руб. на покупку недостающаго хлѣба въ годъ, сельское населеніе Новгородской губерніи должно добывать посторонними заработками.

Докладъ новгородской комиссіи вычисляетъ эти личные заработки въ 7,720,000 руб. Но эти цифры у него противорѣчатъ дѣйствитель-

¹⁾ Данныя заимствованы изъ доклада новгородской комиссіи, которая составляла ихъ по свѣдѣніямъ отъ новгородскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, казенной палаты и уѣздныхъ управъ.

ности. Еслибы сельское населеніе зарабатывало личнымъ трудомъ такую сумму, то, за покрытіемъ всѣхъ дефицитовъ, у него оставался бы значительный излишекъ, который выразился бы поднятіемъ народнаго благосостоянія въ губерніи. На самомъ же дѣлѣ этого нѣтъ: быть населенія не улучшается. Отсюда мы выводимъ, что заработки въ губерніи, весьма ограниченны и едва ли составляютъ половину той суммы, какую вывела новгородская коммиссія.

Отсюда само собой выясняется, почему бѣдно населеніе Новгородской губерніи: за землю, которая приноситъ нормальнаго дохода 2.600,000 рублей, оно должно платить 3.270,000 руб.

Но замѣтите,—эти цифры огульныя, въ нихъ еще не точно выражается вся затруднительность выплачивать, какая существуетъ на самомъ дѣлѣ. Если мы возьмемъ волость, въ которой есть государственные и временно-обязанные крестьяне, то мы увидимъ, что съ временно-обязанныхъ сходятъ оброковъ и податей отъ 10-ти до 14-ти руб. съ душевого надѣла, а съ государственныхъ отъ 5-ти до 7-ми руб. Государственный крестьянинъ имѣетъ и лучшую землю, и полиѣе надѣлъ, и платитъ вдвое меньше. Потому неудивительно, что недоимки выкупныхъ платежей растутъ съ каждымъ годомъ: въ 1868-мъ году онѣ составляли по Новгородской губерніи 726,000 р., а въ 1871-мъ дошли до 1.039,000 руб. ¹⁾.

Коренная ошибка по вычисленію прежняго помѣщичьяго дохода состоитъ въ томъ, что была совершенно опущена изъ виду та власть, которая заставляла крестьянъ работать на пользу исключительно помѣщика. Разумѣется, при той власти каждый крестьянинъ приносилъ дохода не менѣе 20-ти руб. въ годъ въ пользу своего помѣщика. Эти самыя цифры и приняты были въ расчетъ при ликвидаціи помѣщичьяго дѣла. Но было бы странно, еслибы свободный крестьянинъ сталъ для самого себя такимъ же хозяиномъ, какимъ былъ для него помѣщикъ. Разумѣется, этого ни въ какомъ случаѣ не могло случиться, и крестьянинъ, трудясь обыкновеннымъ человѣческимъ, а уже не рабскимъ трудомъ, зарабатываетъ, смотря по своимъ средствамъ, половину тѣхъ налоговъ, которые онъ платилъ ранѣе и которые опредѣлило платить Положеніе 19-го февраля; другой половины при настоящемъ положеніи онъ не можетъ пока заработать, потому что для этого, на мѣсто прежняго понужденія со стороны помѣщика, должно явиться образованіе и высокое развитіе внутренней промышленности, чего, разумѣется, помѣщичій быть не могъ намъ оставить въ наслѣдство.

Вотъ положеніе, которое рисуетъ намъ дѣйствительность и которое совершенно согласно съ данными, собранными новгородскою комиссі-

¹⁾ Докладъ новгородской коммиссіи.

сѣю. Почему же эти данныя и всѣ эти цифры остаются мертвыми въ докладѣ новгородской комиссіи? почему она не дѣлаетъ изъ нихъ полнаго вывода? почему она говоритъ только о 778,000 р. подушной повинности, когда на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ говорить о 3.278,000 руб.? Мы объясняемъ это извѣстнымъ характеромъ нашихъ земскихъ собраній. Намъ дали на разрѣшеніе вопросъ о подушной подати, которая имѣетъ довольно вредное вліяніе на бытъ сельскаго населенія. Но когда мы стали разсматривать этотъ вопросъ, то оказалось, что подушная подать въ суммѣ другихъ налоговъ составляетъ менѣ одной четвертой части, такъ что другіе налоги гораздо вреднѣе и гораздо тяжелѣе ея. Но мы остановились на этой четвертой части, не коснувшись другихъ трехъ четвертей. Мы походили на учениковъ, которые выучили свой урокъ до извѣстной черты, и затѣмъ закрыли свои книжки, повторяя пройденные зады: о народномъ здравіи, о народномъ образованіи, объ оспопрививаніи и т. д.

Какіе практическіе результаты получатся, если мы будемъ вѣчно и вѣчно повторять зады, — объ этомъ не спрашивайте. Они во всякомъ случаѣ будутъ не блестящіе — изъ 3.278,000 рублей, которые платитъ губернія, на ея умственное и экономическое развитіе употребляется только двѣ сотыхъ части; въ ней нѣтъ хорошихъ дорогъ; народныя школы, учрежденныя земствомъ, страдаютъ отъ недостатка средствъ, жалованье ея народнымъ учителямъ, въ большинствѣ случаевъ, не превышаетъ 10-ти рублей въ мѣсяцъ. Ея запасныя магазины не особенно полны, всѣ заработки, какіе только населеніе можетъ добыть, идутъ на выкупныя платежи, оброки, подати — и ко всему этому прибавьте, что безъ малаго цѣлая половина сельскаго населенія еще не вышла на выкупъ и состоитъ временно-обязанными. Вышедшіи на выкупъ платятъ оброкъ 7, временно-обязанный же — 8 р. 50 к.; первому хотя въ дальней перспективѣ, черезъ 49 лѣтъ, предстоитъ болѣе счастливая будущность, а послѣднему еще нѣтъ никакой перспективы и всѣ его ресурсы состоятъ пока въ продажѣ лошадей и коровъ, которыхъ придется описать за неплатежъ податей.

Всѣ мировые посредники завалены письмами и жалобами помѣщиковъ на худое поступленіе оброковъ. Недалѣе какъ сегодня мнѣ пришлось читать письмо одного изъ нихъ. Это письмо въ высшей степени замѣчательно. „Гдѣ“, пишетъ г. Н., „тотъ обоюдоострый мечъ, который каралъ въ прежнее время обѣ стороны, а теперь караетъ только одну сторону, и именно сторону помѣщиковъ?“ На что смотрятъ мировые посредники и почему мирволятъ они крестьянамъ. Все зло происходитъ отъ нихъ — они не требуютъ оброковъ и поэтому крестьянинъ гнѣивъ и неграчливъ. Есть у него лишняя копѣйка — онъ несетъ ее въ кабакъ, а не помѣщику. Да, въ настоящее время кабаки совершенно замѣнили имъ помѣщиковъ“.

Это очень печальное письмо. Оно вполне выражает то тревожное состояніе духа, въ которомъ находятся многіе изъ землевладѣльцевъ. Чтобы выйти изъ такого положенія вещей, необходимо, по моему мнѣнію, желать, чтобы землевладѣльцы, въ свою очередь, были 'обязаны представить на выкупъ своихъ крестьянъ.

Въ заключеніе моего письма мнѣ необходимо сказать о вопросѣ, который также тѣсно связанъ съ благосостояніемъ Новгородской губерніи, именно объ улучшеніи Маріинской системы. Странную судьбу испытываетъ эта система; ея дѣло, говорятъ, все еще находится въ департаментѣ водныхъ путей, объемъ его возрастаетъ съ каждымъ днемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оно становится все тяжеле и тяжеле. Между тѣмъ Маріинскій каналъ все также останавливаетъ судоходство по цѣлымъ мѣсяцамъ. Въ прошедшую навигацію холера съ особенною силою дѣйствовала въ Маріинскомъ каналѣ, гдѣ былъ ужасный скопъ судовъ. Путинные и коренные бѣжали съ судовъ, и если бы еще немножко продлилась холера, то остановилось бы все судоходство. Повторись холера въ будущемъ году, мы должны будемъ главную причину развитія ея у насъ искать въ той небрежности, въ которой содержится Маріинскій каналъ, точно также, какъ развитіе сибирской язвы не только мы, простые смертные, но даже и эксперты отнесли къ небрежности, въ которой прежде содержались бичевники на Шекснѣ, а теперь содержатся на Ковжѣ, гдѣ буквально лошади тонуть въ грязи и преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся новыя поправки...

М. Прокоевъ.

Вѣлозерскъ.

8 декабря, 1871.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Печатается на основаніи ст. 26, гл. II приложеніе къ ст. 5, прим. 4, Уст. ценз., по продолженію 1868 г., по требованію министерства народнаго просвѣщенія.

31-го мая сего года, Совѣтъ Кіевского университета утвердилъ представленіе историко-филологическаго факультета о включеніи въ составъ полукурсоваго испытанія студентовъ этого факультета написаніе русскаго сочиненія на заданную тему въ присутствіи факультета.

Редакція журнала „Вѣстникъ Европы“, обсуждая вопросы о реальныхъ училищахъ и классическихъ гимназіяхъ, нашла нужнымъ въ ноябрьской книжкѣ своего журнала, на страницѣ 371, въ подстрочной выпискѣ, вышеозначенное постановленіе совѣта совершенно извратить, обвиняя студентовъ въ незнаніи орфографіи и вообще русскаго языка. Въ выноскѣ этой, между прочимъ, сказано: „забота объ усиленіи классицизма у насъ предшествовала послѣднему уставу и уже нѣсколько лѣтъ сразу сосредоточено было все вниманіе на преподаваніи древнихъ язы-

ковъ, а въ нынѣшнемъ году историко-филологическій факультетъ вынужденъ былъ обсуждать мѣры относительно тѣхъ студентовъ, которые пишутъ по-русски безъ соблюденія орфографіи и употребляя неправильные обороты рѣчи. Факультетъ опредѣлялъ взять на себя трудъ доучивать студентовъ отечественному языку“.

Затѣмъ редакция журнала „Вѣстникъ Европы“, высказывая въ декабрьской книжѣ (стр. 778) этого журнала мнѣнія иностранныхъ университетовъ о томъ, что тамошніе студенты плохо владѣютъ роднымъ языкомъ, говорить: „это послѣднее заявленіе совпадаетъ съ мѣрами историко-филологическаго факультета Кіевскаго университета, которыя были имъ предприняты въ нынѣшнемъ году противъ малограмотности студентовъ, поступающихъ изъ гимназій“.

По поводу подобной же статьи, напечатанной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, извратившей смыслъ постановленія кіевскаго университета и обвинявшей студентовъ въ незнаніи орфографіи и вообще русскаго языка, Совѣтъ сего университета доставилъ слѣдующее объясненіе:

„Статья, напечатанная въ № 288 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, составляетъ буквальный перепечатку статьи 46 протокола засѣданія Совѣта университета 31-го мая 1871-го года, съ присоединеніемъ отъ редакціи газеты введенія, устанавливающаго, по мнѣнію Совѣта, неправильную точку зрѣнія на принятую мѣру. Повѣрною знанія испытуемыхъ изъ русскаго языка на приемномъ экзаменѣ въ университетѣ служить главнымъ образомъ краткое русское сочиненіе. Страницы двѣ, написанныя удовлетворительно на этомъ испытаніи, не составляютъ еще неограниченнаго доказательства, что всѣ лица, принятые въ студенты, пишутъ совершенно безошибочно и не употребляютъ оборотовъ рѣчи, несвойственныхъ русскому языку, потому что огромное большинство учащихся въ университетѣ св. Владиміра, состоящее изъ уроженцевъ южно-западнаго края, не упоминая о полякахъ и евреяхъ, слышатъ и въ семьѣ, и въ обществѣ далеко не чистый русскій языкъ, т. - е. языкъ, въ которомъ встрѣчается много мѣстныхъ идиотизмовъ и неправильно произносимыхъ словъ.“

„Молодой человѣкъ, который былъ принятъ въ университетъ послѣ тщательнаго испытанія, который написалъ сочиненіе безъ ошибокъ и далъ удовлетворительныя грамматическія объясненія, можетъ однако же оказаться въ послѣдствіи не принадлежащимъ къ числу знатоковъ русскаго языка.“

„Такая случайность всегда возможна при ежегодномъ приемѣ отъ 250 до 300 студентовъ, и устранить эту случайность безусловно необходимо на факультетѣ, который выпускаетъ преподавателей русскаго языка и словесности. Дѣло идетъ въ настоящемъ случаѣ не о безграмотности, а о тѣхъ ошибкахъ и неправильностяхъ, которыя, съ сожалѣніемъ, составляютъ явленіе далеко не рѣдкое и въ книжной, и въ журнальной нашей литературѣ. Совѣтъ университета полагаетъ, что онъ подлежалъ бы если не юридической, то тяжелой нравственной отвѣтственности, если бы онъ не требовалъ отъ будущихъ преподавателей отечественнаго языка доказательствъ, что они могутъ съ честью исполнять свое призваніе“.

Сообщено.

КОРОТКИЙ ОТВѢТЪ «МОСКОВСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ».

Обыкновенно „Московскія Вѣдомости“ обнаруживаютъ припадки своего бѣшенства противъ насъ въ двадцатыхъ числахъ cadaго мѣсяца, когда, онѣ знаютъ, мы не имѣемъ возможности, по позднему времени, благодарить надлежащимъ образомъ за ихъ вниманіе къ намъ. Но нынѣшній разъ онѣ поторопились однимъ днемъ и открыли походъ свой противъ насъ 19-го декабря, въ передовой статьѣ газеты этого дня. Правда, и намъ оставалось всего одна—двѣ страницы, чтобы заняться этимъ вздоромъ, каковаго и можно только ожидать отъ гг. Каткова и Леонтьева; но для вздора наговореннаго этими господами, двѣ страницы — за-глазѣ! Поводомъ къ этому вздору послужила вторая статья о высшей реальной школѣ въ Германіи, напечатанная у насъ въ декабрьской книгѣ прошедшаго года. Нынѣшній разъ наши „классики“ оказались совсѣмъ безсильными относительно сущности самаго дѣла, и потому ограничились косвенными нападеніями и глумленіемъ, которое легко возратить имъ по адресу. Они обличаютъ автора той статьи главнымъ образомъ въ незнаніи французскаго и нѣмецкаго языковъ; чтобы оправдаться предъ г. Катковымъ въ такомъ проступкѣ, автору достаточно было бы сказать, что онъ за то отлично пишетъ по-латыни и по-гречески, по крайней мѣрѣ не хуже г. Каткова: въ глазахъ московскихъ классиковъ это убѣдительно! Но на повѣрку выходитъ, что г. Катковъ слишкомъ серьезно принялъ на себя роль школьнаго учителя французскаго языка, который въ иной школѣ или лицей привыкъ вымѣщать свою „худую сырость“ (*mauvaise humeur*) на ланитахъ школьниковъ. Намъ нѣтъ никакого дѣла до сырого сложенія г. Каткова, и потому растолкуемъ ему то, чего онъ не понимаетъ. Огромнымъ шрифтомъ напечаталъ онъ слова изъ той статьи: „Высушенные плоды“, какъ тамъ переведено: *fruits secs*. „Наивность этого перевода напоминаетъ, по словамъ г. Каткова, знаменитаго господина *Дюиень д'Аи*, какъ глѣтъ двадцать тому назадъ передано было въ одномъ изъ нашихъ тогдашнихъ журналовъ французское слово *doyen d'age* (старшій по возрасту)“. *Дюиень д'Аи* могъ бы справедливо напоминать г. Каткову что-нибудь, еслибы онъ встрѣтилъ въ той статьѣ *Фруцсековъ*; но онъ этого не встрѣтилъ, а потому г. Катковъ при этомъ имѣлъ право вспомнить одну свою вѣчную недобросовѣстность. Онъ самъ приводитъ буквальный переводъ французскаго слова *doyen d'age*; почему же онъ удивляется, что въ статьѣ переведено другое свойственное одному французскому языку выраженіе? Ни для *doyen d'age*, ни для *fruits secs* мы не имѣемъ своихъ равносильныхъ выраженій, и понятно, почему мы не имѣемъ послѣдняго: практика жизни не представила еще случая къ выработкѣ термина, а вотъ глѣтъ черезъ пять,

или и раньше, и у насъ получатся *fruits secs*, и тогда, вѣроятно, явится и терминъ. Французскій языкъ обилуетъ подобными своеобразными выраженіями, и нѣкоторыя изъ нихъ нѣтъ возможности перевести. Напримѣръ, какъ бы мы перевели г. Каткову извѣстное выраженіе: *ami-cochon*! Приходится въ русскую рѣчь вставлять это слово во французской формѣ, и неужели при этомъ писать каждый разъ комментарий, что подъ этимъ словомъ разумѣютъ-молъ человѣка, выдающаго себя за преданнаго друга хозяину и въ тоже время своимъ рыломъ (*cochon*) подрывающаго съ корнемъ все, что есть у хозяина добраго и хорошаго. Можетъ быть, когда у насъ такихъ людей разведется побольше, ихъ и будутъ называть „дружескимъ рыломъ“; но г. Катковъ ошибется, если усмотритъ въ этомъ переводѣ незнаніе французскаго языка, на томъ только основаніи, что *cochon* собственно не значить „рыло“. Всѣ прочія филологическія замѣчанія г. Каткова въ томъ же самомъ родѣ.

Что же касается до другого мѣста статьи, которое старается подкапывать г. Катковъ, то тутъ уже онъ совсѣмъ плохъ. Онъ указываетъ на то обстоятельство, что будто бы „вся капитальная часть статьи“ состоитъ изъ письма неизвѣстнаго подписчика газеты „Temps“: во-1-хъ, вся статья имѣетъ около 40 страницъ, а упомянутое письмо заняло три страницы; а во-2-хъ, напрасно г. Катковъ налегаетъ на то, что статья не подписана. Важно не то, что статья подписана или неподписана, а то, что она принята редакціею такой газеты, какъ „Temps“. Совершенно ложно судить г. Катковъ по себѣ о редакторахъ этой лучшей французской газеты: они не помѣстятъ у себя что-нибудь противное своимъ убѣжденіямъ, и даже еслибы они встрѣтились съ принцемъ прусскимъ Фридрихомъ-Карломъ, то они не станутъ увѣрять его, что „мы-молъ никогда и ничего не писали противъ нѣмцевъ“. Вѣдь это было бы омерзительно! Потому мы думаемъ, что авторъ правъ, обративъ вниманіе на то, что почтила своимъ вниманіемъ газета г. Нефтцера. Вотъ еслибы авторъ сослался на статью „Моск. Вѣдомостей“, подписанную, какъ въ той французской газетѣ: „Un de vos abonnés“,—онъ поступилъ бы опрометчиво, такъ какъ г. Катковъ можетъ, въ случаѣ новаго разговора съ кѣмъ-нибудь, объявить: „мало ли что пишутъ у меня мои подписчики! пусть ихъ себѣ пишутъ, лишь бы при этомъ и подписывались (т.-е. не одними фамиліями), а отвѣчать за нихъ я не намѣренъ!“

А наконецъ, почему г. Катковъ знаетъ, что „Un de vos abonnés“ въ „Temps“ чѣмъ-нибудь хуже г. Георгіевскаго, который прошлымъ лѣтомъ ѣздилъ одновременно съ нимъ въ Германію? Въ той статьѣ, которая такъ раздражила г. Каткова, упомянуто объ этомъ путешествіи г. Георгіевскаго. Намъ случилось слышать большія подробности о немъ; на первомъ же своемъ шагу въ Германію онъ усвоилъ себѣ

слѣдующій взглядъ на научное образованіе, который и приведемъ какъ можно ближе къ его собственнымъ словамъ: „Что же касается до научнаго образованія, то привлекать къ нему не слѣдуетъ никого, но особенно людей бѣдныхъ и недостаточныхъ“. Спрашивается: какимъ же образомъ былъ къ нему привлеченъ самъ г. Георгіевскій? Ломая себѣ голову надъ этимъ вопросомъ, мы порѣшили, что, пожалуй, онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ правъ. Если г. Теоетистовъ нападетъ на мысль написать біографію также и г. Георгіевскаго, то онъ намъ рѣшить этотъ вопросъ досконально. Но мы опять спрашиваемъ г. Каткова, почему онъ думаетъ, что „абонентъ“ „Temps“ непременно хуже г. Георгіевскаго? Не потому ли, что онъ не раздѣляетъ того высокаго взгляда на научное образованіе? Не знаемъ, почему, но знаемъ одно, что статьи, присылаемыя „абонентами“ въ „Temps“ несравненно болѣе умѣстны для порядочнаго органа, нежели статьи, присылаемыя „абонентами“ „Московскихъ Вѣдомостей“; то, что онѣ помѣщаются передовыми статьями, нисколько не снимаетъ съ нихъ характера мелкой личности и безсильной злобы извѣстнаго насѣкомаго, котораго не пріятно и раздавить. Это насѣкомое хуже „жабы“, какъ угодно было г. Каткову обозвать автора той статьи, противъ которой онъ теперь мечется съ пѣною у рта.

А.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособия нуждающимся литераторамъ и ученикамъ.

Восемнадцатое засѣданіе комитета, 11-го октября 1871 г.

1) Доложено Б. И. Утинымъ, что просительница, которую ему было поручено навѣстить, живетъ въ бѣдной, но довольно опрятной квартирѣ; старшая дочь ея даетъ уроки и занимается переводами, а младшая еще учится; просительница хвораетъ и, при пенсіи въ 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ, поставлена въ крайне-стѣсненное положеніе необходимостью уплатить долгъ въ 15 р. Опредѣлено: выдать 25 руб.

2) Утверждено распоряженіе В. П. Гаевского о выдачѣ 35 руб. въ пособіе бѣдному, престарѣлому и разбитому параличемъ просителю.

3) Выдано 175 р. писателю, лишившемуся мѣста и находящемуся въ крайнемъ положеніи. Принужденный остаться цѣлую зиму на дачѣ, онъ заболѣлъ ревматизмомъ, который мѣшаетъ его литературнымъ занятіямъ. Имущество его, оцѣненное въ 27 руб., продано за долгъ. У него жена и пятеро дѣтей.

4) Положено отпускать по 10 р. въ мѣсяцъ на воспитаніе двухъ дѣтей покойнаго писателя и независимо отъ того выдать въ единовременное пособіе 25 р. матери ихъ, перенесшей сильную болѣзнь и неимѣющей никакихъ средствъ къ жизни.

5) Высланные на имя недавно умершаго пенсионера общества 100 р. опредѣлено передать въ единовременное пособіе престарѣлымъ его сестрамъ, жившимъ у него.

6) Отклонено ходатайство о пособіи одного просителя, такъ какъ онъ не удовлетворяетъ условіямъ § 5-го устава.

Деятнадцатое засѣданіе комитета, 25-го октября 1871-го года.

1) Выдано въ единовременное пособіе 75 руб. одному молодому писателю, поставленному временно въ затруднительное положеніе.

2) Выдано 35 р. въ пособіе писателю. Пролежавъ около четырехъ мѣсяцевъ въ больницѣ, онъ оставался, вслѣдствіе недостатка средствъ, безъ возможности приступить къ какой-либо работѣ. Зарабатываетъ рублей 30 въ мѣсяцъ, не больше, потому что въ квартирѣ его, состоящей изъ проходной комнаты, онъ можетъ писать только ночью, когда всѣ улягутся. Долгу у него рублей 20; онъ крайне нуждается въ тепломъ платѣ.

3) Выслано 50 рублей вдовѣ писателя, находящейся, вслѣдствіе потери старшаго сына, въ бѣдственномъ положеніи.

4) Выдано въ ссуду одному писателю 120 р.

5) Отклонены ходатайства за двухъ лицъ: одного потому, что оно не удовлетворяетъ условіямъ § 5-го устава Общества, а другого потому, что предметъ его ходатайства не входитъ въ кругъ дѣятельности комитета.

Общее собраніе членовъ Общества, 7-го ноября 1871-го года.

Собраніе было открыто слѣдующею рѣчью предсѣдателя Я. К. Грота: „Мм. гг.! Въ нынѣшній разъ я долженъ опять исполнить горестную обязанность и открыть наше собраніе заявленіемъ о чувствительной для Общества утратѣ. 23-го сентября скончался въ Москвѣ А. Н. Аванасьевъ, извѣстный замѣчательными трудами, особенно по собранію и изслѣдованію преданій и вѣрованій русскаго народа. Лучшимъ доказательствомъ важности этой потери служить то, что въ нашей печати органы, принадлежащіе къ разнымъ лагерямъ, съ одинаковымъ сожалѣніемъ отозвались о смерти Аванасьева. Въ судьбѣ его было много печальнаго, и это, конечно, способствовало къ сокращенію его труженнической жизни, продолжавшейся не болѣе 46 лѣтъ. Особенно въ послѣдніе годы обстоятельства неблагоприятствовали его литературной дѣятельности. Не смотря на то, онъ сдѣлалъ много и оставилъ по себѣ имя честнаго и даровитаго писателя. Наше Общество имѣетъ еще особенныя причины скорбѣть о кончинѣ Аванасьева: онъ былъ однимъ изъ членовъ - учредителей литературнаго фонда, и комитетъ всегда находилъ въ немъ усерднаго сотрудника и просвѣщеннаго посредника при собраніи свѣдѣній о тѣхъ изъ московскихъ литераторовъ, которые обращались къ намъ за помощью. Очень было бы желательно увидѣть вскорѣ обстоятельную біографію Аванасьева и полную оцѣнку его сочиненій. А покуда почтимъ сочувственнымъ воспоминаніемъ недавно законченное имъ поприще, почти всецѣло посвященное литературѣ и наукѣ“.

Помощникъ предсѣдателя К. Д. Кавелинъ, съ своей стороны, напомнилъ собранію, что въ послѣднее время Общество лишилось еще нѣсколькихъ достойныхъ членовъ, именно Д. Х. Бушена, М. И. Лелюхина и Д. С. Протопопова, которые всѣ трое были членами его почти съ самаго учрежденія фонда.

Послѣ того, секретаремъ былъ прочтенъ слѣдующій отчетъ:

Мм. гг.! Со дня послѣдняго общаго собранія членовъ нашего Общества, 11-го апрѣля, дѣятельность комитета его выразилась въ слѣдующемъ:

Единовременныя пособія были назначены: двумъ лицамъ по 300 р., одному 175 р., тремъ по 150 р., девяти по 100 р., двумъ по 80 р., двумъ по 75 р., одному 60 р., одному 52 р., тринадцати по 50 р., одному 35 р., тремъ по 30 р. и девяти по 25 р.

На воспитаніе и содержаніе предположено отпустить и было отпущено:

- 1) внуки одного издателя по 60 р. въ годъ;
- 2) дѣтей умершаго въ текущемъ году писателя по 20 р. въ мѣсяцъ;
- 3) пасынка писателя—150 р.;
- 4) сына извѣстнаго археолога по 15 р. въ мѣсяцъ;
- 5) сына покойнаго писателя 120 р. въ годъ, и
- 6) дѣтей одного писателя по 10 р. въ мѣсяцъ.

Кромѣ того, въ уплату за слушаніе лекцій однимъ молодымъ членомъ предназначено было выдать 25 р.

Въ ссуду выдано: одному писателю 300 р., одному 150 и одному 120 руб.

Пенсія назначена дочери одного извѣстнаго писателя по 240 р. въ годъ.

Сверхъ того, оказаны слѣдующія пособія:

- 1) приглашенъ врачъ для пользованія одного больного;
- 2) прискивалось мѣсто для вдовы писателя, и
- 3) сообщалось редакціямъ двухъ газетъ объ удовлетвореніи трехъ сотрудниковъ ихъ за помѣщенные въ этихъ газетахъ статьи ихъ.

Отклонено 45 ходатайствъ о пособіи.

Благодарность Общества за содѣйствіе комитету объявлена ниже-слѣдующимъ лицамъ: Ю. К. Арсеньеву, Н. Н. Буличу, М. А. Языкову, Т. И. Музыкантову, Н. А. Шторху, П. Е. Басистову, А. Н. Аонасьеву и А. Г. Биршенкеру.

Отчетъ казначея за семь мѣсяцевъ, съ 1-го апрѣля по 1-е ноября 1871 года.

Къ 1-му апрѣля состояло въ кассѣ 54,852 р. 2 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 руб., на текущемъ счету 2,400 руб., деньгами 312 руб. 2 коп. Съ 1-го апрѣля по 1-е ноября записано на приходъ 6,055 р. 22 к.; въ томъ числѣ: 1) пожалованные: Государемъ Императоромъ 1,000 р., Государынею Императрицею 300 р., Государемъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ 100 руб., Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и Государынею Великою Княгинею Александрою Іосифовною 100 р.; 2) взносы 124-хъ членовъ Общества 2,185 руб.; 3) единовременныя пожертвованія 11-ти лицъ 133 р. 85 к.; 4) проценты съ капитала по купонамъ 19-го апрѣля, 1-го іюля, 20-го августа, 1-го и 19-го сентября и 20-го октября 1,856 р. 37 к.; 5) уплачено по 1 ссудѣ 150 р.; 6) возвращены, за смертью 3-хъ лицъ, двѣ третия пенсія и одно пособіе. Всего въ приходѣ 60,907 р. 24 к.—Въ теченіи 7 мѣсяцевъ израсходовано 7,307 р. 94 к., въ томъ числѣ: а) на пенсіи 2,121 р.; б) на воспитаніе дѣтей 819 руб. 34 коп.; в) на единовременныя пособія 3,677 р.; г) выдано ссудъ 690 р.; д) Государственному Банку уплачено за хра-

неніе процентныхъ бумагъ 60 р.—Къ 1-му ноября состоитъ въ кассѣ 53,599 р. 30 к.—Единовременныя пожертвованія поступили въ теченіи 7 мѣсяцевъ отъ нижепоказанныхъ лицъ: а) Н. Х. Бунге 10 р.; б) А. Ѳ. Веймарна 10 р.; в) черезъ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ отъ неизвѣстнаго 97 р. 50 к.; г) отъ 8 неизвѣстныхъ 16 р. 35 к., итого 133 р. 85 к.—*Состояніе капитала, собраннаго для учрежденія стипендіи въ память покойнаго предсѣдателя Общества Егора Петровича Ковалевскаго:* въ теченіи 7 мѣсяцевъ поступило 255 р. 82 к. отъ лицъ и мѣстъ, о которыхъ было своевременно опубликовано. Въ общей сложности въ капиталъ стипендіи къ 1-му ноября состоитъ 7,762 р. 72 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами 7,540 руб. и деньгами 262 р. 72 к.

Въ заключеніе произведены выборы въ члены Общества, причѣмъ выбраны единогласно: Александръ Ѳедоровичъ Веймарнъ, Иванъ Павловичъ Арапетовъ, князь Александръ Ивановичъ Урусовъ, Ѳедоръ Петровичъ Баймаковъ, Николай Васильевичъ Михно, графиня Александра Николаевна Корніани и Діонисія Андреевна Коршъ.

Двадцатое засѣданіе комитета, 7-го ноября 1871 года.

- 1) Отклонены ходатайства трехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не имѣютъ права на помощь со стороны Общества.
- 2) Отклонено ходатайство о производствѣ пенсіи дѣтямъ покойнаго пенсіонера Общества, такъ какъ средства ихъ къ жизни вполне обеспечены принадлежащимъ имъ капиталомъ.
- 3) Отклонено ходатайство о выдачѣ ссуды, такъ какъ члены комитета не приняли на себя ручательства въ вѣрности возвращенія денегъ.
- 4) Выдано 75 рублей въ пособіе молодому переводчику, находящемуся въ болѣзненномъ состояніи и въ бѣдности.
- 5) Объявлена благодарность Общества: 1) типографіи А. И. Мамонтова за пожертвованіе 100 р.; 2) Николаю Александровичу Вормсу за пожертвованіе 30 руб. и 3) Н. А. Манасеину за содѣйствіе комитету.

Отъ Редакціи. — На дняхъ мы получили отъ семейства покойнаго Н. И. Тургенева поправку къ тому замѣчанію, которое мы сдѣлали въ некрологѣ, помѣщенномъ въ декабрьской книгѣ истекшаго года (стр. 917), а именно, присоединивъ къ списку сочиненій Николая Ивановича: «*La Russie et les Jésuites de 1772 à 1820, par Henri Lutteroth*», и принявъ послѣднее имя за его псевдонимъ. Намъ извѣщаютъ теперь, что это—догадка ошибочная, такъ какъ имя Люттерота принадлежитъ лицу, основавшему журналъ «*Le Semeur*» (болѣе не существующій), живущему и до сихъ поръ въ Парижѣ. Спѣша дать мѣсто этому заявленію, мы позволяемъ себѣ прибавить, что нами было только

повторено давно распространенное мнѣніе, которымъ упомянутая книжка приписывалась именно Н—аю Ив—чу. Это мнѣніе казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что документы, на основаніи которыхъ она написана, могли быть весьма удобно извѣстны Н—аю Ив—чу черезъ его брата Александра Ивановича, близко знавшаго іезуитскія дѣла въ Россіи, по своему officialному положенію въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ, и принимавшаго большое участіе въ ихъ удаленіи изъ Россіи. Упомянутое мнѣніе не ограничилось однимъ преданіемъ и попало въ литературу, но до сихъ поръ никѣмъ опровергнуто не было.

Въ декабрьской книгѣ 1871-го года слѣдуетъ исправить:

Стр.	строч.	Напечатано:	вмѣсто:
915	9 стр.	черту	его черту
918	20 стр.	благодарностью, тому	благодарностью къ тому
—	6 стр.	la vie	la vie de l'homme

Въ нынѣшней книгѣ:

6	18 стр.	повернеть	перевернеть
8	17 стр.	прозвонить	прозвенѣть
15	18 стр.	продекламировалъ, по- томъ спѣлъ	продекламировалъ, по- томъ перевѣлъ, по- томъ спѣлъ
18	16 стр.	какъ	когда
30	20 »	жарокъ	жирокъ
63	10 стр.	у влюбленныхъ есть звѣзды	у каждаго влюбленнаго есть звѣзда
65	19 »	отправился	отъѣзжался
68	3 стр.	примокшій	приникшій
69	19 стр.	святѣня	святая
72	16 »	на мою	на меня

М. Стасюлевичъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 80.

Въ декабрѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

Второе изд. романа Ив. Сущевскаго

НИКОЛАЙ НЕГОРЕВЪ

ИЛИ

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ РОССИЯНИНЪ.

(Библіотека современныхъ писателей, издав. А. О. Базуновымъ) 2 тома
Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

СПАСОВИЧЪ, В. За много лѣтъ. 1859—1871 г. Статьи, отрывки, исторія, критика, полемика, судебныя рѣчи и проч. Слб. Ц. 3 р. 60 к., съ перес. 4 р.

ОСТРОВСКИЙ, А. Н. Драматическіе переводы. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

КЕЛЬСІЕВЪ, В. И. Москва и Тверь. Историческая повѣсть съ 6 картинами. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

СУМАРОВОВЪ, А. Что такое спиритизмъ и его явленія? Слб. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

БОРЬБА съ лгущей ученостью.

Слб. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ТЭНЪ, Ипполитъ. Объ умѣ и познаніи. Слб. Ц. за два тома 4 р., съ перес. 4 р. 75 к.

МОЛОДАЯ РОССИЯ. Штуттгартъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БЛАССОВСКИЙ, В. Поэзія въ самой себѣ и въ музыкальныхъ своихъ построеніяхъ. Слб. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СБОРНИКЪ русскаго историческаго Общества, томъ осьмой. Слб. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О РОДѣ дворянъ и графа Мило-

Вѣстникъ Европы.—Январь, 1872.

радовича. Кіевъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ГАСПАРЕНЪ, гр. Равенство. Со-
кращенный переводъ Л. И. Ц. 2 р.,
съ перес. 2 р. 30 к.

СИМОНЕНКО, Г. Государство,
общество и право съ точки зрѣнія
законовъ народнаго хозяйства.
Опытъ политико - экономическаго
анализа государственной и обще-
ственной дѣятельности. Томъ 2-й.
Варшава. Ц. 2 р., съ перес. 2 р.
50 к.

МЮЛЛЕРЪ, В. Политическая ис-
торія новѣйшаго времени. 1870 г.
Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р.
50 к.

ТИМОФѢВЪ, Н. П. Записки
слѣдователя. Спб. Ц. 2 р., съ пер.
2 р. 50 к.

НАУКА О ЛЮБВИ (Sienza no-
va). Соч. Д. П. Спб. Ц. 1 р., съ
перес. 1 р. 25 к.

МИЛОРАДОВИЧЪ, Г. А. Любечъ,
Черниговской губерніи, Городниц-
каго уѣзда. Родина преподобнаго
Антонія Печерскаго. М. Ц. 1 р., съ
перес. 1 25 к.

БѢЛОВЪ, И. Изъ жизни. Педа-
гогическія наблюденія. Спб. Ц. 1 р.,
25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

РУССЕЛЬ-КИЛЛЕРЪ. Чрезъ Ся-
бирь въ Австралію и Индію съ 38
рисунками. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ
перес. 3 р.

СКОПЧЕСКОЕ ДѢЛО. Процессъ
Кудринныхъ и другихъ 24 лицъ, об-
виняемыхъ въ скопческой ереси.
Стенографическій отчетъ въ 2-хъ
частяхъ А. Я. Липскерова. М. 1871.
Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

РУССКІЕ и иностранные совре-
менные романисты и ихъ произве-
денія (съ извлеченіи). Составлено и
издано подъ редакціею В. Ради-
щева. Спб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р.
50 к.

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ, Правитель
тамбовскаго намѣстничества. Там-
бовъ. Ц. 70 к., съ перес. 1 р.

ТАГАНЦЕВЪ, Н. С. Исслѣдова-
нія объ отвѣтственности малолѣт-
нихъ преступниковъ по русскому
праву и прозѣтъ законоположеній
объ этомъ вопросѣ. Спб. 1871. Ц.
1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Тамъ же продаются:

НОВЫЙ РОМАНЪ

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДЬЦА

В. Крестовскаго.

(Изданіе)

Въ пяти частяхъ. Спб. 1872. Стр. 494 больш. форм. Ц. 3 р.,
съ перес. 3 р. 50 к.

BULLETIN**de la librairie de CARL RICKER (Mönx.).**

Perspective de Newsky, maison Maderni, 14

- UERBACH, Berthold. Zur guten Stunde. I und II Lief. à — 25 c.
 ENEDETTI, Ma mission en Prusse. II éd. — 3 r. 20 c.
 IENOGRAPHISCHE Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstags. I. Session. 1871. 3 Bde. — 11 r. 40 c.
 ERNHARDI, Volksmärchen und epische Dichtung. Ein Vortrag. — 80 c.
 OCK, Goethe in seinem Verhältniss zur Musik. — 1 r.
 UECHNER, Lehrbuch der anorganischen Chemie. I. Band. — 8 r. 50 c.
 ONTZEN. Die sociale Frage, ihre Geschichte und ihre Bedeutung in der Gegenwart. — 75 c.
 OLLINGER, Architektonische Reiseskizzen in Deutschland, Frankreich und Italien. I. Heft. — 1 r. 20 c.
 ROYSEN, Das Leben des Feldmarschalls Grafen Jork von Wartenburg. II. Aufl. — 8 r.
 LSNER, Die chemisch-und technischen Mittheilungen des Jahres 1870—71. — 1 r. 90 c.
 ECHNER, Der deutsch - französische Krieg von 1870 — 71 mit Illustrationen, geb. — 6 r.
 IE FINANZEN und Hilfsquellen Spaniens. Von einem Finanzier. — 50 c.
 EIBEL, Emanuel. Heroldsrufe. Aeltere und neuere Zeitgedichte. II. Aufl. — 1 r. 75 c.
 UTZKOW, Dramatische Werke III-te Gesamtausgabe. I und II. Bändchen. à — 25 c.
 —, Fritz Ellrod. Roman. 3 Bde. — 8 r. 65 c.
 AUFF'S Märchen mit 42 Illustrationen von Weber, Hosemann und Burger, geb. — 6 r.
 ELMHOLTZ, Rede zum Gedächtniss an Gustav Magnus. — 50 c.
 EPPE, Vademecum des Chemikers. I. Lfr. — 75 c.
 EYSE, Paul, Gesammelte Werke. I. Band. enth. Gedichte. — 1 r. 80 c.
 OCHSTETTER, Sammlung von Plänen militärischer Gebäude im Grossherzogthum Baden. II. Heft. enth. Kasernen. — 3 r.
 ORDAN, Wilhelm. Strophen und Stäbe. — 3 r.
 EIL, Frau Rath. Briefwechsel von Katharina Elisabeth Goethe. — 3 r.
 OLB. Handbuch der vergleichenden Statistik, der Völkerzustands-und Staatenkunde. VI. Aufl. — 5 r. 50 c.
 RAUSE, Die Musen, Grazien, Horen und Nymphen mit Betrachtung der Flussgätter in philologischer, mythisch-religiöser und kunstarchäologischer Beziehung. — 1 r. 50 c.
 REYSSIG, Shakespeare-Fragen. Kurze Einführung in das Studium des Dichters. — 2 r.
 EMELLE, Le siège de Paris 1870—71. — 80 c.
 UGLER, Handbuch der Kunstgeschichte. V. Aufl. I et II. Lfr. à.—1 r. 80 c.
 OVELLENSCHATZ, deutscher, von Heyse und Kurz. IV. et V. Bd. à. — 75 c.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „СЕМЬЯ И ШКОЛА“. 1872 года.

«Семья и Школа» въ 1872 году будетъ выходить въ томъ и объемѣ, по той же программѣ и съ такими же приложеніями, какъ и въ 1871 году.

Годовое изданіе изъ *двадцати* книгъ въ 10 нумерахъ составитъ *четыре* тома: изъ нихъ два тома Семейнаго чтенія и два тома *Родителямъ и воспитателямъ*.

Цѣна остается прежняя:

Безъ доставки	8 руб.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ	8 „ 50 коп.
Съ пересылкою { во всѣ города Имперіи	8 „ 80 „
{ въ западно-европейскія государства	12 „ 50 „

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ Редакціи журнала „Семья и Школа“ (Владимірская № 7), въ книжныхъ магазинахъ Колесова и Михина, Я. Исккова, Русской книжной торговли и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева), и М. М. Черенина (на Рождественскѣ д. Торлецкаго).

Для иногородныхъ же подписка принимается исключительно въ Редакціи „Семья и Школа“ въ С.-Петербургѣ.

Для удобства подписчикамъ допускается подписка: Иногороднымъ и полугодія, по 5 книгъ въ каждое — цѣна за каждое полугодіе съ пересылкою 5 руб. Городскимъ подписчикамъ взносъ денегъ по частямъ (въ Редакціи или въ книжномъ магазинѣ Колесова и Михина): при полученіи 1-го номера и билета вносятся 2 рубля, затѣмъ при полученіи *каждаго* послѣдующаго номера по 1-му рублю, а послѣдній, 10-й номеръ, будетъ выдаваться *бесплатно*, при возвратѣ подписнаго билета. Безъ билетовъ №1 не будутъ выдаваемы.

1-й номеръ на 1872 годъ, выйдетъ 28-го декабря 1871 года.

Редакторъ-издатель Юл. Симанко.

ОБЪ ИЗДАНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СБОРНИКА въ 1872 году.

Педагогическій Сборникъ издается при Главномъ Управленіи Военно-Учебныхъ Заведеній съ октября 1864 года, ежемѣсячно по одной книжкѣ; отъ 10 и болѣе печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ:

I. Часть оѣціальная.

- 1) Приказы и распоряженія Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній.
- 2) Извлеченія изъ свѣдѣній, получаемыхъ Главнымъ Управленіемъ отъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему военно-учебныхъ заведеній, какъ по воспитательной, такъ и по учебной частямъ: протоколы педагогическаго комитета и протоколы частныхъ педагогическихъ совѣщаній всѣхъ военно-учебныхъ заведеній.

II. Часть неоѣціальная.

- 3) Отчеты и наблюденія лицъ, возвратившихся изъ-за границы и посѣщавшихъ какія либо учебныя заведенія.
- 4) Педагогическія и дидактическія статьи, относящіяся къ воспитательной и учебной дѣятельности военно-учебныхъ заведеній.
- 5) Образцовые уроки по учебнымъ предметамъ, входящимъ въ курсъ военно-учебныхъ заведеній.
- 6) Переводы цѣлыхъ сочиненій о воспитаніи или выдержки изъ нихъ по отдѣламъ.
- 7) Сообщеніе свѣдѣній о состояніи военныхъ и общеобразовательныхъ училищъ за-границей.

Библиографическій отдѣлъ: а) критическое разсмотрѣніе важнѣйшихъ педагогическихъ и дидактическихъ сочиненій, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ; б) разборъ учебныхъ руководствъ и всѣхъ вновь выходящихъ книгъ педагогическаго или дидактическаго содержанія)

По мѣрѣ накопленія матеріаловъ, въ особенности по обработкѣ учебныхъ предметовъ, выдаются при Сборникѣ, въ видѣ прибавленій, особыя приложенія.

Желающіе могутъ выписывать „Педагогическій Сборникъ“, за 18^{64/65} 1866, 1867, 1868, 1869, 1870 и 1871 годы, по пяти рублей за каждый годъ, съ пересылкою и доставкою.

Цѣна за годовое изданіе

„ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СБОРНИКА“, состоящее изъ 12 книжекъ:

безъ пересылки и доставки . . . . 4 руб. 50 коп.

съ пересылкою и доставкою . . . . 5 „ „ „*)

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Отъ гг. иногородныхъ исключительно въ Редакціи Педагогическаго Сборника, на углу Торговой и Малой Мастерской, домъ Гейденрейха; — отъ жителей С.-Петербурга: въ книжномъ магазинѣ комиссіонера Военно-Учебныхъ заведеній, Я. А. Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ, № 24.

*) Въ томъ числѣ 45 коп. за пересылку и 5 коп. за упаковку.

Объ изданіи въ 1872 году

ЖУРНАЛА

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“.

Изд. С. И. ЛЬВОВЫИЪ.

Начиная ШЕСТОЙ годъ своего существованія, редакція, не дѣлая заманчивыхъ обѣщаній, считаетъ нелишнимъ объяснить, что при дальнѣйшемъ изданіи журнала она будетъ руководиться прежнею программой и помѣщать на страницахъ своего журнала новѣйшія произведенія заграничной литературы и преимущественно такіе романы, которые въ настоящую эпоху составляютъ живой интересъ для читающей публики. Романы прошлыхъ годовъ: „Изабелла“, „Мексика“, „Евгенія“, „До Седана“, „Тайны города Мадрида“, разошедшіеся въ большомъ количествѣ экземпляровъ и частію потребовавшіе вторыхъ изданій, указали редакціи на современный вкусъ публики. Для будущаго 1872 года приготавливаются къ печати и будутъ помѣщены, по возможности въ первыхъ книгахъ журнала, слѣдующіе романы даровитыхъ авторовъ, охватывающіе собою современные событія Запада:

1) ВОЙНА 1870 ГОДА, или НОВЫЯ ПАРИЖСКІЯ ТАЙНЫ, историческій романъ изъ жизни Парижа во время послѣдней войны, *Виктора Салеса*.

(Романъ этотъ имѣетъ своимъ предметомъ дѣйствія Людовика Наполеона и его сподвижниковъ съ одной стороны, съ другой стороны—Тьеръ, Гамбетта, Трошю, Асси, Ша, Рошфоръ, Курбе, Рауль Риго, Россель, коммунисты и интернаціоналы находятъ себѣ мѣсто въ этомъ романѣ, для котораго авторъ не жалѣлъ яркихъ красокъ, описывая страсти, дѣйствія и ошибки политическихъ дѣятелей. Романъ этотъ, такъ сказать, дополняетъ романъ «Евгенія» Борна, разошедшійся въ редакціи въ 4 мѣсяца въ 3000 экземпляровъ).

2) РАБЫ ПАРИЖА, юридическій романъ *Габорио*.

3) ЛОНДОНСКІЯ ДРАМЫ, романъ *Рейнольда*.

4) ДУХОВНОЕ СРОДСТВО, романъ *Макса Рина*.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ: безъ пересылки и доставки 7 руб., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи, Колокольная улица, домъ № 7-й, и въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, въ Гостиномъ дворѣ.

Гг. иногородные непосредственно адресуютъ свои требованія: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ.

Для желающихъ допускается разсрочка, съ платою по полугодно, или по третямъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1872 ГОДЪ.

„НИВА“

Иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

Выходить, какъ и въ прошедшіе два года, еженедѣльными нумерами въ два печатныхъ листа съ 2—6 художественно-выполненными рисунками, и составить въ концѣ года великолѣпный альбомъ съ 200—250 художественными рисунками и съ 15—20 большими разсказами, повѣстями и романами, которые при отдѣльной покупкѣ стоили бы болѣе 40 р. Направление „Нивы“ уже достаточно выразилось предъ обществомъ. Она неуклонно стремилась къ своей цѣли: вносить въ общественную жизнь здоровыя, положительныя начала, служащія къ развитію и улучшенію этой жизни. „Нива“ всегда шла въ виду большинство русскаго общества, и ея главная задача распространять въ общедоступной и занимательной формѣ полезныя знанія, необходимыя для каждого, и такимъ образомъ, по возможности, всесторонне удовлетворять основнымъ и необходимымъ требованіямъ общественной жизни. Программа „Нивы“ охватываетъ всѣ отрасли знанія, заключаая въ себѣ отдѣлы беллетристическій и научный, біографіи, путешествія, политическое обозрѣніе, фельетоны и пр. и пр., но кромѣ того, по желанію многихъ подписчиковъ „Нивы“, редакція прибавила еще новый отдѣлъ „Парижскія моды“, въ которомъ ежемѣсячно будетъ помѣщаться модное обозрѣніе съ картинками и текстомъ. Такимъ образомъ, „Нива“ всецѣло выполняетъ свое назначеніе для семейнаго чтенія“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ доставкой въ С.-Петербургъ . 4 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургъ . 5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ . 4 „ 50 к.	Съ доставкою иногороднымъ . . 5 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, въ Большой Морской, д. Росмана, № 9. Въ Москвѣ, у книгопродавца Ив. Гр. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ, и у всѣхъ извѣстныхъ русскихъ книгопродавцевъ.

PS. И также принимается еще, въ конторѣ редакціи, подписка на „Ниву“ на 1871 годъ и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ шедшіе уже №№ за этотъ годъ.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Маркъ.

РУССКАЯ ЧАЙНАЯ ТОРГОВЛЯ

ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА

ПРИЯУКОВА,

Большая Мещанская, № 45—15, Тура, 2-й подъездъ отъ угла Вознесенскаго, а не на самомъ углу (на углу магазинъ другаго владѣльца).

ЧАИ:

Черные: за фунтъ 1 р. 20 к., 1 р. 40 к., 1 р. 60 к. 2 р. и 2 р. 20 к.

Цвѣточныя: за фунтъ 2 р. 40 к. и 3 р.

Ляписныя бѣлыя: за фунтъ 3 р. 50 к., 4 р., 5 р. и 6 р.

Ляписныя желтыя: за фунтъ 4 р., штучныя въ ящичкахъ китайскій уклады 6 р. и 8 р.

Ляписныя зеленыя: за фунтъ 3 р. 50 к., штучныя, въ ящичкахъ китайскій уклады: ящичекъ въ 5 фунтовъ 2 р. и ящичекъ тоже въ 5 фунтовъ 50 р.

ЧАИ пересылаются во все города Россіи и за-границу. Господа иногородные (русскіе и заграничные) покупатели, желающіе выписывать наши чаи, прилагаютъ и пересылку по почтовой таксъ—смотря по мѣстности. Хотя и сложилось въ обычаѣ пересылать чаи по почтѣ на счетъ продавца, а не покупателя, но, безъ сомнѣнія, тут страдающимъ является покупатель, получая чай, вслѣдствіе убытка отъ отправки, сомнительнаго качества, противъ назначенной цѣнности. Такой ложный и, по меньшей мѣрѣ, нечестный расчетъ въ отношеніи къ иногородному покупателю Торговля наша порицаетъ и ввела въ своихъ операціяхъ приемъ пересылки на счетъ покупателя, отпуская ему чай одинаково добросовѣстно, какъ и на мѣстѣ. Имѣющіе съ нашей фирмой дѣло обсудили, насколько справедливы наши обѣщанія.

СѢМЯННАЯ ТОРГОВЛЯ

КОММИССІОНЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО
ДРУГИХЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ РОССІИ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія гг. хозяевъ, что въ истекающемъ году мною сдѣланъ запасъ всякаго рода сѣмянъ культурныхъ растений, какъ то: зерновыхъ хлебовъ, кормовыхъ травъ и растений огородныхъ, цвѣточныхъ, такъ называемыхъ то- говыхъ, а такъ какъ изъ моего магазина ни одинъ сортъ сѣмянъ не отпускается безъ предварительной ихъ опытки, то считаю себя въ правѣ быть увѣреннымъ, что гг. владельцы, которымъ угодно будетъ почтить меня своимъ довѣріемъ, получатъ сѣмена исполнѣ надежныя, и всякій ихъ заказъ будетъ исполненъ безотлагательно и мною добросовѣстно. Желающимъ имѣть Прейсъ-Курантъ моей Сѣмянной торговли за 1872-й годъ высылается оный бесплатно по первому требованію, у меня же въ мѣсяцъ можно получать все сельскохозяиственныя изданія профессора А. В. Соколовскаго, а равно принимается подписка на 1872-й годъ на Труды В. Э. Общества. Годовая цѣна которыхъ четыре рубля. Все требованія и заказы прошу адресовать въ Петербургъ за Казанскимъ соборомъ, близъ Екатерининскаго канала, въ домъ № 15.

А. В. Заньваловъ.

принцип Русского исторического общества. *Томъ седьмой.* Первый томъ бумагъ имп. Екатерины II. Собрания и издания, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, акад. *Пекаревича.* Спб. 1871. Стр. 417. Ц. 3 р.

Въ прошедшемъ году Русское Историческое Общество обнаружило чрезвычайную дѣятельность, давъ одинъ за другимъ 6-й, 7-й и 8-й томы, въ которыхъ два послѣдніе представляютъ собою великій историческій интересъ. Мы уже имѣли случай говорить о восьмомъ томѣ, за которымъ слѣдовалъ седьмой, посвященный переселѣ имп. Екатерины II, — и этого достаточно знать, чтобы важность этого выпуска была понятна каждому, безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментариевъ. Перенеска въ нынѣшнемъ томѣ ограничивается двадцатипятилѣтнимъ періодомъ (1744 — 1769 гг.) и притомъ дѣлами и отношеніями внешней политики. Для изданія писемъ принятъ, имѣющій лучший въ этомъ случаѣ, хронологическій порядокъ; за исправность самой редакціи, весьма труднительной при изданіи рукописей, гдѣ возмущеніе орфографіи требовало большого такта, не ручается въполнѣ имп. почтеннаго академика П. П. Пекаревича.

много лѣтъ. 1859 — 1871. Статьи, отрывки, исторіи, критика, полемика, судебныя рѣши и проч. *В. Спасовича.* Спб. 1872. Стр. 665. Ц. 3 р. 60 к.

Двадцать лѣтъ — не много лѣтъ, но тѣмъ не менѣе заглавие, данное авторомъ своему сборнику, совершенно справедливо: проживая эти двѣдцать лѣтъ, мы всѣ прожили много лѣтъ. Ахъ, папаша на весьма счастливую мысль собрать этотъ интересный періодъ времени свои труды, вслѣдствіе по страницамъ и столбцамъ періодическихъ изданій, въ одно цѣлое: эти труды по большей части были вызваны различными моментами текущей жизни, но по своему интересу историческому достоинству они въполнѣ заслуживали того, чтобы пережить время своего появленія и сдѣлаться болѣе прочнымъ достоинствомъ нашей литературы. Для русскихъ читателей въ этомъ сборникѣ одна статья является въ первый разъ; это — «Взглядъ на русскую литературу конца 1858 года», написанный въ польскомъ языкѣ того времени «*Slowo*», руководившемся сдѣлаемъ сбавленія двухъ рожденныхъ и въ то время чужахъ другъ другу литературъ. Видѣе мѣсто въ сборникѣ принадлежатъ блестящимъ работамъ В. Д. Спасовича, столь извѣстнымъ нашей публикѣ.

математическая исторія новѣйшаго времени, проф. *В. Мюллера.* 1870 годъ, Перев. подъ ред. Э. Ватсона. Спб. 1872. Стр. 330. Ц. 1 руб. 25 коп.

Какъ ни близко къ намъ 1870 годъ, но его историческія событія наблюдались нами по днямъ, потому общая связь событій, даже простая ихъ

хронологическая послѣдовательность ускользали легко. Настоящая книга служитъ именно для восполненія такого недостатка ежедневныхъ наблюдений очевидцевъ. Нельзя, конечно, отъ автора требовать антиквѣдской точки зрѣнія, но въ его очеркѣ не встрѣчается также и выраженіе ультра-патріотизма. Послѣдняя глава посвящена обзоръ политикѣ нейтральныхъ государствъ предъ объявленіемъ войны и во время самаго ея веденія.

Государство, общество и право, съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства. Томъ второй, часть первая. *Григ. Симоненко.* Варшава, 1872. Стр. 250. Ц. 2 р.

Мы имѣли уже случай указывать на начало труда г. Симоненко, которое обратило бы на себя вниманіе и въ болѣе богатой политико-экономической литературѣ. Прехъ нами теперь одна изъ трехъ частей, на которыя распадается второй томъ, соответственно уже принятымъ въ изслѣдованіи автора тремъ системамъ государственнаго и общественнаго строенія: организаторской или полицейской (*Polizei-Staat*), индивидуалистической и органической, которую поддерживаетъ авторъ. Въ первой части авторъ останавливается на первой, полицейской системѣ, и избираетъ современнымъ типомъ ея — Францію. Кромѣ наглядности, такой приемъ сообщаетъ изслѣдованію г. Симоненко весь интересъ настоящей минуты; притомъ, какъ замѣчаетъ авторъ, «теорія сама по себѣ, безъ фактическихъ основаній, ничего не значить... Только жизнь, ея неуловимые приговоры, могутъ убѣдить всякаго въполнѣ ослѣпленнаго, неотразимымъ образомъ». Послѣдняя катастрофа второй имперіи дѣйствительно относится къ числу такихъ убѣжденій, когда дѣло идетъ о «полицейскомъ» государствѣ.

Нагодное изданіе. Восемь выпусковъ. Н. Фандер-Флита и А. Кочетова. Спб. 1871. Ц. отъ 5 до 10 к. за книжку.

У насъ нельзя говорить о недостаткѣ книгъ для народнаго чтенія, такъ какъ мы страдаемъ скорѣе полнотой ихъ отсутствіемъ. Потому нельзя не привѣтствовать новаго предпріятія гг. Фандер-Флита и Кочетова, которые, если судить по первымъ выпускамъ, хорошо и вѣрно поняли значеніе книгъ для народнаго чтенія. Съ народомъ составители его литературы обращались до сихъ поръ какъ съ дѣтми или нани, которая стараются каргавить и говорить глупости, чтобы поддѣлаться подъ дѣтскій голосъ и дѣтскій смыслъ. Издатеи «Народнаго Изданія» задумались другою мыслью, и потому въ ихъ книжкахъ народъ найдеть произведенія Гоголя, Жуковскаго, гг. Григоровича и Погоскаго, рядомъ съ толковыми объясненіями вопросовъ хозяйственныхъ, наприм.: «Гдѣ и какъ дешево добыть денегъ?» Изданіе иллюстрировано и вообще весьма опрятно, а главное, весьма доступно по своей цѣнѣ для обучавшихся грамотѣ на мѣднѣ гроши. На дняхъ вышла и карта Россіи также для народнаго употребленія.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1872-мъ году:

1.—**ПОДПИСКА** принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—15 руб.; 2) *съ доставкой на домъ въ Спб. по почте, и въ Москву, чрезъ кн. ма. Н. Г. Соловьева*—15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ*—16 р. 50 к., въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

- а) **Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ**, желающіе получать журналъ съ доставкой или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, напечатанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною многихъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для посылки выдачи.
- б) **Городскіе подписчики въ Москвѣ**, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ Н. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе же получать по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.
- в) **Изгородные подписчики** обращаются: 1) *по почтѣ*—исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамилии и *того почтового мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, а куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Спб., — въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.
- г) **Иностранные подписчики**: 1) *по почтѣ* — прямо въ Редакцію, какъ и изгородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Спб., — въ Контору для городскихъ подписчиковъ, вносъ за экземпляры съ пересылкою: Австрія и Германія — 18 руб.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія Княжества — 19 руб.; Франція и Англія — 20 руб.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція — 21 руб.; Польша — 22 руб.; Италія — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа (всѣмѣсячно, отъ января) книгами, съ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для изгородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трактовокъ. Журналъ доставляется на почтѣ, для изгородныхъ, съ адресомъ подписчика, въ особомъ обложкѣ и съ двойною баннерозью, бумажною и переводною.

2.—**ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло посѣсть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностію извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ изгородные, прилаживаютъ 1 р. 50 к. а изгородные—въ городскіе 50 коп.

3.—**ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, прерасовождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы, а ея итменпелъ. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою, но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно свѣдѣться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отъ нея послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема писемъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

Литература.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ. 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1872.

- I. — СЕЛЬСКОЕ УЧЕНИЕ. — Стенная идиалія. — А. П. Левитова. . . . .
- II. — ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИИ. — III-V. — К. Д. Кавелина . . . . .
- III. — МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ МАСОНСКИХ ЛОЖЬ. — III. Возобновление масонских ложь при имп. Александрѣ. — IV. Директоріальная Ложь Византизма и Великая провинціальная ложа. — А. П. Пынина . . . . .
- IV. — СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ. — Изъ воспоминаній мирового судьи. — I. Старые порядки и новый судъ. — II. Бабій вопросъ и бабій трудъ въ глуши. — III. Наше сельское духовенство. — В. И. Назарьева. . . . .
- V. — СТИХОТВОРЕНИЯ. — 1. Гроза. — 2. А-въ. — 3. Сирени. — П. М. Ковалевскаго
- VI. — ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И ОБРУСЕНІЕ. — I-III. — М. Т-овъ
- VII. — ЗОЛОТО. — Изъ Томаса Гуда. — Л. М. П. . . . .
- VIII. — ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ. — 1861-1871 гг. — Статья десятая. — Судебная реформа. — I. Общій взглядъ на реформу. — II. Общее раздѣленіе судебныхъ установлений и предѣлы ихъ власти. — Г. . . . .
- IX. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Путешествіе г. Георгіевскаго по вопросу о реальныхъ училищахъ. — Различіе между Mittelschule и Realschule. — Мнѣніе г. Ваха о проектѣ реальныхъ училищъ въ Россіи. — Актъ върижской реальной гимназіи. — Государственная роспись на 1872-й годъ и отсутствіе дефицита. — Очередная сессія петербургскаго земскаго собранія. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1870-й годъ. — Вопросъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ передъ частными лицами . . . . .
- X. — ИЗЪ СУДЕБНАГО МІРА. — Посвящается «Московскимъ Вѣдомостямъ». — В. О. . . . .
- XI. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Двойное значеніе Тьера для Франціи. — Преній о папозахъ. — Правительственный кризисъ. — Увольненіе прусскаго министра фонъ-Мюлера, и взглядъ на его дѣятельность. — Д-ръ Фалькъ. — Австрійское правительство, Галиція и Кроманіи. — Англо-французскій торговый трактатъ. — Возмущеніе въ Индіи. — Дѣло «Элебеи». — Требования Америки. — Распущеніе испанскихъ кортесовъ. — Отношеніе германской печати къ русскимъ дѣламъ . . . . .
- XII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Конституція и самоуправленіе въ Пруссіи. — К. . . . .
- XIII. — НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Екатерина II, по ея письмамъ. — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. — Томъ седьмой. . . . .
- XIV. — НОВЫЯ КНИГИ. — Николай Некрасовъ или благополучный россиянинъ. Яв. Кузнецкій. — Вульк Обломовъ, Л. Ф. Привольскаго. — Русскіе и иностранные современные романисты, сост. и изд. В. Разицкинымъ. — Изъ жизни. Педагогическія наблюденія И. Вѣлова. . . . .
- XV. — ЗАМѢТКА. — Первые археологическіе слѣды въ Россіи и ихъ труды. — Д. . . . .
- XVI. — ОТВѢТЪ на «Браниное посланіе» г. Погодина. — Н. И. Костомарова . . . . .
- XVII. — ПО ПОВОДУ «ОБЪЯСНЕНІЯ», сообщеннаго по требованію министерства народного просвѣщенія. — С. . . . .
- XVIII. — ОТЪ РЕДАКЦІИ. — Кому были писаны «Философическія письма» Чаадаева? . . . . .
- XIX. — ИЗВѢСТІЯ. — I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ. Засѣданія Комитета 22 ноября, 6 и 20 декабря. — II. О подпискѣ на замѣтки Пушкину по 1-ю декабря 1871 года . . . . .
- XX. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

СЕЛЬСКОЕ УЧЕНИЕ

Степная идиллія.

I.

Подъ наплывомъ свѣтлыхъ, ласкающихъ лучей весенняго солнца суровыя зимнія картины начинаютъ, съ едва примѣчательной постепенностью, утрачивать свои гнѣвные тоны. Деревья, до сихъ поръ опушенные узорчатыми гирляндами инея, обсаженные сѣрыми воронами и черными галками, теперь обтаяли — и на ихъ голыхъ сучьяхъ ютится другая жизнь, гораздо болѣе бойкая, веселая и крикливая, чѣмъ всѣ эти неуклюжія вороны и галки съ ихъ дикими, печальными пѣснями, такъ сильно увеличивающими ту унылую безжизненность, которую налагаетъ зима на русскія длинныя дороги, на печальныя села и деревни, на грязные города. Попархиваютъ теперь по обтаявшимъ кустамъ и деревьямъ желтобрюхіе щегольчики, съ черными, словно накрашенными, крылышками, съ маленькими, граціозными головками, въ которыхъ горятъ и прыгаютъ такіе свѣтлые, умные глазки; быстро, какъ молнія, рѣютъ сѣрыя, подернутыя кое-гдѣ мягкой зеленою краской, веснянки, насвистывая что-то въ высшей степени нѣжное и веселое. А вотъ, собравшись многочисленной стаей, гнѣвно щебечутъ о чемъ-то разозленные чѣмъ-то воробьи. Крикъ и пискъ невообразимые, — налеты другъ на друга до того безалаберно-храбры, что только человѣкъ съ самой бѣдной фантазіей не увидѣлъ бы въ этой птичьей свалкѣ вѣрнѣйшаго сходства съ человѣческой войной, когда люди, совершенно по-воробьиному, схватываются между собою не на животъ, а на смерть; а потомъ, послѣ схватки, также пищать,

страдаютъ и злятся, какъ вотъ эта воробыная стая, общипавшая себѣ, посредствомъ обоюдныхъ одолженій, всѣ крылья и всѣ хохолки.

Все больше и больше разгарається воробыная ссора! Шурша крыльями и злобно попискивая, стая порывисто бросаетъ дерево, какъ бы опечаленное происходившимъ на немъ раздоромъ, и летитъ дальше: сначала она облѣпляетъ соломенную крышу какой-то избы, болѣе другихъ крышъ пригрѣтую солнцемъ, — потомъ, проливнымъ и также непонятно шумящимъ дождемъ, устремляется къ громадной господской ригѣ. Стукъ молотилки, громкій говоръ работающихъ въ ригѣ людей, пыль отъ обмолачиваемаго и вывѣтриваемаго хлѣба, — все это пугаетъ маленькихъ вонтелей, — и потому они отъ этихъ ужасовъ въ разсыпную снова летятъ къ селу и тамъ окончательно усаживаются на безлюдномъ и гладко-разметенномъ токъ. Окаймляютъ этотъ токъ снѣжные валики, засыпанные мякиной, заваленные колосьями, въ которыхъ осталось такъ много невымолоченныхъ зеренъ. Насрединѣ его стоятъ пахучіе ржаные снопы, большіе такіе, круглые, перетянутые соломенными поясами, блестящими на солнцѣ цвѣтомъ чистаго золота. Раздолье воробьямъ въ этомъ уединеніи, обильно нагрѣтомъ весеннею теплотою!

Току окружаютъ высокія хлѣбныя скирды. Съ ихъ вершукъ, накрытыхъ еще толстымъ слоемъ снѣга, каплютъ свѣтлыя, необыкновенно холодныя слезы, на почернѣвшемъ и разрыхленномъ снѣгѣ покоятся такіе мягкіе солнечные лучи, что ледяныя сосульки, словно серьги, обвѣсившія круглую покрывку скирды, блестятъ теперь и играютъ на солнцѣ разнообразными, ласкающими глаза, цвѣтами, свойственными драгоценнымъ камнямъ.

Ничего этого не примѣчаетъ развоевавшееся воробыное стадо! Не видитъ оно даже и того, что на его войну смотрятъ изъ-за скирды любопытные ребячьи глаза; не слышитъ, какъ какой-то радостный шопотъ сообщаетъ кому-то, что «вотъ мы ихъ теперь всѣхъ этихъ воробьевъ въ полонъ заберемъ», — и вообще азартъ бойцовъ дошелъ до такой степени увлеченія, что они продолжали налетать другъ на друга даже и тогда, когда у многихъ изъ нихъ розовыя, такъ стремительно и неустанно прыгавшія ножки, были уже давнымъ давно опутаны легкими, но неразрываемыми воробыною силой сѣтями, которыя, на птичью погибель, такъ искусно плетутъ деревенскіе ребята изъ волосъ лошадиныхъ хвостовъ.

Все выше и выше поднималось солнце — и съ этимъ вмѣстѣ все роскошнѣе и роскошнѣе дѣлался весенній сельскій день: онъ весь былъ наполненъ теплыми, яркоцвѣтными красками, которыя медленно и плавно лились съ неба, дышавшаго какой-то задумчивой и страстной жизненностью. Нѣжно-звенѣвшіе звуки несомненно раздавались въ разцвѣченномъ солнечными лучами дневномъ свѣтѣ и будили, такимъ образомъ, сельскую жизнь, заморенную гнѣвной зимою. Привѣтствуя весенніе блескъ и тепло, жизнь эта видѣется теперь и въ раскрытыхъ окнахъ избъ и на безлюдныхъ гумнахъ, — съ звонкимъ хохотомъ плаваютъ въ чанахъ и корытахъ, по лужамъ, разлившимся по огородамъ, и съ боязнью, одолаваемой крестомъ и молитвой, быстро стремится по буйной рѣкѣ на жалкой лодчонкѣ на ближнюю мельницу, или на рыбную ловлю.

Отощавшая за зиму скотина неудержимо валитъ на свѣтлую улицу изъ темныхъ хлѣвовъ. Забравшись по-болѣно въ уличныя лужи и пригрѣвши на солнцѣ исхудалые бока, коровы и лошади меланхолически всматриваются въ свои скелеты, отраженные въ водѣ и, уныло помахивая головами, чуть-чуть только не говорятъ: однако мы зимой-то здорово похудѣли, кости да кожа только однѣ и остались! Ну, да ничего! Теперь опять, Богъ дастъ, отгуляемся....

— Какъ не отгуляться? Извѣстно — отгуляемся! Такого жиру наживемъ за лѣто, — бѣда! бойкимъ ревомъ отзываются лошадинымъ и коровьимъ думамъ молодые телята, выпущенные заботливыми хозяйками побѣгать на солнечномъ теплѣ.

Съ самымъ похвальнымъ стараніемъ выполняютъ телята программу, заданную имъ ихъ хозяйками на нынѣшнее утро — побѣгать и поразмять члены, изнывшіе отъ долгаго лежанья въ тѣсныхъ и душныхъ избахъ. Какъ-бы предвѣщая скорое появленіе изъ земли разныхъ сочныхъ злаковъ, они, съ поднятыми хвостами и съ опущенными внизъ безрогими лбами, безшабашно-радостно скачутъ по улицамъ, стаптывая все встрѣчное и оглашая село безпутнымъ мычаньемъ, въ которомъ ясно слышалось самое ярое отрицаніе хозяйской власти.

— Поди-ка вотъ, поймай насъ теперь! какъ бы смѣясь, трубили телята, въ отвѣтъ на зазывающіе ихъ мужскіе и женскіе голоса. Нѣтъ, ты теперь около насъ походи да походи. Хлѣбца развѣ ломотокъ принесешь съ солью, тогда, пожалуй, заманишь насъ въ хлѣвъ, — да и то подумавши!...

Игривость телятъ была такъ заразительна, что вся деревенская улица увлеклась ею. Крѣпко уцѣпившись за хвосты скакуновъ, маленькіе мальчишки и дѣвчонки быстро носились по

улицамъ, сопровождаемые громко лаявшими собаками. Угѣщанія матерей — отцѣпиться отъ телячьего хвоста и идти въ избѣ, вызывали въ малолѣтнихъ оборвышахъ одни только взрывы веселаго хохота и усиленные старанія — выкинуть еще какую-нибудь штуку почуднѣе: проѣхаться, примѣрно, верхомъ на лохматомъ барбосѣ, или стать внизъ головой на высокомъ, соломенномъ ворохѣ, припасенномъ для крытѣя избы и оттуда выркомъ скатиться на середину улицы въ невылазную грязь. Эти ребячьи штуки ясно показывали матерямъ, что власть ихъ надъ дѣтьми кончилась, по крайней мѣрѣ, до слѣдующей зимы, когда холодъ волей-неволей соберетъ всѣхъ въ избяное тепло и когда, слѣдовательно, во всякое время подъ руками матерей находятся хохлы разбушевавшихся ребятешекъ....

Нѣтъ теперь никакого уйму этимъ хохламъ! Свободно треплются они по вольнымъ и свѣтлымъ улицамъ — и вездѣ, гдѣ бы только ни появлялись, около нихъ, какъ около высоко-трепещущаго въ воздухѣ полкового знамени, разнообразно шумѣла и бурлила сельская жизнь, оживленная грѣющимъ весеннимъ солнцемъ. Вотъ ближній въ селу лѣсъ, весь окутанный густыми, волнующимися туманами, гремитъ то какою-то, до сихъ поръ еще неслышанной, вѣроятно, на мѣстѣ сложенною пѣсней, то озабоченнымъ ауваньемъ, то неутѣшнымъ плачемъ, то звонкимъ, размычивымъ хохотомъ. Казалось, что поютъ такимъ образомъ, смѣются и плачутъ блиставшія по временамъ свозы туманныя волны своей ослѣпительно-бѣлой корой березы, или осины, граціозныя такія, тонкія, но почему-то блѣдныя и невыразимо-печальныя. Казалось, что никто другой, какъ только именно эти деревья бѣгаютъ и рѣзвятся по лѣсному, закрытому сѣрыми облаками пространству и что между ними происходитъ невиданная человѣческимъ глазомъ не то игра какая, не то драка, бойкая и звонко-крикливая. Нѣжный свистъ и горластое карканье птицъ, могучіе взлеты потревоженныхъ грачей и быстрое, едва уловимое глазами, порханье мелкихъ пташекъ, — все это слилось съ гуломъ человѣческихъ голосовъ и наполнило собою весь лѣсъ такъ, что въ немъ стало тѣсно отъ этой безурядицы. Перелетая отъ дерева къ дереву, безурядица наконецъ шумно выкатилась изъ лѣса, въ видѣ большой стаи сельскихъ ребятешекъ и дѣвчонокъ, которымъ предшествовала цѣлая буря радостныхъ криковъ и визговъ, распугавшая гусей и утокъ, пригрѣвшихся на рѣчномъ берегу, порою яркой, зеленой травой.

Испуганно вагакая и широко распустивъ свистящія крылья, птичьи стаи, вмѣстѣ съ своими многочисленными выводками, дружно шарахнули въ рѣку, — и вотъ съ игривой массой разно-

образныхъ цвѣтовъ, которыми обливало солнце рѣчныя волны, смѣшались еще снѣжно-бѣлыя крылья гусей, золотисто-сизыя головки утокъ и нѣжно-зеленый пухъ ихъ слабой, но необыкновенно-граціозной молодежи.

Увеличивая суматоху, произведенную въ рѣкѣ птичьими стадами, деревенскіе ребятишки и дѣвчонки, съ невыразимымъ гамомъ, тоже побросались въ воду, еще холодную, какъ ледъ — и на берегу остались тоскливо пищавшіе цыплята, выведенные утками, да заботливыя матери, сердито, но тщетно звавшія своихъ бѣлоголовыхъ малышей выйти изъ рѣки и не купаться въ ней въ полдень, когда въ ней властительно плещется злой *полуденный*, увлекающій въ свое прохладное, водное царство все, что мѣшаетъ ему холодиться рѣчными струями въ эту знойную пору.

Но напрасно съ середины рѣки старыя утки подзываютъ къ себѣ своихъ названныхъ дѣтокъ, оставшихся на берегу, — дѣтки продолжаютъ тоскливо пищать, суетливо и беспомощно копошиться въ травѣ — и все-таки остаются на берегу, несмотря на очевидное, страстное желаніе стремглавъ броситься въ рѣку и поплыть по ней, вѣстѣ съ разно-стихійными — родительницей, братьями и сестрицами.

Страшное недовольство и, видимо, язвительныя попреки трусостью слышатся въ криканьи старыхъ утокъ! Смотри на берегъ, онѣ, по временамъ, поднимаются изъ воды во весь ростъ, выпускаютъ крылья и на своихъ желтоватыхъ, перепончатыхъ ногахъ, словно бы по суху, дѣлаютъ по рѣкѣ нѣсколько быстрыхъ круговъ, какъ бы съ цѣлью увѣрить глупышей-цыплятъ въ неосновательности ихъ пустыхъ страховъ и поскорѣе заманить ихъ въ рѣку, въ которой, по утинымъ крикамъ, было гораздо веселѣе купаться и ловить маленькихъ мошекъ и рыбокъ, чѣмъ безъ толку шататься и пищать на опустѣвшемъ берегу.

Ничто не брало цыплятъ! Нѣкоторые изъ нихъ начали уже присосѣживаться къ куринымъ выводкамъ, предводительствуемымъ злобно и неутомимо-клохтавшими насѣдками, несмотря на то, что ихъ тамъ клевали, отнимали изо рта пойманныхъ мошекъ, всѣмъ стадомъ давили туловище и нѣжную головенку приставшаго, когда ему случалось спотыкнуться и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ старыя утки, увидѣвши, что ни подъ какимъ видомъ не зазвать имъ въ рѣку цыплятъ, начали скучивать около себя свои стаи и потомъ, собравшись въ одну громадную массу, запрудившую чуть ли не половину рѣки, повернули отъ берега правымъ плечомъ впередъ и поплыли къ далеко-синѣвшему лѣсу, имѣя во главѣ массы красиваго, звонкоголосаго и

длинно-шеяго селезня, разноперая голова котораго, словно корона, горѣла всѣми цвѣтами радуги.

Глухо и сердито вагакали утки, отплывая, — и въ этомъ каганьѣ явственно разбиралось:

— Ну, васъ во всѣмъ шутамъ, ежели вы такіе неслухи! Ишь чего бояться вздумали — воды?...

Точно также и заботливыя матери, ворчливо негодуя, покидали веселый берегъ и, какъ бы, смѣявшуюся надъ ихъ ворчаньемъ рѣку.

— Что это съ ребятами по веснамъ дѣлается? говорили онѣ, расходясь. Нивакого имъ уйму нѣтъ! Всѣ руки объ нихъ обколотишь, а домой ни за што не дозовешься....

Грозные рассказы про водяного, исключительно, будто бы завладѣвающаго рѣкою въ полдненное время, щедрыя обѣщанія хворостины по благополучномъ возвратѣ домой за ѣдою, ничуть не унимали веселья ребятъ, развозившихся въ рѣкѣ.

— Э-э-э, мамушка! громко кричала какая-нибудь азартная на смѣхъ головенка, чуть-чуть торчавшая изъ воды. Погляди-ка, мама, какъ я нонича плавать выучился. На-а сп-пинки!...

Затѣмъ слышалось громкое отфыркиваніе и беззаботный смѣхъ, скоро заглушаемый общимъ гвалтомъ купающагося стада.

— Погоди, погоди, разбойникъ, — раздавался съ горки другой голосъ. Вотъ ужъ домой трескать придешь, такъ ты у меня не такъ еще поплаваешь на полу подъ хворостиной. Смѣяться сталъ надъ матерью, — погоди! Молодъ еще!

Веселый гомонъ ребятъ, сплошной птичій свистъ, вмѣстѣ съ жужжаньемъ и стрекотомъ насѣкомыхъ, исходившими изъ каждой травки, и наконецъ яркій свѣтъ и живое, благоухающее тепло, отнимали у выраженной сейчасъ угрозы всякое пугающее значеніе — и деревенская природа, съ каждымъ вновь прилетавшимъ съ неба солнечнымъ лучемъ, дѣлалась все роскошнѣе и обаятельнѣе.

II.

Описанная сейчасъ весенняя благодать, внесшая въ унылую сельскую жизнь столько веселья и радостей, была тѣмъ не менѣе неизсякаемымъ источникомъ большихъ хлопотъ и даже огорченій для двухъ человѣкъ, особенно примѣтныхъ на селѣ, какъ по почетному ихъ положенію, такъ и по роду ихъ занятій. Люди эти были пономарь мѣстной церкви — Григорій Петровъ Ляпидевскій и отставной унтеръ Абрамъ Телелюевъ.

Люди эти оба очень любили весну. Обезпеченные — первый

доходами отъ церкви и отъ сдачи мужикамъ въ наемъ приходившейся на его долю церковной земли, второй — какимъ-то грошовымъ пенсіономъ и умѣньемъ подкидывать подметки подъ мужицкіе сапоги, они всю зиму только и дѣла дѣлали, что разговаривали про скорой приходъ красной весны. Сошедшись какимъ-нибудь зимнимъ вечеромъ въ солдатской или пономарской избѣ, душной и со всѣхъ сторонъ замеченной снѣжными сугробами, они съ наслажденіемъ вязали волосяныя ласы, или нитяныя сѣти для птичьей и рыбной ловли, стругали клѣтки, мастерили дудочки изъ бараньихъ костей, плели изъ ивовыхъ прутьевъ кошолоки для грибовъ и т. д. и т. д.

Въ темной избѣ, обвоеванной со всѣхъ сторонъ грозно-визжавшею зимнею бурей, уши ихъ, во время перечисленныхъ сейчасъ занятій, слышали могучій шелестъ дремучаго лѣса, птичьи крики и взлеты, а глаза видѣли глубокія и свѣтлыя заводи широкой рѣки, блестящіе всплески рыбъ и быстрое рѣзанье чаекъ и чибиговъ, жалобно стонавшихъ надъ тайными, рѣчными глубинами.

Все давала весна этимъ людямъ: она удовлетворяла ихъ охотничьи вожделѣнія, снабжала на весь годъ грибами, ягодами, лѣсными яблоками и такими чудодѣйственными травами, которыя неизбѣжно вылечивали всѣ сельскіе недуги, если только онѣ предварительно были вымочены въ штоффъ хорошаго полугара. Въ это же время друзья заводились дѣйствительнымъ противоядіемъ противъ безысходной, осенней и зимней скуки, въ видѣ звонкоголосныхъ щегловъ, жаворонковъ, скворцовъ и перепеловъ. Эти пѣвцы, подаренные нашимъ друзьямъ теплой весною, сдѣлали ихъ знаменитыми не только въ томъ селѣ, въ которомъ они проживали, а даже въ цѣломъ околотѣ. На сто верстъ въ окружности, по крайней мѣрѣ въ четырехъ уѣздныхъ городахъ и въ нѣсколькихъ торговыхъ селахъ, часто можно было слышать въ лавкахъ мѣстныхъ торговцевъ горячіе споры насчетъ того, у кого скворецъ лучше выговариваетъ: дурраки — у пономаря ли Григорья, или у унтера Телелюева. Большіе пари шли также о томъ, кто изъ этихъ двухъ лицъ ловчѣе можетъ поддразнить перепела, «штоба онъ разбористѣе отбивалъ зорю»; востанная дудка ихъ подвергалась въ свою очередь серьезнымъ и строгимъ обсужденіямъ, — вслѣдствіе чего осенью, или зимой въ пономарскія, или въ солдатскія окна, помимо мужицкихъ оконъ, часто стучались проѣзжавшіе люди и, вошедши въ избу, непременно спрашивали:

— Кажи скворца-то! Затѣмъ и заѣхалъ, чтобъ на птичку взглянуть... За двѣсти верстъ къ намъ про твою птичку слухъ

прилетѣлъ... Нѣтъ ли, между прочимъ, согрѣться чѣмъ съ дорожки-то?..

Рѣдкостная птица, про которую такъ далеко рассказывали добрые слухи, сейчасъ же показывалась, — вслѣдствіе чего приѣзжій человѣкъ, имѣя въ виду самому выпить съ дорожки *мазонькую* и поподчивать таковою же обязательнаго хозяина, посылалъ за полустофомъ дворянской, или поповской, такъ какъ важное дѣло осмотра такой удивительной птицы, какою слытъ скворецъ пономаря Григорія, рѣшительно исключало употреблеііе простой водки, называемой въ просторѣчій «сиводдаемъ».

И вотъ, исполняя желаніе гостя, пономарь, несмотря на свой незначительный чинъ, выпивалъ стаканчикъ дворянской и затѣмъ приступалъ, какъ онъ выражался, къ «разгуливанію» птицы. Это разгуливаніе, надобно сказать, онъ производилъ съ такимъ мастерствомъ, которое рѣшительно не было доступно другимъ птичьимъ охотникамъ околотеа. Часто они были вынуждаемы обращаться къ нему съ убѣдительнѣйшими просьбами — пойти къ нимъ въ домъ побудить птицу, общая всевозможныя угощенія и благодарности.

— Другъ! Григорій Петровичъ! восклицалъ иногда, чуть не плача, какой-нибудь охотникъ. Пойдемъ ко мнѣ, Бога для. Уснулъ у меня скворушка, — Богъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось. Сидитъ, голову уткнувши подъ крылышко — и не пискнетъ. Типунчикъ что ли бы у него, али другое что, — ужъ и не придумаю.

Пономарь никогда не отказывался отъ исполненія такихъ просьбъ: страстно любя поющій птичій міръ, онъ, при всякомъ подобномъ извѣстіи, сейчасъ же бросалъ собственную, даже самую нужную, работу и шелъ на помощь заболѣвшему.

Трудно сказать, чѣмъ именно воскрешалъ птицъ пономарь Григорій Петровъ: силою ли той страстной любви, которую онъ питалъ къ нимъ, или своимъ необыкновенно-тонкимъ пониманіемъ птичьей природы, но только воскрешалъ всегда. Заскучавшая птица, при его присвистываньи и подщелкиваньи языкомъ, оживала и оглашала избу, опечаленную ея болѣзнью, звонкими, веселыми пѣснями.

— Колдунъ! Какъ есть колдунъ! говаривали въ такихъ случаяхъ про пономаря обрадованные хозяева птицъ. Какъ есть изъ гроба выхватилъ скворца! Молодецъ! Пойдемъ — угощу: спрашивай, братъ, всего, чего душа твоя пожелаетъ.

— Только отъ смерти не могу избавить, — толковалъ про себя пономарь. Отъ ей отъ одной отъ злодѣйки не ухитрюсь никакъ птичку освободить. Какъ теперича завизжу я, что на

птицѣ перо *меркнуть* стало, и опять же, ежели это самое перо *вызрѣло* легло и легло *смирно*, — шабашъ! Копай птицѣ яму; но ежели, хоша сама птица и очень смирна, а перо на ней еще *отъигрою*, такъ это намъ ничего не значить! Тутъ я, главное *дѣло*, гляжу на свѣтъ, какой по птицѣ идетъ — и сейчасъ же по немъ узнаю, что съ ней дѣлается: бываетъ такъ, что она *тажелветъ* отъ вольнаго корма, объѣдается, значить, и тоскуетъ съ *жиру*, какъ и съ людьми часто случается; бываетъ, что птица *скукою* мается, по парѣ выходитъ тоскуетъ, по солнцу, по лѣсу — отъ старости засыпаетъ также. Много у нихъ тоже всякихъ болѣстей — и отъ всѣхъ ихъ птицу я вылечу: отъ угару, отъ духоты, отъ типуна, отъ коросты, отъ родимца; а то инныя изъ нихъ *картавить* вдругъ принимаются, какъ ребята маленькіе, и за это дѣло нужно съ большимъ умѣньемъ браться, а то онѣ скоро съ голосовъ *совсѣмъ* спадываютъ. Есть также птица — *воръ*, птица — *хитрая*, *обманчивая*, умѣетъ *пѣть* — *молчить*, трудно ей это, а она все молчить, ждетъ, чтобы ты ее на волю выпустилъ; есть птица *лѣнивая*, *алчная*, ей бы только зобъ *наколотить*, да и на бокъ... Всѣхъ я ихъ знаю. Ребеночкомъ еще *махонькимъ* началъ водиться съ ними, отъ того и до наукъ до большихъ не дошодчи, весь вѣкъ на пономарскомъ положеніи состою, при *четвертой* части, т.-е., примѣрно сказать, изъ рубля батюшка себѣ *полтинникъ* изволятъ брать, отецъ *дьяконъ* *четвертакъ* получаетъ, а мы съ *дьячкомъ* *достальной* *четвертакъ* промежъ себя по двѣнадцати съ денежкой *распибаемъ*... Такъ-то-съ!...

И вотъ въ скудную жизнь этого человѣка, состоящаго, по его собственнымъ словамъ, при *четвертой* части, затесывается веселый *пріѣзжій*, человѣкъ хотя и совершенно посторонній, но тѣмъ не менѣе такого сорта, боторый, несмотря на мизерное пономарское значеніе, глубоко интересуется пономарскимъ знаніемъ «насчетъ хорошей птицы». *Пріѣзжій* человѣкъ глубоко завидуешь ему — пономарю Григорью, надъ которымъ большинство людей всегда только *посмѣивалось*, не находя возможнымъ завидовать его способности — *довольствоваться* во всю жизнь *четвертакомъ*, *распибаннымъ* имъ *пополамъ* съ *дьячкомъ*; *пріѣзжій* человѣкъ подчуешь Григорья Петровича *дворянской* *водкой*, — *цѣлуетъ* его, *засыпаетъ* къ себѣ въ гости, ежели ему «какимъ-нибудь манеромъ *прилучится* быть въ ихнихъ *краяхъ*»; онъ *посылаетъ* *полштофъ* за *полштофомъ*, дарить его *чумазымъ*, *оголодавшимъ* *ребятишкамъ* *пятачки* и *гривеннички*, — и Григорій Петровъ, *глаженный* большею частью противъ шерсти, теперь

совѣтъ растаялъ отъ ласки гостя и показываетъ ему свою птицу во всемъ, что называется, аккуратно.

Сначала знаменитый скворецъ, разбуженный по желанію гостя Григорьемъ Петровымъ, долго и съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ дзыньканью и треньканью, производимому пономаремъ при помощи двухъ столовыхъ ножей. Очевидно было, что это треньканье сильно интересовало скворца, потому что его черно-сизоватая, круглая головка была склонена въ направленіи къ разгуливавшему его хозяину, — свѣтлые, глубокіе глазки птицы были упорно уставлены въ хозяина же, какъ бы съ цѣлью безошибочно угадать, что именно надобится ему отъ него. Сидя въ этой позѣ на сдѣланномъ изъ тонкой вѣтки висячемъ полукругѣ, скворецъ по временамъ отряхивался, приглаживалъ чернымъ носикомъ всклокоченныя перья, просовывалъ удивленную голову сквозь клѣточные прутья; но вотъ лезвія ножей зазвенѣли учащеннѣе, къ ихъ звону присоединилось какое-то невыразимое, похожее на голосъ испуганной насѣдки, клокотанье, исходившее изъ горла Григорья Петрова. Какъ нельзя болѣе, говорю, клокотанье это было схоже съ крикомъ насѣдки, увидѣвшей, что въ поднебесной выси вьется, какъ разъ надъ ея птенцами, хищный ястребъ: въ немъ слышались — и испугъ, и злоба, и вопли о помощи, и сердитые приказы, обращенные къ птенцамъ, чтобы они не разбѣгались, а какъ можно скорѣе прятались подъ защиту материнскихъ крыльевъ.

Всѣ, кто были въ избѣ въ это время, притихли и какъ бы замерли. Была долгая тишина. Вотъ кто-то тихо свиснулъ — и опять тишина. Черезъ нѣкоторое время свистъ повторился, также неожиданно и также не надолго — и затѣмъ уже по избѣ раскатился могучій свистъ скворца, разговоры о которомъ шли на двѣсти верстъ около его мѣстожителства.

— Гляди, гляди! Слушай! чуть слышно шепталъ Григорій Петровъ замершему на мѣстѣ пріѣзжему купцу, заикаясь и указывая глазами на скворца. Слушай: сейчасъ онъ у меня по лошадиному пустить!... Я его этому три года обучалъ...

— Ми-го-го-го! загремѣло по избѣ рѣшительно такъ, какъ иногда гремитъ въ лѣсу испуганный голосъ жеребца, стоящаго на сторожѣ у своего одичалаго косяка.

— Батюшки! Господи Боже мой! Что же это такое? заомлился купецъ. Откуда же у этой мелкой пташечки сила беретъ такая, Творецъ мой небесный?

— Молчи, молчи, Христа ради! зашепталъ ему пономарь, зажимая ротъ рукою. Слушай, что дальше будетъ! Не сбей ты

у меня его съ шагу, пожалуйста, — на цѣлыя сутки онъ тогда у меня замолчить, — терпѣть не любить, ежели ему помѣшаютъ.

Послушный купецъ замолкалъ и, благодаря какой-нибудь новой штуцѣ, выкинутой Григорьемъ Петровымъ, скворецъ выкидывалъ, въ свою очередь, новый фокусъ, отъ котораго гость восторгался все больше и больше. Не было звука, присущаго сельской жизни, котораго бы не передразнила перемчивая птица: порой ея торло глухо шуршало на подобіе того, какъ иногда шуршать на огородѣ старыя вѣтлы, раскаченныя бурей, — пороку она стонала пустошкой, которая вѣчно оплакиваетъ что-то, сидя лѣтнимъ вечеромъ на крестѣ сельской колокольни, а иногда она, въ одно и то же время, свистала и щелкала, какъ свиститъ и щелкаетъ енотомъ пастухъ на разбредшееся стадо.

Въ глубокомъ молчаніи всѣ, находившіеся въ избѣ, слушали своего пѣвуна и только изрѣдка, при какомъ-нибудь особенно-удавшемся «колѣнѣ» скворца, пономарь, блаженно улыбаясь, бивалъ купцу головою на птичью клѣтку, какъ бы особенно рекомендуя его вниманію чудныя дѣла, творившіяся въ ней, на что купецъ неуклонно отвѣчалъ такимъ же многозначущимъ кивкомъ и такою же блаженной улыбкой, которыя ясно говорили, что чудныя дѣла имъ должнымъ образомъ поняты и оцѣнены въ лучшемъ видѣ.

Но дѣла все шли чуднѣе и чуднѣе: сдержанно и изрѣдка только попискивая, въ глубокомъ испугѣ попархивали въ своихъ клѣткахъ другія птицы въ то время, когда скворецъ заливалъ пономарскую избу совсѣмъ не птичьими звуками, то скрипя на подобіе того, какъ во время сильнаго вѣтра скрипитъ въ лѣсу надломленное дерево, то пугающе ухая филиномъ, то тоскуя горлицей, то наконецъ раскатывая, по внимающей избѣ, хриплое, насмѣшливое слово: дур-раки!..

Какъ и люди, молчали птички, слушая скворца. Онѣ не подали своихъ голосовъ даже и тогда, когда пономарь заставилъ его выкинуть передъ гостемъ самый главный фокусъ, составлявшій скворчиную славу, т.-е. когда птица, вытянувъ и напруживъ шею, громко пропѣла: хвалите имя Господне, аллилуйя!

Но когда скворецъ, наскучивъ, вѣроятно, подражаніемъ, засвисталъ такъ, какъ ранней зарею трещать всѣ проснувшіяся птицы и когда лишь одни знатоки могутъ различить во всей этой утренней трескотнѣ сердитый и, такъ сказать, гортанный свистъ скворцовъ, — птички всѣ вострепнулись и присоединились къ пѣнію знаменитой птицы. Сначала засвистали разноцвѣтные щеглы, съ розоватыми ножками. Пѣли они, упруго вытянувшись на тонкихъ ножкахъ и, кромѣ того, ихъ любовь въ своему

дѣлу видна была еще изъ того, что, свистя, они широко раскрывали носики, въ которыхъ трепетали маленькіе, острые язычки, закрывали свѣтлыя глазки и сердито восторщивали перья, какъ бы предостерегая не мѣшать имъ въ ихъ серьезномъ дѣлѣ. Къ щегламъ приставали чижи съ своими звонкими и даже какъ бы нахальными, трелями. Безъ этого, звенѣвшаго въ голосѣ чижей нахальства они ничѣмъ бы не отличались отъ звонко и отчетливо щебетавшихъ щегловъ. За чижами слѣдовали толстозобые серьезные ряполѣ, съ своимъ однонотнымъ, но крайне выразительнымъ чиканьемъ. Наконецъ уже шли синицы, которыя въ Россіи водятся въ такомъ обильномъ количествѣ и пѣніе которыхъ очень напоминаетъ собою теченіе перочиннаго щожика о самый нѣжный оселокъ.

— Братъ! кричалъ купецъ Григорью Петрову, выслушавъ все это. Истинно, какъ Адамъ и Ева, въ раю ты живешь... птички вокругъ тебя... беззлобіе...

— Благодареніе Господу! благоговѣнно, и почему-то со слезами въ глазахъ, отвѣчалъ пономарь. Долженъ за мою утѣху непрестанно Бога хвалить...

— Не то что нашъ братъ!.. завидливо и съ горечью продолжалъ купецъ. Ни ты никогда не доспишь, ни ты не доѣшь!.. Выпьешь!...

— Выкупаемъ! соглашался пономарь—и къ птичьему хору присоединялось еще тихое треньканье посуды, изъ которой друзья угощались «дворянской», или «поповской».

Такимъ образомъ, у купца съ пономаремъ завязывалась дружба, вслѣдствіе которой пріѣзжій гость знакомился и съ унтеромъ Телелюевымъ. Тутъ была совершенно такая же обстановка, какъ и у пономаря: та же тишина, тоже хозяйское радушіе, тѣ же несмолкаемыя птичьи пѣсни.

Еще пожалуй для гостя пированье у унтера было еще занятнѣе, потому что Телелюевъ, опробовавши купленной гостемъ дворянской, кромѣ ученаго скворца, щегловъ, чижей и синицъ непремѣнно показывалъ ему кочета-Петьку, который, по словамъ хозяина, хотя и былъ первый разбойникъ во всемъ селѣ, но который, тѣмъ не менѣе, отлично зналъ, въ какую сторону онъ долженъ былъ маршировать на своихъ голенастыхъ, длинныхъ ногахъ, когда Телелюевъ командовалъ ему: Петька, слуш-ш!... Пр-рравное плч-чо впер-редъ, — скор-рымъ шаг-га-амъ маар-ршь!..

— Ах-хъ, шутъ тебя собери! съ брякливымъ хохотомъ кри-

часть купецъ, утѣшаясь этимъ, поистиннѣ, чудовымъ зрѣлищемъ. Это просто бѣд-да! А? къ какимъ чудесамъ приученъ!

— Это еще что, ваше степенство! окончательно хвастался унтеръ. Вы вотъ на что извольте взглянуть:—Здорово ребята! оралъ онъ во все свое командирское горло на Петьку, bravo, но бессмысленно уставившаго на него свои свинцовые, опущенные краснымъ ободочкомъ, глаза.

— Ку-кар-ре-ку! отвѣчалъ этой командѣ Петька съ такою энергическою поспѣшностью, которая ясно показывала въ немъ полное сознание необходимости отвѣчать командиру, когда онъ скажетъ: здорово, ребята! другимъ словомъ—и именно: здравіа желаю, ваше в-діе.

— Какъ это вы несмысленную скотинку такимъ чудесамъ выучиваете? недоумѣвалъ купецъ, подкрашивая сѣрую и скудную сельскую жизнь розовою «дворянской». Истинно сказано: всякая тварь живая на пользу человѣка дадена, и всякое дѣло своего мастера бояться должно.

Пономарь и солдатъ, слушая эти похвалы, конфузливо улыбались и благодарно выпивали подносимую имъ признательнымъ гостемъ водку.

По отѣздѣ гостя часто случалось такъ, что, какъ солдатскій *тинционтъ*, такъ и несчастная *четвертая* часть пономаря надолго переставали крушить горемычныя головы ихъ получателей своєю невообразимую скудостью, потому что тогда въ поражающіе своей пустотой деревенскіе сундуки западали рублевки, перешедшія въ нихъ изъ купеческаго кошель за какого-нибудь «молодца» — щегла, или «расканалью» — перепела.

Но всего благодѣтельнѣе дѣйствовала весна, такъ сказать, на нравственную сторону описываемыхъ людей: именно она одна только напоминала ихъ односельцамъ-мужикамъ о высокихъ душевныхъ качествахъ, отличавшихъ пономаря и унтера, — такихъ качествахъ, которыя исключительно одни завоевали имъ почетное положеніе среди всѣхъ этихъ оборванныхъ полушубковъ, посконныхъ рубахъ, изможденныхъ, отупѣлыхъ лицъ, всклокоченныхъ вихровъ, размочаленныхъ лаптей и т. д. и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, сельское сборище, пришедшее въ церковь въ какой-нибудь Троицынъ день и всю ее наполнившее ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ и тихимъ вѣтромъ, производимымъ качаніемъ цѣлаго лѣса изъ зеленыхъ, только-что срѣзанныхъ вѣтвей, — ничего, говорю, это сборище не могло представить себѣ великолѣпнѣе и почтеннѣе унтера Абрама Телелюева, когда онъ, сверкая довольно-таки уже померѣшими галунами, медалями и серебрянымъ Георгіемъ, выходилъ на средину церкви

читать Апостола «по праздникамъ», т.-е. такъ, чтобы сначала густая октава видимой силой по ногамъ у всѣхъ заходила, а въ концѣ *пустить такого верха*, чтобы задребезжали церковныя стекла и зазвенѣло всѣми своими стеклянными привѣсками паникадило.

И пономарь въ такія рѣдкія времена, возможные только въ освѣщенные яркимъ весеннимъ солнцемъ дни, казался сельскому люду совсѣмъ не тѣмъ невзрачнымъ, слезливымъ старичишкой, какимъ онъ казался селу въ обыкновенныя будни. Сельскій глазъ, непривышій къ разнымъ торжественностямъ, глядя на сгорбленнаго, сѣдого старика, выходящаго изъ алтаря смиренною поступью, съ высокимъ, висеребраннымъ подсвѣчникомъ въ дрожащихъ рукахъ, въ парчевомъ стихарѣ, вмѣсто ежедневно облекавшаго его рванья, былъ пріятно поражаемъ этою рѣдко видимою имъ картиной, вслѣдствіе чего души, убитыя нескончаемо-гнетущей, суровой дѣйствительностью, отдыхали въ какомъ-то, хотя и безотчетномъ, но сладкомъ умиленіи.

Подъ наплывомъ этого умиленія, сами собою гнулись колѣни, не для отчаяннаго вымаливанія невозможной милости у какого-нибудь жестокаго и гордаго сердца, а для тихой, безсловной молитвы, надолго облегчающей страдающія души; слышались тогда въ церкви отрадные, умиленные вздохи, которыми вздыхаетъ человѣческая грудь, ощущая въ себѣ приливъ довольства и счастья, и, кромѣ того, именно по такимъ временамъ примѣчалось въ сельской церкви много лицъ, всегда тупыхъ и безучастныхъ, а теперь свѣтло освѣщенныхъ свободой отъ безвѣчнаго, жизненнаго горя....

Во многихъ группахъ расходившагося отъ праздничной обѣдни народа можно было слышать:

— Надобы, по настоящему-то, для праздничка позвать пономаря съ унтеромъ на закуску, — толковали какіе-нибудь домохозяева, серьезные такіе, съ лицами заросшими черными волосами, съ широкими загорѣлыми лбами, въ сѣроватыхъ, толстаго домашняго сукна свитахъ и въ несокрушаемыхъ сапогахъ, вымазанныхъ дегтемъ.

— Чтоже? Зачѣмъ дѣло стало? Позовемъ! соглашался другой голосъ. Почествовать ихъ давно нужно, — народъ хорошій! Возьмемъ въ складчину четвертушку и почествуемъ, — пивка у меня, признаться, отъ святой еще боченокъ остался, — дюже пиво густо и здорово въ носъ бьетъ, ежели натопаеъ его ковшикъ протащишь. Кстати же нонѣ у меня хозяйка просука жарила.

— Позовите, позовите! приставали къ совѣщавшимся хозяе-

вамъ ихъ жены. Настряпано—страсть! Однимъ намъ всего ни-зачто не поѣсть.... опять же: дѣвчонки вчера вечеромъ про-межъ себя брухаться задумали, въ родѣ какъ бы коровы, такъ лбы себѣ этакъ ли расколотили,—бѣда! шишки теперича эвона у нихъ на лбахъ вспухли какія! Ну, мы у солдата Егорій возъ-мемъ и шишки тѣ дѣвчонкамъ помажемъ,—говорятъ: дюже по-могаетъ,—всякій ушибъ въ одну минуту отъ этого глаженья проходитъ....

— Ну вотъ и чудесно! говорили хозяева. А мы тоже Григорья Петровича помолимъ въ хлѣвахъ книжку какую-нибудь церковную почитать. Скотинка что-то очень-то неспокойна стала! Такъ по ночамъ бьется, такъ бьется!... Должно здорово ее не-чистые засѣдлали, потому давно мы съ тобою, другъ, молебновъ не служивали....

— Истинно, что возлюбилъ насъ съ тобою Господь! сооб-щаль унтеру старикъ пономарь, возвращаясь вмѣстѣ съ сосѣ-домъ къ своимъ птицамъ послѣ праздничнаго пированья, за-даннаго имъ хлѣбосольными домохозяевами. Какъ Онъ, Батюшка, продолжалъ пономарь, — возвеличилъ насъ съ тобою передъ всѣми, Абраша? А? Вѣрно тебѣ сказываю, что «малымъ чимъ».... Ей Богу! о Господи!

— Конечно, Григорій Петровичъ,—довольно и сонливо бор-моталъ унтеръ,—намъ съ тобою большое неоставленье отъ доб-рыхъ людей идетъ.... за наше терпѣнье съ тобой!... Слава Богу, много довольны!... Чтоже, соснувши маленько, маханемъ мы съ тобою на перепела, Григорій Петровичъ? А? Дюже теперь хо-рошо на зорьѣ подъ него — подъ мошенника — подобраться.

— Да вѣдомое дѣло, Господи Боже мой! Извѣстно, что теперь подъ него ходить первое дѣло! Не пропустимъ!...

III.

Такимъ образомъ, всякому дѣлалось виднымъ, что весна обильно проливали на друзей, описанныхъ въ моемъ разсказѣ, всякія удачи и радости — и не будь одного обстоятельства, ко-нецъ этихъ радостей и удачъ приходилъ бы только вмѣстѣ съ наступленіемъ зимы, лютые морозы которой сельская скука пе-реносила бы значительно легче въ разговорахъ и воспомина-ніяхъ о свѣтлой и всегда благодѣтельной веснѣ.

На бѣду дѣло выходило иначе — и весеннія удовольствія нашихъ друзей въ сильной степени отравлялись многочислен-ными заботами и хлопотами, тѣмъ болѣе волновавшими тихія

души моихъ героевъ, что эти заботы и хлопоты никогда не приносили и даже въ отдаленномъ будущемъ не могли принести желательныхъ результатовъ.

Вотъ именно изъ каковаго источника вытекали эти печальныя хлопоты: помимо возни со всевозможными птицами, помимо обученія ихъ всякимъ штукамъ, болѣе уподоблявшимся поучительнымъ выраженіямъ умственной дѣятельности человѣческой, чѣмъ бессмысленной, вѣчно свистящей дѣятельности птичьей, какъ унтеръ Телелюевъ, такъ и дьячокъ Григорій Петровъ занимались еще дрессировкой сельскихъ ребятъ, натаскивая ихъ, при посредствѣ буьварей, какъ на пониманіе многоразличныхъ добродѣтелей, украшающихъ родъ человѣческій, такъ и на неуклонную и бдительную стойку надъ этими добродѣтелями.

Мрачная, дождливая осень съ невылазною грязью, съ отчаянными проклятіями на лошадей, издыхающихъ на сѣрой улицѣ подъ грузными возами и потомъ зима съ морозами, выжимающими невольныя слезы и тутъ же снова ихъ замораживающими, дѣлали сельскихъ ребятъ еще глубoko внимательными и усердными въ перениманію и усвоенію той мудрости, которую, не скупясь, засыпали въ ихъ уши дьячокъ Григорій Петровъ и унтеръ Абрамъ Телелюевъ.

По такимъ временамъ, т.-е., въ виду осеннихъ или зимнихъ ужасовъ, разыгрывавшихся на улицахъ, сельское дѣтство и отрочество, пригрѣтое жарко-натопленною солдатскою или дьячковскою избою, съ удивительнымъ прилежаніемъ выслушивало преподаваемыя истины, имѣвшія умудрить ихъ неопытную молодость на непретенованное шествованіе ко вратамъ смерти.

Чадный, сѣрый угаръ плаваетъ, бывало, по избѣ удушающими, густыми волнами; а *азіаты*, какъ дьячекъ и унтеръ титуловали своихъ маловозрастныхъ воспитанниковъ, привышіе къ этому угару и чаду въ своихъ родныхъ избахъ, ничуть не стѣсняются этимъ. Въ томъ же непріятномъ случаѣ, когда какая-нибудь слабенькая головенка дѣйствительно закруживалась отъ запущеннаго въ нее тепломъ школьной избы дурмана, то голову эту, вмѣстѣ со всѣмъ ея помертвѣвшимъ тѣломъ, болѣе сильные товарищи съ громкимъ смѣхомъ вытаскивали изъ избы на улицу и тамъ съ размаху швыряли въ снѣжный сугробъ. Этотъ незамысловатый методъ леченія дѣлалъ свое дѣло исправнѣе всѣхъ рецептовъ раціональной медицины: не проходило какихъ-нибудь скоротечныхъ полчаса, какъ головенка отрезвлялась и, дрожа отъ холода, прискакивала въ избу съ румянцемъ во всю щеку и съ какою-то необъяснимо-довольной

улыбкой, которая заставляла почему-то неудержимо хохотать и шкельниковъ, оставшихся въ избѣ, и самого учителя.

— Ха, ха, ха! Хи, хи, хи! Что? Прошло, небось, какъ мы тебя завалили въ снѣгъ по самую шею? заливались смѣхомъ разнотонные голоса мальчиковъ и дѣвочекъ, засѣдавшихъ въ школѣ. Поди, поди ужъ ко мнѣ поскорѣе, — мнѣ мамба у Миеолы на базарѣ купила новыя валенки, такъ я тебя въ нихъ, пожалуй, хошь съ головой посажу.

Такъ ребяташки на перебой зазывали къ себѣ своего, мгновенно выключеннаго ими, паціента, — и онъ стоялъ передъ ними съ своей довольной улыбкой и румянцемъ во всю щеку, не зная, въ какую сторону направиться, потому что и самъ учитель въ тоже время хохоталъ надъ ребенкомъ и здоровымъ бацищемъ кричалъ ему:

— Ахъ, шельминъ сынъ! А? Ха, ха, ха! Ахъ, барченко ты этакой лупоглазый! Мы смотримъ, смотримъ на него, а у него ужъ и глазенки подъ лобъ закатились. А? Ха, ха, ха! Я смѣюсь и говорю ребятамъ: ребяташки, говорю, не въ снѣгу ли, молъ, у этого барченка вотчина будетъ? Стащите-ка его туда, — авось тамъ за его лихой болѣзью няньки-мамки походятъ.... А? Ха, ха, ха! Ну поди, поди сюда поскорѣе, на колѣнки ко мнѣ, — я тебя свитой своей принакрою маленько. Ну, ничего! До свадьбы оно заживетъ. Бери указку теперь и читай за мною. Помни — гляди, не забывай! А то тебя учишь-учишь, а ты все говоришь: я, дяденька, энто запоматывалъ.... Ну, читай за мною: «буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва, глаголь-азъ-га» и т. д.

— Ну что? заключалъ свою ласку учитель, пропѣвши, вмѣстѣ съ ребенкомъ, это основаніе всероссійской премудрости, на которомъ столько лѣтъ зиждилось и теперь зиждется дивное зданіе отечественнаго просвѣщенія. Согрѣлся теперь? Слѣзай же съ колѣнъ, да бѣжи за столъ повторять. Да ты вотъ что, ты вотъ что, шутинокъ, — останавливалъ учитель ребенка, стремительно ринувшагося за столъ къ пріятелямъ, которые втихомолку обезьянничали надъ *сурьезомъ мастера*, — ты азбуку-то указкой не проковыривай у меня, — шкуру спущу.... Сколько разъ тебѣ говорить, что за азбуку-то по нонѣшнимъ временамъ три пуда муки даютъ, да и то взять негдѣ. Что, отецъ-то твой шкуру съ себя долженъ продавать на азбуки-то тебѣ? И то ужъ онъ другую книжку тебѣ повукаетъ. Гл-ляди у меня округъ себя!... Попристальнѣй пог-гл-лядивай!...

Приказаніе это «пог-глядывать округъ себя попристальнѣй», отданное даже ласковымъ тономъ, необыкновенно усугубляло ребячье стараніе проникнуть въ суть наукъ. Очень можетъ быть,

что, во время отдачи такого приказанія, у многихъ ребятѣшекъ и мелькали въ мозгахъ различныя пріятныя мысли насчетъ того, напримѣръ, какъ-бы хорошо было выбѣжать сейчасъ на только-что замерзшую рѣку и прокатиться на ногахъ по ея гладкой, блестящей поверхности; но мысли эти, на подобіе зимнихъ пташекъ, быстро мелькающихъ по снѣжнымъ равнинамъ, сейчасъ же выпархивали изъ малосмысленныхъ головъ, страшно перепуганныя возникшимъ тамъ представленіемъ возможности получить за катанье по льду «спущеніе шкуры», во-первыхъ — морозомъ, безжалостно рвущимъ пухлыя щеки, а во-вторыхъ — учителемъ, который изстари привыкъ оберегать молодя жизни отъ разныхъ опасныхъ случаевъ прикладывая къ различнымъ частностямъ этихъ жизней горячія припарки, въ видѣ толстыхъ пучковъ гибкихъ березовыхъ прутьевъ.

— Оттягиваетъ это у ребятъ охоту-то... Къ баловству напримѣръ.... Въ родѣ, будто-бы, шпанской мушки облегченіе имъ подаетъ, — въ одинъ голосъ и съ одинаково-добродушными усмѣшками толквали и дѣточекъ и унтеръ, указывая на прутья, распаренные въ теплой водѣ, или въ вольномъ духу печи.

Слушая постоянно такіе разговоры, ребята, можетъ быть, и неособенно сильно поддавались бы ихъ умиряющему вліянію, если бы въ такія времена на дворѣ не стояло зимы. Она обезлюдилла сельскую улицу, сгребла и сжала въ своей могучей ледяной рукѣ раздольныя волны рѣчныя и, наконецъ, она же воцарила въ сельскомъ лѣсу мрачную смерть и безотвѣтное, унылое молчаніе. Только однѣ сосны да ели спорили въ этомъ лѣсу съ зимою, раскрашивая могильное однообразіе ея бѣлаго савана своими вѣчно-зелеными вѣтвями.

Куда тутъ идти? Какъ по этимъ страшнымъ снѣжнымъ сугробамъ могутъ разбѣгаться рѣзвыя ноги, не залязнувъ въ нихъ, и кто въ этомъ угрюмо-молчащемъ лѣсу также весело и звонко, какъ веселъ и звонокъ ребячій голосъ, отзовется шумной дѣтской радости? Одни только снѣжныя пушинки осыплются съ верхушекъ деревьевъ и беззвучно спустятся къ ихъ подножіямъ, около которыхъ лѣтомъ можно было сидѣть и съ тихой, молчаливою душой смотрѣть на тысячи разнообразной, живой мелочи, копошившейся въ травѣ. Скучно и холодно зимой!...

И ребята, какъ нельзя болѣе лучше, знали это, — и потому они терпѣливо сидѣли въ учительскихъ избахъ и безпрекословно занимались, какъ это характерно названо сельскимъ народомъ, *учобой*.

Что это былъ за страшный и дикій гомонъ, которымъ непремѣнно обуславливается *хорошая, настоящая учоба!* Вотъ

пять молоденькихъ ртовъ, напоминающихъ собою бѣлые рти галчатъ, вывалившихся изъ гнѣздъ на землю, задыхаясь отъ натуги — показать учителю чей голосъ громче, изъ всѣхъ силъ тануть: «мал-литва къ чисто-ому хресту»....

— Я вамъ, я вамъ задамъ въ «хресту»!... покрикиваетъ учитель, несмущаемо сидя за плетеніемъ рыболовной сѣти, или за точеніемъ хитрѣйшихъ балаясинъ въ клѣтѣхъ для любимого скворца. Ишь мужлаки поганые! Къ хресту! Ослѣпли вы, что ли, какъ тамъ написано? Кресту тамъ написано! Г-гля-ад-дите у меня, ребята! Кое мѣсто терпѣть мнѣ отъ васъ?..

Группа бѣлоротыхъ галчатъ, штудировавшая молитву въ честному кресту, останавливается при этомъ окрикѣ. Она въ глубокомъ недоумѣніи. Она, очевидно, не довѣряетъ ни словамъ учителя, ни книжкѣ, цѣнность которой опредѣляется тремя пудами муки. Одумавшись и самымъ внимательнымъ образомъ всмотрѣвшись въ книжку, группа видитъ, что въ ней, дѣйствительно, пропечатано: во кресту; но она въ то же время очень хорошо знаетъ, что самые любимые ею люди — дѣдушки, бабушки, тятки и мамки, руками которыхъ были отвѣшаны за азбуку три пуда муки, всегда, когда ихъ сокрушенные горемъ головы падаютъ предъ иконами, во время ночной, одинокой молитвы, такъ эти люди всегда шепчутъ: «Хрѣстъ - хранитель земли! Хрѣстъ-красота и милость Божья»!...

Мимолетно скользая надъ дѣтскими головами такіа соображенія, но все-таки тѣмъ не менѣе заставляютъ ихъ, хотя на минуту, задумываться.

— Ну что стали? покрикиваетъ учитель, на минуту отрываясь отъ вязанія рыболовной сѣти. Читайте: «мо-о-ли-итва въ честному кресту».

— Кре-есту! вторять за учителемъ ребяташки голосами, непремѣнно пласивыми, потому что пониманія ихъ въ этомъ случаѣ уже разошлись съ учительскимъ пониманіемъ о крестѣ.

Крестъ учителя, и «хрѣстъ» дѣдушки и бабушки, тятки и мамки, оказывались въ дѣтскихъ головахъ вещами, совершенно другъ на друга не похожими.

Впрочемъ, съ этимъ неудобствомъ ребяташки примиряются очень легко. Отъ зимы никуда не убѣжишь съ голыми ногами, — и потому въ школѣ слышатся другіе голоса.

— Буд-ди бла-го-честивъ! вопіютъ эти голоса уже болѣе возмужалымъ хоромъ, чѣмъ пѣли голоса первой группы.

— Въ мірѣ нѣтъ ни счастья, ни несчастья! протяжно и уныло диктуютъ другъ другу четырнадцатилѣтніе ребята, угрюмо наклонившіеся своими весноватыми, исхудалыми лицами въ сѣрныя

тетрадки, въ которыя, въ назиданіе грядущимъ вѣкамъ, они вписывали поучительную истину объ отсутствіи счастья и несчастья въ этой жизни, обильной, какъ всякому извѣстно, и тѣмъ, и другимъ веществомъ въ глубокой степени.

На подобіе того, какъ жужжать пчелы въ ульѣ, гудятъ цѣлый зимній день ребячьи голоса въ дьячковской избѣ. И точно также, какъ свѣтлые, лѣтніе злаки даютъ возможность трудолюбивымъ пчеламъ наполнять свои ульи сотами душистаго меда, такъ и юныя сердца малолѣтнихъ тружениковъ — посѣянію и благополучному въ нихъ произрастанію цвѣтовъ различныхъ добродѣтелей, обязаны были только длинной, суровой зимѣ, которая въ этомъ случаѣ, должно быть, дѣлала милостивое исключеніе для бѣдныхъ, сельскихъ недоростковъ, привыкнувъ изстари обрывать со всей русской природы ея цвѣтныя украшенія....

И какъ душисты, какъ разнообразны эти цвѣты! Вотъ, на примѣръ, одно юное сердце старается возрастить въ себѣ цвѣтъ знанія *чихирей*. Для этой цѣли юное сердце всѣми своими сосудами жадно впитываетъ въ себя «таблицу умноженія», которую дьячокъ собственноручно вписалъ, для всеобщаго назиданія села, въ тетрадку изъ толстой, синей бумаги. По тетрадкѣ оказывается нѣкоторая, хотя и неособенно значительная, реформа въ общепринятомъ человѣческомъ счетѣ, именно: по «таблицѣ умноженія», составленной дьячкомъ Григорьемъ Петровымъ, выходитъ, что «трижды-три—питнадцать»...

Это же правило усваивается и въ избѣ унтера Абрама Телелюева. Онъ впрочемъ когда-то домекнулся—было своимъ бравымъ, солдатскимъ разсудкомъ до несостоятельности правила—«трижды-три», и покушался исправить эту несостоятельность, да подумавши, такъ и оставилъ безъ исправленія.

— Небойсь! молчаливо думалъ Абрамъ. Когда выростутъ, такъ сами узнаютъ какъ это оно «трижды-три»... Опять же: можетъ оно по пальцамъ точно что девять выходитъ, а рихметику, ежели раскроешь, такъ тамъ тебѣ вдвое больше того насчитаютъ... Извѣстно: фокусъ-покусъ все! На то книги и сочиняются, чтобы ты своимъ умомъ не кичился: умнѣ тебя завсегда въ тыщу разъ люди найдутся, ну они и перешибутъ тебя всячески на каждомъ шагу... Знаемъ мы тоже исторію-то! забавчивалъ Телелюевъ свою думу и обращался къ какому-нибудь скворцу, который не зналъ исторіи и, слѣдовательно, перешибить своимъ солдатскаго ума ни въ какомъ случаѣ не могъ...

— Ну-ка, Петинька, отличись,—спой намъ что-нибудь, другъ! ласково говорилъ Абрамъ птицѣ, печально опустившей крылья въ виду инстинктивно чувствуемыхъ ею зимнихъ ужасовъ. Что

приуныль, милашечка, въ самъ-дѣлѣ? Что зима-то на дворѣ стоитъ? Экая невидаль? Чив-во испужался? Ну-ка дерни! Фью, фью, фью! Джи, джи, джи! В-вы што м-меж-жду проч-чимъ, глупые, рты-то разинули? Чево перестали учиться? кричалъ затѣмъ учитель на ребятъ, дѣйствительно, разинувшихъ рты на птицу, которая, прибодрившись отъ хозяйской ласки, начинала было уже почвикивать потихоньку.

Испуганные окрикомъ, ребята снова потуплялись въ опротивѣвшія книжки и снова принимались, какъ и въ дьячковской избѣ, голосить о «трижды-три», о «добродѣтели, не нуждающейся въ блистательномъ поприщѣ», о «бѣдномъ, хаотическомъ мірѣ, лишенномъ счастья и несчастья» и т. д. и т. д....

А между тѣмъ на деревенскихъ улицахъ злилась и насмѣшливо свистала зима, словно бы освистывая линючесть красокъ тѣхъ цвѣтовъ, которые, во время ея господства надъ землею, съ такимъ удобствомъ принимались и разрастались въ сердцахъ ребятшекъ. Содрогались отъ этой зимней злости не только гнилыя, мужицкія избы, но и бѣлая, каменная церковь села. Вѣтеръ, словно пьяный буянъ, налеталъ на голыя верхушки березъ, росшихъ въ церковной оградѣ, моментально и, какъ это говорится на человѣческомъ языкѣ, ни за что, ни про что, выдиравъ имъ ихъ печально-развисшіе въ разныя стороны вихры и потомъ, взлетѣвши подъ церковную крышу, ожесточенно разламывалъ ея жестяные листы и буйно стучалъ ими о деревянныя стропила. Проѣзжій человѣкъ, вынужденный неотложною надобностью быть въ такую непогоду на дорогѣ, слушая этотъ, громео отдающійся стукъ, пугливо крестился; а вѣтеръ какъ-бы нарочно старался навести на его душу еще большее смятеніе. Съ какимъ-то особенно-ужасавшимъ визгомъ, онъ, въ видѣ летучаго, снѣжнаго человѣка исполинскаго роста, стремительно—не влеталъ уже, а какъ бы вспрыгивалъ на верхъ колокольни, подъ самые колокола — и принимался звонить въ нихъ, ухитряясь въ тоже время извлекать изъ нихъ одни только невыразимые, томящіе звуки, съ которыми ежели сравнить прощальный звонъ похоронный, такъ онъ вышелъ бы въ несчетное число разъ веселѣе этой музыки, производимой буйнымъ, снѣжнымъ человѣкомъ.

Слушая эту музыку, дьячокъ, при особенно-выразительныхъ нотахъ ея, отрывался отъ обтчиванія хитрыхъ балясинъ и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, — причемъ по его благодушному, обрамленному сѣдыми волосами лицу пробѣгали какіе-то сумрачныя тѣни, очень увеличивавшія общее уныніе.

— Разгулялось! задумчиво шепталъ дьячекъ, снова прини-

маясь, послѣ креста, за прерванную работу. Хошь бы чутокъ попритихло; а то вѣдь всю душу вытянуло, братцы мои! Но, но! Что стали? вскрикивалъ онъ въ ободреніе ребятъ, которые, вмѣсто обычнаго гомона, теперь, въ виду сѣрой тьмы, царившей въ избѣ и непрерывнаго стопа, летавшаго по улицѣ, тихо и сонно перешептывались между собою о разныхъ школьныхъ разностяхъ.

Крикъ этотъ всегда оживляюще дѣйствовалъ на отуманенныя ребячьи головы. Онъ имѣлъ по отношенію къ нимъ такое же дѣйствіе, какое имѣетъ кнутъ по отношенію къ клѣтѣ, задремавшей усталой головой на трудной пахотѣ. Неожиданно вытянутая по спинѣ длиннымъ кнутомъ, клѣча сперва порывисто вздрагиваетъ, словно бы въ это время кнутъ спугнулъ съ нея обуявшую ее задумчивость, потомъ поднимаетъ голову и наконецъ принимается усиленно шагать по рыхлой землѣ, несмотря на то, что ноги ея по колѣно вязнутъ въ этой землѣ. Точно также и ребята, загнанные зимой въ душную избу, сперва вздрогнули отъ учительскаго крика, потомъ подняли головы, а наконецъ всѣми ртами произвели характеризующій деревенскую *учобу* гомонъ, надоедливо и безустанно ломившійся въ тайныя области великаго, научнаго царства...

И буйное величіе зимы не однѣ только головы малолѣтковъ превращало, такъ-сказать, въ роскошныя нивы, удобныя для воспріятія дьячковскихъ и солдатскихъ истинъ. Оно гнуло къ поучительнымъ книжкамъ, сочиненнымъ и напечатаннымъ на всеобщее благо русскаго народа матушкой-Москвою, и другіе, менѣе пугливыя, совершенно уже возрастные лбы. Такими лбами во множествѣ украшались, какъ солдатская, такъ и дьячковская избы. Они принадлежали и парнямъ, и молодымъ дѣвицамъ, года которыхъ языкамъ сельскихъ насмѣшниковъ давали полную возможность сколько угодно потѣшаться надъ этими грамотѣями, особенно надъ парнями. Сельскіе балагуры, встрѣтивши такихъ ученыхъ на улицѣ, обыкновенно проводили между ними и своими лошадьми обидное сравненіе, по которому оказывалось, что вотъ «лошаденкѣ моей двухъ годковъ еще нѣтъ, а ужъ она по двѣ бочки воды каждый день привозитъ; а вы вотъ, дескать, шалаши, все за своей *учобой* разсиживаетесь».

Насчетъ заучившихся дѣвокъ у сельскихъ остряковъ, хотя тоже и существовали различныя пословицы, болѣе или менѣе игриваго свойства, но однако пословицы эти говорились вслухъ очень рѣдко. Народный обычай, осуждающій взрослую дѣвушку сидѣть за псалтирю и часословомъ, укрывая молодую голову и румяныя щеки чернымъ платкомъ, вмѣсто того, чтобы ей, раз-

убранной въ красный сарафанъ и алыя ленты, идти въ церковь подъ золотой вѣнецъ и потомъ хозяйничать въ мужниномъ домѣ, удерживаетъ смѣшливые языки, — и напротивъ: почти всегда бываетъ такъ, что когда по сельской улицѣ проходитъ такая дѣвчья молодость, потупивши въ землю свѣтлыя очи и укрывшись своимъ чернымъ платкомъ, то даже старики и старухи даютъ ей дорогу и съ какимъ-то любовнымъ почтеніемъ серьезно и медленно передъ ней преклоняются.

Эти молодыя дѣвицы—русскіе «козлы очищенія». Родители ихъ,—желаютъ ли свалить съ себя тяжкое бремя не дающихъ даже минуты покоя грѣховъ, просятъ ли у Бога какихъ-нибудь особенныхъ милостей, или наконецъ, пламенѣя религіознымъ рвеніемъ угодить Господу, всегда, въ такихъ случаяхъ, своихъ дочерей, преимущественно перворожденныхъ, *обручаютъ Христу*, — отчего издавна присвоено имъ имя «Христовыхъ невѣстъ», или «вольныхъ черничекъ».

Лѣтъ съ десяти *обрученныя* этихъ одѣваютъ въ черное, не давая такимъ образомъ молодымъ глазамъ любоваться яркими цвѣтами, и потомъ ихъ отдаютъ въ науку дьячку, у котораго онѣ лѣтъ въ шесть-семь научаются читать церковныя книги и писать по *полууставному*, т.-е. церковно-славянскимъ шрифтомъ. По окончаніи этого, обязательнаго для всякой вольной чернички, курса родители ихъ выстраиваютъ имъ домъ гдѣ-нибудь подъ ветлами, въ глуши задняго огорода, устанавливаютъ этотъ домъ образами, увѣшиваютъ лампадками изъ разноцвѣтныхъ хрусталей и отсюда уже начинается самостоятельная дѣятельность Христовыхъ «невѣстъ». Онѣ читаютъ псалтырь по умершимъ, обмываютъ ихъ, вписываютъ въ «поминанья» имена живыхъ людей «о здравіи», а мертвыхъ «за упокой души» — и наконецъ обучаютъ такихъ же, какъ онѣ сами, обрученныхъ дѣвочекъ всѣмъ тѣмъ наукамъ, какимъ ихъ обучали...

Изъ оконъ тихихъ домиковъ этихъ черничекъ всегда, и днемъ и ночью, свѣтятся огоньки отъ многочисленныхъ лампадъ и восковыхъ свѣчекъ, зажженныхъ предъ иконами. Тутъ онѣ, въ виду великихъ сподвижниковъ Христа, наполнявшихъ ихъ пустынные кельи, вѣчно поютъ тонкими, смиренными голосами псалмы царя и пророка Давида, либо глубоко сокрушенные горемъ даже царственной жизни, либо фанатически либуящие предъ «неизреченною милостью Бога боговъ—царя Израилева, спасающаго отъ этого гора»...

И такъ проходитъ вся жизнь этихъ дѣвицъ. Мужикъ какой ежели забредетъ за заблудившеюся лошадыю въ чащу ихъ уединеннаго огорода, онъ, смотря на мерцаніе святыхъ огней, вид-

ныхъ изъ черничьихъ оконъ, непременно сниметь шапку передъ пустыннымъ домомъ и, съ глубокими вздохами, положить нѣсколько земныхъ поклоновъ. А ежели бабѣ случится проходить зачѣмъ-нибудь мимо черничеѣ, такъ она непременно стучалась въ ихъ всегда запертую дверь.

Впущенныя въ келью, сельскія женщины обыкновенно долго молятся предъ освѣщенными, блистающими свѣтлыми ризами, образами черничеѣ, а потомъ большое число этихъ бабъ еще дольше истерично рыдаютъ и причитываютъ:

— Ах-хъ! Какіе у насъ съ мужемъ Божіи лики темные! Ахъ, въ какой у насъ темнотѣ Господь-Саватоеъ схороненъ! Охъ, какъ бы мнѣ теперича дѣвичью силку, когда меня добрые мбодцы любили и золотомъ-серебромъ даривали: взяла бы я мое благословеніе родительское—золотомъ бы его всего обернула—батюшку!... Охъ, дѣтушки, тошно мнѣ! Охъ, голубушки, тѣсно мнѣ!... Ха, ха, ха! Темъ у насъ съ мужемъ въ избѣ, холодъ и голодъ. Ребята голые кричатъ и во всякой нечисти, ровно бы животинки какія, по полу ползаютъ. Свѣчки нельзя мнѣ передъ ангеломъ моимъ—Настасеей святой—затеплить,—денегъ нѣтъ... То сама я на ребятъ истрачу, то мужъ отъ злости на свое убожество пропѣтъ...

Молодыя чернички въ утѣшеніе такихъ, страстно и болѣзненно рыдавшихъ женщинъ, говорили:

— Изыди! Изыди, демоне, отъ рабы Настасей! Попробуй-ка, тронь-ка рабу еще разъ!... Д-ды он-на тиб-бя, мож-жетъ, въ тарь-тарары упечетъ... Д-ды мы тутъ тебя всего молитвами-то спалимъ, проклятаго сатану... Изыди! Изыди! Тьфу! Вотъ тебѣ что отъ насъ—отъ безгрѣшныхъ сестрицъ!...

Такихъ дѣвицъ очень много засѣдало какъ въ дьячковской, такъ и въ солдатской академіяхъ. Въ нихъ «безгрѣшныя сестрицы» приобывали къ своей будущей дѣятельности—неустанно замаливать грѣхи наивной, сельской мысли, или отгонять отъ нея искусовыхъ демоновъ, которые въ неисчислимое количество дѣтъ существованія міра никакъ не могутъ отстать отъ своихъ каверзныхъ привычекъ—соблазнять честныя человѣческія головы и наводить ихъ на дѣйствія, сообразныя скорѣе съ неугасимою свирѣпостью жупела, горящаго въ темныхъ нѣдрахъ адава царства, чѣмъ съ тихимъ и безобиднымъ теченіемъ дѣлъ разумнаго и любящаго другъ друга человѣчества.

Всѣ эти дѣвицы были одѣты въ синіе, пахнувшіе масляной краской, сарафаны и укрыты черными платками такъ плотно, что изъ-подъ нихъ блеснули только сверкавшіе, напрасно старавшейся притаяться молодостью, глаза, да чуть-чуть виднѣлись

ярко-румяныя щеки. Въ пріятномъ сосѣдствѣ съ ними сидятъ совсѣмъ уже взрослые парни, толстыя, породистыя губы которыхъ подернуты свѣтло-рыжеватымъ пухомъ — предвѣстникомъ настоящихъ молодецкихъ усовъ. Всѣ они одѣты, за нѣкоторыми незначительными измѣненіями, одинаково, почти такъ, какъ обыкновенно одѣваются молодые богатые мѣщане въ уѣздныхъ городахъ, именно: на всѣхъ на нихъ были либо ситцевыя, либо красныя кумачныя рубахи, — ситцевые же, разводитистые жилеты съ блестящими пуговицами и потомъ синіе, нанковые штаны, заправленные въ длинныя голенища «смазныхъ» сапоговъ, со «скрипомъ».

Такая одинаковость костюмовъ сельскихъ академиковъ объясняется одинаковостью нравовъ, господствующихъ въ средѣ деревенскаго богатства: соблазнительные примѣры разбогатѣвшихъ «коломенскихъ дворниковъ, зарайскихъ кабатчиковъ» и торгующихъ по селамъ мѣщанъ, которые пьютъ чай изъ собственныхъ самоваровъ, одѣвають своихъ ребятъ во все красное и синее, и потомъ отдаютъ ихъ въ *учобу* къ духовнымъ, увлекаютъ и сѣрыхъ мужиковъ. По пятидесяти и болѣе лѣтъ откладывавшіе копѣйку за копѣйкою, грошъ за грошемъ, деревенскіе дѣды, молчаливо приравнивая своихъ любимыхъ внучатъ, вѣчно расстрепанныхъ, вѣчно въ грязныхъ, посконныхъ рубахахъ, къ примасленнымъ дѣтямъ разбогатѣвшей на ихъ уже стариковскихъ глазахъ городской саранчи, начинаютъ какъ будто сердиться на что-то, начинаютъ крѣпче и любовнѣе гладить лыняныя головенки шаршавыхъ внучатъ. Ихъ молчаливыя, свышнія со всякимъ горемъ души, противъ воли стариковъ, запѣвають въ такія времена волнующую, завистливую пѣсню о томъ, что надо бы внученка-то пріодѣть, надо бы его, какъ у другихъ прочихъ людей ведется, въ науку какую-нибудь отдать, потому что же ты, старый, все ѣжишься? Или ты, старый, весь вѣкъ все будешь копить да про нечаянный *черный* день сберегать? Или ты, старичина, все, что тобой въ твой длинный, горькій вѣкъ сколочено, задумалъ унести съ собой въ темный гробъ и ничего не оставишь внученку, какой былъ только одной радостью во всю твою жизнь?

И все болѣе и болѣе недовольными нотами звучить эта пѣсня въ стариковской душѣ. Каждый звукъ ея все больнѣе и больнѣе щиплетъ омертвѣвшее стариковское сердце, — и покажется въ душѣ дѣда поется эта никому неслышная пѣсня, шаршавый и грязный внучекъ совсѣмъ уже заснулъ на его

теплыхъ волѣнхъ. Ничуть не слышитъ внуѣ, какъ сѣдой, морщинистый старикъ, продолжая гладить его молодую голову, потихоньку всхлипываетъ и отрывисто толкуетъ о томъ, что онъ и радъ бы радостью внука *прозументами браллиантовыми* всего разукрасить, радъ бы его въ самыя *господскія науки* отдать, чтобы онъ сразу могъ прочитать, какая цифирь на какой верстѣ стоитъ; да вѣдь увидятъ тогда люди, что у него — у дѣда — капиталы есть... Истерзаютъ его тогда люди: одни бѣдностью своей, другіе ованяствомъ нахальнымъ, — изорвутъ на части... Деньги выманютъ, или украдутъ, потомъ судить примутся и пустятъ со всей семьей по-міру...

Больше и больше льются стариковскія, одинокія слезы, — все меньше и меньше хватаетъ у дѣда силъ, чтобы сдержатъ рыданія, которыя готовы были разразиться громкимъ, бабьимъ крикомъ. Стыдно ему своего горя, боится онъ, что какъ бы кто-нибудь изъ домашнихъ или постороннихъ людей не подсмотрѣлъ его, не подслушалъ; а мальчишку между тѣмъ ужъ и разбудили рыданія дѣда, всегда спокойнаго и серьезнаго. Онъ смотритъ свѣтлыми, но недоумѣвающими глазами на несчастье дѣда, въ первый разъ имъ подкарауленное и храбро лепечетъ любимому человѣку:

— Ты, дѣдушка, никого не бойся! Ты меня деньги твои караулить заставь! Н-ниб-бойсь! Только подойди кто-нибудь, я такъ вѣплюсь... Я онамедни, — рассказываетъ дитя о своихъ сторожевыхъ способностяхъ, — такъ въ Мишатѣу цѣловальникова зубами вѣпился, — бѣд-да! Меня цѣловальничиха стала за это сначала палкой бить по спинѣ и по ногамъ, и потомъ ужъ копѣйку дать обѣщала на гостинцы, чтобы я Мишатѣу кусать пересталъ; а я все-жъ ему кровь пустил и убѣгъ!... Потому онъ самъ — Мишатка-то — не дерись!... Ишь какой драчунъ!... Охъ, дѣдушка! Отнеси меня въ сани на солому, — закончилъ ребенокъ свой рассказъ про свое ребячье столкновение съ цѣловальниковымъ Мишаткой, — мнѣ спать хочется...

Свѣозъ даже непроглядную тьму глухой ночи, при которой безсонный дѣдъ разговаривалъ съ внукомъ, можно было видѣть, какъ, при послѣднихъ словахъ ребенка, по лицу старика разлилась широкая улыбка, обнажившая его красныя, давно лишенные зубовъ, десна. Не сгоняя съ своего изможденнаго лица эту улыбку, старикъ лѣвой рукой прижималъ ребенка къ своей груди, а правой молился на стоявшую предъ нимъ церковь, вставляя въ молитву множество житейскихъ, ропотливыхъ и жалующихся словъ:

— Ангеле мой, хранителю святый! Что же въ самъ-дѣлѣ,

аль у насъ нѣтъ?... Спаси, прикрой, успокой! Доволь же это мы будемъ людей-то пужаться? Н-нѣ-ѣтъ—будеть,—хоша при смерти-то возьмемъ на себя бодрова духу!... Столпъ и храненье земли, — древо благосѣбнолиственное! Спи, спи, родной! Объ Троицѣ рубаху тебѣ красную куплю, какъ у Мишки, праздничную... Святители московскіе чудотворцы, молитесь Бога о насъ! Н-нѣ-ѣтъ! Мы имъ носы-то утремъ — торговцамъ-то этимъ! Я вотъ восемьдесятъ годовъ гляжу, какъ они на нашей мужицкой шеѣ сидятъ... Налетятъ къ намъ саранчей прожористой — и посяживаешь себѣ день деньской, сложа ручки на животѣ, а все пуще нашего брата—батрака—сытъ... Святая великомученица Варвара!... Завтра я тебя самъ отведу къ мастеру, въ *учобу*; а тамъ молебень отслужимъ Науму святому, съ водосвятицемъ... Такъ-то вотъ! А тамъ мы еще поглядимъ, кто угоднику покрѣпче свѣчу-то выставить: кабатчикъ, аль мы?... Я такую только... Завтра же, по грѣхамъ моимъ, водки выпью съ Васюткинымъ мастеромъ. Понесу ему въ подарокъ водки полуштофъ съ вренделями—и самъ съ нимъ, по малости, чикну... Да право! Чего мнѣ людей-то стыдиться,—слава Богу: не маленький! Опять-же—у меня внукъ растеть—надежда! Ишь звѣрь бѣлоголовый какой! Онъ ужъ и въ теперешніе, малолѣтние года всему у дѣдушки научился: молитвы читать, за пчелкой Господней смотрѣть... Ужъ онъ и теперь пристально разбираетъ, къ какому она матушка-пчелка Божія ведетъ къ меду косымъ крыломъ, къ какому прямому, когда ей, родимой, питья хочется и когда спокою... Молодчикъ! Дай-ка вотъ уборовъ-то я тебѣ накуплю,—погоди!... Ну прощайте, добрые люди, — спать мы съ внукомъ идемъ! раскланивался дѣдъ на всѣ четыре стороны предъ опустѣвшей улицей, вся жизнь которой ограничивалась только одними мѣсячными лучами, бродившими по ея мягкой, дорожной пыли, въ видѣ какихъ-то, какъ-бы глубоко-усталыхъ и печальныхъ тѣней...

За недѣлю, или болѣе, до прихода Троицына дня, съ его зелеными вѣтвями, съ яркимъ солнцемъ, съ ароматно-пахнущею травою, старый дѣдъ, потихоньку отъ домашнихъ покопавшись въ какомъ-то темномъ углу своего двора, въ которомъ и стоялъ-то только одинъ гнилой остовъ безколесной телѣги, весь запачканный ночевавшими на немъ курами, собрался, на диво своихъ многочисленныхъ чадъ и домочадцевъ, въ городъ.

— Телѣгу мнѣ праздничную снаряди, — приказывалъ старикъ младшему сыну, который самъ былъ охотникъ прокатиться въ праздничной телѣгѣ, стоя въ ней и пуская вскачь застоявшуюся на кормѣ хорошую лошадь. Въ корень пусти гнѣдова

жеребчика, въ пристяжку кобылку соловенькую, — парой поѣду. Навяжи погромочковъ, позвончѣ какихъ, да побольше...

— Да ты никакъ, батюшка, въ городъ-то ѣдешь головушку дочь за себя за вдова сватать? смѣялись надъ старикомъ молодмя снохи.

— А хошь бы и головушку дочь за себя засватали, — отвѣчалъ дѣдъ смѣху снохъ своей рѣдко показывающейся въ избѣ улыбкой. Небойсь, ежели въ намъ и головиха войдетъ въ домъ, не замарается... У насъ, слава Богу, есть!... Чаю ей не добудемъ, что-ли?...

И вслѣдствіе стариковской поѣздки въ городъ, въ свѣтлый Троицынъ день, любимый внукъ его бѣгалъ по сельскимъ улицамъ въ розовой, шуршащей рубахѣ, подпоясанный шелковымъ гайтаномъ съ махрами изъ разноцвѣтнаго сырца, въ широкихъ, синихъ штанишкахъ и въ сапогахъ, выстроченныхъ по краямъ голенищъ узорною строчкой, — деготь такъ и лоснился на тѣхъ сапогахъ.

Блаженная счастьемъ, разодрѣтаго такимъ блестящимъ манеромъ сынишки, мать знаменательно толковала съ своими подругами, какъ бы осуждая ненужную роскошь свѣкра:

— Что, старый, придумалъ на старости лѣтъ? Ужъ куда намъ — мужикамъ сѣрымъ — въ красномъ ходить.

— Почто не ходить? — отвѣчали подруги, видимо пораженные громадностью капиталовъ, посредствомъ которыхъ старикъ могъ осуществить свои затѣи насчетъ внука. Ежели вамъ въ красномъ не ходить, золотая, такъ кому же въ ѣмъ и ходить? Небойсь у старичка-то вашего, у почтеннаго, въ волю всего припасено...

Дворники, цѣловальники, торгаши-мѣщане, глядя на разубраннаго и размасленнаго Васютку, тихо между собою толковали:

— Эге! Гляди-вось, гляди! Штуку-то какую отмочилъ старичокъ-то нашъ, сусѣдъ-то почтенный! А я, признаться, не ждалъ отъ него капиталовъ. Полагалъ я, что онъ молчаньемъ своимъ фальшивитъ все: пушай, молъ, люди думаютъ, что у насъ *залежъ* есть, а мы тѣмъ временемъ такъ будемъ поровить, чтобы, т.-е. въ долгъ заграбастать побольше... А оно вотъ куда дѣло-то поѣхало!

— Да, братъ, загуляло дѣло! Онъ, другъ, восемьдесятъ годовъ колотилъ... Того гляди теперича, старый шутъ, лавку откроетъ, — дегтемъ примется торговать, масломъ коровьимъ, сбруей лошадей, лаптями, — какъ есть безъ куса хлѣба нашего брата — бѣднаго человѣка — оставить. Они вѣдь эти старье дьяволы-то хитры. Молчитъ-молчитъ весь вѣкъ, да какъ ляпнетъ вдругъ съ большого-то ума, ну и иди съ сумой!...

— Да! Надо полагать, что онъ подведетъ подъ насъ что-нибудь! огорченно шептали другіе голоса. Ужъ онъ намъ теперича, идолъ, пропишетъ! Ужъ пропишетъ...

— А то какже? Не пропишу, чтоли? Рази у насъ нѣту, что ли? Пора ужъ намъ съ вами въ разговоръ вступить! отгадывая сосѣдскія рѣчи, думаетъ самъ съ собою старикъ, сидя въ овчинномъ тулупѣ на жгучемъ, полуденномъ солнцекѣ, около своего дома.—Васютка! кричитъ онъ затѣмъ своему внуку, шумно объѣзжавшему верхомъ на дѣдовскомъ посохѣ праздничныя сельскія улицы. Поди-ка сюда! На-ка вотъ: дай Мишатѣ цѣловальникову городского гостинцу... Скажи: дѣдушка, молю, изъ города такихъ гостинцевъ Богъ знаетъ сколько привезъ. У насъ ихъ теперь, скажи, вся семья хрупасть сколько угодно... Запрету, молю, отъ дѣдушки, нѣтъ... Сколько въ кого влѣзетъ,—кушай!... А гостинцы, скажи, дорогие!...

Внукъ убѣгалъ дѣлиться дорогими гостинцами съ пріятелемъ Мишаткой, а дѣдъ, прикрывая плотнѣе овчиннымъ тулупомъ свои трудовыя, исхудалыя плечи, шепталъ:

— Ужъ очень меня на моемъ вѣку пробирали торгаши-то эти! Дай-ка и я имъ хоть одну загвоздочку махонькую запущу...

Цѣловальникъ, въ свою очередь, уже громко оралъ на своего Мишатку, который прибѣжалъ-было къ нему похвастаться дорогими гостинцами, полученными отъ пріятеля:—что ты, дурачина, аль ополуумѣлъ? Всякую северность отъ мужичьихъ ребятъ въ свои руки берешь! Рази тебѣ татенька твой не покупаетъ гостинцевъ? Поди — скажи матери, чтобы она надѣла на тебя шелковую рубаху, сапоги бы дала сафьянные, красные, гостинцевъ чтобы полный подолъ наклала, самыхъ сладкихъ, съ билетиками печатными... Пущай чтобы билетики по-французскому написаны были... Нехай старый чортъ къ попу идетъ тѣ билетики разбирать... Посмотримъ, какъ они ихъ разберутъ! Я и самъ-то съ ими еле-еле смогаюсь, даромъ что по всей Расеи прошелъ... А?... Ахъ, старый шутъ! Ишь ты какія комедіи подпускаетъ... Н-нѣтъ, — утрись! Увидимъ еще по-времени, кто кому здоровѣе ходу задастъ...

— Варвара! также громко, какъ цѣловальникъ, кричалъ дѣдъ своей снохѣ — Васюткиной матери. Аль не видишь, дура, — говорилъ онъ Варварѣ, вставшею передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Аль не слышишь, что цѣловальникъ-то говорить: велитъ женѣ Мишатку обрядить въ другую рубаху, въ шелковую... Ты-то что-же глядишь? Доставай и ты Васюткѣ шелковую рубаху, съ разводами, самую лучшую,—сапоги красные, сафьяновые... Гостинцевъ ему въ подолъ послаще насыпь... Ай я имъ

уступлю? Да я въ гробъ пойду, а не уступлю... Будетъ имъ уступать-то, — шабашъ! А ты, должно, свекра-то слушаться перестала, — чего стоишь? Ты, должно, свекра-то, на старости его лѣтъ, на все село осрамить собираешься?... Охъ! Доберусь я до васъ—до неслуховъ!... Держитесь вы у меня въ тѣ вре-мена!...

Грозно отдастъ снохѣ это приказаніе сѣдой дѣдъ. Тулупъ онъ въ эту минуту съ плечъ долой сбросилъ и толстой палкой объ землю застучалъ. Едва-едва удерживая предъ этой грозой смѣхъ, послушно отходить отъ него молодая сноха и выбирая изъ сундука драгоценныя Васюткины уборы, довольно и счастливо повторяетъ свою прежнюю фразу:

— Ишь, старый, что на старости лѣтъ выдумалъ? А мы думали, что онъ у насъ тугой на деньгу. Анъ онъ вонъ какой чливый! Своихъ въ обиду не дастъ, значить... Иди же, Васютка, надѣвай другую рубашу, — дѣдъ велѣлъ!... Да—поди-ка, чертенышъ, подь рукомойникъ, — я тебѣ морду-то вымою, — въ сладкомъ у тебя морда-то вса!...

Потомъ старикъ, все дальше и дальше идя по размычивому пути неуступокъ, сосваталъ свою внучку—Васюткину сестру—замужъ за писмоводителя становаго пристава,—и передъ этимъ событіемъ онъ еще разъ ѣздилъ въ городъ, гдѣ, по его собственному выраженію, накупилъ *всево*, что требуется хорошимъ господамъ. Полезность и надобность въ господскомъ хозяйствѣ многихъ вещей, накупленныхъ дѣдомъ въ городѣ, не могли быть опредѣлены не только имъ, но даже и самимъ писмоводителемъ, при всей его житейской опытности и пониманіи, какъ и что къ чему дѣлается у именитыхъ людей. Онъ, писмоводитель этотъ, пересталъ даже франтить передъ своей невѣстой облѣзлю, енотовою шубой, которую онъ не снималъ и въ жарко-нагрѣтой избѣ, а только что ахалъ надъ вещами, навезенными дѣдомъ, цѣловалъ у него худыя, подернутыя сине-багровыми жилами, руки и восклицалъ:

— Ахъ, дѣденька! Какъ это вамъ Господь помогъ этакую кучу *всево* оборудовать? Да мы онамедни имѣннице тутъ одно описывали съ г. становымъ у помѣщицы у одной — у вдовы. На что рѣсочна дама, а и у нихъ такое имѣніе на иманины только, да въ престольный праздникъ подается къ столу на поглядѣнье гостямъ. Гдѣ вы, дѣденька, такія посудины отрыли? Ахъ! Сколько у васъ ума!... Пожалуйте ручку, дѣдушка, — вмѣстѣ Господу-Богу съ вами помолиться дозвольте за ихнее неоставленье...

Но не особенно поддавался дѣдъ ласкамъ челоуѣка въ ено-

товой обѣзлой шубѣ и при часахъ изъ «новаго золота», которое въ старину называлось просто — мѣдью. Онъ отстранялъ свои руки отъ поцѣлуевъ приказнаго и, сидя въ переднемъ углу «подъ богами», протяжно толковалъ ему:

— Да ты не безпокойся! Не горюй! У насъ толи еще будетъ?... Живи только честь — честию, — люби жену, да насъ стариковъ почитай! Тогда мы, поглядѣвши на ваше съ молодою хозяйкой житье, сколькое время удосузиться можемъ, внучку тебѣ нашу — мужичку — такъ соберемъ, хошь бы любой баринѣ въ пору... А то какже? Рази у насъ нѣтъ, что ли?

— Какъ не быть, дѣденька? таялъ привазный. У васъ-то?.. Господи!..

— Сказано: сберу внучку за барина, — и толковать нечего! Вотъ ужъ поѣду въ городъ, — органъ изъ трактира куплю, чтобъ была музыка у моихъ внучатъ, какъ у господъ, — ей-богу! А ну, баринъ, покажи намъ свое послушанье, т.-е. что ты не гнушаешься моей мужичкой семьей, — ласково смѣялся дѣдъ, — поднеси винца дѣдушкѣ...

— Да мы, дѣденька, съ большимъ удовольствіемъ нетокома что винца поднесемъ вамъ, а и въ ножки поклонимся, не за деньги, дѣдушка, а за вашу, судырь, милость, потому я сирота, сударь-дѣдушка, и горе великое знаю, не глядите на младость моихъ лѣтъ... Прозналъ я этого горюшка очень довольно... Прикажете дѣдушка и вы, милые сроднички, виномъ-хересомъ васъ подчивать — изъ города мнѣ купецъ Блохиновъ двѣ бутылочки на свадьбу въ подарокъ далъ, ради моего сиротства...

— Ахъ, какъ уменъ писарекъ! Ахъ, сколько въ немъ, при его сиротствѣ, ума сидитъ! тихо шептали другъ другу пирующіе. Выбралъ, старый, зятка себѣ въ сласть! А мы ужъ про него думали, что онъ совсѣмъ ослѣпъ... А онъ вотъ какъ: подавай, говорить, намъ съ внукою барина...

— Прикажете же, дѣдушка, — умолялъ женихъ, — винцо мое въ рюмки — ваше подареннице — разливать и васъ съ гостями дорогими подчивать. А я, никакъ вы въ себѣ сумнѣніе противъ меня имѣете въ своемъ сердцѣ насчетъ моей гордости, я даже напротивъ того съ супругой вообще въ ножки къ вамъ. Ну-ка, Машенька милая, — обращается «молодой» къ невѣстѣ, — налейте-ка дѣденькѣ рюмочку, а я поднесу, да потомъ ужъ и въ ножки имъ, потому, милая, дѣдушка наши стары.. Намъ ихъ во всякій часъ уважать нужно...

— Вотъ за это ты молодецъ! серьезно говорилъ старикъ, принимая рюмку съ виномъ-хересомъ изъ рукъ внука, при всеобщемъ почтительномъ молчаніи гостей. За это я тебя люблю,

что ты чиномъ своимъ передъ нами — прочими мужиками — не гордишься... Подите-ка ко мнѣ, внучата мои золотые, я васъ поцѣлую! Охъ! Отъ радости моей и отъ вина, кажись, я совсѣмъ съ ума шель?.. Кажись, я деньгами своими потѣшаюсь надъ вами?.. Э, да ужъ и горя же у меня было, братцы мои, — простите, Христа ради, коли дѣдъ ежели въ чемъ забуянилъ передъ вами...

И молодые, лежавшіе въ ногахъ у старика, и самъ старикъ, совершенно довольные и счастливые другъ другомъ, заливались горячими слезами; а цѣловальники, дворники и различные торгаша, смотря на эту сцену въ освѣщенное окно, завистливо толковали:

— Вотъ демонъ-то, — истинно! Не думено, не гадино! И на свадьбу не позвалъ, — а?.. Ты глади ломается-то какъ! Весь словно на пружинахъ!..

Старикъ, по своей восьмидесятилѣтней житейской опытности, если и не слышалъ этихъ законныхъ рѣчей, такъ зналъ, что непремѣнно онѣ будутъ на разные манеры растолковываться, — и потому, положивши руку за пазуху, онъ заговорилъ въ отвѣтъ имъ:

— Ну-ка, внучекъ! Поднеси-ка дѣду вторительную! Встань съ колѣнокъ, и не плачься на свое сиротство, — я теперь тебя въ обиду не дамъ. Недаромъ я тебя въ зятя себѣ взялъ. Я на тебя три года глядѣлъ, каждый твой шагъ зналъ — и вижу: предъ начальникомъ твоимъ становымъ Господь тебя умомъ не обидѣлъ... Подноси! не гордись передъ дѣдомъ! Я семнадцать годовъ вина-то не пилъ; а иную пору страсть какъ хотѣлось!.. Сказалъ: не буду пить, — и не пилъ! Такъ-то! Ну, а теперь вотъ выпилъ — и, за твое послушанье, жертвую вамъ съ молодой женой на раззаводъ сто золотыхъ!.. Это покажѣсть, а тамъ видно будетъ: не умремъ, такъ увидимъ...

— Дѣдушка! плакалъ письмоводитель. Да я теперь съ вашимъ капиталомъ... Да я съ нимъ, можетъ, по сиротству моему горькому, проскочу не то что въ становые... Вел-ликая важность! Супруга! Машенька! Цѣлуй дѣдушку въ правую щечку... По-господски! Повыше того махнемъ, дѣдушка, — околѣть мнѣ на мѣстѣ! Увидите, какъ, съ вашею помощью, въ губернію съ женой закатимся...

Словно высѣченный изъ гранита древнимъ міромъ богъ, сидѣлъ волосастый, сѣдой старикъ подъ образами и величаво говорилъ:

— Увидимъ! Поглядимъ! Дай-то Богъ! Только отчего же это, зятекъ, на моемъ пиру станового съ женой и съ ихними

дѣтками нѣтъ?.. Обѣщались, кажись?.. Намъ вѣдь все равно, а все же, будто бы, почестнѣе было бы... Конечно, мы и безъ нихъ обойдемся...

— Да они сейчасъ будутъ! взмолился письмоводитель. Господи! Дѣденька! Да вѣдь они такъ и сказали, и самъ и барыня: сейчасъ, говорятъ, мы прибудемъ къ нимъ... Къ старичку, т.-е. божьему... Ахъ, дѣдушка! Какъ они оба васъ любятъ, такъ это даже, ей-богу-съ!..

Старикъ, слушая это, улыбался въ густую сѣдую бороду, а цѣловальникъ, наблюдавшій въ окна чужой пиръ, говорилъ своимъ друзьямъ:

— Нѣтъ! Этотъ старикъ, знаю я теперь, не послѣднюю сотню золотыхъ зятю сичасъ выложилъ, а можетъ первую только еще... Слышали? Самъ становой посаженнымъ отцомъ будетъ... Теперь они безпремѣнно лавку откроютъ, а тамъ дальше и больше пойдутъ властвовать... Надо кому-нибудь сдать мнѣ свой кабачишка, — въ другое мѣсто нужно идти, — тутъ они теперь сѣдятъ вдосталь, мужланы проклятые!.. Такъ-таки и задущать своимъ капиталомъ безъ всякой пощады, особенно, ежели этому старому псу Богъ вѣку пошлетъ лѣтъ на пятокъ... Смерть!..

Вслѣдствіе описанныхъ сейчасъ дѣдовскихъ побужденій, сельская трудовая жизнь, послѣ смерти такихъ стариковъ, начинается измѣнять свои патріархальные нравы. Приближаясь все больше и больше къ городскимъ торговымъ типамъ, она, на свою собственную, убыточную бѣду, снимаетъ съ себя домашнюю, льняную рубаху и разукрашивается алжирскими и вонючими матеріями отечественныхъ мануфактуристовъ. Брезгая и фыркая на грязные, тунейдые нравы уѣздного и губернскаго купечества, съ которымъ сводить ее торговые отношенія, сельская жизнь въ то же время глубоко и злостно относится къ той своей несостоятельности, которая неминуемо проявляется въ ней во время интимныхъ сношеній съ купцами, послѣ дѣла.

Уѣздный купецъ, далеко опередившій мужика на поприщѣ трактирнаго и базарнаго яръничества, которое въ большинствѣ случаевъ у насъ называется коммерціею, обыкновенно смѣется надъ нимъ, незнающимъ никакого толку въ «купонахъ, акціяхъ и облигаціяхъ», къ которымъ впрочемъ и собственное пониманіе купца относится точно также, какъ къ той, измышленной русскою умственностью, безднѣ, въ которой, будто бы, даже сами дьяволы ноги себѣ обламываютъ...

Смѣется купецъ надъ мужикомъ даже и тогда, когда угощаетъ его въ грязной харчевнѣ чаемъ. Наливая въ чашки этотъ всероссійскій папитокъ, купецъ говоритъ мужику:

— Вотъ и такого простого дѣла ты не умѣешь сдѣлать! Что-жь ты послѣ этого за человѣкъ есть? Вотъ я теперь при-служивать тебѣ долженъ, купечество мое подъ пятаку запряталъ. А какая отъ вашего брата за это благодарность? Каждую ко-пѣйку ты у меня отжиливаешь, объ каждомъ грошѣ ты предо мною скулишь, ровно собака какая облѣзлая, которая во всю жизнь свою куска хлѣба не видывала. Глядѣть мнѣ на такое твое скаредство тошно, а еще богатый мужикъ. Да я вотъ по-меньше тебя, можетъ, капиталовъ имѣю, а для друга мнѣ ни-чего не жалъ: хочешь—угощу тебя сейчасъ французскимъ виномъ, хочешь — нѣмецкимъ? Гришутка! обращается купецъ къ поло-вому. Принеси-ка намъ съ дядей бутылку рому ямайскаго, да поздоровѣ! Съ игрою нельзя ли, Гришутка, какъ у шенпан-скаго! Ха, ха, ха!

— А какъ, братъ, жена твоя онамедни меня одолжила, когда съ крестникомъ къ намъ приѣзжала, — хохочетъ купецъ все больше и больше,—просто бѣда! Понимаешь: обѣдъ у насъ—у купцовъ, особливо ежели при гостяхъ, длинный бываетъ: часа полтора, а то и два. Гляжу: тутъ вотъ это, какъ ты теперича сидишь, протопопъ съ супругой сидѣлъ, полѣвѣе — головина сестра съ мужемъ, съ купцомъ, — дюже онъ у насъ теперь ов-сомъ занялся, — вотъ ты бы ему посходнѣе возикъ-другой при-везъ; а на другомъ концѣ находилась моя супруга съ твоей благовѣрной. Что же? Я, братъ, не гнушаюсь!.. Иной бы ее въ куфнѣ накормилъ; ну а мы не такіе: у насъ—милости про-симъ за одинъ столъ съ собой!.. Толкуемъ мы такъ-то, то про писаніе, то про свои житейскія дѣла,—глядь: твоя жена и шеп-четъ моею: пусти, — говорить, — меня; я лошадь свою пойду попою, да корму задамъ ей. Чай—издрогла, на морозѣ стоимъ, сердешная? Мы такъ всѣ и грохнули!.. Батюшка вынули пла-точекъ и потихонечку этакъ: хи, хи, хи! Ну а мы, другъ, не взыщи: такъ-таки и лопнули со смѣху, — не стерпѣли, потому мы люди мірскіе...

Видитъ мужикъ, что его, какъ малаго ребенка, хаютъ и об-манываютъ въ непривычномъ ему торговомъ мірѣ,—видитъ онъ, что въ той грязной колеѣ, въ которую онъ заѣхалъ, благодаря дѣдову желанію—«неуступать никому», неминуемо должны увяз-нуть грузныя колеса его телѣги—и все-таки никакъ не можетъ выѣхать изъ тины, засасывающей его въ свое непроходимое, покрытое гнилою, зеленою плесенью, болото. Озабоченный, при своей безграмотности, необходимою уяснить себѣ волшебное значеніе купона, неожиданнаго паденія хлѣбныхъ цѣнъ, пони-женія и повышенія тарифа на желѣзкахъ, гдѣ въ одно время

еруть съ него за отправку въ городъ бочки съ творогомъ сем-адцать и три четверти копѣекъ, а въ другое, за ту же бочку съ ѣмъ же товаромъ взимають уже девяносто три копѣйки съ етвертью, онъ наконецъ ощущаетъ въ головѣ своей мучитель-ую ломоту и окончательно бросаетъ возжи, предоставляя своей елѣгѣ полную возможность останавливаться на любомъ базарѣ ередь любой харчевней, лишь бы оттуда слышались безалабер-не звуки деревенскихъ оркестровъ и пьяные, крикливые раз-оворы орущего отъ бездѣлья торгового люда.

Магнетическая сила «могарыча», властительно царящаго въ юпѣчной сельской торговлѣ, подтягиваетъ къ себѣ мужика все ѣмже и ближе. Онъ уже не можетъ, какъ въ былые годы ис-лючительнаго ухаживанія за матерью-землей, встать съ ранними птухами для хлопотъ о насущномъ хлѣбѣ безъ того, чтобы не опохмѣлить восушкою свою голову, въ дѣйствительности глубоко-утружденную городскими столкновеніями. Десять молодыхъ ра-бочихъ рукъ, въ виду болѣзни кормильца и поильца дома, сует-ливо заняты теперь постановкой самовара, бѣганьемъ въ за-пуски въ кабакъ съ звонкими посудинами и, наконецъ, вовсе даже несвойственными сельской жизни аптекарскими ухищреніями — составить изъ набранной прошлымъ лѣтомъ въ лѣсу клюквы и брусники что-нибудь такое кислое, которое бы сразу освѣжило отцовскую голову отъ дурмана, запущеннаго въ нее городскими харчевнями.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ мужицкая семья мѣ-няетъ свои крѣпкіе, сельскіе нравы на изнѣженные нравы го-рожанъ и, вмѣстѣ съ этою перемѣной, непримѣтно таетъ и де-ревенское хозяйство, собираемое цѣлыми десятками лѣтъ. Въ такой семьѣ начинается примѣчаться нѣчто такое, чего нельзя увидеть ни въ одномъ мужицкомъ семействѣ, оставшемся вѣр-нымъ дѣдовскимъ привычкамъ, т.-е. труду, умѣренности, строгому порядку въ жизни и т. д. То изъ таковаго дома, прельстившись политичнымъ обхожденіемъ браваго унтера-постояльца, убѣжить красная дѣвица и, осрамленная, черезъ недѣлю вернется назадъ, то отъ любимаго взрослого сына никому изъ домашнихъ покою нѣтъ. Никто не можетъ упрятать отъ него трудовой копѣйки безъ того, чтобы онъ не ухитрился своровать этой копѣйки. Молодую страпу ежели въ подмогу своимъ бабамъ наймутъ, такъ ей отъ него, ни на дворѣ, ни на огородѣ, проходу нѣтъ. Своровать ежели ему ничего подъ руку не попадается, такъ онъ у лошадей овесъ выгребетъ и въ кабакъ пропьетъ съ та-кими же, какъ самъ, головорѣзами. Каждый день въ домѣ отъ жалобъ на него шумъ и суетня идутъ: то онъ ворота вымажетъ

дѣтемъ у сосѣда, то собакъ ночью изъ ружья перебьетъ, то капусту на грядкахъ вверхъ тормашками пересадить. За все семья отвѣчай, за все деньги плати; а онъ только себѣ посмѣивается да росписную трубочку съ дунаевскимъ вавштафомъ покуриваетъ.

Наконецъ, самъ отецъ семейства, запутываясь все больше и больше въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ, начинаетъ заливаться сильнѣе и сильнѣе. Различныя неудачи тревожатъ его все больше и больше: цѣлыя недѣли бурлитъ онъ и мутитъ семейный покой въ пьяномъ образѣ; а ночью спать никому не даетъ, напуганный представленіями разныхъ «судовъ, сроковъ, убытковъ, неустоекъ» и прочихъ торговыхъ ужасовъ.

Тщетно измученная жена возить его по разнымъ лѣкаркамъ и колдунамъ, тщетно палить она въ горниці предъ иконами неугасающія ни днемъ, ни ночью лампы, — старикъ дѣлается все безпокойнѣе и угрюмѣе: безобразіе и ужасъ представляющихся ему видѣній дошли до такой сильной степени, что окончательно убѣдили старика въ томъ, что нѣтъ уже теперь спасенья грѣшной душѣ его... И вотъ, желая по возможности смягчить царящее надъ домомъ горе, хозяйинъ и хозяйка намѣчаютъ въ своей избѣ какую-нибудь дѣвочку, одѣваютъ ее во все черное и приучаютъ ее съ молодыхъ дней не пропускать ни одной заутрени, — благовѣстятъ ли къ этой заутрени въ сладко-манящую ко сну лѣтнюю зорю, или въ бурную зимнюю ночь, съ воющимъ вѣтромъ и трескучимъ морозомъ...

Трудно сказать, насколько эти молодые жертвы облегчаютъ страдающія стариковскія души, хотя всѣмъ сельскимъ и уѣздно-торговымъ міромъ изстари признано, что, ежели ребенка съ дѣтства отрѣшить отъ всѣхъ жизненныхъ радостей и обречь его на вѣчную молитву въ уединеніи и постѣ, тогда разгнѣванный людскими неправдами Богъ смягчаетъ свой справедливый гнѣвъ и умиляется надъ людьми, принесшими такіа жертвы...

Такіе-то дома и по такимъ-то именно побужденіямъ и отдаютъ своихъ дѣвочекъ въ школы къ дячкамъ и солдатамъ, съ просьбами объ украшеніи ихъ юныхъ душъ разными спасительными добродѣтелями. Точно такіа же семьи породили и этихъ здоровыхъ молодцовъ, съ усами, въ красныхъ рубахахъ и ситцевыхъ жилетахъ, засѣдающихъ, вмѣстѣ съ другими малолѣтними учениками, въ дячковой избѣ.

Вольница эта, опротивѣвшая всѣмъ своимъ домашнимъ до послѣдней возможности, наконецъ изгоняется палками изъ-подъ

отчаго крова къ дьячку, котораго со слезами и съ гостинцами умоляетъ не жалѣть для парня хорошаго дубья.

— Обтеши ты намъ его хоть къ свадьбѣ-то, Христа ради, Григорій Петровичъ! умаливаютъ мастера родные шеольника, притащивши его чуть ли не въ веревкахъ. Вѣрь Богу: совсѣмъ парень отъ рукъ отбился! Въ кого только зародилась скотина такая угорѣлая? Промуштруй его эту зимку покрѣпче, а мы тѣмъ временемъ невѣсту ему будемъ выглядывать... Ничего, вѣрно, съ нимъ иначе не подѣлаешь, окромѣ какъ женить...

— Что же, это дѣло доброе! соглашался дьячокъ. Да я вамъ его къ свадьбѣ-то любо-два отшлифую... Вы у меня его и не узнаете за зиму-то! Вонъ у меня усмиритель-то на стѣнѣ виситъ, — родитель-покойникъ меня имъ еще въ старину благословлялъ, — рекомендовалъ учитель своимъ гостямъ здоровую нагайку, красовавшуюся на гвоздѣ. — Ну, женишокъ, милости просимъ за столъ, за книжку. Небойсь съ гулянками-то со своими и читать-то, поди, разучился? Ну, авось куманекъ-то вотъ этотъ трехвостный вложить въ тебя настоящее пониманіе... Шагу у меня изъ избы безъ моего спроса сдѣлать не смѣй! Поди теперь, на манеръ становаго, ужъ и трубочку попыхивать выучился? Вамъ при вашихъ достаткахъ безъ трубочки, да безъ водочки, невозможно? Боже избави, — увижу!..

Смирно сидятъ избалованные въ распущенномъ отцовскомъ домѣ сорванцы, подъ «добрымъ» вліяніемъ ременнаго усмирителя. Не имѣя возможности не подчиняться этому усмирителю, они, благодаря его внушеніямъ, живо припоминаютъ забытую-было, во время домашняго баловства, грамоту и «письменную часть».

Стоянь стоитъ въ дьячковой избѣ отъ множества дѣтскихъ голосовъ, громогласно затверживающихъ разныя разности. Съ этими голосами сливаются тонкіе, какъ бы поющіе голоса черничекъ и протяжные баски кандидатовъ въ женихи. Въ то время, какъ чернички распѣваютъ какое-нибудь «житіе», или «прохождение грѣшной души по двѣнадцати мытарствамъ», усатые молодцы пристально вазубриваютъ стишокъ, сочиненный дьячкомъ для смагченія ихъ непосѣдныхъ натуръ. Стишокъ этотъ говорилъ:

«Аще кто хочетъ много знать,
Тому подобаетъ мало спать,
По утру рано вставать,
Бога въ помощь призывать».

Любо дьячку въ этой гулко-жужжащей сферѣ, дружный шумъ которой, заглушая собою ревъ зимней бури, баюкаетъ и усыпляетъ его. По временамъ просыпаясь, онъ весело покрикиваетъ на свою команду:

— Но! Но! Что призамолкли? Поваливай съ Богомъ! Нечего мяться-то! Вонъ онъ вѣдь дружожъ-то... На стѣнѣ висить!..

Что-то веселое царило въ дѣячковой избѣ вслѣдствіе этихъ голосовъ, — уютность и тепло наполняли ее, какъ говорится, вровень съ краями. И такимъ образомъ, безмятежно и непримѣтно проходила зима, засыпая снѣгомъ сельскія кровли и улицы, а головы ребятъ неувадаемыми цвѣтами наукъ. Изрѣдка только эта тихая безмятежность нарушалась приходомъ къ дѣячку какого-нибудь старика или старухи — родственниковъ одной изъ обучающихся у него молодыхъ черничекъ. Между мастеромъ и пришедшимъ лицомъ начинался тогда таинственный шопотъ, во время котораго они покачивали головами и подозрительно поглядывали на какого-нибудь восемнадцатилѣтняго Костюшку Бѣлова. Усатый Бѣловъ, чувствуя, какою бошкой и чье мясо съѣдено, конфузливо пряталъ отъ этихъ взглядовъ свое толстое, покраснѣвшее лицо въ книгу, или тетрадь...

— Ты что же это, меринъ? наступалъ учитель на молодца, прерывая его усиленные ученыя занятія звонкимъ шлепкомъ умирителемъ по широкой спинѣ. Ты что же это задумалъ съ большова ума: къ дѣвицамъ святымъ приставать?

— Я, дяденька, умереть на мѣстѣ, ничего!.. Т.-е. ей-богу, я Матрену не трогалъ, — ѣжился подъ ударами нагайки выведенный на свѣжую воду паренъ. Онѣ меня сами — чернохвостки-то эти все разсмѣиваютъ...

— Я вотъ тебя разсмѣю! Я т-тебя! Ну-ка вотъ, хорошо я разсмѣиваю?.. Что: горячо?

— Прибавь, прибавь ему пожарче, Петровичъ, — кричали жалобщики. Всыпь погуще! Что это за паренъ за такой! Никакого ему уйму нѣтъ! Эхъ! Забылъ я свой кнутинка съ собой захватить, — онъ у меня этакой ладный — съ вольцами мѣдными...

— Нич-чего! Я его и этимъ ублаготворю всласть... До новыхъ вѣнниковъ будетъ помнить и отчихиваться...

Эти ременные внушенія производили на остальныхъ ребятъ сильное и продолжительное впечатлѣніе. Послѣ экзекуціи, они долгое время не отрывали своихъ испуганныхъ фізіономій отъ букварей, замѣчательно-звучно выерикивая пропечатанныя въ нихъ вещи, спасающія слабый родъ человѣческій отъ пагубныхъ заблужденій, а слѣдовательно и отъ расправы посредствомъ ременнаго кнута.

— Что: съѣлъ? насмѣшливымъ шопотомъ говорила Бѣлову молодая черничка — главная виновница сцены, взмутившей безмятежность дѣячковой школы. Теперь ты только затронь меня, — такъ не то еще будетъ... Не такъ ужъ тогда обожгутъ...

— Погоди! Погоди! злобно отвѣчалъ ей обиженный парень. Ужо попадешься мнѣ гдѣ-нибудь въ тихомъ мѣстѣ... Я тебя доѣду, абеда! Вотъ подожди—дай лѣту придти,—я тебя тогда въ любимъ мѣстѣ прижучу...

IV.

Чѣмъ ярѣе лучи наступающей весны били зиму по ея сѣдой, ледяной головѣ, чѣмъ теплѣе и свѣтлѣе становились дни, тѣмъ дѣлишки въ описанной школѣ становились все хуже и хуже. Дружное жужжаніе ребятъ, спорившее съ пугающими голосами зимы, теперь съ каждымъ днемъ дѣлалось тише, такъ какъ ребята ежедневно выбывали изъ-за школьных столовъ, выманиваемые на уличное раздолье тепломъ и свѣтомъ долго негрѣвшаго солнца. А какіе ребятишки продолжали еще засѣдать за столами, такъ они занимались вовсе ужъ не *учбой*, а скорѣе нѣкоторымъ родомъ мѣновой торговли, промѣнивая другъ другу зайцевъ, пойманныхъ на обтаявшихъ гумнахъ, на звонкія дудки, которыя такъ ловко устраиваются въ это время года изъ тонкихъ сучьевъ огородныхъ ветелъ. Дудки промѣнивались въ свою очередь на только-что выкопаннаго изъ-подъ сѣннаго стога сурка, сурокъ—на рано крикнувшую въ сельскомъ лѣсу кукушку, а кукушка, вопреки русской пословицѣ, запрещающей мѣнять эту птицу на ястреба, на нашемъ рынкѣ ходила именно за ястреба, заполоненнаго въ ригѣ цѣлой стаей ребятъ въ то время, когда онъ тамъ расправлялся посвойски съ тихими голубями и пискливыми воробьятами.

Ременный усмиритель Григорія Петровича, во все продолженіе зимняго семестра, такъ рѣдко снимавшійся со стѣны, теперь то-и-дѣло разгуливалъ по спинамъ ребятишекъ; но тѣмъ не менѣе онъ не въ силахъ былъ прекратить ни торгова школьникова, ни остановить какого-то страннаго, необъяснимаго хохота, который время отъ времени, безъ всякаго видимаго повода, неудержимо раскатывался въ учащейся группѣ.

— Варвары! болѣзненно вскрикивалъ Григорій Петровичъ, выведенный изъ терпѣнія этимъ хохотомъ. Чему обрадовались, мучители? что вдругъ ни съ того, ни съ сего ржать принялись?

— Мы, дяденька, ничего! божились ребята съ такими серьезными рожицами, смотря на сдержанность которыхъ трудно было допустить, чтобы они могли смѣяться не только что въ эту сейчасъ промелькнувшую секунду, а даже когда-нибудь.

Недоумѣніе!..

Можно было подумать, что это влетѣлъ въ дьячковскую избу и прохоталъ въ ней игривый духъ весны,—дескать: «что вы, ребята, все за книжками въ душной избѣ гніете? Такое ли теперь время? Побѣжимъ-ка на улицу—ручьи спускать, плотинки строить, мельницы... Чудо! Ха, ха, ха!»

Такъ былъ беззаботенъ этотъ смѣхъ и такъ неуловимо-быстръ!..

Учительская строгость мало-по-малу, наконецъ, уступаетъ бойкости ребятишекъ, раздраженныхъ свѣтлою весеннею жизнью. Бойкости этой въ ея трудной борьбѣ съ учителемъ, кромѣ весны, главнѣе всего помогаетъ рослый Константинъ Бѣловъ, безпкойная дѣятельность котораго, примолкшая-было немного зимою, теперь снова начала оживляться. Несмотря на бдительный надзоръ за нимъ Григорья Петровича, онъ успѣлъ-таки, въ продолженіе зимы, всѣхъ его учениковъ, даже самыхъ маленькихъ, познакомить съ своей кореньковой, росписной трубочкой и съ шелковымъ, разноцвѣтнымъ кисетомъ, хранившимъ въ себѣ «лучій» дунаевскій табакъ въ три копейки за четверку. Новостроющіеся деревенскіе срубы и пустыя риги, заваленныя зимою непролазными, снѣжными сугробами, теперь обтаявши, даютъ этому молодцу полную возможность укрываться подъ ихъ рѣдко посѣщаемою сѣнью отъ ехидныхъ дьячковскихъ глазъ, вмѣстѣ съ завербованными въ школѣ юными товарищами, которыхъ онъ въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ, при помощи замасленной карточной колоды, посвящаетъ въ таинства «хлюстовъ, фалекъ и брададымовъ», а также учить пѣть залихватскія пѣсни и прибаутки, играть на гармоникѣ, курить «въ трубку» и т. д. и т. д. Съ тѣми изъ ребятъ, какіе были повзрослѣе, онъ очень охотно дѣлился водкой, которую онъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ, отвращавшимъ отъ него всякое подозрѣніе, приобрѣталъ на деньги, выкраденныя изъ материнскаго сундука. Даватся и плачутъ, бывало, маленькіе ребята, когда начнутъ пить водку; но эта уединенность отъ старшихъ и полное невѣдѣніе ими ихъ подвиговъ, эта темная, безмолвная рига, въ которой происходилъ преступный процессъ тайной выпивки, дѣлали то, что ребята ни на какой самый бѣлый, сотовый медъ не промѣняли бы возможность выпить съ *большимъ* Костыкой хоть одну, самую маленькую, капельку водки... По этому поводу — повиновеніе, которое ребята питали къ своему вождю, было, поистинѣ, изумительно: самый маленькій ребенокъ охотно выносилъ розги и не говорилъ ни слова о томъ, что устройство надъ кѣмъ-нибудь

замысловатой каверзы есть специальное дѣло ружь и мозга пресловутаго Костюшки Бѣлова.

Пуще всѣхъ своихъ приверженцевъ, разманенный прелестями разгуливавшей весны, этотъ доблестный вонтель лелѣялъ не только въ собственной душѣ горячій протестъ противъ дальнѣйшей необходимости—усвоивать себѣ отъ дьячка его научныя познанія и его жизненное благоразуміе, но и въ другихъ душахъ старательно воспитывалъ этотъ протестъ и побуждалъ, такъ или иначе, заявлять его при всякомъ удобномъ случаѣ.

Житейская опытность Бѣлова, знающая каждый уголокъ въ селѣ, и безграничное повиновеніе ребятъ давали ему возможность очень часто обманывать дьячка съ большою ловкостью. Сидя въ школѣ въ такое время, когда солнце, пронизавши тусклыя окна избы, яркими лучами разсыпается по сѣрымъ, истрепаннымъ книгамъ и слѣпить глаза, намозоленные этими книгами, Бѣловъ злобно ошпикиваетъ объемистый томъ, трактующій о «Путяхъ ко спасенію» и угрюмо думаетъ:—Что, ежели бы я теперь на своей волѣ гулялъ, занялся бы я теперь въ лодѣ за рѣку въ лѣсъ! Зайцевъ теперь тамъ сколько, — страсть! Утки дикія, надо полагать, не успѣли еще занестись, а то бы хорошо было яицъ ихнихъ во Святой набрать. Ну, да я и на Святую успѣю это дѣло обдѣлать, — отъ насъ не уйдетъ!..

Молодая голова вся залита подобными мыслями. Всю онѣ наполнили ее, словно рой маленькихъ, сладко поющихъ птичекъ, —и вотъ снится Константину Бѣлову, что будто онъ, съ цѣлою гурьбой товарищей, сходятъ по обрывистому берегу въ густой ивнякъ, подъ непроглядно-темными сводами котораго спрятана у него легкая, остроносая лодка, которую, тайкомъ отъ домашнихъ, купилъ онъ прошлымъ лѣтомъ у одного лихого дворового человѣка-охотника, укравшаго ее въ свою очередь у сосѣдняго попа. Снится ему, что его товарищи-ребятишки несутъ за нимъ его двухствольное пистонное ружье, приобретенное имъ, посредствомъ кражи, у отцова кума — городского вупца. Ружье это онъ бережетъ пуще зѣницы ока, и такъ какъ домашнимъ показывать его нельзя было, то онъ пряталъ его подъ пеленами сосѣднихъ сараевъ, въ хлѣбныхъ закромахъ, въ сѣнныхъ стогахъ,—и эти ухищренія увѣнчивались цѣлые три года такимъ успѣхомъ, что ни одна душа изъ всей семьи не подозрѣвала, что «Костюшка въ ружье палитъ по лѣсамъ».

Многіе сосѣди, желая добра Костюшкину отцу, приходили къ нему и говорили, что доподлинно они видѣли и слышали, какъ его Костяка около калинкинскаго болота съ «мушкетантомъ» шелъ—съ такимъ длиннымъ, а самъ весь утатами былъ

обвѣшанъ, словно «егарь» какой господскій; но старикъ не повѣрилъ этимъ разсказамъ, резонно разсудивши, что, дескать: «Сосѣдшья! Не попритчилось ли вамъ это въ лѣсу? Бываетъ, что въ немъ и лѣшіе въ чужихъ лицахъ расхаживаютъ. Опять и то скажемъ: гдѣ же, напримѣръ, дитю такой машиной орудовать? Солдатамъ вонъ полковымъ, такъ и то съ ней трудно возжаться...»

И идетъ дальше Костюшкинъ сонъ наяву: видится ему, какъ онъ зарядилъ свое ружье, какъ приложился, при всеобщемъ молчаніи сопровождавшихъ его ребятишекъ.

— Мѣтится! Мѣтится! Нацѣливается! Держись, ребятишки! слышится позади его тихій, трепещущій, въ ожиданіи выстрѣла, шопотъ...

Звонко грянулъ выстрѣлъ—и стонавшій надъ рѣкою чибисъ, перевернувшись нѣсколько въ сіявшей высотѣ, камнемъ наконецъ шлепнулся въ воду, вмѣстѣ съ какою-то рыбой, которую онъ держалъ въ своемъ желтовато-бѣломъ носу. Изъ чибиса посыпались бѣлые перья. Послѣ его паденія, они долго летали въ воздухѣ и наконецъ, въ видѣ пуха, тихо спустились въ рѣку и медленно по ней поплыли. Ихъ преслѣдовали большія щуки и карпы, порывисто, только на одну секунду, выскакивая и снова грузно въ нее шлепаясь...

Обаяніе этой широкой и свѣтлой картины, развернувшейся въ воображеніи Бѣлова, было такъ велико, что онъ вздрогнулъ и какъ бы опомнился. Затѣмъ, обдумавши что-то, онъ, изъ почтенія къ учителю, всталъ на ноги и басовито проговорилъ ему:

— Забылъ тебѣ, дяденька, давеча сказать: тятенька съ маленькой велѣли тебя въ гости нынѣ позвать, вмѣстѣ съ солдатамъ—съ Абрамомъ. Безпремѣнно наказывали, чтобъ вы приходили.

— О? удивился дядюшкѣ. Что-же у васъ нонѣ? Аль аменинникъ кто? Что же это я запоматовалъ?

— Нѣтъ, дяденька, не аменины; а память по бабушкѣ. Ея теперича семь годовъ пошло. Тятенька-то нашъ вчера изъ города больной пріѣхадчи, такъ всѣ наши теперь около нихъ сидятъ—утѣшаютъ, потому имъ съ похмѣлья всегда скучно бываетъ однимъ быть... Вотъ, значить, въ церкву-то и некому было сходить, чтобъ отслужить панихидку. Тятенька говорятъ: дома отслужимъ,—все единственно.

— Конечно, конечно—все единственно! соглашался дядюшкѣ. Было бы, другъ, усердіе. Усердіе дорого,—вотъ что! Такъ, говоришь, по бабушкѣ?.. Памятку сотворить хотите?.. Такъ, такъ! Теперь

вспоминаю: точно что около этого времени, передъ праздничкомъ, старушка скончалась. Эх-хъ! Первый сортъ—старуха была! Ты-то ее помнишь, Костюша?

— Какъ же намъ ихъ не помнить, дяденька? смиренно отвѣчалъ Константинъ. Онѣ наши бабушки. Мы за нихъ денно и ночью...

— То-то, Костя! смѣялся дядюшкѣ. Молись за нее, потому, при жизни при ея, ты разъ очень дюже старушку обидѣлъ. Легкое ли дѣло: цѣлыхъ три гривенничка серебряныхъ изъ чюлка ты у нея выудилъ (въ чюлочкахъ завсегда деньги покойница сберегала!) да въ пашки возьми—и проиграй. Ну, да ужъ признаться, и взбанили мы тебя тогда со старушкой,—такъ взбанили ахтительно!.. Это еще—когда ты у меня въ первый разъ обучался,—помнишь?..

— Помню, дяденька,—я тогда махонькій былъ. Теперича мы такими дѣлами не занимаемся, — намъ стыдно-съ!.. Не по росту намъ теперь такія дѣла-съ...

— Извѣстно — стыдно, потому ты теперь женихъ... На ку пецкой линіи состоишь! Вотъ ты теперь и посиди за меня съ ребятами,—ты всѣхъ ихъ старше. Вотъ тебѣ и внуть въ руки... Въ случаѣ ежели кто зашабаршитъ, ты его и опояшь имъ — кнутикомъ-то... Ну что же? Посидишь что ли? Баловаться не будете? Никуда изъ избы не убѣжите?

— Куда же мы, дяденька, убѣжимъ? въ свою очередь спрашивалъ Бѣловъ, едва-едва удерживаясь отъ смѣха. Въ такую грязь-то?.. Да ежели бы и грязь-то не было, такъ мы бы и то не убѣгли... Мы бы гораздо лучше у васъ спросились...

— То-то, то-то! лепеталъ дядюшкѣ, торопливо надѣвая синюю свиту. Извѣстно: лучше не въ примѣръ у дяденьки спроситься... Дяденька, молъ, пустите насъ погулять, ну я и отпущу,—скажу: ступайте, молъ, ребятки, гуляйте... Н-ну—я побреду теперь; а вы оставайтесь съ Богомъ! Прощайте!

— Прощайте, дяденька! хоромъ простились ребятишки съ учителемъ и, вслѣдъ за его уходомъ, громко захохотали, инстинктивно чувствуя, что Бѣловъ сыгралъ съ старымъ «дьячилой» какую-нибудь штуку.

Штука, дѣйствительно, была сыграна! Лишь только дядюшкѣ съ солдатомъ зашлепали по весеннимъ лужамъ на другой конецъ села, справлять память по умершей назадъ тому семь лѣтъ бабушкѣ, какъ буйство ребятишекъ, выслушавшихъ отъ «большова» Костыки подробное сообщеніе о подстроенной имъ сейчасъ механикѣ, разлилось по дядюшковой избѣ съ такою же стремительностью, съ какою тихая, сельская рѣка залила въ на-

стоящую минуту окрестные дуга и лѣса. Одни изъ ребятишекъ, при этомъ сообщеніи, покатались по избѣ колесомъ, другіе становились на голову, поднявши вверхъ ноги, иные орали что-то такое безсловное, самымъ лучшимъ образомъ впрочемъ выражавшее несомнѣнную радость; а одинъ маленький, чуть изъ земли его было видно, мальчишка, пузатый таковой, съ краснымъ, золотушнымъ лицомъ и въ бѣлой, льняной рубахѣ, пустился въ неистовый плясъ и, несмотря на то, что товарищи серьезно представляли ему на видъ, что теперь великій постъ, во время котораго плясать «страсть—какой грѣхъ», онъ плясалъ долго, а потомъ схватилъ со стола свою азбуку и шваркнулъ ее злой гусынѣ, которая сидѣла на айцахъ подъ лавкой въ кополѣхъ, сплетенной изъ ивовыхъ прутьевъ. Негодуя на ребятъ за свое, нарушенное ихъ шумомъ, спокойствіе, гусыня злобно зашипѣла и такъ принялась трепать неповинную азбуку своимъ желтымъ носомъ, что, въ одно мгновеніе ока, отъ знаменитой книги остались только одни безобразные клочки.

Такимъ образомъ, недавнія Костюшкины мечтанія превратились въ дѣйствительность, цвѣтущую самой жизненной энергіей.

— Гайда, ребята, въ лодку, въ ивякъ! покрививаетъ онъ, сдерживая дѣтскій бунтъ. Полно бѣситься-то! Да смотрите: къ рѣкѣ подходите разными дорогами, въ разбродъ, — въ глазъ кому-нибудь не бросились бы, что мы за рѣку ахнуть собираемся...

Вотъ къ пустынному рѣчному обрыву, наглухо заросшему ивякомъ, съ разныхъ сторонъ начинаютъ стягиваться ребячьи группы, по-двое, по-трое. Костюха ужъ тутъ, на самомъ днѣ обрыва, о края котораго гнѣвно ударялись волны взбунтованной половодьемъ рѣки. Мальчишки, какіе были поменьше, сажались около своего вожака на мокрый песокъ, старая томительнымъ нетерпѣніемъ очутиться поскорѣе въ этой рѣкѣ, такъ соблазнительно сверкающей и крутящейся, а тамъ, переплывши рѣку, хочется имъ вторгнуться въ тайныя глубы лѣса, синѣваго на другомъ берегу и огласить эти безжизненные глубы веселыми, живыми криками. Взрослые ребята между тѣмъ помогали Костюхѣ стаскивать въ рѣку лодку, смотрѣли, вмѣстѣ съ нимъ, не просачивается ли въ нее вода, бѣгали, по его распоряженіямъ, къ разнымъ мужикамъ — воровать лодочныя весла, спрятанныя въ ихъ сараяхъ, а также и рыбачьи «вѣрши», которыя вожакъ предполагалъ разставить въ лѣсныхъ озерахъ, издавна кипящихъ рыбой и раками.

Дѣло шло какъ по маслу, — и скоро лодка, нагруженная разными необходимыми въ отдаленныхъ экспедиціяхъ съѣстными

припасами, выгребенными ихъ отцовскихъ погребовъ, стрѣлой полетѣла по рѣкѣ. Сначала ярое половодье быстро *поташило* пловцовъ по теченію, которое было особенно-сильно около береговъ, сдерживаемое ихъ крутизнами; но Костюха уже снялъ папку съ запотѣлаго лба и, выпучивъ отъ натуги свои сѣрые, большіе глаза, только помахивалъ весельцами, вмѣстѣ съ которыми онъ выхватывалъ изъ рѣки тысячи свѣтлыхъ капель, разывпавшихся по обѣ стороны лодки серебряными блестящими.

— Н-нѣтъ, бр-ратъ, шалишь! Меня тебѣ трудно будетъ съ гѣста спереть! бурчалъ онъ себѣ подъ носъ, когда рѣка своею югучею силой увлекала нашихъ пловцовъ въ сторону, противную ихъ желаніямъ. Отпихивай ребята лыдину-то! Очумѣли вы, то-ли? Не видите рази, какая на носъ махиница наваливается? І-нѣтъ! Погоди немного,—мы съ тобой засвѣтло справимся...

И дѣйствительно — Бѣловъ скоро справился съ рѣкою и, послушная, она понесла къ желанному лѣсу ребячью лодку.

Вотъ онъ — этотъ лѣсъ, хотя еще и неуспѣвшій одѣться послѣ зимы, но уже пробуждающійся послѣ своего полугодового сна. Пошла сначала его опушка изъ низкихъ кустовъ орѣшника, тальника и вообще изъ всего того мелколѣся, которое обыкновенно предшествуетъ тѣмъ великанамъ-деревьямъ, могучему и стройному сборищу которыхъ люди дали названіе — «темнаго, дремутаго лѣса и сырого бора». Все мелколѣсье было залито полоудьемъ. Вода здѣсь была тихая и необыкновенно-прозрачная; жвось нее ребята, замирая отъ наслажденія, видѣли, какъ на аженной глубинѣ мелькали черныя спины неповоротливыхъ солятъ, какъ проворно *ходили* за красноперыми, серебристыми кунами долгоносыя щуки. А вонъ на одномъ сучкѣ, плавно раскачиваясь, сидитъ рыжеватая, вонючая выхухоль; вотъ на амой глубинѣ залитой половодьемъ мѣстности, словно бы ползя ю землѣ, тихо плыветъ громадное стадо жирныхъ, темноватыхъ иней, имѣя впереди себя вождя, который то-и-дѣло осторожно останавливается, какъ-бы съ цѣлью высмотрѣть и выслушать что-то... Любо!

И надъ всѣмъ этимъ—тишь, усиливаемая рѣчнымъ шумомъ, гѣснымъ, таинственнымъ шопотомъ, пугливымъ пискомъ какой-го, едва примѣтной, пташки и наконецъ слабымъ, колокольнымъ отзвукомъ, доносившимся до лѣса изъ какого-то далекаго села...

Тутъ подошелъ и настоящій лѣсъ! Къ самымъ подножіямъ его высокихъ сосенъ *подмывало* половодье,—и тутъ-то его волны, какъ-бы усмиреныя величіемъ деревьевъ, тихо передали нашу приливную лодку безмолвному царству лѣсному...

На другое утро послѣ описаннаго событія, несмотря на смиренные дни великаго поста, въ тихихъ домикахъ дьячка и солдата происходила крѣпкая расправа съ нашими самовольниками. Почти все село собралось на эту расправу, потому что въ самомъ дѣлѣ почти все село было заинтересовано совершенной наканунѣ рѣчною и лѣсною прогулкою. Тутъ открылись и нашими ребятами дѣла такого рода, которыя превосходили все мое описаніе.

Оказывалось, примѣрно, что одинъ самый смиренный паренёкъ, о которомъ все село отзывалось, какъ о такомъ степенномъ чловѣкѣ, который «воды не замутить», выхватилъ, ради этой прогулки, изъ печи большой горшокъ каши, предоставивъ такимъ образомъ остальнымъ членамъ своей семьи пообѣдать однимъ «хлѣбушкомъ» да кваскомъ съ натертою въ него рѣдью.

— Натерли мы такъ-то рѣдечки, Петровичъ, — жаловался учителю мать на смирнаго мальчугана, — и думаемъ про него — про разбойника: гдѣ это, молъ, онъ запропастился? Хоть бы и вашъ пришелъ... Анъ онъ вотъ какъ замѣсто того... Не посмѣлъ вѣдь, идоленокъ, и горшокъ-то назадъ принести, чтобы уликъ, значить, не было; а объ столбъ его на дворѣ и грохнулъ... Ну-ко, взбодри его хорошенечко! Я тебѣ за это во Святой яничекъ десяточекъ принесу...

— А вотъ я его! кричалъ Григорій Петровъ, весь красный отъ долгой работы по исполненію, такъ сказать, текущихъ просьбъ. Вотъ я его! азартно повторялъ онъ, набрасываясь на смирнаго мальчугана, который стоялъ передъ нимъ, ни живой, ни мертвый, плаксиво моргая глубоко-испуганными глазами.

Другой мальчишка проворовался на другой манеръ: онъ, по наущенію, будто бы, Бѣлова, утащилъ у отца десять фунтовъ смолы да шесть фунтовъ конопля для конопатки Костюшевиной лодки; третій обвинялись совсѣмъ уже въ разбойныхъ поступкахъ «со взломомъ». Эта преступная категорія проникала въ запертые амбары и клѣтки и похищала оттуда лодочныя весла, рыболовныя сѣти и вообще съѣстные припасы, какіе «послаще». Изъ субъектовъ, замѣшанныхъ въ противозаконномъ стремленіи къ «послаще», былъ особенно замѣчателенъ красивенькій, черноглазый мальчишъ, приведенный къ дьячку на расправу самимъ отцомъ, буйнымъ такимъ мужикомъ, лохматымъ и съ здоровымъ басомъ.

— Петровичъ! оралъ этотъ мужикъ еще съ улицы своимъ басомъ, таща за собой упиравшагося сынишку. Возьми его отъ меня: онъ теперича мнѣ не сынъ, — онъ теперича сталъ —

«крысій ротъ!» Такъ и дразните его, ребята: крысій ротъ, молъ ты!..

Вытрубивая басомъ такое странное прозвище, отецъ подгонялъ сына вѣскими оплеушинами и прибавлялъ:

— Да я его теперь—крысю губу—и на дворъ-то на свой не пущу! Чтobъ его духу у меня не пахло!

— Что ты, Прокопъ, взбуживался? прервалъ дьячокъ трубные звуки, исходившіе изъ груди лохматого мужа. Скажи толкомъ: какой такой крысій ротъ?

— Какъ же не крысій-то? Разсуди: весь постъ съ молока сливки снималъ и жралъ... *Потасмю*, значитъ!.. Мы съ матерью думаемъ: эво, молъ, у насъ крысъ развелось сколько. А она—крыса-то—вотъ гдѣ! Рукастая! Ну-ко! Сполосни его получше,—ты лицо духовное!.. А тамъ я прибавлю по-родительски,—у меня встарину рука была очень легка... Ну-кось—начни!..

При такомъ родительскомъ обвиненіи, взведенномъ на сына, все сборище просителей поражено было необъятнымъ ужасомъ. Затѣмъ послѣдовали всеобщія сосѣдскія сожалѣнія о неизбѣжной гибели мальчугана, на основаніи которыхъ «крысему рту» выпала на долю почти такая же злая порка, какая была зачтена корню всего зла—Костюшкѣ Бѣлову.

Для того, чтобы притащить этого молодца на расправу къ дьячку, отцу его понадобилась и городская телѣга, съ раскрашенной дугой, и хорошая лошадь, увѣшанная бубенцами. А потому для того, чтобы всѣмъ деревенскимъ людямъ виднѣе было, какъ онъ къ своимъ дѣтямъ *строгъ и немилостивъ* бываетъ, когда ихъ поучить соберется, онъ приказалъ сопровождать себя своей старухѣ-женѣ, старшему сыну и племяннику-сиротѣ, одному изъ тѣхъ здоровыхъ молодцовъ, которыхъ, ради ихъ сиротства, въ богатыхъ мужицкихъ семьяхъ обыкновенно отдаютъ въ солдаты вмѣсто родныхъ сыновей.

На предварительно-произведенномъ по дѣлу вчерашней прогулки слѣдствію, съ поразительною ясностью раскрылся тотъ кривой, неправедный путь, которымъ дошелъ Костюха до пріобрѣтенія двухстволки у городского, отцовскаго кума; въ то же время была обнаружена и тайна востроносой лодки, купленной имъ у дворового охотника и уже окрещенной-было лихимъ именемъ *Копчика*, — тайна такъ долго и тщательно скрываемая подъ раскидистыми вѣтвями прибрежнаго ивняка. Вообще говоря, старики въ этотъ несчастный день разузнали всѣ Костюхины *качества и художества*.

Открывая въ любимомъ сынѣ эти «качества и художества», старики не скупились и на награды за нихъ. Благодушествуя

съ дьячкомъ и съ болѣе почетными истцами за самоваромъ, они то-и-дѣло покрикивали охаживавшимъ около Костюхи — старшему сыну и *обреченнику* - племяннику: прибавьте, прибавьте ему, разбойнику! Подсыпьте-ка ему еще по малости! Чего для любимаго сына хорошаго припасу жалѣть?.. Плесните еще... На доброе здоровье! хе, хе, хе!

— Вотъ это тебѣ за ружьецо!.. насмѣшливо говорилъ отецъ. За «мушкетантикъ-то» кумовъ!.. хе, хе, хе!

— А это вотъ гостинчикъ отъ маменьки за лодочку!... еще насмѣшливѣе вторила мужу старуха. Гостинчикъ прямо изъ сундука, въ какой ты бо мнѣ съ самодѣловымъ ключикомъ похаживаешь... Ишь ты кузнецъ какой славный у насъ на селѣ завелся, братцы мои,—хихикала старуха, — самъ ключи дѣлаетъ къ чужимъ сундукамъ... Нѣтъ — ты допрежъ наживи свои сундуки-то...

Удалой Костюха ревѣлъ благимъ матомъ въ рукахъ двухъ молодцовъ и клялся тятенькѣ съ маменькой всѣмъ сонмомъ святыхъ угодниковъ, что «еж-жели онъ съ эт-това времени хошь что-нибудь супротивъ ихъ... Да накажи меня мать - Царица небесная» и т. д. Но старики не обращали на его крики никакого вниманія. Они распивали чай и, наперерывъ другъ передъ другомъ, рассказывали дьячку и его почетнымъ гостямъ, «какъ ихъ губить этотъ Костюшка и сколь онъ имъ черезъ это самое солонъ пришелся!...»

Такія расправы, хотъ и не въ столь значительныхъ размѣрахъ, начали производиться, вмѣстѣ съ наступленіемъ весны, какъ у дьячка, такъ и у солдата, почти каждый день—и дикая сумятица этихъ расправъ увеличивалась еще крикливыми спорами самихъ родителей о томъ, кто изъ нихъ больше дѣтей своихъ балуетъ и кто объ ребяť больше хворосту за годъ истреплетъ...

Святая, наконецъ, умиряетъ сельскія волненія—и въ эту недѣлю всеобщаго отдыха ребяť уже никто не трогаетъ. А пройдетъ Святая—тамъ подрастутъ травы, зазеленѣтъ дремучій боръ и опущатся густой листвою огородныя и садовыя деревья.

Ищутъ, ищутъ, бывало, учителя ребятишекъ по разнымъ огородамъ, пчельникамъ, ригамъ, надъ которыми, къ концу весны, уже стономъ стоитъ могучее шуршанье столѣтнихъ дубовъ, да наконецъ такъ и махнутъ руками:

— Да ну ихъ къ Богу въ рай! скажетъ, бывало, дьячку солдатъ. Что мы подрадь, что ли, взяли съ тобой отыскивать-то ихъ?... Придутъ—придутъ; а не придутъ,—эв-ка бѣда какая!

— Все же лучше, ежели бы они еще поучились... Покрѣпче

бы! Таблицу, примѣромъ, али стишки подуховнѣй какіе!... отвѣчалъ дьячокъ, очень пристрастившійся къ дѣлу *учобы* въ свой долгій, сиротливый вѣкъ. А то, пожалуй, опять все забудутъ за лѣто...

— Важное кушанье! сердито возражаетъ практическій Абрамъ Телелюевъ. Забудутъ? Ну, значить, опять къ намъ придутъ.. Намъ же хлѣбъ! Потому безъ грамоты имъ никакъ не возможно, — времена, братъ, не тѣ нонѣ...

— Это точно! уступалъ наконецъ дьячокъ своему другу, все же однако поглядывая своими подслѣпными глазами по разнымъ сельскимъ застрѣхамъ — не сидитъ ли въ какомъ-нибудь прохладномъ захолустыи *азіатикъ* какой-нибудь, хоть бы самый маленький, котораго можно было бы сцапать за хохолъ и, притащивши въ избу, усадить его за азбуку, или псалтырь...

— Да нечего, нечего выглядывать-то, словно волкъ! досадуешь на дьячка солдата, знавшій наизусть всѣ его душевныя поползновенія. Небойсь — все мозглѣнка какого высмотрѣть хочешь? Тутъ и было, — держи карманъ! Такъ они и будутъ на виду у тебя разсиживаться... А ты вотъ что лучше, — добавлялъ Абрамъ, дружески хлопая старика по плечу. Ты вотъ что лучше: гляди на меня! Закатимся мы нонѣ съ тобой на всю ночь за рыбой къ Кокуевымъ озерамъ... А?

— О? недовѣрчиво протянулъ старикъ, предвкушая сладость любимаго дѣла, оставленнаго зимою.

— Ка-анешна! утвердительно закончилъ Телелюевъ. А то ребяты?.. Да по мнѣ Господь съ ими, — пушай лѣтечкомъ позаймутся своими дѣлами... Ну, а по осени опять къ намъ... Куда-жъ имъ отъ насъ?... Школы-то энти?... Хе-хе-хе!.. Долга пѣсня!...

А. Левитовъ.

ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИИ

Посвящается памяти Т. Н. Грановскаго.

III*).

Психическія отношенія человѣка къ окружающему міру. — Въ самомъ человѣкѣ матеріальная природа и психическая среда въ одно и то же время и соединены непосредственно и различаются другъ отъ друга. — Матеріальные центры психической жизни. — Ихъ матеріальная жизнь не одно и то же съ психической. — Последняя доступна только психическому зрѣнію. — Необходимость параллельнаго и сравнительнаго изученія психическихъ и матеріальныхъ явленій. — Естественныя науки и философія или психологія, отдѣльно взятая, не объясняютъ единства человѣческой природы.

Рядъ выводовъ изъ положительныхъ фактовъ привелъ насъ въ заключенію, что психическая жизнь дѣйствительно есть нѣчто особое, самостоятельное, имѣющее свою дѣятельность, свои процессы и отправления. Общее сознаніе называетъ это нѣчто *душою* и противопоставляетъ какъ вообще окружающему матеріальному міру, такъ въ особенности тѣлу, которое однако, въ то же время, представляется вмѣстилищемъ души, ея скорлупой, хоть и чуждой ей по своей природѣ и своимъ свойствамъ.

Въ чемъ же, спрашивается, состоитъ различіе матеріальнаго и психическаго міра? Гдѣ раздѣляющая ихъ граница? Чтò и какъ соединяетъ ихъ между собою? Эти вопросы прежде всего представляются уму. Попробуемъ разрѣшить ихъ сперва на

---

*) См. выше: янв. 180 стр.

основаніи тѣхъ ближайшихъ данныхъ, которыя у насъ передъ глазами.

Человѣкъ находится въ самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ отношеніяхъ къ своей матеріальной обстановкѣ: то онъ испытываетъ на себѣ ея дѣйствіе, то, въ свою очередь, дѣйствуетъ на нее. Мы безпрестанно говоримъ о вліяніи окружающаго матеріальнаго міра на психическую жизнь человѣка, и наоборотъ, о проявленіи психической жизни въ окружающей средѣ, объ осуществленіи, воплощеніи мыслей, чувствъ, воли въ матеріальныхъ предметахъ. Какъ понимать эти выраженія? Слѣдуетъ ли считать ихъ метафорами, которыми такъ обильна наша рѣчь, или въ самомъ дѣлѣ совершается какой-то обмѣнъ матеріальныхъ фактовъ между душой и матеріальнымъ міромъ? Съ перваго взгляда кажется, будто матеріальные предметы и явленія непосредственно, цѣликомъ, переносятся изъ окружающей среды въ нашу душу, и наоборотъ, человѣкъ, дѣйствуя на окружающій міръ, повидимому переноситъ въ него, также непосредственно и цѣликомъ, то что происходитъ въ его душѣ. Какъ, кажется, иначе объяснить массу представленій о внѣшнихъ предметахъ, которые находятся въ нашей головѣ, или массу предметовъ, которые человѣкъ создаетъ во внѣшнемъ мірѣ? Я вижу домъ, дерево, камень и называю ихъ: не значить ли это, что они отпечатлѣлись въ моемъ мозгу, т.-е. какъ будто точные ихъ образы прямо внесены въ него извнѣ? Я пишу картину, лѣплю статую, строю домъ, разбиваю садъ по заранѣ составленнымъ въ моей головѣ образцамъ и формамъ: какъ не заключить отсюда, что эти образцы и формы переносятся изъ меня во внѣшній міръ, получаютъ, вмѣсто умственнаго, психическаго, внѣшнее, матеріальное существованіе? Понимая такимъ образомъ отношенія души къ матеріальному міру, мы естественно находимъ ихъ совершенно одинаковыми съ отношеніями всякаго вообще организма къ окружающей его средѣ. Жизнь организма въ томъ и состоитъ, что онъ принимаетъ въ себя матеріалъ, пищу, извнѣ, перерабатываетъ ее въ себѣ и затѣмъ выдаетъ изъ себя снова въ измѣненномъ видѣ. Судя по первому взгляду, психическая жизнь совершается точно такимъ же образомъ: въ душу поступаютъ впечатлѣнія извнѣ, въ ней они перерабатываются и въ измѣненномъ видѣ осуществляются человѣкомъ во внѣшнемъ мірѣ. Дѣятельность пассивная и активная, воспринимающая и творческая, акція и реакція, — вотъ, повидимому, общія черты и физическаго организма и души, сближающія ихъ между собою и заставляющія отнести ихъ къ явленіямъ одной категоріи.

Но такъ кажется только съ перваго взгляда. Присматриваясь

пристальнѣ въ процедурѣ принятія внѣшнихъ впечатлѣній и внѣшняго творчества, нельзя не убѣдиться, что представленія, составленные нами объ этихъ процессахъ по одному поверхностному наблюденію, совершенно ошибочны. Всякое внѣшнее впечатлѣніе на душу, какъ мы уже замѣтили выше, есть сложный продуктъ дѣйствія предмета и принятія этого дѣйствія психической средой, на которую онъ дѣйствуетъ. Вслѣдствіе этого, впечатлѣніе, производимое на насъ внѣшними предметами, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть непосредственнымъ перенесеніемъ этихъ предметовъ въ нашу душу, а выражаетъ только то измѣненіе, какое произошло въ нашемъ психическомъ состояніи вслѣдствіе дѣйствія на нее внѣшняго предмета. Что при этомъ происходитъ какой-то матеріальный обмѣнъ между душою и внѣшнимъ міромъ, это болѣе чѣмъ вѣроятно; но мы пока ничего не знаемъ, въ чемъ состоитъ такой обмѣнъ и какъ онъ совершается. Въ матеріальной природѣ есть аналогическія тому явленія; такъ, когда бильярдный шаръ катится отъ толчка кіемъ, мы не объясняемъ этого тѣмъ, что часть кія, во время удара, перенеслась въ шаръ, а говоримъ, что толчокъ измѣнилъ то состояніе, въ какомъ шаръ находился прежде толчка. Подобное этому происходитъ и въ душѣ, при дѣйствіи на нее внѣшняго предмета: ея состояніе измѣняется извѣстнымъ образомъ, и это измѣненное состояніе мы называемъ впечатлѣніемъ, какъ мы приписываемъ непосредственно толчку движеніе шара. Точно также и при внѣшнемъ творествѣ наша мысль, чувство, воля не выходятъ изъ насъ, не переносятся реально въ окружающій физическій міръ, въ наше созданіе. Тайна и сила творчества заключается въ томъ, что человѣкъ производитъ перестановку въ окружающей его реальной средѣ, съ тою цѣлью, чтобъ она, въ измѣненномъ своемъ видѣ, оказывала на него желаемое дѣйствіе, или возбуждала въ немъ тѣ внѣшнія впечатлѣнія, какія онъ хочетъ отъ нея получать. Вотъ общая черта, общее значеніе и величайшихъ созданій науки и искусства и самыхъ нехитрыхъ руководѣлій. Всякое произведеніе внѣшняго творчества есть лишь перегруппировка реальныхъ данныхъ, и если мы видимъ въ такихъ произведеніяхъ воплощеніе мысли, чувства или воли, то это потому только, что реальные предметы, въ новомъ своемъ видѣ, какой получили вслѣдствіе перестановки матеріальныхъ условій и фактовъ, удовлетворяютъ требованіямъ, побудившимъ насъ придать матеріальнымъ вещамъ тотъ или другой видъ.

Изъ сказаннаго открывается существенная разница между физическими организмами и душою при кажущемся ихъ сходствѣ. Первые дѣйствительно принимаютъ въ себя непосредственно, въ

неизмѣненномъ видѣ, предметы изъ окружающаго ихъ матеріальнаго міра, передѣлываютъ ихъ въ себѣ и потомъ возвращаютъ ихъ обратно въ этотъ міръ въ неизмѣненномъ видѣ; душа, напротивъ, недопускаетъ въ себя прямо, непосредственно, предметовъ и явленій внѣшняго міра; при первомъ же соприкосновеніи съ ними, она измѣняетъ ихъ; внѣшнія вліянія возбуждаютъ ее, неизвѣстнымъ намъ образомъ, къ собственной дѣятельности. Измѣняя, вслѣдствіе того, свои состоянія, душа вырабатываетъ въ себѣ образцы небывалыхъ во внѣшнемъ мірѣ явленій и фактовъ, и по этимъ образцамъ человѣкъ уже видоизмѣняетъ потомъ внѣ его находящіеся матеріальные предметы.

Это различіе жизни физическихъ организмовъ и души поясняетъ намъ взаимныя отношенія внѣшняго міра и психической среды, каковы они бываютъ на самомъ дѣлѣ. Будучи своего рода самостоятельнымъ организмомъ, душа, при соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ, не сливается и не смѣшивается съ нимъ; дѣйствіе ихъ другъ на друга выражается, какъ въ душѣ, такъ и во внѣшнемъ мірѣ, своеобразными явленіями: въ душѣ—измѣненіями ея состояній при участіи матеріальныхъ вліяній, составляющихъ пока неразрѣшимую загадку; во внѣшнемъ мірѣ—перестановкою матеріальныхъ условий и данныхъ. Испытываетъ ли на себѣ душа дѣйствіе внѣшняго міра, или, наоборотъ, создаетъ ли она образцы, по которымъ измѣняется внѣшняя обстановка,—въ обоихъ случаяхъ нѣтъ возможности подмѣтить непосредственныхъ переходовъ между психической и окружающей человѣка матеріальной средой. Какъ въ машинѣ каждая ея часть, приводимая въ движеніе другими частями, имѣетъ свое особое назначеніе и какъ бы свой особый кругъ и родъ дѣятельности, обусловленные особымъ ихъ устройствомъ, такъ и душа, испытывая на себѣ дѣйствіе окружающей среды, принимаетъ это дѣйствіе сообразно своей особой природѣ, перерабатываетъ его по-своему и только вслѣдствіе того становится поводомъ и условіемъ для видоизмѣненій, производимыхъ ею въ той же самой окружающей средѣ, дѣйствіе которой на себѣ испытываетъ. Отсюда происходитъ, что между психическими фактами и внѣшнимъ міромъ, какъ замѣтилъ еще Лейбницъ, невозможно услѣдить прямой, непосредственной связи; видно только соотвѣтствіе, постоянное, правильное соотношеніе. Мы знаемъ, что извѣстные музыкальные звуки выражаютъ скорбь или радость, что извѣстныя сочетанія буквъ означаютъ извѣстныя внѣшнія впечатлѣнія, мысли и т. п. Но почему мы это знаемъ? Только потому, что между музыкальными звуками и

бывающими съ одной стороны, а съ другой тѣми психическими состояніями, которыя они выражаютъ, есть постоянное, правильное соотвѣтствіе; прямой непосредственной связи между ними не видно никакой. Когда физическій организмъ принимаетъ въ себя пищу, мы можемъ прослѣдить ея переходъ въ другое тѣло и переработку въ новыя вещества; но когда душа приходитъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, такого перехода поимѣтить невозможно; душа, подѣ непонятными для насъ вліяніями, измѣняетъ свои состоянія, соотвѣтственно съ дѣйствіемъ, какое на нее производитъ окружающая среда, или, наоборотъ, сама становится условіемъ для другой группировки физическихъ данныхъ. Тѣ и другія измѣненія мы наивно принимаемъ, въ первомъ случаѣ, за предметы, находящіеся внѣ насъ, а во второмъ— за перенесеніе нашихъ психическихъ состояній во внѣшній міръ, и совершенно напрасно ломаемъ себѣ голову, чтобъ понять, какимъ образомъ то и другое дѣлается, какимъ образомъ внѣшніе предметы и явленія переходятъ въ нашу душу, хотя бы въ точныхъ оттискахъ, и въ ней остаются, или какимъ образомъ наши душевныя состоянія вмѣщаются въ физическихъ предметахъ и явленіяхъ.

Что намъ совершенно недоступна прямая, непосредственная связь внѣшнихъ, матеріальныхъ фактовъ съ психическими, а только можетъ быть открыто и изслѣдовано ихъ постоянное, правильное соотвѣтствіе, это всего яснѣе видно на созданіяхъ внѣшняго творчества человѣка,—именно на тѣхъ измѣненіяхъ, какія онъ производитъ въ матеріальномъ мірѣ. Каждое изъ такихъ измѣненій есть плодъ общихъ соображеній, научныхъ или эмпирическихъ и рутинныхъ; а общее соображеніе есть уже психическій продуктъ, обобщенный выводъ изъ предшествовавшихъ наблюденій надъ единичными явленіями или фактами. Осуществляясь, т.-е. примѣняясь къ реальному міру, общія соображенія, каждый разъ, снова разлагаются на единичные факты. Ни математическая формула, ни общій законъ, гражданскій или другой, не могутъ осуществиться въ реальной дѣйствительности въ той общей формѣ, въ какой они существуютъ въ головѣ; сложившись въ ней изъ единичныхъ фактовъ, они, въ практическомъ приложеніи, снова распадаются на множество единичныхъ же данныхъ; такъ, чтобъ построить, наприм., мельничное колесо, мы въ готовую механическую общую формулу вставляемъ реальныя единичныя данныя, которыми будетъ обуславливаться дѣйствіе колеса; общій законъ о контрактахъ на практикѣ обращается въ большее или меньшее количество единичныхъ договоровъ, заключенныхъ между отдѣльными лицами, со-

гласно съ правилами, предписанными общимъ закономъ; общій законъ о межеваніи—въ опредѣленіи границъ тѣхъ или другихъ земель межевными учрежденіями или должностными лицами соотвѣтственно общимъ правиламъ, выраженнымъ въ межевомъ постановленіи. Другого способа осуществить общій законъ или примѣнить общую формулу, какъ разложивъ ихъ на частные случаи, нѣтъ и быть не можетъ, потому что реальный міръ есть міръ единичныхъ явленій, а не общихъ формулъ; эти единичныя явленія перерабатываются въ душѣ въ свойственныя ей одной общія формулы, и потому реальное ихъ приложеніе можетъ состоять только въ сообщеніи имъ снова вида единичныхъ данныхъ. Въ реальной дѣйствительности нѣтъ человѣка вообще, какъ нѣтъ цвѣта, вѣса, упругости, числа вообще; все это—психическіе продукты, которые могутъ перейти въ реальный міръ не иначе, какъ по разложеніи ихъ на соотвѣтствующія имъ единичныя явленія.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ отношенія человѣка къ окружающему его матеріальному міру, мы приходимъ къ заключенію, что душа и внѣшняя природа, правда, взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, но оба, въ тоже время, представляются чѣмъ-то самостоятельнымъ, другъ отъ друга независимымъ. Природа внѣ человѣка и человѣческая душа—два фактора, которые мы противопоставляемъ другъ другу, не задаваясь на первый разъ вопросомъ однородны они или нѣтъ.

Обратимся теперь къ отношеніямъ психическаго и матеріальнаго міра въ самомъ человѣкѣ. Въ немъ матеріальная и психическая жизнь тоже различены, но въ тоже время непосредственно соединены въ одно цѣлое. Съ тѣхъ поръ что человѣкъ началъ въ себя вглядываться, онъ, въ одно и то же время, и сознаетъ единство, цѣльность своей природы и различаетъ въ себѣ душу отъ тѣла. Откуда возникло это убѣжденіе и какой его дѣйствительный смыслъ,—вотъ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ люди давно работали и работаютъ неутомимо по сіе время.

Естественныя науки, въ особенности фізіологія, стараются рѣшить эти вопросы посредствомъ однихъ реальныхъ изслѣдованій, не прибѣгая къ психологическимъ наблюденіямъ. Въ наше время нѣкоторые, испугавшись крайностей реализма и не умѣя различать выводовъ положительнаго знанія отъ фантазій, разыгрываемыхъ на естественно-историческія тѣмы, поставили реалистическія воззрѣнія въ вину фізіологіи и съ прискорбнымъ непониманіемъ дѣла опрокинули на эту науку, какъ на источникъ всѣхъ заблужденій и ошибокъ реалистовъ. Такое очевид-

ное недоразумѣніе не можетъ долго продолжаться. Естественныя науки, стоя на почвѣ положительнаго знанія, никогда не отрицали различія между психическими и матеріальными фактами; напротивъ, это различіе обратило на себя такое же серьезное вниманіе естествоиспытателей, какъ философовъ и моралистовъ, и составляетъ любимый предметъ ихъ усиленныхъ, глубокихъ научныхъ изслѣдованій, разумѣется съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія. Физиологическими наблюденіями и опытами, которые производятся съ неподражаемымъ искусствомъ и точностью первоклассными учеными, дознано и доказано, что психическія явленія происходятъ не во всѣхъ составныхъ частяхъ физическаго организма, а приурочены исключительно къ мозгу и нервамъ и внѣ этихъ органовъ вовсе не замѣчаются. Матеріальные носители психической жизни, мозгъ и нервы, находятся между собою въ непосредственной связи и образуютъ цѣлую систему, которая различными своими вѣтвями проникаетъ все тѣло и служа физическимъ условіемъ психическихъ явленій, въ то же время, посредствомъ особой, такъ-называемой узловатой системы, управляетъ совершающимися въ тѣлѣ матеріальными процессами.

Эти выводы осязательно доказываютъ, что психическая жизнь имѣетъ матеріальную подкладку и органически соединена съ матеріальною жизнью; но въ то-же-время общее, изъ вѣка укоренившееся въ человѣческомъ родѣ вѣрованіе, что матеріальная и психическая жизнь не одно и то же, находитъ въ этихъ выводахъ несомнѣнное научное подтвержденіе. Въ самомъ дѣлѣ, если психическія явленія совершаются не вообще въ тѣлѣ, а только въ извѣстныхъ его органахъ, образующихъ особую систему; если прочія части тѣла не имѣютъ прямого отношенія къ психической жизни, не принимаютъ въ ней непосредственнаго участія, то отсюда слѣдуетъ, что различіе матеріальной и психической жизни не есть выдумка или обманъ чувствъ, а положительный фактъ, удостовѣряемый научными изслѣдованіями. Основываясь на этомъ выводѣ мы можемъ отдѣлить другъ отъ друга, въ человѣческомъ тѣлѣ, непосредственныя условія матеріальной и психической жизни. Если исключительно въ мозгу и нервахъ сосредоточиваются психическія явленія, то, значить, всѣ прочія части тѣлеснаго организма находятся внѣ психической жизни и живутъ исключительно жизнью матеріальной, по законамъ внѣшней природы; если, при непосредственной связи органовъ психической жизни съ прочими частями тѣла, между тѣми и другими есть взаимодѣйствіе и взаимное вліяніе другъ на друга, то это дѣйствіе и вліяніе будутъ обнаруживаться въ органахъ

психической жизни, между прочимъ, тѣми или другими психическими явленіями, а въ остальныхъ частяхъ тѣла—явленіями и фактами исключительно матеріальнаго, физическаго свойства, подлежащими исполнѣ законамъ внѣшняго міра. И дѣйствительно, точными наблюденіями дознано, что въ тѣлѣ совершается множество процессовъ механическихъ, физическихъ, химическихъ и физиологическихъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ психической жизни; они лишь косвенно оказываютъ дѣйствіе на наши психическія состоянія и отправленія, большею частью въ тѣхъ только случаяхъ, когда происходятъ ненормальнымъ образомъ; такъ, пищевареніе, кровообращеніе совершаются въ тѣлѣ не только произвольно, но и безъ вѣдома человѣка; только при разстройствѣ желудка, при неправильномъ обращеніи крови и т. п. мы чувствуемъ болѣзненные припадки. Разсматривая органы внѣшнихъ чувствъ, изслѣдованные физиологіей съ особеннымъ вниманіемъ, мы видимъ, что они представляютъ механическіе аппараты, придаваемые соотвѣтствующимъ нервамъ и приспособленные къ принятію послѣдними извѣстнаго рода внѣшнихъ впечатлѣній, которыя передаются ими психическому центру. Оба, т.-е. нервъ и механическій аппаратъ, построены по законамъ матеріальнаго міра и соединены вмѣстѣ, для одного и того же дѣйствія психическаго свойства. Это дѣйствіе видимо обусловлено матеріальными данными: отъ большаго или меньшаго совершенства механическаго аппарата, которымъ снабженъ нервъ, и отъ нормальнаго состоянія самого нерва существенно зависитъ характеръ, отчетливость, тонкость, вообще качество впечатлѣнія, т.-е. психическаго явленія. Совокупнымъ дѣйствіемъ обѣ составныя части органа производятъ одно и то же явленіе, именно передаютъ впечатлѣніе; но будетъ ли это явленіе психическимъ или нѣтъ, именно отразится ли оно въ нашемъ сознаніи или не отразится,—это уже будетъ зависеть отъ вниманія, акта психическаго. Мы это можемъ наблюдать въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда оба акта—матеріальный—передача впечатлѣнія, и психическій—сознаніе полученнаго впечатлѣнія не совпадаютъ. Извѣстно, напримѣръ, что не всѣ дѣйствія звуковыхъ волнъ на ухо, или освѣщеннаго предмета на глазъ сознаются нами, а только тѣ изъ нихъ, которыя возбуждаютъ вниманіе. Часто предметъ передъ нашими глазами, но мы его не видимъ, или около насъ происходитъ шумъ, но мы его не слышимъ. Кому не случалось пристально разсматривать древесную кору или листву и сначала вовсе незамѣчать сидящей на нихъ бабочки или гусеницы, совершенно подходящихъ подъ ихъ цвѣтъ, а потомъ вдругъ замѣтить и различать

очень ясно отъ окружающаго? Значить, въ воспринятіи внѣшнихъ впечатлѣній слѣдуетъ различать матеріальное дѣйствіе отъ дѣятельности психической; первое можетъ происходить безъ послѣдней, точно также какъ въ галлюцинаціяхъ обнаруживается психическая дѣятельность безъ всякаго соотвѣтствующаго внѣшняго впечатлѣнія.

Сказаннымъ между прочимъ объясняются и отчасти опредѣляются взаимныя отношенія матеріальнаго и психическаго элементовъ въ актахъ принятія внѣшнихъ впечатлѣній и созданія предметовъ внѣшняго творчества. Тотъ и другой актъ несомнѣнно психическаго свойства; но въ то же время внѣшнія впечатлѣнія и созданія внѣшняго творчества проникнуты матеріальнымъ элементомъ, находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ условій и законовъ внѣшней природы. Спрашивается: какую роль играетъ въ тѣхъ и другихъ психическій элементъ? Не является ли онъ лишь произвольнымъ, необходимымъ послѣдствіемъ матеріальной обстановки, которой въ такомъ случаѣ принадлежала бы активная роль въ принятіи впечатлѣній и въ самомъ творествѣ? Такое предположеніе кажется съ перваго взгляда до того естественнымъ и вѣроятнымъ, что многіе увлеклись имъ, и опустивъ изъ виду цѣлый рядъ фактовъ, также несомнѣнно доказывающихъ дѣятельную роль психической стороны, сводятъ весь процессъ возбужденія впечатлѣній и творчества къ извѣстнаго рода матеріальнымъ манипуляціямъ. Нельзя отрицать, что въ очень значительномъ числѣ тѣхъ и другихъ активная роль очевидно принадлежитъ внѣшнимъ условіямъ, а психическая среда является преимущественно пассивною; несомнѣнно также, что чувствительность, воспримчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ существенно зависитъ отъ устройства механическихъ аппаратовъ, приданныхъ воспринимающимъ нервамъ, и мы знаемъ, что часто отъ одного ненормальнаго состоянія аппарата впечатлѣнія или вовсе не возбуждаются, или возбужденіе ихъ прекращается на время или навсегда, или они оказываются ненормальными. Физиологія и патологія, подробно изучивъ эти аппараты, съ точностью опредѣляютъ причины всѣхъ этихъ уклоненій и указываютъ способы, помощью которыхъ такіа уклоненія могутъ быть болѣе или менѣе устранены, когда это вообще возможно. Во всѣхъ такихъ случаяхъ психическія явленія опредѣляются въ особенности матеріальной стороной, которая безраздѣльно входитъ въ область естествознанія и зависящихъ отъ него прикладныхъ наукъ. То же самое представляютъ въ извѣстномъ отношеніи, съ извѣстной стороны, и созданія внѣшняго творчества. Необходимое ихъ условіе то, чтобы они и въ общемъ планѣ и

въ малѣйшихъ подробностяхъ исполнѣ отвѣчали условіямъ и законамъ матеріальной природы, потому что эти созданія безъ того и существовать не могутъ; такъ, домъ, построенный вопреки законамъ механики, обрушится, машина не будетъ дѣйствовать; затѣмъ уже можетъ идти рѣчь о степени совершенства созданій внѣшняго творчества, которая опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ эти созданія производятъ желаемое внѣшнее дѣйствіе, другими словами, соотвѣтствуютъ своему назначенію. Въ томъ и другомъ отношеніи они исполнѣ подчинены законамъ и условіямъ внѣшней, матеріальной природы и слѣдовательно входятъ въ кругъ естествознанія и такъ-называемыхъ положительныхъ, точныхъ наукъ. Вотъ почему усовершенствованіе внѣшнихъ впечатлѣній и созданій внѣшняго творчества, составляющее первое основаніе и главнѣйшее условіе всѣхъ успѣховъ искусства, знанія и гражданственности, возможно только при помощи естествовѣдѣнія и связанныхъ съ нимъ прикладныхъ наукъ. Первый шагъ къ такому усовершенствованію составляетъ развитіе и приспособленіе, посредствомъ упражненія и навыка, тѣлесныхъ органовъ, служащихъ къ принятію впечатлѣній и къ внѣшнему творчеству, а это существенно зависитъ отъ большаго или меньшаго знакомства съ законами физической природы. Еще въ гораздо болѣе степени зависятъ отъ него всѣ тѣ безчисленные приемы, помощью которыхъ человѣкъ довелъ до удивительной точности и тонкости свою внѣшнюю наблюдательность и внѣшнюю производительность. Благодаря математикѣ и знанію природы, для внѣшнихъ наблюденій и внѣшняго творчества человѣка открылись новые пути и области, о которыхъ еще недавно онъ не смѣлъ и мечтать. Посредствомъ глубоко обдуманыхъ аппаратовъ и механическихъ приспособленій человѣкъ мастерски приладилъ внѣшніе предметы къ самому отчетливому наблюденію. Рука объ руку съ этими успѣхами развивалось и внѣшнее творчество. Рядомъ другихъ аппаратовъ и механическихъ приемовъ онъ довелъ до виртуозности дѣятельность органовъ, служащихъ къ внѣшнему творчеству, съ удивительнымъ мастерствомъ приоровилъ къ нимъ матеріальныя его орудія и всю его внѣшнюю обстановку, выработалъ до совершенства способы приготовленія и выдѣлки физическихъ матеріаловъ, наиболѣе пригодныхъ и удобныхъ для его цѣлей и задачъ. Всѣми этими успѣхами люди обязаны однимъ естественнымъ и математическимъ наукамъ; психологія безсильна въ этой области, подчиненной исключительно законамъ внѣшняго міра.

Такимъ образомъ и простое наблюденіе, и точныя научныя изслѣдованія приводятъ къ тому выводу, что въ человѣкѣ между

матеріальною и психическою жизнью существуетъ тѣснѣйшая органическая связь; но въ то же время они подтверждаютъ общее убѣжденіе, что та и другая жизнь не одно и то же, что онѣ расчленены и каждая изъ нихъ имѣетъ свои органы, что онѣ соприкасаются одна въ другой, удерживая однако свою отдѣльность и различенность отъ другой. Мозгъ и нервы есть та среда, въ которой психическая жизнь исключительно сосредоточивается. Этимъ устраняется ея прямое, непосредственное соприкосновеніе съ матеріальною жизнью остальныхъ частей и органовъ человѣческаго тѣла.

Но мозгъ и нервы, будучи носителями психической жизни, суть, въ то же время, матеріальные, физическіе предметы, подобно всѣмъ прочимъ частямъ организма; какъ всякая вещь, они тоже подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ и живутъ въ условіяхъ и по законамъ матеріальной природы. Проникая тѣло, вплетаясь въ него безчисленными тончайшими нитями, управляя его движеніями и совершающимися въ немъ процессами, мозговая и нервная система составляетъ тоже часть физическаго организма, питается матеріально, какъ и другія его части, какъ онѣ испытываетъ на себѣ физическое дѣйствіе и вліяніе окружающей среды, между прочимъ и составныхъ частей самаго тѣла, въ которомъ находятся и съ которымъ, физически, живутъ одною жизнью. Несмотря на то, что въ мозгу и нервахъ совершаются психическія явленія, эти предметы, сами по себѣ, какъ физическіе, матеріальные, не одно и то же съ психическою жизнью, которой они служатъ только подкладкой. Этотъ выводъ, бросающійся въ глаза, не обратилъ на себя, какъ мы думаемъ, должнаго вниманія реалистовъ. Усиливаясь доказывать, что психическія явленія не что иное, какъ необходимое роковое послѣдствіе матеріальныхъ условій и фактовъ, реалисты, сами того не замѣчая, дѣлаютъ прыжокъ изъ матеріальнаго міра въ психическій, недоступный внѣшнимъ чувствамъ и потому закрытый для ихъ изслѣдованій. Еслибы даже всѣ психическія явленія имѣли единственною причиною матеріальныя измѣненія въ мозгу или нервахъ и первыя соотвѣтствовали послѣднимъ, какъ звуки рояля ударамъ по клавишамъ, то все же надобно было бы признать, что существуетъ два ряда явленій: одни — матеріальнаго свойства, другія — психическія; узнать и опредѣлить ихъ взаимныя отношенія можно не иначе, какъ зная тѣ и другія явленія и сравнивая ихъ между собою; а путемъ реальныхъ изслѣдованій мы можемъ знать только одинъ рядъ явленій, именно матеріальные факты; другой же рядъ, — соотвѣтствующія имъ явленія психическія — остается недоступнымъ для реального изслѣдованія, вслѣдствіе чего, какъ бы мы

глубоко ни изучили физиологію и патологию мозговой и нервной системы, мы бы не только не узнали, но и не подозрѣвали бы происходящихъ въ ней психическихъ явленій, еслибъ они не были для насъ доступны другимъ путемъ,—посредствомъ психическаго наблюденія. Извѣстно, что больные горячкою отъ перепоя (*delirium tremens*) всегда видятъ зеленыхъ чертей, ползущихъ змѣй или червей, или бѣгающихъ мышей и крысъ. Со временемъ патологія вѣроятно будетъ въ состояніи опредѣлить съ совершенною точностью тѣ измѣненія, которыя происходятъ матеріально въ мозгу и нервахъ отъ перепоя, и наоборотъ, по извѣстнымъ матеріальнымъ измѣненіямъ въ мозгу и нервахъ врачъ будетъ имѣть возможность безошибочно опредѣлить матеріальную ихъ причину; но нѣтъ ни малѣйшей надежды когда-либо дознаться, помощью однихъ физиологическихъ и патологическихъ изслѣдованій, что перепой имѣетъ послѣдствіемъ галлюцинаціи извѣстнаго рода. Такія послѣдствія мы узнаемъ лишь чрезъ психическія наблюденія, которыя потомъ сопоставляемъ съ матеріальными данными и результатами реальныхъ изслѣдованій и опытовъ. Реалисты, дѣлая свои выводы о психической жизни, берутъ уже готовый матеріалъ изъ области чуждой и недоступной естествознанію, потому что нѣтъ прямого, непосредственнаго перехода изъ матеріальнаго міра въ психическій; наука доступна только постоянное соотвѣтствіе, правильное соотношеніе фактовъ и явленій того и другого; изслѣдовать это соотвѣтствіе и соотношеніе, объяснить законы, которыми они управляются, составляетъ пока высшую цѣль и задачу знанія.

Все сказанное убѣждаетъ, что невозможно опредѣлить различія между душою и тѣломъ, изслѣдовать ихъ взаимное отношеніе и связь, принявъ за точку отправленія одни факты и явленія, подлежащія внѣшнимъ чувствамъ. Пройденный длинный путь манилъ насъ все дальше и дальше, но въ концѣ его мы должны были увѣриться, что не приблизились ни на шагъ къ психической средѣ; по мѣрѣ того какъ мы подвигались, психическій міръ все отъ насъ удалялся; мы надѣялись стать съ нимъ лицомъ къ лицу, добравшись до его непосредственной оболочки, но и тутъ передъ нами все та же внѣшняя, матеріальная природа, а душа съ ея явленіями осталась по прежнему закрытою и недоступною.

Противуположнымъ путемъ шли философія и психологія. Онѣ пытались разрѣшить поставленные задачи посредствомъ изученія однихъ психическихъ фактовъ, не прибѣгая къ помощи внѣшнихъ чувствъ. Такое безусловное довѣріе къ психическому изслѣдованію основано на томъ, что внѣшнія чувства хотя и ставятъ

насъ въ сопривосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, однако матеріальные предметы и явленія не переходятъ, вслѣдствіе того, непосредственно въ душу; помощью внѣшнихъ чувствъ мы получаемъ отъ нихъ одни впечатлѣнія, съ которыми исключительно и имѣемъ дѣло; слѣдовательно то, что мы считаемъ внѣшними предметами и явленіями, на самомъ дѣлѣ—психическіе факты, и потому, стараясь различить матеріальный міръ отъ психическаго, мы, въ дѣйствительности, только различаемъ между собою разныя психическія состоянія или явленія. Операціи, которыя мы при этомъ совершаемъ, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, рядомъ самообольщеній. Мы считаемъ возможнымъ сравнивать между собою предметы, которые называемъ внѣшними, матеріальными, напр., собаку и дерево, потому что они, какъ намъ думается, стоятъ на одной почвѣ или однородны. То же самое кажется намъ при сравненіи между собою явленій психическихъ, напр., чувствъ или ощущеній, или актовъ мышленія, воли и т. п.; но мы считаемъ невозможнымъ сопоставлять и сравнивать такъ-называемое матеріальное явленіе съ психическимъ, напримѣръ, ударъ по клавишѣ съ ощущеніемъ звука, ушибъ съ чувствомъ боли, потому что, стоя на разныхъ почвахъ, они не однородны и потому несоизмѣримы; но такой взглядъ, на повѣрку, оказывается ошибочнымъ: разнородность приведенныхъ фактовъ есть мнимая; на самомъ дѣлѣ тутъ идетъ рѣчь не о матеріальномъ и психическомъ фактѣ, а о дѣйствіи матеріальнаго факта на внѣшнія чувства и объ ощущеніи, какое это дѣйствіе производитъ въ душѣ, т.-е. о разныхъ психическихъ фактахъ.

Такимъ образомъ, психическія наблюденія переносятъ насъ съ реальной почвы на психическую. На ней и стоялъ нѣмецкій идеализмъ, начиная съ Канта до Гегеля включительно. Психологическая точка зрѣнія устраняетъ нѣкоторыя затрудненія въ разрѣшеніи поставленныхъ выше вопросовъ, но за то создаетъ другія, столько же важныя. Убѣдившись въ томъ, что мы не имѣемъ дѣла непосредственно съ внѣшнимъ міромъ, что передъ нами, вмѣсто матеріальныхъ фактовъ и явленій, одни психическіе факты,—впечатлѣнія, производимыя извнѣ въ нашей душѣ,—нельзя не признать, что предполагаемое нами различіе между матеріальнымъ и психическимъ міромъ на самомъ дѣлѣ сводится въ различію между психическими данными, хотя и разныхъ порядковъ, но по существу своему однородными; однако этимъ вопросъ не разрѣшается, а только получаетъ другой видъ. Если мы знаемъ и изучаемъ внѣшній міръ по впечатлѣніямъ, которыя онъ производитъ въ душѣ, то спрашивается: таковъ ли

онъ самъ по себѣ, въ дѣйствительности, какимъ намъ представляется въ производимыхъ на насъ впечатлѣніяхъ? На этотъ вопросъ идеализмъ не имѣетъ отвѣта: съ психологической точки зрѣнія, внѣшняя природа, сама по себѣ, также намъ недоступна, какъ съ реальной—недоступна душа. Выходить, что философы-идеалисты и психологи старой школы тоже попали въ лабиринтъ, изъ котораго, какъ ни блуждали, не могли найти выхода въ матеріальный міръ. Послѣдовательный идеализмъ склоненъ отрицать дѣйствительное существованіе внѣшней природы внѣ души, какъ реализмъ—дѣйствительное существованіе психическаго міра, хотя опытъ и повѣрка на каждомъ шагу убѣждаютъ въ томъ, что матеріальный міръ существуетъ несомнѣнно. Не имѣя возможности знать внѣшніе предметы непосредственно и судя о нихъ только по дѣйствию ихъ на органы внѣшнихъ чувствъ, мы вынуждены предположить, что между этими предметами и явленіями и впечатлѣніями, которыя отъ нихъ получаютъ, должно существовать постоянное правильное соотвѣтствіе и соотношеніе; не будъ этого, мы не узнавали бы извѣстныхъ намъ предметовъ и знакомыхъ людей, не могли бы найтись во внѣшнемъ мірѣ, изучать его законы, приспособлять его къ нашимъ нуждамъ. Только на правильности этого предположенія и основана достовѣрность нашего реальнаго знанія, въ которомъ кажется нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, особливо въ виду громаднхъ успѣховъ положительныхъ наукъ, результатами которыхъ мы наслаждаемся и гордимся.

Итакъ, ни реальныя, ни психологическія изслѣдованія, отдѣльно взятыя, не разрѣшаютъ задачи. Безъ внѣшнихъ впечатлѣній невозможно знаніе матеріальныхъ явленій, безъ психическихъ наблюденій—знаніе явленій психическихъ. Оба пути указываютъ на непосредственную, тѣснѣйшую, органическую связь въ человѣкѣ души и тѣла, но ни одинъ изъ нихъ не даетъ средствъ изслѣдовать оба составные элемента человѣческой природы. Ея двойственность, породившая дуализмъ и составлявшая преобладающій интересъ средневѣковой науки, отступила на второй планъ, а на первый выдвинулся вопросъ о ея единствѣ. На разрѣшеніи этого вопроса сосредоточены теперь всѣ усилія науки.

IV.

Дуализмъ, безсознательно лежащій въ основаніи всѣхъ нашихъ воззрѣній.— Душа и тѣло различны, но не противоположны другъ другу.—Характеристическія особенности матеріальныхъ и психическихъ явленій.—Анализъ явленій, стоящихъ на рубежѣ между матеріальнымъ и психическимъ міромъ.—Видѣнія и галлюцинаціи вообще.—Произвольныя движенія.—Сновидѣнія.—Ощущенія и чувства.—Отношеніе чувствъ къ представленіямъ и мыслямъ.—Выводы.

Чрезвычайная сбивчивость нашихъ понятій обо всемъ, что хоть издалека касается психической жизни, нашъ скептицизмъ, почти обратившійся въ хроническую болѣзнь, и послѣдній, неизбежный его результатъ — полное равнодушіе къ психологическимъ задачамъ, подъ корень подтачивающее нравственную жизнь,—все это происходитъ, какъ намъ кажется, отъ вошющаго противорѣчія, въ которомъ застряла современная мысль,—противорѣчія, котораго мы однако не только не видимъ, но даже едва ли подозреваемъ.

Средневѣковой дуализмъ, какъ сказано, поколебленъ въ своихъ основаніяхъ реальными и психологическими изслѣдованіями, которыя выдвинули впередъ заслоненное и почти забытое единство человѣческой природы. Оно стало основнымъ началомъ и точкою отправленія всѣхъ философскихъ воззрѣній и всѣхъ научныхъ изслѣдованій. Судя по горячему убѣжденію, съ какимъ это начало проводится во всемъ и всюду, можно бы думать, что дуализмъ побѣжденъ окончательно; на самомъ же дѣлѣ онъ только скрылся, какъ бы вошелъ внутрь, и несмотря на торжественно провозглашенное начало единства, продолжаетъ составлять необходимую, неизбежную предпосылку всѣхъ воззрѣній и изслѣдованій. Дѣйствіе его на насъ тѣмъ сильнѣе и глубже, чѣмъ менѣе мы обращаемъ на него вниманія, въ спокойной увѣренности, что всѣ счеты съ нимъ давно покончены и приговоръ ему подписанъ. Въмѣсто того, чтобъ идти рука объ руку къ объясненію человѣческой природы, которая для реальныхъ и психологическихъ изслѣдованій въ отдѣльности остается непонятною, реализмъ и идеализмъ по прежнему дышатъ враждою другъ въ другу и какъ въ старину присвоиваютъ, каждый исключительно себѣ, обладаніе талисманомъ, передъ которымъ должны раскрыться всѣ тайны природы и человѣческой души. Еще не такъ давно идеализмъ отодвигалъ на послѣдній планъ матеріальный міръ, чуть-чуть не отрицалъ его; теперь реализмъ, въ свою очередь, поступаетъ точно также съ психическимъ міромъ. Оба направленія выставляютъ на своемъ знамени единство

человѣческой природы, а между тѣмъ оба приступаютъ къ изслѣдованіямъ съ дуалистической задней мыслью, будто душа и тѣло противоположны другъ другу, исключаютъ себя взаимно. Предполагая, что единое начало заключается только въ тѣлѣ, или только въ душѣ, реалисты и идеалисты очевидно остаются при дуалистическихъ воззрѣніяхъ. Выходить, что реализмъ и идеализмъ представляютъ новое направленіе только съ виду, а на самомъ дѣлѣ они лишь придаютъ старому содержанію новую форму, только его рационализируютъ. Еслибъ они дѣйствительно выражали собою новое начало, то имъ слѣдовало бы прежде всего подвергнуть критическому анализу ту гипотезу, съ которой они выходятъ на изслѣдованія, и уяснить, въ самомъ ли дѣлѣ душа и тѣло представляютъ два крайніе термина несогласимаго противорѣчія, въ самомъ ли дѣлѣ они исключаютъ другъ друга? Но этого ни идеалисты, ни реалисты не дѣлаютъ, а принимаютъ свою точку отправленія на вѣру, по преданію, и дуализмъ продолжаетъ господствовать по прежнему, только подъ фирмою новаго начала и новыхъ воззрѣній.

Вотъ въ чемъ, какъ мы думаемъ, кроется внутреннее противорѣчіе современныхъ направленій, приводящее къ скептицизму. Нельзя въ одно и то же время признавать и единство и двойственность человѣческой природы. Что-нибудь изъ двухъ: или она двойственна, и въ такомъ случаѣ наукѣ предстоитъ изучить отдѣльно каждый изъ ея составныхъ элементовъ, отъ первыхъ его проявленій до послѣднихъ, не трудясь напрасно надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса, какъ, почему и для чего эти элементы соединены между собою въ одно цѣлое; или же человѣческая природа едина — и тогда въ ней нѣтъ и не можетъ быть непримиримыхъ противоположностей; элементы ея, повидимому враждующіе между собою, исключаютъ другъ друга, на самомъ дѣлѣ должны быть не что иное, какъ различія, видоизмѣненія одного и того же начала. Но въ такомъ случаѣ и приемы изслѣдованія должны быть другіе; не для чего отрицать тотъ или другой изъ этихъ элементовъ, отыскивать только въ одномъ изъ нихъ единство человѣческой природы; надо, напротивъ, поставить оба рядомъ, изучать ихъ сравнительно, разслѣдовать, насколько возможно, ихъ взаимныя отношенія и отсюда уже дѣлать выводы и заключенія о характерѣ и свойствахъ каждаго изъ нихъ, о ихъ значеніи и роли въ общей экономіи человѣческой жизни.

Къ этому пути приводитъ насъ объясненное выше безсиліе реальныхъ и психологическихъ изслѣдованій разрѣшить предложенные вопросы; а непрерывное взаимодѣйствіе души и тѣла,

ихъ несомнѣнное, доказанное вліяніе другъ на друга при кажущейся ихъ разнородности и раздѣльности, ихъ глубокая другъ отъ друга зависимость, наконецъ, совершенная невозможность разграничить, точнымъ образомъ, элементы матеріальныя и психическіе, — все это окончательно убѣждаетъ, что другого пути нѣтъ и быть не можетъ. Психическая и матеріальная жизнь вырастаютъ на одной общей почвѣ и представляютъ видоизмѣненіе одного и того же общаго начала, которое потому недоступно, что мы до сихъ поръ не можемъ, несмотря на всѣ усилія, уловить и объяснить непосредственный переходъ изъ психической среды въ матеріальную и наоборотъ, изъ матеріальной въ психическую. Недостаточность знанія въ этомъ случаѣ не должна насъ смущать; она чувствуется во всѣхъ положительныхъ наукахъ; физиологія тоже не въ состояніи различить животныхъ низшихъ ступеней отъ растений.

Такимъ образомъ, если средневѣковая гипотеза о двойственности человѣческой природы не даетъ ключа ко всѣмъ явленіямъ, то необходимо, взамѣнъ этой гипотезы, принять другую; но принявъ ее, не слѣдуетъ, по примѣру идеалистовъ и реалистовъ, объяснять человѣческую природу помощью одной психической или одной матеріальной жизни; надобно изъ сравнительнаго изученія той и другой вывести основанія антропологіи и психологіи въ смыслѣ положительной науки.

Чтобъ твердо стать на этотъ путь необходимо, прежде всего, опредѣлить характеристическіе признаки, по которымъ можно было бы безошибочно различать явленія психическія отъ матеріальныхъ, ибо при непосредственной, органической связи между душою и тѣломъ и проистекающемъ отсюда тѣсномъ сближеніи между тѣми и другими, ихъ, во многихъ случаяхъ, легко перемѣшать и принять одни за другія. Но отыскать эти признаки и точнымъ образомъ указать ихъ гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Общее сознаніе разумѣетъ подъ психическимъ что-то внутреннее въ противоположность внѣшнему, безтѣлесное въ противоположность матеріальному, неподлежащее внѣшнимъ чувствамъ въ противоположность доступному для внѣшнихъ чувствъ. Исходной точкой для этой характеристики служить внѣшній міръ и психическое опредѣляется лишь отрицательными признаками; но такіе признаки, очевидно, весьма недостаточны. Что значитъ внутреннее, въ отличіе отъ внѣшняго? Вѣдь знаемъ же мы внутреннія и наружныя части тѣла; значитъ и матеріальный фактъ можетъ быть внутреннимъ. Также мало значитъ и различіе тѣлеснаго отъ безтѣлеснаго. Если тѣло дѣйствуетъ на душевныя состоянія, и наоборотъ, послѣднія имѣютъ вліяніе

на физическое здоровье и на наши внѣшнія дѣйствія и поступки, то очевидно, что между тѣми и другими должна быть тѣсная связь; а тѣсная связь необходимо предполагаетъ однородность элементовъ, иначе они никакъ не могли бы дѣйствовать другъ на друга. Итакъ, необходимо допустить, что психическія и физическія явленія имѣютъ между собою общее и противопоставлять ихъ, называя одни матеріальными, другія нематеріальными въ сущности значитъ не сказать ничего. Наконецъ, также шатко и неопредѣленно противоположеніе подлежащаго и подлежащаго внѣшнимъ чувствамъ. Во-первыхъ, обманъ чувствъ отнимаетъ у такого различенія всякую объективную цѣну; въ припадкѣ галлюцинаціи больному представляются несуществующіе внѣшніе предметы, въ реальности которыхъ онъ не сомнѣвается; а во-вторыхъ, увѣренность, что мы имѣемъ дѣло непосредственно съ внѣшними, реальными предметами, есть, какъ показано выше, тоже своего рода обманъ чувствъ.

Неудовлетворительность этихъ признаковъ заставляетъ искать другихъ. Общее сознаніе противопоставляетъ матеріальный міръ психическому, не подозревая, что первый изъ нихъ непосредственно намъ недоступенъ. Теперь, когда мы это знаемъ, когда мы удостовѣрились, что матеріальный міръ представляется намъ въ видѣ впечатлѣній, производимыхъ имъ въ душѣ, а впечатлѣнія принадлежать въ числу психическихъ явленій, мы должны характеризовать и различать не внѣшній и психическій міръ, а только разныя психическія явленія: съ одной стороны, внѣшнія матеріальныя впечатлѣнія на душу, съ другой — всѣ прочіе психическіе факты. Для этого, отбросимъ переходныя ступени съ смѣшаннымъ характеромъ и остановимся, для правильности сравненія, только на однихъ крайнихъ оконечностяхъ расходящихся явленій того и другого порядка. Различіе ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: то что мы называемъ матеріальнымъ — единично, бессознательно, непроизвольно; напротивъ, психическому приписывается идеальность, сознательность, произвольность.

Эта характеристика требуетъ поясненій.

Когда мы говоримъ, что матеріальное, по существу своему, единично, а психическое идеально, то это не значитъ, что только первое имѣетъ индивидуальное бытіе, а второе его не имѣетъ. Напротивъ того, самосознаніе прямо указываетъ на индивидуальность, единичность души; каждый человѣкъ сознаетъ себя какъ единое, а не какъ совокупность нѣсколькихъ существъ и выражаетъ это сознаніе въ словѣ: я. Противоположеніе единичнаго идеальному имѣетъ только тотъ смыслъ, что въ природѣ матеріальнаго, какимъ оно отражается въ душѣ, лежитъ обособ-

ленность, свойство существовать въ видѣ отдѣльнаго предмета и этимъ довольствоваться; тогда какъ психическое, по природѣ своей, есть единичное или обращенное или стремящееся обратиться въ общее и подчиненное общему, — отдѣльное, обособленное, возведенное или возводимое въ общее. Камень, дерево и вообще всѣ внѣшніе предметы существуютъ, каждый самъ по себѣ; матеріальные предметы не знаютъ другого вида существованія; а въ психической переработкѣ представленія о внѣшнихъ единичныхъ предметахъ обобщаются и общія понятія составляютъ характеристическую особенность явленій, называемыхъ психическими; общія понятія о деревѣ, напримѣръ, или о камнѣ составляютъ явленія психическія, имѣющія идеальное, а не реальное существованіе. Разбирая чувства, желанія, стремленія людей, мы также отличаемъ между ними тѣ, которыя имѣютъ предметомъ единичное отъ тѣхъ, которыя имѣютъ болѣе общій характеръ и на этомъ основаніи считаемъ одни болѣе матеріальными, другія — болѣе духовными; такъ половое влеченіе имѣетъ предметомъ единичный матеріальный фактъ; напротивъ, любовь, которая безспорно находится въ связи съ половыми побужденіями, вызываетъ въ душѣ самыя идеальныя стремленія, нравственно просвѣтляетъ человѣка и возвышаетъ любимое существо въ идеалъ добра и красоты, передъ которымъ порывы чувственности отступаютъ на второй планъ. Въ рабскомъ чувствѣ личное достоинство приносится въ жертву своекорыстнымъ расчетамъ, которыхъ ближайшая или отдаленная цѣль — матеріальные, т.-е. единичные предметы; напротивъ преданность, основанная на нравственной оцѣнкѣ лица, сопровождается идеальными чувствами и стремленіями, до забвенія матеріальныхъ расчетовъ и выгодъ. Точно также эгоисты относятъ все къ индивидуальному, личному, единичному я, тогда какъ люди, способные къ самоотверженію, приносятъ себя въ жертву общему, идеѣ и чрезъ нихъ, для нихъ, лицу, имѣющему ближайшее отношеніе къ ихъ идеаламъ. То, что мы называемъ животнымъ инстинктомъ въ противоположность идеальнымъ стремленіямъ, сводится къ тому, составляетъ ли предметъ исканій единичный матеріальный фактъ, или этотъ фактъ осложненъ общимъ элементомъ, въ немъ распущенъ, улетученъ и является въ преображенномъ видѣ.

Сознательность, въ противоположность безсознательности, точно также считается отличительнымъ признакомъ психическаго факта. Дѣйствіями и поступками безсознательными человѣкъ приравнивается къ внѣшней природѣ; только сознательныя его

дѣйствія считаются психическими, потому что только душа имѣетъ свойство знать то, что въ ней есть или происходитъ.

• Наконецъ, характеристическимъ различіемъ дѣятельности психической отъ матеріальной признается и то, что первая свободна, а вторая нѣтъ; что человѣкъ можетъ, по своему усмотрѣнію или произволу, поступить такъ или иначе, а предметы внѣшней природы осуждены роковымъ образомъ подчиняться внѣшней необходимости и слѣпо слѣдуютъ ея законамъ.

Зная эти отличительные признаки психическаго и матеріальнаго, воспользуемся сдѣланными уже сравнительными изслѣдованіями явленій, происходящихъ, такъ сказать, на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементовъ, и въ которыхъ эти элементы непосредственно между собою соприкасаются. Тщательный анализъ такихъ явленій всего ближе можетъ объяснить отношенія психической среды къ матеріальной, а съ тѣмъ вмѣстѣ условія и особенности психической жизни, которая насъ здѣсь преимущественно занимаетъ.

Изъ физиологіи извѣстно, что нервы чувствъ проводятъ внѣшнія впечатлѣнія въ душу, другими словами, что они служатъ посредниками между матеріальнымъ міромъ съ одной стороны, психическимъ съ другой. Но видѣнія и вообще галлюцинаціи представляютъ поразительныя отступленія отъ обыкновеннаго порядка полученія внѣшнихъ впечатлѣній. При нормальномъ состояніи, внѣшнее впечатлѣніе есть результатъ дѣйствія на органы чувствъ предметовъ или явленій внѣшняго міра. Такъ какъ дѣйствіе каждаго предмета или явленія и производимое имъ впечатлѣніе находятся между собою въ постоянномъ правильномъ соотношеніи и соотношеніи, то это и придаетъ получаемымъ впечатлѣніямъ объективный характеръ, безъ котораго не были бы возможны ни знаніе, ни наука; въ видѣніяхъ же и галлюцинаціяхъ, напротивъ, люди получаютъ внѣшнія впечатлѣнія или безъ всякаго участія внѣшнихъ явленій и предметовъ, или послѣдніе дѣйствуютъ на органы чувствъ ненормальнымъ образомъ, производятъ ненормальныя впечатлѣнія. Самъ по себѣ этотъ фактъ не представляетъ ничего особеннаго; есть много другихъ явленій, указывающихъ на ту же способность души; такъ, люди съ сильнымъ воображеніемъ, поэты и художники, одарены ею иногда въ высокой степени; характеристическое свойство видѣній и галлюцинацій составляетъ то, что они, по своей яркости, до того сходны съ внѣшними впечатлѣніями, что находящійся въ состояніи галлюцинаціи не различаетъ ихъ другъ отъ друга.

Галлюцинаціи и видѣнія не только воспроизводятъ впечат-

лѣнія внѣшнихъ предметовъ существующихъ или существовавшихъ и извѣстныхъ, но представляютъ предметы небывалые, фантастическіе. Замѣчательно также, что галлюцинаціи и видѣнія всегда бываютъ произвольны. Но самое удивительное то, что извѣстнаго рода ненормальныя психическія состоянія зависятъ отъ извѣстныхъ матеріальныхъ причинъ и сопровождаются, съ неизмѣнною правильностью, только извѣстными галлюцинаціями, какъ мы уже видѣли на примѣрѣ больныхъ отъ перепоя.

Всѣ эти данныя приводятъ къ любопытнымъ соображеніямъ. Они указываютъ въ человѣкѣ на два стремленія или тока, идущихъ, въ противоположномъ направленіи, на встрѣчу другъ другу: одинъ несетъ въ душу извнѣ дѣйствія и вліянія матеріальнаго міра, другой какъ бы выноситъ изъ души эти дѣйствія и вліянія во внѣшнюю дѣйствительность, иногда въ переработанномъ видѣ и нерѣдко въ такихъ яркихъ, живыхъ краскахъ, что обманываетъ наши чувства, и мы принимаемъ видѣнія за внѣшніе реальные предметы и явленія. Еслибъ не было другихъ данныхъ, то одного этого было бы уже совершенно достаточно, чтобъ доказать существованіе особаго психическаго центра, какъ источника явленій особаго порядка, хотя очень возможно и даже очень вѣроятно, что галлюцинаціи происходятъ вслѣдствіе извѣстныхъ ненормальныхъ состояній физическаго организма; сверхъ того, изъ приведенныхъ данныхъ оказывается, что дѣятельность души, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ быть произвольной, другими словами, что она въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ по однимъ законамъ съ матеріальной природой, которая не знаетъ произвольныхъ движеній. Находясь въ нормальномъ состояніи, душа свободно относится къ своимъ внутреннимъ явленіямъ и движеніямъ и различаетъ внѣшнія впечатлѣнія отъ воссозданій ихъ въ психической средѣ; напротивъ, ненормальныя психическія состоянія выражаются въ произвольныхъ представленіяхъ, которыя, судя по нѣкоторымъ наблюденіямъ, находятся въ постоянномъ, правильномъ соотвѣтствіи съ причиною ненормальнаго состоянія; такъ, люди, страдающіе хроническими болѣзнями печени, находятся подъ гнетомъ представленій, вызывающихъ печаль; нерѣдко самыя обыкновенныя, безразличныя или даже радостныя представленія получаютъ, въ глазахъ ипохондрика, мрачную окраску, служатъ основаніемъ и поводомъ къ самымъ горестнымъ заключеніямъ и выводамъ; гнетъ ихъ на душу бываетъ такъ силенъ, что человѣкъ рѣшается на самоубійство, чтобъ только избавиться отъ нестерпимыхъ нравственныхъ мукъ; здѣсь, очевидно, болѣзненное физическое состояніе отражается въ душѣ произвольными представленіями извѣст-

наго порядка. Обыкновенно, горестныя представленія у различныхъ людей различны; каждому представляется, при такомъ состояніи, именно то, что для него имѣть особенно прискорбное значеніе. Мы знаемъ людей, у которыхъ даже временное физическое разстройство всегда сопровождается воспоминаніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ ихъ жизни, глубоко ихъ опечаливавшихъ; боязливость или пугливость, часто сопутствующая болѣзненному состоянію, выражается у многихъ живымъ представленіемъ опасности, которой они когда-то подверглись, во всей ужасающей ея обстановкѣ. Припомнимъ также, что горячечный бредъ состоитъ въ произвольной, самой безпорядочной, безтолковой смѣнѣ бессмысленныхъ и безсвязныхъ представлений; наконецъ, страдающіе горячечными припадками отъ перепоя, какъ мы видѣли, имѣютъ вездѣ и всегда одни и тѣ же видѣнія, находящіеся, повидимому, въ правильномъ, постоянномъ соотвѣтствіи съ матеріальною причиною болѣзненныхъ припадковъ. Отсюда слѣдуетъ, что болѣзненныя состоянія, происходящія отъ чисто-матеріальныхъ, физическихъ причинъ, когда они дѣйствуютъ на душу, обнаруживаются въ ней извѣстнымъ ходомъ представленій и ея къ нимъ отношеніями: при нормальномъ состояніи, душа сама вырабатываетъ представленія и относится къ нимъ свободно; при ненормальномъ же, это отношеніе измѣняется и, смотря по роду и степени болѣзненности, становится менѣе свободнымъ или вовсе несвободнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ подборъ представленій, состоящій въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ болѣзненнымъ состояніемъ; какимъ образомъ онъ производится и по какому закону — это мы постараемся объяснить ниже, когда будемъ говорить объ ощущеніяхъ.

Такимъ образомъ, все указываетъ на то, что внѣшнія впечатлѣнія доставляютъ матеріалъ душѣ (хотя, какъ мы увидимъ, далеко не весь); но этотъ матеріалъ перерабатывается ею самостоятельно и въ томъ новомъ видѣ, какой въ ней получаетъ, подчиняется или ея власти, или по крайней мѣрѣ ея состояніямъ.

Изложенные факты соотвѣтствуютъ цѣлому ряду другихъ, имъ противоположныхъ. Психическія движенія и состоянія, какъ сказано, бываютъ часто результатомъ причинъ чисто физическихъ; точно также и наоборотъ: психическія состоянія, вызываемыя какъ внѣшними, такъ и чисто-психическими вліяніями и дѣйствіями, оказываютъ внезапное или постепенное, переходящее или постоянное дѣйствіе на физическій организмъ. Тысячи наблюдений не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія: неожиданное горе или радость, страхъ, испугъ, производятъ бо-

лѣзни, даже разстройство ума. Радостное, спокойное душевное настроеніе рекомендуется врачами, какъ одно изъ необходимыхъ условій выздоровленія. Усиленный умственный трудъ отзывается болѣзненными припадками, современемъ разрушаетъ непоправимо здоровье. Всѣ эти явленія показываютъ вліяніе психической жизни на тѣло и его состоянія. Намъ скажутъ, что такое вліяніе возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ самомъ физическомъ организмѣ есть уже предрасположеніе къ извѣстнымъ состояніямъ, которыя приписываются дѣйствию психическихъ вліяній. Это не подлежитъ сомнѣнію, но нисколько не опровергаетъ того, что мы говоримъ; еслибъ въ тѣлѣ не было предрасположенія, психическія вліянія оказались бы недействительными, какъ доказываютъ многіе примѣры; но мы и не утверждали, что одной силы психическихъ движеній и состояній достаточно, чтобъ произвести извѣстныя физическія явленія въ тѣлѣ, и вполнѣ согласны съ тѣмъ, что когда въ нашемъ физическомъ состояніи нѣтъ предрасположенія къ принятію психическихъ вліяній, оно ихъ и не испытываетъ; мы высказали только фактъ, основанный на неоспоримыхъ наблюденіяхъ, что психическія состоянія могутъ дѣйствовать на наше тѣло и быть источникомъ матеріальныхъ измѣненій. Изъ дуалистическихъ взглядовъ это явленіе также необъяснимо, какъ и вліяніе внѣшняго міра на жизнь души; но если предположимъ, что человѣческая природа едина, то оба явленія представляются какъ нельзя болѣе естественными. Выдѣляясь, подобно тѣлу, изъ одного, неизвѣстнаго и недоступнаго намъ источника, душа непосредственно соприкасается съ физическимъ организмомъ; во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ происходитъ такое соприкосновеніе, душа дѣйствуетъ на тѣло, тѣло на душу непосредственно, и потому, какъ матеріальныя, такъ и психическія состоянія вліяютъ взаимно другъ на друга; на дальнѣйшихъ же ступеняхъ, гдѣ душа и тѣло болѣе и болѣе расходятся, ихъ взаимодѣйствіе перестаетъ быть непосредственнымъ и принимаетъ другія, болѣе сложныя и болѣе искусственныя формы.

Примѣромъ такихъ, менѣе непосредственныхъ, болѣе сложныхъ вліяній внѣшняго міра на душу могутъ служить всѣ тѣ, чисто психическія впечатлѣнія, которыя мы получаемъ при посредствѣ внѣшняго міра. Матеріальные предметы и явленія, помимо своего объективнаго, если можно такъ выразиться, матеріальнаго значенія, имѣютъ еще для человѣка свой особый, субъективный смыслъ. Такая-то гора, рѣка, роща, кромѣ общаго для всѣхъ людей смысла, имѣютъ для меня, по особеннымъ обстоятельствамъ и воспоминаніямъ, особое значеніе и потому

производить только на меня впечатлѣнія, которыхъ другіе вовсе не испытываютъ. Письмо, книга, ноты имѣютъ, какъ матеріальные предметы, одно значеніе, какъ условные знаки представленій, мыслей, звуковъ, — другое; наконецъ, для извѣстныхъ лицъ, по особеннымъ къ нимъ отношеніямъ этихъ представленій, мыслей, звуковъ, — еще третье, чуждое всѣмъ прочимъ людямъ. Такое чисто-психическое дѣйствіе на насъ внѣшняго міра существенно разнится отъ тѣхъ непосредственныхъ матеріальныхъ дѣйствій и вліяній, о которыхъ было говорено выше. Въ чемъ же состоитъ разница? Въ томъ, что тамъ шла рѣчь объ условіяхъ, о первыхъ зачаткахъ психической жизни, а здѣсь мы говоримъ о явленіяхъ той же психической жизни, но уже развившейся, которая относится къ внѣшнему міру какъ самостоятельный организмъ, какъ источникъ извѣстныхъ явленій.

Пойдемъ далѣе. Первые движеній играютъ въ психической жизни роль противоположную нервамъ чувствъ. Последніе служатъ проводниками внѣшнихъ впечатлѣній въ душу; первые движеній, напротивъ, служатъ ей орудіями для исполненія или осуществленія ея рѣшеній во внѣшнемъ мірѣ. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ фактомъ, совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ съ дуалистической точки зрѣнія и вполне естественнымъ и понятнымъ, когда предположимъ, что душа и тѣло происходятъ изъ одного общаго источника, вслѣдствіе чего между ними существуетъ нерасторжимая связь. При такомъ предположеніи, насъ не можетъ занимать вопросъ, какимъ образомъ душа непосредственно передаетъ тѣлу свои велѣнія, и весь интересъ изслѣдованія сосредоточивается на объясненіи формъ, въ какихъ этотъ фактъ совершается или выражается.

Тѣлесныя дѣйствія, выполняемыя посредствомъ нервовъ движенія по рѣшеніямъ души, называются произвольными. Въ какой мѣрѣ такія рѣшенія добровольны или вынуждены, свободны или необходимы, — этотъ вопросъ мы оставимъ пока въ сторонѣ и займемся имъ впослѣдствіи, въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь остановимся на томъ, что когда мы рѣшаемъ въ себѣ сдѣлать извѣстное движеніе, и по такому рѣшенію дѣйствительно его выполняемъ, оно называется произвольнымъ.

Существованіе произвольныхъ движеній не подлежитъ никакому сомнѣнію; въ этомъ каждый можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ; отрицаніе ихъ есть одно изъ тѣхъ странныхъ недоразумѣній, которыми наши воззрѣнія на психическую жизнь, въ сожалѣнію, такъ богаты. Я хочу поднять руку, ступить, повернуть голову, направить свои глаза въ ту или другую сторону, сказать то или другое слово, — и дѣлаю это. Отвер-

гать дѣйствительность, несомнѣнность этихъ фактовъ значитъ преднамѣренно не хотѣть видѣть очевиднаго. Но не только эти, сравнительно простыя дѣйствія выполняются произвольно: у художника въ душѣ сложился образъ и онъ этотъ образъ, также произвольно, передаетъ или не передаетъ въ рисунокъ, въ мраморъ; у него сложилась мелодія, цѣлая музыкальная пьеса, и онъ выполняетъ или не выполняетъ ее на инструментѣ, владеть или не владеть на ноты. Нѣтъ сомнѣнй, что всѣ эти дѣйствія, представляющія болѣе или менѣе сложныя системы движеній выработались постепенно; что каждое отдѣльное движеніе, входящее въ ихъ составъ, въ свою очередь, представляетъ результатъ долгихъ опытовъ и усилій; что механическая невозможность выполнить извѣстныя желаемыя движенія, дознанная опытомъ, вводитъ рѣшенія души въ извѣстныя границы, опредѣляетъ ихъ точнѣе, соглашаетъ съ матеріальными условіями и обстановкой движенія; наконецъ, что каждое несложное движеніе имѣло сперва своимъ прототипомъ представленіе о требуемомъ движеніи, которому человѣкъ старался только подражать и лишь впослѣдствіи, съ обращеніемъ движенія въ привычку, это посредствующее звѣно между рѣшеніемъ души и движеніемъ ступсвалось; но такъ или иначе, все-таки первичная причина произвольнаго движенія заключается въ способности души направлять дѣятельность нерва.

Рядомъ съ такими, несомнѣнно произвольными движеніями мы выполняемъ множество другихъ, не только произвольныхъ, но даже вопреки рѣшеніямъ души. Одни изъ произвольныхъ движеній мы по крайней мѣрѣ сознаемъ, т.-е. знаемъ, что ихъ выполняемъ; другія, напротивъ, исполняются нами даже безсознательно, совсѣмъ безъ нашего вѣдома. Конвульсіи, судороги и т. п. приводятъ наши члены въ движенія произвольныя, которыя мы сознаемъ, но которыхъ остановить не можемъ. Гнѣвъ и вообще страсти часто вызываютъ насъ на дѣйствія, отъ которыхъ мы не можемъ удержаться, хотя и сознаемъ, что ихъ совершаемъ. Наконецъ, въ состояніи глубокаго сна, обморока, въ совершенно безчувственномъ положеніи, въ припадкѣ лунатизма и т. п. мы вполнѣ безсознательно совершаемъ множество дѣйствій, иногда очень сложныхъ. Про дѣтей-лунатиковъ рассказываютъ даже, что они, находясь въ глубокомъ снѣ, дѣлаютъ письменные переводы, грамматическіе анализы и другія классныя упражненія. Кромѣ того, сохраняя даже полное сознание и обладая всѣми умственными способностями, мы однако ежеминутно совершаемъ множество дѣйствій произвольно и безсознательно, по привычкѣ; такъ исполняемъ мы не только

отдѣльныя простыя движенія, но и цѣлыя сложныя акты, наприм., зачастую одѣваемся, раздѣваемся, заводимъ часы, ѣдимъ и пьемъ, ходимъ, даже читаемъ про себя или вслухъ, и т. п., не думая и даже вовсе не помня что дѣлали. Къ числу произвольныхъ дѣйствій и движеній принадлежатъ разныя привычки и манеры и то, что мы называемъ выраженіемъ лица, фізіономіей; они образуются изъ множества отдѣльныхъ безсознательныхъ движеній, выполняемыхъ по привычкѣ.

Дѣйствія произвольныя и произвольныя прямо противоположны другъ другу; тогда какъ первыя мы исполняемъ вслѣдствіе рѣшеній души и они, стало быть, вызываются психическимъ дѣятелемъ, вторыя, наоборотъ, выполняются автоматически, безъ всякаго участія души, нерѣдко вопреки ея рѣшеніямъ, вслѣдствіе однихъ внѣшнихъ, матеріальныхъ возбужденій и причинъ. Еслибъ дѣйствія того и другого рода различались между собою по внѣшнимъ признакамъ, мы могли бы, смотря по движенію или дѣйствію, заключать о томъ, какому именно двигателю ихъ приписать, психическому или матеріальному; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это и возможно, но въ большей части случаевъ, одни и тѣ же дѣйствія и движенія то производятся механически, то преднамѣренно и произвольно. За очень немногими исключеніями, всѣ произвольныя движенія и дѣйствія были сначала произвольными и только вслѣдствіе болѣе или менѣе долгаго въ нихъ упражненія обратились въ привычку и вслѣдствіе лишь того могутъ исполняться автоматически, произвольно и даже безсознательно. Разлагая сложныя произвольныя дѣйствія на ихъ составныя части, мы уже замѣчаемъ въ нихъ присутствіе движеній произвольныхъ, которыя вначалѣ были произвольными. Никто, несмотря на прирожденный талантъ, не можетъ сдѣлаться художникомъ, не овладѣвъ сперва техникой искусства; техника же, между прочимъ, именно и состоитъ въ умѣннѣйшій выполнять быстро и отчетливо и притомъ по привычкѣ, не думая, безчисленное множество движеній, необходимыхъ для возможно совершеннаго воспроизведенія художественнаго образа, звука и т. п. Еслибъ въ каждое мелочное движеніе, при безпрестанныхъ его повтореніяхъ, вносились и сознаніе и воля, то человѣкъ не могъ бы выполнить ни одного сколько-нибудь сложнаго и быстрого дѣйствія; оно потому и возможно, что входящія въ его составъ отдѣльныя движенія выполняются произвольно, по привычкѣ; а чтобъ приобрѣсти такой навыкъ, необходимо выучиться этимъ движеніямъ, то-есть безчисленное множество разъ продѣлать ихъ съ намѣреніемъ и сознательно. Внимательно слѣдя за постепен-

нымъ развитіемъ человѣка съ младенчества, не трудно замѣтить, что его рѣчь, физіономія и манеры образуются изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ, сначала произвольныхъ движеній, которыя мало по малу обратились въ непроизвольныя и безсознательныя; потому-то мы и узнаемъ по нимъ, какъ по признакамъ, психическія свойства и нравственную біографію человѣка.

Обращеніе произвольныхъ движеній въ непроизвольныя представляетъ интересный фактъ для объясненія психической жизни. Если Движеніе или дѣйствіе, вполне цѣлесообразное и разумное, можетъ стать непроизвольнымъ и если нѣтъ произвольнаго дѣйствія, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не могло бы обратиться въ непроизвольное, то очевидно, что душа дрессируетъ тѣло, заставляетъ его частыми повтореніями извѣстныхъ упражненій, направленныхъ къ извѣстной цѣли, принимать такую-то складку, приобрѣтаетъ такія-то привычки, и что тѣло удерживаетъ эти привычки и тогда, когда душа на него не дѣйствуетъ. Говоря: тѣло,—мы разумѣемъ весь матеріальный организмъ человѣка, въ томъ числѣ и непосредственные органы души, нервы, которые, когда душа на нихъ не дѣйствуетъ, подпадаютъ подъ законъ рефлексовъ, но рефлексовъ подготовленныхъ и формулированныхъ повторенными произвольными движеніями.

Непроизвольныя дѣйствія самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ, что психическая и матеріальная жизнь и дѣятельность не одно и то же. Непроизвольныя дѣйствія суть вполне механическія, подлежащія законамъ внѣшней природы; въ нихъ нѣтъ и слѣда участія психическаго дѣятеля, вслѣдствіе чего психологіи нѣтъ до нихъ, повидимому, никакого дѣла; но въ тоже время эти дѣйствія такъ цѣлесообразны, носятъ на себѣ такую несомнѣнную печать психическаго происхожденія, наконецъ, они до того кажутся рассчитанными, обдуманнми, предумышленными, что невольно возбуждается сомнѣніе, не слѣдуетъ ли отнести и ихъ къ явленіямъ психическимъ, такъ какъ нѣтъ внѣшняго мѣрила для различенія ихъ отъ дѣйствій произвольныхъ. Но внѣшняго мѣрила для психологіи и не нужно; для нея совершенно достаточно одного психическаго; произвольное дѣйствіе тѣмъ и отличается отъ непроизвольнаго, что въ первомъ участвуетъ психическій дѣтель, а во второмъ нѣтъ. Подобное этому различіе находимъ мы между предметами и явленіями природы съ одной стороны и матеріальными созданіями человѣка съ другой; послѣднія—такіе же матеріальные факты, какъ и первые, и подлежатъ точно также внѣшнимъ законамъ;

но они произведены человекомъ, а первые самой природой, безъ его участія.

Обратимся теперь въ сновидѣніямъ. Они, подобно разсмотрѣннымъ выше фактамъ, тоже доказываютъ тѣснѣйшую связь между психической и матеріальной стороной человѣка, — связь, необъяснимую съ точки зрѣнія дуализма. Сонъ есть физиологическое состояніе, имѣющее свои характеристическіе матеріальные признаки. При извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, которыя еще мало изслѣдованы, сонъ сопровождается психическою дѣятельностью особаго рода, столько же непохожею на обыкновенную, нормальную, какъ сонъ непохожъ на физическое бодрствованіе. Во время сна физическое зрѣніе не дѣйствуетъ, хотя бы мы спали съ открытыми глазами; въ такомъ же бездѣйствіи находятся и прочіе органы чувствъ; а между тѣмъ во снѣ мы видимъ безъ помощи глаза, слышимъ помимо ушей, говоримъ, не двигая языкомъ, ѣдимъ, ходимъ, смѣемся и плачемъ, сердимся и радуемся, обыкновенно не дѣлая всего этого физически. Цѣлыя событія, драмы, комедіи и водевили переживаемъ мы въ сновидѣніяхъ, въ качествѣ зрителей или участниковъ. Въ сновидѣніяхъ мы живемъ какою-то странной, особенной, фантастической жизнью, внѣ реальной дѣйствительности. Такая жизнь была бы рѣшительно невозможна, еслибъ человѣкъ не былъ одаренъ способностью какъ-бы обращать внутрь себя дѣятельность своихъ внѣшнихъ чувствъ. Во снѣ, дѣйствіе окружающаго реальнаго міра на человѣка не прекращается вовсе; но замѣчательно, что оно, пока спящій не проснулся, отражается въ его душѣ совершенно иначе, чѣмъ въ то время, когда онъ не спитъ. Очень вѣроятно, что эти отраженія совершаются по извѣстнымъ законамъ, только мы объ нихъ пока ничего не знаемъ; знаемъ лишь, что отраженія впечатлѣній внѣшняго міра въ душѣ спящаго не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствіемъ тѣхъ же самыхъ впечатлѣній! на душу бодрствующаго человѣка. Другая замѣчательная черта сновидѣній состоитъ въ томъ, что спящему всегда кажется, будто эти отраженія впадаютъ очень встать, но отъ чего это такъ кажется, объяснить чрезвычайно трудно. Одни впечатлѣнія внѣшняго міра, повидимому, видоизмѣняются въ душѣ спящаго, по характеру и ходу сновидѣнія, другія, наоборотъ, сами, кажется, даютъ ему другое направленіе, создаютъ новое сновидѣніе, или вводятъ въ него какой-нибудь эпизодъ. Необычайно быстрый ходъ сновидѣній и крайняя трудность производить надъ ними точныя наблюденія, отнимаютъ почти всякую возможность придти въ этомъ отношеніи къ какому-нибудь положительнымъ выводамъ; къ тому же

тотъ, кто видитъ сонъ, есть единственный и въ то же время самый ненадежный его свидѣтель. Кому не случалось, припоминая свое сновидѣніе, находить безмысленнымъ и нелѣпымъ то, что во время сна казалось вполне естественнымъ, послѣдовательнымъ и разумнымъ? Такое противоположное сужденіе одного и того же человѣка объ одномъ и томъ же предметѣ невольно заставляетъ усомниться въ способности людей, по пробужденіи, возстановлять въ своей памяти сновидѣніе со всѣми его подробностями; состоянія бодрствованія и сна слишкомъ различны, чтобы не предположить невольныхъ искаженій: точно также человѣкъ не вполне отчетливо помнить то, что думалъ, дѣлалъ, говорилъ въ пылу страсти или въ пьяномъ видѣ и т. п. Во время сна человѣкъ, вполне или отчасти, теряетъ способность сужденія и волю. Невозможное и невѣроятное въ дѣйствительности, по его собственному мнѣнію, во снѣ представляется ему не только возможнымъ, но и очень естественнымъ, совершенно въ порядкѣ вещей; безсвязное кажется послѣдовательнымъ; происходитъ ли что, кстати или некстати въ сновидѣніи, объ этомъ спящій имѣетъ весьма смутное понятіе, или не имѣетъ никакого; въ сновидѣніи очень часто происходитъ неожиданный и вовсе ни съ чѣмъ несообразный, нелѣпый поворотъ дѣла, но спящаго это нисколько не поражаетъ: безсвязное сопоставленіе фактовъ онъ принимаетъ за вполне правильный, естественный и разумный переходъ отъ одного фазиса событія къ другому. Въ то же время мы рѣдко преслѣдуемъ въ сновидѣніяхъ какую-нибудь цѣль; мы дѣйствуемъ, но почти всегда подъ роковымъ вліяніемъ обстоятельствъ, которые вынуждаютъ насъ поступать такъ, а не иначе; вмѣстѣ съ ними измѣняется нашъ образъ дѣйствій и самыя намѣренія.

Эти характеристическія черты сновидѣній приводятъ къ очень любопытнымъ и важнымъ соображеніямъ о психической жизни и ея отношеніяхъ къ матеріальной, физической. Многіе думаютъ, что воля и сознание, въ смыслѣ внутренняго зрѣнія, одно и то же: сновидѣнія доказываютъ противное; участіе въ нихъ сознания, въ этомъ смыслѣ, не подлежитъ сомнѣнію, иначе мы бы не имѣли сновъ, а самопроизвольности мы, какъ сказано, почти лишены во время сна: все дѣлается подъ вліяніемъ обстоятельствъ, какъ будто спящій вовсе неспособенъ преслѣдовать какого-нибудь плана; а какъ спящій, вмѣстѣ съ тѣмъ, теряетъ и способность сужденія, то это дѣлаетъ его окончательно игролищемъ всевозможныхъ случайностей, встрѣчающихся въ сновидѣніи. Изъ этого слѣдуетъ, что психическая жизнь не исчерпывается мышленіемъ и волею; въ нихъ выражается одна дѣятельная, активная сторона души; послѣдняя обнаруживаетъ жизнь и

въ сновидѣніяхъ, но пассивную, страдательную. Когда мышленіе и воля бездѣйствуютъ, жизнь души близко подходитъ къ жизни матеріальной природы; особенности душевной жизни, отличающія ее отъ жизни внѣшняго міра, сохраняются еще только въ какой-то непонятной и своеобразной переработкѣ внѣшнихъ впечатлѣній и въ сознаніи. Наконецъ, одновременное отсутствіе во снѣ сужденія и воли указываетъ, что между ними есть связь; сама по себѣ такая связь ничего не доказываетъ и могла бы быть случайною, еслибъ многія другія указанія не придавали ей серьезнаго значенія. Мы постараемся разъяснить ее ниже, при разсмотрѣніи самопроизвольности и самодѣятельности души.

Замѣтимъ въ заключеніе, что сновидѣніе, вмѣстѣ съ многими другими явленіями психической жизни наглядно, осязательно показываетъ, какъ близко, непосредственно соприкасается матеріальная жизнь съ психическою. Психическое явленіе всегда очень опредѣлительно различается отъ матеріальнаго, но напрасно стали бы мы разслѣдовать, гдѣ оканчивается взаимное вліяніе и дѣйствіе души и тѣла: они такъ глубоко проникаютъ другъ друга, слѣды ихъ взаимнаго вліянія проходятъ такъ далеко, что самый тонкій анализъ не въ состояніи открыть, гдѣ именно они оканчиваются.

Перейдемъ, наконецъ, къ ощущеніямъ. Ихъ анализъ раскрываетъ и объясняетъ многія новыя и любопытныя черты взаимныхъ отношеній психическаго и матеріальнаго міра.

Что такое ощущеніе? Нѣтъ термина, повидимому, болѣе точнаго и опредѣленнаго; на самомъ же дѣлѣ едва ли найдется другой, болѣе неточный и сбивчивый. Всякое внѣшнее впечатлѣніе, всякое движеніе чувства, всякое желаніе, всякое представленіе о предметѣ, намѣреніе, рѣшеніе воли есть уже ощущеніе, потому что происходятъ въ душѣ и мы объ нихъ знаемъ; сознаніе есть непремѣнное условіе ощущенія: чего мы не сознаемъ, того и не ощущаемъ. Въ этомъ общемъ смыслѣ ощущеніе, чувство и сознаніе—однозначительны. Когда человѣкъ находится въ обморокѣ, или спитъ крѣпкимъ сномъ, или совершенно опьянѣлъ, мы говоримъ, что онъ находится въ безсознательномъ или безчувственномъ состояніи, потому что онъ не знаетъ, что съ нимъ въ это время происходитъ.

Но мы различаемъ однако внѣшнія впечатлѣнія отъ чувствъ, чувства отъ желаній, желанія отъ мыслей, мысли отъ страстей и т. д. Это показываетъ, что каждое изъ этихъ ощущеній имѣетъ, кромѣ общихъ со всѣми другими свойствъ, еще и свои особенныя, характеристическія черты. Въ чемъ же онѣ состоятъ? Чѣмъ отличаются одни ощущенія отъ другихъ?

Прежде всего постараемся свести однородныя ощущенія къ группамъ и тѣмъ по возможности упростить вопросъ. Мы различаемъ между собою чувства, желанія, страсти; но вѣдь они только видоизмѣненія одного и того же рода ощущеній. Желаніе есть усиленное чувство, ставшее побужденіемъ къ дѣятельности, причиною дѣйствія; страстью также называютъ часто усиленное чувство; въ собственномъ же смыслѣ, страсть есть чувство, потерявшее всякую мѣру, вслѣдствіе крайней напряженности; перейдя мѣру и границы, чувство дѣлается ненормальнымъ, болѣзненнымъ; оттого страсть и сравниваютъ съ горячечнымъ бредомъ, когда человѣкъ не въ состояніи управлять ходомъ своихъ психическихъ отправленій; въ припадкѣ страсти человѣкъ не знаетъ самъ, что дѣлаетъ, не владѣетъ собой, безумствуетъ.

Обратимся къ другимъ ощущеніямъ. Мы назвали въ числѣ ихъ внѣшнія впечатлѣнія. Подъ ними разумѣются вообще психическіе результаты дѣйствій внѣшняго міра на органы внѣшнихъ чувствъ; только въ этомъ смыслѣ они относятся къ ощущеніямъ, потому что самая дѣятельность органовъ чувствъ, до появленія ея психическихъ послѣдствій, не есть психическое явленіе и для изслѣдованія недоступна. Но въ этомъ значеніи внѣшнія впечатлѣнія не составляютъ особаго рода или группы ощущеній; названіе ихъ указываетъ не на то, что они такое, а только на то, какъ они произошли: послѣдствіемъ внѣшняго впечатлѣнія можетъ быть и чувство, и желаніе и представленіе.

Остаются затѣмъ чувства, представленія и мысли. Послѣдніе два, какъ мы постараемся доказать ниже, принадлежать къ одной группѣ, потому что составляютъ лишь различные продукты одного и того же психического процесса.

Итакъ, всѣ перечисленныя нами ощущенія сводятся собственно къ двумъ группамъ: къ чувствамъ и представленіямъ (или мыслямъ). Общее сознаніе и наука различаютъ ихъ, однако до сихъ поръ точное ихъ различеніе составляетъ камень преткновенія для изслѣдователей. Сдѣлано много наблюденій надъ чувствами и ихъ отношеніями къ представленіямъ и мыслямъ; но выводы противурѣчаютъ другъ другу и только новое тщательное изслѣдованіе можетъ пролить свѣтъ въ эту темную и загадочную область психической жизни. Мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько долѣе на этомъ предметѣ, въ виду особенной его важности для правильного уразумѣнія душевныхъ отправленій.

Надъ объясненіемъ чувства много работали въ послѣднее время психологи-реалисты. Но обращая вниманіе исключительно

на одну матеріальную сторону чувства и опуская совершенно изъ виду психическую, они собрали много любопытныхъ данныхъ, освѣтили новымъ свѣтомъ многія отдѣльныя явленія, однако не могли удовлетворительно разрѣшить главныхъ, основныхъ вопросовъ, — что такое чувство, какое его значеніе, какъ оно относится къ продуктамъ мышленія. Еще прежде реалистовъ, матеріалисты отрицали психическій характеръ чувствъ и сводили ихъ къ чувственности, какъ къ единственному ихъ источнику. Еслибъ это было такъ, то всѣ чувства, безъ изъятія, возбуждались бы въ душѣ непосредственно, дѣйствіемъ внѣшнихъ, матеріальныхъ причинъ; но наблюденія этого не оправдываютъ: многія чувства возбуждаются непосредственнымъ дѣйствіемъ души помимо матеріальныхъ вліяній.

Психологи - идеалисты разсматриваютъ чувства съ противоположной точки зрѣнія. Для нихъ чувственность какъ будто не существуетъ; еслибъ было возможно, они охотно выключили бы чувственные движенія изъ числа чувствъ; но за совершенною невозможностью это сдѣлать, они оставляютъ ихъ въ тѣни и обращаютъ все вниманіе исключительно на чувства, находящіяся въ непосредственной зависимости отъ психической жизни и явленій. Изслѣдуя чувства съ этой точки зрѣнія и сопоставляя ихъ съ представленіями и мыслями, психологи-идеалисты приходятъ къ очень разнообразнымъ, часто противурѣчивымъ выводамъ. Для многихъ изслѣдователей этой школы вся суть жизни души заключается въ чувствахъ; мысли и представленія, въ ихъ глазахъ, не болѣе какъ блѣдный, сухой, мертвенный ихъ отпечатокъ, не передающій и малѣйшей доли той полноты духовной жизни, которая содержится въ чувствахъ. Въ противоположность представленіямъ и мыслямъ, чувство безсознательно, и потому не укладывается ни въ какое представленіе, невыразимо никакими словами, но въ то же время оно есть зародышъ представленій и мыслей; оно непосредственно и безотчетно схватываетъ истину во всей ея полнотѣ, тогда какъ мысль идетъ къ ней окольными путями, ощупью, сбиваясь и путаясь безпрестанно. Въ этомъ смыслѣ сердце — вѣщунъ: оно безотчетно видитъ и знаетъ то, чего не видитъ и не знаетъ умъ. Другая отличительная черта чувства та, что оно есть психическое состояніе произвольное; человекъ не воленъ въ своемъ сердцѣ: чувства возникаютъ въ душѣ недуманно-негаданно и исчезаютъ помимо воли, вовсе насъ не спрашиваясь. Далѣе, чувство есть нѣчто интимное, личное, внутреннее, нераздѣльное съ нашей индивидуальностью. Наконецъ, одни подмѣчаютъ въ развитіи чувствъ фазисы, постепенные переходы, совершающіеся по особымъ законамъ и гово-

рять о логикѣ чувствъ и страстей; другіе допускаютъ въ чувствѣ только различіе въ степени напряженія или силы: достигнувъ извѣстной точки, чувство переходитъ въ желаніе, потомъ въ страсть, или жѣ слабѣетъ и исчезаетъ. Въ противоположность чувству, мысль и представленіе могутъ быть совершенно ясно и точно опредѣлены и выражены; они, по природѣ своей, сознательны и находятся въ нашей волѣ и власти. По мнѣнію многихъ психологовъ-идеалистовъ, мысль, представленіе отрицаютъ чувство; когда мы называемъ чувство, говоримъ объ немъ, разбираемъ его, судимъ, оно уже исчезло, превратилось въ мысль или въ представленіе; но представленіе о чувствѣ, въ сравненіи съ нимъ самимъ, крайне блѣдно, недостаточно, несовершенно; оттого, возведеніе чувства въ мысль, въ представленіе кажется какой-то профанаціей: кто умѣетъ краснорѣчиво описывать свое чувство, того мы невольно подозреваемъ въ томъ, что онъ не глубоко чувствуетъ. Самое превращеніе въ мысль или въ представленіе убиваетъ чувство; мнѣ о Психѣ поэтически выражаетъ этотъ взглядъ въ примѣненіи къ любви; но и со всѣми другими чувствами тоже самое: они какъ будто теряютъ свою чистоту, свѣжесть и живость, перейдя въ сознаніе, сдѣлавшись предметомъ мысленія, найдя выраженіе въ словѣ, потому что представленіе, мысль, слово, въ противоположность чувству, есть нѣчто виѣшнее, выводитъ человѣка за предѣлы индивидуальной жизни, составляетъ какъ бы общее достояніе всѣхъ, имѣетъ объективный, всеобщій характеръ. Но отсюда слѣдуетъ, что мысль, представленіе выше чувства, призваны владѣть имъ, держать его въ уздѣ, въ границахъ. Въ нормальномъ состояніи разсудокъ, мысль умѣряютъ желанія и страсти, заставляютъ ихъ молчать. При такомъ взглядѣ чувство является уже не вѣщимъ глашатаемъ непосредственной истины, а чѣмъ-то слѣпымъ, неразумнымъ. Наконецъ, мысль, какъ руководитель чувства, дѣятельна, активна; чувство же, въ нормальномъ состояніи, пассивно, созерцательно, и только перейдя въ страсть, сбрасываетъ съ себя власть мысли, разсудка; за то тогда человѣкъ и дѣйствуетъ неразумно, повинуюсь, безъ разсужденія, однимъ своимъ влеченіямъ.

Таковы психологическіе взгляды на чувство. Ихъ односторонность, ошибочность и противорѣчія бросаются въ глаза.

На чемъ основано мнѣніе, будто чувство, по природѣ своей, бессознательно? Если мы знаемъ, что въ насъ оно есть, то его уже по одному этому нельзя назвать бессознательнымъ; но мы не только знаемъ, что оно въ насъ есть: мы отличаемъ его отъ мысли, отъ представленія; мало того: мы очень ясно раз-

ищаемъ одни чувства отъ другихъ, со всѣми ихъ оттѣнками. Какъ же послѣ этого назвать чувство безсознательнымъ? Противъ этого намъ замѣтатъ, что анализируется не самое чувство, а представление о немъ. Это конечно такъ; но какъ же, спрашивается, образуется представление о чувствѣ? Вѣдь представление есть, какъ мы увидимъ ниже, продуктъ сложной психической операціи, въ которую между прочимъ входитъ и подробный анализъ. Еслибъ чувство не разлагалось на признаки, не поддавалось сравненію, то оно не могло бы перейти въ представление, иначе сказать, мы бы не знали о немъ ничего; если же чувство можетъ перейти въ представление, то это одно уже доказываетъ, что оно имѣетъ признаки, значить не безсознательно.

Также несправедливо, будто чувство произвольно, а мысль, представление зависятъ отъ нашей воли. Правда, мы не можемъ, по желанію или прихоти, чувствовать такъ, или иначе, но мы можемъ возбуждать въ себѣ тѣ или другія чувства. Во-первыхъ, всѣ матеріальныя ощущенія, называемыя тоже чувствами, произвести нетрудно, подвергая себя дѣйствію извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній; но и собственно такъ-называемыя чувства можно въ себѣ возбудить, вызывая памятью тѣ или другія представленія, или подвергая себя такимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, которыя вызываютъ въ насъ представленія, сопровождаемыя извѣстными чувствами. Такъ, представляя себѣ живо умершаго друга, или вглядываясь пристально въ его портретъ, мы возбуждаемъ въ своей душѣ спавшія къ нему чувства. Мы дорожимъ письмомъ, бездѣлицей, оставленной намъ на память близкими, оттого, что эти вещи напоминаютъ о нихъ. Конечно, чувство, возбуждаемое воспоминаніемъ, уже не то, что было прежде: оно и слабѣе и осложнено другими чувствами, наприм. скорбью объ утратѣ дорогихъ лицъ; но не забудемъ, что когда мы вспоминаемъ, мы и сами уже не тѣ, что были прежде, и потому не можемъ чувствовать такъ, какъ чувствовали тогда. Совсѣмъ тѣмъ, люди вполне отдавшіеся какому-нибудь чувству, ревниво его берегущіе, или одаренные живымъ воображеніемъ и памятью, многіе годы живутъ прежними чувствами и они вызываются въ ихъ душѣ вмѣстѣ съ соответствующими представленіями. Кто сомнѣвается въ томъ, что любовь можетъ долго и свѣжо сохраняться въ душѣ, пусть только вспомнитъ, что чувства мести, оскорбленнаго самолюбія, зависти, злобы нерѣдко умираютъ вмѣстѣ съ человекомъ.

Что извѣстныя представленія возбуждаютъ въ насъ извѣстныя чувства, не подлежитъ сомнѣнію. Этимъ объясняется тайна дѣйствія на насъ художественныхъ произведеній. Зная хоро-

по человѣка, мы можемъ заранее сказать, какими чувствами онъ отвѣтитъ на тотъ или другой фактъ. Сколько людей были жертвами такого знанія! Сколько великихъ дѣлъ совершенно вслѣдствіе такого знанія сердца народныхъ массъ!

Слѣдовательно, чувство тоже можно возбуждать; а разъ это возможно, нѣтъ основанія называть чувство произвольнымъ; его только нельзя возбудить непосредственно, потому что оно или бываетъ результатомъ внѣшнихъ вліяній, или сопровождаетъ извѣстныя представленія и мысли; безъ того или другого—чувства вообще невозможны.

Съ другой стороны, несправедливо и то, будто всѣ мысли и представленія произвольны. Догадки, соображенія, открытія часто возникаютъ въ душѣ вдругъ, также недуманно-негаданно, какъ и чувства; въ этомъ каждый можетъ удостовѣриться, наблюдая надъ самимъ собой. Мы видѣли также, что ненормальныя психическія состоянія всегда сопровождаются большею или меньшею произвольностью представленій и мыслей. Наконецъ, мысли и представленія, вызываемыя внѣшними впечатлѣніями, вліяніями и дѣйствіями, всегда произвольны.

Также ошибочно мнѣніе, будто мысль активна, чувство пассивно. Мысль, представленіе, сами по себѣ, тоже пассивны; активными они становятся вслѣдствіе желаній; а желанія, какъ мы видѣли,—тѣ же чувства и отличаются отъ нихъ только степенью напряженія и силы. Желаніе придаетъ представленіямъ и мыслямъ дѣятельный характеръ; пока оно не перешло извѣстной границы, оно, въ свою очередь, видоизмѣняется, направляется мыслью, представленіемъ, какъ лошадь везетъ сѣдока и ему повинуется. Переступивъ мѣру, желаніе обращается въ страсть, незнающую никакой узды. Когда мы говоримъ, что мысль управляетъ чувствомъ, мы забываемъ, что чувства, желанія вызываютъ и какъ бы подбираютъ себѣ мысли и представленія. При нормальныхъ психическихъ отправленіяхъ, представленія и мысли, будучи разъ вызваны и подобраны желаніями, располагаются уже потомъ по объективнымъ законамъ и въ этомъ сочетаніи видоизмѣняютъ и направляютъ желанія, приводятъ ихъ въ согласіе съ объективными условіями. Такъ, желаніе мести подбираетъ въ душѣ всѣ мысли и представленія, относящіяся къ этому душевному состоянію. Жажущій мести хотѣлъ бы отмстить тотчасъ же и вполнѣ; но перебирая въ душѣ обстоятельства и обстановку, внутреннюю и внѣшнюю, онъ находитъ, что одни способы мести невозможны, другіе повлечли бы для него самого дурныя послѣдствія, третьи кажутся ему несогласными съ его достоинствомъ, честью, четвертые

слишкомъ жестоки, несоразмѣрны съ обидой или зломъ, которыя вызвали месть; словомъ, какъ только чувство мести подобрало соотвѣтствующія ему представленія, они разсматриваются уже по своему объективному характеру, и объективное ихъ значеніе опредѣляетъ видъ, родъ, степень, способъ удовлетворенія желанія, вводитъ его въ должныя границы, придаетъ ему извѣстную форму, соотвѣтствующую наличнымъ обстоятельствамъ и условіямъ.

Такимъ образомъ, многое изъ того, что повидимому составляетъ отличіе чувствъ отъ мыслей или представленій, оказывается, при ближайшей повѣркѣ, общею принадлежностью тѣхъ и другихъ.

Точно также неудовлетворителенъ взглядъ психологовъ-идеалистовъ на отношенія мысли и чувства. Они рѣзко и безусловно противопоставляютъ ихъ другъ другу, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, они неразрывно между собою связаны и находятся въ непрерывномъ взаимодействіи.

Говорятъ, будто чувство исключаетъ мысль, мысль убиваетъ чувство. Но чувство, которое боится мысли, не выноситъ ея освѣщенія, вынуждено отъ нея прятаться, есть очевидно чувство ложное, призрачное; опытъ показываетъ, что, напротивъ того, сильное чувство, проработанное мыслью и ею проникнутое, крѣпнѣтъ, закаляется, упрочивается. Мы воображаемъ, что страхъ чувства передъ мыслью доказываетъ его чистоту, цѣломудріе; напротивъ, онъ свидѣтельствуетъ только о его дряблости, безсиліи и ничтожествѣ. Да и какъ согласить желаніе уберечь во всей чистотѣ чувство отъ мысли со взглядомъ, будто чувство обладает даромъ провидѣнія истины, будто въ немъ таятся зародыши мыслей и представленій? Какъ примирить взглядъ, будто вся полнота душевной жизни заключается въ чувствѣ, съ другимъ взглядомъ, будто чувство слѣпо, неразумно и требуетъ руководства мысли? Одно изъ двухъ: или мысль и чувство исключаютъ другъ друга, или они находятся между собою въ тѣсной связи; въ первомъ случаѣ, чувство не можетъ быть источникомъ представленій, во второмъ, ему нечего бояться мысли и мысль не можетъ быть враждебна чувству.

Итакъ, изслѣдованія чувствъ, сдѣланныя психологами-реалистами и идеалистами съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, далеко не разрѣшаютъ вопроса. Кромѣ односторонности взгляда, зависящей отъ угла зрѣнія и помѣщавшей обѣимъ школамъ обнять предметъ изслѣдованія во всей его полнотѣ, неудовлетворительность результата объясняется еще и недостаточностью самаго анализа. Матеріалисты, задавшись объясненіемъ всѣхъ яв-

леній психической жизни законами внѣшней природы, просмотрѣли бросающійся въ глаза фактъ, что рядомъ съ чувствами, непосредственно вызываемыми матеріальными причинами, есть чувства, имѣющія такимъ же непосредственнымъ источникомъ представленія и мысли; идеалисты не только оставили въ сторонѣ, безъ всякаго изслѣдованія, чувственные движенія, но и въ объясненіи чувствъ, имѣющихъ болѣе идеальный, психическій характеръ, запутались и впали въ явное противурѣчіе съ фактами и съ собственными выводами.

Чтобъ выбраться изъ этой путаницы, необходимо отбросить предвзятыя дуалистическія воззрѣнія на человѣческую природу и зорче взглянуть въ факты, подлежащіе изслѣдованію.

Общее сознаніе раздѣляетъ чувства на двѣ группы: происхожденіе однихъ оно приписываетъ тѣлу, другихъ—душѣ. Первые называются чувственными движеніями или стремленіями, вторыя—чувствами въ тѣсномъ смыслѣ слова. Ощущенія холода, голода, физической боли (наприм. при ушибѣ, обжогѣ и т. п.), усталости и т. д., относятся къ первой категоріи; негодованіе, скорбь, радость, состраданіе, любовь — ко второй. Но не одни опредѣленные, единичныя ощущенія подводятся общимъ сознаніемъ подъ эти два разряда: общее состояніе, настроеніе или расположеніе, когда мы его чувствуемъ, точно также приписываются общимъ сознаніемъ тѣлу или душѣ. Мы чувствуемъ себя вообще, физически, хорошо, или худо; точно также, мы чувствуемъ извѣстное психическое или нравственное состояніе или настроеніе, которое предрасполагаетъ насъ къ такимъ или другимъ мыслямъ, чувствамъ, поступкамъ, или къ бездѣйствію и т. п. Общее сознаніе вѣрно указываетъ на ближайшій, непосредственный источникъ чувства или ощущенія; но нельзя, основываясь на такихъ указаніяхъ, дѣлать заключенія о болѣе отдаленныхъ причинахъ, производящихъ тѣ или другія ощущенія. Есть много чувствъ, которыя мы, судя по ближайшимъ ихъ поводамъ, признаемъ за чисто психическія и которыя имѣютъ однако подкладкою матеріальные инстинкты, прошедшіе чрезъ душу и преобразившіеся вслѣдствіе психической переработки; идеальная любовь, чувства семейныя, любовь къ родинѣ, къ ближнему и многія другія, самыя возвышенныя чувства, имѣютъ такое происхожденіе; вотъ что и подало поводъ матеріалистамъ, отбросивъ психическую переработку, признать чувственность за единственный источникъ чувства вообще. Мы видѣли также, — и наблюденія подтверждаютъ этотъ выводъ безчисленными данными, — что чисто физическія причины производятъ извѣстныя психическія состоянія и расположенія, которыя, въ свою оче-

есть, дѣлаютъ подборъ извѣстнаго рода мыслей и представленій. Медикамъ хорошо извѣстно, что чрезмѣрно веселое или грустное, раздражительное, капризное, возбужденное, или напротивъ, ослабленное, кислое, драблосе душевныя состоянія, которыя большинство людей готово приписать психическимъ причинамъ, очень часто бываетъ слѣдствіемъ причинъ чисто физическихъ, ступающихъ дѣйствию леченія. Но точно также чувственныя ощущенія далеко не всегда бываютъ слѣдствіемъ однихъ матеріальныхъ причинъ и вліяній, очень часто они возбуждаются представленіями, которыя мы сами, произвольно, вызываемъ въ своей душѣ, независимо отъ всякаго матеріальнаго побужденія; такъ, аппетитъ, жажда вызываются въ насъ не только естественными потребностями, но и представленіями о вкусныхъ блюдахъ и питьяхъ. Утонченныя чувственныя наслажденія, извращеніе природныхъ инстинктовъ, имѣютъ источникомъ не самые инстинкты и побужденія, а представленія; потому-то между животными и не бываетъ ни Лукулловъ, ни Де-Садовъ. Наконецъ, чувство физическаго разстройства и нездоровья далеко не всегда, непремѣнно, есть слѣдствіе физическихъ причинъ; часто оно происходитъ отъ потрясеній, имѣющихъ единственнымъ источникомъ психическія, нравственныя причины.

Приведенныя наблюденія показываютъ, что нельзя, основываясь на ближайшемъ поводѣ, возбуждающемъ въ насъ то или другое чувство, производить его изъ того или другого источника. Но насъ здѣсь интересуетъ не критическое разсмотрѣніе происхожденія каждаго чувства въ отдѣльности, а источники чувствъ вообще, и въ этомъ отношеніи свидѣтельство общаго сознанія, приписывающаго ихъ происхожденіе и матеріальному и психическому элементамъ, оказывается вполне правильнымъ, хотя его указанія первоначальныхъ источниковъ того или другого чувства часто бываютъ ошибочны.

Приведенныя наблюденія и соображенія даютъ возможность пристальнѣе взглянуть въ загадочную природу чувства. Изъ нихъ оказывается, что оно не есть самостоятельное психическое явленіе, не возникаетъ въ душѣ отдѣльно, само по себѣ, а лишь сопровождаетъ дѣйствіе и вліяніе на душу или матеріальныхъ предметовъ и явленій, или представленій и мыслей; поэтому, чувство, взятое отдѣльно отъ тѣхъ матеріальныхъ или психическихъ фактовъ, которымъ оно сопутствуетъ, есть отвлеченность, и въ этомъ видѣ, въ дѣйствительности, не существуетъ. Чувства указываютъ только на свойство, способность души чувствовать, — способность, которая однако не производить самостоятельныхъ психическихъ явленій, и всегда, по-

стоянно обусловливается предметомъ или явленіемъ, которое дѣйствуетъ на душу, и состояніемъ души, принимающей это дѣйствіе. Одинъ и тотъ же фактъ, въ одномъ человѣкѣ возбуждаетъ радость, въ другомъ сочувствіе, въ третьемъ досаду, въ четвертомъ зависть, въ пятомъ надежду, въ шестомъ разочарованіе и т. д. При малѣйшемъ измѣненіи характера или свойствъ предмета, который производитъ чувство, оно существенно измѣняется. Возьмемъ, на примѣръ, чувство надежды: и крестьянинъ надѣется, что брошенное имъ въ землю зерно дастъ плодъ; и воспитатель надѣется, что изъ его такого-то питомца выйдетъ знающій и хорошій человѣкъ; и владѣлецъ лотерейнаго билета надѣется, что онъ выиграетъ порядочную сумму; и воръ надѣется, что задуманная имъ кража удастся. Всѣ эти люди надѣются; однако чувства ихъ, которыя мы называемъ однимъ именемъ, совершенно различны, какъ различны представленія и мысли, которыя ихъ возбуждаютъ. Вотъ почему чувства такъ безконечно разнообразны: малѣйшій оттѣнокъ въ душевномъ или физическомъ расположеніи, малѣйшее измѣненіе въ предметѣ или явленіи, производящемъ чувство,—и мы уже ощущаемъ или чувствуемъ иначе.

Тѣснѣйшая зависимость чувствъ отъ психическихъ свойствъ и минутнаго расположенія или настроенія лица объясняетъ интимный, личный, индивидуальный характеръ чувства. Въ немъ выражается непосредственное отношеніе души къ внѣшнимъ предметамъ и явленіямъ, или къ мыслямъ и представленіямъ. Такое отношеніе можетъ быть болѣе или менѣе чувственное, или болѣе или менѣе идеальное, смотря потому, что возбуждаетъ чувство и въ комъ оно возбуждается. Такое вполне личное, индивидуальное значеніе чувства сближаетъ его съ матеріальнымъ міромъ, на что есть еще, кромѣ того, и другія указанія. Связь между чувственностью и собственно такъ-называемымъ чувствомъ такая тѣсная, что между ними нельзя провести точной границы и даже не всегда удастся строго различить ихъ другъ отъ друга. Чувства, не исключая самыхъ идеальныхъ, ближе дѣйствуютъ на наши физическія состоянія и расположенія, чѣмъ процессы мышленія, и наоборотъ: на чувствахъ прямо, непосредственно отражается состояніе здоровья и свѣжести или дряхлости физическаго организма.

Будучи, по своей природѣ, близки къ матеріальному міру, чувства, хорошія и дурныя, получаютъ, чрезъ психическую переработку внѣшнихъ впечатлѣній, представленій, мыслей болѣе и болѣе идеальный характеръ, одухотворяются. Высокія доблести и старческій развратъ, утонченность чувствъ и чувственности заклю-

яются въ утонченности представленій и мыслей, съ которой рука объ руку идетъ ослабленіе способности чувствовать, силы чувства. Психическіе мотивы, представленія и мысли, рано или поздно, начинаютъ преобладать въ чувствахъ надъ внѣшними впечатлѣніями; а чрезъ представленія и мысли, чувство становится въ зависимость отъ воли. Цивилизованный человѣкъ отличается отъ нецивилизованнаго не добродѣтелью и нравственными совершенствами, а только тѣмъ, что онъ менѣе подчиняется непосредственному дѣйствію внѣшнихъ впечатлѣній, боже умѣетъ его сдерживать и, смотря по обстоятельствамъ и цѣлямъ, давать или не давать ему хода. Само собою разумѣется, что о полномъ, исключительномъ господствѣ чувствъ, вызываемыхъ внѣшними впечатлѣніями, или о полномъ, совершенномъ ихъ подавленіи и упраздненіи не можетъ быть рѣчи; какъ подчиненіе тѣла душѣ, такъ и души тѣлу, имѣетъ свои предѣлы, и борьба между матеріальными и психическими элементами приводитъ только къ извѣстной степени преобладанія однихъ надъ другими, никогда къ полному торжеству тѣхъ или другихъ, ибо съ совершеннымъ прекращеніемъ борьбы прекращается и самая жизнь.

Но если чувство не есть самостоятельное психическое явленіе, если въ немъ выражается только индивидуальное, интимное непосредственное отношеніе души къ внѣшнему міру и мыслямъ или представленіямъ, то оно и не можетъ быть, какъ думаютъ нѣкоторые, зародышемъ представленій и мыслей, обнимать истину непосредственно, и притомъ полнѣе и лучше, чѣмъ знаніе, а тѣмъ менѣе можетъ оно быть враждебно мысли. Эти и подобныя имъ мистическія и романтическія противоположенія чувства и мысли обязаны своимъ происхожденіемъ неточнымъ наблюденіямъ и ошибкамъ въ анализѣ психическихъ явленій. Невыработанныя, неустановившіяся представленія, неполныя еще развившіяся, неопредѣленные мысли тоже сопровождаются чувствами; такъ какъ такія представленія и мысли не ясно сознаются, то ихъ и не различаютъ отъ сопровождающихъ ихъ чувствъ и приписываютъ послѣднимъ то, что собственно относится къ первымъ. Мы говоримъ объ идеальныхъ, прекрасныхъ и дурныхъ, нравственныхъ и безнравственныхъ, возвышенныхъ и низкихъ и т. п. чувствахъ; но само по себѣ чувство не хорошо и не дурно, не тонко и не грубо, не нравственно и не безнравственно, не возвышенно и не низко; такимъ оно является только, смотря по представленію или мысли, которыя сопровождаютъ. Ясную, выработавшуюся, во всѣхъ подробностяхъ опредѣленную мысль или представленіе еще легко различить отъ

чувства; но мысль или представленіе зарождающіяся, невыяснившіяся, блуждающія, легко сливаются въ нашемъ понятіи съ чувствомъ, которое они вызываютъ,—тѣмъ легче, что пути ихъ не вполне намъ видны и они колеблются между нѣсколькими направленіями. Эта-то трудность различить невыясненную мысль, неопредѣленное представленіе отъ возбуждаемаго ими чувства и подала поводъ приписывать послѣднему вѣщій характеръ, видѣть въ немъ зародышъ мыслей и представлений, предполагать, что чувство имѣетъ, подобно имъ, свои фазисы развитія, свою логику. Все это, на самомъ дѣлѣ, принадлежности мысли или представленія, но приписывается чувству, потому что оно отъ нихъ не различается. Чувство, по природѣ своей, просто, несложно; его въ самомъ дѣлѣ нельзя выговорить словами, такъ оно индивидуально, лично; сложнымъ оно намъ кажется, когда на душу дѣйствуютъ вмѣстѣ, одновременно, нѣсколько представлений или мыслей, или когда представленіе, мысль, не вполне выработались и вслѣдствіе того колеблются между нѣсколькими или многими представленіями или мыслями; любовь, напримеръ, имѣетъ безчисленные оттѣнки, которые объясняются примѣсю множества представлений или мыслей, какъ, напримеръ, страха лишиться любимого лица, или его привязанности, уваженія къ его достоинствамъ, предвидѣнія опасностей, горя, лишеній, которыя ожидаютъ его впереди и т. п. Вслушиваясь и вдумываясь въ инныя музыкальныя произведенія, намъ не разъ приходило на мысль, что они производятъ глубокое впечатлѣніе именно потому, что въ нихъ подмѣчены и переданы, съ удивительною полнотою, самые тонкіе, едва уловимые мотивы сложныхъ чувствъ. Мы часто говоримъ: неясное, смутное чувство, но это выраженіе неточно; на самомъ дѣлѣ есть только неясная, смутная мысль, или представленіе, которыя нами смѣшиваются съ сопровождающимъ ихъ чувствомъ.

Сказаннымъ опредѣляется отношеніе чувства къ представленію и мысли. Послѣднія выражаютъ не личныя, индивидуальныя, интимныя, а напротивъ объективныя отношенія между предметами и явленіями, и потому имѣютъ всеобщій характеръ, подлежатъ повѣркѣ и критикѣ по объективнымъ признакамъ. Представленіе и мысль,—это сама дѣйствительность, переработанная въ психической средѣ въ свойственныя и доступныя ей формы. Наука и знаніе потому только не бредъ, не призракъ, что представленія и мысли, какъ психическіе факты, воспроизводящіе дѣйствительность въ психической формѣ, способны быть выработаны до возможно полнаго, совершеннаго

ей соотвѣтствія; ихъ развитіе и совершенствованіе именно и состоитъ въ освобожденіи и очищеніи отъ всего того, что мѣшаетъ такому полному соотвѣтствію. Это значеніе представленій и мыслей лежитъ въ самой ихъ природѣ; они, по существу своему, не могутъ быть и не бываютъ непосредственны какъ чувство; самая, повидимому, простая мысль или представление есть, какъ мы увидимъ ниже, результатъ сложной психической операціи—разложенія предмета или явленія на признаки, сравненія его съ другими предметами, его признаковъ между собою и съ признаками другихъ предметовъ. Нѣтъ ни одного представленія, ни одной мысли, которая не была бы плодомъ такой операціи; но именно въ этомъ и заключается психическое значеніе представленій и мыслей; они, строго говоря, выводы, опредѣленія, результаты различенія и сравненія. Чтобъ составить, напримѣръ, понятіе о бѣломъ домѣ, надобно выдѣлить сперва каждое изъ этихъ представленій особо изъ безчисленнаго множества другихъ, сходныхъ и несходныхъ, а это возможно только чрезъ разложеніе всѣхъ ихъ на признаки и чрезъ сличеніе признаковъ между собою. Такая операція предполагаетъ сближеніе, сопоставленіе разъединенныхъ въ дѣйствительности впечатлѣній и опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній. Вотъ почему всякое представленіе, всякая мысль, даже отдѣльно взятая, неимѣющая повидимому ничего общаго съ другими, на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ опредѣленіе взаимныхъ отношеній множества различныхъ впечатлѣній. Конечно, мы можемъ понимать эти отношенія неправильно, не такъ, каковы они въ дѣйствительности; но повторенныя наблюденія и болѣе и болѣе точные опыты устраниаютъ эти ошибки и придаютъ представленіямъ и мыслямъ характеръ несомнѣнной объективности и достовѣрности, т.-е. доводятъ ихъ до возможно совершеннаго соотвѣтствія дѣйствительности. Поэтому, когда человѣкъ думаетъ или представляетъ себѣ что-нибудь не такъ какъ слѣдуетъ, мы относимъ это къ его неумѣнью, незнанію, неспособности, вообще къ личнымъ или случайнымъ причинамъ, такъ какъ въ существѣ, въ природѣ представленій и мыслей нѣтъ ничего, что бы мѣшало имъ соотвѣтствовать дѣйствительнымъ фактамъ; напротивъ, ихъ развитіе неизбежно, неудержимо вынуждаетъ ихъ стать въ соотвѣтствіе съ дѣйствительностью, получить значеніе объективной истины.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что чувствованіе и мышленіе существенно различны между собою. Первое есть свойство души извѣстнымъ образомъ отзываться на внѣшнія впечатлѣнія, мысли и представленія; второе—психическій процессъ, перерабатываю-

цій психическіе факты въ новыя формы. Чувство по природѣ своей субъективно, представленіе или мысль — объективны; то, что называютъ субъективными мыслями, взглядами, мнѣніями, на самомъ дѣлѣ, не болѣе какъ мысли и представленія ошибочныя, не выработавшіяся до соотвѣтствія съ дѣйствительностью. Чувство, вслѣдствіе того, кажется чѣмъ-то близкимъ, душевнымъ, внутреннимъ, приснымъ лицу, индивидуальному существованію, а мысль и представленіе, въ сравненіи съ чувствомъ, напротивъ, — чѣмъ-то чуждымъ, внѣшнимъ, далекимъ, холоднымъ. Въ мысли и представленіи въ самомъ дѣлѣ есть что-то роковое, беспощадное, какъ механическій законъ, какъ математическая формула, потому что они выражаютъ отношенія между дѣйствительными фактами, которые имѣютъ свой законъ, свою неумолимую логику. Въ требованіи, чтобъ чувство подчинялось разсудку, выражается задача согласить интимную, непосредственную жизнь души съ окружающею ее дѣйствительностью, или, выражаясь точнѣе, выработать субъективныя мысли и представленія до возможной объективности. О противоположности, враждѣ чувства съ мыслью и представленіемъ, послѣ всего сказаннаго, не можетъ быть и рѣчи. Такой взглядъ очень неточно выражаетъ одно изъ двухъ: или что одно психическое отправление смѣняетъ другое, или что мышленіе перерабатываетъ представленія и мысли и чрезъ это измѣняетъ самыя чувства. Первое изъ этихъ объясненій вытекаетъ изъ общаго психическаго закона, по которому мы не можемъ, въ одно и то же время, и чувствовать и размышлять о нашемъ чувствѣ; какъ только процессъ мышленія начнетъ совершать свои операціи надъ чувствомъ, сравнивать его съ другими, подмѣчать признаки, разлагать, анализировать, — чувство перестаетъ быть чувствомъ и обращается въ представленіе. Второе изъ приведенныхъ выше объясненій основано на самомъ свойствѣ чувствъ, которыя, какъ мы видѣли, не представляютъ самостоятельнаго психическаго явленія. Желая измѣнить чувство, мы не дѣйствуемъ прямо на него, потому что это невозможно, а всегда на представленія и мысли, которыя оно сопровождаетъ. Ипохондрикамъ, людямъ, которыхъ постигло большое горе, врачи рекомендуютъ развлеченіе, т.-е. смѣну обычныхъ мыслей и представленій другими, ослабленіе дѣйствія первыхъ новыми впечатлѣніями. Воспитаніе, образованіе, вообще развитіе, играютъ такую же роль: они, между прочимъ, разлагаютъ извѣстныя ассоціаціи мыслей и представленій (идеосинергизмъ) и замѣняютъ ихъ исподоволь другими, производя тѣмъ соотвѣтствующія измѣненія въ чувствахъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ представленія, мысли

могутъ господствовать надъ чувствами, до известной степени направлять ихъ.

Таковы заключенія, въ которыхъ приводитъ внимательное разсмотрѣніе чувствъ — одного изъ самыхъ темныхъ и запутанныхъ предметовъ психологіи. Если изложенный взглядъ вѣренъ, то чувства не могутъ составлять особой группы психическихъ явленій и слѣдовательно не подлежатъ классификаціи. Они, по удачному выраженію г. Ушинскаго, лишь цвѣта и краски внѣшнихъ впечатлѣній, понятій и представленій. Только недоразумѣнія заставили психологовъ смотрѣть на чувства, какъ на самостоятельныя психическія явленія, выдѣлять ихъ въ особый разрядъ и ставить чувствованіе на ряду съ мышленіемъ и дѣятельностью (волею). Какъ произошли такіа недоразумѣнія — объяснить не трудно. Мышленіе, разлагая все, отдѣлило и чувства отъ внѣшнихъ впечатлѣній, представленій и мыслей, съ которыми оно неразрывно связано, подобно тому, какъ то же мышленіе отдѣлило форму, величину, число, цвѣтъ, движеніе, разные свойства и т. п. отъ внѣшнихъ предметовъ, которыхъ они составляютъ, въ дѣйствительности, неотдѣлимую принадлежность. Затѣмъ, съ чувствами, разобщенными отъ внѣшнихъ впечатлѣній, представленій и мыслей, начались обычныя операціи ума: они обратились въ самостоятельныя представленія, разложены на признаки, по признакамъ сгруппированы въ общія понятія и т. д. Такимъ образомъ, въ душѣ сложился цѣлый особый классъ представленій и общихъ понятій о чувствахъ, — повидѣмому, точно такой же, какъ и всѣ другіе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ разрядъ психическихъ явленій рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ своимъ личнымъ, индивидуальнымъ характеромъ. Въ основѣ общихъ понятій, образовавшихся изъ свойствъ, качествъ, принадлежностей матеріальныхъ или психическихъ предметовъ, всегда лежитъ самостоятельный фактъ, почему они и имѣютъ объективный характеръ; чувства же, какъ мы видѣли, вполне зависятъ и отъ внѣшнихъ впечатлѣній, представленій и мыслей, съ которыми связаны, и отъ лица, которое чувствуетъ или ощущаетъ. Вслѣдствіе того, понятіе или представленіе о чувствѣ не имѣетъ опредѣленнаго содержанія, есть чистая отвлеченность. Возьмемъ, напримѣръ, понятіе о счастьи и попробуемъ опредѣлить его; кромѣ общихъ мѣстъ, лишенныхъ всякаго значенія, объ немъ нельзя сказать ничего; счастье есть чувство, столько же различное, сколько есть людей на свѣтѣ и столько же разнообразное, какъ впечатлѣнія, представленія и мысли, которыя живутъ въ человѣческой душѣ. Этимъ объясняется, почему теоріи «эвдемонизма», бывшія когда-то въ боль-

шомъ ходу, исчезли, оказавшись совершенно безсодержательными и голословными. Эвдемонизмъ предполагаетъ, что у людей есть одинъ идеаль благополучія, а это возможно только въ первобытныхъ, мало развитыхъ и притомъ небольшихъ человѣческихъ обществахъ, да и то при крѣпкихъ нравахъ, сильномъ господствѣ обычая, составляющаго для всѣхъ членовъ общества предметъ непоколебимаго вѣрованія. Только такой идеаль счастья можетъ имѣть очень опредѣленную, положительную форму. Когда всякій разумѣетъ подъ счастьемъ одно и то же, нѣчто весьма простое, опредѣленное и практически достижимое, эвдемоническая теорія имѣетъ свой смыслъ, который хотя не выраженъ, но подразумѣвается. Но при сильно развитомъ индивидуализмѣ, въ обществѣ, гдѣ формы общежитія едва сдерживаютъ безконечно разнообразныя идеалы личнаго счастья, эвдемонизмъ, какъ теорія, есть бессмыслица, — понятіе субъективное, подъ которое подходитъ все что угодно. То же должно сказать и о всякомъ другомъ представленіи, въ основаніи котораго лежитъ чувство; оно только съ виду имѣетъ объективный характеръ, а на самомъ дѣлѣ за нимъ скрывается личное, субъективное содержаніе, также безконечно разнообразное, какъ сами люди.

Но если, по изложеннымъ причинамъ, чувство, отдѣльно взятое, не имѣетъ объективнаго содержанія и въ этомъ отношеніи есть скорѣе предметъ историческаго, чѣмъ теоретическаго изслѣдованія, то способность ощущать или чувствовать имѣетъ для изученія психической жизни огромное значеніе и объясняетъ многія загадочныя ея явленія. Эта способность есть первое и общее основаніе и условіе жизни души, и въ тоже время посредствующее звено между матеріальнымъ и психическимъ міромъ. Способностью чувствовать душа прикасается къ внѣшней природѣ, примыкаетъ къ ней непосредственно; вслѣдствіе того, способность эта и носить на себѣ печать матеріальнаго міра, находится подъ его ближайшимъ и сильнымъ вліяніемъ. Изъ того, что мы видѣли выше, открывается, что всѣ внѣшнія впечатлѣнія сперва чувствуются, а уже потомъ вырабатываются въ душѣ въ ясныя, опредѣленныя представленія. Чувства, возбуждаемыя въ душѣ впечатлѣніями, остаются въ тѣсной связи съ представленіями, которыя ими производятся, видоизмѣняясь вмѣстѣ съ этими представленіями по мѣрѣ ихъ переработки въ новыя формы. Оттого, различныя расположенія и настроенія и вызываютъ въ душѣ тѣ или другія представленія и мысли, дѣлаютъ имъ подборъ; оттого же, наоборотъ, извѣстныя представленія и мысли возбуждаютъ именно такія-то чувства; наконецъ, этимъ же объясняется и актъ узнаванія, основанный на томъ, что получаемыя

впечатлѣнія вызываютъ изъ глубины души соотвѣтствующія имъ представленія и мысли, съ которыми и сравниваются. Всѣ эти явленія одинаково предполагаютъ постоянную связь между чувствами и представленіями или мыслями, — связь, которая продолжается даже послѣ переработки послѣднихъ въ новыя формы. Идеализація, одухотвореніе чувства и состоитъ въ тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которымъ оно подвергается съ переработкою представлений и мыслей.

При такомъ взглядѣ, общій ходъ развитія психической жизни дѣлается довольно яснымъ. Впечатлѣнія одновременно возбуждаютъ въ душѣ и извѣстныя ощущенія и сознание этихъ ощущеній — представленія: вотъ минута перваго пробужденія психической жизни. Ощущенія или чувства и представленія, въ эту первую минуту, едва различаются между собою. Затѣмъ, изъ первыхъ простѣйшихъ представлений уже вырабатываются, особымъ процессомъ, болѣе и болѣе сложныя представленія и мысли, — міръ психическихъ явленій, воспроизводящихъ въ душѣ дѣйствительность въ психической формѣ. Такимъ образомъ, въ первыхъ, простѣйшихъ представленіяхъ лежитъ начало самостоятельной психической жизни. При дальнѣйшей переработкѣ представлений и мыслей въ новыя и новыя формы, сопровождающія ихъ чувства соотвѣтственно видоизмѣняются и съ тѣмъ вмѣстѣ становятся постепенно все въ болѣшую и болѣшую зависимость отъ хода мыслей и представлений. Способность чувствовать, съ развитіемъ психической самостоятельности, отодвигается уже на второй планъ и уступаетъ первое мѣсто представленіямъ и мыслямъ. Это наблюденіе конечно и подало поводъ утверждать, что чувство есть переходная ступень въ развитіи психической жизни, что оно должно поблкнуть и исчезнуть при торжествѣ мысли и разума; но чувствъ нельзя истребить уже потому, что чувствительность есть почва, на которой совершается психическая жизнь; это ея необходимый элементъ, ея общее условіе, отъ котораго человѣкъ, еслибъ и хотѣлъ, никакъ не можетъ освободиться. Весь вопросъ только въ томъ, совершается ли выработка представлений и мыслей послѣдовательно и правильно, или внезапными, быстрыми переворотами и скачками; въ послѣднемъ случаѣ чувствительность, какъ и всякая другая способность, матеріальная и психическая, при не-экономическомъ, безпутномъ расходованіи, растрачивается по-пусту и ослабляется. Точно также нормальное состояніе тѣла и физическое здоровье, дѣйствуя непосредственно на способность чувствовать, и чрезъ нее на психическую жизнь вообще, составляютъ необходимое условіе ея нормальныхъ отпращиваній. Итакъ, мысли

и представленія не упраздняютъ чувствъ, но выработавшись до опредѣленности и ясности, они только выдвигаются на первый планъ, а чувствительность занимаетъ, въ ряду психическихъ явленій, второстепенное мѣсто. Взглядъ на чувство какъ на переходный, несущественный моментъ, перенесеніе всей силы и всего значенія психической жизни въ одинъ разумъ могли возникнуть только въ эпоху глубокихъ потрясеній, когда цѣлый міръ представленій и взглядовъ, въ которыхъ человѣкъ обжился столѣтіями, подвергся критикѣ и ломкѣ, и приходилось замѣнить его другимъ. Чувство даетъ мысли реальный характеръ и чрезвычайную устойчивость, прочность, силу; вслѣдствіе этого, при борьбѣ съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ, пустившимъ корни, отрицательный взглядъ на чувство, какъ на главнѣйшее препятствіе къ водворенію новыхъ воззрѣній, какъ на сильнѣйшую опору низвергнутыхъ и отброшенныхъ представленій и понятій, было явленіемъ совершенно естественнымъ, при всей ошибочности отрицанія одного изъ основныхъ элементовъ психической жизни.

Замѣтимъ въ заключеніе, что правильный взглядъ на чувства и на ихъ значеніе посреди другихъ психическихъ явленій, объясняется, до нѣкоторой степени, послѣдовательную смѣну психическихъ возрастовъ, которая, съ неизмѣнною правильностью, повторяется въ развитіи людей. Первые шаги, по пробужденіи психической жизни, всегда запечатлѣны матеріальнымъ характеромъ, потому что способность чувствовать, какъ мы видѣли, будучи принадлежностью души, непосредственно граничитъ съ матеріальнымъ міромъ и проникнута его вліяніями. До выработки ясныхъ, опредѣленныхъ представленій и понятій, человѣкъ все еще находится подъ господствомъ внѣшнихъ возбужденій, да и долго послѣ того чувствительность преобладаетъ; рѣшенія, размышленія и дѣйствія въ значительной степени зависятъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній и случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Первые представленія и мысли дышатъ еще непосредственностью чувства, изъ котораго не успѣли вполне выработаться, принимаются живо, быстро переходятъ въ желанія и страсти, которыми человѣкъ, въ извѣстномъ возрастѣ, не умѣетъ противустоять, съ которыми справляется лишь съ большимъ трудомъ, да и то далеко не всегда. Но мало-по-малу все это измѣняется. Чувствительность, а съ нею сила внѣшнихъ впечатлѣній и вліяній, современемъ ослабѣваютъ; мысли и представленія одерживаютъ верхъ надъ непосредственнымъ господствомъ желаній и страстей, хорошихъ и дурныхъ. Центръ тяжести постепенно переносится все далѣе и далѣе отъ внѣшняго міра въ глубь

человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается психическая самостоятельность и самодѣятельность. Такое измѣненіе указываетъ на существованіе въ человѣкѣ, кромѣ физическаго организма, еще и психическаго центра, который находится съ матеріальнымъ въ непосредственной, тѣснѣйшей связи и служитъ источникомъ того дѣйствія на матеріальный міръ, того дѣятельнаго къ нему отношенія, которое приписывается общимъ сознаниемъ душѣ. Чѣмъ болѣе чувствительность слабѣетъ, тѣмъ замѣтнѣе и сильнѣе становится дѣятельность психическаго центра, тѣмъ болѣе непосредственное вліяніе внѣшнихъ впечатлѣній замѣняется вліяніемъ представленій и мыслей. Этими признаками безошибочно измѣряется степень возрастанія психической самопроизвольности и самодѣятельности.

V.

Душа есть самостоятельный и самодѣятельный организмъ. — Доказательства органической жизни души. — Ошибочный взглядъ идеалистовъ и реалистовъ на психическую жизнь. — Свойства и строеніе психическаго организма. — Ими объясняется существованіе идеальнаго міра, идей, неимѣющихъ первообраза въ матеріальной природѣ, психическое творчество, прогрессъ, произвольная и свободная дѣятельность. — Объясненіе разныхъ загадочныхъ психическихъ явленій свойствами и строеніемъ души. — Отчего зависитъ различіе между психическою жизнью человѣка и животныхъ? — Заслуги Локка, Канта и нѣмецкой философій.

Анализъ явленій, въ которыхъ матеріальный и психическій элементы непосредственно прикасаются, подтверждаетъ, какъ мы видѣли, нѣкоторые изъ сдѣланныхъ выше выводовъ, оправдываетъ нѣкоторыя новыя соображенія, но не разрѣшаетъ главнаго вопроса: что же такое психическая жизнь, въ чемъ она состоитъ? Разсмотрѣнные нами факты не болѣе какъ послѣдствія взаимнаго другъ на друга дѣйствія двухъ элементовъ, матеріальнаго и психическаго, и потому показываютъ взаимныя отношенія души и тѣла, ихъ связь, ихъ различіе; но что такое каждый изъ этихъ центровъ самъ по себѣ, на это въ приведенныхъ фактахъ есть указанія, намеки, но нѣтъ положительнаго отвѣта; его мы должны искать въ изслѣдованіи самыхъ этихъ центровъ. Мы ограничимся здѣсь разсмотрѣніемъ только одного изъ нихъ, именно психическаго, который исключительно насъ занимаетъ.

Все сказанное выше убѣждаетъ, что невозможно остановиться на дуалистическихъ воззрѣніяхъ и признавать душу и тѣло за противоположности, исключаютія взаимно другъ друга.

Невозможно также, вмѣстѣ съ идеалистами и реалистами, отрицать дѣйствительное существованіе матеріальнаго или психическаго міра, потому что оба оказываются источниками различныхъ явленій; итакъ, необходимо предположить, что и тѣло и душа представляютъ своего рода самостоятельные и самостоятельные организмы, непосредственно соединенные между собою тѣснѣйшимъ образомъ и взаимно обуславливающіе другъ друга.

Такой взглядъ есть прямой, естественный выводъ изъ всего предыдущаго. Мы видѣли, что психическая жизнь пропитана матеріальными вліяніями, что множество психическихъ явленій совершаются подъ условіями внѣшней природы, что вся психическая жизнь возникаетъ, развивается и обнаруживаетъ свою дѣятельность, если можно такъ выразиться, на матеріальной подкладкѣ. Если смотрѣть на жизнь души только съ этой стороны, то она дѣйствительно составляетъ какъ бы продолженіе матеріальнаго міра, и нѣтъ никакой надобности, да и никакого повода искать въ чемъ-либо другомъ, кромѣ физическихъ условій и законовъ, объясненія психическихъ явленій. Но рядомъ съ тѣмъ, множество другихъ фактовъ доказываютъ, что душа есть источникъ своеобразныхъ явленій; она, правда, срослась съ матеріальной природой, обусловлена ею, но въ то же время отличается отъ нея, самостоятельна и самостоятельна; не только тѣло имѣетъ вліяніе на душу, но и наоборотъ, душа на тѣло; не всѣ психическія явленія суть необходимый результатъ, роковое послѣдствіе матеріальныхъ условій: есть и такія, которыя указываютъ на самостоятельность души; дѣйствія ея вызываются не одними внѣшними вліяніями, но и по собственному ея почину; наконецъ, внѣшнія обнаруженія психической жизни, если и не каждый разъ, то въ большинствѣ случаевъ, вносятъ въ матеріальный міръ перестановку, иное сочетаніе данныхъ и условій и въ этомъ смыслѣ нарушаютъ естественный, необходимый ходъ матеріальныхъ явленій, видоизмѣняютъ его. Кромѣ того, внѣшній міръ и психическая среда составляютъ, несмотря на безпрестанное ихъ взаимодѣйствіе, нѣчто строго различенное другъ отъ друга. Принявъ за точку отправленія матеріальные факты, нельзя найти непосредственнаго отъ нихъ перехода къ психическому міру и наоборотъ: отправляясь отъ психической среды, нельзя найти изъ нея непосредственнаго выхода въ матеріальную природу. Что между ними существуетъ тѣснѣйшая связь, очевидно изъ непосредственнаго соединенія души и тѣла и изъ ихъ такого же непосредственнаго другъ на друга дѣйствія и вліянія; это и заставляетъ предполагать, что они—не противоположности, соединенныя между собою непонятнымъ образомъ,

а напротивъ, вѣтви, вырастающія изъ одного и того же корня и расходящіяся все болѣе и болѣе, по мѣрѣ удаленія отъ общаго ихъ источника; но процессъ непосредственнаго дѣйствія и вліянія другъ на друга души и тѣла для насъ совершенно неудобимъ и не поддается никакому анализу; мы можемъ изучать только совершившійся фактъ такого ихъ взаимодѣйствія и его результаты, какъ они выражаются въ тѣлѣ и душѣ; фактъ же и результаты представляютъ, и здѣсь и тамъ, измѣненіе состояній, и только по нимъ мы заключаемъ о свойствѣ и степени взаимодѣйствія души и тѣла.

При такой раздѣльности и обособленности матеріальнаго и психическаго міра, одинъ изъ нихъ долженъ быть для насъ недоступенъ. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ; только намъ недоступенъ не психическій міръ, какъ обыкновенно думаютъ, а напротивъ реальный, внѣшняя природа, потому что мы ее знаемъ лишь по дѣйствіямъ и вліяніямъ ея на душу, — вліяніямъ, получаемымъ ею непосредственно или чрезъ внѣшнія чувства. Первымъ путемъ измѣняются душевныя состоянія и отправленія, вторымъ доставляются впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ и явленій. Только по впечатлѣніямъ и измѣненнымъ психическимъ состояніямъ мы заключаемъ о томъ, что внѣ насъ есть реальный міръ и судимъ о его свойствахъ и характеристическихъ отличіяхъ отъ психической среды; но такіа заключенія и выводы и показываютъ, что душа имѣетъ, независимо отъ дѣйствій и вліяній на нее матеріальнаго міра, свою особую жизнь и дѣятельность, иначе мы не имѣли бы ни малѣйшаго понятія о различіи между матеріальною и психическою жизнью, не помышляли бы противупологать ихъ другъ другу; а какъ такое различіе и противуположеніе есть, и мы знаемъ, что оно существуетъ въ самой психической средѣ, т.-е. въ нашей душѣ, то изъ этого и слѣдуетъ, что жизнь ея, хотя обращена одною своею стороною къ матеріальному міру, однако не исчерпывается пассивнымъ принятіемъ его вліяній, но заключаетъ въ себѣ еще нѣчто такое, что отличаетъ ее отъ этихъ вліяній и заставляетъ отличать психическое отъ матеріальнаго.

Далѣе. Чрезъ внѣшнія чувства передаются душѣ впечатлѣнія матеріальныхъ предметовъ и явленій; но какъ эти впечатлѣнія, такъ и все что происходитъ въ душѣ мы видимъ непосредственно, внутреннимъ зрѣніемъ, психически. Итакъ, впечатлѣнія получаютъ нами двоякимъ образомъ: одни, внѣшнія, чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, другія, психическія, непосредственно душою. Чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, обращенныхъ къ матеріальной природѣ, мы ничего не можемъ знать

о томъ, что заключается или происходитъ въ психической средѣ, т.-е. въ нашей душѣ; внутреннему зрѣнію, напротивъ, недоступенъ внѣшній міръ, но открыты психическія явленія. Эти два пути, изъ которыхъ одинъ ведетъ къ внѣшней природѣ, другой въ психическую среду, подтверждаютъ взглядъ, что душа составляетъ нѣчто особое, отдѣльное отъ тѣла, несмотря на тѣснѣйшую, непосредственную ихъ связь и взаимное ихъ вліяніе другъ на друга.

Итакъ, душа представляетъ нѣчто особое, различенное отъ матеріальнаго міра, хотя и обусловлена имъ и находится подъ его вліяніемъ; но дѣйствія и вліянія его она принимаетъ не пассивно, а перерабатываетъ, претворяетъ ихъ въ себѣ; она создаетъ въ себѣ изъ этого матеріала нѣчто новое, вовсе не похожее на то, что ею принято, и обнаруживаетъ, выражаетъ это новое въ неизвѣстныхъ матеріальному міру явленіяхъ, которыя видоизмѣняютъ внѣшніе предметы и явленія и ихъ естественный, необходимый ходъ. Всѣ эти признаки составляютъ характеристическія особенности органической жизни; вотъ почему мы должны признать душу за организмъ, но конечно особаго рода, рѣзко отличающійся отъ всѣхъ другихъ, извѣстныхъ намъ во внѣшней природѣ.

Такой взглядъ, выведенный, какъ мы думаемъ, со всевозможною осторожностью изъ положительныхъ, несомнѣнныхъ данныхъ, можетъ показаться многимъ не только спорнымъ и страннымъ, но просто бессмысленнымъ и нелѣпымъ. Одни заподозрятъ насъ въ мистицизмѣ, запишутъ пожалуй въ число духовидцевъ и спиритовъ; другіе сопричислятъ къ крайнимъ матеріалистамъ и даже нигилистамъ. Ни то, ни другое нисколько насъ не удивитъ. Мы живемъ въ эпоху великихъ недоразумѣній, когда ожесточенная борьба возрѣній прекратилась не миромъ, и даже не перемиріемъ, а совершеннымъ истощеніемъ силъ противниковъ, когда подъ кажущейся самоувѣренностью люди скрываютъ глубокое раздумье, подъ наружнымъ равнодушіемъ къ вопросамъ, которые еще недавно сильно занимали умы, горестную безнадежность рѣшить ихъ. Въ такія эпохи сила убѣжденія естественно замѣняется большою щекотливостью мнѣній. Ни одно изъ нихъ не считаетъ себя побѣжденнымъ, но каждое, не имѣя силъ защищаться аргументами, упрямо и капризно держится за всѣ свои тезисы, изъ опасенія, что малѣйшая уступка поведетъ къ торжеству противника.

Мысль, что душа есть особаго рода самостоятельный организмъ, должна вызвать возраженія со стороны и идеалистовъ и реалистовъ, — этихъ послѣднихъ представителей средневѣкового

дуализма. Первымъ такой взглядъ покажется слишкомъ матеріальнымъ, потому что онъ сближаетъ душу съ внѣшней природою; имѣ душа все еще представляется чѣмъ-то неопредѣленнымъ, неудовимымъ, неподлежащимъ никакимъ законамъ, чѣмъ-то состоящимъ въ какихъ-то, тоже очень неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ тѣлу и остальной природѣ. Но если душа и психическая жизнь дѣйствительно таковы, то какъ могутъ они быть предметомъ научнаго изслѣдованія? Между тѣмъ, идеалисты, очень непослѣдовательно, строить о такихъ неопредѣленныхъ предметахъ цѣлыя теоріи, которымъ сияются присвоить научное значеніе. Съ другой стороны, реалисты, страстно и односторонне отрицающіе туманныя ученія идеализма, вѣроятно очень подозрительно взглянуть на признаніе души за самостоятельный, самодѣятельный источникъ явленій особаго рода; въ подобномъ воззрѣніи имѣ, безъ сомнѣнія, будутъ мерещиться отжившіе тезисы идеализма. И тѣ и другіе, судя о взглядѣ по готовымъ шаблонамъ, и крѣпко держась за свои ученія въ виду противника, одинаково недружелюбно встрѣтятъ всякую попытку развязать узелъ, завязанный давнымъ-давно, при совершенно иномъ состояніи наукъ и остающійся до сихъ поръ нераспутаннымъ, только благодаря безчисленнымъ старымъ и новымъ недоразумѣніямъ и предразсудкамъ. Однако когда-нибудь, рано или поздно, а придется его распутывать. Съ вопросомъ о психической жизни тѣсно связаны самые близкіе, самые дорогіе нравственные интересы человѣческаго рода. Идеалисты и реалисты, отворачиваясь отъ положительныхъ, несомнѣнныхъ фактовъ, неподходящихъ подъ ихъ воззрѣнія, оказываются равно несостоятельными вывести психологию на прямой путь; но и тѣ и другіе, съ различныхъ точекъ зрѣнія, предъявляютъ требованія, которыя вытекаютъ изъ самаго существа дѣла и не могутъ быть безнаказанно пренебрежены или отвергнуты. Вся задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы понять эти требованія и дать имъ мѣсто въ наукѣ. Мы это и стараемся сдѣлать, выставя гипотезу, что душа есть живой организмъ. Такая гипотеза, какъ мы думаемъ, разрѣшаетъ всѣ споры и недоумѣнія; только она одна въ состояніи придать явленіямъ психической жизни значеніе положительныхъ данныхъ, доступныхъ научному изслѣдованію. Постараемся объяснить нашу мысль.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что одни изъ явленій, въ которыхъ обнаруживается жизнь и дѣятельность человѣка, происходятъ вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній и возбужденій, механически, по законамъ матеріальной природы; другія, напротивъ, вызываются, повидимому, самостоятельною

дѣятельностью особаго рода, идущей изъ человѣка, независимо отъ внѣшнихъ возбужденій, и которая вноситъ въ его жизнь и отправленія новыя условія, видоизмѣняющія необходимый ходъ явленій. Общее сознаніе уже давно открыло эти два противоположные, другъ другу на встрѣчу идущіе токи, и всѣ явленія перваго порядка приписало тѣлу, втораго—душѣ; но когда отсюда возникли вопросы, что же такое душа и тѣло, въ какомъ отношеніи они находятся другъ къ другу и гдѣ раздѣляющая ихъ черта, — наука, послѣ долгихъ тщетныхъ попытокъ и блужданій, должна была, наконецъ, отказаться отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. Чѣмъ больше накоплялось данныхъ, чѣмъ разностороннѣе и глубже они изслѣдовались, тѣмъ больше и больше выяснялось, что границы между душою и тѣломъ провести невозможно, — такъ они тѣсно между собою связаны и взаимно проникаютъ другъ друга; что противопоставлять ихъ точно также невозможно, во-первыхъ, потому, что они непосредственно между собою соединены; во-вторыхъ, потому, что душа и тѣло, какъ они представляются общему сознанію, несоизмѣримы, не имѣютъ рѣшительно ничего между собою общаго; въ-третьихъ, — и это главное, — потому, что психическія явленія, насколько они соприкасаются съ внѣшнимъ міромъ и могутъ быть наблюдаемы въ связи съ матеріальными фактами, не что иное какъ своеобразныя видоизмѣненія этихъ фактовъ и никакого особаго, имъ собственно принадлежащаго содержанія не имѣютъ: психическія явленія, обнаруживающіяся въ матеріальныхъ фактахъ, отличаются отъ послѣднихъ только иною ихъ группировкой. Анализируя наши ощущенія, мысли, представленія, движенія воли, обращенныя въ матеріальному міру, мы находимъ, что они — то же самое что соотвѣтствующія имъ явленія матеріальнаго міра, только въ другихъ сочетаніяхъ, вслѣдствіе чего имѣютъ другой видъ и форму. Итакъ, съ точки зрѣнія внѣшняго міра, душа есть не что иное, какъ центръ, изъ котораго идутъ процессы, претворяющіе матеріальные факты, преобразующіе ихъ форму, или особаго рода аппаратъ, чрезъ который и посредствомъ котораго совершается это превращеніе. Процессъ такихъ превращеній, насколько мы можемъ его прослѣдить, происходитъ такимъ образомъ: сначала душа, подъ вліяніемъ впечатлѣній окружающаго міра, и ближайшимъ образомъ тѣла, воспроизводитъ въ себѣ представленія и мысли, соотвѣтствующія этимъ впечатлѣніямъ, разлагаетъ ихъ, приводитъ въ новыя сочетанія, и въ этомъ новомъ видѣ возвращаетъ во внѣшній міръ, создавая для него чрезъ это образцы новыхъ, небывалыхъ явленій; по этимъ образцамъ передѣлывается и перестраивается

нотомъ окружающая человѣка среда и самое тѣло. Впрочемъ, чрезъ такое творчество ничего во внѣшней природѣ матеріально не прибавляется и ничего не убываетъ; законы ея остаются ненарушимо тѣ же самыя; образуются только новыя комбинаціи и формы, невозможныя безъ участія человѣка. Такое взаимодѣйствіе матеріальнаго міра и души представляетъ не болѣе какъ особый видъ органической жизни; какъ всякій организмъ принимаетъ въ себя пищу извнѣ, перерабатываетъ ее, обновляется ею и затѣмъ возвращаетъ ее изъ себя въ другихъ сочетаніяхъ, такъ точно и душа принимаетъ извнѣ впечатлѣнія, удерживаетъ ихъ въ себѣ, перерабатываетъ и преобразуетъ ими матеріальную среду, въ которой живетъ. Чтобъ быть такимъ преобразующимъ центромъ въ матеріальномъ мірѣ, душа необходимо должна находиться съ нимъ въ тѣснѣйшей, неразрывной связи, составлять его органическую часть, продолженіе, высшую ступень; иначе нельзя себѣ представить, какимъ образомъ душа и тѣло могли бы дѣйствовать другъ на друга. Вотъ причина, почему дуализмъ, развившійся постепенно и незамѣтно изъ первоначальнаго различенія души отъ тѣла въ рѣзкое противоположеніе ихъ другъ другу, былъ отброшенъ наукою и замѣненъ представленіемъ о единствѣ человѣческой природы. Это возрѣніе уже пустило глубокіе корни въ современномъ сознаніи, и теперь лежитъ въ основаніи всѣхъ научныхъ изслѣдованій и міросозерцаній. Если результаты его покуда такъ шатки и сомнительны, несмотря на богатство научно-разработаннаго матеріала и наблюденій, то причины должно искать единственно въ томъ, что дуализмъ, побѣжденный въ принципѣ, продолжаетъ до сихъ поръ крѣпко держаться въ головахъ, въ видѣ бессознательнаго предразсудка. Матеріалисты и реалисты, судя о психической жизни только по ея явленіямъ, обращеннымъ къ матеріальному міру, видятъ въ душѣ не болѣе какъ механизмъ, приданный тѣлу и принимающій извѣстное участіе въ его жизни, по законамъ физической природы. Взглядъ ихъ одностороненъ, неполонъ, но онъ выведенъ изъ самыхъ строгихъ и точныхъ изслѣдованій. Въмѣсто того, чтобъ его дополнить, спиритуалисты и идеалисты закрываютъ глаза передъ очевидными фактами и потому, въ спорѣ съ ними, побѣждены. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, не вводя въ заблужденіе себя и другихъ, отрицать, что психическія состоянія и самая психическая жизнь находятся подъ непрерывнымъ и сильнымъ вліяніемъ матеріальныхъ условій и фактовъ? Душа глубоко выросла своими корнями въ матеріальный міръ, вплетена въ него безчисленными нитями; почва ея и начальные ея мотивы вполне физическаго свойства; чув-

ство, по природі своєї, пропитано матеріальними елементами, и оттого такъ сильно дѣйствуєть на фізическій организмъ; мало того: способность къ умственнымъ и нравственнымъ привычкамъ, въ которыхъ скрывается причина извѣстнаго склада ума, нравственныхъ наклонностей, нравственнаго характера, указываетъ на матеріальную основу души. Во всѣхъ названныхъ явленіяхъ, которыя мы привыкли считать за самыя идеальныя ея стороны, выражается лишь накопленіе психическихъ упражненій и опытовъ, ихъ капитализація, совершенно сходная съ накопленіемъ слѣдовъ фізическихъ упражненій въ привычкахъ тѣла и его органовъ. Источникъ и законъ ихъ очевидно одинъ и тотъ же, и если душа способна по привычкѣ, непредназначенно дѣйствовать въ данныхъ случаяхъ извѣстнымъ, а не другимъ образомъ, то нельзя отрицать, что это ея свойство сближаетъ ее съ внѣшней природою, которая также произвольно, по привычкѣ, производитъ, при извѣстныхъ условіяхъ, одни и тѣ же извѣстныя явленія. Обратимся ли къ ходу развитія отдѣльнаго человѣка, или цѣлаго народа, или всего рода человѣческаго,—и здѣсь мы найдемъ подтвержденіе той истины, что психическая жизнь сплетена съ матеріальною неразрывными узами. Въ самомъ началѣ душа дремлетъ. Первые признаки психической жизни обнаруживаются медленно, и лишь мало-по-малу она высвобождается изъ-подъ подавляющихъ матеріальныхъ вліяній, которыя, чѣмъ дальше назадъ, ближе къ началу, тѣмъ царятъ повсюду и нераздѣльнѣе. Много проходитъ времени, пока душа, возмущавъ и окрѣпнувъ, начинаетъ жить самостоятельною жизнью, становится самодѣятельною, центромъ и источникомъ своеобразныхъ явленій. Достигнувъ этой степени развитія, она обращается на внѣшній міръ, и перестановкою его естественныхъ условій производитъ въ немъ новыя, невиданныя дотолѣ сочетанія. Такая передѣлка окружающей среды возможна лишь потому, что выработавшись изъ-подъ матеріальнаго міра, ставъ выше его, душа остается запечатлѣнною матеріальнымъ характеромъ, по крайней мѣрѣ съ той стороны, которой она обращена къ природѣ и находится съ нею въ непосредственныхъ соприкосновеніяхъ. Отвергая эти несомнѣнные факты, изъ боязни компрометтировать психическое начало и его самостоятельность, спиритуалисты и идеалисты теряютъ почву подъ ногами и доставляютъ своимъ противникамъ легкую побѣду. Психическое начало не требуетъ вовсе, для своей защиты, отрицанія фактовъ, доказанныхъ наукою.

Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается слабая сторона идеализма, которая и должна быть отброшена наукою.

Коренные недостатки реалистических воззрѣній совсѣмъ другого рода. Реалисты теряютъ изъ виду, что психическая жизнь и дѣятельность не исчерпываются одними отношеніями души къ матеріальному міру. За тою ея стороною, которая обращена къ внѣшней природѣ, существуетъ другая, недоступная внѣшнимъ наблюденіямъ и опытамъ, неимѣющая прямого отношенія къ матеріальнымъ фактамъ. Эта сторона не можетъ быть предметомъ изслѣдованій по матеріальнымъ даннымъ и отърывается только психическому зрѣнію, котораго тоже нельзя объяснить никакими матеріальными фактами. Мало того: вся преобразовательная, творческая дѣятельность человѣка во внѣшнемъ мірѣ представляется внѣшнимъ чувствамъ только въ своихъ результатахъ; психическіе процессы, подготавливающіе образцы новыхъ сочетаній условій и фактовъ въ матеріальной средѣ, скрыты отъ внѣшнихъ чувствъ; источникъ и механизмъ самопроизвольныхъ движеній точно также недоступенъ внѣшнимъ наблюденіямъ. Материалисты и реалисты отвергаютъ эту сторону психической жизни совершенно неправильно; они только не могутъ ее видѣть, какъ они не могутъ, изслѣдуя одни внѣшніе, матеріальные факты, подойти къ свободной волѣ и ея явленіямъ. Съ реальной точки зрѣнія, источники и главные двигатели психической жизни теряются въ неизвѣстной дали, куда внѣшнія чувства не проникаютъ, и реалисты конечно неправы, отвергая достовѣрность того, что недоступно внѣшнимъ чувствамъ, когда есть другой органъ, психическое зрѣніе, которымъ обусловлено самонаблюденіе и которому это недоступное открыто и видимо. Но какъ же отвѣчаетъ на это отрицаніе идеализмъ? вмѣсто того, чтобъ поднять нить изслѣдованій тамъ, гдѣ она для реалистовъ обрывается, и пытаться другими путями проникнуть къ самымъ источникамъ психической жизни, недоступнымъ для реального знанія, идеалисты тщетно усиливается отвоевать у естествознанія то, что ему принадлежитъ прочно и несомнѣнно; имъ бы слѣдовало знать, что отношеніями къ матеріальному міру дѣятельность души далеко не ограничивается; что за пределами міра, подлежащаго внѣшнимъ чувствамъ, психическому зрѣнію открывается цѣлый міръ другого порядка. Здѣсь душа точно также дѣйствуетъ на самую себя, какъ во внѣшнемъ мірѣ на матеріальную природу. Преобразуя внѣшнюю свою обстановку, человѣкъ передѣлываетъ и самого себя. Такимъ образомъ, въ душѣ заключается источникъ ея самостоятельности и самодѣятельности; она даетъ человѣку точку опоры, не только для борьбы съ окружающимъ, но и съ самимъ собой. Надъ видимымъ матеріальнымъ міромъ, въ душѣ человѣка создается

другой, невидимый, идеальный міръ,—міръ представленій и мыслей, которому человѣкъ подчиняетъ свое личное, индивидуальное существованіе, по требованіямъ и законамъ котораго онъ воспитывается, перерабатываетъ, передѣлываетъ свою интимную психическую жизнь. Во взаимныхъ отношеніяхъ этого невидимаго міра и личныхъ, индивидуальныхъ наклонностей человѣка, въ ихъ столкновеніяхъ и борьбѣ, которая представляется намъ въ видѣ внутренней борьбы чувства съ разумомъ и его рѣшеніями, заключается весь смыслъ и высокій интересъ нравственной жизни человѣка. Бываютъ эпохи, когда перевороты въ установившихся формахъ жизни отодвигаютъ этотъ интересъ на второй планъ, когда критика этихъ формъ, распатанныхъ и отжившихъ свое время, поглощаетъ всѣ силы, всю дѣятельность; въ такіе эпохи, индивидуальная жизнь, лишенная точки опоры, теряетъ какъ будто значеніе, не имѣетъ цѣли, пуста и безцвѣтна; но тогда, рука объ руку съ нравственнымъ распаденіемъ и ничтожествомъ людей, идетъ и коренное распаденіе самыхъ основаній общественной жизни, а это рано или поздно вынуждаетъ снова стремиться къ воссозданію, на обновленныхъ началахъ, индивидуальной психической жизни, вынуждаетъ опять обратиться къ той почвѣ, на которой строится и стоитъ все зданіе общечеловѣчности. Таково наше время и здѣсь — то должно искать причины того отсутствія идеаловъ, той убыли души, на которую мы такъ горько жалуемся. Вѣрованія и воззрѣнія людей запутались въ безысходныхъ противурѣчіяхъ; почва колеблется подъ ногами; все стало зыбко и непрочное; вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ извѣрился, психически измельчалъ, дошелъ до поразительнаго безсилія и ничтожества. Странно и жалко видѣть, что въ такое время идеалисты и реалисты, во имя давнишняго спора, неимѣющаго больше смысла, отстаиваютъ съ настойчивостью, достойною лучшаго дѣла, обветшалые и невозможные тезисы. Пора, кажется, перестать отрицать бесспорные научные выводы и упорно отвергать столько же несомнѣнные факты, потому только что они не подлежатъ вѣншимъ чувствамъ. Единство человѣческой природы, къ которому приводятъ нынѣ самыя разностороннія научныя изслѣдованія, нисколько не будетъ нарушено, если мы, на основаніи такихъ же изслѣдованій, допустимъ, что въ человѣкѣ заключаются два организма, развившіеся изъ одного общаго корня и вслѣдствіе того тѣсно между собою соединенные и взаимно другъ на друга дѣйствующие, но въ то же время различенные, живущіе, кромѣ имъ общимъ общей, и своею особою жизнью и производящіе, каждый, своеобразныя явленія. Въ свойствахъ этихъ организмовъ и ихъ взаимодѣйствіи за-

ключается, какъ мы думаемъ, вся суть человѣческой природы и объясненіе всѣхъ ея разнообразныхъ проявленій.

Но если душа есть дѣйствительно организмъ, то спрашивается: какая его природа, или каковъ онъ по своему существу, и чѣмъ разнится, въ этомъ отношеніи, отъ физическаго организма, съ которымъ такъ тѣсно связать? Эти вопросы когда-то сильно волновали умы, но потомъ постепенно упали. Мы уже сказали выше, что тѣло и душу нельзя противопоставлять другъ другу, потому что многія черты, долго считавшіяся исключительно принадлежностью одной матеріальной природы, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, общею принадлежностью и физической и психической жизни; такъ многія, несомнѣнно психическія явленія совершаются по опредѣленнымъ законамъ, съ неизбѣжною правильностью, напоминающею роковую необходимость явленій матеріальнаго міра; точно также, многое совершается въ душѣ безсознательно, хотя мы и думаемъ, что безсознательность есть свойство одной внѣшней природы. Рѣзкое противопоставленіе матеріальнаго психическому и попытки опредѣлить сущность, природу того и другого возникло въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда сложилось представленіе о матеріи, только какъ о чѣмъ-то вѣчномъ, протяженномъ, неоживленномъ, непроницаемомъ, подлежащемъ внѣшнимъ чувствамъ, а другія ея свойства и принадлежности еще не обратили на себя вниманія. Такое ограниченное, неполное представленіе образовалось подъ вліяніемъ самыхъ отвлеченныхъ изъ отвлеченныхъ наукъ, математики и механики, которыя имѣютъ дѣло только съ этими, дѣйствительными или предполагаемыми свойствами и принадлежностями внѣшней природы и опускаютъ изъ виду всѣ другія, до которыхъ имъ нѣтъ дѣла. Въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда другія отрасли естествознанія, кромѣ математики и механики, или не существовали, или находились въ младенствѣ, другого представленія о матеріи и быть не могло. При такомъ взглядѣ, и при убѣжденіи, что матерія противоположна душѣ, опредѣлить природу или существо послѣдней казалось легко: стоило только приписать ей свойства, противоположныя свойствамъ матеріи. Но съ тѣхъ поръ многое существенно измѣнилось. Самое представленіе о матеріи вообще исчезло изъ положительныхъ наукъ, и удержалось, по преданію и привычкѣ, только въ философіи и психологіи, этихъ древлехранилищахъ разнаго средневѣковаго хлама. Физика и химія, естественная исторія, анатомія и физиологія показали, что неоживленной матеріи вовсе не существуетъ, что матерія, въ этомъ смыслѣ, есть отвлеченное понятіе, существующее только въ нашей головѣ, а не въ дѣйствительности.

Электричество, магнетизмъ, гальанизмъ, теплота, химическое сродство, растительная и животная жизнь—матеріальныя явленія, неподходящія подъ математическое и механическое опредѣленіе матеріи. Наконецъ, знакомство съ органическою жизнью нанесло этому представленію о матеріи окончательный ударъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ самомъ основаніи пошатнуло дуалистическое противуположеніе души вѣншней природѣ. Организмъ—предметъ сравнительно новый въ наукѣ и еще невыясненный вполне; но судя уже по тому, что мы объ немъ знаемъ, можно предвидѣть, что его дальнѣйшее изученіе кореннымъ образомъ измѣнитъ взглядъ на природу и матеріальную жизнь вообще. Всякій организмъ представляетъ собою какой-то узелъ, какъ бы особую форму, около которой группируются разнообразныя процессы; она обуславливаетъ ихъ, опредѣляетъ извѣстный ихъ круговоротъ, оставаясь одною и тою же, несмотря на болѣе или менѣе быструю и полную замѣну однихъ матеріальныхъ составныхъ частицъ организма другими. Этотъ узелъ, эта форма рѣшительно спутываетъ всѣ наши предвзятые понятія о матеріи. Самый тщательный анализъ не открылъ доселѣ въ физическихъ организмахъ ничего такого, что не находилось бы въ природѣ вѣншней ихъ, только въ другихъ сочетаніяхъ; между тѣмъ, организмъ не есть сумма этихъ составныхъ частей, а что-то особое, какой-то особый образъ, въ условіяхъ котораго, намъ совершенно неизвѣстныхъ и непонятныхъ, совершается матеріальная жизнь. Что эта форма вполне принадлежитъ физической природѣ,—не подлежитъ сомнѣнію послѣ изслѣдованій Дарвина, который доказалъ тѣснѣйшую ея зависимость отъ вѣншней обстановки и условій; но между представленіемъ о матеріи, въ которомъ приводятъ физическіе организмы, и понятіемъ, какое сложилось вслѣдствіе изученія математики и механики, лежитъ цѣлая бездна; форма организма, опредѣляющая его развитіе и отправленія, точно такая же реальная дѣйствительность, какъ и тѣ свойства, которыя мы до сихъ поръ приписывали матеріи; а между тѣмъ, эта форма не имѣетъ ни одного изъ этихъ свойствъ. Въ виду организмовъ, средневѣковое противуположеніе души тѣлу окончательно пало, за неимѣніемъ точки опоры. Успѣхи естествознанія привели къ убѣжденію, что неживленной матеріи вовсе не существуетъ, что неорганическая природа тѣснѣйшимъ образомъ связана съ органическою; что послѣдняя представляетъ безчисленное множество организмовъ, болѣе или менѣе развитыхъ; что ряды ихъ тянутся, переплетаясь между собою, отъ неорганическаго міра до человѣка, который физически представляетъ самый развитой и относительно совершен-

ный изъ всѣхъ организмовъ. Сравнивая организмы между собою, мы не въ состояніи опредѣлить, чѣмъ они отличаются другъ отъ друга по своему существу, по своей природѣ; видимъ только, что одни устроены такъ, другіе иначе; что одни перерабатываютъ только неорганическій матеріалъ, другіе, сверхъ того, и органическій; притомъ одни претворяютъ органическій матеріалъ только извѣстнаго рода, другіе нѣсколькихъ или даже всякихъ родовъ. Откуда происходятъ эти различія, какъ и почему образовались такіа или другія органическія формаціи—на эти вопросы наука, пока, не въ состояніи отвѣчать; а если существо физическихъ организмовъ составляетъ для насъ пока тайну, то нечего и задаваться вопросомъ, чѣмъ различаются физическіе и психическіе организмы по своей сущности или природѣ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время о разрѣшеніи такихъ вопросовъ нельзя и думать.

Кромѣ этихъ вопросовъ, есть въ психологiи другіе, къ нимъ близкіе и болѣе намъ доступные, которые въ порядкѣ нашего изложенія стоятъ первыми на очереди и для разрѣшенія которыхъ уже собрано довольно, отчасти критически разработаннаго матеріала: мы разумѣемъ вопросы о свойствахъ и способностяхъ души и о строеніи душевнаго организма. По удивительной путаницѣ всѣхъ психологическихъ понятій, которою отличается наше время, на опредѣленіе существа или природы души трагилась, еще недавно, бездна бесплоднаго труда и усилій; а ея свойства, ея особенности, ея внутреннее строеніе, которыя выражаются въ множествѣ психическихъ фактовъ, доступныхъ для изслѣдованія, оставлены въ сторонѣ, неразсмотрѣнными. Между тѣмъ, если душа есть самостоятельный и самодѣятельный организмъ, то явленія и факты, въ которыхъ проявляется психическая жизнь и дѣятельность, должны обуславливаться ея свойствами и особенностями ея внутреннего строенія и могутъ быть объяснены только имъ, и наоборотъ: по свойствамъ и характеристическимъ особенностямъ психическихъ явленій и фактовъ мы можемъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе о внутренней организаціи души. Предметъ этотъ потому ближайшій на очереди, что операціи мышленія, произвольность движеній и другіе психическіе процессы, которые мы будемъ разсматривать ниже, находятся въ тѣсной зависимости отъ организаціи души и уже предполагаютъ знакомство съ нею. Что касается матеріала для изслѣдованія этого предмета, то онъ гораздо богаче, чѣмъ обыкновенно думаютъ. По странному предрасудку, обязанному своимъ происхожденіемъ младенческому состоянію психологiи, мы воображаемъ, что кругъ психологическихъ изслѣ-

дованій ограниченъ одними фактами, добытыми чрезъ самонаблюденіе; но жизнь души выражается во внѣшнемъ творествѣ, вообще во всей внѣшней дѣятельности человѣка; объективными слѣдами его психической жизни наполнено все, что его окружаетъ, и изъ сравненія ихъ съ фактами и явленіями природы, возникающими безъ участія человѣка, мы легко можемъ открывать характеристическія особенности и самые законы психической жизни. Слова и рѣчь, сочетанія звуковъ, художественныя произведенія, наука, обычаи и вѣрованія, матеріальныя созданія, гражданскіе и политическіе уставы, памятники исторической жизни, — словомъ все, въ чемъ только выражается дѣятельность человѣка, служить, въ этомъ смыслѣ, матеріаломъ для психологическихъ наблюденій и изслѣдованій; надо только умѣть имъ пользоваться; историки придумали же способы извлекать изъ народныхъ обычаевъ, легендъ, мифовъ, скрывающіеся въ нихъ историческіе факты; они научились снимать съ нихъ оболочку, сотканную психической обработкой; въ психологическихъ изслѣдованіяхъ все вниманіе, напротивъ, должно быть обращено именно на эту обработку, потому что она-то и содержитъ въ себѣ объективный слѣдъ психической дѣятельности, по которому и должно изучать свойства, особенности и законы психической жизни. Греки, изъ наблюденій надъ словомъ и рѣчью, вывели формы и законы мышленія; точно такимъ же образомъ должна быть создана и психологія, и только тогда она станетъ положительной наукой.

Чтобъ ознакомиться съ свойствами и внутреннимъ строеніемъ душевнаго организма слѣдуетъ, разумѣется, разсмотрѣть прежде всего тѣ факты, которые считаются отличительными характеристическими признаками психическаго элемента, выражаютъ его по преимуществу. Такими фактами, какъ мы видѣли, считаются три: идеальность, сознательность и самопроизвольность или воля. Но изъ нихъ идеальность, какъ мы уже замѣтили и еще подробно объяснимъ впослѣдствіи, есть продуктъ психическихъ операцій и процессовъ, которыя, въ свою очередь, обуславливаются извѣстными свойствами и строеніемъ души; поэтому послѣднія не обнаруживаются непосредственно въ идеальности и недоступны въ ней для наблюденія. То же самое должно сказать и о волѣ; къ тому же, реалисты, какъ извѣстно, отрицаютъ волю и самодѣятельность души, а на спорныхъ фактахъ нельзя основать изслѣдованія. Итакъ, остается сознательность, съ которой мы и начнемъ разсмотрѣніе условій психической жизни.

Что такое, спрашивается, сознательность или сознание? Оно

и есть то, что мы не разъ называли внутреннимъ, психическимъ зрѣніемъ, — именно актъ, отправленіе способности видѣть особеннымъ образомъ, безъ помощи физическаго глаза, то, что невидимо для него заключается или происходитъ въ нашей душѣ. Когда я разсматриваю свое лицо въ зеркалѣ, я вижу его физическимъ зрѣніемъ; но когда я сознаю свою мысль, чувство, желаніе или намѣреніе, то очевидно, что я вижу ихъ, но вижу особеннымъ образомъ, потому что видѣть физически, матеріально свою мысль, чувство, желаніе или намѣреніе — нельзя. Намъ скажутъ: угадываемъ же мы чувства, мысли, цѣли другихъ людей, хотя и не видимъ ихъ физически, внѣшнимъ образомъ; для этого намъ служатъ внѣшніе признаки, въ которыхъ выражаются психическія состоянія и факты; стало быть, чтобъ знать ихъ, нѣтъ надобности ни въ какомъ внутреннемъ зрѣніи: они узнаются по внѣшнимъ даннымъ, какъ и все остальное. Все это, конечно, такъ. Замѣтимъ одно: то, что мы сами думаемъ, чувствуемъ, желаемъ или замышляемъ, мы сознаемъ ясно и опредѣлительно безъ помощи внѣшнихъ признаковъ, непосредственно, внутреннимъ образомъ; значитъ, мы имѣемъ способность, помимо внѣшнихъ чувствъ, узнавать то, что заключается или происходитъ въ нашей душѣ. Внѣшніе признаки, въ которыхъ выражаются психическія состоянія и движенія другихъ людей, имѣютъ для насъ смыслъ потому только, что мы сами въ себѣ испытываемъ такія же состоянія и движенія и знаемъ или видимъ ихъ психически; по наведенію (аналогіи) мы заключаемъ о нихъ и въ другихъ людяхъ; не зная мы ихъ по собственному опыту, мы и не подозрѣвали бы, что такія-то психическія состоянія и движенія обнаруживаются въ такихъ-то внѣшнихъ признакахъ, что между тѣми и другими существуетъ извѣстное, правильное, постоянное соотвѣтствіе, и потому, когда такихъ внѣшнихъ признаковъ нѣтъ, напримѣръ, когда мы ихъ не видимъ физически, или когда человѣкъ умѣетъ такъ искусно скрывать свои внутреннія состоянія и движенія, что они вовсе не выступаютъ наружу во внѣшнихъ признакахъ, мы не знаемъ и не можемъ знать чтб происходитъ въ его душѣ; тогда чужая душа для насъ — потемки. Скажемъ здѣсь кстати, что названіе: внутреннее, психическое зрѣніе не совсѣмъ точно. Описанная выше психическая способность соотвѣтствуетъ не одному зрѣнію, но и другимъ внѣшнимъ чувствамъ; но названіе это вошло въ употребленіе и мы его удерживаемъ, за неимѣніемъ лучшаго.

Разсказываютъ, что люди, погруженные въ магнетическій сонъ, способны отчетливо и ясно видѣть внутреннее строеніе тѣла, всѣ его внутренніе органы и внутренніе физическіе про-

цессы и отправленія. Если эти рассказы справедливы, то магнетическое ясновидѣніе, въ ряду физическихъ явленій, представляетъ фактъ аналогическій съ психическимъ зрѣніемъ; какъ ясновидящій непосредственно, безъ помощи физическаго глаза, видитъ и знаетъ что заключается и дѣлается внутри его тѣла, такъ мы знаемъ и видимъ непосредственно что содержится или заключается въ нашей душѣ, и что недоступно для внѣшнихъ чувствъ.

Но мы видимъ непосредственно не только свои мысли, чувства, желанія и намѣренія: мы какъ бы видимъ психически самихъ себя. Въ этомъ, ближайшимъ образомъ, выражается различіе между сознаніемъ и самосознаніемъ. Когда человѣкъ думаетъ о себѣ, когда онъ говоритъ: *Я*, ему представляются не физическія его особенности, не психическія свойства, состоянія или движенія, даже не совокупность тѣхъ и другихъ, а та, если можно такъ выразиться, единица, — невидимая, неподлежащая внѣшнимъ чувствамъ, въ которой сходятся и изъ которой вытекаютъ всѣ физическія и психическія особенности, дѣлающія его такимъ-то, а не другимъ человѣкомъ, т.-е. имъ самимъ, самимъ собою. Въ частичкѣ: *Я*, выражается, что человѣкъ внутренно, психически, видитъ самого себя. Это состояніе его можно выразить такъ: онъ смотритъ на самого себя какъ на что-то постороннее, другое, сознавая въ то же время, что это другое есть онъ самъ. Чтобы наглядно, хотя и не совсѣмъ точно представить себѣ это состояніе, припомнимъ ощущеніе, какое испытываемъ, глядя въ зеркало: въ немъ отражается нашъ образъ; этотъ образъ нѣчто для насъ постороннее, внѣшнее, другое; но мы знаемъ, что это другое — мы сами, что мы и онъ — одно и то же.

Сознаніе, а тѣмъ болѣе самосознаніе предполагаютъ въ душѣ два свойства: память и способность раздвояться внутри себя, оставаясь въ то же время единой и цѣльной. На эти свойства указываетъ самое простое соображеніе. Видѣть психически можно только то, что есть, находится въ нашей душѣ, что, отпечатавшись, сохранилось или удержалось въ ней; а какъ психическое зрѣніе есть обращеніе души на то, что въ ней же самой происходитъ или на самую себя (въ самосознаніи), то значитъ, она способна раздвояться въ себѣ, оставаясь нераздѣльной и цѣльной.

Остановимся на этихъ двухъ свойствахъ.

Слово: память, не совсѣмъ вѣрно выражаетъ способность души, которую мы здѣсь разумѣемъ. Память часто смѣшивается въ разговорѣ съ воспоминаніемъ; но воспоминаніе есть очевидно

то же, что сознание, и было бы невозможно, еслибы въ душѣ не сохранились, не были удержаны полученные впечатлѣнія. Способность ихъ удерживать, сохранять, мы и имѣемъ здѣсь въ виду, какъ основное, прирожденное свойство души, отъ котораго воспоминаніе находится въ полной зависимости и отъ котораго оно происходитъ, при участіи двухъ другихъ такихъ же прирожденныхъ способностей: психическаго зрѣнія и внутреннего раздвоенія души.

Память, въ смыслѣ свойства души сохранять впечатлѣнія, есть одно изъ первыхъ, основныхъ условій психической жизни. Последнюю нельзя себѣ безъ нея и представить. Еслибы въ душѣ вовсе не сохранялось то, что на нее дѣйствуетъ, и каждое впечатлѣніе безъ слѣда исчезало вмѣстѣ съ удаленіемъ предмета или явленія, которые произвели впечатлѣніе, то человѣкъ не могъ бы ничего сопоставлять, сравнивать и различать, не могъ бы узнавать знакомое, не имѣлъ бы ни представлений, ни мыслей; словомъ, онъ стоялъ бы ниже всѣхъ животныхъ, которыя, будучи психически менѣе развиты, чѣмъ человѣкъ, умѣютъ однако различать предметы и узнавать ихъ. Нѣтъ ни одного психическаго акта, который бы не предполагалъ памяти. Безъ нея было бы невозможно самое представленіе о душѣ, какъ о чемъ-то самостоятельномъ и самодѣтельномъ.

Говоря о способности души сохранять впечатлѣнія, мы обыкновенно подразумѣваемъ одни впечатлѣнія внѣшняго міра, матеріальныя, и не замѣчаемъ, что способность эта точно также примѣняется и къ фактамъ психическимъ, неподлежащимъ внѣшнимъ чувствамъ; однако нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мы удерживаемъ въ душѣ не только черты человѣка, съ которымъ познакомились, слышанный разговоръ или музыкальную пьесу, но и мысль, которая намъ пришла въ голову, чувства, желанія, которыя когда-то испытывали, намѣреніе, созрѣвшее въ душѣ. Это показываетъ, что не одни внѣшніе предметы, но и психическія явленія, недоступныя внѣшнимъ чувствамъ, производятъ въ душѣ впечатлѣнія, которыя въ ней тоже сохраняются. Способность удерживать этого рода впечатлѣнія, которыя мы, въ отличіе отъ внѣшнихъ, назовемъ психическими, имѣетъ гораздо болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Нѣтъ такого психическаго отправления, операціи, процесса, нѣтъ душевнаго движенія, факта психической жизни, который бы не производилъ въ душѣ впечатлѣнія и въ ней не сохранялся. Если мы имѣемъ понятіе о сознаниі и самосознаниі, о любви и ненависти, о представленіи и мысли, объ умѣ, волѣ, душѣ и т. д., то единственно потому,

что всѣ эти психическіе предметы и явленія, будь они первоначальные факты, или продукты психическихъ процессовъ и операций, отпечатлѣваются въ душѣ и сохраняются, такъ что могутъ представляться сознанію. Такимъ образомъ, душа имѣетъ удивительное свойство отражаться въ самой себѣ, со всѣми малѣйшими подробностями того, что она есть и что въ ней происходитъ, и со всѣми результатами и послѣдствіями ея дѣятельности. По этимъ отраженіямъ или психическимъ впечатлѣніямъ, сохранившимся въ душѣ, мы и имѣемъ возможность, повѣряя ихъ, восстанавливая, обрабатывая критически, научнымъ образомъ, подобно тому, какъ обрабатываемъ слѣды внѣшней психической дѣятельности, изучать психическую жизнь и ея явленія.

Внутреннее зрѣніе и способность души получать и сохранять психическія впечатлѣнія указываетъ на свойство ея раздвоиться внутри себя, оставаясь единой и цѣльной. Какъ память сохраняетъ и удерживаетъ въ душѣ факты, которые представляются сознанію и самосознанію, такъ раздвоеніе души, остающейся въ то же время единой, даетъ намъ возможность ихъ видѣть и знать, что они находятся въ душѣ, или видѣть себя и знать, что видимъ себя, а не другого. Еслибъ душа не имѣла способности раздвоиться, оставаясь нераздѣльной и цѣлой, то человѣкъ не могъ бы видѣть того, что заключается и происходитъ въ его душѣ, не могъ бы психически смотрѣть въ самого себя; еслибъ душа, раздвояясь, не оставалась въ то же время нераздѣльной, то человѣкъ не могъ бы сознавать самого себя, думать или говорить о себѣ: Я; раздвоившись внутренно, онъ психически распался бы на двѣ постороннія другъ другу половины, и казался бы самому себѣ чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ и внѣшнимъ; но такъ какъ онъ сознаетъ, что это постороннее и другое—онъ самъ, то отсюда видно, что несмотря на раздвоеніе, душа его остается нераздѣльной и цѣльной.

Ничего подобнаго этому свойству мы не встрѣчаемъ въ физическомъ мірѣ. Напрасно стали бы мы искать въ немъ подобій или аналогическихъ явленій, чтобъ наглядно, осязательно, на внѣшнемъ образѣ, пояснить этотъ психическій фактъ: всякая попытка такого рода привела бы къ чудовищнымъ нелѣпостямъ. Когда мы смотримся въ зеркало и видимъ въ немъ самихъ себя, то и зеркало и нашъ въ немъ образъ — дѣйствительно внѣшніе, посторонніе намъ предметы, совершенно отъ насъ отдѣленные. Совсѣмъ другое представляетъ сознаніе и самосознаніе: сознавая свое чувство, мысль, намѣреніе, мы въ то же время знаемъ, что они находятся въ насъ, въ нашей душѣ; сознавая себя, мы знаемъ, что это мы сами. Еслибъ мы взду-

малѣ объяснить способность психическаго раздвоенія и ея послѣдствія примѣрами изъ матеріальнаго міра, то пришлось бы допустить, что предметъ можетъ выдѣляться изъ самого себя, или что выдѣленная часть можетъ быть равна цѣлому и быть сама этимъ цѣлымъ, или что цѣлое можетъ оставаться цѣлымъ и по выдѣленіи изъ него части; но всѣ подобныя представленія, въ примѣненіи къ физическому, матеріальному міру, совершенно невозможны, а въ психическомъ имъ соотвѣтствуютъ очень обыкновенные и безспорные факты, которые каждый можетъ наблюдать въ себѣ и другихъ, — такъ они просты и очевидны. Что эти факты не имѣютъ ничего общаго съ матеріальными, — подтверждаетъ только, что психическій организмъ составляетъ особый видъ организмовъ, также непохожій на физическіе, какъ органическіе предметы не похожи на неорганическіе, или животныя на растенія.

Таковы основныя свойства и внутреннее строеніе душевнаго организма. Въ нихъ условіе и причина его самостоятельности и самодѣтельности.

Оттого, что душа способна удерживать въ себѣ всякаго рода впечатлѣнія и видѣть ихъ, обращаться съ ними психически, она и создаетъ въ себѣ особый идеальный міръ, и можетъ жить въ немъ. Этотъ идеальный міръ и служитъ человѣку точкой опоры противъ внѣшней обстановки, дѣлаетъ его самостоятельнымъ въ отношеніи къ матеріальному міру.

Вслѣдствіе того, что душа отражаетъ въ себѣ свои движенія и даже самую себя, оставляетъ въ себѣ впечатлѣнія собственной жизни и дѣятельности, въ ней и содержится безчисленное множество представленій, понятій и мыслей, ей исключительно принадлежащихъ, которыхъ прототипа или подобія мы напрасно стали бы искать во внѣшнемъ мірѣ.

По тому, что душа способна обращаться къ самой себѣ и ко всему что въ ней заключается, какъ къ предмету изслѣдованія, возможна психическая переработка всякаго рода впечатлѣній, внѣшнихъ и психическихъ, въ новыя формы, возможны разнообразнѣйшія сочетанія матеріала, который находится въ душѣ въ видѣ впечатлѣній, представленій, понятій и мыслей. Постепенная выработка ихъ и всякое усовершенствованіе хорошаго и худого, въ душѣ и во внѣшнихъ созданіяхъ человѣческаго творчества, обязано своимъ происхожденіемъ этой способности. То что мы называемъ развитіемъ, прогрессомъ, предполагаетъ послѣдовательную повѣрку мыслей, чувствъ, дѣйствій, ихъ теоретическихъ и практическихъ результатовъ. Единственно отъ такой повѣрки зависитъ постепенная ихъ выработка, улуч-

шеніе, совершенствованіе; повѣрка же возможна только при способности человѣка отдѣлиться отъ своихъ мыслей, чувствъ, дѣйствій и сдѣлать ихъ предметомъ своего внутренняго зрѣнія, предметомъ разсмотрѣнія и обсужденія. Благодаря этимъ способностямъ, каждая мысль, чувство или дѣйствіе могутъ пройти черезъ повѣрку, полученный результатъ или выводъ, стать, въ свою очередь, предметомъ новаго разсмотрѣнія и изслѣдованія и такъ далѣе.

Тѣмъ, что душа способна, раздвояясь, обращаться къ самой себѣ и къ тому, что въ ней же самой содержится, объясняется ея самодѣятельность и самопроизвольность, — источникъ свободной воли. Въ матеріальномъ мірѣ, всѣ отношенія между предметами могутъ быть только внѣшними, потому что каждый изъ этихъ предметовъ существуетъ самъ по себѣ, независимо отъ другихъ, и находится, напротивъ, въ тѣсной зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и случайностей, вполнѣ чуждыхъ его отношеніямъ къ другимъ предметамъ. Совсѣмъ иначе устанавливаются такія отношенія въ душѣ; она содержитъ въ самой себѣ предметъ, къ которому становится въ отношенія; предметъ находится въ той же самой средѣ, которая къ нему обращается; въ самосознаніи, предметы, между которыми устанавливаются отношенія, даже совершенно совпадаютъ: душа, раздвояясь въ себѣ, вступаетъ въ отношенія съ самою же собой. Въ этомъ и заключается причина психической инициативы и вмѣстѣ свободной воли. Благодаря этой способности души, человѣкъ можетъ, безъ всякаго внѣшняго повода, принять то или другое рѣшеніе, предположить себѣ ту или другую цѣль и стремиться къ ея достиженію, что было бы немислимо безъ описанныхъ характеристическихъ особенностей психическаго организма.

Особенности эти просвѣчиваютъ во всемъ, что дѣлаетъ человѣкъ, и потому ими объясняется множество загадочныхъ явленій. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе характеристичныхъ.

Часто случается, что мы хотимъ что-нибудь припомнить и не можемъ, перебираемъ въ головѣ множество предметовъ и находимъ, что ни одинъ изъ нихъ не тотъ, котораго намъ нужно, который желаемъ вызвать къ сознанію. Въ этихъ случаяхъ мы очевидно и помнимъ о чемъ идетъ рѣчь и не помнимъ; еслибъ мы вовсе не помнили предмета, который хотимъ вызвать къ сознанію, мы не могли бы отыскивать его въ душѣ, не могли бы сравнивать его съ другими и находить, что всѣ они не то что намъ нужно; но въ то же время мы и не помнимъ пред-

мета, иначе тотчасъ бы его припомнили. Въ приведенномъ случаѣ очевидно, что полученное впечатлѣніе болѣе или менѣе изгладилось или потускнѣло въ душѣ. Но какимъ образомъ можемъ мы поставить себѣ задачею припомнить полузабытое? Возможность такого акта подтверждаетъ двойственность души. Припоминаніе есть актъ сознанія или внутренняго зрѣнія; душа усиливается разсмотрѣть въ самой себѣ полустертое впечатлѣніе, зная, что оно въ ней есть и что оно потускнѣло.

Другое психическое явленіе, на которое мы хотимъ здѣсь указать, еще страннѣе. Случается, что посреди разговора, одному изъ собесѣдниковъ вдругъ покажется, будто то, что въ это время дѣлается и говорится, когда-то уже происходило точно такимъ же образомъ и въ той же самой обстановкѣ. Совершенное тожество того чтó совершается и чтó припоминается въ эту минуту бываетъ до того поразительно, что припоминающему кажется, будто онъ можетъ предсказать то, что сейчасъ будетъ говориться и дѣлаться. Такое состояніе продолжается, впрочемъ, одинъ какой-нибудь мигъ и затѣмъ вдругъ прекращается, такъ что не успѣешь на немъ остановиться, какъ оно уже исчезло. Мы думаемъ, что объясненія этого загадочнаго явленія должно искать въ той же способности души раздвояться, оставаясь единой. Въ обыкновенномъ нормальномъ состояніи душа относится къ себѣ, при раздвоеніи, какъ къ чему-то постороннему и внѣшнему, или говоря наглядно, хотя и очень неточно, она какъ будто одной своей стороною или половиною видитъ то, чтó совершается въ другой; затѣмъ, при новомъ состояніи раздвоенія, то, чтó она увидѣла дѣлается, въ свою очередь, предметомъ разсмотрѣнія. Оба эти акта послѣдовательно смѣняются одинъ другимъ. Но если, вслѣдствіе причинъ и условій, намъ пока неизвѣстныхъ, обѣ стороны или половины души, въ самую минуту дѣятельности, будутъ находиться въ живомъ взаимодѣйствіи, и то, что мы видимъ или слышимъ, т.-е. результатъ психическаго зрѣнія въ то же мгновеніе сдѣлается предметомъ новаго разсмотрѣнія, то намъ должно казаться, будто то, что совершается уже происходило когда-то прежде. Минутность и неуловимость этого ощущенія указываетъ на происхожденіе этого психическаго міража.

Тою же двойственностью души объясняемъ мы себѣ способность людей получать, отъ одного и того же предмета, два разнородныхъ впечатлѣнія: одно прямое, дѣйствующее на внѣшнія чувства, матеріальное, другое—иносказательное, символическое, условное, которое мы соединяемъ съ впечатлѣніемъ иногда случайно, но которое не состоитъ съ нимъ въ необходимой, неиз-

бѣжной связи. На человѣка, вовсе незнакомаго съ письменами или нотами, письмо или нотная тетрадь произведутъ только то впечатлѣніе, какое они могутъ дать какъ матеріальные предметы; а умѣющій читать или разбирать ноты, т.-е. знающій условное значеніе письменъ и нотъ, кромѣ матеріальнаго впечатлѣнія этихъ предметовъ, получаетъ еще психическое впечатлѣніе того, что они собою условно выражаютъ. Письмо и нотная тетрадь послужатъ ему только поводомъ къ такому впечатлѣнію.

Въ способности души раздвоиться, оставаясь нераздѣльной, должно, какъ мы думаемъ, искать объясненія и тѣхъ разнообразныхъ состояній, когда человѣкъ, умышленно и сознательно, противурѣчить самому себѣ: чувствуетъ и думаетъ одно, а говоритъ и наружно показываетъ совсѣмъ другое. Подъ этотъ разрядъ явленій подходятъ и притворство, и двуличность, и ханжество и благородное сценическое искусство. Какъ всѣ явленія психической жизни, такъ и эти, могутъ быть и хороши и дурны, смотря по нравственному характеру дѣйствія. Наконецъ, тою же двойственностью души объясняется психическій фактъ, до сихъ поръ мало замѣченный, но который между тѣмъ лежитъ въ основаніи множества весьма разнообразныхъ психическихъ явленій. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что сознательная психическая дѣятельность бодрствующаго человѣка не есть простой актъ, а сложный: дѣйствіе или отправленіе непремѣнно сопровождается его повѣркой или контролемъ. Этого контроля мы вовсе не замѣчаемъ и воображаемъ, что думая, чувствуя или совершая какое-нибудь внѣшнее дѣло, мы выполняемъ лишь простой психическій актъ; но изъ сравненія нормальныхъ и ненормальныхъ психическихъ отправленій оказывается, что въ каждомъ нормальномъ психическомъ дѣйствіи участвуютъ два акта, а именно: самое дѣйствіе, когда мы, на примѣръ, мыслимъ, чувствуемъ или дѣлаемъ внѣшнее дѣло, — и рядомъ съ нимъ, одновременно, незамѣтно для насъ самихъ, — повѣрка дѣйствія, которая его поправляетъ и направляетъ. Уклоненія отъ нормальной психической дѣятельности высказываютъ съ совершенною убѣдительною, какую существенную принадлежность психическихъ дѣйствій составляетъ невидимая ихъ повѣрка, слѣдящая за каждымъ ихъ шагомъ; это цѣлый рядъ неумовимыхъ по быстротѣ сужденій, мигомъ переходящихъ въ дѣло и выражающихся въ ходѣ самого дѣйствія. Когда такого контроля или повѣрки нѣтъ, характеръ дѣйствія существенно измѣняется; оно перестаетъ быть разумнымъ, связнымъ, послѣдовательнымъ. Разсматривая сновидѣнія, мы уже показали, какъ отзывается на

психической дѣятельности отсутствіе такой повѣрки. Приведемъ еще нѣсколько другихъ примѣровъ.

Разсѣянность, въ противоположность вниманію и сосредоточенности мысли на предметѣ, представляетъ такой примѣръ распада двухъ элементовъ психическаго акта: дѣйствія и контроля. Когда мы дѣлаемъ одно, а думаемъ о другомъ или вовсе не думаемъ, — дѣйствіе выходитъ несладное, невыдержанное, непослѣдовательное, иногда просто нелѣпое.

Когда мы, какъ говорится, задумываемся или забываемся, т.-е. мечтаемъ или грезимъ на яву, въ нашей душѣ повѣрка тоже приостанавливается. Задуматься, значитъ бездѣятельно, пассивно слѣдить внутреннимъ зрѣніемъ за тѣмъ, что само собою, безъ всякаго участія нашей воли, всплываетъ со дна души и въ самыхъ причудливыхъ и случайныхъ сочетаніяхъ, вереницей, подобно китайскимъ тѣнямъ, проносится передъ нами. Образы, чувства, мысли мелькаютъ, цѣпляясь одни за другіе по случайнымъ признакамъ, въ пестромъ смѣшеніи, безъ всякой необходимой и разумной связи; быстро поднимаютъ они другъ друга изъ глубины души и опять безслѣдно въ ней исчезаютъ, уступая мѣсто другимъ. Порой тотъ или другой изъ этихъ призраковъ мгновенно насъ заинтересуетъ; тогда тотчасъ же случайная ихъ вереница прерывается и теченіе ихъ получаетъ направленіе, какое мы ему даемъ въ этотъ мигъ: но затѣмъ, мы опять погрузились въ пассивное созерцаніе и по данному толчку опять потянулись передъ нами образы, мысли, всплывши чувства, въ той же случайной преемственности. Наконецъ, мы сосредоточили мысль на одномъ изъ звеньевъ этой фантастической цѣпи и призраки вдругъ исчезаютъ; забытые, задумчивость проходитъ; мы уже думаемъ или чувствуемъ, т.-е. повѣрка снова влетается въ наши психическія дѣйствія.

Вотъ примѣры временного, случайнаго, или обусловленнаго потребностями физическаго организма прекращенія повѣрки. Но есть и патологическія, временныя или постоянныя нарушенія полноты психической дѣятельности. Виды ихъ чрезвычайно разнообразны.

Въ состояніи чрезмѣрной страсти, такъ-называемаго умонзступленія, бѣшенства, страха, опьянѣнія и т. п., человѣкъ, какъ говорится, теряетъ голову, т.-е. повѣрка и контроль психическихъ его дѣйствій прекращается. Находясь въ такомъ состояніи, мы, сами того не замѣчая, дѣлаемъ несообразности и нелѣпости.

У идіотовъ, дураковъ, слабоумныхъ, повѣряющій элементъ почти отсутствуетъ или крайне немощенъ и безсиленъ.

Безчисленные виды сумасшествія представляютъ въ высокой степени любопытные образцы неправильнаго, болѣзненнаго отправления контролирующей функціи.

Но бываютъ также случаи, что повѣряющій элементъ чрезмерно преобладаетъ надъ элементомъ дѣйствія. Такое ненормальное психическое состояніе можно наблюдать на людяхъ, у которыхъ чрезмерно развита такъ-называемая рефлексія, также и на ипохондрикахъ; у нихъ дѣйствіе парализовано повѣркой, вслѣдствіе чего они неспособны въ психической дѣятельности. Каждый шагъ, который они собираются сдѣлать, останавливается преждевременнымъ его контролемъ; вмѣсто того, чтобы сопровождать дѣйствіе, идти съ нимъ рука объ руку, контроль въ него впадаетъ, съ нимъ перепутывается и ему мѣшаетъ. У другихъ людей, наоборотъ, повѣрка съ дѣйствіемъ не соединяются въ одинъ совокупный, стройный актъ, а распадаются; контролирующая функція запаздываетъ, отстаетъ отъ дѣйствія, которое поэтому не можетъ исполниться. Такъ объясняемъ мы себѣ ненаходчивость. Ненаходчивые люди опаздываютъ въ мысляхъ, чувствахъ, внѣшнихъ дѣйствіяхъ, инстинктивно какъ будто выжидая, когда наступитъ повѣрка, которая не является во время самой дѣятельности. Черезъ это и дѣятельность приостанавливается.

Чтобы правильно понимать психическія явленія этого рода, не слѣдуетъ терять изъ виду, что здѣсь идетъ рѣчь не о сознаниі, которое очень часто отдѣляется отъ психическаго дѣйствія и психической дѣятельности вообще (напримѣръ, въ сновидѣніи, во время мечтаній и грезъ) и нерѣдко относится къ дѣйствію совершенно пассивно (напримѣръ, когда мы дѣйствуемъ подъ влияніемъ сильнаго чувства, или увлеченія, котораго не одобряетъ совѣсть или разсудокъ), но о повѣряющей и направляющей функціи психическаго дѣйствія, которая такъ въ него вплетается, что присутствія ея въ немъ нельзя открыть иначе, какъ по тѣмъ актамъ, въ которыхъ ея недостаетъ.

Ограничимся этими немногими указаніями и выведемъ изъ всего связаннаго заключительные итоги о свойствахъ и внутреннемъ строеніи души. Они представляются намъ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Душа, принимая внѣшнія впечатлѣнія, сохраняетъ ихъ въ себѣ. Это вноситъ въ душу первый матеріалъ или содержаніе, надъ которымъ она начинаетъ рядъ послѣдовательныхъ операцій особаго рода; вмѣстѣ съ тѣмъ это полагаетъ первое основаніе ея самостоятельности и даетъ первый толчекъ ея самодѣятельности. Психическія операціи возможны лишь потому, что душа имѣетъ способность раз-

двоятся въ себѣ, оставаясь нераздѣльной и единой и способность видѣть особеннымъ, внутреннимъ образомъ то, что въ ней содержится и происходитъ. Благодаря этой послѣдней способности, душа не только видитъ въ себѣ впечатлѣнія, полученныя извнѣ, но и собственныя свои движенія, дѣйствія и состоянія, которыя въ ней точно также сохраняются и обогащаютъ ее новымъ матеріаломъ или содержаніемъ; надъ нимъ, какъ и надъ внѣшними впечатлѣніями, она производитъ цѣлый рядъ такихъ же послѣдовательныхъ операцій. Этими основными свойствами объясняется самостоятельность души, идеальный міръ, который она въ себѣ носитъ, ея самодѣятельность и свобода. Мы считаемъ эти свойства первоначальными, потому что на нихъ останавливается анализъ; ихъ нельзя разлагать далѣе, и слѣдовательно нѣтъ основанія признавать ихъ за дѣйствія или выраженія другихъ свойствъ. Далѣе, мы считаемъ ихъ прирожденными, т.-е. составляющими естественную принадлежность психическаго организма, потому что дѣйствіе ихъ можетъ обнаруживаться не только произвольно, но и безсознательно; множество внѣшнихъ и въ особенности психическихъ впечатлѣній поступаетъ въ душу безсознательно; она безсознательно и произвольно раздвояется и перерабатываетъ впечатлѣнія внѣшнія и психическія: доказательствомъ можетъ служить произвольность сновидѣній и галлюцинацій, которыя невозможны безъ внутреннего раздвоенія души. Произвольностью и безсознательностью психическаго раздвоенія объясняется также смѣшеніе реальной дѣйствительности съ представленіями, сновидѣніями и галлюцинаціями, которое такъ часто встрѣчается у неразвитыхъ людей и у народовъ, стоящихъ на низкой ступени культуры. Психическое зрѣніе, по природѣ своей, не можетъ быть безсознательнымъ, потому что оно само и есть сознаніе; но оно можетъ быть и очень часто бываетъ совершенно произвольнымъ: мысли, образы, звуки, воспоминанія нерѣдко преслѣдуютъ людей съ неотвратимой, ужасающей настойчивостью. Въ нормальномъ состояніи, мы можемъ отстранить предметы отъ нашего сознанія; въ ненормальномъ же, мы болѣе или менѣе теряемъ способность распоряжаться ими произвольно; воля перестаетъ дѣйствовать въ этой области психическихъ отправленій.

Такія черты видимо сближаютъ жизнь душевнаго организма съ матеріальнымъ міромъ. Произвольность и безсознательность психическихъ отправленій и дѣятельности составляютъ общую ихъ принадлежность съ явленіями внѣшней природы. Это подтверждаетъ сдѣланное нами выше замѣчаніе, что условія пси-

хической жизни имѣютъ одинъ общій источникъ съ матеріальнымъ міромъ и тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ условіями физическаго существованія человѣка; но въ этомъ и заключается причина той взаимной зависимости психическихъ и физическихъ состояній, которая все болѣе и болѣе выясняется наукою. Зависимость памяти отъ матеріальныхъ состояній нельзя отвергать, — такъ она несомнѣнна; ненормальное состояніе мозга имѣетъ такое же несомнѣнное вліяніе на ходъ психическихъ отправленій, на стѣсненіе свободы психическихъ движеній и дѣятельности. Мало того: клиническія наблюденія дѣлаютъ болѣе и болѣе вѣроятнымъ, что различныя психическія отправленія приурочены къ извѣстнымъ частямъ мозга; иначе трудно себѣ объяснить, напримѣръ, совершенную потерю памяти извѣстныхъ предметовъ или ихъ названій, вслѣдствіе удара; мы знаемъ однако достовѣрно, что одни, послѣ удара, совсѣмъ забываютъ собственныя имена, другіе — глаголы, третьи — цѣлыя языки; замѣчательно также, что больные тифомъ нерѣдко чувствуютъ присутствіе своего двойника; это явленіе какъ будто указываетъ на ненормальное отправленіе способности души раздвояться. Очень можетъ быть, что послѣдняя способность, а также и способность получать психическія впечатлѣнія имѣютъ своимъ органомъ мозговья полушарія, какъ органомъ животныхъ инстинктовъ считаютъ мозжечекъ. На этомъ пути сравнительному изученію фізіологіи и психологіи предстоитъ еще много дѣла и конечно много важныхъ открытій, которыя болѣе и болѣе будутъ уяснять непосредственную связь матеріальной и психической жизни, — связь, на которую безпрестанно указываютъ психологическія наблюденія. Но какъ бы много ни было сдѣлано наукою въ этомъ направленіи, никогда не удастся доказать, что вся психическая жизнь сводится къ однимъ рефлексамъ, т.-е. къ болѣе или менѣе непосредственнымъ отраженіямъ однихъ матеріальныхъ возбужденій, впечатлѣній и вліяній; рядомъ съ множествомъ такихъ явленій всегда будетъ представляться такое же множество другихъ, которыя не могутъ быть объяснены иначе, какъ собственною, свободною инициативою души. Замѣченное нами выше объ отношеніяхъ души къ внѣшнему міру вполне примѣняется и къ прирожденнымъ свойствамъ психическаго организма: они обусловлены матеріальнымъ міромъ и обнаруживаютъ свою дѣятельность непроизвольно и безсознательно; это приближаетъ ихъ къ внѣшней природѣ и ея явленіямъ; но рядомъ съ тѣмъ, эти способности возбуждаются къ дѣятельности и свободнымъ починомъ самой души, сознательно и произвольно, подобно тому, какъ рука или нога мо-

гутъ быть подняты и опущены безсознательно и непроизвольно, или съ сознаниємъ и умысломъ. Такимъ образомъ, чѣмъ глубже мы вникаемъ въ психическую жизнь и ея тайны, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что существенное ея отличіе отъ матеріальной заключается не столько въ своеобразной организаціи души, сколько въ ея самостоятельности, въ свободномъ починѣ, которымъ объясняется ея творчество. Въ той мѣрѣ какъ душа живетъ пассивною и непроизвольною, хотя бы и сознательною жизнью, она приближается къ матеріальной природѣ и подпадаетъ подъ ея законы; но въ такомъ случаѣ отличительные признаки ея организаціи, на которые мы указали выше, имѣютъ то же значеніе, какое вообще всякія отличія организмовъ, въ томъ числѣ и физическихъ, между собою; только самостоятельность и свободная инициатива души даютъ дѣйствительное основаніе считать ее за отдѣльный отъ внѣшней природы, самостоятельный организмъ, и только въ этомъ, а не въ другомъ смыслѣ, психическій организмъ выдѣляется изъ всѣхъ прочихъ; ибо въ самомъ строеніи души заключаются, какъ мы видѣли, условія ея самостоятельности.

Знакомство съ внутреннимъ строеніемъ человѣческой души и съ основными условіями ея жизни и отправленій даетъ намъ возможность возвратиться снова въ вопросу, котораго мы уже коснулись прежде, именно о различіи психической жизни человѣка и животныхъ. Гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ искать причины различія между душою тѣхъ и другихъ? Этотъ важный вопросъ до сихъ поръ очень мало разъясненъ, несмотря на всѣ усилія изслѣдователей. Мы видѣли, что различіе между ними дѣйствительно существуетъ и выражается во внѣшнемъ творествѣ человѣка, въ способности его воспроизводить въ матеріальномъ мірѣ свои представленія и мысли. Но какая причина такого различія и отъ чего оно зависитъ, — это остается загадкой и мы должны ограничиться пока только нѣкоторыми соображеніями по этому предмету.

Животныя, подобно человѣку, имѣютъ инициативу; произвольность ихъ движеній не подлежитъ сомнѣнію. Отсюда выводятъ, что нѣтъ основанія относить душу животныхъ къ явленіямъ внѣшней природы, или что нѣтъ причины различать психическую жизнь человѣка отъ жизни матеріальнаго міра. Но самое качество, свойство инициативы животныхъ полагаетъ существенное различіе между ними. Соображая внѣшнія проявленія психической жизни животныхъ, насколько они покуда извѣстны, мы находимъ, что животныя получаютъ внѣшнія впечатлѣнія, но не имѣютъ психическихъ впечатлѣній, другими словами, душа ихъ не отражаетъ въ себѣ того, что въ ней происходитъ. От-

чего это такъ — мы не знаемъ. Нельзя отрицать сознанія въ животныхъ высшихъ порядковъ; въ наиболѣ развитыхъ изъ нихъ матеріальныя впечатлѣнія складываются даже въ обобщенныя представленія; но нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобъ животные, даже самыя совершенныя, относились къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и обобщеннымъ представленіямъ также объективно и свободно, какъ человекъ, и могли перерабатывать ихъ въ отвлеченныя общія понятія и представленія; идеальный міръ животныхъ ограничивается повидимому однимъ сознаніемъ впечатлѣній и обобщенныхъ представленій; кажется, вслѣдствіе этого душа животныхъ и не имѣетъ самостоятельности и самодѣятельности, обращена исключительно на внѣшній міръ, подчинена его дѣйствіямъ и вліяніямъ и есть не болѣе какъ аппаратъ или механизмъ, приданный для чисто матеріальныхъ отправленій, имѣющій чисто животное назначеніе; самая инициатива животныхъ, за отсутствіемъ самостоятельной психической жизни, есть чисто матеріальная, обращена на внѣшніе предметы и явленія; творческая ихъ дѣятельность во внѣшнемъ мірѣ, сравнительно съ человекомъ, крайне скудна; животные или вовсе не производятъ новыхъ комбинацій въ окружающемъ ихъ мірѣ, или, если и производятъ, то весьма бѣдныя и ничтожныя, а главное — постоянно однѣ и тѣ же, не умѣютъ ихъ разнообразить, выдумывать новыя, сообразно съ новыми обстоятельствами; производимыя ими новыя группировки данныхъ природы машинообразны, какъ будто внушены извнѣ въ видѣ внѣшняго обязательнаго правила. Не имѣя въ себѣ точки опоры, чтобъ отдѣлиться отъ внѣшней обстановки, противостоять ей, бороться съ нею, животные подчиняются ей пассивно, принимаютъ и испытываютъ на себѣ ея дѣйствія слѣпо, не разсуждая, въ крайнемъ случаѣ только изловчаясь, чтобъ избѣгнуть опасности, или добыть себѣ пищу. Эти наблюденія поясняются сближеніемъ дѣйствій животныхъ съ произвольными дѣйствіями человека. Между тѣми и другими есть замѣчательное сходство, которое бросаетъ яркій свѣтъ и на тѣ и на другія. Цѣлесообразность многихъ очень сложныхъ дѣйствій животныхъ долго оставяла изслѣдователей въ недоумѣніи, не обсуждаютъ ли животные своихъ поступковъ, не преслѣдуютъ ли въ нихъ обдуманыхъ цѣлей? Опыты съ обезглавленными лягушками разубѣдили въ этомъ и свели психическую сторону подобныхъ дѣйствій на образовавшіеся подъ внѣшними вліяніями рефлексы, которыми совершенно удовлетворительно объясняются и многія произвольныя дѣйствія человека. Въ блистательномъ открытіи рефлексовъ и мозговыхъ аппаратовъ, задерживающихъ рефлексы, реалисты видятъ новый, сильнѣйшій аргументъ противъ самостоятельности и самодѣятельно-

сти психической среды въ человѣкѣ. Мы не знаемъ, на чемъ основано такое заключеніе. Оно было бы неотразимо, еслибъ было доказано, что рефлексы у животныхъ и у человѣка образуются совершенно одинаково; но въ томъ-то и дѣло, что оно не такъ; у животныхъ рефлексы всегда обусловлены внѣшними фактами, въ человѣкѣ же они частью тоже образуются этимъ путемъ, но частью вырабатываются и вслѣдствіе психическихъ фактовъ и данныхъ. Человѣкъ можетъ преднамѣренно, рядомъ часто повторенныхъ произвольныхъ движеній, приучить свое тѣло къ движеніямъ непроизвольнымъ; вспомнимъ только привычки и манеры. Произвольныя движенія, повторенныя намѣренно несчетное число разъ, и обращаются мало-по-малу въ рефлексы. Только этимъ способомъ и могутъ быть объяснены многія рефлективные движенія, свойственныя одному человѣку и выражающія различныя его психическія состоянія, — движенія такого рода, какихъ мы у животныхъ вовсе не встрѣчаемъ.

Всѣ эти отличія психической жизни человѣка и животныхъ вѣроятно зависятъ отъ различнаго строенія души тѣхъ и другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если психическія отправленія животныхъ такъ существенно разнятся отъ человѣческой дѣятельности, то есть основаніе предполагать, что психическая организація ихъ другая. Отсутствие идеальнаго міра и свободнаго къ нему отношенія указываетъ, какъ мы уже видѣли, на недостатокъ въ душѣ животныхъ способности отражать въ себѣ свои внутреннія состоянія и движенія и перерабатывать ихъ въ новыя формы. Между тѣмъ, душа животныхъ не лишена способности раздвоиться въ себѣ: это видно изъ того, что они имѣютъ сознаніе и обобщенныя представленія; только они относятся къ однимъ явленіямъ внѣшняго міра и съ ними одними имѣютъ дѣло; самостоятельной творческой дѣятельности животныя лишены и потому инициатива ихъ ограничена лишь выборомъ между различными внѣшними впечатлѣніями, тогда какъ душа человѣка, способная обращаться къ самой себѣ, черпаетъ въ самой себѣ мотивы своей дѣятельности, можетъ свободно относиться къ матеріальнымъ вліяніямъ и исполнять свои рѣшенія даже наперекоръ внѣшней обстановкѣ; наконецъ, она можетъ жить въ себѣ совсѣмъ другою жизнью, чѣмъ та, къ которой человѣкъ вынужденъ внѣшней обстановкой. Болѣе этого ничего пока нельзя заключить по недостатку данныхъ. Повидимому, все различіе сводится къ неспособности души животныхъ отражаться въ самой себѣ, а вслѣдствіе этого подвергать переработкѣ психическія впечатлѣнія. Недостатокъ этой способности находится, повидимому, въ связи съ особенностями внутренняго раздвоенія души животныхъ; но въ чемъ состоятъ эти особенности и отъ

чего зависеть, — на это мы не имѣемъ пока никакихъ указаній.

Итакъ, вотъ основанія и условія психической жизни человѣка, опредѣляющія особенное, выдающееся его положеніе среди другихъ существъ. Мысли и соображенія, высказанныя нами выше по этому предмету, принадлежать не намъ, а давно уже выработаны европейскою наукою. Первое основаніе психологіи, какъ положительной науки, заложили Локъ и Кантъ, представители двухъ различныхъ направленій психологическихъ изслѣдованій. Первый обратилъ все вниманіе только на ту сторону души, которой она обращена къ матеріальному міру и имъ обусловлена; второй — на явленія, въ которыхъ выражается ея самостоятельность и самодѣтельность. Эти два направленія долго считались и теперь еще большинствомъ считаются противоположными, исключаящими другъ друга, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они опредѣляются только разными сторонами одной и той же души. Локъ мимоходомъ, слегка, упоминаетъ о рефлексіи, т. е. объ отраженіи въ душѣ ея внутреннихъ явленій и ограничивается этимъ намекомъ, не останавливаясь на вопросахъ, что это за фактъ, откуда онъ берется, что онъ значитъ, какую роль играетъ въ психической жизни, какіе его законы. Его гениальныя изслѣдованія были направлены не въ эту сторону. Занятый исключительно разясненіемъ матеріала, содержанія, перерабатываемаго психическими процессами, Локъ не обратилъ вниманія на строеніе души, на ея отправленія, на формы психическихъ процессовъ. Послѣдователи его и не думали пополнить этотъ пробѣлъ, оставленный основателемъ школы; напротивъ того, они возвели его недомолвку въ систему, въ принципъ и съ непонятнымъ ослѣпленіемъ отвергаютъ, какъ нелѣпость, всякую попытку объяснить законы и условія самостоятельныхъ психическихъ отправленій, существованіе которыхъ однако доказывается неопровержимыми фактами. Благодаря этой исключительности и односторонности, смыслъ великаго философскаго и научнаго движенія Германіи, со временъ Канта до Гегеля включительно, утратился въ настоящее время даже для самихъ нѣмцевъ, у которыхъ теперь реальное направленіе мало-по-малу вытѣсняетъ всѣ другія. Ученія Фихте, Шеллинга, Гегеля кажутся какими-то туманными бессмыслицами; что эти бессмыслицы еще такъ недавно занимали всѣ умы, оказывали огромное вліяніе на науку, руководили умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и считались его лучшимъ, полнѣйшимъ выраженіемъ, — объ этомъ забыли теперь и думать. Нынѣшнимъ поколѣніямъ Германіи почти стыдно за непонятное, повидимому, увлеченіе отцовъ; они готовы вторить глумленіямъ англичанъ надъ умершимъ нѣмецкимъ идеа-

лизмомъ, къ которому послѣдніе, по складу своего ума, никогда не имѣли ни малѣйшаго сочувствія. Въ Европѣ такая переменѣна взгляда объясняется развитіемъ науки и борьбою партій; но почему мы, русскіе, слѣдуя общему потоку, повторяемъ за другими насмѣшки надъ исчезнувшей германской философіей, — это гораздо труднѣе понять. Стоя внѣ борьбы школъ и направленій, выработавшихся въ западной Европѣ, мы могли и должны бы безпристрастнѣе и самостоятельнѣе относиться къ ихъ враждѣ и ихъ крайностямъ. Идеалистическимъ ученіямъ, разумѣется, нельзя вѣрить на слово; ихъ конечно нельзя признавать за то, за что они себя выдаютъ. Какъ философскія системы міра, онѣ рушились безвозвратно; ихъ логическія основы и построенія, — запоздалые отпрыски схоластики, давно уже утратившей живое значеніе и интересъ. Какими-то странными, непривѣтливыми кажутся намъ эти одинокія порожденія индивидуальной мысли, посреди страстныхъ порываній современной имъ европейской жизни выбиться изъ прежней колен и стряхнуть съ себя средневѣковую весть. Нужно долго, пристально всматриваться въ эти удивительныя созданія нѣмецкаго гения, чтобъ открыть связь и отношенія между ихъ причудливыми планами и узорами и теченіемъ бурнаго потока, который, въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка выводилъ европейскую мысль изъ всевозможныхъ затворовъ на свѣтъ божій. Что же могло породить эти системы и ученія? Какая потребность могла внушить ихъ? Что они собою выражаютъ и чѣмъ объяснить неизмѣримое ихъ вліяніе на современниковъ? Мы думаемъ, что идеалистическія системы, вызванныя критическими трудами Канта, представляютъ изслѣдованія логическихъ формъ психической жизни, и въ этомъ, какъ намъ кажется, состоитъ ихъ значеніе и заслуга; этимъ же объясняется ихъ успѣхъ и ихъ быстрое паденіе. Нѣмецкій идеализмъ имѣлъ дѣло исключительно съ однимъ только психическимъ матеріаломъ, съ фактами, явленіями и законами психической жизни; всѣ его предпосылки — психологическаго свойства; законы, выдаваемые имъ за міровые, суть въ дѣйствительности законы души и ея отправленій; атрибуты, приписываемые имъ божеству, на самомъ дѣлѣ атрибуты человѣческой души. Сведите міровыя системы Фихте, Шеллинга и Гегеля къ болѣе скромнымъ размѣрамъ ученій о психической жизни, отнесите ихъ изслѣдованія не къ «всемірному духу» и законамъ вселенной, а къ человѣческой душѣ и ея законамъ, — и тотчасъ же бессмысленное въ этихъ системахъ окажется исполненнымъ смысла, кажущійся бредъ превратится въ замѣчательныя открытія, въ тонкія, глубокія и превосходныя психологическія изслѣдованія, которыя и теперь сохраняютъ безотносительную цѣну и важность въ наукѣ. Прав-

да, въ названныхъ системахъ, какъ сказано, разрабатывались только логическія формы психической жизни; въ этомъ ихъ слабая сторона. Обращая вниманіе исключительно на одну, такъ сказать, оболочку психической жизни, нѣмецкіе философы-идеалисты заплатили дань своему вѣку, получившему исходную точку и приемы въ наслѣдство отъ схоластики; но говоря это, не забудемъ, что въ то время не было для психологическаго изслѣдованія никакого другого матеріала, кромѣ логическихъ формъ, и психологія могла быть въ то время выработана только изъ логики, точно также, какъ въ свое время греки могли вырабатывать логику только изъ грамматики и реторики. Неподражаемые изслѣдованія логическихъ формулъ, составляющія существенное содержаніе нѣмецкихъ идеалистическихъ системъ, выяснили строеніе душевнаго организма, которое въ нихъ выражается и скрыто за ними, а также психическіе процессы и операціи. Послѣ этихъ необходимыхъ приготавительныхъ работъ, на нашу долю остается только трудъ относительно легкій—высвободить психическое содержаніе изъ логическихъ пеленокъ, которыми оно еще слегка повито и тѣмъ завершить вѣковыя усилія идеализма.

Разсматривая нѣмецкія идеалистическія ученія съ этой точки зрѣнія, мы находимъ, что они имѣютъ для психологіи, какъ положительной науки, неоспоримое и огромное значеніе, которое будетъ оцѣнено лишь впоследствии, когда психическая жизнь выяснится, хотя бы только въ главныхъ своихъ чертахъ и явленіяхъ. Германскій идеализмъ съ полнымъ вниманіемъ остановился на свойствахъ души, безъ уясненія которыхъ психическая жизнь навсегда останется для насъ непонятной, и изслѣдовалъ ихъ во всей подробности, разумѣется, насколько они обнаруживаются въ логическихъ формахъ. Основаніемъ всей системы Фихте служить безусловное *Я*, создающее изъ самого себя свою противоположность, *не-я*, внѣшній міръ; пантеистическія воззрѣнія Шеллинга вытекаютъ изъ разработки логической формулы $A=A$; Гегель построилъ свою систему на томъ основномъ законѣ, что каждое положеніе, вслѣдствіе внутренней необходимости, переходитъ въ отрицаніе самого себя, и потому обѣ противоположности разрѣшаются въ высшемъ гармоническомъ единствѣ. Всѣ эти удивительныя построенія, почти неимѣющія въ нашихъ глазахъ никакого смысла, тотчасъ же дѣлаются вполне понятными, какъ только мы подмѣтимъ, что указанныя основанія системъ не что иное, какъ логическія выраженія свойствъ души раздвоятся, оставаясь единой, выдѣлять себя изъ самой себя, смотрѣть на себя какъ на нѣчто постороннее и узнавать себя въ этомъ постороннемъ. Нѣмецкій идеа-

лизмъ разработалъ съ величайшею подробностью логическія формулы, въ которыхъ это свойство души выражается, и тѣмъ пополнилъ существенный пробѣлъ, оставленный англійскими психологами и изслѣдованіями современныхъ реалистовъ. Говоря о строеніи и основныхъ свойствахъ души, нельзя обойти молчаніемъ роль и значеніе идеалистовъ. Реальное направленіе, въ этомъ отношеніи, ничего не сдѣлало; напротивъ, отрицая душу и ея самостоятельность, стараясь свести всѣ психическія явленія къ пассивнымъ результатамъ внѣшнихъ вліяній, реализмъ направилъ психологическія изслѣдованія въ ошибочную колею, изъ которой они до сихъ поръ не могутъ выбиться, вопреки очевиднымъ и несомнѣннымъ даннымъ.

Крайности современнаго реализма очень неблагоприятно отразились и на изученіи исторіи философіи. Читая Льюиса или Дюринга больно видѣть, до какой близорукости и слѣпоты доходятъ послѣдователи этого направленія. Скучность пониманія, при упадкѣ идеализма и эксцентричностяхъ реальнаго направленія, такъ велика, что лучшими книгами по исторіи философіи должно признать, изъ выходящихъ теперь, одни учебники по этому предмету, сообщающіе, безъ всякихъ взглядовъ, голые факты и литературу. Но именно исторія философіи и могла бы, какъ намъ кажется, служить неопровержимымъ подтвержденіемъ истины, что безъ идеализма, правильно понятаго и поставленнаго въ должныя границы, нельзя и думать о разрѣшеніи психологическихъ задачъ. Выдѣливъ изъ философскихъ ученій все то, что относится къ теоріи и системѣ положительныхъ наукъ, мы получимъ въ остаткѣ усилія ума открыть и объяснить законы психической жизни. Крайнее разнообразіе этихъ попытокъ зависитъ не отъ одной только сложности предмета и задачи, но также и отъ того, что психическая сторона человѣка не есть нѣчто однажды навсегда опредѣлившееся и законченное, а развивается, какъ все живое, и въ разные періоды исторической жизни человѣческаго рода является въ различныхъ фазисахъ своего развитія. Сначала психическіе элементы подавлены внѣшней природой и едва заявляютъ свое существованіе; затѣмъ, они мало-по-малу высвобождаются изъ-подъ внѣшнихъ вліяній и вырабатываются до самостоятельности. Ступени такого развитія обозначаются постепеннымъ, все болѣе и болѣе различіемъ матеріальныхъ элементовъ отъ психическихъ, за которымъ наступилъ совершенный разрывъ между тѣми и другими и ихъ рѣзкое противоположеніе другъ другу. Апогеемъ этого періода развитія было полное торжество психическаго элемента надъ матеріальнымъ; послѣдній ступшевался передъ первымъ,

какъ вначалѣ, наоборотъ, перваго почти вовсе не было видно изъ-за послѣдняго. Достигнувъ этой точки, психическіе элементы начинаютъ, точно также постепенно, снова сближаться съ матеріальнымъ міромъ. Полное ихъ соглашеніе и гармоническое сліяніе есть задача будущаго, которое представляется намъ пока въ очень туманныхъ чертахъ, значительно искажаемыхъ воспоминаніями о прожитыхъ фазисахъ развитія. Какъ же, спрашивается, относилась философія къ этому ходу развитія психическаго элемента въ исторіи? Она шла съ нимъ рука объ руку, то опережая его, то отставая и объясняя уже совершившіеся факты. По мѣрѣ того, какъ въ самой дѣйствительности центръ тяжести перемѣщался изъ матеріальнаго міра въ психическій, философія переносила въ идеальный міръ основныя начала бытія, которыя сначала искала въ матеріальныхъ фактахъ и элементахъ; когда же такое перемѣщеніе окончательно совершилось и началось обратное движеніе къ матеріальному міру, философія стала тщательно изучать явленія и факты психической жизни и завершила свои труды изслѣдованіемъ ея основныя началъ и условій, продолжая въ ней видѣть единственный источникъ бытія. Вотъ почему мы думаемъ, что исторія философіи, рано или поздно, должна обратиться въ критическую исторію постепеннаго изученія и объясненія явленій, законовъ и развитія психической жизни. Въ томъ видѣ, какъ теперь передаются философскія системы и ученія, они являются какими-то мистическими космогоніями, чуть-чуть не кабалистическими доктринами, къ которымъ затеряны. Философія, какъ она развилась въ исторіи, представляетъ аналогическое явленіе съ астрологіей, алхиміей и народной медициной, въ которыхъ тоже скрывались зачатки положительныхъ наукъ, но затерянные среди разнообразнѣйшаго и разнороднѣйшаго матеріала. По своему существенному содержанію, философскія системы и ученія заключаютъ въ себѣ, часто въ иносказательной формѣ, психологическія наблюденія и изслѣдованія, которыя теперь предстоитъ очистить отъ постороннихъ примѣсей, привести въ систему и возвести въ положительную науку о человѣческой душѣ, — Психологію.

К. Кавелинъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРИИ МАСОНСКИХЪ ЛОЖЪ

III. Возовновленіи масонскихъ ложъ при имп. Александрѣ *).

Первое формальное разрѣшеніе ложъ при императорѣ Александрѣ I и первыя ихъ отношенія съ официальной властью начались, кажется, въ 1810-мъ году. Въ это время всѣ управляющіе ложами призваны были къ министру полиціи, и по высочайшему повелѣнію взяты на разсмотрѣніе всѣ ихъ акты ¹⁾. Взятые акты были потомъ возвращены Бёберу (главному руководителю директоріальной ложи Владиміра къ порядку) гр. Разумовскимъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, который такимъ образомъ также принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Существованіе ложъ, ранѣе основанныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденіе новыхъ, было разрѣшено; но ложи поставлены были подѣ официальнѣй контроль: масонское управленіе обязано было представлять министру полиціи отчеты о занятіяхъ и о составѣ ложъ. Причиной, почему правительство обратило тогда вниманіе на ложи, масоны полагали, какъ говорятъ, доносъ, будто бы сдѣланный на нихъ извѣстнымъ Фесслеромъ. Какъ въ точности происходило это дѣло, откуда дѣйствительно шла первая его инициатива, въ чемъ заключалось разсмотрѣніе актовъ и сдѣланные изъ того выводы, пока еще не раскрыто; и

---

*) См. выше: янв. 174 стр.

¹⁾ Богдановичъ, Ист. VI, стр. 406.

былъ ли дѣйствительно «доносъ», трудно сказать. Въ настоящемъ случаѣ мы укажемъ нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе къ этому разсмотрѣнію актовъ и разрѣшенію ложъ.

Эти документы находятся въ коллекціи московскаго Музея, въ сборникѣ различныхъ масонскихъ бумагъ стараго и новаго времени (по каталогу № 2). Изъ нихъ еще не видно связи этого дѣла, но есть однако нѣкоторыя данныя для разъясненія тогдашнихъ масонскихъ отношеній.

Во-первыхъ, любопытенъ здѣсь одинъ документъ, писанный по-французски. Это—записка или докладъ имп. Александру (въ черновой или въ копіи), писанный неизвѣстно кѣмъ, но очевидно въ то самое время, когда поднятъ былъ вопросъ о масонствѣ. Докладъ или записка говорить о предметѣ, который уже имѣлся въ виду и подвергался обсужденію. Приводимъ этотъ документъ въ переводѣ:

Я счелъ долгомъ представить В. В-ву нѣкоторыя мысли относительно тѣхъ мудрыхъ мѣръ, которыя В. В-во предполагаете употребить для устройства масонства. Онѣ кажутся мнѣ способными обезпечить успѣхъ вашихъ намѣреній.

Хорошее устройство масонства въ имперіи должно принести двѣ существенныя выгоды:

1. Оно должно остановить увеличеніе испорченности нравовъ, установляя добрую нравственность, утвержденную на прочномъ основаніи религіи.

2. Оно должно воспрепятствовать введенію всякаго другого общества, основаннаго на вредныхъ началахъ, и такимъ способомъ образовывать родъ постоянного, но незамѣтнаго надзора, который, по своимъ тайнымъ сношеніямъ съ министерствомъ полиціи, доставилъ бы ему такъ сказать залогъ противъ всякой попытки, противной предполагаемой цѣли.

Чтобы установить это устройство способомъ вѣрнымъ, необходимо слѣдовать двумъ началамъ, которыя неизбѣжно приведутъ къ желаемому результату:

1. Сколько возможно, скрывать дѣйствіе полиціи въ ея присмотрѣ, такъ, чтобы не только публика вообще, или тѣ, кто пытался бы вводить эти вредныя начала, не подозрѣвали этого надзора; но чтобы самыя члены ложъ оставались въ невѣдѣніи, что они находятся подъ присмотромъ или покровительствомъ правительства, и чтобы только начальники ордена участвовали въ этой тайнѣ.

2. Установить масонство во всей его первоначальной чистотѣ. Все то, что могли прибавить къ нему въ нѣкоторыхъ странахъ отдаленныя обстоятельства, чуждыя цѣли В. В-ва, должно быть разсматриваемо какъ подробности, чуждыя для насъ и которыя легко отдѣлить отъ существенной части.

Когда устройство этого ордена будетъ разъ очищено и утверждено такимъ образомъ, было бы необходимо образовать центръ соединенія, къ которому принимали бы и гдѣ сходились бы всѣ учрежденія этого рода, какія могли бы образоваться внутри имперіи, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ.

Эти учрежденія сдѣлались бы и единственнымъ предохраненіемъ противъ зла, которое могло бы проникнуть въ страну путями, удаленными отъ присмотра, установленнаго въ столицѣ; и сдѣлались бы удобствомъ надзора для общей полиціи (*la police générale des mœurs*), которое трудно было бы замѣнить какимъ-нибудь другимъ средствомъ.

Этимъ центромъ соединенія была бы ложа-мать, основанная въ столицѣ.

Всякая другая ложа въ имперіи, не учрежденная этою ложей-матерью, не должна бы быть терпима.

Эти мѣры, государь, проводимыя благоразумно и въ тайнѣ, обезпечили бы успѣхъ предположеннаго плана, такъ что намѣреніе В. В-ва было бы совершенно исполнено.

Трудно угадывать, кѣмъ могла быть представлена эта бумага, но въ концѣ концовъ дѣло было устроено именно такъ, какъ предлагалось въ этой запискѣ.

Въ томъ же сборникѣ мы имѣемъ другой документъ, относящійся къ этому дѣлу — самое объявленіе министра полиціи начальникамъ петербургскихъ ложъ. Читатель замѣтитъ, что въ этомъ объявленіи есть общія черты съ предыдущей запиской.

Отъ министра полиціи начальникамъ масонскихъ обществъ, въ Спб. существующихъ.

Начальникамъ существующихъ здѣсь масонскихъ обществъ извѣстно, что правительство, зная ихъ существованіе, не полагало никакихъ препятствій ихъ собраніямъ. Съ своей стороны и общества сіи заслуживаютъ ту справедливость, что доселѣ не подавали они ни малѣйшаго повода къ какому-либо на нихъ притязанію.

Но неосторожностію нѣкоторыхъ членовъ, взаимными ложъ состояніями и нѣкоторою поспѣшностію къ разширенію ихъ новыми и непрестанными принятіями, бытіе сихъ обществъ слишкомъ огласилось. Изъ тайныхъ они стали почти явными, и тѣмъ подали поводъ невѣжеству или злонамѣренности къ разнымъ на нихъ нареканіямъ.

Въ семъ положеніи вещей и дабы положить преграду симъ толкованіямъ, правительство признало нужнымъ войти подробнѣе въ правила сихъ обществъ и удостовѣриться въ тѣхъ основаніяхъ, на коихъ они могутъ быть терпимы или покровительствуемы.

Цѣль истиннаго масонства не можетъ быть никому предосудительна.

Правительство надѣется, что начальники обществъ откровенностію своею докажутъ, что они знаютъ сію цѣль и искренно желаютъ ее достигнуть.

На сей конецъ съ начальниками сихъ обществъ учредятся *доверенныя* и отъ обыкновенныхъ полицейскихъ мѣръ совершенно чуждыя *сношенія*. Правительство изберетъ отъ себя двухъ особъ, знаніемъ и степенями своими въ масонскомъ дѣлѣ извѣстныхъ. Съ этими двумя лицами подъ непосредственнымъ наблюденіемъ министра просвѣщенія каждый начальникъ ложи войдетъ въ сношенія и изложитъ имъ въ духѣ доверенности и братства правила, основанія и систему своей ложи.

Между тѣмъ иянемъ кореннаго закона, всѣмъ масонскимъ *логамъ* общаго, назначается: 1) чтобъ съ сего времени до послѣдняго окончанія всѣхъ выше означенныхъ сношеній пріостановлены были во всѣхъ *ложахъ* новыя членовъ принатія; 2) чтобъ сношенія съ начальниками *ложъ*, отъ правительства устанавливаемыхъ, были сохраняемы каждымъ изъ нихъ лично въ *совершенной тайнѣ* не только для публики, но и для членовъ самыхъ *ложъ*. Всякое о семъ разглашеніе обратится въ сущій вредъ самимъ симъ обществамъ.

Въ С.-Петербургѣ,
августа 2 дня,
1810.

Далѣе, мы находимъ въ сборникѣ свѣдѣнія о петербургскихъ *ложахъ*, собранныя вѣроятно министромъ полиціи, вслѣдствіе упомянутаго высочайшаго повелѣнія.

Собранныя свѣдѣнія отъ начальниковъ ложъ: Жеребцова, Вельгорскаго ¹⁾ и Сергѣева.

Ложа Жеребцова, подъ названіемъ Loge des Amis Réunis, имѣетъ 50 членовъ дѣйствительныхъ и 29 почетныхъ, кои въ реестръ при семъ прилагается.

Жеребцовъ принятъ былъ въ Парижѣ, во время консульства, и получилъ тамъ патентъ и акты, по которымъ онъ управляетъ здѣсь сію ложу.

Сношеній однакожъ никакихъ, по увѣренію его, съ французскими *логами* онъ не имѣетъ.

Въ *ложѣ* сей должны быть 5-ть родовъ собраній:

- 1) *пріемныя*;
- 2) *фамильныя*, или хозяйственныя для внутреннихъ распоряженій;
- 3) *учебныя*;
- 4) *праздничныя*;
- 5) *печальныя*.

¹⁾ Такъ и далѣе, вм. Вельгорскаго.

Въ похвалу сихъ братствъ сказать должно, что они дѣлають много благодѣяній, посѣщаютъ тюрьмы, помогаютъ бѣднымъ и проч.

Всѣ акты, протоколы собраній и проч. изъ сей логи получены.

Ложа Вельгорскаго, подъ названіемъ *Loge de la Palestine*, не имѣетъ никакихъ особнхъ правилъ, а работаетъ по системѣ Жеребцова.

Весь ихъ архивъ, мнѣ доставленный, состоитъ въ нѣсколькихъ тетрадяхъ, выписанныхъ изъ актовъ вышепоказанной логи.

Членовъ 75, коиъ списокъ при семъ прилагается.

Ложа Сергѣева учреждена была въ 1805-мъ году подъ названіемъ *Пеликанъ*, потомъ раздѣлилась на три логи, кои, слѣдуя шведской системѣ, находятся подъ управленіемъ четвертой, директоріальной.

Сія три соединенныя логи, подъ названіями:

Елизавета, управляемая Сергѣевымъ;

Александръ, „ Розенштраухомъ;

Петръ, „ Еллизенюмъ.

Директоріальная, *Владиміръ*, подъ управленіемъ дѣйств. ст. совѣтника Бебера.

Членовъ въ 3-хъ соединенныхъ ложахъ, нынѣ здѣсь находящихся, 114, коиъ списокъ при семъ прилагается.

Всѣ акты и протоколы собраній получены!

Замѣчанія. О первыхъ двухъ ложахъ, Жеребцова и Вельгорскаго, замѣтить должно: что система ихъ ничего осудительнаго въ себѣ не заключаетъ, что бумаги ихъ состоятъ изъ однихъ обрядовъ и церемоніаловъ; что ученія въ нихъ мало, и предмету никакого, въ чемъ сами начальники согласуются. Оба признавались мнѣ, что они никакой точной цѣли не имѣють, и масонской тайны никакой не вѣдають.

Въ такомъ положеніи никакая ложа существовать долго не можетъ. Занимаясь одними наружными обрядами, церемоніалами и пріемами, въ продолженіи времени занятіе сіе членамъ конечно покажется скучнымъ; и тогда, или вовсе ложа должна рушиться, или превратится въ общество шумное и непристойное, въ коемъ главной цѣлью собраній будетъ ложа столовая. Примѣры такого ходу бывали вездѣ, гдѣ масонскія логи учреждались не на истинномъ и твердомъ основаніи.

Но сверхъ того замѣтить слѣдуетъ, что система сія весьма удобна къ полученію всякаго направленія, какъ полезнаго, такъ и вреднаго. Въ добромъ намѣреніи она можетъ быть обращена къ полезной для нравственности цѣли. Въ противномъ она же можетъ сдѣлаться средствомъ къ распространенію вредныхъ и опасныхъ внушеній.

О системѣ трехъ соединенныхъ ложъ сказать должно, что она полнѣе французской и весьма близко подходитъ къ истинному масонству.

Слѣдственно, съ нѣкоторымъ исправленіемъ и пополненіемъ, легко можно принять надлежащее и желаемое направленіе.

Документы, мнѣ доставленные отъ всѣхъ начальниковъ, вручены для подробнѣйшаго ихъ разсмотрѣнія чиновникамъ, къ тому назначеннымъ.

Наконецъ, въ томъ же сборникѣ находятся и списки членовъ тѣхъ ложъ, о которыхъ упоминается въ предыдущихъ бумагахъ, т.-е. списки 1810-го года (актовъ и протоколовъ собраній здѣсь нѣтъ). Эти списки даютъ понятіе о составѣ тогдашнихъ ложъ.

Въ ложѣ *Amis Réunis*, работавшей по французской системѣ Жеребцова съ высшими степенями, мы находимъ между прочимъ слѣдующихъ лицъ.

Въ степени *Rose-Croix* (это — французская степень съ именемъ розенкрейцерства, которой не слѣдуетъ смѣшивать съ нѣмецкимъ розенкрейцерствомъ) были: герцогъ Александръ Виртембергскій, Алекс. Жеребцовъ, гр. Станиславъ Потоцкій, гр. Александръ Остерманъ-Толстой, генераль-маіоръ Ник. Бороздинъ, Оде-де-Сіонъ и проч. Въ степени «рыцарей Востока», *chevaliers d'Orient*, упомянуть самъ Балашовъ, министръ полиціи (!). Въ степени «великихъ шотландцевъ», *grands Ecossais*, названъ въ числѣ другихъ Сергѣй Ланской. Въ степени «избранныхъ», *élus* (эта степень называлась въ старину «эллусской»): графъ Иванъ Воронцовъ, гр. Дм. Зубовъ, церемоніймейстеръ двора Ив. Нарышкинъ, вн. Павелъ Лопухинъ, колл. асс. Василій Пушкинъ и проч. Въ степени мастера: гр. Ярославъ Потоцкій, гр. Геракліусъ и Луи Полиньяки и проч. Въ другомъ разрядѣ мастеровъ (какихъ, неизвѣстно) названъ Алекс. Бенкендорфъ. Далѣе слѣдуютъ товарищи и ученики. Въ числѣ почетныхъ членовъ — Фесслеръ, отст. ген.-лейт. Купелевъ, Боэльдѣ (композиторъ), Дальмасъ (франц. актеръ и отчасти литераторъ). Членами-основателями этой ложи названы: Жеребцовъ, Остерманъ-Толстой, Оде-де-Сіонъ, Карбоннье, Чаплицъ, Бернаръ, Чекалевскій.

Въ ложѣ *Палестины*, находившейся въ управленіи Вѣльгорскаго и которой списокъ помѣченъ сентябремъ 1810, мы находимъ между прочимъ и болѣе высокія французскія степени, чѣмъ въ предыдущей.

На первомъ планѣ — Шаррьеръ де-Монтеранъ, который по «гражданскому» своему положенію былъ не болѣе какъ губернеръ у того же министра полиціи, а по масонскому достоинству былъ *Grand Chevalier Elu Kadosch, prince de Liban et de Jerusalem*, «великій избранный рыцарь Кадошъ, князь ливанскій и іерусалимскій». Докторъ Беньи былъ *Grand Chevalier Ecossais, prince de Jerusalem*. Потомъ *Rose-croix Вѣльгорскій*; да-

les chevaliers d'Orient, chevaliers écossais, въ числѣ которыхъ . упомянуть уроженецъ Меца, инженеръ Pierre Dominique Bazaine (отецъ маршала второй имперіи). Въ числѣ élus мы находимъ кн. Александра Ипсиланти. Между «учениками» забавно встрѣтить извѣстнаго тогда ресторатора—Тардифа. Въ низшихъ степеняхъ большею частію были французскіе и нѣмецкіе купцы, артисты и т. п.

Въ соединенныхъ ложахъ *Елизаветы, Александра и Петра*, подъ управленіемъ Великой Директоріальной Ложы *Владимира*, названы слѣдующія лица: великимъ мастеромъ Директор. Ложы былъ Бѣберъ; — великими и намѣстными мастерами въ ложѣ Елизаветы были дѣйств. ст. сов. Сергѣевъ и ген.-майоръ Синицынъ; — въ ложѣ Александра: Розенштраухъ и Риземанъ; — въ ложѣ Петра: Эллизенъ и Свенске. Въ числѣ другихъ членовъ названы ген.-лейт. Куселевъ, профессора Кайдановъ, Фесслеръ, Лоди, Гауэншильдъ, камергеръ Жеребцовъ, гр. Зубовъ, кавалеріи поручикъ кн. Лопухинъ, семеновскіе и преображенскіе офицеры, иностранные купцы, доктора и проч. Въ числѣ почетныхъ членовъ—сенаторъ Кутузовъ, Лабзинъ.

Какъ происходило разсмотрѣніе актовъ и къ чему именно оно привело, здѣсь нѣтъ о томъ достаточныхъ свѣдѣній. Выше мы упомянули извѣстіе, что акты ложъ были возвращены Бѣберу, управлявшему «соединенными ложами». Что касается другихъ ложъ, то, напр., ложа Палестины не получала своихъ актовъ еще въ октябрѣ 1811-го года; намѣстный мастеръ этой ложи обращался (8 окт. 1811) къ гр. Разумовскому съ просьбой объ ихъ возвращеніи и съ вопросомъ, можетъ ли ложа, получивши документы, возобновить принятія членовъ, остановленные больше года, Разумовскій рекомендовалъ ему обратиться съ этой просьбой къ министру полиціи ¹⁾.

Въ біографіи Сперанскаго, бар. Корфа, есть свѣдѣнія, что около того самаго времени Сперанскій былъ назначенъ членомъ въ особо учрежденный отъ правительства комитетъ для разсмотрѣнія масонскихъ дѣлъ, и что вслѣдствіе того, онъ «съ вѣдома правительства» принять былъ въ масонскіе обряды подъ

¹⁾ Сборникъ масонской переписки 1811—1822 г. на французскомъ языкѣ, Муз. № 114. Письмо Разумовскаго отъ 11 октября 1811 года «...J'ai l'honneur de vous assurer qu'il n'y a qu'une seule loge à laquelle j'ai restitué des documents, par ordre suprême (это вѣроятно—ложа Бѣбера). N'étant que le dépositaire de ces papiers, c'est au ministre de la police que vous voudrez bien vous adresser pour tout ce qui concerne cet objet» и проч.

предсѣдательствомъ доктора Фесслера. Едва ли сомнительно, что это было то самое разсмотрѣніе масонскихъ дѣлъ, въ которомъ мы видимъ участвующими министра полиціи Балашова и министра народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскаго. Последніе были уже знакомы съ предметомъ, и Балашовъ былъ даже самъ «братомъ» въ ложѣ Соединенныхъ Друзей,—только Сперанскому надо было приобрѣсти необходимыя масонскія познанія, чтобы участвовать въ разсмотрѣніи,—и для этого вѣроятно послужило посвященіе Фесслера ¹⁾. Кто былъ еще въ комитетѣ, мы пока не знаемъ. Въ приведенной выше бумагѣ сказано, что для подробнѣйшаго разсмотрѣнія масонскіе документы были отданы (министромъ полиціи) назначеннымъ для того чиновникамъ. Вѣроятно, къ этому подробнѣйшему разсмотрѣнію-относится одинъ документъ, находящійся въ томъ же сборникѣ московскаго Музея.

Это — копія записки (написанной первоначально, очевидно, по-французски) о масонскихъ ложахъ въ Петербургѣ, составленной Розенкампомъ и Фесслеромъ (на 44 стр. въ листъ). Не входя въ ея подробности, мы укажемъ только общее ея содержаніе. Авторы записки или донесенія дѣлятъ его на двѣ части: первая излагала тогдашнее состояніе ложъ; во второй они общають говорить объ истинномъ масонствѣ и о средствахъ уничтожить масонскія злоупотребленія. Указавъ въ началѣ, что петербургскія ложи основаны по двумъ системамъ: шведской и французской (какъ упомянуто выше), записка представляетъ вѣщо въ родѣ исторіи масонства, довольно подробной, съ изложеніемъ разныхъ системъ, разныхъ обмановъ, происходившихъ въ ордень, какъ, напр., въ системѣ тамплиерства. Въ заключеніи, собственная мысль авторовъ высказывается такимъ образомъ: «Истинное масонство соображается со всякимъ христіанскимъ ученіемъ и, какое бы масоны ни исповѣдовали, оное стремится возбудить во всѣхъ челоуѣкахъ чувства прямо благочестивыя и христіанскія, и сберечь ихъ отъ фанатизма и лживой mysticité, не вводя въ иновѣріе...». Упомяная о разнообразныхъ системахъ масонства, записка говоритъ: «.....Мы знаемъ обряды по крайней мѣрѣ 50 градусовъ различныхъ системъ (во Франціи), которыя всѣ не иное что какъ вырожденія (modification) и перемѣны, больше или меньше глупыя, новаго авглинскаго масонства или системы Клермонъ. Германія представляетъ по крайней мѣрѣ столько же примѣровъ, и потребны

¹⁾ О посвященіи въ масонство Сперанскаго мы упоминали въ «Очерк. общ. дѣленія», стр. 332 и слѣд.

цѣлыя книги, дабы изобразить различности ¹⁾ сей части исторіи заблужденія ума человѣческаго. Оканчивая сіе донесеніе, мы надѣмся изложить въ другомъ представленіи истинную систему древняго масонства, и способы, какіе правительство можетъ употребить не только для избѣжанія злоупотребленій, въ которыя впали касательно сего предмета во всѣхъ земляхъ, но что можно воспользоваться масонствомъ и для просвѣщенія цѣлой націи».

Мы не находимъ въ сборникѣ московскаго Музея этого «другаго представленія» объ истинной системѣ древняго масонства, — но встрѣчаемъ статью, которая могла имѣть сюда отношеніе. Это — статья, гдѣ излагается система берлинской ложи Ройаль-Йоркъ, введенная Фесслеромъ въ этой ложѣ еще въ первую пору его масонской дѣятельности въ Германіи, около 1798 года.

Представленіе объ истинной системѣ масонства, исходящее отъ Фесслера, могло естественно быть въ связи съ его собственной системой, съ которой онъ выступилъ въ нѣмецкомъ масонскомъ мірѣ, и если статья о ложѣ Ройаль-Йоркъ не была его «представленіемъ», то появленіе ея въ ряду указанныхъ документовъ едва ли было случайно. Эту свою систему Фесслеръ безъ сомнѣнія сообщалъ и Сперанскому, при его посвященіи. Въ музейномъ сборникѣ статья помѣщена подъ заглавіемъ: «Каменьщическая система ложи ²⁾ Ройаль-Йоркъ, посвященная дружбѣ, и представленная въ томъ видѣ, въ какомъ составлена бр. Фесслеромъ» (46 стран.; сравн. Kloss, Bibliogr. № 1960).

Перечисленные документы не объясняютъ пока всей исторіи официальнаго разсмотрѣнія актовъ и дѣйствій ложъ, существовавшихъ въ Петербургѣ въ 1810 году, и потомъ разрѣшенія ихъ на послѣдующее время; но очевидно, что Фесслеръ и Розенкампфъ играли довольно дѣятельную роль въ этой исторіи, и припомнивъ рассказы Штейна, занесенные въ его біографіи, — о томъ, какъ въ то время Сперанскій, наклонный къ мечтательному мистицизму и вѣрившій въ возрожденіе міра посредствомъ тайныхъ обществъ, вступилъ въ сношенія съ Фесслеромъ и Розенкампомъ, домъ котораго сдѣлался центромъ масонскихъ ложъ, и о томъ, какъ Фесслеръ составлялъ для Сперанскаго проектъ соединенія въ одно цѣлое всѣхъ тайныхъ обществъ, т.-е. всѣхъ масонскихъ ложъ, — припомнивъ эти рассказы, можно думать, что они должны относиться именно къ

¹⁾ Т.-е. подробности.

²⁾ Вмѣсто этого слова обыкновенная фигура четверугольника; дальше вж. «посвященная» должно быть: «посвященной», т.-е. ложѣ.

тому предмету, о которомъ идетъ рѣчь въ указанныхъ документахъ: дѣло только преувеличено въ разсказахъ Штейна, и то, что онъ считалъ частнымъ дѣломъ Сперанскаго, Розенкампа и Фесслера, имѣло официальную подкладку ¹⁾.

Сами масоны, надъ которыми Фесслеръ былъ здѣсь поставленъ какъ бы судьей, относились къ нему, кажется очень не дружелюбно. Они конечно опасались его нововведеній, грозившихъ ихъ преданіямъ и собственному ихъ значенію; какъ выше сказано, они приписывали самое начало этого дѣла его допосу и съ своей стороны принимали противъ него свои мѣры. Во всякомъ случаѣ къ нему были очень враждебны тѣ масоны, которые принадлежали къ старой школѣ и придавали большое значеніе высшимъ степенямъ, потому что Фесслеръ не вѣрилъ въ высшія степени и старался устранить ихъ въ своей реформѣ масонства. Въ другомъ мѣстѣ мы упоминали, съ какою злостью говорить о Фесслерѣ одинъ изъ главныхъ представителей высшихъ степеней, Бёберъ. Въ сборникѣ московскаго Музея есть два документа, въ которыхъ остались слѣды враждебныхъ отношеній, порожденныхъ вышательствомъ Фесслера въ масонскія дѣла. Одинъ изъ этихъ документовъ есть короткая біографическая записка о Фесслерѣ, на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ, гдѣ изображается въ весьма неблагопріятномъ свѣтѣ его личный характеръ и его масонская дѣятельность. Другой документъ есть русскій переводъ письма, писаннаго къ Бёберу однимъ изъ значительнѣйшихъ берлинскихъ масоновъ, къ которому тотъ обращался за свѣдѣніями о Фесслерѣ. Отвѣтное берлинское письмо помѣчено ноябремъ 1810 года; письмо Бёбера писано было въ концѣ сентября, слѣдовательно въ самомъ разгарѣ этой исторіи. Изъ двухъ этихъ документовъ мы вполне приведемъ послѣдній, какъ болѣе любопытный:

Высокопочтенный и любезный братъ,

Почтенное письмо ваше, отъ 20-го сентября, получено мною 1-го сего мѣсяца. Къ сожалѣнію, я не былъ дома, когда г. совѣтникъ Мейеръ принесъ мнѣ оное. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что охотно беретса доставить вамъ отвѣтъ мой, который я ему собственноручно и вручу. Извините, что я не прежде отвѣчалъ вамъ и что пишу къ вамъ съ братскою искренностію; первое потому не могъ прежде исполнить, что хотѣлъ сперва имѣть вѣрное свѣдѣніе о Фесслерѣ, а второе сдѣлалъ въ надеждѣ вступить съ вами въ тѣснѣйшую связь и сношеніе.

Я помню, любезный братъ, что назадъ тому 28 лѣтъ я имѣлъ честь познакомиться съ вами въ то время, когда вы проѣзжали или возвра-

¹⁾ Pertz, т. III, ст. 57 и слѣд.

щались изъ Вильгельмсбада; но я думаю, вы ошибаетесь въ годѣ, ибо мы встрѣтились у покойнаго брата Циннендорфа, который умеръ въ 1782-мъ году¹⁾). Впрочемъ, какъ бы то ни было, мнѣ все очень пріятно начать съ вами переписку. Съ большимъ участіемъ и съ искреннимъ удовольствіемъ видѣлъ я изъ письма вашего и изъ приложеннаго при ономъ, въ какомъ положеніи теперь въ Россіи древній и высокопочтенный нашъ орденъ. Желаю отъ всего сердца вамъ и почтенному братству успѣха въ начинающихъ работахъ вашихъ. Да не прервутся никогда онны.

Наша матеръ-ложь почтетъ себѣ за честь вступить въ сношеніе съ вашею Директоріальною Ложью Владиміромъ; для сего нужно лишь вашей Директоріальной Ложѣ изъяснить нашей матери-ложѣ свое желаніе; письмо ваше адресуйте ко мнѣ и я берусь сіе исполнить. Пожелайте также вступить въ связь съ прочими двумя здѣшними матерями-ложями: я съ удовольствіемъ помогу вамъ въ томъ, ибо три берлинскія матери-ложы между собою соединены и находятся въ совершенномъ согласіи²⁾).

Касательно желанія вашего, любезный братъ, знать о Фесслерѣ, отнесся я къ одному изъ братьевъ Королевско-Горьской ложи, дабы увѣриться, что то, что я сказалъ вамъ, есть истина. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: по пріѣздѣ Фесслера въ Берлинъ, посѣтилъ онъ здѣшнія ложи и когда предложенія его Государственной ложью были отвергнуты, тогда обратился онъ къ Королевско-Горьской ложѣ. Его представили братьямъ какъ совершеннаго каменщика. Едва побывалъ онъ въ ложѣ нѣсколько разъ, какъ объявилъ, что нужно исправить или преобразовать наружныя (*formes*) работы. Любя объясняться иносказательно, онъ при семъ случаѣ сказалъ: „Ложи сравнить можно съ садами: сады сіи я посѣщалъ только въ Берлинѣ, въ другихъ садахъ ходилъ однѣ дикія и ядовитыя растенія, такіа, которыя требуютъ совершенной перемѣны. У васъ нашелъ я все въ лучшемъ порядкѣ, — огорада только не прочна; исправьте ее, дабы ничто нечистое не могло взойти, и тогда вашъ садъ будетъ прекраснѣйшій и едва ли гдѣ былъ лучше“. Итакъ, Фесслеру поручено было исправить. Черезъ нѣсколько времени явился онъ съ новыми обрядами, которые всѣми были одобрены и приняты. Когда работы производились уже нѣкоторое время по сему ритуалу, одинъ изъ братьевъ, которому Фесслеръ давно казался подозрительнымъ, объявилъ, что обряды сіи напечатаны въ системѣ пражскихъ ложъ. Фесслеръ отвѣчалъ: „это справедливо; онъ сдѣлалъ сіе съ намѣреніемъ, дабы не могли его упрекнуть, что онъ издалъ для масон-

¹⁾ Циннендорфъ былъ основателемъ особой масонской системы, носившей его имя.

²⁾ Эти три ложи были: *Grosse Nationalloge zu den drei Weltkugeln*, *Grosse Landesloge* и *Grossloge Royal York*. Объ ихъ раздорахъ и потомъ соединеніи, см. Keller, *Gesch. der Freem. in Deutschland*, стр. 219, 234 и слѣд.; совершенное согласіе наступило между ними только съ 1810 года.

ства собственное свое произведеніе“. Онъ требовалъ потомъ отъ братьевъ принять древнюю аглинскую систему съ нѣкоторыми переи́мънами, введенную въ Гамбургъ Шредеромъ, что и исполнилось: по сей системѣ и теперь работаетъ Королевско-Горская ложа. Изъ сего ясно видно, что ни первая, ни послѣдняя переи́мъна не есть собственно Фесслерова, ибо онъ лишь предлагалъ оныя. Будучи обвиненъ во многомъ, его исключили изъ ложи. Напримѣръ: одинъ крещенный жидъ объявилъ желаніе быть приняту; при балотированіи, большинствомъ голосовъ ему было въ томъ отказано. Фесслеръ далъ ему рекомендательное письмо въ Гамбургъ, въ которомъ пишетъ, что противная партія отвергнула сего человѣка, но онъ просить о его принятіи. Въ слѣдствіе сей рекомендаціи, новокрещенный жидъ принять былъ въ камѣньщики и возвратясь въ Берлинъ, тотчасъ явился въ Горскую ложу, дабы быть допущену къ работамъ. Ему въ семъ воспрепятствовали, за что жидъ жаловался своей ложѣ, и дѣло сіе объяснилось тѣмъ, что рекомендательное письмо Фесслера доставлено какъ актъ въ ложу.

Въ другой разъ передалъ онъ брату, имѣвшему только три іоанновскія степени, самые высшіе градусы; объявилъ о немъ братьямъ, что онъ, высокопочтенный братъ, испыталъ его въ ихъ присутствіи и братъ сей принять былъ въ члены самыхъ вышнихъ степеней (?). Когда узнали о семъ, то онъ оправдывалъ себя разными софизмами, между прочимъ сказавъ, что не онъ ложѣ, а ложа ему предписала скромность, что онъ свободенъ употреблять по своему произволѣю то, что есть собственность его духа. Бытность его въ ложѣ ознаменована спорами и гоненіями. Всѣ, знающіе Фесслера, единогласно жалуютъ, что сердце его не соотвѣтствуетъ его разуму.

Намъ извѣстно теперь, что Фесслеръ хотѣлъ сначала присоединиться къ намъ ¹⁾; но онъ не могъ бы въ томъ успѣть, потому что мы всегда догадывались, что онъ не былъ никогда истиннымъ образцомъ принять. По крайней мѣрѣ извѣстно то, что при первомъ своемъ посещеніи ложи въ Силезіи не могъ въ томъ представить законныя доказательства, и былъ допущенъ по поручительству одного изъ первыхъ братьевъ ложи той. Изъ сего видимъ, что выдаваемая имъ система за свою, не есть его, а *мнимая* древняя аглинская, введенная въ Германіи гамбургскимъ братомъ Шредеромъ. Я говорю мнимая, ибо ничѣмъ не доказано, чтобъ сія система была истинно древняя аглинская; слышаннымъ мною о томъ доказательства такъ слабы и даже, смѣю сказать, такъ смѣшны, что непонятно, какъ благоразумные люди могутъ на нихъ основываться. Положимъ, что шестьдесятъ ложъ въ Германіи приняли систему сію, но все же не Фесслерову, а древнюю аглинскую; едва ли половина сего числа ложъ работаютъ по сей системѣ, и то не въ одно вре-

¹⁾ Рѣчь идетъ вѣроятно о берлинской *Grosse Landesloge*.

ня. Онъ старается подѣ смиренною ложью пріобрѣсть собѣ послѣдователей въ Россіи, ежели это ему удастся. Вотъ что пишетъ онъ въ Германію: „Вся Россія приняла систему его. Симиъ хочетъ онъ наиболѣе здѣсь выиграть и утвердиться“.

Довольно, а можетъ быть и много разсуждали мы о семъ человѣкѣ; лучше поговоримъ о томъ предметѣ, который гораздо для меня занимательнѣе, а именно объ образованіи вашихъ ложъ. Вы пишете мнѣ, что три соединенныя логи, работающія во всѣхъ сообщенныхъ вамъ градусахъ, по прежнимъ шведскимъ актамъ, состоятъ подѣ управленіемъ матери-логи, Владиміромъ названной. Но неизвѣстно мнѣ, о какихъ градусахъ вы говорите и сколько ихъ сообщено вамъ; хотя, по извѣстнымъ знакамъ и по нѣкоторымъ названіямъ, я догадываюсь. Ежели вы имѣете болѣе трехъ іоанновскихъ степеней, то я не понимаю, какъ могутъ всѣ три логи работать въ высокихъ степеняхъ; сіе несогласно съ шведскими актами, а еще менѣе съ прежними, до ихъ преобразованія¹⁾. По симъ актамъ работы въ степеняхъ, превышающихъ іоанновскія степени, производятся въ особенной ложѣ.

Въ надеждѣ, что переписка наша не прекратится, я прошу васъ насіе сообщить мнѣ объясненіе.

Въ ожиданіи пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею любовью, почтенный и любезный братъ,

вашъ покорнѣйшій слуга

Ф. Кастилло.

Берлинъ,

22 ноября 1810.

Я сообщаю при семъ описаніе нашей логи.

Имя, которымъ подписано это письмо, вѣрнѣе есть Кастилло. Этотъ Кастилло (Фридрихъ, собственно Сальвемини), род. 1747 г. въ Лозаннѣ и умеръ 1814 г., былъ профессоромъ математики въ Ritteracademie и директоромъ философскаго класса берлинской академіи наукъ, а по масонской дѣятельности, онъ въ 1782—89-мъ и въ 1799—1814-мъ г. былъ гросмейстеромъ въ берлинской Grosse Landesloge²⁾.

Исторія возобновленныхъ петербургскихъ ложъ за первую пору ихъ существованія до официальнаго утвержденія въ 1810—1811-мъ году, до сихъ поръ темна. Въ матеріалахъ москов-

¹⁾ Шведская система проникла къ намъ впервые въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Преобразование шведскихъ ложъ, о которомъ здѣсь упоминается, произведено было въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

²⁾ Handb. der Freimaurerei I, 168. II, 618.

скаго Музея, какіе мы имѣли возможность пересмотрѣть, намъ встрѣтилось только небольшое число указаній на дѣятельность ложъ до и около этого времени.

О ложѣ Сергѣева упомянуто было въ «свѣдѣніяхъ» 1810-го г., что она была основана въ 1805-мъ году, подъ названіемъ «Пеликана». Эта самая ложа носила и другое названіе—«Александра», и отъ нея получили свое начало двѣ другія ложи: «Елизаветы», которою Сергѣевъ и управлялъ въ 1810-мъ году, и «Петра», которая находилась подъ управленіемъ Эллизена. Въ матеріалахъ московскаго Музея сохранились протоколы этихъ трехъ ложъ, писанные по-нѣмцѣи и по-русски, съ 12 сентября 1810-го до 19 апрѣля 1811-го года. Между прочимъ 11 октября 1810 года, Сергѣевъ отерылъ, по-русски, праздничную ложу для празднованія основанія ложи Александра (слѣдовательно, 11-го октября 1805), и въ это торжество включено было празднованіе основанія двухъ другихъ ложъ—«такъ какъ ложа Пеликана дала имъ начало и поводъ» ¹⁾. Изъ другого указанія видно, что ложа Елизаветы основана была 1-го іюня 1809-го года ²⁾.

Въ спискахъ членовъ этихъ ложъ упоминаются члены, принятые въ ложѣ Александра въ 1807-мъ г. Великій мастеръ ложи Елизаветы, Александръ Серг. Сергѣевъ (дѣйств. ст. сов.), принятъ былъ въ Москвѣ, въ 1780-хъ годахъ, и управлялъ ложей Елизаветы съ 1809-го до 14 іюня 1811-го года. Намѣстный мастеръ той же ложи, генералъ-майоръ Ѳеодотъ Дан. Синицынъ, принятъ былъ въ 1783-мъ году и былъ намѣстнымъ мастеромъ Елизаветы съ 1809 года.

Эллизенъ принятъ былъ въ ложѣ Александра, въ 1809-мъ году. Въ то же время былъ принятъ тамъ Ив. Сем. Орлай ³⁾.

Въ перепискѣ Карамзина съ Дмитріевымъ упоминается какой-то шевалье де-Месансъ, который вербовалъ въ Москвѣ масоновъ, «ссылаясь на петербургскую моду» (письмо Карамзина отъ 19 февраля 1811 г.). Это имя встрѣтилось намъ на одномъ изданіи масонской пѣсни ложи Палестины, слова которой были написаны Месансомъ, а музыка—Бозльдьё ⁴⁾.

¹⁾ «Indem die Loge zum Pelikan ihnen Ursprung und Veranlassung gegeben hatte». Муз. рукопись № 3.

²⁾ Французскій циркуляръ ложи Елизаветы 1818-го года, гдѣ говорится между прочимъ: «La loge d'Elizabeth à la vertu, ayant atteint ainsi la 10-me année de son existence, a célébré pour la 9-e fois le 1-r jour du IV-e mois, l'anniversaire de son établissement», etc. (Связка печатныхъ масонскихъ листковъ, въ Моск. Музеѣ).

³⁾ Моск. Музея, № 57.

⁴⁾ Canticque de la loge St. Jean de la Palestine, O. de St.-Petersbourg, dédié au

О Жеребцовѣ упомянуто было выше, что онъ принять былъ въ Парижѣ во время консульства и управлялъ ложей «Соединенныхъ Друзей» по полученному тамъ патенту и актамъ. Въ дѣлахъ Великой Провинціальной Ложи находится одна бумага, писанная Жеребцовымъ въ мартѣ 1817, гдѣ онъ упоминаетъ, что уже 14 лѣтъ управляетъ молоткомъ—принадлежностью мастера ¹⁾. По другимъ указаніямъ, ложа Соединенныхъ Друзей была основана 10 іюня 1802 года.

Мы увидимъ далѣе, что уже съ первыхъ годовъ возобновленія ложъ были въ Петербургѣ разныя высшія масонскія учрежденія, составляющія принадлежность французской и шведской системъ, которыя у насъ были приняты и обѣ были богаты высшими степенями. Въ собраніи масонскихъ дипломовъ, московскаго Музея, есть слѣды этихъ высшихъ учрежденій, хотя не раньше 1811 года. Такъ былъ въ Петербургѣ «верховный капитулъ Горы Фавора», *le souverain chapitre du Mont Thabor, établi en la vallée de St.-Petersbourg*, и составленный изъ *chevaliers et souverains princes Rose-Croix*,—отъ имени котораго выданъ былъ одному масону дипломъ на степень *chevalier d'Orient* (въ началѣ 1812-го г.): этотъ дипломъ подписали упомянутый прежде Шаррьеръ де-Монтеранъ, Вильгорскій, С. Ланской, Ржевскій и другіе ²⁾. Далѣе, существовалъ «верховный капитулъ Иерусалима», *le souverain chapitre de Jerusalem à l'or. de St.-Petersbourg*, отъ имени котораго выданъ былъ дипломъ С. Ланскому, въ январѣ 1811 года: Ланской (въ то время 34-хъ лѣтъ), членъ ложи Соединенныхъ Друзей, прошедшій уже степени *frère élu, écossais* и *chevalier d'Orient*, получалъ этотъ дипломъ на степень *chevalier prince de l'Aigle et du Pélican, parfait Maçon libre d'Hérédon, sous le titre de souverain Prince Rose-Croix*. Этотъ дипломъ подписанъ Жеребцовымъ, однимъ «*prince de Jerusalem*», однимъ «*prince du Royal secret 32*» и проч. ³⁾. Громкіе титулы, которые мы здѣсь видимъ, унаслѣдованы были большей частью отъ тѣхъ старинныхъ системъ, которыя распространялись съ половины прошлаго столѣтія, особенно во Франціи, и вводили множество новыхъ степе-

T. R. et T. J. G. M. F. Duc de Wurtemberg par Les FF. de Messencé, auteur des paroles, et A. Boieldieu, auteur de la musique. A Jerusalem. 12 стран. нотъ. (Въ связи масонскихъ печатн. листовъ, Моск. Музея).

¹⁾ Дѣла Вел. Пров. Ложи, Моск. Муз. № 10.

²⁾ Одна бумага отъ капитула Горы Фавора, 20-го іюня 1811-го, находится еще въ сборникѣ Моск. Музея, № 114.

³⁾ Тамъ же дипломъ, выданный Ланскому отъ ложи *Amis Réunis* на три символическія степени, отъ 30-го іюня 1810.

ней, съ таинственными легендами и напыщенными названіями. Эти «избранные братья», «рыцари Востока», «князья Розоваго Креста», «князья Іерусалима» и проч. повторяются въ много-различныхъ системахъ высшихъ степеней, но здѣсь принадлежать, кажется, къ двумъ французскимъ системамъ болѣе поздняго образованія, такъ-называемымъ *rite français* или *moderne*, и *rite écossais ancien et accepté*. Степень «*prince du Royal secret 32*», была именно 32-я степень въ системѣ *rite ancien et accepté*, состоявшей изъ 33 степеней ¹⁾.

Другія высшія степени, существовавшія въ нашихъ ложахъ, принадлежали шведской системѣ. Въ московскомъ собраніи находится подобный документъ нѣсколько болѣе поздняго времени: это — латинскій дипломъ (1815 г.), выданный отъ «викарія Саломона» и членовъ «верховнаго совѣта» на основаніе шотландской директоріи. Викаріемъ Саломона былъ Беберъ.

IV. Директоріальная ложа Владиміра и Великая провинціальная ложа.

Мы рассказывали въ другомъ мѣстѣ, какимъ образомъ ложи, образовавшіяся въ первые годы царствованія Александра, соединились въ одинъ союзъ подъ управленіемъ «Великой Директоріальной Ложи Владиміра къ порядку» ²⁾. Первый союзъ составилъ изъ трехъ «соединенныхъ ложъ», — Александра, Елизаветы и Петра, основанныхъ по шведской системѣ, и открытіе Директоріальной Ложи, подъ управленіемъ стараго масона Бебера (нѣкогда секретаря старой провинціальной или національной ложи шведской системы, 1779-го года), произошло «на основаніи конституціоннаго патента, полученнаго прежде изъ Швеціи для Великой Національной Ложи».

Въ 1810-мъ году, какъ мы видѣли, рядомъ съ этими «соединенными ложами» шведской системы существовали двѣ ложи французской системы — Соединенныхъ Друзей и Палестины. Эти послѣднія въ 1811—12-мъ году также присоединились къ Директоріальной Ложѣ, которая такимъ образомъ имѣла въ своемъ управленіи всѣ существовавшія тогда ложи, кромѣ «работавшихъ въ тиши мартинистовъ». Въ 1813-мъ году къ Директоріальной Ложѣ приступили и возобновленные въ это время ста-

¹⁾ См. *Handb. der Freem.*, статьи: *Französisches System*, *Schottisches syst.*, *Ritter vom Rosenkreuz* и проч.; также *Ragon*, *Orthodoxie Maçonnique etc.* Paris 1863, стр. 180, 185, 322—325.

²⁾ См. «Вѣстн. Европы» 1870, окт., стр. 765 и слѣд.

рыя ложи — Изиды въ Ревелѣ и Нептуна въ Кронштадтѣ (послѣдняя возобновлена 21-го октября 1813-го года).

Это согласіе и единство продолжались до 1814-го года, но въ этомъ году они были нарушены; въ масонскомъ кругу начался расколъ, который кончился тѣмъ, что Директоріальная Ложа потеряла свое исключительное господство, и вмѣсто одной образовались двѣ Великія Ложы, между которыми и раздѣлилось управленіе масонскими «мастерскими»: это были прежняя Директоріальная Ложа Владиміра, вскорѣ преобразовавшаяся въ Великую Провинціальную Ложу, и Великая ложа Астрей, которая уже скоро получила явный перевѣсъ надъ Провинціальной.

Причиной раздѣленія было то, что въ наши ложи проникло новое представленіе о масонствѣ, которое развилось тогда особенно въ Германіи, и имѣло главными своими представителями Шредера и Фесслера. Эта школа хотѣла оживить масонскій союзъ новыми, болѣе опредѣленными идеями объ его достоинствѣ и назначеніи, и потому между прочимъ отвергла масонскую іерархію высшихъ степеней, которая справедливо казалась ей пустымъ и даже вреднымъ извращеніемъ первоначальнаго простаго масонства. Къ этому послѣднему школа и хотѣла возвратиться, дополнивъ его основныя ученія по требованіямъ новаго времени. Директоріальная ложа, какъ мы видѣли, была преисполнена высшими степенями, французскими и шведскими: здѣсь были рыцари Розоваго креста, рыцари Востока, іерусалимскіе принцы, былъ викарій Саломона и т. д. Противъ этого стараго хлама и возстали въ нашихъ ложахъ люди, которые успѣли познакомиться съ движеніемъ, происходившимъ въ ложахъ нѣмцевъ. Владѣльцы высшихъ степеней конечно не желали отказываться отъ высокихъ титуловъ, которыхъ добивались нѣкогда съ великими усиліями и которымъ безъ сомнѣнія привывали придавать большое значеніе. Уступки и соглашенія ожидать было трудно, и раздѣленіе должно было совершиться. Дѣло началось въ 1814-мъ году, а въ половинѣ 1815-го года основана была, на особыхъ началахъ, Великая ложа Астрей.

Самымъ дѣятельнымъ представителемъ новаго взгляда и, кажется, первымъ начинателемъ дѣла былъ докторъ Е. Е. Элизенъ, въ качествѣ мастера стула управлявшій ложей «Петра къ истинѣ». Въ матеріалахъ московскаго Музея находится документъ, который заключаетъ въ себѣ изложеніе основаній, послужившихъ причиной раздѣленія. Это — письмо Элизена къ Бѣберу, великому мастеру Директоріальной ложи, въ іюлѣ 1814, гдѣ Элизенъ высказываетъ весьма рѣшительно свои взгляды и новыя требованія. Приводимъ вполнѣ это письмо, представляю-

щее довольно любопытныя разъясненія для исторіи тогдашнихъ ложъ ¹⁾:

Высокопочтенный братъ Бёберъ! Высокопросвѣщенный префектъ капитула Феникса!

и

Оберъ-мейстеръ шотландскія св. Андрея ложи подъ названіемъ св. Георгія!

Долголѣтнее ученіе и чрезвычайныя отношенія удостовѣрили меня, что такъ-называемыя высшія степени ни мало не состоятъ въ связи съ первоначальнымъ чистымъ свободнымъ каменщицествомъ; что онѣ не только что въ высочайшей степени излишни суть, но даже и вредны; что онѣ, вмѣсто облагораживанія человѣческаго сердца, имѣютъ послѣдствіемъ явное развращеніе нравовъ и легко могутъ сдѣлаться вредными для государства.

Болѣе и болѣе возникающее просвѣщеніе имѣло также послѣдствіемъ, особливо въ послѣдніе годы, отмѣненіе оныхъ во всѣхъ прочихъ земляхъ европейскіхъ, и съ постыженнымъ удивленіемъ взирають нынѣ на мелочный торгъ церемоніями и на разнообразное сплетеніе сумасбродства, которые чрезъ долгое время столько могли имѣть приверженцевъ.

Сіи приключенія подтвердили мое давнее о семъ мнѣніе, а единообразіе въ мысляхъ со мною всѣхъ почти свѣдущихъ иноземныхъ каменщиковъ превратило оное въ твердую увѣрительность; также сильныя и основательныя выраженія противъ всѣхъ высшихъ степеней одной свѣтлѣйшей особы, къ нашему союзу принадлежащей, съ которою я имѣлъ недавно разговоръ, побудили меня къ рѣшительному намѣренію явно слѣдовать собственному моему убѣжденію, а вѣроятно и желанію нашего, не менѣе иноземныхъ, просвѣщеннаго и благотѣльнаго правительства, и потому *отойти отъ всего того, что за третью степень распространяется, и такъ отказаться формально, совершенно и навсегда отъ должности моея яко командора, отъ членства въ Капитулъ и въ Шотландской ложъ*. Притомъ поставлю себя долгомъ изъяснить пространнѣе въ нижеслѣдующемъ побудительныя причины мои и объявить мое желаніе, чтобы онѣ отъ всѣхъ Командоровъ и Капитуляровъ приняты были въ благосклонное, серіозное и общее разсужденіе. Я никакъ не хочу кому-либо навязывать моихъ видовъ и убѣжденій, но съ другой стороны ожидаю, что для всякаго истиннаго и проникательнаго Каменщика точною признанная истина будетъ драгоцѣннѣе всего.

¹⁾ Письмо писано собственно по-нѣмецки, и въ нѣмецкомъ подлинникѣ находится въ сборникѣ Музея № 114. Мы приводимъ современный переводъ, помѣщенный въ сборникѣ № 2. Переводъ, какъ увидимъ, довольно тяжелый.

Убѣдительношія возраженія, кои противъ высшихъ степеней сдѣланы быть могутъ, проистекають изъ исторіи ихъ происхожденія. Когда въ началѣ прошедшаго столѣтія Свободное Каменьщичество во второй разъ привезено было изъ Англіи, то извѣстны были только три символическія степени. Вскорѣ потомъ услышали объ одной шотландской рыцарской степени, которая (какъ то неоспоримо доказывается въ одной, мною нынѣ читаемой книгѣ) учреждена была, іезуитами совершенно руководствуемымъ Іаковомъ II, когда онъ былъ еще герцогъ Йоркскій, для достиженія цѣли своея. Появились многіе отрывки сея шотландскія рыцарскія степени, изъ коихъ составили степень и, за дорогія деньги, продавали ее. Сія новая рыцарская степень возбудила любопытство, которымъ обманщики весьма хорошо умѣли воспользоваться для частныхъ намѣреній своихъ. Прежде сего еще, въ Англіи, а особливо въ Шотландіи, было Свободное Каменьщичество злоупотребляемо іезуитами для составленія себѣ партіи. Но они скрывали намѣренія свои подъ разными формами, распускали въ Англіи и во Франціи, что Свободное Каменьщичество есть продолженіе Тамплиерскаго Ордена, коего начальники изъ духовенства имѣли великія таинства и сокровища. Сіе дѣлалъ Рамзей, который учинился католикомъ; но когда и сія уловка не возымѣла желаемаго послѣдствія, то, въ продолженіи нѣкотораго времени, должно было Розенкрейцерству играть главную роль; тогда возстали глупцы и обманщики въ великомъ числѣ и соорудили на сказкахъ нѣсколько степеней высшихъ. Въ Семилѣтнюю войну продавалось уже оныхъ 47, въ коихъ началъ творить свои дѣйствія Клермонтскій высокій капитулъ въ іезуитской коллегіи, въ Страсбургѣ находившейся, учрежденный. Сіе заблужденіе увеличено было фальшивымъ монетчикомъ, предшественникомъ г-на Гунда, основателя Строгаго Наблюденія (*Stricte Observant*), коея чадомъ есть Шведская Система. Циннендорфъ, признанный обманщикъ, составилъ систему сію изъ Клермонтскаго высокаго капитула, изъ Строгаго Наблюденія и изъ собственныхъ своихъ выдумокъ, чрезъ кои однакоже оба тѣ сплетенія обмана и нелѣпости инаго ничего не приобрѣли, какъ тожко болѣе систематическій видъ. Король Густавъ шведскій хотѣлъ публично возстановить Тамплиерскій орденъ, хвасталъ великими магическими познаніями и искалъ заманить нѣмецкихъ тамплиеровъ и получить отъ нихъ важныя денежныя суммы. Но необыкновенное приключеніе открыло обманъ и *Chapitre Illuminé* короля шведскаго потерялъ свою славу премудрости и истины, а можетъ быть и нѣчто болѣе. Тутъ стали искать помощи и совѣта въ Италіи, и при дворѣ претендента узнали, что вся исторія тамплиеровъ подложна. На всеобщемъ конвентѣ въ Вильгельмсбадѣ 1783 года¹⁾, когда просвѣщеннѣйшіе Каменьщики изъ всѣхъ европейскихъ земель собраны были подѣ

¹⁾ Должно быть: 1782.

предсѣдательствовашъ герцога Брауншвейгскаго, были объявлены за обманъ по сіе время продолжающіяся рыцарскія игрушки и высокія степени, и начертана новая къ обстоятельствамъ времени приличнѣйшій система единого истиннымъ признаннаго Символическаго Масонства. (Читай переписку, въ манускриптѣ, короля шведскаго съ герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ; шведскихъ ложъ съ Великою ложою въ Берлинѣ; акты Вильгельмсбадскаго Конвента и проч.). Хотя на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Тамплиерство именно объявлено и признано ложнымъ и подкинутымъ, но и по сей день продолжается въ Швеціи (тамъ, можетъ быть, по причинамъ, коихъ основанія искать надобно въ политикѣ государей ея, чему нѣкоторые происшествія придаютъ вѣроятіе) и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оное введено было, какъ то наприимѣръ и здѣсь въ Петербургѣ. Въ Швеціи даютъ кровь изъ раны Христовой въ маленькой стекляночкѣ; далѣе показываютъ мощи, состоящія изъ перста св. Іоанна, въ вознагражденіе много истраченныхъ денегъ и времени. Истинно странное воздаяніе за тѣ многія іезуитскія присяги и католическія церемоніи, которыя чрезъ столько лѣтъ дѣлались. Довольно и даже до самой скуки доказано Каменьщикамъ и міру, что чрезъ высшія степени ни въ какое время ни малѣйшаго не произведено добра; что нелѣпыя церемоніи давно уже содѣлались презрительными въ понятіяхъ всякаго мыслящаго Каменьщика и большей части публики, а нерѣдко бывали поприщемъ злобныхъ, праздныхъ и лживыхъ людей и что все цѣлое съ начала до конца есть іезуитизмъ. Тотъ, кто имѣетъ іезуитскій ключъ, видитъ сіе изъ обрядовъ при приѣмахъ, изъ каждаго слова и изъ каждой морали. Кто захочетъ убѣдиться въ этомъ, пускай прочтетъ: — *Bode's Gutachten*, 2 Theile, in f., Manuscript; *Levesque*, des Rapports de l'homme, Liv. III, chap. II; *Knigge's Glaubens-Bekenntniss eines Mannes, der 25 Jahre im Orden gegängelt wurde*; *Knigge's Glaubens-Bekenntniss nach neun Jahren bestätigt*; *Signatstern*, 5-er Theil; *Fessler's Kritische Geschichte der Freimaurerey*; *Die Akten des grossen Hamburger Logenvereins*; *Wurmb's* (Ministers in Sachsen), Testament an seine Söhne, in Manuscript; *Beleuchtung der Truggestalten in freimaurerischer Hülle*; *Krause's Drei ältesten Kunsturkunden*, 2 Theil, и проч.

Кому недостаетъ времени самому основательно изучаться масонской исторіи, тотъ да повѣритъ по крайней мѣрѣ примѣру двухъ просвѣщеннѣйшихъ націй, англичанъ и нѣмцевъ, кои отиѣнили высшія степени, яко совершенно вредныя человѣчеству и государству. Не должны ли непременно убивать нравственность, заглушать уваженіе къ присягѣ, ко св. писанію и къ религіи, тѣ четыре присяги, кои берутся съ кандидата при приѣмѣ его въ каждую высшую степень самымъ торжественнымъ образомъ; говорю, четыре присяги о ничего не значущихъ дере-

моніяхъ и басняхъ, кои притомъ даже не тайны, но всѣмъ школьникамъ извѣстны и смѣшны стали. Если кто хочетъ видѣть опасность, кою угрожается государство высшими степенями, то да вспомнить о произведенной 1772 года въ Швецію перемѣнѣ въ государственномъ правленіи королемъ Густавомъ съ помощію высокопросвѣщенныхъ Каменьщиковъ, умалчивая о другихъ происшествіяхъ, въ сей землѣ событіе имѣвшія; да вспомнить о циркулярѣ, коего герцогъ Орлеанскій при началѣ французской революціи старался разослать по орденскимъ начальникамъ и т. д.

Если вліяніе нѣкоторыхъ немногихъ орденскихъ начальниковъ можетъ употреблено быть къ добру, то и противное сему не подлежитъ сомнѣнію. Всякое тайное вліяніе и, изъ темноты происхождение свое имѣющее уваженіе исчезнуть, когда подымется завѣса, которая чрезъ высшія степени скрываетъ истину отъ большаго числа братьевъ и ихъ дѣлаетъ если не слѣпыми, то терпѣливыми орудіями тѣхъ, кои на крайнѣйшемъ концѣ за оною завѣсою сидятъ. Да и всегда можно узнать птицу по перьямъ. Учредители высшихъ степеней суть іезуиты: Роза, отрѣщенный священникъ; сумасбродный, католикомъ сдѣлавшійся баронъ Гундъ; Шрепферъ, Гугомъ, Іонсонъ, Штаркъ, Плуменекъ, Цинендорфъ, Вельнеръ, и проч., коихъ нравственную или интеллектуальную цѣну каждаго однимъ словомъ разрушить можно. Всѣ были апостолы іезуитовъ; всѣ были злые, утонченные обманщики или жалостно обманутые; однако ими одними высшія степени вырождены и распространены. Время положило уже страшный приговоръ на людей сихъ; составъ ихъ по большей части погруженъ въ презрѣніе и ежедневно болѣе и болѣе разрушается. Выдавать себя за послѣдователя ихъ, послѣ признанной и испытанной правды, совсѣмъ противно увѣренію и совѣсти нижеподписавшагося, который обо всемъ вышесказанномъ можетъ представить убѣдительнѣйшія доказательства и который, какъ то само по себѣ разумѣется, въ вышесказанномъ не цѣлитъ частно на здѣсь въ Петербургъ производимое Каменьщицество, а говорить о высшихъ степеняхъ вообще.

Въ нашемъ первоначальномъ договорѣ правда сказано: „мы сохраняемъ орденъ Тамплиеровъ только какъ одежду“, но это пустая токмо слова, когда мы сохранили по прежнему и церемоніи, и акты.

Къ тому же, акты высшихъ степеней не были предъявлены правительству, слѣдственно отъ онаго не одобрены и не приняты, а посему здѣшняя Шотландская ложа и капитулъ не имѣютъ даже исключительнаго права раздавать высшія степени.

По вышеозначеннымъ причинамъ, почитаю я своимъ долгомъ какъ христіанинъ, гражданинъ и каменьщикъ, слѣдую моему образу мыслей, отказаться отъ всякаго сношенія съ капитуломъ и шотландскою ложей.

прошу васъ, высокопочтенный братъ, сіе мое рѣшительное намѣреніе, яко префектъ и шотландскій оберъ-мейстеръ, объявить почтеннымъ членамъ обоихъ отдѣленій; мнѣ же какъ можно скорѣе доставить реверсъ въ томъ, что я просилъ выйти изъ оныхъ. Впрочемъ, я оставляю сей союзъ съ любовью ко всякому члену въ особенности, прося, чтобы и меня изъ оного отпустили въ покоѣ и не приписывали бы словамъ моимъ и намѣреніямъ дурнаго толкованія.

Для избѣжанія же всякихъ, произойти могущихъ недоразумѣній, объявляю я, какъ Мастеръ Стула Іоанновской ложи Петра къ Правдѣ, подчиненной здѣшней Директоріальной ложѣ, что я и ложа ¹⁾, коюю я правлю, нимало не намѣрены разрывать сношеній обыкновенной Іоанновской ложи, подъ конституцію рѣченной высокопочтенной Директоріальной Ложи работающей; но что мы, напротивъ того, вѣрно будемъ держаться актовъ 3-хъ степеней и книги законовъ, вами, высокопочтенный и высокопросвѣщенный братъ Вѣберъ, подписанныхъ, запечатанныхъ и печатью Директоріальной Ложи скрѣпленныхъ, поколику законы сіи не будутъ касаться до локальныхъ отношеній, которыя всегда всякою Іоанновскою ложею по особеннымъ ея обстоятельствамъ учреждаемы быть могутъ и поколику высокопочт. Дир. Ложа будетъ оказывать уваженія и справедливости ложѣ Петра къ Правдѣ. Что же принадлежитъ до предметовъ увѣренія и ученаго изслѣдованія, то повторяю еще разъ, что я никому не хочу навязывать своихъ убѣжденій и удостовѣреній ложи, къ коей я принадлежу, но требую равномѣрно, какъ старый св. Каменьщикъ 3-й степени и какъ Мастеръ Стула для себя и для членовъ ложи моей, чтобы и всякій другой человѣкъ и каменьщикъ съ толикою же терпимостію и со мною обходился. Въ слѣдствіе же разговора, который я недавно съ вами, высокопочтенный братъ, имѣлъ, объявляю я откровенно какъ св. каменьщикъ, что я никакому члену ложи моей не воспрещу говорить истинъ въ рѣчахъ, съ должною благопристойностію излагаемыхъ, хотя бы онѣ касались до масонскихъ событій и мнѣній.

Если же покажется предразсудительно дать право сіе мнѣ и членамъ ложи Петра къ Правдѣ, если вышесказанное принято будетъ противно намѣренію моему, или же если вздумали бы забыть должную терпимость къ чужимъ мыслямъ и увѣреніямъ, то я нисколько не остановлюсь сіе настоящее объявленіе столь же неукоснительно предъявить правительству, какъ вамъ и всѣмъ высокопросвѣщеннымъ членамъ Капитула, даже оное напечатать и болѣе распространить со всѣми нужными ссылками и доказательствами, сообщать по частно каждому брату мастеру, мнѣ знакомому или пожелающему оное читать.

16-го іюля 1814 года.

Егоръ Эллизентъ.

¹⁾ Въмѣсто этого слова извѣстный четверугольникъ.

Этотъ документъ представляетъ исходную точку того раздѣленія, которое привело къ учрежденію двухъ Великихъ Ложь. Вслѣдствіе несогласій, возникшихъ по поводу новаго взгляда, Беберъ сложилъ съ себя званіе гросмейстера Директоріальной ложи; новый выбранный гросмейстеръ, графъ Шуваловъ, не принявъ на себя этой должности, и наконецъ выбранъ былъ новый великій мастеръ, графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ. При немъ вопросъ разрѣшился.

Мы не имѣемъ пока подробностей этого дѣла, и не встрѣтили ихъ въ официальныхъ масонскихъ матеріалахъ московскаго Музея, — но вѣроятно нѣкоторыя разъясненія найдутся въ обширной, еще не разобранной перепискѣ. Общій ходъ дѣла состоялъ въ томъ, что при новомъ гросмейстерѣ въ Директоріальной ложѣ постановлена была полная терпимость къ существующимъ и принятымъ масонскимъ системамъ. На этомъ основаніи Элизенъ открыто ввелъ въ своей ложѣ защищаемую имъ систему трехъ степеней, и за нимъ послѣдовали ложи Изиды, въ Ревелѣ, и Нептуна, въ Кронштадтѣ. Этотъ успѣхъ новой системы долженъ былъ еще увеличить столкновенія между нею и владѣльцами высшихъ степеней, такъ что, когда въ Іоанновъ день (24-го іюня) 1815 года приступлено было къ учрежденію для Директоріальной ложи новаго устава (въ замѣну прежняго, неполнаго и утвержденного только на годъ), оказалось совершенно невозможнымъ примирить притязанія двухъ партій. Кончилось тѣмъ, что Директоріальная ложа была закрыта и ея мѣсто заняли, съ согласія правительства, двѣ равныя по правамъ и независимыя Великія ложи: предложеніе объ основаніи двухъ ложь сдѣлано было Беберомъ.

Въ рукописяхъ московскаго Музея (№ 4), находятся между прочимъ, писанные по-французски, протоколы Великой Директоріальной Ложы за послѣднее время ея существованія, и здѣсь мы встрѣчаемъ слѣды неурядицы, происходившаго тогда въ ложахъ. На первое время подвергалось опасности самое существованіе Директоріальной ложи. Изъ протоколовъ видно, что когда вслѣдствіе упомянутыхъ несогласій возникла мысль объ основаніи Астреи¹⁾, гр. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ объявилъ, 11 августа 1815 года, что Директоріальная ложа должна считаться закрытой. «Братья» высшихъ степеней, принадлежавшіе къ этой ложѣ, не хотѣли признать власти Мусина-Пушкина: «принимая во вниманіе, что закрытіе этой великой мастерской (atelier) можетъ быть постановлено только нашимъ августѣйшимъ госу-

¹⁾ Она окончательно была основана 30-го августа 1815 г.

даремъ, который ее уполномочилъ (а autorisée), и что ложѣ, оставшіяся вѣрными обряду, который извѣстенъ этому великодушному императору, не могутъ выбрать болѣе совершеннаго устройства (régulateur) ихъ трудовъ, чѣмъ эта масонская власть», — братья рѣшили возобновить дѣятельность великой мастерской и выбрать должностныхъ лицъ. На это далъ согласіе и высшій орденскій совѣтъ. На такомъ основаніи старая Директоріальная Ложѣ была преобразована, и въ засѣданіи 10-го ноября 1815 года опредѣленъ новый составъ властей Великой Директоріальной Ложѣ.

Бёберъ далъ полномочіе управлять работами собранія гр. М. Ю. Вѣльгорскому, и въ составъ управленія были выбраны слѣдующія лица: великій мастеръ новой Директоріальной ложѣ — А. Жеребцовъ (не разъ упомянутый выше); 1-й и 2-й великіе намѣстные мастера — Вѣльгорскій и Павелъ Шуваловъ; 1-й и 2-й великіе надзиратели — Корфъ и Сергѣй Ланской; великій канцлеръ — Буденброкъ; великій маршалъ — Станиславъ Потоцкій и пр. ¹⁾.

Составъ ложъ, принадлежавшихъ къ Астрѣ и Директоріальной ложѣ, опредѣлился только къ концу 1815 года. Съ 1810 года, существовавшія тогда ложѣ (кромѣ мартинистовъ) распредѣлялись вообще такимъ образомъ:

Директ. Ложѣ Владиміра:

1810: ложѣ Соединенныхъ Друзей	ложѣ Елизаветы
— Палестины	— Александра
(франц. системы)	— Петра
	(швед. сист.).

Въ слѣдующіе годы къ Директоріальной Ложѣ присоединились ложѣ французской системы и вновь возстановленныя Изиды и Нептунъ, и она оставалась единственной высшей властью:

Директоріальная Ложѣ Владиміра:

	ложѣ Елизаветы
	— Александра
	— Петра
1811—1812:	— Соединенныхъ Друзей
	— Палестины
1813—1814:	— Изиды (въ Ревелѣ)
	— Нептуна (въ Кронштадтѣ).

¹⁾ Въ этомъ собраніи присутствовали кромѣ Вѣльгорскаго, Корфа, Ланскаго, еще Оде-де-Сіонъ, Ржевскій, Шулепниковъ, Еврекиновъ, Прево-де-Люмیانъ, Арсенъ и другіе.

Къ концу августа 1815-го года, или къ основанію Астрей, ложи распредѣлились слѣдующимъ образомъ между двумя новыми союзами:

<i>Вел. Директ. Ложа:</i>	<i>Астрей:</i>
(авг. 1815) ложа Елизаветы,	ложа Петра,
— Александра	— Палестины
— Соед. Друзей	— Изиды (въ Ревелѣ)
	— Нептуна (въ Броншт.).

Но это положеніе удержалось недолго. Астрей стала брать перевѣсъ, и съ этого же года начала усиливаться отчасти новыми, ею самой основанными ложами, отчасти переходившими къ ней изъ союза Директоріальной ложи. Такъ въ сентябрѣ Астрей основала ложу Избраннаго Михаила, а въ октябрѣ къ ней присоединилась одна изъ старѣйшихъ петербургскихъ ложъ — Александра.

Взамѣнъ того, Директоріальная учреждала новыя ложи. Протоколомъ ея, отъ 10-го ноября 1815-го года, утверждена была ложа Пламенѣющей Звѣзды (de l'Etoile Flamboyante). Черезъ нѣсколько дней, 26-го ноября, постановлено было возобновленіе ложи Трехъ Коронованныхъ Мечей (von drei gekrönten Schwertern), въ Митавѣ. Въ тотъ же день Директоріальная ложа дала свое согласіе на просьбу объ учрежденіи новой ложи Трехъ Добродѣтелей, въ Петербургѣ, инсталляція, т.-е. офиціальное открытіе которой послѣдовало уже 11-го января 1816 года.

Прежде, чѣмъ излагать дальнѣйшія перемѣны въ составѣ этого союза, остановимся на внутреннихъ дѣлахъ самой Директоріальной ложи¹⁾. Въ слѣдующемъ 1816-мъ году, 19-го мая, происходили въ присутствіи Бебера новые выборы должностныхъ лицъ. Великимъ мастеромъ Директоріальной ложи вновь былъ избранъ Жеребцовъ; 1-й и 2-й великіе намѣстные мастера были Вильгорскій и Николай Бороздинъ; 1-й и 2-й великіе надзиратели Репьевъ и Арсеньевъ; великій ванцлеръ — Буденброкъ; великій маршалъ — Ржевскій и проч. Но за отсутствіемъ Жеребцова, находившагося въ Митавѣ, дѣла лежали на Вильгорскомъ.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ представлялся для Директоріальной Ложи вопросъ объ отношеніяхъ ея къ Астрей.

Въ собраніи 2-го августа 1816-го года, читано было письмо

¹⁾ См. упомянутые французскіе протоколы Вел. Директ. Ложи (Муз. № 4). Они ведены были великимъ секретаремъ, мѣсто котораго занималъ тогда Дальмазъ (Dalmas), актеръ французскаго театра и отчасти литераторъ.

Жеребцова изъ Митавы. Онъ желалъ, во-первыхъ, чтобы Директоріальная Ложа вступила въ дружественныя отношенія съ Великой Ложей Астреей, признанной правительствомъ; во-вторыхъ, чтобъ назначенъ былъ одинъ «братъ» для предварительныхъ переговоровъ съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ,—*afin d'éviter toute fausse démarche*; и въ-третьихъ, чтобы «посланы были протоколы Директоріальной Ложы министру (т.-е. министру полиціи, Вязмитинову), такъ какъ эта формальность не была исполнена съ тѣхъ поръ, какъ онъ удалился изъ нашего востока». Первое изъ этихъ предложеній принято было 16-ю голосами противъ 5-ти, и Бёберъ, бывшій въ собраніи, первый подалъ голосъ за союзъ съ Астреей. По второму, выбранъ былъ тайной балотировкой Оде-де-Сіонъ, которому самымъ настоятельнымъ образомъ поручено было, въ сношеніяхъ съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, ничѣмъ не компрометтировать достоинства Директоріальной Ложы¹⁾.

Въ слѣдующемъ собраніи, 8-го августа, не было ни Жеребцова, ни Віельгорскаго, котораго не было, кажется, въ Петербургѣ. Оде-де-Сіонъ имѣлъ разговоръ съ Мусинымъ-Пушкинымъ и заявилъ, что сообщеніе Директоріальной Ложы, если будетъ сдѣлано, принято будетъ Астреей съ искреннимъ братскимъ чувствомъ, и что Пушкинъ увѣренъ, что Астрей заключить этотъ союзъ. При этомъ С. Ланской объявилъ отъ имени ложи Елизаветы, что она желаетъ дожидаться Віельгорскаго, которому она дала свое довѣріе, для того, чтобы высказаться относительно союза съ Астреей. Сомнѣніе этой ложи заключалось въ томъ, что «это сближеніе съ братьями, которые разъ уже насъ покинули и приняли другія системы, т.-е. другія дороги, требуютъ самыхъ глубокихъ размышленій». По мнѣнію Оде-де-Сіона, достоинство Директоріальной Ложы не позволяло обращать вниманіе на это заявленіе, и Директоріальная Ложа должна исполнить сама свое постановленіе. Это и было принято большинствомъ.

Кромѣ ложи Елизаветы, предубѣжденіе противъ союза съ Астреей обнаружилось и въ ложѣ Соединенныхъ Друзей. Четверо изъ ея «братьевъ» возстали противъ рѣшенія Директоріальной Ложы, вычеркнули свои имена изъ списка ложи и перешли въ л. Елизаветы, которая приняла ихъ. Директоріальная Ложа наша нужнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости; она постано-

¹⁾ «Au nom de l'honneur de ne rien faire et de ne rien dire dans l'entretien qu'il doit avoir avec le f. (frère) Pouschkin, qui puisse compromettre la dignité de la Grande Loge Dir.»

вила (25-го августа) наказать протестовавшихъ исключеніемъ изъ всѣхъ, управляемыхъ ею ложъ, одного — на шесть мѣсяцевъ, остальныхъ на три мѣсяца.

Между тѣмъ пріѣхалъ Жеребцовъ. Въ собраніи 5-го сентября онъ объявилъ отъ имени ложи Соединенныхъ Друзей, что она забываетъ проступокъ упомянутыхъ братьевъ и что ея достоинство удовлетворено постановленіемъ Директоріальной Ложи; на этомъ основаніи братьямъ дана была амнистія. Жеребцовъ сообщилъ Вязмитинову свѣдѣнія о Директоріальной Ложѣ, чего не дѣлалъ Вѣльгорскій около года, — и предложилъ написать Вязмитинову благодарственное письмо за его вниманіе къ ордену....

Сентября 19-го, происходило, подъ предсѣдательствомъ Жеребцова, экстраординарное собраніе. Великій мастеръ говорилъ рѣчь, въ заключеніе которой великіе надзиратели, по его приказанію, объявили «братьямъ», что Директоріальная ложа Владимира заврывается, и что ее замѣняетъ *Великая Провинціальная Ложа*. Въмѣстѣ съ тѣмъ, установлены были основанія союза съ Астреей и подчиненными ей ложами. Затѣмъ учреждена была (24-го октября) коммиссія изъ мастеровъ ложъ, подъ предсѣдательствомъ Жеребцова, для пересмотра (прежде дѣйствовавшего) устава Великой Ложи, и 4-го ноября 1816-го года происходило собраніе всѣхъ ложъ для торжественнаго открытія или инсталляціи управляющей Вел. Провинціальной Ложи. Предсѣдателемъ этого торжественнаго собранія былъ гр. Станиславъ Потоцкій (министръ народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, гросмейстеръ польскаго Востока), какъ представитель верховнаго ордена савойскаго союза; присутствовали также и члены ложъ союза Астреи, напр., члены ложъ Петра, Палестины, Михаила Избраннаго и Александра.

Въ собраніи 14-го декабря, снова явился вопросъ о сношеніяхъ съ Вязмитиновымъ. Жеребцова опять не было, и съ министромъ видѣлся Вѣльгорскій. Вслѣдствіе этихъ разговоровъ Вѣльгорскій объявилъ «братьямъ», что отнынѣ ложи должны сообщать ему, какъ великому намѣстному мастеру, — для представленія министру, — въ теченіе 24-хъ часовъ имя и фамилію, возрастъ, мѣсто рожденія, занятія и мѣсто жительства каждаго вновь принимаемаго члена; кромѣ того, ежемѣсячно доставлять ему отчетъ о всѣхъ работахъ ложи, съ краткимъ изложеніемъ говоримыхъ рѣчей и т. п., — для представленія начальству.

Въ протоколѣ Вел. Пров. Ложи 13 января 1817 года (или по масонскому лѣтосчисленію 5816 года, 13 дня XI мѣсяца) записано, что Вел. Ложа Астрея выразила желаніе, чтобы для

утвержденія ихъ дружественныхъ связей Провинціальная Ложа назначила съ своей стороны уполномоченнаго, чтобы установить основанія договора и опредѣлить взаимныя права и обязанности обѣихъ ложъ. Полномочіе дано было Провинц. Ложей Вѣльгортскому. Мы упоминали въ другомъ мѣстѣ, что въ результатъ этого явился формальный «Актъ взаимныхъ отношеній двухъ Великихъ Ложъ на Востокъ С.-Петербурга», заключенный 1817-го года 12-го декабря обѣими ложами въ лицѣ своихъ великихъ мастеровъ, великихъ чиновниковъ, великихъ офиціаловъ и членовъ.

Такъ водворилось наконецъ согласіе. Договоръ былъ необходимъ, потому что въ отношеніяхъ ложъ легко могли являться поводы къ несогласію. Провинціальная ложа вообще отставала отъ Астреи, и вскорѣ различныя ложи начали дезертировать изъ первой во вторую.

Съ 1816-го года, составъ союза Провинціальной ложи является въ слѣдующемъ видѣ. Въ концѣ этого года, 24-го октября, утверждена была просьба объ основаніи новой ложи—Трехъ Свѣтилъ, которая и была инсталлирована 4-го декабря. Въ томъ же октябрѣ принята, условно, просьба объ основаніи новой ложи—Трехъ Сѣкиръ (*Trois Masses d'armes*) въ Ревелѣ. Но 11-го декабря уже началось дѣло о двухъ ложахъ, которыя отдѣлились отъ союза Провинціальной Ложи: это были л. Соединенныхъ Друзей и Пламяющей Звѣзды, которыя въ началѣ слѣдующаго года и были приняты въ Астрею. Ревельская ложа Трехъ Сѣкиръ также оказалась въ союзѣ Астреи. Ложа Трехъ Коронованныхъ Мечей, въ Митавѣ, не получила разрѣшенія отъ остзейскаго генерал-губернатора Паулуччи.

Въ 1817-мъ, взаимнѣе отпавшихъ, основались новыя ложи: въ мартѣ этого года утверждены просьбы объ основаніи л. Дубовой Долины и л. Сѣверныхъ Друзей, въ Петербургѣ; началось дѣло объ учрежденіи л. Сѣверной Звѣзды, въ Вологдѣ. Съ 24-го ноября заявлено было объ основаніи л. Ищущихъ Манны, въ Москвѣ, которая и была инсталлирована въ концѣ года. Въ томъ же ноябрѣ началось дѣло объ учрежденіи л. Эвексинскаго Понта, въ Одессѣ.

Но въ слѣдующемъ, 1818-мъ году, уже началось дѣло объ отходѣ л. Сѣверныхъ Друзей, которая и была принята въ Астрею. Въ томъ же году или еще въ 1817-мъ, перешла въ Астрею и митавская ложа Трехъ Коронованныхъ Мечей. Въ декабрѣ 1818-го года, открыта была, впрочемъ, новая ложа—Орфея.

Въ 1819-мъ году заявлено было желаніе основать ложу Вновь

Возжженного Свѣтила у Трехъ Колоннъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, — о которой не знаемъ, была ли она открыта.

Въ 1820-мъ году упразднена была, давно утвержденная, но совсѣмъ не открывавшаяся, вологодская ложа Сѣверной Звѣзды.

Мы остановимся теперь на отдѣльных ложахъ, и соберемъ нѣкоторые указанія объ ихъ внѣшней судьбѣ, а также о тѣхъ историческихъ матеріалахъ, въ которыхъ болѣе или менѣе сохранились подробности ихъ дѣйствій.

1. Ложа *Соединенныхъ Друзей* (Les Amis Réunis). Основана была 10 іюня 1802-го года, по французской системѣ, которая была вывезена изъ Франціи Жеребцовымъ. Въ 1810-мъ году, когда документы ложъ провѣрялись министромъ полиціи и особымъ комитетомъ, эта ложа состояла подъ управленіемъ Жеребцова, независимо отъ Директоріальной ложи; въ 1811-мъ или 1812-мъ году приступила къ этой послѣдней.

Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ, на французскомъ языкѣ, въ 1810 — 1811-мъ годахъ, находятся въ рукописяхъ московскаго Музея (№ 122). Въ той же коллекціи, въ связкѣ печатныхъ масонскихъ листовъ, встрѣтилось намъ изданіе французскихъ пѣсенъ этой ложи: «Hymnes et Cantiques pour la R. Loge Des Amis Réunis à l'O. de St.-Petersbourg. A Jerusalem. L'an 5810 de L. v. L. (de la vraie lumière)». 56 стр. нотъ со словами ¹⁾).

Съ 11-го декабря 1816-го, началось дѣло объ отпаденіи Соединенныхъ Друзей отъ Провинціальной Ложи. Просьба о принятіи въ союзъ Астреи поступила 28-го февраля 1817-го года. Въ союзъ Астреи Соединенные Друзья оставались до конца существованія масонскихъ ложъ.

Ритуалъ мастерской степени этой ложи (на русскомъ языкѣ), отъ того времени, когда эта ложа принадлежала къ Астрей, на-

¹⁾ Всего помѣщено три пьесы: № 1, Paroles du F. Pouschkin, musique du F. Boieldieu.—Нач.

Amitié sainte et fraternelle,
Présent des cieux, vient nous unir etc.

№ 2. Слова Дальмаса, муз. Кавоса (здѣсь опять вставлена пѣсня: Pour la santé du v. (т.-е. vénérable, мастера), paroles du F. Pouschkin). № 3, Слова Пушкина, музыка Кавоса, начин.

Servir, adorer sa Patrie
C'est le devoir d'un bon maçon и пр.

Этотъ братъ Пушкинъ былъ вѣроятно извѣстный Василій Львовичъ, принятый въ ложу Соединенныхъ Друзей въ 1810 году (см. рукоп. моск. Музея № 57). Ср. Ешевскаго, Сочинен., т. III, стр. 410—412, прим.

ходится въ рукописи Публ. Библиотеки (Ш. Q. № 30, и 39 лист.).

Въ 1816 — 17-мъ году, когда шло дѣло о переходѣ Соед. Друзей въ Астрей, мастеромъ въ этой ложѣ былъ Жеребцовъ; 1-мъ и 2-мъ намѣстными мастерами — Оде-де-Сіонъ и Павелъ Арсеньевъ; 1-мъ надзирателемъ Прево-де-Люмیانъ и пр.¹⁾

2. *Палестины*. Основана до 1810-го года (кажется 4-го марта 1809) по той же французской системѣ²⁾. Въ 1810-мъ году управлялъ ею Вильгорскій. Въ 1811-мъ или 1812-мъ году она присоединилась къ Директоріальной ложѣ Владиміра, но въ 1814—15-мъ году, когда начался споръ о высшихъ степеняхъ, она держалась новаго взгляда и при учрежденіи двухъ великихъ ложъ, вступила въ Астрей.

Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1810 — 11-мъ году, на французскомъ языкѣ, находятся въ рукописи моск. Музея (№ 122). Выше мы упоминали печатное изданіе этой логи: «Santique», со словами Мессанса и музыкой Бозльдьѣ.

3. *Александра* (Alexander zur Mildthätigkeit des gekrönten Pelikans). Основана была въ 1805-мъ году по шведской системѣ нѣсколькими старыми масонами, и названіе ея взято было отъ одной прежней логи этого имени. Вмѣстѣ съ происшедшими отъ нея ложами Петра и Елизаветы, эти три «соединенныя логи» находились подъ управленіемъ Директоріальной логи Владиміра, великимъ мастеромъ которой былъ Бёберъ. Въ 1810-мъ году ею управлялъ Розенштраухъ. Протоколы этой логи съ 15-го сентября 1810-го до первыхъ мѣсяцевъ 1811-го, находятся въ рукописи московскаго Музея, вмѣстѣ съ протоколами ложъ Петра и Елизаветы (№ 3).

При основаніи новыхъ великихъ ложъ, л. Александра въ октябрѣ 1815-го перешла къ Астрей.

4. *Петра къ истинѣ* (Pierre à la Vérité, Peter zur Wahrheit). Произошла, до 1810-го года, отъ логи Александра къ Коронованному Пеликану; работала по шведской системѣ и въ числѣ «соединенныхъ ложъ» была подъ управленіемъ Директоріальной логи. Въ 1810-мъ году мастеромъ стула былъ въ ней Эллизенъ. Нѣмецкіе протоколы первыхъ мѣсяцевъ 1811-го года (съ 7-го января) находятся въ рукописи Музея (№ 3).

При основаніи великихъ ложъ, эта ложа на первомъ планѣ приступила къ Астрей.

¹⁾ См. моск. Музея № 4 и № 10.

²⁾ По одному пригласительному циркуляру, ложа Палестины должна была 4-го марта 1820 г. праздновать 11-ю годовщину своего основанія (въ бумагахъ Н. И. Кусова, сообщенныхъ Е. И. Ламанскимъ).

5. *Елизаветы къ Добродѣтели*. Произвошла до 1810-го года (кажется 1-го іюня 1809) отъ ложи Александра; работала по шведской системѣ и была въ числѣ «соединенныхъ ложь». Съ 1809-го года по 14-е іюня 1811-го года, мастеромъ стула былъ въ ней старый масонъ Ал. Серг. Сергѣевъ; намѣстнымъ мастеромъ—также старый масонъ Ѳеодотъ Дан. Синицынъ.

Эта ложа оставалась всегда въ союзѣ сначала Директоріальной, потомъ Великой Провинціальной Ложи.

Въ 1816—17-мъ году мастеръ стула былъ въ ней Віельгорскій, намѣстный мастеръ—Сергѣй Ланской, 1-й надзиратель—Корсаковъ и проч.

Въ 1818-мъ году, мастеръ стула—С. Ланской; намѣстный мастеръ—Андрей Римскій-Корсаковъ; 1-й и 2-й надзиратели—Романъ Шулепниковъ и Петръ Кайсаровъ, и пр.

Въ tableau 1819—20-го года названы: мастеръ—С. Ланской; намѣстный мастеръ—Шулепниковъ; 1-й надзиратель—П. Кайсаровъ и проч.

Относительно этой ложи въ московскомъ Музеѣ находится большое количество историческаго матеріала, именно:

а) Уставъ этой ложи, 1817 года (въ рукописи моск. Музея № 37) и «Должности мастера ложи, намѣстнаго мастера, обоихъ надзирателей и офицеровъ совершенной и справедливой ложи св. Іоанна, подъ названіемъ Елизаветы къ Добродѣтели», подпис. великимъ провинціальнымъ мастеромъ Мих. Велегурскимъ (Віельгорскимъ), вел. канцлеромъ гр. Григ. Чернышевымъ и т. д. и наконецъ великимъ мастеромъ (вѣроятно, ложи) С. Ланскимъ,—въ Публ. Библіотекѣ (III. F. № 19).

б) Протоколы, на русскомъ языкѣ, съ 12 сент. 1810-го до начала 1811 (въ Муз. № 3). Затѣмъ, почти полные протоколы работъ ученической, товарищеской и мастерской степени, съ 1811-го до 1822-го года (Муз. № 38—46). Также черновые протоколы, протоколы хозяйственнаго комитета, подписи членовъ, посѣщавшихъ ложу, 1817—1822 годовъ, и проч. (Муз. № 47—49).

с) Дѣла ложи 1811—1822 годовъ (Муз. № 50—53). Приходо-расходныя книги, журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, списки членовъ и проч. (Муз. № 54—57).

д) Рѣчи, говоренныя въ ложѣ Елизаветы, въ 1810—22 г. Протопоповымъ, Ланскимъ и другими (Муз. № 123). «Рѣчь, пис. І. А. (т.-е. Поздѣвымъ) для произнесенія гр. М. Ю. В. (Віельгорскимъ) въ ложѣ Елизаветѣ при вступленіи его въ должность м. с. (мастера стула) апрѣля 3-го 1815», находится въ записной книжкѣ С. Ланскаго (Муз. № 855—230, лист. 20—21).

е) Сборникъ переписки по ложѣ Елизаветы: письма къ Левенгагену и др., 1811—1814 года. Между прочими находятся здѣсь письма Элизена, Егора Кушелева и проч. (Муз. № 113).

6. *Пламеннющей Звѣзды* (de l'Etoile Flamboyante, Zum flammenden Stern). Протоколъ Вел. Директоріальной Ложы объ ея учрежденіи, 10-го ноября 1815-го года (въ рук. Муз. № 4). Въ 1816-мъ году мастеръ стула былъ въ ней бар. Корфъ; намѣстный мастеръ—Буденброкъ и проч. Съ 11-го декабря 1816 уже начинается дѣло объ отпаденіи Пламеннющей Звѣзды отъ Вел. Провинціальной Ложы; просьба о принятіи въ Астрю поступила 3-го марта 1817. Астря тогда же приняла ее, на что послѣдовало и согласіе министра полиціи Вязмитинова (Муз. № 10).

7. *Трехъ Добродѣтелей* (Trois Vertus). Утвержденіе на основаніе этой ложы дано было Директор. Ложей братьямъ Ржевскому, Павлу Ланскому, Павлу Лопухину, Сергѣю Волконскому и др., которые всѣ были члены ложъ и желали основать новую ложу. Это утвержденіе состоялось 26-го ноября 1815. Инсталляція новой ложы происходила 11-го января 1816: кромѣ должностныхъ лицъ Директоріальной Ложы, при этомъ присутствовали члены ложъ Елизаветы, Соед. Друзей и Пламеннющей Звѣзды. Мастеромъ стула Трехъ Добродѣтелей назначенъ былъ Ржевскій, надзирателями Лопухинъ и Волконскій; потомъ (въ маѣ 1816, при повѣркѣ выборовъ), мастеромъ былъ опять выбранъ Ржевскій; намѣстнымъ мастеромъ—Павелъ Ланской; надзирателями—Лопухинъ и Мих. Ланской.

Эта ложа осталась до вонца въ союзѣ Великой Провинціальной Ложы, и въ масонскомъ архивѣ московскаго Музея сохранились отъ нея слѣдующіе документы:

а) Уставъ (Муз. № 58).

б) Протоколы засѣданій 1815—20 годовъ, на французскомъ и русскомъ языкахъ (№ 59).

в) Входящія и исходящія бумаги, дѣла 1816—1822 годовъ (Муз. № 60—63), и списки членовъ 1815—19 годовъ (Муз. № 64).

8. *Трехъ коронованныхъ Мечей* (Zu den drei gekrönten Schwertern, Trois Epées Couronnées), въ Митавѣ. Возобновленіе этой ложы, существовавшей въ Митавѣ въ прошломъ столѣтіи и прекратившей работы уже 22 года, постановлено было Директор. Ложей 26 ноября 1815-го, подъ предсѣдательствомъ Вильгорскаго. Дѣло началось тѣмъ, что нѣсколько масоновъ, въ томъ числѣ и бывшихъ членовъ старой митавской ложы, собрались (въ Митавѣ) подъ предсѣдательствомъ Жеребцова и

просили о восстановленіи ложи подъ прежнимъ ея названіемъ и по статутамъ Директоріальной Ложи.

Существованіе этой ложи было однако очень затруднительное. Генералъ-губернаторъ остзейскихъ провинцій, маркизъ Пауллуччи закрылъ эту ложу (основанную во время его отъѣзда въ Италію) по своему возвращеніи въ край, и его мѣра удостоилась высочайшаго одобренія¹⁾. Въ мартѣ 1817-го, Жеребцовъ въ письмѣ къ Віельгорскому изъ Митавы, выражаетъ между прочимъ сожалѣніе, что эта ревностная ложа, состоящая въ союзѣ Провинціальной Ложи и которой онъ считаетъ себя членомъ, была *изглажена* изъ союза безъ всякаго извѣщенія, — потому что хотя маркизъ Пауллуччи и не далъ ей разрѣшенія, но это не должно было исключать ея изъ памяти Великой Провинціальной Ложи (см. Муз. № 4 и № 10).

Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ послѣднихъ недоразумѣній и неудовольствій, въ слѣдующемъ 1818-мъ году, а можетъ быть еще и раньше, ложа Трехъ вѣнцѣванныхъ Мечей перешла уже въ союзъ Астрей.

9. *Трехъ Сѣкиръ* (Zu den drei Streithammern, Trois masses d'armes) въ Ревелѣ. Въ 1816-мъ году, 24 октября, принята была Вел. Провинціальной Ложей просьба нѣсколькихъ братьевъ изъ Ревеля объ основаніи новой ложи; но принята съ условіемъ, если братья примутъ ритуалъ Провинціальной Ложи (Муз. № 4). Но, или братья не приняли этихъ ритуаловъ, или произошли другія недоразумѣнія, и ложа Трехъ Сѣкиръ въ іюанову дню 1817-года является въ союзѣ Астреи.

10. *Трехъ Свѣтилъ* (Trois Flambeaux). Въ протоколѣ Вел. Провинціальной Ложи, того же 24 октября 1816-го, записано, что нѣсколько братьевъ просили объ основаніи новой ложи подъ этимъ названіемъ, и что рѣшено было приготовить для нихъ конституцію и зачислить новую ложу въ союзъ подъ № 6. Инсталлація происходила 4 декабря 1816-го. Мастеромъ стула назначенъ Евреиновъ; намѣстнымъ мастеромъ — Дм. Зубовъ; 1-мъ и 2-мъ надзирателями — Петровъ и Рубецъ, и проч. (Муз. № 4).

11. *Сѣверной Звѣзды*, въ Вологдѣ. Дѣло объ ея основаніи началось 26 февраля 1817-го (см. Дѣла Провинц. Ложи, Муз. № 11). Затѣмъ, намъ встрѣтился слѣдъ этой предполагавшейся ложи въ бумагахъ Астреи (Муз. № 90); это — бумага, писанная въ Астрею отъ братьевъ имѣющей учредиться ложи Сѣверной Звѣзды на востокъ Вологды, съ благодарностью за присылку

¹⁾ Богдановича, Ист. Алекс. I, т. VI, стр. 408—409.

Code des Lois Астрей и съ просьбой о руководствѣ: бумага (отъ 19 окт. 1817) подписана избраннымъ для управленія будущей ложей мастеромъ Алексѣемъ Волоцкимъ. Но съ января 1820-го явился уже вопросъ о закрытіи ея, и 29 мая 1820-го Великая Провинц. Ложа упразднила эту вологодскую ложу — «по причинѣ непроизводства въ оной работъ со времени ея учрежденія». (См. Дѣла Пров. Ложи, Муз. № 18, и журналъ исход. бумагъ, Муз. № 21).

12. *Сѣверныхъ Друзей* (Les Amis du Nord). Эта ложа основана была вслѣдствіе отпаденія Соединенныхъ Друзей отъ Провинціальной Ложи, и должна была замѣнить отпавшую ложу; какъ слѣдующая дальше ложа Дубовой Долины должна была замѣнить отпавшую тогда же Пламенѣющую Звѣзду. Дѣло объ учрежденіи л. Сѣверныхъ Друзей и Дубовой Долины началось 5 марта 1817-го, и въ Дѣлахъ Провинціальной Ложи сохранился докладъ Віельгорскаго Вязмитинову обо всемъ этомъ дѣлѣ, съ просьбой испросить разрѣшеніе государя на то, чтобы оставшіеся члены обѣихъ отошедшихъ въ Астрю ложъ могли продолжать свои труды по прежнему подѣ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи, — и удовлетвореніемъ этой просьбы «доказать намъ, что союзъ подѣ Провинціальною Ложею пользуется равными съ великою ложею Астреею преимуществами, и что въ глазахъ правительства члены сего союза на счетъ самыхъ вѣрныхъ русскихъ подданныхъ, преданныхъ своему государю, любящихъ отечество и спокійныхъ гражданъ, занимающихся масонствомъ, яко пріятнымъ и полезнымъ для ума и сердца упражненіемъ, утверждающимъ насъ во всѣхъ нашихъ обязанностяхъ въ разсужденіи гражданской и духовной власти въ имперіи Россійской». (Дѣла 1818-го г., Муз. № 11). Ложа Сѣверныхъ Друзей учреждена была для французскаго языка.

Но и эта ложа не долго осталась вѣрна своему союзу. Съ 1 іюня 1818-го г. начинается дѣло о переходѣ ея въ Астрю, гдѣ она и показана уже въ спискахъ на 1818—19 годъ. (См. Дѣла, Муз. № 14).

13. *Дубовой Долины*. Мы говорили сейчасъ о поводѣ къ ея основанію: просьба объ ея учрежденіи представлена была семью членами Пламенѣющей Звѣзды (между прочимъ Утехомъ, Герландомъ и др.), которые не хотѣли переходить въ Астрю съ своей отпавшей ложей. (Дѣла 1817 года, Муз. № 11).

Эта ложа работала на нѣмецкомъ языкѣ и оставалась до конца въ союзѣ Провинціальной Ложи.

14. *Ищущихъ Манны* (Chercheurs de la Manne), въ Москвѣ. Дѣло объ учрежденіи ея началось съ 24 ноября 1817;

инсталляція происходила 7 декабря того же года (Дѣла Пров. Ложи, Муз. № 12 и № 73). Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1818-мъ г., въ рукописи Музея (№ 130).

Въ списокѣ членовъ этой ложи за 1819—20 г. названы: мастеръ стула—Серг. Павл. фонъ-Визинъ; намѣстный мастеръ—Курбатовъ; 1-й надзиратель—Камынинъ; риторъ—Алексѣй Ос. Поздѣвъ; 1-й стюартъ—Василій Льв. Пушкинъ (названный членомъ ложи Елизаветы). Въ числѣ почетныхъ членовъ — А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ (гус. ротмистръ, 2-й великій надзиратель Вел. Провинц. Ложи и намѣстный мастеръ л. Трехъ Добродѣтелей). Вѣроятно въ этой ложѣ относятся предположенія, высказанныя въ перепискѣ Ланского и Вильгорскаго объ устройствѣ въ Москвѣ масонскаго кружка изъ лицъ, живущихъ въ Москвѣ и принадлежащихъ къ петербургской ложѣ Елизаветы, — между ними было и нѣсколько мастеровъ, и изъ числа ихъ преимущество отдавалось Дмитриеву-Мамонову (см. Муз. № 112 и связку печатныхъ листеовъ).

15. *Эксинская Понта*, въ Одессѣ. Дѣло объ учрежденіи этой ложи началось того же 24 ноября 1817 (Дѣла, Муз. № 12). Ритуаль ея, на нѣмецкомъ языкѣ, въ рукописяхъ Музея (№ 146).

16. *Орфей*. Дѣло объ основаніи ложи этого имени, для работы на французскомъ языкѣ, началось съ 1 декабря 1818-го года; инсталляція ложи 8-го того же декабря, при чемъ она записана въ списокъ ложъ за № 9. При учрежденіи ложи назначены въ ней: мастеръ стула — гр. Гр. Ив. Чернышевъ, д. тайн. сов.; намѣстный мастеръ—А. П. Римскій-Корсаковъ; 1-й и 2-й надзиратели—А. П. Мансуровъ и Ив. Г. Кругликовъ.

Отъ этой ложи сохранилось значительное количество документовъ:

а) Уставъ, *Lois pour la loge d'Orphée*, 1818 года (Муз. № 65).

б) Протоколы ученической, товарищеской и мастерской степени и подписи членовъ, за 1818 — 22 г. на французскомъ языкѣ (Муз. № 66—69). Дѣла, журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, списки членовъ, за 1818 — 22 г. (Муз. № 70 — 72).

в) Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1818—19 г., черновыя и бѣловыя (Муз. № 125—129).

г) Ритуаль этой ложи, на французскомъ языкѣ, въ трехъ книгахъ (Муз. № 143—145).

17. *Вновь Вознесенная Свѣтила у Трехъ Колоннъ*, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Письмо нѣкоторыхъ братьевъ о дозволеніи

имѣть ложу этого имени находится въ дѣлахъ Великой Провинціи. Ложи, подъ 11 марта 1819 г. (Муз. № 15).

Такъ какъ система Великой Провинціальной Ложи была система высшихъ степеней, то за обыкновенными такъ-называемыми іоанновскими ложами слѣдовали еще ложи и собранія высшего порядка. Такъ въ союзѣ Провинціальной ложи было нѣсколько такъ-называемыхъ шотландскихъ ложъ св. Андрея, для масоновъ, имѣвшихъ высшія степени послѣ мастера. Это были: ложа *Александра Златою Льва* и л. *Сфинкса*. Выше была еще упомянута шотландская ложа «подъ названіемъ св. *Георгія*», которой оберъ-мейстеромъ былъ Бёберъ.

Отъ первой сохранилось нѣсколько документовъ, именно: протоколъ заведеній 4-й и 5-й степени, 1817—20 годовъ (Муз. № 84—85), журналъ входящихъ и исходящихъ бумагъ и списки членовъ (№ 86 — 87).

Отъ ложи Сфинкса остался списокъ членовъ (№ 87). Въ собраніи масонскихъ дипломовъ московскаго Музея есть латинскій дипломъ, выданный отъ этой ложи Сфинкса (*fraternitas S-ti Andreae a munificentia ad Sphyn gem*) въ апрѣлѣ 1815-го, и гдѣ означены слѣдующіе чины: *m. magister moderans* (великій мастеръ)—Жеребцовъ; *magister legatus* (намѣстный мастеръ)—Корфъ; *primus* и *secundus invigilans praefectus* (1-й и 2-й надзиратели)—Мельниковъ и Евреиновъ; затѣмъ *orator, introductor* (вводитель), *thesaurarius* (казначей), *rituum magister* (обрядоначальникъ), *administer primus* и *secundus* (хранители олтара) и *secretarius*.

Въ 1818-мъ году, по представленію Римскаго-Корсакова въ верховный орденскій совѣтъ (отъ 27 ноября), началось дѣло объ основаніи новой шотландской ложи въ Одессѣ, которая должна была назваться ложей *Трехъ царствъ природы* (*des Trois Règnes de la nature*). Въ собраніи дипломовъ сохранилась черновая французскаго диплома, отъ имени президента и членовъ шотландской директоріи на основаніе этой ложи Трехъ царствъ природы. Членами - основателями ложи являются: А. Римскій-Корсаковъ, *du nombre de St. Jean*; Ланжеронъ и другіе — *du nombre des chevaliers d'Occident*; потомъ еще нѣсколько *maîtres écossais* и *frères élus* (см. Муз. № 83).

Для управленія шотландскими ложами существовало особое собраніе—*Шотландская Директорія*. Въ 1818-мъ году для директоріи утверждены были новые законы: проектъ этихъ законовъ

составленный въ верховномъ орденомъ совѣтѣ, посланъ былъ въ директорію, и затѣмъ законы подписаны совѣтомъ 7 октября 1818-го (см. Муз. № 83).

Въ масонскомъ архивѣ московскаго Музея находятся слѣдующіе документы, касающіеся шотландскихъ ложъ:

- а) Законы и статуты этихъ ложъ (Муз. № 74 — 75);
- б) Рѣчи, говоренныя въ нихъ (Муз. № 131);
- с) Ритуалы шотландскихъ ложъ, катехизисы, инструкціи должностнымъ лицамъ, — 4-й, 5-й и 6-й степени, рыцарей Востока и Иерусалима, — стараго времени и новые (Муз. № 158—167).

Отъ шотландской директоріи сохранились слѣдующіе документы: а) Законы ея, въ двухъ экземплярахъ (Муз. № 76); правила для шотландской директоріи или матери-ложи св. Андрея (Муз. № 77); б) Дѣла и протоколы директоріи, за 1817—20 г. (Муз. № 78); бумаги по казначейству, кассовая книга, книга для записи сбора съ членовъ шотландскихъ ложъ, сборъ для бѣдныхъ (Муз. № 79—82).

Другимъ высшимъ учрежденіемъ былъ *Капитулъ Феникса*. Намъ не встрѣтилось свѣдѣній объ его прежнемъ составѣ. Въ 1817-мъ г., октября 5, произведены были новые выборы, по которымъ онъ является въ составѣ слѣдующихъ членовъ:

Префектъ — А. А. Жеребцовъ.

Блюститель короны — Герландъ.

- › лампады — гр. Зубовъ.
- › меча — Павелъ Ланской.
- › наугольника — Евреиновъ.
- › хоругви — Павелъ Ржевскій.
- › шпоръ — Утехъ.

1-й блюститель храма — Левенгагенъ.

2-й › › — Шулепниковъ.

Канцлеръ — гр. Чернышевъ.

Затѣмъ назначены были еще два обрядоначальника, два герольда, секретарь и казнохранитель.

За отсутствіемъ префекта, субпрефектомъ назначено быть гр. Віельгорскому, а въ случаѣ его отъѣзда править командору Сергѣю Ланскому (Муз. № 83).

Протоколы и переписка капитула Феникса, за 1817—19 г. и списки членовъ его за 1818-й годъ находятся въ собраніи Музея (№ 88—89).

Отдѣльно отъ капитула является еще *Верховный орденоскій Совѣтъ*, о которомъ намъ встрѣтились свѣдѣнія опять только за послѣднее время, 1817—20 годы, хотя онъ упоминается и раньше. (Дѣла его въ Муз. № 83).

Въ 1819-мъ году, въ высшемъ управленіи ордена является новое видоизмѣненіе. Въ протоколѣ верховнаго совѣта, отъ 3-го апрѣля этого года внесено слѣдующее извѣстіе: предсѣдатель совѣта (Віельгорскій) «послѣ подробнаго изъясненія всѣхъ обстоятельствъ, происшедшихъ въ союзѣ нашемъ и допустившихъ великія измѣненія въ орденскомъ правленіи», объявилъ, что онъ какъ командоръ, вмѣстѣ съ другимъ командоромъ, С. Ланскимъ, «возобновили древне-существовавшее высшее правленіе ордена и отнынѣ имѣетъ оно именоваться *Верховною Директоріею*, которая состоятъ будетъ единственно изъ командоровъ». Братья 8-й степени будутъ составлять совѣтъ капитула Феникса, какъ власть исполнительную, на что совѣтъ получить особый регламентъ. Предсѣдатель объявилъ, что нѣкоторые братья уже введены въ Верховную Директорію, другіе будутъ введены, но ихъ имена останутся неизвѣстными, а Верховная Директорія будетъ «вынаружена» только въ двухъ нынѣ извѣстныхъ командорахъ, такъ какъ третій командоръ, *Eques a Leone armato* (Бороздинъ), отсутствуетъ.

Дѣла и протоколы этой Верховной Директоріи, за 1819—20 г., находятся въ архивѣ (Муз. № 27).

Это новое учрежденіе имѣло, кажется, въ виду сосредоточить управленіе орденомъ; какія обстоятельства вызвали эту перемѣну—остается пока неясно; но въ числѣ ихъ едва ли не были упомянуты нами постоянныя отпаденія ложъ, и наконецъ отпаденіе той ложи, которою управлялъ Жеребцовъ, и вмѣстѣ съ которой самъ великій мастеръ Провинціальной Ложи перешелъ также въ Астрю.

Жеребцовъ повидимому пользовался большимъ уваженіемъ въ союзѣ Провинціальной Ложи, какъ старый масонъ, владѣвшій высокими степенями и какъ одинъ изъ первыхъ возстановителей масонства при имп. Александрѣ. Несмотря на то, что онъ долго отсутствовалъ изъ Петербурга, его продолжали выбирать въ великіе мастера и оставляли во главѣ управленія. Но наконецъ явились недоразумѣнія. Въ началѣ 1817-го года, произошло отпаденіе Соединенныхъ Друзей и переходъ ихъ въ Астрю. Причиной этого отпаденія былъ раздоръ по поводу упомянутаго прежде Дальмаса, который подвергся обвиненію въ томъ, что продалъ за 300 рублей мастерскую степень какому-то Смирнову, оказавшемуся человѣкомъ недостойнымъ. Жеребцовъ, который былъ мастеромъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, оправдалъ этого Дальмаса, — хотя обвиненіе было очень справедливо. Поэтому, когда отпаденіе совершилось, Віельгорскій, управлявшій за от-

существомъ Жеребцова Провинціальной Ложей, обратился въ нему, въ письмѣ отъ 21 марта 1817, съ вопросомъ, желаетъ ли онъ остаться въ союзѣ Провинціальной Ложы и быть ея великимъ мастеромъ, или быть при ложѣ Соединенныхъ Друзей въ Астрей, и тогда слѣдовательно потерять званіе члена Провинціальной. Жеребцовъ отвѣчалъ изъ Митавы, отъ 27-го марта, что онъ слагаетъ съ себя званіе великаго мастера, по своему недостоинству, защищался однако, что онъ имѣлъ право оправдать Дальмаса. Упомянувъ о своемъ 14-лѣтнемъ управленіи молоткомъ (т. е. управленіи въ качествѣ мастера), Жеребцовъ заявлялъ, что со дня закрытія имъ Соединенныхъ Друзей (въ союзѣ Провинціальной Ложы), онъ считаетъ себя членомъ митавской ложы Трехъ Коронованныхъ Мечей, состоящей въ союзѣ Провинціальной Ложы; — но выражаетъ при этомъ сожалѣніе, что эта ложа изглажена изъ союза, — потому что хотя она и не получила разрѣшенія отъ маркиза Пауллуччи, это не должно было исключать ее изъ памяти Великой Провинц. Ложы, отъ которой она долго ждетъ отвѣта на свои вопросы (Муз. № 11). Такимъ образомъ Жеребцовъ привелъ формальное основаніе, по которому онъ продолжалъ оставаться въ союзѣ Провинц. Ложы, и вмѣстѣ дѣлалъ ей упрекъ въ несправедливости. Отказъ его кажется не былъ принятъ, потому что въ концѣ 1817 мы опять видимъ его во главѣ капитула Феникса. Но въ концѣ 1818, вопросъ возобновился (тѣмъ временемъ и ложа Трехъ Коронованныхъ Мечей перешла въ Астрею). Въ собраніи Верховнаго орденаго Совѣта, 7-го октября 1818, читана была копія письма Жеребцова, изъ Митавы, въ ложу Сѣверныхъ Друзей, въ маѣ 1818, гдѣ онъ даетъ свое согласіе на переходъ и этой ложы въ союзъ Астреи. Такимъ образомъ всѣ ложы, гдѣ Жеребцовъ былъ членомъ, находились въ Астрей, но по законамъ Провинціальной Ложы членомъ капитула и совѣта можно было быть только состоя дѣйствительнымъ членомъ въ одной изъ подвѣдомыхъ ей ложъ, и потому рѣшено было не считать больше Жеребцова ни членомъ Верховнаго Совѣта, ни предсѣдателемъ капитула Феникса. Должность префекта рѣшено было заступить Вильгорскому. Въ засѣданіи 13-го ноября 1818-го года постановлено было, по случаю выхода Жеребцова, написать ему отъ имени Верховнаго Совѣта благодарственный адресъ за время нахождения его въ союзѣ Великой Провинціальной Ложы (Муз. № 83).

Упомянемъ наконецъ о сохранившихся въ архивѣ документахъ самой Провинціальной Ложы. Эти документы слѣдующіе:

а) Подлинный уставъ В. Провинціальной Ложи, 17-го мая 1817-го года; Должности и права правительствующихъ лицъ Іоанновскихъ ложъ; Актъ взаимныхъ отношеній обѣихъ Великихъ Ложъ, 1817-го года (Муз. № 7—9).

б) Дѣла Великой Провинціальной Ложи, 1816—22 годовъ. Въ этихъ дѣлахъ находятся между прочимъ выписки изъ протоколовъ подвѣдомственныхъ ей ложъ, такъ что по нимъ можно слѣдить исторію также и тѣхъ ложъ, отъ которыхъ не сохранились подлинныя и полныя протоколы (Муз. № 10—18). Журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, за 1816—22 г. (Муз. № 19—22). Протоколы засѣданій Вел. Провинціальной Ложи, за 1817—22 г. (Муз. № 23—24). Протоколы Совѣта Великой Провинціальной Ложи, за 1819—22 г. (Муз. № 26).

в) Подписи членовъ, бывавшихъ въ собраніяхъ ложи. Списки членовъ. Выписки изъ протоколовъ ложъ союза, составлявшіяся для представленія правительству. Дѣла казначейскія; экономическое постановленіе между іоанновскими ложами 12-го сентября 1819; положеніе и протоколы братской вспомогательной кассы (Муз. № 25, 28—36).

д) Рѣчи, говоренныя въ Вел. Провинціальной Ложѣ Ланскимъ и другими, за 1818—22 годы (Муз. № 124).

Списки членовъ, находящіеся въ этомъ масонскомъ архивѣ, даютъ возможность въ подробности видѣть, между прочимъ, и личный составъ масонскаго круга Великой Провинціальной Ложи. Мы уже называли многія лица изъ этого круга. Въ числѣ именъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ и замѣчательныхъ, мы встрѣчаемъ здѣсь, между прочимъ, имена многихъ декабристовъ и также многихъ лицъ, извѣстныхъ въ послѣдствіи своею литературною или служебною дѣятельностью. Укажемъ нѣсколько примѣровъ.

Такъ въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ ложи *Amis Réunis*, за 1816-й годъ, находятся имена гвардіи офицеровъ: Петра Чаадаева, Александра Грибоѣдова, Авраама Норова, генераль-майора Александра Бенкендорфа, гв. офицера Пестеля. Въ одномъ изъ списковъ Грибоѣдовъ означенъ 1-й степенью; Пестель и Чаадаевъ—5-й степенью (Муз. № 10).

Нѣсколько извѣстныхъ именъ встрѣчаются въ ложѣ *Treux Dignitaires*. Въ подробномъ спискѣ этой ложи, съ 11-го января 1816 по 1-е ноября 1819, означены между прочимъ слѣдующія лица съ указаніемъ ихъ масонскихъ прохожденій:

Князь Сергѣй Григ. Волконскій, генераль-майоръ, принять

былъ въ орденъ въ 1812, въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, въ Петербургѣ, былъ однимъ изъ учредителей ложи Трехъ Добродѣтелей; вторымъ надзирателемъ въ ней съ 16 янв. 1816 до 1 февр. 1817, и первымъ надзирателемъ съ 1 февр. 1817 до 14 іюня того же года.

Князь Илья Андр. *Доморукій*, офицеръ гвардіи, принятъ былъ въ 1814, въ ложѣ Соединенныхъ Друзей; съ 11 января 1816 до 17 апрѣля 1817 былъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей сначала секретаремъ, потомъ вторымъ стуартомъ и вторымъ надзирателемъ. Закрылъ работы съ 22 декабря 1818.

Князь Сергѣй Петр. *Трубецкой*, офицеръ гвардіи, принятъ 25 января 1816 въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую степень 4 января 1817, и въ третью 8 февраля 1817, былъ въ этой ложѣ намѣстнымъ мастеромъ съ 19 августа 1818 до 28 апрѣля 1819, и затѣмъ состоялъ въ ней почетнымъ членомъ.

Князь Александръ *Инсиланти*, генераль-майоръ, принятъ былъ въ 1810 году, въ ложѣ Палестины, присоединенъ къ 3-й степени 19 декабря 1816, и въ 1820 году не числился болѣе членомъ.

Матвѣй Иван. *Муравьевъ-Апостолъ*, гвардіи офицеръ, принятъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, повышенъ (въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей) во вторую и третью степень 26 декабря 1816 и 11-го января 1817, затѣмъ былъ въ числѣ отсутствующихъ и 3 мая 1820 исключенъ.

Сергѣй Иван. *Муравьевъ-Апостолъ* (род. въ Петербургѣ 28 сентября 1796), принятъ 2 января 1817 въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую и третью степень 24 апрѣля и 10 іюня 1817 г. Съ 14 іюня того же года былъ обрядоначальникомъ этой ложи, и 22 декабря 1818 закрылъ работы.

Никита Михайловичъ *Муравьевъ*, гвардіи подпоручикъ (род. въ Петербургѣ 19 августа 1795), принятъ 30 января 1817 въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую и третью степень 27 февраля и 12 апрѣля 1817; съ 14 іюня 1817 былъ риторомъ въ этой ложѣ и 22 декабря 1818 закрылъ работы.

Павель Ивановичъ *Пестель*, гвардіи офицеръ, присоединенъ къ третьей степени 6 февраля 1817, и въ 1820 не числился болѣе членомъ.

Александръ Николаевичъ *Муравьевъ*, полковникъ, принятъ въ ложѣ Елизаветы; съ 17 апрѣля 1817 былъ избранъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей во вторые надзиратели; съ 14 іюня 1817 по августъ 1818 былъ намѣстнымъ мастеромъ; затѣмъ показанъ находящимся въ Москвѣ.

Петръ Иван. *Колошинъ*, гвардіи прапорщикъ (род. въ Костромѣ 11 октября 1795), принять 18 апрѣля 1817, повышенъ во вторую степень 3 іюня 1817; затѣмъ показано, что членомъ больше не числится.

Авраамъ Серг. *Норовъ*, гвардіи офицеръ, принять 10 февраля 1819, повышенъ во вторую степень 6 сентября 1819¹⁾.

Въ протоколахъ капитула Феникса, по VI-й степени, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія подробности относительно Александра Ник. Муравьева, любопытныя какъ образчикъ масонскихъ связей русскихъ ложъ. Въ засѣданіи капитула 17 марта 1817, Вѣльгорскій объявилъ, что членъ управляемой имъ ложи Елизаветы, мастеръ Муравьевъ, полковникъ свиты его в—ва, «во время пребыванія его, по военнымъ обстоятельствамъ, въ 1814 году во Франціи, въ городѣ Мелюнѣ, познакомился съ братомъ Болтrentалемъ, членомъ верховной митрополіи Гередона²⁾ и четырехъ европейскихъ восточковъ; что сей братъ Болтrentаль, замѣтивъ въ братѣ Муравьевѣ потребныя качества, сообщилъ ему седьмую степень». Вѣльгорскій представилъ капитулу подлинное свидѣтельство, выданное Муравьеву Болтrentалемъ 9 апрѣля 1814, отозвался самымъ благопріятнымъ образомъ объ его поведеніи и качествахъ, и ходатайствовалъ, чтобы Муравьевъ былъ признанъ въ высокихъ степеняхъ, представляя притомъ, что отличныя дарованія этого брата и его ревность къ ордену подають надежду, что онъ можетъ быть очень полезенъ для ордена. Капитулъ по этому ходатайству опредѣлилъ утвердить Муравьева въ шестой степени, но съ тѣмъ однако, чтобы онъ сперва былъ балотированъ въ шотландской ложѣ Александра въ четвертую степень, и когда всѣ шары окажутся бѣлыми, то былъ бы приведенъ къ присягѣ; затѣмъ, такимъ же порядкомъ балотированъ въ пятую степень и также приведенъ къ присягѣ. Послѣ этого управляющій шотландскою ложей Александра долженъ былъ сообщить о немъ шотландской директоріи, которая представитъ капитулу, и тогда уже постановлено было созвать капитулъ, ввести въ него Муравьева и снявши съ него еще присягу, признать его въ шестой степени и дѣйствительнымъ членомъ капитула³⁾.

¹⁾ Рук. Муз. № 64. Ср. въ журналѣ Великой Провинц. Ложи, 15 мая 1819, извѣщеніе отъ ложи Трехъ Добродѣтелей, что въ ней навсегда покрыли работы Никита Муравьевъ, Пушкины(?), кн. Долгорукій, и одинъ Муравьевъ-Апостолъ (Муз. № 21).

²⁾ Французская система высшихъ степеней.

³⁾ Рук. Муз. № 88.

Дѣйствительно, имя Муравьева стоитъ въ спискахъ шотландской ложи Александра. Великимъ мастеромъ въ этой ложѣ сначала былъ тотъ же Вѣльгорскій, съ учрежденія ея до 8-го ноября 1818; потомъ его смѣнилъ С. С. Ланской. Оба они были въ числѣ ея учредителей. Въ спискѣ дѣйствительныхъ членовъ находятся: князь Сергѣй Гр. Волконскій, принятый въ шотландское братство въ ложѣ Сфинкса, и находившійся въ ложѣ Александра съ 17 февр. 1817, въ пятой степени; далѣе Ал. Ник. Муравьевъ, вступившій въ ложу съ 22 марта 1817 и признанный въ томъ же году въ четвертой и пятой степеняхъ; далѣе Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, принятый въ шотландское братство въ ложѣ Александра, получившій четвертую степень 22 іюня 1817, и 8 ноября 1818 выбывшій въ ложу Сфинкса, и т. д.¹⁾

Мы остановимся еще на нѣкоторыхъ чертахъ внутренней дѣятельности ложъ того времени, и сообщимъ затѣмъ нѣсколько подробностей объ ихъ закрытіи и наконецъ о нѣкоторыхъ признакахъ дальнѣйшаго существованія масонства этой системы, какіе намъ встрѣтились въ матеріалахъ московскаго Музея.

А. ПИНИНЪ.

---

¹⁾ Рукоп. Муз. № 87.

СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ

Изъ воспоминаній мирового судьи.

Посвящается Н. А. Я—ву.

I.

Старые порядки и новый судъ.

Если бы человекъ, совершенно чуждый русской жизни, постепенно спускался отъ Петербурга къ какому-нибудь Тамбову или Курску, отъ нихъ къ уѣздному городу Курмышу, а тамъ спустился бы еще ниже, на послѣднюю ступень лѣстницы, и такимъ образомъ волею судебъ очутился бы на самомъ днѣ, въ удаленномъ, какъ будто затерянномъ въ необъятномъ пространствѣ — русскомъ селеніи, то несомнѣнно, что человекъ этотъ, спускаясь все ниже и ниже къ самому дну, былъ бы крайнимъ образомъ пораженъ рѣзкими переходами, встрѣтившимися на пути его, такъ же какъ и бьющимъ въ глаза контрастомъ верхней, чисто выложенной, парадной ступени съ нижней, только-что не потонувшей въ вязкомъ, заброшенномъ болотѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при такихъ рѣзкихъ контрастахъ наши мировыя учрежденія, выработанныя европейскою жизнью, должны были найти себѣ самую благодарную почву въ нашихъ столицахъ, менѣе благодарную въ нашихъ городахъ, имѣющихъ уже свои типичныя, далеко не-европейскія черты, а въ нашей безбрежной глуши они должны были явиться чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ, большинству непонятнымъ, многимъ ненавистнымъ, а также неминуемо должны были на

первомъ же шагу встрѣтить тѣмъ особенностей, недоразумѣній и препятствій, несуществующихъ, немислимыхъ ни въ городахъ, ни въ столицахъ нашихъ.

Если обитатели нашихъ столицъ и городовъ, хотя и въ слабой степени, были приготовлены въ воспріятію суда скорого, праваго, а главное равнаго для всѣхъ; если они, хотя и не безъ затрудненій, имѣли возможность отстаивать права свои, то не подлежить ни малѣйшему сомнѣнію, что обитатели нашей необытной глуши, какъ будто забытые или обойденные, лишены были не только праваго и скорого, но даже суда — въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, безъ всякихъ прибавленій и украшеній. Судъ замѣнялся «произвольной расправой», въ образѣ невозможнаго въ настоящее время полицейскаго чиновника; но вѣчно скакательное состояніе дѣлало его неувимымъ, а зависимое положеніе ставило въ обязательныя отношенія къ вліятельнымъ лицамъ узда, распоряжавшимся «расправой» по своему личному усмотрѣнію. Порядки, предшествовавшіе введенію уставовъ 64-го года, порядки вчерашняго дня неожиданно, но далеко, на пѣлые десятки лѣтъ, отодвинувшагося назадъ — эти первобытные, патріархальные порядки, живо отражавшіе въ себѣ порядки приволжской вольницы, знаютъ только коренные обитатели глуши, собственнымъ опытомъ извѣдавшіе всю прелесть хаоса и неурядицы, но главнымъ образомъ находившіеся въ нѣсколько приниженномъ положеніи.

Сотнями лѣтъ складывался своеобразный, полный особенностей и безпредѣльнаго произвола бытъ, выработавшій намъ два болѣе выдающихся и одинаково отталкивающихъ типа: типъ такъ-называемаго «образованнаго» и «порядочнаго» челоѣка, относящагося ко всему на свѣтѣ — къ чужимъ деньгамъ, къ чужому праву, къ самому закону, къ общественному дѣлу съ легкостью вѣчнаго недоросля, и безстыдно, не краснѣя, рассказывающаго о своихъ кулачныхъ расправахъ, своемъ безпутствѣ или ловко, но безчестно устроенной аферѣ; и типъ простолюдина безграмотнаго, обнесеннаго всѣми плодами цивилизаціи, съ тою же наивностью хвастающагося хитро совершенной кражей, тремя руб. взятыми за безчестіе, наукой, данной своей, всегда и во всемъ виновной, бабѣ, или запирательствомъ въ занятыхъ на слово деньгахъ. Всюду царствовала невообразимая патріархальность и первобытность отношеній. Съ одной стороны, господа, къ которымъ простой народъ причислялъ не только становаго пристава, но и его письмоводителя, — съ другой, простой черный народъ; на одной сторонѣ, смиренная или буйная обломовщина, распущенное самоуправство, одуряющая праздность, — на другой,

одурающій трудъ, замѣнутое безысходное невѣжество и до послѣдней степени изощрившаяся хитрость. Все было просто, все возможно, такъ что, даже послѣ великаго дня 19-го февраля 61-го года, каждый, въ случаѣ надобности, и нимаго не задумываясь, умѣлъ обходиться собственными средствами, не теряя времени на напрасные поиски суда. Является ли къ землевладѣльцу староста съ жалобой на нерадѣніе наемнаго работника,—расправа короткая: «Сюда его!»—«А вы не деритесь!»—нынѣ не прежнее время, —нынѣ драться не велятъ!» для очистки совѣсти протестуетъ работникъ, и, получивши нѣскольکو ручныхъ наставленій,—какъ ни въ чемъ не бывало, возвращается къ своему дѣлу. Усмотритъ ли управляющій, что со-сѣдній пастухъ травитъ овсы его довѣрителей, онъ мчится въ поле и, безъ дальнихъ объясненій, вцѣпляется въ бороду пастуха. Задумываться было не надъ чѣмъ: все было просто, очевидно и понятно для каждаго. Каждый изъ обитателей глуши очень хорошо зналъ народную поговорку: «съ сильнымъ не борись» и т. д.,—зналъ, что если становой В. полетитъ стрѣлой по одному мановенію уѣзднаго туза, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы тотъ же В. когда-нибудь отозвался на мольбѣ мелкопомѣстной барыни, написавшей къ нему безчисленное множество писемъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Каждому было извѣстно, что сколько ни толкуй онъ о политическихъ и провинціальныхъ новостяхъ съ почтенными членами и самимъ предсѣдателемъ палаты, сильно обрадованными появленіемъ въ ихъ сонномъ царствѣ свѣжаго человѣка, и по этому случаю преградившими ему на цѣлое утро выходъ изъ присутствія, сколько ни занимай ихъ, но не миновать полной, мягкой руки секретаря, давно и хорошо знакомой цѣлой губерніи.

Сильно укоренилась привычка къ безпредѣльному размаху, къ вольницѣ, къ простымъ, несложнымъ отношеніямъ, къ самоуправству и даже къ мягкой рукѣ секретаря, открыто, какъ должное, бравшей съ праваго, виноватаго, бѣднаго и богатаго; и вдругъ, какъ-бы чудомъ какимъ, упразднены патріархальныя отношенія, поднять походъ противъ вольницы, неизвѣстно куда спряталась знакомая всей губерніи секретарская рука, отъ себя самихъ поспѣшили отречься бывшіе чиновники, забожившись, что между ними, въ прошедшемъ и настоящемъ, нѣтъ ничего общаго, умилилась администрація, предлагая руку объ руку идти съ мировыми судьями; а въ глуши, казалось, обреченной на вѣчное забвеніе,—гдѣ еще вчера самовластно распоряжался письмоводитель станового; гдѣ еще вчера, наводя панику, сказалъ исправникъ, въ видѣ развлечения, подпаливая сигарой

лѣнливыхъ ямщиковъ; гдѣ еще вчера не существовало ни такого правила, ни такого закона, которыхъ бы нельзя было обойти, однимъ словомъ, не существовало ничего невозможнаго, — словно изъ земли выросли камеры мировыхъ судей, съ гуманными уставами 64-го года, обстановкой, — неимѣвшей ничего общаго съ трущобами становыхъ, — съ только-что избранными мировыми судьями, отличавшимися мягкимъ обращеніемъ, сіявшими золотомъ цѣпями и своими праздничными, странно-восторженными лицами выражавшими непреодолимое желаніе, какъ можно скорѣе, водворить въ оружающихъ дебряхъ «судъ скорый, правый и равный для всѣхъ». Никогда еще, такъ неожиданно и смѣло, не выступала Фемида, никогда не испытывала она такого затруднительнаго положенія, не зная, какъ устоять, сохранить достоинство въ новомъ, только-что спитомъ, костюмѣ, на высокомъ пьедесталѣ своемъ.

Тихо и сонно текла жизнь окрестныхъ селъ и деревень; по старому, ничего не подозревая, продолжалъ жить простой народъ, трудясь до изнеможенія въ рабочіе дни, напиваясь въ праздники, и только при столкновеніяхъ съ новымъ судомъ узнавая о его существованіи. За то сильное оживленіе замѣтно было въ меньшинствѣ, между людьми болѣе или менѣе зажиточными и образованными, и каждый, волнуясь любопытствомъ, уже заранѣе усвоивалъ себѣ извѣстныя ожиданія и требованія отъ мировыхъ учреждений.

Эти требованія и ожиданія были, какъ нельзя болѣе, разнообразны.

Одни ожидали, что изъ мировыхъ судей образуются тѣ же мировые посредники, которые сейчасъ же, волей или неволей, войдутъ въ патріархальную, покойную и лѣнливую роль «хозяина своего участка», въ предѣлахъ коего воленъ онъ казнить и миловать. Такимъ воззрѣніемъ объясняется куча писемъ, полученныхъ многими изъ мировыхъ судей, въ началѣ ихъ дѣятельности, съ просьбой о томъ или другомъ распоряженіи, или о принятіи подъ крыло свое старосты, вызваннаго на разбирательство. Ожиданія другихъ были еще проще и практичнѣе: они предполагали въ мировыхъ судьяхъ, можетъ быть, нѣсколько цивилизованныхъ, но при этомъ какъ нельзя болѣе проворныхъ исправниковъ, выказывающихъ каменную твердость и невиданную энергію воли. Третьи, изъ породы размашистыхъ и благородныхъ бутилъ, приняли назначеніе мировыхъ судей, какъ личность, прямо и недостойнымъ образомъ на нихъ направленную. Четвертые, изъ разряда унылыхъ и полновровныхъ, не понимая еще въ чемъ дѣло, не утруждая свою голову, хотя

поверхностнымъ знакомствомъ съ уставами 64-го года, но уже чувствуя неодолимую потребность выпятиться и волноваться, не долго думая, принялись запугивать наше довѣрчивое общество «новымъ нашествіемъ либераловъ и друзей меньшей братіи». Къ особой группѣ должны быть отнесены, вѣчно присущіе нашему обществу, разнообразнѣйшіе типы провинціальныхъ Маниловыхъ, зажмурившихъ глаза отъ умиленія и увидавшихъ въ мировыхъ учрежденіяхъ не только новый шагъ гиганта, далеко опередившаго Европу, но и мгновенное исполненіе нашего отечества отъ всѣхъ, историческимъ путемъ сложившихся не-
дуговъ.

Никогда еще члены судебного вѣдомства не пользовались въ обществѣ нашемъ такимъ завиднымъ успѣхомъ, напоминающимъ, по увѣренію сѣдовласыхъ остраковъ, успѣхъ гусарскихъ офицеровъ въ невозвратимыя времена барской широкой жизни. Общій привѣтъ ожидалъ новыхъ жрецовъ Ѡемиды, на расхватъ приглашались они въ великосвѣтскіе салоны, куда еще вчера ни подъ какимъ видомъ не допускались бывшіе, никому ненужные и форменные чиновники; для нихъ давались балы, обѣды, даже отыскивали какіе-то особенные, никому до настоящаго времени неизвѣстные цвѣта, и губернскія дамы, одѣваясь въ нихъ и взявъ въ руки букетъ того же цвѣта, привѣтливо улыбались гостямъ своимъ, и послѣдній гость, — только-что пріѣхавшій прокуроръ или членъ суда — на нѣкоторое время, заслонялъ своихъ товарищей, былъ самымъ моднымъ человѣкомъ въ городѣ, изображая невиданное соединеніе ума, честности, но главнымъ образомъ — краснорѣчія. Дошло до того, что затихли междоусобныя войны губернскихъ дамъ; полмыслившіе губернскіе Донъ-Жуаны потеряли всякій кредитъ, и тотъ пошловато-пикантный разговоръ, понятный только для посвященныхъ и составляющій принадлежность нашихъ гостинныхъ, мгновенно замѣнился разговоромъ о дѣлахъ, разбиравшихся въ окружномъ судѣ или на сѣздѣ, о послѣднемъ заключеніи прокурора и дѣятельности мировыхъ судей.

Но если во всемъ происходившемъ предъ глазами нашими замѣтно просвѣчиваетъ комическая сторона, если новизна и мода играли видную роль въ общемъ увлеченіи, то несомнѣнно и то, что увлеченіе это имѣло и свою долю искренности, вызванной наплывомъ честныхъ дѣятелей, невиданныхъ въ глуши людей, неизвѣстно откуда наѣхавшихъ и гдѣ находившихся до настоящей минуты, какъ будто общество собралось и выслаало на судебную арену весь запасъ свѣжихъ, одушевленныхъ силъ сво-

ихъ, поселяя въ высокой степени отрадную мысль, что силы эти нашлись и существуютъ еще на Руси.

Захваченный общимъ небывалымъ одушевленіемъ, находясь подъ обаяніемъ восторженныхъ маниловскихъ лицъ, съ рѣчами, сказанными по случаю открытія мировыхъ учреждений, въ ухахъ, по необъятной равнинѣ блѣдно-зеленыхъ полей съ кое-гдѣ вблизи и вдали блѣднѣвшими точками сельскихъ церквей, спѣшилъ я къ своей камерѣ, и точно не своими, а какими-то просвѣтленными, любящими глазами обзрѣвалъ громадную, одноцвѣтную панораму чисто русскаго пейзажа, и еще болѣе спѣшилъ, въ тихомолку мечтая о лучшемъ будущемъ, о громадной пользѣ, которую ждетъ и въ правѣ ждать общество отъ новаго суда.

Пріѣхалъ батюшка, отслужилъ молебенъ въ камерѣ, рабившей новыми обоями и сильно пахнувшей только-что выкрашенными полами. Всѣ дворовые люди и работники поочередно заглянули въ таинственную комнату; навѣстили два сосѣднихъ землевладѣльца средней руки, сильно насолившіе всей окрестности и цѣлому ряду мировыхъ посредниковъ, до невозможности обрадованные, захлебываясь отъ удовольствія и желанія, какъ можно скорѣе рассказать всѣ свои дразги по порядку, ничего не забывая и не упуская; они съ разу подали мнѣ по десятку прошеній, и все еще неуспокоенные, уходили, останавливались и снова возвращались съ новыми жалобами. Подоспѣла почта, доставивъ цѣлую кипу дѣлъ разнообразнѣйшаго свойства: объ оскорбленіи московской мѣщанки Осоргиной дьячкомъ Травиннымъ, о безчисленныхъ порубкахъ, о крестьянской дѣвицѣ Степанидѣ Степановой, обвиняемой въ нищенствѣ, и о мѣщанкѣ Обуховой, обвиняемой въ подкинутіи ребенка и т. д. Поступила жалоба одного домовитаго и зажиточнаго крестьянина на то, что волостное правленіе, вытребовавъ его сына въ школу, принуждаетъ учиться; поступила жалоба сосѣднаго волостного старшины на одного крестьянина, вопреки всѣхъ мѣропріятій, неоставляющаго арестантской, куда посаженный всего на сутки, самовольно сидитъ уже вторую недѣлю; предъявлено два гражданскихъ иска, въ одномъ изъ коихъ истецъ просилъ взыскать съ его работника 3 руб. 33 коп. за то, что тотъ однажды, не подмазавъ колесъ у тарантаса, едва не испортилъ его лошади, а въ другомъ взыскивалось съ бывшаго старосты 7 руб., отданные послѣднимъ крестьянину Хоярову за обработку ржаной десятины, на томъ основаніи, что крестьянинъ, взявшій работу, можетъ ее дурно выполнить или даже вовсе не исполнить; поступили десятки прошеній отъ угнетенныхъ женъ, изъ коихъ однѣ просили о немедленной выдачѣ имъ какаго-то вольнаго билета, такъ какъ

- онѣ уже росписались съ мужьями, а другія напротивъ того отказывались отъ того же вольнаго билета, и заявляли желаніе жить съ мужьями своими.

«Законный мужъ мой», между прочимъ писала крестьянка Осипова, «съ которымъ я и прежде судилась, нынѣ гонить меня прочь отъ себя и не хочетъ имѣть меня своею женою, а дастъ мнѣ свой вольный билетъ; но я, какъ законъ господній дозволилъ имѣть при себѣ мужа, не хочу отъ его идти прочь, а онъ не взирая на то сталъ въ волостномъ правленіи просить мнѣ вольный билетъ, такъ чтобы я не могла болѣе быть его женою; но я этого не хочу, потому что мнѣ нельзя быть безъ мужа, такъ какъ я еще молода, да еще есть у меня сынъ. Я сказала: если ты не хочешь имѣть меня своей женою, то выстрой мнѣ съ сыномъ келью и дай мнѣ хлѣбъ; а онъ мнѣ сказалъ: я тебѣ хлѣба не даю, а сына беру себѣ; а я сказала: сына не даю и сама отъ тебя прочь неиду» и т. д.

Быстро смѣнялись впечатлѣнія, невольно вызывая на душу еще смутное, не вполне опредѣлившееся сомнѣніе во всемогуществѣ новаго суда противъ окружающаго мрака и существующаго невѣжества. Но когда изъ 100 человѣкъ, находившихся на разбирательствѣ, не оказывалось ни одного грамотнаго, умѣвшаго подписать свое имя; когда одна изъ свидѣтельницъ, на правахъ клякуши, предъ самой присягой прокатилась колесомъ по камерѣ, и никто изъ присутствовавшихъ не пашель въ этомъ ничего удивительнаго; когда одна за другой стали являться крестьянскія бабы съ сплошнымъ кровавымъ пятномъ, вмѣсто лица, и, судорожно рыдая, распухшими, дрожащими губами рассказали о звѣрскомъ обращеніи съ ними мужей; когда на столѣ моемъ перебивали десятки оторванныхъ вѣсь, а послѣ каждаго престольнаго праздника или помочи мнѣ пришлось разсматривать на крестьянскихъ лицахъ такого рода увѣчья и слѣды, которые можетъ оставить только русскій кулакъ, и которые только у насъ, при нашихъ порядкахъ и привычкахъ, могутъ быть относимы къ такъ-называемымъ легкимъ побоямъ; когда людьми, уже имѣющими нѣкоторыя претензіи, возбуждаемы были десятки дѣлъ, подходящихъ скорѣе подъ разрядъ невозможныхъ, нежели гражданскихъ или уголовныхъ; когда одинъ вспыльчивый землевладѣлецъ, послѣ разбирательства, тутъ же въ камерѣ, крестясь передъ образомъ, поклялся, вмѣстѣ съ разлитіемъ рѣкъ, забравъ чадъ своихъ, перекочевать въ Персію, гдѣ нѣтъ, и по предположенію его, никогда не должно быть мировыхъ судей, а спустя нѣкоторое время, при судовомъ разбирательствѣ проклялъ судившагося съ нимъ крестьянина со всѣмъ его родомъ и племенемъ; когда, на-

конецъ, одинъ священникъ, въ продолженіи часа, выдержалъ въ осадномъ положеніи мою камеру—тогда зародившееся во мнѣ сомнѣніе, все болѣе и болѣе укрѣпляясь, перешло уже въ твердую увѣренность, что далеко еще отъ насъ то блаженное время, когда старые, вошедшіе въ нашу плоть и кровь порядки, вполне замѣнятся новыми.

II.

Бабій вопросъ и бабій трудъ въ глуши.

Мы видимъ темный лѣсъ, любуемся имъ, съ наслажденіемъ отдыхаемъ въ тѣни его, дышемъ его здоровымъ животворнымъ воздухомъ и робко озираемся, когда въ непогоду разомъ вздрогнетъ и зашумитъ онъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы знали темный лѣсъ, съ его таинственными, едва примѣтными тропинками, съ его завѣтными чащами. Такъ же мало, какъ темный лѣсъ, знаемъ мы жизнь темной массы простого народа, и если человѣкъ, долго жившій съ народомъ, относящійся къ нему искренне, не настраивая себя на извѣстный ладъ, если такой человѣкъ задается желаніемъ углубиться въ дебри народной души, добраться до завѣтныхъ чащъ, понять темную массу, то онъ невольнымъ образомъ отступить, пораженный трудностью задачи, своимъ очевиднымъ безсиліемъ, и ограничится единственно наблюденіемъ, можетъ быть и слабымъ, но уже выступающихъ на свѣтъ проявленій народной жизни.

У простого народа на все существуетъ своя особенная точка зрѣнія, и каждая новая реформа, каждое явленіе общественной жизни понимается и объясняется массой сообразно съ этой особенной точкой зрѣнія: до всего же остального массѣ нѣтъ дѣла, остального она не знаетъ и знать не хочетъ, въ чемъ и винить ее не можетъ нието.

Случайно, въ такую ростепель, что безъ ужаса вспомнить невозможно, занесло меня на постоянный; тѣснота была страшная: а извѣстно, что стѣбить только скучиться праздному народу, какъ сейчасъ же поднимаются толки, откровенные и громкіе, только что не съ другого конца селенія слышны разговоры.

Болѣе всѣхъ отличался, кричалъ во весь голосъ и размахивалъ руками, вѣроятно особенно ловкій на сходкахъ, высокій, осанистый мужикъ съ черной окладистой бородой, — относясь ко всѣмъ возбужденнымъ вопросамъ съ тѣмъ скептицизмомъ,

безъ котораго не можетъ обойтись ничѣмъ не удовлетворяющійся русскій человѣкъ. Досталось и сельскимъ властямъ и волостнымъ судьямъ и акцизному вѣдомству, «что вины очень слабодны стали», — всѣмъ досталось по-ровну.

— А что ты скажешь насчетъ мировыхъ судей?—обратился я къ черному мужику: меня интересовало мнѣніе народа о новомъ судѣ.

— Это ты насчетъ чего? на минуту пріостанавливаясь и недовѣрчиво обзрѣвая меня, сказалъ мужикъ;—это ты насчетъ новыхъ правобъ-то? Какъ же, знаемъ!... Это онъ насчетъ новыхъ правобъ, что новыя права пришли, тутъ же пояснилъ онъ слушателямъ и продолжалъ: какъ же, знаемъ — указъ былъ избрать, что ни на есть, смирнѣющихъ людей; вотъ и у насъ сидитъ,—ничего, человѣкъ смирный, нѣтъ тебѣ отъ него ни чину, ни почину, и не слышать. Какъ же благодарять! а бабы, такъ вдвое благодарять—бабы храбрость взяли, какъ сороки хвостами завертѣли.

— И не сказывай, и не сказывай лучше, разомъ, одушевляясь и перебывая другъ друга, заговорили всѣ, бывшіе въ избѣ мужики:—отъ рукъ отбились бабы. Ты ей слово, а она уже ловить слово то, — тоже хочется выше мужика быть. Ты ее дубкомъ, а она на судбище зоветъ: «Я права найду, за ударъ отвѣтишь, а меня, какъ своихъ ушей не увидишь».

— А это все «кладка» дѣлаетъ! уже во весь голосъ кричалъ черный мужикъ, желая разомъ отбить у собесѣдниковъ всякую охоту перебывать его. Теперь пошло заведеніе на кладку,—это, какъ лошадь продаютъ, торгуются, какъ хорошіе цыгане, съ недѣлю торгуются, разъ-другой изъ избы-то выдуть, да помаленьку, по гривенки сбавляютъ, а женихъ-то зачастую и не видитъ невѣсты. Одинъ у насъ этакимъ манеромъ взялъ чистую дуру, загнетъ пальцы въ ротъ, да и сосетъ. Прежде безъ кладки отдавали, да лучше было; я самъ въ бѣленькой рубашкѣ женился, а нынѣ все красныя рубахи пошли, а кладки менѣе 25 руб. или 50, и не думай. Мы сваю женили, такъ одной кладки 75 руб. отдали, да шелки, да кумачи, — сотъ семь уложили на разные подарки да угощенія:—одно разореніе и грѣхъ! Сейчас и говорить свекровь ли, деверь ли: «ты и сама того не стоишь, что мы за тебя заплатили», и дальше и больше—словомъ-то ей въ лобъ да въ лобъ, гладишь и до святыхъ волосъ дошло, — а тутъ и къ мировому приспѣла.

Положеніемъ 19-го февраля уменьшено число рабочихъ женскихъ дней, сравнительно съ мужскими, и такимъ образомъ правительство, дѣятельно идущее впереди общества, къ недоумѣнію

и даже негодованію крестьянъ, уже въ нѣкоторой степени облегчило многострадальную долю нашей бабы. Къ тому же времени относится и появленіе въ быту бывшихъ крѣпостныхъ, такъ-называемой, кладви, — обычая, заимствованнаго отъ вольныхъ крестьянъ и вызвавшаго общій ропотъ и столько нравственныхъ размышленій со стороны чернаго мужика.

Каждый человѣкъ хочетъ пожить на божьемъ свѣтѣ, какъ можно пріятнѣе. Что же удивительнаго и въ томъ, что при неожиданной, словно съ неба свалившейся, уступкѣ, наша крестьянка, ничего хорошенько не понимая, не соображая, какъ и почему это сдѣлалось, поспѣшила воспользоваться этой уступкой, и въ то же время, нѣсколько разогнувъ свой горбъ и заливаясь благимъ матомъ въ весеннихъ хоровахъ, возмечтала о болѣе пріятномъ, — о красныхъ сарафанахъ и платкахъ, неизвѣстно почему называемыхъ «турецкими». Это-то естественное желаніе имѣть цвѣтные сарафаны и турецкіе платки, вмѣсто бывшихъ, намотавшихъ глаза, домотканыхъ, и вызвало кладву, размѣры которой, увеличиваясь все болѣе и болѣе, на первомъ же шагу подрываютъ согласіе молодой четы нескончаемыми упреками, ожидающими молодую — упреками, нерѣдко оканчивающимися полнымъ разладомъ, святыми волосами и судбищами.

Мы говоримъ: открылись мировыя учрежденія, а мужики толкуютъ: «пришли новыя права», а въ судьи избраны, что ни на есть, смиряющіе люди, — и пошли между ними разговоры о новыхъ правахъ и смирныхъ людяхъ, избранныхъ въ судьи.

Прислушались къ толкамъ и деревенскія бабы; имъ уже мало предоставленнаго простора, хочется новыхъ льготъ, желательно еще пріятнѣе пожить на свѣтѣ, и вотъ онѣ возвышаютъ голосъ противъ понятій и правилъ, вошедшихъ въ плоть и кровь русскаго быта, еще до появленія на свѣтъ извѣстнаго творенія попа Селивестра, и вотъ наперекоръ Домострою, при первой попыткѣ мужей «постегать по винѣ смотря», бабы бѣгутъ изъ виду вонъ къ мировому съ жалобой на своихъ бывшихъ неограниченныхъ властелиновъ.

Около этого же времени коллежскому ассессору Соколовскому приходитъ фантазія, по старой привычкѣ, не только ругнуть свою благовѣрную, но тутъ же на улицѣ трасти ее за плечи, тащить съ дрожжью съ такимъ усиліемъ, что г-жа Соколовская теряетъ свои юбки, падающія на мостовую. Въ этомъ обыденномъ случаѣ сенатъ видитъ достаточно оснований къ обвиненію коллежскаго ассессора въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ жены, и слѣдомъ за г. Соколовскимъ сотни, на видъ весьма степенныхъ и хозяйственныхъ мужиковъ въ величайшемъ недоу-

мѣни садятся въ кутузки и много дней сидятъ тамъ, мучась бездѣйствіемъ, опустивъ незнающія отдыха руки, и съ мрачною ироніей размышляя о томъ, какъ это могла засудить мужина слабая, безгласная и всегда покорная баба.

Разнообразіе характеровъ и отношеній порождаетъ и крайнее разнообразіе жалобъ, поступающихъ со стороны женъ на насильственные дѣйствія или самоуправство ихъ мужей. Почерпнемъ же изъ самой дѣйствительности нѣсколько болѣе рельефныхъ фактовъ и войдемъ въ темный, непроницаемый лѣсъ.

— Не отъ сласти я пошла сюда, а стало быть Богъ меня за грѣхи за великіе нашель, — пѣвучимъ голосомъ, съ какимъ-то непонятнымъ наслажденіемъ, медленно поднимаясь съ земли, начинаетъ высшая, статная, но уже не молодая баба. Вышла я за Дмитрія Ширданова въ январѣ мѣсяцѣ и до святой пасхи прожили въ согласіи, а тамъ и пошло: «Ты что сидишь!» — хлопъ; — «ты что на дорогѣ стоишь, отойди отъ грѣха» — хлопъ; сталъ приставать изъ каждаго пустого дѣла. Ну дѣ-три плюшки дасть, я все терплю, поплачу и перетерплю, — тутъ удилами голову въ трехъ мѣстахъ пошибъ; а голову-то дѣв недѣли въ охабѣ таскала. Бросилась къ старшинѣ: «ваше степенство! отошлите меня къ большому началству, мнѣ жить нельзя.» Мужъ тоже на колѣни палъ: «ваше степенство! дайте мнѣ росписку, а ее обижать не стану, только примирите насъ». — «А если онъ меня обидитъ, гдѣ я буду просить ваше степенство»? — Проси стариковъ и меня...

«Не внялъ, бьетъ больше прежняго. Явила священнику. — Узналъ, винца взялъ, пришли старики, сотникъ съ ними — краснехоньки, знамо деревенскій судъ; повалили это они меня днемъ, возлѣ чужого дому, а недѣлку спуста, на самый Петровъ день, еще высѣли; причастилась, исповѣдывалась и лежала я въ пустой избѣ недвижима; одна старушка пришла, около меня посидѣть, а мужъ ее: «проваливай вѣдьма!» а самъ караулитъ, какъ солдатъ на часахъ, чтобы я не смѣла ходить въ волость. Забѣжалъ въ село старшина, а въ ноги. «Ваше степенство, защитите!» Мужъ тоже поклонъ земной: «Ни впредъ, ни послѣ не буду, при всемъ собраніи икону снялъ, — не стану, старички, ее обижать», — а старики — «ну-ка мы поглядимъ, какъ онъ тебя билъ, — поглядѣли и говорятъ — иди, мы будемъ 50 человекъ свидѣтелей, что онъ тебя обижать не будетъ». А старшина говоритъ мужу: «что получилъ свою жену»? — Получилъ ваше степенство! «Живи же по чести, статуи ты безчувственный! Прошло полтора сутокъ, а мужъ опять за свое. Испекла я два яичка дѣвчонкамъ-сироткамъ. — Не могли печь дѣв-

чонкамъ яиць! Несу ши, онъ грохъ ихъ объ полъ, и билъ меня весь тотъ день, заперши. Когда, говорить, старшина не велѣлъ розгами, такъ я тебя пинками буду бить, руки и ноги обломаю. Я на зады, прижалась, какъ дурочка косматая, а на дворѣ темно, ночь. Ровыскалъ, сейчасъ же за косы, я закричала: кровопивецъ! отвѣтишь ты за это, что ты меня растерзалъ. Нынче нѣтъ такихъ правдъ, ничѣмъ не наказываютъ, а онъ свое — храбрость взялъ: «ступай, ступай говорить старая хрѣновка, а тебя своимъ правиломъ разсужу». Въ заключеніе Ширданова просила о поступленіи съ ея мужемъ по всей строгости законовъ.

На разбирательство, бывшее 30-го ноября и назначенное собственно для примиренія сторонъ, казалось бы, невозможнаго въ настоящемъ случаѣ, явилась Ширданова, ея мужъ, къ величайшему изумленію моему, оказавшійся такимъ маленькимъ, безбородымъ, съ вылѣзшими волосами на головѣ и вѣчно смѣющимися глазами человѣкомъ, что невольно и прежде всего являлся вопросъ: какимъ образомъ этотъ, съ виду плюгавенькій мужичишка, болѣе похожій на кантониста, могъ произвести такіа истязанія надъ высовой и здоровой бабой? Явились старцы, два раза высѣвшіе Ширданову, поражая своими апостольскими лицами, степенностью и величавостью каждаго своего движенія.

Тотчасъ же поднялся гвалтъ, предъ которымъ, блѣднѣя, отступаетъ 67 ст. учрежд.

— Не стѣишь ты крестьянскаго званія, кровопивецъ! завопила Ширданова. Мужъ не отставалъ, и градомъ посыпались обоюдные упреки и хлесткія выраженія, и только старцы, совершившіе экзекуцію, ни на минуту не теряя своей сановитости и степенности, и говоря «по-божьи», спокойно, не упуская даже ненужныхъ подробностей, рассказали о томъ, какъ и гдѣ происходили экзекуціи.

Наконецъ, все утомонилось, черные глаза Ширдановой метали искры, между тѣмъ какъ мужъ, улыбаясь самымъ невиннѣйшимъ образомъ, твердилъ: «я не говорю, что не билъ, а прямо сказываю: билъ!» но за что билъ? онъ объяснить не могъ, не смотря на мои вопросы.

Я уже приготовился передать дѣло, куда слѣдовало, какъ вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, между супругами состоялось примиреніе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы мужъ «честнымъ манеромъ» разошелся съ женой, и не взирая на то, что послѣднее обстоятельство не могло быть включено въ мировую запись.

Не прошло и мѣсяца, какъ предо мной снова стояла Ширданова и тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ, съ тѣмъ же видимымъ

наслажденіемъ, не торопясь и не давая забѣгать впередъ, описывала свои дальнѣйшія похожденія.

— Жила я въ чужомъ селеніи, въ земляночкѣ, и была я голѣ гороху, кусочекъ-то ѣла Христа ради, принесутъ такъ ладно, а нѣтъ—и такъ лягу; отъ маткина роду—столько горя не приняла! Хватъ—мужъ! Выздоровѣла, такъ пойдемъ ко мнѣ, —ты мнѣ не столько нужна, а хочу я свое взять. До жизни-крови, говоритъ, разстараюсь, а съ тобой не разстанусь. Сейчасъ вытащилъ меня на улицу въ одной рубашкѣ, ведетъ всей улицей, да кричитъ: «бѣглу веду, бѣглу веду»! Половина села сбѣжалась на публику, а я иду, какъ на смерть иду; и того показалось мало, сталъ онъ меня къ хвосту лошадиному при-вязывать, да, ладно, сотникъ помѣшалъ, человѣкъ угодилъ умный. «Стой самосудецъ! ты безъ суда распорядиться не можешь, —перво въ волость объявись, а тамъ и приступай»! да по шею его изъ селенія-то умный человѣкъ угодилъ. Мужъ въ волость—«такъ и такъ ваше степенство, дайте бумагу» — «Нѣтъ тебѣ никакой бумаги, статуй»! А я еще пуще боюсь,—можетъ подвараулить гдѣ, убьетъ; такъ и хожу на мѣсто бѣглой съ пустыми руками, и голову-то некуда преклонить. Студено ходить по міру; скотина и та пріобрѣтаетъ себѣ мѣсто, — куда же мнѣ дѣваться?

Я слѣшала разсказъ несчастной женщины, ясно сознавая, что защита ея не въ уставахъ, не въ моей власти, а развѣ въ томъ хаосѣ, что существуетъ еще на святой Руси, — въ томъ, что «сотникъ угодилъ умный человѣкъ» и, не долго думавши, «по нею выгналъ самосудца изъ селенія», и что «его степенство» не только не исполнилъ законнаго требованія мужа, но еще назвалъ его «статуюмъ».

Фигуру Настасьи Ширдановой въ воображеніи моемъ смѣняетъ еще болѣе несчастная фигура крестьянки Христины Буревои.

Въ камерѣ появились: одѣтый въ рубище старикъ, также легко, по времени года, одѣтая старуха и между ними женская фигура съ лицомъ неимѣющимъ въ себѣ ничего человѣческаго: съ самой середины носа до оконечности лба, захватывая часть глазъ, почти во все лицо, расплылась страшно надувшаяся шишка, глаза не глядѣли, а вмѣсто нихъ виднѣлись два черныхъ пятна и два кровавыхъ рубца вмѣсто бровей. Это была Христина Бурева, а по бокамъ мать и отецъ ея.

Добреный, весь бѣленькій, старичекъ началъ такъ: другой годокъ отдали мы дочку за крестьянина Антипа Бурева, а она четвертый разъ кару отъ него принимаетъ; люди дивуются, а

мы никому и извѣстья не давали: вотъ перемнется, анъ нѣтъ, — повѣсть дали: больно бьютъ, такъ бьютъ дочку вашу, что всѣ шабры даже съ ужаси падаютъ, — что вы сидите? «Намъ сказали, торопливо перебила старуха, бѣгите скорѣе, — я побѣжала, да какъ взглянула, какая она была, сама обмерла съ испугу. Привела сотника; обглядѣлъ онъ ее вездѣ, — вся кнутомъ избита, будто палачемъ избѣчена, — да нѣтъ, такъ и палачами не бьютъ! Хлыщеть, хлыщеть кнутомъ-то, да сейчасъ за носы въ столу приважетъ, а боли-то собою натираетъ, а люди глядятъ въ оены, да и говорятъ: полно бить-то, замучилъ бабу! Долго глядѣли, а тамъ ужъ вступились, отняли. Да что ты сама-то молчишь? Сказывай какъ было дѣло! и старуха затормошила дочь, какъ будто хотѣла разбудить ее и вывести изъ того видимаго отупѣнія, въ которомъ она находилась.

— Сказывай дочка, все сказывай! съ другой стороны тормозилъ старикъ.

Дочка сдѣлала видимое усиліе и въ комнатѣ раздалось такое глухое, нечеловѣческое мычаніе, что мурашки забѣгали у меня по спинѣ.

— Мочи мнѣ нѣтъ, отбито вездѣ!.. промывала дочка и заревѣла, какъ режутъ телята.

— А ты, дочка, голову-то, голову-то покажи ихъ благородію! заботливо хлопотала мать, принимаясь развязывать тряпки, бывшія на головѣ дочери.

— Не надо, не надо—говорилъ я, чувствуя, что меня уже бьетъ лихорадка.

Дѣло это также кануло въ вѣчность и кончилось—примиреніемъ.

Припоминается еще одна сцена, едва ли не сама тягостная.

Неистовствовала ноябрская ночь, страшно было вообразить себѣ, чтó творилось въ непроницаемой тьмѣ. Говорятъ: «пришла просительница», а вслѣдъ затѣмъ растворились двери и, охая, ползало что-то черное, мокрое, круглое и казалось болѣе способное катиться, нежели идти. Оказалось, что это крестьянская баба въ мокромъ черномъ кафтанѣ и въ послѣднемъ періодѣ беременности, пришла жаловаться на мужа, отставного солдата, пьящаго запоемъ и выгнавшего ее на улицу вмѣстѣ съ четырьмя дѣтьми.

— Да какъ же ты добралась сюда?

— Все ползкомъ ползла, въ чужой одежонкѣ приползла, — знаешь, мою-то одежонку онъ отобралъ, да пропилъ.

— А далеко шла?

— Верстѣ 30 будетъ; да вотъ бѣда-то какая,—горе-то мое

какое! затужила баба, въ совершенномъ безсиліи опускаясь на стулъ.

— Какая же бѣда?

— Охъ, уже какое горе,—вѣдь онъ у меня въ рукахъ былъ мужъ-отъ, а теперь я съ пустыми руками пришла къ тебѣ: еще великимъ постомъ онъ у меня косу вырвалъ, — берегла я ее пуще глаза,—да нѣтъ-таки скралъ, скралъ, Матерь божія, скралъ — и баба крестилась въ уголъ. Не хвастаю, даже старики знаютъ объ этомъ и тужутъ. Ты бы, Серафима, косу-то берегла бы до времени, подальше бы припрятала до времени, тогда бы онъ у тебя въ рукахъ былъ, а теперь что, съ чѣмъ пришла? съ пустыми руками пришла, и, не обращая вниманія на слова мои, баба безнадежно понизнула головой.

Большая же часть семейныхъ ссоръ и раздоровъ въ крестьянскомъ быту, также какъ и въ быту высшаго общества, вызывается родителями или ближайшими родственниками, обыкновенно считающими своей священной обязанностью путаться во взаимныя отношенія супруговъ и такимъ образомъ въ конецъ портить ихъ.

— Началось со сковороды,—разсказываетъ молоденькая, худенькая бабенка съ подбитымъ глазомъ и поразительно тонкимъ аристократическимъ типомъ лица. Я уронила сковороду, а матушка говоритъ сыну: бей ее за сковороду! Онъ плюхъ пять далъ, — она говоритъ «мало»! Онъ взялъ колодеу, ударилъ меня раза два,—матушка говоритъ «мало», да въ двое кулаки и принялись: рыло-то все мнѣ разбило. Вечеромъ матушка опять говоритъ: бей!

— Ложно, ложно показаніе! злобно перебиваетъ хилая старушонка величиною съ муху.

— А намеднясь взяла горячій картофель, хлысть мнѣ въ лицо.

— Ложно, ложно показаніе!

— Тутъ какъ-то мужъ не бьетъ съ недѣлю, она уже невеселая сидитъ, сейчасъ съ печи слѣзла, за мѣшалку,—да въ въ зубы-то меня.

— Ложно, ложно, гдѣ мнѣ, я вся тутъ, я муха!

— Нѣтъ, это вы мнѣ все еще кладу вымѣщаете,—еще тогда пригрозили. А мужъ все время стоитъ съ глупымъ, ничего не выражающимъ, равнодушнымъ лицомъ.

— Сталъ приставать изъ пустого дѣла, жалуется другая баба, тоже избитая какъ слѣдуетъ: у меня зубы заболѣли,—а деверь говоритъ мужу: дуракъ ты, проломилъ бы ей обратью голову, такъ глядишь и полекшало бы. Послушался деверя и началъ

бить меня, да видно мало, деверь говоритъ: если тебѣ жалъ жены, то иди со двора и нѣтъ тебѣ никакого надѣла.

— Ей желательно меня отъ родителя отдѣлить, да нѣтъ, я отъ родителя не отойду, — поясняетъ мужъ.

— Нѣтъ у тебя разума!

— Стало быть у бабы больше мужичьяго разума, ей нельзя слова сказать? это выходитъ: мужика положить, а бабѣ розги въ руки дать! Нѣтъ, ужъ вы лучше разведите насъ ваше благородіе, требуетъ мужъ, требуетъ съ такой настойчивостью, какъ будто это и въ самомъ дѣлѣ было въ моей власти.

Пришла одна баба съ изсѣченной кнутомъ спиной и выломаннымъ мужемъ большимъ пальцемъ, какъ лишняя вещь, мотавшимся на рукѣ.

Пришла другая баба, проживавшая уже болѣе года у своихъ родителей и теперь призываемая мужемъ для совмѣстнаго съ нимъ жительства. Нисколько не смущаясь, подступила она къ столу и подала мнѣ бумагу съ несомнѣнной увѣренностью, что въ ней, въ этой бумагѣ заключается полнѣйшее огражденіе отъ всякихъ преслѣдованій и претензій мужа.

Бумага, засвидѣтельствованная сельскими властями и скрѣпленная печатью сельскаго старосты, заключала въ себѣ слѣдующее: «1871-го года іюля 13-го дня, крестьянинъ-собственникъ Ѳеодоръ Ѳеодоровъ Солдатовъ и жена его Екатерина Алексѣева, находившіеся между собою во враждѣ, которую превращаютъ между собою миролюбиво, согласившись другъ отъ друга удалиться навсегда, съ возвращеніемъ собственнаго ея движимаго имущества, какъ-то: постели, перины, двѣ подушки, самоваръ, корова пополамъ, два сундука, при миролюбивомъ раздѣлѣ между собою, не взыскивая никакихъ другъ съ друга побой и неудовольствій, и впредь уже должны мы жить особыми домами. Состоявшійся сей миролюбивый актъ въ присутствіи волостнаго старшины, сельскаго старосты и рядовыхъ крестьянъ Ефима Константинова, Зиновія Астафьева и проч. и проч. подписанъ за неграмотныхъ» такими-то.

Приходили десятки другихъ крестьянскихъ женщинъ, лишенныхъ образа и подобія человѣческаго, — ничего не обрѣтая въ моей камерѣ, кромѣ предложенія примириться и продолжать совмѣстное житье. Съ трудомъ, въ виду безвыходнаго положенія, выговаривались заглушаемыя слезами слова примиренія, и безнадежно, опустивъ голову, робко слѣдовали слабыя за сильными на новыя истязанія.

Были три - четыре случая несостоявшаго примиренія; жена выдерживала характеръ, требовала суда и въ ожиданіи

его удалялась къ роднымъ, твердо уповая на скорое облегченіе своей доли. А между тѣмъ дѣло, причисленное судебнымъ слѣдователемъ къ неважнымъ, затягивалось. Къ тому же, неуловимый уѣздный врачъ, необходимый для освидѣтельствования ранъ и увѣчій, оказывался миеомъ, существованіе коего также трудно было бы доказать, какъ и существованіе всякаго другаго миеа. Такимъ образомъ, во всѣхъ безъ исключенія встрѣтившихся мнѣ случаяхъ, томительныя и болѣе или менѣе продолжительныя ожиданія женщинъ кончались или тѣмъ, что случайно розысканный врачъ, признавая легкими уже успѣвшими зажить раны и увѣчья, предоставлялъ мнѣ полную возможность засадить супруга въ такъ-называемую кутузку,—откуда онъ ужъ выходилъ въ конецъ озлобленнымъ и раздраженнымъ противъ жены;—или же тѣмъ, что заѣхавшій по дорогѣ судебный слѣдователь, между тѣмой анекдотовъ и новостей, сообщалъ мнѣ, что онъ такихъ-то супруговъ къ немалому своему удовольствію и успѣшному движенію дѣлъ примирилъ.

Встрѣтился мнѣ случай крайне возмутительной эксплуатаціи.

Въ началѣ весны пришелъ ко мнѣ бывшій дворовый чело-вѣкъ, длинный, черный, небритый, внеся съ собой сильный запахъ водки и тютюна, пришла забитая, преждевременно состарѣвшаяся жена его, взятая изъ бѣдной крестьянской семьи вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, подслѣповатымъ старикомъ, болѣе похожимъ на нищаго, нежели на крестьянина.

— Не жить тебѣ у отца!—кричитъ дворовый.

— Гдѣ же мнѣ жить? ну на фатеру должна встать!—возражаетъ жена.

— А на фатеру тебя безъ бумаги не пустать! Старикъ тоже не уйдетъ отъ суда, не держи свою дочь, худо тебѣ будетъ, старикъ.

— Мнѣ не на чисто поле свою дочь согнать, я по міру пойду и ей кусочекъ подамъ! Что, видно дѣловая пора пришла, такъ тебѣ ее надо стало? И старикъ объяснилъ: что вотъ уже третій годъ, какъ дворовый женился и съ тѣхъ поръ, въ началѣ каждой зимы, приводитъ жену къ отцу на прокормленіе, съ тѣмъ чтобы снова увести на рабочее время. «Нѣтъ, вы своимъ правиломъ разсудите насъ. Я не для него, лобана, цѣлую зиму пропитывалъ ее своимъ хлѣбомъ, не для того, чтобы въ самое нужное время онъ угонялъ ее со двора» — добавилъ старикъ такимъ тономъ, какъ будто дѣло шло о коровѣ или лошади.

Встрѣтился и такой крайне оригинальный случай.

Является мужъ и жена, оба круглолицыя, румяныя, молодые и сильные.

— Вот отговаривается работать — началъ мужъ, имѣвшій съѣ приемы богатаго мужика, — вишь тяжело ей, хочется гдѣ-нибудь на легкой работѣ пожить, говорить: «люди не работаютъ тяжелую работу, да вдобавокъ могутъ чай пить»; а на легкой работѣ я съ ней не могу жить, съ насъ подати тоже спрашиваются, я съ ней не могу податей добиться, извольте смирить ее!

— А ты бы за самоваромъ больше сидѣлъ! стало быть тебѣ слѣдуетъ чай пить, а на мнѣ воду возить; на тебя молочу, ботаю, ботаю цѣпомъ-то, сотъ на шесть я думаю хлѣба продалъ, а мнѣ опять ничего! — крикливо заговорила баба.

— Только твоего и дѣла, — поработала — отдохнула, опять поработала, — не лежать же тебѣ, протанувъ ноги! — резонировалъ мужъ.

— Я десять лѣтъ жила съ тобой, десять лѣтъ на тебя работала, — въ сильномъ гнѣвѣ, запахиваясь, какъ можно глубже въ кафтанъ, кричала баба.

— Десять лѣтъ работала, десять лѣтъ ѣла, — солидно замѣтилъ мужъ.

— Въ людяхъ не такъ живутъ, въ людяхъ и хлѣбъ ѣдятъ, и жалованье получаютъ — подавай же и ты мнѣ жалованье! подступала баба и настаивала съ такой увѣренностью, что мужъ видимо впалъ въ сомнѣнiе, слѣдуетъ или не слѣдуетъ ему платить женѣ жалованье.

Пошли переговоры въ болѣе мирномъ духѣ.

— Чтобы одѣвалъ, обувалъ, какъ слѣдуетъ, чай каждый день, — требовала жена.

— Башмаковъ на каждый день не напасусь, а будутъ тебѣ по праздникамъ и башмаки и чай.

Поспорили и сошлись.

Еще оригинальнѣе былъ слѣдующій, впрочемъ единственный, можно сказать, исключительный случай.

Пришелъ мужикъ, съ виду богатый и степенный, вмѣстѣ съ женою, напоминавшей полного, здороваго, но нѣсколько избалованнаго ребенка; — съ ними же, для пущей важности, пришелъ и сельскій староста.

Жена не хочетъ жить съ мужемъ и просить разводное письмо.

— Что же мужъ, обижаетъ, бьетъ?

— Нѣтъ, не обижаетъ и не бьетъ, а не говоритъ со мной, — ничего не говоритъ, ничѣмъ не привѣчаетъ. Скорѣ жизни лишусь, чѣмъ съ нимъ останусь жить, — оживляясь заговорила жена.

— Напрасно! какъ не говорю?!—сейчасъ утромъ встану,—говорю: Софья вставай! пора коровъ доить, али — пора избу топить. Это все напрасно, проговорилъ хозяйственный мужикъ, опуская голову и впадая въ обычную апатію.

Сельскій староста стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ; онъ внимательно вслушивался въ то, что говорила баба и, вздыхая, шептала: чудное, братецъ ты мой, дѣло: сыта, обута, одѣта, первый домъ въ селеніи, а туда же блажить.

— Нѣтъ, люди съ женами не такъ говорятъ, люди по тайности говорятъ, а я ничего больше не слышу: «Софья вставай, коровъ доить!» и, можетъ быть, чувствуя невозможность высказать словами свое горе, выразить мысль, что кромѣ словъ о хозяйствѣ есть много другихъ нѣжныхъ, хорошихъ словъ, которыхъ она никогда не слыхала отъ мужа, и кромѣ того довольства, которымъ она пользовалась, существуетъ на свѣтѣ другое, невозможное для нея счастье,—молодая женщина горько зарыдала такъ точно, какъ рыдали искалѣченные мужьями Ширданова и десятки другихъ.

Разъ явилась въ мою камеру и татарка сосѣднаго селенія съ жалобой на жестокое обращеніе съ ней мужа; но дѣла такого рода, какъ вытекающія изъ желанія развода и съ тѣмъ вмѣстѣ полученія вторичнаго калыма, простирающагося отъ 100 до 150 руб., представляютъ такой хаосъ, такое смѣшеніе всякой лжи и всевозможныхъ болѣе или менѣе грубыхъ ухищреній, что, вмѣшавшись въ такое дѣло, рискуешь попасть не только въ фальшивое, но даже комичное положеніе.

Убитый старикъ съ птичьимъ лицомъ, только-что не на рукахъ вноситъ въ камеру свою окровавленную, страдающую и находящуюся въ забытій дочь Азизу.

Составляется протоколъ, и несчастная Азиза отправляется для освидѣтельствованія въ городскую больницу, откуда и присылается обратно, но уже вымытая, съ свѣжимъ и здоровымъ лицомъ и объясненіемъ, что ничего сколько-нибудь важнаго не оказалось, и для васъ становится ясно, что Азиза просто хотѣла имѣть предлогъ для развода, чтобы вторично выйти замужъ и взять новый калымъ.

Какъ обращикъ татарскаго дѣла, расскажу слѣдующее: татаринъ Махмудъ Хайбулловъ, пріѣхавъ съ базару, взялъ на руки своего ребенка и сталъ подчивать пряникомъ; подошла мать, Лейла Белялова, только-что поссорившаяся съ двумя женами Махмуда и стала брать ребенка къ себѣ — мужъ не даетъ: Махмудъ къ себѣ, Лейла къ себѣ; наконецъ, видя, что не осилить, Лейла убѣжала вонъ, но прежде заперла снаружи

избную дверь, такъ что почтенный Махмудъ съ своими остальными женами, старухами и чадами, остался запертымъ и въ порывѣ гнѣва со всей своей ордой поднимаетъ такой крикъ, что сбѣжались сосѣди, и Махмудъ, не унимаясь, вопить, что жена не только ограбила, но даже подожгла его. Между тѣмъ и Лейла не теряетъ золотого времени и, въ противность всякимъ уставамъ, бѣжитъ въ мечеть, гдѣ въ эту минуту находились ея родные на вечерней молитвѣ. Правовѣрные тотчасъ же вытаскиваютъ Лейлу изъ мечети, и сами бѣгутъ вслѣдъ за ней на улицу.

На разбирательство, бывшее 23-го декабря 1870-го года, явилось такое множество Хайбуллово, Хайруллово, Тухветуллово, Хакимово, Халимово, Зямалетдиново, Зюльфетдиново и т. д., что моя камера не могла вмѣстить ихъ. Явилась Лейла Белялова, ея отецъ Белямъ-Валитовъ и даже сельскій староста, какой-то Шавли-Ханъ-Зякировъ.

Лейла, вся въ крови, и еще двѣ - три, вовсе неприглашенныхъ, старухи, безцеремонно и неспрашиваясь, ушли прямо противъ меня на полъ, старательно закрывая свои лица; ихъ обступили родственники, а тѣ, которые не помѣстились, — глядѣли изъ дверей или стояли на крыльцѣ. Видно было, что все селеніе, сильно заинтересованное настоящимъ дѣломъ, раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря.

Напрасно покушался я направить разбирательство путемъ, указаннымъ въ уставахъ; лица тотчасъ же загорѣлись воинственнымъ огнемъ; глаза только-что не вдвое расширились; кулаки судорожно сжимались; всѣ заговорили разомъ и вдобавокъ такъ скоро, какъ только щебечутъ птицы небесныя. Едва успѣвалъ я унять и урезонить раздраженныхъ отцовъ, готовыхъ уже взяться за бороды, какъ поднимались старухи, и точно скрипъ десятка немазаныхъ колесъ раздавался въ камерѣ. Усмирилъ старухъ, а двери въ свидѣтельскую комнату уже настезъ, и оттуда два десятка свидѣтелей что-то пронзительно кричатъ по-татарски.

Самый ярый поклонникъ формализма и штрафовъ сталъ бы въ тупикъ въ настоящемъ случаѣ.

Но сколько бы странностей и особенностей ни заключалъ въ себѣ татарскій бытъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между татарами, въ этомъ быту, полудневомъ, не подходящемъ ни подъ какія условія европейской жизни, встрѣчается, увы! болѣе грамотныхъ, нежели въ нашемъ простомъ народѣ; съ другой же стороны, несомнѣнно и то, что женщина пользуется большими правами и несравненно болѣе ограждена отъ безчеловѣчнаго звѣрства и бессмысленнаго, незнающаго границъ деспотизма,

нежели у насъ, имѣющихъ претензіи цивилизовать полудикихъ татаръ и принадлежать къ европейской семьѣ.

Случаи жестокаго обращенія и насилія мужей надъ женами также рѣдки между татарами, какъ часты, только что не ежедневны, они у насъ, въ нашемъ простонародномъ быту.

Судебный слѣдователь исключительно татарскаго участка увѣрялъ меня, что за все время его службы встрѣтился единственный случай жестокаго обращенія мужа съ женой.

Началось слѣдствіе:—Вы Хусни Джамаль?—вы обвиняете своего мужа въ жестокомъ обращеніи?—спрашиваетъ слѣдователь стоящую передъ нимъ татарку; но та молчитъ и качаетъ головой. Тутъ съ своей обычной живостью вмѣшались въ дѣло сосѣди и разъяснили, что предъ судебнымъ слѣдователемъ стоитъ вовсе не Хусни Джамаль, жаловавшаяся на мужа, а Биби Шери, новая жена обвиняемаго.

— А мнѣ нужно Хусни Джамаль, я произвожу слѣдствіе по ея жалобѣ; давайте сюда Хусни Джамаль!—настаивалъ слѣдователь.

— Нѣтъ Хусни Джамаль—есть Биби Шери!

— Гдѣ же Хусни Джамаль?

— Хусни Джамаль заму́жъ пошелъ (татары вообще говорятъ о женщинахъ въ мужескомъ родѣ и наоборотъ) — Казанской губерніи, Чебоксарскаго уѣзда, село Убей. Какъ только ссорился съ мужемъ, сейчасъ по согласію разводъ бралъ и заму́жъ пошелъ, а мужъ бѣгла въ Кюрсунскій уѣздъ, и взяла себѣ Биби Шери.

Тутъ только судебный слѣдователь сообразилъ, что въ то время, пока шла переписка, и онъ, слѣдователь, собирался строго и неуклонно исполнить возложенныя на него закономъ обязанности,—обычай уже разсѣкъ гордіевъ узелъ, который не развязать пока ни самому опытному слѣдователю, ни самому гуманному судѣѣ, ни даже высоко цѣнимымъ нами уставамъ 64-го года.

Между тѣмъ, лѣсъ продолжаетъ оставаться въ своемъ первобытномъ состояніи, такимъ же темнымъ, запущеннымъ, таинственнымъ, какимъ онъ былъ сто лѣтъ тому назадъ, и вмѣсто заботливости о немъ, вмѣсто того, чтобы старательно расчистить его, дать иную жизнь хотя бы новымъ молодымъ побѣгамъ, появившимся на свѣтъ божій при другихъ условіяхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ тѣми, при которыхъ росли отцы ихъ и дѣды, одни въ какомъ-то непонятномъ страхѣ сторонятся отъ него, другіе, воспѣвая его въ стихахъ и прозѣ, бесплодно восторгаются имъ; третьи убѣждены не только въ томъ, что знаютъ всѣ тайники темнаго лѣса, но что оттуда, изъ этихъ недосигаемыхъ чащей когда-нибудь услышимъ мы слово истины и обновленія; четвертые,

относясь къ дѣлу съ практической точки зрѣнія и не утруждая себя излишними, вредно дѣйствующими на здоровье мыслями, вытягиваютъ изъ темнаго лѣса всё жизненные соки, ничего не возвращая обратно и даже никогда въ него не заглядывая.

III.

Наше сельское духовенство.

Несомнѣнно, что въ протоколахъ мировыхъ судей, точно въ зеркалѣ, отражается вся мѣстная интеллигенція, и чѣмъ ближе поставлено это зеркало, тѣмъ ярче и рельефнѣе долженъ отразиться въ немъ извѣстный слой общества, его нравственный уровень, его понятія и нравы,—и наоборотъ. Такимъ образомъ, лица духовнаго званія, а въ особенности священнослужители и монашествующіе, въ большинствѣ случаевъ изъятые изъ вѣдомства мировыхъ учреждений, уже въ значительной степени заслонены судомъ духовнымъ, точно непроницаемою завѣсою, недопускающею ближайшаго знакомства и внимательнаго наблюденія. И только въ исключительныхъ случаяхъ, волей или неволей, поднимается занавѣсъ, и на божій свѣтъ выступаютъ отдѣльныя группы и незначительныя части общей картины.

Открытіе мировыхъ учреждений застало нашего приходскаго священника, человѣка достойнаго полнѣйшаго уваженія, въ самомъ угнетенномъ и печальномъ положеніи. Надъ нимъ, какъ и надъ всѣмъ приходомъ, тяготѣла пичѣмъ невызванная, ни на чемъ неоснованная гроза, въ образѣ пьянаго и неукротимаго дьячка Травина, наводившаго невольный страхъ своимъ громаднымъ ростомъ, мрачнымъ взглядомъ и цѣлымъ лѣсомъ волосъ на головѣ, лѣсомъ, точно взбудараженномъ бурей и признававшимъ существованіе гребня.

Къ длинной эпопеѣ о невѣроятныхъ подвигахъ дьячка присоединились десятки обращенныхъ ко мнѣ мелкихъ жалобъ, что вызвало послѣднее изъ безчисленныхъ слѣдствій, отъ времени до времени производимыхъ отцемъ благочиннымъ надъ дьячкомъ Травинымъ, а затѣмъ, исключеніе его изъ духовнаго званія.

Нисколько не смущаясь, оставаясь все такимъ же нечесанымъ и нестриженнымъ, Травинъ поселился въ томъ же приходѣ вмѣстѣ съ многочисленной семьей своей, увеличивъ тѣмъ субъектовъ, непостижимымъ образомъ существующихъ въ нашихъ палестинахъ, на положенія птицъ небесныхъ, безъ вся-

каго занятія, даже безъ всякаго намѣренія когда-нибудь и за что-нибудь взяться, безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ къ пропитанію.

Вагантное мѣсто заступилъ дьяконъ Ж., еще молодой человекъ, высокій, краснощекій, съ сросшимися черными бровями, и въ противоположность Травину, какъ нельзя болѣе франтоватый и примазанный. Онъ былъ присланъ въ нашъ приходъ на дьячковскую ваканцію собственно для исправленія и испи-танія.

Небывалое затишье, водворившееся въ приходѣ, изрѣдка перерывалось междуусобіями дьякона съ уволеннымъ изъ духовнаго званія Травинымъ. Между ними - то завязались самыя тѣсныя, интимныя отношенія: они устроились на одной квартирѣ; взявшись подъ руку, совершали прогулки изъ одного питейнаго въ другой; рядомъ, стоя на клиросѣ, пѣли басами; то неожиданно опять расходились. Травинъ выкидывалъ на улицу подушку, одѣяло и сундучокъ жильца, а потомъ шелъ и выбивалъ раму въ его новой квартирѣ, что, само собою разумѣется, встрѣчало болѣе или менѣе достойное возмездіе и со стороны дьякона. Потомъ обѣ стороны, перегоняя другъ друга, бѣжали ко мнѣ, приносили жалобы, мирились, снова ссорились и снова мирились; но всѣ эти междуусобія не только не тревожили мирныхъ обитателей нашего прихода, а даже представляли неистощимый матеріалъ для разговоровъ—своего рода пріятное развлеченіе, хотя на минуту оживлявшее сонную однообразную жизнь. Священникъ благословлялъ свою судьбу, но судьба, произвольно располагающая людьми, подготовила совершенно неожиданную развязку.

Въ концѣ декабря мѣсяца 69-го года, по распоряженію духовнаго начальства, дьяконъ Ж. снова вступилъ въ права своего сана. Видимо возгордившись, онъ еще гуще намазывалъ свои черные волосы, еще тщательнѣе ихъ расчесывалъ и, отправляя дьяконскую обязанность, по мнѣнію прихожанъ, много содѣйствовалъ къ благолѣпію самой службы. Но вскорѣ произошло нѣчто совершенно неожиданное, небывалое и на нѣкоторое время расколыхавшее сонное царство. Какъ будто поспѣвая вознаградить время, безвозвратно потерянное въ болѣе или менѣе тихой, безмятежной жизни, вовсе не сродной вулканической натурѣ—дьяконъ мигомъ превратилъ наше мирное селеніе въ Бородино, — избравъ центромъ сраженія домъ пономаря, нѣсколько разъ переходившій изъ рукъ дьякона въ руки невзрачнаго и всегда старательно наспиртованнаго хозяина, по-

добно Шевардинскому редуту, какъ извѣстно, не разъ переходившему отъ русскихъ въ французамъ, и наоборотъ.

«Покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ: намѣрено ли сельское начальство оказать мнѣ защиту отъ буйства и нападенія дьякона или нѣтъ. Если же нѣтъ, то я съ семействомъ своимъ долженъ буду оставить домъ свой и идти куда-либо искать убѣжище на наступающую ночь»,—писалъ приходскій священникъ въ волостное правленіе; но, недождавшись отвѣта, поспѣшилъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, записка же его, неизвѣстно кѣмъ и почему, была препровождена ко мнѣ, такъ какъ сельскія власти оказались въ отсутствіи, если не въ постыдномъ бѣгствѣ. А между тѣмъ сраженіе разгоралось все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ. Растерявшійся сотникъ и десятскіе въ попыткахъ бѣгали по сельской площади, не зная, что предпринять, какъ приступить, и то собирали, то распускали народное ополченіе, набранное для усмиренія дьякона. Възрошенный, пьяный и ожесточившійся Травинъ—то примыкалъ къ ополченію и помогалъ вязать дьякона, то появлялся въ арестантской и освобождалъ героя изъ заключенія.

На другой день поступила жалоба полицейскаго сотника. Онъ обвинялъ дьякона въ буйствѣ и оскорбленіи его словами и дѣйствіемъ, при исполненіи обязанности, что уже измѣняло подсудность и подчиняло дьякона мировымъ учрежденіямъ.

14-го января 70-го года, противъ обыкновенія, моя камера была переполнена публикой, собралось нѣсколько лицъ духовнаго званія, пріѣхалъ сосѣдній управляющій, однимъ словомъ, собралось все, что только могло собраться.

Послѣ объясненій побитаго сотника, выступилъ, въ качествѣ свидѣтеля, священникъ сосѣдняго селенія, случайно попавшій на поле сраженія. Онъ началъ такъ: «при мнѣ въ волостное правленіе пришелъ сотникъ и жаловался писарю, что дьяконъ буйнить и только-что оттащавъ его за волосы, а одинъ изъ понятыхъ показывалъ изодранный дьякономъ полупубокъ. Когда же я проходилъ мимо пономарскаго дома, то вышла пономарница и пригласила меня въ домъ, желая засвидѣтельствовать о буйствѣ дьякона; въ домѣ нашелъ я такой безпорядокъ, какъ будто вошелъ въ него послѣ пожара или непріятельскаго нашествія: божница была отломана, оторванные шпалеры висѣли клочками, полки валялись, одинъ образъ лежалъ на столѣ, другой былъ разбитъ; тутъ явился сторожъ изъ арестантской и объявилъ, что дьяконъ, выломавъ доски, подступаетъ снова; тотчасъ же всѣ двери были тщательно заперты; но дьяконъ, выбивъ защелку у калитки, влѣзъ гдѣ-то чрезъ крышу въ сѣни,

потомъ отломалъ накладку у избной двери и вошелъ; онъ былъ въ большомъ азартѣ, грозилъ и поминалъ про ножъ. Сотникъ вынужденъ былъ его связать» и т. д.

Прошло много времени, пока выслушаны были остальные свидѣтели и дошла очередь до обвиняемаго. Страшно блѣдный, съ искаженнымъ злобой лицомъ, подошелъ онъ къ столу и, упершись на него обѣими жилистыми руками и уставившись на меня, глухо проговорилъ, что отвѣчать не намѣренъ, — такъ какъ онъ самъ полуполковникъ.

Послѣдовала натянутая, мертвая тишина; но послѣ объясненія, что молчаніе обвиняемаго не останавливаетъ разбирательства, дьяконъ заговорилъ, обдумывая, тщательно отчеканивая каждое слово, видимо любуясь самимъ собой, своимъ краснорѣчіемъ, — видимо придавая не только каждой мысли своей, но и каждому слову, движенію — какое-то особенное, высокое значеніе и упорно требуя, чтобы каждое изъ его словъ, безъ всякаго измѣненія или поправки, было внесено въ протоколъ.

Въ жизни своей не встрѣчалъ я въ человѣкѣ, находящемся въ здравомъ умѣ, соединенія такого безмѣрнаго самообожанія, съ такой необычайной отвагой.

Показаніе дьякона, послѣ нескончаемыхъ провѣрокъ, имъ подписанное, за нѣкоторыми пропусками, заключалось въ слѣдующее:

«Вечеромъ, наканунѣ новаго года, пономарь купилъ полштофа водки; полштофа оказалось мало; чтобы мнѣ быть пьянымъ, нужно выпить штофъ. Пономарь гдѣ-то добился еще 40 коп., пошли въ кабакъ и купили еще два полуштофа; когда же вернулись домой и стали пить, то явилась пономарица и принялась стучать въ дверь — я отперъ. Въ это время у меня въ рукахъ была чайная чашка, полная виномъ. Пономарица эту чашку вылила на полъ, я налилъ другую; она тоже сдѣлала и съ другой. Пономарь говорить: «дьяконъ не виноватъ, а двери заперъ я самъ, такъ какъ ты разыгрываешь разныя драматическія роли, а мы съ дьякономъ пьемъ дома!» Въ отмищеніе пономарица поутру выкидала на дворъ мое имущество и въ томъ числѣ 23 руб. денегъ, а мы съ пономаремъ ушли въ кабакъ, гдѣ находился уволенный изъ духовнаго званія Травинъ; у него взята уже была косушка, изъ которой онъ поднесъ по стакану мнѣ и пономарю, а самъ не выпилъ, потому что ему ничего не досталось; потомъ по стакану поднесъ сидѣлецъ, не лишивъ стакана и Травина. Когда же мы вернулись, то явилась пономарица съ сотникомъ и понатыми тащить меня, что и было исполнено, и я заключенъ въ арестантскую, гдѣ пробывъ

нотчасъ снова ринулся въ пономарскій домъ, гдѣ засталъ священника сосѣдняго прихода. Когда же я безъ зазрѣнія совѣсти назвалъ пономарицу своей любовницей.... (здѣсь выпускается нѣсколько строкъ, уличавшихъ дьякона уже не въ буйствѣ, а въ богохульствѣ); но при этомъ пономарица схватила меня сзади за юсу и оттащила прочь. Тутъ священникъ велѣлъ сотнику связать меня, и я, связанный, на саняхъ, запряженныхъ понатыми, былъ снова отвезенъ въ арестантскую; во время пути пѣлъ: св. Боже и проч. проч. Вечеромъ снова проявился въ домѣ пономаря; понатые снова атаковали меня, но я, обладая силой, ихъ всѣхъ отстранилъ и ушелъ ночевать въ крестьянину Андрееву въ одной сорочкѣ; въ квартирѣ занимался чтеніемъ поученій Иннокентія — и т. д.

16-го февраля 70-го года, съѣздъ, утвердивъ мой приговоръ, которымъ дьяконъ былъ присужденъ къ двухъ-мѣсячному аресту, передалъ его для исполненія въ духовную консисторію. Прошла недѣля, двѣ, прошло наконецъ, болѣе мѣсяца, а между тѣмъ дьяконъ оставался въ нашемъ приходѣ и, вступивъ въ тѣсный союзъ съ Травиннымъ, продолжать свои оргіи.

Священникъ, все это время находившійся въ крайне тревожномъ состояніи и почти не покидавшій своего дома, видимо похудѣлъ; прихожане съ напряженнымъ вниманіемъ и страхомъ слѣдили за друзьями, неимѣвшими никакихъ обязанностей или опредѣленныхъ занятій, кромѣ прогулокъ изъ одного питейнаго въ другой, и въ то же время непризнававшими надъ собой никакихъ властей — ни духовныхъ, ни свѣтскихъ. Въ смятеніи собрался сельскій сходъ и положилъ регулярно наряжать къ дьякону дневной и ночной караулъ. На обязанности каждаго лежало ни днемъ, ни ночью не упускать изъ виду особу дьякона; но въ ночь на 27-е марта стражниковъ оковалъ глубокой сонъ, дьяконъ вырвался на волю и, чувствуя неодолимую энергію и потребность что-нибудь сокрушить, въ два часа ночи выломалъ ворота у крестьянина Яковлева и забрался на его крыльцо.

Услышавъ шумъ, крестьянинъ Яковлевъ въ страхѣ выскочилъ изъ окна и поднялъ гвалтъ. Пришелъ сотникъ, воспрянули отъ сна стражники и на разсвѣтѣ услѣдили дьякона въ одномъ изъ питейныхъ заведеній, гдѣ, снова обидѣвъ полицейскаго сотника, дьяконъ вынулъ изъ кармана украденный имъ съ крыльца Яковлева ременный поперечникъ.

На слѣдовавшемъ затѣмъ разбирательствѣ дьяконъ утверждалъ, что унесъ поперечникъ у крестьянина Яковлева, не съ цѣлью имъ воспользоваться, а съ намѣреніемъ на немъ повѣситься. А между тѣмъ камера переполнилась крестьянами,

цѣлой толпой явившимися умолять о немедленномъ удаленіи дьякона изъ прихода, такъ какъ новая повинность, т.-е. дневной и ночной караулъ при особѣ дьякона, съ приближеніемъ пашни, становится для нихъ крайне обременительна.

Я рѣшился немедленно выпроводить дьякона подъ надзоръ мѣстнаго станового пристава, а дѣло о кражѣ поперечника и новой обидѣ сотника передалъ судебному слѣдователю.

Вскорѣ дошли до меня слухи о новыхъ подвигахъ дьякона въ становой квартирѣ, о его пребываніи въ одномъ изъ монастырей на испытаніи, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ крайнему недоумѣнію своему, узналъ я, что нашъ герой получилъ дьячковское мѣсто въ одномъ изъ приходоѡ той же губерніи.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, т.-е. въ томъ же мѣсяцѣ, когда разбилось у меня послѣднее дѣло дьякона, вмѣстѣ съ разлитіемъ рѣкъ хлынуло на меня семейство причетника сосѣднаго селенія: точно плотину прорвало, и съ изумляющей быстротой понесло прямо на меня всю накопленную годами запруду, цѣлыя бревна, тѣмъ всякаго хвороста, массу всякой грязи и мерзости.

Первый толчекъ, пошатнувшій запруду, былъ сдѣланъ безсрочно-отпускнымъ гусаромъ изъ духовнаго званія, отцемъ причетника.

«Имѣю я родного сына—причетника и который не имѣетъ къ родителямъ своимъ не только сыновняго почтенія, но наносить намъ такіа оскорбленія, что невыносимо терпѣть — почему мы и въ прошломъ году подавали жалобу преосвященному, а такъ какъ сынъ сталъ просить у насъ прошеніе съ обѣщаніемъ не дѣлать намъ безчеловѣчныхъ оскорбленій: то и рѣшились подать прошеніе его преосвященству о замиреніи, и указомъ духовной консисторіи, хотя сына мы и простили, но оставленъ въ подозрѣніи благочиннаго. Сынъ же нашъ этимъ не только не исправился, а сдѣлался къ родителямъ ожесточеннымъ врагомъ и по уговору съ волостныхъ старшиною, сельскимъ старостой и полицейскимъ сотникомъ 11-го декабря 69-го года, во время ночи привелъ ихъ въ домъ, а домъ устроенъ общими средствами, а ему хотѣлось насъ выгнать изъ дому съ посрамленіемъ, какъ онъ сдѣлалъ въ прошломъ году, что мать, выгнатая имъ безъ куска хлѣба, жила цѣлое лѣто у священника въ амбарѣ и т. д.»

Прошеніе, растянутае на 5 листовъ, соединявшее въ себѣ нѣсколько уголовныхъ обвиненій и гражданскихъ исковъ, заключалось такимъ образомъ:

«А такъ какъ я честью дорожу болѣе всего на свѣтѣ, то всепокорнѣйше прошу взыскать съ виновнаго за учиненныя

посрамленія законнымъ порядкомъ. Къ сему прошенію рядовой гусарскаго полка руку приложилъ».

«При семъ имѣю честь добавить, ваше высокоблагородіе, что 13-го мая прошлаго года вышеписанный сынъ мой учинилъ мнѣ побой, отъ котораго я страдаю, а какъ въ настоящее время нахожусь въ должности начальника губерніи берейторомъ и уволенъ на короткое время, то прошу скорѣе учинить разбирательство».

За прошеніемъ гусара — хлынули прошенія причетника на отца, жены причетника на деверя, супруги гусара на сына и на всѣхъ вмѣстѣ и т. д.

Плотину окончательно прорвало! Призваны въ качествѣ свидѣтелей десятки, ни въ чемъ неповинныхъ, сосѣдей, потревожены сельскія власти, изъ объясненій коихъ оказалось, что, собственно говоря, въ семьѣ причетника нѣтъ никого особенно виноватаго, а виноваты всѣ вмѣстѣ, и все въ томъ же, въ чемъ виновны дьяконъ съ пономаремъ и уволеннымъ изъ духовнаго званія Травиннымъ, то-есть въ крайней, неразлучной съ пьянствомъ, праздности, постоянной готовности превратить въ поле битвы ни въ чемъ неповинный приходъ, вѣчными судьбищами и дѣлами оторвать мирныхъ поселянъ отъ обыденныхъ занятій, а также среди ночной тишины поднять на ноги все селеніе пронзительными воплями о помощи, звономъ разбитыхъ стеколъ, воинскими криками побѣдителей, столами раненыхъ и побѣжденныхъ.

Въ началѣ марта 71-го года, мнѣ еще разъ пришлось встрѣтиться съ причетникомъ, оскорбленнымъ клеветой, будто бы введенной на него церковнымъ старостой, въ присвоеніи 5 руб. церковныхъ денегъ. При разбирательствѣ оказалось, что вся виновность старосты заключалась въ томъ, что онъ, розыскивая пропавшія изъ церкви деньги, спрашивалъ причетника, не взялъ ли онъ этихъ денегъ въ шутку, а мѣсяцъ спустя судебнымъ слѣдователемъ начато уже дѣло по обвиненію причетника отцомъ его въ похищеніи тѣхъ же самыхъ 5 руб. церковныхъ денегъ, которыя розыскивалъ церковный староста, спрашивая дьячка не взялъ ли онъ ихъ въ шутку.

Нѣсколько времени спустя пришлось мнѣ познакомиться съ сосѣднимъ дьячкомъ, уже однажды исключеннымъ изъ духовнаго званія, и на этотъ разъ обвиняемымъ полиціей въ томъ, что онъ въ концѣ мая 70-го года подкинулъ ребенка своей дочери.

Вначалѣ дьячекъ предполагалъ окрестить новорожденнаго и уже пригласилъ въ восприемницы крестьянку Елену Семенову, но потомъ раздумалъ и, снова явившись въ избѣ Семеновой, гдѣ

на этотъ разъ случились двѣ снохи хозяйки, упавъ на колѣни и убѣдительно просивъ бабъ «помолчать», такъ какъ онѣ рѣшились, вмѣсто того, чтобы окрестить, подкинуть младенца.

Три бабы, какъ и слѣдовало ожидать, не только не помолчали, но тотчасъ же подѣлились съ другими двадцатью бабами; тѣ тоже не утерпѣли, чтобы не рассказать своимъ мужьямъ и сосѣдямъ, и такимъ образомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени подкинутый ребенокъ сдѣлался предметомъ разговоровъ всего селенія.

Въ камеру набилось болѣе десятка здоровыхъ, круглолицыхъ бабъ-свидѣтельницъ. Одна изъ нихъ держала на рукахъ подкинутого ребенка, и всѣ вмѣстѣ, видимымъ образомъ, то двусмысленными улыбками, то глубокими вздохами, то перешептываніемъ, выражали сильное нетерпѣніе и неодолимое желаніе какъ можно скорѣе развязать свой языкъ и посвятить меня во всѣ подробности исторіи.

Тутъ же, опустивъ глаза, стояла мать новорожденного и дѣточекъ Бѣликовъ, маленький, юркій, съ рѣдкими волосами, черной косичкой и крошечными, какъ огоньки, сверкавшими глазами.

Дождавшись наконецъ своей очереди, бабы заговорили; и напрасно усаживалъ я тѣхъ изъ нихъ, которыя уже сдѣлали свое показаніе: онѣ рѣшительно не въ состояніи были совладѣть съ собой и оставаться безучастными зрительницами; даже послѣ неоднократнаго запрещенія говорить не могли успокоиться, и все, что происходило на разбирательствѣ, все до послѣдней мелочи продолжало тотчасъ же отражаться на ихъ оживленныхъ, подвижныхъ лицахъ, между тѣмъ, какъ обвиняемый, отрицая не только свою виновность, но и беременность своей дочери, принималъ каждое движеніе свидѣтельницъ, даже невинный вздохъ, какъ направленную противъ него личность и, обдавая свидѣтельницъ огнемъ своихъ глазъ, ежеминутно готовъ былъ тутъ же, въ моемъ присутствіи, за одинъ пріемъ, стереть съ лица земли всѣхъ этихъ бабъ, улыбающихся, счастливыхъ и какъ нельзя болѣе довольныхъ представившимся развлеченіемъ.

На вторичное разбирательство вызвана была акушерка; но еще не успѣла она приступить къ исполненію своихъ обязанностей, какъ дѣчкова дочь признала ребенка своимъ. Послѣдовала вѣроятно заранѣе приготовленная сцена: виновная дочь падаетъ на колѣни передъ раздраженнымъ отцомъ, а тотъ до такой степени входитъ въ роль оскорбленнаго отца, что, кинувшись на нее, начинаетъ безжалостно бить до тѣхъ поръ, пока наконецъ опаматовавшіеся свидѣтели не вырвали жертву изъ его рукъ.

И за всѣми, только-что рассказанными безобразіями, совершаемыми людьми, называющимися служителями церкви, зорко слѣдить безчисленный, какъ наши лѣса, крестьянскій людъ, покачивая головой, мотая себѣ на усъ и все болѣе и болѣе впадая въ тотъ и безъ того уже свойственный русской натурѣ духъ сомнѣнія и равнодушія, а съ другой стороны, какъ бы на помощь сомнѣнію и равнодушію, идетъ нашъ приниженный, нищенствующій священникъ съ мѣшкомъ на плечѣ, торгуясь изъ-за каждой требы, собирая обычную дань и высматривая въ крестьянскомъ амбарѣ, что тамъ находится болѣе цѣннаго и подходящаго. Но духъ времени уже значительно измѣнился; благотворный лучъ, такъ или иначе, проникъ въ темный лѣсъ, нѣтъ болѣе преслѣдованій, нѣтъ крѣпостного состоянія и ничѣмъ необузданнаго деспотизма; народъ уже не тотъ, онъ вздохнулъ свободнѣе, и вотъ все болѣе и болѣе впадая въ сомнѣніе и тщетно отыскивая выходъ, нашъ крестьянинъ отстаегъ отъ вѣры отцовъ и пращуровъ своихъ, а въ обществѣ все чаще и тревожнѣе поднимаются толки о томъ, что цѣлыя села отпадаютъ отъ православія и присоединяются къ расколу.

Нѣтъ прихода, въ которомъ, такъ или иначе, не проявлялось бы это стремленіе простолюдина избавиться отъ частыхъ поборовъ, найти себѣ выходъ, найти болѣе широкій просторъ своимъ душевнымъ потребностямъ, врожденному каждому человѣку стремленію къ: Всемогущему, Царю царей, какъ выражаются простолюдины. Смотришь, а уже гдѣ-нибудь въ оврагѣ, въ концѣ селенія, на скорую руку, убирается неказистая на видъ избушка, выбѣлены черныя стѣны, весь передній уголъ занятъ образами, засвѣтились десятки лампадъ и уже въ тихомолку, окольными путями, плетутся благочестивые люди, а сквозь крѣпко-накрѣпко запертыя двери и окна слышится протяжное духовное пѣніе, и внимаетъ ему одна темная ночь. Благо тому приходу, гдѣ священникъ не только не подниметъ немедленнаго похода противъ богомольцевъ, но даже самъ явится среди ихъ, направляя, разъясняя непонятное, и такимъ образомъ сберегая свое стадо; но горе тому приходу, гдѣ, придерживаясь устарѣвшихъ взглядовъ, пастырь пригласитъ мѣстнаго пристава, и, рука объ руку съ нимъ, нагрянетъ и разгромитъ отерывшуюся модельню: многихъ овецъ не досчитается такой пастырь въ своемъ стадѣ!

Нѣчто подобное случилось въ концѣ зимы настоящаго года. Священникъ сосѣдняго селенія, пригласивъ станового пристава, наѣхалъ на раскольниковъ домъ, сдѣлалъ обыскъ и отобралъ старую, весьма цѣнную раскольниками, книгу, называемую «Маргаритъ», и хотя книга эта, послѣ разсмотрѣнія ея архіереемъ,

и была возвращена обратно, какъ незаключающая въ себѣ ничего противнаго православію, но послѣдствіемъ наѣзда было дѣло, переданное мнѣ прокуроромъ, по обвиненію раскольника въ оскорбленіи священника, во время обыска.

Напрасно старался я примирить стороны. Отвергая свою виновность, раскольникъ отказывался отъ всякихъ соглашеній и твердилъ свое: «Христосъ страдалъ и намъ велѣлъ!» а на увѣщанія противной стороны о смиреніи и уваженіи къ пастырю, пришелъ въ крайнюю степень ожесточенія: онъ давился слезами, дрожалъ отъ гнѣва и, прерывающимся отъ волненія голосомъ, говорилъ:

— Какой ты пастырь, когда отца моего на поселеніе сослалъ!... Книгу отецъ мнѣ оставилъ, часть души своей. Ты силкомъ унесъ ее изъ моего дома, а меня на судбище привелъ... А за свадьбу кто съ меня 15 руб. взялъ! Вѣра Христова никого не гонитъ, а милуетъ, св. отцы терпѣли, а не гнали, никого не гнали. Нѣтъ, ты мнѣ не пастырь: добрый пастырь душу свою полагаетъ за овцы!

Такъ отражаются всякаго рода погромы, крутныя мѣры и наѣзды на взаимныхъ отношеніяхъ пастырей и пасомыхъ, на щепотливыхъ вопросахъ души и совѣсти человѣческой.

Но все разсказанное нами блѣднѣетъ передъ событіемъ, совершившимся въ моей камерѣ 31-го августа 70-го года.

Разбиралось дѣло по иску, предъявленному священникомъ на крестьянина Яковлева. Суть иска заключалась въ томъ, что крестьянинъ, снявъ у истца 3 десятины земли, припахалъ лишнихъ 8 сажень, которые тотъ просилъ обратить въ его пользованіе, а также взыскать съ крестьянина за самовольное завладѣніе.

Первымъ явился крестьянинъ, и съ видимымъ опасеніемъ за тишину и наше обоюдное спокойствіе, предостерегъ меня, что истецъ пріѣхалъ выпивши, а въ такомъ видѣ способенъ на всякое буйство.

Вошелъ истецъ, — человѣкъ немолодой, съ вьющимися черными волосами, греческимъ типомъ и лицомъ, какъ-будто покрытымъ сѣтью мелкихъ морщинъ; онъ заявилъ, что 8 сажень, излишне запаханныхъ крестьяниномъ, получилъ обратно въ свое пользованіе и уже засѣялъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ взыскать еще съ отвѣтника въ его пользу какихъ-то, ни на чемъ неоснованныхъ, 50 руб. сер.

Показаніе свое истецъ не подписаль, обѣщаясь сдѣлать это послѣ рѣшенія; но когда рѣшеніе, состоявшееся не въ его пользу, было ему объявлено, онъ, подступивъ ко мнѣ, насколько это

было возможно ближе, сказать: «извольте сейчас же перерѣшить дѣло, — а мнѣ бы теперь нужна палка, да палку забылъ въ кабакѣ, а то бы я поучилъ Яковлева».

Пробовалъ я прибѣгнуть къ ст. 67-й учр., но этимъ только подлил масла въ огонь: въ камерѣ тотчасъ же раздался непріятный старческій смѣхъ, — «ну еще оштрафуй на 10 рублей, или мало такъ на 25, на 50, а если и этого мало на 100 рублей!» глумился истецъ, размахивая руками и расхаживая по камерѣ; потомъ сильно хлопнула дверь, и непріятный смѣхъ истца раздался уже позади меня въ канцеляріи, откуда напрасно старался выпроводить его письмоводитель. Посыпался градъ непрістойнѣйшихъ выраженій, истецъ снова хлопнулъ дверью и чрезъ сѣни намѣревался проникнуть въ камеру; но кругомъ все уже было заперто, въ сѣняхъ поднялась страшная возня, въ пылу коей былъ избитъ мой работникъ и оторвана петля у моихъ дверей.

Обо всемъ случившемся составленъ былъ актъ, а дѣло поступило въ окружной судъ, гдѣ еще недавно разбирался совершенно однородный случай, только страдательнымъ и обруганнымъ ни за что, ни про что, лицомъ являлся не мировой судья, а судебный слѣдователь.

Само собою разумѣется, что во всемъ рассказанномъ нами нѣтъ десятой доли всего, что творится въ описываемой нами замкнутой, недоступной средѣ, и если мы вызвали на божій свѣтъ нѣсколько случаевъ, долженствовавшихъ, рядомъ съ десятками однородныхъ, кануть въ мертвую пучину архивовъ, то вовсе не съ тѣмъ, чтобы глумиться, а еще менѣе смѣшнить публику — нѣтъ, чуждые всякаго глумленія и гаерства, мы только воспользовались представившимся случаемъ, насколько это было возможно, приблизились къ дѣйствительности, взглянувъ на нее не сквозь призму маниловщины, а прямо, безпристрастными глазами.

Каждый сколько-нибудь мыслящій человѣкъ долженъ сознаться, что въ быту нашего сельскаго духовенства, кромѣ смѣшного и пошлаго, можно отыскать много высокаго и трогательнаго, а служебная практика, доставивъ мнѣ случай познакомиться съ болѣе широкимъ священниковъ участіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ доставила возможность напасть на личности, заслуживающія полнаго сочувствія и уваженія; но вѣроятно благодаря системѣ, принятой въ духовномъ вѣдомствѣ, передъ глазами нашими происходитъ слѣдующее непонятное, необъяснимое и въ высокой степени безотрадное явленіе: съ одной стороны, мы видимъ группу людей вполне достойныхъ, единственныхъ людей, чрезъ посредство ко-

ихъ еще могутъ пролиться въ темную массу простого народа религиозныя истины,—людей, которые многое могли бы сдѣлать для возвышенія нравственнаго уровня народной массы; но эта, къ сожалѣнію, незначительная группа слишкомъ затерта и обезсилена, между тѣмъ, какъ другая группа, герои которой только что прошли передъ нашими глазами, группа бросающая невыгодную тѣнь на всю среду, не только терпима, но даже неизвѣстно почему и для чьего блага постоянно находитъ себѣ твердую опору и надежное покровительство. Просятся съ языка десятки разнообразныхъ предположеній о томъ, какимъ образомъ поднять наше духовенство, какъ создать изъ него нравственную силу, благотворно дѣйствующую на сельскую школу, на семью, на весь полный суевѣрій и невѣжества простонародный бытъ; но не рискуя повторять зады, возобновлять въ памяти читателя тѣмъ темъ всякихъ болѣе или менѣе похожихъ предположеній и проектовъ, не рѣшаясь начать давно устарѣвшую пѣсню объ измѣненіи настоящей системы духовнаго вѣдомства и объ улучшеніи быта сельскаго духовенства, мы во время останавливаемся и торопливо ставимъ точку. Посмотримъ лучше, что творится въ другихъ сферахъ.

В. НАЗАРЬЕВЪ.

На Волгѣ.
Ноябрь, 1871.

ГРОЗА

Наломало вѣтвей, накидало листовъ
Прогумѣвшею бѣшеной бурей,
И побитымъ цвѣтамъ не поднять лепестковъ
Къ засіявшей привѣтно лазури.

Но за то та гроза принесла благодать —
И листвою и цвѣтами сторицей
Облечётъ жадный долъ, переставшій алкать,
Озаряемый яркой денницей.

Что за дѣло до жертвъ ей погибшихъ въ бою!
Солнце высушить крупныя слезы,
И признаётъ весь міръ въ ней царицу свою,
И полюбитъ суровыя грѣзы.

А — Ъ

Прелестное и слабое созданье,
Люблю тебя любовью я двойной:
Умершаго ты образъ дорогой,
Воскресшее блаженство и страданье.
Воскресшій взоръ, воскресшій тихій смѣхъ
И нѣжныхъ ласкъ знакомые порывы —
Весь этотъ міръ, воскресшій и счастливый,
Со мною вновь, — я вновь счастливѣй всѣхъ!
И если ты лишь тѣнь той милой тѣни,
Мгновенный сонъ, летучій какъ она, —
Передъ лицомъ готовыхъ вновь мученій
Клоню свои молящія колѣни
За каждый мигъ еще такого сна!

СИРЕНИ

Подъ лучами тепла, вдругъ въ одинъ вешній день
Вся въ лиловыхъ цвѣтахъ пробудилась сирень,
И дыханье ея ароматной волною
Надъ зелено-густой разлилось листвою.

Я лиловыхъ цвѣтовъ наломаю сворѣй,
Я любимыхъ цвѣтовъ снесу милой моей,
Чтобъ въ день первый весны и въ могильныя сѣни
Благовонной весной ей пахну́ли сирени.

П. БОВАЛЕВСКІЙ.

Ницца.

29 декабря, 1871.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ

И

ОБРУСЕНІЕ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

(Изъ письма къ редактору).

М. М. Сегодня я получилъ ваше письмо въ отвѣтъ на записку, при которой была отправлена моя статья. Изъ вашихъ словъ я заключаю, что точка зрѣнія на вопросъ, занимавшій меня, не довольно выяснена мною въ текстѣ и можетъ подать поводъ къ заключеніямъ несправедливымъ. Вы пишете мнѣ о „нѣмцеѣдствѣ“ у насъ вообще и о „нѣмцеѣдствѣ“ моей статьи въ особенности. Но дѣло въ томъ, что нѣмцеѣдство нѣмцеѣдству рознь, а мое нѣмцеѣдство отличается отъ всякаго другого прежде всего тѣмъ, что оно не имѣетъ ничего общаго съ французофилствомъ, и я самъ не претендую юношески на званіе „*patriote français*“. Относиться враждебно къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ политическимъ тенденціямъ можно только съ чисто-человѣческой точки зрѣнія, и въ такомъ случаѣ всегда останется мѣсто признанію полезной стороны для прогресса въ характеристическомъ выступленіи единой Германіи на поприще исторіи. Въ такомъ „нѣмцеѣдствѣ“ можетъ найти себѣ мѣсто и патріотизмъ, но уже не напускной, и притомъ требующій приложенія общихъ гуманыхъ началъ къ политикѣ своего отечества и къ критикѣ отношеній къ нему самой Германіи. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, быть безмолвнымъ въ виду того, когда не одинъ или два публициста, а чуть не поголовно вся интеллигенція сосѣдней страны систематически отрицаетъ въ своемъ народѣ всякія права на человѣческое развитіе, и сама, сто

Безспорно выше твоихъ соотечественниковъ, не только не думаетъ помочь имъ, — а радуется всякому движению нашему назадъ, причеиъ злорадно потому насъ же имъ и попрекаетъ? Будетъ ли обличеніе такого рода тенденцій у сосѣда „нѣмцевъдствомъ“ съ нашей стороны, и указаніе, какъ этотъ же сосѣдъ собирается „обработать“ тебя — напуканнымъ патріотизмомъ, шовинизмомъ и т. п.

Вы тысячу разъ правы, проводя параллель между г-нъ Катковимъ и жалкими публицистами второй имперіи; но вы же говорите, что и въ Германіи своихъ Катковыхъ не мало. Вы, именно говорите, — столько же, сколько и у насъ. Но у насъ собственно — одинъ, относительно болѣе способный и образованный, а въ Германіи ихъ можно считать по крайней мѣрѣ сотнями: чуть ли не каждый профессоръ и публицистъ есть такой же Катковъ по всѣмъ національно-политическимъ вопросамъ, а по своему образованію и способностямъ, многіе изъ нихъ стоятъ еще несравненно выше нашего единственного экземпляра. Въ томъ-то и состоитъ, на практикѣ, перевѣсъ Германіи надъ нами, и надъ Франціей, — но это же самое и заставляетъ людей, къ числу которыхъ и я желалъ бы принадлежать, не жаловать нѣмецкія національно-политическія тенденціи и опасаться ихъ. Къ сожалѣнію, сходство наше съ Франціей до послѣдней войны не оканчивается тѣмъ, что у насъ есть свои доморощенные московской фабрикаціи Кассаньяки и Жирарденны, а и въ томъ, что наши „лѣвые“ держатъ себя не лучше французскихъ. Кассаньячество имъ опротивѣло, — и по-дѣломъ; но они обличаютъ это кассаньячество только у себя, и не видятъ его въ болѣе серьезной формѣ у сосѣда. Желая пристыдить своихъ алармистовъ, „лѣвые“ говорятъ, съ различными вариантами: „помилюте, можно ли, чтобы такой просвѣщенный и гуманный сосѣдъ имѣлъ такіа возмутительныя идеи, какія ему приписываютъ Кассаньяки и какія способны имѣть только сами Кассаньяки“! Но, во-первыхъ, зачѣмъ же такъ ужъ ручаться за сосѣда, а во-вторыхъ, зачѣмъ закрывать глаза на то, что сосѣдъ идетъ своею дорогою.... Сосѣдъ опасенъ именно тѣмъ, что то, что у французовъ и у насъ болтовня, или доктринерство, или наконецъ спекуляція, — у него національное сознаніе; намъ же онъ опасенъ еще и потому, что онъ не только воинъ, но и колонистъ. Потому-то и надо, чтобы, кромѣ алармистовъ (которыхъ впрочемъ вовсе не надо) и успокоителей, были въ печати голоса еще и указателей, — что вотъ-молъ какія вещи дѣлаются, какія идеи высказываются, и что противъ опасности надобно принимать мѣры.... Какія мѣры? — Возве не чрезвычайныя (о коихъ толкуютъ алармисты), — а просто правильное и свободное развитіе нравственныхъ и интеллектуальныхъ силъ отечества, которое одно можетъ создать здоровый патріотизмъ, и искреннее усвоеніе такой программы, а не à la Ollivier. Понимая дѣло такимъ образомъ, я писалъ статью вовсе не для того, чтобы „доложить“ почтенной

публикѣ, какъ то у насъ водится, что вотъ - молъ сосѣдъ готовится отхватить у отечества кусокъ территоріи, и потому всѣ несогласные съ такимъ слухомъ суть измѣнники отечеству и враги; меня больше занимала мысль, какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ виду того или другого настроенія сосѣдной интеллигенціи.

Что же касается до нашего цѣломудрія въ такъ - называемомъ нѣмецкомъ вопросѣ и до опасенія быть обвиненными въ возбужденіи національной ненависти, то и то, и другое напрасно, такъ какъ она тамъ уже есть, и говоря по совѣсти, мы въ ней не виноваты, а выражаемъ мы ее меньше нѣмцевъ, т. е. нѣмцевъ, руководящихъ печатнымъ словомъ: на сотни ихъ устъ мы имѣемъ всего только одни уста! Доказательства тому найдутся въ самой статьѣ, и возьмите любую нѣмецкую газету, возьмите хоть, наприм., недавнее описаніе поѣздки въ Карпаты, помѣщенное въ „Augsb. Allg. Zeit.“ или специальную статью о Россіи въ „Neue-Freie-Presse“ (я читалъ ее уже по отсылкѣ къ вамъ статьи), да и всякую другую статью о Россіи и русскихъ: и такіе-то мы, и сякіе, и варвары жестокие, и фанатики религиозные и пр. и пр. Мы и сами себя, конечно, не мало ругаемъ, — да не такъ. Нѣмецкіе передовые публицисты почитаютъ насъ неисправимыми отъ природы, и потому какъ бы ни были мы скромны, но этимъ не угомонишь нѣмецкихъ Катковъ. Они даже и знать не хотятъ, что не всѣ органы русской печати тянутъ одну и ту же ноту съ „Московск. Вѣдомостями“, и спокойно записываютъ всѣхъ въ „ультра-русскіе органы всеподавляющаго русскаго правительства“. Но вѣдь это черта—чисто Кассаньяковская! Мы пожалуй и помирились бы съ нею, такъ какъ подобная черта можетъ вредить только тѣмъ, кто отличается ею; но у нѣмецкихъ публицистовъ невниманіе и закрываніе глазъ на порядочныя идеи въ русской печати идутъ рядомъ съ ненавистью ко всему прогрессивному и либеральному въ Россіи. Развѣ не характерно то, что рѣдкая корреспонденція изъ Россіи въ нѣмецкую, даже либеральную и чуть не радикальную газету, не обходится безъ восторженной похвалы въ пользу „энергіи административныхъ мѣръ“, которую они вовсе недолюбливаютъ у себя дома, или безъ призванія этой энергіи противъ русскаго общества, зараженнаго будто бы социализмомъ, коммунизмомъ и т. п. Еще на дняхъ я читалъ въ „Allg.-Zeitung“ извѣстіе о пересмотрѣ у насъ законовъ объ общинѣ крестьянской, причемъ непремѣнно сказано, что русская община это - молъ идеалъ интернаціонала, и отиѣна общины сильно бы помогла правительству остановить распространеніе социалистическихъ идей въ Россіи, — что правительство будто бы и видитъ. Какъ видите, не одинъ г. Катковъ призываетъ себя въ подмогу „интернаціоналу“. Но неужели подобныя „приемы“ не заслуживаютъ обвиненія предъ нашей, да и предъ европейской публикой? Я думаю, что такіа обвиненія тѣмъ паче необходимо сдѣлать именно тѣмъ, кто

о жалость возбужденія у насъ „шовинизма“ и національной нетерпимости,—ибо наши доморожденные шовинисты и своеобразные обрусители ли своимъ умомъ доходятъ до того же, до чего доходятъ германизаторы, ли наивно приказываютъ намъ слѣдовать примѣру послѣднихъ. Такъ е очень еще давно нашъ г. Катковъ, докладывая публикѣ о книжкѣ ѣмцакаго Каткова, г. Каттнера: „О призваніи Пруссіи на Востокъ“, о которой надо, чтобъ Пруссія отобрала у насъ Польшу и т. п.,—вмѣчаетъ, что, конечно, съ прусской точки зрѣнія, Каттнеръ—хорошій атріотъ!!

Не знаю, нужно ли мнѣ въ заключеніе сдѣлать еще одну оговорку: вездѣ выражаюсь — „нѣмцы“; но подъ этимъ словомъ, конечно, слѣдуетъ разумѣть — „политическіе классы въ Германіи“. „Народъ“ — то, дѣйствительно „Grosse Unbekannte“, во имя котораго дѣлается такъ много нехорошаго и говорится такъ много пустого. Кто въ самомъ дѣлѣ знаетъ, каковы въ дѣйствительности мысли и убѣжденія этихъ „народовъ“, но, кажется, одинаково подозрительны и нелѣпы фразы о томъ, что народы-моль ликуютъ, „когда оружіе Франціи торжествуетъ на обоихъ полушаріяхъ“, или „когда германская имперія возстаетъ изъ низверженія въ величіи временъ Барбаруссы“, — какъ и о томъ, что народы-моль жаждутъ свергнуть иго тиранновъ, опрокинуть границы государствъ, чтобы братски обняться другъ съ другомъ! А на дѣлѣ ти „народы“, можетъ быть, вовсе и не думаютъ „ликовать“, и ничего подобнаго не „жаждутъ“. Впрочемъ, я вообще „красиваго слога“, ни стараго, ни новаго, не жалую, и уже по одному тому о „народѣ германскомъ“ говорить не буду, равно какъ и о томъ, раздѣляется ли онъ идеями своихъ „Катковыхъ“, а именно Каттнера, Франца и т. п., толковать съ увѣренностью не стану, какъ о вещи по меньшей мѣрѣ мнѣ невѣдомой. Впрочемъ, думаю, что, получивъ возможность болѣе подробной колонизаціи въ какую-нибудь Ковенскую или западъ Волынской губерніи, куда и теперь народъ изъ Восточной Пруссіи идетъ въ достачномъ количествѣ,—нѣмецкій народъ былъ бы не недоволенъ—и во многомъ не безъ основанія.

Мнѣ, конечно, вовсе не желательно, чтобы мое изслѣдованіе смѣшало меня въ глазахъ читателей съ тѣми людьми, съ тенденціями которыхъ я всего менѣе согласенъ, и потому, если вы сочтете нужнымъ, пусть это письмо займетъ мѣсто предисловія.

М. Т.

Гейдельбергъ. Ноябрь, 1871.

I.

Предъ нами теперь новая Германія, а слѣдовательно и новая германская политика, новыя ея цѣли, и во всякомъ случаѣ новыя ея средства. Но какою будетъ эта политика, какія она поставитъ себѣ цѣли, — эти вопросы составили тему оживленныхъ разсужденій въ первый разъ, когда, во второй половинѣ 1871-го года, совершилось такъ-называемое гаштейнское свиданіе канцлеровъ Германіи и Австріи. Среди всѣхъ толковъ по этому поводу произносилось не разъ и имя Россіи, а потому было необходимо прислушаться къ этимъ толкамъ. Толковалось, что въ Гаштейнѣ устроивается союзъ Германіи и Австріи противъ Россіи; потому же, — преимущественно нѣмецкія газеты, — заговорили, что канцлеръ Германіи взялся будто бы устроить союзъ Россіи съ Австріею или по крайней мѣрѣ, какъ выражались нѣмецкія газеты, «сгладить шероховатости въ отношеніяхъ Россіи съ Австріею», и привести эти державы, если не въ непосредственныя дружескія отношенія, то въ посредственныя, и осуществить словъ Бейста, что «трудно быть непріязненнымъ къ другу нашего друга».

Такъ какъ о результатѣ и значеніи гаштейнскихъ переговоровъ ничего офіціального неизвѣстно, то мы и не будемъ говорить о самихъ переговорахъ, — которые и въ самомъ дѣлѣ могли кончиться одними только династическими и дипломатическими любезностями, — а поговоримъ о толкахъ публицистики по этому поводу. Толки эти, во-первыхъ, не лишены интереса сами по себѣ, а во-вторыхъ, толки эти выражаютъ собою общественное мнѣніе, а это послѣднее служить выраженіемъ общественныхъ и національных интересовъ, которые въ наши времена въ рѣшительныя минуты дѣйствуютъ повелительно и на дипломатію.

Остановимся на минуту на общей сторонѣ толковъ нѣмецкой печати о гаштейнскомъ свиданіи, а потомъ перейдемъ къ той, которая ближе касается Россіи. Любопытно, во-первыхъ, что публицисты, разсуждающіе съ видомъ посвященныхъ въ тайны о свиданіи канцлеровъ двухъ имперій, увѣряли преусердно, что свиданія эти имѣютъ цѣлью упроченіе мира въ Европѣ. Священнымъ словомъ «миръ» такъ злоупотребляютъ со временъ знаменитаго «l'empire c'est la paix» (въ послѣднее время ни одна рѣчь въ пользу увеличенія армій и военнаго бюджета въ европейскихъ парламентахъ не обходится безъ панегирика миру), — что уже

одно произнесение слова «миръ» заставляетъ мирныхъ людей довольно подозрительно осматриваться. Гдѣ же тѣ военныя бури, противъ которыхъ надо устраивать лигу мира, инициативу которой беретъ на себя первое военное и воинственное государство въ западной Европѣ? Въ настоящее время въ Европѣ существуетъ только три мѣста, въ которыхъ находятся реальныя основанія для военныхъ взрывовъ, — хотя очень можетъ быть, что и въ нихъ обойдется безъ всякаго взрыва. Мѣста эти: Франція, Турція и сама Австрія. Есть еще и четвертое мѣсто, возможность войны изъ-за котораго не такъ ясно видна, но она черезъ то не становится меньшею. О немъ мы скажемъ дальше.

Франція думаетъ о мести за Седанъ и Парижъ, о возвращеніи Страсбурга и Метца. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Если въ виду этого Пруссія не расположена очищать слишкомъ поспѣшно французскія провинціи, — это тоже довольно естественно; если прусско-германское правительство разсудитъ поступить съ Бельфоромъ, какъ съ Сѣвернымъ Шлезвигомъ, — это не будетъ противно традиціямъ и принципамъ прусской политики. Вотъ и реальныя основанія для военнаго столкновения между Франціей и Германіей. На этотъ случай устраивается лига мира между Австріей и Пруссіей? Почему-жъ не пригласили сюда Россіи, — которая такъ сильно помогла приобрѣтенію Пруссіей Эльзаса и Лотарингіи? Не чувствуютъ ли въ Германіи, — что Россія и такъ уже сдѣлала много, что въ другой разъ помогать добыванію Франціи будетъ слишкомъ уже внѣ русскихъ интересовъ? Объ этихъ вопросахъ не говорить нѣмецкая печать.

Больше говорятъ о другой возможности военнаго взрыва въ Европѣ: о турецкомъ вопросѣ. Здѣсь взрывъ возможенъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: или, если турецкое правительство не только не облегчитъ гнета надъ христіанскимъ населеніемъ и не дастъ ему правъ на постепенное самостоятельное развитіе, но еще усилитъ этотъ гнетъ; на чьей сторонѣ должна стать тогда Россія, — говорить нечего; или, если Австрія обнаружитъ рѣшительное намѣреніе прихватить Румынію, или Боснію (не даромъ же австрійское правительство хлопотало объ обученіи молодого экс-эрцгерцога Тосканскаго сербскому языку, посылало его путешествовать по Босніи и Герцеговинѣ, результатомъ чего явилась пока еще только красивенькая брошюрка съ типами мѣстнаго населенія и т. п. картинками). Въ европейской печати говорятъ всего чаще о третьемъ поводѣ къ военному столкновению на Востокѣ, — а именно о нападеніи Россіи на Турцію съ цѣлью завоеванія Константинополя, и всякія заявленія русскаго правительства и органовъ общественнаго мнѣнія о томъ,

что существованіе турецкаго государства, — напимѣръ, въ видѣ федераціи самоуправляющихся христіанскихъ племенъ подъ главенствомъ султана сообразно программѣ, изложенной нашими канцлерами во время кандійскаго вопроса, — называютъ лицемѣріемъ. Мы не станемъ ручаться за всѣ кружки нашего образованнаго общества, но полагаемъ, что имѣемъ полное право сказать, что для реальныхъ интересовъ Россіи, сохраненіе Турціи въ видѣ федераціи самоуправляющихся племенъ, хотя бы подъ властью магометанскаго правительства, надолго было бы вполне удовлетворительно, — такъ что наиболѣе тревожащія Европу возможность взрыва на Востокѣ, по инициативѣ Россіи, въ нашихъ глазахъ имѣетъ наименѣе вѣроятности. Мало вѣроятно и общее возстаніе балканскихъ христіанъ, если только турецкое правительство вступитъ на дорогу реальныхъ уступокъ ихъ стремленіямъ къ гражданской свободѣ и самоуправленію; а Турція, несбываемая посторонними внушеніями и знающая, что подлѣ есть сильное славянское государство, не можетъ не пойти по дорогѣ благоразумія. Остается вторая возможность взрыва, — а именно возможность движенія Австро-Венгріи къ приобрѣтенію новой области на Дунаѣ.

Съ извѣстной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія славянской, это приобрѣтеніе нельзя бы было считать вреднымъ для славянства. Чѣмъ болѣе Австрія наберетъ славянъ, тѣмъ сильнѣе станетъ въ ней славянскій элементъ. А если Австро-Венгрія захватитъ Румынію, то тѣмъ болѣе усилится румынскій элементъ, который въ Трансильваніи представляетъ реакцію венгерскому, а потому въ венгерскихъ дѣлахъ держитъ союзъ съ славянской оппозиціей. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что расширеніе Австріи на югъ, до тѣхъ поръ пока въ ней господствуетъ система дуализма, т. е. нѣмецкой и венгерской гегемоніи, т. е., еще разъ, нѣмецкой и венгерской эксплуатаціи остальныхъ племенъ, преимущественно славянъ, было бы распространеніемъ еще и на новыя области этой гегемоніи и эксплуатаціи съ ея политическими, экономическими и нравственными послѣдствіями, было бы шагомъ къ осуществленію «Германіи прилегающей къ четыремъ морямъ», которую бралъ за точку отправленія своихъ экономическихъ разсужденій основатель нѣмецкаго таможеннаго союза, Листъ, шагомъ къ исполненію мечтаній Рощера, который считаетъ «балканскія и дунайскія земли, отведенныя Провидѣніемъ на колонизацію нѣмцевъ» и т. д. Что подобный шагъ невыгоденъ для славянства, — доказательство въ томъ, что какъ ни мечтаютъ сербы въ Бѣлградѣ и Новомъ-Садѣ и хорваты въ Загребѣ о юго-славянской федераціи, но не только

сербы княжества, но сербы и хорваты австрійскіе всегда протестуютъ противъ всякаго попятнаго къ распространенію владѣній австро-венгерскаго правительства на югѣ.

Мысль о естественной принадлежности нѣмецкому племени области до Нѣмана и Днѣстра высказана недавно еще даже въ такомъ изданіи, какъ знаменитый *Conversations-Lexikon*, изд. Брокгауза въ Лейпцигѣ. Именно въ добавленіи къ нему, представляющемъ энциклопедическое описаніе новѣйшаго времени (вып. 7, 1871), въ статьѣ «Нѣмецкій народъ» читаемъ: «Естественная область нѣмецкаго народа обнимаетъ бассейны Шельды, Рейна, Эмса, Везера, Эльбы, Эйдера, Одера, Вислы, Прегеля и Нижняго Нѣмана (Мемеля), а также область Дуная, Днѣстра, Верхняго Этча и Триестскаго залива. Протяженіе ея отъ устья Дуная до устья Рейна имѣетъ 240, а отъ Монте Розы до Мемеля 200 м.; пространства имѣетъ эта область около 30,000 кв. м. На этой области нѣмецкій народъ двигался съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ со всѣми своими племенами на поле исторіи, но теперь въ этой области государства съ существенно нѣмецкимъ характеромъ, по крайней мѣрѣ подъ властію нѣмецкихъ государей и съ духовнымъ или численнымъ преобладаніемъ нѣмецкаго населенія (куда также надо включить и Швейцарію, Голландію, Бельгію и всю Австрію) занимаютъ едва 25—24,000 кв. м. Впрочемъ, несмотря на то, что во время переселенія народовъ земли на востокъ и юго-востокъ до верхнихъ притоковъ Эльбы и за эту рѣку были наводнены славянами и мадьярами,—нѣмецкій духъ и нѣмецкій мечъ стремятся въ теченіи 1000 лѣтъ отобрать вновь землю отцовъ и съ такимъ успѣхомъ, что теперь даже туда перенесены центры тяжести большихъ нѣмецкихъ государствъ, Берлинъ и Вѣна». По этимъ словамъ завоеваніе нѣмецкимъ мечомъ, напр., Польши или Бессарабіи было бы также возвращеніе земли отцовъ, какъ и завоеваніе Эльзаса. Нѣмецкая печать являла недавно еще весьма характерическій образчикъ аргументаціи въ пользу завоеванія Эльзаса, называя эти завоеванія возвращеніемъ эльзасцевъ къ общему отечеству,—хотя жители Эльзаса и сопротивлялись ему. Но тутъ хоть можно было сказать, что возвращаютъ блуднаго и непокорнаго сына «въ отчій домъ». Но приведенная нами выдержка показываетъ, что аргументы въ пользу распространенія предѣловъ германскаго отечества не ограничиваются только кабинетной этнографіей и исторіей, а заимствуются и изъ археологій. Вѣдь мало гдѣ, въ какихъ земляхъ не «двигались» предки европейскихъ народовъ,—но если въ какой-нибудь землѣ теперь и помину нѣтъ объ извѣстномъ народѣ, а тамъ сидитъ другой,—

то какая же можетъ быть рѣчь о возвращеніи земли отцовъ? Такъ, пожалуй, французы могутъ, по праву происхожденія отъ галловъ, объявить права на Богемію, славяне, начитавшись изысканій своихъ археологовъ-этнографовъ, на Венецію и даже на Андалузію и Португалію и т. д. За аргументами изъ теорій естественныхъ границъ дѣло не станетъ, — такъ какъ естественныхъ границъ собственно нѣтъ почти нигдѣ на земномъ шарѣ, — ибо рѣки, напр., вовсе не дѣлятъ народовъ и странъ, горные хребты не дѣлятъ рѣчныхъ бассейновъ (то, что называютъ географы водораздѣломъ, очень часто только теоретическая линія, а рѣки долинами проходятъ часто черезъ огромные хребты, — Рейнъ, Рона, Эльба, Буремпутеръ и т. д.), теперь даже моря не раздѣляютъ народовъ, значить, съ помощію ученой софистики, можно придумать аргументы отъ географіи въ пользу всякаго ученаго захвата. Почему, напр., границы естественной области германцевъ Нѣманъ и Днѣстръ, а не Волховъ и Днѣпръ и т. д.? Къ тому же готы «двигались» по Днѣпру и въ Крыму, а аланы даже за Дономъ... Не правда ли, съ такою аргументаціей мы дойдемъ до временъ войнъ «избраннаго народа» съ хананеями? Вотъ до какой ветхозавѣтности доводитъ наука, если она не умѣряетъ національнаго эгоизма, а окрыляетъ его, если ученые такъ узко понимаютъ обязанность свою помогать политикѣ, какъ это, въ сожалѣнію, такъ часто случается теперь въ Германіи. Нѣмецкая литература переполнена жалобами на «нѣмценовѣдѣніе» и «нѣмцеѣдство» почти во всѣхъ европейскихъ обществахъ, — и объясняетъ это «нѣмцеѣдство» завистью, или національною «продервостію» сосѣдей, видитъ во всѣхъ людяхъ, которые не очень-то симпатично настроены къ нынѣшнему національному и общественному направленію въ Германіи, только Кассаньяковъ, Жиарденовъ и т. п. Слова нѣтъ, — въ «нѣмцеѣдствѣ» европейской печати есть не мало кассаньячества, но въ виду того, какъ нѣмецкіе публицисты и ученые возобновляютъ древнія и ветхозавѣтныя идеи объ отношеніяхъ народовъ и служатъ заразительнымъ примѣромъ для сосѣдей, въ европейскихъ интеллигенціяхъ поднимается и другой сортъ «нѣмцеѣдовъ», которыхъ идеи всего болѣе могутъ быть выражены словами героя одного изъ величайшихъ нѣмцевъ, Лессинга, — вложенными имъ въ уста тампліера, который говоритъ Натану, что не любить евреевъ, такъ какъ они вообразили себя привилегированнымъ народомъ и передали эту доктрину исключительности и христіанамъ и магометанамъ.

Допустивъ теперь, что въ Гаштейнѣ была заведена рѣчь о возможности подобнаго распространенія, — спросимъ: не потому

и не пригласили въ союзу и Россію, что ея мнѣніе не очень гошло бы отъ мнѣнія ея соплеменниковъ въ Загребѣ, Новомъ-адѣ и Бѣлградѣ? Какія же «шероховатости» по этому вопросу въ отношеніяхъ Россіи и Австріи взялся сгладить кн. Бисмаркъ? для князя Бисмарка, т.-е. для германской политики всякое распространение Австріи на югъ было бы полезно, — ибо приготовило бы наслѣдство для Германіи; не даромъ же предусмотрительный политикъ прусскій на другой день Садовой воспротивился требованію Италіи на Южный Тироль, заключающій важные стратегическіе проходы изъ австро-нѣмецкихъ земель во владѣнія тогдашнихъ союзниковъ Пруссіи.

Европейскій миръ можетъ быть нарушенъ и при извѣстномъ боротѣ внутреннихъ дѣлъ въ одной изъ державъ, которыя овѣщались въ Гаштейнѣ о сохраненіи будто бы европейскаго мира. Мы говоримъ объ Австріи. Въ этой странѣ теперь предпринять опытъ примиренія всѣхъ народностей въ федеральной формѣ государственной жизни. Ни для кого не тайна, что «непримиримые» въ отношеніи къ этому опыту — австрійскіе нѣмцы, исключая тирольцевъ, которые только потому за федерализмъ, что надѣются на торжество клерикализма въ областномъ сеймѣ, (а и то относительно южнаго, итальянскаго Тироля обнаруживаютъ такую же нетерпимость, какую штирійскіе и карпатскіе нѣмцы обнаруживаютъ относительно словинцевъ. Не тайна также, что печать всей Германіи находитъ, что австрійскіе нѣмцы были бы оскорблены уравниеніемъ съ ними въ правахъ «полуварварскихъ народовъ, недостойныхъ отрѣшиться у нѣмцевъ ремень у ногъ», ибо нѣмецкая печать не стыдится возстановлять среди XIX-го в. до-христіанское воззрѣніе о варварахъ, которые будто бы должны быть рабами цивилизованныхъ да еще съ кигаискою тупостію примѣнять это дикое, варварское ученіе къ такому, напр., народу какъ чехи, которые, конечно, не могутъ быть названы варварами. Всѣ знаютъ также, что австрійская нѣмецкая печать говоритъ о возможности революціи въ австро-нѣмецкихъ земляхъ и обращеніи ихъ къ объединенной германской имперіи за защитой отъ «славянскаго Молоха», создаемаго графомъ Гогенвартомъ, и что печать Германіи далеко не отрекается отъ протягиванія руки помощи «долженствующимъ погибнуть въ объятіяхъ славянскаго Молоха нѣмецкимъ братьямъ». Читали мы не разъ въ нѣмецкой печати въ Австріи и Германіи, что предоставленіе славянамъ въ Австріи права на самостоятельное національное развитіе приведетъ къ распространенію «въ самое сердце Германіи русскихъ интригъ и подкоповъ», — а ужъ хуже вліанія русскихъ «кнутолюбивыхъ и каучукопродан-

ныхъ варваровъ» ничего, по понятіямъ публицистовъ Вильяма Аугсбурга, Берлина и т. п. и быть не можетъ. Передъ всѣмъ свѣтомъ нѣмецкая печать заявила, что гр. Бейстъ есть единственный опора нѣмецкаго элемента въ правительствѣ императора Франца-Иосифа, — а слѣдовательно и охранитель сердца Германіи отъ русско-славянскаго Молоха. Если это такъ, то совершенно понятно, почему русскаго представителя не было вмѣстѣ съ гр. Бейстомъ въ Гаштейнѣ. Но вотъ что непонятно, — какими образомъ кн. Бисмаркъ взялся сгладить «шероховатости» въ отношеніяхъ между гр. Бейстомъ и русскими дипломатами! Вѣдъ это значитъ, что кн. Бисмаркъ, наперекоръ всему общественному мнѣнію Германіи, взялся склонить гр. Бейста и представляемыя имъ сферы къ уступкамъ планамъ гр. Гогенварта и славянской оппозиціи. Пожимаемъ плечами, — но восклицаемъ: «великъ Аллахъ въ князѣ Бисмаркѣ фонѣ-Шенгаузенѣ!» Если ужъ и онъ берется сглаживать шероховатости въ отношеніяхъ между австрійскими нѣмцами и славянами, — то какъ не установиться внутреннему миру въ Австріи, а тогда дѣйствительно облегчится и миръ въ Европѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, внутренній миръ въ Австріи зависитъ всецѣло отъ нѣмцевъ. Захотятъ они мирно жить на равныхъ правахъ съ славянами, — Австрія будетъ спокойна, цѣла, сильна. Не захотятъ, — одинъ исходъ — революція, и революція, начатая нѣмцами, затѣмъ война и распаденіе Австріи. Предвидѣли ли и этотъ исходъ политики, толковавшіе въ Гаштейнѣ?... Что за революціоннымъ взрывомъ нѣмецкаго населенія въ Австріи чисто нѣмецкія земли ея обратятся къ германской имперіи съ просьбою принять ихъ подъ свою власть, и что эта имперія быть можетъ, помявшись нѣсколько для вида, какъ Пьемонтъ передъ Тосканой и Неаполемъ, — протянетъ къ нимъ свои объятія, — объ этомъ и говорить нечего. Является вопросъ: а какъ же будетъ съ Чехіей, Моравіей, съ славянскими округами Штирии и Каринтіи? Нѣмцы австрійскіе, конечно, не захотятъ разстаться съ ними, — иначе зачѣмъ же было сопротивляться и планамъ гр. Гогенварта? Захочетъ ли новая германская имперія разстаться съ этими *имперскими* землями, которыя тащили въ себѣ даже революціонный франкфуртскій парламентъ 1848-го года? Конечно нѣтъ, — если и въ 1866-мъ году Пруссія требовала отъ Австріи Богеміи, хоть до Эльбы! Коснулись ли гаштейнскіе миротворцы въ своихъ переговорахъ возможности подобныхъ событій? Конечно, невѣроятно, чтобъ канцлеръ государства разговаривалъ съ другимъ о возможности распаденія своего государства и занятія земель его государствомъ, съ пред-

ставителемъ коего онъ дружески бесѣдуетъ. Невѣроятно, — но послѣ того какъ гр. Бейста величаютъ представителемъ оппозиціи планамъ министерства, его же государемъ назначеннаго, — чему удивляться? А если въ Гаштейнѣ было затронуто что-либо подобное, то безъ всякихъ объясненій понятно, почему туда не позвали русскаго дипломата, потому что трудно найти такого, который бы согласился на предоставленіе Чехіи, Моравіи, Каринтіи и Штиріи германской имперіи, — потому что за этимъ надо было бы согласиться и на отмежеваніе ей и всей области Дуная, — а тогда весь обширный юго-западъ Россіи былъ отданъ бы на эксплуатацію нѣмцамъ, которые теперь, благодаря характеру границъ и теченію рѣкъ, и такъ изъ Кёнисберга и Берлина эксплуатируютъ Польшу и сѣверо-западъ Россіи. Чтобы по вопросамъ, связаннымъ съ распаденіемъ Австріи, князь Бисмаркъ взялся сгладить шероховатости въ отношеніяхъ графа Бейста и русскихъ политиковъ, — совершенно невѣроятно.

Но, говорятъ нѣмецкія газеты, дипломатовъ Россіи не пригласили въ Гаштейнъ потому, что этому препятствуетъ ходъ внутреннихъ дѣлъ въ Австріи, — а именно *опыты гр. Гогенварта съ поляками*. Вотъ по какому пункту кн. Бисмаркъ взялся погладить шероховатости въ отношеніяхъ Россіи и Австріи! Значить, какъ поладятъ съ этой стороны внутреннія дѣла Австріи, такъ, пожалуй, пригласятъ къ новому свиданію и русскаго дипломата. Повторяемъ, мы говоримъ не о гаштейнскихъ дипломатахъ, — а о толкахъ нѣмецкихъ газетъ, которые кажутся намъ не безынтересными и независимо отъ того, вѣрно ли онѣ, или нѣтъ передаютъ ходъ переговоровъ въ Гаштейнѣ. Ну, такъ по поводу этихъ толковъ въ органахъ нѣмецкой печати объ отношеніи Россіи «къ внутреннимъ дѣламъ Австріи» и «къ опытамъ гр. Гогенварта» мы не можемъ не сказать, что никогда еще имя Россіи не было въ такой степени жертвою наглої спекуляціи и интриги, какъ въ данномъ случаѣ.

Что за опыты гр. Гогенварта, — извѣстно. Однимъ ли полякамъ онъ обѣщалъ автономію? Нѣтъ, — въ его программу вошла автономія всѣхъ коронныхъ областей Цислейтаніи и равноправность всѣхъ населяющихъ ее народностей. Погладить шероховатости автономіи Галиціи и право поляковъ — значить погладить шероховатости правъ и чеховъ съ моравами, и словинцевъ и далматинцевъ¹⁾. Нечего сказать, — поблагодарятъ насъ

¹⁾ Есть одна, и крупная шероховатость въ устройствѣ автономіи Галиціи, — это недостаточное обезпеченіе правъ тамошнихъ русскихъ. Но и сами тамошніе русскіе политики поняли наконецъ, что постоянная поддержка, которую они оказывали нѣ-

славяне, если для установленія добрыхъ отношеній нашихъ къ Австріи въ этой послѣдней произведутъ такую полировку. «Опыты гр. Гогенварта съ поляками!» А давно ли говорили про опыты гр. Бейста съ поляками? А давно ли нѣмецкіе централисты всякихъ оттѣнковъ готовы были дать автономію полякамъ въ Галиціи, только-бы не давать ея чехамъ, давно ли отдавали полякамъ въ жертву русиновъ, только-бы сохранить гегемонію нѣмцевъ надъ чехами и словинцами?! Вспоминали тогда о Россіи? Да,—вспоминали, но какъ? Какъ о державѣ, которая ежеминутно грозитъ поглотить Австрію, а потому надо, чтобы на границѣ ея окрѣпло во враждѣ къ ней племя польское! За ничего нестоющія фразы, за господство надъ русинами, поляки въ 1867-мъ г. продали славянъ нѣмецкой централистической партіи, — и тогда назначенный гр. Бейстомъ намѣстникъ Галиціи гр. Голуховскій, бюрократъ, лично неимѣющій никакихъ убѣжденій, а говорящій сообразно дующему въ официальныхъ сферахъ вѣтру,—отвѣчалъ въ львовскомъ сеймѣ на требованія нѣсколькихъ голосовъ автономіи для Галиціи, — что поляки не должны желать федеральной Австріи, ибо тогда Галиція будетъ слаба и поляки должны будутъ ограничить свою дѣятельность ею, между тѣмъ какъ цѣль поляковъ галицкихъ должна быть возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772-го года; для этого же нужна имъ сильная централизація Австріи. Такъ говорилъ официальный представитель власти императора австрійскаго, и тогда ни австрійскіе, ни германскіе политики и публицисты не думали, какъ отзовутся эти слова въ Россіи. Только теперь, когда поляки начинаютъ понемногу понимать, что они вѣчно будутъ игрушкою интригановъ, французскихъ ли, или прусскихъ, если не соединять своихъ судебъ съ судьбами другихъ славянъ, по крайней мѣрѣ западныхъ, когда галицкіе поляки получаютъ автономію не какъ исключительную привилегію въ награду за-помощь нѣмцамъ и мадьярамъ противъ другихъ славянъ, а на ряду съ другими славянами, когда поляки выражаютъ готовность сдѣлать (хотя пока и не очень большія) уступки русинамъ, — которымъ гр. Гогенвартъ обѣщалъ на ряду съ другими племенами обезпеченіе правъ, теперь только вспомнили о Россіи и желаютъ, подѣ

мецкому централизму, мало помогла ихъ народности, а теперь только возбудила бы противъ нихъ всѣхъ славянъ. Обративши вниманіе на народное образованіе, на поднятіе экономическаго уровня народа, занявшись вопросами, въ конѣхъ съ русинами могутъ быть солидарны и депутаты сельскихъ классовъ польской Галиціи, — словомъ, отложивъ на время «высокую политику» для подготовки для нея почв (какъ дѣлали чехи въ свое время) русскіе въ Галиціи могутъ повернуть въ свою пользу автономію ея.

видомъ любезности къ Россіи, урѣзать объемъ «опытовъ гр. Гогенварта», т.-е. другими словами представить Россію, а не нѣмецкихъ централистовъ, врагомъ не только поляковъ, но и всѣхъ австрійскихъ славянъ. Ловко придумано! Но только, смѣемъ увѣрить нѣмецкихъ публицистовъ, что не всѣ въ Россіи дадутся въ обманъ. Въ Россіи многіе знаютъ, а другіе узнаютъ именно благодаря услужливости нѣмецкихъ публицистовъ, — кому дѣйствительно страшно здоровое развитіе польской народности въ предѣлахъ областной автономіи и въ этнографическихъ границахъ польскаго племени, а тамъ гдѣ оно смѣшано съ другими, какъ въ восточной Галиціи, — съ обезпеченіемъ правъ и не польскаго племени. Все это дѣйствительно страшно, — только не для Россіи; дѣйствительно свободное и здоровое развитіе поляковъ въ Галиціи, ихъ миръ съ русинами не можетъ не отразиться и на положеніи поляковъ въ Познани и въ царствѣ польскомъ, — только опять-таки Россіи нечего бояться вліянія автономной Галиціи. Она страшна кому-то другому. Кому же и почему она страшна, кому выгодно ненормальное и безпкойное положеніе царства польскаго и почему, — это увидитъ читатель, если дастъ себѣ трудъ послѣдовать за нами дальше; здѣсь же довольно и высказанныхъ соображеній о мнимой ловкости нѣмецкой публицистики и пунетахъ, которые представляютъ опасность для европейскаго мира; дальше читатель встрѣтитъ четвертый пунктъ такой — царство польское.

II.

Отношенія нѣмецкой печати къ полякамъ и къ царству польскому чрезвычайно характерны и не могутъ не наводить и русскихъ и поляковъ на поучительныя размышленія. По поводу поляковъ печать нѣмецкая раздѣляется обыкновенно на два лагера: это стоитъ ближе къ официальнымъ прусскимъ сферамъ, тотъ обыкновенно не скупится на рѣзкія выраженія о полякахъ и заявляетъ, что Пруссія и Россія связаны между собою необходимостію сдерживать поляковъ, хотя, конечно, говоря такія вещи, прусскіе ораторы и публицисты прибавляютъ, что они «не думаютъ не порицать всѣхъ дѣйствій и мѣръ русскаго правительства». Такой смыслъ имѣли рѣчи гр. Бисмарка послѣ польскаго возстанія, въ такомъ смыслѣ выражается о полякахъ Россіи и Пруссіи авторъ брошюры «Deutschland und Russland», происхождение которой приписывается официальнымъ сферамъ и которая недавно вышла и по-русски. Чѣмъ болѣе какой ораторъ или органъ печати на-

зываетъ себя независимымъ въ Пруссіи и Германіи, тѣмъ болѣе почитаетъ себя обязаннымъ встать и не встать вспоминать о «московитскомъ варварствѣ въ отношеніи въ Польшѣ, о вnutѣ, о жестокостяхъ ген. Муравьева, о преслѣдованіяхъ католицизма въ Польшѣ, о стремленіи къ руссификаціи ея» и т. п. Примѣровъ, право, и приводитъ нечего. Возьмите газеты за одинъ день, и вы найдете хоть въ одной что-либо въ такомъ родѣ. Но вѣдь поляки есть не въ одной только русской имперіи. Если нѣмецкая печать недовольна руссификаціей Польши, — а она недовольна даже «руссификаціей» западнаго русскаго края (недавно нѣмецкія газеты, — это, а нѣмцы въ географіи и статистикѣ крѣпки не въ примѣръ французамъ, — помѣстили извѣстіе о предстоящемъ открытіи судебныхъ мировыхъ учрежденій въ западныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Кіевской, подъ названіемъ: Мировые суды въ Польшѣ), то, навѣрно, она недовольна также и германизацией Познани, готова дать послѣдней автономію и подобныя блага. То-то и есть, что нѣтъ. Въ томъ-то и характеристичность либерализма нѣмецкой публицистики насчетъ русскихъ. Мало того, когда въ 1867-мъ году, во время составленія сѣверо-нѣмецкой конституціи, положено было, что и Познань, прежде не входившая въ составъ Германскаго Союза, будетъ составною частію сѣверо-германскаго, гр. Бисмаркъ отвѣчалъ на протесты польскихъ депутатовъ Познани, что они посягаютъ на цѣлость прусскаго государства, когда этого вовсе ни откуда не было видно, а депутаты желали только сохраненія того положенія, въ какомъ они прожили въ прусскомъ государствѣ болѣе 90 лѣтъ, — что «поляки не знаютъ сами, чего хотятъ, что ихъ старая Польша невозможна, такъ какъ въ ней большинство принадлежало литовцамъ и русскимъ», — между тѣмъ, какъ въ Познани нѣтъ ни литовцевъ, ни русскихъ. И вся палата сѣверо-германская рукоплескала гр. Бисмарку, вся печать нѣмецкая одобрила включеніе Познани въ Германію, какъ одобрила она его и недавно при утвержденіи конституціи германской имперіи, когда кн. Бисмаркъ нашелъ уже другой резонъ въ отвѣтъ польскимъ депутатамъ, а именно сталъ увѣрять ихъ, что они «не польскіе, а католическіе депутаты». Извѣстно, что въ палатѣ германской только два нѣмецкіе голоса были поданы за неключеніе польскихъ земель въ Германскій Союзъ, въ печати же не нашлось и двухъ органовъ, которые бы поддержали требованіе познанскихъ депутатовъ. Мало того, когда обнародовано было письмо одного клерикальнаго депутата, говорившее въ похвалу партіи центра, что она сочувствуетъ всѣмъ страждущимъ, и даже полякамъ, то, — хотя центръ не сдѣлалъ ни кивка въ поддержку познанскихъ

депутатовъ, — гуляющая теперь насчетъ клерикаловъ нѣмецкая либеральная печать жаловалась, что центръ покровительствуетъ самымъ позорнымъ, самымъ вреднымъ элементамъ въ Германіи, *даже полякамъ*.

Такимъ образомъ, либерализмъ нѣмецкой публицистики по польскому вопросу насчетъ Россіи вовсе не считаетъ себя обязательнымъ быть послѣдовательнымъ, когда зайдетъ рѣчь о тѣхъ же полякахъ въ Пруссіи, и даже употребляетъ русскую аргументацію отъ западнорусскаго края для примѣненія въ Познани. А вѣдь, казалось бы, либералу насчетъ Россіи еще легче быть либераломъ насчетъ Пруссіи: въ Россіи есть, кромѣ области, заселенной сплошь поляками, еще область, гдѣ поляки меньшинство и малое меньшинство, не больше $\frac{1}{20}$, а между тѣмъ претендуютъ на господство; въ Россіи дѣйствительно есть извѣстная доля справедливости, когда говорятъ, что дай полякамъ автономію за Вислою, такъ они захотятъ господства и до Днѣпра и Двины и даже дальше. А въ Познани—поляки большинство, никакихъ стремленій къ расширенію не то господства, а и слабѣйшаго вліянія на западъ, — они и не замышляютъ. А все-таки надо ихъ включить въ Германію, т.-е. *охранить польскія земли силою не только Пруссіи, а всей Германіи*, — и германизировать, елико возможно. И если «слабость» Россіи, ея правительство и общество попустить узды польскому элементу на Вислѣ, — надо «научить русскихъ патриотизму», какъ говорили нѣмецкія газеты объ издателѣ «S.-Petersburger Zeitung» г. Мейерѣ, который будто бы «раньше г. Каткова научилъ русскихъ патриотизму», — только бы вредное движеніе на Вислѣ не отразилось на Варту. Если подобное послабленіе дѣлается въ Галиціи, и если оно такого рода, что можетъ только отражаться безпокойствами и затѣмъ репрессаліями въ Россіи, — можно похвалить гр. Бейста за то, что онъ «не слѣдуетъ примѣрамъ московскихъ нивеллаторовъ, дающихъ трупъ несчастной Польши»; но чуть въ Галиціи предпримутъ дѣло болѣе серьезное, имѣющее цѣлью не заигрываніе съ мечтаніями польскими, а областную автономію, тогда надо подавить вредные «опыты гр. Гогенварта, долженствующіе вызвать неудовольствіе русскаго правительства противъ Австріи и тѣмъ повредить доброму согласію на востокѣ Европы». А если бы «опыты гр. Гогенварта» были дѣйствительно остановлены или укорочены, — тогда стали бы говорить «бѣднымъ полякамъ», что вотъ «сѣверный монгольскій колоссъ не потерпѣлъ даже той скромной свободы, которую готово было дать нѣмецкое правительство несчастному польскому народу въ Галиціи».

Гдѣ же причины такой «мудрой» непоследовательности? Ихъ много. Теперь мы поговоримъ объ одной. Дѣло въ томъ, что въ Германіи есть немало людей, которые полагаютъ, что приобрѣтеніе царства польскаго было бы необходимымъ и естественнымъ дополненіемъ къ Германіи, такимъ же необходимымъ, какъ и приобрѣтеніе Богеміи и Моравіи, относительно принадлежности которыхъ къ Германіи никто изъ нѣмцевъ не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Очень часто, когда въ Германіи,—какъ, напр., во время настоящей войны,—нужно успокоить Россію,—нѣмецкая печать доказываетъ, что Остзейскій край не нуженъ Германіи, что прибрѣвъ провинціи, которыя составляютъ береговую линію, не принадлежащей ей во всемъ объемѣ страны, Германія бы прибрѣла земли вѣчно нуждающіяся, какъ нуждается Восточная Пруссія, составляющая только приморскую часть бассейна, принадлежащаго не Германіи. Дѣйствительно границы между царствомъ польскимъ и Пруссіей невыгодны и если ужъ что прибрѣтать отъ насъ Германіи, такъ, конечно,—во всякомъ случаѣ не Остзейскія губерніи, а Польшу. Тѣ далеко,—эта близко, да и составитъ прекрасное дополненіе къ перешней границѣ. Допустите разъ границу Германіи по Нѣману и Бугу,—и посмотрите, какъ легко потомъ провести ее до пересѣченія съ Карпатами. Въ самомъ дѣлѣ, — въ какомъ тогда положеніи очутится узкая полоса западной Галиціи? Угнѣшите Россію присоединеніемъ къ ней даже части восточной Галиціи,—но знайте, что страна, которая будетъ владѣть Кѣнигсбергомъ, Варшавой, Краковомъ и Львовомъ будетъ владѣть заховомъ, которымъ можетъ по произволу запираеть дверь изъ Россіи въ Европу. Но вернемся къ царству польскому и приведемъ доказательства, что дѣйствительно есть въ Германіи люди, которые засматриваются на него. Мы собственно приведемъ примѣры поновѣе, потому что и въ русской печати не разъ были уже приводимы выдержки изъ разныхъ нѣмецкихъ брошюръ и книгъ, которыя высказывали, что присоединеніе царства польскаго къ Германіи было бы естественнымъ и полезнымъ для Германіи дѣломъ.

Въ 1870-мъ г., еще передъ войной, вышла въ Бранденбургѣ маленькая, но во многомъ преинтересная, хотя и презабавная брошюрка подъ заглавіемъ: *Europa im Lichte der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft*. Ein politischer Rundblick und ein Mahnruf von einem preussischen Conservativen. R. (Европа въ свѣтѣ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Политическій обзоръ и вѣликъ напominанія прусскаго консерватора). Надъ заголовкомъ стоятъ цифры 1800. 1870. 1900,—надъ буквою R

коронка. Мы назвали брошюрку презабавною, потому что она выражает самым наивнымъ образомъ мысли бранденбургскаго служащаго дворянина и его симпатіи и обращенія ко всѣмъ державамъ и народамъ Европы; но мы назвали брошюрку эту и интересною, потому что она весьма характерно передаетъ симпатіи и антипатіи, принципы и мечты той среды, изъ коей вышли всѣ птенцы семьи героевъ, прославившихъ прусское оружіе въ послѣднюю войну. Пробѣгая брошюрку г. R. послѣ войны, видишь теперь, какъ готовились къ ней сферы, представляемыя г. R., и какъ давно задумано было и предусмотрѣнно многое, что казалось и что сами пруссаки выдавали за вызванное необходимою или за случайное. Любопытно обращеніе бранденбургскаго дворянина къ Франціи: «Не думай, Франція, что имѣецъ такъ враждебенъ къ тебѣ, какъ онъ, къ сожалѣнію, кажется! О, мы умѣемъ хорошо цѣнить эту огненную кровь, которая течетъ въ тебѣ, которая заставляетъ тебя хвататься за мечъ всякій разъ, когда ты думаешь, что что-нибудь можетъ бросить на твою *gloire* подобіе пятна... И однакожь, Франція, твои дѣла печальны. На твоемъ тронѣ сидитъ человѣкъ, который не имѣетъ ни капли царственной крови въ жилахъ своихъ. Еще перваго Наполеона ты могла допустить себя любить, Франція; хотя онъ и не былъ государь Божіей милостию, онъ былъ однакожь геній, имѣть котораго своимъ господиномъ, всякій народъ считалъ бы себя счастливымъ. Онъ разнесъ твою славу по половинѣ свѣта, положилъ къ ногамъ твоимъ всю Европу... Но лѣнивыя и блѣдныя корсиканскія лица теперешнихъ Наполеонидовъ не имѣютъ духа, чтобы править тобою, великая Франція! «Гдѣ-жъ взять, если не украсть?» какъ говорить берлинецъ... Избери себѣ новаго воеводу изъ твоихъ старыхъ дворянскихъ родовъ. Господствовать надъ Европой, Франція, ты уже не можешь, но распространить свои границы еще можешь: Бельгія—вотъ собственно провинція Франціи, но долину Рейна и нашъ старый Страсбургъ должна намъ Франція выдать назадъ. О Страсбургъ, Страсбургъ, — тебя мы не уступимъ никогда! Но за то Франція должна получить западную, большую половину Швейцаріи, этого нѣкогда энергическаго маленькаго государства, которое теперь совершенно изжилось».

Посмотримъ теперь, какъ распоряжается бранденбургскій дворянинъ на восточной границѣ. «Россія, восклицаетъ онъ, страна соболей и брильянтовъ, ты не европейская земля!... Тебѣ не удалось еще вступить во владѣніе Турціей. Франція и Англія, съ помощью предательства Австріи, заставили тебя поки-

нута гордые твои планы. Но времена мести придутъ и для тебя! Австрія—государство, которое не имѣетъ никакой жизненности. На вѣки уничтоженная, какъ нѣмецкое государство, славянскимъ она быть не можетъ. Что же сообразить съ природою, какъ не то, чтобъ нѣмецкія земли возвратились къ ихъ племени, а остальные достались Россіи? И сѣверная часть Турціи и Черное море принадлежатъ тебѣ, Россія! Но южныя нѣтъ. И Балтійское море не тебѣ принадлежитъ! Твои нѣмецкія провинціи вздыхаютъ подъ вѣнгомъ. Обрусить ихъ ты не можешь, потому что никакая нѣмецкая земля не теряетъ своего старогерманскаго типа,—а потому отдай намъ нѣмецкихъ дѣтей!»

Однако,—гдѣ-жъ тутъ Польша? спроситъ читатель. Добрый бранденбургскій дворянинъ, хотъ и гонитъ насъ отъ Балтики, но даетъ Черное море, сѣверъ Турціи, да еще австрійскія славянскія земли. Но авторъ, хотъ и не говоритъ, а, конечно, считаетъ Чехію съ Моравіей нѣмецкими землями. Изъ остальныхъ австрійскихъ земель я уже и не знаю, что такое даетъ онъ намъ,—потому что во главѣ о Румыніи онъ говоритъ слѣдующее: «Молодая земля, колыбель новаго рода гогенцоллерновъ (и Струсберговъ, прибавить бы), ты имѣешь возможность великой будущности! Ясно, что должно образоваться великое славянское государство, и вѣроятно, что Россія должна образовать его; но, Румынія, на твоёмъ тронѣ сидитъ Гогенцоллернъ, отрасль рода изъ стали и желѣза, а гдѣ Гогенцоллернъ, тамъ и національное чувство, тамъ и честолюбіе, тамъ стремленіе къ расширенію и распространенію могущества... Карлъ, юный князь, какъ бы шли тебѣ короны Венгріи, Трансильваніи и Польши! Венгрія и Польша! зачѣмъ вы не выбрали себѣ никакого Гогенцоллерна, если вы хотѣли достигнуть самостоятельности? Гогенцоллернъ бы возстановилъ вашу старую силу и величіе!» Тутъ авторъ ставитъ двѣ многозначительныя черты. Конечно, послѣ такихъ обѣщаній Румыніи, Венгріи и Польшѣ, всѣ прежніе подарки Россіи уничтожаются и ей только и остается призывъ: «на востокъ, Россія, твоя будущность! борись съ Англіей за владѣніе Азіей!» Въ Европѣ же... Но пусть говоритъ авторъ. «Пруссія, — восклицаетъ онъ въ концѣ брошюры, — ты сердце Европы, ты будешь господствовать въ Европѣ и цвѣсти подъ Гогенцоллернами, какъ сильное христіанско-монархическое государство во славу Бога». А для того, чтобъ господствовать въ Европѣ и обернуть Россію на востокъ къ сомнительной борьбѣ съ Англіей за господство въ Азіи (т.-е. въ степяхъ Коби и Туркестана) надо именно въ томъ или иномъ видѣ, но соединить корону Польши и голову Гогенцоллерна.

Стоить ли впрочемъ обращать вниманіе на бредни бранденбургскаго дворянина?—спросить, быть можетъ, читатель. Не говоря другого, стоитъ, по нашему, уже и потому, что брошюра этого дворянина есть матеріалъ для характеристики отношеній нѣмецкой печати къ внѣшней политикѣ вообще, а къ Россіи и Польшѣ въ частности, а эта характеристика и составляетъ ближайшую цѣль нашей статьи. Мы остановились на брошюрѣ бранденбургской еще и потому, чтобъ показать, что говорятъ другія въ тѣхъ сферахъ, изъ которыхъ вышла мягкостелющая брошюра «Россія и Германія» ¹⁾. Обратимся теперь къ другому, болѣе солидному, очень солидному сочиненію. Мы разумѣемъ книгу Рихарда Бёкка о числѣ нѣмцевъ и области ихъ языка въ европейскихъ государствахъ (*Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den europäischen Staaten. Eine statistische Untersuchung von Richard Boeckh. Berlin. 1870.*) Сочиненіе это самымъ обстоятельнымъ образомъ слѣдитъ за распространеніемъ нѣмцевъ среди другихъ племенъ и, несмотря на глубокіе помыслы передъ принципомъ національности въ предисловіи своемъ, преисполнено германизаторскихъ идей въ самой грубой ихъ формѣ. Вышедши наканунѣ войны 1870-го года и сопряженныхъ съ нею политическихъ катастрофъ въ Европѣ, сочиненіе Бёкка можетъ быть названо статистическимъ пособіемъ для политика, администратора и война, долженствующаго расширять германизмъ насчетъ всѣхъ сосѣднихъ народностей. Для насъ особенно важны главы, въ которыхъ авторъ разсматриваетъ «нѣмцевъ въ отношеніяхъ къ полякамъ, латышамъ, эстамъ и русскимъ». Изъ книги Бёкка явствуетъ, что число нѣмцевъ больше и скорѣе увеличивается въ царствѣ польскомъ и даже въ прилегающихъ къ нему мѣстахъ Литвы, чѣмъ въ остзейскихъ провинціяхъ, особенно, если присчитывать къ нѣмцамъ и говорящихъ по-нѣмецки евреевъ, на которыхъ г. Бёккъ обращаетъ особое вниманіе. На этомъ основаніи г. Бёккъ относится съ гораздо болѣею теплотою и вниманіемъ къ нѣмецкому элементу въ царствѣ польскомъ, чѣмъ въ Остзейскомъ краѣ и

¹⁾ Вотъ другая брошюра уже не лирическаго, а ученаго консерватора (*Das Neue Deutsche Kaiserreich und seine Gegner. Ein Mahnruf an die deutschen Patrioten und Conservativen. Güttersloh. 1871*) о новой нѣмецкой имперіи и ея противникахъ. «Пусть не считаютъ, говоритъ авторъ, дружбу съ Россіей за продолжительную. Турецкій вопросъ можетъ вызвать опасныя затрудненія, потому что вѣдь мы не можемъ дѣйствовать заодно съ Россіей». Извѣстно, что во время обсужденія черноморскаго вопроса либеральная печать въ Германіи была вся противъ насъ, и только консервативно-правительственная выражалась въ извѣстной мѣрѣ благосклонно о нашихъ требованіяхъ.

придаётъ первому гораздо большее значеніе съ точки зрѣнія германизма. Онъ обращаетъ вниманіе читателей на то, что послѣднія, болѣе точныя данныя касательно населенія, напр., въ Лифляндіи оказываются весьма неблагоприятными для нѣмецкаго элемента. Такъ въ населенной латышами части Лифляндіи, даже въ городскомъ населеніи, изъ 148,000 челов. нѣмцевъ оказывается по счету 1867-го года только 67,100 русскихъ, 30,000 латышей 28,300, эстовъ 18,200, въ Ригѣ нѣмцевъ всего 47,469, русскихъ 25,647, латышей 23,718. По счету, произведенному въ 1860-61 году нѣмецкими писателями (Кёппенъ, Гроссъ) въ Остз. краѣ на 1.803,891 общаго населенія, нѣмцевъ оказывается только 131,071, причемъ, относительно, число ихъ становится меньше отъ Курляндіи къ Эстляндіи (Курл. 47,868, Лифл. 65,124, Эстл. 18,079)¹⁾. Въ области литовскаго племени (Ковенская, Виленская и часть Гродн. губ.) по даннымъ того же 1860-го года на число не очень большее, чѣмъ общая цифра населенія Остз. края — 2.010,000 чел., нѣмцевъ было 23,000, но за то евреевъ больше 200,000. Съ тѣхъ поръ нѣмецкая колонизація тамъ усилилась. Что касается царства польскаго, то здѣсь въ 1856-мъ году было 264,436 однихъ нѣмцевъ, въ 1860-мъ году — 269,620, въ 1867-мъ году 356,806 принявшихъ подданство российской имперіи и временно проживающихъ 213,800 (при общемъ населеніи царства 5.319,363 ч.). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что евреевъ (которые въ Познани оказываютъ такое пособіе германизации), въ царствѣ польскомъ болѣе 650 т. или 12 $\frac{1}{2}$ процентовъ всего населенія²⁾. На этомъ основаніи Беккъ говоритъ, что «земля литовско-лёттскаго племени и эстскаго нѣмецкимъ образомъ не можетъ быть названа нѣмецкою, какъ это призналъ во время преній въ прусскомъ парламентѣ и великій государственный челоувѣкъ». Иначе говоритъ онъ объ области племени польскаго. «Изъ общаго обзора мѣста пребыванія нѣмцевъ среди поляковъ, говоритъ нашъ статистикъ, выходитъ, что не только часть прежде бывшей области польскаго языка стала теперь дѣйствительно нѣмецкой землей, но что даже теперешняя область польскаго языка, особенно вся Вели-

¹⁾ Самъ Беккъ принимаетъ число нѣмцевъ въ Остз. кр. только въ 122,000 ч.

²⁾ Если свести къ единицамъ число нѣмцевъ въ Остзейскомъ краѣ и Польшѣ, то получимъ слѣдующія цифры: въ Остз. губ. 1 нѣмецъ приходится на 13 $\frac{3}{4}$ челоувѣкъ населенія, въ Польшѣ натурализованныхъ нѣмцевъ-христіанъ 1 на 15 чел., съ ненатурализованными 1 на 9, натурализованныхъ съ евреями 1 на 6 чел., ~~смыслъ~~ съ евреями 1 на 4 чел.; (евреевъ 1 на 8). Если причислить евреевъ въ Ц. П. къ нѣмцамъ, то шансы германизации въ немъ оказываются выше, чѣмъ даже въ Познани.

кая Польша, Силезія и Куявія и, хотя и въ меньшей степени, Мазовія, слѣдовательно три пятыхъ всей области польскаго языка, такъ усѣяны нѣмецкими поселеніями и обывателями, что здѣсь обѣ націи живутъ совмѣстно. Если сложить вмѣстѣ всѣ выше принимаемыя земли, т.-е. польскую часть Пруссіи, Познани, Силезію, Зап. Галицію и большую часть русскаго царства польскаго (безъ литовской части, но съ Бѣлостокомъ), какъ область польскаго языка, то здѣсь на 3,570 □ м. изъ 8.850,000 живутъ почти 7 м. (6.950,000) поляковъ, такъ что въ этой народности принадлежитъ здѣсь 78—79% всего населенія, затѣмъ по меньшей мѣрѣ 730,000 нѣмцевъ, т.-е. свыше 8%, за исключеніемъ евреевъ (а равно какъ и ненатурализованныхъ въ царствѣ польскомъ нѣмцевъ); кромѣ же этого тамъ находится около 800,000 евреевъ, т.-е. около 9%, изъ коихъ 72,000 въ Пруссіи, Познани и Силезіи всѣ, а остальные, по большей части, должны быть причислены къ нѣмцамъ, какъ говорящіе по-нѣмецки. Наконецъ, на разсматриваемой территоріи живетъ около $\frac{1}{3}$ милліона русскихъ, изъ коихъ большая часть живетъ въ отрубномъ кускѣ (въ старорусской области) по Бугу.

«Съ теченіемъ времени, продолжаетъ г. Бёккъ, отношенія между польскимъ и нѣмецкимъ народомъ измѣнились существенно.... Теперь польская народность фактически отдана подъ покровительство нѣмцевъ. Она нуждается въ этомъ покровительствѣ съ тѣхъ поръ, какъ ея политическая самостоятельность уничтожена и руководящіе представители ея славянскаго, но въ главномъ своемъ племени смѣшаннаго съ финнотатарами, братственнаго народа, задумали уничтожить и ея національное существованіе. Принять на себя это покровительство побуждаетъ нѣмцевъ и общій интересъ, не потому только, что уже теперь въ наполовину окруженномъ прусскими провинціями царствѣ, нѣмецкая народность потерпѣла существенное поврежденіе отъ русскихъ мѣропріятій (ибо, извѣстіе Буша, что число лютеранъ съ 1860 по 1865-й уменьшилось болѣе, чѣмъ на 40,000, едвали можно приписать уменьшенію нѣмецкой народности въ виду представленныхъ цифръ ¹⁾),—но потому, что ущербъ интересамъ нѣмцевъ есть необходимое послѣдствіе поведенія руководящей теперь въ Россіи партіи, такъ какъ стремленіе, направленное главнымъ образомъ на уничтоженіе всякой особой національности, направится прежде всего на наивыше стоящій культурный народъ.

¹⁾ Значить, не о чемъ и толковать. Да кромѣ того, съ 1860-го года не слышно было ни о какомъ избіеніи лютеранскихъ младенцевъ въ Россіи, ни вообще о какой-либо противолютеранской мѣрѣ.

Общность интересовъ (поляковъ и нѣмцевъ) не основана только на сотняхъ тысячахъ нѣмцевъ,—хотя и ихъ оставить на волю судьбы было бы униженіемъ для нѣмецкаго народа, такъ какъ признаніе, что нѣмцы, живущіе внѣ границъ Германіи, могутъ быть забыты ею, было бы обильнымъ источникомъ національнаго униженія, ибо нѣмецъ не можетъ отказаться отъ своей природы, онъ *долженъ* идти за-границу, — общность интересовъ въ гораздо высшей степени лежитъ въ томъ, что опасность для нѣмецкаго народа не ограничивается тѣмъ или другимъ кускомъ польской земли, но что отреченіе отъ нѣмцевъ въ польскомъ царствѣ послѣдовательно отразится и на безпомощную Галицію, затѣмъ на соединенныя съ нѣмецкими областями польскія земли, и наконецъ и на самую нѣмецкую землю. Или это можетъ быть такъ близорукъ, чтобъ думать, что если разъ удастся уничтоженіе поляковъ и нѣмцевъ въ царствѣ польскомъ, то ворвавшееся туда опустошеніе остановится на берегахъ Дривенца, Просны и Премзы. И прямо въ виду подобныхъ обстоятельствъ, которыя теперь для нѣмецкой народности принимаютъ несравненно болѣе грозный образъ, чѣмъ прежде, можно вспомнить, что уже 25 лѣтъ назадъ, К. М. Арндтъ, который не былъ противникомъ русскихъ, въ своей исторіи народовъ призналъ необходимость освобожденія Польши и Литвы (а если этого мало будетъ, чтобъ доставить силу разуму и праву въ русскомъ царствѣ, то и Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи), словомъ, необходимость защиты польской народности нѣмцами и съ этой цѣлью, равно какъ и для собственной защиты нѣмецкихъ государствъ, отбросить русскихъ въ предѣлы области ихъ языка¹⁾. Довольно трудно понять, какъ обрусеніе поляковъ угрожало бы существованію нѣмцевъ и въ предѣлахъ чисто нѣмецкихъ земель. По этой логикѣ германизация поляковъ грозила бы непосредственно не только интересамъ, но и народности русскихъ, напр., въ Москвѣ. Трудно допустить, чтобъ Бёккъ говорилъ это совершенно серьезно. Совсѣмъ напротивъ, — желаніе обрусенія поляковъ въ царствѣ логически ведетъ за собою желаніе, чтобъ поскорѣе они германизировались въ Познани, т.-е. чтобъ облегчена была работа уничтоженія народности, признанной вредною для русскаго государства. У насъ дѣйствительно есть такіе мудрые политики въ обществѣ, которые, чувствуя трудность обрусить все царство польское, высказываются въ пользу того, чтобъ ограничиться областью до Вислы, а остальное готовы отдать пруссакамъ, которые-молъ справятся скоро съ поляками. Гораздо

¹⁾ См. названное сочин. стр. 99—102.

яснѣе нѣмецкой народности въ Познанѣ и Пруссіи не обруше поляковъ въ царствѣ, а правильное развитіе ихъ народности подѣ властью русскаго правительства. Тогда бы дѣйствительно уже не опустошеніе, а здоровое возрожденіе поляковъ остановилось бы на берегахъ Дрвенца. Вотъ въ виду того, объ русскіе не приняли подѣ свое покровительство поляковъ, навѣвшихъ свои интересы реально и безъ фантазій, дѣйствительно нѣмецкимъ публицистамъ и политикамъ надо, — самимъ стоянно дѣйствуя на погибель поляковъ и обращаясь къ содарности съ русскими, когда нужно, въ то же время говорить лаякамъ о томъ, что только нѣмцы могутъ защитить ихъ отъ монгольскаго брата ихъ.

Бѣкъ не говоритъ, въ какой формѣ должна явиться защита лаяковъ нѣмцами, онъ даже Арндтово «освобожденіе Польши» смѣняетъ чисто отрицательнымъ «отбросомъ русскихъ въ границы ихъ языка»; но такъ какъ онъ считаетъ землю польскую и такую, на которой поляки живутъ совмѣстно съ нѣмцами и какъ какъ, по его словамъ, постыдно Германіи отказываться отъ своихъ сыновъ, то «защита поляковъ» превращается просто въ присоединеніе къ Германіи всей польской области на условіяхъ, а какихъ присоединена Познань. Другой авторъ, пошедшій по лѣдамъ Бѣкка, изложилъ это «освобожденіе Польши» въ гораздо олье ясныхъ чертахъ и нашелъ полякамъ прелюбопытное вознагражденіе. Мы говоримъ о вышедшемъ въ Бреславль въ 1870-мъ году сочиненіи о будущности Польши (*Die Zukunft Polens. Historische-politische Studie von W. N.*). «Мы думаемъ, съ Ригардомъ Бѣккомъ, говоритъ это сочиненіе, что ближайшая борьба а востокъ будетъ не между поляками и русскими, а между Германіей и Россіей. Нѣмецкая цивилизація и русское варварство скоро бросятся другъ на друга полныя ненависти, — и воинный мечъ рѣшитъ ихъ споръ. Если, какъ мы крѣпко надѣемся, Германія останется побѣдителемъ — и какъ таковой, владѣтелемъ Вислы и Нарева, тогда желѣзный законъ самосохраненія (все въ Германіи дѣлается изъ одного самосохраненія!) принудитъ насъ сохранить за собою, какъ клейнодъ, эту линію Вислы-Нарева, потому что это единственная стратегическая линія между Германіей и Россіей. Мы должны удержать то, что приобрѣли, и мы не можемъ предоставить полякамъ ничего, кромѣ справедливаго правленія, безпристрастнаго суда, добросовѣстнаго и бережливаго управленія и кроткаго приговора надъ польскими необдуманностями, которыя не замедлятъ явиться (!) Но на самостоятельность государственную на Вислѣ, поляки разъ навсегда пусть не разсчитываютъ, потому что тамъ, гдѣ единственно природа поло-

жила баррикаду между нами и Россіей, и гдѣ единственно лежить наша восточная оборонительная линія, мы одни должны командовать. За то Германія приметъ нравственную обязанность насколько возможно содѣйствовать, чтобъ Рутенія (Малороссія съ Бѣлоруссіей) стала самостоятельнымъ государствомъ и черезъ то новымъ отечествомъ для поляковъ».

Политическій и нравственный характеръ этой тирады съ ея яснымъ, дѣловымъ тономъ не требуютъ объясненій. Мы обращаемъ вниманіе только на категорическое заявленіе, что линія Нарва и Вислы нужна Германіи, по мнѣнію г. W. N., какъ и г. Бекка.

Мы бы никогда не кончили, еслибы вздумали приводить даже важнѣйшія выдержки изъ нѣмецкихъ писаній, развивающихъ тему о распространеніи нѣмецкаго элемента и прусской власти въ Европѣ. Чтобъ покончить съ мелкими политическими брошюрами, съ политиками національно-либеральной, консервативной и иныхъ близкихъ правительственному направленію партій, мы приведемъ выдержки изъ брошюры Dr. Альберта Шуманна о будущности Германіи (*Die Zukunft Deutschlands. Von Dr. Albert Schumann. Leipzig. 1870*). Авторъ написалъ эту брошюру въ посрамленіе саксонскихъ и иныхъ партикуляристовъ, социалъдемократовъ и другихъ противниковъ «пруссизма» и военной централизациі въ Германіи. Хотя авторъ и видимо горячится, но его положенія не лишены характеристичности, хотя бы въ психологическомъ отношеніи. Dr. Шуманнъ объявляетъ, что онъ не очень давно самъ былъ противникомъ «коварной Пруссіи», «милитаризма» и т. п., а теперь находитъ, что «милитаризмъ прусскій» есть благодѣтельная вещь не только для Германіи, но и для Европы и цивилизациі! Пруссаки, по его мнѣнію, — современные римляне, и должны, какъ и старые, образовать всемірное государство. «Было бы, говорить онъ, очень странно воображать себѣ, что государство, которое имѣетъ въ себѣ столько силъ, послѣ того какъ оно разрослось въ теченіе двухъ столѣтій, какъ никогда другое въ исторіи, чтобъ государство съ такими крѣпкими силами, говорю я, — вдругъ остановилось въ своемъ распространеніи. И если даны всѣ условія, чтобъ сдѣлать скоро Пруссію мировымъ государствомъ (*Weltreich*), — то она по необходимости имъ и станетъ. Настоящая война вновь показала, что германская раса превосходитъ всѣ другія въ моральномъ и интеллектуальномъ отношеніи. Мы можемъ безъ преувеличенія сказать, что романскія расы созрѣли къ гибели. Что мы во всякомъ случаѣ выше славянъ, — этого и они сами не станутъ отрицать. Къ тому же принципъ національностей непримѣнимъ

на практикѣ». Авторъ въ доказательство приводитъ статистическія цифры о населеніи Европы отъ Атлантическаго океана до Днѣпра,—и повсюду у него выходитъ смѣсъ національностей, среди которой только нѣмцы и представляютъ нѣчто компактное; даже во Франціи, по его счету французовъ не много, — а то все нѣмцы (1.800,000), бретонцы (1.100,000), итальянцы (370,000), фламандцы (200,000), баски (250,000), окситанцы (10.655,000), валлоны (1.800,000), каталонцы (230,000) и бургундцы (6.652,000)¹⁾. Я падѣюсь, говорить въ заключеніе своего статистическаго обзора авторъ, что изъ этихъ чиселъ каждому станетъ ясно, что во всей Австріи, Франціи, восточной части прусскихъ провинцій, западной Россіи и европейской Турціи принципъ національности абсолютно непримѣнимъ. Если же принципъ національности на практикѣ непримѣнимъ, а въ то же время германцы дѣйствительно превосходятъ другія расы въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, то ясно, какъ день, что Пруссіи, какъ самому могущественному государству Европы, выпала задача, *германизировать Европу*. «Германизация Европы» — это программа будущаго для прусской политики! И эту программу, собственно говоря, Пруссія давно уже проводитъ на практикѣ. «Каждый день, говоритъ Гейнрихъ Трейчке, Пруссія отодвигаетъ нѣмецкій пограничный столбъ на одну пядь къ востоку». Каждый день славянское населеніе убываетъ въ Пруссіи, а нѣмецкое прибываетъ. Только тогда, когда Пруссія успѣетъ германизировать Европу, станетъ міровой монархіей, когда изъ Европы сдѣлаютъ такъ одно государство, — тогда приблизительно будетъ достигнуто то, о чемъ мечтаютъ социалъдемократы и международная лига мира, т.-е. не то, чтобы достигнуть былъ вѣчный миръ, но войны станутъ рѣже, короче, менѣе кровавы и варварски. Итакъ, средство сдѣлать войну рѣже, — должно быть и есть — война!» Можно сказать, что нашъ докторъ Шуманнъ погорячился, но погорячился онъ только въ томъ, что съ полной послѣдовательностью развилъ тѣ же начала, которыя высказывали и Трейчке, и Рошеръ, и Зибель и Бёккъ и т. п. ученые

¹⁾ Вообще даже и болѣе серьезные нѣмецкіе писатели стараются представить провинціальныя отличія даже латинско-французской расы во Франціи гораздо болѣе, чѣмъ таковыя же различія въ нѣмецкомъ народѣ, — напр., Бёккъ въ названныхъ сочиненіяхъ, какъ Бёмеръ — *Die Provençalische Poesie der Gegenwart*, 1870. Между тѣмъ и литераторы нижне-нѣмецкаго движенія какъ и провансальи, говорятъ, что нынѣшній нѣмецкій литературный языкъ, несмотря на распространеніе школьнаго образованія, не совсѣмъ понятенъ народу сѣверной окраины Германіи. См. предисловіе къ собранію стихотвореній Клауса Грота (*Quickborn, Volksleben in plattdeutschen Gedichten ditmarscher Mundart*. 1854).

вожди германскаго общественнаго мнѣнія. Что касается до ближайшихъ съ Германіей странъ, то о нихъ д-ръ Шуманнъ высказывается еще въ ббльшемъ согласіи съ другими политическими писателями Германіи: Австрія, по его словамъ, должна быть германизирована. Россія можетъ надѣяться на согласіе Германіи не мѣшать ея видамъ въ восточномъ вопросѣ только подъ однимъ условіемъ: чтобъ она «отдала Германіи Остзейскія провинціи, а также, быть можетъ, и часть Польши»!

Читатель все имѣлъ дѣло съ авторами, которые чрезвычайно довольны ходомъ дѣлъ въ Германіи и желаютъ только завершенія зданія германскаго единства и могущества на востокъ. Теперь покажемъ ему человѣка, который рѣшительно осуждаетъ ходъ дѣлъ въ Германіи съ 1866 г., упрекаетъ Пруссію и нѣмецъ, поставившихъ конечною цѣлью національное государство подъ властью ея, въ близорукости, который доказываетъ, что политика не должна уклоняться отъ міровыхъ, идеалистическихъ вопросовъ, замыкаясь въ матеріализмъ государственно-національной политики. На семъ основаніи онъ упрекаетъ Австрію за помощь Турціи, за оставленіе старой задачи священной германской имперіи — изгнать азіатскихъ варваровъ изъ Европы. Повидимому, вы имѣете дѣло съ космополитомъ и гуманистомъ. На самомъ же дѣлѣ весь космополитизмъ этотъ сводится на германизмъ въ квадратѣ. Пруссія не должна была ссориться съ Австріей, потому что черезъ это ослаблялись силы германизма — въ виду кого? — все той же Россіи. Австрія и Пруссія должны выгнать турокъ изъ Константинополя, — для чего? — чтобъ тамъ не сѣли русскіе. Но можетъ быть авторъ желаетъ самоуправленія балканскихъ племенъ, находя его выгоднымъ и для міровыхъ интересовъ? Ничуть не бывало. Неясно, путаясь, но онъ высказываетъ мысль, что и на Балканскомъ полуостровѣ и даже въ Малой Азіи и Сиріи должны господствовать нѣмцы. Видите ли, Россія стремится добраться до Индіи. Авторъ не прочь, чтобъ Россія командовала въ сѣверной и средней Азіи; бери она даже Китай, — все ничего: «цивилизовать, или хоть укротить монгольскій міръ — призваніе Россіи, которое въ такой же степени надо признать, какъ нужно противудѣйствовать всякому движенію ея на западъ. Съ Китаемъ же у Россіи есть нѣчто родственное, и сравнительно съ окостенѣлымъ китаиствомъ русская цивилизація есть все-таки прогрессъ! Но Россія не должна переходить Гималаевъ». Кто удержитъ ее? По мнѣнію автора не Англія, потому что Англія въ послѣднее время своей матеріалистической политикой невмѣшательства ослабила и себя и весь цивилизованный міръ. Нужна болѣе энергическая сила, —

руссія и Австрія въ союзѣ между собою и во главѣ всего западнаго міра. «Только соединенный Западъ, говоритъ авторъ ашъ, можетъ образовать преграду Россіи и притомъ съ той стороны, съ какой она наиболѣе успѣшно уязвима, т. - е. съ западной стороны. Пусть вытянутъ Россію за Двину и Днѣстръ покажутъ ей силу, ежеминутно готовую къ нападенію, — и Россія удеъ такъ же мало думать о переходѣ черезъ Гималай, какъ и черезъ Балканы». — «Будь въ Англіи еще мужи, какъ въ свое время Питтъ, — давно уже соединеніе западныхъ государствъ для стѣсненія Россіи стало бы *«Caeterum censeo»* англійской политики. Но на почвѣ экономизма, который господствуетъ въ Англіи, какъ политическая философія, растутъ не такіе мужи, счетчики процентовъ, которые думаютъ наиболѣе выиграть посредствомъ политики невмѣшательства». Читателю не трудно догадаться, на какой почвѣ долженъ вырасти политическій мужъ, который пойметъ міровые интересы лучше англійскихъ процентщиковъ и, организовавъ «силу, ежеминутно готовую къ нападенію», прогонитъ Россію за Двину и Днѣстръ. На той землѣ, которая должна будетъ и оберегать линію Двины и Днѣстра, на той, на какой растутъ ученые, которые съ такимъ безстыдствомъ призываютъ всемірные интересы въ ограду своему эгоизму и китайскому самодовольному презрѣнію къ сосѣдямъ, которые позволяютъ себѣ, не спросивъ народовъ, двигать по произволу границами народностей и государствъ. Тамъ уже растутъ «мужи времени», о которыхъ недавно сказала одна англійская газета, что «мудрѣйшій политикъ нашего времени долженъ наиболѣе уподобляться ночному вору».

Но пора назвать сочиненіе и автора, который излагаетъ приведенныя мысли. Мы ихъ нашли у Константина Франца въ сочиненіи «Наука о природѣ государства, какъ основа всякой политической науки» (*Die Naturlehre des Staates, als Grundlage aller Staatswissenschaft. Constantin Franz. Leipzig und Heidelberg. 1870.*) ¹⁾ Сочиненіе Франца представляетъ довольно

¹⁾ Замѣчательно, что всѣ цитируемыя нами сочиненія вышли или напечатаны въ войну, или во время войны, въ которой Россія такъ помогла Германіи, въ то время, когда такая большая доля нашей печати говорила о дружескихъ чувствахъ, питаемыхъ къ намъ Германіей, о солидарности нашихъ съ нею интересовъ и о спродумѣ ея сыновъ, а одна газета даже прельщала насъ возможностью и готовностію Пруссіи уступить намъ устье Нѣмана. Книга Франца не была предметомъ разбора въ нашей печати, но основныя ея начала изложены были примѣнительно къ самымъ новымъ событіямъ въ брошюрѣ Бети: *Das neue Deutsche Reich auf dem Grunde germanischer Natur und Geschichte. L. und H. 1871.* Брошюра Бети была похвалена въ «С.-Петербур. Вѣд.» за то, что авторъ, вслѣдъ за Францомъ, не одоб-

рѣдкій у нѣмцевъ опытъ примѣненія къ политическимъ наукамъ положительнаго метода. Многіе нѣмецкіе рецензенты провозгласили Франца реформаторомъ политическихъ наукъ. Врядъ ли подобные приговоры найдутъ себѣ раздѣленіе дальше Германіи: вѣрныя замѣчанія у Франца перемѣшаны съ самыми произвольными идеями и всѣ мысли отравлены китаизмомъ и завистливой ворчливостію противъ всего не-нѣмецкаго. Но дѣло не въ разборѣ книги Франца, для насъ довольно, что авторъ ея — лицо не мелкое въ нѣмецкой учено-политической литературѣ, а слѣдовательно мнѣнія его не могутъ не имѣть извѣстнаго значенія и для иностранцевъ. И вотъ это лицо полагаетъ, что задачею цивилизованнаго міра должно быть отгнѣсненіе Россіи за Двину и Днѣстръ. По его ученію Россія не имѣетъ ничего общаго съ цивилизованнымъ міромъ, который, вслѣдствіе ученія о политическомъ равновѣсіи и признанія, что всякое государство должно быть признано законной силой и только держимо въ предѣлахъ, не угрожающихъ равновѣсію, сдѣлалъ страшную ошибку, допустивъ въ среду свою варварское государство, которое, въ интересахъ цивилизаціи, слѣдовало бы скорѣе разрушить, или по крайней мѣрѣ отбросить въ востокъ, чѣмъ принимать въ семью европейскихъ народовъ. Съ тѣхъ поръ какъ «геніальный полуварваръ», Петръ, похитилъ императорскій титулъ и обличье европейской монархіи, Россія, по ученію Франца, стала вмѣшиваться во всѣ европейскія дѣла, не будучи нравственно заинтересована ни въ одномъ и ни въ чемъ. Поэтому въ результатѣ этого вмѣшательства Европа всегда была въ убыткѣ, а Россія въ выигрышѣ. Но пора міру цивилизаціи наконецъ проснуться. Посмотримъ, какъ разсуждаетъ г. Францъ о ловкости и варварствѣ Россіи и о близорукости Европы въ дѣлѣ Польши. «Тайна политики, господствующей въ Пруссіи со времени Фридриха Великаго, говоритъ Францъ, состоитъ въ томъ, что неизбежными столкновениями съ Австріей съ одной

риетъ централизованнаго парламентаризма, заведеннаго въ Европѣ будто бы на французскій манеръ, и предпочитаетъ ему мѣстное самоуправленіе и представительство интересовъ. Бета тоже не одобряетъ и узкости политики, имѣющей цѣль только объединеніе государствъ. Но по вопросу о представительствѣ онъ, — какъ и Францъ, — взявъ въ сущности всѣ идеи изъ французскихъ и англійскихъ писателей (Прудона, Милля и даже Ф. Шалля) превозноситъ нѣмецкую будто бы форму самоуправления и доходитъ до того, что въ нѣмецкой имперіи должны быть представители и всѣхъ острововъ нѣмецкаго языка (Sprachinseln) въ Европѣ и вообще на свѣтѣ; что же до самой имперіи, то она не должна быть, по Бетѣ, только національнымъ нѣмецкимъ учрежденіемъ, но, какъ и священная имперія былаго времени, международнымъ и все-таки нѣмецкимъ учрежденіемъ.

Стороны, она дѣлаетъ необходимымъ, съ другой, дружбу съ Россіей! Только по этому Россія и могла поглотить Польшу и протиснуться до самой области Одера. Если ужъ старое польское государство должно было исчезнуть, съ тѣхъ поръ какъ оно слишкомъ созрѣло къ гибели, — обстоятельство, что оно стало добычей Россіи, остается европейскимъ несчастіемъ. Но теперь самый тупой глазъ долженъ признать, что за членъ западнаго общества Россія, и какая бездна варварства скрывается за обманчивымъ блескомъ ея цивилизаціи, потому что именно своимъ способомъ управляться въ Польшѣ она и показала свой монгольскій характеръ. Гдѣ слыхано, чтобъ побѣжденному народу запрещали даже языкъ его, и какая тираннія заходила такъ далеко, чтобъ свирѣпствовать даже противъ математическихъ истинъ, какъ теперь въ Польшѣ, гдѣ вводятъ ошибочный русскій календарь? Это не только сумасбродство, но и вызовъ и оскорбленіе, направленное противъ западной цивилизаціи! Если эта цивилизація не впала еще въ маразмъ такъ, чтобы всѣ ея чувства чести и долга заглохли, то можетъ ли она терпѣть подобное оскорбленіе?! Какъ допустить, чтобъ полуазиатское государство, съ его попами, съ его чиновниками, съ его казаками и татарами не только выставлялось на границѣ Запада, но и глубоко входило въ него и старалось оторвать то, что основалъ этотъ Западъ и запечатлѣлъ печатью своего духа, оторвать и сдѣлать восточнымъ? Или должны мы до того дожить, чтобъ обрусеніе Польши образовало новую ограду Россіи, чтобъ оттуда идти дальше впередъ? Польша принадлежитъ западному міру, который обязанъ сжалиться надъ этой раздавленной страной. И, кромѣ долга, онъ имѣетъ и формальное право на вмѣшательство»... Въ связи съ польскимъ Францъ разсматриваетъ и восточный вопросъ, который называетъ русскимъ, т.-е. «вопросомъ о томъ, можно ли дозволить Россіи дальше распространяться въ Европѣ, можно ли дозволить, чтобъ москвитѣ сѣлъ на мѣсто турка въ Константинополь». Война въ Крыму, по Францу, была произведена съ неясною цѣлью и остановилась на полдорогѣ, а потому временной результатъ ея не стоитъ труда. И коалиція противъ Россіи была неполная: «Пруссія вовсе не входила въ нее, Австрія ограничилась полумѣрами. Вмѣсто того, чтобъ занять Румынію только, она должна была вторгнуться въ Россію и не прежде успокоиться, какъ завоевавъ по крайней мѣрѣ границу Днѣстра, безъ которой устья Дуная никогда не будутъ безопасны. Съ другой стороны, прибалтійскія государства до тѣхъ поръ будутъ въ опасности, пока Россія не будетъ загнана по крайней мѣрѣ за Двину.» Россія, по

Францу, уязвима только съ запада. «Тутъ могутъ дѣйствовать противъ нея и морскія державы, но рѣшительный успѣхъ зависитъ отъ сухопутной войны, которая не имѣетъ никакого стратегическаго основанія безъ Пруссіи и Австріи. Итакъ, мы приходимъ опять-таки къ своему: эти оба государства должны быть пограничными стражами европейской цивилизаціи, и если, къ сожалѣнію, они не таковы, то мы можемъ въ будущемъ дожить до того, что Россія будетъ господствовать такъ же въ Прагѣ, какъ и въ Варшавѣ, къ чему готовится уже длиннорукій панславизмъ. Тогда рѣшится и такъ-называемый восточный вопросъ.» Въ виду такого «ужаснаго» для цивилизаціи будущаго, — Францъ видитъ въ политикѣ Европы въ послѣднее время только рядъ ошибокъ. «Если, говоритъ онъ, крымская война была европейскимъ предпріятіемъ для ограниченія Россіи, то три года послѣ парижскаго конгресса не должна была слѣдовать итальянская война, которая насколько ослабляла Австрію, настолько усиливала Россію. Это значило собственными руками разрывать то, что было только что было создано¹⁾. Что

---

¹⁾ Не можемъ не вспомнить, какъ наша либеральная печать читаетъ нотаци «отсталому» Тьеру, и по поводу его Франціи, за его нерасположеніе къ единству Италіи и благосклонно одобряетъ прогрессивную Пруссію за ея союзъ съ Италіей въ 1866 и за то, что, выжавъ нужное изъ папы и клерикаловъ (которые, ради обѣщаній короля и Бисмарка поддержать папу, отказались отъ оппозиціи присоединенію Баваріи къ имперіи германской), она теперь дѣлаетъ видъ, что защищаетъ правительство Виктора-Эммануила отъ реставраціонныхъ въ пользу папы поползновеній Франціи. Между тѣмъ въ 1849 г. парламентъ франкфуртскій слалъ адресъ Радецкому, въ 1859 г. Германія и Пруссія (либералы и консерваторы) вооружались, чтобы оберегать Рейнъ на Минціо, — и вотъ нѣмецкій «реформаторъ политической науки» осуждаетъ итальянцевъ на рабство только потому, что отдѣленіе Ломбардо-Венеціи ослабило Австрію и черезъ то косвенно усилило Россію. У насъ лежатъ подъ рукою курьзная брошюрка ученаго нѣмецкаго доктора, тоже встрѣченная не безъ одобренія нѣмецкою критикой, составленная врачомъ, — о психическомъ вырожденіи французскаго народа, его патологическомъ характерѣ, симптомахъ и причинахъ. (Die psychische Degeneration des französischen Volkes, ihr pathologischer character, ihre Symptome und Ursachen. Ein irrenärztlichen Beitrag zu Völkerpathologie von Dr. Carl Stark. Stuttgart. 1871.) Авторъ ни болѣе ни менѣе, какъ доказываетъ, не безъ учености, что французы всѣ болѣны особымъ видомъ сумасшествія, который онъ называетъ то *paralytische Blödsinn*, то *folie raisonnée*, что они даже заражаютъ и другія націи и ведутъ ихъ къ вырожденію. Доказательство — сочувствіе, которое питаютъ къ французамъ всѣ народы Европы. «Если, говоритъ ученый авторъ, аристократія Россіи, если полуцивилизованные румыны, если юношески незрѣлая Италія и извѣстные круги Австріи носятъ съ симпатіями къ Франціи, то это еще можно объяснить и простить; но если и «гордая» Англія еще и теперь высказываетъ симпатію къ французамъ, то мы обязаны назвать по имени это поведеніе. Съ полнымъ правомъ можно напомнить англичанамъ пословицу: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ». Мы не смѣемъ говорить о нѣмецкомъ на-

еще оставалось изъ приобрѣтеній крымской войны, то было погублено событіями 1866 г., которая открыли Россіи двери для вмѣшательства въ дѣла Германіи¹⁾.

Такъ писалъ К. Францъ наканунѣ войны 1870 года. Но Россія не только не воспользовалась возможностью вмѣшиваться въ дѣла Германіи (а если и вмѣшивалась, то чтобъ побудить южные дворы къ союзу съ Пруссіей), но даже помогла Пруссіи, удержавъ Австрію отъ нападенія. Результатомъ войны вышло возстановленіе нѣмецкой имперіи, которая, по словамъ Франца, была «международнымъ» учрежденіемъ. Истолкователь и панегиристъ Франца, д-ръ Бета, привѣтствовалъ это возстановленіе благожеланіями и совѣтами не забираться исключительно въ дѣла, ограниченныя территоріей Германіи, а взять подъ свою защиту нѣмцевъ и интересы по всему свѣту и сблизиться прежде всего съ Австріей для лучшаго огражденія интересовъ германскихъ и міровыхъ, для выполненія роли «всемирнаго учрежденія». Правда, Россія подъ шумъ войны разорвала трактатъ парижскій 1856-го года,—не безъ поддержки Пруссіи, но нѣмецкая печать весьма настоятельно увѣряла Россію, чтобъ она не обманывалась насчетъ размѣра поддержки, какую можетъ оказать ей Пруссія, что интересы Австріи на Дунаѣ и на Балканскомъ полуостровѣ солидарны съ интересами Германіи. Обмѣнъ канцлеровъ Германіи и Австріи дружескими депешами, наконецъ гаштейнское соглашеніе, можетъ окончательно порадовать гг. Франца и Бету: послѣ событій 1866-го года, Германія не только не ослабѣла, а усилилась и организовалась въ державу, «ежеминутно готовую къ нападенію», и въ этомъ усиленномъ видѣ вступила въ желанный ими союзъ съ Австріей, а потому еще лучше приготовилась для роли «всемирнаго учрежденія», для служенія «міровымъ интересамъ цивилизаціи». Остается только приступить къ исполненію этой роли,—отодвиженіемъ Россіи за Днѣстръ и Двину.

родѣ,—но не можемъ не замѣтить, что ученые, литераторы и политики нѣмецкіе представляютъ поразительное зрѣлище: вообразивъ себя сосудами высочайшей цивилизаціи, какимъ-то богоизбраннымъ народомъ, они вообразили, что интересы всѣхъ народовъ должны быть принесены въ жертву интересамъ одного богоизбраннаго народа, а чуть кто смѣетъ думать иначе,—того записываютъ или въ неизлечимо больные, или поврежденные старостію или безправственностію, или въ наѣвѣ осужденные на варварство. Особый ли это видъ маіи, или свидѣтельство слабости гуманнаго образованія, при несомнѣнной учености,—не беремся рѣшать, но самъ фактъ самоослѣпленія и чудовищнаго эгоизма, который проявляютъ именно наиболѣе культурные слои Германіи, представляетъ нѣчто безпримѣрное.

¹⁾ К. Францъ, назв. сочин. стр. 438—444, 448—449.

Въ Австріи есть люди, которые уже преотверженно выдаютъ тайну приготовленій въ этому шагу. Надняхъ появилась въ Лайбахѣ довольно объемистая брошюра, очевидно писанная военнымъ: «Австро-Венгрія въ войнѣ противъ Россіи». (Oesterreich-Ungarn in einem Kriege gegen Russland. Politisch-militär-geograph. Studie. Laibach. 1871). Собственно брошюра эта не заслуживаетъ разбора: состоитъ она изъ введенія о внутреннемъ положеніи Россіи, представляющаго короткое извлеченіе изъ большой книги Ю. Эккардта: Jung-Russisch und Alt-Lievländisch (1870); за введеніемъ слѣдуетъ обзоръ рѣкъ, горныхъ возвышеній, желѣзныхъ дорогъ, климата, населенія частей Австріи и Россіи, которыя могутъ стать театромъ войны, т.-е. Галиціи, Трансильваніи, Румыніи, Польши, западныхъ губерній и новороссійскихъ съ Бессарабіей. Въ серединѣ вставлена глава о Карпатахъ, какъ оборонительной линіи. Собственно брошюрка имѣетъ видъ какъ бы географическаго пособія, которое можно дать унтеръ-офицеру и грамотному солдату передъ началомъ войны Австріи и Россіи. Какъ географически-статистическое пособіе она вполнѣ удовлетворяетъ своей цѣли, но не имѣетъ особаго интереса для русскаго читателя, кромѣ развѣ путаницы въ главѣ о населеніи запада Россіи, путаницы, которая, въ виду того, что на нѣмецкомъ языкѣ есть хорошія пособія по статистикѣ и этнографіи, — умышленна. Вся фразеологія о политикѣ русскоѣ въ западномъ краѣ разлетѣлась бы, въ виду точныхъ статистико-этнографическихъ данныхъ объ этомъ краѣ, поэтому составители брошюры напутали въ главѣ о населеніи западной Россіи слѣдующихъ удивительныхъ вещей: по происхожденію обитатели названныхъ губерній распадаются на слѣдующія группы: 1) На *славянское племя*: а) *великоруссы*. Эти распространены по всему русскому царству; здѣсь преимущественно въ Киевской губерніи (?); б) *Малоруссы*, — частію въ губерніяхъ Киевской и Херсонской (!); в) *Бѣлоруссы*: въ губ. Могилевской (и только!); д) *Поляки*. Эти образуютъ 76% населенія въ десяти польскихъ губерніяхъ. 2) на *литовцевъ и леттовъ*. Они живутъ въ губерніяхъ Могилевской (!), Виленской, Гродненской, Минской (!), Волынской (!!) и Киевской (!!!).... Поляки и жители пограничныхъ губерній (а именно литовскихъ; а каковы они—см. выше) исповѣдуютъ почти исключительно римско-католическое вѣроисповѣданіе». Не знаемъ, оказалась ли бы такая ложь о населеніи запада Россіи полезною для солдатъ австрійскихъ при дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствій въ войнѣ съ Россіей, когда они встрѣтили бы въ Волынской и Киевской губерніи вмѣсто какихъ-то страдающихъ отъ московскаго гнета вмѣстѣ съ поляками ли-

товцевъ, сплошное и враждебное полякамъ племя малороссовъ,—но пока такая ложь можетъ произвести затуманивающее впечатлѣніе на мало искуснаго въ этнографической статистикѣ австро-нѣмецкаго читателя. Кромѣ этой курьезной этнографіи западной Россіи, въ брошюрѣ объ Австро-Венгріи въ войнѣ съ Россіей въ политическомъ отношеніи любопытно только введеніе, въ которомъ авторъ взялся объяснить, откуда взялось *всеобщее убѣжденіе въ неизбежности* войны Австріи съ Россіей. Причиной этому мнѣнію и самой будущей войны, авторъ, вслѣдъ за Ю. Эккардтомъ полагаетъ внутреннее состояніе Россіи и Австріи. Авторъ начинаетъ еще съ времени до восточной войны, въ которомъ, между прочимъ, видитъ желаніе нашего правительства освободиться отъ руководства меттерниховой политики. Въ это время, подъ давленіемъ правительственной системы, образовалась партія славянофиловъ, демократически-православныхъ и социалистическихъ. Глава послѣднихъ, Герценъ образовалъ органъ печати, который оказывалъ вліяніе на русское общество послѣ парижскаго мира. Несмотря на реформы, предпринимаемыя правительствомъ, русская печать, предводимая Герценомъ, дошла до «крайняго отрицанія всѣхъ унаслѣдованныхъ формъ общества и авторитетовъ,—правительство стояло передъ дико вырвавшимся на волю потокомъ, безъ всякихъ средствъ укротить его». Тутъ случилось польское возстаніе,—и «замѣчательное доказательство незрѣлости и несамостоятельности русскаго общества»,—«частный человѣкъ, М. Катковъ, вызвалъ поворотъ въ общественномъ мнѣніи». Этотъ Катковъ, «который самъ никогда не былъ демократомъ, призвалъ на помощь патріотической реакціи противъ поляковъ, демократизмъ и славянофильскій социализмъ,—и освобожденіе массъ на западѣ Россіи, обрусеніе ихъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ вышестоящихъ культурныхъ слоевъ, стало паролемъ русскихъ демократовъ, славянофиловъ и панславистовъ». «Правительство съумѣло воспользоваться поворотомъ общественнаго мнѣнія, и употребило прежнихъ противниковъ своихъ, особенно дворянство, орудіемъ для подавленія возставшихъ провинцій. Люди, которые были извѣстны какъ приверженцы стараго рода управленія и враги всякаго свободнаго движенія (какъ Муравьевъ) были призваны для подавленія возстанія Литвы и Польши. Насколько неспособны были въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1859—61 г. различить свободу отъ анархіи, но неспособны были и теперь отличить право государственнаго самосохраненія отъ грубѣйшаго варварства и потоптанія всякихъ человѣческихъ правъ». «Всего печальнѣе, что литовская система постепенно примѣняется и къ нѣмецкимъ провинціямъ Лифляндіи, Эстляндіи».

діи и Курляндіи, черезъ что всякое развитіе и образованіе этихъ провинцій должно быть подавлено».

Разумѣется, что принявшая такое направленіе Россія должна вступить въ столкновеніе съ Австро-Венгріей (о Германіи авторъ не говоритъ), потому что Австрія заботится объ удовольненіи всѣхъ своихъ народовъ, чтобы они не искали добра за границами ея. Россія же поэтому «видитъ въ національномъ развитіи поляковъ галицкихъ опасность для своей силы на берегахъ Вислы и не пощадитъ, вѣроятно, никакихъ усилій, чтобы стиснуть въ свои желѣзные когти и этотъ, еще пользующійся національнымъ существованіемъ обломокъ нѣкогда могущественнаго польскаго народа». Къ этому слѣдуетъ прибавить восточный вопросъ и панславизмъ. Доказательство стремленій Россіи къ поглощенію всѣхъ славянъ авторъ брошюры видитъ въ книгѣ ген. Фадѣева (переведенной на нѣмецкій языкъ съ предисловіемъ Ю. Эккардта). Если въ послѣднее время русская печать высказалась, что *славянская Австрія* не только не будетъ имѣть Россію своимъ врагомъ, но напротивъ того другомъ, — то авторъ брошюры не вѣритъ этимъ заявленіямъ, да, какъ видно, недоволенъ и самимъ выраженіемъ «славянская Австрія». Главнѣйшій пунктъ столкновенія Россіи съ Австріей и по мнѣнію автора брошюры: Oesterreich-Ungarn in einem Kriege gegen Russland, выходитъ опять Польша и поляки. По его предположеніямъ, военное столкновеніе произойдетъ скорѣе всего въ Польшѣ, или изъ Польши, гдѣ Россія имѣетъ хорошее стратегическое положеніе, которое однакожь «ослабляется враждебнымъ ей настроеніемъ народа въ Польшѣ и Литвѣ»....

Что же значать всѣ приведенныя нами выдержки изъ разныхъ нѣмецкихъ книгъ и книжекъ? Значать ли они, что Германія и Австрія только и думаютъ, чтобы броситься на Россію и отнять у ней Польшу, а, если можно, то и бѣльшій кусокъ земли? Мы этого утверждать не будемъ. Одно только кажется несомнѣнно, — это, что въ Австріи и Германіи есть люди, цѣлыя партіи, которыя считаютъ необходимой войну съ Россіей и отторженіе отъ нея Польши, что къ этой войнѣ и въ Германіи и въ Австріи есть и приготовленія. Трудно, кажется, не видѣть, что для Пруссіи было бы очень выгодно присоединеніе царства польскаго, которое дѣйствительно превосходно бы округлило ея границы и дало бы ей преобладающее положеніе въ отношеніи къ востоку Европы. Выполнить этотъ захватъ въ союзѣ съ Австріей было бы, конечно, легче Пруссіи, чѣмъ одной. Но во всякомъ случаѣ, облегченіемъ для операцій противъ Россіи на берегахъ Вислы было бы враждебное русскимъ настроеніе поль-

аго населенія, которое Пруссія не затруднилась бы привлечь бичаніями національной свободы, — съ которымъ, впрочемъ, а бы не очень церемонилась послѣ, ибо для германизации польши она здѣсь имѣетъ еще болѣе благоприятное процентное сло нѣмцевъ и евреевъ, чѣмъ въ Познани. Повторяемъ, о мы не станемъ приписывать правительствамъ Германіи и востріи намѣреній приступить къ немедленному исполненію ихъ плановъ. Видовъ правительствъ мы не знаемъ, пускаться въ области догадокъ не желаемъ. Мы говоримъ только о томъ, б видно, т.-е. объ обществѣ и печати. Въ то же время мы не ожемъ не видѣть, что и правительствамъ Германіи и Австро-енгрии (особенно правительству партіи нѣмецко-мадьярской) мло бы дѣйствительно выгодно выполнить программу, которую указываетъ имъ часть печати, программу, вытекающую изъ чувствъ и идей, раздѣляемыхъ въ общей своей темѣ стремленіе на Востокъ), можно сказать, всѣмъ нѣмецкимъ обществомъ. Конечно, для зарождающейся въ высшихъ сферахъ востріи федерально-славянской партіи программа нападенія въ юзѣ съ Пруссіей и Германіей на Россію не была бы пріятною, — но эта партія, разъ, еще только нарождается, во-вторыхъ, — польскіе члены ея были бы даже довольны этой программой, а въ-третьихъ и остальные, даже славяне, могли бы гѣшиться, что съ приобрѣтеніемъ части Польши, или Волыни Подолія и Бессарабіи, усилился бы ненѣмецкій и федеральный элементъ въ Австріи. А ужъ много ли бы получила Австрія областей, особенно у Вислы, при раздѣлѣ добычи съ Пруссіей (много она получила послѣ Датской войны), выиграли ли поляки и вообще славянской элементъ отъ введенія страны о Вислѣ и Днѣстру въ область германо-австрийскаго вліянія, — то бы разъяснилось только впоследствии.

Возвращаясь къ толкамъ нѣмецкихъ газетъ о гаштейнскихъ ереговорахъ, мы находимъ, что они находятся въ естественномъ соотвѣтствіи съ тѣми разсужденіями и стремленіями, которыя имѣютъ цѣль отодвинутіе германской границы на востокъ. то нѣмецкая печать видитъ торжество свое въ свиданіяхъ двухъ анцлеровъ, — совершенно понятно; что это свиданіе, еслибъ оно мѣло послѣдствіемъ установленіе солидарности Австріи и Пруссіи въ дѣйствіяхъ на Востокъ — понимая его въ обширномъ мыслѣ: отъ Польши и до Турціи, — есть самый радостный для ерманизма фактъ, — тоже совершенно естественно. На первый азъ не вѣжется, какъ будто, съ желаніемъ расширенія насчетъ оссіи и съ помощью поляковъ, увѣреніе, что Россію только отому и не позвали въ Гаштейнъ, что она недовольна опы-

тами гр. Гогенварта надъ предоставленіемъ полякамъ свободѣ и автономіи, но что германскій канцлеръ взялся сгладить и этомъ отношеніи шероховатости между Россіей и Австріей. И дѣло въ томъ, — какъ мы уже говорили, — опыты гр. Гогенварта относились не до однихъ поляковъ, а всѣхъ народовъ Цислейтани, недовольныхъ нѣмецкой гегемоніей и централизаціей; министерство гр. Гогенварта пользовалось ненавистью всей печати въ Германіи, такъ что, если бы можно было, не жертвуя ничѣмъ существенно въ пользу Россіи, низвергнуть его, представивъ его помѣхой соглашенію Австріи съ Россіей, еслибъ можно было погубить планы гр. Гогенварта и выставить передъ славянами особенно передъ поляками, что врагъ ихъ автономіи Россіи, — то дѣли нѣмецкой партіи въ Австріи и печати въ Германіи были бы блистательнымъ образомъ достигнуты. Спустя извѣстное время, когда бы то найдено было нужнымъ, полякамъ (и не русинамъ) можно бы было дать уступки, — на которыя готово было и министерство Гискры, — но то были бы только уступки однимъ полякамъ, а потому и не имѣли бы той опасной нѣмцамъ прочности, какую имѣло бы признаніе правъ всѣхъ австрійскихъ народовъ на самоуправленіе и національное развитіе. То былъ бы дѣйствительно стратегическій и дипломатическій маневръ, — а не коренная реформа Австріи, которая одна могла бы положить основу для дружественныхъ ея отношеній къ Россіи и вмѣстѣ преграду для нѣмецкихъ захватовъ въ восточной Европѣ отъ Чехіи до Польши и Бессарабіи. Помѣшать эту реформу, помѣшать здоровому областному развитію поляковъ въ Австріи и вмѣстѣ вооружить еще больше поляковъ противъ Россіи, — болѣе выгоднаго для завоевательной нѣмецкой партіи результата, трудно себѣ и представить. Мы не станемъ, — подобно другимъ русскимъ публицистамъ, — видѣть въ дѣйствіяхъ дипломатовъ и толкахъ всѣхъ газетъ непременно результатъ зранѣе условленныхъ и дирижируемыхъ одною волею интригъ. Мы не знаемъ, вѣрно ли истолкованы нѣмецкою печатью причины отсутствія русскаго уполномоченнаго въ Гаштейнѣ. Готовъ допустить, что, особенно въ виду присутствія и гр. Гогенварта при второмъ свиданіи императоровъ Германіи и Австріи, гаштейнскіе переговоры на сей разъ кончатся пустяками. Повторяемъ опять-таки, что мы говоримъ не о моментальныхъ и не вѣдомыхъ комбинаціяхъ дипломатическихъ, а о толкахъ и инстинктахъ общества, вытекающихъ изъ постоянныхъ реальныхъ интересовъ. Такимъ результатомъ реальныхъ интересовъ мы считаемъ сближеніе Германіи съ нѣмецко-мадьярской партіей въ Австріи, которое не замедлило выявиться со времени войны 1870 года

Мы считаемъ совершенно естественнымъ, что нѣмецко-мадьярскіе интересы находятся въ противоположности съ русскими и славянскими, въ томъ числѣ съ реальными интересами польскими (мы не говоримъ о массахъ народа, которыхъ интересы вездѣ требуютъ мира, но которыя еще нигдѣ не имѣютъ рѣшительнаго вліянія на политику). Потому-то именно, безъ всякаго предварительнаго уговора нѣмецкія газеты и политики и попадаютъ такъ ловко въ тактъ всякой вредной для славянъ комбинаціи, потому-то они и изобрѣтаютъ самыя обидныя для Россіи и вредныя для нея и поляковъ отговорки, почему Россія не была приглашена приступить къ уговору, произведенному въ Гаштейнѣ. Все это дѣлается въ силу естественныхъ законовъ, правящихъ политикой подъ покровомъ произвольныхъ и случайныхъ комбинацій, устроиваемыхъ дипломатами, — а такимъ естественнымъ стремленіемъ для нѣмцевъ мы почитаемъ стремленіе къ возможно скорому окончательному захвату Чехіи и Моравіи и царства польскаго и къ введенію въ сферу сильнаго вліянія своего дунайскихъ княжествъ и Бессарабіи.

Что же дѣлать въ виду этихъ стремленій Россіи? Мы съ любопытствомъ прислушивались къ голосу русскихъ газетъ по случаю гаштейнскихъ переговоровъ, ожидая въ нихъ найти то же чуткое пониманіе своихъ интересовъ, какое видимъ въ журналистикѣ и литературѣ нѣмецкой. Мы прочли въ «Голосѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» выраженіе тревоги въ виду того, что въ Гаштейнѣ можетъ быть задумана какая-либо вредная для Россіи комбинація. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» мы встрѣтили, по обыкновенію, успокоительныя размышленія о невозможности какой бы то ни было враждебности къ намъ со стороны Германіи послѣ того, какъ Россія оказала ей такую услугу въ послѣдней войнѣ, ни со стороны Австріи, которая становится болѣе славянскимъ государствомъ, а потому теперь болѣе чѣмъ когда-либо странно ожидать ея столкновенія съ Россіей, которая всегда желала реформъ въ Австріи, которыя бы дали въ ней силу славянскому элементу. Все это было бы хорошо, если бы въ Германіи не считали 11-ю заповѣдью мнѣніе, что въ политикѣ не можетъ быть рѣчи о благодарности, и если бы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ гаштейнскихъ переговорахъ со стороны Австріи не былъ гр. Бейстъ, котораго всего менѣе можно назвать другомъ «славянской» Австріи. Всего характернѣе въ нашихъ газетныхъ толкахъ о гаштейнскомъ свиданіи оказалось, по нашему мнѣнію, письмо «Австрійскаго славянина» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», послѣдній предполагаетъ самыя враждебныя Россіи намѣренія.

въ уговорахъ двухъ канцлеровъ въ Гаштейнѣ. Его даже не смущаетъ то обстоятельство, что въ окончательныхъ переговорахъ въ Зальцбургѣ долженъ былъ принять участіе и гр. Гогенвартъ, и то, что поѣздѣ императора австрійскаго въ Ишль предшествовалъ декретъ о распущеніи сеймовъ провинцій, гдѣ противуславянская централистическая партія имѣла большинство, и что такимъ образомъ правительство австрійское, или по крайней мѣрѣ часть его изъявила готовность вступить на путь, который долженъ скорѣе довести до соглашенія его съ Россіей, чѣмъ до вражды. Пишущій для «Московскихъ Вѣдомостей» славянинъ зналъ, для кого писалъ: онъ и въ самихъ планахъ гр. Гогенварта, которые такъ долго нѣмецкія газеты называли задуманными въ Петербургѣ (графомъ Хотевомъ) планами и о которыхъ возлагали надежду на кн. Бисмарка, что онъ разрушитъ ихъ съ гр. Бейстомъ,—приписываетъ тоже долю участія во враждебныхъ Россіи замыслахъ. По предположеніямъ «австрійскаго славянина» планы гр. Гогенварта имѣютъ цѣлью временно задобрить чеховъ и въ то же время поощрить поляковъ въ Галиціи и ослабить русинскую тамъ оппозицію уступками и русинамъ трехъ гимназій и назначеніемъ на разныя служебныя мѣста нѣсколькихъ русиновъ, преимущественно тѣхъ, которые держатъ себя подальше отъ «Москвы». Словомъ, корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», — подражая методу, обыкновенно употреблявшемуся самой редакціей, предполагаетъ слишкомъ ужъ сложную интригу изъ слишкомъ разнообразныхъ элементовъ. И въ довершеніе корреспондентъ, который боится, что въ нѣмецкой интригѣ противъ Россіи принимаетъ участіе и партія, заявившая своею цѣлью примиреніе съ славянами,—совѣтуетъ Россіи не только «вооружиться съ ногъ до головы», но и провозгласить «славянскую политику», — начавъ ее, вѣроятно, съ протестовъ противъ «опытовъ гр. Гогенварта съ поляками», т.-е. со всѣми славянами въ Австріи. На этотъ разъ обыкновенно смѣлая въ комбинаціяхъ редакція московской газеты не пошла за своимъ корреспондентомъ и оставила на его отвѣтственности его подозрѣнія въ гр. Гогенварту. Правда, что редакція замѣтила, что въ Австріи затѣвается, очевидно, что-то неладное, но что именно и что дѣлать въ виду затѣваемаго тамъ Россіи—редакція, обыкновенно довольно рѣшительная, на этотъ разъ не сказала. Чему же приписать такое замѣшательство редакціи?

Намъ кажется, что тотъ сортъ политиковъ русскихъ, который представляется въ публицистикѣ «Московскихъ Вѣдомостей» и вторящимъ имъ «Голосомъ», дѣйствительно попалъ въ замѣшательство по вопросамъ австрійскимъ и связаннымъ съ нимъ

международнымъ, еще въ худшее, чѣмъ попала по нимъ печать нѣмецкая со временъ заявленія плановъ министерства Гогенварта. Камнемъ преткновенія для нашихъ политиковъ, какъ и для нѣмецкихъ, служатъ поляки, причемъ, надо сознаться, что нѣмецкіе политики не только ловче обходятъ этотъ камень, чѣмъ наши, но даже изобрѣтаютъ не лишenne ловкости приемы, чтобъ повернуть этотъ камень въ свою пользу. Нѣмецкая печать была предовольна «опытами гр. Бейста» образовать изъ поляковъ вѣчную угрозу Россіи на ея границахъ, его плану, «прижимая славянъ къ стѣнѣ», опереться на нѣмцевъ, мадяровъ и поляковъ. Ихъ только смущало нѣсколько, что автономія поляковъ въ Галиціи невыгодно отразится на полякахъ въ Познани, но они утѣшали себя надеждою, что удайся, съ помощью поляковъ, — «обработать» чеховъ, словинцевъ, и т. п., удайся съ помощью поляковъ диверсія противъ Россіи, они успѣютъ и поляковъ обработать въ свою очередь, а потому они нашлись: отдать полякамъ въ жертву русиновъ, поощрять ихъ фантазіи, но елико возможно не давать имъ реальной автономіи въ ихъ краѣ. Какъ ни затруднено теперь положеніе нѣмецкихъ политиковъ въ виду того, что поляки получаютъ автономію не исключительно, а вмѣстѣ съ другими славянами, но они все-таки не совсѣмъ унываютъ, по крайности, относительно плана употребить поляковъ, какъ орудіе противъ Россіи, или хоть натравливаніемъ поляковъ въ эту сторону отвлекать ихъ отъ здороваго развитія. Нашихъ политиковъ положеніе стало хуже. Взявъ себѣ за образецъ прусскую систему дѣйствій въ Познани, рекомендуя ее постоянно нашему правительству въ отношеніи къ Польшѣ, — наши политики, въ то же время, не могли же находить одобрительною ту же политику, напр., въ Чехіи и такимъ образомъ были въ одно время и централистами и врагами принципа народности, и федералистами и народовцами. Пока поляки поудерживали нѣмецко-мадярскую централистическую и дуалистическую партію въ Австріи, пока они рѣшительно не признавали правъ русиновъ, отданныхъ имъ гр. Бейстомъ и министерствомъ Гербста-Гискры, — все шло гладко: можно было говорить, что поляки — вырождающиеся славянства, друзья его враговъ, притѣснители, незаслужившіе иной мѣры, кромѣ той, какою имъ мѣряютъ и т. п. Но можно было считать въ уступкахъ имъ со стороны Австріи только враждебную мѣру противъ Россіи и плату за измѣну славянству. Но вотъ сила событій заставляетъ поляковъ обратиться къ славянско-федералистической партіи, побуждаетъ ихъ подумать объ уступкахъ русинамъ, — уступки эти еще въ области обѣщаній и очень не велики, но уже поляки въ Галиціи отказались отъ безуслов-

наго отрицанія правъ русиновъ, выражаемаго терминомъ: «pięta Rusi! Мало того, въ польской печати начинаютъ раздаваться голоса въ пользу примиренія съ Россіей. Сила событій побуждаетъ и самыя высочія сферы въ Австріи подумать о дарованіи всѣмъ славянскимъ народамъ и областямъ, — въ томъ числѣ и полякамъ, — національной и областной автономіи. Чтѣ теперь говорить нашимъ политикамъ, особенно въ виду того, что теперь нѣмецкіе публицисты начинаютъ пользоваться именемъ Россіи для того, чтобъ подорвать ненавистныя имъ мѣры къ установленію федерализма и національнаго равноправія въ Австріи?

Сказать очевидно нечего, — остается пробормотать что-нибудь. Вотъ куда обыкновенно и заходятъ люди, которые не имѣютъ твердыхъ политическихъ убѣжденій, основанныхъ на логически проводимыхъ моральныхъ началахъ, а держатся, вмѣсто политики, принциповъ «политики мѣропріятій». Горе такимъ политикамъ, если они не обладаютъ вполне послѣдовательнымъ самоослѣпленіемъ, въ родѣ того, напр., которое присуще всѣмъ нѣмецкимъ политикамъ, разсуждающимъ о славянахъ въ Познани и Чехіи. Эти могутъ, сохраняя полнѣйшую вѣру въ свою правоту, кричать на весь міръ о своихъ правахъ на Эльзасъ, жаловаться на притѣсненія нѣмецкаго элемента въ Лифляндіи и въ то же время не видѣть въ стремленіяхъ чеховъ къ равноправію съ нѣмцами на своей землѣ ничего другого, какъ «славянскую продерзость» (Slavische Uebermuth), потому что нѣмецкіе публицисты и политики застрахованы отъ всякихъ колебаній и угрызений совѣсти въ такихъ случаяхъ ученіемъ о безконечномъ превосходствѣ нѣмцевъ надъ всѣми народами, а потому и о правахъ ихъ на исключительное положеніе. Къ сожалѣнію, или къ счастью, подобная вѣра въ себя не окрѣпла еще до такой степени въ умахъ и сердцахъ нашихъ публицистовъ и политиковъ, — оттого имъ приходится играть теперь по отношенію къ австрійскимъ и связаннымъ съ ними международнымъ дѣламъ роль по истинѣ жалкую. Бѣда была бы не велика, если бы, вслѣдъ за публицистами толка «Московскихъ Вѣдомостей» и «Голоса», не была вовлечена въ то же неблистательное положеніе и добрая доля послѣдовавшего за ними общества нашего. Ахиллесова пята всѣхъ разсужденій нашихъ политиковъ объ австрійско-славянскихъ дѣлахъ, — поляки, царство польское. Это же, какъ мы видѣли, и пунетъ, куда мѣтитъ и часть нѣмецкой публицистики, поставившая своимъ девизомъ продолженіе наступленія нѣмцевъ на востокъ, и начавшая теперь съ Чехо-Моравіи и царства польскаго. При враждебности поляковъ къ Россіи выполнить это движеніе будетъ легче не только въ

арствъ польскомъ, но и въ Чехіи, которая можетъ быть охранена отъ германизма только дружнымъ союзомъ славянства, хотя бы ценою (если Австрія сохранится), а то и матеріальнымъ (если дойдетъ дѣло до распаденія Австріи). Итакъ, вопросъ о легкости или трудности исполненія замысловъ, по крайней мѣрѣ одной партіи, — если не всей интеллигенціи въ Германіи (что, вѣроятно, будетъ вѣрнѣе), — сводится на вопросъ объ отношеніяхъ между русскими и поляками. Если при враждебности между тѣми и другими всякое наступленіе нѣмцевъ на востокъ, напр. хоть, согласно программѣ К. Франца и Р. Бёкка, въ видѣ принятія поляковъ подъ защиту нѣмцевъ, — облегчается, то ясно, что надо подумать о средствахъ къ устраненію этой враждебности. Объ этомъ мы сейчасъ и поговоримъ, а прежде оставимся на томъ, точно ли враждебность къ намъ поляковъ такъ опасна, и на томъ, какъ сложились наши отношенія къ Польшѣ, которыя, очевидно, мы должны перемѣнить, — точно ли эти отношенія такого рода, что перемѣна ихъ была бы затруднительна.

III.

Убѣдившись, что въ нѣмецкомъ обществѣ существуетъ партія, желающая захвата царства польскаго и рассчитывающая на враждебность къ намъ поляковъ, мы должны обратиться къ вопросу о томъ, насколько эта враждебность можетъ быть намъ опасна. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, въ случаѣ вступленія въ Польшу армій пограничныхъ намъ державъ, или хоть одной изъ нихъ, еслибы противъ насъ стала даже одна часть населенія въ Польшѣ, то дѣйствія нашей арміи были бы порядкомъ затруднены, даже если бы вся помощь враждебной намъ арміи состояла только изъ такъ-называемой польской революціонной партіи. Но есть много основаній предполагать, что въ случаѣ вступленія въ Польшу непріятельской арміи, не только записные революціонеры, но и добрая доля дворянства и горожанъ пошла бы противъ насъ, если бы надѣялась какого-либо улучшенія своего національнаго существованія. Извѣстно, что послѣднее польское возстаніе, 1861—63 года, имѣло наибольшую поддержку въ мѣстнахъ. До сихъ поръ не выяснено отношеніе къ нему крестьянства: въ нашихъ газетахъ, — напр., въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» писалось разъ, что крестьяне «поддерживаютъ законный порядокъ», другой, — что «населеніе равнодушно» къ борьбѣ нашихъ войскъ съ мятежниками. Въ настоящее время, послѣ мѣръ въ пользу крестьянъ въ царствѣ поль-

скомъ, принятыхъ съ 1864-го года, можно а priori сказать, что масса крестьянскаго населенія не равнодушна, а скорѣе сочувственна къ власти нашего правительства. Но сочувствіе, которое держится исключительно памятью объ одной матеріальной мѣрѣ, не долговѣчно. И тутъ, какъ и во внѣшней политикѣ—благодарность долго не живетъ. Необходимо, чтобъ сочувствіе партій, или даже массы поддерживалось постоянно рядомъ дѣйствій, постоянно и органически развивающихся одно изъ другого. Но въ отношеніи къ царству польскому надо замѣтить, что послѣ мѣръ по крестьянскимъ надѣламъ 1864-го года и отчасти по преобразованію городовъ, не предпринято до сихъ поръ ничего, въ родѣ земскихъ учрежденій, или судебной реформы, что бы вело къ явному улучшенію матеріальнаго и юридическаго положенія массъ. Съ тѣхъ поръ главное количество мѣропріятій въ этомъ краѣ направлялось къ тому, чтобы «административно слить его съ Россіей», — мѣропріятія, изъ коихъ многія могутъ быть и полезны въ административномъ отношеніи, но польза которыхъ мало понятна для массъ городского и сельскаго населенія, а конечная цѣль которыхъ — обращеніе такъ-называемаго «царства польскаго» въ «Привислинскій край» особенно пріятна польскому населенію, даже самому удаленному отъ революціонныхъ мечтаній, быть не можетъ. Послѣ мѣръ по устройству сельскихъ поземельныхъ отношеній, съ 1864-го года принятыхъ въ царствѣ польскомъ, наиболѣе затрогиваютъ тамошнее населеніе мѣры по народному образованію. Но эти мѣры послѣ 1864-го года потерпѣли сильное измѣненіе: указы 1864-го года имѣли цѣлью предоставленіе каждому народному элементу въ краѣ возможности образованія на родномъ языкѣ (польскомъ, русскомъ въ уніатскихъ областяхъ и литовскомъ въ части Августовской губерніи), причемъ принципъ народности доведенъ былъ даже до крайности устройствомъ на государственныя счеты системы нѣмецкаго образованія для нѣмецкихъ колонистовъ, которые не составляютъ народности въ царствѣ польскомъ, какъ не составляютъ ее колонисты въ Таврической или Самарской губерніи. Съ 1866—67 годовъ, эта система, возвышенная торжественнымъ государственнымъ актомъ, рескриптомъ и указами 1864-го года, стала, рядомъ чисто административныхъ мѣропріятій, превращаться въ систему «обрусенія» Польши посредствомъ образованія на русскомъ языкѣ. Извѣстная часть нашей публицистики, привѣтствующая подобныя мѣры и включающая губерніи «Привислинскаго края» въ число «девятнадцати западно-русскихъ губерній», придумала даже, передѣлавъ ad hoc гипотезу польскаго историка Шайнохи о норманнскомъ проис-

хожденіи польскаго государства (какъ и русскаго), оригинальное ученіе о польской народности и цивилизаціи, по коему масса польскаго народа (мазуры, малополяне, великополяне и т. п.) не имѣетъ ничего общаго съ своими высшими классами (лехитами), что первая такъ близка къ русскому народу, что ей все равно, учиться ли по-польски, или по-русски и что даже обученіе ея по-русски будетъ завершеніемъ освобожденія славяно-польскаго населенія Привислинскаго края отъ ига лехитовъ. По этому оригинальному ученію, нашедшему себѣ прибѣжище преимущественно въ газетѣ «Голосъ», вся предшествовавшая польская исторія и вся польская литература есть исторія и литература не поляковъ, а лехитовъ, и потому народъ славяно-польскій не только можетъ, но и долженъ быть воспитанъ вдали отъ этой исторіи и литературы, и совершенно на тѣхъ же началахъ, по тѣмъ же приѣмамъ, какъ и народъ славяно-русскій. Врядъ ли нужно серьезно доказывать, что эта теорія есть только перелицованная на русскій ладъ теорія Духинскаго и К^о, то ученіе, по коему «нѣтъ Руси», а есть только Польша и Москва, причемъ Польша обнимаетъ и Бѣлоруссію съ Малороссіей, народъ которой есть такая провинціальная разновидность поляковъ, какъ и вкракусы и мазуры, а «Москва», т.-е. великоруссы — финно-татарскій народъ, тираномъ налегшій на славянъ привислинскихъ и приднѣпровскихъ и т. п. Обѣ теоріи передъ лицомъ науки имѣютъ одинаковую цѣну, — и нельзя поздравить того политическаго дѣятеля, который бы положилъ въ основу своей дѣятельности которую-нибудь изъ нихъ. Надо впрочемъ сказать, что если у насъ и есть приверженцы перелицованной теоріи Духинскаго въ примѣненіи къ «обрусенію», или «разлехичиванію» Польши, то не всѣ сторонники этого «обрусенія» опираются на теорію «Голоса», да и сами «сферы», представляемая «Голосомъ» иногда высказываютъ и другія основанія въ пользу «обрусенія» Польши.

Совершенно другое подраздѣленіе обрусителей представляютъ «Московскія Вѣдомости», хотя и они по временамъ не совсѣмъ нечужды вышеупомянутыхъ «лехитскихъ» теорій «Голоса», который, въ свою очередь, по временамъ забѣгаетъ въ сферу аргументовъ «Московскихъ Вѣдомостей». Эти послѣдніе, защищая исключительное употребленіе русскаго языка въ публичной жизни и образованіи «Привислинскаго края», опираются на государственную точку зрѣнія, понимаемую, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ. Собственно говоря, эта точка зрѣнія выражается въ вопросѣ, который часто слышишь отъ людей извѣстнаго направленія устно и въ печати: *почему мы не можемъ и не должны сдѣлать того,*

что дѣлала Франція въ Эльзасъ и дѣлаетъ и до сихъ поръ Пруссія въ Познани? Оба эти государства въ государственной жизни не знали нѣмецкой народности въ Эльзасѣ или польской въ Познани. Тутъ мы попадаемъ на трудный вопросъ о государственности и народности, — который составляетъ одинъ изъ камней преткновенія новаго времени и который въ нашей печати разрабатывается преимущественно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Эта послѣдняя газета не разъ провозглашала, что государство должно опираться на національность, что въ видахъ единства государственнаго та этнографическая народность, которая составляетъ большинство въ государствѣ и которая приняла наибольшее участіе въ сложеніи этого государства, должна быть принята за государственную (политическую) національность; ея признавъ, — языкъ, долженъ одинъ считаться государственнымъ, языкомъ политической жизни. Такова народность французская въ отношеніи во всѣмъ народамъ, входящимъ въ составъ французскаго государства (французамъ съ провансалами, бретонцамъ, нѣмцамъ, фламандцамъ и т. п.), нѣмецкая въ Германіи по отношенію къ датчанамъ, литовцамъ, полякамъ; а такова же и народность русская въ Россіи. Рядомъ съ этою народностью политическою могутъ существовать и даже развиваться другія, народности меньшихъ племенъ, но они имѣютъ право на проявленіе только въ частной жизни, а не въ государственной. Нельзя не видѣть, что послѣднія уступки какъ-то мало гармонируютъ съ первымъ общимъ положеніемъ, и что здѣсь, какъ и въ вопросѣ о религіи и государствѣ, только и могутъ быть признаны логическими двѣ системы: или равноправность національностей, или уничтоженіе меньшихъ національностей въ пользу большей, какъ въ религіозной политикѣ или равноправность религій или преслѣдованіе уклоненій отъ государственной религіи. Всякій же болѣе или менѣе средній терминъ и здѣсь будетъ страдать неопредѣленностью и непослѣдовательностью, какою, на примѣръ, отличается терпимость къ религіямъ, а не вѣротерпимость.

Въ самомъ дѣлѣ, обуюавшіе въ послѣднее время Европу войны и споры внутри государствъ изъ-за національности, всѣ эти заботы о германизаци, колонизаци, обрусеніи и т. п. напоминаютъ во многомъ религіозныя войны XVI-го и XVII-го в., а заботы о государственной народности во многомъ аналогичны съ заботами о государственной религіи. Въ тѣхъ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, которыми полна исторія XVI-го и XVII-го в., кромѣ чисто религіозной стороны, обусловливаемой свойственнымъ извѣстной степени развитію человѣческаго инстинктомъ

религіозной исключительности и фанатизма, была еще и политическая сторона. Какой-нибудь Филиппъ II-й Испанскій, когда защищалъ свою политику преслѣдованія отклоненій отъ католичества, ссылаясь и на примѣръ государей протестантскихъ и утверждалъ, что имѣеть цѣлю огражденіе единства государственнаго, которое, говорилъ онъ, несомнѣнно съ религіознымъ раздѣленіемъ. Отнюдь нельзя отрицать, что дѣйствительно религіозное единство облегчаетъ единство государственное, усиливая связь между членами государства. Но изъ этого, во-первыхъ, не слѣдуетъ, чтобы государство имѣло право силою устанавливать единство религіозное, разъ когда оно нарушено или не существовало, потому что государство тогда нарушитъ священнѣйшія права личности и породитъ такія явленія и стремленія внутри себя, которыя уничтожатъ самую цѣль государственной жизни: благо матеріальное и нравственное по возможности каждаго члена его. Во-вторыхъ, погнавшись, съ цѣлю установленія единства государственнаго, за установленіемъ единства религіознаго, политическая власть именно ослабитъ единство государственное, — потому что гонимыя партіи будутъ стремиться образовать государство въ государствѣ, стараться войти въ союзъ съ родственными имъ элементами въ другихъ государствахъ и т. п. Такъ, во время религіозныхъ войнъ въ XVI-мъ и XVII-мъ в. французскіе гугеноты призывали на Францію войска Англіи, а католики — Испаніи, пока наконецъ истинные патріоты французскіе не дошли до пониманія, что только свобода совѣсти, т.-е. отдѣленіе понятія о государствѣ отъ понятія объ религіи, и можетъ установить единство государства. Хотя у насъ и не было религіозныхъ войнъ (исключая западной Россіи, находившейся подъ властію католической Польши, исторія которой вполне подтверждаетъ мысль о томъ, что политика, заботящаяся о насильномъ религіозномъ объединеніи для единства государства, ведетъ къ противоположному результату), однакожъ и у насъ долговременное господство ученія, что православіе и русская народность и затѣмъ государство — синонимы, довело до того, что у насъ католики, протестанты, еврей считаютъ себя не русскими, — чѣмъ наше національное и государственное единство и ослабляется. Борьба религій между собою, борьба государствъ съ разновѣріями повела Европу къ множеству кровопролитій, къ погибели и распаденію многихъ государствъ, къ истребленію нѣсколькихъ и религіозныхъ обществъ, но въ концѣ концовъ Европа пришла къ убѣжденію въ необходимости, именно для спасенія единства государственнаго, раздѣленія области церкви и государства, и хотя почти во всей западной Европѣ остались

учрежденія «государственной церкви», но учрежденія эти сдѣлались чисто номинальными, на дѣлѣ же, даже и теперь, въ западной Европѣ всѣ церкви могутъ быть названы равно государственными и все идетъ къ тому, чтобъ ни одна изъ нихъ не была таковою, какъ это почти и осуществлено въ сѣверо-американскихъ штатахъ. Весьма поучительно, что, во время кровопролитій изъ-за стремленій государственныхъ людей установить и охранить единство государствъ посредствомъ единства религіознаго, гораздо больше государствъ погибло и распалось, чѣмъ религіозныхъ обществъ и ученій.

Подобное же мы видимъ и въ исторіи попытокъ къ насильственному установленію національнаго единства, — ставшихъ особенно частыми въ послѣднее столѣтіе. Вообще до сихъ поръ только огнемъ и мечомъ да долговременной колонизаціей и могли быть истреблены національности, — что особенно имѣло мѣсто въ исторіи стремленія на востокъ нѣмцевъ и русскихъ. Но объ огнѣ и мечѣ теперь и говорить нечего; колонизація теперь по большей части (исключая опять-таки колонизаціи нѣмцевъ среди сѣверозападныхъ славянъ и русскихъ, среди финновъ, т.-е. исключая случаевъ многочисленной и издавна подвигающейся колонизаціи) приводитъ къ обратному результату, т.-е. къ тому, что колонисты усваиваютъ народность, среди коей поселились. Стремленія обезнародить извѣстныя племена, съ цѣлью упроченія государственнаго единства, вызываютъ по большей части національную энергію въ племени, надъ которымъ хотятъ произвести нравственную операцію, и приводятъ иногда къ распаденію государствъ или отпаденію отъ нихъ частей: такъ, мѣръ Іосифа II къ германизации австрійскихъ народовъ послужили къ пробужденію ихъ народнаго самосознанія; такъ отпала отъ Австріи Венгрія (тогда какъ Тессинскій кантонъ остался за Швейцаріей); такъ распалась Голландія возстаніемъ не только валлоновъ, но и фламандцевъ. Новая исторія представляетъ только одинъ примѣръ относительнаго успѣха мѣръ національнаго централизма, а именно извѣстное офранцузженіе Эльзаса и Лотарингіи и фламандскихъ частей Франціи, ставшее особенно сильнымъ со времени французской революціи и не сопровождавшееся ни многочисленной колонизаціей, ни кровопролитными насиліями. Но тутъ характерно то обстоятельство, что — какъ признаютъ сами нѣмецкіе патріоты, — наиболѣе хлопотали объ офранцузженіи Эльзаса и Лотарингіи мѣстные уроженцы, нѣмцы же (подобное же было и въ фламандской Бельгіи послѣ присоединенія ея къ французской республикѣ), — что объясняется тѣмъ, что, говоря современнымъ той эпохѣ выраженіемъ, «языкъ, изъ

которомъ написано было провозглашеніе правъ человѣка, — стать языкомъ свободы¹⁾). Другое характерное обстоятельство въ распространении французскаго языка въ эпоху революціи шло въ связи съ крайне-централистическими идеями, которыя наконецъ погубили революцію и ослабили Францію. Грегуаръ, въ своемъ докладѣ «о необходимости и средствахъ уничтожить разнорѣчія (patois) и ввести въ общее употребленіе французскій языкъ и въ составленномъ имъ декретѣ, который обнародовалъ Конвентъ въ 1794-мъ году, обратился къ народу французскому съ слѣдующими словами: «Граждане, вы имѣете счастье быть французами!... вы проклинаете федерализмъ политическій; откажитесь же отъ федерализма въ языкѣ: языкъ долженъ быть одинъ, какъ и республика; съ сѣвера на югъ, на всемъ пространствѣ земли французской надо, чтобъ рѣчь была также объединена, какъ и сердца. Разные діалекты вышли изъ нечистаго источника феодализма: это соображеніе должно сдѣлать ихъ вамъ ненавистными.... Свободные люди, бросьте языкъ рабовъ и усвойте языкъ вашихъ представителей, языкъ свободы!» Но несмотря на всѣ старанія центрального правительства, несмотря на помощь представителей мѣстной интеллигенціи, не только не удалось уничтожить нѣмецкій и фламандскій языкъ въ населеніи не-французскихъ департаментовъ Франціи, но въ послѣднее время произошло явно обратное движеніе въ интеллигенціи этихъ

¹⁾ См. Rich. Boeckh. Die Statistische Bedeutung der Volksprache, als Kennzeichen der Nationalität (въ Zeitschr. der Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1866 г. III Heft. 365, 382 и слѣд. — Hautteville. La Nationalité Belge ou Flamande et Wallonne. 1870. 26 и слѣд. — Беккъ говоритъ, — что средства, которыми французское правительство пользуется для офранцузженія Эльзаса не похожи на тѣ, которыя употребляло датское противъ нѣмцевъ въ Шлезвигѣ. Датское правительство хотѣло «оданить» смѣшанные округа посредствомъ посланныхъ датчанъ, а въ нѣмецкихъ округахъ Франціи, хотя на высшія должности и назначаются по возможности французы національнаго направленія (National-Franzosen), но какъ орудіе для исполненія своихъ плановъ служатъ имъ сами нѣмцы. Они доставляютъ составъ народныхъ учителей, которые теперь всѣ способны давать образованіе на французскомъ языкѣ; даже въ высшемъ (педагогическомъ) персоналѣ двѣ пятыхъ именъ нѣмецкаго происхожденія и вообще утверждаютъ, что именно члены (страсбургской) академіи съ нѣмецкими именами принадлежать къ самымъ ревностнымъ распространителямъ французскаго языка. — Если мы обратимъ вниманіе на то, что не только не можетъ быть рѣчи о сколько-нибудь значительной колонизаціи изъ Франціи въ Эльзасъ, но что наоборотъ эта провинція шлетъ давно уже избытокъ населенія во Францію, Алжиръ и Америку, что въ послѣднее время до 100,000 нѣмцевъ изъ Германіи, привлекаемые, какъ говоритъ Беккъ, французской свободой промысловъ (Gewerbefreiheit) жило въ Эльзасѣ, что французскій языкъ сильно распространился въ Люксембургѣ (Беккъ, 388), — то выведемъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло болѣе съ само-офранцузженіемъ, чѣмъ съ распространеніемъ французскаго элемента мѣрами государственнаго централизма и даже колонизаціи, какъ на востокъ Пруссіи.

департаментовъ, — а именно забота о сохраненіи и развитіи народныхъ языковъ. Стремленіе это выразилось въ основаніи газетъ и библіотекъ фламандскихъ и нѣмецкихъ, — и, замѣчательно, что просвѣщенные люди во Франціи, преимущественно изъ французовъ же, не только не сопротивлялись этому движенію, но, — какъ, напр., основатель «лиги образованія» Жанъ Массе, помогали ему. Самъ Наполеонъ III, посѣтивъ въ 1867-мъ году Эльзасъ, выразилъ свое сочувствіе «прекрасному нѣмецкому языку» и пожелалъ «выдвиженія его впередъ, какъ языка преподаванія въ прирейнскихъ департаментахъ» ¹⁾. Только благодаря такому прежнему значенію французскаго языка и такой терпимости общества и правительства къ попыткамъ сохраненія и развитія языка народнаго, и объясняется то обстоятельство, что въ Эльзасѣ не было никакого нѣмецкаго сепаратизма, хотя, безъ сомнѣнія, что въ недалекомъ времени языкъ нѣмецкій въ тѣхъ краяхъ получилъ бы и въ силу чисто общественнаго движенія большее и политическое значеніе. Тамъ же, гдѣ французскій языкъ, вводимый административными мѣрами попадалъ въ край, не столько выигравшій, сколько проигравшій въ политическомъ отношеніи отъ союза съ Франціей, тамъ административное принужденіе, хотя и поддержанное сначала частью мѣстной интеллигенціи, вызвало реакцію въ пользу языка народнаго, напр., въ Голландіи и Бельгіи. Въ послѣдней, по отдѣленіи ея отъ Голландіи, языкъ французскій воспреобладалъ, вопреки конституціи, надъ фламандскимъ; но въ послѣднее время въ Бельгіи произошло сильное движеніе къ уравниенію правъ фламандскаго языка съ французскимъ во всѣхъ проявленіяхъ учебной и общественной жизни. Фламандское возрожденіе отразилось и въ сѣверныхъ департаментахъ Франціи. Мало того, въ послѣднее время, въ связи съ стремленіемъ провинцій и общинъ французскихъ къ самоуправленію, по всей Франціи началось обращеніе къ мѣстнымъ не только языкамъ (бретонскій, фламандскій), но и нарѣчіямъ (провансальское и др.), и теперь можно фразу Грегюара обернуть такъ: вы ненавидите централизацию, вы стремитесь къ федерализму, — и потому вспомните о народныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Подобное же явленіе замѣчается и въ Италіи, гдѣ тосканское нарѣчіе послужило связующей силой раньше (XV в.), чѣмъ сѣверофранцузское нарѣчіе

¹⁾ Объ успѣхахъ германскаго возрожденія подъ правленіемъ французскимъ, правленіемъ въ прирейнскихъ департаментахъ, см. Allgemeine Chronik des Volksschulwesens, herausg. v. Wolfram. Altona. 1866, 1868. — Allg. Kirchliche Chronik, hg. Schulze, 1868.

получило рѣшительное преобладаніе во Франціи (XVII в.) и чѣмъ выше-нѣмецкій языкъ сталъ классическимъ (собственно съ XVIII в.), но гдѣ теперь началось обратное движеніе въ пользу другихъ народныхъ нарѣчій, которыя начинаютъ дѣятельно изучаться, на коихъ (пьемонтское, миланское, венеціанское, сицилійское) дѣлаются попытки литературной дѣятельности. И дѣйствительно, — въ вопросѣ объ элементарномъ народномъ образованіи, о словесномъ судѣ, объ областномъ и общинномъ самоуправленіи необходимо замѣшанъ и вопросъ не только о народныхъ языкахъ, но отчасти и нарѣчіяхъ. Другими словами, — чѣмъ болѣе государство становится свободнымъ, и потому прочнымъ союзомъ людей для достиженія развитія душевнаго и матеріальнаго, тѣмъ болѣе подходитъ оно къ равноправности языковъ и народностей, въ него входящихъ, въ общественной жизни. Образцомъ такого государства служить пока Швейцарія, гдѣ есть три народности, — всѣ три пользуются равными правами. *Тамъ есть и національность государственная, только она не состоитъ въ преобладаніи одной этнографической народности, а въ общемъ вѣсѣ трехъ сознаній, что принадлежность къ единому союзу государственному выгодна и въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи каждому изъ составляющихъ его членовъ.* Гдѣ нѣтъ подобнаго сознанія, — а оно не можетъ быть тамъ, гдѣ принимаются административныя мѣры къ доставленію преобладанія какому то признаку одной этнографической народности, т.-е. гдѣ понятіе о государствѣ смѣшивается съ понятіемъ о народности, — тамъ нѣтъ и условія для образованія политической національности, тамъ именно государственное единство ослабляется самими мѣрами, которыя имѣютъ цѣлью усилить и создать это единство.

Обращаясь теперь въ частности къ царству польскому, мы и не можемъ не видѣть, что, исключая русскихъ его краевъ около Холма и Сѣдлеца, «обрусеніе» въ немъ имѣетъ весьма малые шансы. Если бы кто и говорилъ, что это «обрусеніе» и не имѣется въ виду, а имѣется въ виду только сближеніе Привислинскаго края съ русскимъ государствомъ, — то, конечно, слова эти можно заподозрить или въ неискренности, или въ необдуманности: если такія мѣры, какъ введеніе русскаго языка во всѣ проявленія публичной и учебной жизни въ край польскомъ не имѣютъ цѣли слитіе поляковъ съ русскими въ одну этнографическую народность, тогда они не имѣютъ вовсе цѣли, потому что изъ простой формы хлопотать очень не стоитъ. Во всякомъ случаѣ важнѣе всего то, что всѣ подобныя мѣры принимаются польской интеллигенціей, какъ мѣры къ обрусенію Польши, и потому, конечно, только усиливаютъ нерасположеніе

ея къ намъ. Можно утѣшать себя сколько угодно теоріями о лехитско-варяжскомъ происхожденіи польскихъ высшихъ классовъ, польской литературы и цивилизаціи,—но дѣло въ томъ, что эта литература и цивилизація была и есть, что другого культурнаго слоя, кромѣ того, который былъ и есть въ Польшѣ, тамъ,—очень просто,—не было и нѣтъ. Этотъ же культурный слой,—украсть ли онъ у славянъ языкъ, или нѣтъ,—а языкомъ связанъ съ тѣмъ польскимъ народомъ, который и мы удостоиваемъ считать славянскимъ. Связь же эта не можетъ ограничиваться однимъ языкомъ. Нѣтъ спора, въ прежней исторіи польской цивилизаціи было много темныхъ сторонъ, которыя отразились и на нынѣшнихъ культурныхъ слояхъ Польши; нельзя не видѣть, что неблагоприятныя обстоятельства (главнымъ образомъ эмиграція) наложили болѣзненный тонъ на польскую литературу и мысль XIX-го вѣка; вѣрно и то, что исключительно политическое направленіе умовъ польской интеллигенціи довело наконецъ польскую литературу и науку въ послѣднее время до весьма жалкаго состоянія, именно въ то время, когда русская стала шибко развиваться (что недавно признала и польская газета «Крај»), хотя реакціонно-политическое направленіе «обрушительнаго» періода отразилось неблагоприятно и на русскомъ развитіи. Но дѣло въ томъ, что, при всей болѣзненности прежней польской цивилизаціи и новой литературы со временъ Мицкевича, въ этой цивилизаціи все же есть человѣческія стороны и, главное, есть стороны, находящія откликъ во всемъ польскомъ народѣ; въ новой литературѣ польской дѣйствовали люди съ большими талантами и одушевленіемъ, отчего она не можетъ утратить обаянія на народъ польскій. Къ тому же всякія стѣсненія только увеличиваютъ привязанность ко всему родному, безъ различія темнаго отъ свѣтлаго, и нѣтъ сомнѣнія, что печальное политическое состояніе Польши въ послѣднее столѣтіе, способствовало усиленію въ польскомъ обществѣ темныхъ сторонъ прежней цивилизаціи до ультрамонтанства и аристократизма включительно, а во всякомъ случаѣ препятствовало развитію въ этомъ обществѣ духа критики. Для послѣдняго надо спокойствіе, — а можетъ ли оно развиваться при постоянномъ страхѣ за свою народность? Поэтому всякаго рода мѣры, неоправдываемыя самою настоятельною и очевидною государственною потребностью, а изобрѣтаемыя въ кабинетахъ теоретическими послѣдователями своеобразно понятой идеи о единствѣ государства, мѣры, имѣющія цѣлью сообщеніе польскому краю русской оболочки не только дальше поверхности не идутъ, но возбуждаютъ въ образованномъ обществѣ польскомъ чувства діаметрально

противоположныя государственному единству. Затѣя воспитать польское общество внѣ всякаго вліянія историческихъ традицій, польской литературы, — будетъ всегда химерической затѣей, которая вдобавокъ затрудняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что польская народность въ Австріи уже ничѣмъ не можетъ быть остановлена въ своемъ развитіи, научномъ, литературномъ и политическомъ, потому что федеральная Австрія не имѣетъ никакихъ силъ противъ поляковъ въ Галиціи. Въ виду этого скажите же, — выгодно ли для единства російской имперіи, если поляки привислинскіе будутъ тянуть нравственно къ Кракову?

Если же бы Галиція вошла въ сферу нѣмецкаго вліянія, что случится, если Австріи не удастся устроиться на федеративныхъ началахъ, тогда, конечно, польская народность можетъ получить поддержку только въ силу интриги дипломатической, съ цѣлью оторванія царства польскаго отъ Россіи и потомъ, конечно, германизации его. Но, скажутъ, — и есть такіе, которые это говорили и говорятъ, — вы толкуете только о высшихъ классахъ польскихъ, а какое намъ дѣло до этого шляхто - папистскаго элемента, наша сила въ польскомъ народѣ, а этотъ не враждебенъ намъ вовсе и можетъ слиться совершенно съ русскимъ. Въ отвѣтъ на это надо сказать, что слой населенія въ Польшѣ, который сознаетъ себя польскимъ и потому уже станетъ обижаться всякими мѣрами къ обрусенію его, не ограничивается шляхтой, а обнимаетъ почти все городское населеніе. Что же до народа, — то такъ какъ замѣна въ его быту языка польскаго русскимъ потребовала бы чрезвычайныхъ усилій и со стороны его самого, то, совершенно естественно, что по мѣрѣ образованія, хотя бы и даннаго въ полурусскихъ школахъ, онъ только станетъ постепенно увеличивать токъ культурный въ населеніи, которое чувствуетъ себя въ національномъ смыслѣ польскимъ, а потому, если съ нашей стороны будутъ продолжаться попытки къ обрусенію поляковъ, то образованіе народа въ Польшѣ, хотя бы и съ нашей помощью, будетъ только увеличивать число элемента, раздражаемаго нашими мѣропріятіями. Такія фразы, какъ «создать новую породу людей», «создать новый культурный слой», легко говорить, — на дѣлѣ же новая порода органически связывается съ старою. Грамотный польскій простолюдинъ станетъ читать все-таки польскія, а не русскія книжки, да мы и не можемъ же сочинить особую русскую литературу для поляковъ; а польская литература, польскія книжки писались, пишутся и будутъ писаться тѣмъ существующимъ уже польскимъ культурнымъ слоемъ, который всего менѣе можетъ сочувствовать уничтоженію польской національности. Поэтому

намъ надо, чтобъ въ этомъ слоѣ явилась завязь партіи, которая бы видѣла пользу въ союзѣ съ Россіей; къ этой только партіи и можетъ приставать поднимающійся изъ надѣленнаго нами земель культурный слой польскаго крестьянства и постепенно создавать «новую породу польскихъ людей» дружественныхъ Россіи. Но подобной завязи (если не считать ничтожнаго числа голосовъ въ польской публицистикѣ, да и то за границей:—одинъ студентъ въ Берлинѣ, державшій рѣчь въ прошломъ году, одинъ публицистъ въ Галиціи и авторъ одной брошюры въ Парижѣ, писанной передъ войною: *La France, la Prusse et la Russie*) въ нашемъ «Привислинскомъ Краѣ» что-то не замѣчается. А между тѣмъ она могла бы уже образоваться даже съ 1864-го года, если бы мы остались вѣрны принятой тогда системѣ не обрусенія Польши, а возрожденія ея посредствомъ устройства массъ народа и образованія на національныхъ языкахъ.

Достоинъ вниманія,—въ другихъ мѣстахъ, гдѣ идетъ борьба народностей, среди народности центробѣжной успѣли образоваться партіи, которыя тянутъ къ народности центростремительной: такъ у хорватовъ, сербовъ, словиновъ, угорскихъ русскихъ есть мадяроны, такъ поражаемые нашими публицистами; даже въ Галиціи, гдѣ централистическую силу представляютъ поляки, далеко необладающіе политическимъ тактомъ, все же есть хоть небольшой кружокъ русскихъ, не уклоняющійся отъ соглашенія съ ними; мало того, даже національныя партіи славянской и румынской оппозиціи въ Венгріи вовсе не ставятъ цѣлью отдѣленіе отъ мадяръ, во что бы то ни стало (любопытно, что и партія мадяроновъ образовалась въ Венгріи не во время политическаго преобладанія мадяръ, а въ то время, когда австрійское централистическое правительство подавляло мадяровъ), а желаютъ только болѣе удобной для своихъ народностей организаціи союза съ мадярскимъ государствомъ и народомъ. Только у насъ въ Польшѣ нѣтъ ничего похожаго на «русскую партію». До тѣхъ же поръ пока такая партія не образуется, мы всегда будемъ держаться въ Польшѣ только бюрократіей и войскомъ. Все говоритъ въ пользу того, что система обрусенія Польши только препятствуетъ образованію такой партіи и будетъ способствовать только тому, что, по мѣрѣ усиленія теперешняго оппозиціоннаго слоя приливомъ богатѣющихъ и образующихся людей изъ сельскаго класса, будетъ рости сила этого оппозиціоннаго слоя. Отъ людей, которые имѣли случай видѣть ходъ дѣлъ въ Польшѣ не изъ прекрасной дали кабинетовъ, часто приходится слышать слова въ родѣ слѣдующихъ: «ну, вотъ мы надѣлили крестьянъ въ Польшѣ землю, подняли ихъ благо-

состояніе и тѣмъ пока усмирили мятежъ», — но результатомъ того, что мы «создали польскій народъ», выйдетъ то, что черезъ 10 — 15 лѣтъ можетъ быть новое возстаніе, только въ немъ приметъ участіе уже и весь «призванный нами къ жизни польскій народъ». Если это случится, черезъ 10, 15, 20 или болѣе лѣтъ, въ этомъ не будетъ ничего противуестественнаго, несогласнаго съ законами исторіи, а потому политикъ не можетъ не сообразовать своихъ мѣропріятій съ такимъ естественнымъ явленіемъ. Теперь представляется вопросъ: выгодно ли будетъ русскому государству усмирять войскомъ не только шляхту и мѣщанство, но и сельское населеніе?

А пока дойдетъ дѣло до такого положенія вещей, — что, конечно, случится не сегодня и не завтра, является вопросъ: если раньше того какое-либо пограничное государство введетъ свои войска въ царство польское и изъявитъ желаніе, говоря языкомъ нѣмецкихъ ученыхъ и публицистовъ, «принять подъ свое покровительство польскую народность, которой угрожаетъ обрусеніе», — не будутъ ли оборонительныя дѣйствія нашихъ военныхъ силъ парализованы самымъ рѣшительнымъ образомъ? Намъ кажется, что если бы въ Польшу ввела свои войска Германія и если бы передъ тѣмъ въ польскомъ обществѣ не распространилось убѣжденіе, что Россія не имѣетъ цѣли обезнародить поляковъ, — то удержать послѣднихъ отъ помощи нѣмцамъ могло бы только убѣжденіе, что Германія современемъ дѣйствительно обезнародила бы поляковъ, тогда какъ Россія никогда не успѣетъ въ этомъ. Все дѣло, значитъ, сводится на то только, — насколько дальновидны будутъ поляки, насколько холодный расчетъ и вѣра въ будущее станутъ у нихъ выше настоящаго горячаго нерасположенія къ русскому государству. Если бы въ союзѣ съ Германіей къ берегамъ Вислы явилась и Австрія, и поляки могли надѣяться, что въ случаѣ пораженія Россіи берега Вислы достанутся Австріи, тогда и сомнѣніи быть не можетъ, что послѣдняя задержка поляковъ стать противъ насъ пала бы: отъ нея осталось бы только сомнѣніе, — основанное на предыдущихъ примѣрахъ изъ исторіи прусской политики, — въ томъ, чтобы Пруссія безкорыстно затѣяла «освобожденіе Польши» и чтобы она согласилась на присоединеніе всего царства польскаго къ Австріи. Безъ всякаго сомнѣнія совмѣстное завоеваніе царства польскаго Австріей и Пруссіей, при помощи польскаго возстанія, повело бы по меньшей мѣрѣ къ новому «раздѣлу Польши», послѣ котораго вопросъ объ окончательной германизации, съ присоединеніемъ къ Германіи

частей, доставшихся Австріи по раздѣлу, былъ бы только вопросомъ времени.

Повторяемъ, всѣхъ страховъ, о которыхъ мы говоримъ, можетъ быть, и не будетъ. На отклоненіе ихъ возможности имѣетъ сильное вліяніе распространяющееся во Франціи убѣжденіе въ необходимости сближенія съ Россіей и славянствомъ. Но страхи, о возможности которыхъ мы говоримъ, существуютъ не въ нашемъ воображеніи. Мы основываемся на толкахъ нѣмецкихъ публицистовъ и ученыхъ, равно какъ на естественныхъ географическихъ данныхъ и историческомъ стремленіи народа германскаго на востокъ. Уже одной возможности достаточно для того, чтобъ публицистика страны, на рѣшеніе судьбы которой спекулируетъ хотя бы и часть только публицистики сосѣднаго народа, обратила вниманіе на возможную бѣду и указала средства,—или хотъ подвала вопросъ о средствахъ къ предотвращенію этой опасности. Съ своей стороны мы считаемъ нравственной обязанностью передъ родиной указать на замыслы, сильно питаемые въ нѣмецкой литературѣ на царство польское, и высказать, что облегченіемъ къ исполненію этихъ замысловъ, можетъ служить распространеніе между поляками убѣжденія, что Россія, правительство и общество стремятся къ обрусенію Польши и къ уничтоженію польской народности. Это же убѣжденіе выведено поляками изъ образа мыслей, высказываемаго нѣкоторыми весьма вліятельными органами нашей печати о мѣрахъ къ обезпеченію единства русскаго государства, и изъ нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время сообразно этому образу мыслей.

Въ виду важности послѣдствій мѣръ, имѣющихъ цѣлью обрусеніе Польши, и для произнесенія критической оцѣнки этихъ мѣръ, необходимо обратиться къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, чѣмъ вызваны эти мѣры и тотъ порядокъ идей, на которомъ они основаны, какъ взопли эти идеи въ наше общество и не была ли поставлена другая система отношеній къ царству польскому и къ польской народности, которая представляла болѣе гарантій для достиженія успѣшнаго результата въ огражденіи единства государства отъ польскаго сепаратизма?

М. Т — овъ.

З О Л О Т О

Изъ Томаса Гуда.

Золото! золото! золото! золото!
Ясное, твердое, вѣчно холодное,
Лито и ковано, плющено, колото....
Все кабалящее, вѣчно свободное,
Золото, золото, золото, золото!
Лёгко хранимое, трудно добытое,
Гордостей сколько тобою уколото!
Сколько разъ потомъ и кровью обмытое —
Коплено, мѣняно, крадено, теряно,
Занято, роздано, быстро промотано,
Чищено, рѣзано, вѣшано, мѣряно! —
Вотъ оно — золото! золото! золото!...
Старость до гроба его съ наслаждениемъ
Нѣжно лелѣть; все же, что молодо,
Мимо проходить съ пренебреженіемъ.
Ты, что добыто цѣною злодѣйствъ,
Всякихъ страданій, холода, голода, —
Благо иль ужасъ миллионъ семействъ, —
Золото! золото! золото! золото!

Странно въ немъ разныя слиты стихіи:
Благо, несчастье!... — и роль его въ свѣтѣ
Даже видна на чеванной монетѣ:
То на ней ликъ доброй англійской Бетти,
То ликъ кровавой Маріи!

Л. М. Н.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ

1861—1871 гг.

СТАТЬЯ ДЕСЯТАЯ *).

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА.

I. Общий взглядъ на ходъ реформы.

Приступая къ послѣдней части своего труда — къ критической оцѣнкѣ нашихъ судебныхъ уставовъ, мы чувствуемъ нѣкоторую робость передъ важностію той задачи, которая намъ предстоитъ. Несмотря на это, мы не считаемъ себя въ правѣ, говоря о реформахъ послѣдняго десятилѣтія, умолчать о той, которая представляется намъ едва ли не самой важной и наиболѣе серьезной изъ всѣхъ. Только одно уничтоженіе крѣпостного права по важности своего значенія въ жизни могло бы стать на ряду съ нашей судебной реформой, но если взглянуть пристально, то нельзя не замѣтить, что послѣдняя имѣла болѣе непосредственное вліяніе на весь строй нашей государственной и общественной жизни. Конечно, мы убѣждены въ томъ, что отмена крѣпостного права была главной задачей нашего времени, что она есть краеугольный камень, безъ котораго была бы немыслима и судебная реформа, но она дѣйствовала и продолжаетъ дѣйствовать на общество путемъ отрицательнымъ; результаты этой мѣры еще не вполне обнаружались и вся польза ея еще впереди. Она положила только предѣлы развитію въ обществѣ тѣхъ вредныхъ инстинктовъ, которые неразлучны съ крѣпостнымъ произволомъ и которые влекутъ къ полному нравственному растлѣнію цѣлое общество; но она не могла уничтожить въ насъ самыхъ инстинктовъ: мы съ ними родились и

*) См. выше: янв. 296 стр.

выросли. Вылечить насъ отъ этого нравственнаго недуга можетъ только время, а ускорить это излеченіе могутъ только тѣ начала, которыя введены въ жизнь судебными уставами. И эти уставы дѣйствительно внесли въ цѣлый строй нашей жизни совершенно новыя начала, чуждыя нашимъ традиціямъ и притомъ не отрицательнаго, но положительнаго свойства, состоящія въ замѣнѣ царства произвола царствомъ закона. Безъ этой спасительной реформы мы долго не отвыкли бы отъ нашихъ крѣпостныхъ замашекъ и, Богъ знаетъ, какая судьба ожидала бы крестьянскую реформу, еслибъ вскорѣ за нею не были громко провозглашены тѣ начала, на которыхъ основаны наши судебные уставы? Недостаточно написать въ законѣ, что крѣпостное право уничтожено, — надо уничтожить его на практикѣ, въ жизни, а это-то и есть задача судебной реформы. Вотъ почему мы не перестанемъ сожалѣть, что судебные уставы введены не вмѣстѣ съ крестьянской реформой, правильное примѣненіе которой на практикѣ только они одни могли бы гарантировать.

Другая причина нашей робости при оцѣнѣ судебныхъ уставовъ, — это достоинство новаго закона какъ по мысли, такъ и по исполненію. Въ самомъ дѣлѣ, разбирая всѣ наши законодательныя работы послѣдняго десятилѣтія, мы не можемъ поставить ни одной на ряду съ судебными уставами. Если читатель внимательно слѣдилъ за нашими статьями, то онъ конечно припомнитъ, что въ большей части разсмотрѣнныхъ нами законоположеній замѣчается полное отсутствіе общихъ руководящихъ началъ, вслѣдствіе чего намъ приходилось встрѣчать поразительныя противорѣчія не только съ основными научными выводами и опытомъ другихъ государствъ, но и между отдѣльными статьями одного и того же закона. Кромѣ того намъ приходилось встрѣчать мѣры, вызывавшія результаты прямо противоположныя тѣмъ цѣлямъ, которыхъ желали достигнуть. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами реформъ только реформы, выработанныя при государственномъ контролѣ, отличаются одной общей руководящей цѣлью; всѣ же другія, повидимому, не имѣютъ ничего общаго между собою. Совсѣмъ другое представляется даже при поверхностномъ разсмотрѣніи труда комиссіи, составившей судебные уставы. Здѣсь съ перваго раза бросается въ глаза, что люди, призванные къ дѣлу, стояли вполне въ уровень съ тою задачею, которая была предложена имъ для разрѣшенія, а задача эта, по всему строю нашей государственной жизни, была задачей нелегкой. Въ самомъ дѣлѣ, проведеніе такихъ великихъ принциповъ, какъ полное отдѣленіе судебной власти отъ административной и обвинительной, публичность и гласность суда, независимость судей, адвокатура и состязательный порядокъ судопроизводства, и наконецъ, предоставленіе общественной совѣсти, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, рѣшенія фактическихъ вопросовъ по

дѣламъ уголовнымъ, — принципамъ, которыхъ такъ чужда была наша общественная жизнь, было дѣломъ весьма труднымъ; оно вызывало противъ себя борьбу всѣхъ тѣхъ элементовъ общества, для которыхъ старые порядки были выгодны. Конечно, составители судебныхъ уставовъ въ своихъ тенденціяхъ могли опираться не только на полную несостоятельность прежнихъ порядковъ вообще и судебныхъ въ особенности, но и на большинство русской интеллигенціи, которое вполне имъ сочувствовало и жадно ожидало осуществленія новой реформы. Но, именно это сочувствіе массы образованнаго русскаго общества и дѣлало задачу комиссіи болѣе трудной. Оно обязывало составителей судебныхъ уставовъ къ той послѣдовательности, которую мы такъ высоко цѣнимъ въ ея трудахъ, обязывало строго держаться тѣхъ общихъ началъ, о которыхъ мы упомянули выше, и дѣлать какъ можно меньше уступокъ; между тѣмъ то же самое сочувствіе вызывало въ противномъ лагерѣ боязнъ за утрату дорогого имъ произвола и особую тактику, состоявшую не въ открытомъ, но тайномъ противо-дѣйствіи. Противники реформы, изъ опасенія стать въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, не высказывались тогда прямо противъ реформы, тѣмъ болѣе, что были не въ силахъ выдержать прямой и открытый споръ. Только впоследствии они заговорили громче на страницахъ „Московскихъ Вѣд.“, а въ то время они старались только рас-сѣять на пути защитниковъ реформы тѣ невидимыя препятствія, о которыя часто разбивается энергія и въ особенности наша, русская энергія, еще не окрѣпшая въ борьбѣ. Люди эти вполне понимали, какой ударъ наноситъ эта реформа любезнымъ для нихъ порядкамъ стараго времени; они понимали, что судъ, основанный на новыхъ началахъ, не даромъ вызываетъ сочувствіе общества и не только ограничить для нихъ возможность распоряжаться произвольно, но сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ общественной школой, въ которой будутъ учиться понимать общественные вопросы не отдѣльныя личности, а цѣлыя массы; что, такимъ образомъ, новый судъ способенъ вызвать ихъ личную дѣятельность на судъ общественнаго мнѣнія, передъ которымъ имъ было бы трудно оправдаться. Они понимали, говоримъ мы, что новый судъ есть первая попытка гарантировать тѣ начала, которыя впервые были провозглашены Положеніемъ 19-го февраля, хотя крестьянское дѣло и не подчинено ему. Положеніе 19-го февраля уничтожало крѣпостные порядки въ самомъ грубомъ ихъ проявленіи, тогда какъ новый судъ преслѣдуетъ ихъ вездѣ и во всѣхъ видахъ. Такимъ образомъ, сочувствіе общества къ началамъ, положеннымъ въ основаніе реформы, — сочувствіе, въ которомъ противники ея видѣли появленіе краснаго призрака на горизонтѣ Россіи, а защитники зарю новаго времени, удаляло все болѣе и болѣе однихъ отъ другихъ и усложняло задачу составителей судебныхъ уставовъ. Но чѣмъ труднѣе была за-

дача, тѣмъ болѣе чести тѣмъ почтеннымъ дѣятелямъ, которые умѣли провести въ уставахъ идеи, добытыя опытомъ образованныхъ народовъ, и удержать реформу на той высотѣ, до которой достигли не всѣ европейскія законодательства: русское общество, конечно, не забудетъ этихъ дѣятелей, — заслуга ихъ была велика.

Что дѣло судебной реформы было дѣломъ не легкимъ, то это доказывается не только самымъ содержаніемъ судебныхъ уставовъ, но и всѣмъ послѣдующимъ порядкомъ ихъ введенія.

Разсматривая судебные уставы, мы видимъ прежде всего вліяніе общихъ, руководившихъ комиссіей началъ, но не можемъ отрицать и того факта, что уставы носятъ характеръ компромисса во многихъ случаяхъ. Заслуга комиссіи состоитъ въ томъ, что подобныя уступки вездѣ являются какъ исключенія, онѣ сейчасъ же замѣтны и хотя вредятъ достоинству новаго закона, но не искажаютъ главныхъ его основаній. Всѣ подобныя недостатки до такой степени мало связаны съ общимъ характеромъ реформы, что исправленіе ихъ, при наступленіи удобныхъ для этого обстоятельствъ, не представитъ никакихъ затрудненій даже по отношенію къ системѣ изложенія. Можно ли допустить мысль, что люди, вполне понимавшіе значеніе суда въ обществѣ и тѣ условія, при которыхъ онъ въ состояніи выполнить это назначеніе, не замѣтили этихъ недостатковъ и допустили ихъ безъ особенныхъ причинъ? Нѣтъ, мы думаемъ, что эти недостатки (на которые ниже и постараемся указать) вошли въ уставы потому, что составители ихъ не могли не дѣлать подобныхъ уступокъ, въ виду невозможности безъ этого провести общія основанія реформы. Уступки, несогласныя съ общимъ характеромъ реформы, могли явиться только вслѣдствіе противодѣйствія противнаго лагеря, главнымъ стремленіемъ котораго было затормозить развитіе тѣхъ началъ, введенію которыхъ онъ помѣшать не могъ. Обойти всѣ эти подводные камни, придать этимъ уступкамъ видъ исключеній и удержать за основными чертами реформы первенствующее значеніе—было дѣломъ нелегкимъ, при которомъ требовалось много знанія, много умѣнья и много такта.

Итакъ, первое доказательство трудности осуществленія реформы даетъ намъ самое содержаніе судебныхъ уставовъ. Но если мы обратимся къ послѣдующей ихъ судьбѣ, то мы найдемъ и здѣсь много фактовъ, тормозившихъ дѣло. Къ числу такихъ фактовъ мы должны отнести прежде всего то обстоятельство, что лица, которымъ принадлежитъ честь составленія судебныхъ уставовъ и первые шаги на пути ихъ введенія въ дѣйствіе, не имѣли большого вліянія на дальнѣйшій ходъ реформы; между тѣмъ, какъ намъ бы казалось, что главные виновники реформы были бы болѣе компетентными лицами не только при истолкованіи общихъ началъ, положенныхъ въ основаніе реформы, но и при оцѣнѣ юридическихъ познаній и способностей тѣхъ

лицъ, которымъ ввѣрялось примѣненіе новаго закона на практикѣ. Вопросъ: почему первые дѣатели реформы отступили на дальній планъ и остаются въ тѣни, — не подлежитъ конечно нашему разсмотрѣнію, но можетъ подать поводъ думать, что въ нашихъ правительственныхъ сферахъ существуетъ убѣжденіе въ невозможности допустить на практикѣ полное осуществленіе тѣхъ принциповъ, которые положены въ основаніе реформы. Другого объясненія этому факту дать нельзя, тѣмъ болѣе, что онъ подтверждается дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Въ литературѣ, наприм., уже было заявлено объ ограниченіи самостоятельности судебныхъ слѣдователей, которыхъ въ настоящее время не утверждаютъ въ должностяхъ, а поручаютъ имъ лишь исправленіе этихъ должностей, какъ чиновникамъ министерства юстиціи. Какъ чиновники министерства, они всегда могутъ быть отозваны отъ своихъ должностей. Такая система есть конечно нарушеніе принципа независимости судебной власти, составляющаго краеугольный камень всей реформы. Намъ могутъ возразить, что эта система принята изъ осторожности, въ виду того, чтобъ утвержденіе въ означенныхъ должностяхъ происходило не иначе, какъ по надлежащемъ испытаніи. Но на это можно замѣтить, что для испытанія лицъ, на основаніи судебныхъ уставовъ, есть званіе кандидатовъ на судебныя должности, что обязанности судебныхъ слѣдователей слишкомъ важны, чтобъ можно было допускать къ исправленію ихъ людей, недоказавшихъ еще своей способности и знанія и, наконецъ, что испытаніе не можетъ производиться нѣсколько лѣтъ. Намъ кажется, что для этого достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ, — если въ это время человѣкъ доказалъ свою способность, то онъ долженъ быть утвержденъ, въ противномъ же случаѣ устраненъ: другого выхода здѣсь быть не можетъ. Такая осторожность, при которой три-четыре года службы недостаточно рекомендуютъ человѣка, чтобъ быть утвержденнымъ въ званіи судебного слѣдователя, по меньшей мѣрѣ излишняя и заставляетъ предполагать не эту, а другую причину. Намъ кажется, что вслѣдствіе независимаго положенія, въ которое поставлены уставами судебныя слѣдователи, они имѣли бы право, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отказывать въ исполненіи тѣхъ требованій лицъ прокурорскаго надзора, которыя они находили незаконными, и представлять таковыя на разсмотрѣніе суда. Вѣроятно же всего, что такое право судебныхъ слѣдователей признано неудобнымъ. Чтобъ устранить это неудобство, лучшимъ средствомъ было поставить ихъ въ зависимость отъ прокуроровъ. Какъ чиновникъ министерства, котораго оно можетъ всегда лишить мѣста, слѣдователь не рѣшится дѣйствовать самостоятельно, а долженъ исполнять всякое требованіе прокурора, какъ лица пользующагося болѣе довѣріемъ министерства. Что касается до насъ, то мы не думаемъ, чтобъ подобное отступленіе отъ одного изъ глав-

ныхъ условій новой реформы могло содѣйствовать ея успѣху. Конечно, мѣра эта представляетъ нѣкоторыя удобства для прокурорскаго надзора, но мы не думаемъ, чтобъ для этого удобства слѣдовало ослаблять дѣйствіе высочайше утвержденнаго закона простымъ административнымъ распоряженіемъ. Намъ кажется, что если подобная мѣра вошла въ систему, то только вслѣдствіе недоразумѣнія, т.-е. вслѣдствіе того, что вопросъ: насколько порядокъ этотъ измѣняетъ значеніе обвинительной власти и ея отношеніе къ судебной, остался неразъясненнымъ. По смыслу судебныхъ уставовъ, власть обвинительная должна быть отдѣлена отъ судебной и должна являться передъ послѣдней только въ качествѣ одной изъ спорящихъ сторонъ. Въ этомъ порядкѣ весь смыслъ состязательнаго процесса: измѣнить его, значитъ уничтожить всякую гарантію, предоставляемую подсудимому этимъ порядкомъ судопроизводства. Хотя во время предварительнаго слѣдствія обвиняемый и не пользуется защитой, но это потому, что законъ предполагалъ въ лицѣ слѣдователя самостоятельную судебную власть, которой можно было ввѣрить интересы обвиняемаго, тѣмъ болѣе, что предварительное слѣдствіе должно провѣряться на судѣ. Тѣмъ не менѣе, предварительное слѣдствіе есть рядъ судебныхъ дѣйствій, производимыхъ судебнымъ слѣдователемъ. Прокурорскій надзоръ, по смыслу основныхъ положеній, является здѣсь лишь обвинителемъ, и всякое его требованіе, повидимому, должно быть провѣрено судебной властью въ лицѣ судебного слѣдователя и удовлетворено лишь тогда, когда найдено правильнымъ. Хотя судебные уставы нѣсколько измѣняютъ отношеніе прокурорскаго надзора къ судебнымъ слѣдователямъ, но все-таки послѣдніе являются лицами не обязанными безусловно исполнять требованія прокурорскаго надзора. Но дѣйствовать такимъ образомъ можетъ лишь то лицо, которое не зависить отъ прокурора; чиновникъ же министерства юстиціи долженъ необходимо подчиняться волѣ прокурора, иначе онъ можетъ быть отозванъ, т.-е. лишенъ мѣста. Такимъ образомъ, слѣдователь является въ силу административныхъ распоряженій лицомъ подчиненнымъ прокурору, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ лицѣ послѣдняго соединяется какъ обвинительная, такъ и судебная власть, по крайней мѣрѣ настолько, насколько она предоставлена судебному слѣдователю. Возьмемъ простой вопросъ о пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія, т.-е. вопросъ о томъ, подлежитъ ли обвиняемый аресту или нѣтъ. Такъ какъ вопросъ этотъ разрѣшается смотря по роду наказанія, къ которому виновный долженъ быть приговоренъ, то онъ, во время предварительнаго слѣдствія, часто бываетъ весьма спорнымъ. Разрѣшеніе его есть дѣйствіе чисто судебное, предоставленное по закону судебному слѣдователю, а въ случаѣ протеста прокурора окружному суду; но если судебный слѣдователь можетъ быть причисленъ къ министерству по

требованію прокурора, то онъ не можетъ не исполнить его воли, и такимъ образомъ чисто судебное дѣйствіе, въ настоящее время, зависить отъ усмотрѣнія обвинительной власти. Гдѣ же то отдѣленіе власти судебной отъ обвинительной, которая установлена судебными уставами?

При этомъ надо замѣтить, что подобное соединеніе обвинительной и судебной власти въ рукахъ прокурорскаго надзора является всегда орудіемъ весьма опаснымъ. Обвиняемый не имѣетъ защитника, и если слѣдователь поставленъ въ такое положеніе, что онъ долженъ исполнять требованіе прокурора объ арестѣ, то свобода, честь и доброе имя каждаго частнаго человѣка отдается на произволъ одного лица и притомъ на безсрочное время, такъ какъ всѣ жалобы его на неправильный арестъ могутъ доходить до окружнаго суда только черезъ прокурора, который, конечно, не поспѣшитъ передать эту просьбу въ судъ, въ особенности если жалоба основательна. Между тѣмъ, по самой сущности своихъ обязанностей, прокуроры весьма склонны видѣть виновнаго въ обвиняемомъ, и требованія ихъ объ арестѣ могутъ быть очень часто ошибочны. Требования эти могутъ быть уже и потому неосновательны, что задача обвинительной власти значительно облегчается, если обвиняемый состоитъ подъ арестомъ, такъ какъ для послѣдняго затрудняется изысканіе средствъ къ своему оправданію. Такимъ образомъ единственная гарантія, которая была предоставлена обвиняемому судебными уставами на время предварительнаго слѣдствія, въ лицѣ самостоятельной судебной власти, — уничтожена и даже не путемъ законодательнымъ, а простымъ административнымъ распоряженіемъ. На этомъ основаніи мы возвратились къ прежнему порядку слѣдствій. Если прежняя слѣдственная система возбуждала противъ себя жалобы, то главное потому, что обвинительная власть соединялась въ однихъ рукахъ съ судебной, а не потому, что она находилась въ рукахъ полиціи. Замѣна полиціи прокурорскимъ надзоромъ, въ этомъ случаѣ, конечно, есть шагъ впередъ, есть улучшеніе прежней системы, но не измѣненіе ея въ духѣ судебныхъ уставовъ. Увлеченія лицъ прокурорскаго надзора судебный слѣдователь въ настоящее время исправить не можетъ, а увлеченіе для людей, большею частію молодыхъ, весьма возможно. Опытъ подтверждаетъ какъ нельзя болѣе наши слова. Войдите въ любой тюремный замокъ и вы непремѣнно найдете въ немъ между слѣдственными арестантами лицъ, задержанныхъ не совсѣмъ правильно, потому что проступокъ ихъ подведенъ не подъ ту статью уложенія о наказаніяхъ. Постановленія судебныхъ мѣстъ очень часто подтверждаютъ это и присуждаютъ виновнаго къ такому наказанію, которое вовсе не дозволяетъ предварительнаго ареста, а между тѣмъ виновный уже содержался и иногда даже долѣе, нежели судъ его присуждаетъ. На этомъ основаніи, человѣкъ подлежитъ двой-

ному наказанію совершенно неслуженнымъ образомъ. Такіе факты остаются безнаказанными, такъ какъ не было примѣра, чтобы судъ привлекалъ къ судебной отвѣтственности виновныхъ за подобное нарушение законовъ. Мы не будемъ приводить примѣровъ этому изъ судебной хроники, такъ какъ всякому, слѣдившему за нею, факты эти хорошо извѣстны.

Въ подтвержденіе того обстоятельства, что неправильные аресты бывають, приведемъ еще тотъ фактъ, что число слѣдственныхъ арестантовъ не уменьшается, тогда какъ по новому порядку ограничено число случаевъ, когда подсудимый подвергается предварительному аресту, и самая процедура слѣдствій сокращена.

Итакъ, если даже послѣ изданія судебныхъ уставовъ допускаются подобныя важныя ограниченія тѣхъ принциповъ, которые положены въ основаніе реформы, то мы никакъ не можемъ допустить, чтобы не было попытокъ къ ограниченію этихъ принциповъ во время проектированія и рассмотрѣнія судебныхъ уставовъ.

Во всякомъ случаѣ, всякій съ нами согласится, что инициатива подобныхъ мѣръ къ ограниченію самостоятельности слѣдователей не можетъ исходить изъ среды защитниковъ новаго суда. При всемъ нашемъ уваженіи къ личному составу министерства юстиціи, мы не можемъ одобрить подобной системы: рано или поздно оно само убѣдится, что путь этотъ удаляетъ изъ состава судебныхъ слѣдователей наиболѣе полезныя силы.

Если мы обратимся къ тому обстоятельству, что несмотря на семь лѣтъ, истекшихъ со времени изданія судебныхъ уставовъ, они введены далеко еще не во всей европейской Россіи, то и въ этомъ нельзя не видѣть тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути новая реформа, потому что первоначальное предположеніе было ввести ее въ четыре года. Препятствіями къ исполненію этого предположенія выставляютъ обыкновенно финансовыя затрудненія государственнаго казначейства и недостатокъ людей для замѣщенія всѣхъ судебныхъ должностей.

Мы имѣли уже случай высказать читателю наше мнѣніе объ этихъ финансовыхъ затрудненіяхъ со стороны казначейства и доказали достаточно ясно, что даже при введеніи крестьянской реформы эти препятствія не могли и не должны были считаться серьезными; а тѣмъ болѣе впоследствии, когда доходы государства сильно возвысились, — университеты же ежегодно доставляли новый контингентъ дѣятелей. Судъ есть одна изъ первыхъ государственныхъ функцій, а потому средства для его организаціи должны быть во чтобы то ни стало, и если мы нашли возможнымъ со времени изданія судебныхъ уставовъ увеличить нашъ бюджетъ на военное министерство болѣе чѣмъ на сорокъ милліоновъ и притомъ въ мирное время, то ясно, что не-

достатка въ средствахъ на организацію суда быть не могло. Что касается недостатка людей, то, конечно, переѣна въ личномъ составѣ министерства могла нѣсколько замедлить первоначальное предположеніе, такъ какъ новымъ людямъ необходимо было ознакомиться съ тѣмъ составомъ судебныхъ учреждений, которыя были уже организованы, а равно и съ подготовленнымъ контингентомъ новыхъ силъ. Но во всякомъ случаѣ, это обстоятельство не могло задержать реформы на нѣсколько лѣтъ. Мы твердо убѣждены въ томъ, что при личномъ составѣ, которое имѣло министерство въ своемъ распоряженіи и при тѣхъ ежегодныхъ выпускахъ, которые представляли наши университеты и училище правовѣдѣнія, можно было организовать новыя судебныя учрежденія гораздо скорѣе, нежели это дѣлалось. Позволимъ себѣ замѣтить, что и въ другихъ вѣдомствахъ есть много образованныхъ юристовъ, занимающихъ должности, на которыхъ вовсе не требуется спеціальнаго юридическаго образованія, и которыя, слѣдовательно, могутъ быть занимаемы людьми, получившими образованіе въ другихъ факультетахъ; при недостаткѣ юридически образованныхъ лицъ, состоявшихъ въ распоряженіи министерства, можно было бы обратиться и къ этимъ лицамъ.

Удовлетвореніе такой потребности, какъ организація новыхъ судебныхъ учреждений, слишкомъ важно, чтобы другія вѣдомства не оказали въ этомъ случаѣ содѣйствія министерству юстиціи указаніемъ наиболѣе способныхъ изъ числа служащихъ подъ ихъ начальствомъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, мы бы поняли промедленіе, еслибъ, во-первыхъ, министерство юстиціи считало нужнымъ строго слѣдовать при опредѣленіи къ должностямъ по судебному вѣдомству тѣмъ соображеніямъ, которыя помѣщены при ст. 202-й учрежденія судебныхъ установленій (изд. госуд. канцеляріи), т.-е. требовать отъ опредѣляемыхъ лицъ юридическаго образованія и вмѣстѣ доказанныхъ на службѣ познаній по судебной части. Изъ этихъ соображеній мы видимъ, что законодательная власть хотя и не нашла возможнымъ ограничить въ самомъ текстѣ закона право выбора непремѣнно обоими условіями и допустила опредѣленіе съ одной практической опытностью, но только въ видѣ исключенія, чтобы не лишиться тѣхъ лицъ, которыя продолжительною службой приобрѣли основательныя познанія по судебной части. Необходимость юридическаго образованія законодательная власть доказываетъ слѣдующими многозначительными словами: „Если будущіе адвокаты должны соединять въ себѣ оба эти условія, то нельзя не требовать того же и отъ судей, которые при рѣшеніи дѣлъ должны не только правильно оцѣнять факты и законы, но и раскрыть истину, несмотря на противоположные доводы, представляемые адвокатами обѣихъ тяжущихся сторонъ“ (тамъ же стр. 135). Повторяемъ, еслибъ министерство юстиціи находило необходимымъ строго держаться этого

правила, то мы понимаемъ, что при извѣстной осторожности въ выборѣ личнаго состава и при ограниченномъ кругѣ, который можетъ быть лично извѣстенъ министру, необходимо продолжительное время для замѣщенія всѣхъ должностей, во всей Россіи. Но мы видимъ, что министерство пользовалось довольно широко своимъ правомъ представлять на судебныя должности не только лицъ съ одной практической опытностью по судебной части, но даже и безъ оной, такъ какъ когда опредѣлялись на должность члена или предсѣдателя окружнаго суда лица, или неслужившія по судебной части, или не получившія не только юридическаго, но и какого бы то ни было образованія. Хотя и позволительно сомнѣваться, чтобы люди, не получившіе, о крайней мѣрѣ, общаго образованія, могли приобрести одной практикой такія свѣдѣнія, которыя дали бы имъ возможность распутать когда весьма сложное дѣло и найти истинный смыслъ какъ факта, такъ и закона; но мы думаемъ, что люди эти совершенно способны къ исполненію ихъ высокихъ обязанностей, если министерство юстиціи рѣшилось представить ихъ на высочайшее утвержденіе. Мы приодимъ это обстоятельство для того только, чтобы доказать наше положеніе, что недостатка въ людяхъ не могло быть, если представлялось возможнымъ находить способныхъ людей даже между тѣми, которые не получили ни высшаго, ни средняго образованія. Кромѣ того мы убѣждены, что былъ избытокъ людей, такъ какъ мы знаемъ многихъ достойныхъ лицъ, получившихъ серьезное образованіе, практически знакомыхъ съ дѣломъ и не получившихъ мѣстъ, несмотря на одаатайство. Вообще, намъ кажется, что министерство юстиціи при назначеніи должностныхъ лицъ судебного вѣдомства не стѣсняется тѣми правилами, которыя изложены въ ст. 203 — 211-й учрежденія судебныхъ установленій, несмотря на то, что по истеченіи шести лѣтъ въ введенія реформы въ первыхъ двухъ округахъ, условія эти могли бы быть соблюдаемы. Еслибъ въ министерствѣ юстиціи чувствовался недостатокъ въ людяхъ, способныхъ занять судебныя должности, то министр юстиціи конечно не рѣшился бы закрыть доступъ къ судебнымъ должностямъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которымъ въ теченіе университетскаго курса случилось быть замѣшанными въ какую-нибудь университетскую исторію. Увлеченіе молодости весьма понятно, и законъ съ подобныя проступки предоставляетъ судить и наказывать въ стѣнахъ университета, исключая ихъ совершенно изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ мѣстъ въ виду ихъ маловажности, а потому надо имѣть слишкомъ тщательный контингентъ способныхъ силъ, чтобы быть настолько осторожнымъ и рѣшиться отнять у молодого человѣка всякую надежду на судебную карьеру, только потому, что онъ въ минуту увлеченія нарушилъ какія-нибудь дисциплинарныя правила университета. Мы очень увѣрены въ томъ, что всѣмъ извѣстный циркуляръ, ограни-

чивающій служебныя права извѣстной категоріи лицъ за такіе проступки, которые по суду не признаны подлежащими подобной карѣ, не будетъ строго исполняться, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ строго законнаго основанія; но за всѣмъ тѣмъ фактъ этотъ все-таки указываетъ, что недостатка въ людяхъ нѣтъ.

Несмотря однакожъ на всѣ подобныя соображенія, недостатокъ людей выставляется многими, какъ положительное препятствіе къ повсемѣстному введенію реформы. Правда ли это? мы не знаемъ, такъ какъ министерство юстиціи никогда не находило нужнымъ сообщать обществу причины, задерживающія ходъ реформы. Между тѣмъ, очень бы не мѣшало успокоить на этотъ счетъ общественное мнѣніе, такъ какъ въ обществѣ безпрестанно ходятъ разные слухи о томъ, что нашимъ судебнымъ учрежденіямъ грозятъ коренныя измѣненія. Говорятъ, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ замѣтно сильное неудовольствіе на то самостоятельное положеніе, которое обнаруживается въ судебномъ сословіи, и что въ виду этого министерство юстиціи старается, хотя отчасти, замедлить рѣшительный шагъ, сдѣланный на этомъ пути судебными уставами. Говорятъ, что съ этой цѣлью выборъ лицъ на судебныя должности ограничивается кругомъ людей извѣстной категоріи, которые, во-первыхъ, положительно доказали свою политическую благонадежность, а во-вторыхъ, не выказываютъ попользованій на значительную самостоятельность или потому, что не имѣютъ ея по своему характеру, или потому, что жаждутъ повышеній и наградъ, и что вслѣдствіе этого встрѣчается положительное затрудненіе въ замѣщеніи вакансій. Вотъ, къ какимъ нелѣпымъ слухамъ приводитъ иногда молчаніе высшихъ правительственныхъ мѣстъ о ходѣ такого дѣла, съ которымъ связано осуществленіе завѣтныхъ ожиданій общества. Мы конечно не придаемъ никакой вѣры этимъ слухамъ на томъ простомъ основаніи, что не можемъ допустить мысли, чтобы министерство юстиціи желало исказить на десятки, а можетъ быть и сотню лѣтъ направленіе дѣятельности нашихъ судовъ, такъ какъ первоначальный личный составъ всегда будетъ имѣть вліяніе на замѣщеніе открывающихся вакансій и, сверхъ того, вырабатываетъ судебный обычай, который даетъ на долго тонъ всему дѣлу. Понятно, что люди безъ серьезныхъ убѣжденій всегда могутъ прикинуться вполне благонадежными, и получивъ мѣста, получать и возможность искажать начала, которыми дорожатъ всѣ образованныя общества. Но чѣмъ дороже для человѣка какое бы то ни было учрежденіе, чѣмъ болѣе онъ надѣется плодотворныхъ отъ него результатовъ, тѣмъ болѣе ослѣпается онъ и за судьбу этого учрежденія, въ особенности при отсутствіи гарантій въ прочности порядка, не вполне согласнаго съ прежними традиціями и другими условіями государственной жизни. На этомъ основаніи возникновеніе различныхъ слуховъ хотя и понятно,

но нельзя однакожъ не указать на ихъ неосновательность. Откуда, напр., министерство юстиціи могло бы получать свѣдѣнія при сужденіи о благонадежности извѣстнаго лица, не опороченнаго судомъ? Очевидно, что только отъ постороннихъ вѣдомствъ; но это значило бы отказаться отъ той самостоятельной роли, которую признаеть въ этомъ случаѣ законъ за министерствомъ юстиціи, и подчинить заключеніе свое о способностяхъ и нравственныхъ достоинствахъ избираемыхъ людей мнѣніямъ другихъ административныхъ вѣдомствъ,—это бы значило обратить министерство въ департаментъ другого вѣдомства и поставить судебную власть совершенно въ зависимость отъ административной. Можетъ ли какое-нибудь министерство рѣшиться на это? Мы считаемъ необходимымъ предостеречь читателя противъ этихъ слуховъ въ особенности потому, что причинами, возбуждающими подобные слухи, бываютъ часто явленія, хотя и печальныя, но чисто случайныя, зависящія отъ минутной ошибки и не имѣющія въ себѣ ничего систематическаго. Такъ, какое-нибудь неудачное назначеніе на важный постъ лица, извѣстнаго въ данной мѣстности своей неспособностью или выказавшаго своей прежней дѣятельностью незнакомство съ судебными постановленіями, и наоборотъ, отказъ въ повышеніи лица, заслужившаго довѣріе общества, непременно вызываютъ толки и обобщеніе этихъ фактовъ въ цѣлую систему. Точно также случайное возвышеніе лицъ прокурорскаго надзора, безъ соблюденія правилъ указанныхъ въ 203-й и послѣдующихъ статьяхъ, даетъ поводъ предполагать, что прокурорскій надзоръ пользуется преимущественнымъ довѣріемъ министерства. Что касается послѣдняго обстоятельства, то нелѣпость обращающихся въ обществѣ слуховъ доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ. Намъ случалось слышать такого рода вещи, что отъ прокуроровъ требуются свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ судей тѣхъ судебныхъ мѣстъ, при которыхъ они состоятъ. Допустить мысль о подобной оцѣнкѣ лицъ, которыя должны пользоваться, по существу своей власти, гораздо большимъ довѣріемъ, нежели прокуроры, — есть очевидная нелѣпость, и если мы приводимъ подобный слухъ, то только для того, чтобъ указать до какихъ нелѣпыхъ предположеній можетъ доходить общество въ виду нѣкоторыхъ исключеній, допущенныхъ въ пользу лицъ прокурорскаго надзора. Общество чрезвычайно чутко къ своимъ интересамъ; оно требуетъ отъ судьи полного безпристрастія, а между тѣмъ, зная по собственному опыту, какъ трудно отвыкать отъ сдѣланныхъ привычекъ, опасается, чтобъ назначеніе на высшія судебныя должности прокуроровъ не сдѣлалось системой. Сущность обвинительной власти состоитъ именно въ томъ, чтобъ отыскивать связь между существующими уликами, группировать ихъ такъ, чтобъ существующее подозрѣніе представлялось очевидной виновностью; судебная же власть имѣетъ совершенно другое

назначеніе: она должна строго взвѣшивать представленныя доводы и придавать имъ значеніе тогда только, когда они имѣютъ безусловно необходимую связь между собою. Если для должности прокурора нуженъ человѣкъ находчивый и впечатлительный, то для должности судьи нуженъ человѣкъ хладнокровный, способный отнестись критически къ каждому явленію и анализировать его подробно. Отсюда вытекаетъ необходимость строго отличать эти различныя способности людей при выборѣ кандидатовъ для замѣщенія должностей по судебному вѣдомству. Отличный прокуроръ можетъ быть очень плохимъ судьей, и наоборотъ. Если же принять въ соображеніе, что умъ нашъ, вслѣдствіе привычки, изощряется особенно въ томъ, чѣмъ онъ преимущественно занимается, то мы по необходимости придемъ къ заключенію, что прокуроръ, привыкшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ отыскивать въ дѣлѣ однѣ улики виновности, будетъ очень одностороннимъ рѣшителемъ спора и будетъ безсознательно склонять вѣсы правосудія на сторону обвиненія. Если же онъ человѣкъ вполне добросовѣстный, то, оцѣнивъ значеніе привычки, онъ можетъ, не довѣряя себѣ, вдаться въ противоположную крайность. Во всякомъ случаѣ произойдетъ вредъ для правосудія, и тѣмъ болѣе, чѣмъ на высшую судебную должность назначается лицо прокурорскаго надзора. Намъ кажется, что человѣкъ, серьезно относящійся къ своимъ обязанностямъ, понимающій, какая громадная разниа должна быть въ способностяхъ прокурора и судьи и разъ посвятившій себя прокурорской дѣятельности, не можетъ принять на себя обязанностей судьи, не становясь въ разрѣзъ съ своей совѣстью. Тѣмъ болѣе слѣдовало бы обратить вниманіе на это обстоятельство тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ Россія ожидаетъ судей не только честныхъ вообще, но и безпристрастныхъ по отношенію къ различнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ людей. Лица же прокурорскаго надзора врядъ ли будутъ хорошими судьями: практика приучаетъ ихъ дѣлать слишкомъ поспѣшныя приговоры о виновности. Если намъ возразятъ, что вердиктъ о виновности принадлежитъ присяжнымъ, а не судьямъ, то на это мы замѣтимъ, что не всѣ дѣла въ судѣ рѣшаются съ присяжными засѣдателями, что предсѣдатель суда можетъ имѣть огромное вліяніе на рѣшеніе присяжныхъ въ своей заключительной рѣчи, что постановка вопросовъ имѣетъ также весьма важное значеніе и что, наконецъ, въ судебной палатѣ присяжныхъ вовсе нѣтъ, а въ ней разсматриваются и обвинительный актъ и аппеляція на приговоръ суда. Намъ кажется, что такія назначенія не требуются даже и съ той цѣлью, чтобъ у лицъ прокурорскаго надзора была известная карьера, такъ какъ въ этомъ отношеніи люди, посвятившіе себя этого рода дѣятельности, могли бы возвышаться до должностей оберъ-прокуроровъ правительствующаго сената. Конечно, молодые люди могутъ ошибиться въ своемъ призваніи и выбрать прокурорскую дѣя-

тельность не согласно своимъ способностямъ. На этомъ основаніи необходимо доставить имъ возможность поправить свою ошибку и допустить одно исключеніе изъ этого правила—это назначеніе членовъ окружнаго суда изъ числа товарищей прокуроровъ онаго, пожелавшихъ измѣнить родъ своей дѣятельности. Въ этихъ лицахъ, конечно, не можетъ еще укорениться привычка относиться легко къ обвиненію, а коллегіальное устройство суда приучило бы ихъ скоро къ болѣе серьезному анализу.

Мы уклонились нѣсколько отъ занимавшаго насъ вопроса указаніемъ того вреда, который можетъ происходить отъ выбора кандидатовъ для высшихъ судебныхъ должностей изъ числа лицъ прокурорскаго надзора; но мы не могли не высказать этихъ мыслей въ данномъ случаѣ въ виду слуховъ, порождаемыхъ подобными назначеніями, тѣмъ болѣе, что статьи 203, 206, 207 и 208-я учрежденій судебныхъ установленій, опредѣляющія, кто можетъ быть членами судебныхъ мѣстъ, не дѣлаютъ никакого различія между прокурорскимъ надзоромъ и остальными лицами судебного вѣдомства, какъ будто между обязанностями этихъ должностныхъ лицъ нѣтъ никакой разницы и какъ будто отъ судьи требуется тотъ же самый практическій пріемъ, какъ и отъ прокурора. Взглядъ этотъ намъ кажется весьма ошибочнымъ, и мы никакъ не можемъ согласить его со взглядомъ, выраженнымъ въ статьѣ 204-й, по которой присяжные повѣренные допускаются только къ должностямъ членовъ окружныхъ судовъ и притомъ когда они были въ семъ званіи не менѣе десяти лѣтъ. Между тѣмъ, для поступленія въ званіе присяжныхъ повѣренныхъ требуется, кромѣ юридическаго образованія, болѣе продолжительный срокъ службы по судебной части, нежели для поступленія въ члены окружнаго суда, т.-е. пять лѣтъ для перваго, и три года для послѣдняго. Въ соображеніяхъ къ этой статьѣ сказано, что для членовъ суда необходимо хорошо ознакомиться съ судебною частью; но вѣдь то же самое требуется и для присяжнаго повѣреннаго, собственный интересъ котораго заставляетъ его приобрести необходимую опытность, безъ которой онъ не будетъ имѣть никакой практики. По нашему мнѣнію, адвокатская обязанность есть лучшая школа для судьи, такъ какъ на этомъ поприщѣ человѣкъ долженъ заниматься не только уголовными, но и гражданскими дѣлами. Такъ смотреть на дѣло въ классической странѣ адвокатуры,—въ Англіи, гдѣ коронные судьи, пользующіеся громаднымъ авторитетомъ и почетомъ, преимущественно назначаются изъ адвокатовъ. Хотя Бентамъ и вооружается противъ такого порядка вещей,—но многолѣтній опытъ Англіи доказываетъ прямо, какъ жестоко ошибался онъ въ своихъ теоретическихъ соображеніяхъ. Между тѣмъ, у насъ, какъ оказывается, отдано предпочтеніе этому взгляду Бентама, потому что десятилѣтній срокъ, положенный для присяжныхъ повѣ-

ренныхъ для поступленія только въ члены окружнаго суда все равно, что совершенное воспрещеніе выбора судей изъ этого сословія. Человѣкъ, остававшійся въ семъ званіи десять лѣтъ и притомъ исполнявшій свои обязанности безуворизненно, какъ того требуетъ законъ, необходимо долженъ настолько уже упрочить свое положеніе, что должность члена окружнаго суда не представить для него ничего привлекательнаго. Намъ кажется, что въ этой статьѣ выразилось только желаніе составителей уставовъ оградить судебную карьеру отъ конкуренціи тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые не успѣли пріобрѣсти себѣ достаточной практики. Противъ этого мы можемъ замѣтить, что едвали полезно приносить въ жертву интересы цѣлаго государства — выгодамъ судебного сословія.

Но, возвратимся къ нашему предмету. Мы видѣли, какіе печальные слухи распространяются вслѣдствіе медленнаго введенія судебной реформы. Мы называемъ ихъ печальными не потому, чтобы считали ихъ правдоподобными, а потому, что они служатъ намъ доказательствомъ существованія въ нашемъ обществѣ противниковъ судебной реформы, которые въ угоду своей фантазіи навязываютъ высшимъ правительственнымъ сферамъ Богъ-знаетъ какія тенденціи. Но если медленность введенія судебной реформы въ великорусскихъ губерніяхъ подвергается различнымъ комментаріямъ, то еще болѣе удивляетъ общество то обстоятельство, что она не вводится въ остзейскихъ провинціяхъ. Какъ слышатся голоса въ обществѣ, въ то время, когда большая половина Россіи пользуется судомъ общимъ, для всѣхъ сословій, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ столицы существуетъ до сихъ поръ сословный судъ средневѣковыхъ временъ, и русскій подданный перестаетъ пользоваться тѣми гарантіями, которыя предоставляютъ ему законы его отечества, не покидая его, а только переѣзжая границу Петербургской губерніи. Дѣйствительно, фактъ поразительный, который можетъ быть комментированъ на тысячу ладовъ и все-таки ему не найдешь достаточныхъ основаній. Здѣсь уже нѣтъ возможности утверждать, что недостатокъ людей тому причиной. Въ остзейскихъ провинціяхъ, несомнѣнно, образованіе развито гораздо болѣе, чѣмъ въ остальныхъ губерніяхъ: это доказывается и числомъ учебныхъ заведеній и процентомъ учащихся. Кромѣ того, мы видимъ въ нашихъ судебныхъ мѣстахъ очень много уроженцевъ остзейскихъ губерній, которые конечно не отказались бы служить на своей родинѣ. Намъ конечно могутъ сказать, что особенности края, состоящія въ разноплеменности населенія, требуютъ нѣкоторыхъ измѣненій въ судебныхъ уставахъ. Мы не будемъ спорить противъ этого, такъ какъ эти особенности дѣйствительно существуютъ, но мы думаемъ, что примѣненіе судебныхъ уставовъ къ этимъ особенностямъ должно касаться лишь мелкихъ подробностей, и возникающія отсюда затрудненія, конечно не таковы, чтобы ихъ нельзя было

устранить въ теченіи семи лѣтъ. Чтожъ касается до главныхъ и существенныхъ основаній реформы, то они, составляя результатъ общеевропейской цивилизаціи, конечно приложимы вполнѣ и къ остзейскимъ губерніямъ, какъ и ко всей Россіи. Утверждать противное значить утверждать, что три губерніи въ западномъ углу Россіи не имѣютъ ничего общаго съ Европой и ихъ цивилизація совершенно иная отъ европейской. Если найдено возможнымъ примѣнить дѣйствіе судебныхъ уставовъ на Кавказѣ и за Кавказомъ, гдѣ конечно представлялось несравненно болѣе затрудненій всякаго рода и по языку, и по разноплеменности населенія и по неразвитости и даже дикости массы, и по огромнымъ пространствамъ и по недостатку людей; если всѣ эти затрудненія были побѣждены просвѣщеннымъ стремленіемъ мѣстнаго управленія, то мы не видимъ никакихъ причинъ, препятствующихъ введенію судебной реформы въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Здѣсь нужна только добрая воля и ничего болѣе. Несмотря однакожъ на всю ясность дѣла, судебная реформа не вводится до сихъ поръ въ эти губерніи и даже проекты о примѣненіи ея не выработаны окончательно, хотя коммиссіи для этой цѣли были давно составлены. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ трудно не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое ходитъ въ обществѣ, что камнемъ преткновенія въ этомъ дѣлѣ служатъ права остзейскаго дворянства. Если это дѣйствительно такъ, если меньшинство населенія имѣетъ такіа права, которыя несовмѣстны съ началами, положенными въ основаніе судебныхъ уставовъ, то мы, съ своей стороны, не находимъ въ этомъ обстоятельствѣ никакихъ затрудненій. Права эти должны исчезнуть и ничего болѣе. Въѣдъ это не имущественное право, за потерю котораго необходимо отыскать средства вознагражденія, а слѣдовательно нужно время. Судебная власть не можетъ принадлежать отдѣльному сословію, это есть принадлежность государственной власти, которая облекаетъ ее въ такіа формы, которыхъ требуетъ современный порядокъ вещей. Средневѣковыя формы остзейскаго суда устарѣли и должны исчезнуть, несмотря ни на какія привилегіи тамошняго дворянства. Наконецъ, не будемъ обходить послѣдняго слова, а выскажемъ прямо, какъ думаютъ русскіе люди объ этомъ вопросѣ. А думаютъ они такъ, что введеніе въ остзейскомъ краѣ судебныхъ уставовъ есть вопросъ чести для министерства юстиціи, и наше личное уваженіе къ этому министерству заставило насъ совершенно откровенно высказать такое мнѣніе русскихъ людей. Мы рѣшились высказать это мнѣніе еще и потому, что такой образъ дѣйствій совершенно бы совпадалъ съ той политикой, которой должна держаться Россія на своихъ окраинахъ. Эта политика должна состоять въ покровительствѣ большинству и уничтоженіи тягостныхъ привилегій.

Только такая гуманная политика и может оправдывать наши прам на владѣніе окраинами.

Затѣмъ, мы обращаемся еще къ одному факту, который также доказываетъ, что судебная реформа имѣетъ противниковъ. Припомнимъ проектъ объ усиленіи власти губернаторовъ, который хотя и не былъ опубликованъ, но содержаніе котораго далеко не тайна. Само название этого проекта уже показываетъ, что въ немъ проводилась мысль о, необходимости вліянія администраціи на судебную власть. Припомнимъ и тѣ заключенія, которыя были присылаемы на этотъ проектъ. Многія изъ нихъ, какъ мы слышали, весьма энергично высказывались противъ самостоятельности суда и за необходимость зависимости его отъ администраціи. Самая существенная сторона реформы, условіе, безъ котораго немислимо правосудіе, безъ котораго судъ не можетъ пользоваться довѣріемъ общества и поддерживать уваженія къ существующимъ законамъ,—всего болѣе подвергается нареканіямъ и представляется въ невыгодномъ свѣтѣ, какъ что-то вредное, парализующее дѣйствіе административныхъ властей. Не доказываетъ ли это лучше всего, какъ крѣпостныя замашки сроднились съ нашимъ обществомъ и не отстаютъ отъ него, несмотря ни на какія реформы? Вдумались ли люди, высказывающіе подобныя мысли, что они тѣмъ самымъ подрываютъ значеніе той власти, которую хотятъ возвысить? Въ самомъ дѣлѣ, что такое административная власть? Она распоряжается матеріальной силой, которая непосредственно заставляетъ управляемыхъ исполнять постановленія власти законодательной. По своей сущности она есть представитель матеріальныхъ силъ государства и слѣдовательно не можетъ имѣть исключительно нравственнаго авторитета. Власть же судебная есть власть чисто нравственная. Истинное назначеніе суда—устранить необходимость употребленія грубой, матеріальной силы и замѣнить ее, въ умахъ людей, идеей права и справедливости, установить такой порядокъ, чтобъ люди подчинялись рѣшеніямъ суда, какъ безусловной необходимости. Государственная власть, издавая законъ, беретъ на себя только наблюденіе за его исполненіемъ, но устраняетъ себя отъ сужденія виновнаго въ его нарушеніи. Этотъ судъ она предоставляет особымъ органамъ, ставя, такимъ образомъ, какъ бы посредниковъ изъ среды самихъ гражданъ между собою и подданными. Она передаетъ всякое судебное дѣло особенной власти и исполняетъ потомъ ея приговоръ. Такимъ образомъ, правительственная или административная власть устраняетъ отъ себя всякое нареканіе, если требуется приложеніе физической силы, которая есть только орудіе силы нравственной, выраженной въ приговорѣ суда. На этомъ основаніи распоряженія административныхъ властей, дѣйствующихъ при посредствѣ физическихъ силъ государства, могутъ получить великую нравственную силу только при содѣйствіи суда. И дѣ-

ствительно, институтъ судебной власти имѣтъ громадное, могущественное вліяніе на умы людей. Но, чтобъ она дѣйствительно получила это нравственное значеніе и могла бы поддерживать значеніе административныхъ распоряженій, необходимо, чтобъ она была независима отъ администраціи и произносила свои приговоры совершенно свободно. Только при такомъ положеніи судебной власти административныя распоряженія, поддержанныя судомъ, получаютъ въ глазахъ общества характеръ не простой силы, а водворенія законности и справедливости. Безъ этого же условія, распоряженія правительственныхъ властей хотя и будутъ исполняться, но довѣрія къ нимъ общество имѣтъ не будетъ. Вслѣдствіе всего сказаннаго ясно, что лица, желающіе поставить судъ подъ вліяніе администраціи, стремятся къ тому, чтобъ подорвать въ корнѣ всякое нравственное вліяніе администраціи на общество, чтó, конечно, ни къ чему хорошему привести не можетъ, потому что безъ довѣрія общества при настоящемъ порядкѣ вещей управлять имъ невыгодно. Но, говорятъ противники реформы, подобный порядокъ ведетъ къ постояннымъ пререканіямъ и столкновеніямъ. — Держитесь строго законности и не выходите изъ предѣловъ вашей власти, отвѣтимъ мы, и вы конечно не придете въ столкновеніе съ властью судебной. Коллегіальное судебное учрежденіе конечно не можетъ дѣйствовать настолько неосторожно, чтобъ присвоить не принадлежащую ему власть; но, если бы случился такой казусъ, то это можетъ быть только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и притомъ развѣ вслѣдствіе неясности или неполноты законовъ. Законъ предвидѣлъ подобные случаи и для разрѣшенія ихъ установилъ особый порядокъ; слѣдовательно, для предупрежденія ихъ нельзя исказить главнаго основанія реформы. Кромѣ того, судебная власть не можетъ дѣлать ни шагу, не приводя законнаго основанія своихъ дѣйствій, между тѣмъ какъ административная дѣятельность трудно поддается опредѣленію. Къ тому же, наши старыя административныя замашки еще не вполне вывелись, и усмотрѣніе администраціи до сихъ поръ иногда играетъ довольно значительную роль, даже вопреки существующихъ законовъ. Если свести перечень столкновеній администраціи съ судебной властью, то навѣрное можно сказать, что $\frac{2}{3}$, если не $\frac{3}{4}$ этихъ столкновеній происходятъ по винѣ полицейскихъ и административныхъ чиновъ. Судъ встрѣчается съ неправильными дѣйствіями и не можетъ обходить ихъ молчаніемъ, и вотъ поводъ къ столкновенію. Поэтому, не правы ли мы были, сказавши: держитесь законности, и у васъ не будетъ столкновеній съ судомъ. Мы могли бы представить много примѣровъ тому, съ какими преградами должно еще встрѣчаться примѣненіе великихъ началъ судебной реформы, и можно ли удивляться послѣ этого, что благотворныя послѣдствія этихъ началъ не развиваются въ той степени, какъ можно было того ожидать при появленіи самихъ

уставовъ. Но мы указали только нѣкоторыя, чисто внѣшнія причины, мѣшающія полному развитію и примѣненію этихъ началъ и притомъ такія, которыя извѣстны всѣмъ и каждому, а сколько есть такихъ, которыя хотя и существуютъ, но не замѣчены нами, такъ какъ мы не обладаемъ даромъ всевѣдѣнія. Впрочемъ, еслибъ наши свѣдѣнія были и обширнѣе, то и тогда мы не стали бы распространяться слишкомъ много, въ силу старой русской поговорки: *„не все, что знаешь, говори“*. Впрочемъ, кромѣ этихъ внѣшнихъ причинъ въ самыхъ уставахъ есть правила, которыя, какъ мы замѣтили выше, вовсе не вытекаютъ изъ главныхъ основаній и съ которыми мы не можемъ никакъ согласиться. Мы будемъ говорить объ нихъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ частей реформы,—къ которому и перейдемъ теперь.

II. Общее раздѣленіе судебныхъ установленій и предѣлы ихъ власти.

Судебные уставы опредѣляютъ три вида судебной власти: обвинительную, слѣдственную и собственно судебную. Обвинительная власть принадлежитъ прокурорскому надзору, состоящему при судебныхъ мѣстахъ: назначеніе ея—обличать передъ судомъ виновныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ и защищать, въ нѣкоторыхъ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, интересы частныхъ лицъ и казны — въ дѣлахъ гражданскихъ. Слѣдственная часть ввѣряется особымъ чинамъ, именнымъ судебными слѣдователями и состоящимъ при окружныхъ судахъ въ качествѣ его членовъ. Наконецъ, собственно судебная власть или постановленіе приговоровъ въ порядкѣ гражданскомъ, исправительномъ или уголовномъ принадлежитъ мировымъ судьямъ, сѣздамъ мировыхъ судей, окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и наконецъ правительствующему сенату, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда. Мировые судьи и ихъ сѣзды вѣдаютъ на пространствѣ своего округа дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ менѣе важныхъ, заключающихся за собой содержаніе въ тюрьмѣ не болѣе одного года, дѣла же гражданскія не выше 500 руб. Всѣ остальные дѣла подлежатъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ.

Нельзя не согласиться, что раздѣленіе судебной власти необходимо и вытекаетъ изъ ея сущности. Судъ долженъ приступать къ разрѣшенію уже возбужденныхъ вопросовъ, а начинать дѣла по собственной инициативѣ онъ можетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Онъ не стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ жизни общества, а имѣетъ дѣло съ отдѣльными фактами и существующими законами. Его дѣло, если можно такъ выразиться, болѣе кабинетное. На этомъ основаніи необходимы особые органы обвинительной власти, обязанность которыхъ состоитъ въ преслѣдованіи правонарушеній, вызывающихъ обвиненія со стороны частныхъ лицъ, между тѣмъ какъ

въ преслѣдованіи ихъ общество и государство живо заинтересованы. Мы думаемъ даже, что на основаніи новыхъ законовъ уголовного судопроизводства кругъ дѣятельности прокурорскаго надзора не совсѣмъ основательно ограниченъ только дѣлами, подлежащими вѣдѣнію окружнаго суда. Намъ кажется, что вѣдѣнію мировыхъ судебныхъ учрежденій предоставлены многіе весьма важные проступки и преступленія, которые остаются совершенно безгласными по неимѣнію обвинителя и слѣдователя. Сюда относятся нѣкоторые проступки противъ полицейскихъ правилъ, противъ народнаго здравія, противъ личной безопасности, затѣмъ кража ниже 300 руб., обманъ различнаго рода и т. д. Всѣ эти нарушенія законовъ могутъ быть очень важны по отношенію къ общественной жизни; между тѣмъ частное лицо, имѣя въ виду преступленіе, не рѣшается явиться обвинителемъ, такъ какъ не имѣетъ возможности собрать доказательствъ, и въ случаѣ недостатка ихъ, опасается быть обвиненнымъ въ клеветѣ, а полиція, въ силу освобожденія ея отъ слѣдственной части, почти вовсе не обращаетъ вниманія на подобныя преступленія. На этомъ основаніи было бы желательно, чтобъ прокурорскій надзоръ имѣлъ право возбуждать обвиненіе и въ мировыхъ учрежденіяхъ. Мы не можемъ только согласиться съ правиломъ, по которому обвинительная власть находится въ полной и непосредственной зависимости отъ министра юстиціи. Намъ кажется, что всѣ другія вѣдомства могутъ имѣть болѣе близкія отношенія къ обвинительной власти, чѣмъ министерство юстиціи. Для послѣдняго вовсе нѣтъ надобности имѣть мѣстныхъ, непосредственно подчиненныхъ ему органовъ власти. По существу судебной власти, неподлежащей контролю администраціи, роль министерства юстиціи сводится только къ выбору лицъ для замѣщенія должностей, къ представленію ихъ на высочайшее утвержденіе и къ разассигнованію кредитовъ на содержаніе судебныхъ мѣстъ и лицъ согласно штатамъ. Но для этого не требуется никакихъ мѣстныхъ органовъ. Наблюдать же за правильностью дѣйствій прокурорскаго надзора министерство не можетъ ни въ какомъ случаѣ. Повѣрка обвинительныхъ актовъ предоставляется не администраціи, а судебной власти и заключенія свои передъ судомъ прокурорскій надзоръ даетъ на основаніи собственнаго убѣжденія, по совѣсти. Что же касается бездѣйствія прокурорскаго надзора, то оно можетъ быть извѣстно скорѣе судебному слѣдователю и полиціи, чѣмъ министерству юстиціи.

Для того, чтобъ опредѣлить правильное отношеніе обвинительной власти къ другимъ учрежденіямъ, рассмотримъ подробнѣе, въ чемъ она должна состоять и въ какія условія поставлена нашимъ законодательствомъ. Въ кругъ дѣйствій обвинительной власти не должно быть никакихъ судебныхъ функцій, исключая развѣ права освобождать изъ-подъ ареста неправильно задержанныхъ лицъ. Во всемъ

остальномъ прокурорскій надзоръ долженъ обращаться къ суду, и заключенія его только тогда должны имѣть значеніе, когда судъ признаетъ ихъ правильными. По крайней мѣрѣ таково положеніе обвинительной власти, которое создавалось основными положеніями. Ст. 51-я прямо говоритъ, что эта обязанность состоитъ въ обнаруженіи и слѣдованіи *передъ судомъ* всякаго нарушенія законнаго порядка. Между тѣмъ, такое положеніе нѣкоторыя статьи судебныхъ уставовъ измѣняютъ, къ чему также стремятся и нѣкоторыя административныя распоряженія, какъ мы видѣли выше; но мы не думаемъ, чтобъ эти измѣненія характера обвинительной власти повели бы къ лучшему и соотвѣтствовали главной цѣли законодателя, выраженной въ основныхъ положеніяхъ. Законъ обязываетъ слѣдователя исполнять только законныя требованія прокурора по предмету изслѣдованія и по собранію доказательствъ. На этомъ основаніи казалось бы, что судебный слѣдователь имѣетъ право обсуждать требованіе и, въ случаѣ незаконности, отказать въ исполненіи. Въ такомъ смыслѣ выражены статьи 281 и 285-я устава уголовного судопроизводства; между тѣмъ статьи 282 и 286-я вмѣняютъ слѣдователю въ обязанность непремѣнное исполненіе требованія прокурорскаго надзора, хотя бы слѣдователь и признавалъ эти требованія неправильными. Намъ кажется, что законъ 282-й ст., требующій, чтобъ судебный слѣдователь ожидалъ разрѣшенія прокурора или его товарища даже въ тѣхъ случаяхъ, когда требованіе послѣдняго исполнить невозможно, а также законъ 286-й ст. о правѣ прокурорскаго надзора требовать дополненія слѣдствія, которое слѣдователь считаетъ оконченнымъ, не согласны съ существомъ обвинительной и судебной власти. Что-нибудь одно: или слѣдователь есть представитель судебной власти и тогда онъ долженъ быть самостоятельнымъ лицомъ въ отношеніи обвинительной, или онъ лицо, подчиненное прокурорскому надзору, и тогда не можетъ быть представителемъ судебной власти. Намъ кажется, что тѣ статьи, которыя устанавливаютъ извѣстный родъ подчиненія судебныхъ слѣдователей прокурорскому надзору, составляютъ противорѣчіе не только съ принципомъ самостоятельности суда, но и съ тѣмъ положеніемъ, по которому судебные слѣдователи утверждаются высочайшею властью, а товарищи прокуроровъ министромъ юстиціи. Не можетъ быть предоставлена большая власть лицу, утверждаемому министромъ, въ сравненіи съ тѣмъ лицомъ, которое опредѣляется высочайшею властью. Мы думаемъ, что эти статьи должны быть отнесены къ тѣмъ уступкамъ, о которыхъ мы говорили выше, тѣмъ болѣе, что на основаніи 48-й статьи основныхъ положеній, не только товарищей, но и прокуроровъ окружныхъ судовъ предположено было утверждать министръ юстиціи, и что это правило измѣнено въ 221-й ст. учреждений судебныхъ установленій, вѣроятно для того, чтобы отчасти согласить то

противорѣчіе, о которомъ мы говоримъ. Между тѣмъ это противорѣчіе все-таки остается, такъ какъ въ уѣздахъ наблюдаютъ за производствомъ слѣдствій товарищи прокурора, самъ же онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Намъ кажется, что это неестественное отношеніе обвинительной власти къ судебной имѣло дальнѣйшимъ послѣдствіемъ то административное распоряженіе, по которому должность судебного слѣдователя поставлена въ другое положеніе, нежели какое создано для нея закономъ. Такъ одинъ шагъ, сдѣланный несогласно съ основнымъ положеніемъ, ведетъ непремѣнно къ дальнѣйшему противорѣчію цѣлой системѣ.

Изучая порядокъ уголовного процесса мы рѣшительно не можемъ понять, съ какою цѣлью необходимо было возвышать обвинительную власть на счетъ судебной? Для чего лицамъ, зависящимъ отъ министерства, придавать значеніе большее, нежели лицамъ судебного вѣдомства? Намъ могутъ возразить, что прокурорскій надзоръ долженъ поддерживать обвиненіе на судѣ и что, поэтому, онъ долженъ имѣть вліяніе на производство слѣдствія. Но на этомъ основаніи слѣдовало бы поставить обвинительную власть при судебномъ слѣдствіи въ то же положеніе, въ какомъ она поставлена въ отношеніи судебного слѣдователя, такъ какъ при обвиненіи въ судѣ прокурорскій надзоръ можетъ ссылаться только на факты, добытые судебнымъ, а не предварительнымъ слѣдствіемъ. Но мы видимъ, что прокурорскій надзоръ далеко не имѣетъ здѣсь тѣхъ правъ, которыя ему предоставлены при производствѣ предварительнаго слѣдствія: всѣ документы предварительнаго слѣдствія читаются на судѣ только съ его разрѣшенія. Если же обвинительная власть не имѣетъ права требовать извѣстныхъ дѣйствій на судебномъ слѣдствіи, результаты котораго должны быть основаніемъ обвинительной рѣчи, то тѣмъ менѣе она нуждается въ такомъ правѣ при слѣдствіи предварительномъ, документы котораго не принимаются вовсе въ соображеніе, если они не подтверждены или не прочтены на судебномъ слѣдствіи. Отсюда слѣдуетъ, что обвинительная власть должна имѣть то же положеніе передъ лицомъ судебного слѣдователя, какое она имѣетъ на судѣ, съ правомъ обжаловать каждое слѣдственное дѣйствіе въ окружный судъ. Она есть представитель правительственной власти передъ судомъ, истецъ по дѣламъ о преступленіяхъ болѣе важныхъ, въ преслѣдованіи которыхъ заинтересовано и общество и государство, а потому не можетъ и не должна имѣть никакой самостоятельной власти. Если само правительство отказывается отъ права самостоятельно карать преступленіе и предоставляетъ это особымъ органамъ въ лицѣ судебной власти, къ обязанностямъ которой относитъ не только постановленіе приговора, о и производство слѣдствій, то откуда же обвинительная власть, зависящая отъ администраціи, получить право самостоятельно распоря-

жаться производствомъ того или другого слѣдственнаго дѣйствія? Допустить такой порядокъ не будетъ ли значить, что правительственная власть становится въ двоякое положеніе, вслѣдствіе котораго она съ одной стороны отказывается отъ своего права карать преступника, съ другой, желаетъ удержатъ за собою это право. Но кромѣ нелогичности такихъ отношеній, они не соотвѣтствуютъ и справедливости. Прокурорскій надзоръ, по нашимъ законамъ, не только имѣетъ право обвинять, но и направлять слѣдствіе по своему усмотрѣнію, тогда какъ подсудимый не пользуется правомъ защиты, что нарушаетъ условія состязательнаго процесса. Отсутствіе защиты во время предварительнаго слѣдствія еще можно понимать, если обвинительная власть не пользуется самостоятельнымъ правомъ давать направленіе дѣлу, если слѣдователь, какъ представитель судебной власти, можетъ вести его по своему усмотрѣнію и является такимъ образомъ до извѣстной степени защитникомъ обвиняемаго. Но если, при отсутствіи защиты, обвинительная власть вооружена еще правами самостоятельной слѣдственной власти, тогда такой порядокъ можетъ угрожать свободѣ и чести частныхъ лицъ: та и другая будетъ отдана на произволъ одного лица. Представимъ себѣ, что какой-нибудь товарищъ прокурора вздумаетъ, быть можетъ изъ желанія повредить извѣстному лицу, произвести обыскъ въ его домѣ. Судебный слѣдователь не въ правѣ отказать въ этомъ, и вотъ хороший человѣкъ можетъ потерять и довѣріе и уваженіе своихъ сосѣдей, не говоря уже о томъ нравственномъ униженіи, которое испытываетъ человѣкъ во время подобныхъ дѣйствій. Положимъ, что за подобный поступокъ товарищъ прокурора получить выговоръ или даже будетъ удаленъ отъ должности, но развѣ это можетъ вознаградить потерпѣвшаго отъ подобнаго поступка? Не говоря уже о томъ, что имущественный убытокъ отъ потери кредита не можетъ быть не только вознагражденъ, но даже исчисленъ, здѣсь всего важнѣе нравственное униженіе, которое иногда убиваетъ человѣка, въ особенности, если онъ преклонныхъ лѣтъ и пользуется уваженіемъ общества. Намъ кажется, что вся цѣль новой реформы состоитъ въ доставленіи обществу необходимыхъ гарантій противъ административнаго, полицейскаго, судебного и всякаго другого произвола: къ этому направлены, повидимому, всѣ тѣ великія начала, которыя положены въ основаніе судебныхъ уставовъ. Но достигнется ли эта цѣль, если прежній административный и полицейскій произволъ будетъ переданъ товарищу прокурора, и что изъ этого выиграетъ общество? Вотъ вопросъ, надъ которымъ стоить задуматься тѣмъ, которые считаютъ необходимымъ расширеніе власти прокурорскаго надзора.

Если сущность обвинительной власти есть преслѣдованіе передъ судомъ нарушенія закона, то она есть не болѣе, какъ та же полиція,

только высшаго порядка: ей поручается преслѣдованіе передъ судомъ нарушеній закона въ случаяхъ болѣе важныхъ, тогда какъ исполнительная полиція является обвинительной властью въ случаяхъ менѣе важныхъ. Обѣ эти власти служатъ представителями правительства передъ судомъ: одна въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, другая въ мировыхъ учрежденіяхъ. На этомъ основаніи, обвинительная власть должна находиться въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ одной стороны къ правительственной власти, представителемъ которой она служитъ, съ другой—къ полиціи низшаго порядка или исполнительной какъ по однородности предметовъ вѣдомства, такъ и потому, что исполнительная полиція составляетъ орудіе всякой правительственной власти. Между тѣмъ, по существующему не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ порядку, правительственная власть по отношенію къ общему управленію сосредоточена въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, которому принадлежитъ и высшая полицейская власть въ государствѣ и охраненіе общаго порядка и благоустройства. На этомъ основаніи, мы не видимъ никакихъ причинъ относить обвинительную власть къ вѣдомству министерства юстиціи: мѣсто ея въ средѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ высшей полицейской инстанціи. Постараемся выставить практическія удобства подобнаго порядка вещей.

Если между обвинительной властью съ одной стороны и административной и судебной съ другой, возможны и происходятъ столкновенія, то это зависитъ именно оттого, что наша обвинительная власть поставлена въ совершенно неестественное отношеніе какъ къ первой, такъ и къ послѣдней. Полиція состоитъ въ вѣдѣніи губернатора, а между тѣмъ, по производству дознаній, она подчинена прокурорскому надзору; судебный слѣдователь есть членъ окружнаго суда и долженъ дѣйствовать подъ его контролемъ, а между тѣмъ прокурорскій надзоръ можетъ требовать отъ него извѣстныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, въ которыхъ онъ не имѣетъ права отказать ему. Прокуратура можетъ расходиться съ администраціей въ своихъ мнѣніяхъ по многимъ предметамъ, и тогда полиція, зависящая вполнѣ отъ администраціи, не только можетъ сѣять неудовольствіе между обѣими властями, сваливая неисполненіе требованій одной стороны на предписаніе другой, но можетъ совершенно парализовать дѣйствіе обвинительной власти, такъ какъ все-таки полиція остается единственнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго дѣйствуетъ всякая правительственная власть. Обстоятельство это можетъ породить массу столкновеній обвинительной и административной власти, въ особенности, если прокуроръ воспользуется своимъ правомъ, предоставленнымъ ему 485-ю ст. уголовного судопроизводства и привлечетъ полицію къ отвѣтственности передъ окружнымъ судомъ. Съ другой стороны, прокурорскій над-

зоръ имѣетъ много поводовъ къ разногласію не только съ судебными слѣдователями, но и съ другими лицами судебного вѣдомства, въ особенности съ лицами, руководящими преніями и потому очень возможны между ними столкновенія и даже непріязнь. Между тѣмъ высшія лица прокурорскаго надзора, состоя въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ министромъ юстиціи, необходимо должны пользоваться его личнымъ довѣріемъ. Если же при этомъ принять въ соображеніе, что повышеніе второстепенныхъ лицъ судебного вѣдомства зависить отъ министра юстиціи, на мнѣнія котораго могутъ имѣть вліяніе даже словесно выраженные мнѣнія, на примѣръ, прокуроровъ судебныхъ палатъ, то нельзя не допустить, что высшія лица прокурорскаго надзора, по своимъ отношеніямъ къ министру, могутъ имѣть вліяніе на самостоятельность мнѣній, по крайней мѣрѣ, тѣхъ членовъ судебныхъ мѣстъ, которые не близко извѣстны министерству, а это можетъ исказить важнѣйшій принципъ реформы. Таковы могутъ быть послѣдствія того обстоятельства, что обвинительная власть состоятъ въ одномъ вѣдомствѣ съ судебной, въ прибавокъ къ тому вреду, который можетъ явиться слѣдствіемъ подчиненія слѣдователей прокурорскому надзору.

Но если обвинительная власть будетъ находиться въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, вся возможность такого вреда совершенно исчезаетъ. Подобный порядокъ опредѣлилъ бы точнымъ и положительнымъ образомъ права и обязанности должностныхъ лицъ и сдѣлалъ бы невозможнымъ какое бы то ни было столкновеніе между ними. Въ отношеніи полиціи прокуратура заняла бы мѣсто высшей инстанціи по преслѣдованію проступковъ и преступленій, и обвинительная власть сосредоточилась бы въ одномъ вѣдомствѣ, что способствовало бы однообразному примѣненію законовъ и однообразной системѣ дѣйствій. Подчиненіе одному общему начальству уничтожило бы всякую возможность антагонизма между этими властями. Кромѣ того, намъ кажется, что введеніе въ составъ администраціи такого элемента, какъ обвинительная власть, внесло бы въ дѣятельность администраціи болѣе правильныя юридическія воззрѣнія, которыхъ, какъ показываетъ опытъ, ей иногда недостаетъ, и она начинаетъ процессы безъ достаточныхъ доказательствъ или не исполнивъ всѣхъ нужныхъ формальностей. Подобныхъ благотворныхъ результатовъ для достоинства административной власти отъ присоединенія къ ней прокурорскаго надзора мы ожидаемъ потому, что условія опредѣленія къ этимъ должностямъ, т.-е. юридическое образованіе и практическая опытность по судебной части, должны остаться тѣ же самыя. Намъ кажется, что такое подчиненіе прокуратуры административной власти не можетъ имѣть никакихъ неудобствъ, такъ какъ прокуратура не имѣетъ самостоятельнаго права преслѣдовать преступленія по должностямъ, а приступаетъ

къ этому только по распоряженію начальства лица, совершившаго преступленіе. Что касается права, выраженнаго въ 485-й ст. уголовного судопроизводства, представлять окружному суду объ упущеніяхъ и безпорядкахъ полиціи по слѣдственной части, то прокурорскій надзоръ еще удобнѣе будетъ въ состояніи исполнить эту обязанность, представляя объ нихъ общему начальству, даже помимо суда. Относительно же этого права, какъ орудія противъ излишней снисходительности начальства (замѣтимъ, между прочимъ, права весьма полезнаго во многихъ случаяхъ), скажемъ, что во-первыхъ, оно можетъ быть предоставлено судебнымъ слѣдователямъ; во-вторыхъ, судъ, при разсмотрѣніи дѣла, и самъ можетъ замѣтить эти безпорядки, наконецъ, въ-третьихъ, лучшимъ мѣрою противъ излишней снисходительности начальства есть отвѣтственность служащихъ прямо передъ судомъ, по жалобѣ частныхъ лицъ и въ порядкѣ частнаго обвиненія. Отношенія обвинительной власти къ суду сдѣлались бы также весьма ясны. Она явилась бы представителемъ административной власти передъ судомъ, безъ всякаго самостоятельнаго вліянія на ходъ дѣла, вооруженная лишь требованіями закона и получила бы то самое значеніе, которое предназначалось для нея ст. 51-ю основныхъ положеній. Министерству юстиціи не было бы надобности, въ огражденіе вліянія прокурорскаго надзора и предупрежденіе столкновеній его съ судебными слѣдователями, изыскивать косвенныхъ средствъ къ ограниченію власти послѣднихъ: возможность подобнаго столкновенія исчезла бы сама собою, такъ какъ обвинительная власть, не принадлежа къ составу судебной власти, ограничивалась бы только ходатайствомъ и жалобами въ общемъ установленномъ порядкѣ и не могла бы имѣть никакихъ поползновеній къ ограниченію власти судебныхъ слѣдователей, не говоря уже о томъ, что, состоя въ другомъ вѣдомствѣ и слѣдовательно не имѣя никакихъ отношеній къ министру юстиціи, она не имѣла бы возможности вліять на самостоятельность судей.

Но независимо отъ всѣхъ этихъ удобствъ есть еще одно, довольно важное. Мы уже указывали, что прокурорская практика можетъ легко вызвать привычку группировать факты, служащіе къ обвиненію, и потому кандидатуру прокуроровъ на судебныя должности мы не считали полезной. При томъ порядкѣ, на который мы указываемъ, замѣщеніе высшихъ судебныхъ должностей необходимо производилось бы только лицами, занимающими низшія судебныя должности. Такимъ образомъ, въ судебной практикѣ скорѣе устанавливался бы тотъ характеръ, который необходимъ для судебной дѣятельности, характеръ способный глубоко анализировать явленія жизни и относиться къ нимъ безъ всякихъ предвзятыхъ идей и увлеченій, а судебная карьера была бы обезпечена гораздо лучше, чѣмъ привлекло бы къ ней и лучшія силы. Обвинительной же власти открылось бы болѣе широкое поле на пути

административномъ. И то и другое вѣдомство приобрѣло бы новыя силы служить на пользу общую.

Намъ могутъ возразить, что ни въ одномъ законодательствѣ нѣтъ примѣра, чтобъ прокуратура не принадлежала къ министерству юстиціи. Мы не считаемъ подобнаго возраженія серьезнымъ. Изъ того, что этого примѣра нѣтъ, нельзя еще вывести заключенія, что этого и не должно быть. При рѣшеніи вопросовъ объ отнесеніи извѣстныхъ органовъ власти къ тому или другому вѣдомству, необходимо обращать вниманіе, во-первыхъ, на сущность власти извѣстнаго органа и затѣмъ на практическія удобства и неудобства, вытекающія изъ подчиненія извѣстной части тому или другому министерству. Что касается перваго, то несмотря на то, что обвинительная власть должна имѣть извѣстныя юридическія свѣдѣнія и знакомство съ судебными обрядами и формами, она не можетъ и не должна имѣть никакой самостоятельной юрисдикціи, слѣдовательно не имѣть ничего общаго съ судебной властью, состоящей въ вѣдѣніи министерства юстиціи, къ которому и не должна принадлежать. Относительно же практической пользы, мы представили, повидимому, достаточно поводовъ, указывающихъ на вредъ соединенія въ одномъ вѣдомствѣ такихъ самостоятельныхъ органовъ власти, изъ которыхъ одинъ является лишь ходатаемъ, а другой рѣшителемъ вопроса. Первый естественно будетъ вторгаться въ область послѣдняго и даже парализовать его дѣятельность, если представится возможность. Необходимо принимать въ соображеніе, что органы эти состоятъ не изъ машинъ, а изъ людей, имѣющихъ и самолюбіе и страсти. Мы относимъ обвинительную власть къ министерству внутреннихъ дѣлъ на томъ основаніи, что по нашему законодательству ему принадлежитъ высшая полиція: если бы у насъ существовало особое министерство полиціи, то мы бы сказали, что обвинительная власть должна быть отнесена къ его вѣдомству.

Выше мы сказали, что судебныя уставы отдѣляютъ отъ судебной власти не только обвинительную, но и слѣдственную часть, по крайней мѣрѣ въ преступленіяхъ болѣе важныхъ, гдѣ слѣдственная часть или изысканіе истины значительно усложняется. Хотя подробное изслѣдованіе вопросовъ: совершилось ли извѣстное преступленіе, кто въ немъ виновенъ и насколько злая воля со стороны виновнаго участвовала въ извѣстномъ дѣяніи,—необходимо должно быть произведено передъ лицомъ судей и присяжныхъ засѣдателей; хотя послѣдніе только на основаніи передъ ихъ глазами развивающейся исторіи извѣстнаго событія могутъ вынести правильное о немъ заключеніе; хотя поэтому судебное слѣдствіе есть нераздѣльная часть уголовного процесса, но тѣмъ не менѣе прямое изслѣдованіе дѣла въ судѣ, безъ предварительнаго изысканія доказательствъ, обвиняющихъ и оправдывающихъ заподозрѣнное лицо, представляетъ много практическихъ

неудобствъ, а часто и полную невозможность придти къ какому-нибудь результату. Руководствоваться однимъ первоначальнымъ полицейскимъ дознаніемъ, произведеннымъ по горячимъ слѣдамъ, во многихъ случаяхъ невозможно, на томъ основаніи, что собраніе доказательствъ часто бываетъ сопряжено съ обысками, выемками, арестами какъ имущественными, такъ и личными, т.-е. такими дѣйствіями, которыя касаются самыхъ священныхъ правъ гражданъ и которыя, на этомъ основаніи, составляютъ чисто судебныя дѣйствія и не могутъ быть ввѣрены исполнительнымъ чинамъ. Въ нашемъ отечествѣ всѣ эти затрудненія усложняются еще рѣдкостью населенія и значительнымъ пространствомъ, которое подвѣдомственно извѣстному окружному суду. На основаніи этихъ соображеній и признано необходимымъ производство предварительныхъ изслѣдованій поручить особымъ должностнымъ лицамъ судебного вѣдомства, обязанность которыхъ состоитъ въ собраніи нужнаго матеріала для того, чтобы судебное слѣдствіе могло быть ведено въ томъ направленіи, котораго требуютъ обстоятельства дѣла, безъ потери времени, а также для того, чтобы обвинительная власть съ одной стороны, и защита съ другой, имѣли достаточныя данныя для вызова и допроса свидѣтелей. Хотя акты предварительнаго слѣдствія могутъ имѣть силу и значеніе только въ томъ случаѣ, если они подтвердятся на судебномъ слѣдствіи, но въ виду того обстоятельства, что предварительное слѣдствіе даетъ направленіе судебному, оно имѣетъ весьма важное значеніе въ процессѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что оно должно производиться лицомъ самостоятельнымъ, независающимъ отъ обвинительной власти. Въ противномъ случаѣ на судебномъ слѣдствіи можетъ оказаться, что обвинительная власть явится во всеоружіи, тогда какъ защита не будетъ имѣть достаточныхъ данныхъ для разъясненія истиннаго характера событія. Такимъ образомъ, равноправность сторонъ можетъ быть нарушена и подсудимый лишается всѣхъ тѣхъ гарантій, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, весь смыслъ и все значеніе новой реформы. Намъ кажется, что равноправность сторонъ была бы нарушена даже и тогда, еслибъ обвинительная власть могла дѣйствовать во время предварительнаго слѣдствія только въ роли ходатая, а защита не имѣла бы этого права. Но когда обвинительная власть имѣетъ прямое наблюденіе за производствомъ слѣдствій и можетъ требовать непремѣннаго исполненія извѣстныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, а защита въ это время не имѣетъ никакого участія въ дѣлѣ, тогда о равноправности сторонъ передъ судомъ не можетъ быть и рѣчи.

Затѣмъ, обращаясь къ собственно судебной власти, мы встрѣчаемся съ раздѣленіемъ оной по предметамъ вѣдомства. Мы согласны съ тѣмъ, что такое дѣленіе необходимо, что жизнь представляетъ массу вопросовъ, требующихъ разрѣшенія судебной власти, что одни изъ

этихъ вопросовъ весьма просты, нисколько несложны и для разрѣшенія ихъ нужно лишь вниманіе и добросовѣстность; другіе же, наоборотъ, требуютъ не только знанія отечественнаго законодательства и всѣхъ формъ судопроизводства, не только практической опытности въ примѣненіи законовъ, но и юридическаго образованія для того, чтобъ умѣть понять духъ законодательства и быть въ состояніи разрѣшать согласно съ общимъ его направленіемъ даже и такіе вопросы, на которыя нѣтъ прямого отвѣта въ законѣ, т.-е. не отказывать въ правосудіи подъ предлогомъ неясности или неполноты закона. На этомъ основаніи нѣтъ возможности и не встрѣчается надобности устанавливать для всѣхъ случаевъ одни и тѣ же формы и обряды и требовать отъ всѣхъ судей одинаковой степени подготовлен. Есть много вопросовъ такого рода, гдѣ отвѣтъ нуженъ сейчасъ или его вовсе не нужно, гдѣ слѣдовательно быстрота рѣшеній должна быть на первомъ планѣ. Поэтому дѣленіе органовъ судебной власти по предметамъ вѣдомства представляется вполне необходимымъ съ точки зрѣнія чисто практическихъ удобствъ, хотя теорія не можетъ оправдывать его. Въ виду этой практической необходимости, мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этого спора теоріи и практики о пользѣ и вредѣ такого дѣленія, а перейдемъ къ разсмотрѣнію самаго способа этого дѣленія или тѣхъ признаковъ, на основаніи которыхъ наше законодательство признаетъ дѣло подсуднымъ мировому суду или общимъ судебнымъ мѣстамъ.

Не считая возможнымъ оспаривать необходимость установленія особой судебной власти для разбора дѣлъ менѣе важныхъ и особыхъ упрощенныхъ формъ для ихъ производства, мы однакожъ никакъ не можемъ назвать правильнымъ выборъ признаковъ, на основаніи которыхъ законъ опредѣляетъ предметы вѣдомства и предѣлы власти мировой юрисдикціи. Эти признаки состоятъ по дѣламъ уголовнымъ въ родѣ и степени наказанія, которому подлежитъ обвиняемый, по дѣламъ же гражданскимъ въ цѣнѣ иска, за исключеніемъ исковъ о недвижимыхъ имуществѣхъ, которые, несмотря ни на какую цѣну, не подлежатъ вѣдѣнію мировыхъ судей.

Необходимо прежде всего указать, что подобный способъ опредѣленія подсудности не могъ быть проведенъ послѣдовательно, вслѣдствіе чего потребовалось допустить исключенія. Такъ, напр., дѣла о печати необходимо было изъять изъ вѣдѣнія мирового суда, хотя, по роду и степени наказанія, они во многихъ случаяхъ не выходятъ изъ опредѣленной рамки; точно также по дѣламъ гражданскимъ признано необходимымъ исключить дѣла о недвижимыхъ имуществѣхъ.

Затѣмъ, подобное опредѣленіе признаковъ подсудности дѣла тому или другому суду можетъ вести къ весьма частымъ недоразумѣніямъ и къ неправильному направленію дѣла въ порядкѣ его производства.

Родъ и степень наказанія опредѣляется судомъ и всякая попытка опредѣлить его до судебного разбирательства будетъ преждевременна и во многихъ случаяхъ ошибочна. Между тѣмъ дѣлу можетъ быть дано совершенно неправильное направленіе. Практика часто указываетъ, что судъ приговариваетъ обвиненнаго вовсе не къ тому наказанію, которому требовала подвергнуть его обвинительная власть и часто къ такому, которое не выходитъ изъ предѣловъ власти мирового суда. Законъ даже предвидѣлъ этотъ случай и предписываетъ не останавливать рѣшенія дѣла по этой причинѣ. Между тѣмъ, на основаніи совершенно гадательныхъ предположеній о слѣдующемъ наказаніи, обвиненный могъ содержаться подъ стражей и выдержать длинную процедуру предварительнаго и судебного слѣдствія, несмотря на то, что дѣло не представляетъ никакой особой сложности. Кромѣ того, затѣмъ, спрашивается, судебная палата должна была разсматривать обвинительный актъ, окружный судъ былъ вовлеченъ въ необходимость вызывать присяжныхъ засѣдателей, свидѣтелей и исполнять всю необходимую обрядность публичнаго суда, когда дѣло могло быть рассмотрѣно у мирового судьи, на которое бы могъ быть подсудимый и жаловаться бы не сталъ. Намъ могутъ сказать, что подобной ошибки быть не можетъ, такъ какъ дѣло разсматриваетъ судебный слѣдователь, прокурорскій надзоръ и судебная палата. Но мы приведемъ весьма простой примѣръ. Представимъ себѣ, что произошла кража и что гражданскій истецъ заявляетъ о покражѣ болѣе 300 рублей. Заподозрѣнный не сознается, а слѣдствіемъ положительно доказано, что онъ совершилъ эту кражу. Затѣмъ, на судебномъ слѣдствіи, при перекрестномъ допросѣ оказывается, что истецъ не имѣлъ трехсотъ рублей, а что у него было всего 200 руб. Развѣ подобный случай невозможенъ? Но есть кромѣ того много такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ нельзя предугадать ту статью закона, подъ которую судъ можетъ подвести извѣстное дѣяніе, т.-е. нельзя сказать, напримѣръ, составляетъ ли извѣстный видъ кражи простую или такъ-называемую квалифицированную кражу, изъятую изъ мировой юрисдикціи на основаніи 181-й ст. улож. о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. То же самое можно сказать и о дѣлахъ гражданскихъ, что искъ, направленный въ окружный судъ, можетъ оказаться ниже той цѣны, которая для этого опредѣлена, и судъ долженъ терять время на веденіе такихъ дѣлъ, которые не принадлежать къ его вѣдомству.

Впрочемъ мы готовы согласиться, что тамъ, гдѣ было сомнѣніе, какому суду подсудно дѣло, — лучше, чтобы его разсматривалъ окружный судъ и что вслѣдствіе подобныхъ недоразумѣній большой бѣды быть не можетъ. Но мы спрашиваемъ, обусловливается ли родомъ и степенью наказанія непремѣнно болѣшая или меньшая труд-

ность разрѣшенія какъ фактическаго, такъ и юридическаго вопроса? А въ этомъ-то вся суть дѣла. Всѣ согласны въ томъ, что мировой судъ необходимо допустить только для такого рода дѣлъ, которыя съ фактической стороны не представляютъ сложности, а съ юридической не требуютъ особыхъ соображеній и разрѣшаются простымъ примѣненіемъ закона къ данному случаю. Между тѣмъ извѣстное наказаніе, которое предоставлено налагать мировымъ судьямъ, вовсе не доказываетъ еще, что преступленія и проступки, подлежащіе этому наказанію, были не важны, а обстоятельства ихъ сопровождающія были такъ просты, что не представляютъ большого затрудненія для рѣшенія дѣла. Напротивъ, разсматривая уложеніе о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, мы видимъ, что имъ предоставлено рѣшеніе такихъ важныхъ вопросовъ, съ которыми не легко справиться и окружнымъ судамъ. Разберемъ по порядку всѣ болѣе серьезныя дѣла, предоставленныя рѣшенію мирового суда.

1) *Дѣла объ оскорбленіяхъ чести.* Необходимо принять въ соображеніе, что дѣла подобнаго рода общество считаетъ весьма важными, и не далеко еще то время, когда разборъ ихъ производился не иначе, какъ съ пистолетомъ въ рукахъ. Люди образованные до такой степени чутки въ этомъ отношеніи, что готовы перенести Богъ знаетъ какія непріятности, лишь бы не навлечь себѣ какого-нибудь оскорбленія, а если оно сдѣлано, то человѣкъ часто готовъ пожертвовать жизнью, чтобъ только возстановить свою честь въ общественномъ мнѣніи. Мы конечно не одобряемъ подобныхъ взглядовъ и не понимаемъ подобной расправы, въ которой выражается лишь одно кулачное право. Но въ виду такого настроенія общественнаго мнѣнія, законъ долженъ принимать самыя энергическія мѣры, чтобъ защитить личность человѣка не только отъ клеветы, но и отъ всякаго другого оскорбленія: только этимъ путемъ можно ограничить случаи самоуправства. Преступленія эти не могутъ считаться маловажными, но тѣмъ послѣдствіямъ, которыя ими вызываются, въ особенности нельзя считать маловажнымъ преступленіемъ клевету, которая часто мараетъ доброе имя человѣка. Съ другой стороны, и наказаніе оскорбителей, состоящее въ лишеніи свободы даже до трехъ мѣсяцевъ, для человѣка развитаго можетъ быть очень тяжкимъ, вслѣдствіе чего необходимы особыя гарантіи правильности судебного приговора. Если дѣла подобнаго рода имѣютъ важное значеніе для лицъ въ нихъ участвующихъ, то и вопросы, подлежащіе разрѣшенію суда представляются очень часто настолько сложными и затруднительными, что разрѣшеніе ихъ требуетъ большой осторожности и весьма глубокаго психологическаго анализа. Такъ, напр., вопросъ: чтó можетъ считаться оскорбленіемъ въ данномъ случаѣ? одно и то же слово, сказанное людьми разнаго воспитанія и разныхъ положеній въ обществѣ, можетъ

имѣть совершенно различный смыслъ; то же самое выраженіе, сказанное однимъ и тѣмъ же лицомъ при различныхъ обстоятельствахъ и произнесенное различнымъ тономъ можетъ имѣть совершенно другое значеніе; не даромъ говорятъ французы: *c'est le ton, qui fait la musique*. Затѣмъ, вопросъ объ обоюдности оскорбленій представляется еще болѣе сложнымъ: здѣсь судья долженъ взвѣсить силу того негодованія, которое было вызвано первоначальнымъ рѣзкимъ выраженіемъ и обсудить, достаточна ли была эта рѣзкость, чтобъ извинить то выраженіе, которое позволилъ себѣ отвѣтникъ, а также, какъ великъ былъ интересъ обвиняемаго, затронутый въ дѣлѣ. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что оскорбленіе и клевета очень часто близко сходятся, а иногда и совершенно сливаются между собою. Вопросъ, гдѣ оканчивается личная обида и гдѣ начинается клевета, иногда трудно рѣшить, и для этого рѣшенія надо много взвѣсить, въ особенности при неопредѣленности нашихъ законовъ по этому предмету. Вообще вопросъ объ оскорбленіи и клеветѣ мало разработанъ и въ другихъ европейскихъ законодательствахъ, у насъ же онъ представляетъ, какъ говорится, непочтой уголь. Хотя въ теченіи трехлѣтія, съ 1866—1869 годъ, по этимъ вопросамъ состоялось до 25-ти рѣшеній уголовного кассационнаго департамента, но со всѣмъ тѣмъ примѣненіе этихъ рѣшеній на практикѣ весьма затруднительно, такъ какъ отдѣльные случаи не походятъ одинъ на другой. Въ виду этихъ соображеній, намъ бы казалось, что предоставленіе такихъ щекотливыхъ и деликатныхъ вопросовъ единоличному суду мировыхъ судей, по меньшей мѣрѣ, неосторожно, такъ какъ большинство мировыхъ судей состоитъ изъ лицъ, не получившихъ высшаго образованія, въ особенности въ провинціи, а самый порядокъ судопроизводства вовсе не способствуетъ въ уясненію всѣхъ отгѣнковъ даннаго случая. Кромѣ того мы думаемъ, что въ этихъ случаяхъ содѣйствіе присяжныхъ, какъ представителей общественнаго мнѣнія и общественной совѣсти, необходимо. Намъ могутъ возразить, что въ составъ присяжныхъ входятъ люди вовсе не образованные и что они еще менѣе въ состояніи оцѣнить силу нанесеннаго оскорбленія. Но на такое возраженіе мы скажемъ то же, что говорили о составѣ присяжныхъ для дѣлъ о печати, — а именно, для рѣшенія этихъ дѣлъ нуженъ особый списокъ присяжныхъ съ извѣстнымъ цензомъ по образованію. Въ судѣ съ присяжными заседателями обвиненіе, защита и заключительное слово предсѣдателя должны вполне выяснитъ всѣ обстоятельства дѣла и представляютъ гораздо болѣе гарантій правильности приговора, нежели сокращенный порядокъ производства дѣлъ у мировыхъ судей. Но для того, чтобъ не обременять окружный судъ дѣлами этого рода, необходимо отличать нѣкоторые изъ нихъ, непредставляющіе особыхъ затрудненій. Такъ, мы бы предложили оставить въ вѣдѣніи мировыхъ судей дѣла объ обидахъ,

по которымъ требуется денежное вознагражденіе, затѣмъ дѣла по жалобамъ на простую брань, безъ оскорбленія чести, или добраго имени человѣка. Всѣ же остальные дѣла мы считаемъ подлежащими преслѣдованію передъ окружнымъ судомъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, если оскорбленіе нанесено словесно или письменно и чрезъ прокурорскій надзоръ, если оно нанесено дѣйствіемъ и притомъ въ публичномъ мѣстѣ. Только тогда можно ожидать, что дуэли выведутся изъ употребленія, когда законъ будетъ самъ преслѣдовать обидчиковъ, и въ этихъ видахъ мы бы желали, чтобъ виновные въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ подвергались не аресту, а тюремному заключенію и притомъ на срокъ болѣе продолжительный, чѣмъ три мѣсяца. Въ переходное время отъ кулачнаго права строгость наказанія бываетъ не только полезна, но иногда необходима,—безъ нея наши бретеры не выведутся.

2) *Самоуправство и насиліе*. Проступки эти также могутъ быть сдѣланы при такихъ различныхъ обстоятельствахъ и имѣть такіа различныя послѣдствія, могутъ затрогивать такіе важные интересы человѣка, что при рѣшеніи подобныхъ дѣлъ очень возможны весьма сложные вопросы и притомъ не только фактическіе, но и юридическіе, которые могутъ быть разъяснены только подробнымъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ и притомъ по горячимъ слѣдамъ, правильное же заключеніе по дѣлу можетъ требовать серьезныхъ юридическихъ познаній. Самоуправство и насиліе могутъ быть вызваны иногда необходимостью, въ особенности, когда оно употреблено въ такихъ мѣстахъ, или такихъ случаяхъ, когда не было возможности прибѣгнуть къ общественной власти. Вопросъ, дѣйствительно ли самоуправство вызвано было необходимостью и въ той ли мѣрѣ допущено, какъ требовали обстоятельства? не составляетъ вовсе простаго вопроса, который можетъ быть предоставленъ мировому суду.

3) *Кража*—невыше 300 рублей. Почему, напримѣръ, человѣкъ, укравшій 301 рубль, имѣетъ право пользоваться на судѣ всѣми гарантіями, которыя выработало наше время для обезпеченія правильности приговора, и почему укравшій 299 рублей не имѣетъ этого права и подлежитъ единоличному суду мирового судьи? Развѣ сумма украденнаго указываетъ на что-нибудь? Человѣкъ рѣшается на воровство въ большинствѣ случаевъ, не имѣя никакого понятія о томъ, сколько ему удастся украсть. Это чистая случайность, и по ней еще нельзя заключить, какія трудности представляетъ собою рѣшеніе дѣла. Иногда дѣло о кражѣ не представляетъ никакихъ затрудненій, хотя сумма украденнаго весьма велика; въ другой разъ, кража незначительна, но обстоятельства, при которыхъ она совершена такъ сложны, а доказательства такъ неясны, что только цѣлымъ рядомъ посылокъ можно вывести заключеніе о виновности или невинности подсудимаго. Для послѣд-

няго весьма часто совершенно безразлично, болѣе или менѣе строгому наказанію онъ будетъ подвергнутъ, для него важно одно: будетъ онъ обвиненъ, или нѣтъ? Въ этомъ же все значеніе вопроса и для общества, въ особенности, если человѣкъ заподозрѣнъ въ первый разъ и притомъ невиненъ. Какъ же на такомъ шаткомъ основаніи, какъ цифра украденнаго, дѣлать выборъ между тѣмъ или другимъ порядкомъ судопроизводства, когда одинъ изъ этихъ порядковъ обставленъ всѣми возможными гарантіями правильности приговора, другой же очень немногими, а въ дѣлѣ затронуты самые дорогіе интересы одного изъ членовъ общества, до сихъ поръ незапятнаннаго ничѣмъ? Надобно быть дворяниномъ, священнослужителемъ, монашествующимъ или почетнымъ гражданиномъ, чтобъ эти интересы получили значеніе, такъ какъ только этимъ лицамъ, несмотря на кражу менѣе 300 руб., предоставлено судиться въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, — хотя бы по простотѣ своей дѣла эти могли быть рѣшены чисто по здравому смыслу и не требовали особыхъ юридическихъ свѣдѣній.

4) *Мошенничество разнаго рода, если цѣна похищенной не выше 300 руб.* Преступленіе этого рода всегда предполагаетъ обманъ, слѣдовательно заранѣе обдуманное намѣреніе и расчетъ. На этомъ основаніи дѣла подобнаго рода всегда являются болѣе затруднительными, нежели дѣла о кражѣ, которая можетъ быть слѣдствіемъ минутнаго соблазна. Мошенничество производится болѣею частью систематически и притомъ прикрывается всегда тѣмъ, что совершается подъ видомъ законныхъ и всѣмъ дозволенныхъ дѣйствій. Мошенничество изобличить довольно трудно, и если оно открыто, то почти всегда можно сказать, что открытый фактъ есть только одинъ случай изъ цѣлаго ряда преступленій: рѣдко человѣкъ попадаетъ на первомъ своемъ мошенничествѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что по дѣламъ о мошенничествѣ необходимо строгое изслѣдованіе, и преступленіе это вовсе не принадлежитъ къ разряду маловажныхъ. Намъ кажется, что подобныя преступленія наносятъ особенный вредъ обществу, потому именно, что противъ мошенника трудно уберечься и трудно его уличить. Отъ вора можно спрятать или запереть деньги, мошенникъ у васъ выманитъ и вы сами отдадите ихъ. На этомъ основаніи мы думаемъ, что эти преступленія должны быть и наказываемы строже, нежели воровство, и притомъ открытое мошенничество должно считаться поводомъ къ разслѣдованію дальнѣйшему. Нельзя удовлетвориться тѣмъ, что данное преступленіе доказано, надо употребить всѣ средства, чтобъ прослѣдить прежнюю дѣятельность преступника и тогда подвергать его отвѣтственности по совокупности преступленій. Вотъ почему мы думаемъ, что преступленія подобнаго рода не должны подлежать вѣдѣнію мировыхъ судей, а передаваться на распоряженіе судебныхъ слѣдователей и прокурорскаго надзора.

Если мы взглянемъ на дѣла, которыя по закону подлежатъ вѣдѣнію окружнаго суда, то и здѣсь найдемъ очень много такихъ, которыя по простотѣ своей могли бы подлежать рѣшенію мировыхъ судей. Сюда относятся, напримѣръ, всѣ дѣла о такъ-называемой квалифцированной кражѣ, т.-е. кражѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ-то шайкой, во время пожара, со взломомъ и т. д., о кражѣ и мошенничествѣ выше трехъсотъ рублей, а также при повтореніи этихъ преступленій до трехъ разъ. Между дѣлами этого рода могутъ быть такіа, которыя разрѣшаются простымъ приложеніемъ закона къ данному случаю, и нѣтъ никакой надобности по такого рода дѣламъ утруждать палату разсмотрѣніемъ обвинительнаго акта и прибѣгать къ торжественной обстановкѣ, при которой происходятъ засѣданія окружнаго суда. Дѣла этого рода изъяты изъ вѣдѣнія мирового суда не по сложности ихъ, а только потому, что наказаніе, опредѣленное за эти преступленія по закону, выше того, которое имѣютъ право налагать мировые судьи. Но намъ кажется, что нѣтъ никакой опасности расширить въ этомъ отношеніи права мировыхъ судей и сдѣлать, лишь бы дѣла, поступающія на ихъ разсмотрѣніе, не представляли трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. На этомъ основаніи можно было бы предоставить рѣшенію мировыхъ судовъ всѣ тѣ дѣла о кражѣ на всякую сумму, и при всякихъ обстоятельствахъ, если есть собственное сознаніе, подтверждаемое обстоятельствами дѣла. Для обезпеченія же участіи подсудимаго достаточно предоставить ему или его защитнику право жаловаться судебной палатѣ, въ качествѣ обвинительной камеры, на неправильную передачу дѣла въ вѣдѣніе мирового суда.

Точно также цѣна иска гражданскаго не составляетъ признака простоты или сложности дѣла. Для чего, напримѣръ, взысканія по безспорнымъ заемнымъ обязательствамъ производятся окружнымъ судомъ? Всѣ подобнаго рода дѣла, если подпись не оспаривается, могли бы производиться мировыми судьями безъ малѣйшаго неудобства.

Изъ вышеизложеннаго читатель можетъ видѣть, что основанія для опредѣленія подсудности дѣла мировому суду весьма шатки. Намъ кажется, что въ дѣлахъ уголовныхъ почти по всѣмъ родамъ преступленій бывають случаи весьма простыя, разрѣшаемые прямымъ приложеніемъ закона къ данному случаю. На этомъ основаніи правильнѣе было бы указать, при какихъ условіяхъ и по какому роду преступленій дѣла должны поступать на разсмотрѣніе мирового суда; и то и другое можетъ быть опредѣлено такимъ образомъ, чтобъ дѣла дѣлились на менѣе и болѣе важныя не въ силу того наказанія, которое слѣдуетъ обвиненному, но въ силу сложности вопроса, подлежащаго обсужденію: въ этомъ случаѣ упрощенный порядокъ судопроизводства обуславливался бы существомъ самаго дѣла. Къ сожалѣнію, такое дѣленіе не

допускается нашимъ закономъ, и вслѣдствіе этого является, какъ мы видѣли, множество неудобствъ, а можетъ быть и вреда.

Говоря о предѣлахъ власти судебныхъ установлений, мы не можемъ не упомянуть о правилѣ, выраженномъ во 2-й ст. учрежденій, что власть новаго суда распространяется на лица всѣхъ сословій и на всѣ дѣла какъ уголовныя, такъ и гражданскія. Несмотря на такое категорическое постановленіе, рядомъ съ нимъ помѣщено примѣчаніе, которое измѣняетъ радикально весь смыслъ и все значеніе такъ безусловно выраженного закона. „Судебная власть, говорится въ примѣчаніи, духовныхъ, военныхъ, коммерческихъ, крестьянскихъ и инородческихъ судовъ опредѣляется особыми постановленіями.“ На этомъ основаніи нельзя сказать, что такъ-называемыя общія судебныя установленія вѣдаютъ дѣла всѣхъ сословій, они созданы только для всѣхъ дѣлъ дворянъ и мѣщанъ; дѣла же другихъ сословій поступаютъ на ихъ разсмотрѣніе только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, т.-е. когда въ дѣлѣ участвуютъ лица разныхъ сословій, когда искъ превышаетъ извѣстную сумму, а проступокъ извѣстную мѣру взысканія. Последнее правило не относится впрочемъ до лицъ военного вѣдомства. Такимъ образомъ, исключеніе является болѣе общимъ правиломъ нежели самый законъ, такъ какъ исключеніе относится къ пяти классамъ общества, а общее правило только къ двумъ. Даже тотъ законъ, что при участіи въ дѣлѣ лицъ разныхъ сословій, оно поступаетъ въ общій судъ, смягчаетъ рѣзкость исключенія по отношенію къ судамъ крестьянскимъ, что же касается до лицъ духовныхъ и военныхъ, то законъ этотъ примѣняется только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Постановленія устава уголовного судопроизводства по всѣмъ проступкамъ духовныхъ лицъ, нелишающихъ ихъ духовнаго званія и не сопряженныхъ съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ и преимуществъ, весьма неясны, такъ что можно всегда оспаривать подсудность ихъ общимъ судамъ. Ст. 1017-я, наприм., говоритъ, что духовному суду подлежитъ всякое нарушеніе обязанностей духовнаго званія, установленныхъ церковными правилами. Но спрашивается: какой же проступокъ изъ числа подвѣдомственныхъ мировымъ судамъ, совершенный лицомъ духовнымъ, не есть нарушеніе обязанностей духовнаго званія. Церковныя правила обнимаютъ не только дѣятельность духовнаго лица, какъ служителя церкви, но и какъ человѣка, живущаго въ обществѣ и имѣютъ въ виду преимущественно нравственную сторону этой дѣятельности. На этомъ основаніи всѣ обыденныя проступки духовныхъ лицъ могутъ быть изъяты изъ вѣдѣнія мировыхъ судовъ. Хотя 1029-я ст. уголовного судопроизводства и ст. 5-я уложенія о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями и допускаютъ возможность присужденія духовнаго лица къ наказаніямъ за подобные проступки судомъ свѣтскимъ, но въ какихъ случаяхъ существуетъ такая возможность, законъ

не опредѣляетъ нигдѣ. Только одно рѣшеніе кассационнаго уголовного департамента, 1868-го года № 12, указываетъ, что лица духовнаго вѣдомства за оскорбленіе должностныхъ лицъ при исполненіи обязанностей службы и въ томъ числѣ полицейскихъ служителей, судятся судомъ свѣтскимъ: другого же указанія мы не знаемъ. Стало быть, даже дѣла объ обидахъ, нанесенныхъ лицами духовнаго званія свѣтскимъ не могутъ подлежать суду свѣтскому, что уже прямо нарушаетъ права свѣтскихъ людей, которые не въ состояніи защищать часто самыхъ дорогихъ для нихъ интересовъ въ общемъ судѣ, а должны обращаться въ судъ сословный и, притомъ, если на это послѣдуетъ согласіе епархіальнаго начальства.

Исключеніе изъ вѣдомства общихъ судовъ для лицъ военнаго вѣдомства является еще болѣе рѣзкимъ, нежели для лицъ духовнаго званія, такъ какъ всѣ вообще проступки и преступленія лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, подлежатъ суду военному, исключая лишь тотъ случай, когда преступленіе совершено вмѣстѣ съ лицомъ гражданскаго вѣдомства. Такимъ образомъ, лица военнаго вѣдомства, живя въ небольшихъ городахъ и деревняхъ, могутъ позволить себѣ всякіе проступки и на мѣстѣ не будетъ никакой власти, которая могла бы подвергнуть ихъ должному взысканію, такъ какъ военные суды существуютъ въ губернскихъ городахъ, при воинскихъ управленіяхъ. Военный офицеръ, внѣ губернскаго города, можетъ себѣ позволить всякое безчинство, насиліе, самоуправство и оскорбленіе и почти всегда останется безнаказаннымъ, такъ какъ не только крестьянинъ, но и всякій другой человѣкъ въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшится искать далекаго суда въ губернскомъ городѣ, и притомъ такого суда, который врядъ ли будетъ въ состояніи изслѣдовать дѣло надлежащимъ образомъ. Къ тому же преданіе суду виновнаго зависитъ отъ усмотрѣнія начальства, а человѣкъ уважающій себя не захочетъ, чтобы его права зависѣли отъ взглядовъ и усмотрѣній другихъ лицъ: онъ можетъ обратиться съ жалобой лишь къ суду, а не къ отдѣльнымъ лицамъ, въ особенности въ дѣлахъ, касающихся частной жизни должностныхъ лицъ. Мы отчасти понимаемъ, что дѣйствія должностнаго лица при исполненіи имъ обязанностей службы сначала входятъ на разсмотрѣніе начальства и передаются въ судъ только съ его согласія; понимаемъ также, что по преступленіямъ должностей specialнаго рода службы существуютъ спеціальныя суды, и хотя противъ такихъ правилъ можно сдѣлать много весьма серьезныхъ возраженій, заимствованныхъ даже изъ нашего законодательства, но все-таки эти правила понятны. Но мы рѣшительно не можемъ себѣ объяснить тѣхъ причинъ, на основаніи которыхъ всѣ обыкновенныя уголовныя преступленія и проступки военныхъ лицъ, совершенныя ими не при исполненіи обязанностей службы, должны судиться военнымъ судомъ,

вслѣдствіе чего послѣдній обращается изъ спеціальнаго въ чисто сословный судъ.

Самое лучшее возраженіе, которое можно сдѣлать противъ духовнаго и военнаго судовъ, получившихъ у насъ значеніе чисто сословныхъ судовъ, находится въ разсужденіяхъ, послужившихъ основаніемъ для 2-й статьи учрежденій. „Коренной недостатокъ,—сказано тамъ,—существованія сословныхъ судовъ въ разныхъ управленіяхъ состоитъ въ томъ, что суды эти, замыкая собою, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, суды общіе, но большею частію, неимѣющіе никакой связи съ общою судебною организаціею и не подчиненные почти никакому контролю, дѣйствуютъ нерѣдко произвольно, разнообразно и весьма часто въ виду интересовъ своего сословія: слѣдовательно они не могутъ имѣть ни единства въ дѣйствіяхъ, ни безпристрастія, сего необходимаго условія суда“ (Изд. госуд. канц., стр. 17). Нельзя выразиться болѣе основательнымъ и болѣе энергическимъ образомъ. Какъ же согласить то противорѣчіе, которое существуетъ между приведеннымъ мѣстомъ и примѣчаніемъ, помѣщеннымъ нѣсколькими строками ниже, гдѣ признается необходимость существованія сословныхъ судовъ? Намъ кажется, что мысль составителей судебныхъ уставовъ—въ приведенныхъ словахъ, примѣчаніе же введено ими какъ уступка, по необходимости.

Въ заключеніе, мы укажемъ на тѣ послѣдствія, которыхъ можно ожидать отъ различныхъ исключеній изъ вѣдомства общихъ судебныхъ мѣстъ. Если характеристика сословныхъ судовъ, представленная въ подчеркнутыхъ нами словахъ вѣрна, если частныя лица не имѣютъ права защищать своихъ интересовъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ даже противъ тѣхъ дѣйствій служебнаго персонала, который имѣютъ совершенно частный характеръ, и должны въ этихъ случаяхъ искать какого-то особаго и гдѣ-то находящагося суда, а чаще милостиваго вниманія начальства къ нарушеннымъ правамъ, тогда самоуправство будетъ единственнымъ средствомъ противъ людей буйныхъ и безпокійныхъ. Подобныхъ послѣдствій можно ожидать тѣмъ болѣе, что врядъ ли какой судъ присяжныхъ обвинить человѣка, прибѣгнувшаго къ самоуправству, въ виду невозможности привлечь къ отвѣту лицо, посягнувшее на его права. Не мѣшало бы на это обстоятельство обратить вниманіе защитникамъ сословныхъ судовъ.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го февраля 1872.

Путешествіе г. Георгіевскаго по вопросу о реальныхъ училищахъ. — Различіе между *Mittelschule* и *Realschule*. — Мнѣніе г. Баха о проектѣ реальныхъ училищъ въ Россіи. — Актъ въ римской реальной гимназій. — Государственная роспись на 1872-й годъ и отсутствіе дефицита. — Очередная сессія петербургскаго земскаго собранія. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1870-й годъ. — Вопросъ объ отвѣтственности жгѣзныхъ дорогъ передъ частными лицами.

„Что же касается до научнаго образованія, то привлекать къ нему не слѣдуетъ никого, но особенно людей бѣдныхъ и недостаточныхъ“.

Читатель подумаетъ, что мы тревожимъ прахъ Магницкаго и намѣрены опубликовать какую-нибудь изъ его завѣтныхъ думъ. Совсѣмъ нѣтъ! Мы нашли эти драгоценныя строки въ декабрьской книгѣ Ж. М. Н. Пр. 1871-го года, и именно на первой страницѣ описанія ученой экспедиціи г. Георгіевскаго за границу проплыль гѣтомъ. Статья носитъ заглавіе: „О реальномъ образованіи въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи, Баваріи и Швейцаріи“. Подъ „Пруссією“ у г. Георгіевскаго слѣдуетъ разумѣть одинъ городъ Бреславль въ Силезіи, гдѣ вообще реальныя училища не представляютъ особенно высокаго развитія, сравнительно съ центральною Пруссією, Нижне-Рейнскими провинціями и Вестфалією, куда г. Георгіевскій остерегся, вѣроятно, заѣхать, и потому поспѣшили изъ Бреславля, въ Саксонію и въ Австрію, а именно въ Чехію. Въ Бреславлѣ и Дрезденѣ встрѣчали г. Георгіевскаго „съ самою изысканною любезностью“ и иные нѣмецкіе знаменитости „почтили своимъ посѣщеніемъ“ нашего путешественника; но, говоритъ онъ, „нѣмецкіе директоры и ученые по большей части довольствовались краткими отзывами о нашемъ проектѣ реальныхъ училищъ, изрѣдка касаясь его подробностей“; за то въ Чехіи, откуда мы получили и ожидаемъ еще получить учителей латинскаго и греческаго языковъ, „проектъ, по словамъ г. Георгіевскаго, былъ

подвергнуть всестороннему разсмотрѣнію, и отзывы пражскихъ директоровъ и профессоровъ имѣютъ характеръ почти цѣлыхъ трактатовъ, вызванныхъ искреннимъ желаніемъ *послужить* дѣлу просвѣщенія Россіи и на этомъ поприщѣ. Все это прекрасно, но зачѣмъ г. Георгіевскій объявлялъ въ „Заключеніи“ своей статьи, что онъ объѣхалъ „нынѣшнимъ лѣтомъ“ значительную часть Европы; не было ли бы лучше для цѣли его путешествія объѣхать менѣе значительную часть Европы, но за то именно ту, гдѣ, какъ мы выше указали, особенно процвѣтаютъ реальныя школы? Кромѣ того, зачѣмъ г. Георгіевскій, какъ то видно на каждой его страницѣ, задался мыслью обнаруживать одни недостатки реальныя училищъ? Въ этомъ отношеніи ему удалось впасть въ смѣшное: онъ далъ себѣ трудъ съ любовью записывать ошибки учениковъ реальныя училищъ въ латинскомъ языкѣ; такъ въ одномъ мѣстѣ онъ отмѣчаетъ: „ученикъ принялъ *notis publicis* за дательный падежъ и не зналъ, къ чему отнести *per quae*“ (это ужасное происшествіе случилось въ Вѣнѣ 4/16 іюля); въ Швейцаріи г. Георгіевскій отмѣтилъ: „одинъ ученикъ въ переводѣ на латинскій языкъ употребилъ *eo* вмѣсто *ei* и объяснилъ *eo*, какъ дательный падежъ отъ *is*; другой вмѣсто *sibi* поставилъ *suo*, какъ дательный падежъ отъ *se*; пять учениковъ перевели фразу: „Цезарь приказалъ посланъ ожидать своего прихода“, слѣдующимъ образомъ: „*Caesar jussit legatos adventum ejus exspectare*“ (всѣ эти печальныя событія случились въ Бернѣ около 17/29 іюля). Г-ну Георгіевскому уже приходилось издавать на казенный счетъ *fac-simile* съ грамматическими ошибками на одномъ прошеніи русскихъ дамъ; теперь онъ украсилъ описаніе своего путешествія донесеніемъ о пойманныхъ имъ ошибкахъ учениковъ реальныя школы въ латинскомъ языкѣ.

Но всѣ эти особенности путешествія г. Георгіевскаго ничтожны съ добытою имъ на первомъ шагѣ идею относительно того, что не слѣдуетъ никого привлекать къ научному образованію, и особенно людей бѣдныхъ и недостаточныхъ. Онъ далъ намъ теперь ключъ къ разгадкѣ причинъ того негодованія и злобы, съ которою свирѣпствовали наши московскіе *graculi* въ дѣлѣ, повидимому, столь спокойномъ, какъ дѣло объ общественномъ просвѣщеніи. Какая страна, какъ не Россія, со времени Петра Великаго только и заботится о томъ, чтобы какъ можно болѣе привлекать всѣхъ къ научному образованію; и вотъ, скоро исполнится 200 лѣтъ со дня рожденія великаго Преобразователя, а у насъ безъ застѣнчивости говорятъ вслухъ, что молъ къ научному образованію не слѣдуетъ привлекать никого, и особенно людей бѣдныхъ и недостаточныхъ! Утѣшиться можно развѣ тѣмъ, что такія идеи, кажется, не требуютъ серьезнаго опроверженія, и едва ли имъ послѣдуютъ тамъ, гдѣ, если не ошибаемся, считаютъ до 40% стипендіатовъ, т.-е. привлеченныхъ, въ однихъ университетахъ.

Впрочемъ, мы заговорили о путешествіи г. Георгіевскаго главнымъ образомъ потому, что оно находится въ связи съ начатою у насъ реформою среднеучебныхъ заведеній: половина ея, а именно вопросъ о гимназіяхъ съ двумя древними языками, окончена. Другая половина — вопросъ о реальныхъ гимназіяхъ отложенъ до осени прошедшаго года и до сихъ поръ еще не разрѣшенъ окончательно. Прошлымъ лѣтомъ г. Георгіевскій ѣздилъ за границу именно съ цѣлю показать составленный у насъ проектъ реальныхъ училищъ, и въ ноябрьской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. (1871) были опубликованы тѣ видоизмѣненія, которыя были сдѣланы въ немъ, по указаніямъ нѣмецкихъ педагоговъ, какъ то читатель можетъ найти въ статьѣ, озаглавленной: „Къ вопросу о реальныхъ училищахъ“. Въ проектѣ, какъ онъ былъ прежде представленъ въ государственный совѣтъ, цѣль реального училища опредѣлялась слѣдующимъ образомъ: „Реальныя училища имѣютъ цѣлю доставлять учащемуся въ нихъ юношеству образованіе, приспособленное къ занятіямъ различными отраслями промышленности и торговли“ (Общ. Пол. § 1). Въ объяснительной запискѣ къ этому же проекту мысль эта была выражена такъ: „Цѣлю (реальныхъ училищъ) поставлено сообщеніе познаній, непосредственно полезныхъ для будущихъ сельскихъ хозяевъ, купцовъ, заводчиковъ и фабрикантовъ, а также для будущихъ механиковъ на заводахъ, фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ“ (стр. 36). Такая мысль министерства была весьма ясна; съ нею можно было несоглашаться, мы много писали противъ нея, но все же мы ее понимали.

Послѣ путешествія г. Георгіевскаго, министерство, повидимому, пришло къ иному убѣжденію, весьма уже близкому къ тому, на чемъ мы настаивали, но въ то же самое время оно сохранило и прежній свой взглядъ. Въ новѣйшей редакціи этого проекта (Ж. М. Н. Пр., ноябрь, 1871, стр. 61) мы читаемъ, что реальнымъ училищамъ „предполагается дать такой курсъ, который доставляя *общее* (этого слова не было прежде) образованіе и открывая, въ потребныхъ(?) случаяхъ, доступъ въ высшія спеціальныя заведенія, не упускаетъ бы изъ виду и *практическихъ* цѣлей, *примѣнительно* къ мѣстнымъ потребностямъ“. Ниже (стр. 71) эта же мысль выражается такъ: „По убѣжденію министерства народнаго просвѣщенія, задача реального училища должна заключаться въ доставленіи учащимся *общаго* образованія, *примѣненнаго* (?) къ практическимъ цѣлямъ, смотря по разнообразнымъ *потребностямъ* различныхъ мѣстностей; приготовленіе же къ высшимъ спеціальнымъ заведеніямъ не можетъ(?) и не должно(?) быть главною цѣлю реального училища“.

Читая проектъ министерства, представленный прежде въ государственный совѣтъ, мы оспаривали его анти-научное направленіе, осуждавшее огромную массу молодыхъ людей, нейдущихъ въ классическія гим-

назиі, на прикладное, слѣдовательно механическое образованіе, которое можно назвать простою дрессировкою; но мы все же понимали, чего хочетъ министерство, и оно хотѣло собственно возможнаго, хотя и невыгоднаго для общественныхъ успѣховъ Россіи. Теперь же, когда проектъ реальныхъ училищъ является видоизмѣненнымъ, мы не можемъ болѣе оспоривать его, и именно потому, что теперь мы вовсе не понимаемъ его значенія: въ немъ удержана прежняя профессиональность реального училища, а образованіе, получаемое въ немъ, названо *общимъ*. Какъ же это понять? Образованіе въ реальномъ училищѣ будетъ преслѣдовать „практическія цѣли“ и будетъ къ нимъ „примѣнено“, т.-е. оно не будетъ общее и въ то же время оно будетъ общее; все это является намъ чѣмъ-то въ родѣ квадратуры круга. Что же значить тутъ это слово: *общее*? Подъ *общимъ* образованіемъ можно разумѣть только *научное*, и потому въ прусскомъ уставѣ реальныхъ училищъ получаемое тамъ образованіе названо „allgemein wissenschaftlich“; но такое образованіе не можетъ быть „примѣняемо“ къ практическимъ цѣлямъ, да еще „смотря по разнообразнымъ потребностямъ различныхъ мѣстностей“, или оно можетъ быть примѣняемо настолько, насколько примѣняется и классическое образованіе. Вотъ почему, прочтя видоизмѣненія министерскаго проекта въ ноябрьской книгѣ оффиціального журнала, мы остались въ полномъ недоумѣніи: во что же будутъ превращены наши реальные гимназіи, если ихъ замѣнять какія-то реальные училища, которыя будутъ давать *общее* образованіе, но не-*научное*, а примѣненное къ практическимъ цѣлямъ?

Наше недоумѣніе разрѣшилось однако вполне и скоро, а именно вышеупомянутою статьею г. Георгіевскаго въ декабрьской книгѣ того же журнала. Въ Германіи, какъ извѣстно, среднеучебныя заведенія, а именно классическія гимназіи и реальные школы всѣхъ разрядовъ, носятъ общее всѣмъ имъ названіе: *Die höheren Schulen*; этимъ словомъ и выражается нашъ русскій терминъ: *среднеучебное заведеніе*. Но въ Германіи есть еще *Mittelschulen* (среднія училища), которыя однако вовсе не наши среднеучебныя заведенія, такъ какъ они не принадлежатъ къ числу *höheren Schulen*; это — народныя училища. Вотъ почему насъ на первыхъ же страницахъ путешествія г. Георгіевскаго весьма удивило одно обстоятельство: онъ отправился съ министерскимъ проектомъ *реальныхъ училищъ*, а между тѣмъ въ Бреславлѣ оберъ-бюргермейстеръ, тайный совѣтникъ Гобрехтъ — говоритъ г. Георгіевскій — „совѣтовалъ мнѣ обратить *особенное* вниманіе на такъ-называемыя *Mittelschulen* (среднія училища), которыхъ съ 1863-го года учреждено уже три въ Бреславлѣ: два евангелическихъ и одно католическое“. Почему же человѣку, отправленному съ проектомъ реальныхъ училищъ, т.-е. среднеучебныхъ заведеній,

нужно обратить особенное вниманіе не на реальныя же училища въ Пруссіи, а на *Mittelschule*? Не потому ли, что нѣмецкое слово *Mittel* ближе стоитъ къ русскому выраженію: *среднеучебный*, нежели *die höhere Schule*, какою считается въ Пруссіи реальная школа? Неужели французъ, отправленный въ Россію для ознакомленія съ гимназіями, обратилъ бы особенное вниманіе, напримѣръ, на Александровскій лицей, потому что во Франціи гимназія называется лицеемъ? Но почему же г. Гобрехтъ рекомендовалъ особенному вниманію г. Георгіевскаго народныя школы, *Mittelschulen*? не потому ли, что г. Георгіевскій сообщилъ ему, что министерскій проектъ только названъ проектомъ реальныя училищъ, т.-е. среднеучебныхъ заведеній, а собственно дѣло идетъ о „среднихъ“, т.-е. народныхъ училищахъ? На этотъ вопросъ мы находимъ положительный отвѣтъ у самого г. Георгіевскаго въ описаніи имъ своей бесѣды съ д-ромъ Бахомъ, ректоромъ одного изъ бреславльскихъ среднихъ училищъ. „Онъ — какъ говоритъ г. Георгіевскій— успѣлъ обстоятельно ознакомиться съ проектомъ нашихъ реальныя училищъ и вполне одобряетъ главныя его основанія, въ томъ числѣ и то, что „въ высшихъ ихъ классахъ выступаетъ стремленіе выставить на первый планъ практически пригодное въ промышленномъ быту изъ того, что будетъ въ нихъ преподаваемо“. „Это хорошо и разумно придумано“, — говоритъ д-ръ Бахъ въ письменномъ своемъ отзывѣ. „Означенныя училища (т.-е. русскія реальныя училища) съ ихъ нынѣшнимъ планомъ и цѣлью кажутся мнѣ учебными заведеніями, несомнѣнно приноровленными къ потребностямъ народа, такъ что имъ можно предсказать не менѣе жизненное и отрадное развитіе, какъ и германскимъ 6-ти-класснымъ *среднимъ училищамъ*“.

Такой отвѣтъ г. Баха открываетъ намъ весь секретъ; теперь мы понимаемъ, почему въ Германіи отозвались съ похвалою о министерскомъ проектѣ реальныя училищъ: въ Германіи онъ былъ отрекомендованъ, какъ проектъ „среднихъ“ училищъ, *Mittelschulen*, а не какъ проектъ реальныя училищъ, которыя въ Германіи, какъ всѣ знаютъ, имѣютъ „равное положеніе“ съ гимназіями. Только при такомъ предположеніи, г. Бахъ могъ говорить о приноровленіи ихъ къ потребностямъ „народа“, а не общества, между тѣмъ какъ реальныя училища должны отвѣчать однимъ потребностямъ строго научнаго развитія, безъ всякой профессиональности; вотъ почему нѣмецкій педагогъ посулилъ нашимъ реальнымъ училищамъ не лестную будущность нѣмецкихъ „среднихъ училищъ“; это все равно, еслибы кто предсказалъ нашимъ университетамъ будущность нѣмецкихъ гимназій.

Теперь сдѣлалось все понятно: русское общество смотрѣло на министерскій проектъ, какъ на проектъ „преобразованія“ реальныя гимназій, и разумѣло подъ „преобразованіемъ“ улучшеніе ихъ и приближеніе къ совершеннѣйшему типу прусскому; между тѣмъ именно

Этого-то улучшенія и не было въ проектѣ, да и не могло быть, такъ какъ въ немъ дѣло шло объ *уничтоженіи* реальныхъ гимназій и о замѣнѣ ихъ народными и притомъ профессиональными школами. Нѣмецкій же педагогъ отнесся къ этому проекту съ похвалою, и весьма справедливо, такъ какъ онъ видѣлъ въ немъ проектъ „среднихъ“ училищъ, а не среднеучебныхъ, общеобразовательныхъ школъ. Мы вполне готовы сами раздѣлить это мнѣніе г. Баха, и готовы также предсказать этимъ училищамъ прекрасную будущность; но зачѣмъ было называть ихъ реальными училищами, подъ которыми въ Германіи разумѣются общеобразовательныя школы, равныя гимназіямъ? Это невѣрное названіе породило у насъ лишній споръ. Во-вторыхъ, если для Россіи нужны Mittelschulen, то какимъ образомъ изъ этого слѣдуетъ, что ей не нужны Realschulen? Въ Германіи есть и то, и другое; въ Германіи не говорятъ о „преобразованіи“ реальныхъ школъ въ „среднія школы“. Въ Германіи выше всего цѣнятъ „научное“ образованіе, и такого характера требуютъ равно и отъ классическихъ гимназій, и отъ реальныхъ школъ. Почему же у насъ, которые стоимъ такъ низко въ научномъ отношеніи, нужно ограничить однѣ гимназіи научнымъ характеромъ? Неужели потому, что г. Георгіевскій убѣжденъ, будто „привлекать къ научному образованію не слѣдуетъ никого, но особенно людей бѣдныхъ и недостаточныхъ“? Пусть г. Георгіевскій справится съ цифрою у насъ стипендіатовъ классическихъ и тогда онъ увидитъ, что классическая система обученія требуетъ именно привлеченія къ научному образованію и даже поддерживается этимъ привлеченіемъ. Мы готовы съ нимъ согласиться пожалуй, что не слѣдуетъ привлекать къ научному образованію, но слѣдуетъ устроить его на такихъ широкихъ основаніяхъ и въ такомъ соотвѣтствіи съ духомъ времени, чтобы люди стремились къ нему сами, и бѣдные, и богатые безразлично. Только *научное* образованіе, на всѣхъ его ступеняхъ, и можетъ быть задачею министерства народнаго просвѣщенія; приложимость же образованія и удовлетвореніе мѣстными потребностямъ могутъ составлять интересъ всякаго другого министерства, но только не министерства народнаго просвѣщенія. Одно только научное образованіе носитъ на себѣ строго-гуманный и строго-нравственный характеръ; вотъ почему мы и думаемъ, что превращеніе реальныхъ гимназій въ училища съ прикладною цѣлью, не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ въ ущербъ нравственнымъ выгодамъ нашего отечества. И классическое, и реальное образованіе должны быть одинаково строго-научными; самый споръ о томъ, должны ли реальныя училища у насъ быть научными заведеніями — по существу своему страненъ, и конечно мы не можемъ не выразить своего недоумѣнія въ виду того, что противникомъ научнаго характера реальныхъ училищъ у насъ явилось само министерство народнаго просвѣщенія, между

тѣмъ какъ въ Пруссіи министерство всегда и съ большимъ достоинствомъ поддерживало вездѣ научный характеръ общеобразовательныхъ школъ, были ли это гимназіи, или реальныя школы.

Очень жаль, что г. Георгіевскій, „объѣхавъ значительную часть Европы“, не заглянулъ къ намъ въ Ригу, гдѣ онъ могъ бы найти и образецъ, и хорошій совѣтъ¹⁾. Въ концѣ прошедшаго года это превосходное общеобразовательное и вмѣстѣ реальное учебное заведеніе совершило свой 11-й актъ. Изъ напечатанной имъ „Programm“ видно, что довѣріе къ нему мѣстнаго общества возрастаетъ съ каждымъ годомъ: при началѣ 1871-го года учениковъ было 201; къ началу нынѣшняго года, за выпускомъ окончившихъ курсъ, это число поднялось до 227. За второй семестръ 1870-го года и за первый 1871-го года выпущено 10 человѣкъ: изъ нихъ 7 для поступленія въ дерптскій университетъ, 2 въ рижскій политехникумъ, и 1 въ здѣшній институтъ путей сообщенія. Вотъ какимъ образомъ отозвался о рижской реальной гимназіи мѣстный органъ, „Рижскій Вѣстникъ“, по поводу послѣдняго выпуска изъ нея окончившихъ курсъ: „Выпускъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ реальной гимназіи, которая существуетъ не болѣе 11-ти лѣтъ и начала свои дѣйствія съ открытіемъ трехъ классовъ и только 78-ю учащимися, начался съ декабря 1863-го года. Тогда окончилъ курсъ 5, въ 1864-мъ 6, въ 1865-мъ 7, въ 1866-мъ году 6, въ 1867-мъ году 8, въ 1868-мъ году 8, въ 1869-мъ году 12, въ 1870-мъ году 8, въ 1871-мъ году 10, всего въ продолженіи 9-ти лѣтъ 70. Экстерновъ, подвергавшихся въ эти годы окончательному экзамену наравнѣ съ гимназистами, было 10. О 66-ти воспитанникахъ, кончившихъ курсъ въ реальной гимназіи, знаемъ мы, что наименьшее число поступило для дальнѣйшаго образованія въ политехническое училище, а именно не болѣе 15, наибольшее же число поступило въ университеты, на физико-математическій факультетъ, а именно въ дерптскій 37, въ петербургскій 6, въ берлинскій 1, въ инженерное училище и институтъ путей сообщенія 5, въ военное училище 2. Эти цифры о результатахъ образованія, получаемого въ рижской реальной гимназіи, ясно доказываютъ, что это учебное заведеніе вовсе не профессиональная школа, за какую хотѣли бы ее признать теперешніе приверженцы

¹⁾ Г. Георгіевскій, вѣроятно, имѣетъ дурное понятіе о рижской реальной гимназіи. Это правда, министерство народнаго просвѣщенія, опровергая похвальный отзывъ о ней, заявило въ прошломъ ноябрѣ (Спб. Вѣд. № 309), что рижская училищная коллегія сама желаетъ преобразованія этой гимназіи, слѣдовательно невольна ея; но въ новый годъ директоръ рижской реальной гимназіи былъ такъ лестно отличенъ этимъ же министерствомъ, что нельзя было не видѣть въ этомъ выраженія признательности директору за отличное состояніе и успѣхи реальной гимназіи въ гор. Ригѣ. Но въ такомъ случаѣ, авторъ, котораго опровергали и лестный отзывъ, былъ правъ.

безусловнаго классицизма, но имѣетъ характеръ общеобразовательный и въ научномъ развитіи воспитанниковъ едва ли уступаетъ своей сверстницѣ, гимназіи губернской, т.-е. классической.

„Московскія Вѣдомости“ благоразумно промолчали о такомъ отзывѣ, обращенномъ, конечно, къ нимъ, а не къ намъ; но въ подобномъ случаѣ поневолѣ приходится быть благоразумнымъ и благоразумно промолчать. Другой вопросъ: добросовѣстно ли такое молчаніе? Но защитникамъ утилитаризма и профессионализма даже въ просвѣщеніи нравственная сторона дѣла мало интересна, а изъ классицизма они ючерпнули искусство доказывать все, что угодно, и точно также все опровергать, лишь бы достигнуть какой-нибудь посторонней цѣли въ родѣ той, какую поставилъ г. Георгіевскій, выставивъ тезисъ о непривлеченіи къ научному образованію кого не слѣдуетъ.

Благодаря признаніямъ г. Георгіевскаго, мы можемъ теперь на долго отложить всѣ наши прошлогодніе споры съ классиками, и заняться текущими дѣлами новаго года. Новый годъ принесъ намъ пріятный подарокъ: финансовую роспись безъ дефицита. Такого явленія не бывало у насъ давно, а именно съ 1831-го года, когда въ послѣдній разъ показанъ былъ излишекъ дохода въ 1 м. 853 тысячи рублей. До того времени, года съ избыткомъ дохода чередовались съ годами дефицитными. Послѣднимъ, впрочемъ, оговорить, что показаніе незначительнаго дефицита и даже избытка доходовъ по росписи еще не составляетъ само по себѣ окончательнаго удостовѣренія въ удовлетворительности положенія финансовъ вообще;—въ справедливости того насъ убѣждаетъ старый примѣръ, а именно, что въ росписи на 1813 годъ, то-есть въ бюджетѣ, составленномъ въ годъ разоренія, въ памятный 1812 годъ, показанъ былъ избытокъ дохода передъ расходами въ 8 м. 620 тысячъ рублей.

Послѣ 1866-го года принимаемы были систематически мѣры къ ограниченію дефицита. Съ 60 мил. его вдругъ сократили до 5 мил. (1867 г.), но эта исходная точка оказалась слишкомъ требовательною, а потому мы вновь отступили нѣсколько шаговъ назадъ, до 19³/₄ мил. (1868 г.), чтобы удобнѣе размѣрить наше приближеніе къ цѣли, т.-е. къ равновѣсію. И вотъ, въ послѣдующіе года дефициты уже представляли непрерывное пониженіе: съ 19 мил. онъ понизился до 11 мил. (1869 г.). Это цифры по отчетамъ контроля. Затѣмъ, финансовыя росписи на 1870 и 1871-ый годы предусматривали дефициты уже только въ 9 мил. и 4 слишкомъ милл. Наконецъ, теперь на 1872 годъ предусматривается уже не дефицитъ, а излишекъ дохода на сумму 384,221 рубль. Обращеніе этого избытка на уменьшеніе податей или на какую-либо иную цѣль, впрочемъ, еще не предположено въ росписи.

Еслибы нашъ бюджетъ раздѣлялся на двѣ самостоятельныя части:

на росписи доходовъ съ расходами и отчетъ о наличности кредитныхъ ресурсовъ, и еслибы сверхсметныя ассигнованія у насъ не достигали 37 мил. рублей, какъ то оказалось въ 1869 году, по отчету контроля, то при такихъ условіяхъ предвидѣніе избытка доходовъ, безъ сомнѣнія, получило бы большую положительность. Но какъ бы то ни было, мы радуемся и теперь такому явленію не столько въ смыслѣ признака удовлетворительнаго положенія финансовъ, сколько въ смыслѣ признака болѣе удовлетворительности въ составленіи росписей. Поправленіе финансовъ только до нѣкоторой степени зависитъ отъ министра финансовъ, но улучшеніе росписей, приведеніе ихъ къ болѣе ясности отъ него зависитъ, и вотъ въ этомъ-то отношеніи мы замѣчаемъ въ росписи на 1872-ой годъ нѣкоторые приемы, которые заслуживаютъ полнѣйшаго одобренія, и на необходимость которыхъ, для ясности государственнаго хозяйства, мы сами указывали годъ тому назадъ.

Вотъ съ этой именно, преимущественно съ этой точки зрѣнія мы привѣтствуемъ и отсутствіе въ росписи дефицита. Извѣстно, что цифра доходовъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Извѣстно также изъ отчетовъ государственнаго контроля за 1869-й и 1870-й годы, что по росписямъ этихъ годовъ предвидѣлось доходовъ слишкомъ на 29 мил. и на 31½ мил. рублей *меньше*, чѣмъ ихъ поступило затѣмъ въ дѣйствительности. Стоитъ только предвидѣть это возрастаніе нѣсколько точнѣе и отбросить цифру недобора въ податахъ, неизмѣющую значенія, когда предвидится возвышеніе общей суммы доходовъ—и вотъ дефицитъ въ росписи и исчезнетъ. Пусть, затѣмъ, въ контрольномъ отчетѣ, по дѣйствительному исполненію этой росписи, и окажется дефицитъ. Такой результатъ, по наружности, будетъ менѣ блестящъ, чѣмъ когда контрольный отчетъ удостовѣряетъ, что дефицитъ оказался менѣ того, какой былъ предвидѣнъ росписью. Но за то это будетъ результатъ настоящій, а не подготовленное самимъ собою впередъ удовольствіе. Министерство финансовъ, какъ видно, и пошло теперь по этому пути. Возрастаніе обыкновенныхъ доходовъ оно предвидѣло по росписи 1871 года на цифру менѣ 14 мил. р., а по росписи 1872 года оно принимаетъ это возрастаніе уже въ слишкомъ 16½ мил. р., т.-е. на 2½ мил. болѣе. Но это не все: оно отказалось отъ призрачной цифры почти 4½ мил. р. „особыхъ ресурсовъ отъ заключенныхъ росписей прошлыхъ лѣтъ“, цифры не имѣвшей никакого значенія при неизбѣжномъ въ концѣ концовъ дефицитѣ каждаго года. Затѣмъ, оно еще другую, неизмѣющую значенія цифру, именно, „на недоборъ“ при возрастаніи дохода, уменьшило теперь вдвое, именно съ 2 мил. на 1 мил. Сложите цифры этого точнѣйшаго опредѣленія, цифры 2½, 4½ и 1 мил. и окажется, что возрастаніе дохода, которое на 1871 г. означалось всего менѣ чѣмъ 14 мил. р., теперь оцѣнено восемью милліонами

выше. Около половины этой суммы представляет только прежнюю цифру „особыхъ ресурсовъ“ отъ прежнихъ сметъ, но затѣмъ все-таки еще оставалось около 4 мил., которые и заполнили собою 4-хъ-милліонный дефицитъ прошлагодной росписи, такъ что нынѣшняя роспись вышла безъ дефицита.

То же самое можно было сдѣлать уже и въ прошломъ году; стоило только взять повыше, поточнѣе къ дѣйствительно ожидавшемуся, цифру возрастанія доходовъ. Итакъ, отсутствіе дефицита въ росписи на 1872-й годъ интересуетъ насъ вовсе не какъ финансовый фактъ, а какъ результатъ болѣе рациональных приѣмовъ при составленіи росписи. Для полной ясности отчетовъ нашего государственнаго хозяйства и теперь остается еще желать весьма многого. Но во всякомъ случаѣ заслуживаютъ полнаго одобренія улучшенныя приемы нынѣшняго года: исключеніе счетныхъ остатковъ, уменьшеніе ненужной цифры недобора, наконецъ рѣшимость вѣрнѣе показать возрастаніе доходовъ для уравновѣшенія хотя бы самой только росписи, и отказаться въ будущемъ контрольномъ отчетѣ за 1872-й годъ отъ блестящаго, но призрачнаго результата. Что касается излишка доходовъ какъ факта финансоваго, то въ этомъ смыслѣ мы не можемъ, разумѣется, давать ему большого значенія. Что значать 400 тысячъ р. предвидимаго избытка доходовъ, когда на основаніи точнаго опыта прежнихъ лѣтъ извѣстно, что сверхсметныхъ ассигнованій будетъ на десятки милліоновъ рублей? Достаточно указать на неизбѣжные расходы по военному вѣдомству. Правда, прибавка къ содержанію начальниковъ и офицеровъ строевыхъ частей, объявленная въ новомъ году, составляющая 3½ мил. рублей, уже была впередъ усчитана въ новой росписи. Но возьмемъ въ примѣръ, что предполагалось бы въ нынѣшнемъ же году увеличить содержаніе нестроевыхъ офицеровъ— и вотъ уже избытокъ доходовъ исчерпался бы съ лихвою.

Мы говорили выше о постепенномъ возрастаніи доходовъ. Фактъ этотъ утѣшительнаго свойства, конечно: утѣшительно видѣть ежегодное возрастаніе обыкновенныхъ, то-есть дѣйствительныхъ доходовъ милліоновъ на 20-ть слишкомъ (роспись, впрочемъ, даже и нынѣ показываетъ цифру увеличенія въ совокупности обыкновенныхъ доходовъ только, какъ выше сказано, въ 16 съ полов. мил. р.). Фактъ этотъ и подаетъ министру финансовъ поводъ указывать на „возрастающее въ послѣдніе годы общее благосостояніе и соотвѣтственное усиленіе всѣхъ отраслей доходовъ“. Оно отчасти такъ и есть; нѣтъ сомнѣнія, что производительныя силы государства дѣйствительно поднимаются, главнымъ образомъ въ связи съ желѣзно-дорожнымъ строительствомъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что возрастаніе дохода соотвѣтствуетъ не только дѣйствительному усиленію благосостоянія и производительности, а также и постоянному удешевленію денегъ, то-

есть возвышенію цѣнъ на всѣ предметы. Это обстоятельство, т.-е. возвышеніе цѣнъ удостовѣряется, между прочимъ, и въ докладѣ министра финансовъ, по нѣкоторымъ расходнымъ статьямъ. Отъ удешевленія денегъ возвышаются заработки, и уплата прямыхъ податей становится легче, а поступленіе косвенныхъ сборовъ обильнѣе. Но возрастаніе доходовъ, насколько оно зависитъ именно отъ этой причины (а зависитъ оно отъ нея немало), не составляетъ никакой выгоды для государства, ибо рядомъ съ возвышеніемъ доходовъ, по той же причинѣ, возрастаютъ постоянно и расходы. Результатъ того одинъ, именно, что балансъ выражается высшими цифрами. Положимъ, прежніе расходы и не возрастаютъ въ той мѣрѣ, въ какой возрастаетъ поступленіе сборовъ; сумма расходовъ увеличивается болѣе отъ прибавленія новыхъ расходовъ; дороговизна же или удешевленіе денегъ вліяетъ собственно только на смѣты управленій хозяйственныхъ; но это все-таки не измѣняетъ отношенія, такъ какъ, по мѣрѣ удешевленія денегъ, прочіе, нехозяйственные расходы, если они и производятся въ прежнихъ нормахъ, настолько же недостигаютъ предполагаемой цѣли, насколько деньги упали въ цѣнѣ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ и оказывается необходимымъ возвышать эти нормы, единственно вслѣдствіе возвышенія цѣнъ, какъ то въ послѣдніе годы было сдѣлано по содержанію личнаго состава въ центральныхъ управленіяхъ, и какъ то въ нынѣшнемъ году скazyвается прибавкой къ содержанію строевыхъ офицеровъ. Итакъ, возрастаніе цифры доходовъ само по себѣ еще не все можетъ быть отнесено прямо къ увеличенію благосостоянія и производительныхъ силъ.

Изъ отчета государственнаго контроля за 1870 годъ видно, что доходовъ въ этомъ году поступило болѣе противъ смѣтнаго предположенія на 31½ милл. рублей. Это и указываетъ на ту неточность росписи по предвидѣнію дохода, о цѣли которой мы уже сказали выше. Несмотря на такое огромное превышеніе, оказался все-таки дефицитъ, какой предвидѣлся росписью. Куда же пошли эти 31½ милл. рублей? На покрытіе сверхсмѣтныхъ ассигнованій, которыхъ въ 1870 году оказалось опять на 35¼ милл. руб., то-есть немного менѣе чѣмъ за 1869-й г. Эта цифра какъ бы роковая; съ 1867-го года она такъ и держится ежегодно выше 30 милл. рублей. Министерство финансовъ хотя и знаетъ, что такое превышеніе неизбежно, но, повидимому, считаетъ неловкимъ показать въ росписи впередъ „на непредвидѣнные расходы 35 милл. рублей“. Но это обстоятельство тоже препятствуетъ ему опредѣлить и возрастаніе доходовъ съ достаточной вѣрностью. Оно какъ бы говоритъ себѣ: покажемъ, на всякій случай, милліоновъ на 30 доходовъ меньше, чѣмъ мы должны получить, иначе у насъ тотчасъ ихъ раскватаютъ; а такъ какъ у насъ все-таки переберутъ противъ нашего смѣтнаго назначенія, а отчасти и прямо, вопреки нашему несогласію, милліоновъ тоже

30, то въ результатѣ и окажется, что дефицитъ, нами предвидѣнный, не только не будетъ превзойденъ, но даже еще нѣсколько уменьшится. Но все это отнимаетъ у росписи немало ея значенія. Вотъ почему мы съ такимъ удовольствіемъ увидѣли въ росписи на 1872 годъ хоть сколько-нибудь болѣе точное опредѣленіе дохода. Затѣмъ, хотя по отчету контроля, конечно, все-таки окажется, что доходовъ поступило милліоновъ 25 болѣе, чѣмъ предвидѣно, и сверхсметныхъ ассигнованій почти на 35 милл., такъ что за покрытіемъ послѣднихъ окажется въ результатѣ небольшой дефицитъ, но это все-таки уже вступленіе на путь къ болѣе ясному и откровенному веденію счетовъ.

Предполагая помѣстить въ слѣдующей книжкѣ особую статью, посвященную росписи 1872 года, мы ограничимся здѣсь этими замѣчаніями, относящимися собственно къ балансу и его условіямъ, не входя въ разсмотрѣніе этого бюджета съ точки зрѣнія государственной экономіи. Единственно для соблюденія исторической полноты нашихъ обзоровъ выпишемъ здѣсь главныя цифры свода нынѣшняго бюджета въ сравненіи съ прошлогодними. Бюджетъ 1872 года дошелъ уже до 497 слишкомъ милліоновъ, по валовому доходу и общему расходу, вѣсть съ избыткомъ дохода. Чистый же доходъ опредѣленъ въ 45 1³/₄ милл. руб., а расходъ, безъ издержекъ взиманія, въ 45 1¹/₂ милл. рублей (круглою цифрою полмилліона мы и означимъ избытокъ дохода, которой точная цифра приведена выше). Въ росписи 1871 года этимъ цифрамъ соотвѣтствовали: валовой доходъ, съ придачею суммы на покрытіе дефицита и общій расходъ 489 милл. рублей. Чистый же доходъ опредѣлялся въ 434 милл. рублей, а расходъ, безъ издержекъ взиманія, въ 438 1¹/₂ милл. рублей, такъ что предвидѣно было дефицита 4 1¹/₂ милл. рублей. Что въ нынѣшней росписи дефицита вовсе не положено, это, повторимъ, составляетъ вполнѣ удовлетворительный фактъ, но преимущественно въ счетномъ отношеніи, — фактъ, доказывающій улучшение для приведенія въ полный порядокъ нашей отчетности.

Отъ государственнаго хозяйства перейдемъ къ хозяйству земскому, а именно земства петербургской губерніи, котораго губернское собраніе заключило свою очередную сессію въ прошломъ мѣсяцѣ. Нынѣшняя сессія его не ознаменовалась никакими особенно важными постановленіями, и обсужденіе главнѣйшихъ изъ новыхъ предположеній губернской управы, именно объ учрежденіи всесословныхъ волостей и земской учительской школы, отложено. Затѣмъ, важнѣйшимъ рѣшеніемъ собранія представляется открытіе имъ управѣ кредита въ 50 тысячъ рублей изъ губернскаго продовольственнаго капитала и полномочіе ходатайствовать о выдачѣ заимообразно на три года изъ общаго продовольственнаго капитала такой же суммы собственно на

пособія для покупки скота. По смѣтѣ губернской управы на 1872 годъ испрашивалось расходовъ на 90,341 рубль, въ зачетъ которыхъ обращается свободный остатокъ отъ 1870 года 5,895 р., остальная же сумма разверстана между уѣздами. Итогъ уѣздныхъ смѣтѣ составляетъ 488,743 р. Изъ суммы годовыхъ расходовъ губернской управы въ 90 т. р. нѣсколько менѣе половины принадлежитъ къ категоріи расходовъ обязательныхъ, большую же половину, именно 49 т. р., составляютъ расходы необязательные. Впрочемъ, такъ какъ изъ этой последней суммы 14 т. р. идетъ на содержаніе губернской управы и расходы по собранію, то на необязательные расходы, то-есть на шоссированіе новыхъ участковъ губернскихъ дорогъ, на пособія уѣздамъ въ случаѣ появленія повальныхъ болѣзней и на народное образованіе, остается около 35 т. р. Замѣтимъ еще, что за 1870, 1871 и 1872 годы сумма расходовъ обязательныхъ постоянно уменьшается, а сумма необязательныхъ расходовъ увеличивается. Изъ разверстки суммы, нужной на 1872 годъ за зачетомъ свободного остатка оказывается, что изъ этой суммы гораздо болѣе половины (70,2 проц.) земскихъ повинностей падаетъ на городъ Петербургъ. Такъ предполагалось по проекту разверстки земскою управою, и хотя разверстка эта была собраніемъ измѣнена, какъ составленная неравномѣрно, именно изъ офѣнки, по которой производится разверстка, исключены для Петербурга торговыя помѣщенія, а для уѣздовъ казенные заводы, но отношеніе между долею Петербурга и уѣздовъ отъ этого существенно не измѣнилось, да по справедливости нѣтъ и основанія къ тому, чтобы облегчить долю Петербурга и отяготить уѣзды. Вѣдь не будь Петербурга, и требованія отъ уѣздовъ были бы совсѣмъ не тѣ, какъ нынѣ. Достаточно сказать, что почти половина всего губернскаго бюджета уходитъ на содержаніе и постройку губернскихъ же дорогъ. Не будь тутъ столицы, не было бы, можетъ быть, и половины тѣхъ дорогъ, и во всякомъ случаѣ требованія относительно ихъ содержанія были бы иными; и повальныхъ болѣзней было бы менѣе, и перевозки по губернскимъ дорогамъ не требовали бы одни трехъ слишкомъ тысячъ рублей, и содержаніе самаго управленія стоило бы меньше. На губернскіе пути сообщенія издержано, со времени открытія губернской управы, до ноября прошлаго года, 125½ т. р. — сумма весьма значительная при общемъ губернскомъ бюджетѣ всего до 90 т. р. Вообще успѣхи губернской управы по приведенію въ порядокъ дорогъ и мостовъ, съ постепеннымъ шоссированіемъ, едва ли не замѣтнѣе всѣхъ прочихъ успѣховъ, и извѣстно, что при большихъ маневрахъ, происходившихъ лѣтомъ прошлаго года, этотъ успѣхъ земства получилъ оффиціальное признаніе. При этомъ наши казенныя хозяйственныя управленія должны бы обратить вниманіе на такой фактъ, что петербургское земство признало хозяйственный способъ исполне-

нія работъ болѣе выгоднымъ для сбереженія средствъ, чѣмъ способъ подрядный.

Расходы по народному продовольствію за три послѣдніе года опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ 1867 и 1868 годахъ были неурожай, и на губерніи къ половинѣ 1868 года состояло долгу общему продовольственному капиталу 50 т. р. Но въ 1870 и 1871 годахъ ссуды селеніямъ изъ губернскаго продовольственнаго капитала погребовались въ ничтожномъ размѣрѣ, и въ настоящее время долгъ общему продовольственному капиталу уплаченъ, но за то наличный губернский капиталъ противъ 1867 года состоитъ почти на 30 т. р. менѣе, да въ ссудахъ за уѣздами состоитъ около 50 т. р. болѣе чѣмъ въ 1867 году, въ общемъ же результатѣ сумма продовольственнаго капитала противъ 1867 года возрасла почти на 23 т. р.

Прошлый годъ потребовалъ особыхъ средствъ на врачебную часть, по случаю появленія холеры. Сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ губерніи, за исключеніемъ Петербурга, холера развивалась въ Новоладожскомъ уѣздѣ. Мѣры, принятія губернскою управою для оказанія помощи этому уѣзду состояли въ отправленіи туда пятерыхъ медицинскихъ студентовъ, посылкѣ фельдшерскихъ инструментовъ и лекарствъ и ассигнованіи въ пособіе уѣзду пятисотъ рублей изъ губернскихъ суммъ. Петербургскому уѣзду было оказано пособіе изъ губернскихъ суммъ по случаю появленія холеры въ слободѣ Рыбацкой (15 верстъ отъ Петербурга по шлиссельбургскому тракту). Холера въ Рыбацкой развивалась чрезвычайно сильно, и на пособіе тамъ губернская управа, по требованію уѣздной, ассигновала триста рублей. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то изумительное обстоятельство, что по уѣздной смѣтѣ на этотъ предметъ не было назначено никакой суммы! Вѣдь холера въ Петербургѣ открылась еще осенью 1870 года и развитіе ея было только прервано наступленіемъ зимы. Неужели же петербургская уѣздная управа не предвидѣла, что та же возможность возникновенія холеры весной, какая всѣмъ была признаваема для Петербурга, представлялась и для окружающихъ Петербургъ селеній? Это упущеніе составляетъ фактъ столь замѣтный, что нельзя на немъ не остановиться. Холера вообще уже показала нѣсколько примѣровъ того, какъ мало выдержанности и способности къ серьезному труду въ нашей общественной дѣятельности, разумѣя здѣсь не одну дѣятельность земства, конечно. Холерная эпидемія посѣтила Петербургъ уже четыре раза, въ томъ числѣ три раза за послѣдніе 24 года, а именно въ 1848, 1866 и 1871 годахъ. И что же? Каждый разъ она заставляла насъ врасплохъ. Всѣ приготовленія и соображенія о мѣрахъ начинались уже тогда, когда эпидемія начала свое разрушительное дѣйствіе. Если опытъ 1866 года послужилъ поученіемъ для 1870 и 1871 годовъ, то едва ли мы ошибемся сказавъ,

что это зависѣло отъ того, что начальникомъ полицейскаго управленія оставалось то же самое *лицо*, которое и примѣнило къ новому случаю *свою* прежнюю опытность. Въ самомъ дѣлѣ, для предупрежденія развитія холеры въ Петербургѣ въ 1871 были заблаговременно приняты мѣры только по очисткѣ дворовъ. Мѣры эти были въ дѣйствительности весьма полезны, но развѣ же въ приготовленіяхъ слѣдовало ограничиться одной очисткою? А вѣдь холера въ 1871 году, точно также какъ и прежде застала насъ неимѣющими ни суммы, ни штатовъ на усиленіе врачебной части, ни свода статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ во время прежнихъ эпидемій, ни вообще того стройнаго, заранѣе обдуманнаго специалистами положенія, которое стоило бы только привести въ дѣйствіе. Все приходилось не только дѣлать, но и соображать вновь, не исключая и лучшаго способа леченія. Несмотря на то, что появленіе довольно сильной холеры осенью 1870 года предвѣщало развитіе ея весною слѣдующаго года, не было даже припасено достаточно специфическихъ лекарствъ, такъ что „летучія аптечки“ стали готовить, когда уже холера вновь развивалась и было время, когда въ аптекахъ отказывали покупателямъ за неимѣніемъ запаса этихъ „аптечекъ“. А куда дѣвались всѣ тѣ наблюденія и статистическія данныя, которыя были собраны врачебнымъ комитетомъ 1848 года? Были ли они разработаны и систематизированы, были ли извлечены изъ нихъ практическіе выводы? Сколько намъ извѣстно, ничего этого сдѣлано не было, и всѣ тѣ данныя такъ и остались подъ спудомъ. Хорошо если врачъ, практиковавшій уже въ 1848 году, самъ сохранилъ свои личныя наблюденія того года; онъ и могъ употребить ихъ въ дѣло въ послѣдующіе годы. Но найти сводъ наблюденій, справиться, напр., съ успѣхомъ леченія по той или другой системѣ въ 1848 году, даже врачъ не могъ.

Во время холеры мы готовы горячо браться за дѣло, но лишь только опасность миновалась, то все добытое нами изъ опыта сдается въ архивъ и мы не хотимъ его знать, точно повтореніе опасности уже совершенно невозможно. Это до такой степени вѣрно, что даже во врачебныхъ приемахъ, повторяемъ, собственный нашъ опытъ почти пропадаетъ даромъ, хотя за нимъ все-таки слѣдить нѣчто вѣчное и серьезное, именно наука. Такъ въ холеру 1871-го года, нѣкоторые врачи принимались дѣлать вновь наблюденія надъ такими способами леченія, которые уже были испытаны и оказались безуспѣшными въ 1848-мъ году. А большинство врачей дѣйствовало на основаніи выводовъ, сдѣланныхъ не изъ нашихъ опытовъ, а изъ опыта Парижа въ 1867-мъ году! Если мы такъ мало можемъ отыскивать плоды прежнихъ своихъ опытовъ, даже въ дѣлѣ собственно врачеванія, то гдѣ же намъ имѣть налицо, на случай нужды, результаты опытовъ ю

всѣмъ другимъ статьямъ, которыхъ не хранить ни медицинскіе журналы, ни цѣлое сословіе, постоянно занимающееся тою же профессіею?

Со стороны петербургской уѣздной управы совершенно необъяснимо такое упущеніе, какъ то, что ею не было испрошено по сметѣ вообще никакой суммы на расходы по слишкомъ вѣроятной въ то время холерѣ. Но того факта, напр., что холера можетъ грозить особой опасностью именно Рыбацкой свободѣ, уѣздная управа могла и не знать. Откуда ей знать это, когда наблюденія 1848-го года такъ и пропали безъ всякаго вывода? Петербургская уѣздная управа, узнавъ наконецъ, что въ одной деревнѣ, называемой Рыбацкой слободою заболѣло холерою 26 ¹⁾ человекъ, да еще холериною 48, могло быть очень удивлено такимъ страшнымъ мѣстнымъ развитіемъ эпидеміи—и больше ничего. Но всѣ, кто ѣзжалъ по шлиссельбургскому тракту еще въ 1848-мъ году, помнятъ, что и тогда именно въ Рыбацкой слободѣ холера приняла непомерное развитіе и была сильная смертность; такъ что это должно зависѣть отъ какихъ-либо причинъ, которыя быть можетъ своевременными мѣрами можно было и устранить. Вѣдь какъ разъ напротивъ этой деревни, на томъ берегу Невы находится колонія, гдѣ холеры не бывало, хотя правый берегъ Невы не извѣсть вовсе отъ холеры, чему доказательствомъ служило всегда сильное развитіе ея на Охтѣ и на Васильевскомъ острову. По всей вѣроятности въ Рыбацкой есть именно мѣстныя причины, въ виду которыхъ необходимо было принять мѣры на 1871-й годъ впередъ, такъ какъ осень 1870-го года уже произвела холеру въ Петербургѣ. Но уѣздное земство не назначало по сметѣ даже „никакой на этотъ предметъ суммы“!

Болезни на Петербургъ постоянно идутъ съ востока. Такъ и чума рогатаго скота, и сибирская язва въ 1871-мъ году появились первоначально въ Новоладожскомъ и Шлиссельбургскомъ уѣздахъ. Относительно чумы, въ отчетѣ прямо указанъ слѣдующій фактъ: болѣзнь эта занесена была гуртомъ купца Суздальцева, пришедшимъ изъ низовыхъ губерній и дошедшихъ до Петербурга чрезъ Новую Ладогу и Шлиссельбургъ. „Заболѣвшія животныя этого гурта были продаваемы за безцѣнокъ и спекулянты не преминули этимъ воспользоваться: мясо, кожа, кости, рога, словомъ всѣ части дешево купленныхъ воловъ разносились на пути слѣдованія гуртовъ“. Отчетъ свидѣтельствуетъ, что и быстрое распространеніе и продолжительность заразы, несмотря на принимаемыя мѣры, обусловливаются неосторожностью крестьянъ и неисполненіемъ ими мѣръ, совѣтуемыхъ ветеринарами. Замѣтимъ, что въ подобномъ нарушеніи санитарныхъ мѣръ сказываются главнымъ образомъ двѣ причины: остатокъ опасеній крестьянъ вообще имѣть дѣла съ полиціею и нежеланіе понести потерю. Первый изъ этихъ мо-

¹⁾ Изъ нихъ умерло 17.

тивовъ побуждаетъ крестьянина зарывать павшее животное, не давая о томъ знать. Въ этомъ отношеніи мировые судьи, несмотря на глубину послѣдствій такого поступка, все-таки не должны выражать слишкомъ большой строгости; допустивъ даже, что становые въ качествахъ своихъ сдѣлали исполнскіе шаги „на пути къ прогрессу“, слишкомъ ясно, что нравы, взгляды народа не могутъ слѣдовать по этому пути съ равной быстротою. Но второй изъ мотивовъ, который выражается просто сдираниемъ съ павшаго животного шкуры и продажей ея, есть уже только обереганіе себя отъ убытка, и за это дѣйствіе, или за распродажу завѣдомо больного скота — какъ то было съ гуртомъ Суздальцева — нѣтъ причины оказывать какую бы то ни было снисходительность, какъ бы великъ ни былъ для крестьянина ущербъ, предстоящій отъ падежа скотины.

Мѣры петербургскаго губернскаго земства по народному образованію относятся собственно къ приготовленію учителей для начальныхъ училищъ, а содержаніе этихъ училищъ остается на попеченіи уѣздовъ, городскихъ и волостныхъ обществъ. На земскія суммы учреждены были 20 стипендій въ педагогическихъ курсахъ при андреевскомъ приходскомъ училищѣ въ Петербургѣ и производились лѣтніе педагогическіе курсы для учителей начальныхъ народныхъ училищъ. Такіе курсы были устраиваемы въ 1870-мъ году въ трехъ городахъ губерніи и мы говорили въ свое время о нихъ, а также и о встрѣченыхъ ими затрудненіяхъ. Въ 1871-мъ году, курсы эти были устроены въ Петербургѣ, Гдовѣ, Новой-Ладогѣ и Лугѣ. Учителей и учительницъ на нихъ являлось въ 1870-мъ году—42, а въ 1871-мъ году уже 73. Педагогическіе курсы при андреевскомъ училищѣ закрыты, но по ходатайству земства, стипендіатамъ его, уже бывшимъ на этихъ курсахъ, разрѣшено окончить свое двухгодичное образованіе въ особыхъ курсахъ, устроенныхъ для нихъ на счетъ земства. На народное образованіе вообще по сметамъ губернскаго земства было ассигновано въ 1870-мъ году 3,663 р., въ 1871-мъ г. 7,800 р., и на 1872-й годъ внесено уже 10 т. р., при чемъ исполнительный комитетъ земства по народному образованію внесъ въ собраніе проектъ объ учрежденіи земской учительской школы—проектъ, рассмотрѣніе котораго собраніемъ отложено по неполнотѣ доклада управы по этому предмету. Издержки же уѣздныхъ земствъ петербургской губерніи на содержаніе школъ составляетъ 26,877 р., такъ что всѣ издержки земства губерніи на этотъ предметъ доходятъ до 37 т. р. Собственно Петербургскій уѣздъ одинъ издерживаетъ на школы почти треть всей цифры расхода уѣздовъ на этотъ предметъ, а именно 7,500 р., за нимъ идетъ Царскосельскій. Шлиссельбургскій же уѣздъ находитъ возможнымъ ограничить свою издержку на дѣло образованія 504-мя рублями.

Вообще нельзя не замѣтить неравномѣрности уѣздныхъ издержекъ

одинаковыя цѣли. Пусть одни уѣзды дають пособія на изданіе стнхъ вѣдомостей, другіе не дають. Это, положимъ, дѣло желанія; -моль въ Лугѣ не станемъ читать ямбургскихъ вѣдомостей. Но го ли пользы принесутъ издержки Царскосельскаго уѣзда въ 700 р. составленіе юридическаго описанія недвижимыхъ имуществъ въ цѣ; когда другіе уѣзды издержекъ у себя съ этой цѣлью не про-одать? На народное образованіе уѣздъ Петергофскій изъ бюджета 59 т. р. удѣляетъ 2,300 р., а уѣздъ Гдовскій изъ бюджета въ 57), т.-е. почти равнаго, удѣляетъ на это всего 1,500 рублей. Еще стран-е весьма различны и съ бюджетомъ несоразмѣрны даже суммы ас-тупаемыя на *непредвидѣнные* расходы. Петербургскій уѣздъ предви-тъ непредвидѣнныхъ расходовъ $5\frac{1}{4}$ т. р. на бюджетъ въ 94 т. р.; ть онъ и стоитъ, вмѣстѣ съ Царскосельскимъ, въ особыхъ условіяхъ. почему Гдовскій уѣздъ изъ бюджета въ 57 т. р. владеть 2 т. р. непредвидѣнные расходы, когда Ново-ладожскій изъ бюджета почти внаго полагаетъ на это вдвое меньше, всего 1 т. р.? А вѣдь опытъ слѣднiago же года указываетъ, что въ Ново-ладожскомъ уѣздѣ не-едвидѣнные расходы могутъ потребоваться совершенно настоятельно, енno внезапнымъ появленіемъ эпидеміи.

Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что въ такой неравномѣрно-и издержекъ земства разныхъ уѣздовъ на однѣ и тѣ же цѣли, ражается не только различіе мѣстныхъ потребностей (потребность : образованіи, напр., вездѣ одинакова), но и существенное разногла-: во взглядахъ на важность разныхъ цѣлей; короче, что дѣятель-сть земствъ не только разныхъ губерній, но даже и разныхъ уѣз-въ одной губерніи, при совокупности почти одинаковыхъ условій, етъ нѣсколько въ разбродѣ. Тѣ свѣдѣнія, какія, независимо отъ стнхъ распредѣленій, имѣются о самомъ ходѣ земскихъ дѣлъ по-адамъ, вполне подтверждаютъ фактъ значительнаго разногласія въ : направленіи земской дѣятельности. Защитники принципа полной : самостоятельности уѣзда, какъ земской единицы, не находятъ въ та-мъ разногласіи ничего аномальнаго. Но нельзя не замѣтить, что : шій успѣхъ дѣятельности земства требуетъ именно солидарности и : щности направленія. Вотъ въ какомъ- смыслѣ самое положеніе о : мскихъ учрежденіяхъ страдаетъ весьма чувствительнымъ пробѣломъ. : говоря уже о томъ, что земства различныхъ губерній совершенно : зобщены между собою, и самыя уѣздныя земства одной губерніи : поставлены подъ общее руководство губернскаго собранія, которое, : стоя изъ представителей тѣхъ же уѣздныхъ земствъ, имѣло бы по-ществу дѣла полное право служить и высшимъ представительствомъ : уѣзднымъ дѣламъ. Предоставленіе губернскому собранію нѣкото-й доли вліянія на общее направленіе уѣздной дѣятельности могло : только принести пользу, устраняя тѣ старанія, которыя могутъ

быть безплодны именно потому, что они не согласованы между собою. Въ настоящемъ положеніи дѣла, большаго единства земскихъ дѣятельности возможно все-таки достигать посредствомъ включенія большаго числа статей расхода въ смѣту губернскую, а не уѣздную и петербургское земство хорошо бы сдѣлало, еслибы послѣдовало въ этомъ отношеніи примѣру земствъ нѣкоторыхъ иныхъ губерній.

Кромѣ государственнаго бюджета, другой обычный предметъ январьской хроники—отчетъ оберъ-прокурора св. синода, не отличается на этотъ разъ почти ничѣмъ новымъ, за исключеніемъ предположенія духовнаго управленія объ отиѣнѣ отдѣльнаго существованія духовной цензуры. Комиссія, которой былъ порученъ пересмотръ духовной цензурнаго устава, предположила освободить отъ предварительной цензуры духовныя періодическія изданія, если издатели того пожелаютъ, и за нѣкоторыми исключеніями всѣ оригинальныя духовныя сочиненія, имѣющія объемъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ, и переводныя объемомъ не менѣе 20 листовъ, а также повсемѣстно все вообще сочиненія священнослужителей, за исключеніемъ собственныхъ догматическихъ; однако сочиненія священнослужителей предположено оставить подъ *наблюденіемъ* (?) архіереевъ. Означаетъ ли это—представленіе такихъ сочиненій на предварительный просмотръ архіереевъ, мы не знаемъ. Затѣмъ, всѣ догматическо-богословскія сочиненія положено оставить подъ цензурою и издавать не иначе какъ съ разрѣшенія синода. Наконецъ, комиссія предположила *считать* духовную цензуру со свѣтскою, такъ чтобы она принадлежала только цензурнымъ комитетамъ и главному управленію по дѣламъ печати, но съ тѣмъ чтобы во всѣ эти учрежденія были назначены лица съ высшими духовно-учеными степенями. Въ предположенныхъ же началахъ къ вводу общей цензуры включено правило о преслѣдованіи судимымъ порядкомъ всѣхъ вообще сочиненій, въ которыхъ будетъ усматрѣно богохуленіе, кощунство или такое направленіе, котораго дѣломъ было бы признано привлеченіе и совращеніе православныхъ въ иное исповѣданіе или ересь. Предположенія комиссіи были рассмотрѣны синодомъ и въ прошломъ, т.-е. 1871-мъ году, были переданы въ комиссію, учрежденную подъ предсѣдательствомъ князя Урусова, для пересмотра вообще цензурныхъ постановленій. Такъ какъ рассмотрѣніе самого проекта, составленнаго этой послѣдней комиссіею, по слухамъ отложено, то излишне было бы заниматься теперь разборомъ однихъ предположеній комиссіи о духовной цензурѣ. Замѣтимъ только, что послѣднее изъ нихъ явно основано на тѣхъ старыхъ узаконеніяхъ отрицающихъ самый принципъ религіозной свободы, которыя по общему убѣжденію уже рѣшительно не соотвѣтствуютъ гуманнымъ стремленіямъ современнаго общества, отрицающимъ всякое преслѣдованіе

дѣлѣ совѣсти, которое должно быть исключительно дѣломъ личнаго внутренняго убѣжденія.

Притомъ, тутъ есть и неясность, весьма опасная на практикѣ: если будущая духовно-свѣтская цензура найдетъ, что всякое богословское и даже историческо-церковное сочиненіе, написанное лютераниномъ или католикомъ, можетъ быть признано привлеченіемъ и совращеніемъ православныхъ?—какъ тутъ быть? Можно ли напечатать рѣчь Лютера о ютивѣ католицизма, если Лютеръ оспариваетъ какой-нибудь принципъ, общій католичеству и православію? можно ли напечатать сочиненіе, слагающее преимущества протестантской церкви, безъ опасенія быть обвинену въ замыслахъ совращенія?

Вообще говоря, въ настоящую минуту мы не беремъ на себя вѣшать вопросъ: выиграетъ ли духовная цензура отъ ея сліянія съ свѣтскою, или свѣтская потеряетъ вслѣдствіе предстоящаго ихъ единенія?

Извѣстно, что отчеты по духовному вѣдомству, какъ и отчеты государственнаго контроля представляются по прошествіи не года, почти полныхъ двухъ лѣтъ. Такъ въ минувшемъ январѣ публиковался отчетъ оберъ-прокурора за 1870-й годъ, въ то время когда вышелъ уже и отчетъ контроля за тотъ же годъ. Такое промедленіе понятно въ отчетахъ контроля, такъ какъ исполненіе росписи включается только въ половинѣ года слѣдующаго за тѣмъ, по который она составлена. Такой причины нѣтъ для отчетовъ по другимъ вѣдомствамъ, а между прочими и вѣдомства оберъ-прокурора внода. Новаго въ этихъ отчетахъ вѣроятно ничего и не будетъ о тѣхъ поръ, когда будетъ осуществлено устройство духовно-учебной части. Что касается ясности и полноты, качествъ, которыми о нѣкоторой степени постепенно болѣе и болѣе усваиваются нашею финансовою росписью и контрольнымъ отчетомъ, то и въ этомъ отношеніи отчеты духовнаго вѣдомства, или по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя публикуются, не идутъ впередъ. Въ отчетѣ за 1870-й годъ, при всей его обширности, мы не находимъ точнѣйшаго указанія ни на нужды духовенства, ни на предположенія духовнаго управленія. Въ сущности повторяются тѣ же наблюденія, казываются тѣ же общіе факты и приводятся цифры весьма близкія къ прежнимъ. Замѣчательно, напримѣръ, что цифры, выражающія число обращеній въ православіе и сумму добродѣтельныхъ приношеній на церкви и монастыри, изъ году въ годъ весьма близки.

Нашъ духовный отчетъ за 1870-й годъ обратилъ между прочимъ особое вниманіе на весьма важный фактъ, происшедшій въ средѣ римско-католической церкви, именно на провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости и возникшее, вслѣдствіе того, оппозиціонное въ католичество движеніе. Что отчетъ упоминаетъ о крупномъ фактѣ

современнаго нравственнаго движенія, вполнѣ естественно; относится къ нему отчасти совершенно вѣрно. Но тѣмъ болѣе желательно бы бы знать мнѣніе нашего высшаго духовнаго управленія и о желаніяхъ или стремленіяхъ ближайшей намъ духовной среды, и вообще вложенія въ отчетъ живого отношенія къ современности. Теперь же, и изъ нынѣшняго отчета узнаемъ, наприимѣръ, что нѣкоторые преемственныя предоставляютъ избраніе благочинныхъ самому духовенству, и узнаемъ также, что такіа мѣры сопровождалась полнымъ успѣхомъ; но ни однимъ словомъ не выражено какъ же относится къ развитію выборнаго начала вообще въ церковномъ управленіи само наше высшее духовное управленіе; какъ смотритъ оно на тѣ несомнѣнныя стремленія въ этомъ смыслѣ, которыя высказались въ средѣ нашего собственнаго духовенства? Отчетъ могъ бы много выиграть и привести болѣе пользы самому духовенству, еслибъ онъ касался прямѣе и ближе вопросовъ современной жизни, такъ какъ дѣятельность духовенства не должна бы ни оставаться чуждою потребностямъ современнаго общества, ни даже сама безусловно замыкаться отъ тѣхъ его стремленій, которыя вполнѣ согласимы съ вѣрою.

Фактъ провозглашенія догмата папской непогрѣшимости отчетъ упоминаетъ слѣдующимъ образомъ: „Папа Пій IX, въ своемъ стремленіи довести папство до послѣднихъ предѣловъ его величія, дошелъ до такого ослѣпленія, что не усомнился. поставить себя выше челоувѣчества и усвоить себѣ и своимъ преемникамъ свойство, непринadleжащее челоувѣческой природѣ“. Охарактеризовать такимъ образомъ совершенно вѣрно самый фактъ, и назвавъ это новое ученіе „противнымъ ученію божественному и несообразнымъ съ самымъ духомъ христіанства и здравымъ смысломъ“, отчетъ указываетъ на то замѣчательное явленіе, что именно вслѣдствіе провозглашенія папской непогрѣшимости обнаружилось въ нѣкоторыхъ католическихъ средахъ стремленіе къ обращенію въ православное исповѣданіе. Впрочемъ отчетъ и здѣсь, къ сожалѣнію, выказалъ обычную несклонность относиться яснымъ образомъ къ фактамъ современной жизни. Что новыя догматы возмутить совѣсть многихъ католиковъ, это отчетъ говоритъ, но не упоминаетъ о конгрессахъ старо-католиковъ и о побѣдахъ въ Мюнхенѣ профессора Осинина. Правда, эти факты относятся ужъ къ 1871-му году, но вѣдь отчетъ по другимъ статьямъ не исключаетъ безусловно факты 1871-го года, когда они существенно нужны для дополненія изложенія.

Какъ же было, относясь къ историческому факту провозглашенія папской непогрѣшимости, о возникшемъ, какъ послѣдствіе его, смущеніи совѣсти католиковъ и не упомянуть равно какъ и о мюнхенскомъ конгрессѣ, на которомъ было торжественно провозглашено старо-католиками желаніе воссоединенія церквей?

Но отчетъ упоминаетъ только о личныхъ случаяхъ обращенія. Изъ нихъ имѣетъ значеніе, въ связи съ папской непогрѣшимостью, только переходъ въ православіе въ Петербургѣ 21 католиковъ-чеховъ, а также еще нѣсколькихъ чеховъ внутри имперіи. Чехи, какъ извѣстно, прямо объявили, что къ оставленію католичества ихъ побудило провозглашеніе догмата непогрѣшимости папы. Вообще католиковъ перешло въ православіе въ прошломъ году въ разныхъ епархіяхъ около 3,000 душъ, а лютеранъ 969 душъ, въ томъ числѣ 603 въ одной рижской епархіи. Если не ошибаемся, число обращенныхъ изъ лютеранства превосходитъ примѣры послѣднихъ лѣтъ; число же обращенныхъ изъ католичества держится почти на той же цифрѣ, какъ въ 1869-мъ году (3,332). Цифра обращенныхъ изъ магометанства на этотъ разъ въ отчетѣ вовсе не показана, между тѣмъ какъ въ прошлогоднемъ отчетѣ она была болѣе 8-ми тысячъ душъ. Извѣстно, что пропаганда въ средѣ мусульманской наиболѣе трудна. Столь значительная въ 1869-мъ году цифра обращеній здѣсь объяснялась причиною болѣе политическою, чѣмъ религіозною, такъ какъ почти все число обращеній послѣдовало собственно въ Абхазіи, чему содѣйствовало выселеніе жителей, отличающихся мусульманскимъ фанатизмомъ. Татарская же среда въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ, по отзыву отчета, „оказывается едва ли не самою неблагодарною“ для успѣха миссіонерскаго дѣла. „Сравнительно съ предшествовавшими годами, продолжаетъ отчетъ, менѣе было прискорбныхъ случаевъ совращенія крещенныхъ татаръ въ магометанство, но съ другой стороны, весьма немногочисленны были и случаи обращенія магометанъ къ христіанству.“

Съ несравненно болѣшимъ успѣхомъ идетъ миссіонерская дѣятельность среди прочихъ инородцевъ востока: черемисовъ, чувашей, мордвы и вотяковъ. Прежде чѣмъ перейти къ дѣйствию миссіонерства среди раскола, остановимся еще на минуту на пропагандѣ среди лютеранъ, тѣмъ болѣе, что на обстоятельство это обращается вниманіе и за границу, гдѣ не всегда вѣрно его толкуютъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманіе письмо, недавно присланное въ редакцію „Голоса“ г. Вурстембергеромъ, швейцарскимъ членомъ депутаціи евангелическаго союза. Изъ этого письма мы теперь приведемъ только слѣдующія строки: „я объѣздилъ теперь всѣ три прибалтійскія провинціи и хотя имѣлъ случай убѣдиться, что въ предѣлахъ остзейскаго края всякія религіозныя преслѣдованія—въ настоящее время, по крайней мѣрѣ—прекратились, однако не подлежитъ сомнѣнію, что возможность ихъ, все-таки, существуетъ и что они могутъ возобновиться еще съ болѣею силой, доказательствомъ чему могутъ служить многіе факты, совершающіеся и теперь еще, недалеко отъ остзейскихъ границъ.“ Г. Вурстембергеру, который самъ былъ на мѣстахъ, должны быть

извѣстны обстоятельства обращеній, и вотъ какъ онъ охарактеризовать пропаганду на двухъ различныхъ точкахъ нашей западной окраины. Его свидѣтельство достаточно убѣждаетъ, что въ губерніяхъ остзейскихъ, хотя случаевъ обращенія было и немало, а именно до 1,000 въ одномъ году, но здѣсь не дѣйствовали нисколько какія-либо преслѣдованія, „по крайней мѣрѣ теперь,“ какъ заботливо оговаривается онъ.

Противъ усилій самой церкви, безъ всякаго понужденія со стороны мѣстныхъ гражданскихъ властей, къ обращенію иновѣрныхъ никто ничего возразить не въправѣ, а православное общество въправѣ и радоваться имъ, и имъ содѣйствовать, лишь бы они носили именно характеръ мирной религіозной борьбы, законной борьбы убѣжденія. Но въ этомъ отношеніи можно удивляться, какъ еще мало сдѣлаю для того, чтобы возможно было надѣяться на успѣхъ именно такой, чисто-христіанской борьбы. Правда, изъ государственнаго казначейства назначено было 600 тысячъ рублей на постройку церквей въ прибалтійскомъ краѣ, и присланы значительныя приношенія съ той же цѣлью извнутри Россіи. Но всего важнѣе было бы видѣть усилія самихъ мѣстныхъ духовныхъ дѣятелей для успѣха ихъ проповѣди среди эстовъ и латышей. А между тѣмъ оказывается, по удостовѣренію отчета, что на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ не существуетъ ни русской исторіи, ни церковной исторіи, ни сборника проповѣдей, ни даже руководствъ къ изученію русскаго языка латышами и эстами и что только недавно, на 1,000 рублей, собранныхъ рижскимъ православнымъ братствомъ, издана и самая русская азбука для эстонцевъ и руководство къ изученію русскаго языка, и только приготовлены къ изданію на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ русская грамматика, словарь для латышей и другія самыя первоначальныя вѣднія для русской проповѣди. Ничего этого не существовало до сихъ поръ, а между тѣмъ число православныхъ эстовъ и латышей, какъ извѣстно, около 150-ти тысячъ душъ, и отчетъ замѣчаетъ, что „духъ православія болѣе и болѣе укрѣпляется въ инородческой православной паствѣ рижской епархіи и сродняется ее съ остальною православною Россіею.“ Нельзя не согласиться, что сродненіе сдѣлало бы большіе успѣхи, еслибы давно были готовы хоть азбука и словарь, для изученія русскаго языка. У насъ часто ссылаются съ нѣкоторымъ раздраженіемъ на успѣхи, какіе дѣлаетъ германизація въ славянскихъ земляхъ, подвластныхъ нѣмцамъ, сравнительно съ успѣхами обрусенія на нашихъ окраинахъ. Между тѣмъ, стоить только сравнить средства: нѣмцы не много заботятся о религіозной пропагандѣ, но объ азбукѣ и словарь они ужъ никакъ не забываютъ. Мы же назначаемъ безъ особеннаго затрудненія сотни тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства, охотно жертвуемъ иконостасы и облаченія, но даже

для отправленія православнаго богослуженія на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ у насъ оказывается недостатокъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ, и комитетъ для провѣрки и продолженія этихъ переводовъ учрежденъ всего въ 1869-мъ году, такъ что онъ еще не успѣлъ ничего вновь и напечатать.

Протестантство, съ которымъ церковь борется на окраинѣ, произвело въ свою очередь любопытное явленіе среди чисто-православнаго населенія въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. Тамъ появилась новая секта „штундистовъ“, о которой въ свое время были, неясныя впрочемъ, извѣстія въ газетахъ. Штундисты отвергали священство, таинство и все внѣшнее обрядовое богослуженіе. Отчетъ о нихъ выражается такъ: „плебелы эти были занесены въ означенный приходъ нѣсколькими лицами изъ крестьянъ, бывшихъ на полевыхъ работахъ у колонистовъ въ Херсонской губерніи, но скоро исторгнуты при пастырскихъ увѣщаніяхъ приходскаго священника, благочиннаго и командированнаго по сему случаю опытнаго увѣщателя изъ духовенства того же уѣзда.“ Относительно миссіонерской дѣятельности среди раскольниковъ вообще нельзя не убѣдиться изъ отчета, что она ведется нынѣ и гуманно, и рачительно, и съ большимъ усердіемъ. Впрочемъ, числовой результатъ ея за 1870-й годъ еще весьма малъ: 2,511 обращеній изъ всего раскольниковьяго населенія имперіи, которое, по показанію военно-статистическаго сборника, вообще принимается въ 8 милліоновъ душъ. Впрочемъ само духовное управленіе, какъ выражено въ отчетѣ, ожидаетъ важныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи только въ будущемъ, и, прибавимъ, имѣетъ полное право ожидать такихъ результатовъ, не столько даже отъ внутреннихъ раздоровъ въ средѣ раскола, сколько отъ успѣховъ образованности. Въ настоящее время, разумѣется, трудно предвидѣть, выработается ли современемъ изъ нѣкоторыхъ сектъ, принадлежащихъ къ такъ-называемой „безпоповщинѣ“, нѣчто такое, что могло бы, подъ влияніемъ образованія, устоять или даже окрѣпнуть. Но не можетъ быть сомнѣнія, что тѣ изъ сектъ, которыя основаны просто на какомъ-нибудь вздорномъ суевѣріи, какъ, напр., скопческая, по мѣрѣ распространенія образованія исчезнутъ. Что касается „поповщины“, то-есть раскола признающаго австрійское священство, съ бѣлокриницкимъ митрополитомъ Кирилломъ во главѣ, то такъ какъ догматическое разногласіе ея съ церковью заключается собственно въ вопросѣ преемства іерархіи, успѣхи образованности по всей вѣроятности и ее приблизятъ къ церкви. Затѣмъ, чѣмъ болѣе сама церковь будетъ склоняться къ осуществленію древне-христіанскаго начала выборнаго управленія, тѣмъ болѣе окажется вѣроятности, что поповцы возвратятся въ лоно церкви, хотя бы и на правилахъ единовѣрія, которыя охраняютъ ихъ обрядовые обычаи. Раздоры въ этой части раскола такъ велики, бѣлокриницкая митрополія, запрашивающая у московскихъ купцовъ по сот-

нямъ рублей, такъ мало можетъ имѣть авторитета, что поповщина и можетъ держаться единственно только потому, что въ ней общество имѣетъ вліяніе на церковныя дѣла вообще и даже на назначеніе пастырей. Вотъ въ сущности все ея *реальное* значеніе. Пусть выборное начало будетъ примѣнено въ церковномъ управленіи православной церкви, и тогда, съ помощью успѣховъ народа въ образованіи, эта секта лишится многочисленныхъ приверженцевъ.

Что касается мѣръ, нынѣ принимаемыхъ какъ къ обращенію раскольниковъ путемъ убѣжденія, такъ и просвѣщенія самого православнаго народа, и какъ сказано въ отчетѣ „чтобы мало-по-малу выводить народъ, особенно поселянъ, изъ того мрака невѣдѣнія въ отношеніи религіи, въ которомъ нѣкоторые изъ нихъ доселѣ находятся“, то для этого на первомъ планѣ стоитъ одно средство, конечно: усердная и живая проповѣдь. Отчетъ выражаетъ надежду, что по мѣрѣ усвоенія самими духовно-учебными заведеніями жизненнаго направленія, должны увеличиться успѣхи проповѣди, и священнослужители окончательно перестанутъ смотрѣть на дѣло проповѣданія какъ на одно неизбѣжное исполненіе начальственныхъ предписаній и относиться къ нему только съ формальной стороны“. Это само по себѣ, конечно, справедливо, но бѣда пожалуй еще не столько въ томъ, если священники говорятъ проповѣди потому, что предписываетъ начальство; бѣда скорѣе въ томъ, если случается, что они не говорятъ проповѣдей или нарочно дѣлаютъ ихъ совершенно безжизненными, изъ опасенія какъ бы „чрезмѣрное“ усердіе не показалось „неумѣстнымъ“. Отчетъ упоминаетъ даже о взысканіяхъ за уклоненіе отъ дѣла проповѣди. Но дѣйствительнѣе и предписаній, и даже взысканій была бы *охота*, собственное желаніе, которыя немислимы безъ нѣкотораго простора и безъ большей снисходительности.

О ходѣ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній достаточно будетъ сказать здѣсь, что св. синодомъ было предположено осуществленіе полного преобразованія всѣхъ среднихъ и высшихъ духовно-учебныхъ заведеній въ теченіе пяти лѣтъ, то-есть именно къ 1871—72 учебному году, но что преобразование всѣхъ семинарій въ 1871 году не могло окончиться потому, что не окончились работы по устройству для нихъ зданій, работы, на которыя разрѣшены и еще испрашиваются вновь значительныя суммы.

Изъ другихъ реформъ, отчетъ, какъ уже сказано, хотя и упоминаетъ о допущеніи выборнаго начала къ избранію благочинныхъ и о стѣздахъ духовенства, но перваго изъ этихъ фактовъ касается крайне сдержанно, говоря только, что многіе архіереи предоставляютъ духовенству право избирать кандидатовъ на должность благочинныхъ. Между тѣмъ отчетъ тутъ же удостовѣряетъ, что благочинные выборы оказываются и лучшими дѣателями, чѣмъ благочинные, назна-

ченныя непосредственно епархіальнымъ начальникомъ. Но развѣ, въ виду такого факта, высшее духовное управленіе не считаетъ себя въ правѣ рекомендовать избраніе благочинныхъ для всѣхъ епархій безъ исключенія? О сѣздахъ духовенства также говорится одобрительно. Но и тутъ говорится только, что такіе сѣзды бывають съ разрѣшенія архіереевъ, и притомъ, что всѣ рѣшенія, принимаемыя на сѣздахъ, приводятся въ исполненіе не иначе какъ съ ихъ утвержденія. Выходитъ какъ будто такъ, что сѣзды духовенства тамъ, гдѣ ихъ разрѣшаютъ архіереи и насколько архіереи утверждаютъ рѣшенія ихъ, приносятъ пользу, но остается неизвѣстнымъ, могла ли бы быть польза отъ такихъ сѣздовъ и тамъ, гдѣ мѣстные архипастыри еще не вызвали сами этого учрежденія.

По весьма важному дѣлу устройства церковно-приходскихъ попечительствъ мы находимъ въ нынѣшнемъ отчетѣ замѣчательныя цифры пожертвованій, собранныхъ такими попечительствами въ нѣкоторыхъ епархіяхъ. Попечительства одной епархіи собирали въ годъ по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей, а въ подольской епархіи ими было собрано даже 138 тысячъ рублей. Мы не разъ уже указывали на важность устройства прочныхъ и самостоятельныхъ приходскихъ общинъ, какъ для дѣла церковнаго, такъ и благотворительности и школы. Вся сила протестантизма въ его свободной приходской общинѣ и ея преобладающемъ значеніи въ дѣлѣ церковнаго хозяйства. У насъ, къ сожалѣнію, отъ приходской общины въ дѣлѣ церковнаго управленія все еще принимаются одни „пожертвованія“. Извѣстно однако, что представленіе общинамъ даже выбора себѣ приходскаго пастыря изъ посвященнаго духовенства не представляло бы ничего анти-каноническаго. Что касается вліянія общины на хозяйственное управленіе приходской церкви, то только за допущеніемъ такого вліянія и можно ожидать коренного улучшенія въ этомъ хозяйствѣ, обилія приношеній, которое дало бы возможность въ каждомъ приходѣ устроить и школу и пріютъ; оно необходимо и для укрѣпленія самой приходской общины. Церковно-приходскія попечительства проникнуты жизнью и силою именно только при такихъ условіяхъ.

Перейдемъ теперь, въ заключеніе, къ одному изъ тѣхъ практическихъ вопросовъ, которые представляются блестящимъ и огромнымъ развитіемъ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, къ вопросу вдвойнѣ „жизненному“, не потому только, что онъ вызывается современной общественной жизнью, но еще и потому, что онъ касается единичной жизни каждаго изъ насъ, въ общемъ качествѣ пассажировъ перевозимыхъ, а иногда задержанныхъ, нерѣдко и убиваемыхъ нашими „подвижными составами“.

„Правительственный Вѣстникъ“ съ нѣкотораго времени сталъ печатать исчисленія несчастныхъ случаевъ, происходящихъ на нашихъ

железныхъ дорогахъ. Изъ этихъ списковъ оказывается, что не проходить недѣли безъ несчастнаго случая, а иногда бываетъ ихъ и по нѣскольку въ одинъ день. Такое прискорбное обстоятельство дѣлаетъ, какъ нельзя болѣе, современнымъ вопросъ объ отвѣтственности железныхъ дорогъ предъ частными лицами. Вопросъ этотъ весьма обстоятельно разработанъ въ статьѣ Б. И. Утина, помѣщенной въ декабрьскомъ номерѣ журнала „Гражданскаго и Торговаго права“, на которую мы и хотимъ обратить вниманіе нашихъ читателей. Число лицъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ на нашихъ железныхъ дорогахъ было: въ 1867 году—216, въ 1868—268, въ 1869—402. Отношеніе этихъ чиселъ къ числу пассажировъ, проѣхавшихъ по железнымъ дорогамъ, авторъ находитъ болѣе невыгоднымъ, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Указывая тѣ начала, которыхъ держатся иностранныя законодательства и судебная практика за-границею, относительно имущественной отвѣтственности железныхъ дорогъ, авторъ ограничивается въ настоящей статьѣ собственно вопросомъ объ отвѣтственности за вредъ, причиненный людямъ.

Примѣръ Англіи въ этомъ отношеніи, конечно, особенно важенъ, такъ какъ тамъ железныя дороги существуютъ на большомъ протяженіи давнѣе чѣмъ гдѣ-либо, и такъ какъ нигдѣ въ Европѣ нѣтъ на дорогахъ столь колоссальнаго движенія, какъ въ Англіи, а наконецъ еще и потому, что нигдѣ для поѣздовъ не принята такая скорость, какъ въ Англіи. Извѣстно, что англійскіе суды присуждаютъ понесшимъ увѣчья и семействамъ лицъ, встрѣтившихъ смерть при несчастныхъ случаяхъ на железныхъ дорогахъ, такія вознагражденія, которыя не только, въ совокупности своей, составляютъ весьма чувствительное для железно-дорожныхъ обществъ побужденіе къ содержанію ея и служащихъ при ней въ исправности, но и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ представляютъ дѣйствительную помощь пострадавшимъ. Напримѣръ: компанія лондонской и сѣверозападной железной дороги въ пятилѣтіе съ 1853 по 1858 годъ уплатила въ вознагражденіе за телесныя поврежденія 110,371 фунтовъ, т.-е. немногимъ менѣе милліона рублей, или по 250 т. р. въ годъ. Въ 1865 году общая сумма вознагражденія, уплаченная англійскими железными дорогами, простирается—за одинъ годъ, замѣтьте—до трехсотъ т. фунтовъ или около двухъ съ половиною милліоновъ рублей. Цифры эти объясняются размахомъ вознагражденій, присуждаемыхъ судомъ въ Англіи въ отдѣльных случаяхъ. Достаточно привести два: на юго-восточной дорогѣ въ 1858 лишился жизни пасторъ Томасъ Вудъ; вдова его осталась безъ средствъ и ей уплачено было 1,500 фунтовъ, или около 12 т. р.; на брайтонской дорогѣ въ 1866 погибли супруги Дру, оставивъ послѣ себя пятерыхъ сиротъ; этимъ дѣтямъ компанія была присуждена уплатить 8 т. фунтовъ, т.-е. капиталъ около 65 тысячъ рублей.

Таковыми мѣрами достигается, во-первыхъ, цѣль обезпеченія или

вознагражденія пострадавшихъ, а во-вторыхъ, и притомъ самымъ практическимъ образомъ предупреждается небрежное отношеніе къ дѣлу безопасности пассажировъ со стороны желѣзнодорожныхъ компаній: имъ нѣтъ никакого расчета нанимать за полцѣны какихъ-нибудь пьяныхъ служащихъ, или откладывать нужныя починки, когда все это можетъ отозваться на ихъ карманѣ такою совокупностью пеней, которая превышаетъ цифру подобныхъ „сбереженій“, дѣлаемыхъ въ ущербъ безопасности пассажировъ. Замѣтимъ еще, что англійскіе суды присуждаютъ насчетъ компаній вознагражденіе не только за прямое увѣчые, но и за иное разстройство здоровья, если оно произошло по винѣ администраціи. Сверхъ того, есть даже примѣры, что суды присуждали компанію уплатить пассажиру, который лишился какой-либо выгодной сдѣлки по неаккуратности отъ хода поѣздовъ, вознагражденіе равное доказанному имъ ущербу. Относительно же собственно несчастныхъ случаевъ въ Англіи, обязанность доказать, что случай этотъ произошелъ по винѣ управленія, не лежитъ на истцѣ; наоборотъ, самому управленію предоставляется доказывать, что случай произошелъ не отъ его вины и не отъ вины его служащихъ.

Тотъ же принципъ признанъ и французскимъ законодательствомъ. Во Франціи отвѣтственность желѣзнодорожныхъ компаній опредѣляется тѣми общими статьями наполеонова кодекса, въ которыхъ установлена отвѣтственность каждаго за вредъ, причиняемый другому его небрежностью или неосторожностью, а также небрежностью и неосторожностью лицъ или уполномоченныхъ или служащихъ у него. Въ германскомъ законодательствѣ недавно также состоялся законъ о вознагражденіи, насчетъ „предпринимателя“ желѣзной дороги, лицъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ на ней, если предприниматель не докажетъ, что несчастіе произошло отъ дѣйствія неотвратимой силы (*höhere Gewalt*, *force majeure*) или по винѣ самого пострадавшаго. Итакъ, и здѣсь признается принципъ отвѣтственности компаній за небрежность ихъ служащихъ. Для исковъ о вознагражденіи, германскій законъ опредѣлялъ срокъ не однолѣтній, какой принять въ Англіи, но двухгодичный.

Въ Россіи до сихъ поръ, несмотря на множество несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ, дѣла эти доходили до суда уголовного или гражданскаго очень рѣдко. Кромѣ извѣстнаго дѣла о гибели на рязанско-козловской дорогѣ поѣзда, который пьяные машинисты и оберъ-кондукторъ вели со скоростью ста верстъ въ часъ, имѣется въ виду еще только дѣло по несчастію на петергофской дорогѣ и нѣсколько исковъ предъявленныхъ грузоотправителями. Дѣло на рязанско-козловской дорогѣ, при которомъ убиты 7 человѣкъ и сто ранено, повело къ присужденію машиниста Ланге къ аресту на 3 недѣли, оберъ-кондуктора Якоби къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца, а двухъ начальниковъ станцій къ аресту на гаупвахтѣ на 2 съ полов.

и 1 мѣсяцъ. Оказывается, что законы наши объ отвѣтственности по несчастнымъ случаямъ на желѣзныхъ дорогахъ до того неопредѣленны, что прокурорскій надзоръ предлагалъ примѣненіе статьи, полагающей лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжную работу на 8—12 лѣтъ, а дѣло кончилось опредѣленіемъ четырехмѣсячнаго тюремнаго заключенія для наиболѣе виновнаго изъ судившихся лицъ. При предъявленіи же въ той же компаніи исковъ гражданскихъ со стороны семействъ убитыхъ лицъ, возникалъ еще вопросъ о томъ, можно ли, на основаніи закона, привлечь компанію къ отвѣтственности, въ качествѣ третьяго лица, за дѣйствія ея агентовъ.

При такомъ положеніи дѣла, авторъ статьи весьма справедливо настаиваетъ, чтобъ при обсужденіи „проекта положенія объ эксплуатациіи желѣзныхъ дорогъ“, въ этомъ положеніи непременно были осуществлены слѣдующія начала: 1) перенесеніе на правленія желѣзныхъ дорогъ, какъ условія для освобожденія отъ отвѣтственности, обязанности доказать, что несчастіе произошло отъ причинъ, которыя нельзя было предотвратить никакими мѣрами; 2) признаніе за служащими на дорогахъ, пострадавшими при исполненіи обязанностей, права на вознагражденіе, хотя бы даже они сами совершили неосторожность, исполняя свой долгъ. Впрочемъ, важнѣйшее требованіе автора заключается въ томъ, чтобы въ проектъ была включена статья въ слѣдующемъ смыслѣ: „судъ, признавъ желѣзную дорогу обязанною отвѣчать за вредъ и убытки, опредѣляетъ размѣръ ихъ по своему усмотрѣнію, основанному на соображеніи обстоятельствъ дѣла, съ истребованіемъ предварительно, когда найдетъ то нужнымъ, заключенія свѣдущихъ людей“. Необходимость предоставить размѣръ вознагражденія усмотрѣнію суда очевидна изъ невозможности точно выяснитъ ущербъ, причиняемый лицамъ отъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ. Совершенно раздѣляя мнѣнія автора, мы съ своей стороны прибавимъ, что необходимо при слѣдствіяхъ по несчастнымъ случаямъ на желѣзныхъ дорогахъ тщательно опредѣлять, насколько каждый данный случай могъ быть предупрежденъ соблюденіемъ правилъ осторожности не только при движеніи, но и при самой постройкѣ. Затѣмъ необходимо возбужденіе отвѣтственности строителей и пріемщиковъ дороги, независимо отъ присужденія компаніи къ вознагражденію пострадавшихъ. Наши желѣзныя дороги еще вновь: если уже теперь несчастные случаи на нихъ нерѣдки, что-то будетъ еще, когда и земляныя насыпи опадутъ, и шпалы попортятся, и подвижной составъ постарѣетъ!

ИЗЪ СУДЕБНАГО МІРА

Посвящается «Московскимъ Вѣдомостямъ».

Во внутреннемъ обзорѣи послѣдней, январской книжки „Вѣстника Европы“ обращено, между прочимъ, вниманіе на цѣлый рядъ статей, напечатанныхъ въ концѣ истекшаго года „Московскими Вѣдомостями“ противъ судебной реформы и по достоинству оцѣнена вся эта агитація, поднятая московскимъ ех-потентатомъ. Но оцѣнка эта, сдѣланная въ общихъ чертахъ, сама по себѣ едва ли достаточна. Риторы пошиба г. Каткова, какъ извѣстно, не имѣютъ привычки дѣйствовать спроста, они, по большей части, поднимаютъ звонъ, бьютъ въ набатъ въ то время, когда знаютъ, что онъ въ состояніи произвести тревогу. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, напрасная тревога, поднятая въ Москвѣ, должна, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ остаться въ Петербургѣ безъ послѣдствій. Да и сами „Московскія Вѣдомости“ стараются теперь уже отретироваться на попятный дворъ. Но чтобы имъ впредь не повадно было такъ дѣлать и затѣвать наѣзды въ область судебной реформы, нельзя оставить всѣ безчинства послѣдняго наѣзда безъ подробнаго изслѣдованія и заслуженной кары. Общее убѣжденіе, что „Моск. Вѣдомости“ ни одной полемики, противъ кого бы и противъ чего она ни была направлена, честно не вели, что онѣ, по большей части, не знаютъ того предмета, о которомъ начинаютъ писать задорныя статьи, и узнаютъ его уже во время снора отъ противника, а потомъ, когда ошибочность ихъ взгляда имъ фактически доказана, начинаютъ запутывать дѣло и окончательно стараются, по крайней мѣрѣ, утомить общественное вниманіе безконечными статьями, въ которыхъ истина и ложь съ софизмами перемѣшаны, — это убѣжденіе уже теперь довольно далеко распространено. Но убѣжденіе, что такова именно обыкновенная процедура „Моск. Вѣдомостей“ въ каждой полемикѣ, обильно приправляемой ими инсинуаціями и обвиненіями противника въ измѣнѣ, не избавляетъ еще отъ обязанности обстоятельно съ ними побесѣдовать и, въ отвѣтъ на голословныя обвиненія, представить фактическую сторону искаженного ими дѣла полнѣе, чѣмъ обвиненія эти сами по себѣ заслуживали бы. А такъ какъ въ данномъ случаѣ есть множество отрезвляющихъ фактовъ, которые полезно поставить на видъ этимъ рыцарямъ печальнаго образа — не для того, конечно, чтобы унять ихъ горячечный бредъ, но чтобы другіе не приняли этотъ бредъ за плодъ серьезной и здоровой мысли, — то нелишне будетъ въ дополненіе къ тому, что уже сказано было о

полемики, которую московскій органъ завершилъ свои подвиги прошлаго года, сказать еще нѣсколько словъ.

Отношеніе московскаго ех-потентата къ судебной реформѣ не всегда было одинаковое. Нельзя именно сказать, чтобъ относительно этой реформы бывшая московская пинія отличалась большимъ ясновидѣніемъ, чѣмъ относительно другихъ реформъ. Въ долгій періодъ, когда вырабатывались судебные уставы, отношеніе „Моск. Вѣдомостей“ къ коммиссіи, занятой этимъ трудомъ, было вообще довольно скептическаго свойства. Не кончится ли всеготовящееся преобразование чѣмъ-нибудь въ родѣ маскарада, въ которомъ старые судебные чины переражены будутъ въ новые костюмы и званія и все пойдетъ по-старому? На эту преимущественно тему печатала въ то время статьи редакція „Моск. Вѣд.“. Очень въ претензіи за это быть нельзя, такъ какъ не даромъ же мы заднимъ умомъ крѣпки. Да затѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, было такъ широко ставить вопросъ судебной реформы и не благоразумнѣе ли было бы ограничиться постепеннымъ введеніемъ въ старыя судебныя мѣста нѣкоторыхъ началъ гласности и устной защиты, на подобіе правилъ 11 октября 1865 г.! И если труды многоглавой коммиссіи вышли лучше, чѣмъ вообще можно было ожидать, и на нихъ почилъ духъ времени, то не очень доброжелательное отношеніе „Моск. Вѣд.“ къ коммиссіи мы имъ въ особую вину не ставимъ,—простой недостатокъ предвидѣнія. Потомъ вниманіе этихъ политическихъ мудрецовъ отвлечено было земскою реформою. Въ то время (начало 1865 г.) она, какъ извѣстно, носилась преимущественно съ мыслию о крупномъ землевладѣніи и требовали, по обнародованіи земскаго положенія, дополненія его правомъ личнаго голоса въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ. Великіе публицисты, заботясь о нравственномъ здоровьѣ русскаго крестьянства, высказывали опасенія, что хотя это здоровье находится еще въ хорошемъ состояніи, но никто не можетъ поручиться, что оно не испортится, что не явятся демагоги, которые деморализируютъ массу, внушатъ ей алчные инстинкты и она захочетъ „генеральскаго жалованья“. Нѣсколько позже, когда „Вѣсть“, созрѣвавшая на листахъ „Моск. Вѣдомостей“, совсѣмъ уже народилась и начала печатать свои филиппики противъ только-что открытыхъ судовъ, „Моск. Вѣд.“, по духу противорѣчія и потому, что порожденный ими органъ началъ хлѣбъ у нихъ отбивать, стали защищать судебную реформу и даже, помнится, однажды проговорились о великодушіи тѣхъ, которые, вѣруя въ живыя силы русскаго общества и народа, полагали, что эта реформа у насъ примется. Идя за толпой, понявшей все значеніе судебной реформы уже тогда, когда она была приведена въ исполненіе, „Московскія Вѣдомости“—спасибо имъ и за это—открыто стали въ то время на сторонѣ новаго суда, практика котораго въ самомъ началѣ устранила всякія сомнѣнія насчетъ благотворнаго его вліянія на русскую дѣ-

гивительность. Помнится, около этого же времени, когда длился еще медовый мѣсяцъ судебной реформы, „Моск. Вѣд.“ обронили нѣсколько словъ о томъ, какое сильное возникаетъ у насъ судебное сословіе (правы или не правы онѣ были въ этомъ отношеніи—это другой вопросъ). Послѣ, когда выступили на сцену окраины, „Моск. Вѣд.“ не одну статью посвятили на разоблаченіе стремленій остзейскаго рыцарства—уклониться отъ введенія въ прибалтійскомъ краѣ нашей судебной реформы и въ особенности отъ введенія суда присяжныхъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время „Моск. Вѣд.“, не возвращаясь что-то давно уже къ стоящему на очереди вопросу о введеніи судебныхъ уставовъ въ остзейскомъ краѣ, начали, вмѣсто того, печатать статью за статью о несостоятельности новаго нашего суда. Подобно плакальщицѣ надъ усопшимъ, завывали онѣ съ осени прошлаго года объ излишествахъ въ адвокатскихъ рѣчахъ, о сыплющихся безъ конца оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ, о недостаточномъ образованіи нашего судебного сословія, о вторженіи мирового суда въ такія области, въ которыхъ должны господствовать одни дисциплинарныя отношенія и т. д. Выхватить изъ обширной практики нашихъ судовъ нѣсколько приговоровъ, обязательно сопоставить ихъ и начать, по поводу этихъ приговоровъ, подлежащихъ еще можетъ быть разсмотрѣнію и отміѣнѣ въ установленномъ порядкѣ, голосить, точно сыр-боръ загорѣлся, — дѣло это не очень трудное и само по себѣ оно не заслуживало бы того, чтобы на немъ долѣе останавливаться, чѣмъ до сихъ поръ на немъ останавливалась наша печать. Во всѣхъ этихъ іереміадахъ собственно заслуживаетъ особаго вниманія, потому что не предвѣщаетъ ничего добраго—это союзъ московскаго органа съ силами, враждебными судебной реформѣ. На этотъ союзъ указываетъ учащенное появленіе этихъ іереміадъ за послѣднее время и негодный тонъ ихъ.

I.

При бѣдности интересовъ русской общественной жизни, общество и печать особенно много занимаются нашимъ судебнымъ міромъ. Но, знаете ли, что дѣятели въ этомъ мірѣ очень уже желали бы перестать быть новинкой и часто хотѣлось бы имъ сказать: занимайтесь нашимъ скромнымъ существованіемъ поменьше. Не такъ у нихъ дурно, какъ можетъ быть полагаетъ безпардонная критика сама и какъ она, во всякомъ случаѣ, старается увѣрить другихъ, но и не такъ все хорошо, въ ихъ спеціальной сферѣ, чтобы они предъ великими требованіями, поставленными имъ судебными уставами, имѣли основаніе очень уже возноситься.

Что многое въ нашихъ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ могло бы, при нѣсколько болѣе внимательномъ къ нимъ отношеніи, лучше уст-

ромѣя, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. То, что у другихъ народовъ слагалось въ теченіи вѣковъ, не могло у насъ въ короткое время сложиться такъ, чтобы не вызывать никакихъ нареканій. Совершенныхъ учрежденій нѣтъ и быть не можетъ, а особенно новыхъ, которыя, превосходя въ тысячу разъ старыя, сами однако нуждаются въ благотворномъ дѣйствіи времени, чтобы внутренне окрѣпнуть. Тѣмъ не менѣе, несмотря на множество золъ, съ которыми новыя суды должны бороться и которыя зарождаются не въ собственной ихъ сферѣ и не по собственной ихъ винѣ, отправленіе правосудія стоитъ у насъ въ настоящее время въ Россіи, благодаря реформѣ, ужъ никакъ не на на низшей степени, чѣмъ въ большей части европейскихъ государствъ, и намъ заимствовать отъ послѣднихъ въ этомъ отношеніи нечего. Всего остального, что требуется, чтобы судебныя уставы вполнѣ стали правдой въ жизни — добрыхъ традицій, большаго юридическаго образованія, меньшей письменности, занесенной изъ старыхъ судовъ, и, главное, искорененія той медленности, которая рядомъ „съ правдою и милостію“ уже теперь, вслѣдствіе недостаточности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ личнаго состава (что легко можно бы устранить небольшими средствами), царствуетъ въ судахъ — всего этого слѣдуетъ ожидать отъ времени и отъ болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ. Но если „Моск. Вѣд.“ именно по поводу судебной реформы высказываютъ такія истины, „что великія преобразованія застigli насъ врасплохъ, и даютъ намъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, чувствовать наше безлюдье“ (1871, № 217), то спрашивается, ужъ не слѣдовало ли намъ сначала выждать преобразованія нашихъ юридическихъ факультетовъ и училища правовѣдѣнія, появленія новаго поколѣнія юристовъ съ болѣе солиднымъ образованіемъ, чтобы приступить къ судебной реформѣ? Въ дѣйствительности великія преобразованія, даже такія, потребность которыхъ сознавалась уже въ теченіи многихъ поколѣній, всегда застаютъ людей врасплохъ, потому что только новыя учрежденія могутъ воспитать вполнѣ годныхъ для нихъ дѣятелей. Общій подъемъ уровня образованія въ странѣ можетъ, конечно, и долженъ выгодно отозваться и на органахъ суда, но практика гласно дѣйствующихъ учреждений имѣетъ сама образовательную силу.

Во всякомъ случаѣ бояться нашимъ судамъ критики — нечего, такъ какъ дѣло ведется въ нихъ честно и по крайнему разумію. Критическое отношеніе печати къ дѣятельности нашихъ судовъ можетъ быть для нихъ только полезно. Но критика критикѣ — рознь. Если печатать, слѣдя съ интересомъ за тѣмъ, что дѣлается въ нашемъ судебномъ мѣрѣ, будетъ безъ задора указывать на такія явленія, которыхъ лучше не было бы и которыя несогласны съ значеніемъ и достоинствомъ новыхъ судовъ, то за это можно быть только благодарнымъ. Но если

органъ, ставшій всякими правдами и неправдами вліятельнымъ, будетъ пользоваться своею широкою гласностію, чтобы ежедневно дискредитировать новыя учрежденія, подрывать авторитетъ судебной власти и привлекать къ своему самозванному трибуналу сегодня адвокатуру, завтра мировую юстицію, а тамъ цѣлое судебное сословіе, о необразованности котораго говорится съ тономъ гражданской будто бы скорби, а далѣе увѣрять, что въ организаціи нашего суда присяжныхъ кроется какая-нибудь ошибка, а въ чемъ эта ошибка заключается, критикъ благоразумно умалчиваетъ—и если притомъ тѣни будутъ сгущаться и краски одна мрачнѣе другой, густо наводиться, тогда мы вправѣ сказать, что такой органъ, дѣйствуя въ союзѣ съ враждебными реформѣ силами, поступаетъ недобросовѣстно. Если бы „Московскія Вѣдомости“ позволили себѣ высказать хоть десятую часть тѣхъ любезностей, которыми онѣ ежедневно осыпали судебныя учрежденія, какому-нибудь другому учрежденію, положимъ, какому-нибудь губернскому правленію, то онѣ очень хорошо знаютъ, что это даромъ не прошло бы имъ. Учрежденія, какъ и отдѣльныя лица, имѣютъ свое доброе имя, которое онѣ не могутъ не оберегать. Судебныя учрежденія дѣйствуютъ открыто и гласно, и уже потому о дѣятельности ихъ можно говорить все или очень многое, безъ страха быть привлеченнымъ къ отвѣту. По крайней мѣрѣ тѣ процессы, которые были возбуждаемы, въ порядкѣ публичнаго обвиненія, противъ покойной „Вѣсти“ и нѣкоторыхъ другихъ изданій за оскорбленія судовъ, не встрѣчали, сколько извѣстно, одобренія въ средѣ самыхъ судовъ и ими произносились по этимъ дѣламъ по большей части оправдательные приговоры. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы сколько-нибудь уважающій себя органъ печати долженъ былъ, пользуясь исключительнымъ положеніемъ, въ какомъ находятся въ настоящее время въ средѣ всѣхъ другихъ нашихъ учрежденій суды, позволять себѣ въ отношеніи къ нимъ, съ забвеніемъ всякихъ приличій, ежедневныя выходы, обращаться къ нимъ съ жалобными словами, систематически заподозривать ихъ дѣятельность и показывать имъ гримасы—это другой вопросъ.

„Моск. Вѣдомости“ особенно охотно, встати и не встати, любятъ возвращаться къ нечаевскому дѣлу. Мы не имѣемъ надобности распространяться въ настоящее время объ этомъ дѣлѣ. Не касаясь самаго существа дѣла, достаточно, въ опроверженіе „Моск. Вѣдом.“, сказать, что на предсѣдательскомъ креслѣ по этому процессу сидѣлъ человѣкъ, имѣющій несомнѣнныя заслуги по участію въ составленіи устава уголовного судопроизводства. Но справедливо то, что только незадолго до производства этого дѣла онъ былъ посаженъ на это кресло. Болѣе или менѣе ловкіе приемы въ веденіи огромнаго процесса не могутъ быть иначе приобрѣтены, какъ долговременнымъ опытомъ въ са-

мыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Затѣмъ, тѣ вѣжливыя—и допускаемъ—витіеватыя формы, въ которыхъ происходило обращеніе предсѣдателя къ нѣкоторымъ изъ оправданныхъ подсудимыхъ, и на чемъ главнымъ образомъ строить свое обвиненіе „Моск. Вѣд.“, не составляютъ, кажется, такого крупнаго недостатка, который, еслибъ приговоръ палаты былъ протестованъ въ установленномъ порядкѣ прокуроромъ и дѣло доведено до высшей инстанціи, до правительствующаго сената, могъ быть признанъ за существенное нарушеніе обрядовъ судопроизводства. „Моск. Вѣдомости“, такъ часто возвращающіяся къ этому дѣлу, кажется, упускаютъ изъ виду, что многіе изъ подсудимыхъ одной группы, оправданные или осужденные, должны были являться потомъ свидѣтелями по обвиненіямъ противъ подсудимыхъ другой группы. Попробуйте въ такомъ случаѣ съ предсѣдательскаго кресла заговорить тѣмъ тономъ, въ которомъ обращаются къ подсудимымъ французскіе президенты, и вы такимъ обращеніемъ не заставите въ послѣдствіи ничѣмъ этихъ подсудимыхъ-свидѣтелей давать показанія, а между тѣмъ, сколько извѣстно, въ высшей степени важно было, чтобъ такіе подсудимые, какъ, напр., кн. Черкезовъ, дали свои свидѣтельскія показанія противъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ другихъ группъ, потому что только на такихъ показаніяхъ и основывался обвинительный актъ противъ очень многихъ, привлеченныхъ къ этому дѣлу. Впрочемъ, эта недостойная привязчивость со стороны „Моск. Вѣдомостей“ объясняется гораздо проще тѣмъ, что по поводу исторіи съ проф. Полунинымъ въ московскомъ университетѣ, исторіи, въ связи съ которой находилась одна группа подсудимыхъ въ нечаевскомъ дѣлѣ, для самихъ „Московск. Вѣдомостей“, въ свое время не совсѣмъ вѣрно и безпристрастно излагавшихъ эту исторію, высказаны были нѣкоторыми защитниками крайне непріятныя вещи. *Inde irae.*

II.

Другой пунктъ постоянныхъ обвиненій „Московскихъ Вѣдомостей“ противъ новыхъ судовъ—это излишество въ рѣчахъ нашихъ адвокатовъ. „Еслибы наши судебные ораторы не позволяли себѣ заноситься на крыльяхъ незрѣлой мысли, а держались положительной почвы, то и для подсудимыхъ было бы это во многихъ отношеніяхъ полезнѣе, и съ авторитетомъ судебныхъ учреждений во всякомъ случаѣ согласнѣе. Мы были бы избавлены отъ скандаловъ, которыми такъ обильны были судебныя пренія по нечаевскому дѣлу въ с.-петербургской судебной палатѣ; мы были бы также избавлены отъ чудовищной обмолвки, сдѣланной однимъ изъ защитниковъ по Кудринскому дѣлу“ (1871 № 217). Неуважительный отзывъ, сдѣланный въ рѣчи какимъ-нибудь защитникомъ о „Московскихъ Вѣдомо-

стяхъ“, по поводу невѣрно изложенной ими университетской исторіи, которой пришлось коснуться, — безъ всякаго сомнѣнія великій скандалъ. Что же касается обмолвки, сдѣланной по дѣлу о скопцахъ Кудринныхъ однимъ изъ защитниковъ ихъ, бывшимъ прокуроромъ московскаго окружнаго суда и замѣчательнымъ ораторомъ, г. Громницкимъ, то она заключалась въ слѣдующемъ: „Вопросъ Спасителя: что есть истина? остается не разрѣшеннымъ до сихъ поръ.“ Даже не раздувая этой обмолвки, по которой вопросъ, предложенный Спасителю Пилатомъ, приписанъ самому Спасителю, до разрѣзовъ чего-то чудовищнаго, такъ какъ обмолвка остается не болѣе, какъ обмолвкой, нельзя не пожалѣть, что она сорвалась съ языка. Но спрашивается, можно ли по такому поводу, безъ крайняго легкомыслія или очевидной недобросовѣстности, дѣлать какіе-нибудь общіе выводы о нашей адвокатурѣ и топтать ее въ грязь? Другіе народы имѣютъ привычку гордиться своими судебными ораторами и рѣчамъ ихъ, обращеннымъ къ общественной совѣсти, внимаютъ не затѣмъ только, чтобы доискиваться въ нихъ оговорки и обмолвки. Допустимъ однако, что слабая сторона нашей адвокатуры на первыхъ же порахъ состоитъ не въ чересъ-чуръ сильномъ аппетитѣ къ крупнымъ кушамъ, какъ полагаетъ г. Щедринъ, не въ нѣкоторой бѣдности умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, какъ полагаемъ мы, а въ излишней многорѣчивости, какъ думаютъ „Московскія Вѣд.“. Но это такое зло, которое до извѣстной степени неизбежно и встрѣчается въ гласномъ судѣ цѣлаго міра. Крайнее развитіе письменности при тайномъ процессѣ и излишества въ адвокатскихъ рѣчахъ при гласномъ судопроизводствѣ—явленія однородныя. Если бы редакторы „Моск. Вѣдомостей“, забывъ о безконечныхъ, растянутыхъ до невозможнаго судебныхъ рѣчахъ Циперона—этихъ вѣчныхъ образцовъ фразѣрства—провели день-другой во французскомъ ассизномъ судѣ и послушали тамъ весь verbiage адвокатовъ средней руки, все словоизверженіе ихъ, простое и мрачное,—съ біеніемъ себя по груди и другими трагическими жестами, то они убѣдились бы, что уже теперь наши суды выгодно отличаются въ этомъ отношеніи отъ французскихъ. Къ тому же, развѣ риторы „Моск. Вѣдомостей“ всегда отличаются сдержанностью въ своихъ безконечныхъ рѣчахъ, когда они сами являются защитниками или обвинителями по какому-нибудь неправому дѣлу! Какой изъ нашихъ самыхъ нещепетильныхъ адвокатовъ можетъ похвалиться такимъ количествомъ дутыхъ, ябедническихъ исковъ, какое ежедневно предъявляютъ „Московскія Вѣдомости“ къ русскому общественному мнѣнію! Развѣ эти почтенные и зрѣлые мужи могутъ для нашихъ юныхъ судебныхъ ораторовъ служить образцами мѣры и сдержанности? Между печатнымъ и всякимъ публичнымъ словомъ существуетъ въ этомъ отношеніи необходимая связь. Требуется извѣстное развитіе граждан-

своей свободы въ странѣ, чтобы люди выучились публично владѣть словомъ, говорить разумно и убѣдительно, не уклоняясь отъ дѣла, и мы думаемъ, что суды наши будутъ въ значительной степени тому содѣйствовать. Чѣмъ больше гражданской свободы, тѣмъ больше сдержанности и менѣе задора какъ въ печатномъ, такъ и во всякомъ другомъ публичномъ словѣ. Пока же мы можемъ указать на тотъ несомнѣнный фактъ, что, несмотря на равенство сторонъ по закону, обвиненія и защиты, — въ дѣйствительности рѣчи обвинителей пользуются въ нашихъ судахъ большею свободою, чѣмъ рѣчи защитниковъ. Тогда какъ остановка предсѣдателемъ защитника представляется самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и повторяется часто умѣстно и неумѣстно, остановка прокурора, какъ бы онъ ни уклонялся отъ дѣла, представляется чѣмъ-то неслыханнымъ и можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ возбужденіе дисциплинарнаго производства противъ предсѣдательствующаго. Но правомъ остановить защитника предсѣдатель во всякомъ случаѣ долженъ пользоваться осторожно, такъ какъ иначе частыя остановки могутъ произвести крайне невыгодное впечатлѣніе на присяжныхъ и гораздо легче привести къ неправильному разрѣшенію дѣла, чѣмъ состязаніе, въ которомъ защита, хотя бы и прибѣгавшая къ нѣкоторымъ, не особенно вреднымъ излишествамъ, не была стѣснена. Обращаясь къ человѣческой совѣсти и требуя отъ свободнаго ея убѣжденія разрѣшенія такихъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ участь человѣка и самыя дорогіе интересы общества, вы не можете насиловать этой совѣсти. Но будьте увѣрены, что „сатурналиямъ фразерства вмѣсто идеи, съ замѣною мысли безшабашною удалю дивныхъ парадоксовъ“ и всякому „скоморошеству“ гораздо легче предаваться въ тиши своего кабинета и на бумагѣ, которая терпитъ ваши пѣломудренныя измышленія и отсылается въ типографію для набора передовыхъ статей, чѣмъ когда вы среди торжественной обстановки суда стоите предъ живыми людьми, къ совѣсти которыхъ вы обращаетесь.

III.

Гоняясь за эффектомъ, „Моск. Вѣд.“ имѣютъ дурную привычку пичкать свои передовыя статьи, посвященныя печальному состоянію нашихъ судовъ, такими случаями изъ дѣятельности этихъ судовъ, по которымъ не состоялось еще вовсе приговоровъ, вошедшихъ въ окончательную законную силу. Наша новая судебная система тѣмъ и хороша, что, отвергнувъ безчисленное множество инстанцій, существовавшихъ въ старомъ порядкѣ, и сосредоточивъ въ кассационныхъ департаментахъ сената верховный надзоръ за дѣятельностію всѣхъ судебныхъ мѣстъ и лицъ, она до крайности упростила и облегчила способы отмены и исправленія всякихъ приговоровъ, уклонившихся

ить прямого смысла закона или состоявшихся съ нарушеніемъ въ судѣ существенныхъ формъ и обрядовъ. Легкость обращенія къ сенату (аже по самымъ ничтожнымъ дѣламъ и краткость сроковъ на принесеніе кассационныхъ жалобъ и протестовъ дѣлаютъ какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ этотъ коррективъ противъ неправильностей, допущенныхъ судомъ при производствѣ дѣла до постановленія приговора и невѣрнаго примѣненія или толкованія закона въ самомъ приговорѣ. Судебная система, введенная уставами 20-го ноября, имѣетъ такимъ образомъ сама въ себѣ всѣ способы къ исправленію ошибочныхъ или неправильныхъ дѣйствій судовъ. Но, разумѣется, что „Московскія Вѣдомости“, какъ и всякая другая газета, не могутъ ждать, чтобъ дѣло завершило сначала свой законный ходъ и потомъ уже говорить о немъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ дѣло это для печати потеряло бы значительную долю интереса новизны. Говорите поэтому сколько угодно о дѣлѣ, но если вы этимъ дѣломъ, этимъ частнымъ случаемъ пользуетесь для того, чтобы дѣлать какіе-нибудь общіе выводы, а тѣмъ болѣе невыгодные, о состояніи правосудія въ странѣ, то не мѣшало бы вамъ нѣсколько пообождать сужденіемъ объ этомъ дѣлѣ и справиться, чтó скажутъ объ немъ люди болѣе васъ компетентные, которые и изучать дѣло нѣсколько полиѣе васъ и съ закономъ, неприваннымъ защитникомъ котораго вы являетесь, ведутъ нѣсколько болѣе близкое чтѣмъ вы знакомство. Но въ томъ-то и сила, что ждать намъ нельзя; съ одной стороны мы—газета, для которой гоньба за эффектомъ, за интересомъ минуты превыше всего, а съ другой мы—риторы, которые не можемъ говорить о какомъ бы то ни было дѣлѣ, не обобщивши его, и чтѣмъ менѣе мы знакомы съ сущностью этого дѣла, тѣмъ больше для насъ потребность обобщеній, и чтѣмъ меньше у насъ положительнаго знанія о предметѣ, тѣмъ больше должно быть о немъ краснорѣчія. И льются потоки краснорѣчія сегодня о мировой юстиціи („Моск. Вѣд.“ 1871, № 233), которая принимаетъ къ своему разсмотрѣнію дѣло объ оскорбленіи какого-то учителя грамоты директоромъ вечернихъ курсовъ при одномъ изъ петербургскихъ уѣздныхъ училищъ — и тѣмъ очевидно колеблетъ всѣ отношенія не только въ учебной, но и во всѣхъ другихъ сферахъ дѣятельности, въ которыхъ должна господствовать дисциплина, — а завтра о петербургскомъ окружномъ судѣ, въ которомъ на этотъ разъ присяжные — о чудо! — признали подсудимаго съ товарищемъ виновными, обвинили ихъ въ дѣйствіяхъ, которыя слѣдуетъ признавать мошенничествомъ, а судъ взялъ, да и освободилъ ихъ, потому что ему угодно было признать въ этихъ дѣйствіяхъ обыкновенныя коммерческія спекуляціи. „Присяжные, не внявъ на этотъ разъ народной мудрости, глаголавшей устами защиты, обвинили не карасей дремавшихъ, а щукъ, признали Косача и Тимоеева виновными въ совершеніи

тѣхъ проступковъ, за которые они преданы суду. Судъ удался для постановки резолюціи, для опредѣленія виновнымъ наказанія, а вышелъ съ освобожденіемъ ихъ отъ суда и слѣдствія (?), такъ какъ, по мнѣнію суда, обманныя дѣйствія Косача и почтенной компаніи суть дѣйствія уголовнымъ закономъ не преслѣдуемыя, уложеніемъ о наказаніяхъ не предусмотрѣнныя, то-есть по-просту обыкновенныя коммерческія спекуляціи“ („Моск. В.“ 1871 г., 20 ноября, № 254). Что нужды, что объявленный черезъ нѣсколько дней (24 ноября) послѣ этой статьи и тогда же появившійся въ печати („Бирж. Вѣд.“ 1871 г. № 325) приговоръ окружного суда съ мотивами, по дѣлу Косача, весь основанъ на рѣшеніяхъ уголовного кассационнаго департамента правит. сената и этотъ приговоръ дойдетъ до сената, вслѣдствіе кассационнаго протеста со стороны прокурора и жалобъ со стороны подсудимыхъ за преданіе ихъ суду! Нѣтъ также никакой нужды, что дѣло г. Вальха и г. Андреева подвергнется въ законномъ порядкѣ пересмотру не только сѣзда, но и сената, до котораго оно по всей вѣроятности дойдетъ, какъ дошло до него однородное дѣло объ оскорбленіи г-жи Щебальской директоромъ музыкальнаго училища въ Москвѣ, г. Рубинштейномъ. Пересматривайте тамъ, отыщите и перерѣшайте эти приговоры, а мы свое дѣло сдѣлали, пѣсенку спѣли и дали понять многимъ нашимъ читателямъ, что если Россія еще не совсѣмъ погибла отъ новыхъ судовъ, которые производятъ растлѣніе нравовъ и ослабляютъ дисциплину во многихъ сферахъ, то это потому, что мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ не дремлемъ. Чтó бы, въ самомъ дѣлѣ, судамъ нашимъ принять къ своему руководству не рѣшенія сената, а передовыя статьи г. Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“! Не даромъ же этотъ царекъ фразы, этотъ верховный судія, для котораго законы не писаны, все еще мнитъ себя судящимъ на картонномъ тронѣ русскаго общественнаго мнѣнія! Жаль только, что онъ нѣкоторыхъ дѣлъ не принимаетъ къ своему разсмотрѣнію. Мировой суды которому „Московскія Вѣдомости“ задали острастку, оказался виновнымъ въ томъ, что онъ „ничто же сумняся, принимаетъ къ своему производству дѣло (по жалобѣ учителя Вальха), находить г. Андреева виноватымъ и приговариваетъ его къ штрафу....“ Дѣло это, какъ извѣстно, возникло изъ оскорбленія, нанесеннаго г. Вальху словомъ: „вонъ.“ Московская газета находить это слово, нѣсколько разъ повторенное директоромъ въ присутствіи цѣлаго класса, неоскорбительнымъ для учителя. Казалось бы, какъ не коснуться по этому случаю доходящаго до правительствующаго сената дѣла, по оскорбленію г. Рубинштейномъ дочери г. Щебальскаго словами: „ступайте вонъ!“ Дѣло это не могло не быть извѣстно „Московскимъ Вѣдомостямъ“, такъ какъ касалось дочери ихъ сотрудника и для полноты разсужденій объ оскорбленіи, нанесенномъ г-ну Вальху, его не слѣдовало упускать изъ

виду. А такъ-таки ни единымъ словомъ и не упомянули объ этомъ дѣлѣ „Моск. Вѣд.“ По этому дѣлу г. Рубинштейнъ былъ мировымъ судьей оправданъ, но приговоренъ московскимъ мировымъ съѣздомъ къ денежному взысканію въ размѣрѣ 25-ти руб. Сенатъ разсуждалъ по этому дѣлу (Сб. рѣш. 1870 г. № 177): „Если Рубинштейнъ относился къ дѣвицѣ Щебальской, какъ наставникъ къ ученицѣ ввѣреннаго ему заведенія, чего не отрицаетъ и мировой съѣздъ, то ни вызовъ ея, для сдѣланія ей внушенія въ свой кабинетъ, хотя бы это было и не въ принятомъ порядкѣ, ни возвышеніе противъ нея голоса, ни приказаніе выйти вонъ невнимательной къ его внушенію ученицѣ не могутъ быть признаны обхожденіемъ для нея унижительнымъ. Нельзя обсуждать въ подобномъ дѣлѣ дѣйствія наставника по общимъ формамъ приличія между посторонними лицами, такъ какъ на наставникѣ или учителѣ лежатъ особыя обязанности, для успѣшнаго выполненія которыхъ необходимы съ одной стороны извѣстная степень власти надъ ученикомъ или ученицею, а съ другой подчиненіе и смиреніе предъ наставникомъ“. Кажется, достаточное признаніе дисциплинарныхъ отношеній тамъ, гдѣ они дѣйствительно существуютъ. Руководствуясь этими соображеніями, сенатъ отмѣнилъ приговоръ съѣзда. Спрашивается теперь: въ правѣ ли былъ мировой судья, слѣдуя разуму сенатскаго рѣшенія, принимать къ своему разсмотрѣнію дѣло по жалобѣ г. Вальха? Не слѣдовало ли мировому судѣ приравнять къ ученикамъ учителя, къ которому директоръ обращается въ классѣ съ нѣскольکو разъ повтореннымъ „вонъ“, отказать въ принятіи къ разсмотрѣнію этого дѣла и признать, что дисциплинарныя отношенія тутъ не вышли изъ нормы и не позволяютъ учителю обижаться такою малостью?..

Надняхъ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената разсматривалъсѣ дѣло, производившееся въ великолукскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію крестьянъ Антипова, Антонова, Никифорова и Никитина въ разбой. Присяжные признали ихъ виновными и судъ приговорилъ ихъ къ наказанію за разбой. Сенатъ, кассируя по жалобѣ обвиненныхъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда, обратилъ вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе на то, что пренія, происходившія по этому дѣлу въ великолукскомъ судѣ, вышли изъ предѣловъ, предоставленныхъ закономъ сторонамъ, и что предсѣдательствовавшій членъ суда не сдерживалъ стороны и не остановилъ во-время защитника и обвинителя, перенесшихъ пренія на почву личныхъ нападокъ и пререканій. Такъ товарищъ прокурора, объясняя присяжнымъ, „что защитникъ сбиваетъ ихъ съ толку, что онъ называетъ ихъ разбойниками“, въ заключеніе пожелалъ защитнику провести такую же ночь, какую провела потерпѣвшая отъ преступленія Виноградова. Защитникомъ же были употреблены выраженія:

„судебный грабежъ“, „товарищъ прокурора не знаетъ рѣшеній кассационнаго департамента“, „такую теорію поддерживать могутъ только фарисеи и разжирѣвшіе буржуа“. Въ виду такихъ преній, сенатъ, независимо отъ отмѣны рѣшенія присяжныхъ и приговора суда, постановилъ: дѣйствія товарища прокурора передать на разсмотрѣніе министра юстиціи, дѣйствія защитника подсудимыхъ (присяжнаго повѣреннаго)—на обсужденіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, а дѣйствія предсѣдавашаго въ судѣ разсмотрѣть въ распорядительномъ засѣданіи, что практически означаетъ подвергнуть его отвѣтственности въ такомъ или другомъ порядкѣ, опредѣленномъ судебными уставами.

Маленькій великолудцкій окружной судъ можетъ благодарить Бога, что дѣло, которое мы привели, подверглось нелицепріятному контролю сената прежде, чѣмъ оно поступило на разсмотрѣніе московскихъ блюстителей порядка. Какой бы вопль о скандалахъ на судѣ подняли они, какой бы кошачій концертъ устроили они новымъ судамъ всѣхъ округовъ за допущеніе такихъ преній, если бы извѣстились они о нихъ ранѣе сената! Верховный жрецъ, слѣдуя первообразу своему въ „Прекрасной Еленѣ“, закричалъ бы прежде всего: „apporte-moi le tonnerre!“ И принесли бы ему громъ, и началъ бы онъ потрясать имъ вселенную, вселяя страхъ и ужасъ въ робкія сердца служителей Оемиды. И какую бы видную роль сыграли въ громовой статьѣ эти „разжирѣвшіе буржуа!“ Если защитникъ на судѣ позволяетъ себѣ употреблять такіа выраженія и предсѣдательствующій не останавливаетъ его, не велитъ его вывести, не прекращаетъ преній по дѣлу, то, значитъ, онъ сочувствуетъ такому языку, такому жаргону социализма! До „интернаціоналки“ уже не далеко было бы.

Впрочемъ, лишившись по совершенно-случайному обстоятельству громовой статьи, мы не лишились по поводу великолудцаго дѣла сподобной статьи, наполненной перлами обыкновенной діалектики „Моск. Вѣдомостей“. Говоря объ этомъ дѣлѣ въ передовой статьѣ (1872 г. № 3), посвященной обзору событій внутренней жизни за истекшій годъ, онѣ сопровождаютъ этотъ казусъ нѣсколькими общими разсужденіями, которыя служатъ новымъ доказательствомъ недобросовѣстнаго ихъ отношенія къ судебной реформѣ, и потому заслуживаютъ вниманіе. „Моск. Вѣд.“ начинаютъ нѣсколько издаലെка: „Въ прошломъ году мы были свидѣтелями перваго гласнаго политическаго процесса въ Россіи. Слишкомъ прогремѣвшее Нечаевское дѣло памятно нашимъ читателямъ, и мы не будемъ повторять нашего мнѣнія о дѣйствіяхъ суда въ этомъ странномъ процессѣ. Отмѣтимъ лишь тотъ фактъ (?), что начиная съ этого дѣла наша печать отерываетъ рядъ усилій, чтобы заглушить гласное обсужденіе дѣйствій новыхъ судебныхъ мѣстъ. Указаніе на частныя ошибки въ дѣятельности судовъ, на тѣ или другія условія недостаточно гарантирующія правильность отправленія

правосудія объявляются усиліями дискредитировать его въ глазахъ общества, готовить порчу судебныхъ уставовъ. Какое жалкое измышленіе! Дѣйствительно, болѣе жалкое измышленіе, чѣмъ какимъ является вся эта исторійка объ усиліяхъ печати со времени нечаевского дѣла заглушить гласное обсужденіе дѣйствій новыхъ судовъ, трудно себѣ представить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, что за прелесть въ этомъ измышленіи и каково умственное истощеніе нашихъ риторовъ, когда они должны прибѣгать къ такимъ презрѣннымъ аргументамъ! Только родилось оно, это измышленіе, впервые въ головѣ „Моск. Вѣд.“. „Моск. Вѣд.“ очень хорошо знаютъ, что никогда ни одинъ органъ нашей печати не открывалъ ряда усилій, чтобы заглушить гласное обсужденіе дѣйствій новыхъ судебныхъ мѣстъ, но что сами онѣ, съ осени прошлаго года, начали рядъ усилій, чтобъ представить въ ложномъ, превратномъ свѣтѣ всѣ дѣйствія новыхъ судебныхъ мѣстъ и что пока эти ихъ усилія и извращенія не достигли колоссальныхъ размѣровъ, никто на нихъ въ печати не обращалъ вниманія и никакого отпора имъ не давалъ. Да на нихъ и не стоило бы обращать вниманіе, если бы они ограничивались указаніемъ на однѣ „частныя ошибки“, а не подкапывались подъ самую основу новаго суда, не доискивались органическихъ недостатковъ въ нашемъ институтѣ присяжныхъ, не ставили, напримѣръ, такого вопроса: „Совершенно ли правильно поставленъ у насъ институтъ присяжныхъ, которымъ нельзя не дорожить? Нѣтъ ли какой-нибудь ошибки въ его организаціи? Мы несомнѣнно увѣрены что такая ошибка есть“... („Моск. Вѣд.“ 1871 года № 254). Единственныя сколько-нибудь серьезныя обличенія, которыя появились въ нашей печати противъ этихъ систематическихъ усилій дискредитировать судъ, заключались въ одной чрезвычайно спокойной корреспонденціи изъ Москвы въ „Голосѣ“ и въ нѣсколькихъ страницахъ внутренняго обзорѣнія „Вѣстника Европы“. Но корреспонденція въ „Голосѣ“ указываетъ уже на большую часть тѣхъ номеровъ „Моск. Вѣдодостей“ за октябрь и ноябрь прошлаго года (№№ 217, 223, 227, 233 и 254), на которые и мы ссылаемся, и слѣдовательно явилась уже тогда, когда „Моск. Вѣд.“ успѣли уже достаточно высказаться, совершили свой славный походъ, а замѣтка во внутреннемъ обзорѣніи подводитъ уже итогъ всей этой агитаціи и называется ее принадлежащимъ ей именемъ.

Послѣ приведеннаго измышленія, „Моск. Вѣд.“ увѣряютъ, что политическая печать наша „въ настоящую минуту разыгрываетъ изъ себя труса—такова нынѣшняя мода, новѣйшій „mot d'ordre“—и что въ этой роли всякіе наши литераторы особенно натуральны.“ Далѣе газета продолжаетъ: „Боязнь свободнаго и правдиваго слова до того въ нихъ (литераторовъ) въѣлась, что они боятся произнести его, даже когда этого и требуютъ отъ нихъ. А между тѣмъ не того давала

право ожидать отъ себя печать, крича въ былое время о преимуществахъ гласнаго суда, не того должны были ожидать отъ этой печати и общество, привѣтствовавшее гласный судъ, и правительство, пожившее гласность въ основу судебной реформы, и поставившее тѣмъ судъ подъ контроль общественный. Гдѣ же онъ, этотъ контроль, и чѣмъ онъ сказывается?" Изъ того, что этотъ контроль со стороны „Моск. Вѣдомостей“ казался безчисленнымъ множествомъ недостойныхъ выходокъ противъ новаго суда, что онѣ не хотѣли или не стѣмѣли стать къ нему въ честныя, порядочныя отношенія, не слѣдуетъ еще, чтобы этого общественного контроля не существовало. Зайдите въ судъ и посмотрите на эту массу ежедневно присутствующихъ при отправленіи правосудія постороннихъ лицъ, изъ всѣхъ классовъ общества, и вы убѣдитесь, что тотъ контроль, который вездѣ возможенъ со стороны общества надъ гласнымъ судомъ, существуетъ у насъ не въ однихъ судебныхъ хроникахъ, занимающихъ въ нашей ежедневной печати такое видное мѣсто и не въ однихъ безчисленныхъ статьяхъ и корреспонденціяхъ, появляющихся въ газетахъ по поводу каждаго сколько-нибудь крупнаго процесса. „Моск. Вѣдомости“ увѣряютъ, что наша печать теперь разыгрываетъ труса. Нечего разыгрывать труса, когда сами „Моск. Вѣдомости“ сдѣлали даже болѣшія дороги не совсѣмъ безопасными для печати, и когда на этихъ дорогахъ нужно оглядываться на каждый кустъ, не спрятался ли тамъ какой-либо бандитъ, или по крайней мѣрѣ тапкентецъ изъ почтенной журнальной братіи „Моск. Вѣдомостей“. Чѣмъ больше юридическаго смысла распространится — благодаря самимъ новымъ судамъ — въ обществѣ, тѣмъ дѣйствительнѣе станетъ общественный контроль надъ гласнымъ отправленіемъ правосудія, а чѣмъ нормальнѣе и обезпеченнѣе станетъ постепенно положеніе нашей печати, тѣмъ болѣе сильнымъ органомъ этого контроля она въ состояніи будетъ сдѣлаться. Но какъ бы ни выросъ этотъ общественный контроль, онъ никогда, разумѣется, по существу своему, не можетъ стать столь дѣйствительнымъ, чтобы идти въ какое-либо сравненіе съ тѣмъ верховнымъ контролемъ, который имѣетъ своимъ законнымъ органомъ кассационные департаменты правительствующаго сената и подъ которыми стоятъ всѣ судебныя мѣста и должностныя лица судебного вѣдомства, съ момента введенія въ какой-либо мѣстности судебныхъ уставовъ. Именно поэтому „Московскія Вѣдомости“ превратно излагаютъ дѣло, если онѣ, послѣ заявленія своего о какомъ-то нѣмомъ, безгласномъ отношеніи общества къ дѣятельности новыхъ судовъ, продолжаютъ „Противодѣйствіе этому направленію сказалося наконецъ изъ среды самого новаго суда. Помѣщаемый въ сегодняшней судебной хроникѣ отчетъ объ одномъ дѣлѣ, рассматривавшемся въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената по жалобѣ на рѣ-

шеніе Великолукскаго окружнаго суда, показываетъ что судебная власть въ лицѣ кассационнаго департамента правительствующаго сената сочла нужнымъ обратить вниманіе на дѣйствіе членовъ суда". Если бы „Моск. Вѣдомости" нѣсколько ближе были знакомы съ предметомъ, о которомъ онѣ взялись публично говорить, то онѣ въ самомъ обыкновенномъ разсмотрѣніи дѣла великолукскаго суда сенатомъ и въ возбужденіи имъ отвѣтственности участвовавшихъ въ томъ дѣлѣ лицъ не могли бы усмотрѣть какого-то противодѣйствія какому-то несуществующему направленію, да еще прибавлять, что это противодѣйствіе сказалось „наконецъ". Не наконецъ, а съ самаго начала судебной реформы, всегда, постоянно сказывался и сказывается контроль кассационныхъ департаментовъ правит. сената надъ всѣми мѣстами и должностными лицами, которымъ принадлежитъ по закону судебная власть. Въ назиданіе „Моск. Вѣдомостямъ" мы должны воснудиться весьма элементарныхъ вещей. Именно о всемъ происходящемъ на судѣ, съ участіемъ, какъ по великолукскому дѣлу, присяжныхъ, ведется протоколъ засѣданія, въ который вносятся, какъ по заявленіямъ защитника и прокурора, такъ и безъ подобныхъ заявленій, все сколько-нибудь существенное въ смыслѣ производства на судѣ дѣла. На этомъ протоколѣ, если онъ невѣрно передаетъ что-либо происходившее на судѣ, защитникъ вправѣ сдѣлать свои замѣчанія. По этимъ замѣчаніямъ судъ обязанъ изложить свои объясненія. Въ такомъ видѣ протоколъ судебного засѣданія, представляемый вмѣстѣ съ цѣлымъ дѣломъ по жалобѣ ли защитника, или по протесту прокурора, въ сенатъ, представляетъ наглядное изображеніе всѣхъ дѣйствій, одного за другимъ слѣдовавшихъ на судѣ, и служить для сената обличеніемъ всякой неправильности, если она кѣмъ-либо изъ участвовавшихъ въ производствѣ на судѣ, дѣла была допущена. Теперь возьмите эти тысячи дѣлъ, которыя поступаютъ на разсмотрѣніе кассационнаго сената изъ новыхъ судовъ и скажите, есть ли возможность, чтобы какая-нибудь неправильность, сколько-нибудь крупная, существенная, а тѣмъ болѣе какіе-нибудь скандалы, о которыхъ говорили „Моск. Вѣдомости", могли имѣть мѣсто въ гласномъ судѣ безъ того, чтобы сенатъ не покаралъ виновныхъ. Еслибъ „Моск. Вѣдомости" прежде, чѣмъ говорить о безконтрольности новаго суда, дали себѣ трудъ заглянуть въ сборники рѣшеній кассационныхъ департаментовъ правит. сената, то онѣ убѣдились бы, что не впервые по дѣлу великолукскаго суда, сенатомъ, независимо отъ отѣны рѣшенія и приговора, возбуждена отвѣтственность лицъ судебного вѣдомства. А въ такомъ случаѣ, что же въ результатѣ остается отъ всей этой статьи „Моск. Вѣдомостей", написанной уже въ новомъ году для защиты образа дѣйствій ихъ въ истекшемъ году по отношенію къ судамъ и для прикрытія ихъ отступленія? Остается одной грубой неправдой и безтактностью больше!

Изъ негѣнаго положенія, когда нѣтъ духа сознаться въ винѣ и ошибкѣ, не бываетъ другого выхода.

IV.

Еще одно послѣднее сказанье—о наиболѣе капитальныхъ обвиненіяхъ „Моск. Вѣд.“ противъ нашего суда присяжныхъ. До начала шестидесятихъ годовъ, до самаго того времени, когда судебная реформа была рѣшена не только въ принципѣ, но и стала принимать опредѣленные очертанія, очень немногіе думали о возможности введенія въ Россіи суда присяжныхъ. При такомъ ли нравственномъ и политическомъ состояніи, въ какомъ находится русскій народъ, думать о введеніи у насъ суда присяжныхъ! Таково было весьма распространенное мнѣніе даже въ средѣ наиболѣе образованной части русскаго общества, раздѣляемое и юридическими кружками. Въ основѣ такого весьма распространеннаго мнѣнія лежалъ взглядъ на судъ присяжныхъ, преимущественно какъ на политическое учрежденіе. Между тѣмъ исторія этого института на самой родинѣ его убѣждала, что въ Англіи судъ присяжныхъ возникъ прежде всего, какъ чисто юридическое учрежденіе и что юридическая сторона его и теперь едва ли не важнѣе политической. Если 12 человѣкъ, взятыхъ изъ различныхъ общественныхъ слоевъ, познакомились съ исторіей дѣла изъ обвинительнаго акта, выслушали свидѣтелей, дающихъ показанія подъ перекрестнымъ допросомъ сторонъ, выслушали обвинителя и защитника и взаимное ихъ состязаніе, и если послѣ заключительнаго слова председателя, резюмирующаго улики за и противъ подсудимаго, они вынесутъ свой обвинительный или оправдательный вердиктъ, данный по убѣжденію совѣсти, — то въ такомъ способѣ рѣшенія дѣла сама по себѣ заключается значительная гарантія правды и достовѣрности юридической, насколько она вообще доступна человѣческому правосудію. Постоянные судьи, наторѣлые въ практикѣ до того, что „спокойно зрять на правыхъ и виновныхъ“, въ безконечномъ разнообразіи дѣлъ, которыя имъ представляются, отыскиваютъ прежде всего общіе юридическіе признаки дѣянія, которые законъ совмѣщаетъ въ понятіи объ извѣстномъ преступленіи. Это стремленіе къ подведенію всѣхъ частныхъ дѣлъ подъ общія юридическія категоріи становится второю природою юристовъ по профессіи. Но такое отношеніе къ преступнымъ дѣйствіямъ, которыя въ самыхъ простыхъ случаяхъ представляются часто явленіями довольно сложными, вызванными въ жизни весьма различными причинами и условіями среды, въ которыхъ жилъ обвиняемый, можетъ крайне невыгодно отозваться на опредѣленіи его вины. Все, что есть индивидуальнаго въ каждомъ случаѣ въ личности подсудимаго и въ тѣхъ житейскихъ условіяхъ, при которыхъ онъ не

устоятъ и совершилъ преступленіе, будетъ поэтому гораздо лучше оцѣнено людьми, взятыми непосредственно изъ различныхъ сферъ жизни. Человѣческія отношенія и дѣйствія не вытекаютъ изъ законовъ, а подводятся подъ нихъ, и насколько самое подведеніе такихъ дѣйствій подъ норму закона есть дѣло юриста, настолько же удостовереніе этихъ дѣйствій, признаніе ихъ совершившимися, оцѣнка ихъ, и притомъ не какъ голыхъ фактовъ, а какъ актовъ воли, не предполагаетъ никакого спеціальнаго знанія. Эта старая истина о дѣйствительномъ значеніи суда присяжныхъ, о его *raison d'être*, еще недавно подкрѣплена была новыми доводами въ замѣчательномъ трудѣ вѣнскаго профессора Вальберга (*Das Princip der Individualisirung in der Strafrechtspflege*). Чтѣ дѣлать: чрезъ все новое уголовное право, и въ наукѣ его и въ законодательствѣ, давно уже проходитъ черта гуманности, и идеалы, которые оно ставитъ отправленію уголовного правосудія, нѣсколько возвышеннѣе тѣхъ, чтѣ ставятъ „Московскія Вѣдомости“!

Взглядъ на юридическое достоинство суда присяжныхъ нашель себя во время-оно признаніе, одержаль верхъ и былъ принятъ приступавшими уже въ эту пору (конецъ 1861 года) въ составленію основныхъ положеній преобразованія судебной части. Судъ присяжныхъ включенъ былъ ими въ систему преобразованія и государственнымъ совѣтомъ, послѣ всесторонняго обсужденія дѣла, одобренъ. Такъ какъ у насъ даже въ посвященныхъ въ дѣло кружкахъ, иногда черезъ нѣсколько лѣтъ уже забываютъ основную, руководящую мысль, рѣшившую участь даже весьма крупнаго дѣла, то мы позволимъ себѣ привести здѣсь одно мѣсто изъ разсужденій государственнаго совѣта въ 1862 году о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ: „Мнѣніе нѣкоторыхъ теоретиковъ, что судъ присяжныхъ имѣетъ политическій характеръ, много препятствовало введенію въ разныхъ государствахъ этого учрежденія. Не говоря о томъ, что такое мнѣніе не имѣетъ надлежащаго основанія, нельзя не замѣтить, что отъ законодателя зависитъ обставить это учрежденіе такими условіями, при которыхъ оно не могло бы имѣть никакого политическаго характера, какъ сіе сдѣлано въ другихъ государствахъ, установившихъ у себя въ недавнее время судъ присяжныхъ. Лучше допустить, *на первое время*, нѣкоторые изъятія изъ общаго правила о рѣшеніи вопроса о виновности или невиновности присяжными, нежели совершенно лишить народъ самаго естественнаго и справедливаго суда. Введеніе суда присяжныхъ въ Россію болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ рѣзкихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ посто-

линыхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій, замѣчается большое различіе“.

Конечно, гораздо лучше было бы, если бы у насъ противники реформы въ свое время высказались и противъ суда присяжныхъ, и онъ былъ бы введенъ уже послѣ горячей борьбы мнѣній. Но такая борьба мнѣній у насъ обыкновенно не предшествуетъ реформѣ, а слѣдуетъ уже за нею. Оттого относительная легкость, съ которою у насъ вводятся нныя учрежденія, готовить самими этими учрежденіями впоследствии довольно тернистое существованіе. Также легко, какъ новое учрежденіе вербуетъ себѣ на самыхъ первыхъ порахъ сторонниковъ, — подъ него, когда дѣйствіе его обазывается въ чемъ-нибудь не безупречнымъ, начинаютъ всячески подкапываться и доискиваться въ немъ органическихъ недостатковъ. Съ другой стороны, когда рѣшался у насъ въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о введеніи суда присяжныхъ, можно было надѣяться, что если не предшествующая борьба мнѣній обезпечить этому учрежденію прочное существованіе, то его можетъ обезпечить по крайней мѣрѣ то обстоятельство, что оно является у насъ не вынужденною уступкою народнымъ требованіямъ со стороны власти, въ минуту кризиса — какъ это было во многихъ евронеискихъ государствахъ — а вполне свободнымъ актомъ законодательной воли и довѣрія ея къ успѣхамъ гражданственности въ родной странѣ.

Оправдать ли судъ присяжныхъ ожиданія, которыя на него возлагались, представляетъ ли практика его достаточныя гарантіи для правосудія? На этотъ вопросъ существуетъ весьма различный отвѣтъ, смотря по тому, въ какую сторону мы обратимся за нимъ. Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи, съ одной стороны, упражненія риторовъ „Моск. Вѣдомостей“ на тему объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ и цитуемыя ими же стихотворныя измышленія автора „Потока“ о томъ, какъ преступникъ сознается на судѣ, что онъ отца и мать убилъ, и все-таки выходитъ оправданнымъ изъ суда, а съ другой стороны, намъ представляются отзывы о судѣ присяжныхъ, идущіе непосредственно изъ судебной практики. Мы не споримъ, что риторика и поэзія, хотя весьма убогаго свойства, имѣютъ для нныхъ умовъ весьма обаятельную силу при рѣшеніи вопросовъ общественной жизни, но мы думаемъ, что не слѣдуетъ при такихъ вопросахъ пренебрегать и болѣе положительными данными, идущими изъ тѣхъ именно сферъ, къ которымъ вопросы эти относятся.

Займемся сначала риторикой. Въ томъ самомъ номерѣ „Моск. Вѣд.“ (254), въ которомъ рѣчь шла о дѣлѣ Косача, заявлено о сиплющихся безъ конца оправдательныхъ приговорахъ и положительно высказано, что „мы несомнѣнно увѣрены, что такая ошибка (въ организаціи суда присяжныхъ) есть“, — въ томъ же листѣ газеты дано читателямъ обѣщаніе побесѣдовать съ ними „о причинахъ печальныхъ

явленій, замѣчаемыхъ въ нашей судебной практикѣ“. Вотъ этихъ „причинъ“ мы ждали съ большимъ нетерпѣніемъ съ 20-го ноября прошлаго года, когда „Московскія Вѣдомости“ обѣщали объ нихъ поговорить, и не можемъ ихъ дожидаться и по сей день. Такъ-таки эти „причины“ и не появляются. Въ одинъ листъ газеты были понадерганы отовсюду всевозможные судебные случаи, одинъ другого страшнѣе. Здѣсь была рѣчь и о нѣкоемъ чиновникѣ, дошедшемъ до того, что укралъ чужое платье, часть котораго онъ продалъ, и все-таки былъ оправданъ присяжными, и о такомъ же оправданномъ, несмотря на признаніе вины, подсудимомъ, служившемъ въ конторѣ г. Полякова, и о Богѣ вѣсть зачѣмъ вставленномъ сюда циническомъ сознаніи вора-матроса, который и впредь не отказывается красть, потому что не онъ одинъ, а всѣ кто можетъ крадутъ, но который судился въ Кронштадтѣ вовсе не присяжными, а мировымъ судьей, — и о Косачѣ, который присяжными обвиненъ, а судомъ не подвергнутъ наказанію, и о какомъ-то случаѣ предумышленнаго покушенія на убійство, въ которомъ на сторонѣ обвиненія были, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, полныя доказательства, а на сторонѣ оправданнаго подсудимаго лишь безобразная жизнь и пьянство, и наконецъ о корреспонденціи изъ Одессы, что одинъ изъ служащихъ въ одесской почтовой конторѣ растратилъ казенныя и укралъ частныя деньги, увлекшись будто бы примѣромъ другого вора-казначея, оправданнаго присяжными, — точно подобныя увлеченія не встрѣчались на Руси безъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ. Всѣ эти столь различныя и неимѣющія ничего общаго между собою дѣла — нагромождены одно на другое, утрамбованы, и настилка, имѣющая видъ чего-то фактическаго и прочнаго, уже приготовлена для общихъ заключеній объ ошибкахъ въ самой организаціи суда присяжныхъ. Для сколько-нибудь правильной оцѣнки дѣйствій судебного учрежденія въ каждомъ изъ приведенныхъ случаевъ, нужно бы конечно войти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, нужно бы просидѣть вмѣстѣ съ присяжными все засѣданіе отъ начала до конца и посмотрѣть, что имъ представлялось на судѣ, что показывали свидѣтели, что показывалъ самъ подсудимый, что доказывали обвиненіе и защита, что сказалъ въ заключеніе предсѣдатель. Иначе вѣдь это значитъ залѣзть въ чужую совѣсть и производить въ ней обыски, — что не годится. Впрочемъ, читатель конечно замѣтилъ, что здѣсь приведено собственно четыре оправдательныхъ приговора присяжныхъ: о нищемъ чиновникѣ, укравшемъ платье, о служившемъ въ конторѣ г. Полякова, обвинявшемся въ поддѣлѣ документа, о покушавшемся на убійство и о казначейѣ, подавшемъ собою такой дурной примѣръ чиновнику почтовой конторы, который самъ впрочемъ еще не судился. И вотъ, на основаніи такихъ четырехъ приговоровъ, дѣлается общее, крайне невыгодное заклю-

ченіе о цѣломъ положеніи у насъ института присяжныхъ и дѣлается притомъ съ такою самоувѣренностью, что даже высказывается совершенно повидимому искренно, на этотъ разъ, намѣреніе поговорить и о „причинахъ“ столь печальныхъ явленій! Развѣ это не пріемъ самой легкомысленной, выѣзжающей на фразѣ риторики, которая сама, повидимому, сбита съ толку фактами, вырванными за хвостъ изъ міра ей совершенно чуждаго и которая всю силу своего діалектическаго искусства употребляетъ, чтобъ сбить ими съ толку другихъ!

Чтобъ быть справедливымъ, мы должны привести одно смягчающее вину обстоятельство. На ловца, говорится, и звѣрь бѣжитъ, но гоняясь за звѣремъ въ мѣстности, мало извѣданной, неосторожный охотникъ можетъ очутиться по поясъ въ болотѣ. Уже съ самой осени г. Катковъ охотился въ области судебной реформы и оглашалъ всю чуждую, мало знакомую ему мѣстность выстрѣлами, пущенными зря и пролетавшими мимо добычи, такъ что только заряды тратилъ. На бѣду ему издается въ Москвѣ маленькій журналъ „Юридическій Вѣстникъ“, а въ томъ журналѣ напечатаны въ 1871 году двѣ крошечныя замѣтки одного начинающаго и неизвѣстнаго намъ писателя г. Обнинскаго, объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ. Вотъ этими замѣтками и суждено было ввести „Московскія Вѣдомости“ въ заблужденіе. Печатавъ въ іюльской книжкѣ первую замѣтку г. Обнинскаго, на двухъ страничкахъ (92—94), осторожная редакція „Юридическаго Вѣстника“, понимая, лучше своего сотрудника, всю важность вопроса, о которомъ шла рѣчь, сочла необходимымъ предпослать ей возраженіе, по величинѣ равнявшееся самой замѣткѣ. На этомъ г. Обнинскій не успокоился и въ сентябрьской книжкѣ „Ю. В.“ напечаталъ по поводу приговоровъ присяжныхъ засѣдателей необходимое объясненіе, которое редакція снова сопровождала примѣчаніемъ, что „институтъ присяжныхъ, если не есть послѣднее слово уголовной юстиціи, то, по крайней мѣрѣ, еще умъ человѣческій лучше его ничего не придумалъ“. Еслибы г. Обнинскій, говоря о значеніи оправдательныхъ приговоровъ при наличности вины, по поводу одной сессіи въ московскомъ окружномъ судѣ, при которомъ присяжные засѣдатели ознаменовали себя рядомъ оправдательныхъ приговоровъ, далъ себѣ трудъ, вмѣсто категорическихъ и совершенно голо высказанныхъ мнѣній, безъ поименованія подсудимыхъ, характеристики ихъ и означенія преступленій, въ которыхъ они обвинялись, хотя сколько-нибудь подробно разобрать тѣ дѣла, по которымъ „большую часть такихъ приговоровъ награждены сознавшіеся подсудимые и въ особенности—рецидивисты въ кражахъ“,—тогда была бы возможность провѣрить дѣлаемые имъ выводы и отзывы съ фактами. Намъ нужно знать не „большую часть“ такихъ приговоровъ, а сколько именно такихъ приговоровъ было и каково ихъ отношеніе къ числу обвинительныхъ приговоровъ; каковъ былъ самый составъ присяжныхъ,

такъ какъ составъ на составъ не приходится; долго ли находились такіе сознавшіеся, но оправданные подсудимые подъ предварительнымъ слѣдствіемъ и въ тюремномъ заключеніи, каковъ былъ возрастъ ихъ, какъ велика цѣнность украденнаго, такъ какъ и за квалифицированную кражу цѣностью меньше рубля можно, какъ бывали у насъ примѣры, прогнать въ тюрьмѣ—до суда—около года; каково было показаніе на судѣ потерпѣвшаго отъ преступленія, такъ какъ это показаніе имѣетъ большое вліяніе на присяжныхъ; равны ли были, во время судебныхъ преній, силы обвиненія и защиты; каковъ общій смыслъ былъ заключительной рѣчи предсѣдателя и т. д. Оправдательныхъ приговоровъ, при наличности вины, безъ всякаго сомнѣнія, быть не должно, потому что они представляютъ собою аномалію; но такъ какъ въ вопросѣ „виновенъ-ли“, заключается, при утвердительномъ отвѣтѣ, не одно признаніе извѣстнаго, голаго факта, входящаго въ объективный составъ преступленія, совершившимся,—но и признаніе, что по обстоятельствамъ дѣла этотъ фактъ долженъ быть вмѣненъ въ вину подсудимому, то судъ по совѣсти не только у насъ, но и вездѣ бываетъ адѣсь иногда поставленъ въ крайне трудную внутреннюю борьбу съ самимъ собою, и результатомъ, хотя и нежелаемымъ, можетъ быть оправдательный приговоръ, при искреннемъ сознаніи подсудимаго въ совершеніи дѣянія, особенно, когда присяжные, послѣ первыхъ дней сессіи, узнаютъ, какія тяжкія уголовныя послѣдствія это дѣяніе влечетъ за собою по закону. Всего чаще такіе оправдательные приговоры, и при сознаніи и безъ сознанія подсудимаго, выносятся присяжными тогда, когда судебное слѣдствіе, какъ это весьма нерѣдко бываетъ, обнаруживаетъ или крайнюю неполноту предварительнаго, или и совершенную его несостоятельность и недостоверность. Въ томъ случаѣ, когда обвиняемый на предварительномъ слѣдствіи сознается, только очень немногіе и опытные слѣдователи соберутъ улики, которыя въслѣдствіи на судѣ позволили бы воспроизвести дѣло въ истинномъ его свѣтѣ, а не въ томъ, которое сообщить ему подсудимый. Именно поэтому выраженіе г. Обнинскаго: „Тяжелый трудъ слѣдователя, усилія обвинителя разлетаются дымомъ“ не имѣетъ серьезнаго значенія. Можетъ ли, далѣе, г. Обнинскій серьезно защищать свою мысль, напр., „что устанавливается убѣжденіе, что для полнаго оправданія требуется сознаться, прикинуться казанской сиротой или расплакаться“. Въ тюремныхъ замкахъ устанавливаются, конечно, всякія убѣжденія, но рѣшится ли г. Обнинскій настаивать на мысли, что подсудимые проводятъ присяжныхъ, какъ пошлыхъ дураковъ, и тѣ оправдательные приговоры, о которыхъ онъ говоритъ, достаются на долю только такихъ казанскихъ сиротъ! Вопросъ тутъ гораздо сложнѣе, чѣмъ думаетъ г. Обнинскій, и отдѣливаться отъ него такими поверхностными, голословными замѣтками, какія онъ на-

писалъ, очевидно нельзя. Во всемъ, что онъ говоритъ, встрѣчается только одна фактически-вѣрная мысль, ненуждающаяся въ доказательствахъ, потому что она имѣетъ за себя опытъ, вынесенный почти повсемѣстно новымъ судомъ изъ выводовъ уголовныхъ отдѣленій по округу — это, что присяжные въ уѣздѣ, состоя въ значительномъ большинствѣ изъ однихъ крестьянъ, отличаются вообще несравненно большею строгостью, чѣмъ городскіе присяжные, и особенно столичные. Впрочемъ, это до такой степени уже общезвѣстная вещь, что председательствующіе въ уѣздахъ никогда не должны ее упускать изъ виду, иначе присяжные склонятся къ обвиненію подсудимаго даже при самыхъ слабыхъ уликахъ, особенно когда товарищъ прокурора уже нѣсколько искусился въ обвиненіи, а защитникомъ является, какъ это часто бываетъ въ уѣздѣ, какой-нибудь начинающій кандидатъ на судебныя должности. Еслибы г. Обнинскій далъ себѣ трудъ нѣсколько больше вникнуть въ дѣло и сначала навести побольше наблюденій, а потомъ уже писать замѣтки, то онъ, можетъ быть, остановился бы на этомъ вопросѣ, отчего въ столицахъ составъ присяжныхъ бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ въ какомъ-нибудь глухомъ уѣздѣ. Это, конечно, не потому, чтобы „въ первобытно-грубомъ, неразвитомъ составѣ присяжныхъ“ было чувства правды всегда больше, чѣмъ въ болѣе развитомъ городскомъ классѣ. Дѣло въ дѣйствительности объясняется тѣмъ, что у насъ въ столицахъ все что по-интеллигентнѣе состоитъ на службѣ государственной или общественной и нѣкоторыя мѣста черезъ-чуръ легко выдають служащимъ у нихъ лицамъ, вызываемымъ въ судъ въ качествѣ присяжныхъ, удостовѣренія объ особыхъ порученіяхъ по службѣ, хотя они и заняты совершенно обыкновенными, текущими дѣлами. Такія особые порученія освобождаютъ по закону отъ обязанности проводить двѣ-три недѣли въ судѣ. И нельзя себѣ представить, сколько вдругъ является такихъ занятыхъ лицъ, имѣющихъ особые порученія! Затѣмъ, то, что остается, представляетъ изъ себя часто уже довольно сѣренькій составъ присяжныхъ. А „сѣренькіе“ въ городѣ и въ столицѣ дѣйствительно менѣе благонадежны въ качествѣ присяжныхъ, нежели „сѣренькіе“ въ уѣздѣ. По замѣчанію прокурора одного окружнаго суда объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ, купцы и мѣщане представляютъ наименѣе надежный элементъ для состава присяжныхъ, „и не рѣдко приходится слышать объ отводѣ нѣкоторыхъ изъ городскихъ жителей изъ числа присяжныхъ самими же присяжными.... Причиною такихъ просьбъ указывалось на грубое обращеніе, дѣлавшее невозможнымъ совѣщаніе съ этими лицами и не совсѣмъ трезвое состояніе при явкѣ въ судебное засѣданіе.“ Титы Титыи вездѣ остаются себѣ вѣрными.

Замѣтки г. Обнинскаго сами по себѣ не заслуживали бы того, чтобы на нихъ такъ долго останавливаться. Для читателей „Юриди-

ческаго Вѣстника“, знакомыхъ съ судомъ присяжныхъ изъ ежедневнаго сопркосновенія съ нимъ и имѣющихъ въ журналѣ рядомъ съ замѣтками и возраженіе редакціи, односторонность этихъ замѣтокъ не могла не броситься въ глаза, и если пользы отъ нихъ немного было, то и вреда отъ нихъ большого для читателей-специалистовъ также не могло быть. Конечно, г. Обнинскій не виноватъ въ томъ, что „Моск. Вѣдомости“ на бѣду его и на свою собственную затрубили объ этихъ замѣткахъ гласомъ велимъ и не только сослались на нихъ, какъ на нѣчто серьезное, но и значительно позаимствовались изъ нихъ. Но въ такомъ случаѣ значеніе этихъ невинныхъ замѣтокъ становилось уже другое, и обращаясь къ источнику заблужденій „Москов. Вѣд.“ и къ автору, на котораго онѣ ссылались, нельзя уже было не указать на то, что есть не продуманнаго въ его маленькомъ произведеніи. Между тѣмъ изъ этого произведенія бужельно заимствованы „Московскими Вѣдомостями“ именно тѣ наиболее характерныя строки, которыми онѣ приправили свои скорбныя размышленія о нашемъ судѣ присяжныхъ: „эти оправдательные приговоры, сыплющіеся безъ конца и безъ видимой причины, представляютъ собою явленіе ненормальное, болѣзненное“. Но г. Обнинскій относится къ этому явленію добросовѣстнѣе „Моск. Вѣдомостей“: онѣ не ставятъ этихъ оправдательныхъ приговоровъ въ вину суду. „Призадуматься, говоритъ онѣ, надъ этимъ (явленіемъ) всего прежде придется самимъ присяжнымъ засѣдателямъ, такъ какъ прочіе органы судебной власти тутъ ни причемъ“. Напротивъ, „Московскія Вѣдомости“ (1871 г. № 217) полагаютъ, что „подобные приговоры присяжныхъ въ большей части случаевъ падаютъ на отвѣтственность суда или его предсѣдателя. Вердикты присяжныхъ готовятся ходомъ судебныхъ преній, заключительнымъ словомъ предсѣдателя и постановкой вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ для разрѣшенія“. Очевидно, „Моск. Вѣд.“ пошли нѣсколько дальше г. Обнинскаго, потому что еще менѣе его вникая въ сущность дѣла, онѣ поэтому самому нѣсколько смѣлѣе и рѣшительнѣе въ своихъ приговорахъ. И если онѣ до сихъ поръ остаются въ долгу предъ своими читателями и не сообщаютъ „причинъ“ печальныхъ явленій, замѣчаемыхъ въ нашей судебной практикѣ, то это все-таки не мѣшаетъ имъ намекнуть, что онѣ обладаютъ секретомъ, объясняющимъ неудачное дѣйствіе у насъ суда присяжныхъ. Въ томъ самомъ № 254, въ которомъ онѣ высказали увѣренность, что въ организаціи этого суда есть ошибка, онѣ въ заключеніе замѣтили: „мы предвидѣли и послѣдствія этой ошибки (какой?), когда обсуждались самыя основанія нашей судебной реформы, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ держалась фальшиво-оглаженныхъ французскихъ образцовъ. Къ этому важному вопросу мы не замедлимъ возвратиться“. Хотя къ этому вопросу онѣ не возвращались до на-

стоящаго времени, но относительно французскихъ образцовъ мы должны замѣтить, что наши судебныя уставы во всемъ, что касается суда присяжныхъ, далеко не такъ исключительно держались французскихъ образцовъ, какъ многія другія законодательства. Какъ судебное слѣдствіе, такъ и порядокъ дѣйствій, слѣдующій за преніями сторонъ, представляютъ нѣкоторыя весьма существенныя черты отличія. А затѣмъ остается то общее, что обусловлено болѣе или менѣе сущностью этого учрежденія и тѣми условіями континентальной государственной жизни, въ которыхъ ему вездѣ суждено было быть довольно поздно вставленнымъ. Безъ всякаго сомнѣнія, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, такъ и у насъ, было бы вообще менѣе оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, еслибы вся остальная процедура до суда не основывалась, и послѣ судебной реформы, на началахъ слѣдственнаго процесса. Но развѣ возможно было думать у насъ, чтобы, напр., уже вопросъ о преданіи суду разрѣшался, какъ въ Англіи, присяжными? А допущеніе, какъ въ той же Англіи, защиты уже во время предварительнаго слѣдствія? Попытка провести ее, когда вырабатывались судебныя уставы, даже со всевозможными ограниченіями, должна была остаться *prim desiderium*.

V.

Настоящей бесѣдой нашей съ „Московскими Вѣдомостями“, которая нѣсколько затянулась уже и которою мы сами начинаемъ тяготиться—потому что больно уже мелко онѣ плаваютъ—мы желали бы достигнуть одного, чтобы впередъ онѣ не отзывались такъ непростительно поверхностно о вещахъ, въ которыхъ онѣ очень мало смыслятъ. Судъ нашъ, поставленный въ очень трудныя условія, скромно ведетъ свое дѣло, но это не даетъ никому право нагло о немъ отзываться. Со стороны, для иного непризваннаго критика многое можетъ въ разрѣшеніи какого-либо дѣла показаться страннымъ и непонятнымъ, а въ дѣйствительности оказывается, что судъ по закону иначе поступить не могъ. Напримѣръ, дѣло о графѣ Апраксинѣ, судившемся осенью прошлаго года въ петербургскомъ окружномъ судѣ, „Москов. Вѣдом.“ выставили какъ „случай, не очень выгодно рекомендующій нашу судебную практику“. Набралъ этотъ 20-ти-лѣтній графъ обманымъ образомъ въ магазинахъ вещей на 1,000 руб., но въ каждомъ магазинѣ отдѣльно на сумму менѣе 300 руб., вещи эти передалъ разнымъ женщинамъ, а между тѣмъ судомъ былъ поставленъ вопросъ: не въ крайности ли онъ совершилъ это преступленіе, и присяжные отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно. Что за странность въ самомъ дѣлѣ? Между тѣмъ исторія этого юноши, раскрывшаяся на судебномъ слѣдствіи, одна изъ самыхъ печальныхъ. Безъ домашняго кро-

ва—родители его въ Австрiи—безъ мѣста и безъ занятiй, онъ много лѣтъ уже былъ оставленъ на произволъ судьбы. Если въ бѣдственномъ положенiи, въ которомъ онъ находился, много виноваты его невыдержанность, его легкомыслие и неокончанiе имъ курса въ учебномъ заведенiи, въ которомъ онъ воспитывался, то виноваты также и домашнiя его обстоятельства. Мѣсяцевъ около семи содержался онъ до суда въ заключенiи и, оставленный всѣми родными и знакомыми, дошелъ до нищенскаго положенiя, такъ что не имѣлъ уже даже самаго необходимаго верхняго платья. Крайность — понятiе относительное, и иная крайность простолюдина, и иная графа Апраксина. Тѣмъ не менѣе и несмотря на искреннее, повидимому, раскаянiе подсудимаго и обѣщанiе, данное на судѣ, обратиться къ труду, къ честной, порядочной жизни, переродиться, загладить прошлое и вознаградить потерпѣвшихъ лицъ за убытки, судъ первоначально, въ виду обманнаго забора вещей въ магазинахъ, самъ собою не ставилъ вопроса о крайности: онъ былъ поставленъ уже послѣ прѣчитiя предположенныхъ вопросовъ, по заявленiю защиты. Имѣлъ ли судъ право отказать въ этомъ ходатайствѣ? Нѣтъ, не имѣлъ, потому что по закону и по кассационнымъ рѣшенiямъ вопросы ставятся не только по выводамъ обвинительнаго акта, но и по тѣмъ предметамъ, которые обнаружены судебнымъ слѣдствiемъ или о которыхъ рѣчь шла въ судебныхъ пренiяхъ. Да, кромѣ того, вопросъ этотъ, въ данномъ случаѣ, не могъ имѣть и въ дѣйствительности не имѣлъ никакого существеннаго влiянiя на наказанiе, которое слѣдовало подсудимому по закону. Высшая мѣра наказанiя за преступленiе, въ которомъ обвинялся графъ Апраксинъ, для лицъ привилегированныхъ сословiй — лишенiе всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянiю присвоенныхъ правъ и преимуществъ и тюремное заключенiе на три мѣсяца. Но такъ какъ гр. Апраксинъ не достигъ полнаго совершеннолѣтiя, двадцати одного года, то о лишенiи всѣхъ особенныхъ правъ состоянiя рѣчи не могло быть и оставалось, какъ максимумъ, заключенiе въ тюрьму на три мѣсяца. А приговоренъ онъ судомъ, въ виду признанiя его присяжными по первому вопросу (выдача въ магазинахъ въ уплату за купленные вещи чековъ на контору Карповича, съ знанiемъ, что по этимъ чекамъ деньги не могутъ быть получены), виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденiе, — къ тюремному заключенiю на два мѣсяца, такъ что сбавка на одинъ мѣсяцъ послѣдовала именно вслѣдствiе признанiя его заслуживающимъ снисхожденiя, и утвердительно отвѣченный присяжными вопросъ о крайности не имѣлъ равно никакого влiянiя на мѣру наказанiя.

Еще ранѣе, чѣмъ гр. Апраксинъ, за обманный заборъ вещей въ магазинахъ, гдѣ не могъ расплатиться, былъ задержанъ на станцiи финл. желѣзной дороги и только полицейскимъ заарестованiемъ оста-

новленъ отъ покушенія на самоубійство, — его однажды въ пьяной компаніи, въ 5-мъ часу ночи, доставили въ полицейскій домъ Литейной части, и здѣсь, какъ показывалъ смотритель дома, онъ замахнулся на него палкой. По этому обстоятельству производилось особое слѣдствіе. На судѣ оскорбленный смотритель съ помощникомъ показывали одно, а подсудимый съ товарищами его по заарестованію, вызванными въ качествѣ свидѣтелей — другое, объясняя, что оскорбленіе было вызвано самимъ оскорбленнымъ. Безусловной вѣры нѣкоторая сторона, какъ одинаково заинтересованная, не заслуживала. Однако такія выраженія, которыя занесены въ протоколы предварительнаго слѣдствія и съ которыми, по согласнымъ показаніямъ свидѣтелей, смотритель обратился въ приемномъ покоѣ къ гр. Апраксину, съ угрозой отправить его въ общую арестантскую: „такихъ графовъ мы видали“, „ты не графъ, а лакей графа“, впоследствии не придумываются. На предложенный присяжнымъ вопросъ объ этомъ оскорбленіи, они отвѣчали отрицательно. По этому поводу „Моск. Вѣд.“ сами ставятъ вопросъ: „Если мы примемъ себѣ за правило, что полиція, являясь въ судѣ, всегда и во всемъ виновата, то не будетъ ли это достаточною причиною для нея вовсе не обращаться къ суду, а расправляться своимъ судомъ? Нетрезвый видъ, въ которомъ подсудимый совершилъ свой поступокъ, не можетъ служить къ его оправданію. Пьянство *везде* признается обстоятельствомъ отягчающимъ вину“ (sic). Мы думаемъ, что постановкѣ подобнаго вопроса должна бы предшествовать хотя тѣнь какаго либо доказательства, будто принято за правило, что полиція, являясь въ судѣ, всегда и во всемъ виновата.

VI.

Чтобы показать всю неосновательность такого милаго предположенія, имѣющаго очень серьезную сторону, мы должны уже проститься съ обобщающей риторикой „Моск. Вѣд.“ и заглянуть въ болѣе положительные источники. Нельзя не пожалѣть прежде всего, что отчеты министерства юстиціи печатаются нынѣ далеко не такъ своевременно, какъ въ былыя времена, когда они представляли гораздо меньшій интересъ. Предъ нами послѣдній напечатанный въ прошломъ 1871 году отчетъ министерства юстиціи за 1868 г. Полнотой своей онъ въ значительной степени искушаетъ нѣсколько позднее свое появленіе. Прежде однако, чѣмъ обратиться къ цифрамъ, мы должны, для недостаточно посвященныхъ въ наши законы, упомянуть, что за побои или другое явно насильственное дѣйствіе, нанесенное какъ полицейскому, такъ и всякому другому чиновнику, при исполненіи имъ обязанностей службы, — 285 ст. улож. грозитъ смирительнымъ домомъ отъ 8-ми мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ. Слѣдующая, гораздо чаще приимѣ-

няемая на практикѣ 286 ст. улож., — такъ какъ до побоевъ крайне рѣдко доходить, — полагаетъ за оскорбленіе всякаго чиновника, а значитъ и полицейскаго, ругательными или поносительными словами, также при исполненіи обязанностей службы, заключеніе въ смирительномъ домѣ отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ. Но при этомъ законъ, не упуская изъ виду дѣйствительной жизни и тѣхъ условій, при какихъ всего чаще такіа оскорбленія наносятся, отступаетъ отъ общаго своего начала, по которому пьянство не признается за обстоятельство смягчающее вину, и приравниваетъ пьянство къ невѣжеству и неразумнѣю. („Моск. Вѣдомости“ имѣютъ на этотъ счетъ, какъ мы сейчасъ видѣли, свои особые законы). Именно 2-я часть 286 ст. гласитъ: „Когда будетъ доказано, что оскорбленіе чиновника словами учинено не съ умысломъ оказать неуваженіе къ мѣсту или лицу, а въ пьянствѣ или по невѣжеству и неразумнѣю, или же что произнесенныя виновнымъ слова были хотя неприличныя, но не ругательныя или поносительныя, то онъ за сіе присуждается къ денежному взысканію не свыше 100 рублей.“ Эта 2-я ч. 286 ст. улож. находитъ самое обширное примѣненіе во всѣхъ окружныхъ судахъ, всего чаще приводится въ обвинительныхъ актахъ по дѣламъ объ оскорбленіи чиновъ полиціи и по ней судятся по крайней мѣрѣ девять десятыхъ этого рода дѣлъ. Только по дѣламъ объ оскорбленіи низшихъ чиновъ полиціи, такъ-наз. полицейскихъ стражей и служителей, наприм., городовыхъ, примѣняется судами 31 ст. устава о нак. нах. мир. судьями, по которой за словесную обиду полагается арестъ не свыше 1-го мѣсяца, или денежное взысканіе не свыше 100 руб., а за обиду дѣйствіемъ — арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Теперь посмотримъ, какъ примѣняются новыми судами эти статьи закона объ оскорбленіи чиновъ полиціи и принято ли за правило, что полиція, являясь въ судѣ, всегда и во всемъ виновата. Оскорбленіе чиновъ полиціи представляетъ на практикѣ самую обширную категорію дѣлъ въ томъ отдѣлѣ уложенія (гл. 2 разд. IV), который трактуетъ вообще объ оскорбленіи и явномъ неуваженіи къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ при отправленіи должности (ст. 276—288). Въ этомъ отдѣлѣ и находятся сейчасъ приведенныя нами статьи закона (285 и 286). Что именно дѣла объ оскорбленіяхъ полиціи представляютъ здѣсь наиболѣе обширную категорію дѣлъ, такъ что всѣ остальные упоминаемыя въ этомъ отдѣлѣ преступленія или проступки составляютъ судамъ относительно ничтожный процентъ дѣлъ, объясняется тѣмъ, что полиція находится въ наиболѣе частыхъ, ежедневныхъ прикосновеніяхъ съ населеніемъ. Если, поэтому, въ отчетѣ министерства юстиціи дѣла объ оскорбленіяхъ полиціи невидѣльны изъ цѣлаго отдѣла уложенія о неуваженіи къ должностнымъ лицамъ, то мы тѣмъ не менѣе изъ практики знаемъ, къ какому именно роду

преступленій и проступковъ всего болѣе относятся цифры, показывающія отношеніе числа судившихся и оправданныхъ подсудимыхъ, обвинявшихся въ такомъ „неуваженіи“. Изъ таблицы, помѣщенной на стр. 42-й отчета, въ которой показано распредѣленіе подсудимыхъ по роду преступленій; дѣла о которыхъ окончательно рѣшены окружными судами и судебными палатами въ 1868-мъ году, мы видимъ, что въ неуваженіи къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ при отправленіи должности обвинялось 720 лицъ, освобождено отъ суда 141 и обвинено 579 человекъ. Эти цифры, какъ оказывается при разсмотрѣніи отчета, извлечены изъ вѣдомости (№ 9) о числѣ лицъ, освобожденныхъ отъ суда, оправданныхъ и приговоренныхъ къ наказаніямъ окружными судами и палатами въ 1868-мъ году. Въ этой вѣдомости подробно показаны и самыя наказанія, которыя, всего болѣе совпадая съ тѣми, что положены въ законѣ за оскорбленія чиновъ полиціи, еще болѣе убѣждаютъ, что наибольшій контингентъ обвиняемыхъ по 276—288 ст. улож. доставляютъ именно дѣла о такихъ оскорбленіяхъ. Такъ, изъ общаго числа 579 человекъ, признанныхъ судами виновными, приговорены къ наказаніямъ: 269 человекъ (въ томъ числѣ 15 женщинъ) къ аресту, 239 лицъ обоего пола (17 ж.) къ денежнымъ взысканіямъ, выговорамъ и т. д.; къ заключенію въ тюрьмѣ 40, къ смирительному дому 20, къ отдѣлѣ въ рабочій домъ 3 и къ другимъ наказаніямъ 8 человекъ. По роду наказаній, положенныхъ здѣсь закономъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ влекущихъ за собою какое-либо ограниченіе правъ состоянія, значительная доля этихъ дѣлъ судится безъ присяжныхъ, такъ что съ участіемъ ихъ разсматривается не болѣе одной пятой всѣхъ дѣлъ этого рода, а именно: изъ общаго числа окончательно рѣшенныхъ по этой категоріи въ 1868-мъ году окружными судами и палатами 566 дѣлъ, по которымъ обвинялось 720 человекъ, съ участіемъ присяжныхъ разбиралось 136 дѣлъ и безъ ихъ участія 430. Цифры эти во всякомъ случаѣ показываютъ всю голословность и негѣлость мнѣнія, что полиція, являясь въ новый судъ, всегда и во всемъ считается виноватою.

Не менѣе любопытныя данныя представляетъ отчетъ объ общемъ состояніи уголовного правосудія. Всѣхъ подсудимыхъ по дѣламъ, окончательно рѣшеннымъ окружными судами и палатами въ 1868-мъ году въ трехъ бывшихъ тогда округахъ, въ которыхъ введены были судебные уставы, состояло 6,279 человекъ. Изъ этого общаго числа, оправдано—1,200; освобождено отъ суда—56; и приговорено къ наказаніямъ—5,023. Изъ вѣдомости же, которою мы уже пользовались, видимъ, что общее число дѣлъ, по которымъ судились эти 6,279 человекъ, простиралось до 4,379, и изъ нихъ почти двѣ трети, именно 2,828 дѣлъ, разсматривались съ участіемъ присяжныхъ вѣздателей и

1,551 дѣло безъ ихъ участія. А слагая по этой вѣдомости тѣ числа подсудимыхъ, которые приговорены къ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, и которыя могли быть назначены только съ участіемъ присяжныхъ,—мы получимъ слѣдующее 4 т. человекъ. Все это необходимо приводить къ тому общему въ нашемъ судебномъ мірѣ убѣжденію, что съ введеніемъ судебной реформы уголовное правосудіе въ Россіи стало не только дѣйствительнѣе, но и гораздо *строже* прежняго, несмотря на допущенныя судебными уставами средства защиты и другія гарантіи для подсудимыхъ. Поговорите съ бывшими предсѣдателями нашихъ старыхъ уголовныхъ палатъ и справьтесь у нихъ, каково было отношеніе признанныхъ виновными подсудимыхъ къ общему ихъ числу и къ числу оставленныхъ по суду въ сильномъ и простомъ подозрѣніи! Въ высшей степени замѣчательно то, что говорится въ отчетѣ объ общемъ результатѣ дѣятельности суда съ присяжными за 1868-й годъ. Отчетъ, на основаніи множества поступившихъ въ министерство юстиціи замѣчаній о дѣйствіи на практикѣ судебныхъ уставовъ,—замѣчаній, изъ которыхъ составлены цѣлые своды—становится на единственно вѣрную точку зрѣнія, какая только возможна при оцѣнкѣ дѣятельности нашихъ присяжныхъ. Именно, „слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду ту массу обыкновенныхъ дѣлъ, которыя ежедневно предлагаются на разрѣшеніе присяжныхъ и которыя ни по личности подсудимыхъ, ни по обстоятельствамъ, среди которыхъ совершилось преступленіе, не представляютъ никакихъ особенностей, т.-е. наиболѣе обширную категорію дѣлъ. Въ этихъ дѣлахъ въ приговорахъ присяжныхъ незамѣтно никакой склонности къ оправданію преступниковъ, противъ которыхъ обнаружены какія бы то ни были серьезныя улики. Особенно строго относятся къ дѣлу присяжные засѣдатели въ уѣздныхъ городахъ, а по родамъ преступленій наибольшую строгость обнаруживаютъ всѣ присяжные къ преступленіямъ противъ собственности“ (стр. 28). Отчетъ не отрицаетъ того факта, что по нѣкоторымъ дѣламъ существуетъ у присяжныхъ склонность къ оправданію и къ признанію обстоятельствъ заслуживающихъ снисхожденіе, но по какимъ именно?—„...Относительно такихъ преступныхъ дѣйствій, которыя недостаточно вѣрно опредѣлены *въ законѣ* (курсивъ въ Отчетѣ) или наказываются закономъ съ излишнею строгостію. Такъ, нарушеніе устава о паспортахъ, несопряженное съ вредомъ ни для казны, ни для частныхъ лицъ, сопротивленіе властямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это сопротивленіе происходитъ отъ невѣжества и отъ неосознанія важности самаго дѣянія, и наконецъ нѣкоторые случаи, подводимые закономъ подъ понятіе важнаго преступленія—святотатства, но въ сущности составляющіе лишь нарушеніе церковной собственности, нерѣдко вызываютъ оправда-

тельные приговоры присяжныхъ.” Наконецъ, официальный источникъ, которымъ мы пользуемся, указываетъ на нѣкоторые случаи, въ которыхъ присяжные, признавая кражу, не признають взлома, и имъ трудно усвоить себѣ законную точку зрѣнія на взломъ, какъ обстоятельство, увеличивающее вину кражи. „Значительная часть кражъ со взломомъ совершается у крестьянъ; но при этомъ замки, которыми крестьяне запирають свои амбары и гумна, такого рода, что ихъ можно отворить безъ труда палочкою или рубомъ и кроми того часто бываетъ украдено имущества на одинъ или на 2 руб.” А увеличиваетъ взломъ наказаніе ровно на 20 степеней, если сравнить 170 ст. ул. о наказ. налаг. мировыми судьями (за простую кражу) и 1647 ст. улож.—Очевидно, что съ стоящимъ на очереди пересмотромъ нашихъ уголовныхъ законовъ и съ устраненіемъ изъ нихъ многого, что было рассчитано на старую теорію формальныхъ доказательствъ и на старый безгласный судъ, въ нашемъ судѣ присяжныхъ все рѣже будутъ встрѣчаться и такіе упоминаемые отчетомъ оправдательные приговоры, которые пока въ судѣ по совѣсти неизбѣжны, но причина которыхъ кроется, конечно, не въ самой организаціи этого суда и не въ общемъ положеніи его, созданномъ судебными уставами.

В. О

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го февраля, 1872.

Двойное значеніе Тьера для Франціи. — Пренія о налогахъ. — Правительственный кризисъ. — Увольненіе прусскаго министра фонъ-Мюллера и взглядъ на его дѣятельность. — Д-ръ Фалькъ. — Австрійское правительство, Галиція и Кроація. — Англо-французскій торговый трактатъ. — Возмущеніе въ Индіи. — Дѣло «Элебеми». — Требованія Америки. — Распущеніе испанскихъ кортесовъ. — Отношеніе германской печати къ русскимъ дѣламъ.

Тьеръ, безспорно, не только очень умный человекъ, но и очень способный администраторъ. Сверхъ того, онъ еще при орлеанской монархіи славился своей парламентской тактикою, къ которой всегда подмѣшивалъ значительную дозу закулисной интриги. Но умъ Тьера не включаетъ въ себѣ именно творческой способности. Пристрастіе его къ своимъ личнымъ взглядамъ, упрямство его въ проведеніи лично направляемой ему программы, не имѣютъ ничего общаго съ фанатизмомъ мыслителя, который самъ создалъ идею; пристрастіе и упрямство Тьера гораздо ближе къ тому, что называется рутиною; они зависятъ болѣе отъ неспособности къ критикѣ и анализу, чѣмъ отъ глубины и силы самостоятельнаго убѣжденія. Умъ Тьера, повторяемъ, лишентъ творческой способности. Онъ способенъ вдуматься въ готовую, не имѣ изобрѣтенную систему, усвоить себѣ ее и затѣмъ уже слѣпо и упрямо держаться ея, тѣмъ слѣпѣе и упрямѣе, что самъ онъ ей не судья, и не знаетъ гдѣ начинается, и гдѣ кончается ея примѣнимость. Какъ историкъ-публицистъ, онъ усвоилъ себѣ систему перваго Наполеона, проникся ею, и въ администраціи не имѣетъ иныхъ идеаловъ, кромѣ традицій наполеоновской системы. Въ политикѣ, то-есть въ высшей, теоретической сферѣ управленія, онъ проникся узкими идеалами достаточной буржуазіи, которая была истиннымъ царемъ въ правленіе Людовика-Филиппа, и эти традиціи до сихъ поръ служатъ ему единственными идеалами, несмотря на то, что нынѣшнее время совсѣмъ не похоже на мирное, буржуазно-либеральное, добродушно-

шовинистское время іюльской монархіи. Что общаго между тѣмъ временемъ и нынѣшнимъ положеніемъ и нынѣшнимъ настроеніемъ умовъ во Франціи, когда пошатнулось то матеріальное благосостояніе, которыми она при Людовикѣ-Филиппѣ жила въ дѣйствительности, когда пошатнулись еще болѣе тѣ идеалы наполеоновскаго шовинизма, смѣшаннаго съ дозой шумнаго, но невинно-буржуазнаго радикализма, которыми она въ то время жила въ своемъ міросозерцаніи, когда, наконецъ — значительно выросъ *народъ*, и не приобрѣвъ еще достаточнаго развитія, чтобы всегда рационально пользоваться своимъ полномостіемъ, все-таки привыкъ уже къ мысли о своей *souveraineté*, къ мысли прямо противоположной буржуазной теоріи объ имущественномъ цензѣ?

И вотъ, Тьеръ, точно такъ, какъ въ роли историка - публициста онъ безъ всякой критики относился къ системѣ Наполеона, ограничивался только распространеніемъ и популяризovanіемъ ея традицій, такъ теперь, онъ является человекомъ традицій въ то время, когда времена глубоко измѣнились, когда тѣ традиціи уже рѣшительно непригодны, когда нужно не продолжать систему, а создавать ее, однимъ словомъ, когда болѣе всего требуются люди съ умомъ творческимъ, съ силою и глубиною самостоятельнаго мышленія, со способностью указать обществу новые пути и съ даромъ сообщить обществу единодушный порывъ во вступленію на эти пути.

Такимъ образомъ, въ Тьерѣ, въ настоящее время, мы видимъ двѣ личности, одну полезную для современной Франціи, но только на самое короткое время, другую — не только ненужную, но и весьма вредную. Онъ полезенъ Франціи какъ человекъ энергическій, искренно любящій свою страну, какъ человекъ стараго покроя, того поколѣнія, которое не искалѣчилось смолоду подъ деморализующимъ вліяніемъ сарданапальскаго духа второй имперіи, вполнѣ заслужившей названіе *Bas-empire*; въ моментъ всеобщаго разгрома и потрясенія нуженъ былъ прежде всего человекъ вѣрный и вѣрующій во Францію. Онъ полезенъ какъ честный, усердный и способный чиновникъ, бухгалтеръ, каеиръ и писмоводитель, чтобы разобрать растрепанные дѣла, привести въ ясность запутанные и разбросанные счета, подвести концы къ концамъ, восстановить прерванные сношенія, и произвести ту бѣдственную, но неизбѣжную ликвидацію, въ которой привели Францію безумные и вмѣстѣ злостные банкроты. Онъ поддерживаетъ спокойствіе, онъ уплатитъ контрибуцію и освободитъ страну отъ присутствія непріятельскихъ войскъ. Заслуга огромная — нѣтъ никакого сомнѣнія, и Тьеръ получитъ въ исторіи Франціи весьма почетное мѣсто среди достойныхъ патріотовъ, но онъ никогда не будетъ имѣть мѣста среди великихъ людей.

Но за то для оказанія другой, величайшей услуги — для обновле-

нія страны разъясненіемъ путей и духомъ бодрости, единодушнаго желанія вступить на эти пути, Адольфъ Тьеръ рѣшительно не имѣетъ никакихъ задатковъ. Наоборотъ, какъ человекъ традицій, рутинны и притомъ весьма древней, непригодной рутинны, онъ настолько, насколько возьмется за устройство будущности Франціи, — повредить ей. Въ то время, когда главное зло, которое требуется излечить во Франціи, есть разрывъ между различными слоями населенія, Тьеръ, вѣрающій только въ буржуазію и непризнающій въ смыслѣ политическихъ классовъ ни рабочихъ, ни крестьянъ, только поддерживаетъ ту роковую рознь, которая и есть настоящій корень крайней враждебности и необузданности различныхъ партій. Въ то время, когда Франціи нужна народная армія, Тьеръ, вѣрающій только въ армію перваго Наполеона, для побѣды надъ внѣшними врагами, и въ буржуазную національную гвардію для покоренія мятежныхъ попытокъ массы — хотѣлъ бы исказить военную реформу, удвоивъ армію на профессиональную съ пяти-лѣтнимъ срокомъ и на вовсе неслужащій и необучаемый запасъ конскриптовъ. Въ то время, когда Парижу нужно всего амнистія для мятежныхъ рабочихъ, Тьеръ хлопочетъ гораздо болѣе о возвращеніи собранія и правительства въ Парижъ, въ видахъ барышей парижскихъ продавцовъ, то-есть излюбленной имъ буржуазіи. Въ то время, когда Франціи нѣтъ и не можетъ быть, по крайней мѣрѣ на долгое время, ни одного союзника, кромѣ Англіи и родственной ей Италіи, Тьеръ, въ угоду богатой буржуазіи сѣверныхъ промышленныхъ городовъ, намѣревается оттолкнуть Англію, разорвавъ торговый трактатъ съ нею, проникнутый принципомъ свободной торговли; а въ угоду богатымъ буржуа — церковнымъ старостамъ (*marguilliers*) и набожнымъ дамамъ буржуазіи, которыя держатся набожности и модъ вмѣстѣ съ графинями — *parce que cela est bien porté* — дѣлаетъ всевозможное для отвращенія Италіи отъ Франціи, сѣетъ сѣмена положительной вражды къ самому французскому народу, которою и начинается уже проникаться весьма замѣтная часть либеральной партіи въ Италіи. Наконецъ, въ то время, когда французская промышленность всего болѣе нуждается въ оживленіи именно посредствомъ увеличенія работы, Тьеръ является съ налогомъ на сырые продукты, и говоритъ промышленности: „работайте меньше, но продавайте дороже — барыши будутъ тѣ же самыя.“ Прежде, чѣмъ обратиться къ этому специальному вопросу, въ которомъ обнаружилось вновь вся рутинность и все упрямство Тьера, и который едва не поведетъ къ кризису, заключимъ нашъ общій взглядъ на Тьера повтореніемъ, что полезный въ данную минуту, какъ надежный чиновникъ, Тьеръ не только ненуженъ въ дѣлѣ приготовленія будущности Франціи, но именно повредить этой будущности, связавъ ея правильное развитіе, затормозить обновленіе своей страны настолько, насколько онъ зай-

мется ея организаціею, насколько ему удастся предрѣшить тѣ вопросы, которые требуютъ и болѣе свѣжихъ умовъ, и болѣе рѣшительныхъ рукъ для правильнаго, сообразнаго съ настоящими потребностями рѣшенія.

Начнемъ съ начала. Откуда явилась у Тьера мысль объ этомъ несчастномъ налогѣ на первоначальные матеріалы фабричной обработки? Тьеръ и его министръ финансовъ, Пуье-Кертѣ, намѣреваются не только уплачивать контрибуцію, но въ то же время приступить теперь же и къ уплатѣ долга, которую контрибуція наложить на Францію. Они предполагаютъ послѣдовать примѣру Соединенныхъ Штатовъ и уплачивать ежегодно значительную сумму для возстановленія и поддержанія кредита страны. Для этой цѣли имъ требуется ежегодно лишнихъ отъ 200 до 250 мил. фр. О самой мысли приступить къ столь значительному погашенію не послѣ уплаты всей суммы контрибуціи, а уже теперь, до ея уплаты, мы говорить не будемъ. Вопросъ здѣсь собственно въ томъ, возможно ли это сдѣлать, и если возможно, тѣмъ лучше. Подходящій налогъ, предлагаемый Волковскимъ и другими экономистами, Тьеръ отрицаетъ, какъ налогъ „безпорядка.“ Въ дѣйствительности этотъ прямой налогъ на капиталъ противенъ всѣмъ возрѣніямъ Тьера, представителя привилегированной буржуазіи, буржуазіи въ худшемъ ея смыслѣ, какъ такого сословія достаточныхъ людей, которое хочетъ само быть всѣмъ въ государствѣ и не только преобладать надъ рабочею массою, но еще и эксплуатировать ее, освобождая самоѣ себя отъ всякихъ личныхъ тягостей. Итакъ, Тьеръ и Пуье-Кертѣ возымѣли мысль обложить такъ-называемые сырые продукты, то-есть матеріалы фабрикаціи 20%-ною пошлиною. Эта пошлина рекомендовалась Тьеру въ двухъ видахъ: во-первыхъ, она не подходящій налогъ, а такой налогъ на промышленность, который промышленность можетъ до извѣстной степени нейтрализовать возвышеніемъ цѣнъ своихъ издѣлій; во-вторыхъ, она по сущности своей принадлежитъ къ теоріи о „покровительствѣ національной производительности“, къ теоріи, которую Тьеръ усвоилъ себѣ давно и которой онъ былъ постояннымъ и ревностнымъ защитникомъ.

Само собою разумѣется, что когда первоначальные матеріалы фабрикаціи обложены высокою пошлиною, то интересъ фабриканта заключается въ томъ, чтобы оставить изготовленіе издѣлій дешевыхъ, и приняться за фабрикацію издѣлій высшихъ сортовъ. На сортахъ дешевыхъ пошлина, падающая на матеріалъ, дастъ себя чувствовать весьма значительно, на сортахъ же высшихъ, которые стоятъ гораздо дороже, обложеніе первоначальнаго матеріала дастъ себя чувствовать гораздо менѣе. При этомъ, конечно можетъ произойти явленіе не совсѣмъ выгодное для рабочихъ: количество работы можетъ уменьшиться,

такъ какъ фабриканты будутъ разсчитывать не на скорой оборотъ капитала выдѣлюю дешевыхъ сортовъ, а на высокіе проценты съ капитала, полученные отъ продажи издѣлій дорогихъ. Но интересы рабочихъ не стоятъ на первомъ планѣ въ глазахъ Тьера. Въ своемъ ослѣпленіи традиціями буржуазной монархіи, онъ не видитъ той серьезной опасности, какая возникла бы для Франціи, еслибы и рабочіе, и армія окончательно увѣрились, что парламентскія правленія всегда пренебрегали доселѣ ихъ интересами, а обращалъ на нихъ вниманіе Наполеонъ III-й. Тьеръ беззаботно поселяетъ неудовольствіе среди арміи пересмотромъ чиновъ и содержаніемъ солдатъ въ баракахъ, въ холодное время, а среди рабочихъ, полнымъ невниманіемъ не только къ ихъ политическимъ сочувствіямъ, но и къ ихъ матеріальнымъ интересамъ.

Но въ настоящемъ случаѣ противниками предложенной правительствомъ Тьера мѣры явились уже не рабочіе, мнѣніемъ которыхъ оно пренебрегаетъ, а сами фабриканты и торговцы. Протекціонизмъ есть не что иное, какъ регламентація, примѣненная къ потребностямъ и отправленіямъ промышленности, которая, совершенно также какъ потребности и отправленія умственные, никакой регламентаціи подлежать не могутъ, и регламентаціею только искажаются. Посредствомъ своей пошлыны на сырые продукты, Тьеръ разсчитывалъ получить сумму въ 165 мил. франковъ. Еслибы онъ спросилъ у самихъ фабрикантовъ, на какіе предметы они признаютъ выгоднымъ для себя обложить эту сумму пошлыною, то очень вѣроятно, что фабриканты указали бы ему какую-нибудь протекціонистскую мѣру, ведущую къ огражденію ихъ монополіи во внутреннемъ сбытѣ. Но Тьеръ даже не справился съ мнѣніемъ фабрикантовъ и предложилъ свою регламентацію по собственному своему и Пуше-Кертѣе усмотрѣнію.

Предлагая обложить 20%-ной пошлыною матеріалы обработки, онъ исходилъ изъ слѣдующаго высказаннаго имъ убѣжденія: всемірное значеніе французской фабрикаціи таково, что въ ея продуктахъ ищутъ не дешевизны, но превосходства. Пусть французскія издѣлія будутъ дороги, но превосходны, тогда французская промышленность сохранитъ свое значеніе. Если же она вступила бы на путь дешевизны продуктовъ, то на этомъ пути она прежнее свое значеніе потеряетъ, а новаго не приобрететъ, потому что ей въ дешевизнѣ не совладать ни съ англійскою фабрикаціею, которая уже господствуетъ дешевыми товарами на всемірномъ рынкѣ, и въ виду его работаетъ громадною силою машинъ, разсчитывая на огромность сбыта, ни съ германскою промышленностью, которая до нѣкоторой степени живетъ именно дешевою контрафакціею французскихъ и нѣкоторыхъ англійскихъ продуктовъ. Стало быть, французская фабрикація вовсе не заинтересована въ томъ, чтобы продавать свои издѣлія дешево; пусть она произво-

дять преимущественно высшіе сорта, и пусть продаетъ ихъ дорожже. А при такомъ направленіи, для нея ничего не будетъ значить хотя бы и высокое обложеніе первоначальнаго, грубаго матеріала; это обложеніе, напротивъ, будетъ очень полезно для промышленности потому, что побудитъ ее держаться истиннаго пути, т.-е. дорогихъ цѣнъ.

Но фабриканты любятъ регламентацію только тогда, когда сами дѣйствуютъ ей, что и какъ именно должно быть регламентировано. Въ настоящемъ случаѣ, промышленное и торговое сословіе во Франціи высказалось рѣшительно противъ мѣры правительства, и можно сказать, что настоящее пораженіе своему благодѣтелю нанесла именно богатая промышленная буржуазія, а не національное собраніе, которое въ этомъ случаѣ поступило безъ всякой предвзятой цѣли, просто подъ влияніемъ мнѣній промышленной среды, и кромѣ того еще подъ впечатлѣніемъ неумѣстно-рѣзкаго тона, съ которымъ въ концѣ отнесся къ нему президентъ республики. Мѣра Пуье-Кертъе и Тьера произвела сильное волненіе въ главныхъ промышленныхъ городахъ Франціи, и именно въ средѣ фабрикантовъ и торговцевъ. Но и рабочіе, повидимому, не были равнодушны къ тому, что предполагалось правительствомъ. Въ странахъ, гдѣ въ политической жизни участвуетъ весь народъ, и экономическій вопросъ тотчасъ получаетъ политическое значеніе. Носились уже слухи, что въ Ліонѣ и Марсели готовятся безпорядки. Префекты издали прокламаціи, а эскадра была отозвана отъ Корсики и приблизилась къ Марсели. Въ Парижѣ безпорядковъ не ожидали; Парижъ, отдавшій недавно на дополнительныхъ выборахъ предпочтеніе г. Вотреню передъ Викторомъ Гюгô, слыветъ теперь благонравнымъ. Но и въ Парижѣ, и фабриканты, и рабочіе не могли оставаться равнодушны къ вопросу, поднятому правительствомъ, такъ какъ изъ числа 340 матеріаловъ, подлежащихъ обложенію, 160 такихъ именно, которые требуются для специально-парижской фабрикаціи. Сенскій префектъ, Леонъ Сё, лично возстававшій противъ тьеровой пошрины, подалъ въ отставку (онъ взялъ ее назадъ, когда дѣло не состоялось). Уполномоченные торговыхъ палатъ стеклись въ Версаль, чтобы воспротивиться пошлинѣ на матеріалы. Пятьдесятъ фабрикантовъ подписали резолюцію, которою, отрицая эту пошлину, ругаются, что промышленность готова платить въ казну лишнихъ 165 мил. фр., но не матеріаломъ, а именно по цифрѣ своихъ оборотовъ (*impôt sur le chiffre des transactions*), которая должна быть опредѣлена особою парламентскою коммиссіею.

Итакъ, сама промышленная буржуазія пришла къ тому, что предпочитаетъ даже налогъ съ цифры оборотовъ, то-есть съ валового дохода, или, иными словами, съ капитала, лишь бы только не подвергнуться пошлинѣ, придуманной Тьеромъ и Пуье-Кертъе. Въ основной мысли ихъ есть нѣчто справедливое, именно: специальность француз-

скаго производства безъ сомнѣнія есть достоинство, красота, добротность французскихъ продуктовъ. Но совершенно невѣрно предположеніе, будто французская промышленность могла бы по произволу возвышать свои цѣны, не уменьшая своего сбыта за-границею. Напротивъ, теперь именно болѣе всего опасно было бы для нея сдѣлать такой опытъ. Торговля сношенія, особенно Парижа, были довольно долго прерваны, самые размѣры французскаго производства еще не успѣли вполне возстановиться, Парижу недостаетъ рабочихъ,—а между тѣмъ во время перерыва сношеній, за-границею въ разныхъ мѣстахъ стали на-ново основываться нѣкоторыя производства, которыя принадлежали доселѣ специально Франціи, и нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря высокой своей цѣнѣ, успѣли, въ короткое время, сравниться съ французскими. Пусть только французскія издѣлія возвысятся теперь въ цѣнѣ, и вотъ этотъ фактъ, созданный войною, разростется и представитъ такую конкуренцію, отъ которой сбытъ Франціи можетъ значительно уменьшиться. А откуда же Франціи достать все то золото, которое нужно для окончательной уплаты контрибуціи, какъ не изъ заграничной торговли? Всевозможное увеличеніе вывоза, вотъ чтó нужно Франціи именно теперь, а не уменьшеніе его посредствомъ возвышенія цѣнъ и протекціонистскихъ экспериментовъ.

Въ національномъ собраніи пренія по вопросу объ обложеніи сырья продолжались уже двѣ недѣли слишкомъ, когда Тьеръ, наконецъ, потерялъ терпѣніе. Между тѣмъ, собраніе рассматривало этотъ вопросъ не подъ опредѣленнымъ угломъ какой-либо политической мысли, и многіе изъ противниковъ мѣры, узнавъ, что она составляетъ вопросъ о существованіи самого правительства, уже готовы были уступить и принять пошлину. Таково было расположеніе собранія 18-го января, послѣ рѣчи, произнесенной министромъ финансовъ. Но на другой день, Тьеръ самъ испортилъ дѣло. Онъ уже прежде неоднократно говорилъ въ защиту своей мѣры, но никогда не говорилъ съ такой рѣзкостью и раздражительностью, какъ въ засѣданіи 19-го января—замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ день—годовщина послѣдней попытки большой вылазки изъ Парижа противъ пруссаковъ. Въ этотъ день, Тьеръ, желая предрѣшить вопросъ о принципѣ, въ видѣ рѣшенія о порядкѣ обсужденія, выступилъ на защиту предложенія Марселя Барта, слѣдующаго содержанія: „Собраніе принимаетъ систему пошлинъ на первобытные матеріалы въ смыслѣ дополненія нужнаго для равновѣсія бюджета. Собраніе назначить комиссію изъ 10-ти членовъ, которая подвергнетъ пересмотру съ этой цѣлью таможенный тарифъ, между тѣмъ какъ въ самомъ собраніи будетъ продолжаться обсужденіе прочихъ налоговъ. Затѣмъ, когда собраніе произнесетъ свое мнѣніе о каждомъ налогѣ, комиссія внесетъ свой докладъ о пересмотрѣ тарифа“. Предложеніе это, отстраняя окончательное рѣшеніе

и имѣя своей прямой цѣлью какъ будто только установить порядокъ обсуждения, въ дѣйствительности рѣшало вопросъ въ принципѣ, въ пользу мѣры, предложенной Тьеромъ.

Тьера раздражило главнымъ образомъ огромное вмѣшательство въ это дѣло самого промышленнаго сословія. Люсьенъ Брѣнъ заявилъ собранію прошеніе 50-ти фабрикантовъ и уполномоченныхъ отъ торговыхъ обществъ, которое предлагало разверстать сумму 165 милліон. немедленно по цифрѣ оборотовъ. Г. Брѣнъ внесъ предложеніе въ этомъ смыслѣ, послѣ предложенія Барта, и замѣтилъ, что предложеніе это и по своему источнику уже довольно солидно, а впрочемъ его легко и проверить, не затягивая всего хода вопроса о налогахъ, такъ какъ мнѣнія всѣхъ торговыхъ палатъ можно имѣть въ теченіи 48-ми часовъ. Въ то время, какъ Люсьенъ Брѣнъ стоялъ на трибунѣ, пристава собранія принесли ему двѣ телеграммы: это было одобреніе торговыхъ палатъ гаврской и марсельской.

Тьеръ началъ говорить прямо подѣ вліяніемъ того пораженія, которое ему наносила такимъ образомъ сама промышленность, являясь сама какъ *deus ex machina*, чтобы участвовать въ рѣшеніи своей судьбы. „Надо выйти изъ того замѣшательства, въ какое ввергли насъ эти пренія“, сказалъ онъ; „пренія эти производятъ волненіе въ странѣ и ставятъ насъ передъ глазами Европы въ положеніе плачевное“. Уже этотъ выговоръ вызвалъ протесты, но Тьеръ продолжалъ въ томъ же тонѣ. Надѣ предложеніемъ Брѣна онъ издѣвался. Пятьдесятъ шелковыхъ фабрикантовъ, отъ которыхъ оно исходитъ, по его мнѣнію, сами никогда не согласятся представить свои торговые книги, для оцѣнки своихъ торговыхъ оборотовъ. Тьеръ не отрицаетъ, что эти фабриканты—люди заслуживающіе уваженія, но отрицаетъ этого тѣмъ болѣе, что онъ ихъ не знаетъ; но онъ отрицаетъ серьезность ихъ предложенія. Могутъ ли они ручаться за 165 милліоновъ? И куда поведетъ страну система ревизованія частныхъ коммерческихъ книгъ, для опредѣленія налоговъ? Это система *инквизиціонная*; вѣдь потому именно собраніе и отвергло подоходный налогъ (и у насъ, какъ извѣстно, противники подоходнаго налога употребляли именно это слово „инквизиціонная“ мѣра). Тьеръ назвалъ предложеніе Брѣна и его друзей ребяческимъ. Онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Правительство заботится о томъ, чтобы возратить этой націи, столь много пострадавшей послѣ Седана, твердость и спокойствіе ума. Прошу васъ, господа, мы должны являться передъ Европою какъ нація, у которой есть достаточно достоинства, чтобы противостать интересамъ не только слишкомъ далеко заходящимъ въ своемъ возбужденіи, но даже лишеннымъ всякаго чувства стыда (*toute pudeur*)“. Итакъ, Тьеръ хотѣлъ уловить собраніе въ сѣти предложенія Барта, но въ своемъ раздраженіи слишкомъ неосторожно дернулъ ее и порвалъ.

За послѣдними словами произошла одна изъ тѣхъ бурь, во время которыхъ ничего не слышно, кромѣ общаго шума. Депутатъ Ферэ, первый, которому удалось проговорить внятные слова, началъ съ протеста противъ Тьера: „Пренія по этому предмету—сказалъ онъ—продолжаются уже 18 дней, но я не думаю, чтобы собраніе уменьшило ими сколько-нибудь уваженіе къ себѣ въ странѣ“. Затѣмъ, Ферэ внесъ предложеніе въ томъ смыслѣ, чтобы теперь не рѣшать принципа относительно налога на матеріалы, но назначить комиссію для пересмотра тарифовъ, съ тѣмъ, что если, по разсмотрѣніи всѣхъ прочихъ налоговъ, собраніе признаетъ ихъ недостаточными, то уже только тогда обратиться къ налогу на первобытные матеріалы. Предложеніе Ферэ въ сущности заключало тотъ самый способъ обсужденія дѣла, какъ и предложеніе Барта, поддержанное Тьеромъ; но устраняя допущеніе теперь же въ принципѣ пошлины Тьера, оно устраняло ловушку. А собраніе, оскорбленное словами Тьера, не могло имѣть особой охоты. Поэтому оно сперва, большинствомъ 377 противъ 329, рѣшило, что первымъ будетъ пущено на голоса предложеніе Ферэ, а не предложеніе Барта; затѣмъ, большинствомъ уже болѣе значительнымъ, именно 367 противъ 297 приняло предложеніе Ферэ.

Тьеръ потерпѣлъ не только пораженіе, но и то, что называется „блистательнымъ фіаско“. Его мѣру осудила сама промышленность, а собраніе не послушалось его, несмотря и на угрозу его подать въ отставку. Тьеръ, какъ извѣстно, привелъ-было эту угрозу въ исполненіе, но когда собраніе сдѣлало постановленіе, что рѣшеніе его не заключало въ себѣ никакого недовѣрія къ правительству, и когда вице-президентъ и квесторы собранія явились къ нему съ просьбою остаться президентомъ, онъ остался. Все это прекрасно, но нельзя не замѣтить, что Тьеръ во всемъ этомъ дѣлѣ поступилъ и неискусно, и не вполне добросовѣстно. Грозить отставкою по вопросу личной прихоти, осуждаемой самими фабрикантами, было не вполне добросовѣстно. А употребить это „послѣднее средство“ въ такомъ слабомъ дѣлѣ, по такому плохому поводу, значило умалить значеніе самой угрозы. Теперь, еслибы Тьеръ потребовалъ, напр., амністіи и сталъ угрожать выйти въ отставку, ультра-консервативное большинство съ гораздо меньшимъ опасеніемъ могло бы отвергнуть такое раціональное требованіе правительства.

На этомъ кризисѣ сосредоточился, въ теченіи прошлаго мѣсяца, интересъ французскихъ дѣлъ. Что касается другихъ вопросовъ, то достаточно будетъ сказать, что предложеніе о дарованіи амністіи, внесенное депутатомъ Прессансе и переданное въ комиссію, представляетъ мало надежды на успѣхъ; а другое предложеніе, о перенесеніи собранія въ Парижъ, въ засѣданіи 10-го января было представлено собранію съ докладомъ комиссіи въ смыслѣ отрицательномъ, и

затѣмъ, въ томъ же засѣданіи собранія, согласно мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ и президента республики, положило отсрочить обсужденіе этого вопроса до окончанія преній о налогахъ. Изъ объясненій, данныхъ комиссіей военнымъ министромъ оказывается, что въ заключеніи содержится еще 12—13 тысячъ человѣкъ, изъ числа которыхъ 7 тысячъ, по легкости взводимыхъ на нихъ обвиненій, вѣроятно будутъ вскорѣ освобождены безъ суда, а остальные будутъ разсортированы на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна также будетъ подлежать освобожденію. Министръ высказалъ мнѣніе, что чрезъ два съ половиною мѣсяца судьба всѣхъ заключенныхъ будетъ окончательно рѣшена. Вотъ почему министръ высказался рѣшительно противъ амнистіи. Дюфоръ, министръ юстиціи, замѣтилъ при этомъ: „Всѣ наши возмущенія окончивались или оправданіемъ массою, или ссылкой массою, безъ суда; пусть же нынѣ судьба каждого отдѣльнаго обвиненнаго будетъ рѣшена, въ томъ или другомъ смыслѣ, не кѣмъ-либо инымъ, но единственно судомъ“. Вопросъ о преобразованіи арміи все еще обсуждается спеціальною комиссіею. Комиссія постепенно измѣняетъ его такъ, что онъ приближается къ прусской системѣ. Въ послѣднее время возобновились слухи, что сліяніе между обѣими отраслями дома Бурбоновъ—дѣло рѣшенное. Сообщали даже, будто графъ Парижскій уже отправился въ Фросдорфъ. Но появившійся новый манифестъ графа Шамбора, что онъ не согласится ни на какія уступки, не желая, какъ онъ весьма остроумно выразился, быть „законнымъ королемъ революціи“,—по всей вѣроятности снова уменьшить довѣріе къ извѣстіямъ о сліяніи. А между тѣмъ, орлеанскимъ принцамъ остается одно изъ двухъ: или ждать смерти „законнаго короля“, или признать его законность и отказаться отъ революціи!

Въ то самое время, когда во Франціи благополучно несостоялась отставка Тьера и его министровъ, въ Пруссіи, къ общему удовольствію, состоялась отставка пресловутаго фонъ-Мюлера, министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Извѣстно, что фонъ-Мюлеръ, соединяя въ своемъ лицѣ эти должности, смѣшивалъ вмѣстѣ и оба понятія, которыя ими представляются. Вопреки основнымъ прусскимъ законамъ, обеспечивающимъ свободу науки и религіозную свободу, фонъ-Мюлеръ поставилъ школы подъ исключительный надзоръ духовенствъ тѣхъ исповѣданій, къ которымъ принадлежатъ общества, держащія эти школы. Мало того, всѣ предписанія этого министра и весь тотъ духъ, какой онъ старался внести въ дѣло преподаванія, въ теченіи десятилѣтняго своего управленія, истекли изъ мысли о подчиненіи всего свѣтскаго церковному. Удаленіе учителей въ низшихъ школахъ и присканіе новыхъ зависѣло совершенно отъ мѣст-

наго духовенства, которому поручено было не только законоучительство и надзоръ за этимъ предметомъ, но и вообще вся инспекція преподаванія. Наконецъ, и самыя руководства для преподаванія, изданныя при фонъ-Мюлерѣ, были составлены преимущественно съ цѣлью катихизическою, такъ что даже для ариметическихъ задачъ избирались, по преимуществу, разные библейскіе примѣры и цифры изъ церковныхъ счисленій.

Общественное мнѣніе въ Пруссіи давно требовало удаленія Мюлера, и нѣтъ сомнѣнія, что увольненіе его нынѣ,—каковы бы ни были непосредственныя причины этого факта,—въ дѣйствительности истекло все-таки изъ этого общаго факта, состоялось именно подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. „Кѣльнская“ газета въ торжествующей статьѣ, написанной по поводу этого факта, видитъ въ немъ даже доказательство, что въ политической жизни Пруссіи впервые одержалъ-таки побѣду принципъ парламентарнаго правленія, такъ какъ министръ былъ уволенъ потому собственно, что онъ былъ непріятенъ сейму. Въ этомъ фактѣ „Кѣльнская“ газета видитъ „блестящее свидѣтельство въ пользу парламентарскаго принципа, который такимъ образомъ сдѣлалъ шагъ изъ области теоріи на поле практическаго своего осуществленія, именно въ томъ нѣмецкомъ государствѣ, гдѣ высшія сферы до сихъ поръ особенно рѣзко отрицали этотъ принципъ“; „рѣшительная побѣда, какую одержала въ настоящемъ случаѣ палата депутатовъ, хотя и не прямо, а чрезъ посредство многихъ постороннихъ факторовъ (mancher Zwischenglieder)—говоритъ газета въ другомъ мѣстѣ—состоялось именно въ такой области, отъ которой, по убѣжденію высшихъ сферъ, ея вліяніе слѣдовало самымъ рѣшительнымъ образомъ устранить (т. е. отъ вліянія на составъ министерства), и гдѣ это считалось доселѣ какъ бы вопросомъ чести, завѣщаніемъ старо-прусской традиціи“.

Такое торжество „Кѣльнской“ газеты, очевидно, преувеличено. Видѣть побѣду палаты депутатовъ въ увольненіи того министра, который въ 1862 году былъ назначенъ прямо въ отрицаніе права палаты депутатовъ въ Пруссіи вліять на составъ министерства и съ тѣхъ поръ, цѣлыхъ десять лѣтъ, держался на мѣстѣ наперекоръ всѣмъ желаніямъ палаты, едва ли возможно. Впрочемъ, сама нѣмецкая газета допускаетъ, что побѣда эта одержана не непосредственно палатою, а чрезъ посредство разныхъ „промежуточныхъ“ факторовъ. Промежуточные факторы въ увольненіи г. Мюлера всѣ соединяются въ лицѣ князя Бисмарка, который собственно не „промежуточный“ факторъ, а факторъ совершенно посторонній палатѣ, въ ея контролѣ находящійся и отъ нея независящій глава и прусскаго управленія, и всего имперскаго устройства. Прусская палата десять лѣтъ не желала видѣть Мюлера министромъ и не разъ положительнымъ образомъ выражала свое къ нему нерасположеніе—и однакоже онъ оставался

министромъ. Странно послѣ этого говорить, что именно теперь надъ нимъ одержала побѣду палата, теперь, когда она даже и не приняла никакого рѣшенія въ смыслѣ выраженія недовѣрія Мюлеру.

Но тѣмъ не менѣе остается фактъ, что князь Бисмаркъ, въ концѣ концовъ, отказался поддерживать непопулярнаго министра и отказался именно потому, что этотъ министръ былъ непопуляренъ, и наконецъ, надоѣлъ своимъ піэтизмомъ не только обществу, но и самому канцлеру имперіи. Что наслѣдникъ престола раздѣлялъ въ отношеніи къ Мюлеру мнѣніе общества, извѣстно; что при преклонныхъ лѣтахъ короля, князь Бисмаркъ могъ сообразоваться съ мнѣніемъ наслѣдника престола нынѣ болѣе, чѣмъ восемь лѣтъ тому назадъ — довольно вѣроятно. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, Мюлеръ уволенъ все-таки потому, что того требовало — не палата — а *общественное мнѣніе*. Общественное мнѣніе въ Пруссіи, примиренное съ другими членами правительства великими національными побѣдами, въ одному Мюлеру не стало относиться мягче. Наоборотъ, побѣды не только не подкупили общество въ Пруссіи въ пользу Мюлера, а даже побудили естественно еще сильнѣе и единодушнѣе прежняго желать, чтобы министръ народнаго просвѣщенія — ретроградъ, былъ уволенъ, потому именно, что „стыдно передъ Европою“ такой странѣ, какъ Пруссія, имѣть министромъ народнаго просвѣщенія ретрограда. Трейчке недавно высказалъ въ имперскомъ сеймѣ, что въ Мекленбургѣ необходимо ввести конституцію уже потому, что нынѣшнее положеніе мекленбургскихъ дѣлъ служитъ иностранцамъ главнымъ упрекомъ, которымъ они стыдятъ Германію. Вотъ совершенно такое же побужденіе заставило общество въ Пруссіи, да и большинство образованнаго общества во всей Германіи, усиленно желать, чтобы Мюлеръ былъ наконецъ уволенъ. „Когда бы не Мекленбургъ, да не Мюлеръ“, то наше нынѣшнее величіе было бы безъ пятенъ“ — вотъ выводъ изъ множества заявленій въ печати о необходимости удалить Мюлера точно также, какъ и устранить безобразные феодальныя порядки, существующіе въ Мекленбургѣ. Мнѣніе наслѣдника престола о Мюлерѣ не только сходилось съ мнѣніемъ общества, но само истекало именно изъ мнѣнія общества объ этомъ министрѣ. Итакъ, ретроградный министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Пруссіи уволенъ потому, что этого единодушно желало общество, сознававшее, что онъ непригоденъ для пользы дѣла просвѣщенія. Случилось это не потому, что Пруссія имѣетъ конституцію, такъ какъ ея конституція оставляетъ правительство независимымъ отъ палаты, а просто потому что и самъ князь Бисмаркъ — образованный человѣкъ, который не можетъ не принимать въ свой личный расчетъ бесплодности системы всѣмъ противной и правительству нисколько ненужной, не можетъ изъ-за одного упрямства поддерживать того, кто наконецъ сталъ даже казаться обиднымъ для національной

гордости. Все это могло бы случиться, если бы въ Пруссіи и не было конституціи. Во всякомъ случаѣ, невозможно не согласиться съ заключительными словами цитируемой нами статьи „Кёльнской“ газеты: „Г. фонъ-Мюлеръ — говоритъ она, — безконечно долгое время переносилъ и сознаніе бесплодности собственныхъ своихъ усилій, и нападки своихъ противниковъ. Онъ заслуживалъ бы удивленія и состраданія, если бы тѣ непріятности, которымъ дѣятель подвергается за свою упрямую настойчивость на пути ложномъ, по единогласному мнѣнію всѣхъ разсудительныхъ людей, не были способны вызвать скорѣе злобную радость и насмѣшку, чѣмъ участіе. Но теперь, когда онъ удался, можно быть довольнымъ, что все это произошло именно такъ. Страна имѣетъ въ князѣ Бисмаркѣ министра, котораго примѣръ показываетъ, какимъ блескомъ можетъ быть окруженъ тотъ государственный человѣкъ, который постоянно готовъ предложить парламенту свою отставку. Къ этому примѣру мы имѣемъ теперь pendant: страна видитъ, чѣмъ кончается карьера такого министра, который мнитъ униженіемъ для себя подобную же готовность. Такое поученіе, ставшемъ надѣяться, не будетъ потеряно для министровъ и всѣхъ разсчитывающихъ быть министрами“. Если въ этомъ сужденіи поставимъ вмѣсто „парламента“ „общественное мнѣніе“, то вѣрность сужденія отъ этого не только не уменьшится, но выиграетъ, и даже въ примѣненіи къ самой Пруссіи. Едва ли можно думать, что князь Бисмаркъ вышелъ бы въ отставку вслѣдствіе одного рѣшенія прусской палаты депутатовъ, или хотя бы и имперскаго сейма. Но нѣтъ сомнѣнія, что еслибы понадѣлавъ неисправимыя ошибки и вступивъ на ложный путь къ осуществленію чего-либо невозможнаго, онъ увидѣлъ бы, какъ все общество единодушно потеряло бы къ нему довѣріе и стало бы считать его непригоднымъ и неспособнымъ министромъ, то Бисмаркъ, какъ умный человѣкъ, счумѣлъ бы сойти со сцены, потому что для такого человѣка, какъ онъ, одного формальнаго почета, доставляемаго министерскимъ званіемъ, слишкомъ недостаточно.

Приведемъ теперь нѣсколько свѣдѣній о Мюлерѣ, его паденіи и его преемникѣ. Мюлеръ былъ назначенъ министромъ въ мартѣ 1862-го года, въ самый разгаръ конституціоннаго столкновенія между прусскою палатою и правительствомъ. Вслѣдствіе враждебнаго министерству рѣшенія палаты, она была распущена, и министерство измѣнено въ смыслѣ реакціонерномъ: изъ него вышли Ауэрсвальдъ, графъ Шверинъ, Патовъ, графъ Пюклеръ и Бернутъ, старые либералы, а вмѣсто нихъ вступили отъявленные реакціонеры. Яговъ — министромъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Липпе — министромъ юстиціи, графъ Иценплицъ — министромъ сельскаго хозяйства, а оберъ-консисторіальный совѣтникъ Мюлеръ — министромъ народнаго просвѣщенія, на мѣсто Бетманна-Гольвега, который подалъ въ отставку еще ранѣе своихъ

товарищей. Эти новые министры соединились въ кабинетѣ съ оставшимися въ немъ ультра-консерваторами, фонъ-деръ-Гейдтомъ и Роономъ, который и теперь военный министръ. Главные дѣятели этого новаго министерскаго состава остались министрами и впослѣдствіи, когда министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто графа Бернсторфа, былъ назначенъ г. фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ. Этотъ-то составъ министровъ и провелъ послѣдовательную реакцію въ Пруссіи, и одержалъ наконецъ, при помощи успѣшныхъ войнъ, окончательную побѣду надъ палатою депутатовъ. По мѣрѣ того, какъ усиливался Бисмаркъ, онъ отдѣлялся отъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые не хотѣли подчиняться его суровому нраву: отъ фонъ-деръ-Гейдта, отъ графа Липпе. Но Мюлеръ былъ не похожъ на нихъ. Не онъ бы сталъ перечить Бисмарку, и если Бисмаркъ теперь отрекся отъ него, то только потому именно, что ему надобно носить на своихъ плечахъ это непопулярное бремя. Самъ же Мюлеръ, какъ человѣкъ мягкій, готовъ былъ на всѣ уступки могущественному главѣ министерства. Такъ, когда за провозглашеніемъ догмата неогрѣшимости папы, въ Пруссіи начались столкновенія съ католическими епископами, Мюлеръ, который до того времени предоставлялъ католической партіи полную свободу дѣйствій и оставлялъ совершенно подъ ея вліяніемъ особое отдѣленіе своего министерства, посвященное духовному управленію собственно - католическому, тотчасъ спохватился. Требованія политики, представляемой главою кабинета, указали на необходимость рѣшительно дѣйствовать противъ католическихъ клерикаловъ. И вотъ, фонъ-Мюлеръ, въ своемъ министерскомъ сообщеніи 29-го іюня прошлаго года къ епископу эрландскому, по поводу законоучителя браунсбергской гимназіи, заявилъ, что государство не потерпитъ вѣщательства духовныхъ властей въ свои отношенія къ школѣ. Затѣмъ послѣдовало королевское повелѣніе 8 іюля, отмѣнившее существованіе особаго отдѣленія для управленія католическихъ дѣлъ.

И къ нынѣшней сессіи прусскаго ландтага фонъ-Мюлеръ представилъ съ проектомъ закона, вызваннымъ опять требованіемъ не его личнаго убѣжденія, а Бисмарковой политики. Онъ внесъ въ палату проектъ закона объ инспекціи народныхъ школъ. Этимъ проектомъ только возстановляется принципъ, который никогда закономъ въ Пруссіи отмѣненъ не былъ, именно, что надзоръ за школами принадлежитъ государству. Въ этомъ смыслѣ либералы, несмотря на такую уступку Мюлера, не очень были довольны появленіемъ такого проекта закона, который какъ бы еще требуетъ вновь для государства право уже давно ему принадлежащее, и тѣмъ бросаетъ сомнѣніе на смыслъ прежнихъ законовъ, будто бы недостаточныхъ. Въ дѣйствительности, они были бы совершенно достаточны, но ихъ исказило то, что было допущено и, къ чему намѣренно стремились Мюлеръ на практикѣ,

а именно — порабощеніе школъ духовенствомъ. Во всякомъ случаѣ, внесеніе Мюлеромъ нынѣшняго проекта было равносильно собственному его отреченію отъ принципа, которому онъ энергически слѣдовалъ десять лѣтъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. И вдругъ, послѣ того, какъ самъ онъ предлагалъ наложить руку на собственное свое содѣланіе, — ему же говорить: не надо, это будетъ поручено другому.

Кромѣ закона о надзорѣ за школами фонъ-Мюлеръ хотѣлъ внести въ нынѣшнюю же сессію ландтага окончательный законъ объ устройствѣ учебной части, законъ, который былъ обѣщанъ еще конституціею 1850-го года, но до сихъ поръ откладывался. Фактъ, что именно непопулярный министръ взялся за проведеніе проекта реорганизации своей части, можетъ показаться страннымъ. Но Мюлеромъ при этомъ руководилъ понятный расчетъ. Проведеніемъ закона объ окончательномъ устройствѣ учебной части, онъ именно и рассчитывалъ упрочить свое положеніе. Кому была бы охота потомъ браться за исполненіе Мюлеровыхъ предначертаній? А одной возникшей отсюда трудности найти ему преемника уже было достаточно, чтобы отсрочить, быть можетъ, на нѣсколько лѣтъ, его отставку, еслибы законъ прошелъ.

Но законъ этотъ по всей вѣроятности не прошелъ бы въ палатѣ, а между тѣмъ обсужденіе его, сопровождаемое неизбежной критикой всѣхъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія, отняло бы у палаты много времени. Прямымъ назначеніемъ нынѣшней сессіи считается обсужденіе закона о провинціальномъ управленіи (Kreisordnung). Сверхъ того, законъ объ устройствѣ учебной части и не могъ быть нушенъ впередъ сейчасъ названнаго закона, по причинѣ нѣкоторой зависимости перваго изъ этихъ двухъ законовъ отъ послѣдняго. Итакъ, когда Мюлеръ внесъ свой проектъ въ совѣтъ министровъ, то онъ встрѣтилъ тамъ неожиданныя затрудненія. Возраженія товарищей противъ обсужденія своего закона онъ принялъ за нежеланіе дать ему средство укрѣпиться на своемъ посту. Онъ написалъ королю письмо съ изъявленіемъ готовности выйти въ отставку и уѣхалъ изъ Берлина, въ ожиданіи отвѣта. Просьба его была принята по совѣту Бисмарка, и преемникомъ ему назначенъ оберъ-юстицратъ докторъ Фалькъ, который и объявилъ въ палатѣ, что онъ изъ проектовъ своего предшественника намѣренъ провести въ палатѣ только тотъ, который касается исключительнаго права государства на надзоръ за школами, а прочіе откладывать.

Генрихъ фонъ-Мюлеръ родился въ 1813-мъ году; ему 59 лѣтъ. Отецъ его былъ прусскимъ министромъ юстиціи въ началѣ сороковыхъ годовъ. Самъ Генрихъ Мюлеръ постоянно находился на государственной службѣ; послѣдняя должность его, передъ министерской, была должность члена берлинской консисторіи. Преемникъ его, Фалькъ

былъ уже нѣсколько разъ членомъ палаты депутатовъ и принадлежить къ партіи праваго центра, то-есть къ наименѣе враждебнымъ либерализму консерваторамъ. Онъ занималъ теперь мѣсто члена-докладчика въ совѣтѣ министерства юстиціи.

Въ австрійскихъ дѣлахъ все еще стоитъ на очереди вопросъ о соглашеніи съ Галиціею. Польскіе депутаты, явившись въ рейхсратъ, придали ему законную численную силу. Но, затѣмъ, правительство стало выказывать желаніе, чтобы эти депутаты, предварительно полученія какихъ-либо уступокъ для автономіи Галиціи, поддержали министерство еще и въ проведеніи закона о прямыхъ выборахъ въ рейхсратъ. Законъ этотъ невыгоденъ для поляковъ потому, что онъ открылъ бы доступъ въ рейхсратъ представителямъ русинской національной партіи въ Галиціи. Вслѣдствіе того, поляки потребовали, чтобы законъ этотъ въ Галиціи не примѣнялся, такъ какъ если правительство хочетъ опираться на нихъ, то ему не для чего подкапывать ихъ преобладаніе въ Галиціи. Вопросъ, такимъ образомъ, сведенъ теперь къ тому, что обѣ стороны торгуются обѣ уступкахъ; но при этомъ надо замѣтить, что поляки, являсь въ рейхсратъ, одну уступку уже сдѣлали, а теперь у нихъ требуютъ и другой, а исполненіе обѣщаній откладываютъ. Если они сдѣлаютъ эту вторую уступку, тогда имъ пожалуй уже ничего не останется уступать, а стало быть и обѣщаній данныхъ имъ не для чего будетъ осуществлять. Еслибы это случилось, то надъ поляками оправдалось бы предсказаніе чешскихъ газетъ, что они все уступать и ничего не получаютъ въ вознагражденіе. Впрочемъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, соглашеніе между министерствомъ и поляками въ конституціонномъ комитетѣ палаты депутатовъ представляется вѣроятнымъ.

За то другое соглашеніе, по ту сторону Лейты, окончательно не состоялось, именно соглашеніе между представительствомъ Кроаціи и венгерскимъ министерствомъ. Члены національной кроатской партіи были призваны въ Пештъ для обсужденія основаній окончательнаго примиренія. Но переговоры эти, уже близкіе къ успѣху, вдругъ прервались въ половинѣ января, и 19-го числа банъ кроатскій прочелъ въ аграрномъ сеймѣ королевскій рескриптъ, которымъ сеймъ распускается.

Общественное мнѣніе въ Англіи, по устраненіи опасности для жизни наслѣдника престола, было занято намѣреніемъ Тьера заявить о прекращеніи дѣйствія торговаго трактата между Франціею и Англіею, возстаніемъ букасовъ въ Индіи и американскимъ счетомъ обѣ убыткахъ, нанесенныхъ торговлѣ Америки признаніемъ Англіею за мятежными южанами правъ воюющей стороны. Въ силу торговаго тракта-

та 1860-го года между Франціею и Англіею, объявленіе о намѣреніи которой-либо изъ сторонъ отказаться отъ его возобновленія должно быть выражено за годъ до срока. Намѣреніе нынѣшняго французскаго правительства отказаться отъ трактата, основаннаго на принципѣ торговой свободы, извѣстно. Объявленіе о томъ должно быть сдѣлано 4 февраля (н. с.). Французское правительство, въ засѣданіи 29-го января, предложило національному собранію провозгласить рѣшеніе по этому предмету. Британское же правительство объявило, что дабы дать національному собранію время обсудить это дѣло, оно будетъ считать дѣйствіе трактата продолжающимся еще годъ съ того числа, когда будетъ заявлено со стороны Франціи о нежеланіи сохранять его въ силѣ, хотя бы заявленіе это было сдѣлано и послѣ срока опредѣленнаго въ трактатѣ, т. е. послѣ 4-го февраля.

Возстаніе племени кукасовъ въ Пенджабѣ началось въ первыхъ числахъ января. Первое же извѣстіе объ этомъ возстаніи объявляло возстаніе уже усмирненнымъ. Между тѣмъ, въ половинѣ мѣсяца получено было извѣстіе, что военныя дѣйствія въ Индіи не прекращаются, и даже въ концѣ мѣсяца, какъ оказывается, произошло сраженіе, въ которомъ былъ раненъ англійскій генералъ. Эти послѣднія дѣла происходили уже съ племенемъ лушаевъ.

Открытіе парламентской сессіи назначено на 6 февраля (н. с.).

Вопросъ о вознагражденіи за убытки американской торговли въ войну 1861—1865 годовъ, въ принципѣ, какъ извѣстно, рѣшенъ тѣмъ, что англійское правительство, не признавая себя виновнымъ въ нарушеніи относительно сѣвероамериканскихъ штатовъ какого-либо принципа международнаго права, согласилось, однако, дать имъ денежное удовлетвореніе за убытки, причиненные имъ федералистскимъ каперомъ „Элебеомъ“, вышедшимъ изъ англійскаго порта. Такое свое согласіе Англія мотивируетъ желаніемъ сохраненія дружественныхъ отношеній къ Америкѣ; размѣръ вознагражденія долженъ затѣмъ быть опредѣленъ третейскимъ судомъ, состоящимъ изъ уполномоченныхъ бразильскаго императора, итальянскаго короля и президента Швейцарскаго Союза, уполномоченные которыхъ собираются съ этой цѣлью въ Женевѣ.

Само собою разумѣется, что сторона, требующая удовлетворенія, при формулированіи своихъ требованій могла высказать и такія, на уваженіе которыхъ третейскимъ судомъ она не можетъ имѣть большой надежды. Этого нельзя было не ожидать отъ всякаго правительства, а тѣмъ болѣе отъ президента сѣвероамериканской республики, который вскорѣ долженъ подвергнуться шансамъ вторичнаго избранія. Ограничить кругъ требованій со стороны генерала Гранта, въ настоящемъ случаѣ было бы равносильно выраженію имъ неувѣренности въ правотѣ иска Америки и сомнѣніи насчетъ дѣйствительности

вины Англіи въ тѣхъ убыткахъ, которые вызвали въ Америкѣ столь сильное раздраженіе противъ Англіи. Само собою разумѣется, повторимъ, что Грантъ долженъ былъ предъявить именно maximum тѣхъ требованій, какія онъ предъявить можетъ. И дѣйствительно, онъ такъ и сдѣлалъ. Уашингтонскій кабинетъ, въ своей запискѣ о вознагражденіи за убытки, упомянулъ не объ однихъ ущербахъ, причиненныхъ „Элебею“, но и о всякихъ убыткахъ вообще, происшедшихъ для американскаго мореходства и торговли отъ образа дѣйствій Англіи во время междоусобной американской войны, то-есть о захватѣ судовъ каперами, и о нарушеніяхъ блокады, и объ убыткахъ отъ возникшей, вслѣдствіе того, необходимости денационализировать американскія торговые суда и переводить владѣнія ихъ на имя иностранныхъ подданныхъ, преимущественно англичанъ.

Когда американская записка стала извѣстна, англійскій ежедневный журналъ „Saturday Review“, отличавшійся во время войны сочувствіемъ къ дѣлу южанъ, подвергъ нынѣшнія требованія Америки критикѣ и постарался доказать ихъ несообразность. Для этого, онъ объяснилъ, что если допустить подлежащими возмѣщенію со стороны Англіи всѣ тѣ убытки для американской торговли, которые выразились упадкомъ ея во время войны, то сложивъ цифры годовичныхъ потерь ея за все это время, Англіи пришлось бы уплатить Соединеннымъ Штатамъ баснословную цифру 600 милліоновъ фунтовъ стерлинга или около 4,800 милліоновъ рублей. Такая цифра, какъ справедливо замѣчалъ „Saturday Review“, была бы несравненно (почти вдвое) больше той, какую нѣмцы заставили заплатить себѣ Францію послѣ того, какъ они окончательно побѣдили ее рядомъ великихъ побѣдъ. И такой-то контрибуціи осмѣливаются требовать у Англіи, которая только изъ дружбы согласилась заплатить что-нибудь!

Эта статья, какъ часто бываетъ со статьями болѣе эффектными, чѣмъ добросовѣстными, массою публики была принята за окончательное уясненіе всего дѣла, и публика стала думать, что записка уашингтонскаго кабинета такъ именно и выражаетъ требованіе, чтобы Англія уплатила Америкѣ 600 милліон. фунтовъ вознагражденія. Между тѣмъ, статья англійскаго журнала выражаетъ мнѣніе, которое само по себѣ не лишено основательности,—но цифра 600 мил. фунтовъ принадлежитъ этой статьѣ, просто какъ аргументъ для приведенія противника ad absurdum. Въ запискѣ же американскаго правительства такой цифры нѣтъ. Въ этой запискѣ, вознагражденіе требуется по убыткамъ прямымъ, то-есть по захвату каперами, вышедшими изъ англійскихъ портовъ, американскихъ судовъ съ ихъ грузами; эти убытки могли быть приведены въ извѣстность, и въ возмѣщеніе ихъ американское правительство требуетъ 14 мил. долларовъ, то-есть около 20 мил. рублей. Впрочемъ, сумма эта можетъ еще нѣсколько увеличиться,

если будутъ доказаны еще такіе захваты судовъ, о которыхъ доселѣ не было заявлено. Затѣмъ, уашингтонскій кабинетъ требуетъ также вознагражденія и за всѣ убытки, причиненные американской торговлѣ нарушеніями блокады и переводомъ собственности судовъ на иностранцовъ, но по самой сущности дѣла, цифра такихъ убытковъ не можетъ быть опредѣлена теперь же; она можетъ опредѣлиться только по каждому отдѣльному иску о возмѣщеніи доказаннаго убытка. Американское правительство и не назначаетъ теперь никакой суммы, но требуетъ только, чтобы третейскій судъ въ принципѣ призналъ подобныя косвенныя убытки подлежащими удовлетворенію. Затѣмъ, при сужденіи цифры вознагражденій по такимъ убыткамъ американское правительство предоставляетъ или дружественному соглашенію, или опредѣленію по каждому отдѣльному случаю, который будетъ доказанъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предполагать, что вводя это требованіе, американское правительство надѣется *незамышленнымъ образомъ* принудить Англію къ уплатѣ американцамъ пяти милліардовъ рублей! Такое намѣреніе было бы очевидно нелѣпо, и съ англійской стороны легко было бы нейтрализовать его опредѣленіемъ въ нѣсколькихъ лишнѣхъ милліонахъ фунтовъ *максимума*, котораго не должна превышать вся сумма, съ тѣмъ чтобы она подлежала затѣмъ разверсткѣ между частными лицами, по цифрѣ доказанныхъ ими до опредѣленнаго срока убытковъ.

Итакъ, нельзя допустить даже, чтобы американское правительство имѣло въ виду заявить нѣчто подобное тому, что охарактеризовано въ „Saturday Review“ именемъ контрибуціи въ 600 милліоновъ фунтовъ. Но сверхъ того, повторяемъ, уашингтонскій кабинетъ, формулируя свои требованія и безъ такого невозможнаго преувеличенія, все-таки вѣроятно и самъ сознавалъ, что не всѣ его требованія могутъ быть уважены, какъ вѣроятно они въ данномъ или слишкомъ обширномъ смыслѣ и дѣйствительно не будутъ признаны третейскимъ судомъ. Итакъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода теперь же предвидѣть изъ непомѣрныхъ требованій Соединенныхъ Штатовъ вѣроятность кризиса, въ родѣ войны ихъ съ Англіею. Рѣшенію третейскаго суда подчинятся обѣ стороны не только потому, что онѣ къ тому обязались, но еще и потому, что предпринимать войну съ Англіею, для полученія нѣсколькихъ лишнѣхъ десятковъ милліоновъ рублей — было бы со стороны Соединенныхъ Штатовъ весьма невыгодною спекуляціею.

Въ Испаніи произошелъ неизбежный „ежемѣсячный“ кризисъ: кортесы отвергли предложеніе своего президента Херреры, чтобы прекратить пренія по финансовымъ запросамъ сдѣланнымъ министерству. Пренія въ самомъ дѣлѣ слѣдовало прекратить, потому что они пере-

или въ безплодныхъ личности, но министр-президентъ Сагаста испортилъ все дѣло, объявивъ, что онъ изъ прекращенія преній дѣлаетъ вопросъ о существованіи кабинета. Кортесы на это совершенно неправильное внимательство министерства отвѣчали отказомъ. Тогда въ засѣданіи 24-го января (н. с.) Сагаста прочелъ королевскій декретъ о распусценіи палаты и о назначеніи новыхъ выборовъ на 2-ое апрѣля, съ возобновленіемъ сессіи 24-го апрѣля. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда снова произойдетъ министерскій кризисъ; но до тѣхъ поръ Сагаста „поуправляетъ“. Положеніе дѣлъ весьма печальное. Замѣчательно, что въ совѣщаніе, гдѣ рѣшено распустить кортесы, были призваны не только Санта-Крусъ и Херреро — какъ президенты палатъ, и Топете и Серрано, какъ друзья Сагасты, только расхваленные имъ въ томъ самомъ засѣданіи, въ которомъ произошла буря, но и Руисъ Сорилля. Но Сорилля не явился.

По поводу помѣщаемой въ этой же книгѣ „Вѣст. Европы“ статьи „Восточная политика Германіи и обрусеніе“, мы хотимъ сдѣлать здѣсь одну оговорку. Намѣреваясь, въ виду нѣкоторыхъ присоединительныхъ поползновеній, высказавшихся въ нѣмецкой печати, разсмотрѣть мѣры къ обезпеченію нашего государственнаго единства на западной границѣ, авторъ естественно долженъ былъ начать съ того, чтобы указать на упомянутыя поползновенія. Это начало само по себѣ не могло не получить характера обличенія. Между тѣмъ, обличеніе всевозможныхъ „интригъ“ составило въ нѣкоторой части нашей печати отдѣльную специальность, такую специальность, которой цѣль не что иное какъ разжиганіе ненависти между національностями, потворство грубымъ инстинктамъ самовосхваленія и злоупотребленія силою, наконецъ, ежедневная ложь въ примѣненіи къ одному вопросу однихъ началъ, а къ другому, однородному — началъ прямо противоположныхъ. Отъ такой специальности порядочные органы должны бережно сторониться. Вотъ почему начало статьи г. Т—ова, въ которомъ авторъ хотя и обнаруживаетъ цѣли совсѣмъ иного рода, цѣли практическія и достойныя сочувствія, но еще не уясняетъ своихъ цѣлей съ достаточной опредѣлительностью, а преимущественно занимается только первою, менѣе благодарною частью своей задачи, именно обличеніемъ, — заставило насъ пожелать, чтобы различіе намѣреній автора съ намѣреніями нашихъ нѣмцевъдовъ и полонофобовъ было оговорено прежде всего.

Такова была цѣль письма, съ которымъ мы обратились къ автору, и напечатанный вмѣсто предисловія къ статьѣ отвѣтъ его вполнѣ достигаетъ этой цѣли. Прочтя его, читатель уже приступитъ къ самой статьѣ безъ предвзятаго, но невольнаго предубѣжденія, будетъ слѣ-

ить за авторомъ въ его изложеніи, зная, что имѣеть дѣло не съ днимъ изъ нашихъ присяжныхъ „травителей“ національностей, но съ человѣкомъ мыслящимъ, которому обличеніе понадобилось не для довольствія ругать чужихъ и восторгаться собственнымъ превосходствомъ, а для достиженія серьезной цѣли, для извлеченія поучительныхъ амъ самимъ уроковъ.

Совершенно справедливо, что нынѣшняя нѣмецкая печать, несмотря на различіе своихъ принциповъ, сходится въ недостойномъ отношеніи къ русскому народу, отрицая въ немъ всякія права на человеческое азвитіе и дѣйствуя съ расчетомъ такъ, чтобы по мѣрѣ своихъ амъ вредить ходу этого развитія, причеъ она не гнушается праввенно-низкимъ приеомъ доносить русскому правительству на руское же общество, что составляетъ еще и довольно смѣшную преензію. Корреспонденты нѣмецкихъ газетъ изъ Россіи не любятъ з г. Катковъ только обрусителя балтійскихъ провинцій. Во всемъ стальномъ, они идутъ его же путемъ. Они радуются всякой мѣрѣ з Россіи противъ печати, подобно тому, каеъ и г. Катковъ настааетъ на необходимости давать предостереженія; они отрицаютъ всякіе истинные успѣхи русскаго общества, точно также каеъ и г. Катовъ видитъ во всемъ одинъ нигилизмъ. Подобно г. Каткову, и они шодозриваютъ наши судебныя учрежденія. Мало того, они стараются оказывать русскому правительству, что обращать вниманіе на общественное мнѣніе въ Россіи вовсе не слѣдуетъ, потому что это знаило бы вводить конституціонную систему (!). Для образца выписываемъ слѣдующее мѣсто одной изъ январскихъ корреспонденцій изъ стзейскихъ губерній въ „Кѣльнскую“ газетъ, по поводу преобразования инской повинности: „Если уже теперь вся русская молодежь, и татская, и военная, заражена ядомъ нигилизма, который уже даеъ зводъ къ заговорамъ хотя и глупымъ, но не безопаснымъ, то какиъ е образомъ хотять, при установленіи общей воинской повинности, странить внесеніе этого зловреднаго сѣмени и въ нетронутыя имъ оселъ, преданныя Царю массы солдатъ? Самое одобреніе, встрѣчаое проектомъ въ нѣкоторыхъ кругахъ, кругахъ, едва дающихъ себѣ рудъ скрывать свои тенденціи, должно бы внушать осторожность. ли Россія въ самомъ дѣлѣ уже родъ конституціонной монархіи, каеъ горіе утверждаютъ, и которою управляетъ елика журналистовъ (!), верховная власть сохранила только право отсрочки (suspensives то). А вѣдь до сихъ поръ, въ концѣ концовъ, происходило все пои именно такъ, каеъ желали того эти господа (т.-е. журналисты). aveant consules!“

Почему же и для чего порядочная нѣмецкая газета, какова Кѣльнская, печатаетъ такую мерзость и вмѣстѣ глупость? Потому, по „Кѣльнская“ и всѣ нѣмецкія газеты при обсужденіи русскихъ

дѣла становятся исключительно на точку зрѣнія національной личности остзейскихъ нѣмцевъ. До человѣческихъ правъ 70-ти миллионнаго народа этимъ публицистамъ нѣтъ дѣла; и они повидимому охотно принесли бы все развитіе и самое существованіе этихъ миллионѣвъ въ жертву охраненію малѣйшей фантазіи самомагѣйшаго барона. Для чего они это пишутъ? Для того, чтобы какіе-нибудь ультра-нѣмцы въ Петербургѣ, служащіе или неслужащіе, но „солидные“, могли носиться съ этими гадкими статейками и показывать въ тѣхъ „сферахъ“, хотѣ бы и невысокихъ, куда они вхожи: „вотъ-могъ что пишутъ за границей, вотъ-могъ какъ вѣрно смотреть на наши дѣла *заграничная печать*“, несмотря на то, что она знакома со всякими конституціями“. А какая тутъ заграничная печать!! Просто, корреспонденціи, присылаемыя тѣми же нѣмцами, которые потомъ всѣмъ показываютъ эти статьи.

Разсчетъ всего этого понятенъ. Что онъ окажется *über kurz oder lang* невѣренъ, это должна бы разумѣть сама нѣмецкая печать, такъ какъ подобныя приемы ея едва ли могутъ достигнуть своей прямой цѣли—компрометтировать русское общество передъ его же правительствомъ, знающимъ свой народъ ближе, чѣмъ его могутъ знать за границей. А между тѣмъ приемы эти весьма способны къ тому, чтобы вызывать въ русскомъ обществѣ раздраженіе вообще противъ нѣмцевъ, что для здѣшнихъ нѣмцевъ, въ концѣ концовъ, едва ли можетъ быть выгодно. Нашей же цѣлью, при цитированіи приведенныхъ строкъ, было не побуждать русскаго читателя къ такому раздраженію, но показать ему на чужомъ примѣрѣ всю прелесть и все нравственное достоинство нашихъ собственныхъ ультра-націоналовъ. Полюбуйтесь въ нѣмецкомъ обращеніи на бузетъ ихъ же системы заподозриванья, инсинуаціи и отрицанія всѣхъ человѣческихъ правъ во мнимую славу изступленнаго націонализма! Такъ и статья г. Т—ова, указывая читателю на тѣ чудовищныя крайности, къ которымъ приводитъ печать даже высоко-просвѣщеннаго народа, на фанатизмъ самоувѣрія, покажетъ ему, какъ въ зеркалѣ, наши собственные прегрѣшенія въ этомъ же самомъ смыслѣ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24 (12) января, 1872.

Конституція и самоуправленіе въ Пруссіи.

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ я не могъ еще говорить о закрытіи рейхстага. У васъ сообщили о немъ въ иностранномъ обозрѣніи январьской книжки журнала; но я желалъ бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы привести цѣликомъ слова, сказанныя въ рейхстагѣ нашимъ государственнымъ министромъ Дельбрюкомъ, такъ какъ вслѣдствіе краткости отзыва по поводу этихъ словъ въ обозрѣніи, можно подумать, что въ Пруссіи сохраняется размѣръ военнаго бюджета еще на три года съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока Германія могла снова напасть на Францію. Пренія по военному бюджету происходили 18/30 ноября, и министръ Дельбрюкъ сказалъ именно слѣдующее: „Самое важное значеніе предложенія заключается по моему въ томъ, чтобы міръ зналъ, что Германія въ 1874-мъ году будетъ столь же готова къ войнѣ, какъ и въ настоящее время. Хотя я не считаю, чтобы намъ грозила, какъ говорятъ нѣкоторые, опасность неизбежной войны, но не думаю также, чтобы мы могли считать періодъ мира гарантированнымъ. Хотя миръ и заключенъ, но всѣмъ вамъ извѣстно, что онъ проченъ лишь до 2-го марта 1874-го года. Нельзя не признать, что во Франціи существуетъ сильная партія, желающая возмездія *до* и, самое позднее, *по* истеченіи срока выполненія условій мирнаго договора....“

Еслибы Германія желала оставаться на военной ногѣ затѣмъ, чтобы по уплатѣ военной контрибуціи снова напасть на Францію, то это было бы чистымъ разбоемъ, напоминающимъ классическій способъ борьбы римлянъ съ Карфагеномъ, отъ котораго они сначала потребовали выдачи оружія, а затѣмъ, когда тотъ исполнилъ требованіе, предложили ему такія условія, которыхъ нельзя было принять. Между тѣмъ извѣстно, что послѣдніе три милліарда военной контрибуціи Франція должна уплатить 2-го марта 1874-го года, а уже весьма многіе французы и теперь того мнѣнія, что лучше было бы не платить когда наступитъ этотъ день, а употребить три милліарда на войну. Вотъ въ ожиданіи *этою-то* оборота дѣлъ, Германія желаетъ оставаться на военной ногѣ. Я долженъ сознаться только въ одномъ, что никогда не могъ хорошенъко понять, какимъ образомъ Бисмаркъ могъ распредѣлить такъ странно сроки уплаты контрибуціи. Какъ вамъ

извѣстно, первые три милліярда уплачены вскорѣ по заключеніи мира; четвертый полу-милліардъ уплачивается теперь, между 15-мъ января и 15-мъ мая, и послѣ того, французамъ не придется почти два года производить никакихъ платежей; но затѣмъ они должны внести разомъ такую огромную сумму, что даже менѣе впечатлительный и страстный народъ, чѣмъ французскій, могъ бы придти къ мысли не лучше ли взяться за оружіе, чѣмъ платить?

Для этого факта существуетъ, пока одно объясненіе, а именно: Бисмаркъ считалъ необходимымъ дать Франціи время оправиться, чтобы быть въ состояніи выполнить взятія на себя обязательства. Но какъ бы то ни было, если 2-го марта 1874-го года Франція дѣйствительно уплатитъ послѣднія три милліярда, то Европа можетъ рассчитывать на продолжительный періодъ мира, потому что лучшаго доказательства своего миролюбія Франція не можетъ дать. Въ послѣднее время много говорятъ о томъ, чтобы отсрочить платежъ послѣднихъ трехъ милліардовъ. Это возможно, хотя и невѣроятно, потому что Франція должна желать возможно скорѣе освободиться отъ оккупациі, а это несовмѣстимо съ отсрочкой платежа, развѣ только Пруссія дѣйствительно задалась той политикой, которую недавно одна французская газета приписывала Бисмарку, а именно: вернуть Франціи Эльзасъ и Лотарингію и подарить ей послѣдніе три милліярда контрибуціи съ тѣмъ, чтобы купить ея нейтралитетъ въ предстоящей войнѣ между Германіей и Россіей!!

Но отсрочка въ платежѣ послѣдней суммы очевидно возможна лишь въ томъ случаѣ, если Франція до наступленія весны 1874-го года серьезно докажетъ свое мирное настроеніе и въ ней упрочится извѣстный порядокъ. Хотя весьма возможно и то, что вопросъ о войнѣ или мирѣ рѣшится гораздо раньше весны 1874-го года, такъ какъ нельзя ручаться, что партія Гамбетты не восторжествуетъ или что не случится другого какого непредвидѣннаго событія. Опасность была особенно велика въ концѣ ноября и въ началѣ декабря, послѣ оправданія Тоннелё и Бертена, потому что доктрина, провозглашавшая, что убійство чужестранца не только не подлежитъ наказанію, но даже приноситъ честь патриотизму, грозила получить преобладаніе, пока депеша Бисмарка отъ 7-го декабря не поставила ея преграды. Объ этой депешѣ безконечно много разсуждали, но теперь, мѣсяцъ спустя послѣ ея обнародованія, невозможно оспаривать, что она произвела свое дѣйствіе, потому что тѣ событія, которымъ она желала положить конецъ, съ тѣхъ поръ не повторялись, и солдаты оккупационной арміи могутъ себя считать до нѣкоторой степени обезпеченными противъ вѣроломныхъ нападеній.

Вообще же иностранная политика—за исключеніемъ обмѣна дружескихъ заявленій между Россіей и Пруссіей, о которыхъ было бы без-

полезно вамъ говорить — не представляла ничего замѣчательнаго. Австрія видитъ, послѣ того какъ улеглось первоначальное одушевленіе, съ какиѣмъ привѣтствовалось либеральное и преданное конституціи министерство, что этимъ далеко еще не разсѣваются ея внутреннія затрудненія, а Пруссія, вѣрная тому принципу, котораго до нихъ поръ держалась, старательно остерегается выказать особенную симпатію какой-нибудь изъ партій, борющихся между собой. Отношенія между обоими дворами очень хороши, чѣмъ мы главнымъ образомъ обязаны германскому посланнику при вѣнскомъ дворѣ, дипломатическіе таланты котораго теперь весьма прославляются.

Вотъ этимъ и исчерпывается все, что можно сказать объ иностранной политикѣ; за то внутренняя наша политика шагнула впередъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе отставки министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ фонъ-Мюлера. Чтобы дать понятіе значеніе этого событія, слѣдуетъ изложить въ главныхъ чертахъ исторію конституціи въ Пруссіи съ 1860-го года. Впрочемъ, достаточно будетъ указать на главные ея пункты. Въ Пруссіи министерство—коллегіальное. Конституція гласитъ въ статьѣ 45-й: „Король назначаетъ и отрѣшаетъ министровъ“, но ничего не упоминаетъ о внутреннихъ отношеніяхъ министровъ другъ къ другу. Чтобы познакомиться съ этимъ, слѣдуетъ заглянуть далеко назадъ въ исторію до-конституціонной Пруссіи. *Кабинетъ министровъ* существуетъ въ Пруссіи съ 1808-го года. Онъ составляетъ высшую правительственную власть въ странѣ ¹⁾ и состоитъ изъ всѣхъ министровъ, управляющихъ отдѣльными министерствами. Они—высшіе государственные сановники, непосредственно подчиненные королю и назначаются и отрѣшаются этимъ послѣднимъ. *Предсѣдательствующій* также назначается королемъ и называется теперь *министромъ-президентомъ*; онъ не имѣетъ надъ остальными министрами никакой дисциплинарной власти, а наблюдаетъ лишь за порядкомъ и ведетъ пренія во время совѣщаній, происходящихъ въ кабинетѣ министровъ. Министерскимъ указомъ отъ 3-го іюня, 1814-го года, была учреждена должность *государственнаго канцлера*.

По закону этотъ послѣдній стоялъ во главѣ *всѣхъ управленій, безъ исключеній*, и былъ ближайшимъ и первымъ совѣтчикомъ короля; ему, т.-е. государственному канцлеру, должны были ежедневно представляться всѣ дѣла, повергаемыя на усмотрѣніе короля, и государственный канцлеръ долженъ былъ выбирать самъ, какія дѣла онъ лично доложить королю и какія будутъ докладываться различными министрами *въ присутствіи государственнаго канцлера*, вслѣдствіе чего (говоритъ фонъ-Осфельдъ), образовался такой кабинетъ мини-

¹⁾ См. очень хорошую книгу: *Preussen in staatsrechtlicher Beziehung. Von Max V. Oesfeld. Breslau. 1870/71. 2 Bände.*

стровъ, который представлялъ прочный правительственный организмъ, среди абсолютнаго государства и при господствѣ неограниченныхъ правъ короны, опиравшійся на единствѣ *совѣта короля*, на *единствѣ государственнаго управленія* и на *единствѣ и зависимости другъ отъ друга законодательства и управленія*, каковаго не существуетъ болѣе въ настоящее время (т. I, стр. 423).

Кабинетъ министровъ—учрежденіе коллегіальное и собирается разъ еженедѣльно. Отдѣльные министры могутъ вносить различныя предложенія о дѣлахъ, касающихся ихъ вѣдомствъ. Такъ какъ министры-президентъ не облеченъ властью *перваго* сановника кабинета и совѣтника короля, какъ прежде государственный канцлеръ (Гарденбергъ былъ первымъ и единственнымъ государственнымъ канцлеромъ; позднѣе президентство было передано крон-принцу, а наконецъ министру-президенту), то совѣтъ министровъ самъ по себѣ не представляетъ болѣе въ настоящее время *единства*, что далеко не соответствуетъ требованіямъ настоящей конституціи и даже уступаетъ здравому направленію законодательства 1810-го года, слѣдовательно абсолютной правительственной системѣ. Пруссіе либералы или не могли измѣнить этого обстоятельства (подобное измѣненіе всегда является дѣломъ въ высшей степени щекотливымъ, такъ какъ при этомъ задѣваются прерогативы короны), или не сообразили важнаго значенія этого обстоятельства, или же предпочли коллегіальную систему системѣ президентской.

Послѣдняя, какъ извѣстно, принята въ Англіи, хотя и тамъ она не опирается на какомъ-нибудь опредѣленіи законодательства, которое страннымъ образомъ даже игнорируетъ о существованіи какого бы то ни было кабинета, но развилась постепенно. Алфеусъ Тоддъ въ своемъ основательномъ и богатомъ примѣрами сочиненіи о парламентской формѣ правленія въ Англіи говоритъ: „Отношеніе премьеръ-министра къ остальному кабинету довольно своеобразно. Несмотря на то, что онъ глава кабинета и во всякомъ случаѣ самый значительный и вліятельный членъ его, онъ стоитъ на совершенно равной ногѣ со всѣми своими собратами. Въ засѣданіяхъ кабинета единственный членъ, который имѣетъ нѣкоторое превосходство надъ своими собратами—это президентъ *Privy Council*. Но такъ какъ полная отвѣтственность за правленіе лежитъ на премьеръ-министрѣ, то весьма естественно, что онъ пользуется болѣшимъ почетомъ и болѣшимъ вліаніемъ въ кабинетѣ, чѣмъ его другіе собраты. Обыкновенные вопросы могутъ быть рѣшены большинствомъ голосовъ въ противность мнѣнію премьера. Но онъ можетъ, если захочетъ, повліять на рѣшеніе какого-нибудь вопроса въ своемъ смыслѣ и во всякомъ случаѣ съ его отставкой рушится весь кабинетъ. Если онъ никакъ не можетъ придти къ согла-

пенію съ своими собратами, то можетъ требовать, чтобы они вышли въ отставку и чтобы кабинетъ былъ распущенъ.“

Но при обсужденіи положенія премьеръ-министра не слѣдуетъ забывать одного весьма важнаго обстоятельства, а именно: король *ему* поручаетъ составить министерство. Алфеусъ Тоддъ говоритъ по этому случаю:

„Уже много лѣтъ, какъ стало правиломъ, чтобы политическимъ вождамъ, на которыхъ государь возлагаетъ заботу образовать кабинетъ, предоставлена была полная свобода въ выборѣ лицъ, изъ которыхъ они желаютъ, чтобы онъ состоялъ, и имена которыхъ они представляютъ государямъ на утверждение. Это право необходимо для процвѣтанія нашей (англійской) парламентской системы и завоевано послѣ долгой борьбы со стороны каждой изъ политическихъ партій, попеременно достигавшихъ господства. Первый коронный министръ, съ конституціонной точки зрѣнія, необходимо долженъ быть въ состояніи принять относительно парламента полную личную отвѣтственность за назначеніе каждаго члена кабинета. Но онъ только тогда въ состояніи сдѣлать это, когда ему предоставлена возможность предлагать свои совѣты коронѣ относительно выбора лицъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ должны заниматься государственными дѣлами. За государемъ неоспоримо признается право выражать свои желанія, касательно допущенія или устраненія извѣстныхъ лицъ, совѣтъ тѣмъ, рѣшающій голосъ при выборѣ каждаго изъ нихъ; согласно конституціонной практикѣ новѣйшаго времени, принадлежитъ не ему, но премьеръ-министру. Во всякомъ случаѣ здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ, личная симпатія или антипатія государя, относительно допущенія или устраненія нѣкоторыхъ лицъ въ министерскомъ спискѣ, долгое время еще будетъ играть важную роль, но даже это самое соображеніе должно вліять на уваженіе государственныхъ интересовъ, и государь долженъ пойти на то, чтобы выбирать въ свои совѣтчики и въ государственные сановники тѣхъ лицъ, которыхъ ему уважаетъ премьеръ. Также и въ случаѣ очистившейся вакансіи въ кабинетѣ, происходящей въ силу естественнаго хода событій или вслѣдствіе несогласій между отдѣльными его членами, на обязанности перваго министра лежитъ, при назначеніи лица, которое должно занять открывшееся мѣсто, принимать во вниманіе желанія короны“.

Существенно при этомъ обезпечить единство дѣйствія. Въ Пруссіи, какъ мы уже упоминали, такого единства *не существуетъ*. Король избираетъ своихъ министровъ, а этимъ послѣднимъ предоставляется ладить другъ съ другомъ, какъ умѣютъ. (При этомъ конечно не слѣдуетъ упускать изъ вида то главное различіе, что въ Англіи однородность кабинета обезпечивается уже тѣмъ, что онъ долженъ выражать собою парламентское большинство).

Со времени подавленія революціи осенью 1848-го года, перемѣны министерствъ не были особенно многочисленны въ Пруссіи. Министерство Мантѣйфеля, которое образовалось 9-го ноября 1848-го года, существовало съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями до ноября 1858-го года. 5-го ноября этого года принцъ-регентъ созвалъ такъ называемое министерство „новой эры,“ состоявшее изъ слѣдующихъ господъ: фонъ-Бонина, фонъ-деръ-Гейдта, фонъ-Шлейница, Симонса, графа Пюклера, графа Шверина, фонъ-Бетмана-Гольвега и во главѣ котораго стоялъ генералъ принцъ Антонъ фонъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, отецъ того Леопольда, который въ 1870-мъ году подалъ предлогъ въ франко-прусской войнѣ. Министерство не было однородно, потому что изъ прежняго удержались фонъ-деръ-Гейдтъ и Симонсъ, первый въ качествѣ министра торговли, второй въ качествѣ министра юстиціи. Оба эти министра, въ качествѣ либераловъ, вмѣстѣ съ Мантѣйфелемъ, прошли сквозь огонь и воду и поэтому особенно были ненавидимы, какъ ренегаты, когда вступили въ новое министерство. Позднѣе, 5-го декабря 1859-го года, Роонъ назначенъ былъ военнымъ министромъ на мѣсто Бонина, что дало уже тогда поводъ говорить, что въ либеральномъ министерствѣ клинъ клиномъ выбиваютъ. Вслѣдствіе принятія предложенія ввести большую спеціализацію въ государственный бюджетъ, внесеннаго Гагеномъ (требованія въ высшей степени невиннаго, которое съ тѣхъ поръ было приведено въ исполненіе, но тогда показалось министрамъ посягательствомъ на права короны), министры подали въ отставку. Гогенцоллернъ, очень хорошій человекъ, но очень важный баринъ, вышелъ уже раньше въ отставку, наскучивъ непріятностями, съ которыми связана политическая дѣятельность; вмѣсто него президентство въ кабинетѣ принялъ на себя Ауэрсвальдъ, а мѣсто Симонса занялъ либеральный Бернугъ. Всѣ они подали въ отставку. Остались только Роонъ да фонъ-деръ-Гейдтъ. Министромъ-президентомъ избранъ былъ принцъ Гогенлоэ, бывшій до того времени президентомъ палаты господъ. Этотъ старый господинъ никогда не занимался политикой и небольшія рѣчи, которыя онъ по обязанности произносилъ иногда въ палатѣ господъ, бывали дотого сбивчивы, что одинъ злоязычный литераторъ поставлялъ себѣ за удовольствіе выдавать ихъ за образецъ краснорѣчія новаго министра-президента. Принцъ Гогенлоэ удаллся съ политической арены, напутствуемый громкимъ хохотомъ. Гейдтъ назначенъ былъ временнымъ министромъ-президентомъ, пока не смѣнилъ его Бисмаркъ, назначенный предсѣдательствующимъ въ кабинетѣ министровъ 23-го сентября 1862-го года. Самъ кабинетъ составленъ былъ изъ слѣдующихъ лицъ: Роонъ (военный министръ), графъ Липпе (министръ юстиціи), Мюлеръ (народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ) и др. Въ декабрѣ 1862-го года, графъ Эйленбургъ занялъ мѣсто министра внутреннихъ

дѣлъ и въ министерствѣ началась та ожесточенная борьба, которая извѣстна подъ именемъ внутренняго столеновенія и къ сожалѣнію все еще ждетъ своего историка. Быть можетъ не существуетъ въ исторіи другого періода, когда бы велась такая упорная борьба за конституціонныя права и монархическія прерогативы, какъ въ 1862—1868-мъ годахъ, и событія этого періода получаютъ особенный интересъ отъ слѣдующаго обстоятельства: министерство только потому могло выдти изъ борьбы побѣдителемъ, что преслѣдовало грандіозную внѣшнюю политику, которой Пруссія не знавала со времени Фридриха-Великаго и его геніальнаго министра, графа Герцберга.

Только на *одномъ* пунктѣ сходились тогдашніе министры: на необходимости противодѣйствовать всѣмъ конституціоннымъ требованіямъ, которыя заявляла либеральная партія. Такъ какъ законодательство совершенно пріостановилось, то со стороны министровъ не требовалось никакой положительной программы, а потому одно время дѣйствительно казалось, будто у министерства одна душа и одно сердце. Совсѣмъ тѣмъ дальнзорекіе люди вскорѣ увидѣли, что это не совсѣмъ такъ. Тогда открыли „теорію двухъ душъ.“ Бисмаркъ былъ представителемъ бѣлой, либеральной души, Мюлеръ-Эйленбургъ представителями черной, реакціонной души въ министерствѣ. Никто не потѣшался столько надъ этой теоріей, сколько „Крестовая Газета“, и по временамъ либералы бывали настолько простодушны, что дозволяли себя запугать. Событія показали самымъ близорукимъ людямъ, что въ министерствѣ дѣйствительно царили двѣ души, и что Бисмаркъ былъ душой либеральной. Конечно, существуютъ забавные чудачки, которые требуютъ, чтобы Бисмаркъ явственно высказался за либерализмъ, чего онъ конечно никогда не сдѣлаетъ по весьма понятнымъ причинамъ. Эти самые простаки, заявивъ только Бисмарку торжественно о своемъ *profession de foi*, сквозь пальцы глядѣли бы на то, еслибы онъ проводилъ реакціонную политику, какъ это уже бывало со многими министрами. Но проникательный наблюдатель долженъ будетъ согласиться, что Бисмаркъ чрезвычайно содѣйствовалъ либеральному ходу дѣлъ,—конечно не по личному влеченію, но подѣ давлениемъ крайнихъ обстоятельствъ.

Онъ болѣе всего содѣйствовалъ паденію старой консервативной партіи и хотя привлекалъ повсюду, особенно же на высшіе правительственные посты, людей этой партіи, но за то на ряду съ ними выступали все болѣе и болѣе чиновники, которые только администраторы, а не политики.

Положеніе фонъ-Мюлера было поколеблено уничтоженіемъ католическаго отдѣленія министерства народнаго просвѣщенія. Фонъ-Мюлеръ былъ весьма близокъ съ совѣтниками этого отдѣленія и пожертвовалъ ими. Между тѣмъ Бисмаркъ увидѣлъ ясно невыгоды,

наносимыя его политикѣ тайнымъ противодействіемъ, а также непопулярностью министра народнаго просвѣщенія. Особенно на югѣ Германіи имя Мюлера было самымъ сильнымъ аргументомъ на устахъ всѣхъ противниковъ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе, Бисмаркъ не былъ въ состояніи заставить своего товарища выйти въ отставку. Мюлеръ оставался глухъ относительно всякихъ намековъ въ этомъ направленіи, пока наконецъ не случилось нѣчто такое, что сдѣлало для него невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе службы и вынудило его подать въ отставку, которая, по совѣту всего министерства, и была принята. Въ чемъ заключалась причина выхода Мюлера въ отставку о томъ ходятъ безчисленные рассказы; самое вѣроятное, что всѣ или большинство этихъ рассказовъ заключаютъ въ себѣ частичку правды. Надо полагать, что накопилось многое, что дѣлало положеніе министра все болѣе и болѣе шаткимъ, а вѣдь извѣстно, что одной капли достаточно, чтобы переполнить сосудъ. Я однако не намѣренъ сегодня касаться личныхъ вопросовъ. Черезъ нѣсколько недѣль будетъ возможно уже произнести свое сужденіе о новомъ министерствѣ, теперь же я намѣренъ продолжать изложеніе своихъ взглядовъ на организацию прусскаго министерства.

Когда, въ мартѣ 1867-го года, первому рейхстагу сѣверо-германскаго союза былъ предъявленъ проектъ союзной конституціи, главнѣйшимъ упрекомъ со стороны либеральной партіи было то, что въ этой конституціи не было отвѣтственныхъ министровъ. Опытъ ввести отвѣтственность министровъ былъ сдѣланъ при разсмотрѣніи 11-го параграфа проекта конституціи. Депутатъ Ансфельдъ съ товарищи и Эрслебенъ съ своимъ кружкомъ предложили измѣненіе этого параграфа, вслѣдствіе котораго должно быть введено отвѣтственное министерство, и послѣ довольно оживленныхъ споровъ, въ которыхъ Бисмаркъ не принималъ участія, предложенія обоихъ депутатовъ были отклонены. Въ томъ же засѣданіи однако, при обсужденіи параграфа 17-го, было принято предложеніе Беннингсена объ отвѣтственности союзнаго канцлера. Предложеніе же Ласкера, по которому, на ряду съ союзнымъ канцлеромъ, и представители отдѣльныхъ отраслей управленія получаютъ право отвѣтственного контрасигнированія, было отклонено. Принятіе послѣдняго измѣненія ввело бы на дѣлѣ коллегіальныхъ министровъ. Я прочелъ со вниманіемъ стенографическій отчетъ этихъ преній, именно рѣчи Бисмарка, но мало вынесъ изъ этого чтенія. Бисмаркъ указалъ на невозможность достигнуть въ союзномъ совѣтѣ постоянного предварительнаго соглашенія прусскихъ голосовъ. Отвѣтственные начальники департаментовъ будутъ, конечно, при каждомъ случаѣ дѣйствовать на основаніи своихъ убѣжденій, между тѣмъ какъ неотвѣтственный долженъ исполнять то, что ему предписывается. Пренія были поверхностны потому, что никто не

имѣлъ яснаго понятія о томъ, въ какомъ видѣ установится управленіе союза. Мало-по-малу управленіе это организовалось, и 13-го марта 1869-го года депутаты Твестенъ и графъ Мюнстеръ внесли въ рейхстагъ для разрѣшенія слѣдующее предложеніе: „предложить государственному канцлеру, для дѣлъ, подлежащихъ власти государства, установить законодательнымъ порядкомъ правильный надзоръ и управленіе посредствомъ отвѣтственныхъ государственныхъ министерствъ и именно для иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, войны, флота, торговли и сообщений?“

Въ время преній по поводу этого предложенія, Бисмаркъ высказался съ полною искренностью. „Мм. Гг., сказалъ онъ: кто былъ министромъ, стоялъ во главѣ министерства и бывалъ вынужденъ брать рѣшенія на свою отвѣтственность, тотъ не испугается этой отвѣтственности, но испугается необходимости убѣждать семь человѣкъ въ справедливости того, чего онъ желаетъ. Это совершенно другого рода работа, чѣмъ управлять государствомъ. Всякій изъ членовъ министерства имѣетъ свои честныя, положительныя убѣжденія, и чѣмъ честнѣе и дѣльнѣе эти люди, тѣмъ труднѣе имъ связать себя. Всякій изъ нихъ окруженъ цѣлой толпой совѣтниковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои убѣжденія и министр-президентъ долженъ стараться, если у него есть на то время, — и я бы отъ этого не уклонился — убѣдить единственнаго совѣтника, который въ этомъ дѣлѣ имѣетъ влияние на его главу. Убѣдить въ чемъ-нибудь человѣка само по себѣ весьма трудно. Удалось уговорить кого-нибудь, склонить на свою сторону личною любезностью, если такой обладаешь, и что же, — приходится повторять тѣ же усилія семь или болѣе разъ. Я считаю — и этимъ отличаюсь отъ тѣхъ, кто говорилъ доселѣ, и твердо увѣренъ, что мой собственный опытъ можетъ подкрѣпить мое мнѣніе — *коллѣціальное* министерское учрежденіе во всѣхъ отношеніяхъ государственнымъ заблужденіемъ и ошибкой, отъ которой всякому государству слѣдуетъ избавиться по мѣрѣ возможности, а потому далеку отъ того, чтобы помогать перенести это ошибочное учрежденіе и въ союзъ, и даже нахожу, что Пруссія сдѣлала бы громадный успѣхъ, еслибы приняла принципъ, господствующій въ союзѣ, и ограничилась бы только однимъ отвѣтственнымъ министромъ“.

Краснорѣчіе канцлера пропало тогда даромъ, рейхстагъ принялъ предложеніе Твестена и графа Мюнстера большинствомъ 111 голосовъ противъ 100, но союзный совѣтъ не одобрилъ этого рѣшенія, причемъ конечно онъ имѣлъ въ виду опасеніе, которое маленькія государства питали къ назначенію отвѣтственнаго министра, боясь, что это еще сильнѣе ограничитъ ихъ собственныя верховныя права. Слова Бисмарка произвели сильное впечатлѣніе, и потомъ были забыты среди грохота войны, но теперь любопытно припомнить ихъ. Они показываютъ

отношеніе Бисмарка къ весьма важному конституціонному вопросу. Во всякомъ случаѣ его точка зрѣнія требуетъ самой строгой провѣрки, главнымъ образомъ потому, что вдвойнѣ необходимая, при системѣ президентства, отвѣтственность главы министерства недостаточно твердо установлена.

Неизвѣстность рѣшенія насчетъ судьбы министра народнаго про-свѣщенія затормозила дѣятельность палаты, и по всей вѣроятности проекты законовъ, изготовленные и частью даже внесенные Мюле-ромъ вовсе не станутъ обсуждаться. Правительство желаетъ расши-рить сферу областной дѣятельности, и большинство палаты депутатовъ, а именно умѣренно-либеральная партія, раздѣляетъ это желаніе, вѣ-роятно потому что видитъ, что именно теперь пройдетъ законъ, ко-торый соотвѣтствуетъ желаніямъ и взглядамъ умѣренной партіи. Здѣсь мы снова сталкиваемся лицомъ къ лицу съ великой задачей, о кото-рой каждый толкуетъ, въ которой каждый видитъ настоятельнѣйшую потребность и которая, однако, до сихъ поръ весьма мало ушла впе-редъ, — съ вопросомъ о *самоуправленіи*. Среди безчисленныхъ голосовъ, которые судятъ и рядятъ за это послѣднее время объ этомъ вопросѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ одна брошюра профессора Тель-кампа¹⁾. Телькампъ образованный человѣкъ и практикъ, даромъ, что нѣмецкій профессоръ. Въ 1835-мъ году онъ былъ доцентомъ въ Гёттингенѣ и оставивъ кафедру и отечество, вслѣдствіе паденія ганно-верской конституціи, отправился путешествовать съ ученой цѣлью въ Сѣверную Америку; но въ томъ же году принявъ профессуру въ *Union College*, а позднѣе въ *Columbia-College* въ Нью-Йоркѣ. Состоя профессоромъ въ послѣднемъ заведеніи, онъ совершилъ поѣздку въ Англію и Германію и союзные штаты, и въ 1846-мъ году вернулся въ Германію, гдѣ получилъ профессуру въ Бреславлѣ, и объѣздивъ Ан-глію, Францію и Бельгію. Хотя сочиненіе его и нельзя назвать ге-ніальнымъ, но оно отличается ясностью мысли, здравымъ смысломъ, богатымъ опытомъ. Онъ превосходно изучилъ самоуправленіе тамъ, гдѣ оно существуетъ въ настоящее время въ самомъ обширномъ и въ самомъ чистомъ видѣ, въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ; между тѣмъ какъ въ Германіи, — откуда оно получило начало и было германскимъ народнымъ учрежденіемъ, — оно уступило мѣсто бюро-кратіи, основанной частью по французскому образцу. Съ 1808-го года оно тѣмъ не менѣе существуетъ въ городахъ, и народъ доказалъ, что способенъ къ самоуправленію. Телькампъ признаетъ за аксіому, что въ народѣ должна быть извѣстная закваска, необходимая для самоуправления. Романскіе народы тяготеютъ къ безусловному един-

¹⁾ *Selbstverwaltung und Reform der Gemeinde und Kreisordnungen in Preussen und Self-government in England und Nordamerika*. Berlin, 1872. Julius Springer.

ству, военной субординаціи, церковной іерархіи и бюрократической централизаціи, помимо всякаго самоуправленія, потому что они люди страстные, любящіе наслажденія и честолюбивые, а потому менѣе способны, чѣмъ германскіе народы, управлять самими собой и соединить свободу съ порядкомъ: самоуправленіе требуетъ самообладанія. Въ Англіи отъ государства требуютъ только, чтобы оно обезпечивало права каждаго, а затѣмъ оставляютъ за собой свободу дѣйствія, посредствомъ самоуправления. Поэтому тамъ исполнительная власть раздѣлена между короной и народомъ; во Франціи же она всегда исключительно сосредоточивается въ рукахъ существующаго правленія, отличающагося мягкой формой, но автократической манерой централизующаго управленія. Вольности, болѣе любезныя имъ, входятъ въ разрядъ тѣхъ, которыя носятъ политическій характеръ: выборное право, право сходакъ, свобода печати и ораторской рѣчи,—тѣ вольности, которыя льстятъ ихъ тщеславію и честолюбію, которыя носятъ на себѣ характеръ правительственной власти и дозволяютъ низвергать обличенныхъ властью министровъ и дѣлить ихъ почести и преимущества. Поэтому централизующее бюрократическое управленіе пережило тамъ всѣ перемѣны правленій и конституцій. Побѣдоносное правительство замѣщаетъ всѣ должности своими приверженцами и даже создаетъ новыя въ награду имъ. Политическіе вожди, которымъ не удалось пристроиться на службу, требуютъ отъ государства всякихъ концесій и привилегій для обезпеченія успѣха своихъ предпріятій и спекуляцій. Изъ этого возникла колоссальная бюрократія, централизующее, дорого стоящее учрежденіе, опирающееся на полицію, и войско и по своему существу представляющее бюрократически-полицейское государство. Черезъ это создается бесполезная дѣятельность и страшное развитіе письменной процедуры, затрудняется свободное развитіе общинной жизни, развивается страсть къ занятію служебныхъ должностей и растутъ налоги. Поперемѣнно учреждавшіяся правительства во Франціи подавили посредствомъ централизующей системы управленія конституціонныя вольности, чтобы имѣть возможность дѣйствовать произвольно; вслѣдствіе этого они лишили себя поддержки со стороны народа, который, привыкнувъ къ постоянной опецѣ, не умѣлъ дѣйствовать безъ приказаній начальства, между тѣмъ какъ въ странахъ, гдѣ существуетъ самоуправленіе, народъ умѣетъ помогать самому себѣ и правительству.

Я самъ на основаніи личнаго опыта, пережитаго мною въ послѣднюю войну съ Франціей, могу подтвердить вѣрность этого замѣчанія. Французскій народъ по собственной инициативѣ умѣетъ только *оплатить революцію*, для ниспроверженія существующаго правительства, но не умѣетъ оказать поддержки государству, и то, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи послѣ Седанской катастрофы, было сдѣлано

Гамбеттой при содѣйствіи имѣвшихся на лицо властей. Уваженіе къ этимъ послѣднимъ — до жандармовъ и полевыхъ сторожей включительно — развито во французской массѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ оклеветанной на этотъ счетъ Пруссіи, съ тою только разницей, что галльскій темпераментъ приводитъ иногда ко взрывамъ, незнакомымъ хладнокровному германцу.

Насколько у насъ всѣ партіи сходятся въ стремленіи къ самоуправленію доказываетъ годось изъ консервативнаго лагеря. Графъ Гю де-Грэ говоритъ въ одной брошюрѣ ¹⁾: „Нельзя не признать, что наше управленіе въ такой мѣрѣ тяготѣетъ надъ дѣятельностью и имуществомъ отдѣльных лицъ и общинъ, какая не соотвѣтствуетъ интересу населенія къ общественнымъ дѣламъ и нашему настоящему образованію. Это вмѣшательство въ безконечное множество дѣлъ, и зачастую самыхъ пустяшныхъ, требуетъ несоразмѣрнаго напряженія силъ у нашихъ чиновниковъ. Оно невольно ведетъ къ тому, что имъ приходится довольствоваться внѣшнимъ формализмомъ, мало полезнымъ для дѣла, вслѣдствіе невозможности проникать въ самую суть вещей. Нескончаемый контроль зачастую не охраняетъ опекаемое населеніе отъ произвола, злоупотребленій и небрежности должностныхъ лицъ. Оно влечетъ за собой медленность процедуры, роняетъ въ глазахъ населенія значеніе власти даже и въ тѣхъ сферахъ, гдѣ вмѣшательство ея вполне законно. Далѣе: болѣе значительное участіе населенія въ управленіи является необходимымъ послѣдствіемъ государственной конституціи. Нельзя оспаривать у націи, которая сама себя предписываетъ законы, право приводить ихъ въ исполненіе. Здѣсь заключается самое дѣйствительное средство противъ гибельныхъ столкновеній между законодательными факторами; здѣсь же отрывается самый вѣрный путь освободить народное представительство отъ занятія мѣстными, частными вопросами, которое въ настоящее время, въ ущербъ ихъ настоящей задачи, тяготѣетъ надъ ними. Наконецъ, правильно организованное самоуправленіе самымъ благотѣльнымъ образомъ вліяетъ на населеніе. Постоянное и дѣятельное участіе въ управленіи различными отраслями общественной жизни является школой общественного служенія, и плоды этого изученія полезны всѣмъ членамъ государственнаго тѣла. Оно облагораживаетъ и является самымъ могущественнымъ рычагомъ для развитія гражданскихъ чувствъ и сознанія своихъ правъ. Оно принуждаетъ отдѣльных лицъ вмѣшиваться въ общинныя учрежденія и усиливая интересъ къ нимъ, побуждаетъ охотнѣе принимать на себя обязательства, связанныя съ ними. Оно дѣлаетъ то, что всякое учрежденіе находитъ свою опору въ со-

¹⁾ *Gr. Hue de Grais, Reorganisation der innere Verwaltung Preussens auf Grundlage der Selbstverwaltung. Berlin. 1871. Jul. Springer.*

знаніи, существующемъ у гражданъ, о его необходимости и частныя лица являются, такимъ образомъ, настоящими столпами всего государственнаго зданія. Государство, жиламъ котораго сообщается живительное дѣйствіе, получаетъ прочное основаніе, внутреннюю связь. Оно воспитываетъ населеніе въ духъ свободы и порядка и даетъ самое вѣрное ручательство въ томъ, что необузданному своеволю никогда не удастся низвергнуть существующій порядокъ; поэтому оно останется всемогущимъ, опираясь на свои внутреннія силы и при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ французское полицейское государство безсильно рушится“.

Вотъ что говорятъ наши консерваторы. Но само собою разумѣется, что если всѣ партіи сходятся въ похвалахъ самоуправленію, то расходятся въ способахъ его примѣненія.

Для того, чтобы иностранные читатели могли судить о современномъ положеніи этого вопроса, необходимо сдѣлать краткій его историческій очеркъ.

До 1807 года окружныя собранія (называвшіяся тогда окружными конвентами) состояли исключительно изъ дворянъ-владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій, по старинному окружному дѣленію. Ландратъ былъ представителемъ и управителемъ общинныхъ дѣлъ; онъ былъ избираемъ дворянами-владѣльцами рыцарскихъ помѣстій изъ своей среды. Должность эта носила чисто представительный характеръ; ландратъ, выборный округа былъ представителемъ членовъ окружнаго конвента и на него возложено было взиманіе и уплата налоговъ, вотиrowанныхъ окружными штатами, и другія мѣстныя дѣла. Это учрежденіе, существовавшее первоначально въ Бранденбургѣ, мало-по-малу распространилось и въ другихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Бранденбургско-Прусскому государству. Со времени тридцатилѣтней войны государи возложили на представителей округа (т.-е. на ландратовъ), кромѣ дѣлъ входящихъ въ кругъ ихъ мѣстной дѣятельности, также исполненіе *государственныхъ* дѣлъ: полицейскую власть въ округѣ и наборъ рекрутовъ въ войско. Къ концу XVIII-го столѣтія они отправляли полицейскую обязанность, взимали прямыя государственныя налоги, надзирали за общинами, за помѣстьями своего округа, заботились о развитіи земледѣлія, словомъ, наблюдали за всѣми сельскохозяйственными интересами. О представительствѣ со стороны сельскихъ общинъ не было въ тѣхъ окружныхъ конвентахъ и рѣчи, потому что свободное первоначально населеніе мало-по-малу съ теченіемъ времени превратилось въ крѣпостныхъ. Города съ ихъ должностными лицами не принадлежали къ окружнымъ сословіямъ и слѣдовательно не подлежали вѣдѣнію ландратовъ. Законодательная реформа 1807 года произвела перемѣну въ старинномъ устройствѣ, которая вполнѣ коснулась городовъ, вслѣдствіе городскихъ учреждений, но для селъ осталась почти нечувствительной. Первоначальныя либе-

ральныя законоположенія того времени мало-по-малу улетучивались при дальнѣйшемъ примѣненіи ихъ на практикѣ и на дѣлѣ не оказалось ни равномѣрнаго окружнаго, ни коммунальнаго учрежденія. Между тѣмъ положеніе ландрата измѣнилось, хотя конечно въ ущербъ самоуправленію, потому что его должность утратила свой выборный характеръ и превратилась въ простой правительственный органъ. Въ промежутокъ между 1825 и 1828 гг. въ восьми провинціяхъ были введены окружныя учрежденія, но каждое изъ нихъ носило свой собственный отличительный характеръ. Отличія, существовавшія между ними, были конечно весьма незначительны, но въ Пруссіи господствуетъ неописанная любовь къ такъ-называемымъ „своеобразнымъ правамъ“, которая составляетъ большое препятствіе къ уравниенію законодательства.

Окружныя представительства страдаютъ общимъ недостаткомъ: громадной несоразмѣрностью между представительствомъ трехъ сословій (владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстьевъ, городскихъ общинъ и крестьянства), которая давила все тяжелѣе, по мѣрѣ расширенія дѣятельности окружныхъ сословій, въ особенности при сооруженіи шоссе, дорогъ въ округѣ, распредѣленія окружныхъ, коммунальных повинностей и проч.

Вообще *округъ* (старая Пруссія насчитывала 327 округовъ) считается самымъ важнымъ организмомъ, а поэтому реформа въ управленіи началась съ округа, причемъ, конечно, должны измѣниться важные пункты въ общинномъ устройствѣ. Только революція 1848 года хотѣла перевернуть все сразу и таила въ себѣ такую силу, что черезъ годъ слишкомъ послѣ ея подавленія, по рѣшенію обѣихъ палатъ и съ согласія правительства, 11-го марта 1850-го года, вышло общинное учрежденіе для прусскаго государства и окружное—волостное и провинціальное учрежденіе. По этому законоположенію ¹⁾ волостной совѣтъ, вводимый въ отдѣльные правительственные департаменты, долженъ былъ состоять изъ правительственнаго президента и изъ 4-хъ волостныхъ депутатовъ, избранныхъ провинціальнымъ собраніемъ и подавать свое мнѣніе насчетъ предложенныхъ президентомъ вопросовъ. Депутаты въ провинціальное собраніе должны были избираться окружными собраніями. Права у окружнаго собранія были почти тѣ же, что и у прежнихъ окружныхъ сословій. Новымъ же и самымъ кореннымъ пунктомъ реформы было образованіе *окружнаго комитета*, который избирался изъ среды окружнаго управленія на шесть лѣтъ и на него возложено было управленіе окружными дѣлами, — и составъ окружнаго собранія изъ *выборныхъ* депутатовъ окружнаго сейма, причемъ эти послѣдніе должны были избираться на основаніи всеобщаго,

¹⁾ См. Lette, „Zur Reform der Kreisordnung“. Berlin, 1867 г. C. G. Lüdewitz.

непосредственного избирательного права; только для пассивнаго избирательнаго права (права быть выбраннымъ) былъ назначенъ довольно высокій цензъ. Уже было приступлено ко введенію этого закона, когда въ мартѣ 1851-го года разразилась съ необыкновенной силой контръ-революція, исходившая изъ первой палаты; введеніе новыхъ учреждений было приостановлено, законы упразднены и мало-по-малу все вошло въ прежнюю колею, существовавшую до 1848-го года. Слабая либеральная партія не въ силахъ была ничего подѣлать; она могла только поддерживать мысль о реформѣ и выработала нѣсколько проектовъ законовъ, хотя безъ всякой надежды на успѣхъ. Съ 1860 года само правительство сознало необходимость реформы и энергически занялось ею по окончаніи внутренняго столкновенія, но какъ извѣстно, до сихъ поръ еще не пришло ни къ какому результату.

Въ силу нынѣ дѣйствующихъ постановленій каждый округъ имѣетъ два *юридическихъ* органа: онъ является *корпорацией* для всѣхъ окружныхъ, общинныхъ дѣлъ, помимо всякихъ переговоровъ съ отдѣльными общинами или частными лицами, и вмѣстѣ съ тѣмъ *искусственнымъ уезднымъ управленіемъ*.

Къ чрезвычайнымъ дѣламъ округа принадлежатъ окружные институты, окружныя предпріятія, какъ-то приобрѣтеніе, эксплуатація и превращеніе окружной собственности. Каждый *округъ* имѣетъ правительственный органъ, а именно—назначаемаго королемъ ландрата и, какъ органъ самоуправленія, окружное собраніе (окружный сеймъ), цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать управленію ландрата. Оно состоитъ изъ 15—50 членовъ: владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстьевъ, городскихъ депутатовъ и 3 депутатовъ отъ сельскихъ общинъ, избираемыхъ общинными совѣтами на шесть лѣтъ. Городскіе депутаты должны быть или изъ должностныхъ лицъ или изъ выборныхъ города, сельскіе изъ *старостъ* или изъ *сельскихъ судей*.

Окружной сеймъ собирается ежегодно по приглашенію ландрата или старѣйшаго изъ окружныхъ депутатовъ, который предсѣдательствуетъ безъ права голоса. Всѣ словесныя прошенія должны быть обсуждаемы, составляемы и приводимы въ исполненіе на окружномъ сеймѣ. Рѣшенія окружнаго сейма подтверждаются правительствомъ и приводятся въ исполненіе ландратомъ.

Проектъ окружнаго учрежденія, который былъ внесенъ въ палату депутатовъ, подвергался большимъ колебаніямъ, обусловливаемымъ съ одной стороны упорствомъ консервативной партіи и стремленіями либераловъ, которые надѣялись придти къ соглашенію. Въ основаніи учрежденія является *окружный комитетъ*, избираемый изъ среды окружнаго сейма и долженствующій управлять дѣлами округа сообща съ ландратомъ въ такомъ родѣ, въ какомъ дѣйствуютъ въ городскихъ магистратахъ члены изъ юристовъ и члены изъ бюргеровъ. Далѣе

особая статья (4-я) проекта опредѣляла, что связанная съ владѣніемъ помѣстья полицейская власть упраздняется и что отправленіе правосудія отнынѣ отходить къ числу *королевскихъ должностей*. Относительно полицейскаго управленія и другихъ общественныхъ дѣлъ, каждый округъ, за исключеніемъ городовъ, долженъ былъ быть раздѣленъ на *волости*, долженствовавшія насчитывать отъ 2,000 — 10,000 жителей. Согласно общему правилу волость должна состоять изъ нѣсколькихъ сельскихъ общинъ и самостоятельныхъ помѣстьевъ, или (согласно мѣстнымъ условіямъ) только изъ однихъ сельскихъ общинъ или изъ однихъ помѣстьевъ. Въ волости полицейская должность отправляется отъ имени короля должностнымъ лицомъ, называемымъ *волостнымъ старшиной* (*Amtshauptmann*) (это названіе впервые появилось при великихъ курфюрстахъ, но потомъ вышло изъ употребленія). Волостной старшина назначается королемъ, срокъ службы его 3-хъ-лѣтній и онъ приноситъ присягу. Въ кругъ его служебныхъ обязанностей входятъ: 1-е, полиція, какъ во всей волости вообще, такъ и въ принадлежащихъ къ ней общинахъ и помѣстьяхъ въ частности, причемъ specialныя его обязанности слѣдующія: наблюдать за общественной безопасностью, за бѣдными, за дорогами, водяными путями, полями, рыбными ловлями, ремеслами, постройками; 2-е, непосредственный надзоръ за общинными дѣлами въ общинахъ, входящихъ въ составъ волости; 3-е, рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, возникающихъ по нѣкоторымъ дѣламъ; 4-е, право заключать въ рабочіе дома лѣнныхъ и бродягъ; 5-е, раздача патентовъ на содержаніе трактировъ и питейныхъ домовъ; 6-е, временное рѣшеніе по спорнымъ дѣламъ, возникающимъ между самостоятельными хозяевами-ремесленниками и ихъ подмастерьями и т. д. Волостной старшина имѣетъ право получать вознагражденіе за расходы по должности. *Ландратъ* (высшее должностное лицо въ округѣ) точно также назначается королемъ. Онъ, въ качествѣ правительственнаго органа, ведетъ дѣла по всеобщему земскому управленію въ округѣ и руководитъ, въ качествѣ предсѣдателя окружнаго сейма, окружнаго комитета и окружныхъ комиссій, общиннымъ управленіемъ.

Окружное собраніе (окружной сеймъ) состоитъ изъ округовъ, насчитывающихъ 25,000 жителей и менѣе; на 25,000 членовъ, въ округахъ, насчитывающихъ отъ 25,000—100,000 жителей приходится на каждые 5,000, а въ округахъ въ слишкомъ 100,000 на каждые дальнѣйшіе 10,000 по 1 депутату ¹⁾).

¹⁾ Въ 8-ми старинныхъ провинціяхъ только 9 округовъ насчитываютъ болѣе 100,000 жителей и только 17 пространствъ мѣ превосходятъ 30 квадратныхъ миль; 24 округа насчитываютъ менѣе 30,000 жителей и 43 по пространству не превышаютъ 10 квадратныхъ миль.

Для выбора депутатовъ въ окружной сеймъ образуются три избирательныхъ кружка: 1-е, кружокъ крупныхъ землевладѣльцевъ; 2-е, кружокъ сельскихъ общинъ; 3-е, городовъ. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ есть такіе крупные землевладѣльцы, которые платятъ поземельнаго налога въ общей сложности не менѣе 6,000 талеровъ, они образуютъ *четвертый* кружокъ. Между этими кружками распредѣляется число избираемыхъ окружныхъ депутатовъ, которые затѣмъ пользуются равными правами въ окружномъ сеймѣ. *Города*, насчитывающіе 30,000 жителей, образуютъ *городской округъ* и въ главныхъ чертахъ сохраняютъ свое теперешнее управленіе.

Три пункта въ этомъ проектѣ послужили предметомъ особенно жаркихъ споровъ между правительствомъ и депутатами: *назначеніе* волостного старшины королемъ (причемъ либеральная партія желала, чтобы онъ былъ *выборнымъ*), составъ окружнаго комитета (который согласно проекту долженъ былъ состоять изъ ландрата, 3-хъ выборныхъ окружнымъ сеймомъ, 3-хъ городскихъ выборныхъ изъ должностныхъ лицъ и бургомистровъ) и величина волости.

Волостной старшина является, въ подражаніе англійскому мировому судѣ, который также назначается королемъ, независимымъ джентльменомъ, который считаетъ себя вознагражденнымъ за обязательства, неразлучныя съ его должностью, почестями, связанными съ ней. Онъ не подчиненъ, подобно чиновникамъ континента, дисциплинарной власти министра, но получаетъ свое полномочіе отъ равныхъ себѣ и въ случаѣ нужды можетъ быть ими оштрафованъ; но онъ независимъ также и относительно низшихъ, потому что управляетъ на основаніи королевскаго назначенія и несмѣняемъ.

За эту мысль ухватились какъ либералы, такъ и консерваторы. Первые желали выборнаго волостного старшину, консерваторы желали по крайней мѣрѣ для крупныхъ землевладѣльцевъ создать исключительное положеніе, чтобы не дать исчезнуть безслѣдно помѣщичьей власти, этому обломку старыхъ феодальныхъ порядковъ.

Новый проектъ, внесенный теперь въ палату депутатовъ, въ однихъ пунктахъ удовлетворяетъ желаніямъ либераловъ, въ другихъ—консерваторовъ. Волостные старшины упразднены, ихъ мѣсто замѣняютъ волостные представители, обязанности которыхъ въ главномъ почти тѣ же самыя, но которые назначаются не королемъ, но провинціальнымъ оберъ-президентомъ. Волости уменьшены, такъ что даже волости, состоящія изъ помѣстьевъ и могущія собственными силами устроить полицейское управленіе, признаются отдѣльными волостями. Наконецъ члены окружнаго комитета выбираются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ изъ среды депутатовъ окружнаго собранія.

Взгляды на характеръ этихъ измѣненій весьма различны. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, профессоръ Гнейстъ высказался въ пользу

назначенія (не избранія) должностныхъ лицъ, дѣйствующихъ при самоуправленіи и привлеку много приверженцевъ. Уменьшеніе волостей по пространству встрѣчено благопріятно, потому что, очевидно, человѣку, управляющему волостью безвозмездно, нельзя навязывать слишкомъ обширныхъ дѣлъ; но затѣмъ возникаетъ вопросъ: можно ли найти достаточное число людей, пригодныхъ для этой должности? Другимъ спорнымъ пунктомъ является слѣдующій: палата депутатовъ требовала въ 1869-мъ году, чтобы города, насчитывающіе 20,000 жителей, образовали отдѣльный городской округъ; современный проектъ даетъ это право только городамъ, насчитывающимъ 30,000 жителей. Но неоспоримое преимущество настоящаго проекта заключается въ томъ, что между тѣмъ, какъ въ проектѣ 1869-го года апелляціонными инстанціями противъ постановленій и распоряженій комитета назначаемы были провинціальныя правленія, теперь этими инстанціями должны служить депутаціи, состоящія не изъ однихъ только чиновниковъ, но изъ выборныхъ депутатовъ для завѣдыванія туземными дѣлами.

Въ настоящую минуту нельзя произнести окончательнаго приговора о судьбѣ, ожидающей проектъ закона. Одно только можно сказать: если онъ будетъ принятъ, то послужитъ компромиссомъ между либеральными требованіями новѣйшаго времени и понятіями консерваторовъ, которые все еще оказываютъ вліяніе на законодательство, хотя оно и превосходитъ ихъ фактическое, какъ и нравственное значеніе. Основнымъ условіемъ для истиннаго самоуправления, которое въ Германіи почти не существуетъ или существуетъ въ весьма ничтожныхъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ въ Англіи развито вполне, есть отвѣтственность всѣхъ должностныхъ лицъ передъ закономъ. Софисты въ Германіи утверждаютъ, что въ такомъ случаѣ суды будутъ облечены верховной властью; но, какъ справедливо замѣчаетъ г. Телькамппфъ, верховной властью въ такомъ случаѣ будутъ облечены не суды, а законы. Первоначально самоуправленіе существуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ цѣлесообразно организованнаго государственнаго управленія, а при современномъ европейскомъ устройствѣ господствующій принципъ *раздѣленія труда* составляетъ противовѣсъ самоуправленію. Каждый человѣкъ, зарабатывающій свое дневное пропитаніе, охотно предоставляетъ управленіе государственному чиновнику и уплачиваетъ за то часть его налога, такъ какъ это обходится ему дешевле непосредственнаго участія въ самоуправленіи — особенно если управленіе сколько-нибудь сводно. Поэтому, при существующихъ отношеніяхъ, самоуправленіе можетъ развиваться или, лучше сказать, снова прививаться лишь при развитіи богатства съ одной стороны и политической свободы съ другой. Самоуправленіе не имѣетъ никакого смысла, если оно не обнимаетъ всего государства. Исходя изъ общины, изъ округа, оно должно найти свое высшее выраженіе въ формѣ политическаго представительства.

ства. Тогда оно служитъ прочнымъ фундаментомъ для государства и вливаетъ въ него свѣжую жизнь.

Какъ бы ни были различны понятія различныхъ партій у насъ о самоуправленіи, какъ бы мало они ни соотвѣтствовали у нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствительной сущности дѣла, самый фактъ, что самоуправленіе требуется отовсюду, что никто, по крайней мѣрѣ публично, не выступаетъ противъ него, весьма утѣшительнъ, потому что доказываетъ прежде всего, что война и военная слава не отуманили народа, что онъ ревностно предается прозаическимъ задачамъ мирнаго времени и живетъ не только настоящимъ, но смотритъ и въ будущее, такъ какъ ясно для всякаго, что столь крупныя реформы для тѣхъ, кто ихъ проводитъ, приносятъ только трудъ и горечь, плодами же ихъ воспользуются позднѣйшія поколѣнія, черезъ многіе годы. Вообще, для меня несомнѣнно, что вопросъ, причинившій столько жаренхъ споровъ о томъ, какое вліяніе имѣла война 1870—71-го года на конституціонное и либеральное развитіе Германіи, вредное или полезное — долженъ считаться поконченнымъ: политическая свобода при этомъ выиграла. Я вовсе не желаю обобщать это положеніе и утверждать, что война всегда должна производить такое дѣйствіе. Совершенно на-оборотъ. Но положеніе дѣлъ въ Пруссіи особенное; даже для самаго ограниченаго ума должно быть ясно, что довольство новымъ положеніемъ дѣлъ, уваженіе со стороны чужихъ и частью враждебно настроенныхъ народовъ, могутъ быть достигнуты только тѣмъ, что успѣхъ въ политической свободѣ несомнѣненъ. Весьма существенное вліяніе на ходъ дѣлъ имѣетъ еще и то обстоятельство, что старая консервативная партія въ Пруссіи, по всѣмъ своимъ принципамъ и отъ всей души, не сочувствуетъ политикѣ, которой правительство держалось начиная съ 1866-го года, и что вслѣдствіе этого правительство не можетъ на нее опираться. Вліяніе этой партіи, продолжавшееся двадцать лѣтъ, съ небольшими перерывами, мѣшало развитію прогресса, такъ что Пруссія отстала отъ другихъ государствъ въ конституціонномъ отношеніи и ей предстоитъ теперь вознаградить потерянное время. Взглядъ прусскихъ государственныхъ людей расширился не только вслѣдствіе политическихъ событій, но также и вслѣдствіе значительныхъ социальныхъ перемѣнъ. Законы, передъ которыми всякая государственная власть безсильна, даютъ себя чувствовать. Такъ случилось съ процессомъ паденія денежной цѣнности. Какъ безсильно государство противъ такого процесса: ему остается только подчиняться и увеличить содержаніе чиновникамъ, чтобы спасти ихъ отъ послѣдствій паденія денежной цѣнности. Я привожу это какъ весьма рельефный примѣръ, ясно показывающій, что при быстромъ развитіи условій новѣйшаго времени всемогущество правительства, направляющая дѣятельность его во многихъ отношеніяхъ стали невозможны.

Послѣдняя перепись показала 828,000 жителей въ Берлинѣ; увеличеніе народонаселенія (выраженное въ процентахъ) было менѣе, чѣмъ въ предыдущее четырехлѣтіе. Тѣмъ не менѣе недостатокъ въ квартирахъ возрастаетъ, а за нимъ и наемная плата. Газеты рассказываютъ невѣроятныя вещи, возвышеніе платы сразу на 150 — 200 процентовъ, и наниматели бываютъ вынуждены подчиняться этимъ тягостнымъ требованіямъ, потому что при перемѣнѣ квартиры имъ приходится обыкновенно платить еще больше. Разростаніе Берлина имѣетъ еще и другія худыя стороны, а именно увеличеніе общественной безнравственности. Проституція увеличилась не только въ численномъ отношеніи, но ея промыселъ, уже много лѣтъ, какъ совершается съ безстыдной публичностью. Въ различное время, со стороны духовныхъ лицъ или изъ среды бургеровъ поднимались на это жалобы, но оставались постоянно безъ всякихъ послѣдствій. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ въ Берлинѣ все чаще и чаще встрѣчается одно явленіе, не существующее, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ. Публичныя женщины нанимаютъ себѣ защитниковъ, молодыхъ людей, которые живутъ на ихъ счетъ, и, погряжая по уши въ развратъ, представляютъ собою истинное отребіе общества. Не имѣя никакого занятія, кромѣ своего отвратительнаго ремесла, они находятъ развлеченіе въ скандалахъ, выманиваніи денегъ, воровствѣ, даже грабежѣ и убійствѣ. Они носятъ при себѣ ножъ, какъ оружіе на случай ссоры, и полицейская хроника полна ихъ дѣланіями. Эти люди, получившіе прозвище „Louis“, представляютъ собою дѣйствительно большое зло; нѣкоторые практическіе люди утверждаютъ, что единственный путь для искорененія этого зла состоитъ въ томъ, чтобы взять публичныхъ женщинъ подъ защиту закона, которой онѣ здѣсь не пользуются и за неимѣніемъ которой прибѣгаютъ къ наемнымъ защитникамъ. Другимъ источникомъ публичнаго разврата служить то обстоятельство, что въ Пруссіи запрещены публичные дома, а такой большой городъ какъ Берлинъ, гдѣ такая масса неженатыхъ людей, войско и иностранцы, — не монастырь. Въ прямомъ противрѣчій съ упомянутымъ запрещеніемъ находятся множество публичныхъ заведеній, распространяющихъ пороки: прежде всего великолѣпныя, ежедневно открытыя танцевальныя залы, Орфеумъ, Балльгаузъ и многіе другіе по своему великолѣпію и роскоши неимѣющіе ничего подобнаго; циркъ и нѣсколько маленькихъ театровъ, въ которыхъ разрешено ѣсть, пить и курить (число берлинскихъ театровъ доходитъ въ настоящее время до 24), служатъ мѣстами для свиданій; нѣкоторые кондитерскія, винныя и пивныя погребки, въ особенности тѣ, гдѣ есть женская прислуга, не запираются во всю ночь; словомъ, столица германской имперіи не можетъ похвалиться избыткомъ добродѣтели.

Но съ другой стороны нельзя упускать изъ виду, что внимательство власти никогда не можетъ быть размѣрено и ограничено извѣст-

нымъ предѣломъ; что если закрыть сегодня Орфеумъ, то завтра придется закрыть театры, что вообще вмѣшательство власти влечетъ за собой увеличеніе полицейскаго надзора (между тѣмъ какъ постоянно хлопотуть объ его уменьшеніи), что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны значительные промышленные интересы, и что, наконецъ, добродѣтель не много выиграетъ отъ того, что пороки принуждены будутъ прятаться. Но именно либералы всего болѣе свирѣпствуютъ въ этомъ случаѣ; они требуютъ усиленія полиціи, готовы согласиться на всевозможныя уступки, не спрашивая даже никакихъ гарантій. Мнѣ вспоминаются при этомъ англійскіе пуритане, которые изъ весьма похвальныхъ и высоко нравственныхъ причинъ ввели также систему ужасающей тиранніи.

Я очень хорошо знаю, что отъ современнаго состоянія Берлина и до пуританизма еще далеко, но принципъ одинъ и тотъ же. Неоспоримо также, что либеральное законодательство, въ особенности ограниченіе свободы переселенія, отчасти если не вызвало, то сдѣлало возможнымъ настоящее положеніе. Что же могутъ возразить либералы, если ихъ поймать въ этомъ случаѣ на словѣ? Конечно, тяжело плыть противъ теченія, и въ настоящемъ случаѣ требуется особенное мужество, потому что тѣ, которые не кричатъ заодно съ другими, рискуютъ быть обвиненными въ пристрастіи къ пороку; но я напиралъ на тотъ фактъ,—который въ прежнее время либералы отлично признавали и защищали,—а именно: что никакая полиція въ мірѣ не можетъ сдѣлать людей нравственными, а только вынуждаетъ пороки дѣйствовать осмотрительнѣе. Конечно иные люди въ этомъ самомъ обстоятельствѣ уже видятъ доказательство уваженія къ добродѣтели; я же могу прировнять такого рода мѣры только къ тому, какъ еслибы какой-нибудь врачъ вздумалъ вогнать внутрь высыпавшую наружу сыпь. Нравственность можетъ развиваться лишь подъ вліяніемъ хорошаго воспитанія, политической свободы, которая каждому вселяетъ чувство самоуваженія, и благодаря распространенію гражданскихъ добродѣтелей, которыя вытѣсняють пороки изъ всѣхъ слоевъ, гдѣ онѣ приходятъ въ соприкосновеніе съ честностью и семейственностью. Это тоже одна изъ задачъ самоуправленія.

Если счастливый исходъ послѣдней войны далъ сильный толчокъ финансовой, промышленной и политической жизни, то нельзя сказать того же самого про литературу и искусство. Здѣсь все развитіе распространяется такъ сказать въ ширину, а не въ глубину. Газеты притягиваютъ самыя лучшія литературныя силы. Число выходящихъ въ Берлинѣ газетъ возрасло до 22, и онѣ поглощаютъ громадную массу силъ и таланта. Даже самыя извѣстные писатели, вынужденные жить произведеніями своего пера, обращаются къ журналистикѣ. Кромѣ того на романистовъ повидимому напалъ какой-то стихъ безплодія.

Одни ремесленники въ этой области литературнаго труда продолжаютъ работать какъ ни въ чемъ не бывало; на остальныхъ хаотическое состояніе общаго строя очевидно повліяло неблагопріятно. Все находится въ безпокойствѣ и движеніи. Устанавливаются новыя отношенія между европейскими государствами, но эти отношенія еще не упрочились. Весь прошлый годъ книжный рынокъ былъ заваленъ произведеніями военной и фельетонной литературы. Въ настоящее время они уже прискучили и описанія отдѣльныхъ частей похода, вышедшія изъ-подъ пера офицеровъ генеральнаго и армейскаго штабовъ (какъ, напр., Блума и Вартенслебена, изъ которыхъ первый описалъ походъ послѣ битвы при Седанѣ, а второй январскую кампанію южной арміи), которыя предшествуютъ большимъ сочиненіямъ генеральнаго штаба, вращаются исключительно между военной публикой. Французская военная литература гораздо разнообразнѣе и занимательнѣе, хотя это преимущество ей придаетъ главнымъ образомъ отсутствіе объективности и любви къ истинѣ. Нельзя сказать, чтобы нѣмецкій народъ отвернулся отъ умственныхъ интересовъ (такъ, напр., довольно затруднительное для чтенія философское сочиненіе „*Die Philosophie des Unbewussten*“, Е. фонъ-Гартмана, выдержало менѣе, чѣмъ въ два года, три изданія), но интеллектуальныя задачи чрезвычайно раздробились, и для нихъ не существуетъ объединительнаго пункта, или лучше сказать не существуетъ никакого выдающагося таланта. Литература демократизировалась до нѣкоторой степени и частью потому, что, съ одной стороны, въ виду прежняго богатства литературы, съ другой стороны въ виду высокаго уровня общаго образованія талантамъ, необыкновенно трудно выдаваться впередъ. Насколько я смѣю судить, я не вижу въ этомъ признака паденія, пониженія умственнаго уровня, а напротивъ необычайное напряженіе ума, результатовъ котораго еще не видно. Только тогда, когда за массой обезпечены будутъ добытыя блага, только тогда можетъ появиться талантъ, который отмѣтитъ собою цѣлую эпоху.

Въ послѣдніе дни распространялись неоднократно неблагопріятныя извѣстія о состояніи здоровья императора Вильгельма и на орденскомъ праздникѣ онъ дѣйствительно почувствовалъ себя такъ дурно, что могъ присутствовать только при началѣ праздника. Ничего нѣтъ удивительнаго впрочемъ, если, при престарѣлыхъ годахъ императора, напряженія прошлаго года сказываются на его здоровьѣ. Люди близко стоящіе къ нему находили, что уже прошлымъ лѣтомъ здоровье его было расшатано, но тогда Эмсъ и Гастейнъ принесли ему значительную пользу. Я видѣлъ императора только издали и онъ мнѣ казался весьма постарѣвшимъ. Всѣ замѣчаютъ также, что крон-принцъ гораздо болѣе, чѣмъ прежде, привлекается ко всѣмъ правительственнымъ дѣламъ. Онъ присутствовалъ на совѣтѣ министровъ, гдѣ им-

ператору предложено было окончательно назначить министромъ народнаго просвѣщенія *Фалька*, на что онъ и согласился. Было бы бесполезно и неудобно толковать въ настоящее время о возможности какихъ-нибудь дальнѣйшихъ перемѣнъ, но для всякаго очевидно, что мысль о нихъ вызываетъ тревожное напряженіе въ умахъ.

К.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЕКАТЕРИНА II-я, въ ея письмахъ.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ седьмой. Спб. 1871 г.

„Русское Историческое Общество“ приступило къ печатанію бумагъ императрицы Екатерины II-й, хранящихся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Инициатива этого изданія принадлежитъ Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу, который выразилъ государственному канцлеру желаніе видѣть эти бумаги изданными въ свѣтъ, еще въ мартѣ 1870-го года. Такъ какъ редакція изданія приняла въ распредѣленіи бумагъ порядокъ хронологическій, то въ настоящемъ томѣ помѣщены документы, относящіеся только къ первымъ годамъ жизни Екатерины II-й въ Россіи, съ присоединеніемъ первыхъ двухъ лѣтъ ея царствованія. Относительно орфографіи, редакція поступила очень благоразумно: Екатерина II дѣлала ошибки противъ согласованія и управленія словъ въ рѣчи, какъ на нѣмецкомъ, такъ на французскомъ и русскомъ языкахъ, напр., въ нѣмецкихъ своихъ письмахъ смѣшивала *mir* съ *ich*; всѣ подобныя ошибки исправлены. Впрочемъ, такая жертва „неумолимымъ требованіямъ грамматики“ — неважна, но были ли другія жертвы, болѣе существенныя — объ этомъ можно только гадать. Въ заключеніе предисловія редакція говоритъ: „Цѣлое столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ славнаго екатерининскаго вѣка; страсти успѣли утихнуть; настало время безпристрастнаго суда исторіи, того нелицемѣрнаго суда, который по мѣрѣ обогащенія фактами, съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе возсоздаетъ привлекательный, величавый образъ Екатерины.“ Насколько справедливо это заключеніе — одна редакція „Сборника“ можетъ судить объ этомъ компетентно, такъ какъ ей одной пока извѣстна вся масса бумагъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ; мы воспользуемся лишь тѣмъ, что есть выдающагося въ настоящемъ томѣ.

Какъ ни незначительны письма принцессы ангальтъ-цербстской

къ своему отцу изъ Кёнитсберга и Москвы, какъ они ни официалъны, однакожь ужъ по нимъ отчасти можно судить о свойствахъ Екатерины. Отецъ ея, очевидно, безпокоился тѣмъ обстоятельствомъ, что дочь его должна переимѣнить вѣру; Екатерина утѣшаетъ его и клянется, что сѣмена лютеранской религiи останутся въ душѣ ея, что хотя обряды лютеранской и греческой церквей *„очень различны“*, но церковь видитъ себя вынужденною къ тому во вниманiе къ грубости народа; мѣсяца черезъ три она ужъ писала, что „не находитъ *никакой разности* между вѣрами греческою и лютеранскою.“ Изъ писемъ матери ея, мы видимъ, что Екатерина съ первыхъ же шаговъ своихъ при русскомъ дворѣ умѣла поставить себя очень выгодно для себя; здѣсь мы должны замѣтить, что между 1744-мъ и 1756-мъ годомъ лежитъ почти ничѣмъ не наполненная пропасть, т. е. за эти годы въ государственномъ архивѣ, вѣроятно, не нашлось ничего достойнаго занять мѣсто въ „Сборникѣ“. Съ 1756-го года начинаются болѣе или менѣе важные документы: Екатерина занимаетъ деньги у иностранныхъ банкировъ, переписывается тайкомъ съ Елагинымъ, который былъ арестованъ въ 1758-мъ году, виѣстъ съ графомъ А. Бестужевымъ-Рюминымъ; письма эти обнаруживаютъ, что Екатерина находилась съ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ и Елагинымъ въ близкой прiязни; лица, о которыхъ упоминается въ письмахъ, скрыты подъ псевдонимами Золотого Человѣка, Неподвижнаго, Нетерпѣливаго человѣка (Понятовскаго): „Нетерпѣливый человѣкъ уѣхалъ уже мѣсяцъ тому назадъ, и скука и горестъ моя велика“; въ другомъ письмѣ; „я къ Нетерпѣливому человѣку пошлю письмо ваше, которое его безъ сумнѣнiя обрадуетъ. По сихъ поръ весь трудъ къ его обороту былъ все, но, не теряючи надежды и оказъя, я никогда не перестану о немъ трудиться и, покажѣтъ духъ во мнѣ, буду помнить его“. Затѣмъ идутъ собственныя замѣтки Екатерины, писанныя въ разное время, начиная съ 1758-го года, почти до времени вступленiя своего на престолъ. Въ этихъ замѣткахъ прежде всего видна начитанность Екатерины, потомъ въ нихъ сквозитъ идея о царствованiи; умъ ея занимается государственные вопросы и она думаетъ о самостоятельномъ ихъ разрѣшенiи; читая это, можно подумать, что Екатерина исподоволь приготавливала себѣ тронъ, и ея вступленiе на него — было плодомъ долговременной работы; дѣятельный умъ, чувство своего превосходства надъ всѣмъ окружающимъ, традицiи, говорившiя въ пользу царствованiя женщинъ — все это могло только подталкивать къ достиженiю цѣли, и она какъ будто дальновидно готовила себѣ друзей и укрѣпляла умъ свой чтенiемъ. Нѣкоторымъ мыслямъ, набросаннымъ въ въ этихъ замѣткахъ, она оставалась вѣрна цѣлую жизнь, напр., „великой склонности чтить древнiе роды“: „государи кажутся болѣе великими по мѣрѣ того, какъ природные знатные и приближенные

благодействуютъ въ отношеніи богатства“; другія указываютъ на практическое направленіе ума ея, какъ, напр., мысль о томъ, что не задо „принуждать нехристіанъ-инородцевъ принимать нашу вѣру: многоженство болѣе полезно для умноженія населенія“; третьи, наконецъ, характеризуютъ лишь теоретическія воззрѣнія великой княгини, какъ результатъ ея чтеній и знакомства съ философскою литературою того времени; для характеристики практики ея царствованія эти мысли почти ничего не даютъ, такъ какъ она ихъ не примѣняла къ дѣлу, а иногда поступала совершенно наоборотъ тому, что усвоила себѣ въ это время. Такъ, она мечтала о необходимости освободить крестьянъ и придумала даже способъ для того: „постановить, что отнынѣ при продажѣ имѣнія, съ той минуты, когда новый владѣлецъ приобретаетъ его, всѣ крѣпостные этого имѣнія объявляются свободными. Такимъ образомъ, въ сто лѣтъ большая часть имѣній перемѣнитъ господъ и вотъ народъ освобожденъ.“ Практическаго значенія эта мысль, конечно, не имѣетъ; но для характеристики личныхъ свойствъ Екатерины важно это замѣчаніе о крѣпостномъ правѣ, которое она такъ усилила, можно сказать даже, утвердила въ нашемъ отечествѣ. „Миръ необходимъ этой обширной имперіи: мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ: заставьте, если это возможно, кипши кипить народъ въ нашихъ пространныхъ пустыняхъ.“ Мысль очень мѣткая, свидѣтельствующая о зрѣломъ умѣ Екатерины, но она менѣе всего ей слѣдовала. Выписываемъ еще нѣсколько ея мыслей, чисто теоретическаго свойства, приложенія которыхъ къ практикѣ мы не видимъ вовсе, или видимъ только отчасти, во время ея царствованія:

„Свобода, душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво. Хочу повиновенія законамъ, но не рабовъ; хочу общей цѣли — сдѣлать счастливыми, но вовсе не своеправія, ни чудачества, ни жестокости, которыя не совмѣстны съ нею“. „Власть безъ довѣренности народа ничего не значить. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желаетъ: примите въ основу вашихъ дѣйствій, вашихъ постановленій благо народа и справедливость, никогда неразлучныхъ. У васъ нѣтъ и не должно быть другихъ видовъ. Если душа ваша благородна — вотъ цѣль ея.“

„Виданъ ли болѣе варварскій и достойный турковъ способъ дѣйствовать какъ тотъ, который заключается сначала въ наказаніи, а потомъ въ производствѣ слѣдствія? Если вы найдете человѣка виновнымъ, что вы сдѣлаете? Онъ уже наказанъ, и развѣ вы будете столь жестоки, чтобъ наказывать его дважды? А если онъ невиненъ, чѣмъ поправите вы несправедливость его арестованія, лишенія всѣхъ почестей, званій и проч., хотя онъ не былъ ни въ чемъ виновенъ. Вы сдѣлаетесь презрительными, поступая такъ легкомысленно.“

„Нѣтъ ничего болѣе ненавистнаго для меня, какъ конфискація имѣній виновныхъ, потому что это можетъ отнимать у дѣтей такого лица наслѣдство, достигающее имъ отъ самого Бога?“

„Не знаю, но мнѣ кажется, что у меня во всю мою жизнь будетъ отвращеніе къ назначенію чрезвычайной комиссіи для сужденія виновнаго, особенно когда эта комиссія должна оставаться негласною. Зачѣмъ не допускать до судовъ дѣла, относящіяся до ихъ вѣдѣнія? Быть истцомъ и назначать еще судей — это значитъ выказывать опасеніе имѣть противъ себя справедливость и законы.“

„Самое неудобное дѣло, это — составленіе новаго закона; въ такомъ случаѣ не будутъ излишни никакія размышленія и обдуманность. Единственное (?) средство чтобъ узнать хорошую сторону того, что вы хотите постановить, заключается въ распространеніи слуха о томъ на рынкахъ и потомъ приказаніе точно доносить вамъ, какіе возбудить это тамъ толки.“ (Эту обязанность еще при Екатеринѣ начала принимать на себя печать....).

„Не будетъ болѣе опасности отпускать въ путешествіе нашихъ молодыхъ людей (бѣгства которыхъ часто опасаются), когда имъ будетъ сдѣлано *любезнымъ* (aimable) (курсивъ въ подл.) ихъ отечество. Я подразумѣваю великій смыслъ въ этомъ словѣ. Государство во всякое время не потеряетъ много отъ утраты двухъ или трехъ головъ, конечно отуманенныхъ. Когда бы отечество было таковымъ, какимъ бы я желала видѣть его, то мы бы болѣе имѣли новообращенныхъ, чѣмъ перебѣжчиковъ.... Снисходительность, примирительный духъ властителя сдѣлаютъ болѣе, чѣмъ миллионы законовъ, а политическая свобода дастъ душу всему. *Часто лучше вдохновлять къ преобразованіямъ, чѣмъ приказывать о нихъ*“ (курсъ въ подл.)

Мысли эти столь превосходны, что подъ ними подпишутся образованнѣйшіе люди настоящаго времени; но еслибы кто-нибудь выставилъ ихъ эпиграфомъ къ исторіи Екатерины — то было бы величайшею лестью этой государынѣ: заслуги ея, въ другихъ отношеніяхъ, настолько значительны, что преувеличивать ихъ, на что у насъ много охотниковъ, нѣтъ никакой надобности. Въ Екатеринѣ очень различаются между собою два лица — теоретикъ и практикъ. Какъ теоретикъ, она стояла пѣлюю головою выше своихъ современниковъ, какъ практикъ — она часто впадала въ такія же ошибки, въ какія впадали правители самые ординарные; она слѣдовала иногда рутиннымъ пріемамъ, увѣковѣченнымъ съ отдаленныхъ временъ исторіи, съ такою же настойчиностью, какъ и ея предшественники. Но эта теоретическая сторона въ Екатеринѣ, ея развитой, философскій умъ плѣнялъ и современниковъ, плѣняетъ и потомство въ такой мѣрѣ, что реальная сторона ея царствованія часто остается въ тѣни, или, по крайней мѣрѣ, обливается этимъ лучезарнымъ свѣтомъ ея необыкновеннаго ума и

одкупаетъ историка, смягчая его краски и приговоры. Не будь она а престолѣ, она составила бы себѣ славу чрезвычайно привлекательной и въ высокой степени даровитой женщины.

Вступивъ на престолъ „желаніемъ всего народа, а паче божіимъ всеогущимъ вспомошествованіемъ“, какъ говорить она въ указѣ къ командиру въ арміи, графу Чернышову, Екатерина издала извѣстный указъ отъ 29-го іюня 1762-го года; въ послѣдствіи, по приказанію имп. Павла, выданный изъ печатныхъ указныхъ книгъ, онъ не помѣщенъ и въ „Сборникѣ“, хотя подлинникъ его хранится въ государственномъ архивѣ. Причины непомѣщенія его не объяснены, и сказано только, то въ послѣдній разъ онъ напечатанъ въ „Осемнадцатомъ Вѣкѣ“, IV, и что онъ только подписанъ Екатериною, а писанъ неизвѣстною рукою; вообще время вступленія на престолъ Екатерины крайне редко въ „Сборникѣ“, документами: нѣсколько коротенькихъ писемъ Екатерины къ разнымъ лицамъ съ увѣдомленіемъ о своемъ вступленіи и больше ничего. Но затѣмъ „Сборникъ“ становится богаче. Первымъ дѣломъ Екатерины, какъ извѣстно, была мысль о награжденіи нѣкоторыхъ тѣхъ, кто способствовалъ ей занять престолъ послѣ Петра III-го. Она выказала большую щедрость, въ особенности относительно раздачи крестьянъ: изъ собственноручнаго ея росписанія о наградахъ видно, что она назначила наиболѣе усерднымъ своимъ приверженцамъ 24,000 душъ крестьянъ, причемъ четырнадцати человѣкамъ опредѣлено было дать по тысячѣ душъ. Кромѣ того, смѣта денежныхъ наградъ простиралась до 850-ти тысячъ рублей, въ томъ числѣ 25 тысячъ ежегодныхъ пенсій, не считая 47-ми тысячъ, назначенныхъ Орловымъ. Въ манифестѣ о наградахъ число душъ было уменьшено до 17,500. Мы не говоримъ о наградахъ чинами и орденами и о наградахъ деньгами и душами, произведенными нѣкоторое время спустя, ибо, какъ видно изъ „Сборника“, люди, содѣйствовавшіе Екатеринѣ вступить на престолъ, очень часто утруждали ее воспоминаніями о своихъ заслугахъ и просьбами о награжденіяхъ и поспособіяхъ. Подобныхъ документовъ очень достаточно въ „Сборникѣ“, какъ и вообще приказовъ о выдачѣ денегъ разнымъ лицамъ; но, разумѣется, Екатерина не удовлетворяла всѣ обращенныя къ ней просьбы, и иногда приказывала сказать просителямъ, что въ казначействѣ нѣтъ денегъ. Елисавета Воронцова, очевидно, беспокоила императрицу особенно, и она принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы успокоить ее и предупредить какую-нибудь выходку съ ея стороны. Такъ она писала къ И. Елагину: „Перфильевичъ, сказывалъ ли ты кому изъ Лизаветиныхъ родственниковъ, чтобы она во дворецъ не размахнулась, а то боюсь къ общему соблазну завтра прилетитъ“. Вслѣдъ затѣмъ она приказываетъ ей жить въ Москвѣ и покупаетъ ей тамъ домъ. Нечего и говорить, что рядомъ съ распоряженіями, касающимися

личныхъ интересовъ государыни, идутъ распоряженія государственнаго свойства: Екатерина ничего не забываетъ и, какъ добрая хозяйка, осматривается въ новомъ хозяйствѣ и знакомится съ подробностями. Между тѣмъ льстецы не дремлютъ и между ними особеннымъ усердіемъ отличается старикъ А. Бестужевъ-Рюминъ: онъ пишетъ докладъ о поднесеніи Екатеринѣ титула матери отечества, пишетъ его 18-го сентября 1762-го года, т.-е. съ небольшимъ два мѣсяца спустя послѣ восшествія ея на престолъ, когда она не имѣла даже физической возможности сдѣлать для Россіи что-нибудь выдающееся. Докладъ мотивированъ тѣмъ, что Екатерина избавила Россію отъ „разрушенія и погубленія“. Екатерина написала на докладѣ: „Видится мнѣ, что проектъ еще рано предложить, потому что растолкуютъ въ свѣтъ за тщеславіе, а за ваше усердіе благодарствую“. Въ числѣ государственныхъ мѣръ, проектированныхъ въ первое время по вступленіи ея на престолъ, заслуживаетъ вниманія проектъ Панина о раздѣленіи сената на департаменты и объ учрежденіи „императорскаго совѣта“; совѣтъ этотъ былъ задуманъ аристократическою партіей для того, чтобъ положить нѣкоторые предѣлы неограниченному правленію; Екатерина сначала было соглашалась на это учрежденіе и утвердила проектъ его, но потомъ оно оставлено было безъ послѣдствій. По всему видно, что проектъ этотъ не нравился императрицѣ, она очень хорошо понимала заднюю цѣль его, хотя она была ловко прикрыта искусною рукою Н. И. Панина; сначала Екатерина не хотѣла противорѣчить, потомъ оттягивала съ обычнымъ своимъ искусствомъ и умомъ и наконецъ заставила позабыть о немъ. Но проектъ этотъ — хорошій матеріалъ для историка. Панинъ мѣтко характеризуетъ самовластіе фаворитовъ въ предшествовавшія царствованія. Онъ вспоминаетъ, что у Петра Великаго былъ „домовый Кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ приказаній, ордеровъ и писемъ, ничего не выходило“; но вотъ Елизавета Петровна учреждаетъ у себя тоже Кабинетъ и „тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ.... сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакова образа государственнаго неимѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю. Вредное государству, потому что стали изъ него выходить всѣ сюрпризы и обманы, развращающіе государственное правосудіе, его уставы, его порядокъ и его пользу подъ формою именныхъ указовъ и повелѣній во всѣ мѣста; вредное самому государю, потому что и тѣ сами, кои такіа коварныя средства употребляютъ для прикрытія себя передъ публикою, особливо стараются возлагать на счетъ собственнаго государева самоизволенія все то, что они такимъ образомъ ни производили, ибо въ такомъ безгласномъ и

въ основаніи своемъ несвойственномъ правительству государственному гвстѣ опредѣленная персона для производства дѣлъ можетъ себя ючить неподверженнымъ суду и отвѣту предъ публикою, слѣдовательно свободнымъ отъ всякаго обязательства передъ государемъ и государствомъ, кромѣ исполненія“. Нѣсколько далѣе о тѣхъ же фаворитахъ: „въ наслѣдство и дѣлежъ партикулярныхъ людей безъ законовъ и причинъ мѣшались; дома печатали; у одного отнимали, другому отдавали. Между тѣмъ большіе и случайные господа предѣловъ не имѣли своимъ стремленіямъ и дальнимъ видамъ; государственные—оставались безъ призрѣнія; все было смѣшано; всѣ наиважнѣйшія должности и службы претворены были въ ранги и въ награжденія любимцевъ и угодниковъ; вездѣ фаворъ и старшинство людей опредѣляло; не было выбору способности и достоинству. Каждый по произволу и по кредиту дворскихъ интригъ хваталъ и присвоивалъ себѣ государственныя дѣла, какъ кто которыми думалъ удобнѣе своего завистника истребить или съ другимъ противъ третьяго соединиться“.

Нарисовавъ мрачную картину Кабинета и своеволія фаворитовъ, которые, къ сожалѣнію, и въ екатерининское время играли видныя роли, Панинъ говоритъ: „Можетъ ли и партикулярный хозяинъ управить своимъ домомъ, когда онъ добрымъ раздѣленіемъ своего домоводства не уставишь прежде порядокъ? И какъ искусный фабрикантъ учредить свою фабрику, если мастеровъ не по званію, а по любви къ нимъ будетъ распоряжать по станамъ разныхъ работъ? Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерю съ работникомъ и нанимаетъ каждаго по своему званію. А мнѣ, напротивъ того, случалось слышать у престола государева отъ людей, его окружающихъ, поговорку льстивую за штатское правило: была бы милость, всякаго на все станеть“.

Мы не имѣемъ возможности въ этомъ бѣгломъ обзорѣ документовъ „Сборника“ останавливаться на всѣхъ тѣхъ, которые выдаются; мы пропускаемъ многіе изъ нихъ, между прочимъ „докладъ комиссіи о правахъ и преимуществахъ русскаго дворянства, сочиненный Г. Тепловымъ и переписанный рукою Екатерины“. Мы выбираемъ лишь то, что характеризуетъ личныя свойства Екатерины и ея взгляды, да и тутъ должны соблюдать экономію ужъ потому, что настоящій томъ „Сборника“ относится лишь къ первымъ двумъ годамъ царствованія Екатерины, не составляющимъ особаго періода въ ея управленіи: принимая во вниманіе только напечатанные теперь документы, можно придти къ такимъ заключеніямъ, которыя не будутъ оправдываться послѣдующими томами „Сборника“. Мы намѣчаемъ только извѣстныя черты и оттѣнки въ характерѣ Екатерины и дальше неидемъ. Вслѣдствіе этого для насъ иногда важны документы въ нѣсколько строчекъ, какъ, напр., коротенькое письмо Екатерины къ Бестужеву-Рюмину (онъ просилъ монаршаго милосердія къ арестованному) по поводу

арестованія Арсенія Мацѣевича: „Я чаю ни при которомъ государѣ столько заступленія не было за оскорбителя величества, какъ нынѣ за арестованнаго синодомъ митрополита ростовскаго, и не знаю, какую я бъ причину подала сумнѣваться о моемъ милосердіи и человеколюбіи. Прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благоденствіе народа (умолча о защищеніи и сохраненіи мнѣ отъ Бога данной власти), еслибъ возмутители не были бы наказаны“. Или письмо къ Панину: „Завтра будетъ перенесеніе мощей св. Димитрія...; вчерашній день еще чудеса были, женщина одна испѣлилась, а преосвященный Сѣченой хочетъ запечатовать раку, дабы мощей не украли; однако, я пришла, дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько времени снаружи“. Или слѣдующій день письмо къ нему же: „Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о кончинѣ короля польскаго: король прусскій изъ стола вскочилъ, какъ услышалъ“; и другое: „Никита Ивановичъ! поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали“, и проч. Въ виду желанія Екатерины знать мнѣнія подданныхъ о новыхъ законахъ чрезъ распространеніе слуховъ объ этихъ законахъ на рынкахъ, о чемъ она мечтала будучи великой княгиней, очень характеренъ указъ ея „о молчаніи“: такъ она сама называетъ манифестъ о томъ, чтобъ въ публикѣ не разсуждали о государственныхъ дѣлахъ (Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11,843), въ слѣдующей запискѣ въ генералъ-прокурору Глѣбову: „Александръ Ивановичъ! Манифестъ о молчаніи будутъ ли публиковать барабаннымъ боемъ, или такъ разошлете“. Его публиковали, въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, съ барабаннымъ боемъ.

Также любонутенъ указъ противъ распространенія въ Россіи иностранныхъ сочиненій, направленныхъ противъ религіи, нравственности и самой государыни: „Слышно, говоритъ она, что въ академіи наукъ продаютъ такіа книги, которыя противъ закона, добраго права, насъ самихъ и російской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены (?), какъ напримѣръ: Эмилъ Руссо, Меморіи Петра III, письма жидовскія, по французскому и много подобныхъ“ и пр. Къ тому же порядку относится указъ о сожженіи чрезъ палача пасквиля на московское высшее общество (стр. 392—94) и подложнаго манифеста о томъ, что дворянство при Петрѣ Великомъ соблюдало законъ, „а нынѣ правду всю изринули, да изъ Россіи вонъ выгнали, да и слышать про насъ не хотятъ, что російскій народъ осиротѣлъ, что дѣти малыя безъ матерей осиротѣли, или онымъ дворянамъ не умирать, или имъ предъ Богомъ на судъ не быть, еуже мѣру мѣрите возмѣрятся и вамъ“.

Изъ происшествій, въ особенности замѣчательныхъ въ первые два года царствованія Екатерины, надо упомянуть о намѣреніи ея видѣти

замужъ за Григорія Орлова и о смерти Іоанна Антоновича. „Сборникъ“ даетъ объ этихъ дѣлахъ нѣсколько документовъ, ничего почти не прибавляющихъ къ извѣстнымъ фактамъ. Несомнѣннымъ только становится, что императрица дѣйствительно помышляла о замужествѣ съ Орловымъ и покинула эту мысль только потому, что слухъ объ этомъ возбудилъ всеобщее неудовольствіе и даже заговоръ на жизнь Григорія Орлова. Къ числу документовъ, относящихся къ Іоанну Антоновичу, мы причисляемъ и слѣдующее, безъ помѣтки числа и года и имени того лица, о комъ идетъ рѣчь. Это письмо къ Панину: „Мое мнѣніе есть чтобъ.... изъ рукъ не выпускать, дабы всегда въ храненіи отъ зла остаться; только постричь нынѣ и перемѣнить училище въ не весьма близкой и въ не весьма отдаленной монастырь, особливо въ такой, гдѣ богомолья нѣтъ, и тутъ содержать подъ такимъ присмотромъ, какъ и нынѣ; еще справиться можно, нѣтъ ли посреди Муромскихъ лѣсовъ, въ Колѣ, или въ Новгородской епархіи такихъ мѣстъ“. Письмо къ Панину по поводу убіенія принца Іоанна, Екатерина начинаетъ такъ: „Н. И. Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши репорты и всѣ дивы, происшедшія въ Шлиссельбургѣ: руководство божіе чудное и неиспытанное есть!“

Въ заключеніе нашего обзора мы обратимъ вниманіе на замѣчательную собственноручную инструкцію Екатерины генераль-прокурору Вяземскому, который назначенъ былъ ею на мѣсто Глѣбова, оказавшагося взяточникомъ; Екатерина приписываетъ испорченность Глѣбова близкому „обхожденію его съ графомъ Петромъ Шуваловымъ, въ котораго онъ рукахъ совершенно находился и наполнился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для нихъ самихъ!“ Слѣдующія выписки читатели оцѣнятъ и какъ историческій матеріалъ и какъ мудрыя мысли государыни:

„Всѣ мѣста и самый сенатъ вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случалось слышать въ сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ сенатъ представить, до чего однажды я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что сему радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, есть ли оныя не въ силѣ законовъ, представлять

въ сенатъ, а напослѣдокъ и ко-мнѣ. Работѣнство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется. Одна форма лишь канцелярская исполняется, а думать еще иные и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ интересъ государственный страдаетъ...

„Труднѣй вамъ всего будетъ править канцелярією сенатскою и не быть подчиненными обмануту. Сію мелкость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю: французскій кардиналъ де-Ришелье, сей премудрый министръ, говаривалъ, что ему меньше труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою антикаморою, понеже всѣ праздноживущіе придворные ему противны были и препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами. Одинъ для васъ только остается способъ, котораго Ришелье не имѣлъ, перемѣнить всѣхъ сумнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады.

„Малая Россія, Финляндія и Лифляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бѣ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ *достоверностью* *глупостью*. Сін провинціи, также и смоленскую, надлежитъ *легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу*. Къ тому приступъ весьма легкій, есть ли разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бѣ персона какая была произведена въ оное достоинство“.

Библіотека современныхъ писателей. *Иоанъ Куцевскій*. Николай Негоревъ или благополучный россіянинъ. 2 т. Спб. Изданіе А. Ѳ. Базунова. 1872.

Внукъ Обломова. Романъ въ двухъ частяхъ *Л. Ф. Привольскаго*. Спб. 1871.

Русскіе и иностранные современные романисты и ихъ произведенія (въ извлеченіи), составлено и издано подъ редакцію (?) *В. Радищева*. Въ трехъ частяхъ. Спб. 1871.

Романъ г. Куцевскаго „Николай Негоревъ или благополучный россіянинъ“, былъ помѣщенъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ и первое своею частью обратилъ на себя вниманіе читающей публики. Нѣкоторые простерли свое снисхожденіе къ новому писателю до того, что готовы были видѣть въ немъ русскаго Диккенса; по мѣрѣ того, какъ романъ развивался далѣе, по мѣрѣ того, какъ являлись послѣдующія его части, романъ все менѣе и менѣе нравился и кончился при полномъ разочарованіи читателей, которые также не въ мѣру стали

унижать новаго писателя, какъ прежде не въ мѣру его хвалили. На самомъ дѣлѣ, г. Кушчевскій не Диккенсъ и не посредственность; достаточно одной первой части его романа, чтобъ признать въ немъ несомнѣнный талантъ. Избранные имъ герои являются лицами довольно тонко очерченными и выдержанными во всѣхъ мелочныхъ проявленіяхъ ихъ дѣтской природы; сцены дѣтскаго быта нарисованы иногда замѣчательно хорошо; нѣкоторый юморъ и способность схватывать яркія черты характеровъ г. Кушчевскій обнаружилъ и въ описаніи взрослыхъ людей при столкновеніи ихъ съ дѣтьми, но лишь въ незначительной степени. Авторъ освоился съ этимъ міромъ настолько, что почти всѣ лица дѣтей, въ особенности дѣти, явились съ опредѣленными чертами,—и Николая Негорева, брата его Андрея, Овѣрина нельзя смѣшать другъ съ другомъ. Особенной тонкости и глубины въ очертаніи ихъ характеровъ читатель не найдетъ, но все же это лица, которыя легко себѣ представляешь.

Романъ ведется отъ лица Николая Негорева, который и есть „благополучный россиянинъ“. Подмѣтить зачатки этого „благополучія“ въ ребенкѣ и послѣдовательно развить ихъ въ романѣ — задача не совсѣмъ легкая, и однако г. Кушчевскій справился съ нею въ первой части своего произведенія настолько удовлетворительно, насколько можно этого требовать отъ писателя если не начинающаго (г. Кушчевскій писалъ и печаталъ и прежде), то во всякомъ случаѣ такого, который впервые взялся за большую работу. Всѣ поступки героя достаточно убѣждаютъ васъ, что изъ него долженъ выдти человекъ солидный, съ опредѣленными взглядами и стремленіями; каковы будутъ эти взгляды и стремленія—конечно зависить отъ окружающей среды, отъ воспитанія. Среда эта — гимназическій пансіонъ, наполненный на подборъ уродами, начиная отъ директора и инспектора и кончая учителями. Панорама этихъ уродовъ представлена авторомъ въ грубыхъ и однообразныхъ чертахъ, съ едва замѣтными вспышками юмора; о тонкой рисовкѣ, которая встрѣчается при изображеніи дѣтскихъ характеровъ, тутъ почти и помину нѣтъ, и если есть кое-какіе намеки на нее, то они немедленно уничтожаются грубыми штрихами не безталантнаго, но мало развитаго каррикатуриста, который мажетъ, не заботясь о правдѣ, хотя правда необходима и въ каррикатурѣ. Сначала такое раздвоеніе таланта въ писателѣ, обнаруживающемъ гораздо большее умѣнье и чутье при изображеніи дѣтскихъ характеровъ, чѣмъ при изображеніи характеровъ взрослыхъ людей, кажется страннымъ, но потомъ начинаешь понимать причину этого раздвоенія, или лучше сказать слабую сторону таланта, когда и характеры дѣтей, по мѣрѣ того, какъ они мушуютъ, становятся блѣднѣе и блѣднѣе или высказываютъ неожиданно — не гаданно, помимо всякихъ логическихъ соображеній, дюжинными карриатурами на дѣйствительность.

Намъ кажется, что г. Кушчевскій раздѣляетъ судьбу всѣхъ такъ-называемыхъ беллетристовъ новаго поколѣнія: они не въ состояніи возвыситься надъ разнообразнымъ міромъ житейскихъ явленій настолько, чтобъ смотрѣть на него глазами понимающаго, разумнаго художника, который видитъ внутреннюю связь явленій, вполне объясняетъ себѣ логическую ихъ послѣдовательность и способенъ оживить сырой матеріалъ и построить изъ него нѣчто цѣльное и гармоническое. Современные молодые беллетристы, въ томъ числѣ и г. Кушчевскій, не обижены талантомъ, но они обижены развитіемъ. Можно назвать множество повѣстей и романовъ, гдѣ авторы рисуютъ довольно удачно дѣтскіе характеры, дѣтскія сцены, обстановку своего воспитанія, сцены изъ народной жизни, разные фотографическіе очерки, однимъ словомъ, все то, что требуетъ почти только одной памяти и нехитраго анализа, но мы затруднимся въ указаніи такихъ произведеній, которыя представили бы намъ современную жизнь взрослыхъ людей, ихъ характеры и стремленія въ формѣ мало-мальски удовлетворительной. Геніальнымъ талантамъ удастся это даже при сравнительно невысокомъ образованіи, но во всякомъ случаѣ при тщательной отдѣлкѣ произведенія; геніальное чутье помогаетъ имъ тамъ, гдѣ талантъ обыкновенный долженъ напрягать всѣ свои интеллектуальныя силы, весь запасъ своихъ наблюденій и опыта. Такимъ образомъ, одного наблюденія недостаточно, какъ недостаточно одного таланта; безъ выработки, безъ ученія, талантъ заржавѣетъ и не дастъ ничего, кромѣ очерковъ. Поэтому намъ всегда кажется страннымъ, когда наши молодые и талантливые писатели, въ оправданіе однообразія и незаконченности своихъ произведеній, говорятъ, что имъ необходимо отдохнуть на лонѣ природы, необходимо уѣхать въ деревню и пожить съ крестьянами, ихъ крестьянскою жизнью. Они только обманываютъ себя, отыскивая причину своего безсилія совсѣмъ не тамъ, гдѣ она кроется. Запасъ наблюденій у нихъ достаточенъ относительно всего того, что стоитъ ниже ихъ по развитію, къ чему они могутъ относиться вполне сознательно, но онъ недостаточенъ относительно того слоя населенія, который играетъ въ современной жизни по преимуществу интеллигентную роль. И тутъ недостаетъ этимъ писателямъ не одного наблюденія, но также знаній, того развитія, которое ставило бы ихъ въ независимое, сознательное и крѣпкое положеніе къ изображаемой средѣ; имъ недостаетъ той работы надъ собою, которая помогаетъ заключить наблюденія въ живые образы и стройныя формы. Имъ, этимъ писателямъ, по большей части съ первобытнымъ, необработаннымъ талантомъ, слишкомъ много натолковали о ихъ дарованіяхъ, о необыкновенномъ будто бы ихъ дарѣ изобразительности, о близкомъ знакомствѣ съ народомъ и типичномъ его представленіи; ихъ провозгласили какими-то путеводными звѣздами въ словесности,

открывателями новыхъ рудъ, новыхъ элементовъ въ народной жизни. Увлеченные этими восхваленіями, они запрудили литературу очерками и рассказами, черновыми набросками съ блестящими сомнительнаго юмора, ибо весь онъ вертѣлся вокругъ меньшей братин и скалилъ зубы почти надъ первобытными дикарями. Переберите всю литературу очерковъ и рассказовъ и вы едва ли выберете изъ всей этой массы порядочный томикъ, достойный того, чтобъ перейти въ потомство. Мы того мнѣнія, что современнымъ беллетристамъ не талантовъ не хватаетъ, а умственного развитія, которое далеко не всегда удобозамѣнимо такъ-называемымъ художественнымъ чутьемъ. Оттого-то такъ часто случается, что одинъ и тотъ же писатель оказывается сильнымъ въ изображеніи крестьянской среды и совершенно бессильнымъ въ изображеніи среды, стоящей болѣе или менѣе высоко. Оттого-то у г. Куцевскаго такъ рѣзко выдѣляется первая часть романа и такъ слабы остальные, гдѣ съ героями дѣлаются неожиданныя превращенія, ничѣмъ не мотивированныя. Какъ въ первой части авторъ послѣдовательно развивалъ разныя стороны шеольниковъ и читатель съ интересомъ слѣдилъ за всѣми перипетіями, такъ въ остальныхъ частяхъ исчезаетъ всякая послѣдовательность, всякая логика, а на мѣсто этого являються какіе-то скачки. Авторъ не знаетъ даже чтó дѣлать съ своими героями и чуть не на каждой страницѣ повторяетъ одно и то же: Николай Негоревъ пошелъ туда-то, встрѣтилъ тамъ того-то, тотъ-то пришелъ къ Николаю Негореву, встрѣтилъ тамъ Андрея Негорева, поговорилъ съ нимъ о пустякахъ и пошелъ съ нимъ къ Володѣ, но на дорогѣ встрѣтилъ Софью Васильевну, которая уговорила ихъ идти къ Лизѣ. Безыскусственность умильная, быть можетъ, но мы не поклонники ея. Особенное неумѣнье обнаружилъ г. Куцевскій въ изображеніи женскихъ характеровъ: это или тѣни, или невозможныя самки, какъ Анненка, страдающія какою-нибудь женскою болѣзнію. Такіе характеры могутъ существовать только въ воображеніи, или въ домахъ умалишенныхъ, но отнюдь не въ дѣйствительности. Очевидно, г. Куцевскій незнакомъ даже съ первоначальными законами психическаго и фізіологическаго развитія женскаго организма, иначе онъ не измыслилъ бы Анненки въ томъ видѣ, какъ она у него представлена. Лучше другихъ написана Софья Васильевна, но и тутъ очень много неразвитаго и недосказаннаго. Самъ герой, отъ имени котораго ведется рассказъ, теряетъ въ этихъ частяхъ всякій интересъ, потому что авторъ совершенно теряетъ тонъ автобіографическаго разсказа, теряетъ объективность, которая довольно удачно выдержана имъ въ первой части: Николай Негоревъ, этотъ „благополучный россиянинъ“, выказывающій постоянное благоразуміе и нѣкоторый умъ, позволявшій ему хитро и тонко замазывать передъ другими неприглядныя прорѣхи своего характера, вдругъ обращается въ яростнаго обвинителя своей

собственной osoby, рассказываетъ о себѣ всевозможныя гадости, точно онъ пишетъ рассказъ для маленькой газеты, вылавливающей всевозможные скандалы. Такимъ образомъ, отъ романа остается только первая часть, да и то не вся, а лишь нѣкоторыя сцены изъ дѣтской жизни и довольно яркіе очерки дѣтскихъ характеровъ. Это немного, но это все-таки кое-что, говорящее въ пользу таланта писателя, отъ котораго, быть можетъ, дождемся и болѣе серьезнаго и зрѣлаго произведенія.

Для чего г. Привольскій написалъ „Внука Обломова“, мы не понимаемъ. Начать съ того, что Гончаровскій Обломовъ вовсе не такъ старъ, чтобъ можно было ожидать отъ него внука и главное, чтобъ этотъ внукъ могъ обратить на себя просвѣщенное вниманіе г. Привольскаго. Но если этотъ внукъ дѣйствительно родился и замѣченъ г. Привольскимъ, то ради чего на изображеніе его потрачено 291 страница большого формата? Пробѣжавъ эти страницы, мы могли вывести только такое заключеніе: „такого-то числа и года родился у Обломова внукъ, по фамиліи Лялинъ, который прожилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и умеръ спокойно; воспріемникомъ его отъ купели былъ г. Л. Ф. Привольскій“. Больше ничего и не надо было, по нашему мнѣнію. Мало ли родится людей? Всѣ они имѣютъ метрическія свидѣтельства, но далеко не всѣ представляютъ собою поучительное зрѣлище. Впрочемъ, судя по виѣшнимъ приемамъ, г. Привольскій желалъ устроить хитрую штуку, именно состязаніе съ г. Гончаровымъ. Въ самомъ дѣлѣ, отчего г. Привольскому не написать „Внука Обломова“, когда г. Гончаровъ написалъ „Обломова“? Для этого надо только досугъ, и ничего больше. У Обломова былъ человѣкъ Захаръ; у внука Обломова—Авдотьюшка, нѣчто въ родѣ Захара; по крайней мѣрѣ, она подражаетъ Захару, какъ Лялинъ, внукъ Обломова, подражаетъ Обломову. У Обломова былъ докторъ—и у Лялина есть докторъ; у Обломова была Ольга, у Лялина—Рая; у Обломова Агафья Матвѣевна, у Лялина—Оеклуша. Всѣ эти лица обязаны копировать болѣе или менѣе свои прототипы, и дѣло въ шляпѣ. Такъ придумалъ г. Привольскій; онъ хорошо придумалъ, хотя изъ его думы вышла скучнѣйшая и бездарнѣйшая вещь. Но онъ ею доволенъ, и хотя внукъ Обломова, Лялинъ, умеръ, но будетъ еще правнукъ Обломова, ибо г. Привольскій заявляетъ: „читатели увидятъ своихъ знакомыхъ въ другомъ романѣ, на новой дорогѣ“. Когда г. Привольскій уморитъ правнука Обломова, явится пра-правнукъ и т. д., такая же длинная серія романовъ, какъ длинны генеалогическіе аттестаты заводскихъ лошадей. Въ добрый путь, г. Привольскій.

Что касается послѣдней обозначенной выше книги, то это безремонная спекуляція съ эпиграфомъ: „знакомство съ наиболѣе выдающимися произведеніями, какъ отечественной, такъ и иностранной бел-

летристики, составляет насущную потребность каждого образованного человека". Если хотите, г. Радищевъ выдумалъ еще болѣе тонкую штуку, чѣмъ г. Привольскій: онъ купилъ романы Гончарова, сочиненія Тургенева и Достоевскаго, романъ Гюго („Человѣкъ, который смѣется“) и романъ Шпильгагена „Пионеры“, взялъ въ руки карандашъ и, пробѣгая страницы, зачеркивалъ однѣ и оставлялъ чистыми другія. При этомъ выборѣ, онъ поступалъ, какъ поступаютъ пансіонеры при чтеніи романовъ: все, что не разговоръ — пропускается и читаются одни разговоры, да и то такіе, которые не состоятъ изъ дѣльных періодовъ, а лишь изъ нѣсколькихъ фразъ, то, что называется бѣглымъ разговоромъ. Сокративъ такимъ образомъ романы названныхъ писателей, т.-е. нѣсколько страницъ зачеркнувъ и нѣсколько перепечатавъ, г. Радищевъ напечаталъ ихъ въ одномъ томикѣ и сказалъ въ предисловіи: „Насколько трудъ (?) нашъ удовлетворяетъ своей задачѣ, судить, конечно, не намъ“. Мы прибавимъ только, что безцеремонное выворачиваніе чужихъ произведеній, при которомъ г. Радищевъ не отдѣляетъ того, что перефразировано, для краткости, самимъ г. Радищевымъ, и что принадлежитъ избираемымъ имъ писателямъ, къ литературнымъ дѣяніямъ не принадлежитъ и можетъ быть судимо развѣ въ другомъ какомъ-нибудь специальномъ мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ г. Радищева, который беретъ, напр., „Героя нашего времени“, зачеркиваетъ въ немъ нѣсколько страницъ, а другія перепечатываетъ, и потомъ издаетъ подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: „Герой нашего времени“, соч. Лермонтова, подѣ редакціей (!) В. Радищева“. Развѣ это литературный поступокъ?...

Изъ Жизни. Педагогическія наблюденія. И. Бѣлова. Спб. 1872.

Г. Бѣловъ принадлежитъ къ числу довольно извѣстныхъ петербургскихъ педагоговъ; онъ не разъ уже выступалъ съ своими „наблюденіями“ на литературное поприще, и довольно удачно, такъ какъ „наблюденія“ его, помимо нѣкоторыхъ недостатковъ, отличались здравымъ смысломъ и носили на себѣ печать опытности. Изданная имъ теперь книжка состоитъ изъ нѣсколькихъ статей не одинаковаго достоинства, но всѣ онѣ написаны по одному и тому же масштабу: авторъ беретъ какой-нибудь случай изъ жизни, причемъ папаша или мамаша выказали свое неразуміе относительно воспитанія дѣтей, рассказываетъ его и затѣмъ начинаетъ весьма пространно толковать, почему родители поступили неразумно. Иногда онъ себя самого вводитъ въ рассказъ о семьѣ, неимѣющей понятія о воспитаніи, въ качествѣ дѣйствующаго лица, которое шагъ за шагомъ оспариваетъ неправильный взглядъ родителей на воспитаніе и обращаетъ ихъ на путь истинный или присутствуетъ при пагубныхъ послѣдствіяхъ упор-

ства родителей. Такой приемъ, бесспорно, оживляетъ изложеніе для людей, почему-либо не читающихъ ничего серьезнаго и систематическаго о наукѣ воспитанія; но этотъ же приемъ ведетъ къ безчисленнымъ повтореніямъ одного и того же, къ тратѣ словъ на совершенные пустяки, на доказательства такихъ положеній, что здоровая жена, напр., сподручнѣе для мужа, чѣмъ больная, или на то, что жизнь коротка. При этомъ надо замѣтить, что г. Бѣловъ не особенно часто отдѣляетъ важное отъ неважнаго, такъ что иногда неважному и безспорному посвящается нѣсколько страницъ, а вопросы спорные разрѣшаются безапелляціонно и съ тѣмъ аллобомъ непогрѣшимости, который у нѣкоторыхъ педагоговъ встрѣчается довольно часто. Такъ, напр., беретъ г. Бѣловъ вопросъ „обученіе музыкѣ“, начиная его описаніемъ знакомаго ему семейства, которое мучило свою дочь уроками на фортепіано. Пока г. Бѣловъ рассказываетъ „примѣръ“, дѣло идетъ ладно; нѣкоторые замѣчанія его о томъ, что неразумно каждую дѣвушку непременно учить музыкѣ, вполне справедливы, хотя крайне не новы; но по мѣрѣ того, какъ авторъ отходитъ отъ частнаго вопроса къ общему, онъ становится слабѣе и слабѣе. Начинаются разсужденія о женскомъ трудѣ, о томъ, что служба на желѣзныхъ дорогахъ, телеграфѣхъ и въ качествѣ бухгалтеровъ „несравненно полезнѣе для общества, чѣмъ музыка“, о томъ, что „съ развитіемъ промышленности и торговли цѣна на бухгалтеровъ будетъ также возвышаться“, а потому надо учить дочерей бухгалтеріи; но если всѣ наши дочери станутъ бухгалтерами или по крайней мѣрѣ также займутся этимъ счетоводствомъ, какъ занимаются теперь музыкою, то цѣна на бухгалтеровъ не возвысится, а понизится, какъ ни прельщай г. Бѣловъ родителей большими кушамъ бухгалтерскаго жалованья и какъ онъ ни говоритъ: „повѣрьте мнѣ“. Рядомъ съ бухгалтерскими затѣями бездна банальныхъ фразъ „о назначеніи женщины, банальныхъ и потому, что онѣ слышались часто повторяются, и потому, что онѣ говорятся такимъ тономъ, точно это обидѣлъ автора въ танцахъ или во французскомъ языкѣ или въ музыкѣ: всѣ эти занятія въ немъ возбуждаютъ горькое чувство, одна бухгалтерія съ стенографіей его утѣшаетъ, какъ будто вся будущность въ бухгалтеріи и стенографіи. Затѣмъ идетъ толкъ объ организмѣ и нервахъ. Нервы—конекъ г. Бѣлова, на которомъ онъ сидитъ не совсѣмъ удовлетворительно, впрочемъ. Впрочемъ, въ настоящей статейкѣ о нервахъ не много, но тѣмъ рѣшительнѣе приговоръ г. Бѣлова надъ музыкой: „Музыка имѣетъ хорошее воспитательное вліяніе, говоритъ онъ, но не та музыка, изученіе которой требуетъ десятка лѣтъ, а музыка простая, безхитростная, по преимуществу музыка голоса (?), данная человѣку самой природой.“ Г. Бѣловъ любитъ брать крайности и отвѣчать на нихъ крайностями; но крайности его отнюдь не лучше

тѣхъ, противъ которыхъ онъ ратуетъ: поглощеніе всего времени музыкальнымъ воспитаніемъ, конечно, крайность, особенно если субъектъ не обнаруживаетъ большой склонности къ музыкѣ, но изгнаніе ея изъ воспитанія — крайность еще бѣльшая, а увѣреніе въ томъ, что только простая, безхитростная музыка, по преимуществу музыка голоса, имѣетъ воспитательное значеніе, лишено всякихъ основаній, и если г. Бѣловъ приводитъ основанія эти, то они, на нашъ взглядъ, только курьезны. Вотъ они: „Въ учительскихъ семинаріяхъ, сельскихъ школахъ музыка имѣетъ большое воспитательное вліяніе, но въ программѣ этихъ учреждений означено только самое общее знакомство съ законами музыки. Обученіе семинариста не идетъ далѣе того, что онъ получаетъ возможность на фортепіано или скрипкѣ учить дѣтей пѣнію.... Никакимъ другимъ значеніемъ музыка не можетъ пользоваться и въ домашнемъ воспитаніи.“ Съ которыхъ же это поръ программы сельскихъ школъ и учительскихъ семинарій сдѣлались предѣломъ совершенства, къ которому обязано стремиться домашнее воспитаніе? Еще болѣе курьезно заключеніе статьи, гдѣ г. Бѣловъ съ пафосомъ доказываетъ, какъ вредно дѣйствуетъ музыка на нервы и какъ она разстраиываетъ организмъ. Упомянувъ о Бетховенѣ, кончившемъ жизнь въ сумасшествіи, онъ восклицаетъ: „нашъ Глинка, какъ извѣстно изъ его записокъ, обладавшій до послѣдней степени (??) нервно разстроеннымъ организмомъ, *жилъ бы на свѣтѣ болѣе и покойнѣе*, еслибы музыка не составляла его страсти.“ Но кому же нужна была бы эта продолжительная и спокойная жизнь г. Глинки, который, быть можетъ, сталъ бы заниматься бухгалтеріей или писать педагогическія статейки. Мы того мнѣнія, что для человѣчества жизнь Глинки-музыканта, какова бы она ни была, неизмѣримо полезнѣе, чѣмъ жизнь Глинки-бухгалтера или педагога. Мы не придали бы этимъ курьезнымъ замѣчаніямъ г. Бѣлова значенія, еслибъ они у него были рѣдки, еслибъ онъ взвѣшивалъ свои слова и не увлекался неумѣренными пафосомъ. Впрочемъ, читатель, который счумѣетъ отдѣлать въ разбираемой нами книжкѣ дѣло отъ бездѣлья, полезныя и здравыя мысли отъ увлеченій и недодуманности, найдетъ въ ней весьма пригодные при воспитаніи дѣтей совѣты. Независимо отъ этого, книжка г. Бѣлова способна наводить читателя на размышленія и обращать вниманіе на такія явленія въ жизни дѣтей, которыя обыкновенно упускаются изъ виду. Тѣмъ болѣе мы должны сожалѣть о недостаткахъ этой книжки, которыхъ избѣгнуть автору не стоило бы большого труда; а затѣмъ предъ читателемъ остались бы одни результаты несомнѣнной опытности автора и его достойной уваженія наклонности и любви къ дѣлу воспитанія юношества.

ЗАМѢТКА

ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ СЪѢЗДЫ ВЪ РОССИИ.

Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москва, 1869. 2 тома, 4^о, съ атласомъ рисунковъ, in-8°. Изданы подъ редакціей гр. А. С. Уварова. Москва, 1871.

Труды перваго Археологическаго Съѣзда явились очень въ пору, въ то время, когда собрался и имѣлъ свои засѣданія второй Археологическій Съѣздъ, происходившій въ концѣ прошлаго года въ Петербургѣ. Этотъ второй съѣздъ былъ повидимому столько же успѣшенъ и интересенъ въ научномъ отношеніи, и хотѣлось бы думать, что онъ подтверждаетъ надежду, что это предпріятіе установится у насъ должнымъ образомъ и на будущее время. Дѣло было новое и непривычное, — у насъ, быть можетъ, болѣе необходимое, чѣмъ гдѣ-либо, потому что нигдѣ въ образованной Европѣ такъ не разбросаны ученныя силы, и безъ того небогатыя, нигдѣ самое изученіе не обставлено такими неблагоприятными условіями: не только огромныя пространства раздѣляютъ самихъ ученыхъ и любителей, затрудняя ихъ сношенія, обмѣнъ мыслей и изслѣдованій; не только литература, не богатая и не обширная, мало распространена и не представляетъ всѣхъ нужныхъ средствъ для распространенія научныхъ понятій въ массѣ читателей, — но особенная трудность археологическаго изученія у насъ происходитъ отъ самой громадности того поля, которое подлежитъ изслѣдованію. Самое положеніе науки до послѣдняго времени было также очень неблагоприятное. Изслѣдованія оставались чрезвычайно отрывочными и случайными; только немногія отрасли, какъ, напр., палеографія, нумизматика, успѣли до извѣстной степени установиться, между прочимъ благодаря болѣе доступности матеріала въ столичныхъ библіотекахъ и собраніяхъ; но болѣшая часть археологическихъ изысканій слишкомъ подчинялись случайнымъ условіямъ, не имѣли разъ установленной программы, опредѣленныхъ научныхъ основаній и т. д.

Въ этихъ условіяхъ мысль объ археологическомъ съѣздѣ угадывала истинную и настоящую потребность. Съѣздъ долженъ былъ указать наличныя силы русской археологіи и опредѣлить настоящее положеніе научныхъ изслѣдованій. Для самаго осуществленія перваго съѣзда должно было выработать рядъ вопросовъ по различнымъ частямъ археологіи, вопросовъ, которые должны были быть предложены съѣзду и представлять собой тѣ задачи, какія въ данную минуту въ особенности требуютъ научнаго изслѣдованія. Предварительная коммиссія поста-

вила эти вопросы: специалисты и любители, собравшіеся на съѣздѣ, отчасти отвѣчали на эти вопросы, отчасти ближе опредѣляли ихъ и ставили новые; представлены были отдѣльные изслѣдованія.

Въ двухъ томахъ вышедшаго теперь изданія напечатаны эти труды, собранные на первомъ съѣздѣ и по его поводу. Въ началѣ изложены всѣ свѣдѣнія относительно открытія съѣзда и его занятій: официальные правила съѣзда, описаніе помѣщенія съѣзда и устроенной при немъ археологической выставки; вопросы, выработанные предварительной комиссіей и предполагаемые къ обсужденію на съѣздѣ; списокъ членовъ и участниковъ съѣзда; наконецъ, протоколы засѣданій, какъ общихъ, такъ и по отдѣленіямъ.

Собравшіеся члены (всѣхъ участниковъ съѣзда было 130) раздѣлились по шести отдѣленіямъ. Это были, во-первыхъ — отдѣленіе древностей первобытныхъ; во-вторыхъ — древне-русское искусство, архитектура; въ-третьихъ — памятники языка, письма и быта; въ-четвертыхъ — древности юридическія; въ-пятыхъ — древности восточныя; въ-шестыхъ — древности классическія и византійскія. По всѣмъ этимъ отдѣламъ представлены были болѣе или менѣе обширныя записки и замѣтки. Такъ, мы находимъ здѣсь много матеріала о древнѣйшихъ памятникахъ, объ остаткахъ каменнаго вѣка, о городищахъ, о курганныхъ раскопкахъ, каменныхъ бабахъ, древнихъ кладахъ и т. п., съ обильными рисунками, объясняющими эти предметы, съ пробными археологическими картами, объясняющими мѣста находенія и распространеніе извѣстнаго рода памятниковъ, и т. п. Далѣе, изслѣдованія и замѣтки о древней русской мнѳологіи, юридическихъ древностяхъ, старинной музыкѣ, восточныхъ; о древней архитектурѣ, живописи или иконографіи и т. д. Въ протоколахъ сообщены болѣе или менѣе любопытныя разсужденія о требующихъ рѣшенія вопросахъ нашей археологіи, о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ, объ устройствѣ археологическихъ изысканій.

Въ числѣ предметовъ, о которыхъ не разъ заходила рѣчь между учеными археологами, былъ, между прочимъ, первоначальный и необходимый вопросъ о сохраненіи древностей; этотъ вопросъ предъявлялся и на второмъ съѣздѣ. Приводимы были примѣры крайняго невѣжества въ обращеніи съ памятниками, крайняго пренебреженія къ нимъ, даже какой-то антипатіи, которая заставляла не только не указывать существующихъ остатковъ старины, но даже припрятывать и уничтожать ихъ. Жаловались въ томъ числѣ на сельскихъ священниковъ, которые не сохраняли старины, сохранявшейся въ укомныхъ сельскихъ церквахъ; на монастырскихъ обитателей и т. п. Ученые археологи думали, что должны быть приняты особенныя мѣры, начальственные распоряженія для охраны памятниковъ; предполагали ввести археологію въ число предметовъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ,

особенно въ семинаріяхъ и т. д. Намъ кажется, что едва ли какія-нибудь подобныя мѣры помогутъ въ этомъ случаѣ, ни даже самое преподаваніе археологій. Во-первыхъ, преподаваніе археологій, полезное конечно, но не всегда возможное, не можетъ быть дано всѣмъ людямъ, отъ которыхъ можетъ зависѣть сохраненіе старины; во-вторыхъ, начальственные мѣры въ подобныхъ случаяхъ вообще не бываютъ достаточнымъ обезпеченіемъ,—напротивъ, могутъ способствовать къ новому истребленію памятниковъ, просто съ той цѣлю, чтобы начальству нечего было требовать, чтобы нечего было брать на свою отвѣтственность. „Въ одной пустынѣ, окруженной *курианами*,—разсказываетъ одинъ изъ почтенныхъ археологовъ,—инокіи рѣшительно отказались руководить любителей древностей, изъ опасенія какой-то мнимой отвѣтственности, и убрали всѣ найденные ими въ курганахъ предметы древности“. Въ одномъ изъ женскихъ монастырей, *впрочемъ не московскихъ*, въ ожиданіи пріѣзда новой игуменьи, готовились предать огню всѣ старинныя рукописи“ (!). Вотъ два примѣра, которые самой нецѣлостію описываемаго факта показываютъ, что новыя мѣропріятія со стороны официальной власти относительно храненія древностей, въ мѣстахъ далекихъ отъ столицъ, произведутъ едва ли не большее истребленіе древностей. Мѣры могутъ быть очень разумны и благотворны; но должно принять въ соображеніе давно сложившіяся понятія огромнаго большинства, которое, не разумѣя никакой археологій, привыкло бояться взысканій и выговоровъ начальства, и по своимъ первобытнымъ понятіямъ предпочтетъ сжечь рукописи, припрятать вещи, не показывать кургановъ и т. п., чѣмъ рисковать неудовольствіями начальства. Намъ кажется, что на эти первобытныя понятія большинства и нужно дѣйствовать, чтобы сохранить памятники древности, и дѣйствовать не однимъ преподаваніемъ археологій священникамъ, а вообще распространеніемъ грамоты и образованія. Словомъ, дѣло зависить не столько отъ усилій археологовъ, даже не отъ предписанія начальствъ о сохраненіи древностей, сколько отъ повышенія общаго уровня образованности. Археологія, конечно, должна идти и не можетъ не идти въ общемъ ходѣ образованія наравнѣ съ другими отраслями знанія; пониманіе цѣнности древнихъ памятниковъ можетъ быть приобрѣтено только рядомъ съ другими цивилизованными понятіями и нравами. При господствующемъ кругломъ невѣжествѣ, невозможно ожидать уваженія къ памятникамъ, т.-е. сознательнаго пониманія прошедшаго. А съ другой стороны, не бывало ли примѣровъ, что и сами изыскатели подвергались — не выговорамъ мѣстныхъ начальствъ, но и гораздо большимъ непріятностямъ? Это было испытано не однимъ изъ нашихъ этнографовъ.

Тотъ же археологъ, припоминая *московскую* старину, не досчитывается въ Москвѣ цѣлаго десятка древнихъ „воротъ“, память кото-

рыхъ осталась въ названіяхъ различныхъ московскихъ мѣстностей („Тверскія ворота“, „Арбатскія ворота“ и проч.): даже въ недавнее время, по словамъ его, „невѣжество грозило уничтоженіемъ Красныхъ и Воскресенскихъ воротъ“. Отъ этого невѣжества кажется не спасло бы одно преподаваніе археологій въ семинаріяхъ.

Мы не споримъ противъ введенія археологій въ преподаваніе, а хотимъ только сказать, что было бы странно надѣяться на распространеніе археологическихъ знаній въ обществѣ, еслибы не измѣнились условія и положеніе его общаго, обыкновеннаго образованія. То, что могли бы сдѣлать здѣсь собственно археологи, это — литературное распространеніе археологическихъ свѣдѣній, и въ этомъ отношеніи археологамъ предстоитъ еще многое, почти все. Наша археологическая литература весьма обширна, и г. Погодинъ, излагая исторію русской археологій (въ статьѣ, помѣщенной въ первомъ томѣ „Трудовъ“), могъ назвать много именъ, и притомъ именъ дѣйствительно заслуженныхъ; но археологическая литература почти не представляетъ общихъ сочиненій; въ ней почти нѣтъ руководства, компендіума, ни по одной изъ различныхъ отраслей науки, нѣтъ книги, которая давала бы необходимѣйшія общія понятія о предметѣ для массы обыкновенныхъ читателей, или же для приступающихъ впервые къ изученію предмета.

У нашихъ ученыхъ весьма распространено очень фальшивое, по нашему мнѣнію, и очень вредное пренебреженіе къ такъ-называемой популяризаціи науки, и столь же вредное пренебреженіе къ составленію общихъ, краткихъ руководствъ или цѣльныхъ изложеній предмета. Это послѣднее считается обыкновенно дѣломъ, мало заслуживающимъ того, чтобы ученый снисшелъ къ нему съ своего (большей частью, мнимо высокаго) пьедестала, — но въ сущности оно гораздо труднѣе того, чѣмъ занимается большинство этихъ ученыхъ. Для такого руководства нужно имѣть цѣльное пониманіе предмета, нужно владѣть болѣе или менѣе равно всѣми его частями, нужно свести къ одному знаменателю частныя подробности и отдѣльныя мысли: нельзя скрыть, что для всего этого требуется больше любви къ дѣлу и ученой энергіи, чѣмъ можетъ похвалиться большинство. Гораздо легче считать это ниже своихъ ученыхъ достоинствъ.... Но пренебреженіе высказывается совершенно, когда идетъ рѣчь о популярныхъ книгахъ, т. е. книгахъ, которыя были бы вообще доступны для образованнаго читателя: составленіе такой книги, желаніе быть общедоступнымъ считается обыкновенно профанаціей науки. Это странное понятіе о наукѣ, выросшее въ ученой камерѣ средневѣкового схоластика и распространенное нѣмецкимъ гелертерствомъ, упорно держится у нашихъ ученыхъ, которые не хотятъ видѣть, что современная наука, не отказываясь отъ своей лабораторіи, не запираетъ ее однако семью

замками отъ „непросвѣщенныхъ“, и напротивъ работаетъ такъ, чтобы служить въ одно время и своимъ специальнымъ цѣлямъ и распространенію познаній въ массѣ. Наши ученые не замѣчаютъ, что эта наука уже снимаетъ съ себя старый цѣховой костюмъ и дѣйствуетъ не для одной ученой касты, но для образованныхъ людей вообще. Въ своемъ полномъ объемѣ она по прежнему остается доступна только для своихъ избранныхъ, но рядомъ съ этимъ она — для собственнаго своего блага — стремится раздѣлить съ обществомъ множество полезныхъ и важныхъ свѣдѣній. Можно бы было указать въ современной европейской литературѣ много именъ, одинаково знакомыхъ и ученому специалисту и обыкновенному образованному читателю. Новыя научныя системы, новыя открытія нерѣдко излагаются теперь въ книгахъ такого рода, какія называются обыкновенно популярными. Такихъ книгъ много по естествознанію, по исторіи, даже по археологіи.

Высокомѣрное отношеніе къ общедоступнымъ книгамъ фальшиво въ особенности потому, что естественный ростъ науки идетъ обыкновенно рядомъ съ распространеніемъ знаній вообще, съ повышеніемъ общаго уровня образованности. Чѣмъ больше знанія распространены въ массѣ, тѣмъ больше образованныхъ людей, тѣмъ больше приобрѣтается и специалистовъ для науки.

Намъ случалось высказывать и прежде подобныя замѣчанія въ примѣненіи къ нашей археологіи. На второмъ археологическомъ сѣздѣ говорилось о необходимости руководствъ по археологіи, и надо желать, чтобы эта мысль получила наконецъ свое выполненіе. Второй сѣздъ былъ, кажется, столь же многочисленъ, какъ и первый, и можно думать поэтому, что въ этомъ многочисленномъ обществѣ могли бы найтись люди, способные исполнить эту задачу.

Возвращаемся къ „Трудамъ“. Мы не будемъ подробно перечислять сочиненій и записокъ, напечатанныхъ въ двухъ томахъ этого изданія: здѣсь участвовали различными своими трудами гг. Буслаевъ, Головацкій, Казанскій, Калачовъ, кн. Одоевскій, Погодинъ, Полѣновъ, Разумовскій, Срезневскій, К. Тихонравовъ, гр. Уваровъ, Хвольсонъ, и много другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ дѣятелей археологіи. Но нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о трудахъ лица, которому принадлежитъ первая инициатива археологическаго сѣзда, а также и редакция настоящаго изданія. Гр. Уварову слѣдуетъ безъ сомнѣнія приписать наибольшую честь въ успѣхѣ этого предпріятія, на которое вѣроятно онъ положилъ и наибольшую долю усилій. Кромѣ устройства сѣзда, гр. Уваровъ принялъ едва ли не самое значительное участіе въ самихъ занятіяхъ собранія. Изъ нѣсколькихъ его записокъ, помѣщенныхъ въ изданіи, особенно выдается обширная статья: „Меране и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“. Эта статья, которая одна составила бы цѣлую книгу, есть едва ли не самый замѣчательный трудъ въ

сборникѣ Съѣзда. Намъ случилось, по поводу изданій Московскаго Археологическаго Общества, говорить объ ученомъ достоинствѣ трудовъ гр. Уварова, которое даетъ ему одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду изслѣдователей нашей древности: на этотъ разъ его изслѣдованіе возвращается въ новой области археологіи, и въ немъ онъ обнаруживаетъ тѣ же качества внимательной и многосторонней критики, и обширныя свѣдѣнія въ археологической литературѣ.

Д.

ОТВѢТЪ НА «БРАННОЕ ПОСЛАНИЕ».

М. П. Погодинъ въ № 3-мъ газеты „Гражданинъ“ разразился противъ меня „браннымъ посланіемъ“ (название, имъ самимъ данное своей статьѣ) въ защиту Скопина-Шуйскаго *). Въ одномъ отношеніи это бранное посланіе напоминаетъ незабвенные подвиги ламачскаго витязя противъ вѣтранныхъ мельницъ, такъ какъ собственно противъ меня не было повода писать ни бранныхъ, ни какихъ бы то ни было

*) Редакція упомянутой газеты помѣстила статью М. П. Погодина съ курьезнымъ подстрочнымъ примѣчаніемъ отъ себя, а именно: «авторъ предполагалъ помѣстить ее въ «Вѣстникъ Европы», «съ правомъ Н. И. Костомарову и издателя «Вѣстника Европы» исключить (!) или замѣнить (!?) слова и выраженія для нихъ непріятныя, не касаясь, разумѣется, сущности дѣла». Затѣмъ извѣщается, что «уполномоченное М. П. Погодиннымъ лицо обратилось съ этою статьею къ намъ (т.-е. «Гражданину»), заявивъ при этомъ, что редакторъ «Вѣстника Европы» не можетъ напечатать статьи М. П. Погодина будто бы потому, что въ его журналѣ нѣтъ рубрикъ pro и contra.» На такой вѣтранный и легкомысленный поступокъ редакціи той газеты мы можемъ замѣтить, что, во-первыхъ, самъ уполномоченный, представляя въ редакцію «Вѣстника Европы» рукопись г. Погодина, высказалъ, что онъ не думаетъ, чтобы статья могла быть напечатана, такъ какъ въ журналѣ нѣтъ отдѣла pro и contra. Редакторъ, замѣтивъ въ заглавіи слово: «бранное», тотчасъ же согласился съ мнѣніемъ того господина, но тѣмъ не менѣе просилъ оставить ему рукопись для прочтенія. Во-вторыхъ, та редакція еще легкомысленнѣе повѣрила, что г. Погодинъ могъ уполномочить насъ «исключать» и «замѣнять» его же выраженія; мы получили отъ г. Погодина вѣстѣ съ тою статьею письмо, и ни однимъ словомъ онъ не упоминаетъ о такомъ нелѣпомъ полномочіи; г. Погодинъ обязывалъ только редакцію напечатать статью не иначе, какъ въ февральской книгѣ, а въ противномъ случаѣ просилъ передать ее въ редакцію журнала «Заря». Мы тогда же писали автору, что не печатаемъ его «браннаго посланія» потому, что намъ послѣ пришлось бы печатать болѣе «бранное посланіе» Н. И. Костомарова, а за тѣмъ опять «самое бранное» посланіе критика, и такъ далѣе до истощенія лексикона. И мы были правы, такъ какъ теперь нѣтъ удовольствія печатать простой, а не бранимый отвѣтъ уважаемаго историка на бранное къ нему посланіе. — *Ред.*

посланій въ защиту Скопина-Шуйскаго, которому я ровно ничего не сдѣлалъ. Поводомъ къ бранному посланію послужила напечатанная въ „Вѣстникѣ Европы“ (іюнь, 1871) моя статья о „Личностяхъ Смутнаго Времени“, гдѣ я указывалъ вообще на скудость нашихъ источниковъ для яснаго уразумѣнія характеровъ знаменитыхъ лицъ Смутнаго Времени и въ числѣ этихъ лицъ Скопина-Шуйскаго. Ужъ если г. Погодину хотѣлось, во что бы то ни стало, писать противъ меня бранное посланіе, то онъ съ болѣею справедливостію могъ писать въ защиту источниковъ, а никакъ не въ защиту Скопина-Шуйскаго, и въ такомъ случаѣ наше препирательство, въ которомъ мы исходили бы съ различныхъ взглядовъ на одни и тѣ же источники, можетъ быть имѣло бы хоть какое-нибудь ученое значеніе. Но г. Погодинъ избралъ иной способъ. Онъ выжимаетъ изъ моихъ словъ такой смыслъ, какого они не имѣютъ и воюетъ противъ этого смысла. Такимъ образомъ я написалъ: „Чѣмъ народъ здоровѣе, чѣмъ болѣе имѣетъ права уповать на свое будущее, чѣмъ общество, которое онъ изъ себя образуетъ, прочнѣе и благоустроеннѣе, тѣмъ историки его способны стать выше предразсудковъ и смотрѣть безпристрастнѣе и трезвѣе на прошедшее своего отечества. Напротивъ, тамъ, гдѣ нація переживаетъ времена упадка, разслабленія или глубокаго застоя, ея историки, чувствуя, что у ихъ народа нѣтъ того, чего-бы имъ хотѣлось, чтобъ онъ имѣлъ, не видя ничего, или очень мало видя въ будущемъ, какъ бы для утѣшенія, уходятъ всѣмъ сердцемъ въ свое прошедшее и обращаются съ нимъ самымъ несдержаннымъ и пристрастнымъ образомъ“. Г. Погодинъ толкуетъ, что здѣсь я противопоставляю западныя государства и Россію, и разумѣю послѣднюю подъ націею переживающею время упадка, разслабленія и глубокаго застоя. Однако, не только ничто не дало ему права къ такому толкованію, но онъ умышленно не привелъ слѣдующихъ затѣмъ моихъ же словъ, которыя ясно указываютъ, что я здѣсь никакъ не разумѣлъ Россіи: „У насъ, къ чести читающаго русскаго общества, критическое направленіе пользуется сочувствіемъ и уваженіемъ“. Итакъ, изъ моей статьи оказывалось, что я причислялъ Россію именно къ здоровымъ націямъ, которымъ совсѣмъ нейдетъ такое обращеніе съ своимъ прошедшимъ, какое естественно прилично націямъ упадающимъ. Правда,—сказалъ я далѣе,—у насъ раздавались голоса, которые высказывали боязнъ предъ свободными, безпристрастными сужденіями о нашемъ прошедшемъ, стояли за утвердившіеся въ исторіи произвольные взгляды, считая ихъ необходимыми для патріотическихъ видовъ и отыскивали заднія мысли и скрытыя враждебныя обществу или государству намѣренія въ сужденіяхъ тѣхъ, которые имѣли смѣлость посягать на предразсудки. Но такіе возгласы могутъ плѣнять только невѣждъ и никакъ не раздѣляются истинно-мыслящими людьми.

Въ дѣлѣ науки, только убѣжденія послѣднихъ могутъ служить мѣриломъ для опредѣленія общественныхъ отношеній“. Отчего же г. Погодинъ, выписывая мѣсто изъ моей статьи, не выписалъ и конца его, который мы прибавляемъ здѣсь къ его выпискѣ? Не оттого ли, что этотъ конецъ всякому ясно указываетъ, что я никакъ не могъ разумѣть подъ упадающею націею Россію, когда и общественное настроеніе по отношенію къ исторіи мнѣ отнюдь не представляется такимъ, которое бы соотвѣтствовало упадающей разслабленной націи? Что касается до невѣждъ, защищающихъ предрасудки, то мы и теперь убѣждены, что ихъ запоздалые вопли не найдутъ отголоска въ умахъ мыслящихъ людей нашего общества.

Воображая себѣ, что я подъ здоровыми націями разумѣю западныя государства въ противоположность Россіи, г. Погодинъ хочетъ меня убѣдить, что образованные европейскіе народы относятся къ своей исторіи совсѣмъ не съ такою трезвостью, какой я требую отъ историка. Французы то-и-дѣло суютъ намъ свои: *grande nation*, *grande armée* и проч., въ Германіи мало безпристрастія въ разсказахъ о подвигахъ сыновъ Армініи, — тоже у англичанъ, а у итальянцевъ и испанцевъ самохвальство на каждомъ шагу. Но это и безъ г. Погодина мнѣ извѣстно; въ моей же статьѣ, которую громить г. Погодинъ, я сказалъ: „Едва ли въ мірѣ есть страна, гдѣ бы историки, описывая свое прошлое, были совершенно изъяты отъ этого недостатка“. Но то, что я считаю недостаткомъ, г. Погодинъ представляетъ намъ какъ образецъ для подражанія: „Что слѣдуетъ, говорить онъ, изъ безспорныхъ моихъ положеній (то-есть изъ того, что всѣ народы хвалятъ себя)? Вотъ что: чѣмъ народъ образованнѣе въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, тѣмъ онъ больше дорожитъ своею исторіею, тѣмъ съ болѣешимъ уваженіемъ относится къ своему народу и его представителямъ“.

Собственно говоря, я готовъ повторить эти же слова г. Погодина, только я совсѣмъ иначе понимаю слова: *дорожитъ исторіею* и относиться съ *уваженіемъ* къ народу. По-моему, это должно выражаться строгимъ, безпристрастнымъ, сурово критическимъ отношеніемъ къ своему прошлому, при которомъ историкъ не долженъ задумываться и останавливаться даже и тогда, когда бы, по выраженію Погодина, ради истины пришлось лишиться и Скопина-Шуйскаго и Пожарскаго и Минина и „остаться съ Зарудкимъ, Котошкинымъ, Мазепою“.

Но до этого я не доходило. Повторяемъ—г. Погодину нечего было защищать противъ меня Скопина-Шуйскаго. Я доказывалъ только, что, къ сожалѣнію, эта безспорно знаменитая личность, по скудости источниковъ, представляется недостаточно ясною, а напротивъ, довольно тусклою. Нѣкоторыя черты, однако, все-таки побуждаютъ нѣсколько угадывать его характеръ. Я сказалъ: „Что это была за натура? Пылкій ли юноша, увлекаемый жаждою подвиговъ и дѣя-

тельности, у котораго энергія поступковъ зависѣла отъ сердечныхъ побужденій, или это—холодный, разсудительный умъ, чуждый увлеченія, взвѣшивающій обстоятельства, осмотрительный, проницательный, всегда разсчетливый. Нѣкоторые признаки склоняютъ насъ видѣть въ немъ характеръ послѣдняго рода“. Г. Погодинъ находитъ въ этомъ сужденіи „обвинительное предположеніе“, „злонамѣренность“ и наконецъ „дерзость“, и выбивается изъ силъ, чтобъ защитить своего кліента. Но я сошлюсь на сужденіе всѣхъ здравомыслящихъ читателей: считается ли между ними хоть одинъ, который бы нашелъ оскорбительнымъ или обвинительнымъ такое мнѣніе о человѣкѣ: это умъ „разсудительный, чуждый увлеченія, взвѣшивающій обстоятельства, осмотрительный, проницательный, всегда разсчетливый“. Не высокая ли эта похвала, особенно для политическаго дѣятеля? Это одно уже покажетъ безпристрастному читателю, насколько вправѣ былъ г. Погодинъ выступать противъ меня съ защитой Скопина-Шуйскаго, и насколько была вообще возможность защищать противъ меня Скопина-Шуйскаго.

Г. Погодинъ проповѣдуетъ правило, роковое для исторической критики. Онъ привелъ слѣдующія мои слова: „изъ описи имущества убитаго (Татищева) мы видимъ, что многія вещи были взяты безъ денегъ шуриномъ Скопина, Головинымъ, а отчасти и самимъ Скопинымъ, быть можетъ и не для своей корысти, а съ цѣлью обратить на общее дѣло. Какъ бы то ни было, это темное событіе нельзя объяснить положительно ни въ хорошую, ни въ дурную сторону для Скопина“. Вслѣдъ затѣмъ г. Погодинъ говоритъ: „Нельзя? Такъ зачѣмъ вы предлагаете умствование, котораго нигде употребить нельзя. Только для смущеній, для возбужденія подозрѣній“. Итакъ, по приговору г. Погодина, для избѣжанія смущеній и чтобъ не возбуждать подозрѣній, не должно ставить вопросовъ и поднимать сомнѣній. Можетъ ли, послѣ этого, существовать историческая критика, для которой вопросы и сомнѣнія служатъ основаніями? Значить, надобно думать не иначе, какъ думали дѣды и отцы, не имѣть своего сужденія, заимствовать собственный умъ уваженіемъ къ авторитетамъ, повторять только задн. Нельзя-молъ разрѣшить, стало быть того и не трогай, не разсуждай объ этомъ! Но вѣдь *нельзя разрѣшить* бываетъ нерѣдко окончательнымъ результатомъ многолѣтнихъ розысканій и притомъ истиннымъ приобритеніемъ для науки, когда оно замѣняетъ произвольно созданныя теоріи, которымъ понуждаютъ слѣдовать, да притомъ, такимъ диктаторско-полицейскимъ тономъ, какой въ этомъ случаѣ принимаетъ г. Погодинъ. Ясно, что онъ заклятой врагъ всякихъ „смущеній“: ему бы тишь да гладь да Божья благодать! Въ примѣчаніи къ свой филиппикѣ противъ меня онъ горько жалуется на г. Иловайскаго: „а теперь г. Иловайскій не выводитъ варяговъ-русь ни откуда, а считаетъ ее туземною и старожилую. Не даютъ мнѣ умереть спокойно да и только!“ Читая

эти строки, невольно дѣлается жаль почтеннаго Нестора російскаго дѣяніася, недавно увѣнчаннаго вѣнцомъ пятидесятилѣтняго юбилея, невольно извиняешь ему, по этой причинѣ, не только его порывъ защищать противъ меня такое лицо, которое я вовсе не думалъ оскорблять, но даже вовсе не любезные отзывы обо мнѣ въ родѣ того, что мои писанія „способны смутить и убѣдить не только гимназистовъ, но и взрослыхъ людей, находящихся, по своему образованію, въ одномъ съ ними классѣ“.

До сихъ поръ изъ браннаго посланія ко мнѣ, въ защиту Скопина-Шуйскаго, ровно ничего не выходитъ. Г. Погодинъ ратуетъ Богъ-знаетъ съ кѣмъ и съ чѣмъ, но только не со мною, хотя ему и кажется, будто онъ борется со мною за Скопина. Но вотъ, г. Погодинъ въ концѣ своей статьи привелъ цѣлый рядъ отзывовъ о Скопинѣ-Шуйскомъ изъ русскихъ и иностранныхъ современныхъ свидѣтельствъ. И что же? Всѣ эти свидѣтельства, давно мнѣ извѣстныя и переизвѣстныя, за изытіемъ изъ нихъ цвѣтовъ риторики, которыми одинаково можно украсить какъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, такъ и десятокъ другихъ князей, говорятъ въ сущности только то, что Скопинъ-Шуйскій признавался умнымъ, способнымъ и любимымъ современниками человекомъ. Но развѣ я въ этомъ когда-нибудь сомнѣвался? То же самое, еще убѣдительнѣе, говорятъ событія, совершенныя во время бытности Скопина-Шуйскаго первымъ человекомъ на Руси. Но за всѣмъ тѣмъ личность эта все-таки остается довольно тусклою, какъ я выразился прежде. Умный и способный человекъ—качество слишкомъ общее; можетъ быть нѣсколько умныхъ и способныхъ людей, но они все-таки останутся для насъ неясными тѣнями, если мы не въ силахъ отличить ихъ одного отъ другого, представить каждаго изъ нихъ живымъ человекомъ, не похожимъ на другого, подобно тому, какъ одинъ человекъ, при многихъ сходствахъ съ другимъ, всегда бываетъ не похожъ на этого другого,—однимъ словомъ, если историческое лицо не получаетъ для насъ значенія *характера*. Само собою разумѣется, что степени, въ которыхъ историческія лица представляются намъ въ значеніи характеровъ, могутъ быть разнообразны: одни являются, такъ сказать, болѣе выпуклыми, другіе—менѣе, а иные не имѣютъ никакой выпуклости и даже очертаній. Я утверждалъ и, послѣ „браннаго“ посланія г. Погодина, утверждаю, что, къ большому сожалѣнію, въ современныхъ источникахъ о Скопинѣ-Шуйскомъ слишкомъ мало такихъ указаній, по которымъ бы мы могли возсоздать себѣ опредѣленный историческій характеръ, до извѣстной степени новое лицо, такое лицо, о которомъ мы бы могли сказать, что въ данномъ случаѣ оно такъ бы говорило, такъ бы дѣйствовало, такъ бы относилось къ жизни. Поэтъ-драматургъ не въ состояніи былъ бы поставить его на сцену, придерживаясь строго исторіи и

отнюдь не прибѣгая къ произвольнымъ измышленіямъ. Г. Погодину, какъ человѣку долго и много занимавшемуся исторіею, извѣстно, какъ иногда нѣсколько счастливыхъ чертъ, приведенныхъ въ источникѣ, обрисовываютъ человѣка съ ногъ до головы и даютъ нашему воображенію возможность представить его себѣ живымъ и какъ, напротивъ, цѣлыя страницы риторическихъ описаній качествъ исторической личности оставляютъ ее для насъ все-таки безцвѣтною тѣнью. Вотъ именно такихъ чертъ я не находилъ о Скопинѣ-Шуйскомъ и потому-то онъ мнѣ представляется личностью неясною. Но отъ этого слишкомъ далеко до того, чтобъ кому-нибудь предстояла необходимость *защищать* противъ меня Скопина-Шуйскаго: защищать можно только того, кого въ чемъ-нибудь обвиняютъ, а я говорю только, что знаменитый Скопинъ, по недостаточности источниковъ, для меня неясенъ. И только!

24-го января, 1872

Н. Костомаровъ.

ПО ПОВОДУ „ОБЪЯСНЕНІЯ“

сообщеннаго по требованію министерства народнаго просвѣщенія.

Въ январской книгѣ мы помѣстили, „по требованію министерства народнаго просвѣщенія“, объясненіе этого министерства. Какъ всякое объясненіе, мы приняли бы его къ свѣдѣнію и къ руководству, и тѣмъ бы ограничились; но настоящее объясненіе есть собственно обвиненіе насъ въ такомъ проступкѣ, котораго мы никогда не совершали, и вотъ почему мы находимъ себя вынужденными объясниться. Насъ обвиняютъ въ „извращеніи“ чужихъ словъ, и вотъ, какимъ образомъ выражается „Объясненіе“ по поводу будто бы совершеннаго нами „извращенія“:

„31-го мая сего (1871) года, совѣтъ кievскаго университета утвердилъ представленіе историко-филологическаго факультета о включеніи въ составъ полукурсоваго испытанія студентовъ этого факультета написаніе русскаго сочиненія на заданную тему въ присутствіи факультета.

„Редакція журнала „Вѣстникъ Европы“, обсуждая вопросы о реальныхъ училищахъ и классическихъ гимназіяхъ, нашла нужнымъ въ ноябрьской книгѣ своего журнала, на стр. 371, въ подстрочной выносѣ, вышеозначенное постановленіе Совѣта совершенно извратить, *обвиняя студентовъ въ незнаніи орфографии и вообще русскаго языка*. Въ выносѣ этой, между прочимъ, сказано: „забота объ усиленіи классицизма у насъ предшествовала послѣднему уставу и уже нѣсколько лѣтъ сряду сосредоточено было все вниманіе на преподаваніи древнихъ языковъ, а въ нынѣшнемъ году историко-фило-

гическій факультетъ вынужденъ былъ обсуждать мѣры относительно тѣхъ студентовъ, которые пишутъ по-русски *безъ соблюденія орф(е)ографіи и употребляя неправильные обороты рѣчи*. Факультетъ опредѣлилъ взять на себя трудъ доучивать студентовъ отечественному языку“.

Итакъ, по словамъ „Объясненія“, допущенное нами „извращеніе“ состоитъ въ томъ, что мы обратили вышеупомянутую мѣру факультета о включеніи въ составъ полукурсоваго испытанія студентовъ написанія русскаго сочиненія на заданную тему въ присутствіи факультета,—обратили въ обвиненіе студентовъ въ незнаніи орфографіи и русскаго языка. Но мы ничего подобнаго не говорили. Вотъ нашъ текстъ:

....въ нынѣшнемъ году историко-филологическій факультетъ вынужденъ былъ обсуждать мѣры относительно тѣхъ студентовъ, которые пишутъ по-русски *„безъ соблюденія орфографіи и употребляя неправильные обороты рѣчи“*. Факультетъ опредѣлилъ взять на себя трудъ доучивать студентовъ отечественному языку.

Менѣ внимательный читатель скажетъ намъ: въ „Объясненіи“ приведенъ текстъ вашего журнала дословно, развѣ только слово: орфографія, въ „Объясненіи“, написано через *ф*; но это не измѣняетъ смысла, и слѣдоват. обвиненіе въ „извращеніи“ совершенно основательно. Но болѣе внимательный читатель замѣтитъ, что при словахъ: „безъ соблюденія орфографіи и употребляя неправильные обороты рѣчи“, въ текстѣ нашего журнала стоятъ кавычки, а въ „Объясненіи“ этотъ маленькій значокъ *выпущенъ*. На этой ошибкѣ „Объясненія“ и основано все обвиненіе насъ въ „извращеніи“. Кавычками, какъ то извѣстно, обозначается чужая рѣчь, и дѣйствительно тѣ слова принадлежать не намъ, а самому историко-филологическому факультету, который, такимъ образомъ, самъ свидѣтельствуетъ, что студенты онаго факультета пишутъ по-русски *„безъ соблюденія орфографіи и употребляя неправильные обороты рѣчи“*. А потому въ „Объясненіи“ неправильно выражено, что Редакція журнала „Вѣстника Европы“ нашла нужнымъ извратить постановленіе совѣта, „обвиняя студентовъ въ незнаніи орф(е)ографіи и вообще русскаго языка“. Еслибы авторы „Объясненія“ не выпустили въ нашемъ текстѣ кавычекъ, то они собственно должны были бы сказать, что наша редакція нашла нужнымъ не извратить, а привести слово-въ-слово свидѣтельство факультета о томъ, что студенты, т.-е. кончившіе курсъ въ нашихъ гимназіяхъ не соблюдаютъ орфографіи и вообще неправильно выражаются на родномъ языкѣ. Изъ всего этого видно, какъ основательна латинская пословица: *Littera docet, littera nocet!* Конечно, кавычки не буква, но пропускъ ихъ значительно извращаетъ характеръ всякой рѣчи. Во всякомъ случаѣ, если обвиненіе студентовъ въ безграмотности можетъ быть названо „извращеніемъ“ вышеупомянутой мѣры фа-

культета, то такое извращеніе сдѣлано не нами, а самимъ факультетомъ, лицомъ, кажется совершенно компетентнымъ въ обсужденіи вопроса, знаетъ ли кто орѳографію, или нѣтъ, и правильно или неправильно выражается по-русски.

Въ заключеніи даннаго намъ „Объясненія“, приводится объясненіе самого Совѣта кievскаго университета „по поводу подобной же статьи, напечатанной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, *извратившей* смыслъ постановленія кievскаго университета и обвинившей студентовъ въ незнаніи орф(ѳ)ографіи и вообще русскаго языка“. Вотъ что говорится въ этомъ совѣтскомъ объясненіи:

„Статья, напечатанная въ № 288-мъ „С.-Петербург. Вѣд.“, составляетъ *буквальную* перепечатку статьи 46-й протокола засѣданія Совѣта университета 31-го мая 1871-го года, съ присоединеніемъ отъ редакціи газеты введенія, устанавливающаго, по мнѣнію Совѣта, *неправильную* точку зрѣнія на принятую мѣру“.

Далѣе, Совѣтъ объясняетъ, что повѣрочное испытаніе изъ русскаго языка на приѣмномъ экзаменѣ недостаточно, такъ какъ „страницы двѣ, написанныя удовлетворительно на этомъ испытаніи, не составляютъ еще неограниченнаго (?) доказательства, что всѣ лица, принятые въ студенты, пишутъ совершенно безошибочно и не употребляютъ оборотовъ рѣчи, несвойственныхъ русскому языку, потому что огромное большинство учащихся въ университетѣ св. Владимира, состоящее изъ уроженцевъ южно-западнаго края, не упоминая (!!!?) о полякахъ и евреяхъ, слышать и въ семьѣ, и въ обществѣ далеко не чистый русскій языкъ, т.-е. языкъ, въ которомъ встрѣчается много мѣстныхъ идіотизмовъ и неправильно произносимыхъ словъ. Молодой человѣкъ, который былъ принятъ въ университетъ послѣ тщательнаго испытанія, который написалъ сочиненіе безъ ошибокъ и далъ удовлетворительныя грамматическія объясненія, можетъ однакоже оказаться въ послѣдствіи не принадлежащимъ къ числу знатоковъ (?) русскаго языка... Дѣло идетъ въ настоящемъ случаѣ не о безграмотности, а о тѣхъ ошибкахъ и неправильностяхъ, которыя, къ сожалѣнію, составляютъ явленіе далеко не рѣдкое и въ книжной, и въ журнальной нашей литературѣ“.

Прибавимъ къ этому, что и наша официальная литература не совсемъ свободна отъ грамматическихъ ошибокъ и неправильностей; но не въ томъ вопросъ. Все же изъ словъ Совѣта кievскаго университета несомнѣнно видно, что наши студенты, и по окончаніи курса въ гимназіи, пишутъ по-русски „безъ соблюденія орѳографіи и употреблѣнія неправильныя обороты рѣчи“, т.-е. для образованныхъ людей пишутъ безграмотно; все это остается попрежнему фактомъ, засвидѣтельствованнымъ кievскимъ университетомъ. Если мы изъ этого заключимъ, что въ нашихъ гимназіяхъ недостаточно обучаютъ отечественному

языку, то будетъ ли такое заключеніе „извращеніемъ“ факта? По мнѣнію Совѣта, это будетъ неправильная точка зрѣнія, такъ какъ уроженцы западнаго края слышать въ семьѣ не чистый русскій языкъ, а слѣдов. гимназія не виновна въ ихъ „безграмотности“. Но и ставъ на точку зрѣнія Совѣта, мы должны утверждать, что „включеніе въ составъ полукурсоваго испытанія студентовъ написанія русскаго сочиненія“, хотя бы и въ присутствіи факультета, не поправитъ дѣла; гимназическое обученіе въ этомъ отношеніи несравненно дѣйствительнѣе, а слѣд. и мы были правы, говоря, что за сосредоточеніемъ вниманія на преподаваніи древнихъ языковъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду русскаго языка, а всего менѣе можетъ быть полезно ослабленіе его преподаванія, въ надеждѣ на то, что на полукурсовомъ испытаніи въ университетѣ будетъ возмѣщенъ недостатокъ гимназическаго обученія. Вотъ и все, что мы хотѣли сказать, указавъ на опредѣленіе Совѣта кievскаго университета, и присоединивъ къ нему потомъ такія же жалобы и нѣмецкихъ университетовъ на малограмотность своихъ студентовъ, которую однако нѣмецкіе университеты не берутъ на себя исправлять, а только поставляютъ этотъ фактъ на видъ тѣмъ, кто озабоченъ устройствомъ среднеучебныхъ заведеній.

С.

Отъ Редакціи. — Мы получили, чрезъ посредство князя П. А. Вяземскаго, слѣдующее заявленіе, подписанное Екатериною Николаевною Орловою, урожденною Раевскою:

Въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“, за 1871-й годъ, въ статьѣ: *Характеристики литературныхъ мнѣній*, на страницѣ 477-й, въ примѣчаніи объ извѣстныхъ письмахъ Чаадаева, сказано:

„Тѣмъ лицомъ, къ которому были адресованы письма, называютъ вообще г-жу Панову; но есть указаніе, кажется не лишнее вѣроятія, что это была, напротивъ, жена М. Ѳ. Орлова, урожденная Раевская.“

Екатерина Николаевна Орлова, рожденная Раевская, о которой упоминается въ вышеприведенномъ примѣчаніи, несмотря на дружескія отношенія, издавна существовавшія между ея братомъ, Ник. Ник. Раевскимъ и мужемъ, М. Ѳ. Орловымъ, съ П. Я. Чаадаевымъ — не была лично знакома съ послѣднимъ до начала 1831-го года; означенныя письма никогда не были къ ней адресованы, и они написаны гораздо прежде ея знакомства съ Чаадаевымъ. Она читала ихъ въ первый разъ случайно, еще въ рукописи, не прежде 1834-го года, и то не сполна.

19 января 1872 г.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Двадцать первое засѣданіе комитета, 22-го ноября 1871 г.

1) Выдано 50 р. въ пособіе дочери извѣстнаго русскаго мореплавателя. Мать ея, послѣ смерти отца, пришла пѣшкомъ изъ Архангельска въ Петербургъ, чтобы опредѣлить сына въ училище, и на все семейство свое, состоявшее изъ сына и трехъ дочерей, получала пенсіи лишь 200 р. въ годъ. Сама просительница не имѣетъ другихъ источниковъ существованія, кромѣ пенсіи въ 2 р. 75 к. въ мѣсяцъ, и хотя морское министерство выдавало ей въ прежнее время почти ежегодно рублей 50, но за послѣднія четыре года и этого пособія она лишилась, такъ какъ покойный мужъ ея не служилъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Въ настоящее время она перебивается съ помощью своей квартирной хозяйки, у которой присматриваетъ за дѣтьми. Бѣдность ея велика; несмотря на холодное время года, она ходитъ въ изношенномъ ситцевомъ платьѣ и дырявыхъ башмакахъ; теплаго платья у нея нѣтъ. Сверхъ того, она страдаетъ ревматизмомъ.

2) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи, такъ какъ одно изъ нихъ не удовлетворяетъ условіямъ устава Общества, а другое, по своимъ трудамъ, не имѣетъ права на частую помощь со стороны Общества.

3) Утверждено распоряженіе предсѣдателя о выдачѣ 20 р. въ пособіе одному, находящемуся въ бѣдности, писателю.

4) По просьбѣ сотрудницы одной газеты, сообщено редакціи этой газеты объ удовлетвореніи просительницы за ея сотрудничество. Въмѣстѣ съ тѣмъ положено: вопросъ о порядкѣ печатанія журналовъ Комитета по подобнымъ прошеніямъ предложить на обсужденіе годового собранія членовъ Общества.

Отчетъ казначея за ноябрь 1871 г.

Къ 1-му ноября состояло на лицо 53,599 р. 30 к.; въ томъ числѣ:

1) процентными бумагами 52,140 р., 2) на текущемъ счету 1,000 р., 3) наличными деньгами 459 р. 30 к. — Въ теченіе мѣсяца поступило 679 р.; въ томъ числѣ: 1) взносы 11-ти членовъ Общества 225 р.; 2) одновременно отъ 3-хъ лицъ 154 р.; 3) возвратъ ссуды 300 р.; всего въ кассѣ и въ приходѣ 54,278 р. 30 к. — Въ теченіе мѣсяца израсходовано 596 р.; въ томъ числѣ: 1) пенсіи 5-ти семействамъ 296 р., 2) единовременное пособіе 5-ти лицамъ 300 р. — Къ 1-му декабря состоятъ на лицо 53,682 р. 30 к.; въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 р., на текущемъ счету 1,000 р., наличными деньгами 542 р. 30 к.

Списокъ членовъ Общества, сдѣлавшимъ взносы въ теченіе ноября:

а) пожизненный, Баймаковъ, Ѳ. П. 100 р.; б) годовые за 1870 и 1871 годы: Илюмовъ, В. П. 20 р.; за 1871 г. Граве, Н. В. 10 р., Лазаревскій, Ѳ. М. 10 р., Мочалкинъ, Е. П. 10 р., де-Роберти, Е. В. 10 р., Соболевъ, А. Н. 25 р.; за 1872 г. Арапетовъ, И. П. 10 р., Бѣлокрысенко, А. Ѳ. 10 р., Евдокимовъ, В. Я. 10 р., Шульцъ, А. О. 10 р.

Единовременная пожертвованія поступили отъ слѣдующихъ лицъ: отъ типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ, 100 р., Н. А. Вормса 30 р., неизвѣстнаго 24 р.

Двадцать-второе засѣданіе комитета, 6-го декабря 1871-го года.

1) Выдано 30 руб. въ пособіе писателю, потерявшему, вслѣдствіе болѣзни, большую часть своихъ занятій въ одной редакціи. Дѣти его тоже болѣны.

2) Выдано 25 руб. въ пособіе писателю, находящемуся въ крайней бѣдности, едва поправившемуся отъ болѣзни.

3) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ лицо это, состоя на службѣ, пользуется достаточнымъ содержаніемъ отъ правительства и, кромѣ того, обладаетъ недвижимою собственностью.

4) Выдано 25 р., въ пособіе больному и лишенному средствъ къ жизни писателю; вмѣстѣ съ женою онъ занимаетъ квартиру на чердакѣ; выходить онъ не можетъ, жена же не можетъ отъ него отлучиться.

5) Выслано 200 руб. въ пособіе семейству писателя, лишеннаго всякихъ средствъ къ жизни.

6) Сдѣлано сношеніе съ варшавскимъ военнымъ окружомъ о выдачѣ вдовѣ писателя слѣдующаго ей содержанія по званію повивальной бабки и, сверхъ того, приняты мѣры къ предоставленію ей мѣста.

7) Изъявлено согласіе на сдѣланный совѣтомъ Императорскаго харьковскаго университета выборъ въ стипендіаты Е. П. Ковалевскаго студента Николая Черняева и выслано въ университетъ, для выдачи г. Черняеву, 300 р.

8) Объявлена благодарность Общества Л. Н. Симонову, представившему нѣсколько билетовъ для бесплатнаго пользованія, въ его лечебницѣ, больныхъ писателей.

9) Взаимнѣ выбывающихъ 2-го февраля 1872 г. изъ числа членовъ комитета, выбраны слѣдующіе кандидаты: А. П. Заблоцкій-Десятовскій, В. Ѳ. Коршъ, А. Н. Пыпинъ, Г. К. Рѣпинскій, Г. Г. Даниловичъ, О. Ѳ. Миллеръ, П. П. Пекарскій и В. И. Вешняковъ.

Двадцать-третье засѣданіе Комитета, 20-го декабря 1871-го года.

1) Выдано 75 р. въ пособіе писателю, сдѣлавшему долги для образованія своего младшаго брата.

2) Выдано 35 р. на приобрѣтеніе теплой одежды и на поѣздку въ провинцію писателю, лишенному средствъ къ жизни.

3) Отклонено ходатайство одной просительницы о пособіи, такъ какъ она не указала съ точностью литературные труды своего покойнаго мужа.

4) Отклонены ходатайства четырехъ лицъ о пособіи, такъ какъ лица эти не имѣютъ права на частую или значительную помощь со стороны Общества.

5) Выдано 100 р. въ единовременное пособіе молодому писателю, поставленному, вслѣдствіе тяжелой болѣзни, въ невозможность работать, вмѣстѣ съ тѣмъ, во вниманіе къ его трудамъ и положенію, назначена ему пенсія по 120 р. въ годъ, съ 1-го января 1872 г.

6) Выдано 25 р. въ пособіе бѣдному студенту.

7) Объявлена благодарность Общества барону А. Ѳ. Стурту за содѣйствіе его комитету.

8) Положено представить на утвержденіе общаго собранія членовъ

Общества слѣдующія правила о посредничествѣ Комитета между писателями и издателями или редакторами журналовъ:

1) Будучи единственно посредникомъ въ возникающихъ недоразумѣніяхъ между писателями, съ одной стороны, и издателями или редакторами журналовъ съ другой, и совершенно устраняя отъ себя роль судьи или рѣшителя споровъ, на которую, по своему учрежденію, не имѣетъ никакого права, комитетъ Общества всякую жалобу на неисполненіе редакторами или издателями условій договора съ писателемъ, препровождаетъ, въ выпискѣ, къ тому лицу, на которое жалоба принесена и ожидаетъ его разъясненій.

2) Получивъ отвѣтъ, Комитетъ сообщаетъ его въ выпискѣ просителю, и если получить отъ него возраженіе на отвѣтъ, то сообщаетъ его отвѣтчику для надлежащаго разъясненія дѣла.

3) По спорамъ, неоконченнымъ сторонами миролюбиво въ теченіе мѣсяца со дня послышки послѣдней бумаги, комитетъ прекращаетъ всякое у себя производство, предоставляя сторонамъ вѣдаться тѣмъ путемъ, какой оны найдутъ болѣе удобнымъ.

4) Въ случаѣ неполученія отвѣта на послѣднее сообщеніе, или прекращенія дѣла миролюбиво, комитетъ имѣетъ право опубликовать, въ извлеченіяхъ изъ своихъ журналовъ, существо спора, съ означеніемъ полныхъ именъ обѣихъ сторонъ.

(По мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ комитета, послѣ § 4 должно быть помѣщено слѣдующее правило: «Всѣ эти распоряженія не могутъ быть сдѣланы комитетомъ иначе, какъ только при условіи, если оны въ самой просьбѣ истца будутъ прямо уполномочены на это, или если въ теченіе возникшаго уже дѣла получится заявленіе о желаніи просителя дать дѣлу именно этотъ ходъ»).

5) Споры, оконченные миролюбиво, вовсе не публикуются и упоминаются лишь вкратцѣ въ годовомъ отчетѣ Общества, безъ означенія именъ сторонъ и существа возникшихъ между ними недоразумѣній.

II. Подписки на памятникъ Пушкину.

(Отъ высочайше учрежденнаго комитета).

Согласно напечатанному уже*) объявленію комитета для сооруженія памятника Пушкину, пожертвованій на сей предметъ поступило, за время съ открытія въ апрѣлѣ 1871 г. дѣйствій комитета по 1-е ноября. . . . . 10,375 р. 68¹/₄

Затѣмъ въ теченіе ноября доставлено:

а) наличными деньгами . . . . . 2,184 р. 77 к.

б) квитанціями главнаго, губернскихъ
и уѣздныхъ казначействъ . . . . . 2,363 „ 24³/₄ „
4,548 „ 1³/₄

Итого . . . . 14,923 р. 70 к.

По подпискѣ 1860 года, прежде собрано . . . . . 18,254 „ —

Всего по 1-е декабря . . . . . 33,177 р. 70 к.

Независимо отъ пожалованныхъ членами Императорской Фамиліи 950 р., эта сумма составила, отъ начала подписки въ 1871 г. по 1-е декабря того же года, изъ слѣдующихъ взносовъ частныхъ лицъ:

I. По сборнымъ книжкамъ.

Отъ М. Н. Лонгинова—383 р., въ томъ числѣ: отъ М. Лонгинова—25 р., А. Лонгиновой—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ Анненкова—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ В. Апраксина—20 р., отъ Н. Ратынскаго—15 р., отъ А. Матвѣева—10 р., отъ А. Хвостова—

*) См. Вѣстн. Евр. 1871, май, 494 стр.

25 р., отъ Д. Рузанова—25 р. и отъ разныхъ лицъ менѣ крупными пожертвованіями—223 р. Отъ В. И. Фребелиуса—46 р. Отъ П. М. Толстаго—990 р., въ томъ числѣ: отъ И. А. Яковлева—300 р., отъ В. Нарышкина—500 р., отъ П. Демидова—100 р., отъ гр. М. Толстой—10 р., отъ Кутузова-Толстаго—50 р., отъ Е. М. Толстой—10 р., отъ неизвѣстнаго—20 р. Отъ Н. М. Голицына—117 р. 75 к., въ томъ числѣ: отъ Иконникова—25 р., князя П. А. Голицына—11 р. 50 к., и менѣ крупными пожертвованіями—81 р. 25 к. Отъ В. И. Фребелиуса—14 р.; директора 2-й с.-петербургской гимназій—19 р. 74 к.; директора 7-й с.-петербургской гимназій—19 р. 30 к.; инспектора Введенской прогимназій—9 р.; инспектора 2-й с.-петербургской прогимназій—4 р.; директора училищъ Тверской губ.—46 р. 50 к.; директора училищъ Астраханской губ.—15 р. 41 к.; директора Нижегородскаго Александровскаго института—12 р. 31 к.; попечителя виленскаго учебнаго округа—22 р. 15 к.; директора виленскихъ народныхъ училищъ—9 р. 2 к.; завѣдывающаго варшавскимъ институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ—9 р. 50 к.; директора училищъ г. Варшавы—12 р. 30 к.; начальника ломжинской учебной дирекціи—18 р. 71½ к.; инспектора ченстоховской прогимназій—5 р. 94 к.; управляющаго акцизными сборами въ Эстляндской губ.—27 р. 50 к.; управляющаго виленскою казенною палатою—39 р. 80 к.; управляющаго рязанскою казенною палатою—147 р. 2 к.; управляющаго орловскою казенною палатою—45 р. 70 к.; управляющаго акцизными сборами въ Курляндской губ.—25 р. въ томъ числѣ: отъ Вильяма фонъ-Киницъ—10 р. и отъ прочихъ—15 р.; управляющаго акцизными сборами въ Ломжинской, Плоцкой и Сувальской губ.—200 р., въ томъ числѣ: отъ фонъ-Шведеръ—12 р., Штейнбергъ—25 р., Асмусъ—15 р., Гано—10 р., Володзько—10 р., Шишко 2-й—12 р., Горскаго—10 р., и отъ прочихъ—186 р.; отъ управляющаго акцизными сборами въ Новгородской губ.—16 р. 25 к.; управляющаго акцизными сборами въ Калишской и Петровской губ.—165 р., въ томъ числѣ: отъ Н. Соломонъ—25 р. и отъ прочихъ—145 р. Отъ Н. А. Качалова—95 р. 50 к., въ томъ числѣ: отъ Н. Качалова—10 р., гр. Вл. Толстаго—10 р. и отъ прочихъ—75 р. 50 к.; отъ Н. В. Кидошенкова—99 р., въ томъ числѣ: отъ В. С. Барыкова—10 р., Зузина—10 р., П. В.—10 р., неизвѣстнаго—10 р., А. Н. Струговщикова—10 р., и отъ прочихъ—49 р. Отъ П. А. Шульца—16 р., В. И. Вешнякова—100 р.; финляндскаго военнаго генералъ-губернатора—42 р. 12½ к.; въ томъ числѣ: отъ гр. Н. Адлерберга—25 р.; А. Гагемейстера—10 р. и отъ прочихъ—7 р. 12½ к.; начальника архангельскаго таможеннаго округа—60 р.; начальника одесскаго таможеннаго округа—81 р. 25 к.; начальника таганрогскаго таможеннаго округа—111 р., въ томъ числѣ: отъ Средина—10 р. и отъ прочихъ—101 р.; управляющаго с.-петербургскою портовою таможеню—23 р.; управляющаго варшавскою таможеню—40 р.; управляющаго астраханскою таможеню—21 р.; управляющаго иркутскою таможеню—1 р. 85 к.; С. И. Зеленаго—18 р., въ томъ числѣ: отъ С. И. Зеленаго—15 р. и отъ прочихъ—3 р.; вице-директора департамента торговли и мануфактуръ—16 р.; отъ В. К. Рашета—40 р.; въ томъ числѣ: В. Рашета—10 р. и отъ прочихъ—30 р.; председателя рязанской губернской земской управы—5 р.; председателя херсонской губернской земской управы—12 р.; архангельскаго городского головы—81 р., въ томъ числѣ: отъ В. Грибанова—25 р., К.

Мейера—15 р. и отъ прочихъ—41 р.; директора департамента министерства юстиціи—31 р.; завѣдывающаго с.-петербургскою удѣльною канторою—53 р. 20 к.; директора Императорской петергофской гранильной фабрики—12 р. 80 к.; управляющаго государственными имуществами въ Кіевской губ.—12 р. 24 к.; управляющаго горнымъ департаментомъ—60 р. 30 к.; старшаго предсѣдателя с.-петербургской судебной палаты—2 р.; предсѣдателя московской судебной палаты—59 р., въ томъ числѣ: отъ неизвѣстнаго—10 р., Павлова—10 р. и отъ прочихъ—39 р.; отъ предсѣдателя ржевскаго окружнаго суда—8 р.; предсѣдателя харьковскаго окружнаго суда—16 р. 50 к.; предсѣдателя воронежскаго окружнаго суда—17 р. 75 к.; начальника штаба финляндскаго военнаго округа—6 р.; начальника финляндскаго окружнаго инженернаго управленія—22 р. 75 к.; коменданта варшавской цитадели—48 р. 40 к., въ томъ числѣ: отъ Михаила Зайцева—10 р. и отъ прочихъ—38 р. 40 к.; ахалцыхскаго коменданта—50 р. 50 к.; коменданта крѣпости Бендеры—14 р., въ томъ числѣ: Ф. Каннабихъ—10 р. и отъ прочихъ—4 р.; коменданта Бобруйской крѣпости—10 р. 50 к.; отъ вице-адмирала Д. И. Кузнецова—10 р.; петергофскаго коменданта—25 р.; коменданта с.-петербургской крѣпости—25 р.; коменданта свеаборгской крѣпости—17 р. 75 к.; с.-петербургскаго губернскаго воинскаго начальника—10 р.; витебскаго губернскаго воинскаго начальника—11 р. $\frac{1}{2}$ к.; минскаго губернскаго воинскаго начальника 19 р. 28 $\frac{1}{2}$ к.; сувадскаго губернскаго воинскаго начальника 4 р. 30 к.; ломжинскаго губернскаго воинскаго начальника 6 р. 50 к.; орловскаго губернскаго воинскаго начальника 10 р.; московскаго губернскаго воинскаго начальника 3 р.; тульскаго губернскаго воинскаго начальника 28 р. 26 к.; управляющаго варшавскою контрольною палатою 13 р. 20 к.; управляющаго закавказскою контрольною палатою 18 р. 35 к.; управляющаго минскою контрольною палатою 8 р.; управляющаго нижегородскою контрольною палатою 10 р.; управляющаго оренбургскою контрольною палатою 14 р. 95 к.; управляющаго пермскою контрольною палатою 10 р.; управляющаго полтавскою контрольною палатою 10 р. 30 к.; отъ исковскаго губернскаго воинскаго начальника—12 р. 4 к.; управляющаго государственными имуществами Волынской губ.—20 р. 2 к.; пензенскаго губернскаго воинскаго начальника—10 р. 13 к.; управляющаго таврическою контрольною палатою—16 р.; въ томъ числѣ: отъ В. Чачкова—10 р. и отъ разныхъ лицъ менѣе крупными пожертвованіями—6 р.; отъ инспектора орловскаго института—30 р.; въ томъ числѣ: отъ Николая Панюткина—10 руб. и отъ прочихъ—20 р.; начальника плоцкой учебной дирекціи—38 р. 25 к.; инспектора одесскаго института благородныхъ дѣвицъ—209 р. 30 к.; въ томъ числѣ: отъ Серебрякова—10 р., М. Ф. Шугурова—10 р., Ставило—10 р. и отъ прочихъ—179 р. 30 к.; директора Екатерининскаго учительскаго института—11 р. 50 к.; К. Веймарна—86 р.; въ томъ числѣ: отъ Печаткина—10 р., неизвѣстнаго—10 р. отъ Анисило—10 р., Флора Панова—10 р., и отъ прочихъ—46 руб.; плоцкаго губернатора—91 р. 88 к.; въ томъ числѣ: отъ барона Врангеля 18 р. и отъ прочихъ—73 р. 88 к.; инспектора варшавскаго Александринско-Маріинскаго института—20 р.; инспектора брестской прогимназіи—15 р. 97 к.; А. И. Верховцева—72 р.; директора училищъ Курской губ. 83 р. 81 к., — въ томъ числѣ: отъ Д. Жаворонкова—10 р. и отъ прочихъ—73 р. 81 к.; люблинскаго губернскаго

воинскаго начальника — 8 р. 80 к.; директора московской 6-й гимназiи—50 р., въ томъ числѣ: отъ М. Губонина — 10 р., отъ прочихъ—40 р.; инспектора бѣлостокскаго института—33 р. 40 к.; въ томъ числѣ: отъ Е. Калогора—10 р. и прочихъ—23 р. 40 к.; директора варшавскихъ гимназiй—28 р. 75 к.; управляющаго петровскою казенною палатою—52 р. 35 к.; владикавказскаго коменданта—3 р.; управляющаго одесскою контрольною палатою — 20 р.; инспектора 5-й варшавской гимназiи—9 р. 50 к.; инспектора бѣльскихъ педагогическихъ курсовъ—5 р. 5 к.; вологодскаго губернскаго воинскаго начальника—12 р. 16 к.; директора 5-й московской гимназiи—226 р. 80 к., въ томъ числѣ: отъ Н. О. Эмина—10 р., Д. Назарова—10 р., Е. Бѣляевскаго—10 руб. и отъ прочихъ—196 р. 80 к.; эстляндскаго губернскаго воинскаго начальника—3 р. 68 к.; управляющаго акцизными сборами въ Могилевской губ.—104 р. 75 к., въ томъ числѣ: отъ В. Ольдерогге—10 р., Ермогена Сидовича—10 р. и отъ прочихъ—84 р. 75 к.; отъ управляющаго подольскою контрольною палатою—1 р.; директора 2-й московской гимназiи — 138 р. 61¼ к.; инспектора харьковскаго института—84 р., въ томъ числѣ: отъ Г. С. Рандовскаго—10 р. и отъ прочихъ—74 р.; курляндскаго губернатора — 36 р., въ томъ числѣ: отъ П. Лиліенфельда — 25 р. и отъ прочихъ — 11 р., директора училищъ нижегородской губ.—16 р. 55½ к.; директора 4-й московской гимназiи—120 р., председателя енисейской казенной палаты—103 р. 30 к.; въ томъ числѣ: отъ Виктора Данилова—10 р. и отъ прочихъ—93 р. 30 коп.; директора училищъ Иркутской губ.—17 р. 50 к.; директора 1-й казанской гимназiи—16 р.; директора 6-й с.-петербургской гимназiи—12 р. 90 к.; управляющаго с.-петербургскою сухопутною таможенною—28 р. 50 к.; въ томъ числѣ: К. Д. Мессъ—10 р. и отъ прочихъ—18 р. 50 к.; инспектора солецкихъ педагогическихъ курсовъ—10 р. 42½ к.; управляющаго акцизными сборами Мѣнской губ.—139 руб. 16 к.; управляющаго ковенскою контрольною палатою—7 р.; директора виленскихъ училищъ—9 р. 30 к.; инспектора гомельской гимназiи—18 р.; директора училищъ Архангельской губ.—20 р. 80 к.; инспектора петровской мужской гимназiи—32 р. Отъ барона А. Л. Штиглица—500 р.; И. С. Тургенева—100 руб.; гр. Ю. И. Стенбока—10 руб.; Н. Н. Тютчева—10 р.; отъ служащихъ въ департаментѣ удѣловъ—75 р.; отъ неименованнаго — 10 р.; гр. Э. Т. Баранова—25 руб.; Я. А. Соловьева—10 руб.; А. П. Евреинова — 20 руб.; И. П. Лѣсникова—25 р.; М. Х. Рейтерна—25 руб.; М. П. Вонлярьскаго—10 р.; Г. П. Небольсина—10 руб.; П. Атрыганьева—25 руб.; П. А. Муханова—10 руб.; Н. В. Желѣзникова—10 руб.; А. О. Ишимовой — 5 руб.; А. В. Плетневой—10 руб.; И. И. Фундулеса — 50 руб.; А. И. Войцеховича—25 руб.; А. Е. Левшина — 25 руб.; — гр. К. И. Палена—25 руб.; Д. Н. Набокова—10 руб.; Н. Ж. Метлина — 5 руб.; кн. С. Н. Урусова — 10 р.; гр. П. А. Шувалова — 25 руб.; барона Б. А. Фредерикса—25 р.; И. П. Верпаховскаго—10 руб.; А. Н. Андреева—10 р.; отъ должностныхъ лицъ управленія с.-петербургскаго порта—71 руб. 85 к.; отъ служащихъ въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ—88 р. 85 к.; П. Бражникова — 25 руб.; отъ служащихъ въ департаментѣ окладныхъ сборовъ—41 р. 10 к.; отъ служащихъ въ департаментѣ государственнаго казначейства—25 р. 45 к.; разныхъ лицъ изъ гор. Варшавы—72 руб.; отъ служащихъ въ морскомъ министерствѣ—103 руб. 50 к.; отъ разныхъ лицъ—4 руб.; отъ В. Е. Энгельгардта—

30 р.; отъ преподавателей и воспитанниковъ Ларинской гимназій—26 руб. 85 к.; отъ воспитанниковъ с.-петербургской VI гимназій—18 р.; отъ П. И. Бартечева, пожертвованные разными лицами—56 р.; отъ редакціи С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, пожертвованные разными лицами—53 р. 50 к.; отъ разныхъ лицъ—5 р. 50 к.; отъ директора училищъ оренбургской гимназій—24 р.; отъ саратовскаго губернскаго воинскаго начальника—34 р. 13½ к.; отъ управляющаго акцизными сборами Уфимской и Оренбургской губерній—300 р.; въ томъ числѣ: отъ довѣреннаго г. Первушина, купца Сидорова—50 р., отъ неизвѣстнаго—10 р. 20 к., купца Н. Рытова—10 р., и отъ прочихъ лицъ менѣе крупными пожертвованіями—229 р. 80 к.; отъ предсѣдателя калужскаго окружнаго суда—50 р.; въ томъ числѣ: отъ Александра Цурикова—10 р. и отъ прочихъ—40 р.; отъ начальника вѣлѣцкой учебной дирекціи—22 р. 3¼ к.; отъ инспектора Холмской гимназій—15 р. 50 к.; отъ инспектора Бѣльскаго классической гимназій—8 р.; отъ Н. В. Сушкова 144 р., въ томъ числѣ: отъ Н. В. Сушкова—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ Е. Тютчевой—10 р., отъ вн. Н. П. Мещерскаго—100 р. и отъ прочихъ 14 р.; отъ В. Н. Исакова—15 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Рязанской губерній—150 р.; въ томъ числѣ: отъ А. Ральгина—25 р., и отъ прочихъ—125 р.; отъ управляющаго варшавскою казенною палатою—143 р. 99¾ к.; отъ управляющаго новгородскою казенною палатою—192 р. 66¼ к.; отъ начальника артиллеріи финляндскаго военнаго округа—25 р. 19¾ к.; отъ управляющаго ковенскою казенною палатою—72 руб. 25 к.; въ томъ числѣ: отъ Ивана Гоферберга—10 р. и отъ прочихъ—62 р. 25 к.; отъ директора училищъ Минской губерній—11 р. 90 к.; отъ управляющаго курскою контрольною палатою—7 р.; отъ директора строительнаго училища—15 р. 61 к.; отъ управляющаго уфимскою контрольною палатою—11 р. 50 к.; отъ калужскаго губернскаго воинскаго начальника—37 руб. 15 к.; отъ управляющаго екатеринбургскою контроною государственнаго банка—12 р. 85 к.; отъ управляющаго акцизными сборами Орловской губерній—201 р. 21 к.; въ томъ числѣ: отъ Кричевскаго—10 р., отъ П. А. Рыхманова—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р. и отъ прочихъ—171 р. 21 коп.; отъ директора реформатскаго училища въ С.-Петербургѣ—82 р. 1 к.; отъ начальника юрбургскаго таможеннаго округа—71 р. 25 к.; отъ Х. Х. Мейена—500 р.; въ томъ числѣ: отъ Китсона и Райля—10 р., отъ Лузина—10 р., отъ неизвѣстнаго—25 р., отъ Беланже—25 р., отъ Родионова—10 р., отъ Найденова—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р. и отъ прочихъ 380 руб.; отъ предсѣдателя совѣта Главнаго Общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ—91 р. 17 к.; въ томъ числѣ: отъ Н. Ф. Кенига—25 руб. и отъ прочихъ—66 р. 17 к.; отъ вн. Е. А. Ухтомскаго—81 р. 75 к.; въ томъ числѣ: отъ вн. Е. Ухтомскаго—25 р., отъ А. А.—25 р., отъ Ат.—12 р. и отъ прочихъ—19 р. 75 к.; отъ волынскаго губернскаго воинскаго начальника—45 р. 60 к.; отъ инспектора сѣдлецкой гимназій—20 р.; отъ директора училищъ Харьковской губерній—69 р. 62 к.; отъ управляющаго вятскою казенною палатою—110 р. 74¼ к.; отъ директора училищъ Казанской губерній—43 р. 71 к.; отъ александропольскаго коменданта—15 р.; отъ начальника Эстляндской губерній—93 руб.; въ томъ числѣ: отъ Г. Гильде—10 р., отъ К. Гильде—10 р. и отъ прочихъ—73 руб.; отъ директора училищъ Могилевской губерній—41 руб. 25 коп.; отъ упра-

вляющаго подольскою казенною палатою — 72 р. 86½ к.; отъ директора Петропавловскаго училища — 114 р.; отъ начальника канцеляріи военнаго министерства — 74 руб.; отъ инспектора классовъ керченскаго Кушниковскаго института — 25 руб.; отъ барона Емілія Николаевича Дельвига — 111 руб., въ томъ числѣ: отъ бар. А. Дельвига — 25 руб., отъ К. Н. Посыета — 25 руб., отъ К. В. Чевкина — 25 руб., отъ Духовскаго — 10 р., отъ А. Викулина — 15 р. и отъ прочихъ — 11 р.; отъ В. М. Бостанжогло — 289 р.; въ томъ числѣ: отъ В. М. Бостанжогло — 25 р., отъ И. А. Львова — 10 р., отъ А. И. Морозова — 10 р., отъ А. А. Челнокова — 25 р., отъ неизвѣстнаго — 10 р., отъ Лисицына — 25 р. и отъ прочихъ — 184 р.; отъ директора горнаго департамента — 37 р. 65 к.; отъ инспектора лодзинскаго ремесленнаго училища — 18 р. 31 к.; въ томъ числѣ: отъ А. Вилькинсъ — 10 р. и отъ прочихъ — 8 р. 31 коп.; отъ управляющаго финансами Царства Польскаго — 50 р.; въ томъ числѣ: отъ Н. А. Иванова — 20 р. и отъ прочихъ — 30 руб.; отъ управляющаго волынскою контрольною палатою — 18 р. 5 к.; отъ директора училищъ Вологодской губерніи — 44 руб. 90 к.; отъ инспектора классовъ оренбургскаго Николаевскаго двѣвчьяго Института — 25 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Ковенской губ. — 72 р. 10 к.; отъ саратов. губернатора — 61 р. 34 к.

II. При особыхъ объявленіяхъ.

Отъ П. П. Стремоухова 82 р.; отъ тверскаго губернатора 10 р. 70 к.; отъ старшаго учителя вознесенско-посадскаго училища Владимірской губ. 44 р. 42 к.; командира арсеналовъ въ р. Динабургъ 1 р.; попечителя взынковской женской прогимназіи 7 р.; изъ Нейво-Шайтанскаго завода 12 р.; директора владимірской гимназіи 19 р.; смотрителя ефремовскихъ училищъ 4 р.; начальницы переяславскаго женскаго училища 9 р.; Данилевскаго 3 р.; горбатовскаго уѣзднаго казначейства 17 р. 62 к.; начальника динабургской военно-исправительной роты 2 р. 80 к.; командира 13-го уланскаго владимірскаго Е. И. В. В. К. Михайла Николаевича полка 2 р.; командира 4-й батареи 29-й артиллерійской бригады 1 р. 84 к.; командира складовъ артиллерійскаго имущества въ г. Вильнѣ 3 р. 86 к.; смотрителя суздальскаго уѣзднаго училища 6 р. 53 к.; начальника рижской артиллерійской команды 8 руб.; начальника рижской военно-исправительной роты 6 руб.; неизвѣстнаго 22 руб.; Х. Х. Мейена 500 руб.; командира 62-го пѣхотнаго суздальскаго полка 7 руб. 54½ коп.; начальника рижской инженерной дистанціи 3 руб.; командира 4-го сапернаго батальона — 5 р.; командира тульскаго губернскаго батальона — 2 р. 46 к.; окружнаго надзирателя подольско-бессарабскаго акцизнаго управленія — 1 р.; начальника вилькомірской уѣздной команды — 1 р.; старшаго помощника надзирателя X-го округа подольско-бессарабскаго акцизнаго управленія — 25 р.; тверскаго губернатора — 12 р. 5 к.; начальника поневѣжской уѣздной команды — 2 р.; воинскихъ чиновъ лифляндскихъ уѣздныхъ командъ — 12 р. 45½ к.; командира 2-й батареи 16-й арт. бригады — 12 р.; командира бобруйскаго крѣпостнаго полка — 3 р. 49 к.; управляющаго пермскими акцизными сборами — 454 руб. 57 коп.; начальника ковенской инженерной дистанціи — 7 р.; начальника ковенской сборной команды — 70 к.; брестъ-литовскаго коменданта — 3 р.; командира 61-го пѣхотнаго владимірскаго полка — 3 р. 5 к.; штатнаго смотрителя ниже-дѣвизскаго уѣзднаго училища — 4 р.; лифляндскаго

губернскаго воинскаго начальника—6 р. 24 к.; начальника виленской инженерной дистанціи—10 р.; командира 105-го пѣхотнаго оренбургскаго полка—2 р. 97 к.; надзирателя X-го округа подольско-бессарабскаго акцизнаго управленія—14 р. 10 к.; начальника ново-александровской уѣздной команды—1 р. 30 к.; П. Н. Стремоухова—103 р.; начальника росіенской уѣздной команды—2 руб. 65 коп.; командира 27-й артиллерійской бригады—5 р.; директора пермской военной прогимназіи—12 р.; надзирателя 7-го округа подольско-бессарабскаго акцизнаго управленія—7 р.; управляющаго почтовою частью въ нижегородской губерніи—18 р. 85 к.; витебскаго губернскаго воинскаго начальника 30 к.; командира динаминдской крѣпостной артиллеріи—3 рубля.; отъ начальника динабургскаго инженернаго управленія—4 р.; директора вольской военной прогимназіи—10 р.; инспектора народныхъ училищъ Владимірской губ.—1 р. 50 к.; отъ директора елисаветградской военной прогимназіи—13 р. 10 к.; командира 97-го пѣхотнаго лифляндскаго полка—6 р. 68½ к.; инспектора народныхъ училищъ Ярославской губ.—43 р.; директора училищъ С.-Петербургской губ.—35 р.; витебскаго губернскаго воинскаго начальника—50 к.; командира ковенскаго губернскаго баталіона—2 р. 12 коп.; командира 101-го пѣхотнаго пермскаго полка—14 р.; командира 25-й артиллерійской бригады—3 р.; старшины никульскаго волостного правленія, Владимірской губ.—6 р.; казначея еодоссійскаго уѣзднаго казначейства—12 руб. 87 коп.; казначея Перекопскаго уѣзднаго казначейства—6 р. 93 к.; П. Н. Стремоухова—49 р. 72 к. (170 франковъ); директора училищъ Тверской губ.—8 р.; отъ симбирскаго губернскаго воинскаго начальника—5 р. 94 к.; отъ смотрителя владимірскихъ училищъ—3 р.; отъ П. Н. Ольшева—40 р. 50 коп.; отъ управляющаго харьковскою конторою Государственнаго Банка—134 р. 50 коп.; отъ волынскаго губернскаго воинскаго начальника—10 р. 70 к.; отъ смотрителя быховскаго уѣзднаго училища—2 р. 60 коп.; отъ олонецкаго губернскаго воинскаго начальника—9 р. 28 к.; отъ штатнаго смотрителя рогачевскаго уѣзднаго училища—3 р. 90 к.; отъ командира фейерверкскаго школы въ гор. Вильнѣ—1 р. 50 коп.; отъ директора училищъ Владимірской губерніи—31 р. 93 к.

Всего отъ апрѣля по 1-е декабря собрано—14,923 р. 70 к.

М. СТАСЮЛѢВИЧЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — XXXIII-й ТОМЪ.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1872.

Книга первая. — Январь.

	Стр.
ВѢШНЯЯ ВОДЪ. — Повѣсть. — ИВ. С. ТУРГЕНЕВА	5
ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГІИ. — I-II. — К. Д. КАВЕЛИНА	180
ЧТО СЪ НЕЙ? — Стих. Я. П. ПОЛОНСКАГО	170
МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ МАСОНСКИХЪ ЛОЖЪ. — I. Розенкрейцеры. — II. Авиньонское Общество «Новаго Израїля». — А. Н. ПЫПИНА	174
ОВЪ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ОБУЧЕНІЯ ВЪ РОССІИ. — Бар. Н. А. КОРФА	216
ЖЕЛЕЗНЫЯ ДОРОГИ, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ЭКОНОМІИ. — Ю. Г. ЖУКОВСКАГО	245
ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ. — 1861-1871. Статья девятая. — Законъ о печати и провинціальная печать. — Г.	296
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРАЖЕНІЕ. — Московская печать о судебной реформѣ. — Вторая сессія финляндскаго сейма и предстоящіе ей труды. — Новость въ дѣлѣ начальнаго образованія. — Льготная отмѣна адресныхъ билетовъ. — Новыя постановленія о почтѣ. — Новое училище рабочихъ и ихъ дѣтей. — Женское первоурядное училище Н. И. Захаровой и его учебный планъ.	328
ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ НОВОЙ ИНСТРУКЦІИ ИНСПЕКТОРАМЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ. — Т. Иностранное Овозраженіе. — Возобновленіе сессіи во фракціи. — Посланіе президента. — Орлеанскіе принцы. — Законъ объ арміи. — Законъ объ ученіи. — Бюджетъ. — Закрытіе германскаго и открытіе прусскаго сеймовъ. — Уменьшеніе налоговъ. — Циркуляръ графа Андраши. — Выборы въ Австріи. — Открытіе австрійскаго рейхсрата. — Первая сессія итальянскаго парламента въ Римѣ. — Бюджетъ министра Селли. — Новое министерство въ Испаніи. — Открытіе сессіи сѣверо-американскаго конгресса.	347
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ. — Итальянскіе реакціонеры и клерикалы. — D. G.	354
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Тьеръ и Національное собраніе. — Н.	374
НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Литература мемуаровъ. — Деятнадцатый вѣкъ. — Историческій сборникъ, издаваемый П. Бартевемъ. Книга первая.	385
НОВЫЯ КНИГИ. — Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ, въ переводахъ русскихъ писателей, Н. В. Гербеля. — Библіотека современныхъ писателей: Глѣбъ Успенскій — Разоренье; Нравы Растеряевой улицы; Очерки и Разказы. — Ал. — Русскій Календарь на 1872 годъ, А. Суворина — Техническій Календарь на 1872 г., Н. М. Вихеле. — Л—б—ъ.	402
ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ — Податная сила Новгородской губерніи. — М. ПРОКОФЬЕВА	409
ОБЪЯСНЕНІЕ. — По требованію министерства народн. просвѣщенія. — СООБЩЕНО	418
КОРОТКІЙ ОТВѢТЪ «МОСКОВСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ». — А.	422
ИЗВѢСТІЯ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: Заключеніе Комитета 11, 25 октября и 7 ноября, и Общее собраніе членовъ Общества 7 ноября	424
ОТЪ РЕДАКЦІИ. — Поправка къ некрологу Н. И. Тургенева	426
БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	429

Книга вторая. — Февраль.

✓ Сельское учение. — Стенная псалтырь. — А. И. ЛЕВИТОВА	431
✓ Задачи психологин. — Ш. V. — К. Д. КАВЕЛИНА	480
✓ Материалы для истории масонских ложъ. — III. Возрожденіе масонскихъ ложъ при имп. Александрѣ. — IV. Директоріальная ложа Владиміра и Великая провинціальная ложа. — А. Н. ПЫПИНА	561
Современная глушь. — Изъ воспоминаній мирового судьи. — I. Старые порядки и новый судъ. — II. Бабій вопросъ и бабій трудъ въ глуши. — III. Наше сельское духовенство. — В. Н. НАЗАРЬЕВА	604
Стихотворенія. — 1. Гроза. — 2. А. — вѣ. — 3. Сирени. — И. М. КОВАЛЕВСКАГО.	637
Восточная политика Германіи и оврусненіе. — I-III — М. Т. — ОВЪ.	640
✓ Золото. — Изъ Томаса Гула. — Л. М. Н.	695
Десять лѣтъ реформъ. — 1861-1871 гг. — Статья десятая. — Судебная реформа. — I. Общій взглядъ на реформу. — II. Общее раздѣленіе судебныхъ установленій и предѣлы ихъ власти. — Г.	696
Внутреннее Овозрѣніе. — Путешествіе г. Георгіевскаго по вопросу о реальныхъ училищахъ. — Различіе между Mittelschule и Realschule. — Мнѣніе г. Баха о проектѣ реальныхъ училищъ въ Россіи. — Актъ въ римской реальной гимназій. — Государственная роспись на 1872-й годъ и отсутствіе дефицита. — Очередная сессія петербургскаго земскаго собранія. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1870-й годъ. — Вопросъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ передъ частными лицами	734
Изъ судебного міра. — Посвящается «Московскимъ Вѣдомостямъ». — В. О.	763
Иностранное Овозрѣніе. — Двойное значеніе Тьера для Франціи. — Пренія о налогахъ. — Правительственный кризисъ. — Увольненіе прусскаго министра фонъ-Мюллера, и взглядъ на его дѣятельность. — Д-ръ Фалькъ. — Австрійское правительство, Галиція и Кровачія. — Англо-французскій торговый трактатъ. — Возмущеніе въ Индіи. — Дѣло «Элебеми». — Требованія Америки. — Распушеніе испанскихъ кортесовъ. — Отношеніе германской печати къ русскимъ дѣламъ	793
Корреспонденція изъ Берлина. — Конституція и самоуправленіе въ Пруссіи. — К.	815
Новѣйшая Литература. — Екатерина II, въ ея письмахъ. — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. — Томъ седьмой	837
Новыя Книги. — Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ, Ив. Кудебскаго. — Внучъ Обломова, Л. Ф. Привольскаго. — Русскіе и иностранные современные романсты, сост. и изд. В. Радищевымъ. — Изъ жизни. Педагогическія наблюденія, И. Бѣлова	846
Замѣтка. — Первые Археологическіе съѣзды въ Россіи и ихъ труды — Д.	854
Отвѣтъ на «Бранное посланіе» г. Погодина — Н. И. КОСТОМАРОВА	859
По поводу «Объясненія», сообщеннаго по требованію министерства народнаго просвѣщенія. — С.	864
Отъ редакціи. — Кому были написаны «Философическія письма» Чаадаева?	867
Извѣстія. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: За-сѣданія Комитета 22 ноября, 1 и 20 декабря. — II. О подпискѣ на памятникъ Пушкину по 1 декабря 1871 года.	868
Библиографическій Листокъ.	

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 80.

Въ январѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

СВОРНИКЪ Русскаго Историческаго Общества, т. VII. Спб. 1871. Ц. 3 р., вѣсов. за 4 ф.

ХЛѢБНИКОВЪ, Н. Общество и государство въ до-монгольскій періодъ Русской Исторіи. Спб. 1872. Ц. 2 р. 75 к., вѣсов. за 3 ф.

КЛЮЧЕВСКІЙ, В. Древне-русскаго житія святыхъ, какъ историческій очеркъ. Изслѣдованіи. М. 1871. Ц. 2 р., вѣсов. за 3 ф.

АКСАКОВЪ, А. Спиритуализмъ и наука. Опытныя изслѣдованія надъ психической силой Уильяма Крукса. Удачныя и неудачныя сеансы Д. Д. Юма съ англійскими и русскими учеными. Съ 16 чертежами. Спб. 1872.

ТРИ комедіи для спектаклей любителей. К. М. У. Спб. 1872.

РИДЪ, Чарльзъ. Роковое искушеніе. Спб. 1871. Ц.

ШАФРАНОВЪ, Н. С. Лѣсоохраненіе. Съ таблицей рисунковъ. Спб. 1872. Ц. 1 р. 30 к., вѣсов. за 2 ф.

ОБЗОРЪ царствованія государя императора Александра II и его реформъ 1855—1871. Спб. 1871. Ц. 75 к., вѣсов. за 2 ф.

ГАЛКИНЪ, Баронъ І. Господинъ Ловеласъ. Повѣсть. Ц. 1 р. 50 к., вѣсов. за 1 ф.

ДОСТОЕВСКІЙ, О. М. Вѣчный мужъ. Разказъ (Библіотека современныхъ писателей. Изд. А. О. Базунова). Спб. 1872. Ц. 1 р. 25 к., вѣсов. за 2 ф.

НАЧАЛО цивилизаціи и первобытное состояніе челоуѣка. Спб. 1871. Ц. 1 р. 25 к., вѣсов. за 2 ф.

КОВАЛЕВСКІЙ, Н. Изъ жизни. Новыя разказы и повѣсти. Вып. 2. Ц. 1 р., вѣсов. за 1 ф.

КЕНАНЪ, Дж. Кочевая жизнь въ Сибири, пер. Ад. Кондратьевой. Спб. 1872. Ц. 1 р. 25 к., вѣсов. за 3 ф.

СМАЙЛЬСЪ. Біографіи промышленныхъ дѣятелей. Перев. Н. Бѣлозерской. Спб. 1872. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

АНДРЕЕВЪ, В. Очерки изъ исторіи образованія и литературы въ Россіи. Въ приложеніи: Пансіонъ Скорнякова въ Москвѣ. Спб. 1872. 80 к., вѣсов. за 2 ф.

НАУКА О ЛЮБВИ. (Sienza nuova). Соч. Д. П. Спб. 1872. Ц. 1 р., вѣсов. за 1 ф.

Вѣстникъ Европ. — ФЕВРАЛЬ, 1872.

ЖУЛЕВЪ, Г. Н. Ба! Знакомыя все лица! Приемъ дебютанта (Скорбнаго Поэта). Спб. 1872. Ц. 1 р., вѣсов. за 1 ф.

МИНЬЕ. Жизнь Франклина, пер. съ франц. М. 1871. Ц. 65 к., вѣсов. за 1 ф.

ПРОИЗВОДСТВО минеральныхъ

водъ и шипучихъ напитковъ. М. 1871. Ц. 2 р., вѣсов. за 2 ф.

ТАРНОВСКІЙ, А. Жертва морали. Повѣсть въ двухъ частяхъ въ стихахъ. М. 1871. Ц. 2 р. вѣсов. за 2 ф.

ГРИНВУДЪ. Походженія Робина Дэвиджера, бывшаго въ плѣну у Даяковъ, на островѣ Борнео. Перев. съ англ. Е. Сисоевой. Спб. 1872. Ц.

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО И ПРАВО,

съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства. Опытъ политико-экономическаго анализа государственной и общественной дѣятельности. Григорія Симоненко. Томъ второй. Варшава. 1872. Цѣна 2 р., вѣсов. за 3 ф.

Краледворская рукопись

въ двухъ транскрипціяхъ текста съ предисловіемъ, словарями, частью грамматическою, примѣчаніями и приложениями. Трудъ Н. Некрасова. Спб. 1872. Цѣна 2 р., вѣсов. за 4 ф.

Записки Андрея Тимофеевича Волотова

1738—1794. Томъ второй, части VIII—XIV, 1760—1771 г. Спб. 1871. Ц. 3 р., вѣсов. за 4 ф.

То же, томъ первый. Ц. 3 р., вѣсов. за 4 ф.

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

О. А. ВАГАНОВА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

На Большой Садовой улицѣ, на углу Невского пр., рядомъ съ Императорской Публичной Библиотекой, д. Вагнера,

между прочими продаются слѣдующія книги:

АВРААМЪ ЛИНКОЛЬНЪ и великая борьба между Сѣверными и Южными Американскими Штатами въ 1861—65 г. Соч. Д-ра М. Ланге. 1 т. въ 474 стр., съ портр. А. Линкольна. Спб. Ц. 1 р. 50 к., на пер. за 2 ф.

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ. Соч. Флетчера, перев. съ англійс. 1 т. въ 427 стр., съ 11-ю планами. Спб. Ц. 1 р. 50 к., на пер. за 2 ф.

ОПИСАНІЕ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ въ 1828—29 г. Лукьяновича. 4 т., съ приложеніемъ 2 картъ и 19 плановъ. Спб. Ц. 5 р., на пер. за 5 ф.

СКАЗАНІЯ КНЯЗЯ КУРВСКАГО. Н. Г. Устрялова. 3-е исправ. и допол. изд. Больш. томъ, роскошно изданный, съ портрет. Царя Іоанна Грознаго и съ приложеніемъ родословной таблицы Князей Курбскихъ и плановъ взятія города Казани въ 1552 г. Спб. Ц. 3 р., на пер. за 3 ф.

СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННОКОВЪ О ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ. Н. Г. Устрялова. 3-е исправ. изд. 2 бол. тома, съ приложеніемъ: портретовъ Димитрія Самозванца и Марины Мнишекъ, снимковъ съ подписей Лжедмитрія 1-го, Лжедмитрія 2-го и Капитана Маржерета и большой карты Россіи XVII ст., составленной по чертежу Федора Борисовича Годунова. Въ означенномъ сочиненіи находятся сказанія современниковъ: Бѣра, Пьерле, Маржерета, Де-Ту, Маскевича и другихъ дневниковъ. Спб. Ц. за два тома 4 р., на пер. за 4 ф.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Устрялова. Томъ IV, въ двухъ большихъ книгахъ: „Битва подъ Нарвою и начало побѣды“, съ портретомъ Карла XII. Роскошное изданіе съ приложеніемъ отдѣльнаго большого атласа изъ картъ, снимковъ и плановъ; кромѣ того прилагается большой Эстампъ „Битва подъ Нарвою въ 1700 г.“. Спб. Ц. за 2 б. тома со всѣми приложеніями 5 р., на пер. за 8 ф.

ФИЗИОЛОГІЯ ТРИДЦАТИ КРАСОТЪ ЖЕНЩИНЫ, тѣлесныхъ и душевныхъ. Самостоятельность и самодѣятельность женщины. Соч. А. Дебѣ. 1 т. 238 стр. Спб. Ц. 1 р., на пер. за 1 ф.

ГИГИЕНИЧЕСКІЕ СОВѢТЫ для предохраненія организма отъ истощенія. Соч. А. Дебѣ. 1 т. 134 стр. Спб. Ц. 1 р., на пер. за 1 ф.

ПОЛОВОЕ ОТПРАВЛЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА. Анатомическое описаніе дѣтородныхъ органовъ и родовыхъ частей; физиологія половой жизни, зачатія и зарожденія, краткое изложеніе сущности сифилитической болѣзни и послѣдніе выводы о средствахъ, могущихъ предупреждать всякое сифилитическое зараженіе. Соч. Д-ра Реута, съ 24 литографированными рисунками. 1 т. 260 стр. Спб. Ц. 1 р. 25 к., на пер. за 2 ф.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИЛЪ и богатствъ Европейскихъ государствъ. Соч. М. Блюка. Переводъ съ франц. Второе изданіе. Одинъ томъ съ 27 таб. въ текстѣ и съ отдѣльнымъ большимъ атласомъ, состоящимъ изъ 13 хромофотографированныхъ картъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., на пер. за 3 ф.

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКАГО НАРОДА. Соч. Генриха Шмидта. Переведена съ польскаго и дополнена примѣчаніями Ю. Шрейера. Три тома. Спб. Ц. 5 р. 25 к., на пер. за 4 ф.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СѢВЕРЪ вдоль норвежскаго берега на Нордкапъ, островъ Янъ-Тайенъ и Исландію, д-мъ Г. Берна, въ сопровожденіи К. Фогта, Г. Гассельгорста, А. Грессли и А. Герцена, написанное К. Фогтомъ. Одинъ большой, роскошно изданный томъ, на лучшей веленовой бумагѣ, въ 417 стр., съ научными прибавленіями и со множествомъ картинъ и полиптижей, рѣзанныхъ на деревѣ, съ оригинальныхъ рисунковъ А. Гассельгорста. Въ коленкоровой тисненной папкѣ. Спб. Ц. 4 р., на пер. за 3 ф.

ЗАКАВКАЗСКИЙ КРАЙ. Замѣтки о семейной и общественной жизни и отношеніяхъ народовъ, обитающихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Сочиненіе барона Августа фонъ-Гакстгаузена. Два большіе тома, съ портретомъ Нарсеса, армянскаго патріарха. Спб. Ц. 3 р., на пер. за 3 ф.

ЛѢСНЫЯ ЖИВОТНЫЯ. Звѣри, птицы и пресмыкающіяся. Сочиненіе А. Брема и Е. Росмесслера. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Страхова. Роскошное изданіе на лучшей веленовой бумагѣ, съ 20 гравированными за-границей на стали картинами и съ 71 полиптижемъ, рѣзанными на деревѣ; рисовалъ Г. И. Циммерманъ, гравировали А. Крауссе, А. Нейманъ и А. Тлейхъ; рѣзали Аарландъ, Нилеръ и Вейдтъ. Большой томъ въ 8 д. листа, 790 стр. Спб. Ц. 6 р., на пер. за 6 ф.

РАСПОЗНАВАНІЕ ВЕНЕРИЧЕСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ у женщинъ и дѣтей, составлено В. Н. Тарновскимъ. Роскошное второе удешевленное изданіе, съ рисунками въ текстѣ и съ отдѣльнымъ большимъ атласомъ, состоящимъ изъ 15 литографированныхъ и раскрашенныхъ акварелью таблицъ, содержащихъ въ себѣ 35 изображеній сифилитической болѣзни; рисунки въ атласѣ сняты съ натуры и раскрашены художникомъ В. Я. Рейнгартомъ. Спб. Ц. 3 р., на пер. за 4 ф.

О ВЕНЕРИЧЕСКИХЪ БОЛѢЗНЯХЪ. Соч. проф. Видала, переводъ съ франц. П. Хлѣбникова. Бол. т. 672 стр. Спб. Ц. 2 р., на пер. за 3 ф.

МЕДИЦИНСКАЯ ДИАГНОСТИКА. Соч. проф. К. Бока, перев. съ нѣмец. Я. Гиршгорна. Два б. тома, съ рис. въ текстѣ. Спб. Ц. 3 р., на пер. за 4 ф.

Пережитое и Передуманное.

Воспоминанія Василія Кельсіева.

I. томъ 443 стр. Оглавленіе: Возвратъ, гл. I. Разочарованія. II. Въ Ястахъ. III. Возвращеніе. IV. Сдача. V. Арестантъ. VI. Въ острогѣ. VII. Арестованная особа. VIII. На волѣ. **Пережитое:** гл. I. Въ семьѣ и училищѣ. II. По выходѣ изъ училища. III. Запрещенныя книги. IV. Правдоискатели. V. Мудровъ. VI. Дунай. VII. Краснорѣзцевъ. VIII. Цивилизація и расколъ. IX. Смерть. Спб. Ц. 2 р., на пер. за 2 ф.

Заказы гг. иногородныхъ исполняются съ ксерною почтою.

Въ вышеозначенномъ магазинѣ можно получать, по удешевленной цѣнѣ, оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры

„ДѢЛО“,

ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Цѣна полному 1868 году, состоящему изъ 12 кн., 5 р.; на пер. за 12 ф.
„ „ 1869 „ „ 12 „ 6 „ на пер. за 15 ф.

Покупающіе означенные два года вмѣстѣ, платятъ 10 р. безъ перес.

Означенный журналъ содержитъ въ себѣ сочиненія слѣдующихъ авторовъ: Н. В. Шелгунова, С. С. Шашкова, Н. Флеровскаго, А. П. Шапова, В. О. Португальскаго, Семилюжинскаго, А. Михайлова, П. Ф. Важина, А. А. Слѣпцова, Ѳ. Рѣшетникова, А. Левитова, М. Воронова, М. В. Авдѣева, И. С. Куроченна, Д. Минаева, П. И. Вейнберга, Ф. Шпильгагена, Гер. Шмидта, Шатріана, В. Гюго, Х. Мармоля, Ж. Лефрени, Э. Реклю и проч.

Справочный энциклопедическій словарь, изданный подъ редакціею А. Старчевскаго. Тринадцать большихъ томовъ, съ буквы А. по послѣднюю букву V, содержащихъ въ себѣ полное собраніе свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знаній и наукъ. Спб. Цѣна вмѣсто 25 руб., назначается 13 руб., на пер. за 15 ф.

Царство насѣкомыхъ. Общепонятное чтеніе для всѣхъ сословій и возрастовъ. Сочиненіе Мишле. Съ рисунками въ текстѣ. Цѣна 75 к., на пер. за 1 ф.

Натуралистъ. Вѣстникъ естественныхъ наукъ и сельскаго хозяйства (приложеніе къ журналу «Учитель», 1864 г.). Большой томъ въ 440 стр., съ множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Спб. Цѣна 2 руб., на пер. за 3 ф.

BULLETIN

de la librairie de **CARL RICKER** (Münx.).

Perspective de Newsky, maison Maderni, 14.

- ANNUAIRE** des finances russes, par Vessélovsky 1871. — 3 r.
- ALBERT**, La littérature française des origines au XVII-me siècle. — 1 r. 60 c.
- AMBROS**, Bunte Blätter. Skizzen und Studien für Freunde der Musik und der bildenden Kunst. — 2 r. 25 c.
- CHAMPFLEURY**, Histoire de la caricature moderne. — 2 r.
- FAIDHERBE**, Collection complète des inscriptions numidiques. — 5 r. 70 c.
- FONTANE**, Aus den Tagen der Occupation. Eine Osterreise durch Nordfrankreich und Elsass-Lothringen 1870—71, 2 Bände. — 4 r. 50 c.
- GEDENKBUCH** zur hundertjährigen Gründung der Königlich Ungarischen Berg- und Forstakademie in Chemnitz 1770 bis 1870. — 3 r.
- GRASSE**, Guide de l'amateur de porcelaines et de poteries. III édition. — 2 r.
- HARTMANN**, Moritz, Der Krieg um den Wald. Eine Historie in 12 Kapiteln. — 1 r. 15 r.
- HASE**, Ideale und Irrthümer, Jugend-Erinnerungen. — 2 r. 50 c.
- HASSEL**, Von der dritten Armee. Kriegsgeschichtliche Skizzen aus dem Feldzuge von 1870—1871. — 7 r.
- HIPPEL**, Natur mit Gemüth. Beitrag zur Aesthetik der Pflanzenwelt. II Aufl. — 1 r. 50 c.
- HONEGGER**, Grundsteine einer allgemeinen Culturgeschichte der neuesten Zeit. III Band. 1 et 2 Theil. — 9 r.
- LACROIX**, Mœurs, usages et costumes au moyen âge et à l'époque de la renaissance. II édition. — 12 r. 80 c.
- , Les arts au moyen âge et à l'époque de la renaissance. III édition. — 12 r. 80 c.
- LANGHAUS**, Das musikalische Urtheil und seine Ausbildung durch die Erziehung. — 50 c.

- LOPEZ**, Les races aryennes du Pérou, leur langue, leur religion, leur histoire. — 6 r.
- MEMOIRS** of the life and times of Lord Brougham. Written by himself vol. III. — 8 r. 80 c.
- MEYER**, Les derniers Troubadours de la Provence. — 3 r. 60 c.
- ROQUETTE**, Geschichte der deutschen Dichtung von den ältesten Denkmälern bis auf die Neuzeit. II Aufl. 1-te Lief. — 90 c.
- ROSSEL**, Abrégé de l'art de la guerre. — 1 r. 20 c.
- ROTHER**, Stille Stunden. Aphorismen. — 1 r. 80 c.
- RUEPPEL**, Lehrbuch der Befestigungskunst als Leitfaden zur Vorbereitung für das Officier-Examen. III Aufl. von Schotte. — 3 r.
- SAECKEL**, Ulrich von Hutten's ausgewählte Gespräche und Briefe, übersetzt und mit Einleitungen versehen. — 75 c.
- SUGENHEIM**, Aufsätze und biographische Skizzen zur französischen Geschichte. — 2 r. 25 c.
- VIVENOT**, Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut, Oesterreichischen Ministers des Aeussern. 2 Bände. — 10 r.
- WAHLBERG**, Criminalistische und nationalökonomische Gesichtspunkte. — 1 r. 50 c.
- WESTPHAL**, Elemente des musikalischen Rhythmus mit besonderer Rücksicht auf unsere Opern-Musik. I Band. — 4 r.
- WARTENSLEBEN**, Die Operationen der Süd-Armee im Januar und Februar 1871. — 1 r. 20 c.
- WOLTMANN** und **MEYER**, Deutschlands Kunstschatze. Eine Sammlung der hervorragendsten Bilder der Berliner, Dresdener, Münchener, Wiener, Casseler und Braunschweiger Galerien. Mit erläuterndem Text von Ad. Göring etc. I Band. gb. — 12 r.
- ZETTEL**, Aus der Urzeit. Bilder aus der Schöpfungsgeschichte. — 1 r. 20 c.

ВЪ СКАДЪ ВРЕМЕННОЙ КОМИССИИ,

для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденной при
Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторствѣ
находящаяся въ продажѣ:

I. ПАМЯТНИКИ, томъ IV-й, 1839 года. Ц. 2 р.

II. ЛѢТОПИСЬ С. ВЕЛИЧКА, т. IV-й, 1864. Ц. 1 р. 25 к.

III. АРХИВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ:

ЧАСТИ I-й ТОМЪ I-й. Акты, относящіеся къ исторіи православной церкви въ Юго-Западной Россіи, 1859 г., стр. LXXVII и 554. Ц. 2 р.

— — ТОМЪ II-й. Матеріалы для исторіи православія въ Западной Украинѣ въ XVIII ст.—Архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій.—1864 г., стр. CCXIII и 683.

— — ТОМЪ III-й, составляющій продолженіе II-го тома. Оба тома продаются вмѣстѣ, болѣе ста печ. листовъ, Ц. 3 р.

ЧАСТИ II-й ТОМЪ I-й. Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ Юго-Западной Россіи, 1861 г., стр. LXVI и 530. Ц. 2 р.

ЧАСТИ III-й ТОМЪ I-й. Акты о козакахъ, 1863 г., стр. CXX и 433. Ц. 2 р.

— — ТОМЪ II-й. Акты о козакахъ, 1868, стр. CXCVII, 923. Ц. 2 р. 50 к.

ЧАСТИ IV-й ТОМЪ I-й. Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ Юго-Западной Россіи, 1867 г., стр. LV, 62 и 460. Ц. 2 р.

ЧАСТИ V ТОМЪ I-й. Акты о городахъ, 1869, стр. 94 и 636. Ц. 2 р.

ЧАСТИ VI ТОМЪ II-й. Общъ экономическомъ и юридическомъ бытѣ крестьянъ XVIII в., 1870 г., стр. 552, Ц. 2 р.

Поступилъ въ продажу:

ЧАСТИ I-й ТОМЪ IV-й. Акты объ Уніи и состояніи православной церкви съ половины XVII-го в. (1648—1798 гг.). 1871. Стр. 746. Ц. 2 р.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ:

1) ЧАСТИ VI ТОМЪ I-й и приложеніе къ нему. Акты, относящіеся къ исторіи крестьянства XV—XVIII в. Ц. 4 р.

2) ЧАСТИ III-й ТОМЪ III-й. Акты о гайдамачинѣ въ XVIII в. Ц. 2 р.

Приготавливаются къ печати:

1) ЧАСТИ I ТОМЪ V. Акты, относящіеся къ исторіи Іезуитовъ въ Юго-Западной Россіи XVII—XVIII в. Ц. 2 р.

2) ЧАСТИ I ТОМЪ VI. Акты, относящіеся къ соединенію Кіевской Митрополіи съ Московскимъ Патріархатомъ въ XVII в. Ц. 2 р.

3) ЧАСТИ VII ТОМЪ I. Акты, относящіеся къ исторіи евреевъ въ Юго-Западной Россіи XVI—XVIII в. Ц. 2 р.

Складъ помѣщается въ Кіевѣ на Мало-Владимірской улицѣ
въ домѣ Вязьмина.

Военная Библиотека. Томъ седьмой. Спб. 1871.

Ц. за 14 том. съ атласомъ 16 руб.

Въ настоящемъ выпускѣ этого спеціальнаго изданія, лекцій ген.-м. Леера о войнѣ 1870 г. между Франціею и Германіею займутъ собою безъ сомнѣнія всякаго вообще образованнаго читателя, такъ какъ профессоръ ввелъ и политическій элементъ для объясненія причинъ побѣды однихъ и 패зій другихъ. По мнѣнію г. Леера, въ наше время, великіе полководцы, эта счастливая случайность, на которую разчитывалъ нельзя, должны быть замѣнены великими военными системами, сознаніе которыхъ можетъ быть уже результатомъ человѣческихъ усилій; по опыту, великая военная система можетъ родиться только тамъ, гдѣ существуетъ широкая государственная система, стремящаяся къ простѣнцію массъ и неограничивающаяся тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ общества, по приводимому авторомъ выраженію Штейна, «*lakierter Staub*», — лакированную пыль.

Лекція Судебной Медицины и общественной гигиены, изд. Мед. Деп. 1871. № 4, декабрь.

Мы такъ часто и много говорили о великой пользѣ этого бесспорно лучшаго періодическаго изданія, предпринятаго самимъ правительствомъ, что цѣль надобности распространяться теперь о вредѣ, какой приносится закрытіемъ подобныхъ изданій. Помимо служенія медикамъ, удаленнымъ отъ центровъ научныхъ средствъ, этотъ журналъ содѣйствовалъ къ распространенію отчужденности, находящагося у насъ еще въ колыбели. Если въ вопросахъ отчужденнаго журнала приходилось чаще знакомить читателей съ существующими у насъ зломъ и недостатками, то надобно сознаться, что, въ сожалѣнію, прекращеніе журнала не будетъ вмѣстѣ и прекращеніемъ тѣхъ зловъ и недостатковъ, — напротивъ. Достаточно протестъ загнать хотя нѣкоторыхъ статей послѣдней книги «Архива», чтобы согласиться съ нами: «Подвальныя жилища въ Петербургѣ»; «Народныя кухни въ Берлинѣ»; «Санитарно-полицейскія мѣры при обширныхъ неурожаяхъ и дороговизнѣ»; «Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія Петербурга въ 1870 году» и т. д. Распространеніе такихъ положительныхъ свѣдѣній и опытовъ чужихъ странъ или другого времени стоило правительству ежегодно 10 т. р.; но трудно и вычислить, чего можетъ стоить и дѣйствительно стоитъ намъ похоть-часть недостатки свѣдѣній и наша неприготовленность къ борьбѣ съ тою или другою повальною болѣзнію, когда такъ часто приходится, по пословицѣ, — на охоту ѣхать, собакъ корчить. Мы содержимъ, и весьма основательно, постоянныя арміи на случай борьбы съ вѣтхимъ прагомъ; это же необходимо дѣлать и противъ внутренняго врага: голода, дурное устройство домовъ, холера, стюгъ жароты, какъ и война; а постоянною арміею служатъ тутъ именно затраты на распространеніе въ общественныя дѣлательхъ и въ обществѣ здравыхъ понятій и опытности.

Зодній. Журналъ, издаваемый Спб. Обществомъ архитекторовъ. Ежемѣсячное изданіе. № 1, январь. 1872. Полный годъ — 10 руб.

Намъ во всемъ недостаетъ школы послѣ школы, соединенія трудящихся надъ какою ни-

будь спеціальностью въ корпорацію съ цѣль взаимнаго обмѣна идей, съ научною цѣлью. Впрочемъ, составленіе такихъ полезныхъ корпорацій или обществъ встрѣчается для себя и не малъ затрудненій; но крайней мѣрѣ, Спб. Обществъ архитекторовъ, задуманное еще въ 1862 годъ получило окончательное утвержденіе своего устава въ концѣ 1870 года, а теперь открывается свой дѣятельности. Въ наше время, когда человѣческіе жилища должны удовлетворить не барской прхоти или цѣлымъ простой наживы и спекуляціи а комфорту, дешезизѣ и требованіямъ гигиены основаніе подобнаго Общества, которое руководило бы вопросами архитектуры, какъ вели болѣе кстаи, и новый его органъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія публики, интересы котораго тѣсно связаны съ дальнѣйшими успѣхами это Общества.

Сказки Кота-Мурышки, собранныя Николаемъ Вагнеръ (?). Изданіе Стасовой и Трубиной. Спб. 1872. Стр. 420. Ц. 2 р.

Сказка, древнее убѣжище правды, и до сих поръ не перестаетъ служить ей вѣрнымъ и ещѣ недоступнымъ помѣщеніемъ. Всегда нужно было много времени для того, чтобы правда изъ сна переселилась въ жизнь: многое изъ осуществленнаго нами теперь жило когда-то въ области сновъ, и то, что сегодня хорошо только въ сказкѣ еще быть можетъ, не скоро сдѣлается былью; даромъ и пословица говорить: «скоро сказъ сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.» И все же заслуга сказки — будить и направлять твою ещѣ дѣятельность человѣческихъ массъ къ безконечному самоусовершенствованію. Такою цѣль и пятидесяти сказокъ аллегорическаго «Кота Мурышки», обращенныхъ, по его словамъ, только къ малымъ дѣтямъ, среди которыхъ и старому сердцу было тепло и пріятно, но и «дѣтямъ въ общемъ ростѣ того ребенка, котораго зовутъ челоѣчествомъ, ребенка съ уродливо тяжелой головою, которая постоянно перевѣшиваетъ его вивъ.» Такой уровень этихъ сказокъ который соединяютъ въ себѣ удачу вымысла, содержаніемъ весьма разнообразнымъ и полнымъ смысла для сколько нибудь развитаго читателя

Древнегреческія житія святыхъ, какъ историческіе источники. Изслѣдованіе В. Ключевскаго. Изд. К. Солдатенкова. М. 1871. Стр. 465. Ц. 2

Какъ замѣняли монастыри, такъ и наши, періодъ среднихъ вѣковъ служилъ фундаментомъ новой цивилизаціи: потому исторія этихъ монастырей, особенно на Западѣ, составляетъ важную отдѣлу въ общей исторіи, и жизнеописанія ихъ обитателей и подвизавшихся служить преходимымъ источникомъ для изученія нравовъ тѣхъ эпохи, бѣдной вообще на историческія памятники. Впрочемъ, нашъ авторъ, въ виду новизны дѣла, ограничился въ своемъ трудѣ одною первоначальною очисткою матеріала, и то только отношеніи сѣверо-восточныхъ монастырей, не исключая кіевскихъ. Но именно этимъ приемомъ онъ оказалъ большую услугу науцѣ, облегчивъ посѣдующихъ историковъ нашей древней цивилизаціи

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1872 - мѣ году:

1.—ПОДПИСКА принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—15 руб.; 2) *съ доставкой на домъ въ Сиб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. мн. Н. Г. Соловьева*—15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ*—16 р. 50 к., и, исключая оныхъ, мѣстахъ:

а) **Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ**, желающіе получать журналъ съ доставкой или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, выданный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просить представлять свой адресъ писемно, а не диктовать его, что бываеъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ съ книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) **Городскіе подписчики въ Москвѣ**, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ Н. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе же получать по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) **Изгородские подписчики** обращаются: 1) *по почтѣ*—исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамилии и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернской и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обратиться сами за полученіемъ книгъ;—2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Сиб.,—въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) **Иностраные подписчики**: 1) *по почтѣ*—прямо въ Редакцію, какъ и изгородские; 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Сиб.,—въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляры съ пересылкою: Австрія и Германія—18 руб.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія Княжества—19 руб.; Франція и Далія—20 руб.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—21 руб.; Швейцарія—22 руб.; Италия—23 рубля.

Примѣчаніе.—«Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для изгородскихъ и иностранныхъ—въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ тратовъ. Журналъ доставляется на почту, для изгородскихъ, съ адресомъ подписчика, въ особ. обложкѣ и съ двойною баннеролью, бумажною и веревочною.

2.—**ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поступить до сдачи книгъ въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

Примѣчаніе.—По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ изгородские, прилагаютъ 1 р. 50 к., а изгородские—въ городскіе 50 коп.

3.—**ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно спроситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отъ нея послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправлена никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерія, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій протокъ, 30.

FEB 25 1953

